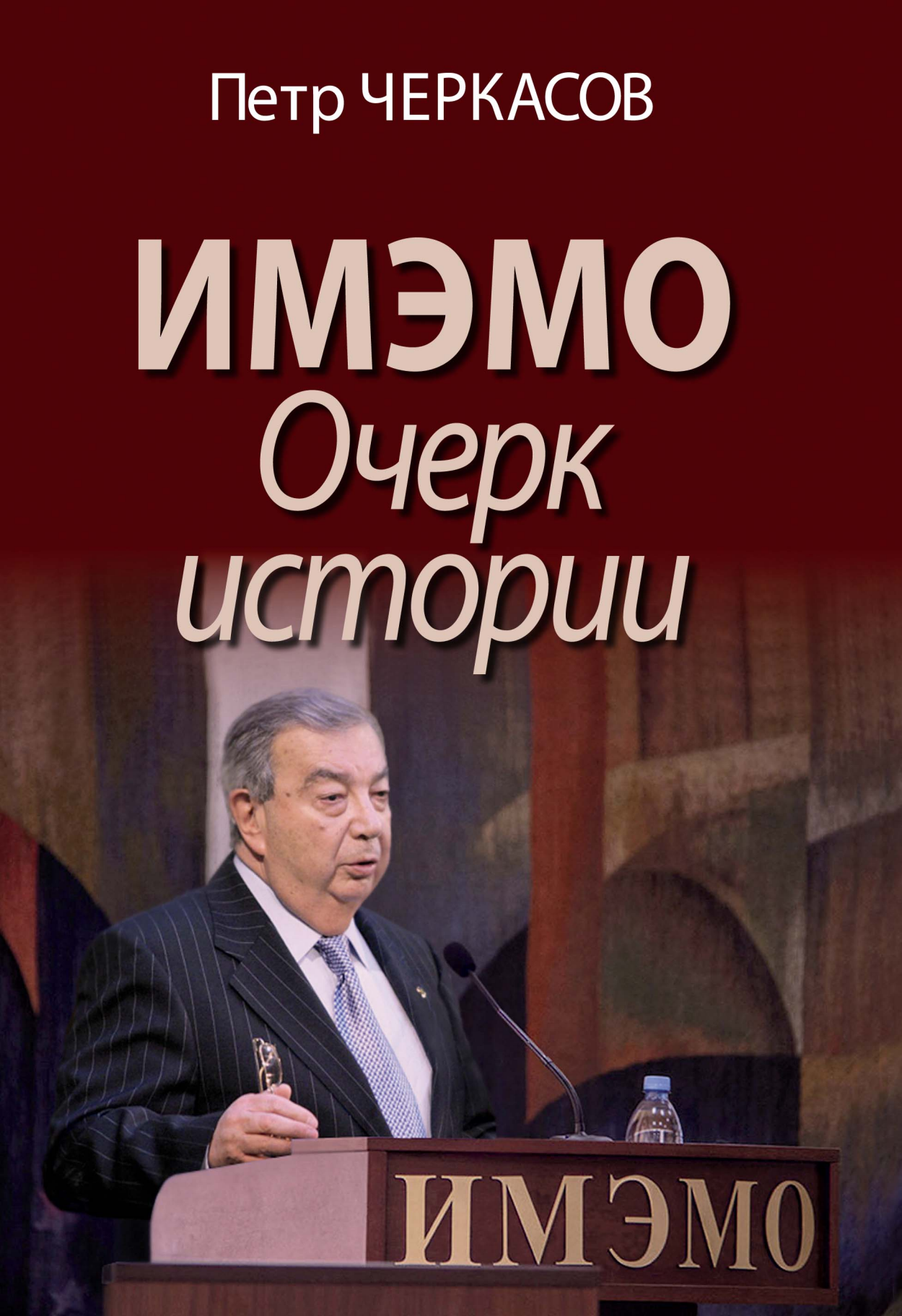
Петр ЧЕРКАСОВ

ИМЭМО

Очерк истории



Национальный исследовательский институт
мировой экономики
и международных отношений
имени Е.М. Примакова
Российской академии наук

Primakov
National Research Institute
of World Economy
and International Relations
Russian Academy of Sciences

ВЕСЬ
МИР

Petr CHERKASOV

Essay on IMEMO History

Izdatelstvo «VES MIR»
Moscow
2016

Петр ЧЕРКАСОВ

ИМЭМО
Очерк истории

Издательство «ВЕСЬ МИР»
Москва
2016

УДК 001.89-061.6
ББК 72.4(2)
Ч 48

Издание осуществлено при финансовой поддержке
ОАО «НОВАТЭК»

Черкасов П.П.
Ч 48 **ИМЭМО. Очерк истории** / П.П. Черкасов. — М.: Издательство «Весь Мир», 2016. — 872 с.+ илл.

ISBN 978-5-7777-0631-7

В книге воссоздана история Института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова (ИМЭМО РАН) с момента его основания в 1956 г. до 2000 г. Созданный в на волне XX съезда КПСС, ИМЭМО на протяжении трех с половиной десятилетий был ведущим в СССР «мозговым центром» по изучению экономических и политических проблем современного мира, обеспечивая соответствующими научными разработками высшее советское руководство. Автор рисует своеобразный портрет этого крупного научного центра на фоне хрущевской «оттепели», брежневского «застоя», горбачевской перестройки и демократических преобразований 1990-х годов, показывает его место и роль в советской и постсоветской политических системах, вскрывает причины, по которым многие исходившие из ИМЭМО рекомендации по вопросам экономического развития СССР/России, внешней и оборонной политики так и не были реализованы.

Книга выходит за рамки собственно «ведомственной» истории. В ней, на примере ИМЭМО, раскрывается место и роль гуманитарной академической науки в советской политической системе, исследуется важная проблема взаимоотношений интеллигенции и власти в СССР и в постсоветской России.

УДК 001.89-061.6
ББК 72.4(2) Ч 48

Отпечатано в России

ISBN 978-5-7777-0631-7

© Черкасов П.П., 2016
© «Весь Мир», 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора 9

Глава 1. **ГИБЕЛЬ ИНСТИТУТА ВАРГИ, ИЛИ ПОЧЕМУ БЫЛ ЗАКРЫТ ИНСТИТУТ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ (1947)** 21
- Сталин и Варга 21
- Опала 37
- «Новый курс» Сталина и начало холодной войны 44
- Против «буржуазного реформизма» и «безродного космополитизма» 55
- «Экономические проблемы социализма в СССР» 69

Глава 2. **КАК СОЗДАВАЛСЯ ИМЭМО** 74
- Начало оттепели 74
- Микоян и Арзуманян 83
- «Дитя» XX съезда 90
- «Кадры решают все» 99
- Журнал «МЭ и МО» и его главный редактор 117

Глава 3. **ИНСТИТУТ АРЗУМАНЯНА (1956–1965)** 130
- Первые шаги 130
- Первые результаты 142
- «Догнать и перегнать...» 157
- «В свете исторических решений...» 163
- Академик-секретарь 167
- ИМЭМО в 1963–1964 годы 173
- Стиль Арзуманяна 181

Глава 4. **ИНОЗЕМЦЕВ И ЕГО КОМАНДА** 189
Между реформами и контрреформами 189
«Я добьюсь своего места в жизни...» 198
Команда 218

Глава 5. **ИНСТИТУТ ИНОЗЕМЦЕВА (1966–1970)** 242
Перестройка 242
Начало прогнозирования 245
Страноведение 250
Записки, записки, записки... 261

Глава 6. **БЫЛ ЛИ ИМЭМО «ФИЛИАЛОМ» СПЕЦСЛУЖБ?** 272
ОТЭИ: от Стригачева до Бугрова 273
«Действующие резервисты» и ветераны разведки 299
Дональд Маклэйн 318
Джордж Блейк 331

Глава 7. **ИНАКОМЫСЛИЕ В ИМЭМО** 338

Глава 8. **«ЗОЛОТОЙ ВЕК» В ФОРМАТЕ ЗАСТОЯ (ИМЭМО В 70-Е ГОДЫ)** 367
Основные направления исследований 367
«Мозговые атаки» Евгения Примакова 395
Координация исследований и международные связи 411

Глава 9. **ИМЭМО ПОД УДАРОМ (1982)** 429
Сумерки брежневской эпохи 429
Друзья и недруги академика Н.Н. Иноземцева 444
Смерть Иноземцева 459
«Охота на ведьм» 485

Глава 10. **ВРЕМЯ РЕАБИЛИТАЦИИ (1983–1985)** 505
«Пятилетка пышных похорон» 505
Александр Яковлев: аппаратчик-интеллектуал 513
«Транзитный директор» 532
«Считаю годы работы в Институте лучшими годами своей жизни» 550

Глава 11. **ИНСТИТУТ ПРИМАКОВА (1985–1989)** 558
Ускорение. Гласность. Новое мышление 558
Свой среди своих 571
Переосмысление догматов 584
«Серебряный век» ИМЭМО 602
Примаков уходит в большую политику 617

Глава 12. **ПРОЩАНИЕ С ЭПОХОЙ: ИМЭМО НАКАНУНЕ КРАХА СССР** 624
1989 год 624
Конец «Серебряного века». 1990 год 643
1991 год 662

Глава 13. **В НОВЫХ РЕАЛЬНОСТЯХ: ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1990-Х ГОДОВ** 674
1992-й: год Гайдара 674
«Шоковая терапия» в оценках ИМЭМО 678
«Предчувствие гражданской войны» 697
Политический сценарий для постсоветской России 701
Внешняя политика постсоветской России: принципы и приоритеты 711

Глава 14. **ВРЕМЯ ВЫЖИВАНИЯ** 730
«Финансы поют романсы» 730
Кадры 740
Исследования и образовательная деятельность 747
Герман Дилигенский и его журнал 753

Глава 15. **ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1990-Х ГОДОВ** 758
От президентских выборов 1996 года к дефолту 1998 года 758
Государство и общество: неутешительный диагноз 765
Попытки достучаться до власти 772
ИМЭМО и дефолт 17 августа 1998 года 784

Глава 16. **1999 ГОД** 793
«Я прошу у вас прощения...». Конец эпохи Ельцина 793
Россия и Запад: противоречивый итог 90-х годов 797

Утверждение демократии или угроза бонапартизма? 814
«Дело об украденных миллионах» 830
Предварительные итоги 834

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН 842
ОБ АВТОРЕ 856
CONTENTS 857
AUTHOR'S NOTE 860

ОТ АВТОРА

Вот уже шесть десятилетий Институт мировой экономики и международных отношений Российской академии наук (ИМЭМО РАН)[1] остается флагманом отечественной науки в области исследования проблем современного мирового развития. Он занимает видное место среди самых авторитетных международных исследовательских центров аналогичного профиля, таких как Атлантический совет США, Стэнфордский университет, Японский центр экономических исследований, Стокгольмский международный институт исследований проблем мира (СИПРИ), Королевский институт международных отношений и Институт стратегических исследований (Великобритания), Немецкое общество внешней политики, Мюнхенский институт экономических исследований (ИФО), Французский институт международных отношений (ИФРИ), Институт международных отношений и национальной безопасности (Республика Корея) и др.

В разные годы в ИМЭМО работали девятнадцать (тогдашних и будущих) действительных членов Академии наук СССР (России): Е.С. Варга, И.А. Трахтенберг, Л.Н. Иванов, А.А. Арзуманян, Н.Н. Иноземцев, Г.А. Арбатов, Е.М. Примаков, А.Н. Яковлев, А.Г. Милейковский, В.А. Мартынов, Н.А. Симония, А.А. Дынкин, Р.М. Энтов, В.А. Виноградов, Ю.С. Пивоваров, И.Д. Иванов, Н.И. Иванова, А.Г. Арбатов, В.Г. Барановский.

В ИМЭМО трудились или начинали свою карьеру многие известные впоследствии политики, министры, дипломаты, депутаты, политологи, бизнесмены, журналисты. Среди них: Евгений Примаков — председатель правительства Российской Федерации, Александр Яковлев — «архитектор» перестройки, Игорь Иванов — глава МИД России в 1998–2004 гг., затем

[1] В 2015 г. ИМЭМО РАН получил имя академика Евгения Максимовича Примакова, около двенадцати лет жизни отдавшего Институту, который он возглавлял в 1985 – 1989 гг. С ИМЭМО академик Примаков был неразрывно связан вплоть до своей кончины 26 июня 2015 г. Приказом Федерального агентства научных организаций (ФАНО России) от 24 декабря 2015 г. ИМЭМО был преобразован в Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук. Это решение повысило статус ИМЭМО в системе академических научных учреждений России.

секретарь Совета безопасности (2004—2007), Борис Федоров и Максим Бойко — бывшие вице-премьеры в эпоху Б. Ельцина, Петр Авен — член правительства Е. Гайдара, Александр Дынкин — помощник по экономике главы правительства России в 1998—1999 гг., Андрей Грачев — пресс-секретарь Президента СССР М. Горбачева, Леонид Григорьев — заместитель министра экономики и финансов (1991—1992), Павел Кудюкин — заместитель министра труда и занятости населения (1991—1993), Георгий Кунадзе — заместитель министра иностранных дел в 1991—1993 гг., Роберт Маркарян — посол по особым поручениям МИД России, посол в Сирии и Хорватии, Валентин Федоров — первый избранный губернатор Сахалина, Владимир Лукин — один из создателей партии «Яблоко» и Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, Алексей Арбатов, Виктор Шейнис, Евгений Амбарцумов, Алексей Подберезкин и Наталия Нарочницкая — депутаты Государственной думы, Сергей Благоволин — Генеральный директор Общественного российского телевидения (ОРТ), Владимир Соловьев — популярный журналист, теле- и радиоведущий, Игорь Бунин, Марк Урнов, Виктор Кувалдин, Андраник Мигранян — известные политологи.

Этот перечень можно дополнить именами успешных менеджеров и предпринимателей, среди которых: Александр Медведев — заместитель председателя правления ОАО «Газпром», Райер Симонян — Управляющий директор, президент по российским операциям американского инвестиционного банка «Морган Стенли», Андрей Цимайло — вице-президент КБ «МостБанк», затем первый заместитель председателя Совета директоров холдинга «Медиа-Мост», банкиры — Александр Ничипорук и Андрей Червяков.

В середине 60-х гг. в Институте начиналась удивительная карьера нынешнего президента Центра национальных интересов (США) Дмитрия Саймса, авторитетного политолога, издателя журнала «The National Interest», а в то время младшего научного сотрудника, заместителя секретаря Комитета ВЛКСМ ИМЭМО.

Можно упомянуть и малоизвестный факт из биографии Кондолизы Райс. Во второй половине 80-х гг. будущий советник по национальной безопасности президента Дж. Буша-младшего (2001—2005) и будущий государственный секретарь США (2005—2009) проходила научную стажировку в ИМЭМО.

В течение трех с половиной лет в ИМЭМО работал будущий министр иностранных дел Узбекистана Абдулазиз Камилов.

В 2000-е гг. научный коллектив Института пополнился тремя генералами. В 2002 г. по приглашению академика А.Г. Арбатова в Центр международной безопасности ИМЭМО пришел генерал-майор Владимир Дворкин, доктор технических наук, авторитетный специалист в области ракетостроения. В 2009 г. директор ИМЭМО академик А.А. Дынкин пригласил на работу в Институт генерала армии Вячеслава Трубникова, Героя России, бывшего директора Службы внешней разведки (1996—2000), затем первого заместителя министра иностранных дел (2000—2004) и посла России в Индии (2004—2009). В 2013 г. по приглашению директора ИМЭМО туда пришел генерал

армии Владимир Яковлев, бывший главнокомандующий Ракетными войсками стратегического назначения (1997—2001) и бывший начальник Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил России (2009—2012).

Созданный в 1956 г. на волне хрущевской оттепели, ИМЭМО очень быстро превратился в ведущий советский «мозговой центр» по изучению мирохозяйственных и международно-политических проблем современного мира. Со временем из него выделился целый «куст» проблемно-региональных научно-исследовательских институтов — международного рабочего движения (ИМРД), США и Канады (ИСКАН), Европы, Африки и др.

В течение трех с лишним десятилетий Институт выполнял просветительскую миссию в том, что касалось формирования адекватных представлений о внешнем мире как у «низов», так и у «верхов» советского общества. А это была весьма нелегкая задача, учитывая, что и те и другие десятилетиями пребывали «во тьме невежества» относительно того, что в действительности происходило по ту сторону «железного занавеса», как и чем живет остальной мир.

Со времени утверждения в России после окончания Гражданской войны режима государственного социализма в общественное сознание настойчиво вбивались шаблоны мировосприятия, основанного на концепции классовой борьбы как главной движущей силы мирового развития, а также на революционном мессианстве, провозглашавшем авангардную роль СССР в обеспечении победы коммунизма во всемирном масштабе. Вплоть до смерти Сталина в 1953 г. советские руководители вполне искренне ожидали повторения Великой депрессии 1929—1933 гг. — кризиса, способного подорвать силы «исторически обреченного» капитализма. А сам диктатор всерьез рассматривал возможность третьей мировой войны с применением ядерного оружия, когда ненавистный империализм, наконец-то, будет похоронен.

Советская правящая элита в значительной степени оказалась заложницей собственной пропаганды, уверовав в декларируемые постулаты и не имея адекватных представлений об окружающем мире. В этом смысле смерть Сталина застала ее врасплох, побудив начать переосмысление реального экономического и политического положения в стране и ее взаимодействия с внешним миром. Это был поистине мучительный процесс, связанный с необходимостью расчистки тяжелых наслоений сталинизма в области идеологии, экономики, внутренней и внешней политики, культуры.

Одним из шагов в этом направлении стало создание в системе Академии наук СССР Института мировой экономики и международных отношений. Правительственное постановление об организации Института предусматривало, что ИМЭМО обязан «информировать директивные органы (т.е. Политбюро ЦК КПСС и Совет Министров СССР. — *П.Ч.*) о новых процессах в экономике и политике капиталистических стран».

Как известно, после 1953 г. сталинский внешнеполитический курс на жесткую конфронтацию с Западом уступил место «ленинской политике мирного сосуществования». Но оказалось, что в Москве имеют весьма сла-

бое представление о тех, с кем теперь намеревались «мирно сосуществовать» и даже сотрудничать. Помочь новому советскому руководству лучше ориентироваться в современном мире — такова была основная задача вновь образованного научно-исследовательского института. Со временем ИМЭМО перешел от простого информирования «директивных органов» о новейших тенденциях в мировой экономике и международных отношениях к анализу и прогнозированию развития этих тенденций. В «инстанции» пошли соответствующие научные разработки и рекомендации, которые могли учитываться в процессе принятия политических решений во внешней, внешнеэкономической и оборонной политике, а также в совершенствовании советской экономики.

Руководство и научный коллектив ИМЭМО никогда не считали достойным занятием разоблачение «извечных пороков капитализма», искусственно подгоняя, как это делала советская пропаганда и официальная экономическая наука, оценки «основоположников» и «классиков», относящиеся к XIX веку, к капитализму второй половины XX века. При этом, разумеется, в открытых публикациях ИМЭМО отдавалась некая обязательная дань идеологическим установкам. Но делалось это так, что подготовленный читатель получал богатую пищу для собственных размышлений.

Главную же свою миссию ученые ИМЭМО видели в том, чтобы всесторонне исследовать реальные процессы, протекающие в современном, а не в описанном Марксом и Лениным капитализме. Из передового опыта наиболее развитых стран Запада экономисты ИМЭМО пытались извлечь все полезное, что может быть применено в советской экономике с целью повышения ее эффективности. На эту тему писалось множество аналитических разработок и рекомендаций, адресованных «наверх» — туда, где принимались политические решения.

Целый ряд новых идей в оценке современной рыночной экономики и западного общества имэмовцам удалось отразить и в своих открытых работах. В этом смысле Институт всегда занимал передовые научные и гражданские, подлинно патриотические позиции, вопреки тем нападкам и обвинениям, которым он подвергался со стороны реакционной части партийной номенклатуры, остававшейся в плену изживших себя догм и представлений сталинских времен.

Можно с полной уверенностью утверждать, что в Советском Союзе не было ни одной практической организации или научного учреждения, где лучше и глубже знали бы механизмы функционирования рыночной («капиталистической») экономики и западной политической системы. Не случайно, что именно из ИМЭМО на рубеже 80–90-х гг. вышел внушительный отряд экономистов-реформаторов, предпринимателей и политиков нового поколения.

Но начиналось все с расчистки наслоений сталинского «идейного» наследия в области экономической науки, определявшего мировоззрение правящей элиты и общества в целом.

Развернутые в ИМЭМО конкретные исследования по широкому спектру вопросов послевоенного экономического развития передовых стран Запада позволили уже к началу 60-х гг. убедительно опровергнуть целый ряд догматов официальной сталинской политэкономии: о капиталистическом воспроизводстве «на суженной базе», о неизменном характере экономических циклов и кризисов при капитализме, об абсолютном обнищании рабочего класса в «мире капитала», о буржуазном государстве, как «прислужнике монополий», о так называемом «законе преимущественного развития средств производства», о неизбежности войн между «империалистическими державами» и др.

Из работ, подготовленных в ИМЭМО, со всей очевидностью вытекало, что пропагандистские утверждения о предстоящем в скором времени неминуемом крахе мирового капитализма, по меньшей мере, несерьезны. Из этих работ следовало, что капитализм со времен Маркса и Ленина значительно изменился. При всех присущих ему внутренних противоречиях, он постоянно развивался и в целом умело приспосабливался к вызовам времени, чего нельзя было сказать о «развитом социализме».

Изучая современный реальный капитализм, ученые ИМЭМО выявляли и анализировали новейшие тенденции и перспективы его развития. Они своевременно и верно оценили объективный характер начавшегося в 50-е гг. в Западной Европе интеграционного процесса, увенчавшегося впоследствии созданием Европейского союза. Столь же внимательно в ИМЭМО следили за становлением других «центров силы» в мировой экономической системе, в частности в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Под пристальным вниманием экономистов и политологов ИМЭМО находился комплекс вопросов, связанных с бурным развитием научно-технической революции (НТР) и теми качественными изменениями, которые она вносила в западную экономическую и политическую систему.

Исследования, проводившиеся в ИМЭМО, никак нельзя было отнести к разряду отвлеченно-познавательных или сугубо академических. Они были нацелены на оказание практической помощи в решении конкретных задач, стоявших перед советской экономикой. Показывая, как те или иные проблемы экономического развития решаются в наиболее развитых странах Запада, ученые ИМЭМО стремились убедить высшее политическое руководство СССР в необходимости использования имеющегося опыта. Критическое сопоставление двух моделей экономического развития — экстенсивного, характерного для СССР, и интенсивного, присущего наиболее развитым странам Запада; пути и средства скорейшего освоения последних достижений НТР; конкретные рекомендации по обеспечению эффективности советской экономики; научно обоснованные попытки добиться пересмотра утвердившегося со времен первых пятилеток порядка планирования, при котором развитие тяжелой промышленности всегда обеспечивалось в ущерб легкой промышленности и сфере услуг, — таковы лишь некоторые «прикладные» направления исследований, проводившихся в ИМЭМО с целью содействия ускорению экономического и научно-

технического прогресса в СССР. А наиболее смелые предложения, исходившие из ИМЭМО, посягали на святая святых — монополию внешней торговли и «незыблемо твердый» рубль. Монополию предлагалось отменить, предоставив внешнеэкономическую самостоятельность конкурентоспособным предприятиям, а рубль в перспективе предлагалось сделать конвертируемым. Все эти и другие предложения имели целью содействовать полноценному включению СССР в систему мирохозяйственных связей.

Именно в ИМЭМО с середины 50-х гг. занимались научным обоснованием политики мирного сосуществования, отвергавшей философию холодной войны. Именно здесь с конца 60-х готовилась идейная почва для политики разрядки. Политологи ИМЭМО сыграли определяющую роль в переосмыслении прежнего, негативного отношения к социал-демократии, что, в частности, сделало возможным диалог с СДПГ и заключение в августе 1970 г. Московского договора между СССР и ФРГ. Как известно, этот договор стал отправной точкой в процессе оздоровления всей обстановки в Европе.

Рекомендации ИМЭМО, наряду с разработками ИСКАН, сыграли важную роль в повороте советской внешней политики от конфронтации к разрядке в отношениях с США. Эксперты из ИМЭМО участвовали в выработке позиций советской стороны на переговорах по ограничению стратегических вооружений (ОСВ), Венских переговорах о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе, а также на всех этапах Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ). Практически ни одна важная встреча или переговоры представителей высшего советского руководства с лидерами Запада в 70—80-е гг. не обходились без невидимого участия аналитиков ИМЭМО (в форме заранее представленных в «директивные инстанции» информационно-аналитических разработок и рекомендаций). Впрочем, нередко в этих встречах было напрямую задействовано и само руководство Института: в 70-е гг. — академик Н.Н. Иноземцев, а в 80-е — академики А.Н. Яковлев и Е.М. Примаков. Наиболее эффективным каналом воздействия на процесс принятия «наверху» важных политических решений было непосредственное рабочее общение руководителей ИМЭМО — Иноземцева, Яковлева и Примакова — с «первыми лицами» — Брежневым и Горбачевым.

Конечно, было бы неправомерно искусственно завышать «коэффициент полезного действия» разработок и рекомендаций, исходивших из ИМЭМО, преувеличивать их реальное воздействие на процесс принятия политических решений, особенно в 60—70-е гг. Дело в том, что закоснелая советская бюрократическая система оказалась неспособна к модернизации и развитию, что, в конечном счете, и определило ее крушение на рубеже 80—90-х гг. В наибольшей степени невосприимчивость системы к вызовам времени проявилась в сфере экономики.

Что же касается научного коллектива ИМЭМО, то он всегда честно и достойно выполнял свой профессиональный и гражданский долг, и не его вина, что «наверху» часто не желали (или были не в состоянии) восприни-

мать разумные рекомендации по совершенствованию механизма «реального социализма». Если же ретроспективно оценить направленность всей научной деятельности ИМЭМО на протяжении тридцати пяти лет его советской истории (1956—1991), то нельзя не согласиться с тезисом академика Е.М. Примакова о «внутрисистемном диссидентстве», характерном для Института, как, впрочем, и для некоторых других академических НИИ. В отличие от «внесистемных» диссидентов-антикоммунистов, в принципе отвергавших существовавший в СССР режим, диссиденты «системные» искренне надеялись на возможность модернизации и «очеловечивания» существующего строя. Не случайно среди них были популярны идеи конвергенции — соединения воедино лучшего из того, что было присуще двум системам — социализму и капитализму. Ученые ИМЭМО, изучавшие современную рыночную экономику, видели, что на Западе успешно заимствовали некоторые принципы социалистического хозяйствования (элементы планирования, государственного регулирования и др.). Так что же мешает, полагали они, взять на вооружение те элементы рыночной экономики, которые могут быть адаптированы к плановой системе и способны значительно повысить ее эффективность?

Увы, этому в решающей степени мешало косное мышление верхушки правящей советской элиты, дважды — в середине 60-х и в конце 70-х гг. — похоронившей даже собственные робкие попытки реформировать безнадежно устаревшую систему управления экономикой. Где уж тут внедрять западный опыт! Об этом опасно было даже говорить. Поэтому экономистам ИМЭМО и приходилось изъясняться с властью на «эзоповом языке», выискивая нужные цитаты из Маркса и Ленина.

В этом смысле нельзя не признать определенной ограниченности результатов «просветительской» деятельности ИМЭМО в верхнем эшелоне советской правящей элиты брежневской эпохи. Более восприимчивым к новым идеям оказалось горбачевское руководство, но и ему, в силу разных причин, не удалось реализовать эти идеи и предложения.

Потрясения 90-х гг., значительно обескровившие отечественную науку, поставили многие академические институты буквально на грань выживания. Существенно ослаб (если не пропал вовсе) интерес новой власти, называвшей себя демократической, к науке, резко сократилось ее финансирование, следствием чего стал массовый «исход» талантливой научной молодежи в другие сферы деятельности. В «лихие девяностые» тяжелые кадровые потери понес и ИМЭМО. Почти вдвое, главным образом за счет молодежи, сократилось в Институте число научных сотрудников.

Но даже в самые трудные для выживания годы ИМЭМО удалось не только удержаться на плаву, но и развернуть фундаментальные и прикладные исследования по ряду новых направлений: глобальные проблемы современности, сравнительный анализ места и роли России в мировой политике и экономике, проблемы международной безопасности, национальной безопасности и национальных интересов России в глобальном контексте, проблемы экономики переходного периода и др.

К своему шестидесятилетнему юбилею Институт мировой экономики и международных отношений РАН подошел не только с яркой историей, но и с целым рядом внушительных достижений последнего времени. Они стали возможны благодаря тому, что Институту, при всех очевидных потерях 90-х гг., удалось сохранить ядро кадрового научного потенциала, а в течение последнего десятилетия существенно его омолодить.

Время для развернутой и объективной оценки деятельности ИМЭМО последних пятнадцати лет еще не настало, если не сводить дело к скучному изложению ежегодных научных отчетов. Но вполне правомерно и даже необходимо бросить ретроспективный взгляд на историю Института с момента его создания в 1956 г. до конца XX столетия. Именно такая попытка и предпринята автором, который, конечно же, не претендует на полноту и глубину исторического анализа. Речь идет лишь об очерке истории ИМЭМО. Предлагаемая вниманию читателя книга во многом является продолжением предыдущей работы автора[1].

«Виновниками» ее появления следует считать трех академиков — Евгения Максимовича Примакова, Александра Александровича Дынкина и Владимира Георгиевича Барановского. С предложением о написании такой книги еще в 2001 г. ко мне обратился заместитель директора ИМЭМО В.Г. Барановский, сумевший заинтересовать этой идеей Е.М. Примакова, который всегда считал ИМЭМО своим вторым домом. Неизменная доброжелательная поддержка со стороны Евгения Максимовича на всех этапах подготовки книги в решающей степени обеспечила благополучное окончание проекта. Он же помог найти средства и для публикации книги.

После выхода в свет первой книги, завершавшейся событиями 1982 г., когда под ударами недругов скоропостижно умер тогдашний директор Института академик Николай Николаевич Иноземцев, у меня, по разным причинам, не возникало желания продолжать работу над историей ИМЭМО. Главная из них — невозможность для историка свободно работать с еще «теплым», а подчас и «горячим» материалом, риск вольно или невольно задеть чье-то самолюбие, чьи-то амбиции, исказить правду в чью-либо пользу и т.д.[2]

Потребовалось почти десять лет, чтобы освободиться (не уверен, что до конца) от этих сомнений и опасений, чему способствовали неоднократные призывы Евгения Максимовича Примакова и Александра Александровича

---

[1] *Черкасов Петр.* ИМЭМО. Портрет на фоне эпохи. М., 2004.

[2] Теперь можно признаться, что иногда доходило до комичных ситуаций. Одни мои давние коллеги по ИМЭМО выказывали обиду, что я не в должной мере отразил их вклад в науку, а то и вовсе не упомянул в своей книге. Другие возмущались тем, что я сказал что-то хорошее о таком-то имярек, который, с их точки зрения, заслуживает только осуждения или полного забвения, и т.д. и т.п. Мои объяснения, что речь идет о книге, а не о телефонном справочнике, не принимались. В целом же все это можно отнести к естественным, даже запрограммированным издержкам работы на «живом» материале. Должны пройти десятилетия, уйти люди, смениться поколения, прежде чем историк сочтет возможным приступить к анализу и описанию тех или иных событий. В моем случае зачастую было не так, что и определило очевидные недостатки этой книги, особенно по мере приближения к современности.

Дынкина — директора ИМЭМО с 2006 г. — продолжить работу над историей Института. Получив заверения относительно «свободы творчества», я погрузился в изучение архивных документов, относящихся к 80—90-м гг. истекшего столетия. Одновременно возобновил интервьюирование ветеранов ИМЭМО по интересующим меня вопросам истории Института.

С целью обеспечения более благоприятных условий для работы в 2011 г. я вернулся в порядке совместительства в ИМЭМО, где прошли двадцать лучших лет моей жизни (1967—1987), где я обучался в аспирантуре и впоследствии работал в Отделе международных отношений, где подготовил кандидатскую и докторскую диссертации. В этом смысле ИМЭМО всегда оставался для меня родным домом, с которым я никогда не порывал тесных связей. Его история — это важная часть и моей жизни.

В чем заключался изначальный замысел книги?

Прежде всего, мне хотелось уйти от мало кому интересной «ведомственной истории», дочитать которую до конца было бы не по силам даже ветеранам Института.

Показать место и роль ИМЭМО в советской и постсоветской политической системе — такова основная идея данного исследования, выходящего на более широкую проблему — интеллигенция и власть в СССР/России. В этом смысле речь идет об интеллектуальной истории послевоенного советского, *а затем и российского* общества на примере одного из академических научно-исследовательских институтов гуманитарного профиля.

Сделанный выбор требовал от автора вписать внутреннюю историю ИМЭМО в общий контекст политического развития СССР/России второй половины XX века.

С самого начала я считал своим долгом рассказать о внутренней жизни ИМЭМО и о некоторых интересных людях, в разное время работавших в Институте. Многие уже ушли из жизни и заслуживают доброй памяти. Кого-то из них я хорошо знал лично, кого-то — заочно, через их труды, с кем-то «познакомился», изучая личные дела в архиве ИМЭМО. К сожалению, многих не удалось даже упомянуть. Да и невозможно отметить всех. Для этого необходимо было бы издать биографический справочник на по меньшей мере семьсот-восемьсот имен.

В процессе работы стало ясно, что начинать историю ИМЭМО следует не с 1956 г., когда он был создан, а с 1947-го, когда был ликвидирован Институт мирового хозяйства и мировой политики (ИМХМП). Известно, что с момента своего рождения ИМЭМО считал себя преемником ИМХМП, возглавлявшегося академиком Евгением Самуиловичем Варгой.

Покойный ныне директор ИМЭМО Н.Н. Иноземцев, выступая на заседаниях Ученого совета, еще в 60-е гг. неоднократно обращался с призывами к уцелевшим после разгрома 1947 г. ветеранам ИМХМП, работавшим в ИМЭМО, воссоздать историю Института Варги[1]. По его инициативе

[1] В силу разных причин пожелание Н.Н. Иноземцева не было осуществлено в полной мере. Лишь Вениамин Израилевич Каплан незадолго до смерти (май 1990 г.) успел написать небольшую книгу по истории ИМХМП, посмертно изданную его коллегами. См.: *Каплан В.И.* Важнейшие со-

проводились встречи ветеранов-имховцев — В.И. Каплана, С.А. Далина, И.М. Лемина, М.И. Рубинштейна и др. — с аспирантами и молодыми учеными ИМЭМО. Стараниями члена ЦК КПСС, депутата Верховного Совета СССР Н.Н. Иноземцева на доме № 11 по Ленинскому проспекту в Москве, где с 1954 по 1964 г. жил и работал академик Е.С. Варга, была установлена памятная доска, а одна из улиц в Юго-Западном округе столицы получила имя выдающегося экономиста-международника.

Что же общего могло быть между Институтом Варги эпохи сталинизма и ИМЭМО времен Хрущева и Брежнева?

Прежде всего, оба научных учреждения занимались исследованиями мировых экономических и политических процессов. Как в ИМХМП, так и в ИМЭМО исследования велись в рамках марксистско-ленинской методологии, хотя, по понятным причинам, рамки эти были явно несоразмерны: крайне узкие для ИМХМП 20—40-х гг. и более широкие для ИМЭМО послесталинской эпохи.

Интеллектуальное ядро ИМЭМО в период его создания в 1956 г. составили старые варговские кадры во главе с самим Евгением Самуиловичем, занявшим в новом Институте в возрасте 77 лет должность старшего научного сотрудника. Вокруг бывших имховцев группировалась талантливая молодежь, смело заявившая о себе уже в первых научных разработках.

Оба научных учреждения, и это важно подчеркнуть, имели одну и ту же родовую отметину, ставшую причиной гибели ИМХМП в 1947 г. и едва не погубившую ИМЭМО в начале 80-х. В глазах «ревнителей устоев» из агитпропа ЦК ВКП(б)/КПСС и их подручных из партийной Академии общественных наук, Институт Иноземцева, как ранее Институт Варги, по определению (и по замыслу тогдашних «высших инстанций») призванные изучать мир таким, каков он есть, а не таким, каким он представлялся пропагандистам научного коммунизма, имели опасную репутацию гнезда «ревизионизма» и «буржуазного реформизма». Удивительным образом нападки на ИМЭМО в 1982 г. даже по формулировкам, включая пресловутые «ошибки в национальном подборе кадров», совпадали с теми, которым подвергся в 1947 г. Институт, возглавлявшийся Е.С. Варгой.

Все эти совпадения побудили меня обратиться к обстоятельствам гибели Института мирового хозяйства и мировой политики, печальную судьбу которого едва не разделил спустя тридцать пять лет Институт мировой экономики и международных отношений. Указанное обстоятельство определило появление в книге вступительной главы, посвященной драматической судьбе предшественника ИМЭМО.

В основном же книга охватывает период с создания ИМЭМО в 1956 г. до конца 1999 г. Выбор 1999 г. как завершающего рубежа в книге не слу-

---

бытия международной жизни и деятельность Института мирового хозяйства и мировой политики (1925—1948). М., 1991. Очевидный пробел отчасти восполнил современный немецкий исследователь. См.: *Duda G.* Jenö Varga und die Geschichte des Instituts für Weltwirtschaft und Weltpolitik in Moskau. 1921—1970: zu den Möglichkeiten und Grenzen wissenschaftlicher Auslandsanalyse in der Sowjetunion. Berlin, 1994. Тем не менее, полная история ИМХМП до сих пор не написана.

чаен, и дело не только в том, что этот год символизировал окончание XX столетия. Именно 1999 г. завершал переходную — от старого строя к новому — «десятилетку» Бориса Ельцина, отмеченную ликвидацией прежней системы государственного социализма и созданием основ постсоветской политической и экономической системы. В этом же году завершалось и десятилетие пребывания академика Владлена Аркадьевича Мартынова на посту директора ИМЭМО.

2000-й г. обещал крупные перемены не только в политической жизни России, но и в истории ИМЭМО, вступавшего в свой новый этап, оценить который еще предстоит.

Эта книга написана на достаточно представительной и разнообразной базе источников. В ней широко использовались фонды Архива Российской академии наук, бывшего Центрального партийного архива (теперь — Российский государственный архив социально-политической истории) и бывшего Архива ЦК КПСС (ныне — Российский государственный архив новейшей истории). Хранящиеся там документы проливают свет на историю организации и последующую работу ИМЭМО, на деятельность создателя Института академика А.А. Арзуманяна и его преемника академика Н.Н. Иноземцева, на связи Института с «директивными инстанциями». К сожалению, далеко не все важные партийные документы той эпохи к настоящему времени рассекречены и доступны для исследователя.

Особое значение для работы имели материалы архива ИМЭМО РАН, созданного в начале 70-х гг. по инициативе тогдашнего заместителя директора Института Е.М. Примакова. Около сорока лет его бессменно возглавляла Надежда Васильевна Ефимова, выпускница Историко-архивного института. Исключительно благодаря ее усилиям по сохранности этого архива и стало возможным написание истории ИМЭМО. Считаю своим приятным долгом выразить Надежде Васильевне мою глубокую благодарность за помощь, которую она постоянно оказывала мне в выявлении нужных документов.

В институтском архиве хранятся личные дела сотрудников и аспирантов, стенограммы заседаний Ученого совета и Дирекции ИМЭМО, приказы по Институту, ежегодные отчеты о научной и научно-организационной деятельности ИМЭМО и его отделов, переписка с различными министерствами и ведомствами, справки о международных научных связях, материалы конференций и ситуационных анализов, политические и экономические прогнозы, аналитические записки в ЦК КПСС и в государственные органы власти СССР и Российской Федерации[1], бухгалтерские и другие документы. Все эти материалы составили основной массив документальной базы в работе над книгой.

Важным и во многом уникальным источником послужили записанные интервью с ветеранами Института. Были использованы также письменные

[1] К сожалению, «ситанализы», прогнозы и записки в «инстанции» в архиве сохранились в небольшом количестве, так как, по существовавшим правилам, отправлялись «наверх» по закрытым каналам.

воспоминания отдельных научных сотрудников, любезно предоставленные ими в распоряжение автора. Всем, кто оказал мне такого рода помощь, кто согласился встретиться и побеседовать со мной, я выражаю искреннюю признательность. Их фамилии указаны в тексте книги и в соответствующих сносках.

Разумеется, в работе были использованы научные публикации ИМЭМО — монографии, сборники, ежегодники, обзоры и статьи из журнала «Мировая экономика и международные отношения» («МЭ и МО»).

На протяжении нескольких лет в журнале «МЭ и МО» печатались фрагменты будущей книги, что позволило при подготовке ее окончательного текста учесть высказанные замечания и пожелания, а также устранить вкравшиеся ошибки. Я благодарен моему журнальному редактору Галине Юрьевне Ознобищевой за терпение и самое доброжелательное сотрудничество в продолжительном процессе нашей совместной работы.

Я благодарен всем, кто оказал мне в ИМЭМО организационную и техническую помощь, и в первую очередь — Ученому секретарю Института Татьяне Александровне Карловой, Валерию Леонидовичу Лебедеву, Алексею Сергеевичу Баварову, Ольге Игнатьевне Мальцевой и Ларисе Станиславовне Дворниковой.

Отдельно хочу поблагодарить директора ИМЭМО академика Александра Александровича Дынкина, предоставившего мне carte blanche и уважавшего мою самостоятельность на всем протяжении работы над книгой.

Глава 1

ГИБЕЛЬ ИНСТИТУТА ВАРГИ, ИЛИ ПОЧЕМУ БЫЛ ЗАКРЫТ ИНСТИТУТ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ (1947)

Сталин и Варга

Восемнадцатого сентября 1947 г. было принято решение Политбюро ЦК ВКП(б) «Об Институте экономики и Институте мирового хозяйства и мировой политики Академии наук СССР». Вот текст этого решения, хранящийся, наряду с другими материалами сталинского Политбюро, в Российском государственном архиве социально-политической истории — РГАСПИ (бывший Центральный партийный архив ЦК КПСС):

> «<...> Объединить Институт экономики и Институт мирового хозяйства и мировой политики в единый Институт экономики, оставив его в системе Академии наук СССР.
> 1. Научно-организационное руководство Институтом возложить на Госплан СССР.
> 2. Утвердить директором Института экономики тов. Островитянова К.В.
> 3. Утвердить заместителями директора Института экономики: а) по общим вопросам — тов. Козлова Г.А., б) по вопросам советской экономики — тов. Дьяченко В.П., в) по вопросам экономики капиталистических стран — тов. Масленникова В.А.
> 4. Сохранить за т. Варга Е.С. научную консультацию сотрудников Института по вопросам экономики зарубежных стран и редактирование журнала «Мировое хозяйство и мировая политика»[1].

Протокол № 59 заседания Политбюро подписан секретарем ЦК ВКП(б) И. Сталиным.

В соответствии с тогдашними правилами решение Политбюро было «спущено» для надлежащего оформления и исполнения в Совет Министров и Академию наук СССР. В результате в декабрьском номере «Вестника Академии наук СССР» за 1947 г. появилась информация следующего содержания: «Согласно Постановлению Совета Министров СССР, Институт экономики и Институт мирового хозяйства и мировой политики объе-

[1] Российский государственный архив социально-политической истории (далее везде: РГАСПИ. — *П.Ч.*). Ф. 17. Оп. 3. Д. 1066. Л. 48.

диняются в единый Институт экономики в системе Академии Наук СССР под научным руководством Госплана СССР. Директором объединенного института назначен член-корреспондент АН СССР К.В. Островитянов»[1].

Внешне все выглядело вполне благопристойно, как рутинная реорганизация двух академических институтов, переданных под «научно-организационное руководство» Председателя Госплана СССР, члена Политбюро ЦК ВКП(б) Н.А. Вознесенского. За бывшим директором ИМХМП академиком Е.С. Варгой оставили возможность «консультировать» своих коллег по вопросам экономики зарубежных стран и даже руководить журналом «Мировое хозяйство и мировая политика». Правда, сам журнал просуществовал лишь до января 1949 г., когда был закрыт по решению того же Политбюро. Что же касается большей части научных сотрудников бывшего ИМХМП, то после объединения двух институтов они остались без работы, а некоторые, о чем речь впереди, были репрессированы.

Если сопоставить закрытие ИМХМП с развернувшейся одновременно в печати кампанией по дискредитации его бывшего руководства и последних публикаций Института, то возникает закономерный вопрос о причинах неожиданной опалы Е.С. Варги и руководимого им Института, до того всегда бывших на хорошем счету у И.В. Сталина.

Образованный в 1925 г. при Коммунистической академии Институт мирового хозяйства и мировой политики во главе с его первым директором Ф.А. Ротштейном призван был стать научным центром, где формируются научно обоснованные подходы к внешнеэкономическим и внешнеполитическим отношениям СССР с другими странами. Налаживание и расширение связей СССР с внешним миром после прорыва в 1924 г. дипломатической изоляции ставило перед высшим советским руководством сложный комплекс вопросов — как сочетать развитие мирового революционного процесса с насущными задачами выживания «страны победившего пролетариата» во враждебном окружении. На ИМХМП была возложена ответственная миссия по оказанию помощи ЦК ВКП(б) в теоретической разработке стоящих перед СССР задач в области международной деятельности. С самого начала своего существования ИМХМП действовал в тесном контакте не только с ЦК ВКП(б), но и с Коминтерном, откуда в декабре 1927 г. в Институт пришел Евгений Самуилович Варга, сменивший Ф.А. Ротштейна на посту директора ИМХМП.

Венгерский политэмигрант, с 1906 г. участвовавший в рабочем движении в рядах левых социал-демократов, Варга был видным экономистом, профессором политэкономии в Будапештском университете. В 1919 г. он примкнул к коммунистам и занял пост наркома финансов, а затем председателя ВСНХ Венгерской советской республики. После поражения революции в Венгрии Варга в 1920 г. переехал в Москву, где вступил в РКП(б) и энергично включился в работу Коминтерна. Он избирался кандидатом в члены Исполкома Коминтерна, был участни-

[1] Вестник Академии Наук СССР, 1947, № 12. С. 103.

ком многих его конгрессов, на которых выступал с докладами. Его знал и ценил В.И. Ленин.

Через совместную работу в Коминтерне с Е.С. Варгой познакомился и И.В. Сталин, оценивший его ум, широкую эрудицию и качества выдающегося экономиста-международника. В 20-е годы Сталин иной раз вступал в полемику с Варгой по теоретическим вопросам «пролетарской революции», но делал это в несвойственной ему вежливой, даже уважительной манере[1].

Вот что вспоминал в предсмертных записках о своих отношениях со Сталиным сам Варга:

> «Мне часто приходилось встречаться с ним; он регулярно обращался ко мне за фактами и оценками положения, когда занимался вопросами мировой экономики, обычно перед тем, как ему предстояло выступить на партийных съездах и конференциях.
>
> Он был всегда вежлив со мной. Если он приходил на заседания ИККИ (Исполком Коминтерна. — *П.Ч.*) раньше, чем я, и я здоровался с ним, он всегда поднимался, чтобы подать мне руку. Если я ему звонил, чтобы попросить об аудиенции, то между нами почти всегда происходил такой разговор:
>
> Он: Когда Вы хотите прийти ко мне?
>
> Я: Когда у Вас будет для меня свободное время.
>
> Он: Ну, хорошо, приходите тогда-то и тогда-то. Никогда мне не приходилось в назначенное время ожидать в приемной»[2].

По всей видимости, именно Сталин инициировал назначение Варги директором ИМХМП, в деятельности которого с конца 20-х годов важное место занимало выполнение личных заданий вождя, передававшихся непосредственно Е.С. Варге. Но чаще директор ИМХМП сам направлял Сталину инициативные записки по тем или иным вопросам текущей международной жизни. В составлении этих записок участвовали и другие сотрудники Института.

Доверие Сталина к Варге особенно возросло после того, как последний в октябре 1929 г., вопреки мнению большинства экономистов, верно оценил обвал на нью-йоркской бирже как начало самого глубокого в истории капитализма экономического кризиса, а затем, в 1933 г., опять же, вопреки мнению большинства коминтерновцев, предсказывавших скорый полный крах капитализма, убедил Сталина в обратном — кризис идет на убыль, и Запад вступает в период экономической депрессии.

Вот что вспоминал об этом эпизоде ветеран ИМХМП Вениамин Израилевич Каплан:

> «В конце 1933 г. Е.С. Варгу вызвал Сталин и предложил ему подготовить материал для его доклада на XVII съезде партии, в котором значительное

---

[1] См., например, речь И.В. Сталина 5 июля 1928 г. на пленуме ЦК ВКП(б) о программе Коминтерна, где он полемизирует с Е.С. Варгой // Коминтерн и идеи мировой революции. Документы / Отв. ред. Я.С. Драбкин. М., 1998. С. 666—667.

[2] «Вскрыть через 25 лет». (Предсмертные записки Е.С. Варги) // Политические исследования, 1991, № 3. С. 156.

место предполагалось уделить анализу экономического положения в капиталистическом мире, в частности в США. Е.С. Варга спросил: какой материал готовить, такой, который подтвердит мнение руководящих работников Коминтерна, или такой, в котором будет отражено истинное положение. Сталин сказал, что мнение Коминтерна он знает и что не для подтверждения этого мнения он вызвал Е.С. Варгу.

После этого Е.С. Варга с помощью нескольких сотрудников Института в срочном порядке подготовил подробную записку, в которой убедительно было доказано, что кризис заканчивается»[1].

Сталин использовал записку Варги в своем докладе на XVII съезде ВКП(б). А вот что рассказывал об этом случае сам Е.С. Варга, выступая на собрании сотрудников ИМХМП в декабре 1939 г., посвященном 60-летию Сталина:

«За несколько месяцев перед XVII съездом, — говорил он, — мне было предложено подготовить для товарища Сталина записку с анализом мирового экономического кризиса. После того как записка была представлена, товарищ Сталин вызвал меня и сказал: "Я согласен с Вашим анализом, но в свое время смогу остановиться на этих вопросах только очень коротко. Поэтому следовало бы Вам на основе записки выпустить книгу с тем, чтобы более подробно познакомить партийные кадры с положением дел". На это я ответил товарищу Сталину: "Я готов это сделать, но моя точка зрения о ходе кризиса расходится с тем, что пишут у нас в печати. Меня или не напечатают, или, если напечатают, будут ругать. Не могли бы Вы, товарищ Сталин, предпослать книге какое-то предисловие, какую-то рекомендацию?" В ответ товарищ Сталин пошутил: "Вы хотите, чтобы меня ругали вместе с Вами"»[2].

Называя Сталина в своих предсмертных записках «восточным деспотом», загубившим огромное число коммунистов, Варга тем не менее не разделял бытовавшего при Хрущеве мнения о безграмотности покойного диктатора и беспардонной эксплуатации им чужого интеллекта.

«Я знаю наверное — что он хорошо знал "Капитал" Маркса и труды классиков, что он много читал и вообще был весьма образованным человеком, — вспоминал Варга. — Позднее при режиме Хрущева распространялась ложь, будто бы Сталин поручал писать свои труды другим; достаточно взглянуть на стиль его докладов и некоторых его писем, чтобы понять, что они написаны одним и тем же человеком.

Когда он (Сталин. — *П.Ч.*) заимствовал какие-нибудь сведения у других, — продолжает Варга, — он открыто говорил об этом. На XVI партсъезде он сказал, что уточнение официальных данных о распределении доходов в некоторых капиталистических странах было произведено мною. Перед XVII партсъездом (1934) я составил для него подробный обзор экономического положения капиталистических стран, при этом я — в противоречии

---

[1] *Каплан В.И.* Указ. соч. С. 34—35.

[2] Цит. по: *Певзнер Я.* Жизнь и труды Е.С. Варги в свете современности. С. 23.

с мнением тогдашнего руководства Коминтерна — отстаивал точку зрения о том, что большой экономический кризис заканчивается и предстоит длительная депрессия. Сталин распорядился, чтобы моя работа была напечатана, ее раздали всем участникам съезда перед его докладом. Неверно, что Сталин не терпел никаких возражений. Он спокойно выслушивал иные мнения — таков мой опыт. О том же говорил Литвинов»[1].

Поддерживая с Е.С. Варгой контакты на личной основе, Сталин не упускал из виду и основные направления работы ИМХМП. Еще в 1931 г. ЦК ВКП(б) принял санкционированное генсеком специальное решение, в соответствии с которым Институт Варги должен был стать центром исследований и разработок в области мировых экономических и политических проблем. ЦК поручил ИМХМП сосредоточиться на изучении следующих вопросов[2]:

- общие проблемы империализма и мирового экономического кризиса;
- положение и проблемы рабочего класса и рабочего движения в капиталистических странах;
- международные империалистические противоречия, подготовка войны и интервенции против СССР;
- колониальные проблемы и колониальные революции;
- аграрные отношения и аграрные проблемы в капиталистических странах;
- мировая промышленность и меры СССР по овладению опытом передовой капиталистической техники;
- международный рынок и внешняя торговля СССР.

В соответствии с решением ЦК ВКП(б) Институту была оказана соответствующая материальная поддержка, в частности в обеспечении его иностранной специальной литературой, статистическими изданиями и периодикой. Значительно возрос численный состав ИМХМП. Если в 1929 г. он составлял 31 человек, то в 1933 г. в Институте работали уже 192 человека, включая технический персонал[3].

С конца 20-х гг. деятельность ИМХМП осуществляется по двум каналам — открытому и закрытому. Открытые разработки Института были представлены в выпускаемых его сотрудниками монографиях, брошюрах и статистических обзорах, а также на страницах ежемесячного журнала «Мировое хозяйство и мировая политика» и «Ежегодника мирового хозяйства и мировой политики».

Варга организовал в Институте систематическое наблюдение (мониторинг) за экономическим положением капиталистических стран, за конъюнктурой рынков. Результаты этих наблюдений регулярно публиковались, привлекая к себе внимание специалистов и деловых кругов.

---

[1] «Вскрыть через 25 лет». (Предсмертные записки Е.С. Варги). С. 155—156.

[2] См.: *Каплан В.И.* Указ. соч. С. 64.

[3] См.: *Каплан В.И.* Указ. соч. С. 66.

Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. побудил Варгу развернуть в ИМХМП широкие исследования по теории и истории экономических циклов и кризисов. В этих исследованиях, которыми, помимо самого Е.С. Варги, руководили будущий академик И.А. Трахтенберг, будущий член-корреспондент АН СССР Р.С. Левина и доктор экономических наук Л.А. Мендельсон, была занята едва ли не половина всех научных сотрудников Института.

Столь пристальное внимание к этой проблематике станет понятно, если вспомнить, что в соответствии с тогдашними идеологическими постулатами социальные революции рождаются из экономических кризисов; следовательно, необходимо постоянно «держать руку на пульсе» загнивающей капиталистической экономики, внимательно следя за экономической конъюнктурой в «странах капитала», а одновременно — осваивать исторический опыт, т.е. изучать теорию и историю экономических циклов и кризисов, по крайней мере с середины XIX в.

Материалы закрытого («служебного» и «секретного») характера рассылались руководством ИМХМП «в инстанции» — в ЦК ВКП(б), Совнарком, Исполком и Секретариат Коминтерна, Наркоминдел, Наркомвнешторг и др.

Постоянными заказчиками и адресатами Института Варги были И.В. Сталин, В.М. Молотов, М.М. Литвинов (до 1939 г.), А.И. Микоян, другие высшие советские руководители. В отчетных докладах, с которыми Сталин выступал на XV—XVIII съездах ВКП(б), он неизменно опирался на материалы, полученные им из Института Варги.

Занимаясь изучением экономической и политической ситуации в странах, относившихся к «враждебному капиталистическому окружению», ИМХМП, где наряду с советскими гражданами работали иностранцы-политэмигранты, не мог не привлекать к себе пристального внимания со стороны внешней разведки ОГПУ—НКВД и Разведывательных управлений РККА и ВМФ (позднее — ГРУ). Эти ведомства не только были постоянными получателями интересующей их научной продукции ИМХМП, но нередко подбирали себе там перспективных сотрудников (как правило, хорошо знающих иностранные языки) для работы в зарубежных резидентурах и в центральном аппарате разведки. Так, например, в конце 30-х годов по окончании аспирантуры из Института во внешнюю разведку перешел Р.И. Столпер, который станет там одним из кураторов знаменитой «кембриджской пятерки», в частности Д. Маклэйна. В это же время в военно-морскую разведку ушел талантливый молодой японист Я.А. Певзнер, направленный от Разведупра ВМФ на работу в Китай. В 1945 г. он вернется в ИМХМП и вскоре вырастет в крупнейшего специалиста по экономике Японии.

Не были исключительными и случаи направления в ИМХМП «для передышки» оперативных сотрудников разведки, включая возвращавшихся из-за границы нелегалов (впоследствии их будут называть офицерами «действующего резерва»). Забегая вперед, можно отметить, что не менее энергично, но уже в поисках «шпионов», «контрреволюционеров», «троцкистов» и прочих «врагов народа» действовала в ИМХМП и контрразведка НКВД.

Под руководством Е.С. Варги ИМХМП приобретал растущий авторитет не только в СССР, но и за рубежом. Экономические разработки ИМХМП выгодно отличались от примитивно-пропагандистских оценок, дававшихся на страницах подавляющего большинства советских партийных изданий. К ним проявляли интерес и в деловых кругах западных стран. «Мы внимательно следим за статьями Варги — в них содержится более компетентный анализ экономической конъюнктуры западных стран, чем тот, с которым выступают наши экономисты», — говорили американские бизнесмены А.А. Манукяну, работавшему в 30-е годы в США в Амторге[1].

Искреннее желание познать внешний мир, пусть и через призму марксистской методологии, научная смелость, не выходившая, впрочем, за установленные идеологические рамки, не раз навлекали на Варгу и его сотрудников крупные неприятности, в частности обвинения в ревизионизме и даже в контрреволюции и шпионаже.

ИМХМП принес свою дань молоху Большого террора, жертвами которого стали многие научные сотрудники — ученый секретарь Института Мильграм, ответственный секретарь журнала «Мировое хозяйство и мировая политика» Иоэльсон, И. Лапинский, А. Канторович, Я. Бреман, О. Тарханов, Г. Сафаров, Е. Громов, П. Миф. Были репрессированы и работавшие в Институте немецкие коммунисты, бежавшие от гестапо, — Корн, Немо и др.

Сейчас трудно с определенностью сказать, понимал ли тогда Варга, что Большой террор инициирован именно Сталиным, а не Ягодой или Ежовым. Скорее всего, понимание пришло позднее. Иначе он не стал бы апеллировать к Сталину с призывом положить конец репрессиям хотя бы в отношении иностранных коммунистов. А именно эту самоубийственную попытку он предпринял в марте 1938 г., когда тучи сгустились над его собственной головой. По его позднейшим признаниям, в 1938 г. он ожидал ареста, зная, что «в органах» на него скопились многочисленные доносы.

И вот в это самое время, 28 марта 1938 г., под грифом «Строго секретно» Варга пишет Сталину письмо, озаглавленное им «Проблема нелегальных партий и массовые аресты». Это письмо, копии которого Варга направил Г. Димитрову и Н.И. Ежову, сохранилось в личном фонде И.В. Сталина в РГАСПИ[2].

Варга обращает внимание Сталина на разгул ксенофобии и националистические тенденции во внутренней политике, сопровождающиеся массовыми арестами иностранных коммунистов-политэмигрантов. «Вместо правильного сочетания советского патриотизма и интернационализма, — пишет Варга, — все более выигрывает почву односторонний ограниченный национализм. Ненависть к иностранцам свирепствует. Иностранцы без разбора рассматриваются как шпионы».

Обращая внимание Сталина на нарастание военной угрозы со стороны нацистской Германии и ее союзников, Варга подчеркивает: «Меня беспокоит прежде всего один политический вопрос: процесс быстрого истощения

---

[1] Цит. по: *Певзнер Я.* Жизнь и труды Е.С. Варги в свете современности. С. 19.

[2] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 716. Л. 18—21.

и деморализации кадров коммунистических партий фашистских стран, на долю которых в предстоящей войне должна бы пасть очень крупная роль.<...> Эта деморализованность охватывает большинство работников Коминтерна и простирается вплоть до отдельных членов Секретариата ИККИ».

Остается неизвестным, ответил ли Сталин на дерзкое по своему содержанию письмо Варги. Архивы по этому поводу хранят молчание. Но Варга не только сохранил жизнь и свободу, но, что самое удивительное, даже не утратил расположение непредсказуемого вождя, продолжавшего казнить и миловать исключительно по собственному разумению.

Спустя несколько месяцев после описанной истории с письмом Сталин доверил Варге редактирование немецкого перевода «Краткого курса истории ВКП(б)». Это была высокая честь, учитывая, что авторство «Краткого курса» приписывалось самому вождю. 4 декабря 1938 г. Варга направил Сталину свои замечания и уточнения[1] к немецкому переводу сталинского «евангелия», ставшего обязательным для изучения не только советскими, но и всеми иностранными коммунистами. А 1 февраля 1939 г. Варга получает от Сталина новое личное поручение:

Дорогой товарищ Варга!

Очень прошу Вас внимательно просмотреть эту книгу (речь идет о присланной им рукописи — «Краткий курс Политической экономии». — *П.Ч.*) и дать свои замечания, поправки, дополнения. Желательно закончить это дело в 10-дневный срок.

Привет!

И. Сталин[2]

В установленный срок Варга представил свои замечания и дополнения, после чего Сталин разрешил публиковать книгу с учетом сделанных Варгой и им самим поправок.

Неоднократно Варга и сам просил Сталина разъяснить ему те или иные вопросы. Вот, например, текст письма Варги от 13 апреля 1939 г.:

Уважаемый товарищ Сталин!

Я должен делать доклад в Академии Наук о трудной теме — Задачи наук в разрешении проблемы догнать и перегнать. Я очень просил бы принять меня на 10 минут и дать мне указание, правильно ли я поставил вопрос или нет: я советскую экономику гораздо хуже знаю, чем капиталистическую.

С компривetом

Ваш Е. Варга[3]

---

[1] Архив Российской академии наук (далее: Архив РАН. — *П.Ч.*). Ф. 1513. Оп. 1. Д. 198. Л. 15.
[2] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 716. Л. 22.
[3] Там же. Л. 24.

Как правило, Сталин находил время для Варги, который постоянно консультировал его по текущим вопросам экономического развития капиталистического мира. С одобрения Сталина на Общем собрании Академии наук СССР в 1939 г. Е.С. Варга был избран ее действительным членом.

С началом Второй мировой войны все внимание Е.С. Варги и руководимого им Института было приковано к развитию политической и экономической ситуации в Европе и на Дальнем Востоке. После капитуляции Франции летом 1940 г. Варга выступил инициатором пересмотра устоявшихся в Коминтерне и на страницах советской печати оценок о доминировании англо-американских противоречий в системе межимпериалистических отношений. Признание США потенциальным союзником Англии означало и принятие возможности в перспективе совместного выступления этих двух стран против держав «оси». Свои соображения, как обычно, Варга направил Сталину и вскоре получил из Кремля благосклонный ответ. Привожу его полный текст:

Тов. Варга!

Ваше толкование совершенно правильно. Мысль о том, что англо-американские противоречия являются основными в области международных отношений, относится к тому периоду, когда Германия, поверженная в прах и обескровленная после поражения в первой империалистической войне, не могла быть принята в расчет как конкретная сила против Англии или Америки. В этот период на арене остались две главные силы — США и Англия, противоречия между которыми являлись ввиду этого основным фактором международного положения.

Дело, однако, изменилось в корне после того, как Германия разбила Францию и получила в свои руки почти все ресурсы европейского континента, а Англия лишилась Франции. Теперь блок Германии, Италии и Японии угрожает не только Англии, но и США. В виду этого блок между Англией и США против германо-итало-японского блока представляет естественный результат такого оборота международных дел.

С комприветом

12.IX.40 г. И. Сталин[1].

В условиях действия советско-германского пакта о ненападении от 23 августа 1939 г., «освященного» самим «вождем мирового пролетариата», Варга и его Институт не могли, разумеется, подвергать сомнению правильность сталинского внешнеполитического курса. Но внимательное наблюдение за развитием событий на европейском театре военных действий давало аналитикам ИМХМП материал о значительном наращивании военно-экономического потенциала нацистской Германии, который в принципе мог быть повернут и против СССР. Не декларируя такой возможности, Е.С. Варга тем не менее счел необходимым проинформировать Сталина о значительном возрастании ресурсов Германии.

[1] Там же. Л. 26.

16 декабря 1940 г. Варга направляет Сталину соответствующий доклад с сопроводительным письмом следующего содержания:

Уважаемый товарищ Сталин!

Мне думается, что попытка оценки того, какие доходы получает Германия из оккупированных территорий (сделанная в нашем Институте т. Ганом), может иметь интерес для Вас. Цифры, конечно, далеко не точные.

С ком. приветом

Ваш Е. Варга»[1].

После нападения Германии на СССР 22 июня 1941 г. ИМХМП, многие сотрудники которого, несмотря на имевшуюся у них бронь, добровольно ушли на фронт, был эвакуирован в Ташкент. Сам Варга с небольшой оперативной группой обосновался в Куйбышеве (Самаре), куда были переведены все правительственные учреждения. После разгрома немцев под Москвой эта оперативная группа в начале 1942 г. вернулась в столицу, куда год спустя вернулся и основной состав ИМХМП.

С этого времени внимание Варги и его сотрудников все больше концентрируется на перспективах послевоенного развития. На это и были сориентированы лучшие интеллектуальные силы Института. Сам Варга постепенно склонялся к мысли о том, что после окончания Второй мировой войны капитализм ожидают кризисы, характерные для межвоенного периода.

Вернувшись в Москву, Варга восстановил контакт со Сталиным, которому продолжал направлять свои оценки и прогнозы. Редактируя по заданию Сталина готовившееся новое издание «Краткого курса Политической экономии», Варга предложил включить в книгу хотя бы небольшой раздел под названием «Военный капитализм» или «Капиталистическое хозяйство в условиях войны»[2].

Впрочем, он не ограничивался только научно-аналитическими записками, а иной раз позволял себе привлекать внимание Сталина и к более прозаическим вещам, которые казались ему, как советскому гражданину и патриоту, принципиально важными. Вот пример одного из таких обращений, датированный 14 октября 1942 г.:

Уважаемый товарищ Сталин!

Последнее время у булочных в Москве нередко красноармейцы (или, в лучшем случае, люди в красноармейской форме) просят хлеба. Народ дает им хлеб, но вместе с тем очень встревожен и спрашивают друг друга, неужели для красноармейцев не хватает хлеба? Из этого может получиться антисоветская агитация.

С ком. приветом

Ваш Е. Варга[3]

---

[1] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 716. Л. 28.

[2] См. письмо Е.С. Варги — И.В. Сталину от 7 февраля 1944 г. // Архив РАН. Ф. 1513. Оп. 1. Д. 198. Л. 16.

[3] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 716. Л. 45.

Как прореагировал Верховный Главнокомандующий на тревожный сигнал академика Варги, осталось неизвестно...

Занимаясь текущими делами и размышляя над вопросами послевоенного экономического развития, Варга менее всего ожидал, что в самый разгар войны, находясь в глубоком тылу, он может оказаться на волосок от гибели. Между тем весной 1943 г. его жизнь действительно оказалась под смертельной угрозой.

Инцидент, происшедший тогда с академиком Е.С. Варгой, нашел отражение как в сохранившихся архивных документах, так и в предсмертных воспоминаниях самого Варги. Он настолько важен для понимания отношения Сталина к Варге, что есть смысл рассказать о нем подробно, опираясь на имеющиеся документы.

Предоставим слово самому Евгению Самуиловичу.

> «Сталин обрек на смерть десятки тысяч лучших русских и иностранных коммунистов, — писал Варга в начале 60-х годов незадолго до смерти, — но лично меня он дважды спас: в 1938 г., когда ГПУ хотело меня арестовать на основании многочисленных ложных доносов, и в 1943 г., когда негодяй Вышинский обвинил меня в защите гитлеровского империализма. Почему Сталин сделал это? Не знаю! Может быть, думал, что я ему еще понадоблюсь...
>
> Я хочу здесь остановиться на печальном эпизоде с Вышинским: он характерен для тех лет.
>
> Во время войны настойчиво внушалось, особенно Эренбургом, что страшные злодеяния, которые творили немцы в отношении евреев, восточных военнопленных и населения оккупированных областей (грабежи, массовые убийства, рабский труд и т.д.) объясняются проявлением национального характера немцев.
>
> Это, разумеется, антимарксистский взгляд.
>
> Я выступил на собрании академиков в Свердловске с докладом «Исторические корни особенностей германского империализма», в котором заявил, что эти особенности должны быть объяснены исторически, и пытался дать им марксистский анализ. Вероятно, такого рода попытка была психологически преждевременной»[1].

Здесь мы прервем его рассказ для необходимых пояснений.

В упомянутом докладе на общем собрании Отделения экономики, философии и права, состоявшемся в марте 1943 г. в Свердловске, в присутствии академика А.Я. Вышинского, первого заместителя наркома иностранных дел СССР, Е.С. Варга позволил себе напомнить о революционных традициях германского рабочего класса, которые в будущем, по его убеждению, непременно дадут о себе знать.

Это вызвало бурную реакцию со стороны бывшего Генерального прокурора СССР. Вышинский не ограничился на академическом собрании грубой бранью по адресу «пособника германского фашизма» Варги, но

---

[1] «Вскрыть через 25 лет». (Предсмертные записки Е.С. Варги). С. 156.

поспешил отправить на него донос Сталину и Молотову[1]. Одновременно по инициативе тогдашнего начальника Главного политического управления Красной Армии А.С. Щербакова в печати началась яростная пропагандистская кампания против Варги. Его клеймили в газетах, подвергали проработкам в ЦК, в райкоме партии по месту работы и, что более всего ранило пожилого ученого, в стенах родного Института.

Из воспоминаний Е.С. Варги:

> «Вышинский, который в то время был одним из заместителей Сталина[2] и уполномоченным правительства в Академии наук, пытался воспользоваться этим, чтобы отправить меня на виселицу. Он заявил, что я "защищал" гитлеровский империализм. Все было приведено в движение против меня: секретариат ЦК, парторганизация Института.
>
> Разбирательство в институтской парторганизации представляло собой страшную картину. Как марионетки вставали все члены партии (в том числе мои лучшие друзья, которые были согласны со мной), чтобы осудить мой доклад и меня самого. Единогласно было принято осуждающее меня решение...
>
> Еще страшнее выглядело разбирательство в Секретариате ЦК. Я венгр, венгерские войска вместе с немцами воевали под Воронежем. Обвинение в "защите гитлеровского империализма" было почти равносильно государственной измене. Обвинителем выступал Александров, тогда заведующий отделом пропаганды ЦК. Он был помощником академика Иванова — отъявленного негодяя, которого Вышинский прочил на мое место директора Института. Александров имел наглость утверждать, что Институт заполонили немцы и венгры, что немецкий язык стал "государственным языком" (поскольку я с немецкими товарищами разговаривал по-немецки, ведь это мой второй родной язык); выдвигались и другие столь же вздорные обвинения. Когда мне дали слово, я спросил "ведущего дело" секретаря ЦК, читал ли он мой доклад. Он ответил: "К чему мне его читать, раз все приняли его в штыки". Мне сказал это Щербаков, откормленная свинья с маленькими злобными глазками, один из худших представителей самовластной бюрократии. Решение было такое: я должен представить разъяснение в письменном виде, что я и сделал.
>
> Я посоветовался с тов. Димитровым, и тот дал мне совет обратиться к Сталину: "он Вас знает". Я сделал это крайне неохотно: страна вела войну не на жизнь, а на смерть. Сталин был высшим военным и гражданским руководителем. Как я мог затруднять его моими маленькими личными делами? Когда ему было найти время для чтения моего доклада? И все-таки я послал ему мой доклад с кратким описанием моего положения»[3].

Здесь мы опять прервем Е.С. Варгу, чтобы обратиться к архивным документам из личного фонда Сталина. Среди этих документов находится письмо академика Варги, датированное 13 апреля 1943 г.

---

[1] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 716. Л. 49.

[2] Здесь Е.С. Варга ошибся. В действительности А.Я. Вышинский был Первым заместителем В.М. Молотова в Наркоминделе. — *П.Ч.*

[3] «Вскрыть через 25 лет». (Предсмертные записки Е.С. Варги). С. 157.

Из письма Е.С. Варги — И.В. Сталину:

Дорогой тов. Сталин!

Меня обвиняют в том, что у меня «пронемецкие настроения». Обвинение для советского человека очень тяжелое. Дело дошло до Секретариата ЦК.

Вы, дорогой тов. Сталин, всегда хорошо относились ко мне, ценили мою работу. Очень прошу Вас обратить внимание на это дело. Речь идет о жизни старого революционера! <...> Я очень прошу Вас просмотреть стенограмму. <...> От Вашего решения зависит моя судьба.

Преданный Вам

Е. Варга[1].

К письму была приложена официальная стенограмма академического заседания в Свердловске, где Варга выступил с «крамольным» докладом[2].

Сталин в это время был поглощен подготовкой операций в районе Курского выступа и на орловско-белгородско-харьковском направлениях; у него не было времени вникать в детали «свердловской истории». Поэтому он поручил разобраться с этим Молотову, который уже получил соответствующую записку-донос Вышинского.

По всей видимости, предварительное мнение Сталина на этот счет, как и его давнее отношение в Варге, было Молотову хорошо известно. Во всяком случае, ознакомившись со стенограммой заседания в Свердловске и с текстом доклада на нем Варги, Молотов 15 мая 1943 г. письменно высказал свое мнение Сталину: *«Читал. Доклад неплохой. Ничего неправильного в установке т. Варги не нахожу. В. Молотов»*[3].

Через два дня Молотов передал Сталину донос Вышинского, сопроводив этот документ припиской: *«Прилагаю записку т. Вышинского по поводу доклада т. Варги. Кроме неудачных формулировок из-за слабого знания русского языка (но не по существу), ничего записка не добавляет. В. Молотов. 17/V»*[4].

Как и Сталин, Молотов уважительно относился к Варге, часто пользуясь его советами и рекомендациями. Зато глава сталинской дипломатии не имел никаких оснований доверять своему первому заму — Вышинскому, в котором он чувствовал опасного соперника. Как известно, в 1949 г. Молотов вынужден будет уступить ему свое место. Так или иначе, но Молотов

---

1 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 716. Л. 46—48.

2 Текст стенограммы см.: Там же. Л. 50—68.

3 Там же. Л. 46.

4 Там же. Л. 49. Когда Молотов говорил о слабом знании Варгой русского языка, он не грешил против истины. Варга начал изучать русский язык лишь попав в Россию в 1920 г., уже в сорокалетнем возрасте, и до конца жизни не овладел им настолько, чтобы писать по-русски свои книги и статьи. Он писал их по-немецки, а потом отдавал для перевода своему личному референту-переводчику. Так, в конце 40-х — начале 50-х гг. эти функции выполнял при нем Д.Е. Меламид (Мельников), будущий крупный ученый-германист. Что же касается личной переписки и разговорной речи, то здесь Варга пользовался русским языком, когда его адресатами или собеседниками были русские. — *П.Ч.*

не видел для себя никакого резона подыгрывать Вышинскому в его интриге против Варги.

Итак, судьба Варги в очередной раз оказалась в руках Сталина. Из воспоминаний Е.С. Варги:

> «Через 2—3 недели мне позвонил главный личный секретарь Сталина Поскребышев, сказал, что "хозяин" хочет со мной говорить, и соединил меня с ним. Сталин спросил, не изменил ли я что-нибудь в тексте доклада, я сказал, что нет, только в нем отсутствуют цитаты из Гитлера на немецком языке, которые не были застенографированы. Он сказал тогда:
>
> "Это хороший марксистский доклад! Кто вас обвинил?"
>
> Что произошло дальше, я знаю только от Димитрова, который сказал, что Сталин пропесочил людей, которые меня оклеветали. А далее — унизительные последствия! Через несколько дней мне позвонил Александров, заявил, что мой доклад был не так уж плох (!), что я мог бы его опубликовать.
>
> Что же касается подлой собаки Вышинского, то он имел бесстыдство говорить обо мне публично в Академии "мой друг Евгений Самуилович" и всячески расхваливать меня. А палач Щербаков предоставил мне право пользоваться автомобилем из гаража ЦК (все автомобили Академии были тогда реквизированы для армии).
>
> Впрочем, высшая бюрократия ЦК не забыла пережитого из-за меня унижения...»[1].

Но об этом речь впереди.

В 1943 г. Сталин не только не отдал Варгу на съедение его недругам, но и почтил новым знаком своего расположения. Указом Президиума Верховного Совета СССР академик Е.С. Варга за заслуги перед Советским государством и в связи с 65-летием был награжден очередным орденом Ленина.

Пережитое в 1943 г. потрясение, в особенности малодушное поведение большинства его друзей и коллег по ИМХМП, нанесло Варге глубокую душевную травму. Он тяжело заболел и осенью 1944 г. подал заявление об отставке с поста директора Института.

На этот раз против ухода Варги решительно высказался научный коллектив ИМХМП. В Архиве РАН сохранилась копия письма институтского «треугольника» В.М. Молотову с просьбой не принимать отставку Варги:

> ЗАМЕСТИТЕЛЮ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СССР ТОВАРИЩУ МОЛОТОВУ В.М.
>
> 23/X.1944
>
> Уважаемый Вячеслав Михайлович!
>
> Нам стало известно, что академик Е. Варга обратился к Вам с просьбой об освобождении его от исполнения обязанностей директора Института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР, с чем мы в настоящее время согласиться не можем.

[1] «Вскрыть через 25 лет». (Предсмертные записки Е.С. Варги). С. 157.

Мы считаем необходимым просить Вас при рассмотрении его просьбы учесть нижеследующее:

1. Современная международная обстановка ставит перед Институтом особенно ответственные задачи, для осуществления которых необходимо наиболее полное использование всех научных кадров, работающих в области мирового хозяйства и мировой политики. В этих условиях крупное значение приобретают большой научный опыт и знания академика Е. Варга, работающего в качестве директора Института более 17 лет и имеющего в этой области большое количество трудов.
2. Крупный авторитет академика Е. Варга в СССР и за рубежом, а также его умение смело и своевременно ставить новые научные проблемы приобретают очень важное значение в связи с характером предстоящего этапа нашей работы.
3. Огромная трудоспособность академика Е. Варга, несмотря на болезненное его состояние, дала ему возможность даже в нынешнем году, когда он около 8 месяцев болел, закончить весьма актуальную работу об изменениях современного капитализма за время второй мировой войны.
4. Имеющиеся у академика Е. Варга недостатки в области руководства работой Института требуют, конечно, помощи ему, главным образом путем усиления состава дирекции Института и редакции журнала, а также более заботливого отношения к нуждам Института со стороны Президиума Академии Наук.

Ученый секретарь Дирекции
кандидат экономических наук *(В. Масленников)*

Секретарь партбюро Института
кандидат экономических наук *(М. Лукьянова)*

Председатель месткома Института
кандидат экономических наук *(М. Бокшицкий)*[1]

Отставка Варги не была принята, и он продолжал выполнять директорские обязанности, одновременно работая над новой книгой, которой суждено будет изменить его судьбу.

Сталин продолжал благоволить к Варге. В феврале 1945 г. он пригласил его в качестве эксперта на Ялтинскую конференцию руководителей антигитлеровской коалиции, а затем и на Потсдамскую конференцию держав-победительниц. Сталина очень заинтересовал прогноз Варги о неизбежности тяжелого послевоенного экономического кризиса в США. Генералиссимус настолько проникся этой мыслью, что в Потсдаме все допытывался у Г. Трумэна о сроках его наступления. Казалось, этот вопрос заботит его больше, чем даже успешное испытание в США первой атомной бомбы. По верному замечанию В.И. Каплана, Сталин «ожидал этого кризиса до своей смерти в 1953 г.»; он «не только был абсолютно уверен в скором

[1] Архив РАН. Ф. 1513. Оп. 1. Д. 232. Л. 1 – 2.

наступлении кризиса, но и в своей глобальной политике возлагал на него большие надежды»[1].

После окончания войны Сталин направил Варгу в Будапешт в качестве экономического консультанта венгерского правительства, занимавшегося восстановлением разрушенной экономики Венгрии. По возвращении из Венгрии в 1946 г. Варга неожиданно обнаружил, что политический климат в Москве начал портиться. Вчерашняя общественная эйфория от одержанной великой победы и связанные с ней радужные надежды на изменение жизни к лучшему сменялись депрессией и нараставшей тревогой за будущее.

Варга не сразу понял смысл происходившего поворота во внешней и внутренней политике Сталина. Старый ученый целиком был поглощен осмыслением итогов Второй мировой войны, изучением глубоких структурных сдвигов, происшедших в экономике западных стран в результате войны. Я.А. Певзнер, тесно общавшийся в тот период с Е.С. Варгой, вспоминает о его тогдашних настроениях: «Теперь-то только и работать — велики были потери, но ведь мир стал другим, новым, лучшим — уничтожены спруты гитлеровского фашизма и японского милитаризма на Западе и на Востоке, сделаны решающие шаги к созданию новых социалистических государств; начался реальный, а не выдуманный кризис колониальной системы, приведший вскоре к ее распаду. И еще — пришло время изучать, как складываются в послевоенном мире экономические отношения между странами, как идет реконверсия, каким образом будут использоваться в мирных целях успехи науки и техники, которые развились в годы войны (радар, ракетная техника, атомная энергия, синтетические материалы и др.), будет ли вноситься обновление в самое социально-экономическую структуру, во взаимоотношения государства и корпораций? Для ответа на эти вопросы (особенно последний) необходимо было пристально заглянуть в недавнее прошлое — в военную экономику периода второй мировой войны»[2].

Варга вернулся из Венгрии не только с живыми впечатлениями, отражавшими начавшиеся перемены в государствах Восточной и Центральной Европы (именно Варга первым введет понятие «страны новой (народной) демократии»), но и с новой книгой — «Изменения в экономике капитализма в итоге второй мировой войны».

По усвоенной им за долгие годы привычке советоваться с «вождем и учителем», Варга послал рукопись книги Сталину, надеясь получить от него не только благословение, но и какие-то замечания политического характера. В скором времени из Кремля пришел ответ[3]:

Товарищ Варга!

Ввиду перегруженности работой мне не удалось прочесть Ваш труд «Изменения в экономике капитализма в итоге второй мировой войны».

---

[1] *Каплан В.И.* Указ. соч. С. 142.

[2] *Певзнер Я.* Жизнь и труды Е.С. Варги в свете современности. С. 27.

[3] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 716. Л. 70.

Чтобы не задерживать издания Вашего труда, я возвращаю его Вам. Понятно, что никаких препятствий к изданию Вашего труда не будет.

И. Сталин

3 апреля 1946 г.

Несмотря на имевшееся как будто бы в письме «благословение», отказ Сталина ознакомиться с содержанием книги своего экономического советника должен был насторожить Варгу. Наверное, это был первый случай за все годы их знакомства, когда Сталин уклонился от чтения труда Варги, тем более посвященного столь важному в тот момент вопросу. Непривычно (для Варги) сухой тон ответа Сталина должен был означать только одно: хотя «ввиду перегруженности работой» Сталин рукопись не читал, но надеется, что «товарищ Варга» раскрывает тему с правильных марксистских позиций.

Последующее развитие событий позволяет предположить, что Сталин все же ознакомился с рукописью Варги. Более того, она ему не понравилась по самой концепции и основным выводам. Давая санкцию на ее публикацию, коварный вождь задумал организовать после издания книги показательное «дело» Варги и руководимого им ИМХМП. О смысле сталинской задумки мы поговорим чуть ниже.

Преодолев возникшие было сомнения, Варга отдал рукопись в издательство, которое в рекордно быстрый срок выпустило книгу уже в 1946 г.[1]

Это была первая и единственная тогда в мировой экономической литературе попытка серьезного комплексного осмысления последствий Второй мировой войны для западной экономики. Поэтому она и привлекла к себе внимание специалистов и научной общественности не только в СССР, но и за рубежом.

Опала

Первые раскаты грома раздались в мае 1947 г., когда по указанию Управления пропаганды ЦК ВКП(б) было проведено объединенное заседание Сектора политэкономии Института экономики АН СССР и Кафедры политэкономии МГУ, на котором состоялось обсуждение книги академика Е.С. Варги[2].

Дискуссия, продолжавшаяся на трех заседаниях — 7, 14 и 21 мая, — велась под председательством члена-корреспондента АН СССР К.В. Островитянова.

В своем вступительном слове он, среди прочего, сказал: «Выход в свет книги т. Варга... является довольно важным и значительным событием на нашем теоретическом фронте. В книге т. Варга дан обстоятельный теоре-

---

[1] *Варга Е.С.* Изменения в экономике капитализма в итоге второй мировой войны. М., 1946.

[2] Материалы этой дискуссии были опубликованы в Приложении к журналу «Мировое хозяйство и мировая политика». 1947, № 44.

тический анализ тех изменений, которые произошли в экономике капитализма в результате второй мировой войны. Но мало этого, в книге делается интересная и смелая попытка наметить тенденции экономического развития послевоенного капитализма. Об актуальности книги свидетельствует краткий перечень тех вопросов, которые в ней ставятся. Это вопросы о роли государства в развитии экономики; существо и пределы военного регулирования хозяйства; тенденции к обеднению во время войны; проблема рабочей силы; проблема производства, распределения и потребления во время войны и в последующий период; изменения в ходе промышленного цикла в послевоенный период и перспективы развития капитализма».

Отметив наряду с этим наличие ряда спорных положений в обсуждаемом труде, К.В. Островитянов завершил свое вступительное слово вполне академично: «Как бы ни относиться к книге т. Варга, нельзя не признать, — заявил он, — что она будит мысль и дает большой материал для серьезной научной дискуссии»[1].

Следует запомнить этот благожелательный по отношению в Варге тон первого выступления Островитянова.

В поддержку основных положений обсуждаемой книги выступили авторитетные экономисты — академик И.А. Трахтенберг и академик С.Г. Струмилин. Последний, в частности, сказал: «...Даже наиболее спорные страницы в работе т. Варга не сужают, а повышают интерес к выдающейся, оригинальной работе автора. В отличие от произведений многих других авторов, с которыми не о чем спорить уже потому, что в их работах нет ни одной собственной мысли, книга т. Варга, изобилуя ими, заставляет подумать о них и своих читателей»[2].

В то же время в ходе трехдневной дискуссии были нанесены и первые ощутимые удары по всей концепции книги Варги. Главными объектами нападок стали первые две главы книги, где рассматривалась возросшая в ходе войны роль государства в экономике капиталистических стран, пытающегося внести в экономическую жизнь элементы организованности и даже плановости. По мнению оппонентов Варги (В.Е. Мотылев, Э.И. Гурвич, И.Н. Дворкин, П.К. Фигурнов и др.), в его книге содержатся «методологические промахи принципиального характера»; более того — «книга извращает кардинальную проблему перспектив капитализма», а сам «т. Варга неправильно понимает сущность государственного капитализма». Острой критике подверглось и положение Варги о государственно-капиталистической природе экономики стран народной демократии.

К.В. Островитянов, постоянно информировавший о ходе дискуссии начальника Агитпропа ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрова и получавший от него соответствующие указания, к концу обсуждения уже не был столь благожелателен к Варге и его труду. Выступая с заключительным словом, он неожиданно резко и в полном противоречии со своим первоначально высказанным мнением заявил: «Тов. Варга не попытался подойти к анализу

[1] «Мировое хозяйство и мировая политика». 1947, № 44. С. 1.

[2] Там же. С. 49.

явлений современного капитализма с точки зрения сталинской постановки проблемы общего кризиса капитализма и абстрагировался от политики при анализе экономических явлений. В этом методологический порок книги»[1]. Островитянов обвинил Варгу в неправильном понимании общего кризиса капитализма и особенностей борьбы двух систем, в неверной трактовке роли государства в капиталистической экономике, в ошибочной оценке экономической и политической ситуации в странах «новой демократии»[2]. По существу Островитянов солидаризировался со всеми выпадами против Варги, прозвучавшими в ходе дискуссии.

По итогам обсуждения Островитянов направил докладную записку на имя члена Политбюро ЦК ВКП(б), секретаря ЦК А.А. Жданова. Заверив «идеолога № 1» в том, что «дискуссия носила принципиальный характер и протекала в товарищеской обстановке», Островитянов подробно перечислил «выявленные» в ходе обсуждения «серьезные недостатки книги», «спорные вопросы и ошибочные положения»[3].

Ознакомившись с запиской, Жданов наложил резолюцию: «Разослать для сведения тт. Сталину, Молотову, Берия, Микояну, Маленкову, Вознесенскому. 3/VI. Жданов»[4].

Далее события получили стремительное развитие. В печати была начата направляемая из Агитпропа кампания, причем не только против академика Е.С. Варги, но и против возглавляемого им Института, последние публикации которого подверглись грубой идеологической проработке.

Сигнал был дан теоретическим органом ЦК ВКП(б) журналом «Большевик», поместившим на своих страницах в 13-м номере за 1947 г. разгромную рецензию на книгу одного из ведущих научных сотрудников ИМХМП Л.Я. Эвентова «Военная экономика Англии» (М., 1946), опубликованную под редакцией академика И.А. Трахтенберга.

«Книга тов. Эвентова — порочная книга, — безапелляционно утверждалось в рецензии. — Она не вскрывает глубочайших противоречий английского капитализма, не дает правильного освещения процессов, происходящих в капиталистической экономике. <…> Беспартийное, объективистское изложение наряду с принятием на веру некоторых буржуазных утверждений обесценивает фактический материал, который имеется в книге. Работы по экономике капитализма, — поучал "теоретический орган" партии, — должны вооружать советских людей, помогать им разбираться в явлениях, процессах, противоречиях капиталистического общества. Экономическая теория глубоко партийна. Поэтому объективизм, бесстрастное коллекционирование экономических фактов недопустимо»[5].

А в 17-м номере «Большевика» за тот же год был помещен пространный отклик на дискуссию по книге Е.С. Варги. «Основной недостаток книги тов.

---

[1] «Мировое хозяйство и мировая политика». 1947, № 44. С. 56.
[2] Там же. С. 57–58.
[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 551. Л. 90–97.
[4] Там же. Л. 90.
[5] Большевик, 1947, № 13. С. 64–65.

Варга состоит в том, что она не дает цельной характеристики современного империализма, — утверждал «Большевик». — Этот недостаток... объясняется прежде всего тем, что изменения в экономике современного капитализма автор рассматривает изолированно, вне связи с обострением общего кризиса капитализма в итоге второй мировой войны. Проблема развития и углубления общего кризиса капитализма, по существу, обойдена в книге. <...> Книга не дает общей картины усиления паразитизма и загнивания капитализма, обострения основных противоречий капиталистической системы, усиления неравномерности развития капитализма, обострения проблемы рынков. Следует также отметить, что автор односторонне анализирует явления и тенденции современного капитализма, отрывая экономику от политики...»[1].

Удар был нанесен и по ИМХМП. «Дискуссия, — утверждалось в «Большевике», — вскрыла наряду с серьезными недостатками книги академика Е. Варга слабые стороны в работе наших экономистов, и прежде всего в работе Института мирового хозяйства и мировой политики Академии наук СССР, по теоретическому исследованию современной стадии империализма и общего кризиса капитализма»[2].

В это же время стало ясно, что Е.С. Варга и ИМХМП обрели весьма опасного недоброжелателя в лице тогдашнего сталинского фаворита Н.А. Вознесенского, члена Политбюро, Первого заместителя Председателя Совета Министров, Председателя Госплана СССР. Почти одновременно с Варгой он выпустил труд под названием «Военная экономика СССР в период Отечественной войны», немедленно отмеченный Сталинской премией.

По понятным причинам, воззрения практика плановой советской экономики существенно отличались от более широких взглядов знатока западной экономической системы. Выступая в роли первого в СССР экономиста, Вознесенский уже претендовал и на бесспорное знание экономики капиталистической.

Он решительно выступил против самой концепции Варги о возрастании роли государства в послевоенной экономике западных стран. «Рассуждения некоторых теоретиков, считающих себя марксистами, о «решающей роли государства в военном хозяйстве капиталистических стран» являются пустяками, не заслуживающими внимания. Эти «марксисты» наивно думают, что использование хищниками монополистического капитала государственного аппарата США для получения военных сверхприбылей будто бы свидетельствует о решающей роли государства в экономике... Жалкие попытки «планировать» экономику в США терпят крах, как только они выходят за рамки содействия монополистам в получении прибыли»[3].

---

[1] Большевик, 1947, № 17. С. 57.

[2] Там же. С. 64. Варга пытался защищаться. В сентябре 1947 г. он направил Сталину письмо под названием «Об ошибках "Большевика" по вопросу о последствиях войны», где убедительно вскрывал несостоятельность возводимых на него обвинений. (Текст письма см.: Архив РАН. Ф. 1513. Оп. 1. Д. 198. Л. 19-20). Сталин не ответил на письмо, и это было дурным предзнаменованием для Варги.

[3] *Вознесенский Н.А.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1947. С. 31.

Мало-мальски осведомленным людям сразу же стало ясно, в кого метит влиятельнейший тогда партийный функционер, говоря о «теоретиках, считающих себя марксистами». Если Вознесенский и не назвал имя Варги, то лишь потому, что не был пока уверен, что Сталин окончательно охладел к своему консультанту по экономическим проблемам Запада. Тем не менее заявленная позиция Вознесенского, подкрепляемая мнением «Большевика», придала смелости явным и тайным недоброжелателям Варги, добивавшимся показательного закрытия ИМХМП и «оргвыводов» в отношении его руководства и ведущих сотрудников.

О том, что дело не ограничится профилактической идеологической проработкой ИМХМП, знал лишь узкий круг аппаратчиков из Агитпропа ЦК ВКП(б), втайне готовивших решение о закрытии Института. Первые признаки такого исхода дела появились еще весной 1947 г., когда неожиданно были прекращены зарубежные научные командировки сотрудников ИМХМП.

13 марта 1947 г. Президент АН СССР академик С.И. Вавилов обратился к секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецову с официальной просьбой поддержать ходатайство директора ИМХМП академика Е.С. Варги о командировании пяти ведущих научных сотрудников Института в ряд зарубежных стран на сроки от двух до нескольких месяцев. «Чрезвычайная сложность происходящих процессов в международной политике и экономике капиталистических стран и необходимость тщательного изучения этих процессов делают подобные научные командировки с целью непосредственного ознакомления с соответствующей страной, желательными», — подчеркивалось в обращении Президента АН СССР[1]. 26 марта 1947 г. Е.С. Варга подкрепил это официальное обращение личными письмами к А.А. Жданову и А.А. Кузнецову[2].

Более месяца вопрос о загранкомандировках оставался в подвешенном состоянии в недрах Агитпропа. Наконец, 5 мая 1947 г. Г.Ф. Александров «вышел» с этим вопросом на секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецова, в ведении которого находились все кадровые вопросы:

> Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Кузнецову А.А.
>
> По представлению директора Института мирового хозяйства и мировой политики академика Е.С. Варга, президент Академии наук СССР академик С.И. Вавилов вошел в ЦК ВКП(б) с ходатайством о командировании в ряд зарубежных стран пяти старших научных сотрудников Института: Карра Василия Андреевича, Гольдштейна Исаака Иосифовича, Файнгора Исахара Моисеевича, Слободского Соломона Марковича, Лемина Иосифа Михайловича.
>
> Управление пропаганды считает нецелесообразным посылку указанных лиц в заграничные научные командировки по политическим мотивам

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 551. Л. 81. К обращению Президента АН СССР были приложены составленные в ИМХМП служебно-партийные характеристики на каждого из пяти командируемых.

[2] Там же. Л. 87.

(подчеркнуто в оригинале красным карандашом. — *П.Ч.*). Гольдштейн И.И. и Слободской С.М. являются выходцами из партии "Бунд", Лемин И.М., Гольдштейн И.И. и Файнгор И.М. в прошлом исключались из ВКП(б). Карра В.А. — сын помещика из местечка Камрат бывш. Бессарабской губ., в течение 12 лет проживал в Германии, политически не выявлен. Трое из названных лиц, Гольдштейн И.И., Карра В.А., Слободской С.М., в настоящее время вне партии.

Командировка за границу пяти научных работников Института мирового хозяйства и мировой политики связана также с значительными затратами валютных средств.

Г. Александров.

На письме Г. Александрова имеются резолюции: *«Согласен с заключением тов. Александрова. М. Суслов. 5.V.»; «Согласен. А. Жданов. 6.V.47»* и приписка: *«В архив. Тов. Варге и тов. Вавилову объяснено. П. Федосеев. 20.V.»*[1].

С этого времени ни один сотрудник ИМХМП до самого его закрытия в загранкомандировки не выезжал.

Вопрос о закрытии Института решился в сентябре 1947 г. Поначалу он был оформлен в Агитпропе, затем передан на рассмотрение Секретариата ЦК, который в своем решении от 12 сентября рекомендовал Политбюро объединить ИМХМП с Институтом экономики в единый Институт экономики АН СССР.

Хотя архивы бывшего ЦК КПСС и не дают ответа на вопрос о том, кто именно инициировал закрытие ИМХМП, ответ этот очевиден — сам Сталин. Только он мог решить судьбу Института Варги.

Варга, видимо, не сразу понял, откуда дует ветер. Интригу с закрытием ИМХМП он приписал своим давним (А.А. Вышинский, Г.Ф. Александров и др.) и новым (Н.А. Вознесенский) недоброжелателям. Этим и можно объяснить обращение Варги к Сталину, который до сих пор всегда поддерживал его. В личном фонде Сталина в РГАСПИ это письмо не сохранилось, но его машинописная копия имеется среди бумаг Варги в Архиве РАН. Вот полный текст этого письма:

Глубокоуважаемый товарищ Сталин!

Товарищ Александров мне передал, что Управление пропаганды ЦК ВКП(б) вносит в Правительство план объединения Института мирового хозяйства и мировой политики с Институтом экономики (здесь и далее подчеркнуто в тексте письма. — *П.Ч.*) Академии Наук СССР в один институт, который должен заниматься только экономикой, но не международной политикой.

Хотя такая реорганизация дала бы мне возможность освободиться от должности директора, о чем я несколько раз просил, я считаю своим долгом возражать против такого плана.

Отделить изучение политики капиталистических стран от изучения экономики и наоборот было бы теоретически антиленинским, а практиче-

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 551. Л. 89.

ски совершенно неосуществимым. Экономика и политика капиталистических стран сейчас так переплетены, что нельзя заниматься экономикой без политики, а тем более политикой без изучения экономики.

Мотив, выдвигаемый товарищем Александровым, что экономика СССР переплетается с экономикой зарубежных стран и поэтому ее надо изучать совместно в одном институте, правилен только в отношении соседних юго-восточных стран. Он никак не правилен в отношении возможных противников, крупных капиталистических стран, как США, Англия, Франция, Китай и т.д. Экономика этих стран имеет другие движущие силы, чем наша. Товарообмен с нами для этих стран имеет очень небольшое значение, теперь меньшее, чем до войны.

Поэтому я прошу Вас отвергнуть план слияния двух институтов.

Институт мирового хозяйства и мировой политики, несмотря на недостатки в его работе, в течение 20 лет делает полезную работу и может успешно работать и в будущем, как самостоятельный институт. Поэтому думаю, что эксперимент со слиянием институтов был бы нецелесообразным, как по общепринципиальным, так и по практическим соображениям.

С коммунистическим приветом[1].

Ответа от Сталина Варга так и не получил, как не получит он ответа и на последующие свои обращения к вождю, который словно вычеркнул заслуженного экономиста-международника из числа своих адресатов. Вместо Сталина Варге позвонил Жданов и пригласил к себе на Старую площадь. Как впоследствии рассказывал сам Варга, Жданов в резкой форме заявил ему, что вопрос о слиянии двух институтов решен окончательно и обсуждению не подлежит[2].

18 сентября 1947 г. было принято упоминавшееся уже решение Политбюро. Формально ИМХМП прекратил свое существование в ноябре того же года. В результате объединения с Институтом экономики лишь половина научных сотрудников (примерно 60 человек) бывшего ИМХМП после самой тщательной проверки была принята на работу в ИЭ АН СССР, образовав в нем Отдел капиталистических стран. Остальные «имховцы» в одночасье оказались безработными. Десятки первоклассных специалистов, в их числе доктора наук В.И. Каплан, крупнейший американист, Х.Д. Эйдус, знаток Японии, бывший заведующий восточным сектором и ученый секретарь Института, А.З. Зусманович, видный африканист и другие, были буквально выброшены из науки и лишились средств к существованию. В течение нескольких лет многие не могли трудоустроиться в Москве и вынуждены были уехать на периферию, где их ожидали новые испытания, о чем еще будет сказано.

После выяснения обстоятельств ликвидации Института мирового хозяйства и мировой политики остается ответить на главный вопрос: в чем

---

[1] Архив РАН. Ф. 1513. Оп. 1. Д. 198. Имеющаяся в Архиве РАН копия письма не датирована и не подписана Е.С. Варгой. Можно предположить, что письмо было написано летом 1947 г.

[2] См.: *Певзнер Я.А.* Жизнь и труды Е.С. Варги в свете современности. С. 28.

же причины неожиданной опалы Е.С. Варги и последовавшего за ней закрытия ИМХМП?

Ответ на этот непростой вопрос может быть найден только с учетом исторических реалий первых двух послевоенных лет.

«Новый курс» Сталина и начало холодной войны

Историческая победа в Великой Отечественной войне, на алтарь которой народы Советского Союза принесли многомиллионные жертвы, вызвала в стране большой общественный подъем. За годы войны в людях окрепли чувства гордости и собственного достоинства, появилась убежденность в праве на лучшую жизнь не только для детей и внуков, как то сулила партия большевиков, но и для себя. Вернувшиеся с фронта миллионы солдат и офицеров Красной Армии, освободившие свою страну и значительную часть Европы, героические труженики тыла, самоотверженно ковавшие победу на военных заводах и скудных колхозных полях, — все они весной сорок пятого года находились в приподнятом настроении, в уверенности на улучшение тяжелейших условий материальной жизни.

Сталин чувствовал все эти настроения, и в его власти было хотя бы попытаться удовлетворить законные чаяния народа-победителя. Но он предпочел пойти по другому пути.

Генералиссимус испытывал растущее беспокойство за стабильность своего режима. Народ, по его убеждению, за годы войны идеологически разболтался: миллионы советских людей пережили оккупацию и плен; другие (а их тоже был с десяток миллионов) побывали в европейских странах и узнали совсем иную, чем в СССР, жизнь; сознание тех и других не могло не подвергнуться опасным, с точки зрения диктатора, искушениям.

Болезненную (впрочем, совершенно беспричинную) тревогу вызывала у Сталина армия, ее высший командный состав, вынесший на своих плечах всю тяжесть четырехлетних военных испытаний. Особую ревность генералиссимус испытывал к маршалу Г.К. Жукову, претендовавшему, как казалось Сталину, на лавры победителя.

Всему этому должен быть положен конец. Так решил «вождь и учитель», начавший завинчивать гайки. Сейчас уже мало кто помнит, что в конце 1946 г. Сталин отменил празднование Победы над Германией, сделав выходным вместо 9 мая новогодний день 1 января. День Победы официально станут отмечать в СССР только с 1965 г.

Война, несомненно, наложила отпечаток и на политико-идеологические воззрения самого Сталина, определив их эволюцию от интернационально-коммунистической к национал-большевистской модели.

Вопрос об интернационализме применительно к мировоззрению Сталина вообще довольно спорный, хотя, действительно являясь учеником и последователем Ленина, он формировался как революционер-интернационалист. Со временем же, жестко отстаивая в борьбе с Троцким свою

концепцию о возможности построения социализма в отдельной взятой стране, т.е. в СССР, Сталин все больше (возможно, даже незаметно для самого себя) переходил с позиций пролетарского интернационализма — этого основополагающего принципа марксизма — на позицию национал-большевизма.

Эта эволюция, начавшаяся еще в предвоенный период (вспомним письмо Варги Сталину от 28 марта 1938 г.) ускорилась в годы войны, когда Сталин стал ощущать себя не только «вождем мирового пролетариата», но в еще большей степени — преемником царей, единовластным правителем тысячелетнего российского государства. Он стал все чаще апеллировать к историческому опыту России, прибегать к переделанным на советский лад заимствованиям из дореволюционного прошлого.

В годы войны Сталин вспоминает о «наших великих предках» — Александре Невском, Суворове и Кутузове, учредив и назвав их именами полководческие ордена. В 1943 г. он вводит в Красной Армии новую форму с золотыми погонами, во многом скопированную с мундиров царской армии; учреждает суворовские училища на манер дореволюционных кадетских корпусов.

С началом войны Сталин «амнистирует» Русскую православную церковь, возвращает из мест заключения немногих остававшихся еще в живых иерархов, а в 1943 г. восстанавливает патриаршество, ликвидированное им же в 1925 г. Но, что более важно, в 1943 г. Сталин (под формальным предлогом необходимости сплочения антигитлеровской коалиции) распускает Коминтерн — этот «штаб мировой революции» — и заменяет Государственный гимн СССР с «Интернационала» на «Союз нерушимый...». Во внутренней и внешней политике сталинского режима все более четко обозначаются черты великодержавности, замешанной на большевизме.

Нынешний лидер КПРФ Г.А. Зюганов, большой поклонник Сталина, пишет по этому поводу: «Не вдаваясь в оценки личности Сталина, надо признать, что он, как никто другой, понимал необходимость мировоззренческого обновления в рамках геополитической формы СССР. Понимал он и насущную потребность согласования новых реальностей с многовековой российской традицией. Результатом такого понимания и стало резкое изменение государственной идеологии Советского Союза в 1944—1953 гг. В основе нового курса, — продолжает неосталинист Зюганов, — лежало стремление создать эффективную и соответствующую требованиям современности «идеологию патриотизма», которая могла бы стать надежным мировоззренческим основанием для функционирования государственных механизмов огромной советской державы и ее союзников»[1].

Как бы ни относиться к изысканиям лидера КПРФ в области геополитики, в одном нельзя с ним не согласиться: действительно, поворот в «государственной идеологии» СССР наметился с конца войны, когда Сталин решил преподать народу-победителю урок «советского патриотизма».

---

[1] *Зюганов Геннадий.* География победы: основы российской геополитики. М., 1998. С. 106.

Новый курс, взятый Сталиным, с полным основанием можно определить как национал-большевизм.

Дело в том, что, утверждая идеологию патриотизма, Сталин вовсе не стремился освободиться от наследия большевизма. Напротив, он его берег, развивал и всегда держал наготове, в частности, в отношениях ВКП(б) с «братскими компартиями» после роспуска Коминтерна.

В результате разгрома нацистской Германии и ее союзников в ряде коммунистических партий (Франции, Чехословакии, Греции, Румынии, Югославии и др. стран) начались поиски собственных, национально-специфических путей к социализму. Все эти поиски вызывали растущее раздражение у Сталина, так как были чреваты ослаблением его контроля над компартиями, чего он никак не мог допустить. В 1945 г. он по существу запретил французским коммунистам, сыгравшим значительную роль в Сопротивлении, претендовать на власть, так как не был до конца уверен в их лояльности.

Нараставшее после окончания войны обострение международной обстановки и наметившийся в 1947 г. раскол Европы побудили Сталина ускорить принятие мер по прекращению дискуссий вокруг «национальных» концепций социализма и консолидировать коммунистическое движение вокруг ВКП(б). Восстанавливать Коминтерн Сталин счел нецелесообразным, но и оставлять компартии без присмотра он посчитал невозможным.

Зарубежные компартии должны были признать советскую модель как единственно верную для всех «отрядов мирового пролетариата». С этой целью Сталин решил создать региональный центр по руководству компартиями государств Восточной и Центральной Европы, которым предстояло из стран «народной демократии» превратиться в составную часть «социалистического лагеря».

22 сентября 1947 г. в польском городке Склярска-Пореба (Шклярска Поремба) в обстановке полной секретности было созвано совещание представителей компартий СССР, Болгарии, Венгрии, Румынии, Польши, Чехословакии, Югославии, Италии и Франции, принявшее решение о создании Информационного бюро коммунистических партий (Коминформ).

ВКП(б) была представлена на совещании А.А. Ждановым и Г.М. Маленковым. В докладе Жданова, лично отредактированном Сталиным, впервые четко было заявлено о том, что новая расстановка политических сил после войны характеризуется образованием «двух лагерей — лагеря империалистического, антидемократического, с одной стороны, и лагеря антиимпериалистического и демократического — с другой». Вскрывшимся в ходе совещания разногласиям между представителями компартий о путях «построения социализма» Жданов и Маленков жестко противопоставили «единственно верную» советскую модель социализма. Всякие отступления от сталинской модели, как покажет вскоре опыт Югославии, были чреваты отлучением от международного коммунистического движения. Коминформ с момента своего возникновения превратился в орган, контролирующий из Москвы всю деятельность входивших в него компартий.

Новый курс четко обозначился во всей внешней и внутренней политике сталинского режима.

9 февраля 1946 г., выступая в Москве на предвыборном собрании избирателей, Сталин нанес первый удар по витавшим в обществе иллюзиям о скорой счастливой жизни. Определяя задачи по восстановлению разрушенной войной экономики, Сталин заявил, что народу предстоит в очередной раз затянуть пояса, по крайней мере «на три новых пятилетки, если не более». «Только при этом условии, — подчеркнул он, — можно считать, что наша Родина будет гарантирована от всяких случайностей...»[1]

В западных странах — союзницах СССР по антигитлеровской коалиции это выступление Сталина вызвало тревогу. Сталин не удостоил вчерашних союзников ни единым словом, а его заявление о необходимости для СССР гарантий «от всяких случайностей» было воспринято на Западе как предупреждение о возможной конфронтации между державами-победителями.

5 марта 1946 г. последовала известная Фултонская речь бывшего английского премьера У. Черчилля, в которой была выдвинута идея англо-американского военного союза против «восточного коммунизма», угрожающего западным демократиям. Именно в этой речи впервые появилось выражение «железный занавес», которым СССР сам отделил себя от «свободного мира».

Следует отметить, что поначалу на Западе высказывания отставного политика были встречены с недоумением и даже с неодобрением. Но когда по этому вопросу высказался Сталин, стало ясно, что послевоенный мир вступает в новую эпоху.

13 марта Сталин ответил Черчиллю со страниц «Правды». «Несомненно, что установка г. Черчилля есть установка на войну, призыв к войне с СССР», — категорично заявил Сталин[2]. Запад был буквально шокирован сталинским сравнением Черчилля с Гитлером. Бывший британский премьер, мужественно руководивший военными действиями против нацистской Германии еще с 1940 г., когда Сталин по существу был союзником Гитлера, был назван не только поджигателем войны, но и расистом.

За словесными угрозами с двух сторон последовали конкретные действия. Советский Союз резко активизирует советизацию освобожденных Красной Армией на исходе войны государств Восточной и Центральной Европы, которые, по замыслу Сталина, должны были составить спешно создаваемый им «социалистический лагерь» в противовес «лагерю империализма». Действуя через своих союзников — Албанию, Болгарию и Югославию, — СССР способствовал разжиганию Гражданской войны в Греции (1946—1949 гг.), надеясь распространить свой контроль на весь Балканский регион[3].

Одновременно компартии западных стран получили указание развернуть широкомасштабную идеологическую кампанию против собственных правительств, ориентировавшихся на США.

---

[1] Правда, 10.02.1946.

[2] Правда, 13.03.1946.

[3] См.: *Улунян Ар.А.* Политическая история современной Греции: конец XVIII в. — 90-е гг. XX в. М., 1998. С. 189—213.

Неразрешимые противоречия между СССР и его вчерашними военными союзниками по германскому вопросу побудили Вашингтон и Лондон начать создание сепаратистского западногерманского государства. Первый шаг в этом направлении был сделан в январе 1947 г., когда произошло слияние американской и британской оккупационных зон в Германии в единую экономическую территорию Бизонию. Протесты СССР были оставлены без внимания.

В марте 1947 г. в Вашингтоне была принята «доктрина Трумэна», обозначившая новое направление во внешней политике США, которые обязались оказать всю необходимую экономическую и военную помощь «свободным народам» в случае угрозы для их безопасности. Всем было ясно, что имеется в виду «угроза с Востока». Одновременно в США был принят «закон о лояльности», позволявший проверять государственных служащих на лояльность Конституции и на возможное участие в подрывной (коммунистической) деятельности. С 20 марта 1947 г. в США началась активная работа Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности (так называемая «охота на ведьм»).

Составной частью нового внешнеполитического курса Вашингтона стала программа экономического возрождения разрушенной войной Европы, разработанная государственным секретарем США Дж. Маршаллом. «План Маршалла» начал осуществляться с апреля 1948 г.; он предусматривал оказание европейским странам в течение четырех лет экономической помощи в сумме более 12 млрд долл. В США считали, что обескровленная в войне Западная Европа может стать легкой добычей для сталинского режима, и потому необходимо оказать ей срочную финансово-экономическую поддержку для стабилизации там социально-политической ситуации. Страны Центральной и Восточной Европы также могли рассчитывать на американскую помощь, но при условии переориентации их экономики с Советского Союза на Запад.

Начало политической конфронтации между СССР и его вчерашними союзниками сопровождалось «войной перьев». Все огромные пропагандистские ресурсы сталинского режима были брошены на разоблачение «поджигателей войны».

Запад принял брошенный ему вызов и в области информационно-психологической войны. 3 апреля 1946 г. к вещанию на СССР приступила Русская служба Би-Би-Си, а 17 февраля 1947 г. аналогичное вещание начала радиостанция «Голос Америки». Обе радиостанции, в редакциях которых работали русские эмигранты первой волны и советские невозвращенцы, вели свои передачи в духе наступательного антикоммунизма.

Призрак начинавшейся между Востоком и Западом холодной войны[1] бросил свою устрашающую тень и на советское общество, оказавшееся перед лицом новой волны репрессий.

---

[1] Выражение «холодная война» (cold war) впервые появилось в США год спустя, в апреле 1947 г.

11 мая 1946 г. Военная коллегия Верховного суда СССР выносит приговор по т.н. «делу авиаторов», приговорив к различным срокам заключения бывшего наркома авиационной промышленности А.И. Шахурина, главкома ВВС Главного маршала авиации А.А. Новикова, командующего 12-й воздушной армии маршала авиации С.А. Худякова[1] и других руководителей авиапромышленности и ВВС.

3 июня 1946 г. Герой войны маршал Г.К. Жуков снят с должностей главкома Сухопутных войск, заместителя министра Вооруженных сил СССР и отправлен в ссылку — командовать войсками Одесского военного округа. МГБ собирает компромат на Жукова. Арестованы несколько генералов из его окружения, из которых выбивают показания на маршала. Впоследствии (февраль 1947 г.) Жуков будет выведен из состава ЦК ВКП(б) и отправлен служить еще дальше от Москвы — в Свердловск (Екатеринбург).

14 августа 1946 г. ЦК ВКП(б) принимает печально известное постановление «О журналах «Звезда» и «Ленинград» с грубыми нападками на Анну Ахматову и Михаила Зощенко. Это был сигнал к ужесточению идеологической дисциплины и нетерпимости к любым проявлениям свободомыслия в советском обществе после одержанной в войне победы, когда среди интеллигенции возникли иллюзии о возможной либерализации сталинского режима. Позднее такого рода постановления были приняты о кино, театре и музыке.

12 октября 1946 г. Положено начало раздутому три года спустя «делу» Еврейского антифашистского комитета (ЕАК), — общественной организации, созданной в августе 1941 г. в целях мобилизации советской и международной общественности для борьбы против фашизма. В этот день МГБ направило в ЦК ВКП(б) записку «О националистических проявлениях некоторых работников Еврейского антифашистского комитета», в которой отмечалось, что члены ЕАК, забывая о классовом подходе, осуществляют международные контакты с буржуазными деятелями и организациями на националистической основе, преувеличивают вклад советских евреев в достижения СССР, что следует расценить как проявление еврейского национализма. МГБ рекомендовало ЦК ВКП(б) ликвидировать ЕАК и санкционировать расследование его деятельности[2]. 26 ноября того же года записку аналогичного содержания на имя Сталина направил М.А. Суслов. Политика государственного антисемитизма получит свое развитие в последующие годы.

15 февраля 1947 г. Президиум Верховного Совета СССР принимает указ «О воспрещении регистрации браков граждан СССР с иностранцами».

24 февраля 1947 г. Сталин подвергает резкой критике вторую серию кинофильма С. Эйзенштейна «Иван Грозный» за «историческое искажение» личности царя и проводившейся им внутренней политики — опричнины. Сталин высоко оценивает деятельность Ивана Грозного и его карательную политику.

---

[1] Маршал авиации С.А. Худяков погибнет в застенках МГБ.

[2] Материалы позднейшего расследования «дела» ЕАК см.: Известия ЦК КПСС, 1989, № 12.

28 марта 1947 г. Совет Министров СССР принимает подписанное Сталиным и Ждановым постановление «О судах чести в министерствах СССР и центральных ведомствах». Заимствованные Сталиным из опыта дореволюционной России «суды чести» призваны были ужесточить контроль над советской бюрократией и интеллигенцией для воспитания их в духе «советского патриотизма» и для «борьбы с проступками, роняющими честь и достоинство советского работника». «Суды чести» обычно выносили общественное порицание, а в случае необходимости передавали рассмотренное ими «дело» в МГБ или МВД.

Первыми жертвами «суда чести» стали профессора медицины Н.Г. Клюева и Г.И. Роскин, опубликовавшие в США работу «Пути биотерапии рака», чем совершили «антипатриотический и антигосударственный поступок».

В ноябре 1947 г. состоялся публичный «суд чести» над крупным ученым-генетиком, профессором А.Р. Жебраком, «посмевшим» еще в 1945 г. опубликовать в американском журнале «Science» статью об отечественной биологии с некоторыми критическими замечаниями по адресу «народного академика» Т.Д. Лысенко. Нападки на Жебрака станут прелюдией к погрому, учиненному год спустя в советской генетике.

9 июня 1947 г. Принят Указ Президиума Верховного Совета СССР об уголовной ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну. В скором времени жертвами этого указа станут не только рядовые совслужащие, но и такие видные деятели сталинского режима, как член Политбюро Н.А. Вознесенский и глава МГБ В.С. Абакумов.

Таковы лишь некоторые события и эпизоды начинавшейся в 1946—1947 гг. холодной войны на ее «втором фронте», т.е. в самом Советском Союзе, где первоначальная эйфория года Победы сменилась возвращением прежних довоенных и появлением новых страхов. В ряду этих событий стояло и исчезновение осенью 1947 г. Института мирового хозяйства и мировой политики, оставшееся практически не замеченным советской общественностью.

В условиях резко обострявшейся международной обстановки, чреватой военным столкновением СССР с его недавними союзниками по антигитлеровской коалиции, Сталин больше не нуждался в Варге и его Институте, откуда по большей части исходили «не те» рекомендации, которых ожидал «хозяин». Обреченность империализма, в которую свято уверовал Сталин, исходивший из перспективы неизбежной войны с США, делала, по его убеждению, ненужными научные исследования американской и в целом капиталистической экономики.

Теперь, спустя семьдесят лет, ясно, что Варга и его сотрудники не сразу осознали смысл поворота в политике Сталина, наметившегося с окончанием войны. Многие серьезные исследователи в ИМХМП исходили из необходимости продолжения сотрудничества с союзниками по антигитлеровской коалиции и, прежде всего с США, оказавшими СССР в 1942—1945 гг. значительную военно-экономическую помощь по линии ленд-лиза.

В обстановке послевоенной разрухи, усугубленной поразившим страну в 1946 г. голодом, надежды на лучшую жизнь в определенной степени были связаны с дальнейшим поступлением американской помощи.

В какой-то мере эти надежды имели под собой реальную почву, так как перед самым окончанием войны в сенате США обсуждался вопрос о предоставлении Советскому Союзу большого займа в размере 25 млрд долл. для восстановления разрушенного войной хозяйства.

Американисты из Института мирового хозяйства и мировой политики (прежде всего доктор исторических наук В.И. Каплан) направили Сталину и Молотову соответствующую записку, рекомендовав им «как можно скорее» добиваться получения такого займа и «использовать его по назначению»[1].

Наверху к этой идее отнеслись сдержанно, хотя вплоть до лета 1947 г., когда США приступили к реализации «плана Маршалла», сама возможность получения Советским Союзом американской помощи в принципе не отвергалась.

Как справедливо полагали в ИМХМП, возможность поступления этой помощи напрямую зависела от сохранения корректных отношений с США. Именно этот призыв к высшему советскому руководству содержался в обстоятельной (более ста страниц) записке, составленной, судя по всему, в первой половине 1947 г. В.И. Капланом. Хотя сам Е.С. Варга и не разделял в полной мере всех положений этой записки, тем не менее он направил ее Сталину.

> «В этой обширной докладной записке подчеркивалось, что, если в грядущие годы мы будем соревноваться в вооружениях с Америкой, то нам не удастся использовать плоды Великой Победы для поднятия жизненного уровня народа, — вспоминал впоследствии ее автор. — Учитывая большую разницу в национальном доходе и в производительности труда в СССР и США, соревнование в вооружениях между обоими государствами будет означать для Советского Союза несравненно более тяжелое бремя, чем для Америки. Действительное влияние в мире, говорилось также в записке, будет больше всего зависеть не от того, какие у нас будут вооруженные силы и где они будут дислоцированы, а от развития производительных сил страны и уровня жизни населения. Успехи в соревновании с капитализмом в этой области, говорилось в записке, позволят сократить до минимума расходы не только на вооруженные силы, но и на карательные органы, пограничную охрану, войска конвойной службы. И наоборот, соревнование в вооружениях приведет к постоянному росту военных расходов, что повлечет за собою отставание в уровне жизни населения СССР по сравнению с передовыми капиталистическими странами, а также автоматически потребует увеличения ассигнований по другим статьям непроизводительных расходов.
>
> Наконец, подчеркивалось в записке, в условиях советско-американского соревнования в вооружениях надежды на революцию в Германии иллюзорны: если после Первой мировой войны, когда СССР был слабым и разоренным, США потратили миллиарды долларов для того, чтобы помешать развитию революции в Германии, то после Второй мировой войны, из

[1] *Каплан В.И.* Указ. соч. С. 144.

которой СССР вышел как победоносная могущественная держава с колоссально выросшим международным авторитетом, США не остановятся перед затратой денег для сохранения капитализма в Западной Европе, в частности в Западной Германии»[1].

Вскоре Варге, который с конца 1945 г. утратил прямой контакт со Сталиным, стало известно, что записка Каплана «хозяину» решительно не понравилась, как столь же необъяснимо перестали нравиться и другие материалы, посылаемые ему из ИМХМП.

Единственным исключением стала направленная 24 июня 1947 г. Молотову записка самого Варги с анализом плана Маршалла. Удивительным образом выводы Варги на этот раз полностью совпали с мнением Сталина.

Дело в том, что в Политбюро (прежде всего В.М. Молотов) поначалу с интересом восприняли план Маршалла, усмотрев в нем возможность чужими руками восстановить как собственную экономику, так и экономику восточноевропейских стран — сателлитов СССР. Политическая подоплека американской инициативы, исключавшей оказание помощи «недружественным странам», первое время не была ясна Кремлю.

Варга же посмотрел на план Маршалла с точки зрения отстаиваемой им концепции о предстоящем в самом скором времени в США глубоком экономическом кризисе. «Решающее значение при выдвижении плана Маршалла, — писал Варга Молотову, — имело экономическое положение США. План Маршалла должен был в первую очередь явиться оружием смягчения очередного экономического кризиса, приближение которого уже никто в США не отрицает»[2]. Варга убеждал Молотова, что в основе плана Маршалла лежали главным образом собственные экономические расчеты монополий США. «Американская финансовая олигархия и американские политики ищут средства для смягчения предстоящего экономического кризиса. Таким средством является продажа излишних (в условиях капитализма) товаров за границей, не покупая одновременно на соответствующие суммы товаров из-за границы. Таким образом, США в собственных интересах должны дать гораздо больше кредитов, чем они давали до сих пор, чтобы освободиться от лишних товаров внутри страны, даже если заранее известно, что часть этих кредитов никогда не будет оплаченной», — утверждал Варга[3]. В целом оценка Варгой плана Маршалла была определенно отрицательной, и в этом, как оказалось, его мнение совпадет с точкой зрения Сталина. Молотов направил записку Варги для ознакомления другим членам Политбюро — Сталину, Берии, Жданову, Микояну, Маленкову и Вознесенскому. «Надо полагать, — отмечает разыскавший эту записку в архиве МИД РФ М.М. Наринский, — она сыграла свою роль в определении позиции Советского Союза к плану Маршалла. Уверенность

---

[1] *Каплан В.И.* Указ. соч. С. 145—146.

[2] Цит. по: Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 2. Апогей и крах сталинизма. М., 1997. С. 58.

[3] Там же.

в приближении глубокого экономического кризиса на Западе позволяла советскому руководству рассчитывать на скорое изменение всей международной ситуации в пользу СССР»[1].

26 июня 1947 г. В.М. Молотов прибыл в Париж на Совещание министров иностранных дел СССР, США, Англии и Франции, где обсуждались перспективы плана Маршалла. На первых заседаниях он, казалось, занимал вполне благожелательную позицию по обсуждаемым вопросам, но 2 июля неожиданно для своих западных собеседников отказался от дальнейших дискуссий. Сделав поразившее всех жесткое заявление об угрозе плана Маршалла для независимости европейских стран, Молотов прервал переговоры и выехал в Москву.

Дело в том, что Сталин, размышляя над планом Маршалла, пришел к выводу, что эта американская инициатива несет в себе угрозу для всей стратегии СССР в Европе. К тому же из полученных к тому времени данных разведки Сталину стало окончательно ясно, что у СССР нет никаких шансов подключиться к плану Маршалла. Поэтому он и отозвал Молотова из Парижа. Отныне свои надежды Сталин связывал с обещанным Варгой экономическим кризисом в США.

В итоге СССР не только сам отказался принимать участие в обсуждении плана Маршалла, но и заставил своих восточноевропейских сателлитов сделать то же самое. В то время как 16 европейских стран включились в процесс европейского экономического сотрудничества, Советский Союз и Восточная Европа остались в стороне от этого процесса. Произошел фактический раскол Европы на два экономических блока[2]. Этот раскол будет окончательно закреплен в 1948—1949 гг. после коммунистического переворота в Чехословакии, первого Берлинского кризиса, возникновения НАТО и создания двух германских государств.

Понравившаяся Сталину записка Варги не повлияла на его резко переменившееся отношение как к самому Варге, так и к ИМХМП, судьба которого была предрешена.

В отличие от многих советских научных учреждений, Институт Варги за двадцать лет его существования счастливо избегал идеологических проработок. Организаторы подобных проработок, действовавшие, как правило, по заказу сверху, хорошо знали о расположении Сталина к Варге и после известной «свердловской истории» не трогали его.

И вдруг все изменилось. С середины 1947 г., как по команде, в печати была развернута кампания против Варги и ИМХМП.

В условиях наметившегося после окончания войны раскола Европы на два враждебных блока, когда восточноевропейским странам «народной демократии» было предписано сплотиться в управляемый СССР социали-

---

[1] Там же. С. 58—59.

[2] Восточноевропейский экономический блок формально будет образован в январе 1949 г., когда Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, СССР и Чехословакия подпишут договор о создании Совета экономической взаимопомощи (СЭВ). Впоследствии в СЭВ вступят и другие страны «социалистического лагеря».

стический лагерь, оценки, данные Варгой происходившим в этих странах процессам, были сочтены по меньшей мере ошибочными.

В упоминавшемся труде «Изменения в экономике капитализма в итоге второй мировой войны» (1946 г.) Варга определил становление этих стран как «неизвестный до этого в истории человечества путь развития», как нечто такое, «чего ни Ленин, ни Маркс не предвидели». Варга исключал их трактовку как «диктатуру пролетариата» и констатировал существенные отличия их политического (парламентская демократия) и экономического (смешанная экономика) устройства от советской модели. В реалиях 1947 г. подобные взгляды были отнесены к опасной ереси и потому подлежали искоренению.

Варга, видимо, ощущал надвигавшуюся грозу и попытался защититься с помощью привычного «громоотвода». 8 марта 1947 г. он обращается с письмом к Сталину:

> Многоуважаемый тов. Сталин!
>
> Я работаю теперь над новой книгой: «Изменения в политике капитализма в итоге второй мировой войны». Возник следующий вопрос: Можно ли назвать общественный строй стран новой демократии (Польша, Болгария, Югославия, Чехословакия) переходной формой от капитализма к социализму? (здесь и далее подчеркнуто в оригинале. — *П.Ч.*).
>
> Я думаю, что да!
>
> Товарищи, ссылаясь на известные слова Ленина, что «между государственным капитализмом... и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет» (т. XXI, стр. 187), утверждают, что нет.
>
> Я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы могли найти время и дать мне указание об этом важном вопросе.
>
> Москва, 1947, 8/III. Ваш *Е. Варга*[1].

Ответа на это обращение не последовало. Зато резко усилились нападки на Варгу в печати.

«Вскоре после образования Коминформа первые удары критики были сочтены излишне «либеральными», — отмечает по этому поводу авторитетный итальянский историк и советолог Дж. Боффа, — они уступили место убийственным обвинениям, которые привели к закрытию Института мирового хозяйства и мировой политики, где Варга был директором. Претензии к экономистам касались... высказываний о природе и месте государств народной демократии: их осуждали в основном за попытки останавливаться на характеристике своеобразия развития освобожденных стран, отличавшего их от СССР, в то время как следовало подчеркивать то, что отделяет хозяйство стран Восточной Европы от экономики капиталистических стран и приближает к другой системе — социалистической, основополагающую близость их пути и пути Советского Союза. Эта полемика переросла в широкую критику, кото-

[1] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 716. Л. 71.

рая велась с позиций, изложенных Ждановым на учредительной конференции Коминформа»[1].

Разгромной критике подверглись и другие теоретические положения, содержавшиеся в последних работах Варги и его сотрудников.

Против «буржуазного реформизма» и «безродного космополитизма»

Наряду с претензиями собственно идеологического характера, руководству ИМХМП были предъявлены обвинения по поводу «грубых ошибок» в кадровой политике: в ЦК ВКП(б) и МГБ сочли, что в Институте работает слишком много иностранцев и евреев. Институт Варги, более половины сотрудников которого действительно составляли евреи, давно имел в Агитпропе и в «органах» репутацию гнезда «космополитов».

Еще в 1943 г. противники Варги указывали на недопустимость в условиях войны пребывания в ИМХМП немецких и венгерских политэмигрантов, которые рассматривались как потенциальная (а может быть, и действующая?) агентура противника. Тогда вмешательство Сталина прекратило эти интриги.

В 1945—1946 гг. началась новая атака против тех, кого вскоре назовут «безродными космополитами». На этот раз происки противников Варги увенчались успехом.

Свидетельствует ветеран ИМХМП д.и.н. В.И. Каплан:

> «...Ко времени окончания войны заместителем директора Института был назначен Захаров, работавший до этого помощником Маленкова, который активно занялся кадрами, пытаясь изменить национальный состав Института. Он поручил В. Лану, предупредив его, что это строго секретно, составить записку о национальном составе ученых, работающих в научно-исследовательских организациях, и профессоров высших учебных заведений в США.
>
> В Институте Захаров действовал бесцеремонно, грубо. Он снял заведующего восточным сектором доктора исторических наук, профессора Эйдуса и назначил на его место кандидата исторических наук Масленникова, не согласовав вопроса с директором Института. Е.С. Варга, рассерженный, позвонил Маленкову и сказал: «Товарищ Маленков, мне комиссар не нужен, либо я, либо Захаров». В тот же день Захаров был отозван из Института.
>
> Он знал, что Сталин недоволен последними записками, полученными им от Е.С. Варги, и написал письмо на имя Генерального секретаря. Были еще аналогичные письма. В другое время Сталин вряд ли удостоил бы подобные письма вниманием, но тогда доносы попали точно в цель. Писали, что национальный состав Института не вызывает доверия. Сталин, готовя

[1] *Боффа Дж.* История Советского Союза. Т. 2. От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущев 1941—1964. М., 1990. С. 304.

очередное "острое блюдо" под видом кампании против "космополитизма", решил вопрос по-своему. Он сказал: "Разогнать". И Института не стало...»[1].

То, что закрытие ИМХМП было санкционировано Сталиным, подтвердил позднее на партактиве Института экономики немало этому содействовавший член Политбюро ЦК ВКП(б) Н.А. Вознесенский, один из недругов Варги[2].

На глазах у Варги были произведены аресты нескольких его сотрудников. В застенках МГБ оказалась, в частности, член-корреспондент АН СССР Р.С. Левина, крупнейший специалист по аграрным проблемам капиталистической экономики.

Перенесшая на Лубянке тяжелый инсульт Р.С. Левина впоследствии рассказывала Я.А. Певзнеру, что в МГБ от нее требовали признаний, будто она и арестованный в декабре 1947 г. бывший старший научный сотрудник ИМХМП, доктор экономических наук И.И. Гольдштейн (тот самый, которого в апреле 1946 г. не пустили в загранкомандировку) склоняли Е.С. Варгу к тому, чтобы формировать кадровый состав Института из евреев-сионистов[3]. От И.И. Гольдштейна, сотрудничавшего со времен войны с Еврейским антифашистским комитетом (ЕАК), в МГБ выбивали также показания на С.А. Лозовского, И.С. Фефера и других руководителей ЕАК[4].

Уже после закрытия ИМХМП были арестованы его бывшие сотрудники — А.З. Зусманович и А. Бондаренко. Последним, в разгар «дела врачей» (январь 1953 г.), «взяли» В.И. Каплана, объявленного «агентом ЦРУ». МГБ отыскало его в столице Киргизии, где он, не сумев найти работу в Москве, с 1950 г. заведовал кафедрой политэкономии Фрунзенского медицинского института[5].

В этой обстановке Варга имел все основания (в том числе и по пресловутому «пятому пункту») опасаться ареста, но его почему-то не трогали. По всей видимости, Сталин дал на этот счет четкие указания главе МГБ

---

[1] *Каплан В.И.* Указ. соч. С. 147—148.

[2] *Певзнер Я.А.* Жизнь и труды Е.С. Варги в свете современности. С. 20.

[3] Запись беседы с Я.А. Певзнером 20 ноября 2001 г.

[4] В январе 1948 г. опергруппа МГБ под общим руководством заместителя министра госбезопасности СССР С.И. Огольцова организует убийство в Минске председателя ЕАК, всемирно известного режиссера и актера С.М. Михоэлса, после чего «дело» ЕАК получает дальнейшее развитие. 20 ноября 1948 г. решением Политбюро ЕАК был упразднен, а 14 его руководящих работников и активистов арестованы. Почти все они были расстреляны. Исаак Иосифович Гольдштейн — первый арестант по «делу» ЕАК — умрет в лагере от сердечного приступа.

[5] Аресту В.И. Каплана предшествовало предание его (вкупе с другими «безродными космополитами в исторической науке» — академиком И.И. Минцем, И.М. Разгоном, Е.Н. Городецким, Н.Л. Рубинштейном, О.Л. Вайнштейном, Л.И. Зубоком и др.) идеологической анафеме в Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) (март 1949 г.). В опубликованном сообщении о состоявшемся в АОН заседании применительно к Каплану (Лану) говорилось: «В области новейшей истории апологетом американского империализма выступал проф. Лан, воспроизводящий в своей последней книге «США в период от первой до второй мировой войны» реакционную стряпню американской прессы. Он идеализирует государственных деятелей Америки и преподносит читателю апологетику хищнической, агрессивной политики США, проповедуя низкопоклонство перед американской политикой» (Вопросы истории, 1949. № 2. С. 151—153).

В.С. Абакумову. Более того, академик Е.С. Варга после ликвидации его Института, в атмосфере развязанной против него обличительной кампании, к всеобщему изумлению продолжал оставаться на свободе и работать, в частности, членом редколлегии журнала «Вопросы экономики», что было возможно только с благословения Сталина.

Милостиво сохранив Варге жизнь и свободу, Сталин инициировал безжалостное искоренение «ереси», содержавшейся, по его мнению, в послевоенных публикациях ИМХМП.

Обсуждение упоминавшейся книги Е.С. Варги, состоявшееся в мае 1947 г., вождь счел явно неудовлетворительным и чрезмерно либеральным. Агитпроп получил директиву продолжить разоблачение «антимарксистского» направления в советской экономической науке, представленного в работах бывшего ИМХМП. Соответствующие указания были даны директору Института экономики К.В. Островитянову, который должен был 27 января 1948 г. выступить на заседании Ученого совета с докладом «Об итогах и направлении работы Института экономики Академии наук СССР».

Накануне намеченного заседания «Правда» помещает статью И. Лаптева «По поводу одной экономической дискуссии», посвященную состоявшемуся в мае 1947 г. обсуждению книги Варги. В этой статье содержался подробный перечень «ошибок тов. Варги» и давался недвусмысленный сигнал к новой, более «принципиальной» проработке старого ученого. «Задача наших экономистов состоит в том, — поучала «Правда», — чтобы на основе ленинско-сталинского учения глубоко разрабатывать актуальные вопросы советской экономики и экономики капитализма, с большевистской партийностью разоблачать всякие чуждые марксизму-ленинизму взгляды, имеющие, к сожалению, хождение в нашей экономической науке»[1].

Островитянов воспринял этот сигнал как руководство к действию. В докладе, с которым он выступил на следующий день, директор Института экономики остановился на «грубых, антимарксистских ошибках», содержащихся в целом ряде работ бывшего ИМХМП. Некоторые из этих работ, по определению Островитянова, носят даже «вредительский» характер, являя собой «пример преклонения перед американским империализмом, замазывания раздирающих его классовых антагонистических противоречий»[2].

Докладчик не жалел обличительных слов по адресу ликвидированного Института Варги. Он, в частности, сказал: «Из анализа ошибок, которые имеются во многих работах бывшего ИМХМП, вытекает вывод, что это не случайные ошибки, допущенные отдельными авторами, а система ошибок, неправильное направление в области научно-исследовательской работы. Это направление характеризуется следующими чертами: игнорированием вопросов ленинско-сталинской теории империализма, общего кризиса капитализма, борьбы двух систем, преобладанием конкретного описания над марксистским теоретическим анализом; узким технико-экономическим подходом к освещению проблем экономики зарубежных

[1] Правда, 26.03.1948.

[2] Вопросы экономики, 1948, № 1. С. 87—91.

стран; нейтралитетом в борьбе против буржуазных теорий; недооценкой значения и роли стран новой демократии; наличием аполитичности, объективизма в подходе к изучаемым проблемам; некритического отношения к буржуазным данным и преклонением перед достижениями буржуазной науки и техники.

Такое направление в научной работе, — продолжал Островитянов, — могло сложиться в Институте и долгое время определять характер его работ вследствие отсутствия критики и самокритики, крайне слабой связи с научной общественностью. Это создало атмосферу семейственности, круговой поруки, терпимого отношения к теоретическим и политическим ошибкам сотрудников Института.

Руководство Института проводило неправильную линию в деле подбора и подготовки кадров.

При подборе кадров отсутствовал политический подход, не было линии на подготовку теоретических работников, владеющих марксистско-ленинской методологией, готовили по преимуществу узких специалистов.

Вследствие неправильной линии в подборе и подготовке кадров в бывшем ИМХМП создалась вредная монополия узкого круга старых работников Института на разработку важнейших проблем современного капитализма и экономики отдельных зарубежных стран»[1].

Определяя задачи сформированного в Институте экономики из части сотрудников бывшего ИМХМП Отдела экономики капитализма, Островитянов подчеркивал: «В области экономики зарубежных стран необходимо концентрировать внимание на исследовании важнейших проблем современного империализма и общего кризиса капитализма, борьбы двух систем, на изучении американского и английского империализма, на критике и разоблачении буржуазных идеологов американских и английских империалистов и их пособников — правых социалистов, на изучении экономики стран народной демократии и путей социалистического преобразования этих стран, на изучении национально-колониальных проблем и рабочего движения»[2].

Травля Варги и его сотрудников велась на страницах основных партийных журналов — «Большевик», «Плановое хозяйство», «Вопросы экономики» и др. Под огонь безжалостной критики попали старые соратники Варги — академик И. Трахтенберг, Л. Эвентов, С. Вишнев, М. Бокшицкий, Ш. Лиф, М. Рубинштейн, Л. Ройтбурд, А. Шпирт, И. Лемин, В. Лан (Каплан), Ю. Винцер, Е. Горфинкель и др.

После появления в печати разгромных рецензий в Институте экономики под видом обсуждений устраивались «разборки» с провинившимися авторами и научными редакторами. Так поступили, например, с авторами сборника «Военное хозяйство капиталистических стран и переход к мирной экономике» (М., 1947) и его ответственным редактором академиком И.А. Трахтенбергом.

---

[1] Там же. С. 91.

[2] Вопросы экономики, 1948, № 1. С. 91—92.

После того как этот сборник был подвергнут резкой критике в журнале «Большевик» (№ 5, 1948), дирекция ИЭ АН СССР организовала показательное обсуждение, материалы которого были опубликованы под характерным заголовком «Против антимарксистского освещения экономики капиталистических стран»[1].

«Немарксистская концепция о решающей роли государства в военной экономике и о возможности «планирования» при капитализме; «некритический подход к данным из буржуазных источников, пресловутый «технико-экономический» анализ, буржуазный объективизм, означающий низкопоклонство перед «достижениями» капитализма, игнорирование общего кризиса капитализма, борьбы двух систем»; «чистейший реформизм», «меньшевизм» — таковы лишь некоторые из обвинений, предъявленных на обсуждении авторам сборника.

А один из обличителей (А.А. Аракелян) заявил буквально следующее: «Достоинство советского человека вообще, и советского ученого в частности, измеряется силой его патриотизма. Советский патриотизм, основанный на понимании превосходства нашего строя над капиталистическим строем, находит свое выражение в повседневной борьбе советских людей, в том числе ученых, за могущество и процветание нашей социалистической Родины. На фоне всенародного патриотического движения выход в свет книги «Военное хозяйство капиталистических стран и переход к мирной экономике» представляет собой позорное, возмутительное явление. В этой книге нет ничего патриотического. Вместо научного анализа противоречий капитализма, вместо критики пороков капиталистической экономики авторы преподнесли советскому читателю буржуазно-статистическую хронику и буржуазную идеологию. Они стали рупором, через который буржуазная идеология пытается найти распространение среди советских читателей»[2].

Итог обсуждению подвел К.В. Островитянов. «Еще во время дискуссии по книге академика Варга, — заявил он, — был установлен основной порок работ бывшего ИМХМП — немарксистская методология, извращение ленинско-сталинской теории империализма, отход от ленинско-сталинской теории общего кризиса капитализма, игнорирование борьбы двух систем. Совершенно не учитывался такой важнейший фактор, как возникновение стран народной демократии, вступивших на путь социалистического преобразования и противостоящих во главе с Советским Союзом лагерю империализма. Эта порочная линия проявилась в ряде работ, изданных бывшим ИМХМП. «Техно-экономический» подход, отсутствие партийности, объективизм и преклонение перед буржуазной наукой и техникой — таковы основные черты этого направления»[3].

В ходе разоблачения «буржуазных реформистов» из бывшего ИМХМП на вооружение была взята давняя идея Сталина об общем кризисе капитализма, выдвинутая им еще в 1930 г. на XVI съезде ВКП(б), в разгар мирового

---

[1] Вопросы экономики, 1948, № 2. С. 107—116.

[2] Там же. С. 109.

[3] Там же. С. 115.

экономического кризиса[1]. Сам Сталин к этой идее не возвращался вплоть до начала холодной войны, когда, будто по команде, партийные пропагандисты и экономисты вспомнили о ней и дружно заговорили об «общем кризисе капитализма», занявшись изучением его «этапов» и «периодов», на которые указал «вождь и учитель».

В начале 1948 г. в ИЭ АН СССР была проведена теоретическая конференция на тему «Послевоенное обострение общего кризиса капитализма». Конференция проходила в русле обновленных установок Сталина на неизбежность войн и революций, порождаемых общим кризисом капитализма и противостоянием «лагеря социализма» и «лагеря империализма».

Подводя итоги дискуссии, заместитель директора Института экономики А.И. Пашков подчеркивал: «Когда товарищ Сталин говорит, что первый кризис капиталистической системы вызвал первую мировую войну, а второй кризис капиталистической системы — вторую мировую войну, под кризисом здесь разумеется тот сплошной клубок чрезвычайно обострившихся противоречий, который привел к взрыву и мировой войне. <...> Было бы неправильно, — продолжал Пашков, — отрицать прямую связь и преемственность нынешнего этапа общего кризиса капитализма с третьим периодом общего кризиса капитализма. Нельзя также не видеть тех громадных изменений в расстановке классовых сил, которые произошли в итоге второй мировой войны. Ведь характеристика третьего периода, как периода крушения относительной, частичной стабилизации, как нового тура революций и войн — остается в силе и в настоящее время, и будет сохранять силу и впредь»[2].

Очередная идеологическая экзекуция над Варгой и бывшими «имховцами» была проведена в октябре 1948 г. на расширенной сессии Ученого совета ИЭ АН СССР[3]. Открывавший заседание Островитянов сразу же задал тон всему «обсуждению». «...Критику и борьбу за разоблачение реформистских идей, свивших себе гнездо в бывшем ИМХМП, нельзя считать законченными, — заявил он. — Тем более, что тов. Варга, возглавлявший это немарксистское направление, и некоторые его сподвижники до сих пор не заявили о признании своих ошибок и не доказали положительной работой свое стремление стать на путь исправления этих ошибок»[4].

Под мощным напором обличителей с признанием своих «ошибок» на сессии выступили академик В.С. Немчинов, Л.Я. Эвентов и С.М. Вишнев.

---

[1] «Нынешний экономический кризис, — заявил Сталин в Политическом отчете ЦК ВКП(б) XVI съезду партии, — развертывается на базе общего кризиса капитализма, подтачивающего устои капитализма и облегчившего наступление экономического кризиса. <...> Пролетариат, — подчеркнул Сталин, — борясь с капиталистической эксплоатацией и военной опасностью, будет искать выхода в революции» (XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. 2-е стереотипное издание. М., 1931. С. 20, 23).

[2] Вопросы экономики, 1948, № 6. С. 119.

[3] Материалы этой сессии были опубликованы в № 8 и 9 журнала «Вопросы экономики» за 1948 г. под рубрикой «О недостатках и задачах научно-исследовательской работы в области экономики».

[4] Вопросы экономики, 1948, № 8. С. 71.

А М.Л. Бокшицкий, давний соратник Варги, перешел даже к нападкам на своего учителя, который, по его словам, «хочет свернуть большевистскую критику и самокритику» и который «упорствует в своих ошибочных положениях, несмотря на то, что они идут вразрез с позицией нашей партии по решающим вопросам современного капитализма»[1].

Каждый спасал сам себя, оглядываясь на тех, кто уже был изгнан из науки, а то и вовсе сгинул на Лубянке или «мотал срок» в лагерях.

Все участники «обсуждения» с нетерпением ожидали покаяния главного обвиняемого — академика Е.С. Варги. Но он явно не спешил оправдать эти ожидания. «Не могу последовать совету признать всю критику моей работы правильной, — заявил старый упрямец. — Это означало бы, что я обманываю партию, лицемерно говоря «я согласен с критикой», хотя я с ней не согласен. <...> Я честно признаю многое из того, за что меня критиковали, но есть вещи, которые я не могу признать»[2].

Далее Варга представил аргументированные возражения на большинство из предъявленных ему прегрешений, призвав своих оппонентов все спорные вопросы «спокойно обсудить в рамках марксизма». «Конечно, больно, что меня, партийца, на старости лет ругают в органах печати, — заметил он. — И еще больнее то, что мои ошибки используют наши враги, зло радуются. Бывший министр торговли США Гарриман даже выступил с таким глупым заявлением, что «план Маршалла» вызвал будто бы замешательство среди советских экономистов и что Варга за «план Маршалла». А на самом деле, — с горькой иронией добавил Варга, — я первым из научных работников выступил против «плана Маршалла» (Варга Е. «План Маршалла» и экономика Англии и США. Стенограмма публичной лекции, прочитанной 27 августа 1947 г. Изд-во «Правда»)[3].

Выступление Варги лишь подлило масла в огонь. «Тов. Варга по-прежнему упорствует в отрицании своих грубых принципиальных ошибок, которые были охарактеризованы в нашей партийной печати как ошибки реформистского характера, — заявил Островитянов. — Более того: он не только не признает своих ошибок, но даже кокетничает этим непризнанием, ставит его себе в заслугу»[4].

Затем Островитянов подверг резкой критике отстаивавшееся Варгой положение о малой вероятности в будущем войн между капиталистическими государствами, хорошо зная, что Сталин придерживается противоположной точки зрения на этот вопрос. «Тов. Варга считает маловероятным вооруженное столкновение в будущем между империалистическими странами, — с пафосом заявил Островитянов. — Мы не можем, конечно, предсказать те конкретные формы, которые примут в более или менее близком будущем противоречия в лагере империализма. Однако было бы грубой ошибкой недооценивать значение этих противоречий и их неизбежного

---

[1] Там же. № 9. С. 110—111.
[2] Там же. С. 57.
[3] Там же.
[4] Там же. С. 96.

обострения в связи со стремлением американского империализма к мировому господству и закабалению стран Западной Европы.

Мы должны поэтому решительно отвергнуть попытку пересмотра со стороны тов. Варга основного положения ленинско-сталинской теории империализма о неизбежности войн между империалистическими державами, вытекающей из обострения неравномерности экономического и политического развития капитализма в период империализма и общего кризиса капитализма»[1].

Заседание Ученого совета завершилось единодушным осуждением «группки тов. Варга», к которой были причислены и те, кто принес публичное покаяние, и те, кто поспешил отречься от учителя.

Из резолюции расширенной сессии Ученого совета ИЭ АН СССР:

> «Работа в области современных проблем империализма и конкретной экономики зарубежных стран долгое время фактически являлась монополией группки работников бывшего ИМХМП, которая по-реформистски трактовала ряд коренных вопросов теории современного капитализма. Товарищи Варга, Трахтенберг, Эвентов, Бокшицкий, Лан и др. в ряде монографий и статей, изданных за последние годы, развивали немарксистскую, в духе катедер-социализма, концепцию о "решающей роли буржуазного государства в экономике", смазывали противоречия современного капитализма. Эта группка экономистов забыла марксистско-ленинское требование классового анализа буржуазной экономики, отрывала экономику от политики. Экономисты из группки тов. Варга сочиняли "техно-экономические", а по существу апологетические работы по различным разделам экономики современного капитализма. <...>
>
> Выступление тов. Варга на настоящем заседании Ученого совета показывает, что он продолжает отстаивать свои грубо-ошибочные позиции, осужденные в партийной печати, и делает ряд новых ошибок»[2].

По итогам состоявшегося в Институте экономики заседания руководство агитпропа в начале декабря 1948 г. проинформировало о его результатах Г.М. Маленкова, который сменил умершего 30 августа того же года А.А. Жданова в роли главного идеолога ВКП(б). Варга, отмечалось в докладной записке, «отстаивал свои ошибочные буржуазно-реформистские позиции по важнейшим вопросам современного этапа империализма». Он «по-прежнему преувеличивает роль буржуазного государства». Заявил, что предоставление Индостану и Пакистану прав доминионов «делает их независимыми от Англии», а также о том, что по вопросу об «американской помощи Европе» стоит и будет стоять на прежних позициях, пока ему не докажут, что он не прав[3].

Руководство Института экономики получило из ЦК указание усилить борьбу с «неразоружившимися» буржуазными реформистами и космопо-

---

[1] Вопросы экономики, 1948, № 9. С. 97.

[2] Там же. С. 114.

[3] Цит. по: *Наджафов Д.Г.* Сталинский Агитпроп в холодной войне // Сталин и холодная война. М., 1998. С. 208.

литами. В конце марта 1949 г. была созвана расширенная сессия Ученого совета ИЭ АН СССР с участием актива столичных экономистов. Сессия обсудила вопрос «О борьбе с буржуазным космополитизмом в экономической науке». Одной из главных мишеней очередных нападок были избраны все те же бывшие «имховцы» во главе с Варгой.

Из опубликованного сообщения об итогах сессии Ученого совета:

> «<...>Глубокой критике на сессии подверглись работы отдельных сотрудников бывшего Института мирового хозяйства и мировой политики — акад. Е. Варга, акад. И. Трахтенберга, Л. Эвентова, В. Лана, М. Бокшицкого, Л. Ройтбурда и др. Эти работы страдают ошибками космополитического характера, буржуазным объективизмом, раболепием перед иностранщиной; они замазывают противоречия американского империализма и язвы современного капитализма. <...> Сессия Ученого совета продемонстрировала единство работников советского экономического фронта, их решимость отстаивать чистоту марксистско-ленинской экономической науки от всяких покушений со стороны безродных космополитов и других проповедников буржуазной идеологии. Искоренение космополитизма, объективизма и аполитичности способствует дальнейшему подъему советской экономической науки»[1].

И все же, используя политический лексикон сталинских времен, Варге в 1949 г. пришлось «идейно разоружиться». При этом важно подчеркнуть, что здесь сработал не столько естественный и понятный в тех условиях инстинкт самосохранения, сколько принятые среди старых большевиков «этические нормы» поведения, диктуемые пресловутыми «интересами партии». Именно эти «нормы» (наряду с известными средствами устрашения и шантажа) побуждали Зиновьева, Бухарина и других большевистских руководителей чудовищно оговаривать себя на показательных процессах середины 30-х гг.

То же самое вынудило Варгу по крайней мере дважды выступить с публичным покаянием после того, как на Западе, где внимательно следили за травлей авторитетного экономиста-международника, стали звучать сочувственные по отношению к нему заявления и отклики. Он еще пытался защищать свои взгляды, когда подвергался все более ожесточенным нападкам со стороны «своих». Но старый революционер не мог допустить, чтобы ему сочувствовали «чужие», т.е. «классовые враги». На протяжении 1948 г. имя Варги неоднократно появлялось в материалах западных газет и журналов, звучало в радиопередачах «Голоса Америки» и Би-Би-Си. Терпение Варги иссякло, и он решил действовать.

5 марта 1949 г. Варга обратился с письменной просьбой к В.М. Молотову помочь ему в публикации в журнале «Новое время» письма, в котором он намерен выразить свое возмущение поднятой на Западе вокруг его имени шумихой. При этом Варга посетовал, что с некоторых пор его отказываются печатать в советских газетах и журналах[2].

---

[1] Вопросы экономики, 1949, № 3. С. 116—117.

[2] Это и другие письма Варги, адресованные Молотову, находятся в личном фонде Молотова в бывшем Центральном партийном архиве. См.: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1443. Л. 14.

Молотов, сам попавший в это время в опалу, — 4 марта 1949 г. он был снят с постов заместителя Председателя Совмина СССР и главы МИД, — переадресовал письмо Варги «тт. Маленкову и Суслову», которые сочли, что «отповедь» Варги его западным доброхотам прозвучит как нельзя кстати.

15 марта 1949 г. «Правда» поместила «Письмо в редакцию», подписанное Е.С. Варгой:

> «Органы черной реакции, радио и журналы поджигателей войны в последнее время распространяют всякую клевету обо мне: я, дескать, "человек западной ориентации", "защитник" плана Маршалла, отрицаю возможность кризиса перепроизводства в США и другие подобные выдумки. <...> Я хочу самым решительным образом протестовать против темных намеков поджигателей войны, что я будто бы являюсь человеком "западной ориентации". Сегодня, в данной исторической обстановке, это означало бы быть контрреволюционером, антисоветским предателем рабочего класса. Я прошу редакцию поместить это письмо, чтобы у рабочих и вообще у честных людей за границей под влиянием клеветнической пропаганды врагов рабочего класса, поджигателей новой войны, не создалось никаких сомнений о моей позиции»[1].

Едва Варга успел «откреститься» от «западной ориентации», как на него обрушилась новая неприятность. Почти с месячным опозданием (это было обычным делом в сталинские времена[2]) в Москву поступил номер лондонской «Таймс» за 16 февраля с редакционной статьей под более чем красноречивым заголовком «Мистер Сталин и мистер Варга».

Из редакционной статьи «Таймс», 16 февраля 1949 г.:

> «Спор, который может иметь важные последствия для советской внешней политики, все еще бушует среди русских экономистов. Он начался более года тому назад, и, конечно, ему не было бы позволено продолжаться столь долго или столь открыто, если бы Кремль был готов сформулировать твердое решение. Движутся ли неуклонно западные страны к своей катастрофе или нет? Таков вопрос.
>
> Ортодоксальные профессора-ленинцы страшно разгневаны на академика Евгения Варгу за то, что тот рискнул заявлять в своих лекциях и статьях то, что расходится с их предвзятыми взглядами относительно неизбежности катастрофы на Западе.
>
> Господин Варга является наиболее выдающимся и талантливым экономистом в восточном лагере, и то, что он сказал, было вполне эрудированно и осторожно. Он высказал предположение, что в течение ряда лет кризис

---

[1] Правда, 15.03.1949.

[2] Даже в брежневские времена иностранные газеты и журналы поступали в т.н. «спецхраны» Москвы с двухнедельной задержкой. Это объяснялось не столько дальностью расстояний и трудностями доставки, сколько работой советской цензуры (Главлита), предварительно изучавшей каждый газетный и журнальный номер, помечаемый шестигранным штампиком («гайкой»). Нередко советская цензура изымала те или иные опубликованные в иностранной прессе материалы, если считала их «идеологически вредными» даже для узкого круга «допущенных» читателей. К числу последних всегда принадлежал и академик Е.С. Варга.

в Соединенных Штатах — этой "цитадели капитализма" — может не наступить. Он указал, что даже капиталистическая Америка разработала систему контроля, которая способна удержать наступление кризиса или уменьшить его последствия. Он напомнил русской аудитории, что в других западных странах, особенно в Великобритании, государство во все возрастающей мере принимает на себя контроль над экономикой.

По вопросу о возможностях столкновений или войн среди "капиталистических наций" он снова сделал осторожное предупреждение ортодоксальным ленинцам. Не слишком восхваляя усилия западных стран, направленные к свободному сотрудничеству, он вместе с тем подверг сомнению возможность войны между ними ввиду огромной мощи, сосредоточенной в руках Соединенных Штатов, которая сама по себе является стабилизирующим фактором. <...>

В ходе кампании травли в "Большевике" и "Вопросах экономики" господина Варгу обвиняют в том, что он заявил, будто капиталистические страны могут проложить себе путь к социальному и экономическому спасению через реформы, но не обязательно через марксистскую революцию. Его обвиняют в отходе от тезиса ленинцев, что положение рабочих в капиталистическом государстве должно стать хуже, и в полном отрицании неизбежности войн и столкновений между западными странами.

Что особенно интересно и многозначительно, так это то, что он (Варга. — *П.Ч.*) все еще в состоянии свободно выступать в свою собственную защиту. <...>

Несомненно, Кремль имеет несколько причин к тому, чтобы держать этот вопрос открытым. Прежде всего, господин Варга своим заявлением, что западные государства — даже как они изображаются в искаженном советском зеркале — не полностью погружены во мрак и не поступают безрассудно, дает теоретическое оправдание для дружественных отношений между Советским Союзом и Западом в послевоенный период; и Кремль, может быть, не против наличия такого оправдания — даже сделанного из-за угла — на случай, если международные отношения улучшатся. Во-вторых, этот спор, возможно, отражает собственные дилеммы и сомнения Кремля перед лицом Запада. Каждый урок русской истории и коммунистическое учение предусматривают, что Москва, может быть, готова пойти на определенные временные, тактические и частичные соглашения с Западом, коль скоро она будет убеждена в стабильности Запада. Хотя советская пропаганда игнорирует высказывания господина Варги и прокламирует упадок Запада в своей обычной старой манере, изобилующей угрожающими оттенками, имеется свидетельство того, что Кремль пристально следит не только за движением среди западных наций к взаимной поддержке, но также и за быстрой "реформистской" эволюцией общества, особенно в Британии»[1].

Когда Варга ознакомился с этой статьей, он подготовил тщательно продуманный ответ, адресованный редакции «Таймс», и обратился с соответствующей просьбой все к тому же Молотову (он все еще оставался членом Политбюро), прежде всегда благоволившему к нему. К Сталину, после нескольких неудачных попыток, Варга обращаться уже не решался.

[1] The Times, 16.02.1949.

Е.С. Варга — В.М. Молотову, 29 апреля 1949 г.[1]:

Многоуважаемый товарищ Молотов!

Очень извиняюсь, что я опять Вас беспокою. Я написал письмо в «Таймс» в ответ на их статью. Думаю, что его опубликование было бы полезно. Товарищи из Совинформбюро говорят, что они сами не имеют теперь права его отправить.

Поэтому очень прошу Вас посмотреть письмо и, если Вы одобрите, дать указание, чтобы Совинформбюро сделало английский перевод и отправило его в Лондон (предварительно показав мне перевод).

Если Вы считаете нужным, можно последний вопрос (о невероятности внутри империалистической войны в недалеком будущем) вычеркнуть (подчеркнуто в оригинале. — *П.Ч.*).

С ком. приветом

Ваш
Академик *Е. Варга*[2].

Как Молотов отнесся к новой инициативе Варги, неизвестно. На адресованном ему письме, как и на письме Варги в редакцию «Таймс», нет никаких его резолюций и пометок. Во всяком случае, «Таймс» не опубликовала ответ академика Варги, если он даже и был получен в Лондоне.

Зато в 3-м номере журнала «Вопросы экономики» за 1949 г., почти одновременно с письмом в «Правду», появилась долгожданная (для партийной верхушки) подробная «исповедь» Варги, полное признание им своих ошибок. И на этот раз Варга предварительно направил ее первый вариант Молотову, который счел «полезным» ее публикацию, но все же запросил «согласия» у Сталина. Копии покаянной статьи Варги Молотов разослал также другим членам Политбюро и секретарям ЦК — Берии, Маленкову, Микояну, Кагановичу, Булганину, Косыгину и Суслову. Лишь после ее одобрения статья Варги «Против реформистского направления в работах по империализму» в срочном порядке была опубликована в «Вопросах экономики»[3].

Признав правильной «суровую критику» своих мнимых ошибок, Варга заявил, что «эти ошибки составляют целую цепь ошибок реформистского направления (здесь и далее выделено по оригиналу. — *П.Ч.*), которые в сумме означают определенный отход от ленинско-сталинской оценки современного империализма». «Само собой разумеется, — продолжал Варга, — что ошибки реформистского направления означают и ошибки космополитического направления, потому что они приукрашивают капитализм. <...> Продолжительная затяжка с признанием выявленных критикой ошибок с моей стороны, несомненно, нанесла ущерб, заставила наших

---

[1] РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1443. Л. 17.

[2] В приложенном письме в редакцию «Таймс» (Там же. Л. 18—23) этот вопрос сформулирован Варгой следующим образом: «Я, несмотря на имеющиеся противоречия, сомневаюсь в вероятности новой империалистической войны в ближайшее время». (Там же. Л. 23). Именно эту фразу Варга и готов был снять, если бы у Молотова возникли возражения.

[3] См.: *Наджафов Д.Г.* Указ. соч. С. 208.

экономистов вернуться к вопросам, которые давно и правильно разрешены марксизмом-ленинизмом. Но еще хуже то, что это дало поджигателям войны в лагере империализма возможность распространить ложь, что я являюсь человеком «западной ориентации», что означало бы быть контрреволюционером, предателем рабочего класса»[1].

По всей видимости, обвинения в «западной ориентации», «контрреволюционности» и «предательстве рабочего класса» были для старого марксиста-ленинца совершенно невыносимыми. Для того чтобы отвести их от себя, он готов был пожертвовать всем — даже собственными научными выводами.

Можно предположить, что Сталин был вполне удовлетворен поведением Варги и дал указание своим опричникам от идеологии оставить старика в покое.

И в это самое время, когда Варга только что принес публичное покаяние, он, совершенно некстати, получает из Нью-Йорка предложение от Генерального секретаря ООН Трюгве Ли войти в создаваемую Секретариатом ООН группу экспертов по изучению проблем занятости. Безусловно, данное предложение свидетельствовало о высоком авторитете Е.С. Варги в международном сообществе экономистов. Но в обстановке разгоравшейся холодной войны, после интенсивной идеологической проработки, которой он подвергся, получение такого предложения от «прислужника американского империализма», каковым подавала Трюгве Ли советская пропаганда, было чревато для Варги самыми серьезными последствиями. Еще вчера он совершенно искренне убеждал всех, что никогда не был «человеком западной ориентации»...

Сразу же по получении письма от Генерального секретаря ООН Варга проинформировал об этом нового министра иностранных дел СССР А.Я. Вышинского, своего давнего недруга.

Вышинский «вышел с этим вопросом» на Политбюро, высказав, разумеется, свое резко отрицательное мнение о возможном участии академика Варги в работе Экспертной группы ООН. Предварительно Вышинский предложил Варге составить проект ответного письма Трюгве Ли с отказом под благовидным предлогом (например, «преклонный возраст и состояние здоровья») от сделанного ему предложения.

19 октября 1949 г. Политбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело вопрос «Об ответе академика Варги Е.С. Трюгве Ли» и приняло по нему следующее решение:

> «Согласиться с предложением МИД СССР о нецелесообразности включения академика Варги Е.С. в группу экспертов по изучению проблемы занятости, создаваемую Секретариатом ООН. Утвердить проект ответа т. Варги г-ну Трюгве Ли. (См. приложение.)»[2]

---

[1] Вопросы экономики, 1949, № 3. С. 79—88.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1078. Л. 76.

К сожалению, указанное приложение, т.е. проект письма Е.С. Варги, в Протоколе заседания Политбюро не фигурирует.

С 1948 г. Варга, как много пишущий ученый, фактически замолчал, хотя и продолжал работать «в стол». Он внимательно следил за тенденциями развития мировой экономики и событиями международной жизни, но не откликался на них, как прежде. Если в 1946 г. он опубликовал 14 серьезных работ, а в 1947-м — 18, то в 1948-м — только одну короткую заметку «Пшеница и политика» («Новое время», № 17. С. 11—14). В 1949 г. он дважды выступает в печати, причем оба раза, — либо с отповедью «поджигателям войны», либо с признанием своих ошибок. В 1950 г. Варга публикует три статьи, а в 1951-м и 1952-м — по одной статье в «Правде».

Разгром научного направления, представленного «школой Варги» из Института мирового хозяйства и мировой политики, нанес тяжелый удар по всей советской экономической науке.

Признаки охватившего ее кризиса со всей отчетливостью обозначились в 1948—1949 гг., когда группа экономистов, философов и историков (более 20 человек) по заданию Сталина приступила к написанию нового учебника политэкономии. Давая это поручение, Сталин особо подчеркнул необходимость «учесть особенности экономики стран новой демократии»[1]. Сталинское поручение было оформлено в виде Постановления ЦК ВКП(б) от 17 апреля 1947 г. «Об издании Краткого курса политической экономии». Судя по всему, учебник должен был выйти в свет к 70-летию Сталина.

Однако страх, сковавший творческую мысль после показательной проработки Варги и его сподвижников, был настолько силен, что в течение двух лет со времени получения задания вождя «доверенные» экономисты во главе с Н.А. Вознесенским[2], К.В. Островитяновым и Л.А. Леонтьевым так и не смогли справиться с поставленной задачей[3]. В личном фонде И.В. Сталина в РГАСПИ сохранилась обширная переписка по этому вопросу, относящаяся к 1947—1951 гг.

Уже в декабре 1949 г. руководители авторского коллектива вынуждены были признать, что перед ними возникли серьезные трудности. Буквально за несколько дней до юбилея вождя Л.А. Леонтьев докладывал Сталину:

> «Опыт коллективной правки учебника большой группой экономистов, историков и философов не дал положительных результатов: единство стиля нарушено, прежнее изложение заменено в ряде мест наспех составленным и неряшливым текстом. В числе измененных формулировок имеется,

---

[1] Приписка И.В. Сталина на записке, поданной ему 10 апреля 1947 г. А.А. Ждановым, Н.А. Вознесенским и Л.А. Леонтьевым о макете учебника политэкономии. (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1226. Л. 18).

[2] Что касается «экономиста № 1», Председателя Госплана СССР Н.А. Вознесенского, то 27 октября 1949 г. он был арестован по т.н. «ленинградскому делу», а 1 октября 1950 г. — расстрелян вместе со своими подельниками — А.А. Кузнецовым, П.С. Попковым, М.И. Родионовым и др.

[3] К участию в написании и редактировании учебника не были допущены ни Е.С. Варга, ни И.А. Трахтенберг, ни В.С. Немчинов, ни другие авторитетные экономисты, утратившие доверие Сталина.

например, глубоко продуманное определение предмета политической экономии, написанное Вами[1]. <...> Возникает также вопрос: не слишком ли велик объем учебника? Можно было бы либо разбить учебник на две части, либо подумать о сокращении, — например, за счет экскурсов в историю экономических учений.

Пользуюсь случаем, чтобы принести Вам самые горячие поздравления ко дню рождения и пожелание крепкого здоровья на многие годы»[2].

Не такого поздравления к юбилею ожидал вождь от своих доверенных экономистов, по существу проваливших порученное им задание...

«Экономические проблемы социализма в СССР»

Тем не менее, надежда на «коллективный разум» все еще не оставляла Сталина. В конце 1951 г. по его указанию в ЦК ВКП(б) было созвано Всесоюзное совещание экономистов, в котором приняли участие более 400 научных работников и преподавателей политэкономии из разных вузов СССР. В течение четырех месяцев шли дебаты по основным положениям будущего учебника политэкономии. По большей части выступавшие состязались друг с другом в знании трудов «основоположников» и в бесконечном цитировании сталинских произведений и докладов. Продолжались нападки и на «буржуазный реформизм», который вкупе с «безродным космополитизмом», как утверждалось, «свил себе гнездо» в советской экономической науке.

Результаты четырехмесячной дискуссии глубоко разочаровали ее организаторов, в частности назначенного после смерти Жданова главным идеологом Г.М. Маленкова, считавшегося, после устранения Н.А. Вознесенского, преемником дряхлевшего вождя. Совещание еще было в самом разгаре, когда Маленков в записке Сталину от 6 декабря 1951 г. с неудовлетворением отмечал:

«Участники дискуссии резко критикуют положение дел в области экономической науки, отмечают, что экономическая наука у нас отстает; мало

---

[1] Л.А. Леонтьев имел в виду сталинское определение предмета политической экономии, данное им в беседе с группой экономистов еще в 1941 г. Сравнивая разные определения предмета политэкономии, предложенные в свое время Марксом, Энгельсом и Богдановым, которого поддержал Ленин, Сталин тогда сказал: «...Я предлагаю дать другое определение политической экономии, примерно такое: политическая экономия есть наука о развитии общественного производства, т.е. экономических отношений людей. Она выясняет законы, управляющие производством и распределением необходимых предметов как личного, так и производственного потребления. Это определение правильное, оно более понятно, доступно. Оно подчеркивает, что в политической экономии идет речь о формах собственности, об отношениях собственности, ибо в производственно-экономические отношения входят прежде всего отношения собственности. <...>. (Запись беседы И.В. Сталина с экономистами 19 января 1941 г., сделанная Г.Ф. Александровым // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1226. Л. 1).

[2] Письмо от 15 декабря 1949 г. // Там же. Л. 29.

издается серьезных теоретических работ в области советской и зарубежной экономики.

В экономической науке фактически отсутствуют свободные дискуссии, критика не только не поощряется, но и подавляется. Существует нетерпимая монополия отдельных лиц, препятствующих творческому обсуждению научных вопросов и росту молодых научных кадров.

Тов. Островитянов, как директор Института экономики, не обеспечивает руководство»[1].

Сталин пометил карандашом на полях записки Маленкова последнюю фразу. Вскоре К.В. Островитянов будет освобожден с поста директора Института. После смерти вождя он восстановит свои пошатнувшиеся было позиции. В 1953 году он будет избран действительным членом АН СССР и в том же году станет вице-президентом Академии наук.

Итоги совещания экономистов были подведены в двух документах: «Предложения по улучшению проекта учебника политической экономии» и «Справка о спорных вопросах, выявившихся в ходе дискуссии по проекту учебника политической экономии».

Из последнего документа Сталин мог узнать, что раскритикованный и, казалось бы, «разоружившийся» академик Варга выступил на совещании с развернутым обоснованием своей идеи о невозможности межимпериалистических войн в современную эпоху.

«Академик Варга Е.С., — отмечалось в «Справке, — выступил на секции по вопросам капитализма с утверждением, что тезис о неизбежности внутриимпериалистических войн уже устарел, что такие войны возможны лишь абстрактно-теоретически, а конкретно-практически невозможны. Он объяснил это тем, что:

а) противоречия между лагерем социализма и лагерем капитализма в настоящее время сильней, чем внутриимпериалистические противоречия;
б) в лагере империализма США имеют подавляющее превосходство над всеми капиталистическими странами и не нуждаются в войне, чтобы подчинить их себе. С другой стороны, США достаточно сильны, чтобы помешать войне между европейскими империалистами;
в) опыт первой и второй мировых войн научил руководство империалистических государств, что внутриимпериалистическая война имеет очень плохое последствие для империалистов».

"Правилен ли сегодня еще ленинский тезис о неизбежности внутриимпериалистических войн за новый передел мира?" — спрашивает т. Варга и отвечает: "Я думаю, что тезис о неизбежности внутриимпериалистических войн устарел"»[2].

Сталин был крайне недоволен итогами совещания экономистов. Это недовольство найдет свое отражение не только в отстранении К.В. Остро-

[1] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1248. Л. 2.

[2] Этот документ, хранящийся в Архиве РАН, впервые ввел в научный оборот Я.А. Певзнер. Цит. по: *Певзнер Я.* Жизнь и труды Е.С. Варги в свете современности. С. 30—31.

витянова от руководства Институтом экономики. По итогам состоявшейся дискуссии было принято постановление ЦК ВКП(б) «О положении в экономической науке», подготовленное Г.М. Маленковым, М.А. Сусловым и Ю.А. Ждановым (сыном покойного А.А. Жданова), заведующим Отделом науки ЦК и одновременно зятем вождя. В постановлении совершенно справедливо констатировался застой в экономической науке, но истинные причины сложившегося кризисного положения, конечно же, не могли быть названы, так как они были порождены самой тоталитарной политической системой — сталинским режимом.

Разуверившись в «коллективном разуме» советской экономической науки, семидесятидвухлетний вождь решил высказать собственное суждение по всему кругу вопросов, обсуждавшихся на совещании экономистов.

Осенью 1952 г. Сталин публикует брошюру «Экономические проблемы социализма в СССР». Этой последней работе вождя, сразу же объявленной выдающимся вкладом в творческое развитие марксизма[1], суждено было стать, по крайней мере до середины 80-х гг., неукоснительной директивой для советской экономической науки, что имело для нее самые пагубные последствия.

Не имея здесь возможности подробно останавливаться на характеристике этого сталинского произведения, отмечу лишь несколько моментов, имеющих прямое отношение к нашей теме. Речь идет о полемике Сталина с некоторыми оценками тенденций и перспектив развития послевоенного капитализма, которые излагались в трудах и выступлениях Варги, в частности, на упоминавшемся экономическом совещании.

Вот как прокомментировал Сталин высказанную Варгой точку зрения о невозможности войн между капиталистическими державами:

> «Некоторые товарищи утверждают, что, в силу развития новых международных условий после второй мировой войны, войны между капиталистическими странами перестали быть неизбежными. Они считают, что противоречия между лагерем социализма и лагерем капитализма сильнее, чем противоречия между капиталистическими странами, что Соединенные Штаты Америки достаточно подчинили себе другие капиталистические страны для того, чтобы не дать им воевать между собой и ослаблять друг друга, что передовые люди капитализма достаточно научены опытом двух мировых войн, нанесших серьезный ущерб всему капиталистическому миру, чтобы позволить себе вновь втянуть капиталистические страны в войну между собой, — что ввиду всего этого войны между капиталистическими странами перестали быть неизбежными.
>
> Эти товарищи ошибаются. Они видят внешние явления, мелькающие на поверхности, но не видят тех глубинных сил, которые хотя и действуют пока незаметно, но все же будут определять ход событий. <…> Неизбежность войн между капиталистическими странами остается в силе»[2].

---

[1] См., например: *Юдин П.Ф.* Труд И.В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» — основа дальнейшего развития общественных наук. М., 1953.

[2] *Сталин И.В.* Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952. С. 32—33, 35.

Категоричность Сталина в этом вопросе вытекала из старого ленинского догмата о неравномерности экономического и политического развития капиталистических стран, что неизбежно толкает их к военному разрешению возникающих между ними острых противоречий. Марксист Сталин, в отличие от марксиста Варги, не смог осмыслить тех глубоких изменений в развитии мирового капитализма, которые произошли в результате Второй мировой войны. Для Сталина капитализм остался неизменным, как неизменны межимпериалистические противоречия и борьба за раздел мира между победителями в последней войне (США, Англия, Франция) и побежденными (Германия и Япония). Сталин категорично отвергал способность послевоенного капитализма к переменам и поступательному развитию, предрекая ему безостановочное загнивание, обнищание и финальную катастрофу.

Хотя Варга никогда и не утверждал, что послевоенный капитализм будет развиваться ускоренными темпами, Сталин на всякий случай решил застолбить свое директивное мнение и по этому вопросу.

Из работы И.В. Сталина «Экономические проблемы капитализма»:

> «Наиболее важным экономическим результатом второй мировой войны и ее хозяйственных последствий нужно считать распад единого всеохватывающего мирового рынка. Это обстоятельство определило дальнейшее углубление общего кризиса мировой капиталистической системы. <...>
>
> В связи с таким положением перед экономистами встали два вопроса:
>
> а) Можно ли утверждать, что известный тезис Сталина об относительной стабильности рынков в период общего кризиса капитализма, высказанный до второй мировой войны, все еще остается в силе?
>
> б) Можно ли утверждать, что известный тезис Ленина, высказанный им весной 1916 года, о том, что, несмотря на загнивание капитализма, "в целом капитализм растет неизмеримо быстрее, чем прежде", все еще остается в силе?
>
> Я думаю, что нельзя этого утверждать. Ввиду новых условий, возникших в связи со второй мировой войной, оба тезиса нужно считать утратившими силу»[1].

В другом месте Сталин, говоря о перспективах экономического развития США, Англии и Франции, столь же категорично заявил: «...Рост производства в этих странах будет происходить на суженной базе, ибо объем производства в этих странах будет сокращаться»[2].

В своей последней работе Сталин расставил все точки над i и в вопросе об общем кризисе капитализма, «обогатив» новыми мыслями собственный же тезис, выдвинутый еще в 1931 г.

Из работы И.В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР»:

---

[1] *Сталин И.В.* Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952. С. 30, 32.

[2] Там же. С. 56.

«Общий кризис мировой капиталистической системы начался в период первой мировой войны, особенно в результате отпадения Советского Союза от капиталистической системы. Это был первый этап общего кризиса. В период второй мировой войны развернулся второй этап общего кризиса, особенно после отпадения от капиталистической системы народно-демократических стран в Европе и в Азии. Первый кризис в период первой мировой войны и второй кризис в период второй мировой войны нужно рассматривать не как отдельные, оторванные друг от друга самостоятельные кризисы, а как этапы развития общего кризиса мировой капиталистической системы.

Является ли общий кризис мирового капитализма только политическим или только экономическим кризисом? Ни то, ни другое. Он является общим, т.е. всесторонним кризисом мировой системы капитализма, охватывающим как экономику, так и политику. При этом понятно, что в основе его лежит все более усиливающееся разложение мировой экономической системы капитализма, с одной стороны, и растущая экономическая мощь отпавших от капитализма стран — СССР, Китая и других народно-демократических стран, с другой стороны»[1].

Сталинская (после 1956 г. она была переименована в ленинскую) теория общего кризиса капитализма составила одну из основ советской экономической и исторической науки, определив магистральное направление исследований в области мировой экономики и мировой политики почти до самого крушения коммунистического режима в Советском Союзе и в странах «развитого социализма». После XX съезда КПСС идеологические рамки научных поисков были несколько расширены, но заданный Сталиным стратегический курс на изучение общего кризиса капитализма оставался неизменным. После 1956 г. станет возможным пересмотреть лишь некоторые из наиболее одиозных положений «сталинско-ленинской» теории загнивания капитализма.

[1] Там же. С. 57.

Глава 2

КАК СОЗДАВАЛСЯ ИМЭМО

Начало оттепели

Наступившую в СССР после смерти Сталина «оттепель»[1] принято связывать с именем Н.С. Хрущева, развенчавшего на XX съезде КПСС (1956) «культ личности» покойного диктатора. В действительности начало «оттепели» можно датировать не февралем 1956 г., когда состоялся XX съезд, а весной 1953-го. И связано это не с Хрущевым, а с двумя другими «верными соратниками» Сталина — Л.П. Берией и Г.М. Маленковым. В то время как большинство членов Президиума ЦК КПСС более или менее искренне оплакивали «вождя и учителя», Берия и Маленков, захватившие ключевые позиции в партии и государстве, начали если не демонтаж сталинского режима, то во всяком случае его либерализацию. Обратимся к фактам.

17 марта 1953 г. Л.П. Берия, занявший пост Первого заместителя Председателя Совета Министров СССР (Г.М. Маленкова) и министра МВД, санкционирует арест известного садиста-антисемита М.Д. Рюмина, бывшего заместителя министра МГБ, организовавшего «дело врачей» и ряд других сфабрикованных по указанию Сталина дел. Созданная Берией следственная группа МВД приступает к пересмотру ряда особо важных дел — «дела авиаторов» (1946), «дела Еврейского антифашистского комитета» (1948—1952), «заговора в МГБ» (1951), «дела артиллеристов» (1952), «мингрельского дела» (1951—1952), «дела врачей» (1951—1953). Уже к июню 1953 г. основные фигуранты, проходившие по этим делам, были признаны невиновными, а сами дела — сфабрикованными, причем, как подчеркивал Берия, по личному указанию Сталина. Как гром среди ясного неба прозвучало заявление Берии, сделанное, правда, в узком кругу «соратников», о том, что всемирно известный театральный режиссер и актер С.М. Михоэлс в 1948 г. был убит в Минске по приказу Сталина, начавшего широкомасштабную антисемитскую кампанию.

---

[1] Появление этого понятия, характеризующего состояние советского общества в первое послесталинское десятилетие, связано с публикацией в майском номере журнала «Знамя» за 1954 г. повести Ильи Эренбурга «Оттепель», название которой стало символом процесса десталинизации.

27 марта. По инициативе Берии Президиум Верховного Совета СССР издает указ об амнистии, по которому на свободу вышло около миллиона человек, осужденных на срок до пяти лет (более трети всех советских заключенных).

4 апреля. Приказом по МВД запрещено применение к арестованным «мер физического воздействия»; приказано также ликвидировать в Лефортовской и Внутренней (на Лубянке) тюрьмах помещения для пыток и уничтожить «все орудия, посредством которых осуществлялись пытки».

9 мая. По предложению Берии Президиум ЦК КПСС принимает постановление, запрещающее впредь оформлять портретами советских вождей колонны демонстрантов, здания и другие постройки в дни государственных праздников. Это постановление будет отменено сразу же после ареста Берии.

2 июня. Берия инициирует принятие закрытого решения Президиума ЦК КПСС «О мерах по оздоровлению политической обстановки в ГДР», которое обязывает В. Пика и В. Ульбрихта, виновных в обострении обстановки в Восточной Германии, пересмотреть прежний политический курс. Берия считал нецелесообразным для интересов СССР строительство социализма в ГДР и выступал за объединение Германии в рамках единого нейтрального государства. 29 июня 1953 г., на третий день после ареста Берии, Президиум ЦК КПСС отменит свое прежнее решение от 2 июня по германскому вопросу.

Еще до ареста развернувшего бурную активность Берии, вызывавшего растущие опасения у других членов Президиума ЦК, «соратникам» удалось блокировать целый ряд довольно смелых инициатив хозяина Лубянки: прекращение бессмысленных и разорительных для бюджета «великих строек социализма» с использованием труда сотен тысяч заключенных; постепенная ликвидация ГУЛАГа с передачей его из МВД в ведение Министерства юстиции СССР; ограничение прав т.н. Особого совещания при МВД с последующим упразднением этого неконституционного органа; отмена указа от 21 февраля 1948 г. о бессрочной ссылке «особо опасных государственных преступников»; более гибкая политика в отношении союзных и автономных республик, управлять которыми должны не московские назначенцы, а местные выдвиженцы из национальных кадров; признание ошибочной сталинской политики в отношении Югославии, т.е. примирение с Тито и т.д.[1]

«Феномен Л.П. Берии в истории СССР еще нуждается в специальном исследовании, — отмечает весьма осведомленный историк Р.Г. Пихоя, имевший как руководитель Архивной службы России в первые постсоветские годы уникальную возможность ознакомиться с самыми секретными архивами коммунистического режима. — Он был для отечественных историков долгие годы — вплоть до начала 90-х гг. — фигурой «табуиро-

[1] См. подробно: *Кокурин А.И., Пожаров А.И.* «Новый курс» Л.П. Берии // Исторический архив. 1996. № 4. С. 152—156; *Старков Б.* Сто дней «лубянского маршала» // Источник. 1993. № 4. С. 82—90; «Следствие прибегло к извращенным приемам» // Источник. 1993. № 4. С. 91—100.

ванной». <...> Для либеральной интеллигенции Берия был воплощением репрессий, неотъемлемой частью культа личности, коварным негодяем. Партийная пропаганда поддерживала эти оценки...

Все эти оценки весьма далеки от реальности, — утверждает Р.Г. Пихоя. — <...> Констатируем очевидное, хотя и нежелательное для нескольких поколений отечественных и иностранных исследователей истории КПСС: моральные принципы Берии были не выше и не ниже, чем у его товарищей по партийному руководству.

Берия отличался от своих коллег другим. Он был, несомненно, наиболее информированным человеком в составе тогдашнего руководства, причем его информация была разнообразна, точна и независима от других ведомств. Его информация как заместителя Председателя Совета Министров СССР касалась экономики страны, отдельных ее отраслей, в частности цены «великих строек социализма»; в качестве руководителя разведки Берия был в курсе многих вопросов политики и международных отношений, реальных проблем, возникавших между СССР и другими странами.

Берия непосредственно отвечал за разработку ядерного оружия, а это связывало его с армией, с созданием новых видов вооружений и с теми изменениями, которые должны были произойти в Вооруженных Силах в связи с появлением ракетно-ядерного оружия.

Он имел наиболее достоверную информацию о внутриполитической обстановке в стране, о настроениях людей, о всех сколько-нибудь заметных выражениях протеста. <...>

Многочисленные проблемы, накапливавшиеся в послевоенный период, требовали решения. Страна не могла содержать армию по нормам военного времени, иметь 2,5 млн заключенных, тратить деньги на «великие стройки», по-прежнему эксплуатировать крестьянство, «драть с него три шкуры сразу», нагнетать конфликты по всему миру, создавать даже из своих недавних союзников новых врагов, как это случилось с Югославией. Рисковали стать взрывоопасными отношения со «странами социалистического лагеря». Нестабильность правящего номенклатурного слоя, угрозы репрессий ухудшали управляемость государства. Реформы становились неизбежными.

Берия стал первым, кто сознательно решился на их осуществление. Неожиданно и сильно проявилось его вмешательство как Первого заместителя Председателя Совмина СССР в те области государственной жизни, которые, казалось, не входили непосредственно в его компетенцию. Позднее эти разногласия вовсю проявятся, когда критиковать его станет вполне безопасно, на Пленуме ЦК КПСС 2—7 июля 1953 г., где рассматривался вопрос «О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия»[1].

Неотложная потребность реформ по-разному, но тем не менее осознавалась и некоторыми другими членами высшего советского руководства — Г.М. Маленковым, А.И. Микояном, Н.С. Хрущевым...

---

[1] *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: История власти 1945—1991. Новосибирск. 2000. С. 96—97.

Еще при жизни Сталина Анастас Микоян осмелился выступить против планировавшегося вождем нового повышения и без того непомерного сельхозналога на крестьян, мотивируя свою позицию ужасающей послевоенной разрухой колхозной деревни. За это (и не только за это) он подвергся грубым нападкам со стороны Сталина на пленуме ЦК, состоявшемся 16 октября 1952 г. по окончании XIX съезда КПСС, когда Микоян не был включен в состав Бюро Президиума ЦК, где оказались только «верные из верных»: Берия, Булганин, Ворошилов, Каганович, Маленков, Сабуров и Хрущев.

Но даже среди последних росло понимание того, что советская экономика находится в стагнации, что потенциал трудового энтузиазма у обескровленного войной народа не беспределен, что сталинская политика разжигания холодной войны чревата всемирной атомной катастрофой.

После устранения Берии, на которого вчерашние соратники поспешили навешать все мыслимые и немыслимые преступления, в том числе и собственные, эстафету реформатора попытался перехватить глава тогдашнего правительства СССР Георгий Маленков. Свое восхождение на освободившийся сталинский «трон» Маленков ознаменовал снижением (с 1 апреля 1953 г.) цен на широкий перечень товаров повседневного спроса. Он недвусмысленно давал понять, что страной теперь будет управлять государственный, а не партийный аппарат. Ту же самую линию пытался проводить и его недавний незадачливый союзник — Берия, от которого Маленков вовремя успел дистанцироваться.

На упоминавшемся июльском (1953 г.) пленуме ЦК КПСС, где разбиралось «дело» поверженного Берии, Маленков, почувствовавший себя хозяином положения, неожиданно для подавляющего большинства присутствующих заговорил о культе личности Сталина, его негативных проявлениях и последствиях. «В нашей пропаганде, — заявил Маленков, считавшийся после смерти Сталина его естественным преемником, — за последние годы имело место отступление от марксистско-ленинского понимания вопроса о роли личности в истории. <...> Вы должны знать, товарищи, что культ личности т. Сталина в повседневной практике руководства принял болезненные формы и размеры, методы коллективности в работе были отброшены, критика и самокритика в нашем высшем звене руководства вовсе отсутствовала. Мы не имеем права скрывать от вас, — продолжал Маленков, — что такой уродливый культ личности привел к безапелляционности единоличных решений и в последние годы стал наносить серьезный ущерб делу руководства партией и страной. <...>

Пленум должен знать, и нам никто не дал права скрывать от нашего высшего между съездами партии органа партийного руководства тот факт, что уродливое проявление культа личности и уничтожение методов коллективности в работе Политбюро и ЦК, отсутствие критики и самокритики в Политбюро и в ЦК повлекли за собой ряд ошибок в руководстве партией и страной»[1].

[1] Известия ЦК КПСС, 1991, № 2. С. 195.

Маленков не ограничился общими фразами, приведя ряд примеров в доказательство негативных проявлений культа личности Сталина. Он напомнил о «политической дискредитации» Сталиным Молотова и Микояна на февральском (1952) пленуме ЦК, осудил решение Сталина увеличить в 1953 г. на 40 млрд рублей налоги на разоренную войной деревню, подверг критике сталинский план строительства Туркменского канала, наконец, осмелился усомниться в бесспорности положений последнего «гениального труда» усопшего вождя — его работы «Экономические проблемы социализма в СССР»[1]. Правда, Маленков ни словом не обмолвился о преступлениях Сталина, к которым был непосредственно причастен.

Тем не менее это было первое, сделанное в узком кругу членов и кандидатов в члены ЦК, в подавляющем большинстве совпартработников из республик и областей СССР, посягательство на доселе незыблемый в партии авторитет покойного «вождя и учителя». В этом смысле и можно, наверное, говорить о том, что именно Маленков инициировал процесс развенчания Сталина, продолженный Хрущевым через два с половиной года на XX съезде КПСС.

Месяц спустя, в августе 1953 г., на сессии Верховного Совета СССР Маленков объявил о снижении налогов с крестьян, что годом ранее предлагал Микоян, грубо одернутый тогда вождем. А в 1954 г. глава правительства впервые поставил под сомнение основополагающий сталинский постулат в области экономической политики: Маленков предложил ускорить развитие легкой промышленности, выпускающей потребительские товары для населения, и сократить расходы на тяжелую, в значительной степени ориентированную на оборону.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 сентября 1953 г., инициированным еще Берией, было упразднено Особое совещание при МВД СССР, созданное 5 ноября 1934 г. для ускоренного внесудебного рассмотрения уголовных дел, попадавших под статью 58-ю УК РСФСР («контрреволюционная деятельность»). Берия же в это время томился в тюремном подвале в ожидании своей участи.

Без внимания преемника Сталина не остались и вопросы внешней политики, за которые в Президиуме ЦК формально отвечал В.М. Молотов, вернувший себе 5 марта 1953 г. пост министра иностранных дел и одновременно ставший одним из четырех заместителей главы правительства. Несмотря на сопротивление этого убежденного сталиниста, получившего в международных кругах прозвище «Мистер Нет»[2], началась осторожная ревизия и внешнеполитического наследия сталинизма.

16 марта 1953 г. Маленков призывает Запад к поиску путей мирного разрешения спорных вопросов. «В настоящее время, — заявляет глава советского правительства, — нет таких запутанных или нерешенных вопросов, которые нельзя было бы решить мирными средствами на базе

[1] Известия ЦК КПСС, 1991, № 2. С. 196.

[2] Этот эпитет впоследствии унаследует А.А. Громыко, ученик и последователь Молотова.

взаимной договоренности заинтересованных стран. Это касается наших отношений со всеми государствами, включая Соединенные Штаты Америки», — подчеркнул Маленков[1].

15 июля 1953 г. Правительство СССР выступает с заявлением о желании восстановить дипломатические отношения с Израилем, разорванные Сталиным в феврале 1953 г., в разгар «дела врачей». В декабре того же года в Москве и Тель-Авиве возобновили свою деятельность дипломатические миссии двух стран. В июне 1954 г. эти миссии будут преобразованы в посольства.

Главной проблемой, крайне осложнявшей в то время международные отношения, была война в Корее, развязанная осенью 1950 г. северокорейскими коммунистами с благословения Сталина, считавшего эту войну прелюдией к решающему столкновению с «американским империализмом». Сигнал к диалогу, поданный из Москвы, был правильно воспринят в Вашингтоне, оказавшем соответствующее давление на Сеул. Что касается Пхеньяна, то Ким Ир Сену недвусмысленно дали понять, что «старший брат» хотел бы скорейшего восстановления мира на Корейском полуострове.

27 июля 1953 г. В Пханмунджоне подписано перемирие, положившее конец военным действиям в Корее. Достигнута договоренность о создании демилитаризованной зоны по обе стороны от демаркационной линии вдоль 38-й параллели.

5 августа 1953 г. Выступая на сессии Верховного Совета СССР, Маленков призвал Запад к снижению уровня военного противостояния и впервые употребил слово «разрядка» применительно к отношениям между Востоком и Западом.

25 января – 18 февраля 1954 г. В Берлине проходит Совещание министров иностранных дел СССР, США, Великобритании и Франции по вопросам ослабления международной напряженности.

12 марта 1954 г. Выступая перед избирателями накануне выборов в Верховный Совет СССР, Маленков говорит о необходимости дальнейшего ослабления международной напряженности, решительно высказавшись против продолжения политики холодной войны, «ибо, — как он подчеркнул, — эта политика есть политика подготовки новой мировой бойни, которая при современных средствах войны означает гибель мировой цивилизации»[2].

21 апреля 1954 г. Советский посол в Лондоне Я.А. Малик по поручению правительства СССР подписывает Устав ООН по вопросам просвещения, науки и культуры (ЮНЕСКО). СССР, таким образом, становится членом ЮНЕСКО.

26 апреля 1954 г. Советский Союз вступает в Международную организацию труда (МОТ).

21 июля 1954 г. На Женевском совещании министров иностранных дел СССР, США, Великобритании и Франции достигнуто соглашение о прекращении колониальной войны в Индокитае, продолжавшейся с 1946 г.

---

[1] Цит. по: *Млечин Леонид.* МИД. Министры иностранных дел: романтики и циники. М., 2001. С. 290.

[2] Цит. по: *Пихоя Р.Г.* Указ. соч. С. 116.

24 июля 1954 г. Правительство СССР направило ноту правительствам США, Великобритании и Франции по вопросу о создании системы коллективной безопасности в Европе.

6 ноября 1954 г. Выступая на заседании по случаю 37-й годовщины Октябрьской революции, Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР М.З. Сабуров заявляет: «Борьба за мир и международную безопасность была и остается основой внешней политики Советского правительства»[1].

Пока Маленков, уверовавший в прочность своих позиций, пытался выстраивать новую внутреннюю и внешнюю политику Советского Союза, его главный соперник в борьбе за власть, Первый секретарь ЦК КПСС Никита Хрущев, опираясь на своих сторонников в Президиуме ЦК и на искушенный в интригах партаппарат, готовил отстранение главы правительства, что ему и удалось осуществить в начале 1955 г.

На январском пленуме ЦК КПСС Хрущев обвинил Маленкова в некомпетентности и идеологической незрелости, припомнив главе правительства его заявления в пользу преимущественного развития легкой промышленности в ущерб тяжелой, а также «теоретически ошибочное и политически вредное утверждение о возможности «гибели мировой цивилизации» в случае, если империалистами будет развязана третья мировая война». Как заявил Хрущев, «распространение подобных взглядов не только не способствует мобилизации общественного мнения на активную борьбу против преступных замыслов империалистов развязать атомную войну, но, наоборот, способно породить настроения безнадежности...». В довершение всего Хрущев обвинил Маленкова в сотрудничестве с давно расстрелянным Берией, что произвело большое впечатление на рядовых членов ЦК. Маленков пытался было оправдываться, но делал это весьма неубедительно, что и предрешило его судьбу[2].

На сессии Верховного Совета СССР, собравшейся вскоре после январского пленума ЦК КПСС, Маленков был снят с должности Председателя Совета Министров СССР, уступив это место Н.А. Булганину, тогдашнему союзнику Хрущева. Реальная же власть в стране все больше сосредоточивалась в руках Первого секретаря ЦК КПСС, опиравшегося на разветвленный и мощный партийный аппарат. Соответственно снижалось политическое влияние главы правительства — до той недалекой поры, когда Хрущев объединит в одном лице обе эти высшие руководящие функции.

Итак, незадачливый реформатор Маленков потерпел поражение в борьбе за власть, но и при Хрущеве реформирование окостеневшей сталинской системы не было остановлено; оно получило дальнейшее развитие в соответствии с представлениями Первого секретаря ЦК КПСС, который безусловно сознавал необходимость перемен. Однако низкий культурно-интеллектуальный уровень Хрущева, безнадежно отягощенного наследием сталинизма, не позволит ему найти адекватные ответы на

---

[1] Правда, 7.11.1954.

[2] Известия ЦК КПСС, 1990, № 7. С. 82—135.

вызовы времени. Вся его реформаторская деятельность будет носить бессистемный, беспорядочно-импульсивный характер. Сводя личные счеты со Сталиным, Хрущев так и не сможет выйти за рамки сталинизма, в которых он сформировался как политик; он лишь расширит эти рамки.

Преодолев сопротивление Молотова, Хрущев настоял на выводе советских войск из Австрии, где они находились с 1945 г. 15 мая 1955 г. представители СССР, США, Англии и Франции подписали в Вене Государственный договор с Австрией, предусматривающий восстановление Австрии как независимого и демократического государства. Следует заметить, что переговоры по этому вопросу велись с 1949 г., но достижение договоренностей в течение пяти лет блокировалось сталинской дипломатией — сначала Вышинским, а затем «мистером Нет», т.е. Молотовым.

С 15 по 19 мая в Москве находилась французская правительственная делегация во главе с Председателем Совета Министров Франции Ги Молле.

А 27 мая того же года Хрущев в сопровождении Булганина и Микояна отправился с визитом примирения в Белград, где договорился с Тито о восстановлении в полном объеме дипломатических отношений между СССР и СФРЮ, разорванных Сталиным в 1948 г. Характерно, что Хрущев не взял с собой в Белград министра иностранных дел Молотова, зато включил в состав правительственной делегации главного редактора «Правды» Дмитрия Шепилова, чья звезда ярко, но ненадолго вспыхнет на кремлевском небосводе. Уже в июле 1955 г. Шепилов станет секретарем ЦК, а через год сменит Молотова на посту министра иностранных дел СССР.

Хрущев начал налаживать диалог с молодыми, освободившимися от колониальной зависимости государствами Азии и Африки. В июне 1955 г. СССР с официальным визитом посетил премьер-министр Индии Джавахарлал Неру, а в конце 1956 г. Хрущев и Булганин совершили поездку в Индию, а затем побывали с визитами в Бирме и Афганистане.

Хрущев был инициатором нормализации отношений с Западной Германией. В сентябре 1955 г. в Москву был приглашен канцлер ФРГ К. Аденауэр. В результате его переговоров с советским руководством была достигнута договоренность об установлении дипломатических отношений между СССР и ФРГ. Правда, этому важнейшему событию международного значения предшествовало одностороннее аннулирование Советским Союзом в мае 1955 г. союзных договоров с Англией и Францией, заключенных в годы совместной борьбы против нацизма. На этом настоял Молотов, убедивший Хрущева и других членов Президиума ЦК КПСС в необходимости подобным образом отреагировать на подписание в октябре 1954 г. Парижских соглашений, по которым ФРГ была принята в Западноевропейский союз (ЗЕС) и стала членом НАТО.

Одновременно советское руководство в мае 1955 г. инициировало создание военно-политической Организации Варшавского Договора (ОВД), куда кроме СССР вошли Албания, Болгария, Венгрия, ГДР, Польша и Румыния. Казалось, что раскол Европы на два враждебных военно-политических блока приобретал необратимый характер.

Строительство в центре Европы противостоящего НАТО восточного блока — ОВД — сочеталось в политике Хрущева с демонстративными акциями по количественному сокращению неоправданно огромного для мирного времени советского военного потенциала. Сделав ставку на форсированное создание ракетно-ядерного оружия (еще 12 августа 1953 г. СССР произвел первое успешное испытание водородной бомбы, опередив в этом США; одновременно шли успешные разработки и испытания баллистических ракетоносителей ядерных зарядов), Хрущев начал сокращать армию, доставшуюся ему в наследство от Сталина. 12 августа 1955 г. было объявлено о сокращении численности вооруженных сил СССР на 640 тыс. человек, а 17 марта 1956 г. — на 420 тыс. Еще более крупные сокращения будут проведены в последующие годы, что вызовет сильное недовольство в армии.

Одним словом, хотя начатая Сталиным холодная война продолжалась и после смерти диктатора, тем не менее в советской внешней политике после 5 марта 1953 г. появились новые, обнадеживавшие Запад тенденции. В Кремле перестали предрекать неизбежность третьей мировой войны и все чаще стали говорить о возможности мирного сосуществования между Востоком и Западом. Правда, представления об этом самом Западе, как и в целом об окружающем СССР внешнем мире, в советском руководстве по-прежнему оставались сильно идеологизированными и в значительной степени неадекватными реальности, хотя наследники Сталина (Хрущев, Булганин, Микоян и др.) время от времени стали выезжать за пределы СССР на «встречи в верхах» с лидерами западных стран.

Новые тенденции получили развитие и во внутренней политике, где Хрущев решился пойти на разоблачение преступлений Сталина и реабилитацию жертв массовых политических репрессий 30—40-х годов. Независимо от мотивов, по которым он, сам бывший соучастником преступлений, пошел на это, и даже с учетом всей ограниченности и непоследовательности его действий, именно разоблачение сталинских преступлений на XX (1956) и XXII (1961) съездах КПСС станет главной исторической заслугой Хрущева.

Хрущевская оттепель — это прежде всего начавшееся возвращение из ГУЛАГа десятков тысяч политзаключенных и реабилитация жертв сталинского террора, это появление первых ростков свободомыслия. Это журнал «Юность» Валентина Катаева (июнь 1955 г.) и Театр-студия «Современник» Олега Ефремова (16 апреля 1956 г.), «Не хлебом единым» В. Дудинцева (август 1956 г.) и «Судьба человека» М. Шолохова (декабрь 1956 г.); это вечера поэзии в Политехническом музее и впервые зазвучавшая в Москве и Ленинграде музыка Дж. Гершвина (январь 1956 г.) и Б. Бриттена (март 1956 г.); это первая после 1891 г. французская книжная выставка в Москве (май 1956 г.) и приезд в Москву Ива Монтана и Симоны Синьоре (декабрь 1956 г.); это «Сорок первый» Григория Чухрая (октябрь 1956 г.) и «Карнавальная ночь» Эльдара Рязанова (декабрь 1956 г.); это, наконец, открытие 20 июля 1955 г. для свободного посещения Московского Кремля, тридцать лет закрытого для простых смертных...

В ряду этих и других ярких событий, относящихся к 1955—1956 гг., практически не замечена была широкой общественностью промелькнувшая 24 апреля 1956 г. в газетах информация о создании в системе Академии наук СССР Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО). Лишь немногие могли припомнить, что когда-то, еще в далекие довоенные времена, существовал академический институт с похожим названием — Институт мирового хозяйства и мировой политики.

Микоян и Арзуманян

Открытию ИМЭМО предшествовала история, начало которой относится к ноябрю 1952 г., когда в Москву на постоянную работу в Институт экономики АН СССР из Баку был приглашен кандидат экономических наук Анушаван Агафонович Арзуманян. Поскольку ему суждено будет стать одним из главных персонажей в нашем рассказе, есть основания подробнее познакомиться с биографией этого незаурядного человека[1].

Анушаван Арзуманян родился 14 февраля (по н.с.) 1904 г. в с. Каварт Зангезурского уезда Елизаветпольской губернии в крестьянской семье. Окончив двухгодичную сельскую начальную школу, он поступил в реальное училище в г. Шуша, где проучился с 1912 по 1918 г. Как и многие его сверстники, совсем еще юный Арзуманян был вовлечен в водоворот революционных событий, примкнул к большевикам и в 1920 г. стал одним из организаторов комсомола Армении. С 1921 по 1928 г. Арзуманян, вступивший в апреле 1923 г. в ВКП(б), — на руководящей работе в комсомоле. Он член бюро Закавказского краевого комитета ВЛКСМ, член Президиума ЦК ЛКСМ Армении, секретарь Ереванского комитета ЛКСМ и заместитель секретаря ЦК ЛКСМ Армении.

Неудержимое стремление к знаниям побуждает Арзуманяна прервать успешно начатую комсомольскую карьеру. В 1928 г. он отправляется в Москву и поступает в Институт народного хозяйства им. Г.В. Плеханова, но со 2-го курса его мобилизуют на партийную работу и возвращают в Армению, где Арзуманян работает секретарем Курукулинского (впоследствии Октемберянского) района.

В 1931 г. Арзуманяна переводят на работу в ЦК КП(б) Армении, где он возглавляет Отдел агитации и массовых кампаний и избирается членом ЦК КП(б)А. Через два года, в июне 1933 г., Арзуманян вновь попадает в Москву, где до февраля 1936-го учится в Аграрном институте Красной профессуры, после чего получает назначение, сначала на должность 1-го секретаря Микояновского РК КП(б) Армении, а в феврале 1937-го — 1-го секретаря Кировского РК КП(б)А.

---

[1] О жизни и научной деятельности А.А. Арзуманяна см.: Академик В.А. Мартынов. Академик Анушаван Агафонович Арзуманян (1904—1965) // Академики-экономисты России. М., 1999. С. 193—210.

Успешная карьера Арзуманяна оборвалась в ноябре 1937 г., когда его, в то время уже ректора Ереванского государственного университета, арестовали. Сам он никогда и никому, кроме членов своей семьи, не рассказывал о том трагическом периоде жизни. В Архиве РАН, где имеется личный фонд А.А. Арзуманяна с его многочисленными анкетами, служебными характеристиками и автобиографиями, нет ни одного упоминания о том, что он был репрессирован. И лишь однажды, в краткой автобиографии из личного дела, хранящегося в Архиве Института мировой экономики и международных отношений, обнаружилась одна скупая фраза: «В ноябре 1937 г. был оклеветан врагами народа, привлечен к следствию, но был полностью реабилитирован»[1].

За этими немногими словами — личная трагедия Арзуманяна, повлиявшая на всю его жизнь, на его мировоззрение и поступки.

Как выяснил Гагик Григорьевич Арзуманян, племянник Анушавана Агафоновича, изучивший в Ереване его следственное дело, будущий основатель ИМЭМО был арестован по т.н. «делу Агаси Ханджяна», 1-го секретаря ЦК Компартии Армении, застреленного лично Берией 9 июля 1936 г. Тогда было объявлено о самоубийстве Ханджяна, запутавшегося «в своих националистических ошибках и связях»[2], а год спустя началась широкомасштабная чистка в руководстве компартии Армении. В результате этой чистки к концу 1938 г. из 55 членов и кандидатов ЦК КП Армении уцелело лишь 15 человек[3].

В застенки НКВД угодил и Анушаван Арзуманян, хорошо знавший покойного Ханджяна. Из материалов следственного дела Арзуманяна следует, что показания на него (под пытками) дали 9 человек[4]. Все они, признавшись в своих мнимых преступлениях и оговорив тех, на кого указывало следствие, позднее были расстреляны. Что касается Арзуманяна, то ему хватило сил, пройдя все круги чекистского ада, не признать своей вины[5]. Быть может, это и спасло ему жизнь.

Когда в конце 1938 г. Сталин убрал из НКВД Ежова и поставил на его место Берию, последний провел явно демонстративную акцию по реабилитации части арестованных и даже осужденных «врагов народа». В немногое число счастливчиков попали и те, кто упорно не признавал своей вины. «Дело» Арзуманяна было затребовано из Еревана в Москву, где решением Особого совещания при НКВД он был оправдан[6].

---

[1] Личное дело А.А. Арзуманяна // Архив Института мировой экономики и международных отношений (далее везде: Архив ИМЭМО РАН. — *П.Ч.*).

[2] Заря Востока, 14.07.1936. Цит. по: Берия: Конец карьеры. М., 1991. С. 30.

[3] Там же. С. 31.

[4] Был и еще один человек, который добровольно, без всякого давления, оговорил Арзуманяна.

[5] Позднее он рассказывал своим близким, что однажды его специально повели на допрос через помещение, где лежали окровавленные трупы двух его товарищей. Это должно было сломить сопротивление Арзуманяна (из воспоминаний Г.Г. Арзуманяна).

[6] По-видимому, его делом в Москве занимался если и не сам Берия, то, по всей видимости, Богдан Кобулов, тогдашний начальник Следственной части, зам. начальника ГУГБ НКВД СССР.

По свидетельству Гагика Григорьевича Арзуманяна, его дядя категорически отказывался выходить из тюремных застенков, пока ему не вернут отобранный при аресте партбилет. Следователю, получившему приказ освободить Арзуманяна, пришлось выполнить это, столь же смелое, сколь и необычное требование упрямого арестанта. Подавляющее большинство других освобожденных тогда лиц получили свои партбилеты лишь через двадцать лет, после XX съезда.

В апреле 1939 г. Арзуманян вышел на свободу, оставив в застенках НКВД многие прежние иллюзии, но сохранив веру в главное — в идеи Маркса и Ленина.

Семнадцать месяцев пребывания в чекистской преисподней оставили в душе Арзуманяна незаживающую рану. На всю жизнь он сохранит непримиримое отношение к людям, которые, как он достоверно знал, принимали активное участие в «разоблачении врагов народа» в Армении. Впоследствии он поймет, кто был инициатором массовых репрессий в СССР, а поняв, станет убежденным антисталинистом.

В июле 1939 г. Арзуманян возвращается в Ереванский университет, но уже не в качестве ректора, а как скромный преподаватель политэкономии. В это время он начинает работать над кандидатской диссертацией, посвященной аграрному кризису 80—90-х годов XIX века в России. Однако до защиты дело не дошло. На этот раз помешала война.

В июне 1941 г. Арзуманян добровольно вступает в ряды Красной Армии, становится военным политработником и принимает участие в боевых действиях на Закавказском, Северо-Кавказском, 1-м и 4-м Украинском фронтах. На трех последних фронтах майор Арзуманян находился в составе 18-й армии, в непосредственном подчинении у начальника армейского политотдела полковника Л.И. Брежнева, который в самом конце войны получит генеральские погоны и возглавит Политуправление 4-го Украинского фронта.

О том, как Арзуманян проявил себя на фронте, свидетельствуют полученные им ордена Красного Знамени (1943), Отечественной войны 2-й степени (1944) и Красной Звезды (1945), а также медали «За оборону Кавказа» (1944) и «За победу над Германией» (1945).

Об этом же свидетельствует и документ, выданный Арзуманяну при демобилизации из армии в декабре 1945 г.

СЛУЖЕБНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
на лектора Политотдела 18 Армии майора
АРЗУМАНЯНА Анушавана Агафоновича

Майор тов. АРЗУМАНЯН Анушаван Агафонович за время работы в Политическом отделе 18 армии в качестве лектора проявил себя честным, скромным, добросовестным большевиком, беспредельно преданным делу большевистской партии. <...>

АРЗУМАНЯН принимал непосредственное участие в подготовке и осуществлении важнейших боевых операций: Новороссийской, Житомирской, Бердичевской, Карпатской и др. В период фронтовой жизни наи-

большую часть времени он находился в войсках, оказывал практическую помощь политорганам и партийным организациям в мобилизации личного состава на решение боевых задач. Принимал непосредственное участие в боях, он проявил себя достойные большевику качества (так в тексте. — *П.Ч.)*: мужество, смелость и отвагу, словом и делом, личным примером воодушевлял людей на подвиги.

Особенно следует подчеркнуть ту большую работу, которую провел тов. АРЗУМАНЯН в период действий нашей армии в районах Закарпатской Украины и Чехословакии. Умение правильно ориентироваться в обстановке, в новых условиях позволило ему подготовить серию важнейших политических документов (манифеста о присоединении Закарпатской Украины к Советской Украине, решения 1-й конференции компартии Закарпатской Украины — об очередных задачах, подобного решения профсоюзной конференции и др. писем, телеграмм и обращений), сыгравших известную роль в организации движения народов Закарпатской Украины по присоединению к Советской Украине. <...>

Заместитель Начальника
Политического отдела 18 Армии
Подполковник ПАХОМОВ

28 декабря 1945 г.[1]

В январе 1946 г., после демобилизации, Арзуманян возвращается в Ереван, где ему предлагают место старшего преподавателя на кафедре политэкономии в Азербайджанском государственном университете им. С.М. Кирова. Пришлось покидать родной Ереван и отправляться в едва знакомый Баку.

Устроившись на новом месте, Арзуманян с головой уходит в учебный процесс и одновременно завершает работу над кандидатской диссертацией, которую успешно защищает уже в 1947 г.[2] Вскоре он получает ученое звание доцента.

В это время происходит важное событие в его личной жизни, безусловно, определившее дальнейшую стремительную карьеру Арзуманяна. В Баку он женится на Айкуш Лазаревне Туманян и в одночасье становится родственником члена Политбюро ЦК ВКП(б) Анастаса Ивановича Микояна.

Дело в том, что жена Микояна, Ашхен Лазаревна (урожденная Туманян), была старшей сестрой Айкуш Лазаревны Арзуманян. «Она всегда была частым и желанным гостем у нас дома, — вспоминает сын Микояна Серго. — Анушаван Агафонович понравился отцу... своими качествами: порядочностью, умом, доброжелательностью, серьезным отношением к экономической науке и новаторским идеям. У всех домашних он вызывал уважение и симпатию...»[3]

---

[1] Архив Российской академии наук (далее везде: Архив РАН. — *П.Ч.*). Ф. 1556. Оп. 1. Д. 180. Л. 1.

[2] Диссертацию Арзуманян защищал не в Баку, а в своем родном Ереванском университете.

[3] Из неопубликованной рукописи С.А. Микояна «ИМЭМО в моей жизни (сугубо личные и, быть может, слишком откровенные воспоминания)», любезно предоставленной им в распоряжение автора.

А.И. Микоян многие годы отвечал в Политбюро и в Правительстве за вопросы внешнеэкономической деятельности СССР и по роду занятий, в отличие от большинства других «соратников», неплохо ориентировался не только во внутренних, но и в международных делах. Еще в 30-е годы он создал учебный Институт, а затем Академию внешней торговли, а также Научно-исследовательский конъюнктурный институт (НИКИ МВТ СССР). Он проявлял живой интерес к деятельности своих детищ, к учебному процессу и научным исследованиям, нередко встречался со студентами, преподавателями и учеными.

Встречаясь время от времени в Москве со своим бакинским свояком, Микоян, помимо семейных дел, обсуждал с ним и экономические вопросы, все больше проникаясь уважением к зрелым и вместе с тем смелым суждениям Арзуманяна о состоянии советской экономики и экономической науки. В конечном счете Микоян приходит к мысли о том, что Арзуманян с его способностями заслуживает большего, нежели прозябать в Баку. К тому времени Арзуманян уже успел заявить о себе на Всесоюзной экономической дискуссии, устроенной по инициативе Сталина. Он выступил там с интересными мыслями о положении в советской экономической науке.

Заместителю Председателя Совета Министров СССР А.И. Микояну не стоило больших усилий в августе 1952 г. организовать перевод на работу в Москву доцента А.А. Арзуманяна, к тому времени уже проректора по научной работе Азербайджанского государственного университета.

Арзуманян направляется в Институт экономики АН СССР на должность и.о. заведующего сектором общих проблем империализма и общего кризиса капитализма[1]. Здесь он близко знакомится с академиком Е.С. Варгой и бывшими «имховцами», уцелевшими после ликвидации в 1947 г. Института мирового хозяйства и мировой политики. Остатки ИМХМП, как уже говорилось, были собраны в том самом секторе, который возглавил Арзуманян.

Уже через год, в сентябре 1953 г., Арзуманян решением Президиума АН СССР был назначен заместителем директора Института экономики (по капиталистической экономике). В представлении на эту должность, направленном в Президиум Академии наук, дирекция Института экономики подчеркивала: «За короткое время т. Арзуманян А.А. проявил себя серьезным квалифицированным экономистом, с большим опытом организационной работы, хорошо ориентирующимся в вопросах капиталистической экономики»[2].

Нельзя исключать того, что столь быстрое продвижение кандидата наук Арзуманяна (в Институте экономики работал большой отряд маститых экономистов, наделенных академическими регалиями), наряду с его очевидными способностями, объяснялось также и возросшим после смерти Сталина влиянием А.И. Микояна, который становится членом обновленного Пре-

[1] С его приходом сектор был реорганизован и укрупнен, получив название — сектор проблем империализма и национально-колониальных проблем.

[2] Личное дело А.А. Арзуманяна // Архив ИМЭМО РАН.

зидиума ЦК КПСС, откуда удалили почти всех «новобранцев» XIX съезда, и Первым заместителем Председателя Совета Министров СССР.

Постоянное общение с Е.С. Варгой и другими «имховцами» постепенно приводит Арзуманяна к мысли о необходимости воссоздания закрытого Сталиным Института мирового хозяйства и мировой политики. Разумеется, это было и заветной мечтой самого Варги.

Укрепившись в этой мысли, Арзуманян поделился ею с А.И. Микояном и встретил у того полное понимание. Микоян хорошо помнил и высоко ценил информационно-аналитические разработки, которые он, как член Политбюро и нарком (министр) внешней торговли, получал в свое время из ИМХМП. Тем большая потребность в подобного рода разработках, по его мнению, возникла теперь, когда преемники Сталина начали переосмысливать доставшееся им наследие.

> «После смерти Сталина в марте 1953 г., — пишет в своих воспоминаниях доктор исторических наук Серго Анастасович Микоян, — его преемникам в руководстве СССР стало ясно, что железный занавес, которым он стремился накрепко отделить Советский Союз от буржуазного мира, в прежнем виде уже не нужен, не отвечает требованиям времени. С внешним миром, в том числе с Западом, надо было жить на одной планете и даже сотрудничать, несмотря на реальный раскол мира на два "лагеря". Во-первых, был еще и "третий мир", за влияние на который шла борьба. Во-вторых, и западный "лагерь капитализма" оставался постоянным нашим партнером в экономике и политике. Поэтому следовало возобновить изучение зарубежного мира, фактически свернутое Сталиным, и развить научные исследования дальше. Академия наук должна была сыграть свою важную роль в создавшихся новых условиях»[1].

Почему же именно Академия наук?

Прежде всего и главным образом по той причине, что после ликвидации ИМХМП в 1947 г. в СССР не осталось ни одного учреждения, которое специально занималось бы комплексным изучением внешнего мира, находящегося по ту сторону железного занавеса. Ни МИД с его региональными отделами и созданным после войны учебным Институтом международных отношений (МГИМО), ни внешняя разведка, с ее специфическими интересами, ни ТАСС и безнадежно идеологизированная советская пресса не могли способствовать выполнению подобного рода задачи. В результате у дезинформированного высшего советского руководства были самые превратные представления о «враждебном капиталистическом окружении» и о процессах, происходящих в мировой экономике и политической жизни зарубежных стран. Ведь Сталин обещал скорый неминуемый крах капитализма. Зачем же тогда изучать то, что само обречено на гибель? Мало кто в СССР мог (или смел) сомневаться в истинности сталинского прогноза.

В Институте экономики АН СССР, как уже говорилось, существовал «отдел капитализма», но, во-первых, сил было явно недостаточно, а во-вто-

[1] *Микоян С.А.* Указ. соч. С. 1.

рых, работавшие там видные специалисты-зарубежники еще не оправились от политических обвинений в «буржуазном реформизме» и «космополитизме».

И тем не менее именно Академия наук была самым подходящим местом для развертывания исследований в области мировой экономики и международных отношений. Арзуманяну без труда удалось убедить в этом своего влиятельного родственника.

Микоян взялся помочь Арзуманяну в реализации его плана воссоздания в системе Академии наук СССР некоего подобия ИМХМП. Микоян и Арзуманян «часами беседовали на эти темы — от круга проблем для будущих исследований до того, как осуществить эту идею, т.е. провести ее через всевозможные бюрократические рогатки», — вспоминает С.А. Микоян[1]. Было решено действовать с двух направлений: Арзуманян должен был добиться постановки данного вопроса на уровне Академии наук, а Микоян брался провести его через ЦК и Совет Министров.

Приближался намеченный на февраль 1956 г. XX съезд КПСС, на котором, среди прочего, предстояло обсудить директивы по 6-му пятилетнему плану развития народного хозяйства, в том числе и науки, на 1956 — 1960 гг.

В октябре 1955 г. Президиум Академии наук СССР направил Председателю Совета Министров СССР Н.А. Булганину развернутую докладную записку — «Важнейшие задачи развития науки в шестой пятилетке»[2]. А.А. Арзуманяну, поддержанному академиком Е.С. Варгой и руководством Отделения экономики, философии и права АН СССР, удалось включить в раздел, посвященный состоянию и перспективам развития общественных наук, ряд предложений, включая создание Института мировой экономики и международных отношений. Данное предложение обосновывалось тем, что «экономисты до сих пор слабо обобщают новейшие явления современного капитализма», что «мешает правильному анализу современного экономического положения капиталистического мира и затрудняет ориентацию наших кадров в международной обстановке»[3].

В пункте 10-м подраздела об основных задачах развития общественных наук в шестой пятилетке было записано:

> «В области экономики современного капитализма должна быть обеспечена, в первую очередь, разработка следующих вопросов:
>
> а) капиталистическое воспроизводство и циклическое развитие капитализма на современном этапе;
>
> б) рабочее движение в современном мире;
>
> в) развитие кризиса колониальной системы и распад этой системы;
>
> г) развитие противоречий между капиталистическими странами и внешняя политика этих стран;

---

[1] *Микоян С.А.* Указ. соч. С. 2.

[2] Полный текст этого документа с Приложениями хранится в бывшем Архиве ЦК КПСС. См: Российский государственный архив новейшей истории (далее везде: РГАНИ. — *П.Ч.*). Ф. 5. Оп. 35. Д. 35.

[3] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 35.

д) сосуществование и экономическое сотрудничество стран с разными социальными системами.

В связи с последним вопросом необходимо изучать деятельность Организации Объединенных Наций, ее различных международных, в первую очередь, экономических органов, а также международных экономических организаций, не связанных с ООН, тенденции в развитии международной внешней торговли и вопросы технической помощи слабо развитым странам.

По мере исследования указанных проблем должны быть подготовлены и представлены в директивные инстанции докладные записки по соответствующим вопросам и изданы научные монографии и научно-популярные книги»[1].

В подразделе «Мероприятия, необходимые для обеспечения дальнейшего развития общественных наук» читаем:

«Организовать специальный Институт мировой экономики и международных отношений на базе отдела экономики современного капитализма Института экономики Академии наук СССР...

Разрешить экономистам, работающим по международным вопросам, использовать служебные материалы МИД и МВТ СССР. Создать, наряду с журналом «Вопросы экономики», журналы по экономике капиталистических стран и экономической географии»[2].

Все эти благие академические пожелания, требовавшие значительных бюджетных затрат, могли так и остаться на бумаге, если бы за их реализацию не взялся член Президиума ЦК КПСС, Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Анастас Иванович Микоян. Одному ему доступными способами он обеспечил внимательное, а не формальное изучение направленных в Правительство предложений Академии наук о создании нового института международного профиля. И что самое главное — он сумел склонить к этому Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева, в принципе считавшего академическую науку ненужной обузой и признававшего только те ее области, которые непосредственно участвовали в создании ракетно-ядерного оружия и освоении космоса.

«Дитя» XX съезда

Трудно со всей определенностью утверждать, кто именно, помимо цековских чиновников, принимал участие в подготовке Отчетного доклада, с которым на XX съезде КПСС выступил Н.С. Хрущев. Тем не менее знакомство с некоторыми его разделами и пассажами, посвященными оценке т.н. общего кризиса капитализма, международной обстановке и положению в советской экономической науке, дает основания предположить, что в этом участ-

[1] РГАНИ. Ф.5. Оп. 35. Д. 35. Л. 265.
[2] Там же. С. 270—271.

вовали некоторые научные сотрудники отдела современного капитализма Института экономики АН СССР, в частности академик Е.С. Варга и заместитель директора Института А.А. Арзуманян. Слишком уж напоминали данные Хрущевым в докладе оценки по некоторым из этих вопросов точку зрения Варги и его единомышленников, к которым по приезде в Москву присоединился и Арзуманян, ставший наиболее активным борцом против догматизма и застоя, утвердившихся в экономической науке после 1947 г.

Выступая с трибуны съезда, Хрущев, разумеется, повторил все ритуальные марксистско-ленинские оценки общего кризиса капитализма, который, по его словам, «продолжает углубляться». Говорил он и о «неразрешимом противоречии капитализма» — между «современными производительными силами и капиталистическими производственными отношениями», которые, по утверждению Хрущева, «обострились еще больше»[1].

Но не эти привычные заклинания привлекали внимание в выступлении Хрущева, а совсем другие, в которых лидер КПСС по существу отверг сталинский тезис о развитии капитализма на «суженной основе», что якобы ведет его к скорой деградации и неизбежной гибели. Между тем именно за признание вовсе не исчерпанных возможностей развития капиталистической экономики и подвергали совсем недавно уничтожающей критике «буржуазных реформистов» из бывшего ИМХМП. «Следует сказать, — подчеркнул Н.С. Хрущев в Отчетном докладе, — что марксистам-ленинцам всегда было чуждо представление, будто общий кризис капитализма означает полный застой, приостановку производства и технического прогресса. <...> Поэтому нам нужно внимательно следить за экономикой капитализма, не воспринимая упрощенно ленинское положение о загнивании империализма, а изучать все лучшее, что дают наука и техника в странах капитализма, с тем чтобы использовать достижения мирового технического прогресса в интересах социализма»[2].

В этом важном высказывании Хрущева, с одной стороны, можно было усмотреть завуалированную критику сталинской трактовки общего кризиса капитализма, как не марксистско-ленинской, а во-вторых, в нем содержался призыв развернуть те самые «техно-экономические» исследования капиталистической экономики, которые в 1947—1952 гг. ставились Варге и его соратникам в вину, как серьезное идеологическое прегрешение.

Довольно резко Хрущев высказался о положении в советской экономической науке. В Отчетном докладе он не упоминал о Сталине, оставив сведение счетов с ним на последний день работы съезда, когда он выступит с закрытым докладом о культе личности покойного вождя. Но когда Первый секретарь ЦК КПСС заговорил о догматизме и застое, охвативших экономическую науку, делегатам, знавшим «Экономические проблемы социализма в СССР» чуть ли не наизусть, стало ясно, кто виноват в этом застое.

---

[1] XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. 14—25 февраля 1956 года. Стенографический отчет. Т. 1. М., 1956. С. 14—15.

[2] Там же. С. 15.

Из отчетного доклада Н.С. Хрущева:

«<...>Мы не можем смотреть на теорию глазами догматиков, людей, отрешенных от жизни. Революционная теория — не собрание застывших формул, а боевое руководство к практической деятельности по преобразованию мира, по строительству коммунизма. <...>

Неблагополучно обстоит дело и в области экономической науки. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что наши экономисты не создали серьезных трудов по различным вопросам советской экономики, не принимают участия в обсуждении важнейших вопросов развития промышленности и сельского хозяйства на совещаниях, проводимых ЦК КПСС. Это значит, что наши экономические институты и их работники основательно оторвались от практики коммунистического строительства. <...>

Марксистско-ленинская теория освещала, освещает и впредь будет освещать нашу дорогу к великой цели. Требуется только одно — применять революционную теорию не догматически, а творчески, развивать ее дальше, в процессе практической борьбы за коммунизм, на основе обобщения нового исторического опыта и анализа фактов живой действительности. К сожалению, эта важная работа у нас на многих участках еще сильно отстает. <...> Весьма важное значение в настоящее время имеет экономическое учение марксизма-ленинизма, вопросы конкретной экономики промышленности, сельского хозяйства, строительства, транспорта, торговли. Вопросы марксистско-ленинской экономической науки в ее неразрывной связи с практикой коммунистического строительства должны быть поставлены в центре нашей пропаганды»[1].

Говоря о международном положении СССР, Н.С. Хрущев подтвердил курс на мирное сосуществование с Западом, обозначившийся в политике СССР после смерти Сталина, как «генеральную линию внешней политики нашей страны»[2]. Он отметил, что, несмотря на продолжающуюся, разумеется, по вине «империалистических кругов», холодную войну и гонку вооружений, «среди влиятельных кругов Запада начинают появляться признаки известного отрезвления»[3].

Но что самое удивительное, Хрущев повторил тот самый «пораженческий» тезис Маленкова о губительных последствиях для человечества третьей мировой войны, за который годом ранее он резко критиковал своего тогдашнего соперника. Теперь же Хрущев по существу полностью соглашался не только с Маленковым, но и с «видными деятелями буржуазных стран» в том, что «в войне с применением атомного оружия не будет победителей»[4].

Более того, в качестве стратегической внешнеполитической задачи партии и Советского государства лидер КПСС выдвинул положение о возможности предотвращения войн в современную эпоху. Это был еще один вызов сталинизму, толкавшему мир к ядерной войне.

---

[1] XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. 14—25 февраля 1956 года. Стенографический отчет. Т. 1. М., 1956. С. 112—114.

[2] Там же. С. 34.

[3] Там же. С. 23.

[4] Там же.

Критические высказывания Хрущева о господстве догматических представлений в советских общественных науках, в особенности в экономической, были развиты и конкретизированы на съезде А.И. Микояном. В его выступлении нашли отражение как собственные мысли по поднятым вопросам, так и идеи, подсказанные А.А. Арзуманяном, в частности, необходимость создания академического института, изучающего экономику и политику зарубежных стран.

Из выступления А.А. Микояна на XX съезде КПСС:

«<...> Мы серьезно отстаем в деле изучения современного этапа капитализма, не занимаемся глубоким изучением фактов и цифр, часто ограничиваемся тем, что в целях агитации выхватываем отдельные факты о признаках приближающегося кризиса, об обнищании трудящихся, но не делаем всесторонней и глубокой оценки явлений, происходящих в жизни зарубежных стран. Наши экономисты, изучая экономику Советского Союза и стран народной демократии, часто скользят по поверхности, не доходят до глубин, не делают серьезного анализа и обобщений, избегают освещения особенностей развития отдельных стран.

Да, по существу, и кому у нас заниматься серьезной разработкой этих вопросов? *Был у нас до войны Институт мирового хозяйства и мировой политики, да и тот ликвидирован, а единственный в системе Академии наук экономический институт не справляется, да и не может справиться с делом глубокого изучения экономики и стран социализма, и стран капитализма* (курсив мой. — *П.Ч.*).

Есть в системе Академии наук еще институт, занимающийся вопросами Востока, но про него можно сказать, что если весь Восток в наше время пробудился, то этот институт дремлет и по сей день. Не пора ли ему подняться до уровня требований нашего времени?

Трудно понять и ликвидацию просуществовавшего 139 лет Московского института востоковедения, да еще как раз в период, когда наши связи с Востоком растут и крепнут, когда с расширением экономических, политических, культурных связей со странами Востока неизмеримо повысился интерес к ним у советской общественности, возросла потребность в людях, знающих языки, экономику, культуру восточных стран.

Нельзя не обратить внимания на тот факт, что, как говорят, в США насчитывают свыше полутора десятков научных учреждений, занимающихся изучением советской экономики. Я не касаюсь того, как и что именно они изучают, но факт, что там огромное количество экономистов занято подбором материалов и изучением экономического развития Советского Союза.

Следует отметить, как серьезный успех коллектива наших экономистов, выпуск учебника политэкономии, а затем и второго, дополненного издания этого учебника. Но было бы неправильно умолчать, что разделы учебника о современном этапе развития капитализма, в частности вопрос о характере и периодичности циклических кризисов, а также вопросы политэкономии социализма, нуждаются в дальнейшем более глубоком изучении и доработке»[1].

[1] Там же. С. 323 — 324.

Выступление Микояна нашло широкий отклик среди научной общественности. Едва завершил свою работу XX съезд КПСС, как в ЦК полетели письма в поддержку предложений, высказанных Микояном.

Одно из таких писем было отправлено 7 марта 1956 г. членом партии с мая 1917 г., профессором С.М. Захаренко, заведующим кафедрой экономической географии Московского экономико-статистического института. «Многоуважаемый Анастас Иванович! — писал Захаренко. — Должен с удовольствием заметить, что давно являюсь Вашим единомышленником. Неоднократно я ставил вопросы, примерно в том же разрезе, как Вы их поставили на XX съезде партии, но, к сожалению, никогда не встречал поддержки»[1]. Профессор Захаренко сообщал Микояну, что последнее его обращение в отдел науки ЦК КПСС имело место 20 января 1956 г., т.е. за три недели до открытия съезда.

Суть предложения старого ученого-партийца сводилась к необходимости создания в системе АН СССР нескольких НИИ для всестороннего изучения зарубежных стран Запада и Востока, что, по его убеждению, вытекает из потребностей внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности советского руководства. Чиновники из отдела науки ЦК ознакомили с поступившим к ним письмом К.В. Островитянова, бывшего директора Института экономики, а теперь уже действительного члена АН СССР и даже ее вице-президента.

«Академик Островитянов считает, — рапортовали высшему начальству зав. сектором Отдела науки ЦК КПСС К. Кузнецова и инструктор Отдела В. Иванов, — что создание в Академии наук СССР целой группы научно-исследовательских институтов по зарубежным странам в настоящее время не представляется необходимым. Отдел науки и вузов ЦК КПСС с мнением т. Островитянова по данному вопросу согласен. Тов. Захаренко в связи с его письмом вызывался на беседу в Отдел науки и вузов»[2].

Забегая вперед, отметим, что предложение, сформулированное профессором Захаренко (и не им одним), будет реализовано только в 60-е годы.

Если от профессора легко можно было отделаться с помощью академика Островитянова, то к пожеланию одного из самых влиятельных членов Президиума ЦК КПСС партийные чиновники должны были отнестись предельно внимательно, тем более что оно было поддержано «самим» Никитой Сергеевичем.

По окончании работы XX съезда А.И. Микоян проследил, чтобы его предложение не затерялось в массе других пожеланий и рекомендаций, высказанных со съездовской трибуны. Отдел науки ЦК КПСС получил предписание в короткий срок подготовить проект решения Президиума ЦК об организации в системе АН СССР Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО). К подготовительной работе были подключены академик Е.С. Варга и А.А. Арзуманян.

---

[1] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 23. Л. 69 – 72.

[2] Там же. С. 77.

По всей видимости, в отделе науки, еще при Сталине выделившемся из Агитпропа — Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), поначалу не были в курсе намерений высшего руководства относительно кандидатуры будущего директора ИМЭМО. Партийным чиновникам было ясно только одно — это не 76-летний академик Е.С. Варга, бывший директор закрытого при активном участии Агитпропа ИМХМП. Именно неосведомленность в сочетании с идейными предпочтениями побудили заведующего сектором экономической науки отдела науки ЦК КПСС К.И. Кузнецову выдвинуть кандидатуру И.И. Кузьминова, заведующего кафедрой политэкономии Академии общественных наук (АОН) при ЦК КПСС на должность директора ИМЭМО. Так во всяком случае считает академик Г.А. Арбатов, ссылающийся на свидетельства Е.С. Варги и Н.Н. Иноземцева[1].

И.И. Кузьминов впервые заявил о себе на экономической дискуссии 1951—1952 г. Уже тогда, что, впрочем, понятно, он выступал с твердокаменных сталинистских позиций. Но и после смерти Сталина, когда многие советские экономисты получили возможность переосмыслить навязанные им догматы, Кузьминов, вскоре возглавивший кафедру в партийной АОН, продолжал исповедовать ортодоксальный сталинизм.

> «Всем международникам этот человек, — пишет о И.И. Кузьминове академик Г.А. Арбатов, — был известен как дремучий и притом воинственный догматик, воплощавший в своей сфере самый махровый сталинизм (одним из генераторов догматизма и сталинизма в экономической науке, и в частности в политэкономии капитализма, он оставался еще многие годы — до самой своей смерти). Очень характерная для того времени деталь, — продолжает Г.А. Арбатов, — хотя все происходило после XX съезда и перед институтом (ИМЭМО. — *П.Ч.*) ставилась руководством задача по-новому взглянуть на мир, дать его правдивую картину, аппарат ЦК КПСС, Отдел науки представил на Секретариат именно кандидатуру Кузьминова»[2].

Поскольку материалы Секретариата и Политбюро ЦК КПСС, относящиеся к тому времени, по большей части еще не рассекречены, не представляется возможности документально проверить, как обстояло дело на самом деле, хотя нет никаких оснований сомневаться в надежности источников, на которые ссылается Г.А. Арбатов, т.е. свидетельств Е.С. Варги и Н.Н. Иноземцева.

---

[1] Это же подтвердил мне и ветеран ИМХМП—ИМЭМО профессор Я.А. Певзнер, знавший лично от Е.С. Варги о намерении отдела науки ЦК КПСС провести кандидатуру И.И. Кузьминова на должность директора ИМЭМО. В разговоре с Певзнером, состоявшемся тогда же, весной 1956 г., Варга сказал, что он был вызван к секретарю ЦК КПСС по идеологии Д.Т. Шепилову, который поинтересовался его мнением о двух кандидатурах — Кузьминова и Арзуманяна. Разумеется, Варга энергично поддержал Арзуманяна, что дало возможность Шепилову при подготовке вопроса на Секретариат и Президиум ЦК КПСС сослаться на авторитетное мнение бывшего директора ИМХМП.

[2] *Арбатов Георгий.* Человек Системы. М., 2002. С. 110. По некоторым свидетельствам, Кузьминов пользовался поддержкой Суслова, но в то время (1956 г.) будущий «серый кардинал» оказался «в тени» Шепилова, который, как уже отмечалось, поддержал Арзуманяна. — *П.Ч.*

Но в любом случае весной 1956 г. И.И. Кузьминов не имел никаких шансов занять пост директора создаваемого Института мировой экономики и международных отношений уже по той простой причине, что это место было зарезервировано за А.А. Арзуманяном.

Хотя формально вопрос об отборе кандидатов на должности директоров академических институтов входил в сферу компетенции тогдашнего секретаря ЦК КПСС по идеологии Д.Т. Шепилова, кандидатура А.А. Арзуманяна уже была одобрена самим Н.С. Хрущевым, что делало бессмысленным все хлопоты в пользу других лиц. По свидетельству Серго Анастасовича Микояна, его отец заблаговременно подготовил почву, переговорив с Хрущевым, а затем представил ему Арзуманяна, который произвел на того благоприятное впечатление.

Если в отделе науки ЦК поначалу действительно не знали об уже сделанном «на самом верху» выборе директора ИМЭМО, то к середине марта 1956 г. этот вопрос окончательно прояснился.

21 марта 1956 г. Секретариат ЦК КПСС принимает Постановление «Об организации Института мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР» и рекомендует Президиуму ЦК КПСС утвердить его, что и было сделано 3 апреля того же года. Затем решение высшей партийной инстанции «спускается» в Академию наук и уже 13 апреля 1956 г. обретает форму Постановления Президиума АН СССР, подписанного Президентом АН СССР академиком А.Н. Несмеяновым и заместителем Главного ученого секретаря Президиума АН СССР членом-корреспондентом АН СССР К.А. Власовым. Это постановление, практически слово в слово повторявшее решение Политбюро от 3 апреля 1956 г., было опубликовано с небольшими сокращениями в «Вестнике Академии наук СССР».

Учитывая, что речь идет об основополагающем документе, который на многие годы определил характер и направления деятельности ИМЭМО, есть смысл воспроизвести хотя бы его опубликованный (сокращенный) вариант.

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ИНСТИТУТА МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Президиум (АН СССР. — *П.Ч.*) признал, что научная работа по исследованию экономики и политики капиталистических стран ведется в системе Академии неудовлетворительно.

Институты экономики и востоковедения не осуществляют серьезной научной работы по вопросам мировой экономики и международных отношений, не обобщают данные об изменениях в экономике и политической жизни капиталистических стран. Плохо изучаются закономерности капиталистической действительности и происходящие в ней экономические процессы и политические явления, особенности государственно-монополистического капитализма.

Советские экономисты слабо знакомы с работами прогрессивных экономистов зарубежных стран; неудовлетворительно ведется критика реакционных буржуазных экономических теорий. Научные кадры готовятся в отрыве от изучения капиталистической действительности.

Среди научных работников-экономистов имеет место порочная практика огульного охаивания работ в целом из-за содержащихся в них частных недостатков и наклеивания авторам всякого рода "ярлыков", что неизбежно ведет к боязни смелой постановки новых вопросов, пересказу общеизвестных истин, к снижению научного уровня и практической значимости публикуемых работ по вопросам современного капитализма.

В условиях сосуществования и экономического соревнования социалистической и капиталистической мировых систем важнейшее значение приобретает задача всестороннего изучения экономических процессов, особенностей внутренней и внешней политики, классовой борьбы в капиталистических странах.

Ввиду этого Президиум постановил создать в Москве в системе Академии Институт мировой экономики и международных отношений, включив его в состав научных учреждений Отделения экономических, философских и правовых наук.

На Институт мировой экономики и международных отношений возложено изучение:

- экономики и политики современного капитализма и закономерностей его развития на основе обобщения фактов капиталистической действительности; проблем общего кризиса капитализма и его дальнейшего углубления; особенностей государственного монополистического капитализма; влияния милитаризации на капиталистическую экономику; характера воспроизводства и экономических кризисов на современном этапе;
- взаимоотношений двух мировых экономических систем: капиталистической и социалистической;
- явлений дальнейшего распада колониальной системы империализма, а также вопросов, связанных с новой ролью стран Азии в мировой экономике и политике;
- экономики капиталистических государств, их промышленности, сельского хозяйства, транспорта; основных технико-экономических изменений, конъюнктуры капиталистического хозяйства и динамики капиталистического мирового рынка;
- экономической политики капиталистических государств, их внутренней и внешней политики и современных международных отношений;
- экономического положения рабочего класса, динамики заработной платы и безработицы, условий труда и быта, положения крестьянства и других слоев трудящихся в капиталистических странах;
- классовой борьбы пролетариата и трудящихся масс в капиталистических странах; национально-освободительного движения народов колониальных и зависимых стран;
- деятельности международных организаций, занимающихся экономическими вопросами;
- современного состояния зарубежной экономической науки.

Директором Института назначен кандидат экономических наук А.А. Арзуманян (с последующим утверждением Общим собранием Академии).

Институту разрешено издание ежемесячного журнала «Мировая экономика и международные отношения».

> Президиум обязал институты Истории, Философии, Права, Востоковедения обеспечить серьезное улучшение научно-исследовательской работы по вопросам экономики, истории, философии и права зарубежных стран.
>
> Эта работа должна координироваться с вновь созданным Институтом.
>
> Институту экономики предложено сосредоточить свою деятельность на изучении социалистической экономики и экономики стран народной демократии[1].

Одно только перечисление поставленных перед ИМЭМО задач свидетельствовало о важности возложенных на него функций. Кстати, из опубликованного варианта Постановления Президиума АН СССР по цензурно-политическим соображениям был выпущен важнейший пункт, гласивший:

> «Обязать Институт мировой экономики и международных отношений АН СССР информировать директивные органы о новых процессах в экономике и политике капиталистических стран»[2].

Это придавало ИМЭМО особый статус, выделявший его из ряда других академических институтов гуманитарного профиля. Решение собственно научных, фундаментальных задач должно было сочетаться в деятельности ИМЭМО с информационно-аналитическим обслуживанием директивных органов, т.е. ЦК КПСС, СМ СССР, отдельных министерств и ведомств. Иными словами, ИМЭМО с самого начала находился под высоким покровительством ЦК.

В целом ИМЭМО призван был воссоздать целостную и вместе с тем достаточно детальную, максимально приближенную к реальности картину внешнего мира, находящегося по ту сторону железного занавеса. Выдвижение концепции мирного сосуществования как генеральной линии внешней политики СССР делало необходимым изучение «мировой системы капитализма», ее экономических, политических и социальных реалий, а также перспектив развития. Всем этим в свое время занимался Институт Варги, подвергшийся разгрому в 1947 г.

За истекшие с тех пор без малого десять лет в мире произошли серьезные структурные изменения: начиналась научно-техническая революция, возрождалась Западная Европа, избравшая путь экономической и политической интеграции, пробуждался непредсказуемый Восток... Все эти процессы нуждались в осмыслении, а те немногочисленные научные кадры, которые могли бы этим заниматься, были разобщены и деморализованы. На лучших советских специалистах по мировой экономике и политике сталинский режим поставил клеймо «буржуазных реформистов».

На долю Арзуманяна выпала нелегкая задача — привлечь в свой Институт интеллектуальные силы, прежде всего из числа бывших «имховцев»,

---

[1] Вестник Академии наук СССР, 1956, № 6. С. 117 — 118.

[2] Постановление Президиума АН СССР от 13 апреля 1956 г. № 155 «Об организации Института мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР» // Архив ИМЭМО РАН.

усилить их способной молодежью, организовать и умело направлять процесс научных исследований в области мировой экономики и международных отношений.

> «Прежде всего, — вспоминает работавший с Арзуманяном в начале 60-х годов будущий академик Г.А. Арбатов, — директору нового института надо было преодолеть несколько фундаментальных препятствий.
>
> Одно из них — крайне догматический, пропагандистский характер представлений большинства наших специалистов по экономике капитализма и столь же отсталые представления в этом вопросе многих руководящих политических и идеологических работников, задававших тон в науке. Некоторые из них и сами не совсем верили описаниям крайних трудностей, в которых барахтается, почти что тонет капитализм, но тем не менее считали нормальным и необходимым, чтобы широкой публике продолжали преподносить эту версию. Вся абсурдность, а если говорить о науке — то и трагизм ситуации состояли в том, что такая позиция даже не отражала желания сознательно обманывать людей. Просто общественная наука — и в этом одно из тяжелых порождений сталинизма, часть его наследия... — не мыслилась вне рамок общих пропагандистских установок, ей отводилась незавидная роль прислужницы политики, способной "с марксистских позиций" обосновать каждый очередной политический финт руководства...
>
> XX съезд изменил положение с точки зрения потребностей тех, кто делает политику. Они уже нуждались в правде, хотя бы в знании объективной картины мира (правда, в руководстве это едва ли понимали многие, но наверняка ощущали Куусинен и Микоян и, можно думать, Шепилов)»[1].

Обновленческие идеи XX съезда легли в основу всей деятельности А.А. Арзуманяна — создателя и первого директора Института мировой экономики и международных отношений, человека, который по единодушному мнению всех, кто его знал, был противником косности и догматизма, убежденным антисталинистом. Обязанный своим рождением XX съезду, ИМЭМО в течение тридцати пяти лет своей «советской» истории (1956—1991 гг.) будет сохранять верность выбору, сделанному в годы «оттепели».

«Кадры решают все»

Наверное, Анушаван Агафонович Арзуманян не раз вспоминал этот сталинский лозунг 30-х годов, когда в апреле 1956 г. приступил к реализации Постановления об организации Института мировой экономики и международных отношений. В самом деле, любой научно-исследовательский институт — это прежде всего высококвалифицированные кадры, соответствующим образом организованные и ориентированные на решение тех или иных научных проблем.

---

[1] *Арбатов Георгий.* Указ. соч. С. 111—112.

Но даже ученые-гуманитарии, не привязанные, как химики, физики или биологи, к лабораториям с дорогостоящим оборудованием, тем не менее должны иметь свой «дом», где они собирались бы для совместных обсуждений, где можно было бы разместить библиотеку, читальные залы...

Поэтому первое, с чего начал свою деятельность директор ИМЭМО А.А. Арзуманян, так это с решения извечно многотрудного в Москве вопроса о здании для нового Института, штатный контингент которого был определен в 300 человек. Постановление Президиума ЦК КПСС от 3 апреля 1956 г. обязывало руководство Моссовета и Управление делами АН СССР найти подходящее здание для ИМЭМО, который в то время формально базировался на Волхонке, 14, вместе с несколькими институтами гуманитарного профиля — экономики, философии, истории. Но путь от принятия партийного постановления до его реализации, особенно когда это требовало материальных затрат, в советской системе был обычно долгим и тернистым.

Еще 7 марта 1956 г., т.е. почти за месяц до принятия упоминавшегося Постановления ЦК КПСС, секретарь ЦК Д.Т. Шепилов обратился к Первому секретарю Московского горкома КПСС Е.А. Фурцевой с письмом, в котором говорилось:

> «Направляю Вам заявку президиума Академии Наук СССР о потребности в служебной площади институтов Академии. Со своей стороны, считаю первоочередным и совершенно неотложным предоставление помещений вновь организуемому Институту мировой экономики и международных отношений...»[1]

В это время Н.С. Хрущев приступил к ликвидации размножившихся при Сталине союзных и республиканских (РСФСР) министерств. Освобождались занимаемые ими в центре Москвы здания. На это и рассчитывала Академия наук, подсказывая высшему партийному начальству, где и какие освобождаются здания, которые можно было бы передать ютившимся в тесноте на Волхонке четырем академическим институтам.

Первоначально директор Института экономики АН СССР В.П. Дьяченко договорился с А.А. Арзуманяном, что наиболее удобным для обоих институтов было бы разместиться в одном здании. Об этом они и просили центральные и московские власти — А.И. Микояна, Д.Т. Шепилова, Е.А. Фурцеву и председателя Исполкома Моссовета Н.И. Бобровникова.

В архиве бывшего ЦК КПСС сохранилась оживленная переписка по этому вопросу, свидетельствующая о том, что МГК КПСС и Моссовет не спешили выполнять даже предписания «сверху», тем более что Академия наук претендовала на освобождающиеся здания на Кузнецком мосту, на ул. Калинина (Воздвиженка) и в других центральных кварталах столицы. Так, например, 27 апреля 1956 г. и.о. Президента АН СССР академик К.В. Островитянов и Главный ученый секретарь Президиума АН СССР академик А.В. Топчиев информировали ЦК КПСС, что Е.А. Фурцева,

[1] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 181. Л. 13.

Н.И. Бобровников и другие высшие московские чиновники не торопятся выполнять данное им Президиумом ЦК КПСС поручение. «Обеспечение вновь создаваемого ИМЭМО за счет зданий, могущих освободиться в связи с реорганизацией ряда министерств, задерживается, видимо, и не будет выполнено в необходимый срок», — с тревогой писали руководители АН СССР[1].

Тем не менее МГК и Моссовет так и «не изыскали возможности» удовлетворить пожелания уважаемых ученых мужей. В Москве, как оказалось, не нашлось здания, способного разместить два экономических института с совокупным штатом сотрудников в 650 человек (300 — ИМЭМО и 350 — Институт экономики). В конце концов Дьяченко и Арзуманян вынуждены были отказаться от идеи «совместного проживания» двух институтов и начали действовать порознь.

С большим трудом, в очередной раз прибегнув к незаменимой помощи А.И. Микояна, летом 1956 г. Арзуманян сумел-таки выбить из Моссовета здание для временного размещения своего Института.

Новоостаповская улица, дом 10 — таков адрес первой временной прописки ИМЭМО, где Институт размещался в течение года. Тогда это была московская рабочая окраина, с давних пор носившая столь же неблагозвучное, сколь и труднообъяснимое название — Сукино болото. Новоостаповская улица возникла в 1952 г. на месте бывшего Остаповского шоссе, оказавшегося в районе городской черты. О характере этого района, находящегося между станциями метро «Автозаводская» и «Волгоградский проспект» (в то время еще не существовавшей), говорят названия здешних улиц — Шарикоподшипников, 1-я и 2-я улицы Машиностроения, Автозаводская, Велозаводская...

Здесь, в трехэтажном школьном здании, по соседству с хлебозаводом и разместился на первых порах Институт мировой экономики и международных отношений. Предыдущим хозяином этого здания было расформированное республиканское министерство.

Летом 1957 г. Арзуманяну удастся заполучить новое помещение, на этот раз в самом престижном районе — в Китайском (теперь Китайгородском) проезде, в комплексе министерских зданий, по соседству с непроницаемо-грозным Главлитом (советская цензура). ИМЭМО был выделен здесь второй, спланированный в виде буквы «П» этаж, где кое-как смогли разместиться 250 научных сотрудников. Но, как и предыдущее здание, новая обитель стала лишь временным пристанищем ИМЭМО.

В 1961 г. Институт получит пятиэтажное гостиничное здание на 2-й Ярославской улице (дом 13), неподалеку от станции метро «ВДНХ». В этом, тоже временном «жилище» ИМЭМО обоснуется надолго — до весны 1978 г., когда, наконец, переберется в собственное 21-этажное здание на Профсоюзной улице.

Этим собственным домом ИМЭМО в значительной мере будет обязан, и это уже мало кто помнит из сотрудников Института, своему пер-

[1] Там же. Оп. 35. Д. 24. Л. 163.

вому директору — А.А. Арзуманяну, который еще в 1958 г. сумел убедить А.И. Микояна подписать правительственное Постановление о строительстве нового здания специально для Института мировой экономики и международных отношений[1].

Что касается Института экономики, то хлопоты его директора не увенчались успехом; Институт вынужден будет остаться на Волхонке, где проведет в тесноте еще долгие годы, прежде чем переберется в новое здание неподалеку от ИМЭМО.

Сразу же по выходе постановления об организации ИМЭМО его директор А.А. Арзуманян занялся подбором кадров. Начал он с заполнения вакансий двух своих заместителей по научной работе. Поиски были недолгими, так как кандидаты нашлись здесь же, в Отделе современного капитализма Института экономики — доктор экономических наук профессор Владимир Яковлевич Аболтин и кандидат экономических наук Александр Иванович Бечин.

Личность В.Я. Аболтина, проработавшего заместителем директора ИМЭМО почти двадцать лет (до 1975 г.) и более года (1965—1966) исполнявшего обязанности директора, всегда была окружена в Институте ореолом романтической таинственности. Одни говорили, что он бывший латышский стрелок, чуть ли не охранявший самого Ленина, другие намекали на его принадлежность к спецслужбам. При этом хорошо были известны его многочисленные научные публикации, посвященные вопросам международных отношений на Дальнем Востоке.

Так кем же в действительности был Владимир Яковлевич Аболтин? Из автобиографии В.Я. Аболтина, написанной им в 1975 г.:

> «<...>Родился 1 октября 1899 г. в бедной крестьянской семье в Руйене Лифляндской губернии. Латыш. Братья участвовали в вооруженном восстании 1905 г. Емельян, член партии с 1902 г., руководитель восстания в Руйене, затем руководитель военной организации СДАК(б). В 1909 г. приговорен военным судом к смертной казни, сидел в тюрьме до 1913 г. В 1918 г. заключен немцами в концлагерь. В дальнейшем — на партийной и советской работе. Михаил, член партии с 1904 г., рабочий, осужден за участие в вооруженном восстании на 15 лет каторги; заключен в Бутырскую каторжную тюрьму, освобожден в 1917 г. Погиб в Самаре в боях против чехословаков и белогвардейцев.

---

[1] Вот что вспоминает об этом близко и хорошо знавший А.А. Арзуманяна ветеран ИМЭМО д.э.н. Я.А. Певзнер: «Где-то между 1957 и 1958 годами, но не позже, Арзуманян сумел подсунуть А.И. Микояну бумагу о необходимости строительства здания для Института мировой экономики и международных отношений. Вскоре появилось подписанное Первым заместителем Председателя Совета Министров СССР А.И. Микояном соответствующее правительственное постановление. Из-за трудностей с финансированием строительство здания затягивалось, неоднократно прерывалось и даже замораживалось. Заслуга в завершении этого дела, начатого Арзуманяном, принадлежит Н.Н. Иноземцеву, который энергично взялся за него и сумел довести до конца. В результате в 1978 году ИМЭМО получил собственное многоэтажное здание, что позволит Институту продержаться в самые трудные времена (т.е. в 90-е годы. — *П.Ч.*)» (запись беседы с Я.А. Певзнером 20 ноября 2001 г.)

В. Аболтин вступил в партию в июне 1917 г., будучи секретарем профсоюза торгово-промышленных служащих в Риге. Накануне захвата Риги германскими войсками уехал в Нижний Новгород, где работал в газете «Нижегородский рабоче-крестьянский листок».

В августе 1918 г. был направлен на подпольную работу в оккупированную Латвию. <...>

Весной 1919 г. направлен на Первые пехотные курсы комсостава Красной Армии. В составе курсов участвовал в боях против белоказаков на Дону, а осенью 1919 г. против армии Юденича под Петроградом.

По окончании курсов занимал различные политические и командные должности в 9-й армии, участвовал в боях против белоказацких повстанцев на Кубани в качестве уполномоченного РВС 9 при Ударном отряде. В 1921 — 1922 гг. командирован для проведения специальной военной работы за рубежом (в Турцию, куда в ноябре 1920 г. эвакуировались из Крыма остатки армии генерала П.Н. Врангеля. — *П.Ч.*). Летом 1922 г. был направлен в Военную академию (им. Фрунзе).

После окончания востфака (восточного факультета. — *П.Ч.*) Военной академии был назначен Председателем Полномочной комиссии ЦИК СССР по приему Северного Сахалина от японских оккупантов, а по завершении этой работы — агентом НКИД на Сахалине (1925 — 1926 гг).

В 1927 — 1928 гг. выполнял обязанности генконсула в Харбине.

С 1929 г. занимался научно-исследовательской работой по проблемам экономики и политики, а также истории зарубежных стран и Советского Союза. Совмещал эту работу некоторые годы с учебно-административной, преподавательской и иной деятельностью. <...>»[1]

Как следует из этого документа, Аболтин не был ни латышским стрелком, ни охранником Ленина. Тем не менее его ранняя биография красноречиво говорит сама за себя — большевик-подпольщик, участник Гражданской войны, один из первых сотрудников советской военной разведки, агент-нелегал, резидент в Харбине — дальневосточной столице русской белой эмиграции, дипломат...

Принадлежность Аболтина к военной разведке подтверждается изданным в 2002 г. справочником по истории ГРУ, где его фамилия значится среди оперативных работников. В справочнике говорится, что в кадрах военной разведки Аболтин состоял с апреля 1921 г., когда закончил шестимесячные разведывательные курсы. Тогда он получил направление в армию в качестве начальника разведотдела штаба дивизии, а затем был командирован в Турцию[2].

С 1929 г. Аболтин, оставаясь в кадрах военной разведки, переключается на научно-преподавательскую работу. В течение двух лет (1929 — 1931) он работает заместителем ректора Института востоковедения (Москва), затем старшим научным сотрудником ИМХМП (1931 — 1935), где становится доктором экономических наук. Сразу же после защиты диссертации Аболтина «под крышей» ТАСС отправляют на два года (1935 — 1937) в Пекин коррес-

---

[1] Личное дело В.Я. Аболтина // Архив ИМЭМО РАН.

[2] *Лурье В.М., Кочик В.Я.* ГРУ. Дела и люди. СПб. — М., 2002. С. 330.

пондентом. Вернувшись из командировки, Аболтин назначается директором Государственного института иностранных языков в Иваново, а в 1939 г. вновь приходит в ИМХМП.

С декабря 1942 по май 1943 г. Аболтин находится в составе Резервного Отдельного Латышского пехотного полка, но в боевых действиях участия не принимает.

Между маем 1943 и 1948 годом в его анкете пробел. В упоминавшемся справочнике по истории ГРУ говорится, что Аболтин был репрессирован, но когда именно и в какой форме — об этом сведений нет. Сам Аболтин в служебных анкетах и в автобиографии ничего на этот счет не сообщает. Реабилитировали его в 1946 г.[1] Но самое удивительное — об этом косвенно свидетельствуют материалы его личного дела — в 1945 г. Аболтин находился в Германии. Что он там делал и по какой линии — неизвестно.

В 1948 г. Аболтина принимают на работу в отдел общих проблем империализма в Институт экономики, где в 1953 г. он становится заведующим сектором, а в 1955 г. получает ученое звание профессора.

К этому времени Аболтин уже известный специалист по проблемам международных отношений на Дальнем Востоке, автор нескольких монографий, брошюр и десятков статей, опубликованных под псевдонимом В. Аварин[2].

Когда А.А. Арзуманян в 1952 г. перешел на работу в Институт экономики АН СССР, В.Я. Аболтин уже занимал там видное положение. Почти четыре года совместной работы расположили Арзуманяна к обстоятельному, сдержанно-суховатому и искушенному в организационно-административных делах Аболтину. Не удивительно, что именно ему он предложил занять место своего заместителя в создаваемом Институте мировой экономики и международных отношений. Аболтин должен был курировать те направления научных исследований, которые составляли вторую половину названия ИМЭМО, т.е. международно-политические исследования.

Должность другого зама — по собственно экономической проблематике — Арзуманян предложил Александру Ивановичу Бечину, который с мая 1954 г. возглавлял в Институте экономики сектор общих проблем империализма — тот самый, которым ранее руководил сам Арзуманян. Видимо, Арзуманян полностью полагался на Бечина и ценил его. По крайней мере дважды он удостаивал его своим доверием: первый раз — в 1954 г., второй — весной 1956-го.

В биографии Бечина не было столь интригующих эпизодов, как в жизни Аболтина. Он родился в 1906 г. в семье костромского крестьянина. Окончил девятилетку в Ташкенте, совпартшколу в Костроме (1925) и три курса Института марксизма-ленинизма в Ростове-на-Дону (1937).

---

[1] *Лурье В.М., Кочик В.Я.* ГРУ. Дела и люди. СПб. — М., 2002. С. 330.

[2] См., например: Остров сокровищ — Северный Сахалин. Хабаровск, 1928; Империализм и Манчжурия. Этапы империалистической борьбы за Манчжурию. М., Л., 1931; Борьба за Тихий океан. Агрессия США и Англии, их противоречия и освободительная борьба народов. М., 1947. Уже в ИМЭМО выйдет его большая работа: Распад колониальной системы. М., 1958.

С 1935 по 1939 год А.И. Бечин работает в Ростовском пединституте — сначала и.о. доцента кафедры политэкономии, затем деканом исторического факультета, наконец, директором Пединститута.

С 1940 до 1954 г. А.И. Бечин — на службе в Советской армии. Он участвует в боевых действиях в годы Великой Отечественной войны. С октября 1943 г. и до конца войны он замполит командира гвардейского стрелкового полка. В апреле 1944 г., при форсировании Днестра, Бечин получает контузию с повреждением слуха. Войну он заканчивает с четырьмя боевыми орденами и восемью медалями.

В 1948—1949 гг., оставаясь в кадрах Советской армии, А.И. Бечин состоит соискателем на кафедре экономики и политики зарубежных стран АОН при ЦК ВКП(б), где защищает диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук, а затем работает старшим преподавателем в Военно-политической академии им. В.И. Ленина.

В апреле 1954 г. полковник Бечин демобилизуется из армии и подает документы на работу в Институт экономики АН СССР. «Докладываю, — рапортует он в заявлении на имя директора Института члена-корреспондента АН СССР В.П. Дьяченко, — что приказом Министра Обороны СССР от 10.4.1954 г. я отчислен из кадров Советской армии в запас. 19 апреля приказом Начальника Военно-политической академии им. В.И. Ленина отчислен из Академии и прибыл в Ваше распоряжение. А. Бечин. 19.4.1954 г.»[1]

Бравый полковник-политэконом, видимо, произвел самое благоприятное впечатление на В.П. Дьяченко и его заместителя А.А. Арзуманяна, так как уже 1 мая того же года он был принят на работу в академический институт, причем сразу же на руководящую должность заведующего сектором общих проблем империализма, где работали серьезные ученые из бывшего ИМХМП, в том числе и сам академик Е.С. Варга.

Весной 1956 г. Арзуманян пригласил Бечина на аналогичную должность в ИМЭМО, а уже в сентябре сделал его своим вторым заместителем.

Однако в скором времени Арзуманян стал разочаровываться в своем протеже. Трудно теперь в точности сказать, что именно перестало устраивать Арзуманяна. Можно лишь предположить, что Бечин как руководитель оказался не на уровне вставших перед ИМЭМО задач в осмыслении новейших тенденций развития государственно-монополистического капитализма. По-видимому, его научно-идеологические воззрения, сформировавшиеся в АОН при ЦК ВКП(б) и в Военно-политической академии, существенно расходились с взглядами и оценками большинства ведущих экономистов ИМЭМО, включая самого Арзуманяна.

В должности заместителя директора Института А.И. Бечин пробудет ровно три года. 18 сентября 1959 г., «по личной просьбе», он будет переведен в старшие научные сотрудники, а через месяц возглавит сектор конъюнктуры (с сентября 1960 г. сектор мирового капиталистического рынка).

---

[1] Личное дело А.И. Бечина // Архив ИМЭМО РАН.

В этой должности А.И. Бечин проработает почти десять лет, защитив в 1968 г. докторскую диссертацию. В 1973 г. он выйдет на пенсию.

Третьей «номенклатурной» должностью в любом академическом институте считается должность ученого секретаря. Этот пост Арзуманян предложил занять кандидату исторических наук Игорю Сергеевичу Глаголеву, с 1954 г. работавшему в отделе общих проблем империализма Института экономики.

Арзуманян счел, что этот интеллигентный, организованный и исполнительный человек как нельзя лучше подходил на роль ученого секретаря ИМЭМО. Менее всего директор мог тогда предположить, что через двадцать лет И.С. Глаголев «выберет свободу» и станет невозвращенцем. Вся его предшествующая биография, хорошо известная Арзуманяну, казалось бы, полностью исключала такую возможность.

Из личного дела, сохранившегося в архиве ИМЭМО, можно узнать, что И.С. Глаголев родился в 1920 г. в г. Белеве в семье архитектора-художника и педагога. В 1924 г. семья Глаголевых переехала в Ленинград, где Игорь Сергеевич в 1938 г. окончил среднюю школу и поступил на английское отделение филологического факультета ЛГУ. В июле 1941-го Глаголев становится курсантом 3-го Ленинградского артиллерийского училища, но уже в ноябре того же года увольняется в запас вследствие нервного заболевания. Он перебирается в Саратов, где поступает на 4-й курс Саратовского пединститута, а затем переводится в эвакуированный на берега Волги родной Ленинградский университет. По окончании учебы Глаголев получает назначение на работу в ТАСС и переезжает в Москву, а в апреле 1943 г. поступает в аспирантуру ИМХМП. Здесь в 1947 г. он защищает диссертацию на тему «Отношения между США и гитлеровской Германией до второй мировой войны». Здесь же, годом ранее, он становится членом ВКП(б).

По всей видимости, Глаголеву не были чужды карьерные устремления, причем не в области науки. Можно предположить, что он мечтал стать дипломатом, так как сразу же по окончании аспирантуры, еще до защиты диссертации, он поступает в Высшую дипломатическую школу МИД СССР. Окончив ВДШ в январе 1948 г., Глаголев решением ЦК ВКП(б) назначается политическим обозревателем Совинформбюро.

В январе 1951 г. другим решением ЦК Глаголев направляется в Берлин на работу в Союзный контрольный совет в Германии (СКСГ), где руководит отделом печати и радио СКСГ, затем работает ответственным секретарем и и.о. главного редактора газеты «Теглихе Рундшау» (орган СКСГ). По совместительству в 1952 г. Глаголев исполнял обязанности главного редактора журнала «Нойе Вельт».

По каким-то причинам дальнейшая карьера И.С. Глаголева не задалась. В 1953 г. он возвращается в Москву и получает скромное назначение на должность заведующего отделом экономики зарубежных стран в журнале «Вопросы экономики». А год спустя переходит в Институт экономики на должность младшего научного сотрудника (со степенью).

Предложение занять пост ученого секретаря ИМЭМО, полученное от Арзуманяна, давало Глаголеву надежду на возобновление несложившейся карьеры. Он с благодарностью принимает это предложение и с головой погружается в организационные дела по формированию Института.

Будучи человеком весьма сдержанным, даже замкнутым, Глаголев неожиданно обнаруживает сочувствие к освобожденным из ГУЛАГа жертвам сталинских репрессий. Один из них, Яков Яковлевич Этингер, просидевший несколько лет в тюрьмах и лагерях по «делу врачей», с благодарностью вспоминает, что И.С. Глаголев принял самое горячее участие в его устройстве на работу в ИМЭМО в августе 1956 г. «Будучи в душе противником большевизма, — пишет Я.Я. Этингер в своей книге, — он (Глаголев. — *П.Ч.*), очевидно, считал своим долгом помогать тем, кто от него пострадал»[1]. Тщательно скрываемая оппозиционность Глаголева коммунистическому режиму обнаружит себя только через двадцать лет, а до тех пор он ничем не выделялся из общей массы научных сотрудников — разве что крайне осторожным поведением и сдержанностью в разговорах с коллегами.

В должности ученого секретаря Института Глаголев проработает до 1959 г., когда перейдет на работу в группу, изучавшую проблемы разоружения. «Разоруженческой» проблематике будут посвящены все его публикации, в частности монографии «Влияние разоружения на экономику» и «Международная безопасность и экономическое развитие».

В 1973 г., в связи с расформированием сектора разоружения, в котором он работал, И.С. Глаголев уйдет из ИМЭМО в Институт истории СССР АН СССР, а четыре года спустя не вернется из загранкомандировки в Иорданию. Став невозвращенцем, Глаголев вскоре возглавит в эмиграции Ассоциацию за сотрудничество демократических стран. Он умрет в начале 90-х годов.

Поскольку речь зашла о невозвращенцах, то нельзя обойти вниманием другого бывшего сотрудника ИМЭМО «первого призыва». Речь идет о докторе исторических наук Михаиле Сергеевиче Восленском, видном советском германисте, прославившемся впоследствии своей книгой «Номенклатура». Он проработал в ИМЭМО почти полтора десятилетия — с августа 1956 до апреля 1970-го.

М.С. Восленский родился в 1920 г. в г. Бердянске Таврической губернии в интеллигентной семье. Его отец был экономистом, мать — преподавателем математики. Родители переехали в Москву, когда мальчику было пять лет. В 1939 г. М. Восленский окончил десятилетку и поступил на исторический факультет МГУ, где все годы учился на «отлично» и получал именную (Сталинскую) стипендию. На фронт он по каким-то причинам не попал.

Отработав год по распределению в Коломенском учительском институте, Восленский возвращается в Москву и в 1945 г. поступает в аспирантуру. В 1946-м его, свободно говорившего на немецком, французском и английском языках, командируют в Германию в качестве сотрудника Между-

[1] *Этингер Я.Я.* Это невозможно забыть... Воспоминания. М., 2001. С. 216 – 217.

народного военного трибунала в Нюрнберге и Союзного контрольного совета в Германии. Вернувшись в 1947 г. в Москву, Восленский завершает кандидатскую диссертацию и в 1950 г. успешно защищает ее в МГИМО МИД СССР.

В 1950—1953 гг. он работает в Совинформбюро, затем в Секретариате Всемирного совета мира и в Академии наук. Уже в эти годы он объездил с командировками многие европейские страны, будучи не только холостяком, но и беспартийным, что в советской системе было исключительным случаем для «выездных». В 1954 г. Восленский публикует свою первую монографию «Из истории политики США в германском вопросе (1918—1919)».

В ноябре 1955 г. Восленский поступает на работу в сектор общих проблем империализма Института экономики АН СССР, откуда в августе 1956 г. переходит в ИМЭМО — сначала в сектор международных отношений, а потом возглавляет группу в Отделе информации. В ИМЭМО в 1965 г. он защищает докторскую диссертацию. Все это время Восленский часто выезжает в загранкомандировки по линии АН СССР, Советского комитета защиты мира, Пагуошского комитета. Он становится ученым секретарем Комиссии по научным проблемам разоружения при Президиуме АН СССР, преподает в МГПИ им. В.И. Ленина и в Университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы. В центре его научных интересов — внутриполитическое положение и внешняя политика ФРГ, а также проблематика разоружения.

В апреле 1970 г. М.С. Восленский переходит на работу в Институт всеобщей истории АН СССР, а спустя несколько лет, будучи в командировке в ФРГ, остается там на положении невозвращенца. В отличие от Глаголева, своего сослуживца по ИМЭМО, Восленский умрет в ореоле широкой известности, успев увидеть крушение власти той самой советской номенклатуры, которой посвящена его ставшая знаменитой книга.

Одновременно с формированием «штаба» по управлению Институтом, Арзуманян занимался подбором руководителей научных подразделений — секторов. В соответствии с основными задачами, поставленными перед ИМЭМО Постановлением Президиума АН СССР от 13 апреля 1956 г., в Институте формировались 12 проблемно-региональных секторов. В подавляющем большинстве случаев на заведование этими секторами Арзуманян пригласил авторитетных специалистов, хорошо известных ему по совместной работе в Институте экономики. Часть из них прежде работали в Институте Варги. Были и такие, кто при ликвидации ИМХМП в 1947 г. не попал в Институт экономики и по существу на многие годы был выброшен из науки.

К их числу, например, относился доктор экономических наук Лев Абрамович Мендельсон, крупный знаток теоретических проблем политэкономии капитализма, один из самых плодовитых «имховцев». В первые дни войны он отказался от имевшейся у него брони и пошел добровольцем на фронт, провоевав, как говорится, «от звонка до звонка». После окончания войны он вернулся в ИМХМП и возобновил научные исследования. Одна-

ко через три года, при ликвидации Института Варги, его, как «безродного космополита», не взяли на работу в Институт экономики. С трудом найдя себе средства к существованию, Мендельсон продолжал заниматься интересующими его научными проблемами.

Арзуманян знал его публикации и, как только представилась возможность, пригласил в свой Институт на должность старшего научного сотрудника в сектор общих проблем империализма, которым поначалу руководил А.И. Бечин. Год спустя, в августе 1957-го, Л.А. Мендельсон возглавил этот важнейший сектор ИМЭМО.

К лету 1956 г. структура ИМЭМО обрела свой первоначальный вид; она включала в себя 12 секторов:

Сектор общих проблем империализма (заведующий — к.э.н. А.И. Бечин);
Сектор положения и борьбы рабочего класса (заведующий — к.э.н. С.М. Иванов);
Сектор международных отношений (заведующий — к.и.н. Н.Н. Иноземцев);
Сектор аграрных проблем (заведующий — д.э.н. А.М. Гуревич);
Сектор США (заведующий — д.э.н. М.И. Рубинштейн);
Сектор Британской империи (заведующий — д.э.н. И.М. Лемин);
Сектор западноевропейских стран (заведующий — к.э.н. А.В. Кирсанов);
Сектор Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока (заведующий — к.и.н. А.А. Поляк);
Сектор Африки, Ближнего и Среднего Востока (заведующий — к.э.н. Г.Е. Скоров);
Сектор Латинской Америки (заведующий — к.э.н. М.В. Данилевич);
Сектор конъюнктуры (заведующий — к.э.н. А.А. Манукян);
Сектор информации (заведующий — к.э.н. В.Г. Солодовников).

Чуть позже будет создан Сектор проблем милитаризации экономики капиталистических стран во главе с д.э.н. А.А. Санталовым, взявший на себя исследование технико-экономических проблем современного капитализма.

А в рамках сектора Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока была сформирована группа по изучению Японии во главе с д.э.н. Я.А. Певзнером.

В течение первых двух лет существования ИМЭМО произойдут некоторые изменения в руководстве отдельными секторами[1], но структура Института останется неизменной. Со временем большинство секторов превратится в отделы, появятся новые научные подразделения.

Постановление об организации ИМЭМО предусматривало, что Институт создается на базе отдела общих проблем империализма Института экономики АН СССР. К весне 1956 г. в отделе работало около 90 научных

[1] Так, в 1957 г. сектор аграрных проблем вместо А.М. Гуревича возглавит к.э.н. А.А. Шлихтер; а сектор положения и борьбы рабочего класса вместо С.М. Иванова в 1958 г. возглавит д.э.н. В.В. Любимова.

и научно-технических сотрудников. Практически все они сразу же были зачислены в штат ИМЭМО.

А.А. Арзуманяну предстояло заполнить оставшиеся 210 вакансий. С самого начала он лично контролировал этот процесс, не перепоручая его никому, даже своим заместителям и ученому секретарю. Можно с полной уверенностью утверждать, что в первые годы становления ИМЭМО ни один человек «со стороны» не мог быть принят в Институт без личной санкции Арзуманяна, который не только сам изучал анкетные данные того или иного кандидата, но и находил время, чтобы предварительно встретиться с ним. Разумеется, в деле подбора кадров Арзуманян опирался на рекомендации своих заместителей, заведующих секторами и ведущих ученых, но при этом всегда хотел составить собственное представление о рекомендуемом человеке.

Чем руководствовался создатель ИМЭМО в подборе кадров? Исключительно интересами дела, и только дела. Создавая уникальный исследовательский центр по изучению мирохозяйственных и международно-политических проблем, Арзуманян нуждался в высококлассных специалистах, каковые в СССР были наперечет и к тому же в большинстве своем относились к старшей возрастной категории. Для него не был секретом тот факт, что отдельные, даже крупные экономисты-международники были подвержены «коминтерновскому», по определению академика Г.А. Арбатова, догматизму[1]; они смотрели на современный капитализм исключительно через призму идеологии, глазами Маркса и Ленина, не всегда сообразуясь с реалиями середины XX века. Основная же масса советских экономистов среднего и младшего поколений сформировалась в лоне ортодоксального сталинизма с его крайне деформированным восприятием действительности.

Разумеется, и сам Арзуманян был убежденным коммунистом, но он был коммунистом-прогрессистом, если такое понятие вообще применимо к КПСС послесталинской эпохи. Во всяком случае, он был убежденным и последовательным приверженцем линии XX съезда на демократизацию общественной жизни и освобождения экономической науки от пут сталинизма.

Этими убеждениями Арзуманян во многом руководствовался, подбирая сотрудников в свой Институт. Весьма характерно, что на должность начальника отдела кадров ИМЭМО он взял не отставного полковника или «действующего резервиста» КГБ, как было принято во всех советских госучреждениях, а милую девушку, Евгению Дмитриевну Демьянову, проработавшую в Институте до середины 90-х годов. Даже в строго режимной спецчасти, через которую проходила вся секретная переписка Института с директивными инстанциями, около двадцати лет работала добрейшая, и притом сугубо штатская женщина — Елена Александровна Прошкина.

Не случайным было и приглашение в ИМЭМО вернувшихся из сталинских лагерей авторитетных специалистов — С.А. Далина, Е.А. Громова, В.В. Зубчанинова, В.И. Каплана. В Институт, как уже говорилось, был

[1] *Арбатов Георгий*. Указ. соч. С. 114.

зачислен и молодой выпускник-экстерн исторического факультета МГУ Я.Я. Этингер, отбывший четыре года в ГУЛАГе по «делу врачей». При всем благожелательном отношении к нему ученого секретаря ИМЭМО И.С. Глаголева, принятие Этингера на работу было возможно только с согласия Арзуманяна, который считал своим долгом помогать жертвам сталинизма, тем более если они могли быть полезными для его Института.

Арзуманян принял на работу вернувшуюся из ссылки Инессу Михайловну Иванову, дочь расстрелянного в 1950 г. по «ленинградскому делу» Председателя Совета Министров РСФСР М.И. Родионова. В ИМЭМО она станет видным специалистом в изучении атлантизма и американо-западноевропейских отношений.

По этим же причинам Арзуманян взял в ИМЭМО упоминавшегося уже д.э.н. Л.А. Мендельсона, крупного германиста д.э.н. Е.Л. Хмельницкую, талантливого япониста к.э.н. Е.А. Пигулевскую и ряд других ученых, выброшенных в разное время из академической науки по политическим мотивам.

И все же наличных сил было явно недостаточно для развертывания исследований по всему спектру поставленных перед ИМЭМО задач. Арзуманян сделал ставку на привлечение в Институт творческой молодежи. И это, пожалуй, было наиболее трудным делом, так как большинство кандидатов на зачисление были для директора «вещью в себе». И тем не менее, как вспоминает Г.А. Арбатов, Арзуманян «не побоялся пригласить (в том числе на ответственные посты) большую группу творческой молодежи... — Н.Н. Иноземцева, заботливо им выращенного и оправдавшего его надежды, В.А. Мартынова, В.Л. Тягуненко, О.Н. Быкова, Г.Е. Скорова, Т.Т. Тимофеева, Е.С. Хесина, В.В. Рымалова, И.М. Осадчую, С.М. Никитина и др.»[1].

Между тем молва об открытии Института мировой экономики и международных отношений широко распространилась среди московской интеллигенции, особенно в ее молодежной части. Привлекало уже само название этого академического учреждения, обещавшего приобщение к чему-то недостижимо-запретному для большинства советских граждан. Даже возможность регулярно читать «Таймс», «Монд» или «Ди Вельт», не говоря уже о «Пари-Матч», «Шпигель» или «Ю.С. Ньюс энд Уорлд Рипорт» казалась невероятным счастьем для молодых интеллектуалов, лишенных всех средств информации, кроме «Правды», «Огонька» и им подобных партийно-идеологических изданий.

Уже летом 1956 г. Арзуманян был буквально завален предложениями заинтересованных лиц и рекомендательными письмами уважаемых людей, хлопотавших за своих протеже. Некоторые из этих писем сохранились в Архиве РАН.

«Глубокоуважаемый товарищ Арзуманян! — писал крупнейший советский историк-германист профессор А.С. Ерусалимский. — Большое спасибо за доставленную фотографию. Еще в Женеве мне хотелось погово-

[1] *Там же*. С. 113.

рить с Вами о подателе сего письма тов. Александре Борисовиче Вебере и порекомендовать принять его на работу в Ваш Институт. Зная его еще по Университету, а затем по его диссертации, я со всей ответственностью могу заверить Вас, что в лице тов. Вебера Вы будете иметь молодого, очень способного, вдумчивого и скромного ученого, уже теперь хорошо разбирающегося в экономике и политике современной Германии. Жму руку. А. Ерусалимский. 27 августа 1956»[1].

«Анушаван Агафонович! — обращался к Арзуманяну его старый товарищ Лев Шаумян, один из руководителей Большой Советской Энциклопедии, сын погибшего в 1918 г. видного большевика Степана Шаумяна. — Во-первых, привет. Во-вторых, просьба принять тов. Клана и поговорить с ним. Он по образованию историк, но энтузиаст политэкономии, самостоятельно длительное время занимается вопросами обнищания пролетариата. Может быть, в результате беседы выявится, что он подходящий человек для работы в Институте. Желаю счастья. Л. Шаумян. 1.X.56»[2].

В Личном фонде Арзуманяна в Архиве РАН можно встретить и другие подобного рода рекомендательные письма, а также заявления самих кандидатов на трудоустройство в ИМЭМО. А сколько было телефонных звонков от влиятельных лиц, желавших устроить своих чад и родственников в престижный Институт? Арзуманян лично разбирался с каждым из этих ходатайств, исходя прежде всего из соображений полезности того или иного человека для работы в Институте.

Вот что вспоминает по этому поводу С.А. Микоян, хлопотавший в то время за своего друга-однокурсника по МГИМО Семена Наделя, бывшего стрелка-радиста ВВС, получившего в годы войны югославский орден за участие в спасении Эдварда Карделя из немецкого окружения. «Когда я попросил Анушавана Агафоновича взять Сеню в ИМЭМО и гарантировал, что он не пожалеет, — пишет Микоян, — тот спросил: «А он усидчив?» Я ответил, что в отличие от меня он будет не вылезать из читального зала. Потом Арзуманян принял Наделя и спросил: «Какая научная проблема вас интересует? Чем вы хотели бы заниматься в Институте?» — «Социальная структура современного капитализма», — ответил Сеня, уже интересовавшийся проблематикой института. «Как же вы сможете ее изучать, пока не знаете разницу между процентом и дивидендами? Я вас направлю в сектор конъюнктуры, где вы узнаете основы современного капитализма». (Кстати, — замечает Микоян, — впоследствии Надель стал основателем социального направления в изучении современного капитализма в ИМЭМО)»[3].

Что касается самого Серго Микояна, то Арзуманян взял его младшим редактором в журнал «Мировая экономика и международные отношения», а впоследствии, после перехода непосредственно в ИМЭМО в 1960 г., несколько лет держал племянника, к тому времени уже кандидата наук,

---

[1] Архив РАН. Ф. 1556. Оп. 1. Д. 113. Л. 11.
[2] Там же. Л. 12.
[3] *Микоян С.А.* Указ. соч. С. 29—30.

в должности младшего научного сотрудника, «дабы не создавать впечатления семейственности и покровительства мне», как вспоминает Микоян[1].

При формировании Института Арзуманян столкнулся с одной деликатной кадровой проблемой, порожденной неискоренимым антисемитизмом, утвердившимся еще при Сталине в аппарате ЦК КПСС, особенно в Агитпропе и в отделе науки. Сейчас уже достоверно известно, кто именно после 1953 г. был главным вдохновителем антисемитизма на Старой площади — член Президиума ЦК КПСС, секретарь ЦК М.А. Суслов.

Можно лишь догадываться о том давлении, которое оказывалось на Арзуманяна высшими партийными чиновниками в вопросе кадрового комплектования ИМЭМО, призванного обслуживать директивные инстанции. Безусловно, у него была негласная разнарядка на процент допустимого присутствия евреев в штате Института, которую он постоянно нарушал и нередко вынужден был объясняться по этому поводу в отделе науки и других местах.

Арзуманян, по всеобщему мнению знавших его людей, был чужд антисемитских настроений. Формируя Институт, он исходил прежде всего из профессиональных качеств известных ему людей, а также из оценки способностей и творческого потенциала молодых специалистов. Когда речь шла о людях с известными в науке именами, независимо от того, как звучали их фамилии, Арзуманян решал вопрос без колебаний, если этот человек был необходим Институту. Другое дело — молодежь. Здесь, под давлением сверху, он вынужден был интересоваться в том числе и пресловутым «пятым пунктом», что вызывало у него приступы не всегда понятного для окружающих раздражения.

Попасть в ИМЭМО было нелегко и людям с русскими фамилиями, даже при наличии серьезной поддержки. Так, например, несколько месяцев добивалась этого кандидат экономических наук Маргарита Матвеевна Максимова, бывший работник ЦК ВЛКСМ, в то время жена торгпреда СССР в ФРГ, за которую ходатайствовали ученый секретарь ИМЭМО и один из заместителей Арзуманяна. Со временем она станет одним из ведущих ученых ИМЭМО, признанным авторитетом в изучении европейской интеграции и проблем международного экономического сотрудничества. А тогда, по собственному признанию М.М. Максимовой, Арзуманян долго и упорно отказывался взять на работу «какую-то очередную фифочку и чью-то там жену»[2].

Гораздо проще решался вопрос о зачислении в сразу же ставший весьма престижным ИМЭМО детей и родственников лиц из высшей советской номенклатуры. В самом начале на работу в Институт пришла и долгие годы проработала там дочь Н.С. Хрущева, Елена; сюда, как уже говорилось, устроился сын А.И. Микояна Серго. Здесь же работали внук тогдашнего члена Президиума ЦК КПСС Л.М. Кагановича Игорь; дочь первого Председателя КГБ, впоследствии начальника ГРУ И.А. Серова, Светлана; дочь

[1] Там же. С. 25.

[2] Беседа с М.М. Максимовой 9 января 2002 г.

Генерального Прокурора СССР Р.А. Руденко Лариса; дочь и сноха министра иностранных дел А.А. Громыко; сын бывшего Председателя Исполкома Моссовета В.П. Пронина, Сергей[1]; сын бывшего министра внешней торговли СССР и видного дипломата М.А. Меньшикова, Станислав...[2] Как правило, они удачно вписывались в научный коллектив ИМЭМО, а сам факт их принадлежности к Институту Арзуманяна укреплял позиции директора в глазах той же номенклатуры.

ИМЭМО и в последующие годы продолжал привлекать членов «номенклатурных» семей: Геннадий Воронцов, зять кандидата в члены Политбюро, секретаря ЦК КПСС Б.Н. Пономарева; Светлана Загладина[3], жена заместителя Пономарева в Международном отделе ЦК; Ольга Захарова, сноха начальника Генштаба МО СССР, маршала М.В. Захарова; Екатерина Козырева, дочь заместителя министра иностранных дел СССР С.П. Козырева; Марина Меньшикова, дочь посла СССР в Канаде, впоследствии министра иностранных дел РСФСР А.А. Арутюняна; Федор Сергеев, внук Долорес Ибаррури — все они работали в ИМЭМО. Долгие годы в Институте проработал Герман Михайлович Свердлов, сводный брат Председателя ВЦИК Я.М. Свердлова. Здесь же трудились жены нескольких руководящих работников ЦК КПСС, КГБ СССР, других советских «инстанций».

С некоторых пор работать в ИМЭМО стало столь же престижно, как и учиться в МГИМО, многие выпускники которого, не попавшие по разным причинам в ЦК КПСС, МИД, Внешторг или ТАСС, стремились устроиться в ИМЭМО.

В отдельных случаях Арзуманян принимал на работу и лиц с «подмоченной» биографией, если речь шла о хороших специалистах. Причем это были не только вчерашние узники ГУЛАГа, о чем уже говорилось.

Одним из первых в ИМЭМО пришел Григорий Иосифович Морозов. Это был первый муж Светланы Аллилуевой. Сталин не принял этот брак и сделал все, чтобы развести молодых супругов, несмотря на то, что у них уже родился сын, названный в честь деда. Для начала он приказал арестовать отца Морозова, а потом сумел заставить свою дочь подать на развод.

Г.И. Морозов — фронтовик, после войны окончивший МГИМО и только начинавший обустраивать жизнь, неожиданно потерял не только жену и сына, но и уверенность в завтрашнем дне. Последовали долгие годы безработицы. Пока был жив Сталин, Морозов имел все основания ожидать ареста. Но и после смерти бывшего тестя он продолжал перебиваться случайными заработками[4].

Предложение поступить на работу в ИМЭМО, устроенное стараниями его друга Н.Н. Иноземцева, было сразу же принято Морозовым. В Институте он поначалу будет участвовать в подготовке выпусков «Международно-

---

[1] В середине 60-х годов он был ученым секретарем ИМЭМО.

[2] Впоследствии д.э.н. С.М. Меньшиков станет заместителем директора ИМЭМО.

[3] В течение нескольких лет она возглавляла профсоюзную организацию ИМЭМО.

[4] Нелегкая судьба Г.И. Морозова легла в основу известной в свое время песни Булата Окуджавы, где есть слова: «...Ему б чего-нибудь попроще, а он циркачку полюбил...»

политического ежегодника. Экономика и Политика», а затем возглавит отдел международных организаций, занявшись, в частности, проблемами деятельности ООН. Этому будет посвящена его докторская диссертация.

Одновременно с Морозовым в 1956 г. на работу в ИМЭМО пришел Владимир Михайлович Шамберг, внук расстрелянного в 1952 г. по приказу Сталина С.А. Лозовского, бывшего заместителя наркома иностранных дел, начальника Совинформбюро и руководителя Еврейского антифашистского комитета. В.М. Шамберг был женат на дочери Г.М. Маленкова, который сразу же после ареста Лозовского поспешит развести молодоженов. Тот факт, что Шамберг-старший долгое время был заместителем Маленкова в ЦК ВКП(б), не повлиял на решение сталинского фаворита.

В 1956 г. В.М. Шамберг будет принят в отдел информации ИМЭМО, через два года возглавит его, а со временем станет доктором исторических наук, видным американистом. В 90-е годы он эмигрирует в США, где займется преподавательской деятельностью.

В начале 60-х годов в ИМЭМО из МГИМО был переведен кандидат исторических наук, доцент Алексей Дмитриевич Никонов. Из МГИМО его убрали по одной-единственной причине — он был зятем В.М. Молотова, снятого Хрущевым со всех руководящих постов и даже исключенного из партии. В МГИМО не пожелали держать у себя А.Д. Никонова, хотя работал он хорошо и пользовался популярностью у студентов. Арзуманян взял его в свой Институт, где Никонов, защитив докторскую диссертацию, в 70-е годы возглавит одно из направлений военно-политических исследований международных отношений.

К началу ноября 1956 г. в ИМЭМО числился 251 сотрудник (при штатном расписании в 300 единиц). В большинстве своем (169 человек) это были «люди со стороны» — молодые научные сотрудники, вчерашние выпускники МГИМО, экономического, географического и исторического факультетов МГУ, ЛГУ, МГПИ им. В.И. Ленина, других престижных вузов Москвы. Имелись и люди с опытом работы в ведомственных НИИ экономического профиля, журналисты, издательские редакторы-переводчики и т.д. Появились отставные военные и бывшие сотрудники разведки, о чем еще будет сказано.

В Институте с первых дней работали два крупных дипломата в ранге Чрезвычайного и Полномочного Посла — Василий Алексеевич Вальков и Александр Андреевич Лаврищев, по разным причинам покинувшие МИД в 1956 г.

Это были дипломаты «молотовского призыва». Оба они пришли на дипломатическую службу в 1939 г., после того как практически весь руководящий состав НКИД был репрессирован.

В.А. Вальков, по образованию инженер-экономист, с 1934 г. работал в должности доцента на кафедре экономики машиностроения в Ленинградском политехническом институте. В 1939 г. он был вызван в Москву и назначен заведующим отделом американских стран НКИД СССР; в 1942—1944 гг. он советник Посольства СССР в Великобритании; в 1945—1949 —

Посол СССР в Нидерландах; в 1949 — 1953 заведовал отделом балканских стран в МИД СССР; в 1953 — 1955 гг. — Посол СССР в Югославии, а с сентября 1955 по июнь 1956 г. — заместитель заведующего 1-м Европейским отделом МИД СССР.

В ИМЭМО Вальков поначалу специализировался на изучении экономических и политических проблем стран Бенилюкса, а затем перешел в сектор внутренней и внешней политики США. Им были подготовлены две монографии — «Индонезия на пути независимого развития» и «СССР и США. Их политические и экономические отношения в 1917 — 1941 гг.». В 1972 г. В.А. Вальков вышел на пенсию.

А.А. Лаврищев, заведовавший по окончании ИФЛИ[1] кафедрой социально-экономических дисциплин в Ивановском пединституте, в 1939 г. неожиданно был вызван в Москву и назначен 1-м секретарем полпредства СССР в Болгарии. В 1940 — 1944 гг. он уже посланник в Софии; в 1944 — 1945 — Политический советник в Союзной Контрольной Комиссии в Румынии, а затем в Болгарии; с 1945 до 1948 г. — заведующий отделом балканских стран МИД СССР; в 1948 — 1954 — Посол СССР в Турции; февраль — август 1954 г. — заведующий 1-м Европейским отделом МИД СССР; август 1954 — январь 1956 г. — Посол СССР в ДРВ; февраль — август 1956 г. — в резерве МИД СССР. Участник Потсдамской конференции (1945) и Женевского совещания по Индокитаю (1954). В августе 1956 г. переведен из МИД в ИМЭМО, где проработал до ухода на пенсию в марте 1975 г.

В Институте Лаврищев несколько лет возглавлял партийную организацию и руководил сектором внешней политики суверенных стран Азии, Африки и Латинской Америки. Сам он специализировался на изучении проблем Юго-Восточной Азии, опубликовав содержательную монографию по истории Индокитайского вопроса после Второй мировой войны.

Другую часть научного контингента ИМЭМО (82 человека) составляли бывшие сотрудники отдела общих проблем империализма Института экономики АН СССР во главе с самим А.А. Арзуманяном и тремя академиками — Е.С. Варгой, И.А. Трахтенбергом и Л.Н. Ивановым. Правда, первые два уже давно были в пенсионном возрасте, а третий часто и подолгу болел. Академик Л.Н. Иванов умрет в 1957 г., через год после основания ИМЭМО.

Что касается Трахтенберга и особенно Варги, то они будут активно и плодотворно работать в Институте до последних дней жизни. Практически замолчав после 1949 г., Варга словно ожил после XX съезда и развернул бурную активность с приходом в ИМЭМО. В 1956 г. им было опубликовано шесть статей, в 1957-м — девять, а в 1959-м — уже одиннадцать. В 1961 г. он выпускает монографию «Капитализм XX века», а в 1964-м — фундаментальный труд «Очерки по проблемам политэкономии капитализма». В ней, по словам академика Н.Н. Иноземцева, были «поставлены и рассмотрены

[1] ИФЛИ — Институт философии, литературы и истории, существовавший в Москве в 1931 — 1941 гг. (в 1931 — 1937 гг. ИФЛИ существовал также в Ленинграде). В ИФЛИ, в частности, учился А.Т. Твардовский, которого хорошо знал А.А. Лаврищев, возглавлявший институтскую партийную организацию.

коренные вопросы современного капитализма: роль государства и государственно-монополистического капитализма, новые формы межимпериалистических противоречий, роль буржуазии в национально-освободительном движении, положение и общественное сознание рабочего класса, ценообразование и прибыль в условиях господства монополий, циклы и кризисы, западноевропейская интеграция и ряд других»[1].

В 1963 г., за год до смерти, Е.С. Варга будет удостоен высшей в СССР степени отличия ученого — Ленинской премии, данной ему за книгу «Современный капитализм и экономические кризисы». Во многом это произошло благодаря хлопотам А.А. Арзуманяна, считавшего себя продолжателем дела, начатого Е.С. Варгой еще в середине 20-х годов.

Когда научный коллектив ИМЭМО в первый раз собрался по случаю 39-й годовщины Октябрьской революции, то, как вспоминает ветеран Института д.э.н. Е.С. Хесин, все уместились за одним длинным столом, накрытым по случаю праздника в бывшем школьном здании на Сукином болоте.

Кадровое формирование Института продолжалось и в дальнейшем. По официальным данным, на 10 июня 1957 г. в ИМЭМО числились уже 279 человек (128 женщин и 151 мужчина). Из них: докторов наук — 12, кандидатов наук — 89, старших научных сотрудников — 53 человека, младших научных сотрудников с ученой степенью — 38, без степени — 76. В дирекции, АХО и библиотеке числилось 69 человек. В Институте работали 118 членов КПСС, два кандидата в члены КПСС, 56 членов ВЛКСМ и 103 беспартийных.

Большим разнообразием отличался национальный состав ИМЭМО: русские — 206 человек, евреи — 41, армяне — 10, украинцы — 6, белорусы — 3, татары — 2, латыши — 2, поляки — 2, эстонцы — 1, осетины — 1, болгары — 1. В Институте работали также один иранец, один дигирец, один езид и один индонезиец[2].

Таков был первоначальный научный контингент ИМЭМО, с которым А.А. Арзуманян приступил к выполнению возложенных на Институт задач.

Журнал «МЭ и МО» и его главный редактор

Постановление об организации ИМЭМО предусматривало издание Институтом ежемесячного журнала «Мировая экономика и международные отношения», в котором должны были освещаться «проблемы экономики и политики капиталистических стран, рабочего движения и соревнования двух мировых систем»[3]. Название журнала было придумано лично Арзуманяном; оно должно было служить своеобразной визитной карточ-

[1] Из выступления Н.Н. Иноземцева 1 ноября 1979 г. на научной сессии, посвященной 100-летию со дня рождения Е.С. Варги // Творческое наследие академика Е.С. Варги. М., 1981. С. 10.

[2] Архив РАН. Ф. 1556. Оп. 1. Д. 119. Л. 9 – 10.

[3] Архив ИМЭМО РАН.

кой ИМЭМО — одновременно в глазах общественного мнения и вышестоящего начальства от идеологии, что было не одно и то же.

Дело в том, что с самого начала Институт был призван просвещать не только «верхи», но и «низы». Разница в выполнении этой двойной функции заключалась в степени правдивости и откровенности подаваемой ИМЭМО наверх информации. После XX съезда там появилось желание иметь представление о реальном положении дел в мире. «Низы» же, во избежание опасных искушений, по-прежнему предписывалось держать на строгой идеологической «диете».

> «Стандарты, которые допускались в печати и даже в научных изданиях, оставались в основном прежними, — пишет в своих воспоминаниях академик Г.А. Арбатов, — и на их страже стояло еще множество бдительных «охранителей основ», политических ортодоксов, которым, кстати, и начальство никогда не препятствовало, если те брались в пух и прах разносить любую свежую, нестандартную, содержавшую новые мысли работу, тем более если ее автор покушался на «священные» догмы.
>
> Такая ситуация, — продолжает Арбатов, — конечно же, крайне затрудняла Арзуманяну развертывание института как исследовательского центра нового типа. Уже позже — в начале 60-х годов — у меня как-то был с ним обстоятельный разговор на эту тему, и Анушаван Агафонович откровенно рассказал, как он выходил из положения. В журнале института, в выпускаемых им книгах соблюдалась необходимая ортодоксальность. Достаточно почитать эти книги, так же как журнал "Мировая экономика и международные отношения" в первые годы его издания, чтобы в этом убедиться: там продолжали взахлеб причитать о "шаткости и неустойчивости" капиталистической экономики, о приближающихся ее "новых потрясениях" и "кризисах" и обещали в недалеком будущем "догнать и перегнать" наиболее развитые капиталистические страны по производству всех важнейших видов промышленной и сельскохозяйственной продукции на душу населения. Но в то же время в записках, направляемых руководству, давалась куда более реалистическая картина. В ходе работы над записками, во внутренних дискуссиях, связанных с их подготовкой, как сказал тогда Арзуманян, росли кадры, люди понемногу освобождались от догматизма, учились писать по-новому. И потом, постепенно это начало сказываться и на публикациях в открытой печати»[1].

Таким образом, можно сказать, что Арзуманян надеялся благополучно провести ИМЭМО вместе с его журналом между Сциллой и Харибдой, т.е. между идеологическими требованиями Старой площади и возросшими потребностями общества в знаниях об окружающем мире.

Отдел науки и отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС сообща позаботились, чтобы во главе журнала «МЭ и МО» встал проверенный, идеологически закаленный человек, способный нейтрализовать «буржуазно-реформистские» наклонности части научных сотрудников ИМЭМО и других потенциальных авторов журнала.

---

[1] *Арбатов Георгий.* Указ. соч. С. 112.

Решением Секретариата ЦК КПСС главным редактором журнала в январе 1957 г. был назначен Яков Семенович Хавинсон, которому суждено было проработать на этом посту тридцать с половиной лет. Уже по этой причине он заслуживает отдельного разговора, тем более что незаурядная и колоритная личность Хавинсона, его роль как многолетнего руководителя журнала далеко не однозначно оценивались в ИМЭМО[1].

Яков Хавинсон родился в 1901 г. в Полтавской губернии в семье портного. С шестнадцати лет, как и многие его сверстники, Хавинсон был вовлечен в революционные события. В декабре 1918 г. он вступает в партию большевиков, работает агитатором в городке Гадяч Полтавской губернии, потом редактором уездной газеты «Известия».

В 1919—1920 гг. Хавинсон — зав. агитпропом укома РКП(б) г. Пугачевска Самарской губернии и одновременно ответственный редактор местной партийной газеты. Затем два года он работает в партийных органах Брянска.

В 1922 г. Хавинсон поступает на факультет общественных наук 1-го МГУ, но проучится всего три года, так как будет отозван с учебы и направлен в г. Свердловск (Екатеринбург) на должность старшего помощника областного прокурора. В Свердловске он пробудет около полутора лет.

В самом конце 1926 г. Хавинсон вызван в Москву и назначен заведующим отделом партийной литературы Госиздата, где проработает около четырех лет.

В 1930 г. Хавинсон предпринимает еще одну попытку получить высшее образование. Он поступает на историко-партийный факультет Института красной профессуры, но успевает окончить только первый курс, так как в феврале 1932-го неожиданно получает высокое назначение в аппарат ЦК ВКП(б). В течение трех лет он заведует там сектором журналов и одновременно является заместителем заведующего культпропотдела ЦК ВКП(б). До конца жизни во всех анкетах Хавинсон вынужден будет признаваться, что у него незаконченное высшее образование.

Хавинсон участвовал в работе XVII съезда ВКП(б) с правом совещательного голоса. Наверное, он вытянул в жизни счастливый билет, так как не разделил печальной участи более чем половины участников «съезда победителей»: как известно, из 1 966 делегатов XVII съезда партии 1 108 человек по приказу Сталина были позднее арестованы и 848 — расстреляны.

В самом начале 1935 г. в карьере Хавинсона происходит очередной поворот. А.А. Жданов, назначенный Сталиным на место убитого в декабре 1934 г. С.М. Кирова, берет Хавинсона с собой в Ленинград на должность заведующего отделом агитации и пропаганды горкома партии. В Ленинграде Хавин-

[1] Одни видели в нем масштабную личность, считали его первоклассным редактором; другим Я.С. Хавинсон представлялся в большей степени цензором, нежели редактором; одни считали его убежденным и нераскаявшимся сталинистом, а другие — типичным приспособленцем, всегда держащим «нос по ветру». Правда, все сходились в том, что Хавинсон — это крупная фигура, живой символ советской эпохи 20—70-х годов. Но самую неожиданную оценку Хавинсону в беседе с автором данной работы дал д.и.н. Л.Г. Истягин, его многолетний заместитель в редакции журнала. По мнению Истягина, Хавинсон политически сформировался не в 30-е, а в 20-е годы и в душе всегда был более социал-демократом, нежели коммунистом.

сон, по занимаемой им должности, принимает участие в ждановской чистке ленинградских партийных и советских органов от «врагов народа».

Работа под непосредственным руководством Жданова была недолгой и, судя по всему, впоследствии не повредила Хавинсону в глазах главного недруга и соперника Жданова — Г.М. Маленкова.

В октябре 1936 г. Хавинсона отзывают в Москву, где он получает назначение на должность Первого заместителя, а в декабре 1939 г. — Ответственного руководителя ТАСС при Совнаркоме СССР (впоследствии эта должность будет называться — Генеральный директор ТАСС). Именно Хавинсон станет одним из составителей печально известного Сообщения ТАСС от 14 июня 1941 г., дезориентировавшего Красную Армию и весь народ накануне гитлеровского вторжения в СССР. Разумеется, этот документ писался по прямому заказу Сталина и Молотова, которые, скорее всего, его и редактировали.

В должности руководителя ТАСС Хавинсон проработает до июля 1943 г. О причинах его снятия с этого поста существует несколько версий. По одной из них, Хавинсон не смог перевести с английского письмо У. Черчилля, врученное Сталину на приеме в Кремле английским послом А.К. Керром. Сталин передал письмо оказавшемуся рядом Хавинсону и был крайне раздосадован, увидев, что ответственный руководитель ТАСС не в ладах с английским языком[1].

На следующий день Хавинсон был снят с занимаемого им высокого поста и сослан в «Правду» в качестве члена редколлегии и обозревателя по международным вопросам. Тогда-то на страницах главной партийной газеты и появился новый автор — М. Маринин, статьи которого всегда отличались идеологической безупречностью и острой антиимпериалистической направленностью. Со своим псевдонимом — М. Маринин — Я.С. Хавинсон не расставался до конца дней. Зная о злопамятности вождя, он вряд ли мог рассчитывать на дальнейшее продвижение по карьерной лестнице.

В самом начале 1953 г. Хавинсон оказался замешанным в темной, до конца не проясненной истории с подготовкой «добровольной» депортации советских евреев в районы Крайнего Севера[2]. Этот план вызревал в голове Сталина со времен «дела ЕАК» и окончательно оформился в разгар «дела врачей». Организационной стороной готовившейся депортации, по свидетельству Н.А. Булганина, занимались Г.М. Маленков и М.А. Суслов[3], а про-

---

[1] Впоследствии во всех анкетах Я.С. Хавинсон писал, что свободно владеет английским языком. Возможно, сталинский урок пошел ему впрок, и ведущий политический обозреватель «Правды» по международным вопросам М. Маринин выучил-таки английский.

[2] Некоторые отечественные историки сомневаются в наличии у Сталина такого замысла, но достаточно убедительных доводов при этом не приводят. Да и возможно ли отрицать очевидный факт начатой Сталиным в конце 40-х годов политики государственного антисемитизма — «дело ЕАК», «дело врачей» и т.д.? Если можно было без особых проблем депортировать чеченцев, ингушей, крымских татар и другие «народы-предатели», то что могло бы помешать Сталину сделать то же самое в отношении евреев?

[3] Бывший глава правительства СССР рассказал об этом Я.Я. Этингеру в личной беседе, состоявшейся летом 1970 г. См.: *Этингер Я.Я.* Указ. соч. С. 106—107.

пагандистское ее обеспечение возлагалось на группу особо доверенных евреев из числа номенклатурной интеллигенции (видные ученые, писатели, журналисты и т.д.). В состав «инициативной группы» был включен и Я.С. Хавинсон. Он принимал непосредственное участие в составлении письма в «Правду» представителей еврейской общественности с призывом к советским евреям добровольно ехать на освоение Крайнего Севера во искупление преступлений «врачей-предателей, шпионов и изменников, оказавшихся на службе американской и английской разведки, международного сионизма в лице подрывной организации Джойнт»[1]. По многим авторитетным свидетельствам, Я.С. Хавинсон лично ходил по квартирам известных в стране людей еврейской национальности и предлагал им подписать письмо в «Правду»[2].

Сталинский план депортации евреев не был реализован в связи со смертью 5 марта 1953 г. его главного инициатора. Смерть вождя открыла перед Хавинсоном новые возможности. В мае 1953 г. Яков Семенович становится инспектором ЦК КПСС, а уже в сентябре того же года его берет к себе в качестве помощника Г.М. Маленков, тогдашний Председатель Совета Министров СССР. По всей видимости, Маленков не придал значения недолгому сотрудничеству Хавинсона с покойным Ждановым. Как известно, все другие «ждановцы» пали жертвами репрессий по «ленинградскому делу» (1949—1950), сфабрикованному Маленковым.

На посту помощника главы правительства СССР Хавинсон пробудет до падения Маленкова в 1955 г., после чего он вернется в «Правду», на страницах которой вновь замелькает фамилия обозревателя М. Маринина, яростно разоблачавшего происки «поджигателей войны».

Когда в середине 1956 г. в аппарате ЦК КПСС решался вопрос о кандидатуре главного редактора журнала «МЭ и МО», то выбор сразу же пал на Хавинсона. Его активно поддержали отдел пропаганды и агитации и отдел науки ЦК КПСС, желавшие, по-видимому, как-то уравновесить влияние уже тогда замеченного в «буржуазном реформизме» Арзуманяна. В пользу Хавинсона высказался и считавшийся либералом тогдашний секретарь ЦК КПСС по идеологии Д.Т. Шепилов, хорошо знавший Якова Семеновича по совместной работе в «Правде»[3].

Наверное, определенную роль в назначении Хавинсона сыграла и его давняя дружба с Б.Н. Пономаревым, тогдашним заведующим Международным отделом ЦК КПСС, в недалеком будущем — секретарем ЦК, а затем и кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС. Надо отметить, что возглав-

---

[1] Один из вариантов этого письма был разыскан и опубликован д.и.н. Я.Я. Этингером. В письме, в частности, говорилось: «...Мы полностью одобряем справедливые меры партии и правительства, направленные на освоение евреями просторов Восточной Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера. Лишь честным, самоотверженным трудом евреи смогут доказать свою преданность Родине, великому и любимому товарищу Сталину и восстановить доброе имя евреев в глазах всего советского народа» // Там же. С. 122—123.

[2] Это письмо так и не было опубликовано в «Правде».

[3] Упоминавшееся письмо представителей советских евреев Хавинсон готовил под непосредственным руководством тогдашнего главного редактора «Правды», «либерала» Шепилова.

лявшийся Пономаревым Международный отдел, наряду с отделом социалистических стран, имел в аппарате ЦК либеральную репутацию, а сам Пономарев, выпестованный еще в 30-е годы в Коминтерне лично Георгием Димитровым, отличался от своих собратьев по Политбюро большей образованностью и широтой взглядов, во многом объясняемой постоянным общением с руководителями зарубежных компартий, такими, например, как Пальмиро Тольятти. Ближайшие сотрудники Пономарева (например, К.Н. Брутенц) свидетельствуют, что по крайней мере после XX съезда Борис Николаевич, в отличие от многих своих коллег по Секретариату ЦК и Политбюро, всегда твердо стоял на позициях антисталинизма.

Особые отношения с Пономаревым, сохранявшим влияние в советском политическом руководстве до середины 80-х годов, в решающей степени обеспечат «непотопляемость» Хавинсона, который, со своей стороны, проявлял завидные маневренные способности. Он умел ладить не только с идеологическим начальством со Старой площади, но и с А.А. Арзуманяном, как впоследствии будет ладить с его преемниками — Н.Н. Иноземцевым и А.Н. Яковлевым. Как бы ни относились к Хавинсону прогрессивно мыслящие директора ИМЭМО, они, помимо прочего, не могли не учитывать и того важного обстоятельства, что в руководимом им журнале «МЭ и МО» за тридцать лет по существу не было ни одного идеологического «прокола», а это уже «дорогого стоило». И лишь с приходом в ИМЭМО в 1985 г. академика Е.М. Примакова, совпавшим с началом горбачевской перестройки и провозглашением «нового политического мышления», престарелый Хав[1] в августе 1987 г. вынужден будет уступить редакторское кресло доктору исторических наук Герману Германовичу Дилигенскому, одному из ведущих отечественных политологов, выросшему в ИМЭМО.

Но вернемся во времена «хрущевской оттепели», когда создавался журнал «МЭ и МО».

Большую роль в этом играл А.А. Арзуманян, участвовавший в формировании редколлегии журнала и даже в подборе сотрудников редакции. Дело в том, что журнал всегда находился «на территории» Института, а сотрудники редакции состояли на партийном и комсомольском учете в ИМЭМО, хотя зарплату получали в издательстве «Правда».

Я.С. Хавинсон, оказавшись по существу в коллективе ИМЭМО, сразу же ощутил разницу между царившей там академической свободой и суровыми «цековско-правдинскими» нравами. Он должен был считаться с этим и, надо сказать, сумел приспособиться к новым обстоятельствам.

Интересное суждение о Хавинсоне как о главном редакторе «МЭ и МО» высказывает профессор Д.Г. Томашевский, многолетний член редколлегии этого журнала:

> «Я ничего не могу сказать о его предыдущей деятельности и тем более давать ей какие-то оценки. Но, тесно работая долгие годы с Хавинсоном

[1] Хав — это прозвище прочно приклеилось к Я.С. Хавинсону с момента его появления в журнале; именно так его называли в разговорах между собой сотрудники редакции и ИМЭМО.

в качестве члена редколлегии журнала и выступая на его страницах как автор, должен сказать, что у меня к нему сохранилось глубокое уважение. Он, мне кажется, чувствовал все нюансы политической обстановки и в то же время проникся тем духом, который присутствовал в Институте. Он привлекал в журнал молодых, публиковал их статьи, может быть, и осторожничал иногда, но, во всяком случае, мне кажется, он сыграл положительную роль и в становлении журнала в организационном плане, и в политической направленности журнала. Это был не стандартный, не чисто партийный орган, а журнал, развивавший, по мере возможностей, новые течения, знакомил читателей с западными концепциями развития мировой экономики и международных отношений. Мне кажется, что если некоторые считали Хавинсона цензором, который их ограничивает, то это было необоснованное суждение. Другой на его месте, наверное, мог бы вести себя еще хуже. Но все-таки он шел на разработку и на публикацию каких-то новых идей. Я помню по некоторым моим статьям, что он мог изменить название статьи, но не вмешивался в ее содержание. И потом я помню, что на заседаниях редколлегии всегда проходили достаточно свободные обсуждения. Лично я никогда не сталкивался с такой позицией Хавинсона, за которую его можно было бы считать цензором или реакционером, хотя молодым могло что-то и не нравиться в его работе...»[1]

Совместными усилиями редакции и авторов, в большинстве своем научных сотрудников ИМЭМО, в июле 1957 г. 60-тысячным тиражом вышел первый номер журнала «Мировая экономика и международные отношения». О характере и направленности нового издания говорилось в передовой редакционной статье под заголовком «Наши задачи»:

«Наш журнал ставит своей целью освещение вопросов экономики и политики современного капитализма: проблем общего кризиса капитализма; явлений дальнейшего распада колониальной системы; экономической жизни капиталистических стран; конъюнктуры капиталистического хозяйства и динамики мирового капиталистического рынка; внутренней и внешней политики капиталистических государств и современных международных отношений; экономического положения и классовой борьбы рабочего класса и крестьянства капиталистических стран; национально-освободительного движения народов колониальных и зависимых стран; состояния экономической науки за рубежом. Журнал будет освещать проблемы взаимоотношений двух мировых систем.

Журнал "Мировая экономика и международные отношения" рассчитан на научных работников, лекторов и преподавателей, студентов и аспирантов, широкий партийный актив и советскую интеллигенцию. На его страницах будут публиковаться теоретические статьи и обзоры, справочные материалы и статистические данные, обзоры и рецензии на иностранные книги, журналы и газеты, экономические и политические заметки, хроника научной жизни. К участию в журнале привлекаются советские и иностранные ученые и общественные деятели.

Редакция приглашает всех деятелей науки, журналистов, практических работников, занимающихся международными проблемами, принять актив-

[1] Запись беседы с Д.Г. Томашевским 2 апреля 2002 г.

ное участие в журнале. Редакция будет весьма признательна всем читателям журнала за конкретные замечания, пожелания и советы, полезные для дальнейшей работы журнала»[1].

В первом номере «МЭ и МО» со статьями выступили ведущие ученые ИМЭМО — И. Трахтенберг («Инфляция и напряженность кредитно-денежной системы США»), И. Лемин («Англия после Суэцкого кризиса»), И. Блюмин и И. Дворкин («Современная буржуазная политическая экономия и ревизионизм»). С первыми своими публикациями здесь же выступили молодые ученые — Г. Скоров («Еврафрика — план неоколониализма»), В. Размеров («Атомная программа Западной Германии»), Ю. Рубинский («Проекты конституционной реформы во Франции»), Я. Этингер[2] («Западногерманская экспансия в слаборазвитые страны») и др.

В первом же номере было положено начало вызывавшим непреходящий с годами интерес регулярным публикациям конъюнктурных обзоров «Экономическое положение капиталистических стран», которые позднее стали выходить в виде приложения к журналу.

Не меньшим спросом у читателей будет пользоваться другое регулярное приложение — «Текущие проблемы мировой политики». В написании этих первых обзоров принимали участие В. Гантман, А. Галкин, Г. Мирский, С. Микоян, Ю. (Георгий) Арбатов, Е. Примаков и др., тогда еще начинающие международники. Любопытно, что эти обзоры с интересом читались не только в Советском Союзе, особенно на его безбрежной «периферии», что понятно, но и в советских посольствах за рубежом, о чем свидетельствуют благодарственные письма, получаемые оттуда А.А. Арзуманяном. Эти письма с пожеланиями высокопоставленных советских дипломатов сделать обзоры международного положения хотя бы ежеквартальными (а не полугодовыми, как это было в самом начале) хранятся в Личном фонде А.А. Арзуманяна в Архиве РАН. Они свидетельствуют и о другом — о слабой информационно-аналитической осведомленности в области мировой политики даже тех, кто призван был проводить в жизнь советскую внешнюю политику. Безусловно, это было важным стимулом для Арзуманяна в развертывании научных исследований в возглавляемом им Институте.

---

[1] Мировая экономика и международные отношения (далее везде: МЭ и МО. — *П.Ч.*). 1957, № 1. С. 5—6.

[2] Статья Этингера была опубликована под псевдонимом Я. Яковлев. Вот что пишет по этому поводу сам Этингер: «Хорошо помню реакцию Я.С. Хавинсона, когда я предложил для первого номера журнала... небольшую статью о политике ФРГ в отношении развивающихся стран. Ему очень не хотелось ее публиковать под моей фамилией, которая, несомненно, в течение многих лет вызывала у него неприятные воспоминания о его позорном участии в подготовке письма с требованием казни "врачей-убийц" и создавала дискомфортное состояние. И этот сталинский прислужник принял "мудрое" решение — опубликовать мою статью под псевдонимом Я. Яковлев. Он и в последующие годы всячески пытался препятствовать мне выступать на страницах руководимого им журнала, публикуя статьи других авторов, причем не из числа сотрудников ИМЭМО, на темы, которыми я занимался» // *Этингер Я.Я.* Указ. соч. С. 218.

Можно с полным основанием предположить, что не меньший интерес материалы, публиковавшиеся в «МЭ и МО», вызывали и у зарубежного читателя, прежде всего у иностранных дипломатов в Москве.

Время от времени на страницах журнала выступал А.И. Микоян[1], ближайший соратник Н.С. Хрущева, что само по себе поднимало престиж этого издания в глазах читающей чиновной публики. И, разумеется, постоянным автором журнала был директор ИМЭМО А.А. Арзуманян.

О том, как начиналась работа редакционного коллектива «МЭ и МО», о его первых сотрудниках, о царивших в редакции нравах можно судить, в частности, по рассказу С.А. Микояна, работавшего в журнале с марта 1957 г. до весны 1960-го.

Из неопубликованных воспоминаний С.А. Микояна:

> «Я работал в Отделе развивающихся стран, которым руководил замечательный человек и опытный редактор Александр Васильевич Датлин, африканист. Нас было двое в отделе. А в комнате шестеро: Владимир Израилевич Гантман, выпускник Института внешней торговли, Лиля Зарина, скромная девушка, стеснявшаяся шуток и анекдотов Гантмана, порой фривольных. У него в Отделе экономики младшим редактором был Васильев, очень приятный, трудолюбивый человек. Вскоре появился и Гедалий Вениаминович Кацман, занимавшийся рабочим движением. Интеллигентный, эрудированный, умный человек. Потом пришли Леня Баграмов, Борис Лихачев, Сережа Татищев.
>
> Главным редактором был Яков Семенович Хавинсон, до того обозреватель "Правды" под псевдонимом М. Маринин, а до того — преемник К. Уманского на посту Генерального директора ТАСС.
>
> В первый же день Датлин сказал, что он будет редактировать статьи, а я — небольшие заметки. Он сел рядом со мной и отредактировал одну из заметок на моих глазах, объясняя мне каждое сокращение или изменение. «Вот это — повтор, а здесь автор уходит от темы. А это — неудачный оборот с точки зрения русского языка». И так далее. Он повторил наше занятие на следующий день.
>
> Прочитав заметки после моего редактирования, он сказал: "Больше мне вас нечему учить. Вы уже очень хорошо освоили процесс редактирования".
>
> Мне было очень приятно это слышать. Я и сам чувствовал, что могу делать квалифицированно все сам — пока в пределах небольших заметок. А их писали начинающие тогда Юра Мирский, Рубен Андреасян, Елена Брагина, Рачик Аваков, Саша Солоницкий, Яша Этингер и другие. Все они, что называется, "прошли через мои руки". Вскоре Датлин стал давать мне и большие статьи. Одну из них написал Шаталин. Я скрупулезно оставлял все необходимое, сокращая по словам, по фразам: статья была хорошая, но должна была влезть в параметры 20 страниц. Из приемной директора, при мне, не зная, кто и что я, он позвонил жене и сказал, в числе прочего: "Меня тут кто-то так искусно отредактировал, что сократил почти шесть страниц,

[1] См. например: Интервью А.И. Микояна, данное группе американских студентов для телевизионной программы «Молодежь желает знать» 25 июля 1958 года // МЭ и МО, 1958, № 9; *Микоян А.* О некоторых вопросах международной торговли // МЭ и МО, 1960, № 6.

оставив в целости все, что я хотел сказать. А ведь я думал, и тебе говорил, что никакое сокращение невозможно".

Но Датлину пришлось преподать мне еще один урок. В это время бушевали страсти вокруг поэта Б. Пастернака и его "Доктора Живаго". Я сказал нечто не очень уважительное о романе, хотя лишь пролистал его в течение минут пятнадцати. Датлин помолчал и неожиданно прочитал вслух замечательные стихи, которых я раньше не знал. "Вот что такое Пастернак. С такими людьми нельзя обращаться как с подчиненными чиновниками. К ним нужен особый подход, ведь великие поэты — не обычные люди" — сказал он очень просто, но убедительно.

Работа с Гантманом была тоже хорошей школой для меня — он пришел из журнала "News", пропагандистского журнала, вскоре прекратившего существование. Он иногда давал мне прочитать экономическую статью, а когда я хвалил ее стиль, добавлял: "Ее надо немного подвесить, чтобы стекла вода. И усохла бы немного". Датлин его уважал, и потому я доверял его суждениям.

Гантман был прекрасным оратором. Нет, он не "зажигал" массы. Но обладал необыкновенной способностью говорить настолько грамотно и правильно, что, как отмечал Датлин, мог бы диктовать статьи прямо наборщику в типографии. Гантман любил юмор, прекрасно им владел, был очень интересным собеседником. Нас потешало, как он боролся за то, чтобы ликвидировать свой изрядный живот. "Серго, вы не поверите, но когда я был студентом Института внешней торговли, я был таким же худым, как вы", — говорил он, а Датлин замечал: "С той разницей, что Серго таким и остался". Гантман не ходил с нами на обед в столовую. Но часам к четырем не выдерживал, шел в буфет, покупал огромную булку и поглощал ее прямо на своем рабочем месте. Лиля Зарина сочувствовала ему, но убеждала, что такая булка гораздо хуже для фигуры, чем салат, котлетки и компот, предлагаемые в столовой. Гантман вспоминал, как А.И. Микоян приходил на все выпускные вечера в Институте внешней торговли МВТ СССР и как просто беседовал со студентами. Уйдя в дальнейшем в ИМЭМО, Гантман возглавил сектор прогнозирования международных отношений, над чем я открыто иронизировал, считая проблематику сектора надуманной, хотя и модной. Он отшучивался. К несчастью, Владимир Израилевич рано ушел из жизни.

Леня Баграмов был моим однокурсником. Он был способным и умным человеком. Насколько я помню из всего нашего курса набора 1947 г., — а на нем было около 300 человек! — он еще будучи студентом только один опубликовал статью в серьезном научном журнале. Конечно, он был вполне готов к роли редактора Отдела США. В дальнейшем он работал от "Сельскохозяйственной газеты" в Англии и в Канаде. В Лондоне в 1961 г. он угощал меня шашлыком в крошечном дворике своей типичной для Англии трехэтажной квартиры, где на каждом этаже по одной комнате. Позже его взял Юра Арбатов на заведующего отделом Канады — Институт США как раз тогда добавил Канаду в свое название. К несчастью, слишком рано его скосила неизлечимая болезнь. Это был очень хороший человек.

Хавинсон был среди нас наиболее опытным, конечно, но он не склонен был обучать молодежь. Характер у него был неровный. То он ласково обращался к любому из нас на "ты". То извергал молнии или убивал презрением. Иногда, приходя на работу, шел вытянувшись во весь свой высокий рост по коридору 2-го этажа на Китайском проезде, дом 7 (куда ИМЭМО

переехал с Новоостаповской), подняв высоко голову и никого не видя. То мило здоровался с каждым, кто попадался на глаза. Гантман его разоблачал: "Как только Шепилов (тогда — министр иностранных дел СССР) вызывает его к себе или берет с собой в Нью-Йорк на сессию Генеральной Ассамблеи ООН, мы для него — насекомые. Зато, когда у него не все ладно, он с нами дружит". В таком суровом суждении было некоторое преувеличение. Неровность характера и натянутые нервы были следствием длительной работы Якова Семеновича под прицелом тех, кто сравнительно недавно могли его уничтожить в любую минуту...

Как главный редактор, Хавинсон носил на себе все отпечатки своего времени. Пуще всего боялся новых мыслей. А если они ему лично все же нравились, он долго бился, как бы сказать что-то, но не подставиться. Уж он-то знал нравы Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС!

Слова Арзуманяна были для него тоже законом, хотя Анушаван Агафонович никогда ему не приказывал, а обсуждал свои предложения, проявляя максимум внимания и уважения. А звонки из ЦК вызывали у него просто благоговейный трепет. Года через три он нас сильно позабавил: наш Сережа Татищев, пройдя через Высшую партийную школу, оказался инструктором в ЦК. Человек он был хороший, но когда был в редакции, то не снискал славы обладателя высокого интеллекта, мы над ним дружески подшучивали. Все к нему относились слегка иронически, а Яков Семенович порой его просто третировал. И вот однажды он вызывает Гантмана и говорит: "Срочное задание из ЦК". И объясняет. Через пару часов вызывает опять. Задание, конечно, еще не выполнено. Хавинсон кричит: "Вы что, не понимаете, что звонил товарищ Татищев! Срочно выполняйте, чтобы я мог ему доложить".

Кроме того, Яков Семенович, когда был не в настроении, любил ставить нас в тупик. Например, вызывал меня, возвращал статью с резолюцией: "Углубить, остержнить, заострить". А по тексту на полях местами оставлял волнистые линии, которые что-то, возможно, и означали. Что именно — оставалось неясным. Никто в нашей комнате не мог мне объяснить, что делать. Только многоопытный Датлин сказал однажды: "Попробуйте перефразировать начало и конец, сделайте ничего не значащую стилевую 'вкусовую' правку по тексту там, где волнистые линии. Еще лучше: вычеркните три-четыре не очень обязательные фразы. И покажите шефу". Как ни странно, шеф сказал: "Вот теперь совсем другое дело. Ведь можете, если хотите!"

Самоуверенного Гантмана он донимал тем, что порой вызывал к себе в кабинет после прочтения каждой страницы длинной статьи. Так, Гантману приходилось по вызову зав. редакцией Шуры Петренко бегать в кабинет шефа 15—20 раз подряд. Наконец, Владимир Израилевич возмущенно сказал: "Яков Семенович, будьте любезны прочитать всю статью и вызовите меня после этого один раз, иначе я не могу работать над другими статьями". Шеф мгновенно успокаивался, когда подчиненный взрывался, не выдерживая приступов его порой проявляющегося самодурства.

И все же Яков Семенович был неплохой человек. Трогательно он рассказывал о своей жене, видном докторе медицинских наук. О сыне, о его семье. После снятия Шепилова Хавинсон стал гораздо человечнее и мягче в обращении. Когда он переходил на «ты», обращаясь ко мне, я понимал, что этим выражались его искренние симпатии и доброе расположение.

Через какое-то время Институт и редакция перебрались на 2-ю Ярославскую улицу, к ВДНХ. Среди заместителей Хавинсона в разное время

побывали там, помнится, Иван Иванов, Валентин Зорин (последний, человек очень самолюбивый и даже обидчивый, конечно, не смог сработаться с капризным Хавинсоном), сын академика Островитянова, Игорь Соколов (до этого и после — консультант в аппарате ЦК КПСС), Лев Степанов. По характеру очень прямой и откровенный, иной раз в грубоватой форме, но без злости к человеку. Тоже, кстати, работал консультантом в ЦК и в Праге в журнале "Проблемы мира и социализма"»[1].

Такова, по свидетельству С.А. Микояна, была обстановка в журнале в начальный период его существования.

Регулярное чтение журнала привело в ИМЭМО целый ряд крупных в будущем ученых-международников, например, М.М. Максимову, которая во второй половине 50-х годов проживала с мужем-торгпредом в ФРГ и имела возможность читать получаемый советским торгпредством в Бонне журнал «МЭ и МО». Именно знакомство с этим журналом побудило Максимову по возвращении из Западной Германии в 1961 г. искать возможности для устройства на работу в ИМЭМО.

При всей его крайней осторожности и строгой идеологической направленности журнал «МЭ и МО» своей информационной насыщенностью выделялся на фоне безликой советской политической прессы. Даже созданный в 1954 г. Л.Ф. Ильичевым[2] журнал «Международная жизнь», считавшийся официозом МИДа, не говоря уже о «Новом времени», уступал «МЭ и МО» по широте проблематики и уровню анализа освещаемых вопросов.

«МЭ и МО» стал поистине «лучом света» в «темном царстве» советской экономической мысли, особенно для провинциальных университетов и пединститутов, где тон задавали догматики-сталинисты. Самыми преданными читателями журнала (как и всей печатной продукции ИМЭМО) с первых его номеров стали студенты, аспиранты и молодые преподаватели кафедр полит экономии, всеобщей, новой и новейшей истории в провинциальных вузах, искавшие ответы на интересовавшие их профессиональные и общеполитические вопросы. Со временем наиболее способные и энергичные провинциалы пополнят (через аспирантуру, докторантуру и по другим каналам) ряды ведущих научных сотрудников ИМЭМО, значительно усилив его интеллектуальный потенциал.

А.А. Арзуманян, много ездивший по стране, видел живой интерес к проблематике ИМЭМО и всеми силами старался поднять уровень институтских научных публикаций, в том числе и в журнале, где он был ведущим членом редколлегии.

Со своей стороны, постоянный интерес к работе журнала «МЭ и МО» проявляли и приглядывавшие за ним чиновники из аппарата ЦК КПСС. Отдел науки, вузов и школ ЦК КПСС регулярно заслушивал отчеты Я.С. Хавинсона о деятельности доверенного ему «партийного издания».

---

[1] *Микоян С.А.* Указ. соч. С. 5—9.

[2] Тогдашний заведующий отделом печати МИД СССР, позднее секретарь ЦК КПСС по идеологии, академик АН СССР, а после падения Хрущева заместитель министра иностранных дел.

Чаще его хвалили, иногда журили, но всегда настоятельно советовали в большей степени обращать внимание в публикуемых материалах на негативные аспекты в развитии современного капитализма. В качестве примера «товарищеской критики» можно процитировать выдержку из справки отдела науки, вузов и школ, представленной в Секретариат ЦК КПСС по результатам проверки работы журнала «МЭ и МО» в апреле 1961 г. В ней, в частности, говорилось:

> «Журнал проявляет робость в освещении и анализе двух тенденций капиталистической экономики — *процессов застоя и загнивания и отдельных явлений роста и технического прогресса* (здесь и в других местах курсив мой. — *П.Ч.*). На страницах журнала не находят должного освещения такие вопросы, как сущность государственно-монополистического капитализма, неравномерность развития капиталистических стран на современном этапе, особенности *паразитизма и загнивания современного капитализма*, проблемы цикла и экономических кризисов, *усиление эксплуатации трудящихся масс в результате автоматизации производства*, вопросы рабочего и коммунистического движения.
>
> В журнале слабо работает редколлегия как коллективный орган научного журнала, нет четкого планирования материала, публикуемого в очередных номерах журнала.
>
> Главный редактор журнала т. Хавинсон недостаточно занимается вопросами руководства редколлегией и работой отделов редакции журнала»[1].

Справка датирована 26 апреля 1961 г. Она была подписана зам. зав. отделом науки, вузов и школ ЦК КПСС Д. Кукиным и зав. сектором К. Кузнецовой.

Хавинсон, как главный редактор, вынужден был постоянно маневрировать между жесткими установками, поступавшими из аппарата ЦК, и более широкими взглядами Арзуманяна на проблематику и подачу публикуемых в журнале материалов. И ему, как правило, это удавалось. Со временем под влиянием Арзуманяна, а затем и Иноземцева журнал «МЭ и МО» становился все более содержательным изданием и привлекал к себе растущее внимание многочисленных читателей в СССР и за рубежом.

---

[1] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 173. Л. 20 – 21. В отделе науки ЦК, видимо, не успели еще забыть прежней дружбы Хавинсона с низвергнутым Шепиловым и потому не отказывали себе в удовольствии лишний раз уколоть Хава.

Глава 3

ИНСТИТУТ АРЗУМАНЯНА (1956–1965)

Первые шаги

Процесс первоначального организационного оформления ИМЭМО как научно-исследовательского центра, начавшийся в мае 1956 г., в целом завершился к ноябрю того же года. В первых числах ноября, накануне 39-й годовщины Октябрьской революции, которую все совучреждения торжественно отмечали «трудовыми рапортами», более 200 сотрудников Института мировой экономики и международных отношений АН СССР впервые собрались вместе в своем здании на Сукином болоте, чтобы заслушать доклад А.А. Арзуманяна «О направлении научной работы и задачах ИМЭМО АН СССР». Интерес к этому первому собранию трудового коллектива был огромный. Каждый научный сотрудник, конечно, уже имел представление о собственном участке работы и о направлении исследований «своего» сектора. Теперь предстояло узнать о том, какие задачи призван решать Институт в целом.

Текст первого выступления А.А. Арзуманяна перед сотрудниками ИМЭМО сохранился в Архиве РАН, что позволяет нам ознакомиться с основными его положениями[1]. Этот документ важен также для понимания научной и гражданской позиции самого Арзуманяна.

Арзуманян начал доклад с констатации крайне неблагополучного положения в изучении проблем экономики и политики современного капитализма, которое сложилось в СССР после окончания войны. Дефицит научных кадров в этой области, низкий теоретический уровень большинства имеющихся работ, «замена научного анализа описаниями и ползучим эмпиризмом, догматизмом и начетничеством» — таковы, по мнению Арзуманяна, главные черты переживаемого советской экономической наукой кризиса.

Ответственность за этот очевидный кризис, по твердому убеждению Арзуманяна, лежала на Сталине. Далее Арзуманян подробно обосновал свою точку зрения. Вот что он сказал по этому вопросу:

---

[1] См.: Архив Российской академии наук (далее везде: Архив РАН. — *П.Ч.*). Ф. 1556. Оп. 1. Д. 116. Л. 2–25.

«Известно, что культ личности нанес огромный вред научно-исследовательской работе. Одно время создалось такое положение, когда наши ученые усматривали свою задачу лишь в том, чтобы перелагать и популяризировать высказывания И.В. Сталина. В результате научно-исследовательская работа была резко ослаблена. <...>

В той области науки, в которой работает ИМЭМО, также декретировался ряд неправильных положений. В самом деле, указывалось, например, что наиболее важным экономическим результатом второй мировой войны явился распад единого всеохватывающего мирового рынка на два параллельных мировых рынка, противостоящих друг другу. Сама постановка и подход к решению этого вопроса, безусловно, неверны. Марксисты ставят во главу угла отношения производства, а не обращения. Великая Октябрьская социалистическая революция ознаменовала собой установление нового типа производственных отношений — социалистические производственные отношения. Новое в международной обстановке после второй мировой войны состоит в том, что социализм вышел за границы одной страны и сложилась мировая система социализма. Это — главная черта нашей эпохи. Создание нового рынка связано не с войной и экономической блокадой социалистических государств капиталистическими странами, а прежде всего с революциями, свершившимися в ряде стран Европы и Азии. Связывать же распад мирового рынка только с войной и блокадой — это значит, по сути дела, смазывать и отрицать те глубокие революционные процессы, которые произошли в Европе и в Азии, в результате которых установился новый тип производственных отношений, что и стало основой мировой системы и нового мирового рынка.

Далее, углубление общего кризиса капитализма совершенно неправомерно стало связываться в нашей литературе лишь с итогами второй мировой войны. Между тем не только война расшатала капитализм и подорвала его позиции. Еще более сильно расшатали капиталистический мир и подорвали его позиции революции и национально-освободительные движения. Этот процесс продолжается и в настоящее время. Внешние возможности маневрирования империализма в экономической и политической областях все более сокращаются и в то же время усиливаются внутренние противоречия империализма. Процесс углубления общего кризиса капитализма протекает весьма интенсивно. Следовательно, чтобы правильно понять и оценить все эти процессы, нужно подойти к ним не со стороны сферы обращения, а со стороны глубокого изучения тех изменений, которые происходят в области производства, производственных отношений, необходимо изучить революционные и национально-освободительные движения в странах Европы и Азии и т.д. Только глубокий анализ изменений в производственных отношениях, в расстановке классовых и политических сил сделает возможным правильную оценку тех процессов, которые происходят в настоящее время на международной арене.

Остановимся, наконец, еще на одной догме — будто агрессивные нации более подготовлены к войне, чем мирные нации. По существу этот тезис утверждает фатальную закономерность опоздания в обороне миролюбивой страны. Советский народ является мирным народом, СССР — оплотом мира во всем мире. Но разве из этого следует, что Советский Союз должен опаздывать в подготовке к обороне? Разумеется, советский народ не может примириться с такой идеей, с такой постановкой вопроса. И если Совет-

ский Союз требует мира, если он добивается сокращения вооруженных сил и вооружений, то это вовсе не означает, что Советский Союз стоит за разоружение социализма перед капитализмом. Мы — за укрепление позиций социализма, и, борясь за мир, за разоружение, мы тем самым хотим создать благоприятную обстановку для более быстрого движения к коммунизму, для более быстрого решения рабочим классом и всеми трудящимися в капиталистических странах стоящих перед ними задач.

Все это свидетельствует о необходимости творческого подхода к научно-исследовательской работе, преодоления ошибок и неправильных наслоений, которые имели место в последние годы. Научно-исследовательская работа должна быть освобождена от догматизма, начетничества, неправильных наслоений...»

Расчистка наслоений сталинизма в изучении экономики и политики современного капитализма станет одной из главных задач Арзуманяна и возглавляемого им Института. Разумеется, эта борьба велась, пусть и в расширенных после XX съезда, но все же в рамках марксистско-ленинской методологии. Но при этом следует учитывать, что большинство советских политэкономов и после 1956 г. все еще придерживались сталинских догм. Сталинисты были сильны и в высшем партийном руководстве. Известно, например, что В.М. Молотов был убежденным сторонником продолжения холодной войны и противником линии на мирное сосуществование, начатой после смерти Сталина. Именно его, а не только покойного вождя, скорее всего, имел в виду Арзуманян, когда доказывал, что «мирные нации» могут успешно противостоять «агрессивным нациям», не прибегая к войне. С Молотовым Арзуманян будет полемизировать и в дальнейшем.

Перейдя в своем докладе к определению задач, стоящих перед ИМЭМО, Арзуманян сделал акцент на обязательном совмещении теоретических исследований с практическими потребностями «директивных инстанций» в области внешней и экономической политики.

«Главное внимание коллектива работников ИМЭМО, — подчеркнул директор, — должно быть уделено серьезным теоретическим исследованиям. У нас иногда думают, что изучение экономики и политики зарубежных стран в научных учреждениях, в конце концов, не так важно — этим-де могут заниматься соответствующие ведомства. Но такое мнение глубоко неправильно. Никакие ведомственные учреждения не могут заменить глубокого научного изучения капиталистического мира. Без научной, теоретической разработки проблем мировой экономики и международных отношений, без серьезного марксистско-ленинского анализа и обобщения новых явлений в области экономики и политики зарубежных стран нельзя уверенно двигаться вперед и, следовательно, неизбежны большие или малые ошибки и просчеты в практической деятельности. Чтобы не допустить таких ошибок, необходимо серьезно поставить работу по теоретическому исследованию. В то же время необходимо преодолеть отрыв теоретической работы от практики.

Этот отрыв теории от практики сильно сказывается на издаваемых у нас работах. Недостаток подавляющего большинства из них состоял

в том, что они носили описательный характер, не содержали теоретических обобщений, не говоря уже о том, что во многих из них вопросы решались догматически и начетнически, и они поэтому не имели действенного значения. Авторы большинства работ не исходили из глубокого анализа реальной действительности, а пытались подгонять факты под известные догмы».

Арзуманян недвусмысленно дал понять присутствующим, что в его Институте подобной «научной» методологии места нет и не будет. «Наши экономисты, — заявил он, — призваны исследовать реальные процессы, проистекающие в действительности, обобщать их и делать эти обобщения орудием познания действительности и изменения самой действительности...».

Арзуманян затронул весьма деликатный вопрос о допустимости и роли политической пропаганды в научных исследованиях. Как истинного марксиста-ленинца, его совершенно не смущало присутствие в научном исследовании пропагандистского элемента. Более того, он считал пропаганду марксизма-ленинизма обязательной для любого публикуемого научного исследования.

«Иногда утверждают, — сказал он, — что недостаток наших работ заключается в их пропагандистском характере. Это не совсем верно. Всякая исследовательская работа должна пропагандировать марксистско-ленинские идеи. Беда в том, что начетничество и догматизм, имеющиеся в ряде работ, мешали им стать орудием действенной пропаганды».

Арзуманян, правда, не попытался определить возможное соотношение пропаганды и собственно науки в монографиях и статьях. Между тем этот далеко не праздный вопрос имел первостепенное значение, так как «ахиллесовой пятой» практически всех советских научных публикаций в области мировой экономики и международных отношений (включая публикации ИМЭМО) всегда была пропагандистская составляющая, заметно снижавшая уровень даже наиболее интересных работ.

Пропагандистская деятельность с самого начала была заложена Арзуманяном в числе трех сформулированных им основных задач ИМЭМО. «Институт, — подчеркнул он в своем первом выступлении перед сотрудниками, — должен: во-первых, давать правильный, научный анализ капиталистической действительности и показать взаимоотношения двух мировых систем — капиталистической и социалистической — для того чтобы способствовать решению основной экономической задачи СССР[1]; во-вторых, помогать советскому народу решать стоящие перед ним задачи, опираясь на действительный научный анализ тенденций экономического развития и политических явлений в капиталистическом мире; в-третьих, своими научными исследованиями помочь активной пропагандистской деятельности».

В явном противоречии с выдвинутым Арзуманяном тезисом о сохранении пропагандистской направленности научных публикаций находилось

[1] «Основная экономическая задача СССР» была сформулирована на XX съезде КПСС — в исторически кратчайший срок догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны по производству продукции на душу населения. — *П.Ч.*

его заявление о недопустимости искажения реальной картины современного капитализма.

> «Мы допустили серьезную ошибку, — заявил он, — отрицая какое-либо развитие производительных сил в капиталистических странах, догматически, неправильно трактуя ленинский тезис о загнивании капитализма».

Это важнейшее положение, высказанное Арзуманяном в 1956 г., на многие годы определит характер исследований в ИМЭМО современного капитализма, пусть и через призму теории его «общего кризиса».

Обосновывая концепцию мирного сосуществования двух систем, Арзуманян ориентировал своих сотрудников на выяснение истинных намерений Запада в отношении СССР.

> «Задача коллектива ИМЭМО, задача научного исследования состоит в том, — говорил он, — чтобы тщательно следить, какие тенденции в области мировой политики будут брать верх — гонка вооружений, идея равновесия сил между двумя системами, политика сколачивания военных блоков, чреватая войной, или же будет побеждать политика мирного сосуществования, разоружения или сокращения вооружений, политика урегулирования нерешенных вопросов путем переговоров, политика установления прочного мира».

В заключительной части своего выступления Арзуманян остановился на вопросах организации научно-исследовательской работы в ИМЭМО.

> «Для успешного решения сложных задач, стоящих перед ИМЭМО, нужны квалифицированные кадры, — заявил он. — Необходимо создать такие условия, которые дали бы возможность преодолеть существенные затруднения в области кадров. Это означает, что, во-первых, следует сосредоточить в Институте как можно больше способной молодежи, обучить и вырастить ее, смело поручать ей исследовать те или иные вопросы, делать научные доклады и т.д.; во-вторых, нужно сосредоточить в Институте старые кадры "мировиков", экономистов-международников; в-третьих, необходимо направлять в научные командировки на несколько месяцев в соответствующие страны сотрудников Института для детального изучения на месте экономики той или иной страны; в-четвертых, надо через аспирантуру готовить наиболее способных к научно-исследовательской работе товарищей, помочь им защитить диссертации. При этом аспирантура должна быть превращена в действительно настоящую школу, чтобы люди, состоящие в ней, могли обрести подлинно глубокие знания.
>
> Перед Дирекцией Института стоит задача правильной организации научно-исследовательской работы. От решения этого вопроса во многом зависит успех дела».

Организационные вопросы стояли в центре внимания Арзуманяна с первых дней существования Института. Директор энергично «выбивал» из Президиума АН СССР и Министерства финансов СССР определенные

правительством материальные средства для обеспечения жизнедеятельности ИМЭМО. В институтском архиве сохранилась переписка Арзуманяна с Минфином по этому вопросу, свидетельствующая о настойчивости директора в отстаивании интересов Института.

Так, 3 января 1957 г. Арзуманян направляет министру финансов А.Г. Звереву письмо, в котором обращает его внимание на недопустимое сокращение объема необходимого валютного финансирования Института для закупки иностранной литературы и периодики. ИМЭМО, сообщает Арзуманян, просил в Президиуме АН СССР как минимум 72 тыс. инвалютных рублей на 1957 г., а получил только 25 тыс. «Мы просим дополнительно ассигновать нам сумму в 45 тыс. инорублей как минимум, необходимый для организации нормальной работы Института», — писал Арзуманян, добавляя, что Институт мирового хозяйства и мировой политики до войны получал валютные ассигнования на литературу в сумме 47 тыс. инорублей (в пересчете на цены 1956 — 1957 гг.)[1].

Минфин среагировал оперативно. Уже через неделю, 11 января, на имя Арзуманяна было направлено письмо, подписанное заместителем министра финансов А. Посконовым. В нем говорилось: *«Министерство финансов СССР не вправе вносить какие-либо изменения в лимиты ассигнований на выписку иностранной литературы, утвержденные Распоряжением Совета Министров СССР от 21/XI-1956 года»*[2].

Разумеется, Арзуманян не мог удовлетвориться подобной отпиской. 18 января он обращается к министру иностранных дел СССР Д.Т. Шепилову:

Дорогой Дмитрий Трофимович!

После беседы с Вами (30/XII-56 г.) я, по Вашей рекомендации, обратился к Министру финансов СССР тов. А.Г. Звереву с просьбой выделить Институту 45 тыс. инорублей (дополнительно к 25 тыс. выделенных Президиумом АН СССР), — сумму, которая может удовлетворить минимум потребностей Института в иностранной литературе. 12 января с/г я говорил с тов. А.Г. Зверевым и просил его решить положительно этот вопрос.

Однако 15 января с/г нами получена, за подписью Зам. министра финансов СССР тов. Посконова, формального порядка отписка со ссылкой на необоснованность нашей просьбы, поскольку вопрос о размере ассигнований якобы является компетенцией только Президиума Академии наук СССР.

Мне кажется, что в Министерстве финансов наш вопрос решили не посоветовавшись с тов. Зверевым. Это мое предположение основывается на том, что ответ, полученный нами из Министерства финансов, датирован 11 января, а 12 января я беседовал с тов. Зверевым и он не отказал нам в нашей просьбе, а обещал рассмотреть ее.

Еще раз обращаюсь к Вам с убедительной просьбой оказать содействие в положительном решении вопроса об ассигновании испрашиваемой нами

[1] Переписка с министерствами СССР и союзных республик по научным вопросам // Архив ИМЭМО РАН.

[2] Там же.

суммы иновалюты, необходимой для налаживания нормальной работы Института[1].

Выбивание лимитов и дополнительных ассигнований было характернейшей особенностью функционирования советской экономической системы. Успех дела зависел от влияния и связей того или иного просителя.

В этом отношении чиновникам нелегко было иметь дело с Арзуманяном, который открывал любые двери и делал даже невозможное, когда речь шла об интересах его детища — ИМЭМО. Правда, и ему не всегда удавалось решать тот или иной вопрос, особенно связанный с дополнительным финансированием.

Тем не менее стараниями Арзуманяна началось комплектование институтской библиотеки и текущих досье отдела информации, составлявшихся из закрытых тассовских сводок и материалов советской и иностранной периодики.

Часть проблематики перешла в ИМЭМО «по наследству» из Института экономики. Другая ее часть формировалась уже в новом Институте. Каждый из созданных в ИМЭМО двенадцати секторов получил для разработки от одной до трех крупных научных тем, включенных в государственный план научно-исследовательской работы. Одновременно старшие научные сотрудники работали над собственными темами, готовя индивидуальные монографии. Эти монографии, а также коллективные работы утверждались на заседаниях Ученого совета Института. Здесь же обсуждались научные доклады ведущих ученых.

Так, в сентябре 1956 г. состоялся доклад академика Е.С. Варги, посвященный самой актуальной тогда проблеме — Суэцкому кризису. Были обсуждены экономические и политические аспекты этой проблемы, позиции различных государств, а в более широком плане — перспективы развития отношений между ведущими западными державами и странами, борющимися за свою независимость. Группа сотрудников сектора Британской империи представила на Ученый совет небольшую монографию «Суэцкий кризис и империалистическая агрессия против Египта»[2].

Оживленную дискуссию вызвало обсуждение на Ученом совете другой коллективной монографии, посвященной монополистическому капиталу США. Эта работа была подготовлена в секторе США.

В самом начале 1957 г. В.И. Каплан (Лан) сделал доклад о кампании 1956 г. по выборам президента США, связав это с анализом текущего состояния американской экономики.

С большим интересом был выслушан доклад И.М. Лемина «Экономическое и политическое положение Англии после Суэцкого кризиса». Докладчик обрисовал роль Англии в системе международных отношений,

---

[1] Переписка с министерствами СССР и союзных республик по научным вопросам // Архив ИМЭМО РАН.

[2] Мировая экономика и международные отношения (далее везде: МЭ и МО. — *П.Ч.*). 1957, № 1. С. 157.

возможности проведения ею самостоятельной от США политики, степень ее влияния на доминионы и оставшиеся колонии, последствия участия Англии в Суэцкой военной операции.

Мечта каждого младшего научного сотрудника, кандидата наук состояла в том, чтобы стать старшим или хотя бы получить для разработки самостоятельную тему, а не выполнять годами роль ассистента при заведующем сектором или докторе наук. В те годы такой переход был нелегким, надо было показать конкретные результаты в виде двух монографий. Но в любом случае требовалось согласие администрации. Редкий «эмэнэс» мог похвастать тем, что его индивидуальная работа (монография) значится в институтском плане. И все-таки Арзуманян, как правило, шел навстречу молодежи. Можно привести один пример.

В личном фонде Арзуманяна в Архиве РАН сохранилась адресованная директору ИМЭМО докладная записка зав. сектором общих проблем империализма Л.А. Мендельсона, датированная 9 апреля 1960 г. Речь в ней идет о судьбе молодого талантливого экономиста С.М. Никитина, к тому времени уже автора двух монографий, брошюры и восьми статей, все еще ходившего в «эмэнэсах». Никитин уже собирался перейти из ИМЭМО на более высокую должность в НИИ Госплана, но Мендельсон уговорил его остаться, пообещав перевести в старшие научные сотрудники, а пока дал ему самостоятельную тему. Никитин отказался от своего намерения, но ученый секретарь Института К.И. Попов, как сообщал Мендельсон в докладной директору, «в беседе с парторгом сектора заявил, что, по мнению дирекции, я неправильно поступил, поручив мл. научному сотруднику, кандидату наук самостоятельную тему». «В итоге этого, — продолжал Мендельсон, — тов. Никитин сообщил мне сегодня, что он, не видя перспектив для самостоятельной работы в Институте, подал на конкурс на занятие должности старшего научного сотрудника в Институт Госплана.

Мне кажется, — резюмировал Мендельсон: — 1) *что к решениям дирекции (а темы работ тов. Никитина и др. утверждены дирекцией) следует относиться уважительно и членам дирекции, что не было сделано тов. Поповым;* 2) *что необходимо принять меры к сохранению тов. Никитина в Институте, как одного из наиболее способных молодых научных работников, вполне подготовленных к самостоятельной работе по нужной для Института тематике* (выделено мною. — *П.Ч.*)»[1].

Немедленное вмешательство Арзуманяна разрешило этот организационный вопрос в пользу молодого ученого. С.Н. Никитин остался в ИМЭМО, где в скором времени он станет одним из ведущих научных сотрудников, автором многочисленных фундаментальных трудов. Это был отнюдь не единичный случай внимательного отношения Арзуманяна к научному росту талантливой молодежи.

Академик В.А. Мартынов, пришедший в ИМЭМО в 1957 г. молодым научным сотрудником, в связи с этим вспоминает, что в основу организа-

[1] Архив РАН. Ф. 1556. Оп. 1. Д. 113. Л. 17–18.

ции научной работы Института Арзуманян заложил два принципа-требования:

> «во-первых, обязательность изучения зарубежной буржуазной литературы и статистики для всех, тогда сотен молодых ученых, принятых в Институт. Стоит заметить, что только в ИМЭМО всем без исключения научным сотрудникам разрешалось пользоваться литературой спецхрана, а туда поступало в то время более половины всей иностранной литературы;
>
> во-вторых, организация обсуждений и дискуссий в секторах и отделах Института с обязательным участием в них молодых ученых. Сам А.А. Арзуманян проводил практически еженедельно обсуждения тех или иных вопросов в узком кругу с приглашением и молодых специалистов. Так обычно готовились и материалы «наверх», и тезисы выступлений и докладов самого А.А. Арзуманяна.
>
> Все это дало свои плоды, — констатирует В.А. Мартынов, — уже в 50—60-е годы ученые ИМЭМО, в первую очередь, молодые, обогатили науку не одним десятком крупных исследований в области мировой экономики, социологии и международных отношений»[1].

ИМЭМО активно устанавливал международные контакты. В первой половине 1957 г. на Ученом совете выступили с докладами член Палаты общин Великобритании Кони Зиллиакус, депутат французского парламента, видный экономист Жак Пронто, немецкие экономисты-международники Ю. Кучинский и В. Агарц, финский ученый Е. фон Бунсдорф[2].

Начались и зарубежные поездки (пока еще редкие) сотрудников Института как в составе делегаций, так и индивидуальные. Первое время это было в диковинку, поэтому каждого командируемого за границу провожали как на боевое задание в тыл врага, а по возвращении обязательно заслушивали на заседании сектора или Ученого совета. По окончании формального отчета коллеги обычно оставались в секторе за чашкой привезенного оттуда "EARL GREY", а то и за бутылкой "MARTINI" или "BORDEAUX", и тогда начинались оживленные расспросы о том, как там... Дамы, разумеется, интересовались тем, «что теперь следует носить». Наиболее благоразумные рассказчики, дорожившие загранкомандировками, избегали неумеренных отзывов о достоинствах «общества потребления», памятуя о возможном присутствии в комнате «всеслышащих ушей».

Представители «органов» с самого начала не оставляли своим вниманием Институт; они там регулярно бывали и время от времени вызывали в отдел кадров, в спецчасть или в отдел международных связей нужных им людей «на исповедь» или для «профилактических» бесед. Наиболее распространенным средством наказания провинившихся (как правило, это были люди, позволявшие себе в той или иной форме говорить то, что думали) было лишение их права выезда за границу.

---

[1] *В.А. Мартынов.* Академик Анушаван Агафонович // Академики-экономисты России. Второе дополненное издание. М., 1999. С. 197.

[2] МЭ и МО, 1957, № 1. С. 158.

Первые «невыездные» появились в ИМЭМО еще при Арзуманяне. Среди них оказались и полностью реабилитированные вчерашние узники ГУЛАГа, которые, видимо, не пользовались доверием КГБ, и те, кто отказался сотрудничать с органами, и те, кого подозревали в нелояльности, и те, кто просто был «не воздержан на язык».

В ИМЭМО, как и в других академических учреждениях, существовала своя «выездная обойма» — группа проверенных научных сотрудников, которым и доверялись международные контакты Института. При этом многие ведущие ученые ИМЭМО по тем или иным причинам были лишены этой привилегии. В дальнейшем, с ужесточением в стране идеологической дисциплины, их число значительно выросло, превысив все мыслимые для института международного профиля пределы.

Вплоть до 1988 г. не выпускали за границу (и прежде всего в Японию) крупнейшего японоведа профессора Я.А. Певзнера. Впервые он попал туда на 75-м году жизни, да и то лишь на 10 дней. Никогда не бывал в США (как и в других странах Запада) крупный американист профессор В.И. Каплан (Лан). «Невыездным» был видный африканист д.э.н. Я.Я. Этингер. Не бывал на Ближнем и Среднем Востоке один из самых известных отечественных арабистов д.и.н. Г.И. Мирский, которому, как и Этингеру, милостиво разрешили выезжать только в социалистические страны[1].

Из воспоминаний Г.И. Мирского:

> «В конце 57-го года Арзуманян получает приглашение в Англию на десять дней, сообщает мне, что берет меня с собой — как помощника и переводчика. Я на седьмом небе, документы уже оформлены — и тут осечка: на меня нет решения ЦК. Арзуманян озадачен, а я спрашиваю у сотрудника, занимающегося международными связями: "В чем дело, кто меня зарубил?" Он смотрит на меня угрюмо: "Кто, кто... С луны что ли свалился, не знаешь, кто?"»

Мирский сразу же понял, что это месть за отказ сотрудничать с КГБ, что было ему предложено годом ранее[2].

Из воспоминаний Г.И. Мирского:

> «И вот год спустя меня не пускают в Англию. А затем в Египет. А затем в Индию. И так далее — на протяжении тридцати лет. Сколько приглашений я получил за это время — не помню, не считал. Каждый раз в последний

---

[1] В советской системе существовали две категории «невыездных»: к первой относились лица, которым был закрыт выезд на Запад, но разрешались поездки в социалистические страны; ко второй — особо проштрафившиеся, для кого были закрыты даже соцстраны. В принципе же человек, желавший побывать хотя бы туристом в одной из западных стран, должен был предварительно посетить Болгарию, ГДР или Польшу. То же относилось и к служебным командировкам. По каждому выезду за границу принималось соответствующее «решение ЦК», основанное на служебной характеристике выезжающего, завизированной райкомом КПСС (или ВЛКСМ) и райотделом КГБ. С большими трудностями проходили через сито выездных комиссий беспартийные, неженатые (незамужние) и разведенные лица.

[2] *Мирский Г.И.* Жизнь в трех эпохах. М., 2001. С. 161, 162—169.

момент мне сообщают: урезан состав делегации; или не успели оформить документы; или еще что-нибудь. Отлично знают, что я понимаю, что они врут — ну и что? <...> Директор Арзуманян, — продолжает Мирский, — которому в конце концов надоело раз за разом подписывать мне блестящие характеристики, с которыми выездной отдел не считался, однажды отправился к заместителю заведующего международным отделом ЦК Белякову — специально, чтобы выяснить причины моих отказов. Беляков, из уважения к родственнику Микояна, обещал разобраться и попросил Арзуманяна придти к нему еще раз через неделю. Во время второй встречи на столе перед Беляковым лежала пухлая папка — это было мое досье, затребованное им с Лубянки. Перелистывая его (но не показывая Арзуманяну), он сказал: "В общем-то дело не стоит выеденного яйца, одни разговоры. Но их много, придется с товарищами поработать". Но Арзуманян умер через два месяца, и все на этом закончилось»[1].

В целом же международные связи Института стали одним из надежных каналов получения достоверной информации о процессах, происходящих в зарубежных странах, в мировой экономике и политике.

Быстро разворачивалась в Институте оперативная работа по информационно-аналитическому обслуживанию «директивных инстанций». Эта работа, которой Арзуманян придавал особое значение, велась по двум каналам: подготовка соответствующих записок и издание под грифом «Для служебного пользования» «Информационного бюллетеня ИМЭМО».

Важное место в жизни Института занимала работа с творческой молодежью, которая составляла значительную часть коллектива ИМЭМО. Арзуманян постоянно возвращался к этой теме, призывая маститых ученых передавать свой опыт молодым специалистам. Впрочем, они это охотно делали и без всяких призывов.

Здесь можно привести свидетельство доктора экономических наук Маргариты Матвеевны Максимовой о том, как работали с молодежью ведущие специалисты ИМЭМО. Максимова пришла в сектор стран Западной Европы, руководимый в то время А.А. Кирсановым, а ее непосредственным шефом там стала крупный экономист-германист, доктор экономических наук Елизавета Леонидовна Хмельницкая.

Из воспоминаний М.М. Максимовой:

«Я училась у Хмельницкой буквально всему, хотя к тому времени и была уже кандидатом наук. Приведу один эпизод, свидетельствующий о том, как нас учили писать и редактировать научные тексты.

Мне нужно было уезжать в отпуск, и я быстро написала свою главу в коллективную работу по европейской интеграции; кажется, она называ-

[1] Там же. С. 169, 171—172. В досье, о котором пишет Г.И Мирский, разумеется, не могло быть сведений о его несостоявшемся сотрудничестве с КГБ, который, как известно, в секреты своей профессиональной «кухни» не посвящал даже чиновников со Старой площади. Поэтому-то Беляков и не обнаружил в досье Мирского ничего, кроме доносов о его неосторожных высказываниях. Потому-то он и обнадежил Арзуманяна тем, что «поработает с товарищами» с Лубянки. — *П.Ч.*

лась — "Проблемы Общего рынка". Это была большая глава объемом до четырех авторских листов. Я сдала ее Хмельницкой. Прочитав главу, она спросила у меня:

— Голубушка, вы когда хотите ехать в отпуск?

— Послезавтра, — ответила я.

— Нет, ничего не выйдет. Ваша глава сырая, над ней надо еще работать. Если хотите, приходите ко мне, поработаем вместе.

Мне пришлось отложить мой отпуск с семьей на три дня. Все три дня подряд мы сидели с ней вместе в ее квартире. Там же обедали, пили чаи и т.д.

На моих глазах она читала и тут же редактировала мой текст. Эти три дня остались в моей памяти на всю жизнь. Вот так надо было работать. Хотя до этого я никогда в жизни не испытывала затруднений в написании сочинений и каких-либо текстов. Я не знаю, учат ли так сейчас аспирантов.

На всю жизнь остались в памяти и наши совместные с Хмельницкой зарубежные поездки. В первый раз мы провели с ней в Западной Германии неделю. Это была одна из первых советских научных делегаций в ФРГ, которая посещала немецкие научные учреждения. Хмельницкая прекрасно, совершенно свободно, говорила по-немецки. В Германии, я это видела, к ней относились с огромным уважением. Для меня поездки с ней стали второй школой. Я училась, как надо отвечать на вопросы, как надо вести себя, как надо думать и т.д. Это был изумительный человек.

Хмельницкая научила меня еще одному. Хотя, признаюсь, в силу разных обстоятельств, я не всегда могла следовать ее примеру.

Ее принцип работы. Она приходила в Институт, как тогда было принято, три раза в неделю. Всякий раз, придя на работу, она сразу же брала в читальном зале свежие газеты и журналы — "Файнэншл таймс", "Франкфуртер Альгемайне", "Экономист", и, конечно же, — "Правду". И никто не мог ее трогать час-полтора, пока она не ознакомится с ежедневной прессой. Это было ее правило. Поэтому в любую минуту ее можно было пригласить на любую встречу с любым зарубежным общественным или научным деятелем. Она была в курсе всех событий. Более того, у нее уже вырабатывалась точка зрения на те или иные вопросы, которые могли стать предметом обсуждения. Это прекрасный пример, достойный подражания»[1].

Стиль работы Е.Л. Хмельницкой был типичным для ведущих ученых ИМЭМО. Ему следовали и молодые научные сотрудники. Первая половина дня проходила за чтением свежей периодики, потом обеденный перерыв, сопровождавшийся обсуждением новостей в кругу коллег, затем возвращение в «спецхран» или в зал справочной литературы. Периодически в секторах устраивались доклады или обсуждения плановых работ. А один-два раза в месяц проводились заседания Ученого совета, где помимо научных дискуссий проходили защиты кандидатских и докторских диссертаций. Писать же многие предпочитали не в Институте, а в привычной домашней обстановке (разумеется, если дома были подходящие условия). Для этого

[1] Хотя свидетельство Максимовой относится к началу 1961 г., тем не менее оно в полной мере может быть применимо и к более раннему периоду (запись беседы с М.М. Максимовой 9 января 2002 г.).

у старших и младших научных сотрудников (с ученой степенью) были так называемые «библиотечные дни» — два-три дня в неделю[1].

> «Как и в каждом академическом институте, — вспоминает С.А. Микоян о нравах первых лет существования ИМЭМО, — строгая «присутственная» дисциплина не считалась обязательной. Я имею в виду часы прихода и ухода и другие обычные требования. Я целиком оправдываю такой гибкий подход: творческая отдача ученого не зависит от количества часов, просиженных им на стуле в институте. Рачик Аваков мог каждый присутственный день опаздывать, но, если надо было, за субботу — воскресенье способен был написать важную записку в ЦК. Так же как и в выполнении плановых заданий. Некоторые вообще наиболее продуктивно работали дома, поскольку в Институте на лестницах, в коридорах и в столовой теряли массу времени, чтобы поздороваться и поговорить с другими сотрудниками. Да и в комнатах отделов не всегда дружный шумный разговор способствовал научной мысли»[2].

В отношении «трудовой дисциплины» Арзуманян не был формалистом, но всякий раз искренне огорчался, не найдя нужного ему сотрудника в Институте, и тогда он поручал своему секретарю разыскать имярек по телефону и пригласить его срочно приехать.

Более энергичную борьбу с либеральными нравами, укоренившимися в ИМЭМО, поведет преемник Арзуманяна, Н.Н. Иноземцев. Однажды (по всей видимости, в «неприсутственный» день) в Институт приехал посол Франции и не обнаружил там признаков жизни, чему искренне удивился. На следующий день появился гневный приказ директора, отменявший «библиотечные дни» для всех научных сотрудников, независимо от должности. Но, как это было заведено в советские времена, очередная кампания борьбы за трудовую дисциплину была не долгой и, как обычно, окончилась поражением администрации.

В действительности, академическая свобода ни в коей мере не снижала ни количественные, ни качественные показатели научных результатов. Если что и сказывалось на аналитическом уровне работы Института, то это прежде всего навязываемые сверху идеологические догматы, что неизбежно приводило к деформированному восприятию международно-экономических и политических реалий, о чем еще неоднократно будет сказано.

Первые результаты

Когда в начале 1957 г. Президиум АН СССР составлял отчет о работе Академии в истекшем году, в него вошли и сведения о первых результатах деятельности ИМЭМО. В утвержденном 22 февраля 1957 г. Общим собра-

---

[1] Отсутствие необходимости ежедневного посещения Института объяснялось еще и тем, что свежая иностранная периодика из-за цензурных рогаток поступала в спецхран не ежедневно, а примерно два раза в неделю, что как раз и совпадало с «присутственными» днями.

[2] *Микоян С.А.* Указ. соч. С. 32.

нием АН СССР отчете, направленном на имя кандидата в члены Президиума ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева, в частности, говорилось:

> «Научно-исследовательская работа в Институте мировой экономики и международных отношений началась в IV квартале 1956 г. над 31 темой государственного плана, включающей изучение основных вопросов экономики и политики капиталистических стран. За это время Институт представил в различные директивные органы 26 научных информаций, среди которых следует указать: "Экономическое положение Бельгии и ее рабочего класса", "Кейнсианство в последних программных документах лейбористской партии", "О послевоенных реформистских экономических теориях", "Военные расходы главных капиталистических государств и стран НАТО в целом", "Экономические противоречия между главными капиталистическими странами"»[1].

С первых дней своего существования ИМЭМО, благодаря энергичному директору, установил самые тесные рабочие контакты с Министерством иностранных дел СССР, куда из Института направлялась добрая половина информационно-аналитических записок. Значительная часть этих записок готовилась в отделе информации ИМЭМО, руководимом Василием Григорьевичем Солодовниковым.

Сын крестьянина-середняка, родившийся в 1918 г., он начинал трудовую деятельность трактористом в колхозе «Сталинец» Самарской (Куйбышевской) области. Затем учеба на механическом факультете в Куйбышевском индустриальном институте, где его оставят ассистентом. С 1943 по 1946 г. Солодовников — слушатель Академии внешней торговли МВТ СССР. По окончании учебы он три года работает в МВТ, а в 1949-м переходит в Институт экономики АН СССР, где защищает кандидатскую диссертацию и в 1952 г. становится ученым секретарем. Арзуманян берет его с собой в ИМЭМО и назначает заведующим отделом информации, где Солодовников проявит себя с самой лучшей стороны. В 1958 г. Арзуманян делает его своим третьим заместителем. На этом посту Солодовников проработает до 1961 г., когда будет приглашен на работу в МИД СССР и направлен в Нью-Йорк в Секретариат ООН. В 1963—1964 гг. он — заместитель Постоянного представителя СССР при ООН. В 1964 г. Солодовников возвращается в Москву и назначается директором только что созданного Института Африки АН СССР. В 1966 г. он защищает докторскую диссертацию и в том же году избирается членом-корреспондентом АН СССР по Отделению экономики. Институт Африки Солодовников возглавлял до июня 1976 г., когда его вновь призвали в МИД и отправили в Замбию в качестве Чрезвычайного и Полномочного Посла СССР. В 1981—1983 гг. он — главный советник Управления планирования внешнеполитических мероприятий (УПВМ) МИД СССР. Оставив дипломатическую службу в ноябре 1983 г., В.Г. Солодовников вернулся в ИМЭМО, где проработал в должности главного научного сотрудника до ноября 1993 г.

---

[1] Российский государственный архив новейшей истории (далее везде: РГАНИ. — *П.Ч.*). Ф. 5. Оп. 30. Д. 180. Л. 77 об.

Пример В.С. Солодовникова — далеко не единичный случай тесного кадрового взаимодействия ИМЭМО и МИДа. Целый ряд научных работников ИМЭМО станут сотрудниками МИД СССР, и, наоборот, бывшие дипломаты займутся научной работой в Институте.

МИД СССР нередко обращался к директору ИМЭМО с просьбами временно откомандировать в его распоряжение специалистов по тем или иным вопросам мировой экономики. Можно привести в связи с этим одно из писем Арзуманяна, направленное им 1 января 1957 г. на имя заместителя министра иностранных дел СССР А.В. Захарова. В нем говорилось:

> «В связи с Вашей просьбой о выделении кандидатур экспертов в состав советских делегаций на сессиях региональных экономических комиссий ООН, сообщаю, что ИМЭМО АН СССР рекомендует назначить экспертом на сессию ЕЭК[1] старшего научного сотрудника, кандидата экономических наук тов. Котковского Яна Яновича и на сессию ЭКАДВ[2] — заведующего сектором стран Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока Института, кандидата экономических наук тов. Поляка Александра Алексеевича»[3].

В том же 1957 г. зав. сектором конъюнктуры ИМЭМО Ашик Аветович Манукян был по просьбе МИДа включен в состав советской делегации (в качестве ее полноправного члена) на XXIV сессию ЭКОСОС[4], проходившую в Женеве. А ученый секретарь ИМЭМО И.С. Глаголев в сентябре—ноябре 1957 г. был прикомандирован к Миссии СССР в ООН для работы по теме «Милитаризация экономики США». Командировка Глаголева в Нью-Йорк оплачивалась из валютных средств ИМЭМО.

Спустя полгода после первого собрания сотрудников ИМЭМО, состоявшегося в начале ноября 1956 г., Арзуманян решил провести еще одну «инвентаризацию» положения дел в Институте. На этот раз он воспользовался партийным собранием, которое продолжалось в два приема — 16 и 23 мая 1957 г. В своем докладе директор сделал упор на недостатках и упущениях, вскрывшихся в организации работы Института за первый год его существования.

Из доклада А.А. Арзуманяна 16 мая 1957 г.:

> «<...> Как всякое вновь возникающее научно-исследовательское учреждение, Институт натолкнулся на серьезные трудности. С одной стороны, это трудности, касающиеся материальной базы. Как это ни странно, но Институт не получил никаких средств на оборудование. Я не знаю, что было бы с нами, если в здании не были бы оставлены старые столы и стулья

---

[1] ЕЭК — Европейская экономическая комиссия ООН. Другое ее название — Экономическая комиссия ООН для Европы (ЭКЕ). — *П.Ч.*

[2] ЭКАДВ — Экономическая комиссия ООН для Азии и Дальнего Востока. — *П.Ч.*

[3] Переписка с министерствами СССР и союзных республик по научным вопросам // Архив ИМЭМО РАН.

[4] ЭКОСОС — Экономический и социальный совет ООН, один из главных органов ООН, который наряду с Генеральной Ассамблеей и под ее руководством несет ответственность за выполнение функций ООН в экономической и социальной сферах. — *П.Ч.*

ушедшего из него министерства. Институт нуждается во всем, но не видно, какие же средства получит. Причем не выполняются прямые решения директивных органов. Достаточно взять пример с выпиской иностранной литературы. В прошлом году Институт экономики, в котором имелся отдел современного капитализма, получал 20 000 рублей для выписки иностранной литературы, а в этом году ему оставили ту же сумму. Новому же Институту дали 25 000 рублей вместо затребованной минимальной суммы 72 000 рублей. Всем известно, что Институт не может вести работу без получения соответствующей литературы. Ведь не будут же из пальца высасывать факты. Что сказали бы, если бы предприятию дали бы фонд заработной платы рабочих и не дали бы сырья, энергии, станков? А у нас считается в порядке вещей тратить миллионы рублей на оплату научных работников и отказаться тратить два – три десятка тысяч рублей, чтобы снабдить научных работников необходимыми справочниками, литературой и т.д.

А Президиум АН СССР считает в порядке вещей такое ненормальное положение. Говорят, что нам прибавили после наших жалоб 5 000 рублей. Я не знаю, как же завтра т. Островитянов будет требовать качественных работ, если не выписываются даже важнейшие газеты, не говоря уже о том, что почти ничего не осталось на выписку иностранной литературы.

Другие трудности создаются в отношении комплектования кадров. В настоящее время не замещены вакансии около 40 научных сотрудников, главным образом работников высокой квалификации — зав. секторами, докторов наук, старших научных сотрудников. Сказывается то, что людей высокой квалификации в этой области не готовили. Дирекция взяла курс на привлечение молодежи. Даже среди младших научных сотрудников дирекция привлекла два десятка молодых товарищей, закончивших аспирантуру... Надежда, конечно, в значительной степени на молодежь<...>»[1].

Одной из важнейших тем исследований в своем Институте Арзуманян считал проблему экономического цикла в развитии капитализма. Здесь, как и в других направлениях, он призывал к отказу от заскорузлого догматизма, к поиску новых подходов.

«У нас имеется отставание в разработке проблем экономического цикла и кризиса, — заявил на собрании Арзуманян. — Нечего говорить, что ряд наших прогнозов не сбылись. В чем дело? Ведь в 20-х гг. давались безошибочные прогнозы. А уже после кризиса 1929 – 1933 гг. не всегда анализ вскрывал правильную картину. В особенности ошибки стали наглядны в послевоенный период. Лично мне кажется, — заметил Арзуманян, — что уже в анализе кризиса 1929 – 1933 гг. не было до конца вскрыто влияние новых явлений монополистического капитализма в период общего кризиса. В послевоенный период не дали серьезного анализа влияния государственного монополистического капитализма и милитаризации на циклы и кризисы. У нас была одна неудачная попытка; я имею в виду анализ Каца. Но эта работа была немарксистская, ибо автор встал на позицию суженного воспроизводства»[2].

---

[1] Архив РАН. Ф. 1556. Оп. 1. Д. 119. Л. 6 – 7.

[2] Там же. Л. 18.

Присутствующим не надо было разъяснять, что неудача А.И. Каца, работавшего, кстати, и в ИМХМП, и в Институте экономики, и в ИМЭМО, вытекала из послушного следования автора сталинской концепции загнивания капитализма, обреченного на «суженное воспроизводство». Арзуманян, разумеется, не разделял эту несостоятельную концепцию.

В своем докладе он четко высказался в пользу проблемно-регионального подхода в организации научных исследований в Институте.

> «В прошлом опыт показал, — говорил он, — что организация секторов только по принципу страноведения порождала эмпиризм в научном исследовании, а построение секторов по принципу исследования синтетических проблем вело зачастую к схоластике. В настоящее время мы сочетаем и тот и другой принцип. Одни сектора занимаются синтетическими проблемами, а другие — отдельными странами. Конечно, одна организационная структура сама по себе не гарантирует от схоластики и эмпиризма.
>
> Но все-таки данная организационная структура способствует преодолению эмпиризма и схоластики в научных исследованиях. Для этого требуется координация работ. Однако последняя весьма слабо организована»[1].

Арзуманян предложил создать в Институте, помимо секторов, координационные и проблемные группы.

> «В настоящее время можно сказать, — продолжал директор, — что организационный период Института позади. В Институте созданы 12 секторов, из которых, за исключением сектора Латинской Америки, остальные уже живут полнокровной жизнью. Создана научная библиотека. Решены в основном проблема валюты и получения литературы. Мы получили 70 тыс. руб. валюты и в настоящее время имеем возможность выслать деньги и получить книги непосредственно из Женевы и Вашингтона. В ближайшем будущем такая возможность будет и в Лондоне[2]. Необходимо только, чтобы сумма предоставленных нам средств не снизилась в будущем году. <...>
>
> Самым слабым и уязвимым местом в нашей научно-исследовательской работе является участок изучения международных отношений. Мы не могли сколотить коллектив. Две проблемы, которые выдвинуты, сами по себе интересны. Первая из них — это империалистические блоки. Проблему возглавляет Л.Н. Иванов. В его квалификации нельзя сомневаться. Но болезнь подкосила его. Работа так и не заладилась[3]. <...>
>
> Другая проблема — коллективная безопасность. Тут не удалось сплотить коллектив. Во многих секторах работники почти сплошь новые. Я это говорю к тому, чтобы люди терпимо относились друг к другу, критиковали, но не грызлись, помогали друг другу. <...>
>
> Какие предложения? Дать в этом году международно-политический ежегодник. Это ударная задача. Обеспечить Институту монографии о внешней политике каждой из главных капиталистических стран. Обра-

---

[1] Архив РАН. Ф. 1556. Оп. 1. Д. 119. Л. 23.

[2] А.А. Арзуманян договорился о закупке необходимой Институту литературы с советскими посольствами в Швейцарии, США и Великобритании. — *П.Ч.*

[3] Тяжело больной академик Л.Н. Иванов умер в том же, 1957 г. — *П.Ч.*

тить серьезное внимание на подготовку работ по империалистическим блокам. Подготовиться к тому, чтобы приступить с будущего года к многотомному труду по международным отношениям после второй мировой войны. Сектор должен живо реагировать на международные события и обеспечить информацию»[1].

Неблагополучное положение с изучением проблематики международных отношений, о чем говорил Арзуманян, было связано с отсутствием в течение года заведующего сектором международных отношений. Арзуманян с самого начала пригласил на эту должность хорошо знакомого ему 35-летнего кандидата исторических наук Николая Николаевича Иноземцева, но тот, по направлению ЦК КПСС, с сентября 1955 г. работал в КНР, где преподавал новейшую историю в Пекинском дипломатическом институте. Арзуманяну стоило больших усилий в марте 1957 г. «вытащить» Иноземцева из Пекина в Москву. Именно Иноземцев предложил Арзуманяну начать работу над трехтомником по истории международных отношений после Второй мировой войны и наладить издание международно-политического ежегодника, где подводились бы итоги мирового экономического и политического развития за каждый истекший год.

Первый выпуск этого научно-справочного издания под редакцией Н.Н. Иноземцева вышел в свет в 1958 г. 25-тысячным тиражом. «Цель этого издания, — отмечалось в предисловии, — освещение основных тенденций и важнейших событий в мировой политике и экономике за год. Проблемные монографические статьи, посвященные различным аспектам современного международного развития, сочетаются в Ежегоднике со статьями, анализирующими экономику, внутреннюю и внешнюю политику отдельных государств, и с обзорно-справочным материалом о ряде районов земного шара, о деятельности политических, экономических, военных и иных международных организаций. Постоянными разделами Ежегодника являются статистические таблицы основных экономических показателей и хроника международно-политических событий»[2].

Среди авторов первого выпуска ежегодника — Л.А. Леонтьев, Я.З. Викторов, Т.Т. Тимофеев, Г.Е. Скоров, Я.Я. Котковский, А.Н. Пучков, В.И. Лан, Н.Н. Кучинский, Н.Н. Молчанов, М.С. Восленский, Е.А. Амбарцумов, Д.В. Петров, В.В. Журкин, Г.И. Мирский, В.М. Хайцман, М.А. Мильштейн, А.К. Слободенко, Г.И. Морозов, Б.М. Халоша, Е.И. Селезнева и др.

С 1960 г. Ежегодник редактировал В.В. Размеров, а затем — Н.А. Ковальский, С.М. Нестеров, В.Я. Аболтин и О.Н. Быков[3]. Многие годы на посту заместителя главного редактора Ежегодника трудился д.и.н. Л.А. Зак, на

---

[1] Архив РАН. Ф. 1556. Оп. 1. Д. 119. Л. 24, 39–41.

[2] Международный политико-экономический ежегодник 1958 год / Гл. ред. Н.Н. Иноземцев. М., 1958. С. 5. Состав редколлегии первого выпуска Ежегодника: А.М. Александров, А.А. Арзуманян, Я.З. Викторов, Л.Н. Кутаков, Д.Е. Мельников, Г.И. Морозов (редактор тома), В.Г. Солодовников, Д.Г. Томашевский, В.М. Хвостов, В.М. Шамберг.

[3] Дважды Ежегодник менял свое название: Международный ежегодник. Политика и экономика; Год Планеты. Политика, экономика, бизнес, банки, образование.

котором лежала основная тяжесть подготовки его ежегодных выпусков. С 1972 г. выходило совместное с ГДР издание Ежегодника на русском и немецком языках. Оно прекратилось с исчезновением ГДР как самостоятельного государства.

Ежегодник ИМЭМО очень скоро стал незаменимым научно-справочным изданием для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов, а также для армии лекторов-международников Всесоюзного общества «Знание».

Сектора Института жили напряженной, насыщенной жизнью. На заседаниях обсуждались текущие вопросы экономики и политики зарубежных стран. Вопросы более общего характера выносились на институтские обсуждения. Так, в июле 1957 г. состоялась дискуссия по докладу А.А. Манукяна, посвященному экономическому положению капиталистических стран в 1956 г. и в начале 1957 г. Тогда же прошло обсуждение доклада Я.А. Певзнера об экономическом и политическом положении современной Японии.

Важным событием в научной жизни ИМЭМО, ставшим отправной точкой в развертывании исследований по европейской интеграции, было состоявшееся в апреле 1957 г. в Институте обсуждение Римских договоров об учреждении Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и Европейского сообщества по атомной энергии (Евратома), заключенных шестью государствами Западной Европы (Франция, ФРГ, Италия, Бельгия, Нидерланды и Люксембург) 25 марта того же года.

Значение этого исторического события сразу же было в должной мере оценено учеными ИМЭМО, предпринявшими попытку осмыслить стартовавший в Риме процесс европейского строительства[1]. По воспоминаниям некоторых участников проходившего в Институте обсуждения, в оценке Римских договоров преобладали политико-идеологические соображения, по большей части не отвечавшие истинному положению дел. Акцент в дискуссии был сделан на антисоветской природе и направленности интеграционного процесса, управляемого якобы из Вашингтона. В лучшем случае речь шла о «сговоре монополий», «неравномерности развития западноевропейского капитализма» и «межимпериалистических противоречиях». Никто тогда всерьез не верил в возможность реализации провозглашенных в Римских договорах целей — взаимное снижение таможенных пошлин с перспективой их полной отмены, открытие границ, выравнивание экономических уровней и социального обеспечения в странах ЕЭС, создание единой валюты и т.д. Единственный, кто позволил себе пойти против мнения большинства в оценке перспектив Общего рынка, был академик Е.С. Варга.

---

[1] Истоки европейского интеграционного процесса уходят в первые послевоенные годы, когда государства Западной Европы взяли курс на тесное сближение в перспективе слияния их экономических потенциалов в единый блок. Непосредственным предшественником ЕЭС стало Европейское объединение угля и стали (ЕОУС), созданное в апреле 1951 г. теми же шестью государствами, которые позднее заключат Римские соглашения об учреждении ЕЭС и Евратома.

Вот что вспоминает об этом С.А. Микоян:

«Помню прекрасно, как... обсуждался вопрос об Общем рынке в Европе. Большинство выступавших так или иначе исходили из слов Ленина, написавшего в 1916 году, что Соединенные Штаты Европы или невозможны, или реакционны. Мне всегда казалось, что фраза плохо звучит с точки зрения русского языка. Смысл же был ясен. Проект Общего рынка для Европы надо было критиковать или объявлять нереальным, неосуществимым. И вдруг взял слово член Ученого совета Варга. Он говорил, прохаживаясь за столом президиума. «А что собственно особенного в ликвидации таможенных границ в Европе? Это уже было. Да и не только таможенных. Помнится, до 1-й мировой войны я ехал поездом из Будапешта в Париж через Германию, Бельгию. Нигде на трех границах меня не беспокоили ни таможенники, ни пограничники. Почему бы к этому не вернуться? Очень может быть, что и вернутся».

Варга был достоянием истории, ее частью, на удивление живой и мудрый. Он мог говорить все, что хотел. Его слова приняли за чудачество. Как это можно вернуться к тем нравам? Наши ученые всерьез не верили. Так, по крайней мере, казалось»[1].

Итоги состоявшейся дискуссии были сформулированы в Тезисах ИМЭМО «О создании «Общего рынка» и Евратома», опубликованных в журнале «МЭ и МО»[2].

Из тезисов ИМЭМО (1957 г.):

«<...> Образование международных монополистических союзов — одна из характерных отличительных черт империализма. Эти союзы имеют определенные экономические цели: совместная борьба за рынки сбыта, источники сырья, сферы приложения капитала; передел мира; отстаивание общих классовых интересов эксплуататоров; защита капитала, не знающего отечества.

<...> В основе проектов «общего рынка» и других совместных операций монополистов шести западноевропейских стран лежит стремление сплотить силы империализма для борьбы против социализма, против национально-освободительного движения народов колониальных и зависимых стран, укрепить при помощи международных государственно-монополистических объединений позиции капитализма.

<...> Проекты "общего рынка" и Евратома намечено проводить в жизнь в рамках военно-политических Североатлантического блока и Западноевропейского союза, в которые входят все участники римских соглашений. Военный аспект этих проектов... очевиден.

<...> Общий рынок, Евратом и Еврафрика реакционны (выделено в тексте. — *П.Ч.*) в своей основе, и если они будут в той или иной мере реализованы, это неизбежно приведет к далеко идущим отрицательным последствиям для народов шести стран "малой Европы", для национальных

---

[1] *Микоян С.А.* ИМЭМО в моей жизни (сугубо личные и, быть может, слишком откровенные воспоминания). Неопубликованная рукопись. С. 9—10.

[2] МЭ и МО, 1957, № 1. С. 83—96. Тезисы ИМЭМО, и это было очень важно, были опубликованы и на страницах «Правды».

интересов этих стран, для международного экономического сотрудничества и международной безопасности. <...>».

Такова была общая оценка начавшегося в западной части Европейского континента интеграционного процесса, в развернутом виде представленная в тезисах ИМЭМО. Как видим, эта оценка была исключительно отрицательной и не может быть записана в число научных достижений ИМЭМО. Некоторым оправданием для ученых ИМЭМО мог бы, наверное, послужить тот факт, что весной 1957 г. они могли анализировать не сам процесс интеграции, а лишь «декларацию о намерениях» в виде Римских договоров. Тем не менее в 1957 г. Институт впервые обозначил феномен европейской интеграции как реальную проблему мировой экономики и политики, требующую изучения, и это, пожалуй, главное.

По всей видимости, тезисы 1957 г. не вполне устраивали и самого Арзуманяна, инициировавшего их составление. Он не мог не видеть, что сформулированные в них категоричные оценки начинают расходиться с развитием событий. 1 января 1958 г. договор о создании ЕЭС вступил в силу и начал реализовываться в практической политике шести подписавших его стран.

По инициативе Арзуманяна весной 1959 г. ИМЭМО совместно с редакцией журнала «МЭ и МО» организует научную конференцию на тему «Общий рынок» и его роль в экономике и политике современного империализма», участники которой пытаются осмыслить начавшийся процесс европейской интеграции[1].

А в октябре 1959 г. Арзуманян публикует статью под названием «Социально-экономические и политические причины «интеграции» в Западной Европе», в которой делает ряд важных признаний. «В марксистской литературе, — пишет он, — были попытки объяснить появление «Общего рынка» различного рода частными причинами. Говорилось, например, о том, что речь идет лишь об осуществлении внешнеполитических планов Соединенных Штатов Америки или замыслов Западной Германии. Конечно, создание «Общего рынка» способствует политике США. Верно и то, что «Общий рынок» занимает важное место в планах Западной Германии. Однако было бы неправильно рассматривать «Общий рынок» только как результат внешнеполитических акций США или ФРГ или обоих вместе. Подобное освещение, на наш взгляд, однобоко (выделено мною. — *П.Ч.*)»[2].

Но самое главное — Арзуманян делает первый шаг к признанию объективного характера европейской интеграции, отказавшись, по сути, рассматривать ее исключительно как проявление чьей-то «злой воли». Теперь он уже пишет о «важных объективных предпосылках экономической «интеграции» шести стран «малой Европы»; о том, что «неверно было бы игнорировать «общий рынок» и другие конкретные проявления «интеграции» Западной Европы»; наконец, о том, что «европейская

[1] Материалы этой конференции были опубликованы в № 7 — 9 журнала МЭ и МО за 1959 г.
[2] Там же. 1959, № 10. С. 37 — 38.

«интеграция» представляет собой реальный фактор, с которым нельзя не считаться»[1].

Разумеется, такие признания нелегко дались убежденному марксисту-ленинцу Арзуманяну, который в той же статье оговаривает их целым набором привычных идеологических формул, обличающих «происки империалистов», но в данном случае важно подчеркнуть его способность к трезвому восприятию действительности. Этого же он всегда требовал и от своих сотрудников.

Спустя три года ИМЭМО подготовил новые тезисы — «Об империалистической «интеграции» в Западной Европе («Общий рынок»), — в которых был обобщен более чем трехлетний опыт европейского строительства[2].

За четыре истекших года, как отмечалось в этом документе, «шестерка» провела ряд мер по осуществлению Римского договора: были снижены таможенные пошлины во взаимной торговле — до 50% на промышленные товары и на 30—35% на продукцию сельского хозяйства; предприняты шаги к установлению единого внешнего тарифа на товары, ввозимые из стран, не входящих в Общий рынок; идет разработка совместной линии во внешней торговле с этими странами; отменены количественные ограничения импорта промышленных товаров; ослаблены валютные ограничения; введена частичная обратимость валют; облегчены условия движения капитала внутри Общего рынка.

Все эти, казалось бы, очевидные вещи в значительной степени были откровением для советского читателя, совершенно дезориентированного пропагандой, сообщавшей лишь о «неразрешимых противоречиях» внутри «шестерки» и об «обреченности» планов «империалистической интеграции».

Из тезисов ИМЭМО можно было узнать о предполагавшемся в ближайшие годы снижении таможенных пошлин во взаимной торговле на промышленные товары еще на 30% от исходного уровня и о полной их отмене в 1969 г. Поистине, сбывалось не воспринятое всерьез полушутливое пророчество академика Е.С. Варги, высказанное им на Ученом совете ИМЭМО весной 1957 г. Можно было узнать также, что в ЕЭС предусмотрены согласованные меры по облегчению передвижения рабочей силы, по регулированию сельского хозяйства и транспорта, по унификации социального и налогового законодательства. В тезисах сообщалось и о том, что промышленное производство стран «Общего рынка» выросло с 1957 по 1961 г. на 30%, а объем экспорта — на 50%. Темпы роста промышленного производства интегрируемой Европы были в 1,5—2 раза выше, чем в капиталистическом мире в целом.

---

[1] Там же. С. 37—38, 40, 48. По всей видимости, статья А.А. Арзуманяна стала результатом его участия в конференции в ИМЭМО и в обмене мнениями по проблемам европейской интеграции, состоявшемся в июле 1959 г. в Праге в редакции журнала «Проблемы мира и социализма». Ее результаты опубликованы в книге: «Общий рынок» и рабочий класс / Под ред. А.М. Румянцева. М., 1960.

[2] Тезисы ИМЭМО были опубликованы в Приложении к № 9 журнала МЭ и МО за 1962 г.

«Более быстрые по сравнению с американскими темпы экономического развития стран «Общего рынка привели к росту их доли в мировом капиталистическом производстве, международной торговле и золотых запасах, — констатировали составители тезисов. — Впервые в послевоенные годы *стала вырисовываться возможность создания западноевропейского империалистического «центра силы», равного или близкого к Соединенным Штатам по своим людским и материальным ресурсам, объему промышленного производства, внешней торговле* (здесь и далее выделено мною. — *П.Ч.*). ФРГ, Франция и в известной мере Италия стали претендовать на большую роль в выработке «глобальной» политики НАТО... В этих условиях *«интеграция» сопровождается обострением отношений западноевропейских государств и США»*.

Все это шло вразрез с пропагандистскими заклинаниями советской печати о провале «империалистической затеи» с «Общим рынком», а также с утверждениями о существовании единого империалистического лагеря, послушно марширующего по команде Вашингтона. По понятным идеологическим причинам, содержавшаяся в тезисах констатация реального положения дел в строительстве Европы сопровождалась соответствующими оценками этого процесса с «классовых, марксистских» позиций. И все же главный вывод гласил как окончательный приговор: «Общий рынок» «стал экономической и политической реальностью», с которой впредь надо было считаться[1].

Тезисы 1962 г., по справедливому замечанию одного из авторитетных специалистов в изучении европейской интеграции, «в значительной мере определили характер дальнейших исследований в этой области»[2]. В последующем в ИМЭМО развернется интенсивное изучение «западноевропейского центра силы», а руководство Института, по мере поступательного развития европейского интеграционного процесса, будет упорно внушать «директивным инстанциям» мысль о необходимости официального признания ЕЭС Советским Союзом.

Но вернемся к событиям второй половины 50-х годов.

В связи с начавшимся в середине 50-х годов распадом колониальной системы все более важное место в работе ИМЭМО стало занимать изучение проблем национально-освободительного движения и становления новых независимых государств. Главный в то время вопрос: какое место займут эти государства в «борьбе двух систем»? Пойдут ли они в фарватере «империализма» или станут союзником и резервом «мирового социализма»?

Арзуманян и его сотрудники полагали, что во многом это зависело от способности советского руководства пересмотреть прежние идеологические стереотипы в оценке национальной буржуазии и роли крестьянства в национально-освободительном движении. В ИМЭМО пришли к выводу, что новые реальности обнаружили несостоятельность прежнего, односто-

---

[1] Тезисы ИМЭМО были опубликованы в Приложении к № 9 журнала МЭ и МО за 1962 г.

[2] *Барановский В.Г.* Политическая интеграция в Западной Европе. Некоторые вопросы теории и практики. М., 1983. С. 5.

роннего курса времен Коминтерна на союз с практически не существовавшим в колониальных и зависимых странах рабочим классом и его «авангардом» в лице оплачиваемых из бюджета СССР коммунистических партий. «В прошлом, — говорил Арзуманян на собрании в Институте в августе 1960 г., — мы совершили в трактовке национально-колониальной проблемы ряд ошибок. Я думаю, что речь идет не о том, что мы недооценили роль национальной буржуазии в борьбе против империализма, — это было бы еще полбеды; мне кажется, что мы недооценили силу социалистической системы в оказании воздействия на колониальный мир в его борьбе против империализма. Мы также недооценили влияния социалистической революции и социалистической системы на национально-освободительное движение, на изменение характера этого движения, которое, даже при условии сохранения буржуазии у руководства, могло превратиться в серьезную силу подрыва господства империализма и завоевания национальной независимости. Таким образом, — резюмировал Арзуманян, — главный недостаток наших исследований в этом вопросе сказался в недооценке влияния социализма на сущность, на характер и революционные возможности национально-освободительной борьбы в колониальном мире»[1].

Какие же уроки предлагал извлечь из всего этого Арзуманян?

> «Коллектив нашего Института, — говорил он 31 августа 1960 г., — должен преодолеть этот недостаток в научном исследовании. Нам необходимо понять, что слаборазвитые страны в настоящее время оказались в совершенно новых условиях, когда они, во-первых, могут получить от социалистической системы необходимые средства оборудования, без того, чтобы идти на поклон к империалистам; во-вторых, в решающие минуты борьбы за свою независимость они могут опереться не только на политическую и моральную поддержку социалистической системы, но и могут получить от социалистической системы оружие и защитить свою независимость; в-третьих, чем дальше, тем больше они могут устанавливать связь с социалистической экономикой по линии международного разделения труда и совсем освободиться от экономической зависимости со стороны империалистических государств, как в области продажи сырья, так и в области импорта промышленных товаров.
>
> К сожалению, у нас нет глубоких исследований по этим странам под углом зрения указанных выше тенденций развития. В свое время незнание этого вопроса привело к тому, что под флагом критики гандизма наши товарищи проглядели народное, я бы сказал, крестьянское движение в Индии за независимость своей страны. Мы объявили Ганди ставленником английского империализма и не видели, что за ним следуют широчайшие крестьянские массы, интеллигенция, народные массы, которые при определенных условиях могли и превратились в реальную силу, заставившую английских колонизаторов убраться из Индии»[2].

Тогда же Арзуманян впервые подходит к идее о возможности «некапиталистического пути развития» для молодых освободившихся государств.

---

[1] Архив РАН. Ф. 1556. Оп. 1. Д. 135. Л. 31 – 32.

[2] Там же. Л. 32 – 33.

«Ленин поставил вопрос о некапиталистическом пути развития колоний, — сказал Арзуманян. — Теоретическая правильность этого положения не подлежит сомнению; такая возможность не исключена. Но когда речь идет о стране, то надо изучать те конкретные условия, те экономические силы, которые сложились там, ту расстановку классов и партий, которая имеет место»[1].

Идея некапиталистического пути развития уже в 60-е годы будет развита и теоретически оформлена в работах В.Л. Тягуненко, к чему мы еще вернемся.

С конца 50-х годов в Институте, наряду с традиционным изучением рабочего движения, зарождается перспективное направление исследований средних слоев, крупного и мелкого крестьянства в ведущих странах Запада.

ИМЭМО год от года наращивал выпуск печатной продукции. Если в 1957 г. под грифом Института было опубликовано 4 монографии, то в 1958-м — уже 17, в 1959-м — 21, а в 1960 г. — 23[2].

С 1958 г., наряду с секторами, в ИМЭМО стали создаваться межсекторские исследовательские группы. Первой была создана группа по вопросам разоружения, затем — группа по изучению проблем финансов, кредита и денежного обращения капиталистических стран. Характерно, что в заседаниях этой группы принимали участие не только сотрудники ИМЭМО, но и представители заинтересованных государственных учреждений — НИИ Минфина СССР, Правления Госбанка СССР, Госкомитета СССР по экономическим связям с зарубежными странами, Конъюнктурного института МВТ СССР и др.[3]

Следует сказать, что Арзуманяну сразу же удалось наладить тесное взаимодействие академической науки в лице ИМЭМО с соответствующими министерствами и ведомствами, которые не были лишь пассивными получателями той или иной информации из Института; зачастую их представители принимали участие в институтских обсуждениях и других мероприятиях.

И все же именно записки, направляемые в адрес ЦК КПСС, СМ СССР, Президиума Верховного Совета СССР, МИДа, министерства внешней торговли, других министерств и госкомитетов, составляли основное содержание «невидимой» деятельности ИМЭМО. Так, в 1959 г. из Института «ушли наверх» 46 информационно-аналитических записок. Среди них — «О положении в экономических группировках стран Западной Европы» (13 машинописных страниц, автор — К.И. Попов, адресат — А.И. Микоян); «Экономическая сторона деятельности НАТО» (11 страниц, автор — Б.М. Халоша[4],

[1] Архив РАН. Ф. 1556. Оп. 1. Д. 135. Л. 33.

[2] Там же. Л. 25.

[3] МЭ и МО, 1959, № 7. С. 152.

[4] В этой записке впервые был поставлен вопрос о том, что деятельность НАТО не сводится только к военно-политическим мероприятиям, направленным против СССР и его союзников в Восточной Европе. Первым из советских международников Б.М. Халоша обратил внимание руководства МИД СССР на невоенные аспекты в деятельности Североатлантического блока.

адресат — МИД СССР); «Добыча нефти американскими монополиями за пределами США» (16 страниц, адресат — Президиум Верховного Совета СССР); «Консервативная партия Великобритании перед всеобщими парламентскими выборами» (44 страницы, автор — Н.Н. Кучинский, адресат — Б.Н. Пономарев, ЦК КПСС); «Роль государства в укреплении национальной экономики стран Юго-Восточной Азии» (7 страниц, автор — Е. Брагина, адресат — В.В. Кузнецов, зам. министра иностранных дел СССР); «Экономика США к маю 1959 года» (10 страниц, автор — В.И. Каплан, Г.П. Куропятник, адресат — В.В. Кузнецов, МИД СССР); «Экономическое и общественно-политическое положение в Бельгийском Конго»[1] (37 страниц, автор — В. Мартынов, адресат — В.С. Семенов, зам. министра иностранных дел СССР) и т.д.[2]

В 1960 г. число отправленных из ИМЭМО в «инстанции» записок более чем удвоилось — 102. Среди адресатов — члены Президиума ЦК КПСС Ф.Р. Козлов, О.В. Куусинен, А.И. Микоян, кандидат в члены Президиума, секретарь ЦК КПСС П.Н. Поспелов, Председатель Госплана СССР А.Н. Косыгин, заместители министра иностранных дел В.А. Зорин, Я.А. Малик, Г.М. Пушкин, В.С. Семенов, другие руководящие работники[3].

По отдельному каналу шли записки от самого А.А. Арзуманяна, адресованные Н.С. Хрущеву, А.И. Микояну и другим членам Президиума ЦК КПСС. В их написании принимали участие ведущие научные сотрудники Института, но основные идеи выдвигал сам Арзуманян; он же определял и тематику тех материалов, которые предполагал направить на «самый верх».

С 1957 г. в деятельности ИМЭМО и его директора обозначается новое направление — участие в подготовке партийных документов и выступлений Н.С. Хрущева и других высших руководителей КПСС. Впервые Арзуманян был «задействован» для написания доклада Н.С. Хрущева на сессии Верховного Совета СССР, посвященной 40-летию Октябрьской революции. Тогда же, в ноябре 1957 г., Арзуманян принял активное участие в подготовке и проведении в Москве Совещания представителей коммунистических и рабочих партий 64 стран мира. Он был одним из главных составителей принятых на этом Совещании документов — Декларации и Манифеста мира, в которых, как отмечалось в «Истории КПСС» под редакцией Б.Н. Пономарева, дан в обобщенном виде «марксистски обоснованный анализ международного положения, коренных изменений в расстановке сил на международной арене», а также поставлена «важней-

---

Б.М. Халоша стал основателем целого направления в изучении деятельности НАТО. Им написано множество серьезных работ по «натовской» проблематике. — *П.Ч.*

[1] В. Мартынов — однофамилец будущего академика В.А. Мартынова. Данная записка была более чем своевременной, так как в Бельгийском Конго (ныне — Заир) назревала кровопролитная и затяжная гражданская война. — *П.Ч.*

[2] Архив ИМЭМО РАН.

[3] Там же. В общей сложности за период 1956–1960 гг. Институтом было подготовлено и отправлено в «инстанции» около 350 записок и информационных материалов // Архив РАН. Ф. 1556. Оп. 1. Д. 135. Л. 2.

шая международная задача — борьба в защиту мира, против проводимой империалистами подготовки новой мировой войны»[1].

Арзуманян был включен в состав делегации КПСС во главе с Хрущевым на втором Совещании представителей коммунистических и рабочих партий, проходившем в Москве в ноябре 1960 г. Как и в первом случае, Арзуманян участвовал в подготовительной работе и в составлении итоговых документов — Заявления Совещания и Обращения к народам всего мира.

Помимо этого, Арзуманян и возглавляемый им ИМЭМО приняли самое активное участие в подготовительной работе по разработке семилетнего плана развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 гг. и в написании доклада на эту тему, с которым Н.С. Хрущев выступил на внеочередном XXI съезде КПСС (27 января — 5 февраля 1959 г).

Все более важное место в работе Института занимало прогнозирование перспектив экономического развития ведущих капиталистических стран до 1980 г. Из Отчета о деятельности ИМЭМО в 1956—1960 гг. можно узнать, что в этой работе, предпринятой по заказу Госплана СССР, было занято свыше 100 научных сотрудников Института[2].

В тесном взаимодействии с Научно-экономическим комитетом Совета Министров СССР работал сектор США, преобразованный в 1960 г. в отдел США. В его рамках был создан сектор экономического соревнования двух систем, работа которого велась по четырем главным направлениям:

- перспектива и оценка возможных темпов развития экономики главных капиталистических стран на ближайшие 15—20 лет;
- проблемы производительности труда в экономическом соревновании СССР и США;
- проблемы научно-хозяйственной структуры в экономическом соревновании СССР и США;
- развитие машиностроения в главных капиталистических странах и его перспективы.

В сентябре 1960 г. по каждому из этих четырех направлений Институт представил в Госэкономсовет СССР соответствующий доклад.

В 1960 г. ИМЭМО был задействован и в разработке «Генеральной перспективы развития народного хозяйства СССР на 20 лет»[3].

Определяя задачи ИМЭМО на второе пятилетие его существования, Арзуманян говорил: «Мы должны дать: во-первых, правильный анализ капиталистической действительности...; во-вторых, дать партии возможность формировать свою внешнюю политику и осуществлять внешнеполитические связи, опираясь на действительное знание тенденций эконо-

---

[1] История Коммунистической партии Советского Союза. Издание второе, дополненное. М., 1963. С. 677.

[2] Архив РАН. Ф. 1556. Оп. 1. Д. 135. Л. 6.

[3] Там же. Л. 7.

мического развития и политических явлений; в-третьих, вести активную пропаганду на за границу»[1].

Решение по крайней мере двух первых задач, и Арзуманян это хорошо понимал, было невозможно без преодоления «последствий культа личности Сталина, догматизма и начетничества в трактовке проблем экономики и политики современного капитализма»[2].

Борьба с наслоениями сталинизма в области теории — важнейшее направление деятельности ИМЭМО. Так считал Арзуманян. «...Труды Института, — говорил он, — помогают преодолеть вредное упрощенчество в трактовке вопроса об абсолютном обнищании рабочего класса; труды по вопросу о государственно-монополистическом капитализме направлены... против недооценки экономической роли буржуазного государства... исследования по вопросам кризисов и циклов служат преодолению... ошибочного тезиса о неизбежности «воспроизводства на суженной базе» (Сталин), тезиса, который обезоруживал нашу страну и другие страны социалистического лагеря в борьбе за победу в экономическом соревновании с капитализмом. Труды Института по вопросам международных отношений служат обоснованию ленинского принципа мирного сосуществования, анализу реального соотношения сил на международной арене, противоречий в лагере капитализма»[3].

Активность А.А. Арзуманяна должным образом была оценена Н.С. Хрущевым. В 1961 г. директор ИМЭМО получает орден Трудового Красного Знамени, причем не по случаю юбилея, как было принято в советской системе, а «за крупные заслуги» в развитии экономической науки и выполнение ответственных заданий партии и правительства. Еще ранее, в июне 1958 г., кандидат экономических наук Анушаван Агафонович Арзуманян был избран членом-корреспондентом АН СССР по Отделению экономических, философских и правовых наук

Таковы были некоторые предварительные итоги работы ИМЭМО и его основателя в период становления Института как центра по изучению мировой экономики и международных отношений.

«Догнать и перегнать...»

XXII съезд КПСС (17—31 октября 1961 г.) стал апогеем политического влияния Н.С. Хрущева, сосредоточившего в своих руках всю полноту власти в партии и в стране. Еще в июне 1957 г. он нанес поражение т. н. «антипартийной группе» в Президиуме ЦК КПСС (Г.М. Маленков, В.М. Молотов, Л.М. Каганович и др.), пытавшейся сместить его с поста Первого секретаря. В октябре того же года Хрущев инициировал выведение из

[1] Из выступления А.А. Арзуманяна на партийном собрании в ИМЭМО 31 августа 1960 г. // Там же. Ф. 1556. Оп. 1. Д. 135. Л. 30.

[2] Там же. Л. 12.

[3] Там же. Л. 12—13.

состава Президиума ЦК и отстранение с поста министра обороны СССР внушавшего ему серьезные опасения маршала Г.К. Жукова, обвиненного в бонапартистских устремлениях. В феврале 1958 г. Хрущеву удалось освободиться от последнего, как ему казалось, соперника в борьбе за власть — Председателя Совета Министров СССР Н.А. Булганина. Хрущев занял его место, сохранив за собой и пост Первого секретаря ЦК КПСС. Хрущев постоянно обновлял состав Президиума ЦК КПСС верными, как ему казалось, людьми, в их числе: Л.И. Брежнев, Ф.Р. Козлов, Н.В. Подгорный, А.Б. Аристов, Н.И. Беляев, Н.Г. Игнатов, О.В. Куусинен, Д.С. Полянский, Е.А. Фурцева... Ко времени созыва XXII съезда старая гвардия сталинских времен полностью утратила влияние: большинство ее представителей были выведены из состава высшего партийно-государственного руководства; другие (А.И. Микоян, М.А. Суслов) демонстрировали полную лояльность Хрущеву.

Отсутствие какой-либо оппозиции в высшем партийном эшелоне, непрерывные восхваления со стороны ближайшего окружения притупляли бдительность, казалось бы, искушенного в интригах Хрущева и одновременно толкали его на непродуманные, зачастую авантюристичные шаги в экономике, внутренней и внешней политике.

Волюнтаризм Хрущева проявился и в решениях XXII съезда КПСС, в особенности в области оценки перспектив экономического развития СССР.

Еще в 1957 г. Хрущев выдвинул лозунг «Догнать и перегнать Америку». Выступая 22 мая 1957 г. в Ленинграде, Хрущев заявил, что победа в экономическом соревновании с США является одним из решающих условий исторической неизбежности победы мирового социализма. «Это будет нашим большим завоеванием, — говорил Хрущев. — Ведь сейчас США действуют на психику людей всего западного мира своим объемом производства. Отсталые в экономическом отношении страны просто трепещут и даже не помышляют о том, что они могут сравниться с Америкой. А вот Советский Союз, народы в прошлом отсталой России, взявшие власть в свои руки, построили хозяйство на социалистических основах... и получили возможность поставить вполне реальную задачу — догнать и перегнать США по уровню производства на душу населения»[1]. Наряду с первоочередным развитием тяжелой промышленности, что изначально было свойственно советской экономической системе, был поставлен вопрос и о приоритетах в производстве жизненно важных продуктов питания — мяса, молока и масла.

Решение поставленной амбициозной задачи Хрущев видел главным образом на путях экстенсивного развития, в частности, за счет освоения новых сельскохозяйственных площадей (целинных земель Казахстана и Заволжья), повсеместного (от Кубани до Архангельской области) внедрения кукурузы[2], а также на пути «совершенствования партийного руковод-

---

[1] *Хрущев Н.С.* Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Т. 2. М., 1962. С. 446.

[2] Общая площадь земель, отведенных в СССР под кукурузу, возросла с 18 млн га в 1956 г. до 37 млн га в 1962 г. // Там же. С. 498.

ства» сельским хозяйством, что выражалось в бесконечных реорганизациях управленческих структур.

Авантюристичный по сути лозунг «Догнать и перегнать Америку» в развернутом виде перекочевал и в новую Программу КПСС, принятую на XXII съезде. Программа КПСС провозгласила в качестве достижимой к 1980 г. задачу построения в СССР основ коммунистического общества.

В течение первых десяти лет (1961 — 1971) СССР должен был превзойти США — самую богатую в мире страну — по производству продукции на душу населения. К концу второго десятилетия (1971 — 1980) в Советском Союзе должна была быть создана материально-техническая база коммунизма.

В течение первого десятилетия промышленное производство в СССР должно было возрасти в два с половиной раза и превзойти уровень США (на 1961 г.). А за двадцать лет преусматривалось увеличить объем промышленной продукции почти вдвое больше, чем к началу 60-х годов производилось во всем несоциалистическом мире.

В области сельского хозяйства Программа предусматривала в ближайшие десять лет увеличение продукции в два с половиной раза, а за двадцать лет — в три с половиной раза. При этом производительность труда в сельском хозяйстве должна была повыситься за двадцать лет в пять — шесть раз.

Достижение запланированных показателей сельскохозяйственного производства предусматривалось, в частности, за счет полной электрификации сельского хозяйства, его химизации и выполнения обширной программы ирригационного и мелиоративного строительства.

Все это должно было к 1980 г. завершиться созданием материально-технической базы коммунизма. Полное же построение коммунизма в Программе КПСС объявлялось задачей последующего периода[1].

Нереалистичность Программы КПСС станет очевидной сразу же после ее принятия. Уже в 1962 г. в стране начались перебои с основными продуктами питания. 31 мая 1962 г. правительство вынуждено будет пойти на повышение розничных цен на мясо-молочные продукты, что вызовет открытое недовольство в стране. А в Новочеркасске в июне того же года дело дойдет до открытого выступления рабочих, поддержанных населением города. Выступление будет подавлено силой оружия, в результате чего погибнут 23 человека.

---

[1] В Программе КПСС было дано и определение коммунизма как общественно-экономической формации: «Коммунизм — это бесклассовый общественный строй с единой общенародной собственностью на средства производства, полным социальным равенством всех членов общества, где вместе с всесторонним развитием людей вырастут и производительные силы на основе постоянно развивающейся науки и техники, все источники общественного богатства польются полным потоком и осуществится великий принцип «от каждого — по способностям, каждому — по потребностям». Коммунизм — это высокоорганизованное общество свободных и сознательных тружеников, в котором утвердится общественное самоуправление, труд на благо общества станет для всех первой жизненной потребностью, осознанной необходимостью, способности каждого будут применяться с наибольшей пользой для народа» (XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17 — 31 октября 1961 года. Стенографический отчет. Т. III. М., 1962. С. 274).

В 1963 г. во многих городах и рабочих поселках СССР будут введены продовольственные карточки. Впервые за послевоенный период правительство вынуждено будет пойти на закупку продовольствия за границей. На это будет истрачена значительная часть (520,3 т) золотого запаса страны. При этом зерно закупят не где-нибудь, а в Соединенных Штатах, которых, казалось бы, вот-вот должны были догнать и перегнать по всем показателям.

Все это в скором времени будет иметь серьезные последствия и для самого Н.С. Хрущева, главного инициатора авантюристичной затеи с соревнованием с США, впрочем, как и с построением коммунизма к 1980 г.

Пока же, в период подготовки Программы КПСС и в начальной стадии ее реализации, все интеллектуальные силы партии были мобилизованы на выполнение предписаний «дорогого Никиты Сергеевича».

В первых рядах исполнителей «исторических предначертаний» находился и коллектив научных сотрудников Института мировой экономики и международных отношений АН СССР, где с 1957 г. были налажены исследования по сопоставлению показателей экономического развития США и СССР, Запада и Востока. Разумеется, после XXII съезда работа в этом направлении была существенно расширена.

ИМЭМО трудился над подготовкой материалов к XXII съезду КПСС с 1960 г. А.А. Арзуманяну было поручено готовить материалы к первому разделу Отчетного доклада ЦК КПСС, где речь шла о ситуации в мире и о внешней политике СССР. Кроме того, ведущие сотрудники ИМЭМО были привлечены к работе над соответствующими разделами проекта Программы КПСС.

Наибольшие трудности возникли при составлении прогноза экономического соревнования СССР и США[1]. Цифры, предложенные первоначально экономистами ИМЭМО, не могли удовлетворить заказчика (ЦК КПСС), так как они не внушали оптимизма относительно возможностей советской директивно-плановой экономики в намечаемые сроки достичь уровня развития экономики США. По свидетельствам ветеранов ИМЭМО, первый вариант подготовительных материалов к Программе КПСС, представленный в ЦК КПСС на основе более или менее объективных данных, был забракован на Старой площади как неудовлетворительный, а Арзуманяну, по всей видимости, было сделано соответствующее внушение.

Как известно, существуют три вида лжи — ложь, наглая ложь и статистика. Советская статистика на протяжении семидесяти лет своего существования подтверждала истинность этого утверждения. Что касается советской экономической науки, то и она была обязана выполнять директивные указания высшего партийного руководства. Если Никита Сергеевич пообещал «догнать и перегнать Америку» к 1980 г., то коммунистам

[1] Можно, в частности, упомянуть две развернутые записки на эту тему, адресованные А.Н. Косыгину и А.И. Микояну — «Материалы по экономическому соревнованию социализма и капитализма. СССР — США» и «Материалы, характеризующие ход экономического соревнования социализма и капитализма».

на местах не оставалось ничего другого, как работать в указанном направлении. Секретари обкомов партии занялись очковтирательством и приписками, рапортуя наверх о все более высоких показателях промышленного и сельскохозяйственного производства[1]. Разумеется, подобное соревнование с США могло быть успешным для СССР только на бумаге.

В отличие от партийно-хозяйственных руководителей, действовавших зачастую на свой страх и риск во имя выполнения полученных директив, ученые-экономисты, в подавляющем большинстве члены партии, подвергались открытому идеологическому давлению. Экономические расчеты становились не собственно профессиональным делом, а партийным заданием, которое должно быть выполнено любой ценой. Экономисты ИМЭМО, Института экономики и других научных учреждений становились заложниками (и участниками) созданной на рубеже 50—60-х годов системы государственного обмана, просуществовавшей до конца 80-х. Порочная практика фальсификации статистики распространилась и в ученой среде.

Разумеется, второй вариант расчетов экономического соревнования между СССР и США, направленный из ИМЭМО в ЦК КПСС и предназначенный для использования в Программе партии, был скорректирован в нужном направлении.

Научные сотрудники ИМЭМО приняли активное участие в подготовке международного раздела Программы КПСС, в частности той его части, где сформулированы принципы мирного сосуществования в отношениях СССР с капиталистическими странами. Эта работа была поручена доктору исторических наук Иосифу Михайловичу Лемину и кандидату исторических наук Владимиру Владимировичу Размерову.

Из воспоминаний В.В. Размерова:

> «<...> Главной нашей задачей было сформулировать заново известные принципы мирного сосуществования. Это оказалось не так уж просто.
>
> Дело в том, что впервые эти принципы были сформулированы всего-навсего в преамбуле соглашения о торговых связях между Тибетским районом Китая и Индией, подписанного в 1954 году. Наша дружба с Китаем еще казалась вечной, и мы активно поддержали и широко пропагандировали эти принципы, которых было пять. Через год в Бандунге была принята декларация о мире и сотрудничестве, включавшая десять принципов, по существу соответствующих пяти принципам мирного сосуществования. И тут заметно ощущалось китайское влияние. Нам тогда это не мешало.
>
> Однако в 1961 году раскол между нами и китайцами достиг уже большой глубины. Обвиняя руководство КПСС в ревизионизме, китайцы писа-

[1] Наиболее громкий скандал с очковтирательством был связан с деятельностью 1-го секретаря Рязанского обкома КПСС А.Н. Ларионова, добившегося рекордных показателей по заготовкам мяса за счет насильственного изъятия скота у населения, негласных закупок мяса в других областях и фальсификации статистики. За рекордные достижения в перевыполнении планов развития сельского хозяйства Ларионов, энергично поддержанный Хрущевым, был удостоен звания Героя Социалистического Труда, но вскоре он застрелился, как только вскрылась вся организованная им система обмана. История с Ларионовым не была исключением. Подобным же образом обманывали государство многие другие партийные и хозяйственные руководители.

ли, что советские деятели «трусливы как мыши». В такой обстановке нужно было как-то откреститься от китайщины в подходе к проблемам мирного сосуществования. В то же время нужно было сохранить традиционную преемственность повторявшихся нами не один год лозунгов.

Наша попытка сократить принципы мирного сосуществования до трех основных вызвала противодействие в ЦК. В духе времени было не укорачивание лозунгов, а их удлинение: даже гордый клич французской революции — «Свобода, Равенство, Братство» — у нас умудрились снабдить невразумительным довеском: «мир, труд, счастье». В итоге первоначальный и бандунгский варианты принципов мирного сосуществования изложены нами в несколько ином порядке и другими словами. Количество этих принципов мы также сохранили, используя знаки препинания: если их считать по числу отделенных точкой с запятой, то всего окажется пять принципов, но через запятую их перечислено десять.

Как выяснилось позже, нашу ювелирную работу высоко оценили заказчики, ибо рассуждения о мирном сосуществовании и некоторые другие пассажи, касавшиеся международных дел, практически без изменений вошли в новую Программу... Правда, насколько помнится, нам за это даже пары сотен рублей премии не дали»[1].

Материалы, подготовленные в ИМЭМО, вошли и в Отчетный доклад, с которым на XXII съезде выступил Н.С. Хрущев. В первом разделе доклада, посвященном мировой обстановке и положению в странах капитализма, отмечались нарастание кризисных явлений в экономике капитализма и тенденция к его загниванию, хотя одновременно признавался и рост производства в странах Запада. Успешное развитие отдельных отраслей промышленности на Западе, ускорение научно-технического прогресса Хрущев объяснял милитаризацией капиталистической экономики.

В доклад Хрущева вошло важное положение о тенденции к восстановлению и укреплению экономических позиций побежденных во Второй мировой войне стран, прежде всего ФРГ и Японии[2]. В связи с этим фактической переоценке подвергся в докладе и «план Маршалла», который в советской печати принято было оценивать исключительно негативно. Было признано, что восстановление экономических потенциалов Западной Германии, Италии, а также Японии стало возможным благодаря значительным долларовым вливаниям в их экономику[3]. Все эти положения, прозвучавшие с трибуны XXII съезда, были разработаны учеными ИМЭМО.

---

[1] «Общение с Иосифом Михайловичем для меня было чрезвычайно приятным и полезным, — вспоминает Размеров. — Он был блестящим представителем когорты старых имховцев, крупным ученым-англоведом, настоящим интеллигентом и прекрасным человеком. Как сейчас помню его грустные глаза, наполненные не только печалью многих поколений его гонимых предков, но и собственным трагическим опытом жизни в нечеловеческих условиях сталинской диктатуры. Мудрый и добрый, снисходительный и все понимающий, он превращал совместную работу в удовольствие и обеспечивал ее успех» (воспоминания В.В. Размерова, любезно предоставленные им в распоряжения автора).

[2] «На долю Западной Германии, Японии и Италии, вместе взятых, приходится теперь около 17 процентов промышленного производства капиталистического мира, то есть больше, чем в 1937 году...», — отмечалось в Отчетном докладе // XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. 1. С. 27.

[3] Там же. С. 27—28.

«В свете исторических решений…»

По окончании работы XXII съезда в партийной организации ИМЭМО, как и во всех парторганизациях КПСС, состоялось обсуждение итогов съезда и новых задач, встающих перед Институтом в связи с принятием новой Программы партии. На собрании с большим докладом выступил А.А. Арзуманян, принимавший участие в работе съезда.

В своем докладе он сосредоточился на постановке принципиальных вопросов дальнейшей научно-исследовательской работы ИМЭМО. Любопытно, что на одно из первых мест Арзуманян поставил вопрос о необходимости развертывания в Институте технико-экономических исследований, увязав это с насущными потребностями развития советской экономики.

> «Многие наши исследования, — заявил Арзуманян, — теряют смысл, потому что наши работники плохо знают нужды советской экономики, тенденции ее развития, практические задачи, которые требуют своего решения. Поэтому эти работники не в состоянии как следует вскрыть пороки капиталистического хозяйства и показать преимущество социализма, а с другой стороны, не могут отобрать то прогрессивное, которое нужно для нашего хозяйства.
>
> Возьмите простой пример, — продолжал Арзуманян. — Разве умный экономист не мог своевременно вскрыть тот факт, что паровозы отжили. Но зачастую экономисты не знали серьезно, что дала смена паровозов электровозами и тепловозами в США. Поэтому Каганович[1] мог во всю глотку орать о том, что он стоит за паровоз, тянуть долгое время наше хозяйство назад. Или возьмите вопрос о топливном балансе. Ведь проповедовали мы долгое время глупость о том, что увеличение удельного веса нефти и газа в топливном балансе не является прогрессивным фактором.
>
> При таких условиях могли появиться в начале 1958 г. решения о запрещении на транспорте и в ряде других отраслей потребления нефти.
>
> Если бы в стране были бы серьезные изучения, то так или иначе они способствовали бы улучшению дела. Возможно, конечно, продвижение прогрессивных предложений было связано с определенным тогда риском, — заметил Арзуманян. — Но они пробили бы себе путь. Однако очень часто их не было, ибо экономисты были оторваны от хозяйственной практики, технико-экономические исследования объявлялись буржуазным рецидивом, а цитатничество и схоластическое повторение метафизических догм приносило доходы и уважение»[2].

Далее Арзуманян остановился на вопросах научно-технического прогресса и проблеме общественного воспроизводства общественного капитала.

---

[1] Лазарь Моисеевич Каганович (1893–1991) — один из соратников И.В. Сталина, член Политбюро ЦК ВКП(б) / КПСС в 1930–1957 гг. В 1935–1944 гг. — нарком путей сообщения. В дальнейшем, как заместитель Председателя Совета Министров СССР, курировал МПС. На XX–XXII съездах был подвергнут резкой критике; в 1957 г. выведен из ЦК КПСС и впоследствии исключен из партии.

[2] Архив РАН. Ф. 1556. Оп. 1. Д. 142. Л. 17–18.

«У нас уже намечен правильный путь к анализу этой проблемы, — заявил он. — Я сказал бы, что большинство наших исследователей отдают себе отчет в том, что научно-технический прогресс последних десятилетий в условиях общего кризиса капитализма внес существенные изменения в процесс общественного воспроизводства капитала, вызвал неустойчивость и дальнейшее загнивание, чреват глубокими потрясениями. Наши исследователи видят, какие противоречия создаются в процессе воспроизводства снижением удельных затрат на единицу продукции. Из этого факта кое-кто делал вывод о невозможности роста, о самоудушении капитализма, о закупорке производительных сил. Мы отбросили эту точку зрения, как несоответствующую реальной действительности и противоречащую марксизму-ленинизму. <...>

Рост капитальных вложений не может приостановиться, — аргументировал свой вывод Арзуманян. — Он не может приостановиться и потому, что растет население, и потому, что идет процесс индустриализации в слаборазвитых странах, и потому, что научно-технический прогресс вызывает массовое обновление капитала на кратких промежутках времени, и потому, что идет конкуренция монополий и т.д.»[1]

Арзуманян призвал к сочетанию в научном исследовании этих вопросов «теоретического политико-экономического и технико-экономического анализа».

«Очень серьезно мы должны заняться проблемами мирового капиталистического хозяйства, — продолжал Арзуманян. — Капитализм создал пропасть между слаборазвитыми и развитыми странами капитала. Это уже основа глубокой неустойчивости. Мы должны дать фундаментальный труд, который раскроет сложную картину современного мирового хозяйства и мирового рынка... Это очень необходимо нам с точки зрения интересов Советского Союза. Я не могу согласиться с теми, которые говорят, что для Советского Союза нет проблемы рынка. Конечно, специфической проблемы рынка, которая создается при капитализме благодаря господству закона прибавочной стоимости, у нас нет. Но с точки зрения международного разделения труда, и для нас стоит проблема рынка. И она стоит не только с точки зрения дальнейшего развития и укрепления мирового социалистического рынка. Она стоит перед нами и потому, что торговля с капиталистическими, в особенности со слаборазвитыми странами будет расширяться. Вот почему проблема исследования всемирного рынка имеет для нас актуальное значение»[2].

В своем докладе Арзуманян определил и задачи Института в изучении важнейшей в свете последних решений XXII съезда КПСС проблемы соревнования двух систем, прежде всего СССР и США.

«Мы должны и тут преследовать своими исследованиями определенные практические цели, — подчеркнул директор ИМЭМО. — С одной сторо-

---

[1] Архив РАН. Ф. 1556. Оп. 1. Д. 142. Л. 20 — 21

[2] Там же. Л. 22.

ны, — заявил он, — наша задача состоит в том, чтобы видеть отчетливо все прогрессивные тенденции, вызванные научно-техническим прогрессом, взять все ценное и своевременно использовать в нашем хозяйстве.

С другой стороны, мы должны сделать так, чтобы преградить, если можно так выразиться, путь экспансии империалистических стран в слаборазвитый мир, усилить наши позиции на всемирном рынке, повернуть экономические связи слаборазвитых стран с ориентации на западный капитализм на социализм, конкретно на СССР.

В-третьих, мы должны вскрыть все антагонизмы капитализма и дать идеологическое оружие борьбы рабочему классу, коммунистическим партиям»[1].

Арзуманян постоянно подчеркивал необходимость увязывания научных исследований, проводимых в Институте, с практическими потребностями руководства СССР.

«Институт не имел бы успеха, если бы он не связал свои исследования с жизнью, — заявил директор в заключительной части своего доклада. — Что было бы с нами, если мимо нас прошло бы Совещание коммунистических и рабочих партий? Что было бы с нами, если бы мимо нас прошла разработка некоторых вопросов семилетнего плана и Генеральной перспективы? Что было с нами, если мимо нас прошла бы подготовка материалов к Программе, к XXII съезду? Такой Институт нечего было бы держать»[2].

Как известно, на XXII съезде КПСС было продолжено развенчание «культа личности» И.В. Сталина. Впервые открыто было сказано о его преступлениях перед партией и народом. Одновременно были окончательно дискредитированы ближайшие соратники покойного вождя из числа недавних противников Н.С. Хрущева — В.М. Молотов, Г.М. Маленков и Л.М. Каганович. Общество информировали об их прямой ответственности за организацию массовых репрессий в 30—40-е годы. Разумеется, о причастности к тем же преступлениям Хрущева не было сказано ни слова. По решению съезда гроб с телом И.В. Сталина в ночь на 31 октября 1961 г. тайно был вынесен из Мавзолея и захоронен у Кремлевской стены.

А.А. Арзуманян, будучи убежденным противником сталинизма, принял самое активное участие в развернутой Хрущевым кампании по разоблачению культа личности. В Архиве РАН сохранился текст доклада Арзуманяна «О преодолении последствий культа личности Сталина в развитии экономики и экономической науки в СССР и о позиции В.М. Молотова в период принятия Программы КПСС», с которым он в 1962 г. выступил на заседании Отделения экономических наук АН СССР. Высказанные тогда Арзуманяном мысли важны не только сами по себе. Во многом они направляли деятельность Арзуманяна на посту директора ИМЭМО, а с 1962 г. еще и академика-секретаря Отделения экономических наук АН СССР.

---

[1] Там же. Л. 23.

[2] Там же. Л. 27.

Арзуманян был искренне убежден, что успешное развитие экономической науки, как и экономики в целом, невозможно без разрыва с теоретическим наследием сталинизма. Именно по этой причине он неоднократно возвращался к этой теме.

Из доклада А.А. Арзуманяна:

«<...> Проводившаяся Сталиным линия на отрыв экономической науки от практики означала грубое нарушение ленинского положения о том, что в основу экономической науки должно быть положено изучение фактов, цифр, анализ практического опыта. Экономисты полностью изолировались от практического конкретного материала. Фактически им был закрыт доступ к статистическим данным.

Изгонялось обучение конкретным расчетам и практическим методам ведения хозяйства из всей системы подготовки экономистов.

Все это не могло не вызвать серьезных отрицательных последствий. Народнохозяйственная практика слабо обобщалась. С одной стороны, крайне тормозилось развитие экономической науки, все более лишавшейся своей питательной базы в виде практического опыта. С другой стороны, планирование, практика хозяйственного руководства очень слабо подкреплялись научно-обоснованными методами и расчетами. Наметился разрыв между политической экономией, не получавшей конкретного материала для анализа процессов развития народного хозяйства и отраслевыми экономическими науками, не получавшими от политической экономии методологического оружия...

Средний уровень научных и практических кадров экономистов стал все более отставать от потребностей страны. И это создавало опасное положение для развития экономики.

Явная недооценка экономической теории Сталиным, его пренебрежительное отношение к экономической науке выразилось в проведенной по его указанию ликвидации научно-исследовательских институтов в центре и на местах, в плановых органах, министерствах, ведомствах и в Академиях наук. Вместо десятков институтов остались один-два института на всю страну. Прекратилось существование экономических журналов. Выпуск экономической литературы свелся к нескольким книгам в год.

Такой подход к экономической науке со стороны Сталина соответствовал проводимому им волюнтаристскому курсу, означавшему полный произвол в экономической науке и практике, полное игнорирование — несмотря на все пышные декларации и заклинания — экономических законов и категорий. Разработка вопросов применения экономических законов и вытекающих из них принципов и методов планирования и хозяйствования лишь мешала этой линии и вскрывала ее порочность. В условиях культа личности Сталина делалось все, чтобы изгонять из экономической науки дух творчества, новые, свежие постановки. Дискуссии и подлинные научные обсуждения были почти сведены на нет.

Несмотря на все эти тяжкие обстоятельства советская экономическая наука развивалась и в тот период, но это развитие было искусственно замедленным, сильно урезанным и во многом искаженным». <...>[1]

[1] Архив РАН. Ф. 1556. Оп. 1. Д. 63. Л. 9–10.

Вклад А.А. Арзуманяна и его Института в подготовку материалов XXII съезда был высоко оценен Н.С. Хрущевым. В 1962 г. Арзуманяна избирают депутатом Верховного Совета СССР, где он входит в Комиссию по иностранным делам Совета Национальностей. Хрущев, возглавивший работу по подготовке новой Конституции СССР, включает Арзуманяна в состав Конституционной комиссии. Директор ИМЭМО становится общественно-значимой фигурой, одним из представителей высшей советской номенклатуры.

Академик-секретарь

В том же, 1962 г. Арзуманяна избирают действительным членом Академии наук СССР, академиком-секретарем созданного по его инициативе Отделения экономических наук[1] и членом Президиума АН СССР. В характеристике кандидата на избрание в действительные члены АН СССР, полученной Арзуманяном в ИМЭМО, говорилось, что он «по праву может быть назван создателем и главой современной школы исследователей главных проблем мирового капитализма»[2].

Как руководитель Отделения экономики, Арзуманян, среди прочего, большое внимание уделял совершенствованию системы экономического образования в СССР. Исходя из растущих потребностей советской экономики в квалифицированных кадрах, он, как мог, добивался увеличения приема студентов в экономические вузы и на экономические факультеты университетов, а также расширения набора в аспирантуру по экономическим специальностям.

Особое внимание Арзуманян уделял выпуску общеобразовательной и специальной литературы экономического профиля. Справедливо оценивая как неудовлетворительный уровень профессиональной подготовки в СССР экономистов, Арзуманян считал совершенно необходимым знакомство советского читателя с лучшими работами зарубежных экономистов. По понятным идеологическим причинам, публикация в русском переводе книг «буржуазных» авторов была крайне затруднительна. Тем не менее Арзуманян активно действовал в этом направлении, умело используя провозглашенный Хрущевым лозунг «догнать и перегнать Америку» и ссылки на те или иные положения Программы КПСС.

В качестве примера можно привести его докладную записку, адресованную тогдашнему хрущевскому фавориту, секретарю ЦК КПСС Л.Ф. Ильичеву, курировавшему в 1963 — 1964 гг. вопросы идеологии.

Из докладной записки А.А. Арзуманяна (конец 1963 г.):

---

[1] До 1962 г. в системе АН СССР существовало Отделение экономики, философии и права, объединявшее ученых трех разных специальностей. Создание Отделения экономических наук, безусловно, способствовало более широкому развертыванию в Советском Союзе экономических исследований.

[2] Архив РАН. Ф. 1556. Оп. 1. Д. 180. Л. 4.

«Считаю своим партийным и служебным долгом сообщить Вам о необходимости принять самые срочные меры против недопустимого ухудшения за последние 2—3 года возможностей для информации советских людей о состоянии экономики и экономической науки за рубежом.

С одной стороны, в связи с положением Программы КПСС о превращении экономической науки в непосредственную производительную силу общества, резко выросла потребность в такой информации. Это находит свое подтверждение в следующем:

Армия экономистов в СССР с 1960 г. по 1962 г. увеличилась более чем вдвое и продолжает расти (так как мы все еще серьезно отстаем от США в этом отношении).

Появились новые отрасли и методы экономической науки, а потребности СССР в изучении зарубежного экономического опыта, как для успешного строительства коммунизма, так и для эффективной борьбы с буржуазной идеологией, догматизмом и ревизионизмом, растут буквально "не по дням, а по часам".

Итоги бурного развития марксистской экономической науки в братских странах социализма из-за языковых барьеров к ущербу для нас не доходят в полной мере до советских ученых и практиков. Это вызывает также и справедливую обиду у наших коллег в этих странах.

С другой стороны, вопреки решениям XXII съезда партии и всех последующих Пленумов ЦК КПСС, существовавшие до сих пор каналы для получения интересующей советских экономистов зарубежной информации не расширяются, а сокращаются год от года. <...>

Во-первых, новым издательством «Прогресс», созданным взамен Издательства иностранной литературы, запланированный ранее общий объем переводной экономической литературы был снижен на 1964 г. сразу вдвое. Это составляет примерно 1 печатный лист в год на миллион жителей СССР, т.е. меньше, чем в бывшем Бельгийском Конго, и в десятки раз меньше, чем, скажем, 10—15 печатных листов на 1 миллион жителей в год в США или Японии, где умеют ценить выгоду этого дела. <...>

Во-вторых, и без того мизерные суммы иностранной валюты, ассигнуемой на выписку новейшей экономической литературы для институтов Отделения экономических наук АН СССР, систематически урезаются. Например, для головного Института мировой экономики и международных отношений АН СССР, по сравнению с 1962 г. (16 тыс. инвалютных рублей), эта сумма была снижена в 1963 г. на 30%, а в 1964 г. снова на 20%, т.е. почти вдвое против 1962 г. Достаточно сказать, что ни одной монографии или справочника ИМЭМО АН СССР в 1964 г. выписать не сможет. <...>

В связи с тем, что отмеченные выше ненормальности серьезно мешают выполнению задач, поставленных партией и правительством перед советскими экономистами, прошу Вас в интересах дела помочь их устранению. Для этого необходимо, как минимум: во-первых, срочно восстановить существовавшие до XXII съезда КПСС объемы публикаций переводной экономической литературы и инвалютных ассигнований для экономических институтов АН СССР и, во-вторых, рекомендовать Главному управлению «Союзкнига» и издательству «Прогресс» перейти от политики свертывания деятельности экономической редакции к ее всемерному расширению и укреплению»[1].

[1] Архив РАН. Ф. 1556. Оп. 1. Д. 143. Л. 14—16.

Арзуманяну, как правило, удавалось убедить директивные инстанции в своей правоте. Так, он сумел преодолеть сопротивление партийных чиновников из Госкомитета СССР по печати, препятствовавших изданию в русском переводе книги ведущего американского экономиста П. Самуэльсона «Экономика».

Когда начатая было в издательстве «Прогресс» работа над книгой Самуэльсона, по указанию ревнителей устоев со Старой площади, была внезапно остановлена, Арзуманян немедленно обратился к Л.Ф. Ильичеву с подробным обоснованием необходимости издания этой книги.

> «Книга П. Самуэльсона "Экономика", — писал Арзуманян, — является самым распространенным на Западе буржуазным учебником политической экономии. Она переведена на все основные языки и издана во многих странах, а из числа социалистических стран — в Польше. <...>
>
> Потребность в такой книге весьма велика, — продолжал убеждать Арзуманян партийного сановника от идеологии, — поскольку наша критика буржуазной политической экономии в значительной мере ограничивается старыми школами и недостаточно затрагивает новейшие направления. Издание этой работы даст возможность советским экономистам ознакомиться с теоретическими основами экономической политики современного буржуазного государства и, в частности, нынешнего правительства США и будет способствовать более квалифицированной марксистской критике этой политики.
>
> Если это будет сочтено целесообразным, книга могла бы быть выпущена ограниченным тиражом, для научных библиотек.
>
> Сотрудниками Института (ИМЭМО. — *П.Ч.*) проведено научное редактирование перевода книги, в ряде редакционных примечаний выявлено наше отношение к концепции автора. Это сделано также в обстоятельной вступительной статье к книге»[1].

Ильичев поддержал Арзуманяна и дал соответствующие указания Идеологическому отделу ЦК КПСС и Госкомитету СССР по печати. Остановленная в издательстве работа была немедленно возобновлена, и в середине 1964 г. «Экономика» П. Самуэльсона появилась в русском переводе, правда, с грифом «Для научных библиотек». Тем не менее советские экономисты получили возможность ознакомиться с книгой одного из ведущих американских экономистов.

После XXII съезда поле деятельности А.А. Арзуманяна значительно расширяется. Все большее место в его работе занимают вопросы развития советской экономики.

Арзуманян обращает внимание Хрущева на одну из самых серьезных проблем, ставшую бичом советской экономики, — распыление капиталовложений и постоянно возраставший объем незавершенного капстроительства в СССР. В предложениях, составленных для готовившегося после XXII съезда пленума ЦК КПСС об организационной перестройке руководства народным хозяйством, Арзуманян писал:

---

[1] Письмо датировано 14 ноября 1963 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 5. Л. 1 – 2.

«Серьезные недостатки в управлении капитальным строительством ведут к разбазариванию средств, направляемых на капиталовложения, растянутости сроков строительства и ввода в эксплуатацию мощностей и образованию непомерного объема незавершенного капитального строительства.

Крупнейший недочет решительно всех отраслей строительства — раздутый фронт работ, распыление средств по множеству объектов, в том числе второстепенного значения, одновременное введение такого количества строек, которое не обеспечено достаточно материальными, финансовыми и трудовыми ресурсами. Большие средства нерационально отвлекаются на нужды мелкого и длительно ведущегося нецентрализованного строительства, которое нередко ведется прямо в ущерб строительству, имеющему общегосударственное значение. Нельзя примириться с такими фактами, когда объем незавершенного строительства достигает трех четвертей объема годовых капиталовложений»[1].

Этой же теме была посвящена 9-страничная записка, адресованная лично Хрущеву, которую А.А. Арзуманян написал в начале 1962 г. совместно с директором Института экономики АН СССР К.Н. Плотниковым и главным редактором журнала «Вопросы экономики» Л.М. Гатовским[2].

«Дорогой Никита Сергеевич! — писали экономисты. — Исходя из тех идей, которые Вы высказывали в последнее время, нам хочется выдвинуть одно предложение, способствующее, на наш взгляд, улучшению руководства капитальным строительством и технической политики.

Советский Союз достиг огромных успехов в капитальном строительстве и техническом прогрессе. Достаточно сказать, что СССР по объему капиталовложений в промышленность превзошел США. Так, уже в 1960 г. капиталовложения в советскую промышленность составили 14,3 млрд руб., а в американскую (в пересчете на советские рубли) — примерно 13,5 млрд руб.

Однако в области капитального строительства и внедрения новой техники у нас еще имеются серьезные недостатки, — отмечали Арзуманян и его коллеги. — Распыление и нерациональное направление значительной части вложений, разбазаривание средств, растянутость сроков строительства и ввода в эксплуатацию мощностей, непомерно большой объем незавершенного строительства, — все это вызывает омертвение огромных средств и недостаточную эффективность капитальных вложений».

В записке приводились убийственные цифры, характеризующие катастрофическое положение в области капстроительства:

«К началу 1962 г. стоимость незавершенного строительства составила во всем народном хозяйстве 25 млрд руб., или 76% всего объема капитальных вложений истекшего года, в том числе по промышленному строительству — 96%, а в химической и каменноугольной отраслях — больше 125%. Наряду с большим количеством строительных объектов, которые не могут

---

[1] Письмо датировано 14 ноября 1963 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 138. Л. 15.

[2] «Об улучшении руководства капстроительством и технической политикой». Записка для Н.С. Хрущева. (Академик А.А. Арзуманян, член-корреспондент К.Н. Плотников, член-корреспондент Л.М. Гатовский) // Там же. Д. 143. Л. 33—39.

быть завершены из-за отсутствия требуемого оборудования, на стройках и предприятиях скопилась масса не установленного импортного нового оборудования — на 631 млн руб.

Направление капитальных вложений, их распределение между отраслями и отдельными объектами в ряде случаев не является результатом продуманного решения и не обеспечивает максимальной эффективности использования ассигнованных средств. Известно, какой ущерб в свое время был нанесен стране тем, что капитальные вложения направлялись преимущественно на развитие добычи угля, а не более экономичных нефти и газа. Развитие химической промышленности только по Вашей инициативе ускорилось в последние годы за счет увеличения объема капитальных вложений в эту важнейшую отрасль. Если бы производство синтетического каучука получило раньше должный размах, то наши потребности в нем были бы полностью удовлетворены».

В записке обращалось внимание руководителя партии и правительства на недопустимую практику распыления строительства по многочисленным объектам, даже не включенным в государственный план, на расточительное финансирование переходящих и вновь начинаемых непусковых объектов, на искусственное торможение технического прогресса из-за несовершенства организации и руководства проектно-конструкторскими работами, на неудовлетворительную работу Госкомитета по автоматизации и машиностроению.

«В большей степени этими обстоятельствами объясняется тот факт, — подчеркивали авторы записки,— что эффективность капитальных вложений, отдача на единицу вложенных средств у нас все еще значительно ниже, чем в США. Так, по имеющимся подсчетам, капиталовложения в промышленности СССР в среднем на 25—30% выше, чем в американской промышленности.

Многие из указанных недостатков нельзя объяснить отсутствием денежных и материальных средств, — отмечалось в записке. — Эти недостатки в значительной степени проистекают из-за отсутствия централизованного руководства капитальными вложениями и технической политикой. Между тем весь мировой опыт показывает, что дело капитальных инвестиций требует строгой централизации. Даже в капиталистических странах инвестиции в настоящее время строго централизуются; политика инвестиций определяется либо государством, либо в частных монополиях — тройкой или пятеркой высших руководителей».

Какое же решение затронутой проблемы предлагали Арзуманян, Плотников и Гатовский?

Выход из создавшегося крайне неблагополучного положения с капитальным строительством и технической политикой они видели в совершенствовании механизма управления.

«Сейчас Совет Министров СССР не располагает специальным органом, который бы целиком сосредоточил свое внимание на руководстве капи-

тальным строительством в масштабе всей страны, ведал распределением соответствующих фондов материального обеспечения и контролем за реализацией капитальных вложений, — отмечали авторы записки. — Эти функции не могут выполняться отдельно ни Госпланом, ни Госэкономсоветом, ни Госстроем, ни Госкомитетом по автоматизации и машиностроению. Их не могут выполнить ни государственные комитеты по важнейшим отраслям промышленности, ни отдельные совнархозы».

Арзуманян и его коллеги настаивали на усилении централизующей и контролирующей функциях Совмина СССР в области капитального строительства и технической политики.

«Назрела необходимость в создании в составе Совета Министров СССР специального органа, который осуществлял бы руководство всем делом капитального строительства в стране, — говорилось в записке. — Подчеркнем, что это не новое Министерство, ни ВСНХ или какой-либо новый комитет, а это составная часть Совмина, объединяющая дело руководства капитальным строительством и технической политикой в стране. Этот орган не должен иметь функций непосредственного оперативного управления производством и строительством.

Свою деятельность он будет осуществлять через подчиненные ему Госплан, Госэкономсовет, Госстрой, отраслевые государственные комитеты Совета Министров СССР и существующие министерства, через Советы Министров республик.

Следует особо подчеркнуть, что Госкомитет по автоматизации и машиностроению и намечаемый к созданию Научно-технический совет Госплана СССР будут вырабатывать и осуществлять единую техническую политику под руководством указанного органа Совета Министров СССР.

Отраслевые комитеты совместно с Госпланом и Госэкономсоветом составляют титульные списки капитального строительства, планы распределения материально-технического обеспечения строительства, контролируют ход капитального строительства, а также контролируют внедрение и освоение новой техники.

Осуществление этих функций отраслевыми комитетами ни в коей мере не означает воссоздания прежних министерств, поскольку все непосредственное руководство работой промышленных предприятий и строительных организаций осуществляют совнархозы.

Таким образом, будет обеспечено единство капитального строительства и технической политики в масштабе страны», — говорилось в заключительной части записки.

Хотя в записке и содержались многократные заверения ее авторов в безусловной поддержке всех начинаний Н.С. Хрущева по перестройке управления народным хозяйством, тем не менее направленность этого документа могла быть воспринята как противоречащая линии Хрущева на децентрализацию управления экономикой (ликвидация министерств, создание совнархозов, насаждение производственного принципа даже в организационном построении КПСС (промышленные и сельские обкомы партии, территориальные производственные управления и т.д.).

Одним из следствий хрущевской децентрализации стало еще более расточительное использование на местах капиталовложений, против чего выступали Арзуманян и его коллеги-экономисты. Судя по всему, идея, изложенная в их записке, не была поддержана Хрущевым. Разорительная для советской экономики растрата инвестиций на капстроительство продолжалась до самого крушения «реального социализма» в СССР.

Как академик-секретарь Отделения экономики, А.А. Арзуманян инициировал процесс соединения теоретических исследований с практикой «социалистического строительства». Он привлек в новое Отделение молодых экономистов-практиков, отраслевиков и даже математиков. По его инициативе была проведена реорганизация хорошо знакомого ему Института экономики АН СССР в плане приближения научных исследований к жизни и к насущным потребностям страны. Арзуманян сыграл важную роль в организации Центрального экономико-математического института (ЦЭМИ) во главе с Н.П. Федоренко, а также в создании Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР, первым директором которого стал будущий академик А.Г. Аганбегян. По предложению академика-секретаря Отделения экономики А.А. Арзуманяна был создан ряд новых экономических вузов и факультетов, что способствовало притоку в экономическую науку и практику молодых образованных специалистов[1].

ИМЭМО в 1963–1964 годы

Руководство созданным его стараниями Отделением экономических наук нисколько не ослабляло внимания Арзуманяна к другому его детищу — Институту мировой экономики и международных отношений. Численный состав ИМЭМО увеличился с 386 человек в середине 1960 г. до 518 человек к апрелю 1963 г.[2] За эти годы существенно расширилась тематика исследований, под которые создавались новые научные подразделения.

В связи с возрастанием значения в мировой политике молодых освободившихся государств в ИМЭМО в январе 1963 г. был создан отдел экономики и политики слаборазвитых стран во главе с к.э.н. В.Л. Тягуненко[3]. В составе отдела были сформированы три сектора — национально-освободительных революций (зав. сектором Г.И. Мирский), проблем промышленного развития слаборазвитых стран (Р.М. Аваков), аграрных проблем слаборазвитых стран (В.А. Мартынов). В 1962 г. в отделе В.Л. Тягуненко начинал работать будущий директор ИМЭМО Е.М. Примаков. Централь-

---

[1] *Академик В.А. Мартынов*. Указ. соч. // Академики-экономисты России. С. 206 — 208.

[2] Архив ИМЭМО РАН.

[3] Рано ушедший из жизни Виктор Леонидович Тягуненко (1920 — 1975) при А.А. Арзуманяне станет одним из его заместителей, а в 1968 г. будет избран членом-корреспондентом АН СССР. См. о нем: *Тягуненко Л.В.* Виктор Леонидович Тягуненко. Ученый, лидер, человек // Война и мир в судьбах ученых-экономистов. Очерки. Выпуск 1. Волгоград, 2003. С. 70 — 82.

ной темой исследований в отделе стала теоретическая разработка проблем некапиталистического развития развивающихся стран.

Наряду с попытками серьезного изучения насущных проблем и перспектив развития так называемого «третьего мира», исследования в этой области зачастую сводились к подбору доказательств истинности заранее сформулированных в Международном отделе ЦК КПСС постулатов: империализм — злейший враг молодых независимых государств, капиталистический путь пагубен для их развития, мировой социализм — самый надежный союзник развивающихся стран и т.д. На ученых заседаниях и на страницах научной печати велись бесконечные дискуссии о некапиталистическом пути развития, о допустимости использования принятого на Западе понятия Третий мир, о правильности или ошибочности определений — «слаборазвитые» или «развивающиеся» страны. Все эти дискуссии были пронизаны духом идеологической схоластики.

Вот как вспоминает об этом доктор исторических наук Г.И. Мирский, в 60-е годы руководивший сектором, а впоследствии — заведующий отделом развивающихся стран ИМЭМО.

Из воспоминаний Г.И. Мирского:

> «Я входил в группу из пяти-шести человек, которая под руководством Брутенца (ответственного сотрудника Международного отдела ЦК КПСС. — *П.Ч.*) составляла важные партийные документы по проблемам «третьего мира». <...> В 63-м и 64-м годах, например, мы буквально месяцами не вылезали со Старой площади, работая над «Тезисами ЦК КПСС по проблемам национально-освободительного движения» (они так почему-то и не были опубликованы, все оказалось напрасно). Сейчас, перечитывая сохранившиеся наброски этих материалов, я поражаюсь: сколько же времени и энергии ушло на составление абсолютно никому не нужных текстов, в лучшем случае банальных, а чаще — просто фальшивых, не имевших никакого отношения к тому, что действительно происходило в странах Азии, Африки и Латинской Америки! Ведь буквально все наши прогнозы оказались ложными, все произошло совсем не так, как мы предполагали, основывая наш анализ на «гранитном фундаменте марксистско-ленинской теории».
>
> Конечно, и то, что мы, научные сотрудники, «творили» в наших институтах, сочиняя плановые монографии, было ненамного лучше. Считалось, что мы занимаемся научными исследованиями, но ведь данный термин означает, что предмет действительно исследуется (выделено в тексте. — *П.Ч.*), изучается с тем, чтобы на основании анализа и обобщения фактов и тенденций придти к объективным выводам, найти истину. Ничего подобного не было и в помине, выводы и заключения были известны заранее»[1].

Безрадостная картина, нарисованная Г.И. Мирским, свидетельствует о том, что ожесточенная борьба между Востоком и Западом за Третий мир велась тогда на всех фронтах, включая пропагандистский. Беда в том, что люди, призванные исследовать реальные проблемы, оказывались заложни-

[1] *Мирский Г.И.* Указ. соч. С. 179 – 180.

ками идеологии и зачастую смотрели на вещи через призму пропаганды. Такое положение, увы, было характерно не только для исследований по проблематике развивающихся стран...

По решению Президиума АН СССР, в мае 1963 г. на базе научной группы по разоружению в ИМЭМО был создан сектор по политическим и экономическим аспектам проблем разоружения. Сектору было поручено изучение всего комплекса вопросов разоружения и политики стран Запада в этой области, влияния научно-технического прогресса на решение вопросов разоружения и т.д.

Из отдела международных отношений в сентябре 1963 г. был выделен самостоятельный сектор международных организаций во главе с Г.И. Морозовым, который занялся исследованием деятельности межправительственных, неправительственных и общественных международных организаций.

В отделе экономики и политики США на базе тематической группы был создан сектор по проблемам воспроизводства США, а в отделе технико-экономических исследований организовали одну из самых первых в системе АН СССР лабораторию экономико-математических расчетов, призванную внедрять средства вычислительной техники для конкретных расчетов технико-экономического потенциала ведущих стран Запада.

В отделе международного рабочего движения в том же 1963 г. сформировали сектор мирового коммунистического движения, в задачу которого входила, в частности, разработка стратегии и тактики международного коммунистического движения и вопросов развития мирового революционного процесса. В отделе в это время работали Т.Т. Тимофеев, В.В. Любимова, А.А. Галкин, К.Г. Холодковский, Г.А. Арбатов, Е.А. Амбарцумов... Туда же, сменив прежнюю специальность, пришел и Г.Г. Дилигенский, уже составивший себе имя как серьезный историк-антиковед.

В это время Арзуманян проявлял повышенный интерес к вопросу о «союзниках пролетариата» в антиимпериалистической борьбе и, прежде всего, к т. н. средним слоям.

> «У нас укоренились догматические взгляды кое у кого, — говорил он на одном из партсобраний в Институте. — Причем догматизм сливается с незнанием Маркса. Они кричали, что если мы относим к рабочему классу торговый пролетариат, то мы чуть ли не ревизуем марксизм. Но в чем беда этих людей? В том, что они берутся защищать Маркса, не зная его трудов. Если бы такие люди взяли III том Капитала, в особенности главы XVI и XVII, то тогда они увидели бы, что все, что говорится в книге о средних слоях, — это есть описание положений Маркса. <...>
>
> Почему я говорю о средних слоях? Не ради академического интереса, а ради того, чтобы помочь разобраться в некоторых вопросах стратегии и тактики борьбы.
>
> Происходят определенные социальные сдвиги. Не все превращаются в фабрично-заводских рабочих. Растут служащие, растет интеллигенция, меняется состав рабочего класса, меняется состав крестьянства. А рабочий класс должен сплотить вокруг себя широкие средние слои. Поэтому он должен знать характер социальной эволюции, интересы различных слоев

для того, чтобы дать правильные и понятные лозунги. Если мы считаем, что борьба за демократию есть один из главных вопросов, то должны знать классовый и социальный состав сил, которые сходятся в антимонополистическую коалицию и принимают требования этой коалиции»[1].

Арзуманян ориентировал сотрудников отдела международного рабочего движения на исследование структуры рабочего класса, на изучение средних городских слоев, современного состояния мелкого производства в странах Запада, на проблему безработицы. Он призвал преодолеть в исследованиях «догматический штамп», по которому капитал в странах Запада нещадно «эксплуатирует рабочего», «идет ухудшение, растут цены, снижается зарплата» и т.д. Все гораздо сложнее, подчеркивал Арзуманян. «Неквалифицированных рабочих сколько хочешь», — отмечал он, — но при этом «везде нехватка квалифицированного труда»[2]. Все это требует переосмысления и глубокого изучения.

Активно работал отдел информации ИМЭМО. Его сотрудники постоянно пополняли 950 информационных досье по более чем 2300 вопросам текущей экономической и политической жизни за рубежом. За 1963 г. сотрудники отдела обработали 10 754 экз. журналов, 10 942 экз. газет и 2012 книг. За тот же год было составлено 43 712 библиографических карточек на полученные Институтом книги и журналы. В отделе обрабатывалось: 681 журнал (в том числе 599 — на иностранных языках); 50 газет (в том числе 23 — на иностранных языках)[3]. Регулярно выходил Информационный бюллетень ИМЭМО, готовившийся в отделе информации. Он рассылался под грифом «Для служебного пользования» адресатам из партийно-правительственных инстанций.

Большое внимание Арзуманян уделял работе отдела международных отношений. Он горячо поддержал инициативу его заведующего, а затем заместителя директора ИМЭМО Н.Н. Иноземцева о подготовке беспрецедентного на тот период в мировой историографии капитального трехтомного труда «Международные отношения после Второй мировой войны». Вопрос показался Арзуманяну столь важным, что он добился принятия соответствующего решения Секретариата ЦК КПСС (от 21 июня 1960 г.), «благословившего» создание этого труда. Работа над ним будет вестись на протяжении всей первой половины 60-х годов.

В связи с началом работы над трехтомником Арзуманян впервые выдвинул идею о предмете «международные отношения», как самостоятельной научной дисциплине. «К международным отношениям, — писал он в одной из записок, — мы подходим как к отпочковавшейся науке, стоящей на стыке экономики, истории, идеологии, политики»[4].

---

[1] Архив РАН. Ф. 1556. Оп. 1. Д. 150. Л. 8 — 10.

[2] Там же. Л. 10.

[3] Отчет о научно-исследовательской деятельности Института мировой экономики и международных отношений АН СССР в 1963 году // Архив ИМЭМО РАН.

[4] Из набросков к докладу, сделанному А.А. Арзуманяном в 1961 г. в ИМЭМО // Архив РАН. Ф. 1556. Оп. 1. Д. 135. Л. 20.

Эта идея впоследствии получит развитие в работах Н.Н. Иноземцева, В.И. Гантмана, О.Н. Быкова, Д.Г. Томашевского, Э.А. Позднякова и других ведущих теоретиков-международников ИМЭМО.

В начале 60-х годов в Институте разворачиваются исследования по проблемам европейской безопасности. Арзуманян выступает с инициативой объединения усилий в этой области с коллегами-международниками из социалистических стран.

Все началось с международной конференции, состоявшейся в мае 1961 г. в Праге с участием ученых-международников СССР, ГДР, Чехословакии и Польши. Советскую делегацию на конференции возглавлял А.А. Арзуманян.

По окончании конференции, где обсуждались вопросы европейской безопасности и внешней политики ФРГ, чехословацкая делегация предложила создать четырехстороннюю комиссию для дальнейшего совместного изучения европейской проблематики. Арзуманяну эта идея понравилась, и он подписал соответствующий протокол об учреждении такой комиссии, о чем по возвращении в Москву письменно проинформировал члена Президиума ЦК КПСС, секретаря ЦК М.А. Суслова[1].

Отдел науки ЦК КПСС, всегда недолюбливавший Арзуманяна и его Институт, усмотрел в инициативе директора ИМЭМО недопустимую самостоятельность и даже превышение полномочий. Руководство отдела науки (зам. зав. отделом Д. Кукин и зав. сектором К. Кузнецова) направило письмо на имя Суслова, в котором осуждались действия Арзуманяна.

> «Отдел науки, вузов и школ ЦК КПСС, — говорилось в письме, — считает создание указанной комиссии нецелесообразным. <...> В связи с этим в Отдел... были приглашены члены советской делегации зам. директора Института мировой экономики и международных отношений АН СССР т. Иноземцев и директор Института истории АН СССР т. Хвостов, которым в беседе было указано, что вопрос о создании вышеназванной комиссии ученых-международников СССР, ЧССР, ГДР и ПНР им следовало согласовать с президиумом АН СССР. Считаем возможным на этом закончить рассмотрение данного вопроса»[2].

Партийные чиновники явно недооценили Арзуманяна, который если и принимал какое-то решение, то лишь после серьезного обдумывания, и обычно добивался его реализации.

Хорошо зная нравы и законы функционирования аппарата ЦК КПСС, Арзуманян через своих коллег из пражского Института международной политики и экономики инициировал письмо секретаря ЦК КПЧ В. Коуцкого в адрес ЦК КПСС. В письме говорилось о полной поддержке со стороны ЦК КПЧ идеи создания смешанной четырехсторонней комиссии ученых-международников и выражалась надежда на соответствующую

---

[1] Текст письма А.А. Арзуманяна с отчетом о конференции в Праге см.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 173.

[2] Там же. Л. 52.

поддержку со стороны «советских товарищей». Списанное было в партийный архив дело получало новый поворот.

Вскоре отдел науки получил указание сразу двух членов Политбюро, секретарей ЦК КПСС — М.А. Суслова и О.В. Куусинена — вернуться к, казалось бы, снятому вопросу. В результате ранее осужденные несанкционированные действия Арзуманяна теперь получили официальную поддержку. В письме, адресованном Суслову и Куусинену, руководители сразу трех отделов ЦК — идеологического (Л. Ильичев), пропаганды и агитации (И. Медведев) и науки (Д. Кукин) — выразили полную готовность согласиться с предложениями ЦК КПЧ о создании смешанной комиссии. «Представительство советской части и организацию ее практической работы в смешанной комиссии следовало бы возложить на Институт мировой экономики и международных отношений (т. Арзуманян). Просим согласия», — рапортовали 6 сентября 1961 г. Ильичев, Кукин и Медведев в Секретариат ЦК[1].

А следом на имя посла СССР в Чехословакии из ЦК КПСС ушла шифротелеграмма следующего содержания:

> «Сообщите т. Коуцкому, что в Москве рассмотрели предложение ЦК КПЧ о создании смешанной комиссии ученых ЧССР, СССР, ГДР и ПНР, занимающихся германской проблематикой. Передайте, что мы согласны с образованием такой комиссии, а также с тем, чтобы инициатором ее созыва выступил Институт международной политики и экономики в Праге.
>
> В состав советской части указанной смешанной комиссии могут войти представители Института мировой экономии и международных отношений, Института истории, Института славяноведения Академии наук СССР, Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и журнала "Международная жизнь". Руководство советской частью в смешанной комиссии будет возложено на представителя Института мировой экономики и международных отношений АН СССР»[2].

1 октября того же года из Москвы в Варшаву, где должно было состояться подготовительное заседание создаваемой смешанной комиссии, отбыл представитель ИМЭМО В.В. Размеров, на которого будет возложена миссия по организации ее работы от советской стороны. В дальнейшем Постоянная комиссия (таково будет ее официальное название) расширится за счет представителей от других социалистических стран. Работа ее будет строиться на организации регулярных конференций с обсуждением актуальных проблем европейской безопасности и сотрудничества и последующей публикации материалов этих конференций[3]. Научные разработки и предложения, выработанные в рамках деятельности Постоянной комиссии, окажут опре-

---

[1] Там же. Л. 56 — 57.

[2] Текст письма А.А. Арзуманяна с отчетом о конференции в Праге см.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 173. Л. 58.

[3] О деятельности Постоянной комиссии см.: *Черкасов П.* Сотрудничество ученых социалистических стран в изучении проблем европейской безопасности // Новая и новейшая история. 1973, № 3. С. 217 — 218.

деленную помощь советской дипломатии в период подготовки и проведения Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1973—1975) и в ходе последующего развития «хельсинкского процесса».

Институт продолжал регулярно направлять в директивные и другие государственные инстанции свои аналитические разработки и информационные записки. Среди материалов, отправленных в 1963 г., можно назвать, в частности: «Потребление на душу населения» (автор — А.И. Шапиро, адресат — Б.Н. Пономарев, ЦК КПСС); «О некоторых факторах роста эффективности науки в развитых капиталистических странах» (Б. Комзин, адресат — Президент АН СССР М.В. Келдыш); «О мероприятиях по использованию передового зарубежного опыта по организации производства и международного сотрудничества в целях быстрейшего развития химической промышленности СССР и социалистических стран» (В.П. Глушков, для ЦК КПСС); «О внешнеполитических последствиях возвращения к власти в Англии консервативной партии» (М.П. Фрейзер[1], для ЦК КПСС); «Англия и «Общий рынок» (Е.С. Хесин, адресат — А.И. Микоян).

Эта работа продолжалась и в 1964 г. В числе получателей продукции ИМЭМО, наряду с традиционными адресатами, появились новые — Комитет партийно-государственного контроля ЦК КПСС и СМ СССР, ЦСУ СССР, Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), Парламентская группа СССР, Комиссия СССР по делам ЮНЕСКО и др.

Буквально через неделю после смещения Н.С. Хрущева на пленуме ЦК КПСС 14 октября 1964 г. директор ИМЭМО направляет в адрес нового Первого секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева 19-страничную записку М.П. Фрейзера и Д.Е. Меламида — «Внешнеполитические последствия победы лейбористской партии на выборах в Великобритании».

Не всем на Старой площади нравилась активность директора ИМЭМО, по своему усмотрению направлявшего институтские записки тем руководящим работникам, кому, как он считал, они будут полезны. Вызывала недовольство и чрезмерная, по мнению партбюрократов, независимость, с которой держался Арзуманян. В аппарате ЦК КПСС неоднократно предпринимались попытки ограничить независимость Арзуманяна и его активность.

> «В связи с одной из записок, в которой критиковались формы нашей помощи развивающимся странам (ее написал Г.Е. Скоров), произошел характерный эпизод, — вспоминает Г.А. Арбатов. — Арзуманян разослал записку "тиражом" 50 экземпляров, так сказать, "в заинтересованные инстанции", включая ГКЭС, в основном занимавшийся помощью "третьему миру". Руководство этой организации пожаловалось М.А. Суслову, тот вызвал Арзуманяна и... заявил ему примерно следующее: "Арзуманян, мы с тобой старые члены партии, ты помнишь и знаешь, как действовала оппозиция — писали платформы и рассылали их по собственному усмотрению. Так дело не пойдет. Ты, если пишешь записку, присылай ее нам сюда в одном экземпляре, а мы уже будем решать, кому ее направлять".

[1] М.П. Фрейзер — он же бывший английский дипломат и одновременно советский разведчик Дональд Маклэйн, о котором будет рассказано в другом месте.

> У Арзуманяна хватило решительности (и "плавучести" — с учетом его родства с Микояном и незаурядной способности завязывать нужные связи, притом весьма высокие) проигнорировать это указание — готовить и рассылать по своему собственному усмотрению записки он продолжал»[1].

Принципиальная позиция Арзуманяна в этом вопросе объяснялась вовсе не суетным желанием напоминать о себе и своем Институте «кому следует» (хотя и в этом не было бы ничего предосудительного), а его настойчивым стремлением просвещать «верхи», многие представители которых — он это хорошо знал — все еще пребывали «во власти тьмы» и невежества. Просветительская функция всегда занимала важнейшее место в деятельности ИМЭМО и его основателя. Арзуманян полностью отдавал себе отчет в том, что если он согласится на «посредничество» Общего отдела или отдела науки ЦК КПСС в распространении по инстанциям «закрытой» продукции ИМЭМО, то до заинтересованного «потребителя» дойдет лишь самая малая ее толика. Подавляющая же часть записок, готовящихся в ИМЭМО, попадет в мусорные корзины некомпетентных или чрезмерно бдительных и осторожных партийных чиновников. А в этом случае теряла всякий смысл развернутая Арзуманяном работа по информационно-аналитическому обеспечению директивных инстанций разработками в области новейших тенденций в мировой экономике и политике.

Именно по этой причине Арзуманян до последних дней жизни будет отстаивать право свободно, без ненужных посредников снабжать высшее партийно-государственное руководство, заинтересованные министерства и ведомства необходимой информацией и аналитическими разработками ИМЭМО[2].

Институт наращивал выпуск печатной продукции. В 1963 г. сотрудниками ИМЭМО было издано 30 индивидуальных и коллективных работ, в 1964-м — 31 монография.

Стараниями Арзуманяна, всегда заботившегося о подготовке молодых научных кадров, год от года увеличивался прием в аспирантуру ИМЭМО. В декабре 1964 г. в ней числилось 119 человек, в том числе в очной аспирантуре — 53 человека, в заочной — 62, прикомандировано — 4[3].

Расширялись международные научные связи Института. Если в 1962 г. в научные загранкомандировки выезжали 38 сотрудников, то в 1963 г. —

---

[1] *Арбатов Георгий.* Человек Системы. М., 2002. С. 115—116.

[2] «Характерно, — пишет в своей книге Г.А. Арбатов, — что в последние годы жизни Л.И. Брежнева (может быть, по инициативе того же М.А. Суслова) было официально запрещено направлять записки и иные материалы представителям руководства и работникам аппарата ЦК — все должно было направляться в адрес "ЦК КПСС", то есть в Общий отдел, который курировал К.У. Черненко. И уже там анонимные чиновники решали судьбу присланного материала — многое шло "в корзину", другое — в пару отделов ЦК, и лишь в отдельных случаях плод трудов ученых прорывался к руководству. Естественно, что это быстро ощутили научные коллективы, и у ученых был отобран даже и моральный стимул к работе, что хуже всего — стимул не только писать записки, но и думать: зачем трудиться, если твои мысли никому не нужны?» // Там же. С. 116.

[3] Отчет о научной деятельности Института мировой экономики и международных отношений в 1964 году // Архив ИМЭМО РАН.

53 человека, посетившие 22 страны. В то же время в ИМЭМО в 1962 г. побывали 65 иностранных ученых, политических и общественных деятелей, а в 1963 г. — уже 120 человек[1].

Стиль Арзуманяна

Успешная в целом работа ИМЭМО в значительной степени зависела от организаторских способностей его директора — осмотрительного, но настойчивого в отношениях с начальством и одновременно внимательного к своим сотрудникам, в одно и то же время — осторожного в вопросах идеологии и открытого всему новому, что предлагалось самой жизнью, экономическими и политическими реалиями постоянно меняющегося мира.

Директорство А.А. Арзуманяна (1956—1965), как и весь начальный период существования ИМЭМО, пришлись на время последнего всплеска «идеологического романтизма», когда высшее партийно-государственное руководство (прежде всего сам Н.С. Хрущев), по всей видимости, вполне искренне верили в возможность в обозримой перспективе построения в СССР основ коммунистического общества и — уж во всяком случае — не сомневались в «исторической победе» социализма над капитализмом.

Подобного рода иллюзии были характерны и для значительной части советского общества, в том числе для интеллигенции. Этому способствовала и определенная десталинизация режима, его смягчение после смерти диктатора, и очевидные успехи СССР в области науки и техники (мировое лидерство в освоении космоса, впечатляющее весь мир покорение Волги и великих сибирских рек, где одна за другой возникали ГЭС, и т.д.), создававшие новый, привлекательный образ Советского Союза в мире.

Даже немногие, оппозиционно настроенные представители интеллигенции пока еще не выходили за рамки коммунистической идеологии, настаивая лишь на «возвращении к ленинским нормам», к ценностям первых лет революции. Булат Окуджава воспевал «комиссаров в пыльных шлемах» и хотел бы умереть «на той единственной, гражданской», Юрий Любимов ставил в театре на Таганке «Десять дней, которые потрясли мир», а Андрей Вознесенский в поэме «Антимиры», также поставленной Любимовым, требовал: «Уберите Ленина с денег! / Он не для денег, / Он для знамен...»

Те редкие пока еще советские диссиденты, которые арестовывались КГБ на рубеже 50—60-х гг. (например, по «делу Краснопевцева» в МГУ) исповедовали «революционный марксизм» и обличали лишь «предательство» наследниками Ленина «идеалов революции».

Мало кто подвергал тогда сомнению идеологические устои советского режима. Считалось, что достаточно очиститься от сталинской скверны, вернуться к «чистым истокам», т.е. «перечитать» Ленина и строго следо-

[1] Там же.

вать его «заветам», чтобы действительно построить самое справедливое в мире общество.

Вера в нравственное превосходство социализма была в то время столь сильна, что «борьба с империализмом» в мировом масштабе считалась делом праведным, тем более что в нее, как казалось, вовлекались все новые отряды борцов антиимпериалистического фронта — коммунистическое, рабочее движение, антивоенное, национально-освободительное, а вскоре и молодежное студенческое движение. Общественное отрезвление начнется лишь в период Карибского кризиса 1962 г., когда мир, в результате авантюристических действий Хрущева, оказался на грани термоядерного апокалипсиса. Одновременно в обществе зарождалось недовольство чрезмерной расточительностью советского руководства в оказании помощи союзникам в антиимпериалистической борьбе — молодым освободившимся государствам Азии и Африки, в то время как сами советские люди испытывали растущие трудности даже с основными продуктами питания.

Отмеченные выше особенности периода «поздней оттепели» важны для более объективной оценки деятельности академика А.А. Арзуманяна и возглавляемого им Института мировой экономики и международных отношений. Сам Арзуманян, как и подавляющее большинство сотрудников ИМЭМО, безусловно, были лояльны по отношению к власти. Более того, Арзуманян искренне верил в официально провозглашаемые партией лозунги и видел свой «партийный и гражданский долг» в неукоснительном выполнении любых заданий высшего партийного руководства. Отсюда сильный крен в сторону идеологической схоластики и пропагандистский налет в работе ИМЭМО тех лет.

Но, как уже неоднократно отмечалось, Арзуманян, будучи человеком прогрессивных взглядов, столь же искренне хотел содействовать обновлению утвердившихся со сталинских времен представлений о мире. Вот что пишет об этом Е.М. Примаков, познакомившийся с Арзуманяном в 1962 г.: «Мы писали тезисы для ЦК, которые потом были опубликованы как интервью Хрущева. Арзуманян "завернул" первый вариант со словами: "Вы замаскированно используете сталинскую методику в определении разницы между буржуазной и национально-освободительной революциями. Это неприемлемо". Разглядел все-таки...» — замечает по этому поводу Примаков[1].

В своих воспоминаниях Е.М. Примаков вводит понятие «внутрисистемные диссиденты» применительно к людям, пытавшимся обновить «реальный социализм», сделать его более адекватным реальностям второй половины XX века, а на деле — идеологически расшатывавшим существовавшие порядки. К таким людям он относит, в частности, члена ЦК КПСС академика А.М. Румянцева, главного редактора «Правды» в начале 60-х годов, а затем вице-президента АН СССР[2].

---

[1] *Примаков Евгений.* Годы в большой политике. М., 1999. С. 21. Вполне возможно, что речь в данном случае идет о тех самых Тезисах, о которых говорил Г.И. Мирский (см. с. 186). Правда, Мирский относит эту работу к 1963 или 1964 годам. — *П.Ч.*

[2] Там же. С. 12—15.

Независимо от того, можно ли считать «внутрисистемными диссидентами» таких людей, как А.М. Румянцев, Н.Н. Иноземцев, Г.А. Арбатов, сам Е.М. Примаков или А.А. Арзуманян, интересна другая мысль академика Примакова, который говорит, что расшатывание системы начиналось не только с критики Сталина, но и с «признания несоответствия догматических постулатов марксизма-ленинизма реальности»[1]. А именно этим зачастую и занимались консультанты из АН СССР, привлекавшиеся к выполнению заданий ЦК КПСС.

Если говорить об Арзуманяне, то он, конечно, никогда не покушался на основы марксизма-ленинизма, сосредоточившись исключительно на борьбе против теоретического наследия сталинизма.

Еще при жизни Арзуманяна можно было встретиться с мнением о его творческой несамостоятельности. Иной раз говорили даже о том, что за него кто-то пишет, а быть может, даже и мыслит, намекая при этом на его молодых помощников.

Изучение бумаг личного фонда академика А.А. Арзуманяна в Архиве РАН, где сохранились многочисленные черновые наброски и различные варианты его статей и выступлений, убеждает в полной несостоятельности такой точки зрения. Автографы, исчисляемые многими десятками страниц, говорят об авторстве самого Арзуманяна; они свидетельствуют о непрерывной работе мысли и напряженных поисках ответов на вопросы теории и практики, как мировой, так и советской экономики, а также на вопросы текущей международной жизни. При этом, разумеется, директор ИМЭМО прибегал к помощи своих сотрудников, среди которых были те, кому он мог, в частности, доверить литературное оформление тех или иных своих статей (особым доверием Арзуманяна в этом отношении пользовался кандидат (впоследствии — доктор) экономических наук Анатолий Иосифович Шапиро).

Из воспоминаний профессора Д.Г. Томашевского, руководившего в 60-е годы отделом международных отношений ИМЭМО:

> «В Институте можно было иной раз услышать разговоры, будто сам Арзуманян ничего не пишет, а лишь зачитывает то, что для него пишут другие. Лично могу засвидетельствовать, что подобные разговоры не имели под собой никакой почвы, во всяком случае, в той мере, в какой об этом кое-кто говорил.
>
> Я помню, например, такой эпизод: мы как-то работали у него на квартире — Анатолий Иосифович Шапиро, выполнявший при Арзуманяне, как теперь говорят, роль спичрайтера, я и еще несколько человек. Все мы что-то писали на заданную Арзуманяном тему. Сам он, как будто, не вмешивался в этот процесс; время от времени выходил из комнаты, потом возвращался. Нам даже казалось, что мы излагаем собственные оригинальные мысли. Но

[1] «Давалось это нелегко, — пишет Примаков, — и потому, что встречало самое рьяное сопротивление "сверху", и потому, что "внутрисистемные диссиденты", поднявшие руку на идеологические догмы, опасаясь реакции начальства, да и по своим убеждениям, ссылались в выводах на того же В.И. Ленина» // Там же. С. 14—15.

в действительности все было не так: именно Арзуманян задал нам направление, по которому шел коллективный творческий процесс. Сам он мог в этот момент и не писать, но все идеи были его, мы лишь оформляли их в требуемой форме. Он всегда знал, что, в конечном счете, необходимо получить, и, надо сказать, получал требуемый конечный продукт.

И еще один эпизод: помню, Институт проводил какую-то конференцию совместно с журналом "Проблемы мира и социализма". Сопредседателями на ней были Арзуманян и академик А.М. Румянцев. Разумеется, оба их основных доклада были подготовлены "спичрайтерами", соответственно — из ИМЭМО и редакции "ПМС". Потом развернулась дискуссия по этим докладам. А утром следующего дня оба сопредседателя конференции выступили с заключительным словом. Выступление А.М. Румянцева было выдержано в самых общих фразах. А вот А.А. Арзуманян представил глубокий по содержанию и блестящий по форме анализ всего того, о чем говорилось на конференции. Сразу же по окончании этого мероприятия мы стали спрашивать друг у друга, кто же это смог за ночь подготовить Арзуманяну столь яркое и содержательное выступление. Оказалось, что никто из его обычных "спичрайтеров", включая Шапиро, в этом не участвовал. Автором был сам Арзуманян, что лишний раз опровергало разговоры о его творческой несамостоятельности»[1].

Все, кто лично знал Арзуманяна, единодушно отмечали его организаторский талант и доброжелательное отношение к своим сотрудникам. Никто никогда не слышал, чтобы он разговаривал хотя бы на повышенных тонах — не то чтобы кричал на подчиненных, как многие начальники. Ветеран ИМЭМО д.э.н. Е.С. Хесин вспоминает, что Арзуманян всегда, даже выступая на Ученом совете или партсобраниях, говорил очень тихо, — настолько тихо, что приходилось напрягать слух, чтобы услышать, о чем он говорит. Любопытно, что этой спокойной манере общения с людьми невольно пытались подражать и его заместители, правда, не все из них сохранили эту полезную привычку после ухода из жизни основателя ИМЭМО.

«Он не терпел интриг, не давал им ходу, — вспоминает близко знавший Арзуманяна д.и.н. С.А. Микоян. — Не обращал внимания на скрытые уколы со стороны некоторых «преданных» сотрудников. Относился к людям объективно, соответственно их способностям и возможностям. Был подлинным интернационалистом. Его верный секретарь Аза Хабицева, участник войны, честнейшая женщина, не боящаяся ничего и никого, с огромным уважением относилась к шефу. Она поражалась и восхищалась его терпимостью к тем, кто проявлял скрытую нелояльность. А такие бывали, хотя и редко, скорее, по свойству собственного характера, а не от нелюбви к Арзуманяну...

Ему был присущ новаторский, гуманный стиль руководства, который вместе с тем способствовал формированию мощного научного коллектива, свободного в суждениях (со скидкой на особенности тех лет), приученного самостоятельно мыслить, создававшего обстановку научного роста всего

[1] Запись беседы с Д.Г. Томашевским 2 апреля 2002 г.

коллектива, — кроме откровенных бездельников или выпивох, которых тоже можно было найти, но в незначительном количестве. Должен сказать, — замечает Микоян, — что когда я сам стал администратором — главным редактором (журнала «Латинская Америка. — *П.Ч.*) с коллективом около 20 человек, часто вспоминал Арзуманяна и пытался брать с него пример»[1].

Это мнение о стиле руководства Арзуманяна полностью разделяют многие из его бывших сотрудников, в частности, д.и.н. Д.Г. Томашевский и академик Г.А. Арбатов.

«Анушаван Агафонович, — свидетельствует Томашевский, — заслуживает самых добрых слов. Это был очень интересный человек и, по моему мнению, можно говорить о его поистине великих заслугах перед коллективом ИМЭМО. Он смело привлекал в Институт молодежь, а также людей, как тогда говорили, с "подмоченной биографией". Он этого не боялся. Его умелая кадровая политика имела большое положительное значение для всей работы Института.

Арзуманян очень доверял своим сотрудникам, он опирался на них, умело воспитывал, способствовал их росту. Это был не просто формальный создатель Института. Арзуманян заложил те принципы и те традиции, на которых ИМЭМО развивался все последующие годы»[2].

Из воспоминаний Г.А. Арбатова:

«<...> Огромную роль сыграли личные качества Арзуманяна: его человеческая порядочность, нетерпимость к попыткам проработок (а такие попытки предпринимались) и, наоборот, терпимость к мнениям других, в том числе достаточно смелым, конечно, когда они высказывались в должной форме и в достаточно узком кругу. Это сочеталось с решительностью, когда надо было освободиться от не оправдавших надежд, тянувших назад сотрудников (ошибок в отборе людей, естественно, избежать он не мог, но старался их быстро исправлять). Все это содействовало формированию в институте товарищеской обстановки, создавало условия для довольно свободной творческой дискуссии — а без того и другого просто не может сложиться и нормально развиваться творческий коллектив. Должен сказать, что именно это привлекло в конце 1962 года в ИМЭМО и меня, заставив отказаться от ряда других интересных предложений»[3].

С конца 50-х годов А.А. Арзуманян получил возможность делового общения с Н.С. Хрущевым, который ценил директора ИМЭМО и нередко давал ему личные поручения по тем или иным вопросам международной и внутренней экономической жизни. В 1964 г., в связи с 60-летием, академик А.А. Арзуманян был награжден орденом Ленина. Арзуманян, понятно, очень дорожил доверием Хрущева и умело использовал связи с ним в интересах своего Института и Академии наук в целом.

---

[1] *Микоян С.А.* Указ. соч. С. 24—25.

[2] Запись беседы с Д.Г. Томашевским 2 апреля 2002 г..

[3] *Арбатов Георгий.* Указ. соч. С. 114.

Поэтому внезапное отстранение Хрущева с постов Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР на пленуме ЦК КПСС в октябре 1964 г. стало тяжелым ударом для Арзуманяна, тем более что пошатнулись и позиции А.И. Микояна, всегда поддерживавшего Хрущева. Через год А.И. Микоян будет отправлен на пенсию с поста Председателя Президиума Верховного Совета СССР и члена Президиума ЦК КПСС. Правда, Арзуманяну не доведется увидеть это. 18 июля 1965 г. он внезапно умер от инсульта на 62-м году жизни[1].

> «Академик А.А. Арзуманян, — говорилось в некрологе, подписанном Л.И. Брежневым и другими руководителями КПСС, — был ученым ленинской школы, соединявшим научно-теоретические исследования с большой практической работой, с повседневным служением партии и советскому народу, международному коммунистическому и рабочему движению. <...> Его жизнь и деятельность — яркий пример беззаветного служения партии и народу»[2].

Можно с большой долей уверенности предположить, что, если бы не преждевременная смерть, Анушаван Агафонович Арзуманян и при Брежневе имел все шансы продолжить карьеру общественного и даже партийно-государственного деятеля, несмотря на его связи с отправленными в отставку Хрущевым и Микояном. Такую уверенность давало его давнее (со времен войны) близкое знакомство с Л.И. Брежневым, который, как известно, не только не забывал старых друзей, но и продвигал их на высокие посты. Да и сам Арзуманян высоко ставил фронтовое братство. Он собрал в ИМЭМО едва ли не весь бывший руководящий состав политотдела 18-й армии (за исключением его начальника, ставшего Генеральным секретарем ЦК КПСС) — Пахомов, Юркин, Акопян...

Каковы же результаты деятельности Арзуманяна на посту директора ИМЭМО в первые девять лет существования Института?

Исчерпывающий, на мой взгляд, ответ на этот вопрос дает академик Г.А. Арбатов, работавший в 1962—1964 гг. в ИМЭМО.

Из воспоминаний Г.А. Арбатова:

> «<...> Если судить не по сегодняшним меркам, учитывать всю неприглядность доставшегося Арзуманяну и окружавшим его людям теоретического наследия, то можно сказать, что уже в первые годы институт дал немало. Прежде всего в плане расшатывания старых догм, расчистки пути

---

[1] Здоровье Арзуманяна, безусловно, было подорвано почти двухлетним пребыванием в ежовских застенках. В последующие годы А.А. Арзуманян страдал от гипертонии. Все обращали внимание на нездоровый красновато-розовый оттенок его одутловатого лица. Болезнь прогрессировала по мере того, как Арзуманян брал на себя все новые нагрузки. В его частной переписке с друзьями и близкими конца 50-х — начала 60-х годов нередко встречаются сетования на высокое давление и плохое самочувствие. Столь же часто, ради неотложной работы, он пренебрегал лечением и даже обычным отдыхом.

[2] МЭ и МО, 1965, № 8. С. 159—160. Некролог был опубликован во всех центральных советских газетах.

для более реалистического взгляда на мир, на капиталистическую экономику и международные отношения. <...>

В институте очень быстро сложилась сравнительно немногочисленная группа ученых, пользовавшихся личным доверием Арзуманяна, которым была дана относительно большая свобода. Мало того, их в какой-то мере поощряли на неортодоксальность. Эти люди работали для руководства, и работали довольно успешно. Произвела, в частности, впечатление посланная наверх записка о появлении на Западе специального научного направления, сравнивающего результаты развития экономики капиталистических и социалистических государств (вскоре это направление исследований, хотя и не всегда полностью объективных, появилось и в СССР). То же самое можно сказать о записках, посвященных западноевропейской экономической интеграции и говоривших о ней как о реальности, — до этого наши специалисты заодно с журналистами громили ее как реакционную выдумку, пропаганду, чьи-то происки. Был поднят и ряд других тем. Эти записки нередко вызывали недовольство консерваторов, которые пытались перекрыть или хотя бы поставить жесткий контроль за новым каналом информации руководства. <...>

У Арзуманяна был еще один весьма важный канал воздействия на политическую мысль и политику — подготовка партийных документов и речей руководящих деятелей. К этой работе Анушаван Агафонович привлекался систематически (а потом и некоторые сотрудники его института). ...Все это... помогало размораживать общественную и политическую жизнь. Как тем, что отвергались догмы (о стагнации экономики капитализма, об абсолютном обнищании рабочего класса на Западе и др.), так и тем, что утверждались, пускались в политический оборот новые представления (например, о реальности западноевропейской интеграции, многообразии путей развития стран "«третьего мира»" и т.д.). Понемногу рождались и новая методология научных исследований, и более объективные подходы к статистике и буржуазным экономическим теориям. <...>

Конечно, были в работе института и серьезные просчеты. Арзуманян и, насколько я знаю, часть его сотрудников тоже поддались эйфории второй половины 50-х годов и не только не попытались вернуть руководство на землю, но и поддерживали его иллюзии насчет того, что СССР быстро нагонит и перегонит США в экономике, а затем построит коммунизм, — те иллюзии, которые вошли потом в Программу КПСС и стали со временем объектом острой критики и даже, к сожалению, едких насмешек. <...>

Но это не меняет главного: недостатки более чем компенсировались тем вкладом, который внесли институт и его первый руководитель в пробуждение от долгой спячки, от догматического оцепенения нашей общественной науки. В этом плане важным было то, что ИМЭМО стал как бы "инкубатором" нового поколения экономистов-международников и (хотя в меньшей мере) специалистов по внешней политике. Люди, прошедшие через школу института, заняли со временем важные места в нашей науке, а отчасти и в политике. Мало того, ИМЭМО стал как бы корнем, от которого со временем пошла в рост целая группа институтов Академии наук — международного рабочего движения, Африки, Латинской Америки, США и Канады[1].

[1] Эту идею А.А. Арзуманян пробивал в ЦК КПСС еще с 1957 г., когда шла работа по составлению семилетнего плана, и он пытался включить в готовившиеся тогда Директивы экономического и социально-политического развития СССР предложение об открытии в системе

Все это в целом означало крупный шаг вперед на одном из важных участков развития нашей общественно-политической мысли. Если, конечно, подходить с меркой не сегодняшнего дня, а учитывать реальности исторического и политического процесса»[1].

Загруженность текущими научно-организационными вопросами по ИМЭМО и по Отделению экономики АН СССР практически не оставляла Арзуманяну времени для написания солидных монографий, чем занималось большинство его коллег и сотрудников. Тем не менее он внес значительный вклад в разработку целого ряда проблем политической экономии социализма (прежде всего теории воспроизводства)[2].

Наверное, важнейшей задачей советской экономической науки академик А.А. Арзуманян считал поиски путей и средств к обеспечению эффективности социалистической экономики. На эту тему много писал и он сам, и его соратники из академических институтов. «С горечью приходится констатировать, — заметил по этому поводу академик В.А. Мартынов, — что отмеченные А.А. Арзуманяном вопросы повышения эффективности экономики СССР так и не нашли своего решения ни при его жизни, ни в последующие годы»[3].

АН СССР хотя бы трех научно-исследовательских институтов международно-экономического профиля. В Архиве ИМЭМО сохранилась копия его записки в ЦК КПСС от 6 марта 1957 г. по этому вопросу. Идея Арзуманяна начала воплощаться в жизнь в начале 60-х годов. — *П.Ч.*

[1] *Арбатов Георгий.* Указ. соч. С. 114—118.

[2] См. об этом: *Академик В.А. Мартынов*. Указ. соч. // Академики-экономисты России. С. 208—209.

[3] Там же. С. 210.

Глава 4

ИНОЗЕМЦЕВ И ЕГО КОМАНДА

Между реформами и контрреформами

В октябре 1964 г. фактическое единовластие свергнутого Н.С. Хрущева сменилось правлением «коллективного руководства», когда власть в стране сосредоточилась в руках трех самых влиятельных членов Президиума (Политбюро) ЦК КПСС — Л.И. Брежнева (Первый секретарь ЦК), А.Н. Косыгина (Председатель Совета Министров СССР) и А.И. Микояна (Председатель Президиума Верховного Совета СССР)[1].

Неожиданное смещение Хрущева было встречено в обществе со смешанными чувствами равнодушия и облегчения. Своими лихорадочными, бессистемными реорганизациями государственного управления, непродуманными решениями в области экономики, приведшими к обострению продовольственной проблемы, грубым вмешательством в дела культуры, науки и образования Хрущев вызывал растущую неприязнь не только в партгосаппарате, но и в широких массах населения, среди интеллигенции, разочарованной постепенным сворачиванием после XXII съезда критики сталинизма, сменившейся активизацией «борьбы» на идеологическом фронте (усиление партийного давления на писателей, художников, кинематографистов и т.д.).

Широкое общественное недовольство Хрущевым послужило заговорщикам из партийной верхушки неким моральным оправданием их действий в октябре 1964 г. Этим же отчасти объяснялись и действия пришедшего к власти триумвирата, направленные, с одной стороны, на ликвидацию целого ряда признанных партноменклатурой вредными хрущевских реформ, а с другой — на поиски выхода из обострившихся экономических трудностей.

Первое, с чего начало «коллективное руководство», так это с реставрации отмененного Хрущевым в ноябре 1962 г. территориально-производ-

---

[1] А.И. Микоян пробудет в этой должности чуть более года. В сентябре 1965 г. он будет заменен Н.В. Подгорным, который продержится на посту Председателя Президиума Верховного Совета СССР двенадцать лет — до той поры, пока Брежневу самому не захочется в 1977 г. стать еще и главой государства.

ственного принципа построения КПСС. На пленуме ЦК в ноябре 1964 г., по докладу Н.В. Подгорного «Об объединении промышленных и сельских областных, краевых партийных организаций и советских органов», было принято решение восстановить прежнюю вертикаль власти: ЦК — обком — райком КПСС. Вместо образованных Хрущевым в 1962 г. парткомов производственных колхозно-совхозных управлений возрождались сельские райкомы партии — самое массовое звено партаппарата. Вслед за партийными было восстановлено «организационное единство» прежних советских, комсомольских и профсоюзных органов.

В сентябре 1965 г. решением пленума ЦК КПСС прекратили существование созданные Хрущевым в 1957 г. совнархозы и были восстановлены отраслевые министерства. А в декабре того же года был ликвидирован созданный Хрущевым же сверхмощный Комитет партийно-государственного контроля ЦК КПСС и СМ СССР (КПГК), во главе которого Никита Сергеевич необдуманно поставил своего выдвиженца А.Н. Шелепина. «Железный Шурик», как называли бывшего комсомольского вождя, ставшего при Хрущеве главой КГБ, а затем и руководителем КПГК в ранге секретаря ЦК КПСС и заместителя Председателя Совета Министров СССР, «отблагодарил» своего благодетеля самым активным участием в заговоре против него. Именно Шелепина, а не Брежнева наиболее осведомленные историки считают истинным организатором октябрьского переворота 1964 г.

У набиравшего силу Брежнева были все основания опасаться набиравшего силу и влияние «железного Шурика», и он, заручившись поддержкой других членов «коллективного руководства» и партноменклатуры, постарался нейтрализовать потенциальную угрозу с его стороны. Что касается соратников, то они всерьез опасались авторитарных замашек «железного Шурика», предпочитая видеть на посту руководителя партии мягкого, не склонного к крайностям Брежнева. У аппарата ЦК КПСС были свои счеты с Шелепиным и его детищем — Комитетом партгосконтроля, — все более энергично прибиравшим властные функции в управлении партией и государством.

Пленум ЦК, состоявшийся 9 декабря 1965 г., под видом реорганизации существенно ослабил сверхмощный КПГК, разделив его на два органа — Комитет народного контроля СССР и Комитет партийного контроля при ЦК КПСС. А сам Шелепин — наиболее опасный соперник Брежнева в борьбе за власть — был понижен в статусе, лишившись поста заместителя главы правительства. До 1967 г. он еще сохранит за собой пост секретаря ЦК КПСС, а затем будет направлен руководить советскими профсоюзами, что позволит ему оставаться членом Политбюро до 1975 г., когда Брежнев окончательно отправит его «на заслуженный отдых».

Наиболее серьезные обвинения по адресу свергнутого Хрущева касались критического положения, создавшегося в результате его «волюнтаристских ошибок» в сельском хозяйстве. При нем страна впервые стала закупать хлеб за границей, при нем же впервые после голода 1946 г. во многих районах была введена карточно-распределительная система на основные продукты питания.

Преемники Хрущева действовали по давно отработанной схеме, которой придерживался и сам Никита Сергеевич. Во всех бедах виноват предшественник. В 1953 г. это был Сталин. Так утверждал Хрущев. В 1964-м виновником был объявлен он сам. В первом случае успешное решение продовольственной проблемы обещал Никита Сергеевич, во втором — Леонид Ильич и Алексей Николаевич, а в 1985-м — уже Михаил Сергеевич. «С первых послереволюционных дней коммунистическая партия упорно искала философский камень, который позволил бы совершить чудо — обеспечить страну сельскохозяйственной продукцией, — отмечал по этому поводу профессор А.М. Некрич. — Был ленинский план кооперации, затем сталинская коллективизация. После коллективизации испытывались самые различные «волшебные» средства: шарлатанские рецепты Лысенко, фантастические проекты посадки лесов и орошения пустынь, глубокая вспашка и торфяные горшочки, освоение целины. Все планы основывались на принципе экстенсивного развития сельского хозяйства»[1].

В марте 1965 г. был созван очередной, сразу же объявленный «историческим» пленум ЦК КПСС, на котором Л.И. Брежнев выступил с большим докладом «О неотложных мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства в СССР». В докладе, по существу, признавался провал всей сельскохозяйственной политики КПСС, ответственность за что, естественно, была возложена на «кукурузника» Хрущева. Валовая продукция сельского хозяйства за годы хрущевской семилетки (1959—1965) выросла всего на 10%, а по контрольным цифрам она должна была увеличиться на 70%[2].

Наряду с волюнтаристскими методами управления селом Брежнев назвал и другие причины глубокого кризиса сельскохозяйственного производства: игнорирование экономического стимулирования, устаревшая ценовая политика в аграрной сфере, низкий уровень культуры земледелия и отсутствие государственной политики повышения плодородия почвы.

Брежнев заявил о необходимости перенести внимание с отдаленных целинных земель на земли центральной России (особенно Нечерноземья) и о прекращении начатой Хрущевым «кукурузной кампании». Пленум принял решение снизить план закупки зерна в 1965 г. с прежде намеченных 4 млрд до 3 млрд 400 млн пудов и определить этот план как неизменный до 1970 г. Это давало сельхозпроизводителям определенные гарантии от постоянных в недавнем прошлом шараханий и непредсказуемых действий в аграрной политике КПСС. По решению пленума значительно повышались закупочные цены на зерно и скот — от 10 до 100%. Для стимулирования производителей вводились надбавки (до 50%) за поставленный сверх плана хлеб. Облегчению тяжелого положения колхозов должно было послужить и ослабление налогового бремени на них: теперь налог должен был собираться только с чистого дохода колхоза.

---

[1] *Некрич А.М.* Золотой век номенклатуры // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 2. Апогей и крах сталинизма. М., 1997. С. 425

[2] К итогам мартовского Пленума ЦК КПСС // Коммунист, 1965, № 6. С. 30.

Снимались введенные Хрущевым ограничения на развитие личных подсобных хозяйств колхозников, рабочих и служащих. Было признано право колхозников на пенсию и на гарантированную оплату труда.

На 8-ю пятилетку (1965—1970) были намечены крупные инвестиции в сельское хозяйство и связанные с ним отрасли. Брежнев провозгласил курс на создание крупных специализированных хозяйств — молочно-товарных, свино- и птицеводческих, зерновых. Крупные ассигнования (до 10 млрд руб.) были обещаны на программу мелиорации в республиках Средней Азии, засушливых краев и областей юга России.

В целом в аграрной политике КПСС с марта 1965 г. обозначилась линия на признание роли материальных стимулов в развитии сельскохозяйственного производства, что по сути отрицалось Хрущевым.

«Коллективное руководство» КПСС предприняло попытку реформировать не только сельское хозяйство, но и всю экономику страны. Эта попытка обычно связывается с именем тогдашнего Председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина, всю жизнь занимавшегося экономическими вопросами и лучше многих своих коллег в Президиуме ЦК КПСС сознававшего слабую эффективность советской экономики. Поисками путей повышения ее эффективности занимались и ведущие экономисты, в частности академик А.А. Арзуманян, о чем уже было сказано, а также академик В.С. Немчинов.

Еще в мае 1964 г. Немчинов опубликовал в журнале «Коммунист» статью «Социалистическое хозяйствование и планирование производства», которая вызвала бурную дискуссию в печати о путях развития советской экономики. Центральная идея академика Немчинова состояла в том, чтобы радикально изменить существующий в СССР порядок планирования: план должен составляться не сверху, а снизу, от предприятия, которое должно дать свои предложения к плану. По схеме Немчинова план становился не заданием, а заказом. «Основное и главное состоит в том, — подчеркивал академик, — чтобы механизм планирования сомкнуть с системой хозяйственного расчета и с общественными фондами предприятия... Согласие предприятия принять соответствующее плановое задание, будучи подкреплено письменными документами, превращает плановое задание в плановый заказ. Такой порядок более сложен для плановых органов, но он необходим как фильтр против проявления голого волюнтаризма и вполне реален. Такая система может быть названа хозрасчетной системой планирования, так как в ней органически сочетаются плановые и хозрасчетные начала — те начала, которые должны регулировать любую хозяйственную деятельность в условиях социализма»[1].

В.С. Немчинов считал, что предлагаемая им схема должна сделать не только обязательной, но и выгодной для всех предприятий — выполнение директив и цифр контрольного плана.

В сентябре 1965 г. очередной пленум ЦК КПСС заслушал и обсудил доклад главы правительства А.Н. Косыгина «Об улучшении управления

[1] Коммунист, 1964, № 5. С. 77—78.

промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленных предприятий». Косыгин призвал пересмотреть всю систему управления, созданную Хрущевым: отказаться от совнархозов и вернуться к отраслевому принципу управления. При этом глава правительства уточнил, что речь идет не о механическом восстановлении сталинской системы управления, а о сочетании централизации руководства с расширением оперативно-хозяйственной самостоятельности предприятий. В докладе Косыгина — и это само по себе было необычным — широко употреблялись такие понятия, как рынок, прибыль, эффективность капитальных вложений и т. д. По мысли Косыгина, главным показателем для промышленных предприятий должен был стать объем выпускаемой продукции.

Председатель Совета Министров СССР фактически согласился с высказанной ранее идеей академика В.С. Немчинова об изменении порядка планирования, но счел допустимым лишь «низовое» планирование, т.е. на уровне предприятий и хозяйственных объединений. Централизованное планирование, определявшее основные направления и темпы экономического развития СССР, должно было оставаться неизменным.

В соответствии с решением сентябрьского пленума «косыгинская реформа» была запущена в первом квартале 1966 г., когда на новую систему перешли более 40 предприятий, а затем еще более 200. Однако с первых же шагов экономическая реформа вошла в противоречие с политико-идеологическими установками. Главным препятствием для ее успешного развития стал вопрос о ценообразовании.

Попытка ввести с 1 июля 1967 г. новую, научно обоснованную систему цен натолкнулась на жесткое сопротивление тех, кто отстаивал неизменность цен и лоббировал отрасли, связанные с ВПК, в ущерб легкой и других «мирных» отраслей промышленности. В конечном счете новая система цен так и не была принята. В результате к началу 70-х годов «косыгинская реформа» в том виде, как она задумывалась, по существу была провалена. Впоследствии о ней будут вспоминать как об одной из упущенных возможностей дать советской экономике «второе дыхание».

Тем не менее даже частичная ее реализация дала заметный толчок буксовавшему народному хозяйству. За годы 8-й пятилетки (1965—1970) объем промышленного производства в СССР вырос в полтора раза, а производительность труда — на одну треть. В эти же годы темпы роста производства товаров широкого потребления впервые сравнялись с аналогичными показателями роста средств производства.

Первый итог послехрущевскому периоду «коллективного руководства» подвел XXIII съезд КПСС, состоявшийся в марте 1966 г. На съезде было покончено с последними остатками реформаторской деятельности Хрущева на ниве партийного строительства. Л.И. Брежнев удовлетворил самое сокровенное желание партийной номенклатуры: он инициировал отмену тех положений устава КПСС, принятых на XXII съезде, которые вводили обязательную регулярную сменяемость части партаппарата. Выступив за

кадровую стабильность, т.е. за фактическую несменяемость партийной верхушки, Брежнев уже только этим обеспечил себе еще полтора десятка лет безоблачного «царствования»[1]. По решению съезда Президиуму ЦК КПСС было возвращено прежнее название — Политбюро, а Первого секретаря ЦК КПСС стали отныне именовать Генеральным секретарем. Л.И. Брежнев теперь уже и формально выделяется из триумвирата, став бесспорным советским лидером. Постепенно, незаметно из политического лексикона уходит понятие «коллективное руководство». Столь же незаметно в обиход внедряется — «...во главе с товарищем Леонидом Ильичем Брежневым».

Первое время Брежнев был целиком поглощен работой в Секретариате ЦК КПСС. Его активность на внешнеполитическом поприще была достаточно слабой. Внешними делами больше занимался глава правительства А.Н. Косыгин, совершавший, наряду с А.И. Микояном и сменившим его Н.В. Подгорным, официальные зарубежные визиты. В феврале 1965 г. Косыгин произвел в мире дипломатическую сенсацию, встретившись в Пекине по пути из Ханоя в Москву с Мао Цзедуном и попытавшись смягчить нараставшие советско-китайские противоречия. А в начале 1967 г. Косыгин успешно выступил в роли посредника в урегулировании вооруженного конфликта между Индией и Пакистаном из-за Кашмира. На трехсторонней встрече в Ташкенте 4—10 января 1967 г. Косыгину удалось убедить президента Пакистана Айюб Хана и премьер-министра Индии Лала Бахадура Шастри подписать декларацию о прекращении военных действий и восстановлении дипломатических отношений между двумя конфликтующими странами, договорившимися впредь решать спорные вопросы мирным путем. Это был очевидный успех советской дипломатии и лично А.Н. Косыгина, пользовавшегося популярностью в стране после провозглашенной им экономической реформы.

Возможно, именно эти обстоятельства побудили Генерального секретаря активнее заняться внешнеполитическими проблемами. Этому, безусловно, способствовало и обострение международной обстановки в результате развязывания Соединенными Штатами войны в Индокитае в феврале 1965 г., когда начались систематические бомбардировки территории Северного Вьетнама, союзника СССР. Разгоравшаяся война сопровождалась дальнейшим обострением советско-китайских отношений, что в конечном счете приведет в марте 1969 г. к вооруженным столкновениям в пограничной зоне между СССР и КНР.

В июне 1967 г. разразилась арабо-израильская война. Всего за шесть дней израильтяне разгромили армии арабских государств, оснащенные советским оружием, и аннексировали Восточный Иерусалим, сектор Газа

[1] В 1967 г. Брежнев избавится от казавшихся ему нелояльными «комсомольцев», которых он считал ставленниками А.Н. Шелепина, переведенного, как уже говорилось, из Секретариата ЦК КПСС в ВЦСПС. В.Е. Семичастный будет заменен на посту председателя КГБ Ю.В. Андроповым, а 1-й секретарь МГК КПСС Н.Г. Егорычев, отправленный на дипломатическую работу, уступит свое место В.В. Гришину. В 1970 г. во главе Гостелерадио СССР, вместо отправленного послом в Австралию Н.Н. Месяцева, близкого к Шелепину и Семичастному, был поставлен преданный Брежневу С.Г. Лапин.

и Голанские высоты. Советский Союз разорвал дипломатические отношения с Израилем, восстановленные после смерти Сталина. Шестидневная война на Ближнем Востоке стимулировала очередной всплеск в СССР государственного антисемитизма, проявлявшегося в ужесточении кадровой политики (пресловутый «пятый пункт») и в начавшейся широкой пропагандистской кампании борьбы с сионизмом. После июня 1967 г. практически был прекращен выезд советских евреев на историческую родину[1].

У советского руководства появились проблемы и на западных рубежах «социалистического лагеря». С одной стороны, в Москве летом 1966 г. с неподдельным энтузиазмом и затаенными надеждами встречали генерала де Голля, который резко осуждал действия США во Вьетнаме, угрожая вывести Францию из военной организации НАТО (что он и осуществил сразу же по возвращении из СССР). С другой стороны, «диссиденты» появились и в Организации Варшавского Договора (ОВД). В январе 1968 г. в Чехословакии произошла смена политического руководства и к власти пришли приверженцы «социализма с человеческим лицом» во главе с А. Дубчеком, отвергавшие тоталитарную советскую модель «реального социализма». Брежневу пришлось вплотную заняться Чехословакией, что, как известно, окончилось оккупацией ее территории в августе 1968 г. и удушением «пражской весны» в сговоре с союзниками по ОВД.

К началу 70-х годов Брежнев уже полностью контролировал процесс принятия внешнеполитических решений, хотя и продолжал разделять ответственность с другими членами Политбюро.

В 1965 г. по инициативе Л.И. Брежнева было восстановлено официальное празднование Дня Победы — 9 мая. Тогда же была учреждена юбилейная медаль «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». На торжественном заседании, посвященном юбилею Победы, Брежнев впервые после XX съезда сказал о заслугах Сталина, что вызвало бурю аплодисментов в огромном зале Кремлевского Дворца съездов, где собрались ветераны войны, генералитет и представители партийной номенклатуры. В обществе стали поговаривать о политической реабилитации Сталина. Оживились неосталинисты, требовавшие «наведения порядка» и ужесточения режима. Ожидалось, что реабилитация Сталина произойдет на XXIII съезде, но этого не случилось, хотя ползучий неосталинизм упорно мостил себе дорогу в коридорах власти — в центре и на местах. В декабре 1969 г., в связи с 90-летием со дня рождения Сталина, «Правда» опубликует на своих страницах редакционную статью с признанием его заслуг перед партией и советским государством. Эта статья была воспринята неосталинистами как обнадеживающий сигнал.

В то же время возникло и дало первые ростки оппозиционное правозащитное движение. Признанным символом антисталинизма в СССР стал Александр Исаевич Солженицын, открывший потрясенному миру «Архи-

[1] Спустя год, в июне 1968 г., выезд был разрешен, но этим правом ежегодно могли воспользоваться лишь 1500 человек, причем только лица пенсионного возраста, не имеющие высшего образования.

пелаг ГУЛАГ». Начиная с 1965 г. писатель подвергается у себя на родине все более острым нападкам, переросшим в хорошо спланированную кампанию травли и преследований.

5 декабря 1965 г. на Пушкинской площади в Москве состоялась демонстрация, участники которой — А. Сахаров, Ю. Галансков, А. Гинзбург, В. Буковский, А. Амальрик, Л. Богораз, Н. Горбаневская, А. Вольпин — выступили с требованием соблюдения советскими властями собственной Конституции и ими же написанных законов. Власти ответили репрессиями и ужесточением законодательства в отношении инакомыслящих.

В феврале 1966 г. суд в Москве приговорил писателей А. Синявского и Ю. Даниэля соответственно к семи и пяти годам исправительных работ за то, что они передавали за границу для публикации собственные сочинения, которые, по мнению «литературоведов» из КГБ, порочили «советский государственный и общественный строй». Оба писателя были осуждены, несмотря на то, что в их защиту выступили видные деятели отечественной культуры — К. Чуковский, И. Эренбург, В. Шкловский, Е. Дорош, Р. Плятт, А. Арбузов, Ю. Казаков и др.

С целью расширения законодательной базы для уголовного преследования по политическим обвинениям Политбюро ЦК КПСС 15 сентября 1966 г. приняло решение о дополнении УК РСФСР статьей 190 (1) — «Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй», предусматривавшей лишение свободы на срок до трех лет, или исправительные работы на срок до одного года, или штраф до ста рублей.

15 апреля 1968 г. на Политбюро было утверждено предложение Прокуратуры СССР и КГБ о лишении советского гражданства И.Я. Габая и А.Т. Марченко. Как было записано в указе Президиума Верховного Совета СССР, основанием для этого было то, что они «совершают действия, несовместимые с принадлежностью к гражданству СССР, наносят своим антиобщественным поведением ущерб престижу Союза ССР»[1]. Этим решением была возрождена старая ленинская форма наказания за инакомыслие — лишение гражданства СССР и выдворение за границу. Позорная практика лишения гражданства и высылки за пределы СССР будет проводиться до середины 80-х гг.

Тогда же, с конца 60-х гг., по инициативе нового главы КГБ Ю.В. Андропова начнет практиковаться такая мера борьбы с инакомыслием, как насильственное помещение диссидентов в психиатрические больницы.

Тем не менее оппозиционное движение нарастало, утрачивая прежние иллюзии относительно способности коммунистического режима к «очеловечиванию». В октябре 1967 г. в Ленинграде была раскрыта подпольная организация молодых монархистов, обвиненных в подготовке свержения коммунистического режима. В январе 1968 г. в Москве прошел судебный процесс над Ю. Галансковым и А. Гинзбургом, осужденными за антисовет-

[1] Цит. по: *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: История власти 1945–1991. Новосибирск, 2000. С. 258–259.

скую деятельность. А уже в апреле того же года в Москве вышел первый номер «Хроники текущих событий», в которой стали регулярно публиковаться сведения о нарушениях прав человека в СССР.

С 1967 г. разворачивалось движение за право свободного выезда евреев из СССР. Активную роль в этом движении играл академик А.Д. Сахаров, один из создателей советской водородной бомбы. Акцию протеста на Красной площади (25 августа 1968 г.) вызвала советская военная интервенция в Чехословакии. Она немедленно была подавлена властями.

В августе 1969 г. в Саратове была раскрыта студенческая организация, именовавшая себя «группой революционного марксизма», ставившая своей целью борьбу с существующим строем. Ее участники получили различные сроки заключения — от трех до семи лет. К слову сказать, это была одна из последних нелегальных организаций, исповедовавших «истинный» марксизм, интерес к которому в оппозиционном движении в 70-е гг. иссякнет полностью.

Оппозиция проявлялась и в легальных формах, зачастую облекаясь в историко-культурные одежды. В 60-е годы в русской литературе появляется т. н. «деревенская проза», представленная именами В. Белова, Б. Можаева, Ф. Абрамова, В. Распутина, В. Солоухина и др. В произведениях писателей-«деревенщиков» читатели открывали для себя другие, отличные от диктуемых официальной идеологией, вечные ценности, растоптанные после октября 1917 г. Неизбежно вставал вопрос о правильности выбора, навязанного большевиками крестьянской стране, переставшей стараниями коммунистической партии кормить саму себя.

В обществе пробуждался живой интерес к дореволюционной России и к древнерусской культуре, нередко приводившей образованных людей к православию. Этому способствовало и прекращение ожесточенных гонений на церковь, которым она подвергалась при Хрущеве. В кругах интеллигенции зародилось увлечение русской иконой. Во всем этом можно было усмотреть инстинктивные поиски утраченной в 1917 г. национальной идеи.

Одновременно расширялось знакомство советских читателей не только с зарубежной литературой, но и с творчеством своих, преданных забвению соотечественников, прежде всего Михаила Булгакова, заново открытого после публикации в 1966 г. в журнале «Москва» его романа «Мастер и Маргарита».

В целом же после свертывания «косыгинской реформы», с одной стороны, и подавления «пражской весны» — с другой, в обществе возникают серьезные сомнения в способности советской экономической и политической системы к реформированию. «Разгром реформ в Чехословакии стал началом конца реформ в СССР, — справедливо отмечает российский историк Р.Г. Пихоя. — Режим становится более репрессивным по отношению к любому инакомыслию. Для советского общественного мнения вторжение в Чехословакию означало конец иллюзиям революционного гуманизма, коммунистической идеи. Режим стал циничнее, проще, понятнее»[1].

---

[1] *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: История власти 1945—1991. Новосибирск, 2000. С. 304.

«Я добьюсь своего места в жизни…»

Институт мировой экономики и международных отношений потерял своего «отца-основателя» в то самое время, когда более всего нужны были широта мышления, энергия и, наконец, пробивные способности, присущие А.А. Арзуманяну, который, как уже говорилось, имел все возможности сохранить и даже укрепить свои позиции при новом политическом руководстве, не в последнюю очередь благодаря его фронтовой дружбе с Л.И. Брежневым.

Но 18 июля 1965 г. Арзуманяна не стало, и ИМЭМО осиротел в самый неподходящий момент, когда на Старой площади формировалась новая политическая линия и экономическая стратегия. Начатая при Арзуманяне работа, в частности подготовка материалов к предстоявшему XXIII съезду КПСС, продолжалась, как продолжалось выполнение текущих заданий директивных органов, но все же невосполнимость утраты Арзуманяна понималась всем коллективом Института.

Владимир Яковлевич Аболтин, на которого было возложено временное исполнение обязанностей директора ИМЭМО, делал все что мог. Около года, после смерти Арзуманяна, он руководил Институтом и сумел удержать его «на плаву». Но Аболтин не имел доступа в те кабинеты, куда свободно входил Арзуманян со своими предложениями и рекомендациями, а это означало, что наиболее важные разработки ИМЭМО зачастую не могли дойти до тех, кому они предназначались.

Все это время «наверху» решался вопрос о преемнике академика А.А. Арзуманяна на посту директора ИМЭМО. Наконец, в первой декаде мая 1966 г. в Президиум АН СССР было «спущено» для надлежащего оформления решение Политбюро ЦК КПСС о назначении на этот пост Николая Николаевича Иноземцева.

13 мая того же года появилось Постановление № 409 Президиума АН СССР, подписанное президентом Академии наук СССР академиком М.В. Келдышем и и.о. Главного ученого секретаря Президиума членом-корреспондентом АН СССР Г.Д. Афанасьевым. Постановление гласило:

> «Назначить члена-корреспондента АН СССР Иноземцева Николая Николаевича директором Института мировой экономики и международных отношений АН СССР с последующим утверждением в соответствии с параграфом 69 Устава Академии наук СССР»[1].

Настало время рассказать об этом незаурядном человеке, более шестнадцати лет возглавлявшем ИМЭМО. При нем Институт достиг своего наивысшего расцвета и превратился в самый влиятельный в СССР «мозговой центр» по изучению международных экономических и политических проблем[2].

---

[1] Личное дело Н.Н. Иноземцева // Архив ИМЭМО РАН.

[2] См. о нем: О. Быков, Г. Морозов. Академик Николай Николаевич Иноземцев (1921—1982) // Академики-экономисты России. Второе дополненное издание. М., 1999. С. 248—268.

Прежде всего следует хотя бы кратко остановиться на том периоде биографии Н.Н. Иноземцева, который предшествовал его назначению на пост директора ИМЭМО.

Будущий академик родился 4 апреля 1921 г. в интеллигентной московской семье. Его отец, Николай Николаевич Иноземцев (1893—1945), до революции окончил Московский Коммерческий институт, а при советской власти работал на инженерно-экономических должностях в Наркоматах легкой и текстильной промышленности. Перед войной он становится главным инженером-экономистом Главгидростроя. Мать Иноземцева, Маргарита Сергеевна (1887—1970), была профессиональным художником, членом Московского отделения Союза художников. Ее портретные работы, пейзажи и натюрморты украшали квартиру Иноземцевых. Средний сын Маргариты Сергеевны (у Николая было два брата — родной и сводный) унаследовал от матери впечатлительный, порывистый характер, а от отца — основательность и аналитические способности.

Детство и юность Николая прошли в переулках Арбата, воспетых Булатом Окуджавой, который был на три года моложе Иноземцева и жил неподалеку. Вполне возможно, в довоенные годы им даже приходилось встречаться на мальчишеских сходках. На Арбате (в Староконюшенном переулке, дом 37) Николай Иноземцев прожил с рождения до 1954 г., т.е. двадцать три года, с шестилетним перерывом, когда он служил в армии и был на фронте. С полным правом он, как и Окуджава, мог считать себя «дворянином арбатского двора».

Но в отличие от обездоленного Окуджавы, сына «врагов народа», у Иноземцева было на редкость счастливое детство. Он рос в благополучной и по тем временам обеспеченной семье, которую, к счастью, обошли сталинские репрессии. О своем безмятежном детстве Иноземцев часто вспоминал на фронте. Справедливо полагая, что каждый день может быть убит, он не стеснялся в письмах к родителям выразить им всю свою любовь и благодарность, с которыми, увы, так часто опаздывают повзрослевшие дети...

Эти письма с фронта бережно сохранила Маргарита Сергеевна Иноземцева. Вот выдержка из одного письма, отправленного Николаем 19 декабря 1944 г. со 2-го Белорусского фронта:

> «...Любимые мои! Каждый взрослый человек вполне реально оценивает свое воспитание, среду, в которой он рос, и положительные и отрицательные стороны своих родителей. Я не могу спокойно думать обо всем этом — так я вас люблю. Вы оба, мои замечательные, являетесь для меня идеалом того, каким надо быть, как надо жить. Теперь, когда я стал вполне взрослым человеком, критически относящимся ко всему окружающему, я вижу в вас не только своих родителей, но и ярких, во всех отношениях одаренных индивидуальностей... Как я вам благодарен за свои детство и отрочество, юность! Из всех людей, встреченных мною за эти пять лет (а их были сотни и сотни), никто не мог похвалиться такими детскими и отроческими годами, как я. Ведь дело не только в прекрасных материальных условиях жизни, а в семье, в атмосфере, царящей в доме, во взаимоотношениях всех членов семьи.

> А эти взаимоотношения ни у кого не были, пожалуй, такими хорошими, как у нас дома. Ведь недаром всегда наш дом являлся центром и моей компании, и Шурика (младшего брата Иноземцева. — *П.Ч.*), а мои и его приятели так хорошо к вам относились. Если бы не эти замечательные годы, не чудесные воспоминания, мне перенести войну было бы очень и очень трудно»[1].

Трудно, наверное, узнать в этом трогательно-нежном к родителям молодом человеке будущего академика, директора Института, который мог порой разносить подчиненных за нерадивость и недобросовестность в выполнении порученных им заданий.

Николай отлично учился, и по окончании в 1939 г. средней школы № 93 как отличник был принят без экзаменов в Московский энергетический институт. В октябре того же года его призвали в армию. Срочную службу Иноземцев проходил в 298-м горно-артиллерийском полку, дислоцированном в недавно присоединенной к СССР Северной Буковине, недалеко от новой линии советско-румынской границы. Здесь его и застало начало войны. Сержант Иноземцев уже командовал взводом. В составе 12-й армии полк, где служил Иноземцев, с боями отступал на восток по территории Украины. Глазам молодого человека ежедневно открывались страшные картины смерти, жертвой которой он мог стать каждую минуту.

Из фронтового дневника Николая Иноземцева (22 июня 1941 г.):

> «<...> Вот в обочине лежит один наш ефрейтор. Ему несколько разрывных пуль попало в черепную коробку, и часть головы валяется рядом, будто бы отрезанная. Недалеко от него лежит какой-то пехотинец: его пулеметной очередью перерезало пополам. Еще немного дальше — наш врач. Ему пуля попала в грудь, другая в живот. Когда его стали перевязывать, он сказал только одно слово: "Бесполезно...", а минут через десять умер. Дальше по шоссе трупов все больше и больше. Кровь, раскрытые стеклянные глаза, недоумение на губах. Самые различные, иногда совершенно неестественные позы. <...>».

Трудно поверить, но даже в эти трагические дни и месяцы Иноземцев ведет дневник, начатый в октябре 1939 г. В него он будет записывать впечатления прожитого дня. И так будет до самого окончания войны. Можно не сомневаться: если бы этот фронтовой дневник был обнаружен недоброжелателями или «особистами», Иноземцеву пришлось бы плохо. По приказу Верховного Главнокомандования генералам, офицерам и солдатам категорически запрещено было вести какие бы то ни было дневниковые записи, а вся их переписка с родными и близкими подвергалась строжайшей военной цензуре. И все же сержант, а впоследствии старшина Иноземцев, рискуя попасть под трибунал, вел дневниковые записи.

Сохраненный матерью и опубликованный в 1995 г. его вдовой, Маргаритой Матвеевной Максимовой, фронтовой дневник Николая Иноземце-

---

[1] *Иноземцев Николай.* Цена победы в той самой войне. Фронтовой дневник. М., 1995. С. 262—263.

ва — одно из немногих правдивых свидетельств о Великой Отечественной войне. Этот дневник позволяет глубже понять и внутренний мир самого Николая Николаевича, проследить зарождение в нем живого интереса к вопросам международной жизни. Из дневника мы узнаем, что после взятия Брянска осенью 1943 г., когда на линии фронта установилось временное затишье, Иноземцев принимается за изучение попавшей в его руки «Истории дипломатии» под редакцией В.П. Потемкина, первый том которой вышел из печати перед самым началом войны[1].

Он внимательно читает доставлявшиеся на фронт газеты, по которым следит за формированием антигитлеровской коалиции. «Вчера узнал о заключении союза с Англией и США; чрезвычайно рад этому, так как теперь вполне реально окончание войны в этом году...» — пишет он отцу 14 июня 1943 г.[2]

В начале зимы 1943 г., во время жесточайших боев в районе г. Невеля, Иноземцев узнает о Тегеранской конференции руководителей антигитлеровской коалиции. «Минуты у приемника. Переживание встречи Сталина с Рузвельтом и Черчиллем. Настроение у всех сверхоптимистическое», — записывает он в свой дневник[3].

А вот как комментирует старшина Иноземцев Ялтинскую встречу Сталина, Рузвельта и Черчилля, состоявшуюся в разгар боев в Восточной Пруссии, где его 106-я гаубично-артиллерийская бригада БМ (большой мощности) участвовала в ликвидации окруженной вражеской группировки: «Россия дает предметный урок современной войны для всего мира... Ради этого можно было при) ехать в Крым и из Лондона, и из Вашингтона!»[4]

Страшная война, где многие не выдерживали и даже сходили с ума, стала серьезным испытанием для характера Иноземцева, тем более что прошел он ее не на теплых штабных должностях, а командуя взводом артиллерийской разведки. Война закалила его и, наверное, даже огрубила (впоследствии некоторым сотрудникам Иноземцева доведется испытать на себе вспышки его необузданного гнева).

Интеллигентному юноше, выросшему на спектаклях МХАТ и театра Вахтангова, с детских лет знавшему разницу между Клодом Моне и Эдуардом Мане, поначалу было совсем нелегко в солдатской среде, с ее нехитрыми радостями — грубыми анекдотами, редкими приездами артистов фронтовых бригад, эпизодическими встречами с «боевыми подругами» да ежедневной «наркомовской» кружкой водки для поднятия боевого духа. На фронте ему очень помогли полтора года предвоенной службы. Он успел привыкнуть к суровому армейскому быту, научился пить наравне со всеми, освоил ненормативную солдатскую лексику, но, конечно же, не мог этим удовлетвориться. Его душа жаждала духовной пищи. И он ее находил.

---

[1] Запись в дневнике от 21 — 23 октября 1943 г. // Там же. С. 122.
[2] Там же. С. 252.
[3] Запись от 5 — 9 декабря 1943 г. // Там же. С. 129.
[4] Из письма к отцу от 16 февраля 1945 г. // Там же. С. 266.

В выпадавшие на фронте периоды затишья он перечитывает зарубежную классику — Шекспира, Бальзака, Диккенса, Мопассана, О'Генри, Ремарка, а также Достоевского, Чехова, Есенина...

Иноземцев пробует перо и как фронтовой очеркист. Он посылает заметки в дивизионную и армейскую газеты, но их почему-то не печатают. Наверное, редакторов смущали в материалах Иноземцева и суровая «окопная правда», и недостаток обязательной в тех условиях патетики.

Но вот, наконец, первая удача. «Во "Фронтовой правде", — записывает он в своем дневнике 30 октября 1944 г., — опубликован мой очерк о стрельбе по фортам и взятии Рожан. Итак, первый маленький "опыт", вернее, просто "проба сил" вполне удалась»[1].

Впоследствии он признается, что эта первая опубликованная им статья вызвала у него смешанные чувства — радости, что понятно, и огорчения — из-за грубой редакторской правки, во многом исказившей авторский текст. Это послужит для начинающего автора полезным уроком. «Впоследствии из-под его пера выйдут десятки книг и брошюр, сотни статей, и он не пропустит ни одну из них в печать без собственной визы», — пишет публикатор «Фронтового дневника» Николая Иноземцева[2].

Война стала серьезным испытанием для впечатлительной натуры Николая. Из нее он выйдет оптимистом, переполненным жаждой активной жизни.

Из фронтового дневника:

> «Жизнь! Какое прекрасное слово! И как легко на протяжении этих месяцев оно превращалось в отвлеченное понятие. За несколько месяцев фронта каждый переживает больше, чем за долгие годы жизни, перечувствует больше, чем за десятилетия спокойного существования, легко отбрасывает то, что когда-то казалось очень ценным и дорогим. Здесь познаются люди и цена всего нас окружающего. "Мне — 22 года, я прошел Отечественную войну, и мне — 33 года", — смогут сказать многие из нас».
>
> ...«Ничего, если останемся живы, мы еще свое возьмем. Счастье будет рано или поздно и среди нас, ведь не зря же за него заплачено авансом теперь, такой дорогой ценой, — ценой крови, трудностей, лишений, моральных переживаний...» (записи от 2 и 4 апреля 1942 г.)[3].
>
> «Внутренняя опустошенность после боя. Мелочность всех житейских интересов в сравнении с основным — "ты остался жив, для тебя светит солнце, для тебя поют птицы". Человек, не побывавший в двух шагах от смерти, никогда по-настоящему не будет ценить и любить жизнь» (запись от 2 апреля 1944 г.)[4].
>
> «Война научила жить, научила ценить даже те самые незначительные удовольствия, научила все брать от жизни, — ведь в этом и заключается сама жизнь. Энергия, борьба, стремление всегда добиться своего, — без этого жизнь совершенно не интересна...» — писал Иноземцев родителям в январе 1945 г. из Польши[5].

---

[1] *Иноземцев Николай.* Цена победы в той самой войне. Фронтовой дневник. М., 1995. С. 181.
[2] Послесловие М.М. Максимовой к «Фронтовому дневнику» // Там же. С. 299.
[3] Там же. С. 90—91.
[4] Там же. С. 146.
[5] Там же. С. 263.

Юго-Западный, Южный, Брянский, 1-й и 2-й Прибалтийские, Ленинградский, 2-й и 3-й Белорусские фронты: приграничные сражения 41-го года, оборона Днепра, бои в Донбассе, на Орловском направлении и на Брянщине, «Невельский мешок» и Витебск, Карельский перешеек и Выборг, освобождение Польши и штурм Кенигсберга, марш на Штеттин — таков боевой путь старшины-артиллериста Николая Иноземцева. Все годы войны он мечтал о возвращении к мирной жизни.

Из фронтового дневника:

> «Много мыслей о будущем. "Подходит к финишу" шестой год пребывания в армии, потерян огромный срок в смысле учебы. И все-таки уверен, что смогу наверстать упущенное, только бы скорее вернуться домой. Характер, сформировавшийся в трудных военных условиях, нервы, выдержавшие испытания двух с половиной лет пребывания на фронте, не могут пропасть даром. Я добьюсь своего места в жизни, хотя это и будет с опозданием. Все то, что было пережито за последние шесть армейских лет, должно явиться залогом интересной, созидательной, красивой жизни.
>
> Верхушки буков светлеют — наступает первый "послевоенный день", первый день новой, мирной жизни» (запись от 9 мая 1945 г.)[1].

Иноземцев принял твердое решение не оставаться в армии после окончания войны. Занимая офицерскую должность командира взвода управления, а затем разведки, старшина Иноземцев упорно отказывался от всех предложений ценившего его командования надеть лейтенантские погоны, боясь задержки с демобилизацией после прекращения военных действий. Он ссылался на то, что до призыва в армию был студентом и по окончании войны хотел бы продолжить учебу в Московском энергетическом институте.

В действительности Иноземцев уже думал о другом. Все больше его привлекали история международных отношений и вопросы послевоенного мироустройства. Но у него пока еще нет конкретных планов.

Из письма к отцу (4 мая 1945 г.):

> «В связи с окончанием войны все чаще и чаще встает вопрос будущего. В отношении своего дальнейшего пути я так и не решил (слишком я от всего оторван, надо знать реальные возможности на месте), но, во всяком случае, надо будет использовать тот факт, что я являюсь студентом Энергетического института. Мое положение здесь и отношения с комбригом таковы, что если получу вызов из института, то никаких препятствующих моему отъезду причин не будет... Да, все эти вопросы, еще недавно "плавающие в туманной дали", становятся вполне реальными. Надо их встретить во всеоружии...»[2]

25 сентября 1945 г. старшина Иноземцев получил долгожданный приказ о демобилизации. В Москву он возвращается героем. На его гимнастерке

---

[1] Там же. С. 206.

[2] Там же. С. 260.

два ордена «Отечественной войны» — I и II степени, два ордена «Красной Звезды», медали — «За взятие Кенигсберга» и «За победу над Германией».

Радость встречи с родными омрачена двумя тяжелыми потерями. Пропал без вести младший брат Николая, Александр (Шурик). В июле 1941 г. он записался в Московское ополчение, а осенью того же года 62-й стрелковый полк, в котором он служил, оказался в окружении в районе Смоленска. Родители получили справку о том, что их сын «пропал без вести». В то время такая справка могла трактоваться и как обвинение в добровольной сдаче в плен, т.е. в предательстве. В безукоризненной до тех пор биографии будущего академика и члена ЦК КПСС появилось небольшое пятнышко. До последних дней жизни, в соответствии с существовавшими в советские времена правилами, Н.Н. Иноземцев обязан будет сообщать в заполняемых им документах о том, что его родной брат пропал без вести[1].

Не суждено было встретиться Николаю и с горячо любимым отцом, который умер незадолго до возвращения старшего сына.

Месяц в Москве ушел на обустройство в давно забытой гражданской жизни и на форсированную подготовку к поступлению в институт. В ноябре 1945 г. Иноземцев становится студентом открытого годом ранее на базе исторического факультета МГУ, а затем выделившегося из него Московского государственного института международных отношений (МГИМО), призванного готовить кадры для советской дипломатической службы и других ведомств международного профиля.

Из воспоминаний М.М. Максимовой, записанных из рассказов ее покойного мужа о годах учебы в МГИМО:

> «Переполненный энергией и жизненными планами, огромной жаждой наверстать время, Николай буквально «вихрем» ворвался в мирную московскую жизнь. Он стремится охватить и одолеть сразу все. Штудирует не только обязательную в те годы марксистскую литературу (работы Ленина он прочтет "от корки до корки", с карандашом, впервые откроет для себя то, что скрывали, не знали, не замечали или не хотели замечать партийные лидеры и пропагандисты, а позже не раз будет "бить наотмашь" — любимое выражение Иноземцева — закоренелых догматиков их же оружием). Прочитает огромное число книг и статей по новой и новейшей истории, философии, внешней политике, международным отношениям российских (дореволюционных) и западных авторов, доступ к которым (их книги хранились в закрытых спецфондах) стоил ему немалых усилий. Прежде чем выбрать тему диплома (она затем станет его кандидатской

[1] Об этом, в частности, академик Н.Н. Иноземцев писал в заполненной им 15 марта 1977 г. перед очередной зарубежной командировкой справке-«объективке», направлявшейся в советские времена в выездной отдел ЦК КПСС и для проверки сообщенных о себе сведений — в КГБ // Архив ИМЭМО РАН. В «объективке» советский человек, выезжающий за рубеж, обязан был сообщать полные сведения обо всей своей семье, включая умерших родителей, а также о бывшей жене (или муже), если таковые были, с указанием места работы и адреса, по которому они в настоящее время проживают. В начале 80-х годов в этой унизительной практике появилось дополнение: теперь надо было указывать не только даты, но и места захоронений покойных членов семьи. Подобного рода унижений не мог избежать даже такой доверенный человек, как академик Н.Н. Иноземцев.

диссертацией — о внешней политике США в германском вопросе), увлеченно будет работать над архивными материалами по истории царствования Павла Романова, открывая неизвестные для себя страницы далекого российского прошлого. Он упорно осваивает английский, восстанавливает немецкий, берется за французский языки, успевает руководить научным студенческим обществом, издавать научный журнал со статьями будущих дипломатов, выступать на конференциях, семинарах, собраниях...

Сегодня, по прошествии почти полувека, Иноземцева хорошо помнят его однокурсники: одет в военную гимнастерку, галифе (модные в те годы), всегда подтянутый, собранный; умное, энергичное, красивое лицо, черные, с пробором, гладко зачесанные назад густые волосы, уверенная походка (чуть-чуть вразвалочку — как-никак фронтовик, "знай наших"!). Круглый отличник, блестящий оратор, инициатива бьет ключом. Одно непонятно — когда и как успевает он все сделать?

Его дом (живет с мамой в той же, довоенной, но плотно заселенной коммунальной квартире) по-прежнему открыт и гостеприимен. Здесь собираются "мгимовцы", приходят оставшиеся в живых (их уже немного) школьные друзья, заглядывают фронтовые товарищи. Дом этот любят, там всегда удивительная атмосфера — уютно, весело, непринужденно, — ее умело и с большим внутренним тактом поддерживает умница и человек большого сердца Маргарита Сергеевна»[1].

Учился Иноземцев увлеченно, можно сказать, самозабвенно, с полной отдачей. В этом проявлялось не только желание наверстать шесть долгих армейских лет, но и весь его неуемный темперамент. Большинство его однокурсников-фронтовиков учились с тем же энтузиазмом, зачастую отличавшим их от студентов, пришедших в МГИМО прямо со школьной скамьи. И все же Иноземцев выделялся даже на фоне своих собратьев-фронтовиков.

Вспоминает один из них — профессор Д.Г. Томашевский, друг и однокурсник Иноземцева:

«Я очень хорошо знал Николая с 1945 года. Мы учились на одном курсе в МГИМО, куда поступили вместе. Мы быстро подружились. Хотя учились мы в разных языковых группах, это не мешало нашей дружбе. Я нередко бывал в его доме, знал его маму и семью. Чем он всегда меня привлекал — так это своей увлеченностью и преданностью делу. Все, что бы он ни делал, он делал с увлечением, с полной самоотдачей, начиная, скажем с поиска грибов: меня, надо сказать, поражало, с какой страстью он отдавался этому занятию. В еще большей степени это относилось к работе»[2].

---

[1] *Иноземцев Николай.* Указ. соч. С. 303—304.

[2] Запись беседы с Д.Г. Томашевским. О студенческих годах в МГИМО, об учителях, друзьях и товарищах (в том числе об Иноземцеве) Д.Г. Томашевский рассказал в своих опубликованных воспоминаниях. См. Томашевский Д.Г. МГИМО — моя запоздалая юность. // На часах возле Крымского моста (1945—1950). Воспоминания выпускников первого послевоенного приема в Институт. М., 2000. С. 204—211.

В той неистовости, с которой он предавался учебе и общественной работе (студент Иноземцев был избран членом парткома МГИМО)[1], проявлялась его страстная, порывистая натура, увлекавшаяся всем, чем бы ему ни приходилось заниматься. Он просто не способен был делать что-либо вполсилы — учиться ли, работать ли, любить ли...

В 1949 г. Сталинский стипендиат Николай Иноземцев окончит институт с отличием почти на два года раньше положенного срока.

За год до этого он женился на Елене Владимировне Лаврентьевой, которую знал с детских лет. Дружба с Люлей, как он всегда ее называл, переросла у него в первую любовь. Осенью 1939 г. Иноземцев будет призван в армию, а его 17-летняя подруга через год выйдет замуж. В 1942 г. у нее родится сын. Иноземцев — это видно из его фронтового дневника и переписки — тяжело переживал неожиданный разрыв с Люлей.

После окончания войны они встретились вновь. К тому времени Елена Владимировна была свободна. Ее брак с В. Жаданом продолжался не более года. Говорили, что ее бывший муж в начале войны перешел на сторону немцев и сотрудничал с ними. Следы его затерялись.

Иноземцева все это не остановило, хотя он не мог не понимать, что брак с бывшей женой «изменника родины» может перечеркнуть его карьеру. В 1948 г. он женится на Елене Владимировне и усыновит ее сына Никиту, которому станет заботливым отцом. Через год, в 1949 г., у них с Люлей родится дочь Марьяна[2].

Сейчас трудно с определенностью сказать, каковы были планы Иноземцева к моменту окончания МГИМО: хотел ли он стать дипломатом или уже тогда задумал посвятить себя научной работе в области международных отношений. Известно другое — 1949 г. был не лучшим временем в послевоенной советской истории. На фоне разгоравшейся в мире холодной войны в СССР начиналась очередная волна террора — «дело Еврейского антифашистского комитета», «ленинградское дело», травля обнаруженных якобы «буржуазных реформистов» и «безродных космополитов», назревало «дело врачей-вредителей»...

Многие выпускники МГИМО 1949—1953 гг. не получили желаемого распределения в МИД и другие центральные государственные организации: одни — потому что были евреями, а в те годы это стало считаться непростительным грехом; другие — по той причине, что постоянно бдившие кадровики-чекисты выявили в их биографиях «темные пятна» и накопили за годы учебы компромат. Так или иначе, но «забракованные» выпускники МГИМО вынуждены были искать себе работу в вузах и ака-

---

[1] Н.Н. Иноземцев всегда был активным общественником: секретарь комитета комсомола средней школы № 93, комсорг, затем парторг батареи (он вступил в партию на Брянском фронте в 1943 г.), член курсового партбюро и член парткома МГИМО.

[2] Первый брак Иноземцева продлится шестнадцать лет. Он будет расторгнут в 1964 г. В 1966 г. он женится на Ольге Трофимовне Жуковой. От этого брака, распавшегося через три года, родится дочь Ксения (1969 г.р.). Наконец, в 1971 г. Иноземцев женится в третий раз — на Маргарите Матвеевне Максимовой, с которой проживет до своей смерти.

демических институтах, в редакциях газет, журналов, в Издательстве иностранной литературы — там, где нужны были люди, знающие языки.

Русский по происхождению, фронтовик-орденоносец, член парткома МГИМО Николай Иноземцев, считавшийся едва ли не лучшим студентом, мог ожидать самого престижного распределения — в МИД или даже в аппарат ЦК ВКП(б). Но он остался в аспирантуре МГИМО. Было ли это его сознательным личным выбором, или он знал, что из-за пропавшего без вести брата и «темного пятна» в биографии его жены ему заказана партийно-дипломатическая карьера, — об этом мог бы сказать только сам Николай Николаевич...

В своей автобиографии, написанной 8 февраля 1981 г., он предельно скупо говорит о том периоде: «Был оставлен в аспирантуре по кафедре Истории международных отношений и внешней политики СССР. В июле 1952 г. защитил кандидатскую диссертацию «Американский империализм и германский вопрос». <...> С 1949 г. начал регулярно выступать в партийной печати и периодических научных изданиях»[1].

Все это время (1949—1952) Иноземцев не только готовит диссертацию, но и много работает, чтобы содержать семью из пяти человек, включая 60-летнюю мать. Он зарабатывает публикациями в периодической печати и регулярными международными обзорами для радио.

В мае 1952 г. его приглашают на должность консультанта по международным вопросам в журнал «Коммунист». Иноземцеву удается получить разрешение на совместительство в МГИМО, где он читает спецкурс и ведет семинар. Его непосредственным начальником в «Коммунисте» стал недавний коллега по МГИМО Алексей Дмитриевич Никонов, член редколлегии, заведовавший в редакции международным отделом. Все знали, что он зять В.М. Молотова, и уже по этой причине влияние Никонова в редакции было весьма значительным[2].

Приглашение в «Коммунист» можно считать поворотным моментом в последующей карьере Иноземцева. С этого времени он входит в номенклатурный список ЦК КПСС. Работая в редакции главного теоретического и политического органа партии, Иноземцев постепенно налаживает связи в высоких научно-партийных сферах. Как правило, авторами «Коммуниста» были люди с видным общественным положением.

Иноземцева узнали и оценили на Старой площади. Его сразу же приметил весьма влиятельный тогда Алексей Матвеевич Румянцев, эфемерный член Президиума ЦК КПСС (он пробыл он на этом посту с октября 1952 г. до марта 1953 г.). В конце 50-х годов Румянцев — шеф-редактор журнала

---

[1] Архив ИМЭМО РАН. Первую научную статью Иноземцев опубликовал в 1949 г. в журнале «Вопросы истории», благодаря содействию В.А. Виноградова, своего студенческого приятеля, попавшего по окончании учебы в МГИМО на работу в Управление кадров Президиума АН СССР. «Гонорары тогда были очень высокие, и Николай, в связи с публикацией статьи, устроил у себя дома праздник», — вспоминает об этом случае академик В.А. Виноградов // *Виноградов В.А.* Мой XX век. Воспоминания. М., 2003. С. 102.

[2] Когда А.Д. Никонова после падения Молотова «попросят» из «Коммуниста», а потом и из МГИМО, Иноземцев возьмет его в свой сектор в ИМЭМО.

«Проблемы мира и социализма», в 1964 — 1965 гг. главный редактор «Правды»», затем академик и вице-президент АН СССР. Во все времена, пока его окончательно «не съест» Суслов, А.М. Румянцев — «добрый гений» не одного только Иноземцева, но еще Г.А. Арбатова и Е.М. Примакова[1] — будет покровительствовать Николаю Николаевичу.

У Иноземцева устанавливаются рабочие контакты с тогдашним любимцем Хрущева Д.Т. Шепиловым и набиравшим силу Б.Н. Пономаревым. В редакции «Коммуниста» Иноземцев знакомится с авторами публиковавшихся в журнале материалов. Среди них — Анушаван Агафонович Арзуманян, заместитель директора Института экономики АН СССР.

Это знакомство, вскоре переросшее в тесное сотрудничество, станет новым поворотным моментом в карьере Иноземцева, который в числе первых будет посвящен Арзуманяном в вынашиваемый им замысел создания Института мировой экономики и международных отношений. С середины 1955 г. в аппарате ЦК КПСС и в Президиуме АН СССР уже велась подготовительная работа в этом направлении.

Иноземцев получил приглашение Арзуманяна (и дал ему свое согласие) возглавить в создаваемом ИМЭМО сектор международных отношений[2]. Судя по их частично сохранившейся переписке, относящейся к 1956 г., они обсуждали совершенно конкретные планы налаживания работы в области изучения современных международных отношений. Иноземцев предложил Арзуманяну целый ряд проектов, в частности написание трехтомной истории международных отношений в послевоенный период, а также издания международно-политического ежегодника. Арзуманян одобрил все инициативы Иноземцева.

Совершенно неожиданно в сентябре 1955 г. Иноземцева по решению ЦК направляют в длительную командировку в Китайскую Народную Республику. Он назначен советником в недавно созданный по образцу МГИМО Пекинский дипломатический институт, где одновременно должен читать два курса лекций — «Внутренняя и внешняя политика США» и «Германская проблема после Второй мировой войны», а также руководить аспирантами. Тематика лекционных курсов была ему хорошо знакома. Еще в 1952 г., как уже говорилось, он защитил диссертацию на тему «Американский империализм и германский вопрос», которую после доработки опубликовал в 1954 г. в виде монографии.

---

[1] Оба они с благодарностью говорят об А.М. Румянцеве в своих воспоминаниях: *Арбатов Георгий*. Человек Системы. М., 2002. С. 119 — 124; *Примаков Евгений*. Годы в большой политике. М., 1999. С. 12 — 15.

[2] Академик В.А. Виноградов в своих воспоминаниях пишет, что, когда А.А. Арзуманян приступил к формированию ИМЭМО, он обратился к нему, в то время зам. начальника Управления кадров АН СССР, с просьбой порекомендовать хороших специалистов по международным отношениям, из числа недавних выпускников МГИМО. Среди рекомендованных Виноградовым 10 — 12 человек, уже проявивших себя на научной работе, был и Н. Иноземцев // *Виноградов В.А.* Указ. соч. С. 108. Это, конечно, не означает, что Арзуманян плохо знал Иноземцева, но рекомендация влиятельного в аппарате Президиума АН СССР Виноградова, безусловно, утвердила Арзуманяна в намерении пригласить Иноземцева на работу в ИМЭМО.

После этого Иноземцев сразу же взялся за докторскую диссертацию, посвятив ее изучению внешней политики США после 1945 г. Германский вопрос и внешняя политика США — таковы были темы спецкурса и семинара, которые он вел в МГИМО параллельно работе в «Коммунисте».

С этой точки зрения работа в Пекине не представляла для Иноземцева никаких трудностей, но отъезд из Москвы на несколько лет никак не входил в его планы. В стране происходили глубокие изменения; еще больших следовало ожидать от намеченного на начало 1956 г. XX съезда (Иноземцев был привлечен к подготовке съездовских материалов). Время для отъезда было совсем неподходящее. Тем не менее партийная дисциплина не позволяла ему отказаться от полученного в ЦК КПСС поручения — «оказать помощь китайским товарищам».

Итак, осенью 1955 г. Иноземцев с сожалением покидает Москву. Тем временем состоялось решение о создании ИМЭМО, и Арзуманян приступил к формированию Института. По всей видимости, где-то в августе 1956 г. Иноземцеву удалось побывать в Москве (возможно, в отпуске), где он встречался с Арзуманяном, подтвердившим свою заинтересованность в его приходе в ИМЭМО. Это отвечало и желанию самого Иноземцева. Они договорились, что Арзуманян использует все возможности, чтобы «вытащить» нужного ему Иноземцева из Китая. Об этом, в частности, можно судить по сохранившемуся письму Иноземцева из Пекина, адресованному А.А. Арзуманяну и В.Я. Аболтину:

> «Многоуважаемые Анушаван Агафонович и Владимир Яковлевич!
>
> Завтра из Пекина в Москву вылетает Владимир Иванович Михеев. Пользуюсь этой оказией.
>
> После нашего разговора прошло два с половиной месяца. За это время я кое-что сделал, чтобы форсировать выполнение своей работы.
>
> Если Ваши планы в отношении использования меня в Институте остались в силе, то мне кажется, что для их осуществления сложилась подходящая обстановка. Я думаю, что вопрос о времени моего пребывания в КНР можно теперь решать не на самых верхах, а действуя через Дмитрия Трофимовича (Шепилова. — *П.Ч.*) и наше посольство в Пекине, так как речь идет лишь о некотором сокращении срока моей работы, но не о ее объеме.
>
> Отношения с китайскими товарищами у меня превосходные, и я не думаю, чтобы они ставили палки в колеса, узнав, что это соответствует моим желаниям и интересам. Годовой план я смогу завершить в ближайшие три — четыре месяца, как и намечалось во время нашей встречи. Но это может быть сделано только в том случае, если заранее состоится договоренность с руководством Пекинского дипломатического института. Вполне естественно, что я сам этих вопросов ставить не могу.
>
> Предварительная договоренность тем более важна, что круг моих обязанностей расширился в связи с решением о типографском издании большого курса лекций о внутренней и внешней политике США, который я прочел в Пекине в прошлом году[1].

[1] В конце 1956 г. в типографии Пекинского дипломатического института будет отпечатан курс лекций Н.Н. Иноземцева «Внутренняя и внешняя политика США» объемом 43 печатных

Завершение всего объема работы к февралю потребует от меня кардинального пересмотра всех планов и очень большого напряжения.

Поэтому я хотел бы знать, остается ли в силе наша предварительная договоренность, и как Вы хотите решать вопрос о сроках моего пребывания в Китае. Буду очень благодарен, если Вы меня информируете о положении дел.

С искренним уважением

Н. Иноземцев

4 ноября 1956 года Пекин, почт. ящик 300»[1].

На письме Иноземцева есть резолюция Арзуманяна, адресованная Аболтину: *«Вл. Яковлевич! Прошу от моего и Вашего имени написать ответ тов. Иноземцеву. До этого необходимо поговорить с кем-нибудь из МИДа. Когда вернется т. Шепилов, то я с ним поговорю. Арзуманян»*[2].

Арзуманян сдержал слово. Он переговорил с министром иностранных дел Д.Т. Шепиловым и получил его согласие на отзыв Иноземцева из Китая. Но дело осложнялось тем, что Иноземцев в то время находился в двойном подчинении — не только МИДа, но и ЦК КПСС, поскольку даже на время загранкомандировки он оставался в штате «Коммуниста». Арзуманяну пришлось решать этот вопрос в ЦК.

В марте 1957 г. Иноземцев возвращается из Китая[3], но не в ИМЭМО, а в «Коммунист», правда, ненадолго. 5 апреля 1957 г. редколлегия журнала принимает «спущенное» со Старой площади решение по Иноземцеву:

«В связи с письмом Института мирового хозяйства и мировой политики (так в тексте. — *П.Ч.)* Академии наук СССР откомандировать с 1 апреля 1957 г. тов. Иноземцева Н.Н. на работу в указанный Институт»[4].

Итак, 1 апреля 1957 г. Н.Н. Иноземцев, к радости А.А. Арзуманяна, приходит в ИМЭМО. Он становится заведующим сектором международных отношений и сразу же, со свойственной ему энергией и увлеченностью, с головой погружается в работу. Первейшая задача — подготовка международного политико-экономического ежегодника, который должен выйти в свет уже в 1958 г. Все силы немногочисленного сектора Иноземцева, а также привлеченных сотрудников других секторов Института брошены на решение этой задачи.

Но Иноземцев, видимо, приглянулся не одному только Арзуманяну. Не успел он вернуться в Москву, как Международный отдел ЦК КПСС

листа, а год спустя там же будет опубликован еще один его курс — «Германская проблема после Второй мировой войны» (8 п.л.).

[1] Архив Российской академии наук (далее: Архив РАН. — *П.Ч.*). Ф. 1556. Оп. 1. Д. 113. Л. 13. 13 об.

[2] Там же.

[3] Перед отъездом из Пекина Н.Н. Иноземцев был награжден Государственным советом КНР медалью «За китайско-советскую дружбу».

[4] Архив ИМЭМО РАН.

командирует его в Чехословакию для участия в совместном заседании редакционных коллегий журналов «Международная жизнь» и «Международная политика», а по возвращении из Праги теперь уже МИД СССР добивается включения Иноземцева в качестве советника в советскую делегацию на XII сессию Генеральной Ассамблеи ООН[1].

Как известно, работа сессий ГА идет неторопливо. Вопреки собственному желанию, Иноземцев надолго задержался в Нью-Йорке и вынужден был вновь апеллировать к Арзуманяну — вернуть его в Москву, где полным ходом шла работа по ежегоднику. 9 ноября 1957 г. Арзуманян обращается с письмом к заместителю министра иностранных дел В.В. Кузнецову: «Уважаемый Василий Васильевич! Прошу откомандировать в Москву тов. ИНОЗЕМЦЕВА Н.Н., так как он крайне необходим в Институте»[2].

И на этот раз «наверху» удовлетворили настоятельную просьбу Арзуманяна. Иноземцева вернули из Нью-Йорка, но в начале 1958 г. Международный отдел ЦК вновь направляет Иноземцева в Прагу — на этот раз для организации издания журнала «Проблемы мира и социализма»[3]. В Чехословакии пришлось задержаться, и накопившиеся в ИМЭМО вопросы решались им путем телефонных переговоров и переписки с Арзуманяном.

Вот одно из писем Арзуманяна, адресованных Иноземцеву:

«Дорогой Николай Николаевич!

Жалею, что тебя не застал в Москве. Хотелось поделиться впечатлениями об Англии и по ряду вопросов дальнейшей работы сектора.

Я полагаю, что сумею выхлопотать разрешение насчет твоего приезда в Москву. Думаю, что лучше всего это сделать во второй половине июня.

Конкурс без тебя проводить не буду. Что касается насчет планов на 1959 г., то мы это обсудим после твоего приезда. Сейчас я более чем когда-либо уверен в правильности твоего замысла дать многотомник истории международных отношений.

Насчет Югославии решили опустить (вместе с Албанией и Монголией)[4]. Вначале я думал так же, как и ты. Более того, посоветовался с Б.Н.[5] Он посоветовал то же самое, что и ты. Но с каждым днем возникают все новые и новые предложения. А ежегодник надо давать. Нельзя из-за этой одной статьи переверстывать его на окончательной стадии. А у нас, как показывает практика, это возможно. Но это значит дать ежегодник не раньше, чем осенью. К чему же тогда он?

---

[1] Николай Николаевич Иноземцев. Биобиблиография ученых СССР. М., 1981. С. 4.

[2] Архив ИМЭМО РАН.

[3] В Праге Иноземцев познакомился с работавшим в редакции «ПМС» Игорем Ивановичем Орликом, которого он пригласит позднее на работу в свой отдел в ИМЭМО. Там И.И. Орлик защитит докторскую диссертацию и станет ведущим специалистом в изучении политики Запада в отношении стран Центральной и Восточной Европы.

[4] Речь идет о страновых статьях для готовившегося под руководством Иноземцева международного политико-экономического ежегодника 1958 года. — *П.Ч.*

[5] Б.Н. Пономарев — заведующий Международным отделом ЦК КПСС. — *П.Ч.*

Уж лучше не будет одной статьи. Претензии никакой не будет, т.к. мы не даем статьи о всех соц. странах, а также не все капиталистические страны освещаются в ежегоднике.

Я буду действовать. О результатах напишу. Я очень плохо чувствую себя, что-то давление резко поднялось, а тут еще задание за заданием. Просто не знаю, когда сумею вырвать время немножко и для себя. Ты сейчас нужен Институту как воздух и вода. Я возлагаю на тебя очень большие надежды. Предприму все, чтобы ты вернулся бы поскорее (выделено мною. — *П.Ч.*).

Привет

Арзуманян»[1].

Последние строки приведенного письма убедительнее всего раскрывают отношение Арзуманяна к Иноземцеву, которого он очень высоко ценил и к мнению которого всегда прислушивался. Единственное, что искренне огорчало Арзуманяна, так это повышенный спрос на Иноземцева в директивных инстанциях, которые нещадно его эксплуатировали.

Стоило Арзуманяну «извлечь» Иноземцева из очередной командировки по линии ЦК или МИД, как на Старой и Смоленской площади вновь вспоминали о нем и давали новое ответственное поручение. Так было и в тот раз. Арзуманян вернул Иноземцева из Праги, а ЦК КПСС тут же направил его в Стокгольм на конгресс по вопросам разоружения и международного сотрудничества. Можно только удивляться тому, как Иноземцеву удавалось справляться с многочисленными заданиями ЦК (об отказе не могло быть и речи) и одновременно руководить текущей работой своего сектора в ИМЭМО. Так или иначе, но первый выпуск ежегодника «Политика и экономика» объемом 66 п.л. вышел в установленный срок и с тех пор стал настольной книгой для тех, кто в Советском Союзе интересовался актуальными вопросами международной политики.

Вслед за выпуском ежегодника под руководством Иноземцева началась интенсивная работа над трехтомником по послевоенной истории международных отношений.

18 сентября 1959 г. Постановлением Президиума АН СССР Н.Н. Иноземцев назначается заместителем директора ИМЭМО. Это место Арзуманян давно предназначал для Иноземцева, но такая возможность представилась лишь с уходом А.И. Бечина с поста заместителя директора. Дело в том, что по тогдашнему штатному расписанию Института Арзуманяну полагалось только четыре зама. В.Я. Аболтина и В.Г. Солодовникова он трогать не хотел. В.И. Стригачев был его заместителем по ОТЭИ. Оставался Бечин, который, по его «личной просьбе», был освобожден от обязанностей заместителя директора ИМЭМО и перешел на должность старшего научного сотрудника.

В должности заместителя директора ИМЭМО Иноземцев проработал более двух лет. В 1960 г. он опубликовал монографию «Внешняя политика

[1] Письмо не датировано, но относится, судя по всему, к ранней весне 1958 г. // Архив РАН. Ф. 1556. Оп. 1. Д. 168. Л. 2–3.

США в эпоху империализма». Это было первое в историографии капитальное исследование данной темы, хронологические рамки которой составляли около 60 лет. Как отмечалось в одной из многочисленных рецензий на книгу, «этот фундаментальный труд, отличающийся принципиально новой постановкой ряда проблем, умелым показом соотношения между экономикой и политикой, как внутренней, так и внешней, влияния монополий на политику, расстановки сил в правящем лагере страны, выдвинули Н.Н. Иноземцева на одно из ведущих мест среди советских американистов»[1].

В 1961 г. Иноземцев защитил в ИМЭМО докторскую диссертацию по теме изданной им монографии. Со свойственной ему полной самоотдачей он работал в Институте, не ведая, что судьба готовила очередной неожиданный поворот в его жизни.

В декабре 1961 г. решением Президиума ЦК КПСС Иноземцев назначается заместителем главного редактора «Правды» по международному отделу. На этот раз Арзуманян ничего не мог поделать[2]. Главным редактором центральной партийной газеты в то время был П.А. Сатюков, пользовавшейся особым расположением Хрущева. Он давно «положил глаз» на способного и энергичного заместителя Арзуманяна, отлично зарекомендовавшего себя при выполнении многочисленных заданий ЦК. Единственное, чего сумел добиться Арзуманян, так это сохранения за Иноземцевым руководства готовившимся в ИМЭМО трехтомником по истории международных отношений, решение о выпуске которого было принято в июне 1960 г. Секретариатом ЦК КПСС.

Однако на практике это выражалось в том, что Иноземцеву приходилось разрываться между ежедневной работой в «Правде» и подготовкой трехтомника в ИМЭМО, чему он придавал очень большое значение. Положение осложнялось тем, что в это время, в связи с расширением исследований, намечалась реорганизация сектора международных отношений в отдел из трех секторов. Кто-то должен был взять на себя всю эту нелегкую организационную работу.

Иноземцев остановил выбор на своем давнем друге, кандидате исторических наук Дмитрии Георгиевиче Томашевском, которого, правда, пришлось долго уговаривать сменить насиженное место доцента МГИМО на хлопотную должность заведующего несуществующим пока отделом в ИМЭМО.

Из воспоминаний Д.Г. Томашевского:

> «В Институт меня пригласил Николай Николаевич. Он давно знал меня по совместной учебе. Его приглашение было связано с тем, что он уходил в "Правду" в то время, когда шла работа над трехтомником по истории международных отношений после Второй мировой войны. Кому-то надо было руководить текущей работой по трехтомнику. Он предложил это мне.

---

[1] Николай Николаевич Иноземцев. Биобиблиография ученых СССР. С. 22.

[2] В 1961 г. Арзуманян лишился еще одного своего заместителя — В.Г. Солодовникова, который перешел на работу в МИД СССР.

Довольно долго уговаривал, я не соглашался, но, в конце концов, он убедил меня перейти в Институт, о чем я впоследствии никогда не жалел.

В ИМЭМО был неплохой коллектив, хорошие люди. По делам трехтомника мне часто приходилось встречаться с ним в "Правде". Он внимательно следил за ходом работы, постоянно вникал во все, был очень требовательным, но, подчеркиваю, — всегда только в интересах дела.

Что касается работы в Отделе, то следует сказать, что Отдел только создавался. Надо было формировать сектора, подбирать людей. Создали три сектора. Одним сектором заведовал Даниил Ефимович Меламид (Мельников), другим — Александр Андреевич Лаврищев, а затем Дмитрий Васильевич Петров, третьим — Владимир Израилевич Гантман. Все это были сравнительно молодые люди, все — кандидаты наук. Я старался поставить дело так, чтобы все они побыстрее защитились и стали докторами наук. Что касается меня, то я защитился после них, уже когда ушел от заведования Отделом.

Трехтомник я оцениваю высоко. Когда создавалась редколлегия, встал вопрос о том, кто должен туда войти и кто — возглавить. Иноземцев поначалу предлагал кандидатуры разных высокопоставленных лиц. Но Арзуманян сказал: "Делай все сам, ты и будешь главным".

Коля сумел организовать работу и редколлегии, и авторского коллектива. Мне кажется, что в трехтомнике была предпринята первая серьезная попытка осмыслить новую международную обстановку. Конечно, мы были связаны партийными установками и директивами, которые, в общем, Коля воспринимал тоже достаточно искренне; может быть, с какой-то долей критики, но он совершенно искренне верил в общие положения партийных документов. <...>

На нашей работе, конечно же, отражалась не только обстановка холодной войны, но и все повороты партийной линии. От нас требовались то цитаты из партийных документов, то цитаты из выступлений Хрущева. Все это не могло не сказаться на качестве нашего исследования. И все же, получилась интересная работа, как по новым подходам, так и по представленному в ней большому материалу. И, конечно же, главная заслуга в выходе этого трехтомника принадлежит Иноземцеву, который сам подбирал авторов и постоянно руководил работой редколлегии»[1].

Первый том (ответственный редактор А.Г. Милейковский) трехтомника увидел свет в 1962 г. В нем освещались международно-политические события в мире за 1945—1949 гг. В 1963 г., под редакцией А.А. Лаврищева и Д.Г. Томашевского, вышел второй том (1950—1955 гг.). С выпуском третьего тома (редакторы Д.Е. Мельников и Д.Г. Томашевский), посвященного самому ответственному периоду — 1956—1964 гг., произошла осечка. Когда он уже был готов, случилась никем не предвиденная отставка Хрущева, а книга изобиловала ссылками на высказывания и оценки Никиты Сергеевича. Авторам и редакторам пришлось в авральном режиме изымать из подготовленного тома враз утратившие всю их «научную ценность» цитаты из Хрущева. В итоге в опубликованном тексте на 778 страниц осталось лишь три упоминания о свергнутом вожде[2].

---

[1] Запись беседы с Д.Г. Томашевским.

[2] На с. 106 читаем: «Важное значение в жизни Коммунистической партии и советского народа имел октябрьский (1964 г.) Пленум ЦК КПСС. Освободив Н.С. Хрущева от обязанностей

И все же, если непредвзято оценить это трехтомное исследование (общий объем его — 2281 печатная страница) в исторической ретроспективе, нельзя не признать, что ученые ИМЭМО, несмотря на идеологические рогатки, создали тогда беспрецедентное в мировой историографии комплексное исследование послевоенной системы международных отношений. В этом труде не только впервые был собран и обобщен огромный фактический материал, но и заложены основы теоретического осмысления международных отношений как самостоятельной научной дисциплины.

В 1964 г. главный редактор трехтомника, доктор исторических наук Н.Н. Иноземцев был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР по Отделению экономических наук. Этим он был обязан не только собственным очевидным заслугам, но и авторитетной поддержке со стороны академика А.А. Арзуманяна, не терявшего надежды на возвращение Иноземцева в ИМЭМО.

А Иноземцев, не порывая тесных рабочих контактов с Институтом, продолжал работать в «Правде», где в ноябре 1964 г. сменился главный редактор. На место хрущевского ставленника Сатюкова пришел видный экономист и социолог, член-корреспондент АН СССР (с 1966 г. — академик), член ЦК КПСС с 1952 г. Алексей Матвеевич Румянцев, с которым у Иноземцева еще со времен работы в «Коммунисте» сложились самые теплые отношения. Их связывали обоюдное неприятие косности и догматизма, желание освободить общественные науки от пут сталинизма.

Пребывание Румянцева в «Правде» было недолгим. Его свободомыслие и независимое поведение, не согласованные с отделом пропаганды ЦК публикации в центральной партийной газете, личная неприязнь со стороны М.А. Суслова, бывшего в начале 50-х годов в подчинении у Румянцева, привели в 1965 г. к отставке Алексея Матвеевича с поста главного редактора «Правды». Он будет направлен на работу в Академию наук и в 1967 г. станет одним из ее вице-президентов. Однако Суслов не оставит Румянцева своим «вниманием» и в Академии. В 1971 г. он лишит его поста вице-президента АН СССР и посадит на это место П.Н. Федосеева. А в 1972 г. отдел науки ЦК КПСС, возглавлявшийся С.П. Трапезниковым, учинит разгром созданного Румянцевым в 1968 г. Института конкретных социальных исследований (ИКСИ). Академик Румянцев будет отстранен от руководства Институтом. Начатые было при нем серьезные социологические исследования на многие годы будут заблокированы. В глазах идеологов КПСС 70-х гг. социология, как и при Сталине, по существу продолжала оставаться «буржуазной лженаукой».

В «Правде» Иноземцеву с год придется поработать с новым главным редактором М.В. Зимяниным, бывшим партработником из Белоруссии, затем послом в ДРВ и Чехословакии, наконец, заместителем министра ино-

---

Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР, ЦК КПСС призвал к последовательному осуществлению решений XX, XXI и XXII съездов, Программы КПСС и обратил самое серьезное внимание на нерешенные задачи». В двух других случаях в книге констатируется факт переговоров Н.С. Хрущева с президентом США Д. Эйзенхауэром (с. 157 и с. 394).

странных дел. Серый, ничем не примечательный Зимянин не выдерживал никакого сравнения со своим ярким предшественником. При нем «Правда» сразу же утратила ту привлекательность, которую она имела и при Сатюкове, и тем более при Румянцеве. Но Зимянин был ставленником Суслова, «серого кардинала» брежневского Политбюро, и было похоже, что пришел он в «Правду», как в свое время говорил Ленин, «всерьез и надолго»[1]. К тому же он считал себя (по прежней работе в МИДе) крупным знатоком в области мировой политики и потому пытался вмешиваться в дела возглавляемого Иноземцевым международного отдела.

Очередной поворот в судьбе Иноземцева произошел в мае 1966 г. Ему предшествовала неожиданная смерть летом 1965 г. Анушавана Агафоновича Арзуманяна, так и не дождавшегося возвращения Иноземцева в ИМЭМО. Он явно хотел бы видеть его на своем месте, так как с начала 60-х годов был отягощен многочисленными должностями по линии Академии наук и других организаций, был депутатом Верховного Совета СССР, имел все шансы войти в состав ЦК КПСС на предстоявшем в 1966 г. XXIII съезде партии. В последние годы жизни Арзуманян все больше сосредоточивался на руководстве Отделением экономики АН СССР, работе в Президиуме Академии наук и теоретической разработке вопросов развития советской экономики. И все это время он поддерживал самый тесный контакт с Иноземцевым, видя в нем своего естественного преемника.

В этом смысле назначение Иноземцева в мае 1966 г. директором ИМЭМО никого не удивило, хотя этому предшествовала закулисная борьба в «коридорах власти»[2]. В ЦК КПСС, прежде всего в Международном отделе, Иноземцева ценили за ум, энергию и исполнительность[3], а в Институте его всегда считали «своим» и потому были довольны этим назначением, обещавшим сохранение добрых «варговских» и «арзуманяновских» традиций демократизма, открытости и институтских свобод.

Новый директор чувствовал эти настроения и старался, особенно первое время, не обмануть ожиданий хорошо знакомого ему коллектива. Он начал с того, что 18 июля 1966 г. (как правило, в период летних отпусков заседания в академических институтах не проводятся) собрал Ученый совет, посвященный годовщине со дня смерти А.А. Арзуманяна, на котором выступили соратники покойного основателя ИМЭМО — В.Я. Аболтин, И.М. Лемин, Я.С. Хавинсон, В.Л. Тягуненко, А.И. Бечин, Т.Т. Тимофеев, а также академик А.М. Румянцев.

Выступление Румянцева было выслушано с особым вниманием.

---

[1] М.В. Зимянин проработает в «Правде» более десяти лет. В 1976 г. он станет секретарем ЦК КПСС по идеологии. Вместе с М.А. Сусловым они будут усиленно насаждать в стране неосталинизм и вести ожесточенную борьбу с любыми проявлениями свободомыслия в партии и обществе.

[2] Против назначения Иноземцева директором ИМЭМО активно выступал заведующий отделом науки ЦК КПСС С.П. Трапезников, но его противодействие было сломлено благодаря вмешательству А.М. Александрова-Агентова, помощника Брежнева, поддержанного Президиумом АН СССР, высказавшимся в пользу Иноземцева.

[3] В 1962 г. Н.Н. Иноземцев был награжден орденом Трудового Красного Знамени

«Перед нашими научными учреждениями стоит задача — в своих научных исследованиях давать правду и только правду, не подкрашенную, суровую, как она есть, — говорил Румянцев. — Сегодняшнее собрание — это собрание, подчеркивающее именно эту сторону марксистов-ленинцев — всегда стремиться вперед, стремиться к неприкрашенной, глубокой правде, к которой всегда стремился, шел и осуществлял в меру своих жизненных сил и широких способностей Анушаван Агафонович Арзуманян»[1].

На Ученом совете выступил и член-корреспондент Н.Н. Иноземцев, напомнивший, что годовщина смерти А.А. Арзуманяна совпала с десятилетием основанного им Института.

«...Именно здесь, в Институте, — заявил Иноземцев, — в полной мере проявился и огромный талант Анушавана Агафоновича Арзуманяна, как организатора, очень большого ученого, смелого, чуткого и принципиального организатора, который умел увидеть и выбрать наиболее способных людей, который уделял много времени и внимания для подготовки и воспитания этих людей. И целый ряд сотрудников Института с полным правом может сказать, что со стороны Анушавана Агафоновича к ним было буквально отеческое отношение. И я принадлежу к числу этих людей, которые чрезвычайно многим обязаны Анушавану Агафоновичу»[2].

История сплошь и рядом дает примеры черной неблагодарности учеников и последователей по отношению к учителям и утратившим силу (тем более — умершим) покровителям. Случай с Иноземцевым — не из этого бесконечного ряда.

Он всегда помнил сам и напоминал другим, что у истоков ИМЭМО стояли два выдающихся человека — Евгений Самуилович Варга и Анушаван Агафонович Арзуманян, положившие начало новому научному направлению исследований в области мировой экономики и международных отношений. Свой долг Иноземцев видел не только в том, чтобы увековечить их память, но прежде всего в развитии основанного ими научного направления исследований. Новый директор сделает все, чтобы переиздать труды Е.С. Варги[3] и А.А. Арзуманяна[4], добьется установки памятных досок на доме, где жил академик Варга, и на здании ИМЭМО, где работал академик Арзуманян. К памяти и наследию Арзуманяна Иноземцев будет обращаться и по прошествии многих лет после его смерти[5].

---

[1] Стенограмма заседания Ученого совета Института мировой экономики и международных отношений АН СССР, посвященного годовщине со дня смерти академика А.А. Арзуманяна, 18 июля 1966 г. // Архив ИМЭМО РАН.

[2] Там же.

[3] *Варга Е.С.* Избранные произведения: Начало общего кризиса капитализма. Экономические кризисы. Капитализм после второй мировой войны. М., 1974; Творческое наследие академика Е.С. Варги. М., 1981.

[4] *Арзуманян А.А.* Экономические проблемы общественного развития: Избранные труды / Отв. ред. Н.Н. Иноземцев. М., 1968.

[5] *Иноземцев Н.Н.* Научная деятельность А.А. Арзуманяна и актуальные задачи исследования мировой экономики и международных отношений // МЭ и МО, 1974, № 5. С. 119—129.

Команда

Иноземцев пришел руководить институтом, который хорошо был ему знаком. Он свободно ориентировался в проблематике ИМЭМО, знал работавших там людей. С некоторыми его связывали давние дружеские отношения. Старые друзья, такие как Григорий Морозов, Дмитрий Томашевский, Олег Быков и др., составляли «ближний круг» его команды, который со временем расширялся.

Иноземцев не привел с собой «варягов», как нередко бывает, когда приходит новый руководитель и расставляет «свои» кадры на ключевые посты.

Он решил опираться на тех, кто уже проявил себя как серьезный ученый и хороший организатор. А таких было немало — и среди ветеранов варговской школы (И.М. Лемин, Л.А. Мендельсон, Е.А. Громов, С.А. Далин, В.И. Каплан, Я.А. Певзнер, М.И. Рубинштейн, Е.Л. Хмельницкая, В.В. Любимова, В.Я. Аболтин, А.А. Манукян и др.), и среди сподвижников Арзуманяна (В.А. Чепраков, С.М. Меньшиков, В.И. Стригачев, А.Г. Милейковский, А.И. Шапиро, В.Л. Тягуненко...).

И все же Иноземцев должен был сформировать собственную команду единомышленников, с которыми ему предстояло работать в течение многих лет. В этом смысле он сочетал опору на старые кадры и выдвижение молодых перспективных руководителей научных подразделений, некоторым из которых впоследствии предстояло стать заместителями директора и даже директором ИМЭМО. По этой причине «команда Иноземцева» никогда не была однородной и неизменной. Тем не менее ее ядро сохранялось при всех изменениях состава.

Тогда, в 1966 г., Иноземцев привел с собой в ИМЭМО лишь одного своего заместителя — Николая Андреевича Сидорова, которого хорошо знал со студенческих лет.

Сидоров был почти ровесник Иноземцева. Он родился в 1922 г. в Москве, в семье рабочего кожевенного завода «Красный труженик». В 1940 г. поступил в ИФЛИ, откуда в августе 1941 г. ушел добровольцем на фронт, хотя из-за сильной близорукости был признан невоеннообязанным. Сидоров участвовал в боях в донских степях, в Сталинградской битве и в сражении на Курской дуге, будучи переводчиком штаба 109-го гвардейского стрелкового полка 37-й гвардейской стрелковой дивизии. В феврале 1944 г., по состоянию здоровья, был уволен в запас в звании гвардии старшего лейтенанта с должности помощника начальника разведотдела 7-й гвардейской воздушно-десантной бригады. Среди его боевых наград — медали «За отвагу» и «За оборону Сталинграда».

В том же году Сидоров становится студентом МГИМО, который оканчивает с отличием в 1948 г. и остается здесь же в аспирантуре по кафедре государственного права. В те студенческие и аспирантские годы и произошло его довольно близкое знакомство с Иноземцевым.

В 1951 г. Сидоров защитил диссертацию по государственному устройству ФРГ и был оставлен в качестве старшего преподавателя на своей кафедре, где проработал десять лет.

В 1961 — 1965 гг. Н.А. Сидоров — ректор 1-го Московского государственного института иностранных языков им. М. Тореза, где он, помимо прочего, читает курсы лекций по госправу ГДР и ФРГ на немецком языке. В 1964 г. он защищает вторую диссертацию и становится доктором юридических наук.

С июля 1965 по ноябрь 1966 г. Сидоров — советник по вопросам культуры и науки в посольстве СССР в ГДР. С этого поста Иноземцев и переманил старого приятеля на работу в ИМЭМО.

30 декабря 1966 г. Н.А. Сидоров становится заместителем директора ИМЭМО, где Иноземцев поручил ему курировать отделы и сектора международно-политического профиля.

Тем, кто его помнит в Институте, Николай Андреевич запомнился спокойным, мягким, интеллигентным человеком, одинаково вежливым и с докторами наук, и с аспирантами.

Его пребывание в ИМЭМО оказалось недолгим — всего два года и три месяца. В конце марта 1969 г. Н.А. Сидоров ушел со своего поста в порядке перевода на работу в ИКСИ, к академику А.М. Румянцеву. Причины его ухода не вполне ясны. Во всяком случае, он не удержался в команде Иноземцева.

На место ушедшего Сидорова Иноземцев пригласит хорошо знакомого ему по совместной работе в «Правде» Евгения Максимовича Примакова, вернувшегося в Москву после пяти лет работы (1965 — 1970) собкором «Правды» в странах Ближнего Востока. Выпускника Московского института востоковедения, затем аспиранта МГУ, журналиста-международника Примакова хорошо знали в ИМЭМО. Здесь в 1962 г. он начинал работать еще при Арзуманяне. Здесь же, работая в «Правде», защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора экономических наук.

С его приходом в ИМЭМО сотрудники Института сразу же почувствовали, что в команде Иноземцева появился «форвард». В рекордно короткий срок Примаков занял лидирующие позиции среди четырех заместителей Иноземцева, став «вторым человеком» в ИМЭМО. Но уже тогда в нем просматривались лидерские качества человека, способного на большее, чем быть при ком-то «вторым номером».

Его возвращение в Институт в качестве заместителя директора в апреле 1970 г. будет иметь большое значение как для ИМЭМО, где Примаков создаст и возглавит новое направление исследований, удостоенных в 1980 г. Государственной премии СССР, так и для последующей карьеры самого Евгения Максимовича, который в скором времени станет членом-корреспондентом АН СССР, затем академиком, а впоследствии — Председателем Правительства Российской Федерации[1].

[1] О деятельности Е.М. Примакова и его вкладе в историю ИМЭМО подробнее будет сказано в другом месте. Сам Примаков рассказывает об этом в книге воспоминаний: Примаков Евгений. Годы в большой политике. М., 1999.

От Арзуманяна Иноземцев унаследует трех заместителей. Ветераном среди них был Владимир Яковлевич Аболтин, работавший заместителем Арзуманяна с первого дня существования ИМЭМО, о чем уже было рассказано в одной из предыдущих глав.

Другим заместителем директора и одновременно заведующим отделом технико-экономических исследований (ОТЭИ) с начала 60-х годов работал Владимир Иванович Стригачев, о котором речь впереди.

Третьим в этом коротком списке был Станислав Михайлович Меньшиков — один из самых ярких представителей команды Арзуманяна, унаследованной Иноземцевым. Кое-кто в Институте именно его считал естественным преемником умершего Арзуманяна. Не исключено, что и сам Меньшиков думал так же.

Станислав Михайлович Меньшиков — сын бывшего министра внешней торговли СССР в 1949—1951 г., затем крупного советского дипломата, посла СССР в Индии, Непале и США, а в 1962—1968 гг. — министра иностранных дел РСФСР — родился в Москве в мае 1927 г. В 1948 г. с отличием окончил МГИМО, где был оставлен в аспирантуре по кафедре политической экономии. В 1951 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Экономика США на мировом хлебном рынке и международные пшеничные соглашения после Второй мировой войны». В течение четырех последующих лет он работает ассистентом, а затем старшим преподавателем кафедры международных экономических отношений МГИМО. С 1955 до июня 1960 г. Меньшиков — консультант-обозреватель, член редколлегии и заведующий отделом капиталистических стран журнала «Новое время». В 1958 г. выходит его первая монография «Американские монополии на мировом капиталистическом рынке».

Летом 1960 г. он приходит в ИМЭМО на должность старшего научного сотрудника, а через два года сменяет М.И. Рубинштейна в должности заведующего сектором экономики и политики США. В 1963 г. Меньшиков защищает докторскую диссертацию по теме «Современная структура финансовой олигархии США». Два года спустя выходит его солидная монография «Миллионеры и менеджеры. Современная структура финансовой олигархии США», сделавшая Меньшикова одним из ведущих советских экономистов-международников. В ИМЭМО Меньшиков становится зачинателем эконометрических исследований рыночной экономики с применением математических, статистических методов и моделей.

В январе 1964 г. Арзуманян назначает Меньшикова одним из своих заместителей, поручив ему одновременно руководить отделом анализа перспектив капиталистической экономики. Здесь же, в ИМЭМО, долгие годы проработала и безвременно скончавшаяся жена Меньшикова — Марина Амазасповна (урожденная Арутюнян)[1], специалист по аграрным проблемам западной экономики.

---

[1] Она была дочерью крупного советского дипломата А.А. Арутюняна, в 1958—1963 гг. — посла СССР в Канаде.

Иноземцев, придя в ИМЭМО, оставляет хорошо знакомого ему Меньшикова на посту своего заместителя, а в 1967 г. назначает его одновременно заведующим реорганизованным отделом экономики и политики США. Когда в Институте началась работа по подготовке «Политической экономии современного капитализма», отмеченной впоследствии Государственной премией СССР, С.М. Меньшиков станет одним из руководителей этого проекта.

В сентябре 1970 г. Меньшиков неожиданно уходит из ИМЭМО и даже покидает Москву ради работы в Новосибирске, куда его пригласил А.Г. Аганбегян (с 1974 г. академик), директор Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР. С ним уходит и кое-кто из его сотрудников, в частности талантливый выпускник аспирантуры ИМЭМО Юрий Чижов[1].

Причину ухода Меньшикова с поста заместителя директора ИМЭМО на должность заведующего сектором у Аганбегяна в далеком Новосибирске многие в Институте усматривали в его неудовлетворенном честолюбии. Он явно претендовал на большее, нежели быть на вторых (а с приходом Примакова — уже на третьих) ролях при Иноземцеве. По всей видимости, Меньшиков мог надеяться в Новосибирске на более скорое, чем в Москве, избрание в Академию наук СССР по квоте Сибирского отделения. Если это действительно было так, то честолюбие Меньшикова в этом направлении не получило удовлетворения. В Новосибирске он не стал ни академиком, ни даже членом-корреспондентом АН СССР.

Независимо от его подлинных причин, переход Меньшикова из ИМЭМО в новосибирский Институт Аганбегяна был оформлен по всем правилам «хорошего тона». Приказом по ИМЭМО многолетняя плодотворная работа в Институте доктора экономических наук, профессора С.М. Меньшикова была отмечена благодарностью и премией в размере месячного оклада (500 рублей)[2].

Уход Меньшикова в сентябре 1970 г. из команды Иноземцева был компенсирован зачислением в ее состав доктора экономических наук Владлена Аркадьевича Мартынова, назначенного 13 мая 1971 г. заместителем директора ИМЭМО.

В.А. Мартынов родился в декабре 1929 г. в Саратове. Его отец, кадровый сотрудник ВЧК-ОГПУ-НКВД, погиб в 1935 г. при исполнении служебных обязанностей. В 1947 г. Владлен Мартынов окончил среднюю школу в Саратове и уехал в Ленинград, где поступил на экономический факультет ЛГУ им. А.А. Жданова. В 1952 г. он получил диплом с отличием, вступил в КПСС и тогда же стал аспирантом кафедры политической экономии экономфака ЛГУ. После успешной защиты кандидатской диссертации в 1955 г. Мартынов работает старшим преподавателем в Ленинградском инженерно-экономическом институте им. В.М. Молотова, а в феврале 1957 г. переводится на работу в ИМЭМО АН СССР. Еще будучи аспирантом, Мартынов установил тесные

[1] Юрий Чижов умрет в молодом возрасте, не успев реализовать свой творческий потенциал.

[2] Личное дело С.М. Меньшикова // Архив ИМЭМО РАН.

контакты с аграрной группой отдела общих проблем империализма Института экономики. Здесь же работал и научный руководитель Мартынова.

В ИМЭМО Мартынова взяли на должность младшего научного сотрудника со степенью в сектор аграрных проблем. В центре научных интересов Мартынова находились проблемы экономики сельского хозяйства США, которым были посвящены его первые труды, в частности монография «Мелкие и средние фермеры США под гнетом монополий». Он принимал участие в составлении статистического сборника «Сельское хозяйство капиталистических стран», в написании коллективного труда по аграрным кризисам, писал записки для Госплана СССР о состоянии и перспективах развития сельского хозяйства США. С декабря 1960 по апрель 1961 г. Мартынов находился в научной командировке в США, где изучал экономические аспекты американского сельского хозяйства.

По возвращении из США Мартынов проходит конкурс на должность старшего научного сотрудника, а в октябре 1961 г. сменяет А.А. Шлихтера в должности заведующего сектором аграрных проблем. В том же 1961 г. Мартынова избирают секретарем партбюро (впоследствии парткома) ИМЭМО. На этом посту он пробыл два срока без отрыва от основной научной работы. В 1968 г. Мартынов защищает докторскую диссертацию[1].

Когда с уходом Меньшикова освободилась вакансия заместителя директора Института, Иноземцев, рассмотрев, видимо, несколько кандидатур, остановил свой выбор на Мартынове, который, как многолетний секретарь парткома, был в курсе всех проблем и вопросов жизнедеятельности ИМЭМО.

13 мая 1971 г. В.А. Мартынов назначается заместителем директора Института мировой экономики и международных отношений. Иноземцев поручит Мартынову, наряду с прочим, руководить подготовкой фундаментального исследования — «Политическая экономия современного монополистического капитализма», которое в 1977 г. будет отмечено Государственной премией СССР. Впоследствии Мартынов станет пятым по счету директором ИМЭМО, членом-корреспондентом АН СССР, академиком РАН.

С поста секретаря парткома в заместители директора ИМЭМО попал и Игорь Евгеньевич Гурьев. Между тем, когда в самом конце 1969 г. Гурьев впервые появился в Институте, ничто не предвещало его стремительного взлета.

Игорь Евгеньевич Гурьев родился в Москве в декабре 1932 г. В 1955 г. он с отличием окончил факультет иностранных языков МГПИ им. В.И. Ленина, но в аспирантуру решил идти на кафедру политэкономии родного пединститута, которую окончил без защиты кандидатской диссертации. На получение ученой степени кандидата экономических наук Гурьеву, по каким-то причинам, потребуется без малого пятнадцать лет.

В 1959—1960 г. он работает старшим преподавателем кафедры политэкономии на вечернем отделении Московского инженерно-физического

[1] В 1976 г. ему будет присвоено ученое звание профессора.

института (МИФИ), откуда переходит на аналогичную должность в Центральную комсомольскую школу при ЦК ВЛКСМ.

С 1963 до декабря 1969 г. он — старший преподаватель, затем доцент кафедры политэкономии в Университете дружбы народов им. Патриса Лумумбы, откуда его и приглашают на работу в ИМЭМО. Лишь перед самым уходом из УДН Гурьев защитил, наконец, кандидатскую диссертацию по теме «Государственно-монополистическое регулирование заработной платы (на материалах США)».

Видимо, подлинным призванием Гурьева было преподавание, а также склонность к организационной работе. В ИМЭМО ему поначалу предложат заведовать сектором информации по экономическим проблемам в отделе информации. В этой должности он проработает три года и покажет себя неплохим организатором.

Гурьев был замечен Иноземцевым и выдвинут им на пост секретаря парткома Института, а через два года — в декабре 1975 г. — назначен заместителем директора ИМЭМО, которым будет оставаться до мая 1992-го. За эти годы ему доведется поработать параллельно и заведующим отделом социальных и внутриполитических проблем развитых капиталистических стран. В 1981 г. Гурьев защитит докторскую диссертацию по теме «Нарастание нестабильности как форма проявления общего кризиса империализма», а в 1983 г. получит ученое звание профессора. В 1979 г. выйдет в свет его небольшая монография по теме докторской диссертации.

После ухода с поста заместителя директора Гурьев еще два года будет работать в ИМЭМО по теме «Теория рынка труда», а в июле 1994-го оформит перевод в Финансовую академию при Правительстве Российской Федерации, где с 1975 г. он работал на полставки.

Судя по всему, ему не хотелось порывать с ИМЭМО, где он оставался на правах совместителя еще четыре года. И все же в начале 1998 г. бывший член команды Иноземцева подает заявление об окончательном уходе из Института, где прошли, быть может, его лучшие годы. Содержание и тональность поданного Гурьевым заявления выдают чувства неудовлетворенности и даже обиды (на кого и за что? — об этом документ умалчивает)[1].

Так завершилась «имэмовская» карьера одного из выдвиженцев Иноземцева. В Институте он оставил о себе память как энергичный, жесткий и идеологически «правильный» администратор, не склонный мириться с инакомыслием, что и показал в ходе событий 1982 г.[2] Но об этом речь впереди.

---

[1] Из заявления И.Е. Гурьева в Дирекцию ИМЭМО от 16 февраля 1998 г.: «Настоящим ставлю в известность о своей готовности освободить занимаемую мною должность ведущего исследователя Отдела общих проблем рыночной экономики (по совместительству) в любое угодное для Дирекции время» // Личное дело И.Е. Гурьева. Архив ИМЭМО РАН.

[2] В то же время самый именитый из работавших в ИМЭМО бывших диссидентов — М.А. Чешков — вспоминает, что именно Гурьев активно содействовал ему в защите докторской диссертации. Правда, было это не в период «охоты на ведьм» в 1982 г., когда Чешкова намеревались изгнать из Института, а в 1985-м, т.е. уже при Горбачеве.

Переход Е.М. Примакова в 1977 г. на пост директора Института востоковедения АН СССР побудил Иноземцева срочно подыскать ему достойную замену.

Он остановил свой выбор на человеке, которого хорошо знал еще со студенческой скамьи. Это был доктор исторических наук Олег Николаевич Быков, заведующий отделом международных отношений. Это назначение могло показаться неожиданным, прежде всего по той причине, что за тринадцать лет предыдущей работы в ИМЭМО Быков никогда не был замечен в карьеристских устремлениях. Целыми днями он просиживал в читальном зале спецхрана и считался знатоком проблем внешней политики США и американо-западноевропейских отношений. В 1974 г. Иноземцеву стоило больших усилий уговорить Олега Николаевича занять освободившееся место заведующего отделом международных отношений и перебраться из читального зала в отдельный кабинет[1].

Быков родился в 1926 г. в интеллигентной семье провинциальных врачей. Детство его прошло в Туле и Орле, где доводилось работать его родителям. По окончании средней школы в 1944 г. Олег Быков едет в Москву и поступает в МГИМО, который оканчивает с отличием в 1949-м по специальности «историк-международник, референт-переводчик по США». Как отличника, его оставляют в аспирантуре на кафедре всеобщей истории.

В 1952 г. Быкова приглашают на работу в отдел международных связей Советского комитета защиты мира (СКЗМ). Уже работая в СКЗМ, он защищает диссертацию и получает диплом кандидата исторических наук.

В 1955 г. его направляют в Вену на должность заведующего отделом Секретариата Всемирного совета мира (ВСМ), где он проработает четыре года и затем вернется на работу в СКЗМ, став сначала заместителем, а затем и ответственным секретарем этой общественной организации.

В августе 1964 г. Быков переходит на работу в отдел международных отношений ИМЭМО, которым руководит его старый друг Д.М. Томашевский, с которым они учились в МГИМО. Здесь в 1970 г. он защищает докторскую диссертацию, посвященную актуальным проблемам внешней политики США.

В мае 1974 г., как уже говорилось, Быков назначается заведующим отделом международных отношений. Сфера его научных интересов значительно расширяется, постепенно охватывая весь комплекс международно-политических, а затем и военно-политических проблем. На посту заместителя директора ИМЭМО Быков будет координировать все исследования Института по международно-политической и военной проблематике.

Даже если Быков и не смог в полной мере заменить Иноземцеву ушедшего Примакова (а кто бы мог?), то во всяком случае он оказался для него надежным помощником. С 1980 г. Быков — главный редактор «Международного ежегодника. Экономика и политика». В 1980 г. Быков станет лауреатом Государственной премии СССР, а в 1987-м будет избран членом-корреспондентом АН СССР (впоследствии РАН). Заместителем

[1] Перед этим в течение года Быков руководил в отделе небольшой группой по изучению внешней политики США.

директора ИМЭМО Быков проработает до января 1998 г., когда, оставаясь в Институте, займет должность советника РАН.

Длительное пребывание на руководящей должности не сказалось на характере Олега Николаевича. Во все времена и при любых обстоятельствах он сторонился интриг, оставаясь спокойным, вежливым и обходительным человеком. Вместе с тем он был требовательным руководителем. Быков много работал сам (его считали типичным трудоголиком), того же ожидал и от своих коллег.

Последним из выдвиженцев Иноземцева, ставших его заместителями, стал Иван Дмитриевич Иванов — «человек со стержнем», как называл его Н.Н. Он родился в 1934 г. в Москве в рабочей семье. В 1957 г. окончил Институт внешней торговли и два с половиной года отработал младшим научным сотрудником в Научно-исследовательском конъюнктурном институте МВТ СССР. С июля 1961 до марта 1965 г. Иванов заведует отделом в редакции журнала «МЭ и МО». В 1961 г. он защищает кандидатскую диссертацию. С марта 1965 по июль 1966-го Иванов работает в должности заместителя директора по науке в Центральном институте научной информации и технико-экономических исследований Государственного комитета СССР по делам изобретений и открытий, а затем, по командировке МИД СССР, направляется в Секретариат ООН (Женева), где проработает около пяти лет. С мая 1971 до ноября 1976-го он — заведующий отделом экономики в Институте США и Канады АН СССР, откуда переходит на работу в Дипломатическую академию МИД СССР.

В марте 1977-го Иванов приходит в ИМЭМО на должность заведующего группой (затем сектором) международных экономических организаций, а в мае 1979 г. становится заместителем директора Института. К этому времени Иванов уже вошел в число наиболее авторитетных советских экономистов-международников. Еще в 1966 г. он получил ученую степень доктора экономических наук, был автором нескольких монографий, среди которых «Общий рынок и соревнование двух систем» (1963); «Патенты и лицензии в международных экономических отношениях» (1966); «Международные корпорации в мировой экономике» (1976) и др., был ответственным редактором ряда коллективных трудов по экономике США.

В ИМЭМО Иванов проработает до июля 1986 г., когда перейдет в МИД СССР на должность начальника Управления международных экономических отношений, а оттуда — на работу во Внешнеэкономическую комиссию Совета Министров СССР. Впоследствии он вернется уже в российский МИД в качестве заместителя министра. Все эти годы Иванов не порывал с наукой, сумев добиться избрания в члены-корреспонденты, а затем и в действительные члены РАН. В ИМЭМО его помнят как талантливого, оригинально мыслящего экономиста-международника и деятельного администратора. В то же время сотрудники Института, претерпевшие в драматических событиях 1982 г. (о чем еще будет сказано), помнят и другое — его активное участие в борьбе с инакомыслием в научном коллективе ИМЭМО.

В «ближний круг» Иноземцева, помимо его заместителей, входили еще несколько человек, которым он, безусловно, доверял и которых выдвигал на руководящие посты в Институте.

Одним из них был Владимир Никитович Шенаев, принадлежавший к числу «молодых ветеранов» ИМЭМО.

Он родился в Москве в 1929 г. По окончании средней школы в 1948 г. поступил на факультет международных валютно-финансовых отношений Московского финансового института, который окончил с отличием в 1953 г. и был принят в аспирантуру на кафедру денежного обращения и кредита. В конце 1956 г. Шенаева зачисляют ассистентом на эту же кафедру.

В марте 1957 г. он переходит на работу в только что созданный ИМЭМО на должность младшего научного сотрудника без ученой степени. Кандидатскую диссертацию Шенаев защитит в апреле 1958 г. В августе 1961 г. он становится старшим научным сотрудником и одновременно — ученым секретарем Института по международным научным связям (обычно такая должность в системе АН СССР занималась «действующим резервистом» КГБ, хотя бывали и исключения, к числу которых относился Шенаев)[1].

В марте 1963 г. Шенаев получил наконец возможность полностью сосредоточиться на научной работе. Сфера его интересов — экономика ФРГ, денежное обращение, кредит и финансы капиталистических стран. Он публикует монографии, статьи, главы в коллективных работах и к началу 70-х годов выдвигается в ряд ведущих советских специалистов по экономике и финансам стран Западной Европы. В 1974 г. Шенаев защищает диссертацию на соискание ученой степени доктора экономических наук. Годом ранее он назначается заведующим отделом экономики стран Западной Европы (впоследствии — Центр европейских исследований). В 1980 г. Шенаев, в числе группы ведущих сотрудников ИМЭМО, удостаивается Государственной премии СССР.

Плодотворную научную деятельность и руководство отделом Шенаев совмещал с активной общественной работой. В течение 20 с лишним лет он входил в состав парткома ИМЭМО и 10 лет был его секретарем, состоя одновременно членом Дзержинского и Севастопольского районных комитетов КПСС. Как секретарь парткома ИМЭМО, Шенаев сыграет очень важную роль в спасении Института в период гонений на Иноземцева в 1982 г., о чем еще будет рассказано.

У Шенаева были все основания для того, чтобы стать заместителем директора ИМЭМО, а также претендовать на избрание в АН СССР. По каким-то причинам то и другое он получит только в Институте Европы, куда перейдет в марте 1988 г. после 31 года безупречной службы в ИМЭМО.

Заметную роль в команде Иноземцева одно время играл другой секретарь парткома ИМЭМО — Дмитрий Васильевич Петров, крупный японист, один из ведущих специалистов в области международных отношений

[1] По всей видимости, назначение В.Н. Шенаева ученым секретарем ИМЭМО по международным научным связям было осуществлено лично А.А. Арзуманяном, нередко пренебрегавшим неписаными правилами «аппаратных игр».

в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Как и Шенаев, он принадлежал к молодому поколению «птенцов Арзуманяна».

Дмитрий Петров родился в 1927 г. в г. Бабушкине Московской области. В школу он пошел в г. Химки, но с началом войны был эвакуирован вместе с семьей в Новосибирск. Вернувшись из эвакуации, Дмитрий экстерном сдает экзамены на аттестат зрелости и в 1944 г. поступает на японское отделение в Московский институт востоковедения. Когда Петров уже заканчивал учебу в институте, туда как раз поступил вчерашний курсант Бакинского военно-морского училища Евгений Примаков.

Институт востоковедения Петров окончил в 1949 г. с «красным» дипломом, позволившим ему остаться там же в аспирантуре. В 1952 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Американская экспансия в Японии в середине XIX века», которую позднее издаст в виде монографии. По окончании аспирантуры он поступил на работу в Главное управление радиовещания Министерства культуры СССР в качестве обозревателя отдела вещания на Японию. Он не оставляет научную работу, публикуя статьи в журналах и газетах. Для второго издания Большой Советской Энциклопедии, выходившей в 50-е годы, Петров написал 85 статей по японской тематике.

В 1956—1957 гг. Петров находится в загранкомандировке в КНР, где работает руководителем группы консультантов-переводчиков в Высшей партийной школе при ЦК КПК. По окончании командировки он будет награжден медалью «За китайско-советскую дружбу». По всей видимости, именно в Пекине произошло знакомство Петрова с работавшим там же Иноземцевым, который и пригласит его в ИМЭМО.

По возвращении из Китая Петров короткое время проведет на прежнем месте в Управлении радиовещания, а в апреле 1957 г. придет на должность младшего научного сотрудника с ученой степенью в Институт Арзуманяна, где его сразу же сделают старшим научным сотрудником. Правда, поработать в ИМЭМО Петрову придется чуть более трех месяцев.

В августе того же, 1957 г. решением Инстанции (Президиум ЦК КПСС) он будет назначен собственным корреспондентом газеты «Известия» в Японии, где проработает почти пять лет — до июня 1962 г., когда вернется в ИМЭМО.

Здесь в 1964 г. он защищает докторскую диссертацию, публикует ряд серьезных работ по внешней политике Японии, а в июле 1969 г. назначается заведующим сектором международно-политических проблем Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии в отделе международных отношений.

На рубеже 60—70-х годов Петров находится в тесных рабочих контактах с Иноземцевым, который выдвигает его на пост секретаря парткома ИМЭМО, откуда ему открывался прямой путь в заместители директора. Однако этого не произошло. В апреле 1970 г. заместителем Иноземцева по международно-политической проблематике назначается другой выпускник Московского института востоковедения — Е.М. Примаков. Петров остается заведующим сектором, а секретарем парткома вместо него становится С.С. Салычев.

В апреле 1976 г., явно не удовлетворенный своим положением, Петров покидает ИМЭМО и переходит на работу в Институт Дальнего Востока АН СССР.

Иноземцев пополнял свою команду и молодыми выдвиженцами. Заметную роль среди них играл Лев Львович Любимов.

Он родился в 1936 г. в Рязани, где окончил среднюю школу и педагогический институт с дипломом учителя истории, русского языка и литературы. Со студенческих лет Любимов активно участвует в комсомольской жизни, избирается секретарем комитета комсомола Рязанского пединститута, а в 1959 г., в возрасте 23 лет, становится секретарем одного из райкомов ВЛКСМ г. Рязани. В это время Рязанщиной управляет любимец Хрущева, первый секретарь обкома КПСС А.Н. Ларионов, впоследствии застрелившийся, дабы избежать следствия и суда за свои неблаговидные деяния.

Комсомольская карьера Любимова завершилась в декабре 1961 г., когда он перешел на преподавательскую работу в родной пединститут. В 1962 г. Любимов перебирается в Москву и устраивается на работу в Институт тонкой химической технологии им. М.В. Ломоносова, откуда через год поступает в аспирантуру ИМЭМО, где и остается по ее окончании.

В 1967 г. Лев Львович становится кандидатом экономических наук, а через два года Иноземцев поручает ему руководство отделом информации, где Любимов проводит серьезную реорганизацию. Его научно-организаторские способности проявились и на других участках работы, которые ему поручал Иноземцев. В 1975 г. Любимов буквально на пустом месте создал отдел проблем Мирового океана, превратившийся в национальный центр по разработке идей и вариантов политики в этой области. Этот отдел, как и упоминавшийся ОТЭИ, работал в закрытом режиме и в основном по закрытой проблематике.

В 1986 г. Любимов возглавил отдел североамериканских исследований, которым руководил до 1995 г., когда перешел на работу в Высшую школу экономики.

В 1982 г. Любимов защитил докторскую диссертацию, а два года спустя получил диплом профессора. Он автор более 100 опубликованных работ по проблемам мировой экономики, международного регулирования хозяйственной деятельности, экономики природных ресурсов, экономики и политики США. Кто знает, быть может, еще при Иноземцеве Любимов мог бы стать одним из его заместителей, но он им не стал, уступив дорогу Гурьеву, который начинал у него в отделе информации.

В команде Иноземцева состояли и отдельные ветераны ИМЭМО — такие, в частности, как член-корреспондент АН СССР А.Г. Милейковский и доктор экономических наук Е.А. Громов, заведовавшие в Институте двумя важнейшими отделами.

Абрам Герасимович Милейковский родился в 1911 г. в Минске, в семье десятника по лесному делу. В 1927 г. он окончил среднюю школу в г. Боровичи Новгородской области и в течение года работал делопроизводителем в редакции местной газеты «Красная искра». В 1929 г. Абрам Милейков-

ский едет в Ленинград и поступает на экономо-географическое отделение географического факультета ЛГУ. В 1932 г. он завершает учебу и остается в аспирантуре на кафедре экономической географии. С 1935 по 1940 г. кандидат географических наук Милейковский работает в должности доцента на родном факультете.

В декабре 1940-го его призывают на службу в Военно-морской флот. Накануне и во время войны он преподает на Курсах высшего и старшего начальствующего состава ВМФ в Стрельне, в Военно-морском политическом училище в Кронштадте, на Курсах усовершенствования политсостава ВМФ в Москве. С октября 1943 до апреля 1954 г. А.Г. Милейковский — начальник кафедры международных отношений Военно-политических курсов ВМФ (Москва). Затем из ВМФ его переводят в ВВС. С апреля 1954 г. он — заместитель начальника кафедры политэкономии Военно-воздушной академии в Монино.

В декабре 1956 г. доктор экономических наук, полковник А.Г. Милейковский демобилизуется из армии и приходит в ИМЭМО на должность старшего научного сотрудника Британского сектора, которым руководит Иосиф Михайлович Лемин. Шестнадцатилетняя военная служба А.Г. Милейковского отмечена двумя орденами Красной Звезды и медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда» и «За победу над Германией».

Очень скоро Милейковский выдвигается в число ведущих научных сотрудников Института как признанный знаток экономики Англии, Канады и Австралии. Он автор солидной монографии «Распад Британской империи» (1964 г.). Им написаны четыре главы для учебника политэкономии (1965 г.), множество брошюр и статей. Его все более привлекают узловые теоретические вопросы развития капиталистической экономики.

В 1962 г. Милейковский возглавляет сектор общих проблем империализма, которым будет руководить в течение 23 лет. В 1966 г. он будет избран членом-корреспондентом АН СССР, а в 1981-м — академиком. 19 января 1986 г. А.Г. Милейковский напишет заявление на имя директора ИМЭМО Е.М. Примакова:

> «В связи с мероприятиями, направленными на создание условий, благоприятствующих выдвижению молодых ученых на руководящие должности, а также с учетом моего 75-летнего возраста, прошу освободить меня от заведования сектором общих проблем империализма и критики буржуазных экономических теорий, и остаться в ИМЭМО в качестве главного или ведущего специалиста. Это позволит мне выполнить намеченные плановые работы... сохраняя тесную связь с коллективом сектора, которым я руководил четверть века»[1].

Просьба Милейковского будет уважена, как и его пожелание видеть своим преемником в секторе д.э.н. И.М. Осадчую. А сам академик

[1] Архив ИМЭМО РАН.

А.Г. Милейковский в должности консультанта проработает в ИМЭМО до своей смерти, последовавшей 12 января 1995 г.

Из воспоминаний Ирины Михайловны Осадчей об А.Г. Милейковском, его роли в Институте и его отношениях с Иноземцевым:

> «В своей работе Н.Н. Иноземцев... встречавший ожесточенное сопротивление со стороны догматически настроенной части партийной верхушки, имел в А.Г. Милейковском верного союзника. Н.Н. Иноземцев мог быть уверен, что для его политической линии Абрам Герасимович найдет именно то экономическое обоснование, которое позволит противостоять напору догматиков. Этих двух выдающихся людей кроме всего связывала большая дружба, в какой-то мере они даже дополняли друг друга. Некоторая суровость и жесткость стиля руководства Н.Н. Иноземцева сглаживалась мягкостью и дружелюбием Н.Г. Милейковского, хотя в вопросах морали Абрам Герасимович был чрезвычайно щепетилен. Известно, например, что он выступил против исключения А.Д. Сахарова из Академии наук, несмотря на давление, оказывавшееся партией на академические круги. <...>
>
> Оглядываясь назад, можно утверждать, что А.Г. Милейковский сформировал свою научную школу — школу творческих, трудолюбивых, преданных профессии ученых. Эта школа возникла не путем навязывания взглядов «метра», а в результате создания особой атмосферы, особого воздуха, которым мы тогда дышали. Поистине это был воздух: пока им дышишь, его не замечаешь, когда он исчезает, осознаешь, как его не хватает»[1].

Евгений Аркадьевич Громов — другой представитель ветеранской части команды Иноземцева — был на шесть лет старше Милейковского. Он родился в 1905 г. в рабочей семье. В 1919 г. вступил в комсомол и по его направлению два года (1922—1924) учился в Коммунистическом университете трудящихся Востока. В 1925 г. Громов вступает в партию, а в 1929-м становится студентом Института красной профессуры Института мирового хозяйства и мировой политики, руководимого Е.С. Варгой.

Из автобиографии Е.А. Громова:

> «Будучи на IV курсе Института Красной Профессуры ИМХ и МП получил научную командировку от ИКП в США для ознакомления с американской тяжелой промышленностью, особенно со станкостроением (X.32 — VI.33).
>
> По возвращении из США я окончил ИМХ и МП в сентябре 1933 г. В период подготовки диссертации... был мобилизован ЦК ВКП(б) на работу в Транспортные политотделы НКПС. <...>»[2].

Семимесячная командировка в США сыграла роковую роль в дальнейшей судьбе Громова. Об этом факте из его биографии в НКВД вспомнили в 1937 г., когда начались усиленные поиски «троцкистов», «иностранных шпионов» и прочих «врагов народа».

---

[1] *Осадчая И.М.* Абрам Герасимович Милейковский // Война и мир в судьбах ученых-экономистов. Очерки. Выпуск 1. Волгоград, 2003. С. 22, 24.

[2] Личное дело Е.А. Громова // Архив ИМЭМО РАН.

В 1938 г. Громов оказался на воркутинских углеразработках в Коми АССР, где провел 18 лет. В последние годы он работал там в должности помощника главного инженера шахты № 5 комбината «Воркутауголь».

После XX съезда, в мае 1956 г., Евгений Аркадьевич возвращается в Москву и в июле подает заявление о приеме на работу в ИМЭМО. Арзуманян берет его на должность младшего научного сотрудника без степени.

Почти два украденных из его жизни десятилетия Громов пытается наверстать предельно напряженной работой. Уже в 1958 г. он защищает кандидатскую диссертацию, а в 1967 г. становится доктором экономических наук.

В апреле 1963-го Арзуманян назначает Громова заведующим сектором экономического соревнования США и СССР, а Иноземцев в 1967 г. ставит его во главе отдела перспектив экономического развития капиталистических стран и соревнования двух систем.

К тому времени Е.А. Громов — уже признанный специалист в области анализа факторов повышения эффективности народного хозяйства, методологических проблем планирования советской экономики и использования в ней опыта промышленно-экономического развития США. Ему принадлежит ряд фундаментальных трудов, в частности монография «Факторы повышения эффективности общественного производства» (1964). Под его руководством и при его участии были подготовлены коллективные работы «Воспроизводство конечного продукта США» (1966); «Сфера услуг в экономике США» и др.

Подготовленные лично Громовым или под его руководством аналитические записки в директивные органы получали там самую высокую оценку[1]. Уже по этой причине Иноземцев имел все основания считать Е.А. Громова одним из наиболее ценных своих сотрудников.

Тяжелые испытания, выпавшие на долю Громова, несомненно, укоротили его жизнь, не позволив ему в полной мере реализовать свой потенциал. Он умер в 1977 г.

Среди ветеранов ИМЭМО Иноземцев всегда выделял доктора экономических наук Якова Александровича Певзнера, работавшего еще в ИМХМП и свободно ориентировавшегося во всех основных вопросах политэкономии современного капитализма. Нередко он давал ему поручения по тем или иным теоретическим вопросам, выходившим за рамки собственно японоведческой специализации Певзнера[2], возглавлявшего одно время

---

[1] Вот лишь некоторые названия из длинного перечня записок Е.А. Громова: «Возможные темпы прироста общественного продукта США в 1965–1970 гг.» (1964); «Перспективы повышения производительности труда в промышленности США» (1964); «Сравнение жизненного уровня населения СССР и США» (1964); «Капиталоемкость промышленной продукции в капиталистических странах» 1965); «Предварительные итоги экономического соревнования СССР и США в 1959–1965 гг.» (1965); «Причины высоких темпов экономического роста крупнейших капиталистических стран» (1965); «Некоторые особенности повышения эффективности хозяйства США и других капиталистических стран» (1968) // Архив ИМЭМО РАН.

[2] Так, например, в марте 1971 г. Иноземцев попросил Певзнера высказать свое мнение по поводу т.н. «закона преимущественного роста производства средств производства». Со времен

отдел экономики ведущих стран Западной Европы и Японии. В начале 70-х годов этот отдел был разделен на два самостоятельных подразделения, и Я.А. Певзнер возглавил отдел Японии.

Наряду с Певзнером, по вопросам теории Иноземцева консультировал также доктор экономических наук Сергей Михайлович Никитин, принадлежавший к молодому поколению ученых ИМЭМО. Среди прочих материалов в сентябре 1969 г. для Иноземцева им была подготовлена записка «Экстенсивный и интенсивный типы развития», в которой обоснованно доказывалось, что беды советской экономики в значительной степени вытекают из упора на экстенсивное ее развитие. Аргументы, сформулированные Никитиным по этому принципиально важному вопросу, были использованы Иноземцевым в его «просветительской» деятельности в «верхах».

Неудачной оказалась попытка Иноземцева включить в свою команду двух видных ученых, поставленных им на должности заведующих отделами. Речь идет о докторах исторических наук А.А. Галкине и В.М. Кулише.

Александр Абрамович Галкин родился в 1922 г. в Витебске в семье партийно-хозяйственного работника. По окончании средней школы в Минске в 1940 г. он был призван в танковые части Красной Армии и проходил службу в Московском военном округе. В начальный период войны он обучался на курсах военных переводчиков, а затем в Военном институте иностранных языков, где в совершенстве овладел немецким. С ноября 1942 г. и до конца войны Галкин — инструктор политотдела 1-й гвардейской армии, с которой доходит до Берлина. С августа 1945 до октября 1949 г. Галкин служит в Бюро информации Советской военной администрации в Германии. Одновременно он учится заочно на историческом факультете МГУ, специализируясь по истории Германии.

первых сталинских пятилеток этот «закон» определял всю экономическую стратегию ВКП(б)/КПСС и относился к числу абсолютных истин политэкономии социализма. Трезвомыслящие (и наиболее смелые) советские экономисты, в частности Я.А. Певзнер, подвергали сомнению этот постулат. Компетентное и авторитетное мнение Певзнера было ценно для Иноземцева, пытавшегося пробить стену догматических представлений высшего руководства по этому важному вопросу. Из записки Я.А. Певзнера «По поводу так называемого «Закона преимущественного роста производства средств производства»(15 марта 1971 г.): «Указанный выше закон не состоятелен в теоретическом отношении. <...> В этом — суть дела. Критику «закона преимущественного роста средств производства» нельзя понимать так, будто бы вместе с этой критикой выдвигается тезис о том, что существует обратный закон — закон преимущественного роста средств потребления. Ни в коем случае! Критика заключается только в том, что — вразрез с выводами сторонников «закона преимущественного роста первого подразделения» — действительный прогресс производства на одного занятого и в целом — в зависимости от различных обстоятельств и прежде всего от научно-технического прогресса возможен и при растущей, и при постепенной, и при падающей фондо-, материало- и энергоемкости, и при более или менее быстром росте группы А или группы Б. Или иными словами — нет никакого закона преимущественного роста (подчеркнуто мною. — *П.Ч.*); в зависимости от научных достижений, от новой техники и организации производства и т.д. данный темп роста может быть достигнут при разном соотношении темпов роста первого и второго подразделений. Из этого следует, что быстрый рост производства средств производства, остающийся первоочередной задачей, в зависимости от конкретных условий, и прежде всего от технического прогресса — может быть совмещен с более быстрыми темпами роста производства средств потребления». — «Справки, информации, подготовленные по спецзапросам в ИМЭМО» // Архив ИМЭМО РАН.

После демобилизации в конце 1949 г., совпавшей с окончанием учебы в МГУ, Галкин поступает там же в аспирантуру на кафедру новой и новейшей истории. В 1953 г. он успешно защищает кандидатскую диссертацию, посвященную проблеме рейнского сепаратизма. В это время начинается активная журналистско-редакторская деятельность Галкина в Радиокомитете, в редакции «Литературной газеты», в журнале «Новое время» и в Издательстве иностранной литературы. В июне 1954 г. его приглашают в созданный Л.Ф. Ильичевым журнал «Международная жизнь», где он становится редактором отдела.

В мае 1963 г. Галкин приходит в ИМЭМО на должность старшего научного сотрудника. Через год его назначают заведующим сектором критики антикоммунизма и социал-реформизма.

Вернувшийся в ИМЭМО Иноземцев в октябре 1966 г. выдвигает Галкина на должность заведующего отделом экономического положения трудящихся и социально-политических проблем развитых капиталистических стран. К этому времени Галкин уже доктор исторических наук, признанный авторитет в области новейшей истории Германии и социальных проблем западного общества. Он автор двух солидных монографий — «СССР, западные державы и германский вопрос» и «Германский фашизм». Последняя из этих книг принесла автору широкую известность в СССР и за рубежом, так как он впервые осмелился высказать собственное суждение о природе и характере фашизма как исторического феномена. Оценки Галкина в характеристике фашизма выходили за рамки, установленные официальной советской, и в целом марксистской, исторической наукой. Читатели его книги начали усматривать некую аналогию между нацистским и сталинским режимами. Книга «Германский фашизм» все чаще стала попадаться сотрудникам КГБ при обысках и арестах диссидентов. По всем этим причинам А.А. Галкин, вслед за А.М. Некричем и М.Я. Гефтером, навлек на себя нерасположение партийно-идеологического начальства.

Тем не менее он продолжал работать в ИМЭМО, руководить отделом, состоять в парткоме Института и даже быть лектором ЦК И МГК КПСС. И вдруг в 1969 г. А.А. Галкин покидает ИМЭМО и переходит в ИКСИ, к академику А.М. Румянцеву, где ему, по всей видимости, предложили более интересную работу. Иноземцеву ничего не оставалось, как одним приказом от 31 марта 1969 г. оформить перевод в ИКСИ и А.А. Галкина, и своего заместителя Н.А. Сидорова, премировав на прощание первого 250 рублями, а второго — месячным окладом[1].

Пришлось расстаться Иноземцеву и с заведующим отделом международных отношений В.М. Кулишом.

Василий Михайлович Кулиш был кадровым военным. Он родился в 1919 г. в Черниговской области в крестьянской семье. В 18 лет связал свою жизнь с армией, став курсантом Ярославского военно-хозяйственного училища Наркомата обороны СССР. По выходе из училища в 1939 г. Кулиш

[1] Архив ИМЭМО РАН.

служит командиром взвода в Тульском оружейно-техническом училище. В первые месяцы войны он — помощник начальника штаба 712-го стрелкового полка 132-й стрелковой дивизии на Брянском фронте, где получил тяжелое ранение, от которого лечился в эвакогоспитале почти полгода.

По излечении его направляют служить в Забайкальский военный округ, откуда он поступает на учебу в Военную академию им. М.В. Фрунзе, на Командный факультет. Позднее он окончит еще и Военно-исторический факультет этой академии и станет профессиональным военным историком. В 50-е годы Кулиш служит в редакции журнала «Военная мысль» и в научном отделе Военно-политической академии им. В.И. Ленина. С 1958 г. он — сотрудник редакции «Военно-исторического журнала», затем начальник 3-го отдела редакции.

В 1955 г. Кулиш защищает кандидатскую диссертацию на тему «Стратегия США и Англии в кампаниях 1944 и 1945 гг.», а в 1964 г. — докторскую по теме «История Второго фронта в Европе». Эта диссертация была доработана им в капитальную монографию, которая вышла в свет двумя изданиями — в 1965 и 1971 гг. Она вызвала к себе большой интерес как в СССР, так и за рубежом.

В.М. Кулиш, как военный историк-эксперт, привлекался к работе по реабилитации репрессированных в 1937—1938 гг. представителей высшего командного состава Красной Армии. В 1966 г. полковник Кулиш решительно выступил в защиту А.М. Некрича, чья книга «22 июня 1941 года» с критикой Сталина за неподготовленность к войне подверглась разгрому со стороны неосталинистов, направлявшихся М.С. Сусловым.

В результате А.М. Некрич вынужден будет через некоторое время навсегда покинуть СССР, а полковник В.М. Кулиш в январе 1967 г. будет уволен из армии «по выслуге лет».

«Дело Некрича» получило тогда большой общественный резонанс и было воспринято как поворот к неосталинизму не только в исторической науке, но и в идеологии. В этом «деле», помимо самого Некрича и Кулиша, оказались замешаны такие видные историки-германисты, как Д.Е. Меламид (Мельников), работавший к тому времени в ИМЭМО, полковники В.И. Дашичев и Д.М. Проэктор, вынужденные вслед за Кулишом покинуть армию.

К чести Иноземцева можно отнести приглашение трех опальных полковников на работу в ИМЭМО.

Первым в январе 1967 г. в Институт пришел В.М. Кулиш, создавший два года спустя в рамках отдела международных отношений сектор военно-политических проблем. Затем в ИМЭМО пришли его коллеги и давние друзья — Даниил Михайлович Проэктор и Вячеслав Иванович Дашичев. Первый из них в 1974 г. возглавит исследовательскую группу по проблемам европейской безопасности, а второй станет сотрудником сектора международно-политических проблем Европы, возглавлявшегося Д.Е. Меламидом.

Поначалу основательный и по-военному несколько прямолинейный Кулиш будет пользоваться расположением и доверием Иноземцева. Когда

в 1970 г. Д.Г. Томашевский примет окончательное решение оставить должность заведующего отделом международных отношений, на которую в 1962 г. его уговорил перейти из МГИМО Иноземцев[1], то последний предложит занять ее Василию Михайловичу Кулишу.

Кулиш развернет активную деятельность: он много работает, публикуется, выезжает в зарубежные командировки, привлекается к выполнению заданий директивных органов.

Одновременно с началом разрядки международной напряженности после нормализации отношений СССР и ФРГ в 1970 г. и достижения в 1972 г. первых советско-американских договоренностей по ограничению стратегических наступательных вооружений (ОСВ-1) обозначился конфликт между Кулишом и заместителем директора Института Примаковым по вопросу о роли военной силы в международных отношениях. Более конкретно речь шла о роли силового фактора во внешней политике США. Кулиш считал, что Примаков недооценивает этот фактор, сохраняющийся и в новых условиях, и чрезмерно поддается эйфории разрядки, а Евгений Максимович, по-видимому, видел в Кулише противника этой самой разрядки, приверженца старого, силового подхода к решению спорных проблем в советско-американских отношениях.

Силы противоборствующих сторон в этом обострявшемся конфликте явно были неравными. Это в конечном счете понял и сам Кулиш, подавший в отставку. В заявлении на имя директора Института от 27 марта 1974 г. он писал:

> «В последнее время выявились полностью разногласия между зам. директора Института д.э.н. Примаковым Е.М. и мною по вопросу о роли, функциях и формах реализации военной силы в современных международных отношениях и внешней политике капиталистических государств. Суть этих разногласий Вам известна. Позицию тов. Примакова я считаю ошибочной и не смогу принять ее в качестве основы для дальнейших исследований Сектором военно-политических проблем и лично мною. В связи с вышеизложенным продолжать работу в ИМЭМО не считаю для себя возможным. Прошу уволить меня с работы в ИМЭМО»[2].

Иноземцев наложил резолюцию: *«Тов. Гурьеву И.Е. Прошу рассмотреть на парткоме»*[3].

В архиве ИМЭМО сохранилась адресованная отсутствовавшему при рассмотрении «дела Кулиша» Иноземцеву выписка из протокола заседания парткома Института, состоявшегося 29 марта. В ней говорилось:

---

[1] Впоследствии Д.Г. Томашевский признался автору данной работы, что решил «отойти от дел» в результате болезненно воспринятой им советской военной интервенции Чехословакии в августе 1968 г., с которой он связал крах всех надежд на демократизацию режима после XX съезда. Томашевский, по его словам, не скрыл от Иноземцева подлинных причин своего ухода от заведования отделом. Иноземцев, разумеется, не мог одобрить поступок своего старого друга, но все же согласился отпустить его в старшие научные сотрудники.

[2] Архив ИМЭМО РАН.

[3] Там же.

«Рассмотрев по существу заявление заведующего Отделом международных отношений т. Кулиша В.М. от 27 марта 1974 г., содержащее просьбу уволить его с работы, мотивированную его разногласиями с заместителем директора Института т. Примаковым Е.М., Партийный комитет считает необходимым:

1. Признать несостоятельной мотивировку, приведенную в заявлении т. Кулиша В.М.;
2. Рекомендовать Дирекции Института согласиться с просьбой т. Кулиша В.М. об увольнении и не задерживать его в штате ИМЭМО более установленного для подобных случаев срока;
3. В целях укрепления руководства Отдела рекомендовать на должность заведующего Отделом международных отношений д.и.н. Быкова О.Н.;
4. Обратить внимание Дирекции Института на необходимость самого серьезного рассмотрения состояния научно-исследовательской работы в секторе военно-политических проблем, на взаимосвязь исследований, проводимых в этом секторе, с разработкой теоретических проблем международных отношений, предпринимаемой другими подразделениями Отдела и Института в целом;
5. Обратить внимание партбюро Отдела международных отношений (секретарь т. Размеров В.В.) на необходимость улучшения воспитательной работы в коллективе, усиления высокой требовательности к деловым и политическим качествам всех сотрудников Отдела, включая и его руководство»[1].

17 апреля 1974 г. был подписан приказ об увольнении В.М. Кулиша «по собственному желанию». Месяц спустя заведующим отделом международных отношений был назначен О.Н. Быков. А на заведование сектором военно-политических проблем будет приглашен кандидат военных наук, полковник запаса П.Д. Тарабаев, многие годы служивший в Главном разведывательном управлении Советской армии.

Как видим, состав команды Иноземцева постоянно обновлялся новыми людьми.

В рабочей команде Иноземцева начиналась карьера будущего министра иностранных дел России Игоря Сергеевича Иванова.

Он пришел в ИМЭМО в ноябре 1969 г. К тому времени Иванов — выпускник Московского суворовского военного училища — окончил МГПИИЯ им. Мориса Тореза с дипломом референта-переводчика с испанского и английского языков. После «иняза» он совсем недолго поработал стажером в Институте международного рабочего движения, откуда был приглашен в ИМЭМО на должность младшего научного сотрудника, личного референта Иноземцева.

Это был стройный, по-военному подтянутый, элегантный молодой человек с располагающей улыбкой и хорошими манерами, исполнительный и аккуратный. В 1971 г. он женился на сотруднице Института Екатерине Семеновне Козыревой, дочери видного дипломата, тогдашнего заместителя министра иностранных дел СССР. Работа с Иноземцевым приобщила

[1] Там же.

будущего министра к международно-политической проблематике. Иванов уже подумывал о написании кандидатской диссертации, когда судьбе было угодно направить его по другому пути.

Весной 1973 г. ему было предложено перейти на работу в МИД СССР, откуда в ИМЭМО затребовали характеристику на Иванова.

Из характеристики И.С. Иванова:

> «<...> В ИМЭМО АН СССР тов. Иванов И.С. работает с 1969 года в должности младшего научного сотрудника. За время работы в Институте зарекомендовал себя добросовестным, исполнительным работником, ответственно относящимся к порученным заданиям. Тов. Иванов И.С. активно участвует в общественной жизни Института. С 1970 года по настоящее время является заместителем секретаря Комитета ВЛКСМ Института. В 1970 году был членом Интернациональной комиссии при Дзержинском РК ВЛКСМ. Тов. Иванов И.С. выезжал за границу в качестве переводчика: в 1967–68 гг. — Республика Куба; 1970 г. — Мексика, Испания; 1971 г. — Испания, Бразилия; 1972 г. — Испания. Замечаний по командировкам не имел. Тов. Иванов И.С. идеологически выдержан, морально устойчив, женат. <...> Дирекция, партком и местком ИМЭМО АН СССР рекомендуют тов. Иванова И.С. для использования на загранработе по линии МИД СССР. Характеристика утверждена на заседании парткома Института, протокол № 17 от 6.IV.1973 г. <...>»[1]

20 июля 1973 г. по Министерству иностранных дел СССР вышел приказ, подписанный заместителем министра Н. Пеговым:

> «ИВАНОВА Игоря Сергеевича, младшего научного сотрудника Института мировой экономики и международных отношений АН СССР, с 23 июля 1973 года назначить вторым секретарем I Европейского отдела и числить его по резерву»[2].

Так начиналась дипломатическая карьера будущего министра иностранных дел России. Впоследствии, уже став министром, Иванов не раз с благодарностью вспоминал годы, проведенные в ИМЭМО рядом с Иноземцевым.

На место перешедшего в МИД И.С. Иванова Иноземцев пригласил Николая Алексеевича Косолапова, выпускника МГИМО, уже успевшего поработать в «Интуристе». В ИМЭМО Косолапов успешно работал в секторе теоретических проблем исследования и прогнозирования международных отношений. Став помощником Иноземцева, Косолапов продолжал заниматься научными исследованиями, защитил кандидатскую диссертацию. Впоследствии Иноземцев выдвинет его на должность заместителя главного редактора журнала «МЭ и МО», по-видимому, готовя его на смену Я.С. Хавинсону.

---

[1] Личное дело И.С. Иванова // Архив ИМЭМО РАН.

[2] Там же.

В начале 80-х годов, уже после смерти Иноземцева, Н.А. Косолапов перейдет на работу в аппарат ЦК КПСС, где вскоре станет помощником члена Политбюро, секретаря ЦК КПСС А.Н. Яковлева (бывшего директора ИМЭМО), а в начале 90-х вернется в Институт и возглавит отдел международных отношений.

В начале 70-х годов в команду Иноземцева вошла и сразу же заняла там особое место Маргарита Матвеевна Максимова, появившаяся в Институте, как уже говорилось, еще в 1961 г.

Она родилась в Томске. В десять лет осталась без отца и воспитывалась матерью, медицинской сестрой. В 1938 г. Маргарита Максимова поступила в Индустриальный институт в г. Горьком, в предместье которого они с матерью жили с 1928 г. В июне 1943 г. с дипломом инженера-механика она была направлена на артиллерийский завод, где почти до самого окончания войны работала инженером-конструктором. Ее работа на оборонном заводе была отмечена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.».

В марте 1945 г. Максимову отзывают с завода и назначают заведующим отделом студенческой молодежи Горьковского обкома ВЛКСМ. В этой должности она проработала год, после чего была переведена в Москву и назначена инструктором отдела студенческой молодежи ЦК ВЛКСМ.

Комсомольская карьера Максимовой завершилась в феврале 1948 г., когда она вместе с мужем (Ю.С. Медведковым) выехала в Берлин, где вскоре была принята на работу в представительство Советской контрольной комиссии в Германии на должность старшего инженера, затем эксперта по экономическим вопросам. В этот период определяется истинное призвание Максимовой — экономическая наука. По возвращении из Германии она поступает в аспирантуру на кафедру политэкономии Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской.

Из воспоминаний М.М. Максимовой:

> «Это был скромный московский вуз, но с весьма солидной кафедрой политэкономии. Возглавлял ее известный в те годы профессор Калмаков. Перед вступительными экзаменами пришлось проштудировать труды классиков. Калмакову я призналась, что смогу сдать только политэкономию капитализма и империализма, на что он мне сказал: "А какую еще политэкономию вы имеете в виду?" Я ответила: "Политэкономию социализма".
>
> "Голубушка, ее не было и нет, не волнуйтесь", — успокоил меня Калмаков. Вот так я поступала в аспирантуру»[1].

В 1955 г. Максимова защищает диссертацию на тему «Пути обеспечения прибылей монополиями Западной Германии». Затем около года преподает политэкономию в вечернем Университете марксизма-ленинизма при войсковой части в г. Хемнитце (тогда — Карл-маркс-штадт), а в 1956 г. отправляется в ФРГ, куда ее муж назначен торгпредом СССР. Четырехлет-

[1] Запись беседы с М.М. Максимовой 9 января 2002 г.

нее пребывание в Германии существенно обогатило представления Максимовой о западногерманской экономике, позволив ей освоить новейшую научную литературу и изучить практическую деятельность крупных монополистических объединений.

По возвращении в Москву Максимовой не без труда удалось в феврале 1961 г. устроиться в ИМЭМО, где ее сразу же привлекли к изучению процессов европейской экономической интеграции. Она приняла самое активное участие в составлении известных «Тезисов» ИМЭМО 1962 г.

В течение первых десяти лет работы в ИМЭМО Максимова, считающая себя ученицей Е.Л. Хмельницкой, написала ряд серьезных научных трудов, выросла в крупнейшего специалиста в области изучения европейской экономической интеграции. К тому времени она — ответственный редактор и автор коллективной монографии «Экономические группировки в Западной Европе», серии из пяти книг — «Международные монополии и капиталистическая интеграция», других работ. В 1971 г. выходит в свет обобщающий труд Максимовой — «Основные проблемы империалистической интеграции: экономический аспект», в котором подведены итоги ее десятилетних изысканий в этой области[1]. Тогда же, в 1971 году, она становится доктором экономических наук и вскоре получает звание профессора.

С приходом в Институт Иноземцева, создавшего отдел международных организаций, Максимова переходит туда из отдела Западной Европы на должность заведующего сектором международных экономических организаций. Под ее руководством и при авторском участии была подготовлена монография «ООН и международное экономическое сотрудничество».

В 1971 г. она выходит замуж за разведенного к тому времени Иноземцева и, таким образом, становится «первой леди» ИМЭМО. Брак с Иноземцевым, безусловно, давал Маргарите Матвеевне определенные преимущества в Институте, но он же ставил пределы ее академической карьере, учитывая статус мужа. Никто в ИМЭМО никогда не оспаривал научных дарований Максимовой, всегда добивавшейся высоких результатов в областях исследований, которыми она занималась, — будь то интеграционные процессы или международное экономическое сотрудничество.

В начале 1972 г. М.М. Максимова создает в ИМЭМО новое направление исследований — внешнеэкономические проблемы капитализма, хотя, по ее признанию, серьезные и острые проблемы стояли в то время прежде всего перед советской экономикой и внешней торговлей. Поисками путей и средств разрешения этих проблем, с целью оказания помощи советской внешнеэкономической практике, и занимался, наряду с прочим, научный коллектив, созданный М.М. Максимовой.

Максимова руководила отделом внешнеэкономических проблем капитализма полтора десятилетия, после чего перешла на должность главного

[1] Книга опубликована на семи языках и выдержала несколько изданий в СССР и за рубежом.

научного сотрудника, а созданное ею научное подразделение стало называться отделом глобальных экономических проблем и внешнеэкономической политики. Научные заслуги Маргариты Матвеевны отмечены Государственной премией СССР и Международной академической премией, а также орденами «Знак Почета» и «Дружба народов».

Свое особое место в Институте занимал пришедший туда в 1967 г. член-корреспондент АН СССР Владимир Алексеевич Виноградов. Его нельзя было однозначно причислить к членам «команды Иноземцева» уже хотя бы потому, что Виноградов был самостоятельной фигурой[1].

Участник Великой Отечественной войны, получивший инвалидность по тяжелому ранению в июле 1941 г., Виноградов в 1948 г. окончил МГИМО, где и познакомился с Иноземцевым. Его мечта стать дипломатом не осуществилась из-за «неподходящей» анкеты его жены, чьи родители были репрессированы в годы Большого террора (отец был расстрелян, а мать осуждена на пять лет). В МГБ таких вещей не забывали. Виноградову удалось устроиться на работу в аппарат Президиума Академии наук, где со временем он будет занимать высокие посты. Одновременно Виноградов активно занимался научной работой, получив в 1965 г. ученую степень доктора экономических наук и опубликовав ряд серьезных научных трудов. В 1966 г. его изберут членом-корреспондентом АН СССР по Отделению экономики. Интересно, что кандидатура В.А. Виноградова, в то время уже заместителя главного ученого секретаря Президиума АН СССР, была выдвинута Н.Н. Иноземцевым и поддержана академиками И.И. Минцем и С.Г. Струмилиным, а также членом-корреспондентом К.Н. Плотниковым.

Оставаясь на руководящей работе в Президиуме Академии наук, Виноградов в начале 1967 г. договорился с Иноземцевым о создании в ИМЭМО сектора по изучению социально-экономических проблем рабочего движения, которым взялся руководить в порядке совместительства[2]. Этим сектором он руководил до 1975 г., когда целиком сосредоточился на работе в Институте научной информации по общественным наукам (ИНИОН), директором которого был назначен еще в 1972 г. За время его работы в ИМЭМО в секторе Виноградова, состоявшем из восьми сотрудников, были подготовлены две солидные коллективные монографии, одна из которых была удостоена серебряной медали ВДНХ, и шесть индивидуальных монографий. Сотрудники сектора в качестве авторов и соавторов глав и разделов приняли участие в девяти коллективных трудах Института, участвовали в целом ряде международных научных конференций и конгрессов. Иноземцев, как вспоминает Виноградов, «поблагодарил меня за большой вклад в научную работу Института и выразил сожаление, что многочисленные обязанности не позволяют мне продолжать работу в ИМЭМО»[3].

---

[1] См.: Владимир Алексеевич Виноградов / Биобиблиография ученых СССР. М., 1982. Научно-биографический очерк о В.А. Виноградове в этом издании написан академиком Н.Н. Иноземцевым.

[2] См. об этом: *Виноградов В.А.* Указ. соч. С. 229 – 233.

[3] *Виноградов В.А.* Указ. соч. С. 348.

Впоследствии В.А. Виноградов будет избран действительным членом АН СССР по Отделению исторических наук, а в должности директора ИНИОН он проработает до конца 1997 г.

Таков был круг ближайших сотрудников Н.Н. Иноземцева. Отличительной чертой этой команды единомышленников, при всех особенностях и различиях составлявших ее людей, была нацеленность на преодоление догматических представлений об окружающем мире и о насущных потребностях собственной страны. Это сближало Иноземцева с Арзуманяном. Но в отличие от Арзуманяна, как правило избегавшего подавать в Инстанцию рекомендации, выходящие за рамки собственно экономической проблематики, Иноземцев и его команда все более смело пытались влиять на принятие советским руководством важных внешнеполитических решений.

Глава 5

ИНСТИТУТ ИНОЗЕМЦЕВА (1966–1970)

Перестройка

Став директором ИМЭМО и заявив о намерении продолжать дело своего предшественника, Иноземцев, разумеется, имел и собственные представления о том, как должна строиться работа Института. У него, естественно, было свое видение проблем, которыми предстояло заниматься. Наконец, он просто был другим человеком, не похожим на Арзуманяна, несмотря на сходство их политических и научных взглядов. Иноземцев принадлежал к другому поколению, со своей системой представлений.

Ему предстояло руководить Институтом не в относительно благоприятной обстановке «оттепели», а в условиях прогрессировавшего «похолодания» и ползучего наступления неосталинизма.

Нельзя игнорировать и тот очевидный факт, что у Иноземцева в начале его директорства не было такого влиятельного и надежного покровителя, каким для Арзуманяна был А.И. Микоян. Поэтому Иноземцеву приходилось в значительно большей степени считаться с аппаратом ЦК КПСС и строго следовать неписаным правилам «аппаратных игр», чем нередко пренебрегал, — и он мог себе это позволить, — Арзуманян. Иноземцеву еще только предстояло доказать свое право консультировать Инстанцию (так в официальной переписке принято было называть Политбюро) и тем более подавать советы Генеральному секретарю ЦК КПСС. А он, безусловно, к этому стремился.

Николай Николаевич пришел на директорский пост во всеоружии, со своей программой и конкретным планом действий. И то и другое предварительно получило одобрение на Старой площади, где Иноземцеву объяснили, какого рода разработок ожидают от ИМЭМО. И, что не менее важно, — наделили его всеми необходимыми полномочиями для проведения структурной реорганизации в Институте, которую он считал необходимой[1]. Возвращение Иноземцева в ИМЭМО практически совпало

[1] По действовавшим тогда правилам, любое, даже незначительное изменение в структуре академического института (например, создание или упразднение сектора, лаборатории, группы) требовало обязательного согласования с соответствующим Отделением, а также с Прези-

с началом реализации 8-й пятилетки (1965 – 1970), что повлекло за собой внесение существенных корректив в уже утвержденный план научно-исследовательских работ Института. План был переориентирован на решение таких ключевых проблем, как главные тенденции научно-технического прогресса, соотношение объективных и субъективных факторов в экономике и политике зарубежных стран, основные узлы межимпериалистических противоречий, изменения в классовой структуре капиталистического общества, характер политической власти в развивающихся странах и т.д.

В центр всей работы ИМЭМО была поставлена задача прогнозирования экономического, политического и социального развития капиталистических и развивающихся стран, в том числе с помощью применения математических методов количественных оценок в экономической сфере и социологических исследований в социально-политической области.

В соответствии с этими изменениями в плане научной работы ИМЭМО на 1966 – 1970 гг. были сформулированы семь основных тематических направлений[1].

1. Экономическое соревнование двух мировых систем в условиях современной научно-технической революции (НТР);
2. Новые явления в развитии международных отношений и борьба за предотвращение мировой войны;
3. Международные экономические отношения;
4. Изменения в экономике монополистического капитализма, экономические и политические проблемы развития капиталистических стран;
5. Политические и экономические проблемы развивающихся стран;
6. Международное рабочее и коммунистическое движение. Структура современного капиталистического общества;
7. Юбилейные работы, связанные с 50-летием Октябрьской революции, 100-летием «Капитала», 150-летием К. Маркса и 100-летием со дня рождения В.И. Ленина.

Новые задачи требовали структурной перестройки некоторых подразделений Института.

В конце 1966 г. был создан отдел экономического положения трудящихся и социально-политических проблем развитых капиталистических стран во главе с Т.Т. Тимофеевым[2]. Отдел был призван исследовать четыре группы вопросов: экономическое положение трудящихся; социальные проблемы промышленно развитых стран; политические проблемы антимонополистической борьбы (вопросы демократической альтернативы монополиям

диумом АН СССР. Н.Н. Иноземцев «получил добро» на структурную реорганизацию ИМЭМО еще до того, как был подписан приказ о его назначении директором.

[1] См.: Справка о научно-исследовательской работе ИМЭМО АН СССР за 1967 – 1968 гг. // Архив ИМЭМО РАН.

[2] После ухода в 1967 г. Т.Т. Тимофеева на пост директора вновь созданного Института международного рабочего движения АН СССР руководство отделом в ИМЭМО перейдет к А.А. Галкину (до марта 1969 г.), а затем к Г.Г. Дилигенскому.

в области экономики, участия рабочего класса в решении основных хозяйственных проблем и управления производством); экономические проблемы антимонополистической борьбы (вопросы демократической альтернативы в области политики, соотношение борьбы за демократию с борьбой за социализм, отношения с социал-демократией, профсоюзами и т.д.).

Как видно, в работе отдела по-прежнему превалировал идеологический аспект, который постепенно, особенно с приходом к руководству Г.Г. Дилигенского, будет заменяться серьезными политологическими исследованиями.

В ноябре 1966 г. в Институте был создан отдел международных организаций, выделившийся из отдела международных отношений. Создателем и бессменным руководителем этого отдела, которому поручено было исследовать политические и экономические аспекты деятельности ООН, других важнейших международных организаций и неправительственных учреждений, был доктор юридических наук Г.И. Морозов.

В самом начале 1967 г. возник отдел перспектив экономического развития и соревнования двух систем во главе с крупным экономистом-международником Е.А. Громовым. Отдел призван был изучать экономику капитализма с расчетом использования опыта в организации, структуре и эффективности этой экономики в интересах советского народного хозяйства. В структуре отдела сформировали три сектора (эффективности производства, перспектив экономического развития, научно-технических проблем) и лабораторию международных экономических сопоставлений.

В секторах развернулись исследования механизма повышения эффективности капиталовложений, фондоемкости, прибыльности, структуры и других факторов капиталистического производства, методологии экономических прогнозов и опыта прогнозирования в странах рыночной экономики, направлений технического прогресса, его эффективности, подготовки и использования квалифицированных кадров и т.д.

Сотрудники лаборатории международных экономических сопоставлений занялись сравнением основных стоимостных, натуральных и технико-экономических показателей СССР и стран Запада. Особое место в ее работе занял сравнительный анализ экономики СССР и США. Результаты налаженных в лаборатории исследований с самого начала стали основой для работы всего отдела по подготовке докладных записок в инстанции по наиболее актуальным проблемам советской экономики в сравнении с главными капиталистическими странами.

В целом же перед отделом Е.А. Громова была поставлена задача поиска новых подходов в решении практических проблем повышения эффективности советской экономики.

В начале 1967 г. произошла реорганизация и расширение отдела экономики и политики США, руководить которым стал заместитель директора ИМЭМО доктор экономических наук С.М. Меньшиков. В отделе были организованы четыре сектора.

Сектор экономики и государственно-монополистического регулирования призван был изучать основные процессы воспроизводства в США.

Сектор внешних экономических проблем США был нацелен на исследование вопросов платежного баланса, торговли, валютных проблем и т.д.

Сектор управления внутрифирменного планирования в концернах США занимался, в частности, изучением применения ЭВМ и математических методов в крупнейших фирмах.

Сектор внутренней и внешней политики США сосредоточил внимание на исследовании расстановки политических сил в этой стране, а также перспектив американо-советских и американо-китайских отношений.

Частичной реорганизации подвергся и отдел международных отношений, «отцом-основателем» которого был сам Н.Н. Иноземцев. На рубеже 1968 и 1969 гг. в нем был создан сектор теоретических проблем исследования и прогнозирования международных отношений во главе с доктором исторических наук В.И. Гантманом. А год спустя возникнет сектор военно-политических проблем международных отношений, который возглавит доктор исторических наук В.М. Кулиш.

Работа по совершенствованию структуры ИМЭМО продолжится и в последующие годы. В решающей степени она будет объясняться сдвигами, происходившими в мировой экономике, и изменениями в международной жизни. Иноземцев оперативно реагировал на все эти перемены и старался вовремя перенацелить интеллектуальный потенциал ИМЭМО на изучение вновь возникавших проблем и вопросов. Принципиально важным он считал, и постоянно напоминал об этом, выявлять новейшие тенденции в мировой экономике и политике, работать на опережение событий, на их оперативный анализ и прогнозирование возможных последствий.

Начало прогнозирования

С приходом Н.Н. Иноземцева на пост директора ИМЭМО одним из главных направлений в деятельности Института становится подготовка прогнозов развития экономики и политики зарубежных стран, а также международных отношений. В начале 1967 г. в Институте были сформированы 24 специализированные группы в составе 175 научных сотрудников[1] для подготовки долгосрочных прогнозов экономического развития ведущих стран Запада до 1975—1980 гг., прогнозов развития научно-технических исследований в этих странах, перспектив развития международных отношений.

Дело это было новое и, как вскоре выяснится, небезопасное для его зачинателя, Иноземцева. Наибольшие трудности возникли при прогнози-

[1] Число этих групп и привлеченных к прогнозированию научных сотрудников менялось в зависимости от вставших перед Институтом новых задач, вытекавших из политических и экономических изменений в мире. К участию в прогнозировании привлекались ведущие сотрудники ИМЭМО.

ровании перспектив развития международных отношений. В отличие от экономического прогнозирования, где еще со времен ИМХМП имелись определенные наработки, основанные на объективных тенденциях экономического развития, составлением международно-политических прогнозов никто в СССР ранее не занимался. Поэтому прежде всего пришлось немало потрудиться над методикой такого рода исследований. Эта работа была поручена ведущим аналитикам отдела международных отношений В.И. Гантману и Д.Е. Меламиду.

В короткий срок ими была подготовлена методическая разработка, которая после рабочего обсуждения и легла в основу дальнейших исследований в области прогнозирования международных отношений.

Одновременно велась работа по составлению аналогичных методик, которые лягут в основу изучения перспектив социально-политического развития стран Западной Европы (Г.Г. Дилигенский и Л.В. Степанов), советско-американских отношений и отношений двух систем (О.Н. Быков и В.В. Размеров), внешней политики США (Ю.М. Мельников), тенденций в развитии военно-политической ситуации в мире (В.М. Кулиш), внешней политики стран «треть его мира» (А.А. Лаврищев) и др.

Уже в середине 1967 г. на дирекции ИМЭМО был обсужден и в целом одобрен первый вариант «Докладной записки о перспективах развития международных отношений и социально-политических тенденций в развитых капиталистических и развивающихся странах». Среди ее авторов — Н.Н. Иноземцев, Д.Е. Меламид, Д.Г. Томашевский, В.Л. Тягуненко, Г.И. Мирский, А.А. Галкин, В.М. Кулиш.

Интенсивная работа развернулась в Институте по составлению экономических прогнозов. В середине1967 г. на Ученом совете был заслушан и обсужден «Проблемный доклад о прогнозе экономического развития главных капиталистических стран до 1975—1980 гг.», подготовленный авторским коллективом в составе: Н.Н. Иноземцев, С.М. Меньшиков, В.И. Стригачев, А.И. Шапиро, В.А. Мартынов. В этом 200-страничном документе излагались предварительные соображения о главных тенденциях и факторах экономического развития и прогнозные расчеты роста западной экономики на предстоявшие 10—15 лет. Проведенный анализ основывался на учете новейших достижений и перспектив развития научно-технической революции (НТР) в ведущих странах Запада и выявленной тенденции к повышению роли государственного воздействия на экономику этих стран. В докладе были рассмотрены изменения нормы накопления, темпы роста валового национального продукта и промышленной продукции, другие факторы экономического развития по положению на 1967 г. Суммируя эти показатели и опираясь на анализ перспективных путей развития НТР, авторы доклада определили тенденции экономического роста западной экономики преимущественно до 1975 г.

Этот доклад после его доработки станет вводной главой к обобщающей работе, анализирующей ряд общих мирохозяйственных проблем, оценивающей динамику макроэкономических и важнейших отраслевых показа-

телей ведущих стран Запада, а также перспективы экономического роста развивающихся стран.

Другой авторский коллектив (А.Г. Милейковский, В.И. Стригачев, Б.И. Комзин) подготовил «Проблемный доклад о прогнозе развития научных исследований в главных капиталистических странах». В этом 140-страничном документе были рассмотрены основные тенденции, характеризовавшие возрастающее значение науки в современной научно-технической революции, а также наиболее важные сдвиги, происходившие в экономической сфере самой науки. Наряду с рассмотрением основных тенденций научно-технического прогресса, в докладе содержались обобщенные данные зарубежных прогнозов в конкретных областях науки и техники. Выявление и анализ этих важных тенденций, по мнению авторов доклада, призваны были облегчить поиски оптимальных путей и средств ускорения экономического развития СССР.

На базе созданной в 1967 г. в ИМЭМО лаборатории международных экономических сопоставлений развернулась работа над проблемным докладом «О прогнозе уровня и структуры национального дохода и общественного продукта, темпов и основных пропорций развития хозяйства развитых капиталистических стран» (авторы — А.И. Шапиро, В.М. Кудров, Б.И. Комзин).

Авторский коллектив под руководством В.Л. Тягуненко, В.М. Коллонтая и Л.В. Степанова подготовил докладную записку «О прогнозе изменения социально-политической структуры развивающихся стран». В записке делался вывод о том, что в предстоявшее десятилетие не следует ожидать заметного увеличения темпов экономического развития этих стран, роста национального продукта и в особенности развития сельскохозяйственного производства. В то же время прогнозировалось нарастание политической и социальной неустойчивости в развивающихся странах, быстрый рост населения, обострение продовольственной проблемы, все большие трудности на пути расширения промышленного производства, наконец, обострение проблемы внутренних и внешних источников финансирования. Все это, по мнению составителей доклада, будет существенно сдерживать экономический прогресс в ««третьем мире»» и одновременно стимулировать политические кризисы в развивающихся странах[1].

В 1967 г. была завершена работа над докладной запиской «О перспективах изменения социальной структуры и новых условиях классовой борьбы в промышленно развитых странах» (руководитель — А.А. Галкин). В записке анализировались новейшие сдвиги в социальной структуре развитых стран Запада, вызванные влиянием НТР и других важных факторов, а также воздействие этих сдвигов на тактику коммунистического и рабочего движения.

Интенсивные исследования в области прогнозирования, начатые в 1967 г. по инициативе Н.Н. Иноземцева, позволили уже в апреле 1968 г.

[1] Отчет о работе Института мировой экономики и международных отношений АН СССР за 1967 г. // Архив ИМЭМО РАН.

представить в директивные органы «Прогноз развития капиталистической экономики на 1970—1975—1980 годы». В этом почти 400-страничном документе, помимо прогноза динамики народнохозяйственных, структурных и отраслевых показателей США, ведущих стран Западной Европы и Японии, были подвергнуты анализу важнейшие мирохозяйственные проблемы: мировое население и демографическая ситуация, сырьевые, энергетические и продовольственные ресурсы, мирохозяйственные связи, международная валютная система, экономические проблемы развивающихся стран и др.

В 1968 г. была завершена работа над прогнозом о «Перспективах развития международных отношений и социально-политических тенденций в развитых капиталистических и развивающихся странах». На основе изучения долговременных и привходящих факторов, оказывающих влияние на развитие международных отношений, в прогнозе была предпринята попытка выявить, на перспективу до 15 лет, важнейшие изменения в расстановке политических сил на международной арене в глобальном и региональном масштабах, а также проанализировать внешнюю политику ведущих западных держав и развивающихся стран.

В прогнозе, в частности, впервые был поставлен вопрос о т. н. «разделенных народах» — КНДР и Республика Корея, ДРВ и Республика Вьетнам, КНР, Тайвань и Гонконг, Народная Демократическая Республика Йемен и Йеменская Арабская Республика. Аналитики ИМЭМО считали такое искусственное разделение, возникшее в результате Второй мировой войны или в ходе холодной войны, противоестественным и полагали, что в перспективе оно неизбежно будет преодолено, хотя в прогнозе не утверждалось, что воссоединение этих «разделенных народов» произойдет до 1980 г.[1]

По понятным причинам проблема объединения Германии рассматривалась прогнозистами ИМЭМО иначе, нежели судьба «разделенных» народов Азии, тем более что в 60-е годы советской и восточногерманской пропагандой стал насаждаться постулат о некой «особой» национальной общности восточных немцев, становящихся в ходе социалистических преобразований народом, отличным от немцев, проживающих в ФРГ. Речь шла о некоем немецком аналоге homo soveticus. В аналитических разработках ИМЭМО перспективы решения германской проблемы рассматривались исключительно в плане «борьбы двух систем», а также создания системы европейской безопасности. Но и в этом вопросе специалисты ИМЭМО будут выступать с передовых по тем временам позиций, о чем еще будет сказано.

В прогнозе, составленном в 1968 г., впервые был поставлен вопрос о судьбе Югославии после ожидавшегося в недалеком будущем ухода из жизни

[1] Прогноз ИМЭМО полностью оправдался в отношении двух вьетнамских государств, воссоединившихся в июле 1976 г., после поражения США в войне против ДРВ. В 1990 г., как известно, произошло объединение Северного и Южного Йемена в единую Йеменскую республику. В 1997 г., с переходом британской колонии Гонконг под суверенитет КНР, начался процесс восстановления территориальной целостности Китая. На рубеже XX и XXI столетий наметилась тенденция к диалогу между Северной и Южной Кореей.

76-летнего Иосипа Броз Тито. Составители прогноза выражали сомнения относительно возможности продолжения преемниками Тито его политики и даже самой возможности сохранения СФРЮ как единого государства[1].

Первый опыт в проведении прогностических исследований в 1967—1968 гг. получил развитие в последующих разработках ИМЭМО, заняв ведущее место в работе Института. Были учтены ошибки и недочеты первых прогнозов. В дальнейшем более тесно стали увязываться мирохозяйственные, страновые и отраслевые показатели на основе моделирования прогнозируемых процессов, расширился круг прогнозируемых процессов, началась разработка вариантов, учитывающих возможность возникновения различных экономических, политических и военно-политических ситуаций и переломов в развитии международных отношений.

До тех пор, пока ИМЭМО не занялся прогнозированием мирового экономического и политического развития, единственным официальным прогнозом в СССР была та часть Программы КПСС, принятой на XXII съезде, в которой говорилось о построении в Советском Союзе к 1980 г. основ коммунистического общества и, разумеется, об обреченности мирового капитализма. В связи с тем, что в прогнозы ИМЭМО не только не закладывался крах капитализма ни к 1980, ни даже к 1990 г., но, напротив, прогнозировались достаточно высокие темпы роста западной экономики, то у части номенклатурных читателей этих закрытых прогнозов возникли недоуменные вопросы к Н.Н. Иноземцеву и его Институту. В соответствии с давней советской традицией эти вопросы иной раз принимали форму доносов в «инстанции» или в «компетентные органы».

Один из таких доносов в 1971 г. поступил к члену Политбюро, секретарю ЦК КПСС М.А. Суслову. Некий генерал обращал внимание главного партийного идеолога на явное несоответствие положений прогнозов ИМЭМО, чуть ли не увековечивающих существование «обреченного капитализма», установкам Программы КПСС. Суслов распорядился создать комиссию ЦК для рассмотрения поступившего «сигнала». Объясняться на ней выпало тогдашнему заместителю директора ИМЭМО Е.М. Примакову, который в доступной членам комиссии форме (и единственно возможной в то время) объяснил, что Институт вовсе не оспаривает положения утвержденной партийным съездом Программы КПСС, а всего лишь рассматривает различные варианты развития мирового капитализма. Советское политическое руководство, доказывал Примаков, должно быть готово к любому из возможных вариантов — даже к самому неблагоприятному с точки зрения интересов СССР.

В конечном счете Примакову удалось тогда отбиться от нападок ревнителей идеологических устоев. Прогностические исследования в ИМЭМО были продолжены, но и впоследствии они встречали оппонентов среди непродвинутой части номенклатуры.

---

[1] Составители прогноза, верно определившие подспудные центробежные тенденции в югославской федерации, оказались правы, хотя СФРЮ более чем на десять лет пережила Тито, умершего в 1980 г.

Страноведение

Придавая первостепенное значение выявлению новейших тенденций и перспектив развития мировой экономики и международных отношений, Н.Н. Иноземцев считал необходимым поднять уровень страноведческих исследований в Институте, имея в виду прежде всего более квалифицированное информирование директивных инстанций о процессах, происходивших в отдельных западных странах. К тому же, в связи с набиравшим скорость в Западной Европе интеграционным процессом, следовало изучить механизмы взаимодействия между национальными экономиками западноевропейских государств и единой экономической стратегией ЕЭС, между национальными внешнеполитическими курсами и тенденцией к их согласованию в рамках Европейского сообщества. Все эти вопросы представляли не столько академический, сколько практический интерес для советской внешней политики, всегда следовавшей ленинскому завету — выявлять и использовать в своих целях межимпериалистические противоречия.

ИМЭМО в то время по существу был единственным в СССР исследовательским центром, занимавшимся изучением стран Запада[1]. В этом отношении у Института были определенные заделы, так как среди научных сотрудников насчитывалось немало первоклассных специалистов по тем или иным странам, что позволило начиная с 1958 г. регулярно выпускать научно-справочное издание — «Международный ежегодник. Политика и экономика», где, наряду с материалами по общим и специальным вопросам текущей международной жизни, помещались статьи по отдельным странам с анализом их экономического и внутриполитического положения, а также внешней политики.

Решив проверить собственные мысли относительно необходимости дать новый импульс страноведческим исследованиям, Иноземцев в 1967 г. поручил д.э.н. Я.А. Певзнеру подготовить развернутый доклад — «О страновой проблематике в изучении современного монополистического капитализма». Вскоре этот доклад был заслушан и обсужден на заседании Ученого совета ИМЭМО.

Я.А. Певзнер, опираясь на результаты проводимых в Институте исследований, представил развернутую картину экономического и политического положения ведущих стран Запада. Отметив разный уровень развития этих стран, определив их специфику, докладчик одновременно выявил некую общую тенденцию к «многообразной нивелировке стран монополистического капитализма», требующую самого пристального изучения.

В заключение своего доклада Певзнер подчеркнул, что «без ущерба для проблемной тематики можно и нужно усилить тематику страновую». «Без сочетания общетеоретической и страновой тематики, — продолжал он, — будут страдать и та и другая. Поэтому, какие бы ни создавались

[1] Институт США и Канады АН СССР был создан в 1968 г., а Институт Европы — лишь в 1987 г.

новые институты, наш долг состоит в том, чтобы не ослаблять, а укреплять в Институте изучение экономики и политики главных, а, по возможности, и неглавных стран монополистического капитализма»[1].

Певзнер предложил создать в Институте страновые исследовательские группы, которые подготовили бы серию книг: «Современная Англия», «Современная Франция», «Современная Япония» и т.д.

Доклад Певзнера, как и содержавшиеся в нем предложения, окончательно утвердили Иноземцева в намерении развернуть в Институте страноведческие исследования. Энергично поддержав предложение Певзнера о подготовке серии страновых монографий, Иноземцев, выступая на Ученом совете, сказал: «Если бы мы могли с этим справиться, я думаю, что это было бы очень полезно»[2].

Вскоре Дирекция ИМЭМО приняла решение о подготовке 7-томной серии страновых монографий, посвященных современному положению США, Японии, Великобритании, ФРГ, Франции, Италии и так называемым малым странам Западной Европы (Бельгия, Нидерланды, Люксембург и др.). Общее руководство всей этой работой было возложено на заместителя директора ИМЭМО д.э.н. В.Я. Аболтина (отв. редактор), а в редакционную коллегию серии вошли д.э.н. А.В. Аникин, д.э.н. Я.А. Певзнер, д.и.н. Д.В. Петров и д.э.н. Ю.И. Юданов.

К написанию этих семи книг были привлечены лучшие страновики ИМЭМО — Д.Е. Меламид (Д. Мельников), В.Н. Шенаев, Е.С. Хесин, С.П. Перегудов, Ю.И. Рубинский, В.И. Кузнецов, Ю.М. Мельников, К.Г. Холодковский и др.

Монографии готовились по сходной схеме, включавшей в себя детальную характеристику того или иного «странового» варианта государственно-монополистического капитализма, изучение внешнеэкономических связей, социальных проблем, особенностей политического строя той или иной страны, наконец, ее внешней политики.

Серия под общим названием «Экономика и политика стран современного капитализма» выходила в свет в издательстве «Мысль» в течение первой половины 70-х годов. На тот период времени это были лучшие исследования по экономике и политике стран Запада, получившие высокую оценку у заинтересованного читателя. Поэтому в самом начале 80-х годов страновая серия была переиздана в дополненном варианте, с привлечением ряда новых авторов из числа научной молодежи[3].

Развертывание в Институте страновых исследований оказалось более чем своевременным, если учесть, что во второй половине 60-х годов в ряде стран Запада происходили (или созревали) серьезные изменения, не оставшиеся без внимания аналитиков ИМЭМО.

---

[1] Доклад Я.А. Певзнера «О страновой проблематике в изучении современного монополистического капитализма». Стенограмма заседания Ученого совета (без даты) // Архив ИМЭМО РАН.

[2] Архив ИМЭМО РАН.

[3] Переиздание этой серии было осуществлено под руководством академика Н.Н. Иноземцева, д.и.н. О.Н. Быкова и д.э.н. И.Д. Иванова. Прежний семитомник был дополнен томом «Австралия и Канада».

Прежде всего это касалось перемен в Федеративной Республике Германии, где после почти двух десятилетий безраздельного господства христианских демократов и их баварских союзников из ХСС к власти приобщились их давние противники — социал-демократы. В декабре 1966 г. было сформировано правительство так называемой «большой коалиции» — ХДС/ХСС — СДПГ. Под давлением набиравших силу социал-демократов тогдашнее правительство К. Кизингера провозгласило «новую восточную политику», предполагавшую нормализацию замороженных отношений с социалистическими странами. Таким образом, была поставлена под сомнение «доктрина Хальштейна» — одна из опор, на которой с 1949 г. зиждилась внешняя политика ФРГ[1].

Создание в Бонне «большой коалиции» и провозглашение «новой восточной политики» с недоверием было встречено в СССР, где после окончания Второй мировой войны пропаганда постоянно твердила об угрозе со стороны западногерманского реваншизма. На недоверии и даже ненависти к «наследникам Гитлера», «боннским реваншистам» выросло целое поколение советских людей, не говоря уже о тех, кто пережил войну. В плену собственной пропаганды находилось и высшее партийно-государственное руководство СССР, явно не готовое адекватно оценить наметившиеся в Западной Германии перемены, связанные с возрастанием влияния социал-демократической партии во главе с Вилли Брандтом. В оценке самой социал-демократии в СССР все еще господствовали сталинско-коминтерновские установки 30-х годов, объявлявшие социал-демократов «предателями», «злейшими врагами пролетариата» и даже «пособниками фашизма». Одним словом, от правительства «большой коалиции», пришедшего к власти в ФРГ, в СССР не ожидали ничего хорошего и не склонны были доверять обнадеживающим посулам германских социал-демократов.

Впрочем, и в Москве находились отдельные здравомыслящие люди, способные к адекватному восприятию новых тенденций в международной жизни.

Формирование коалиционного правительства в ФРГ в ноябре 1966 г. совпало с пребыванием там делегации советских экономистов, среди которых были четыре представителя ИМЭМО — д.э.н. Е.Л. Хмельницкая, к.э.н. М.М. Максимова, к.э.н. В.Н. Шенаев и к.э.н. В.Н. Котов. Это были лучшие в СССР специалисты по западногерманской экономике и политике. В ФРГ они находились в течение трех недель — с 14 ноября по 7 декабря 1966 г., получив возможность непосредственно наблюдать за происходившими там важными переменами, и не только наблюдать, но и обсуждать происходящее со своими германскими коллегами и другими компетентными собеседниками[2].

---

[1] Согласно этой доктрине, получившей в 1949 г. имя тогдашнего статс-секретаря МИД ФРГ проф. В. Хальштейна, Бонн претендовал на единоличное представительство германского народа и грозил разорвать дипломатические отношения с любым государством, которое де-юре признает ГДР.

[2] Делегация посетила 10 научных центров по изучению мировой и германской экономики и политики, встречалась с представителями деловых и политических кругов, в том числе и с социал-демократами.

Их наблюдения и выводы, сформулированные по возвращении в Москву в 25-страничном отчете, представленном в ЦК КПСС, разительно отличались от оценок, дававшихся в советской печати. Германисты из ИМЭМО рекомендовали советскому руководству с бóльшим доверием отнестись к переменам в ФРГ и к возможностям, вытекающим из провозглашенной Бонном «новой восточной политики». Е.Л. Хмельницкая и ее коллеги усмотрели в наметившихся переменах большие возможности для развертывания советско-западногерманского экономического сотрудничества.

> «В разговорах с представителями деловых кругов, — говорилось в отчете о поездке, — неизменно подчеркивалось желание как можно шире развернуть экономические отношения ФРГ с Советским Союзом. Прямо говорилось о необходимости отбросить как вредные прежние установки западногерманских властей в вопросах торговли с Советским Союзом»[1].

Разумеется, особый интерес у советских экспертов вызывали социал-демократы, с которыми они провели целый ряд встреч. По результатам этих встреч у них сформировалось мнение о желании СДПГ не только покончить с «доктриной Хальштейна», т.е. с международной изоляцией ГДР, но и пойти в перспективе на создание «экономического сообщества ГДР и ФРГ». При этом социал-демократы давали понять своим советским собеседникам, что эта идея «импонирует многим представителям влиятельных кругов в экономике ГДР»[2]. Помимо прочего, это могло означать, что немецкие социал-демократы ведут какие-то закулисные переговоры с восточногерманскими властями.

Разумеется, важнейшей темой обсуждений в ходе поездки советских экономистов в ФРГ был неонацизм, представленный тогда Национал-демократической партией (НДП), настойчиво стремившейся преодолеть 5%-й барьер для проникновения в бундестаг. Угроза неонацизма сознательно и непомерно раздувалась в советских СМИ, и уже по этой причине гости из Москвы были просто обязаны поставить данный вопрос перед своими западногерманскими собеседниками.

На этот счет они получили успокаивающие разъяснения. В отчете о поездке, составленном для ЦК КПСС и Президиума АН СССР, по этому поводу говорилось:

> «Отрицалась возможность широкого распространения неонацизма, делались ссылки на то, что, дескать, экстремистские партии имеются во всех странах Запада, что среди западногерманской молодежи все же преобладают «левые» тенденции, что старые фашисты — это неисправимые элементы, принадлежащие к вымирающему поколению, что правильная политика новой правительственной коалиции приглушит неонацистскую активность и т.д.»[3].

---

[1] Российский государственный архив новейшей истории (далее: РГАНИ. — *П.Ч.*). Ф. 5. Оп. 59. Д. 41. Л. 50.

[2] Там же. Л. 52 — 53.

[3] Там же. Л. 53.

Столь же успокаивающими были и разъяснения относительно реваншистских настроений в ФРГ, где, по убеждению СДПГ, происходит поворот в сторону реализма.

«Многие высказывались в том духе, — говорилось в отчете, — что пора встать на почву реальности, отбросить требование границ 1937 года, не бояться легализации Компартии, отказаться от односторонней ориентации на Соединенные Штаты, довести усиление связей с социалистическими странами до уровня дипломатического признания; при этом в определенной, весьма характерной последовательности: вначале установить дипломатические отношения с Румынией, затем с Венгрией, затем с Чехословакией и лишь в дальнейшей перспективе с Польшей[1].

Эти, хотя и ограниченные впечатления об умонастроениях определенных западногерманских кругов, все же довольно показательны и свидетельствуют о глубоких и серьезных сдвигах в политическом развитии ФРГ», — подчеркивалось в заключительной части отчета, отправленного на Старую площадь[2]».

Между тем в ЦК КПСС и в МИД СССР продолжали преобладать устоявшиеся настроения, свидетельством чему стали заявления советского правительства от 28 января и 8 декабря 1967 г. с предостережениями по поводу активизации «неонацистских и милитаристских сил» в ФРГ. В декабрьском заявлении была дана и оценка новой восточной политики ФРГ. «Официальные деятели ФРГ утверждают, — говорилось в заявлении, — будто с некоторых пор в стране проводится «новый курс», провозглашена «новая восточная политика», которая чуть ли не дает рецепт от всех нынешних болезней Западной Германии. В действительности же речь идет о попытках облечь в новую оболочку прежний отказ признать реальное положение в Европе, о попытках подновить старую политику милитаризма и реванша, а в некоторых областях пойти дальше ее основателей»[3].

«Пражская весна», насильственно прерванная советской военной интервенцией в августе 1968 г., привела к резкому охлаждению в отношениях СССР и ФРГ; правда, период похолодания продолжался не долго — до декабря 1969 г., когда новое коалиционное правительство ФРГ во главе с лидером СДПГ В. Брандтом[4] приняло решение начать переговоры с СССР о нормализации отношений между двумя странами.

---

[1] Эта информация вскоре начнет подтверждаться. В начале 1967 г. ФРГ установит дипломатические отношения с Румынией, а в январе 1968 г. восстановит официальные отношения с Югославией, разорванные в 1957 г., когда Тито признал ГДР. Впоследствии будут установлены дипломатические отношения между ФРГ и другими восточноевропейскими странами — Венгрией, Чехословакией и Польшей, а в декабре 1972 г. — с ГДР.

[2] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 41. Л. 53.

[3] Правда, 9.12.1967.

[4] На выборах в бундестаг в сентябре 1969 г. христианские демократы потерпели поражение. Победа досталась т.н. «малой коалиции» в составе СДПГ и Свободной демократической партии (СвДП). Лидер социал-демократов Вилли Брандт стал новым канцлером, а руководитель свободных демократов Вальтер Шеель занял посты вице-канцлера и министра иностранных дел ФРГ. Еще раньше, в марте того же года, на выборах президента ФРГ впервые за 20 лет главой западногерманского государства, при поддержке СвДП, был избран социал-демократ Густав Хейнеман.

Как известно, эти переговоры завершились подписанием в Москве 12 августа 1970 г. договора между СССР и ФРГ. Этот договор провозгласил необходимость уважения территориальной целостности европейских государств, нерушимость всех европейских границ, включая границу по Одеру-Нейсе и границы между двумя германскими государствами. Обе стороны обязались «содействовать нормализации обстановки в Европе и развитию мирных отношений между всеми европейскими государствами, исходя при этом из существующего в этом районе действительного положения»[1].

Незаметную, но важную роль в подготовке Московского договора и в целом в поисках взаимопонимания между СССР и ФРГ сыграл один из ведущих сотрудников ИМЭМО, доктор исторических наук профессор Д.Е. Меламид, стоявший у истоков современной германистики и европейских исследований в СССР. Уже поэтому он заслуживает отдельного разговора.

Даниил Ефимович Меламид родился в 1916 г. в селе Полонное Волынской губернии. С 1921 по 1931 г. жил с родителями в Германии, где его отец служил в советском торговом представительстве. Несколько лет он учился в привилегированной берлинской гимназии, вместе с детьми представителей прусской элиты, а среднюю школу окончил уже в Москве. С 1934 до 1940 г. Меламид — студент исторического факультета МГУ, где специализируется по истории средневековой Германии у профессора В.В. Стоклицкой-Терешкович.

По окончании учебы Меламид был оставлен в аспирантуре МГУ на кафедре новой и новейшей истории и одновременно начал работать в качестве внештатного сотрудника в ТАСС, куда перешел в том же, 1940 г. на должность старшего референта. Его аналитическая записка о таинственном бегстве в Англию в 1941 г. нациста № 2 Рудольфа Гесса привлекла внимание Сталина, по распоряжению которого 25-летний Меламид был назначен руководителем редакции контрпропаганды ТАСС. На этом важном посту он оставался до сентября 1945 г. Именно в годы войны началась активная антифашистская публицистическая деятельность Меламида, избравшего литературный псевдоним Д. Мельников.

Редакция контрпропаганды ТАСС, возглавлявшаяся Д.Е. Меламидом, сыграла важную роль в дезинформировании высшего гитлеровского руководства и командования вермахта относительно планов советской стороны в целом ряде стратегических операций, в частности под Сталинградом. Меламид и его сотрудники вели активную пропагандистскую работу по деморализации окруженной под Сталинградом 6-й немецкой армии. Сотни, если не тысячи обреченных на верную гибель солдат фон Паулюса переходили линию фронта с листовками, написанными Д.Е. Меламидом. Кстати, Меламиду довелось лично допрашивать Паулюса и других попавших в плен немецких генералов и офицеров. Его деятельность в военные годы была отмечена двумя медалями.

[1] Правда, 13.08.1970.

С окончанием войны началась научная работа Д.Е. Меламида. Являясь ответственным секретарем журнала «Мировое хозяйство и мировая политика», он одновременно вел исследовательскую работу в ИМХМП, где в 1947 г., буквально накануне разгрома Института Варги, успел защитить кандидатскую диссертацию на тему «Внутриполитические отношения в Германии в 1941 — 1945 гг.».

С декабря 1947 г. до апреля 1954 г. Д.Е. Меламид — политический обозреватель Совинформбюро, а с апреля 1954 г. до апреля 1957 г. — зав. редакцией и член редколлегии журнала «Международная жизнь», негласно возглавлявшегося А.А. Громыко.

С сентября 1957 г. по совместительству Д.Е. Меламид работал старшим научным сотрудником ИМЭМО АН СССР, куда окончательно перешел в апреле 1959 г. В течение 21 года он возглавлял там сектор международно-политических проблем Европы, где сумел собрать первоклассных страновиков и европеистов-международников (Д. Маклэйн, Ю.И. Рубинский, В.И. Дашичев и др.). Под его научным руководством и при непосредственном участии вышел ряд обстоятельных и новаторских по тем временам коллективных исследований[1]. Значителен вклад Д.Е. Меламида в подготовку трехтомного труда «Международные отношения после Второй мировой войны» (М., 1962 — 1965).

Интенсивные исследования в области современных международных отношений Д.Е. Меламид успешно сочетал с увлеченностью проблемами германской истории 1933 — 1945 гг. В 1963 г. он защитил докторскую диссертацию на тему «Политический кризис фашистского режима и заговор 20 июля 1944 г.». Годом ранее вышла его монография «Заговор 20 июля 1944 г. Легенда и действительность». Д.Е. Меламиду принадлежит приоритет в пересмотре искаженного представления об антифашистском Сопротивлении в нацистской Германии как исключительно коммунистическом по характеру. Монография о заговоре 20 июля 1944 г., изданная в обеих Германиях, способствовала исторической реабилитации в ГДР участников этого события[2]. Эта книга принесла Д.Е. Меламиду европейскую известность, укрепила его авторитет крупного ученого-германиста.

Еще в 1954 г. выходом книги «Гитлеровские генералы готовятся к реваншу» впервые заявил о себе талантливый творческий «дуэт» — Д.Е. Мельников и Л.Б. Черная (жена Д.Е. Меламида, известный литературный переводчик с немецкого языка), плодотворно работавший без малого сорок лет. За это время супруги-соавторы написали несколько книг, две из кото-

---

[1] Западная Европа и США. Очерк политических взаимоотношений. М., 1968; Международные отношения в Западной Европе. М., 1974; Федеративная Республика Германии. М., 1974 (второе переработанное и дополненное издание увидело свет в 1983 г.); Западная Европа в современном мире, в двух томах. М., 1979; Западноевропейская интеграция; политические аспекты. М., 1985.

[2] Д.Е. Меламида связывали узы дружбы с оставшимися в живых участниками заговора, в частности с бывшим майором вермахта И. фон Вицлебеном, племянником казненного по приказу Гитлера генерал-фельдмаршала Эрвина фон Вицлебена. В 1975 г. автору этих строк довелось вместе с Д.Е. Меламидом гостить в доме Вицлебена, находившемся в глубине потсдамского парка Сан Суси.

рых — «Преступник номер 1. Нацистский режим и его фюрер» (М., 1984) и «Империя смерти. Аппарат насилия в нацистской Германии 1933—1945» (М., 1987) — выдержали несколько изданий. Между тем книга «Преступник номер 1» имела трудную издательскую судьбу. Написанная в конце 60-х гг., она увидела свет лишь в 1984 г.

Историческая реабилитация участников антигитлеровского заговора 20 июля 1944 г., предпринятая Д.Е. Меламидом в упоминавшейся выше книге, снискала ее автору широкую известность в ФРГ, где он обрел множество новых друзей, антифашистов военной поры как из военно-аристократической среды, так и в кругах германской социал-демократии.

Что касается лидера СДПГ Вилли Брандта, ставшего осенью 1969 г. канцлером ФРГ, то он знал Д.Е. Меламида еще с середины 50-х годов, когда тот в качестве журналиста-международника часто бывал в ФРГ и в Западном Берлине, обер-бургомистром которого Брандт был в 1957—1966 гг. Они встречались и в последующем. Теплые отношения сложились у Меламида с ближайшим соратником Брандта Эгоном Баром, с крупнейшим немецким писателем Генрихом Беллем[1], с другими представителями политической и интеллектуальной элиты ФРГ.

С середины 60-х гг. Д.Е. Меламид настойчиво борется за новый, более объективный подход к современной германской социал-демократии, но не встречает понимания. За ним, как и за д.и.н. В.М. Кулишом, была сомнительная, в глазах партийных идеологов, репутация «сообщника» А.М. Некрича, разгромленного в 1966 г. неосталинистами за книгу «22 июня 1941 года», где содержалась критика Сталина за неподготовленность СССР к войне с нацистской Германией. Меламид не всегда встречал понимание даже у руководства ИМЭМО, где, казалось бы, преобладали более адекватные, т.е. менее идеологизированные, представления об окружающем мире. По всей видимости, Н.Н. Иноземцев учитывал устойчивые антинемецкие настроения в высшем советском руководстве и до определенного времени сдерживал попытки своего сотрудника пробить брешь на германском направлении.

Тем не менее, когда ставший осенью 1969 г. федеральным канцлером В. Брандт обратился к советскому руководству с предложением начать переговоры о нормализации отношений между двумя странами, о Меламиде вспомнили и использовали его связи в Бонне. Время от времени он выезжал туда в служебные командировки, одновременно выполняя те или иные поручения. Речь шла о том, чтобы в неформальной обстановке прояснить настроения и намерения западногерманской стороны в отношении СССР, а также предварительно опробовать предложения, которые могут быть сделаны на официальных переговорах с ФРГ. Д.Е. Меламид участвовал в подготовке визитов в СССР статс-секретаря Э. Бара (30 января — 28 февраля, 3—21 марта, 12—22 мая 1970 г.), в ходе которых ближайший соратник В. Брандта обсуждал с А.А. Громыко детали будущего Московского договора.

---

[1] Советский (и российский) читатель знаком с произведениями Генриха Белля по блестящим переводам Л.Б. Черной, жены Д.Е. Меламида.

В процессе нормализации отношений между СССР и ФРГ на страницах «Нового времени», «Литературной газеты» и других изданий появлялись статьи Д. Мельникова — своеобразные «пробные шары» советской дипломатии, адресованные Бонну и содержащие те или иные предложения, пока еще не сформулированные официально.

Как убежденный западник, в традиционно русском значении этого понятия, Д.Е. Меламид энергично и последовательно выступал за налаживание взаимопонимания между СССР и Западом, за преодоление сталинского внешнеполитического наследия. В условиях, как всем казалось, необратимого раскола Германии он долго отстаивал идею единой демократической Германии и едва не поплатился за свое упрямство. Он всегда был приверженцем идеи единого германского народа и отвергал сомнительную «теорию» двух германских наций, выдвинутую идеологами СЕПГ и подхваченную пропагандой КПСС, верил в неизбежность воссоединения двух германских государств, видя в этом кратчайший путь к прекращению холодной войны в Европе.

Возглавляя в ИМЭМО сектор международно-политических проблем Европы, Д.Е. Меламид настойчиво продвигал идею о «западноевропейском центре силы», когда в СССР господствовали представления о западноевропейских странах как послушных сателлитах «американского империализма». Он инициировал изучение едва наметившихся процессов политической и военной интеграции в Западной Европе, а впоследствии энергично выступал за официальное признание Советским Союзом Европейского сообщества.

В жизни ему пришлось немало претерпеть еще со времен антисемитской кампании конца 40-х — начала 50-х гг., когда была изгнана с работы его жена, известный переводчик и публицист Л. Черная, и когда он сам едва удержался на своем месте в Совинформбюро[1]. Досталось ему и за участие в «деле Некрича», доставалось и позднее — за «неправильные» с идеологической точки зрения рекомендации. А после того, как в 1977 г. эмигрировал его сын, талантливый художник, положение Меламида в ИМЭМО окончательно пошатнулось. Он, крупнейший германист, европеист-международник, стал невыездным.

Н.Н. Иноземцев, ценивший Меламида и считавший себя в определенном смысле его последователем в изучении германской проблемы (в 1952 г. Д.Е. Меламид выступал у Иноземцева оппонентом на защите кандидатской диссертации), в течение трех лет еще держал его на посту заведующего сектором. В 1982 г. он все же перевел Меламида на должность ведущего научного сотрудника, назначив на его место к.и.н. Н.С. Кишилова, отставного полковника ГРУ.

В последние годы жизни Д.Е. Меламид работал в ИМЭМО старшим исследователем-консультантом. Он умер 1 января 1993 г. в возрасте 76 лет,

---

[1] Его, тогда уже кандидата исторических наук, политического обозревателя Совинформбюро, утвержденного в этой должности решением Секретариата ЦК ВКП(б), в разгар антисемитской кампании в начале 50-х годов намеревались перевести корректором в журнал «Новое время».

оставив множество учеников и последователей в изучении Германии и проблем современной Европы.

Одновременно с тем, как в ФРГ в середине 60-х годов завершилась эпоха безраздельного господства христианской демократии, во Франции подходила к концу эра де Голля, что не было вовремя осознано большинством политических наблюдателей как на Западе, так и в СССР. Даже майский кризис 1968 г., потрясший основы Пятой республики, не поколебал их уверенности в устойчивости голлистского режима и прочности позиций самого генерала де Голля.

«Студенческая революция» в Париже побудила франковедов ИМЭМО пересмотреть два основных стереотипа в оценке режима Пятой республики, сложившиеся после 1958 г., когда де Голль пришел к власти.

Поначалу в советском подходе к Пятой республике доминировала оценка, внушенная Французской компартией, давно объявившей де Голля «ставленником монополий» и «врагом демократии» с диктаторскими замашками, а саму Пятую республику — «режимом личной власти». В Москве разделяли эту позицию до тех пор, пока начиная с 1963—1964 гг. во внешней политике де Голля не обозначилась тенденция к независимости от США. Визит де Голля в СССР летом 1966 г. и последовавшее за этим решение Франции о выходе из военной организации НАТО привели советское руководство к смене парадигмы в оценке голлизма и его основателя. Прежний классово-идеологический подход к Пятой республике уступил место прагматическим соображениям, связанным с надеждами на использование франко-американских противоречий в интересах СССР. К тому же авторитарный стиль президента де Голля в чем-то импонировал советским руководителям, воспитанным в сталинских традициях.

По горячим следам майского кризиса во Франции, в июне 1968 г. в ИМЭМО состоялось рабочее обсуждение его причин, характера и возможных последствий, с участием ведущих франковедов — Ю.И. Рубинского, С.С. Салычева, Г.Г. Дилигенского, В.И. Кузнецова, И.А. Колоскова и др. Острые споры разгорелись по вопросам о роли французской интеллигенции и студенчества в «антимонополистической борьбе», об их взаимоотношениях с рабочим классом, о правильности или ошибочности тактики ФКП в ходе майского кризиса и т.д. По результатам этого обсуждения была подготовлена развернутая записка, направленная в Международный отдел ЦК КПСС, а несколько позднее выпущена соответствующая брошюра с грифом «Для служебного пользования».

Первый краткий анализ общих причин социально-политического кризиса во Франции был дан в статье Ю. Рубинского, помещенной в «Международном ежегоднике» за 1969 г.

Из статьи Ю. Рубинского:

> «Объективными предпосылками этих событий явились тенденции, давно зревшие в недрах французского общества. Участие Франции в "Общем рынке", использование достижений научно-технической рево-

люции, и прежде всего автоматизация производства, форсировали процесс концентрации производства и капитала, что привело к относительному сужению потребностей промышленности в рабочей силе. Одновременно значительное число рабочих рук высвободилось в деревне, где происходит усиленное расслоение крестьянства в связи с переходом земледелия на рельсы крупнокапиталистического машинного хозяйства. Умножение числа универмагов, торговых центров разорило сотни тысяч представителей городских средних слоев — лавочников, ремесленников. Наконец, к концу 60-х годов достигла совершеннолетнего возраста молодежь, родившаяся в первые послевоенные годы, когда прирост населения во Франции, как и в других западноевропейских странах, был весьма значительным.

Сочетание всех этих факторов вызвало крутую ломку прежней социальной структуры страны, резко обострив проблемы занятости, жилья, образования и т.д. Особенно больно они затронули молодежь. <...>

В условиях режима Пятой республики, стержнем которого служит строго централизованный административно-бюрократический аппарат, недовольство различных слоев трудящихся рано или поздно должно было приобрести ярко выраженный политический характер»[1].

Впоследствии Ю.И. Рубинский даст более развернутый и глубокий анализ «несостоявшейся революции» 1968 г. во Франции[2].

В 1969 г. Ю.И. Рубинский подтвердит свою репутацию лучшего знатока проблем современной Франции. Он был единственным в СССР специалистом, который предсказал неизбежный уход де Голля с политической сцены в результате майского кризиса 1968 г. Ни в Международном отделе ЦК КПСС, ни в МИД СССР, ни даже в советском посольстве в Париже не верили, что де Голль проиграет 27 апреля 1969 г. референдум о реформе Сената, с победой на котором он связал вопрос о своем дальнейшем пребывании на посту главы государства. Прогноз Рубинского подтвердился. Де Голль проиграл и вынужден был досрочно уйти в отставку.

Юрий Ильич Рубинский, выпускник МГИМО (1953 г.), работавший в ИМЭМО со времени его создания, в 1977 г. будет назначен советником посольства СССР во Франции и около 20 лет (с перерывом) будет возглавлять там группу по изучению французской внутриполитической жизни. Его назначение в Париж настойчиво пробивал в ЦК КПСС тогдашний советский посол С.В. Червоненко, знакомый с аналитическими разработками Рубинского и высоко ценивший их автора. Рубинский оказался незаменимым сотрудником и для нескольких преемников Червоненко на посту посла СССР (а затем и России) в Париже. В середине 90-х годов он завершит дипломатическую карьеру и поступит на работу в Институт Европы РАН, где возглавит Центр французских исследований.

В ИМЭМО глубоко и всесторонне занимались изучением по существу всех государств Западной Европы, США и Канады, ведущих стран Латинской Америки, Азии и Африки, вплоть до Австралии и Новой Зеландии.

---

[1] Международный ежегодник. Политика и экономика. Выпуск 1969 г. М., 1969. С. 192.

[2] Франция. (Серия: Экономика и политика стран современного капитализма.) Отв. ред. д.и.н. Ю.И. Рубинский. М., 1973. С. 293—305.

По отдельным странам в Институте можно было насчитать с десяток, а то и более квалифицированных специалистов разного профиля, способных в любой момент проанализировать текущую ситуацию в США, Англии, ФРГ, Франции или Италии. Одним словом, страноведение в ИМЭМО с конца 60-х годов находилось на очень высоком уровне, что позволяло успешно решать стоявшие перед Институтом задачи.

Новым направлением исследований, тесно связанным со страноведением, с конца 60-х годов стало изучение такого феномена, как движение «новых левых», впервые заявившее о себе в ходе майского (1968 г.) кризиса во Франции и быстро распространившееся на другие ведущие страны Западной Европы, а также США.

Развертывание в ИМЭМО, по инициативе Иноземцева, теоретических, прогностических и страноведческих исследований существенно повысило научный авторитет Института и его директора. В ноябре 1968 г. член-корреспондент АН СССР Н.Н. Иноземцев был избран действительным членом Академии наук по Отделению экономики.

Записки, записки, записки…

Важнейшим направлением в работе Института всегда было выполнение заданий директивных инстанций, включая Политбюро, Секретариат ЦК КПСС и Совет Министров СССР. С приходом Н.Н. Иноземцева на пост директора ИМЭМО деятельность на этом направлении заметно активизировалась и расширилась за счет включения в сферу научных разработок вопросов, напрямую относящихся к процессу формирования внешней политики СССР, к подготовке тех или иных внешнеполитических предложений и инициатив.

Это было еще более рискованным делом, нежели составление прогнозов, так как на «кремлевской кухне», где, собственно, и готовились политические «блюда», не жаловали новичков. К тому же во второй половине 60-х годов в партийно-государственной верхушке отнюдь не царило единодушие в подходе к отношениям с Западом, в особенности если это затрагивало интересы советского военно-промышленного комплекса. Здесь надо было быть предельно осторожным, уметь ориентироваться, маневрировать между «голубями» и «ястребами», не подставиться, не погубить собственную карьеру, давая рекомендации, ориентирующие высшее политическое руководство на диалог с Западом, на снижение уровня военного противостояния на глобальном и региональном уровнях. А именно в этом направлении действовали Иноземцев и возглавляемый им Институт.

В качестве примеров такого рода рекомендаций можно привести две аналитические записки, направленные из ИМЭМО в адрес секретаря ЦК КПСС Б.Н. Пономарева. Они показательны в двух отношениях — как выражение позиции ИМЭМО и его директора и как свидетельство работы Института на опережение событий, чего настойчиво добивался Н.Н. Иноземцев.

Первая из них — «К вопросу о советско-американских переговорах относительно стратегических ракетно-ядерных систем» — была направлена 8 июня 1969 г. Ее авторы — сам Н.Н. Иноземцев и его заместитель В.И. Стригачев.

Прежде чем обратиться к содержанию этой 13-страничной записки, следует напомнить, что в июне 1968 г. между СССР и США была достигнута договоренность о начале переговоров относительно комплексного ограничения и сокращения как систем доставки наступательного оружия, так и систем обороны против баллистических ракет. Первый раунд этих переговоров решено было провести в Хельсинки в ноябре — декабре 1969 г. Здесь предстояло обменяться мнениями по общему кругу вопросов, составлявших предмет дальнейшего обсуждения на последующих дипломатических раундах.

Ко времени открытия переговоров к власти в США пришла республиканская администрация Р. Никсона, которого в СССР считали поборником агрессивного курса. Поэтому в советских руководящих кругах возникли сомнения относительно возможности договориться с новым хозяином Белого дома, инициировавшим разработку очередной программы стратегических наступательных вооружений на 1969 — 1973 гг., призванной изменить сложившееся относительное равновесие ракетно-ядерных сил между США и СССР в пользу Вашингтона.

Н.И. Иноземцев и В.И. Стригачев, опираясь на сделанные в ИМЭМО разработки, считали, что даже с учетом подобных намерений администрации Р. Никсона нет никаких оснований отказываться от намеченных переговоров.

> «Независимо от колебаний в правительственных кругах США по вопросу о пропорциях и темпах разработки и развертывания наступательных и оборонительных стратегических средств и систем, — говорилось в подготовленной ими записке в ЦК КПСС, — господствующим является предположение, что выполнение намеченной программы будет иметь своим следствием количественное увеличение ракетно-ядерных сил, но оно не даст США возможности рассчитывать в обозримом будущем на столь радикальное изменение соотношения военных сил между США и СССР, которое могло бы обеспечить им победу в ракетно-ядерной войне.
>
> Обе страны располагают такими экономическими потенциалами, — говорилось далее в записке, — которые позволяют каждой из них сделать в области развития стратегических ракетно-ядерных систем все, что может сделать противник. Разрыв по времени и темпам накопления вооружения не может быть столь существенным, чтобы дать решающий перевес одной стороне по отношению к другой. Вполне логично предположить, — подчеркивали Иноземцев и Стригачев, — что если количественное наращивание обеими странами этих сил не ведет к радикальному изменению соотношения их, то и равнозначное сокращение или ограничение развития их может иметь аналогичный результат. Из этого возникают объективные возможности для заключения взаимовыгодного соглашения по указанному вопросу между США и СССР»[1].

[1] Справки, информации, подготовленные по спецзапросам. 1969 г. //Архив ИМЭМО РАН.

Проанализировав экономические и политические аспекты военной политики США, авторы записки обратили внимание на борьбу двух течений в американских правящих кругах, по-разному понимающих национальную безопасность своей страны. Противники бесконтрольного наращивания стратегических вооружений опасаются дестабилизации международных отношений, чреватой возможностью лобового столкновения между США и СССР. Кроме того, безудержная гонка вооружений, по их мнению, осложнит возможности локализации региональных кризисов, поощрит их бесконтрольную эскалацию, может привести к опасному расширению клуба ядерных держав, усилению атомного потенциала КНР, наконец, она будет способствовать растущей неуверенности у европейских членов НАТО в надежности американского ядерного прикрытия Западной Европы.

Руководство ИМЭМО считало принципиально важным вести переговоры именно с Р. Никсоном, имевшим в США устойчивую репутацию «ястреба». Это значительно ослабило бы там позиции непримиримых противников Советского Союза, отвергающих поиски взаимопонимания между Вашингтоном и Москвой.

По убеждению Иноземцева и Стригачева, на переговоры с СССР администрацию Р. Никсона подталкивают и внутриполитические соображения, имея в виду продолжающуюся войну во Вьетнаме, крайне непопулярную в США. Такие переговоры, как отмечалось в записке, безусловно, получат одобрение со стороны широких кругов американской общественности, в особенности интеллигенции и молодежи.

Подводя итог всестороннему рассмотрению вопроса о предстоящих советско-американских переговорах, Иноземцев и Стригачев констатировали:

> «Таким образом, правительство США, проявив готовность вести переговоры, рассчитывают получить от них некоторые военные и, особенно, политические выгоды. Тем не менее переговоры, независимо от намерений и расчетов американского правительства, могут быть использованы в интересах политики Советского Союза.
>
> Прямые контакты между представителями политического и военного руководства обеих стран дают возможность лучше выяснить некоторые взгляды и намерения американской стороны в области гонки стратегических вооружений и обратить больше внимания на те из ее ошибочных представлений, которые при чрезвычайных обстоятельствах могли бы привести ее к крайне опасным для нашей стороны решениям.
>
> Если же правительство США проявит в ходе переговоров готовность пойти на сокращение вооружений вообще или только на ограничение подготовки и развертывания как оборонительного, так и наступательного стратегического ракетно-ядерного оружия, то это будет способствовать смягчению напряженности во всем мире. Более того, эвентуальное соглашение по вопросу о развертывании систем и научно-технической разработке активных средств противоракетной обороны и его осуществление в какой-то мере явилось бы условием, сдерживающим ракетно-ядерное нападение США на СССР. Соблюдение договоренности может в некоторой степени гарантироваться национальными средствами контроля, а также —

и это главное — взаимной заинтересованностью избежать опасных последствий — неограниченной гонки вооружений.

Сам факт переговоров может оказать выгодное для Советского Союза воздействие на ход борьбы между группировками в правящих кругах США. Переговоры, даже если они не приведут к конкретным результатам, могут способствовать укреплению позиций относительно умеренных группировок и затруднить рост влияния наиболее агрессивных элементов в руководящих кругах США»[1].

В записке содержалось открытое предостережение, адресованное высшему советскому руководству:

«В случае отказа советской стороны от переговоров, Никсон и его правительство попытаются использовать это, чтобы, сыграв на имеющихся антисоветских настроениях, убедить американское общественное мнение в «необходимости» дальнейшей гонки вооружений и усиления военных приготовлений США в интересах их «безопасности»[2].

Смысл другого предостережения, высказанного Иноземцевым и Стригачевым в более завуалированной форме, сводился к тому, что материально-финансовые возможности США, в случае бесконтрольного продолжения гонки вооружений, явно превосходят аналогичные возможности СССР, уже по этой причине в большей степени заинтересованного в сокращении затрат на стратегические вооружения.

«Финансирование ускоренного развития стратегических средств как обороны, так и наступления, — отмечали авторы записки, — не может составлять чрезмерной трудности для США ввиду большого и постоянно растущего объема их валового национального продукта и снижения в нем расходов на военные цели, несмотря на быстрое их абсолютное увеличение»[3].

Подобная нежелательная, с точки зрения интересов СССР, тенденция, по мнению руководства ИМЭМО, неизбежно получит развитие после прекращения военных действий во Вьетнаме.

«Следует также иметь в виду, что США получат значительные дополнительные возможности расширения расходов на разработку и накопление оружия массового уничтожения и средств защиты от него в случае окончания войны во Вьетнаме, на которую по бюджету на 1969 финансовый год намечено истратить около 30 млрд. долларов»[4].

---

[1] Справки, информации, подготовленные по спецзапросам. 1969 г. //Архив ИМЭМО РАН.

[2] Там же.

[3] Данное утверждение иллюстрировалось конкретными цифрами: «Если удельный вес военных расходов в валовом национальном продукте США (по исчислению на базе текущих цен) составлял в 1952 г. 14,9%, — говорилось в записке, — то в 1960 г. — 8,9%, а в 1966 г. — 8,1%. В связи с войной во Вьетнаме в последующие годы он поднялся до 9,2%, но продолжает оставаться примерно в полтора раза меньшим, чем в начале 50-х годов» // Там же.

[4] Там же.

Это был еще один довод в пользу налаживания стратегического диалога с США, который должен был привести к некоторому ограничению военных усилий Вашингтона.

Такова была позиция ИМЭМО по одной из важнейших проблем международных отношений к моменту, когда ограничение стратегических вооружений стало предметом обсуждения на переговорах СССР и США[1].

Как известно, советско-американские переговоры об ограничении стратегических вооружений, стартовавшие в ноябре 1969 г. в Хельсинки, увенчались заключением двух соглашений — ОСВ-1 (1972 г.) и ОСВ-2 (1979 г.). В ИМЭМО внимательно следили за развитием этого стратегического диалога, направляя в директивные инстанции, в МИД и в Генеральный штаб МО СССР свои аналитические разработки и предложения.

Когда в 1973 г. в Вене начнутся переговоры 18 европейских государств и США о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений (ВСВ) в Центральной Европе (т.н. Венские переговоры), ИМЭМО уже имел заранее разработанные позиции по всему кругу обсуждавшихся там вопросов.

Еще в июле 1971 г. Н.Н. Иноземцев направил в ЦК КПСС на имя Б.Н. Пономарева 15-страничную записку на тему «Сокращение вооруженных сил в Центральной Европе и его возможные последствия»[2].

В записке ставился целый ряд вопросов, имевших первостепенное значение для выработки позиции СССР в этой области: в какой мере США и их союзники по НАТО заинтересованы во взаимном сокращении ВСВ в Европе; каков баланс интересов США и Западной Европы в этом вопросе; на каких принципах и условиях можно (и нужно ли?) договариваться с США и НАТО о таком сокращении; каковы варианты и этапы возможного сокращения с точки зрения интересов СССР и его союзников по Организации Варшавского Договора (ОВД); каковы могут быть политические и иные последствия — как положительные, так и отрицательные — достижения соглашения по сокращению ВСВ в Европе?

Как и в случае с ОСВ, позиция ИМЭМО основывалась на необходимости снижения уровня военного противостояния в Центральной Европе, где за послевоенные годы был накоплен колоссальный разрушительный потенциал, намного превосходивший все разумные пределы региональной и национальной безопасности. При этом, разумеется, во главу угла ставились внешнеполитические интересы СССР и его союзников по ОВД.

При подведении баланса возможных последствий сокращения ВСВ в Центральной Европе аналитики ИМЭМО пришли к выводу о том, что Советский Союз мог бы извлечь из этого целый ряд преимуществ,

---

[1] Возможность диалога с администрацией Р. Никсона обосновывалась и в 42-страничной аналитической записке Ю.М. Мельникова, находившегося в октябре 1968 — ноябре 1969 гг. в научной командировке в США. Эта записка — «О современных тенденциях и перспективах внешней политики США» — была направлена 23 июня 1969 г. из ИМЭМО трем адресатам — А.А. Громыко, Ю.В. Андропову и Б.Н. Пономареву.

[2] Справки, информации, подготовленные по спецзапросам в ИМЭМО. 1971 г. // Архив ИМЭМО РАН.

хотя просматривались и очевидные отрицательные последствия. В числе последних называлась вероятность более тесного сплочения западноевропейских государств и расширение ЕЭС, что стимулирует процесс политической интеграции, «имеющий антисоветскую направленность»; возможное изменение баланса в треугольнике Лондон — Париж — Бонн и повышение в общем западноевропейском балансе роли двух ядерных держав — Англии и Франции — с тенденцией к объединению их ядерных потенциалов; возрастет значение Западноевропейского союза как наиболее вероятной формы военно-политической интеграции Западной Европы; вероятна активизация «правых и националистических сил» в социалистических странах Восточной Европы в результате сокращения вооруженных сил вообще и вывода части советских войск на территорию СССР.

Тем не менее «плюсов» от такого сокращения было бы больше, нежели «минусов».

Из аналитической записки ИМЭМО:

> «Политические последствия возможного соглашения о взаимном сокращении вооруженных сил в Европе могли бы состоять в следующем.
>
> Позиции США в Западной Европе существенно ослаблялись бы вследствие уменьшения масштабов американского военного присутствия, которое рассматривается как главный рычаг влияния США на Западную Европу. <...> Была бы решительно подорвана действенность центрального тезиса американской и натовской военной политики о «стремлении СССР к созданию превосходящей военной силы» и тем ослаблялись бы возможности использования такого тезиса как главного аргумента для продолжения гонки вооружений, для сплочения НАТО, для сдерживания тенденций «Восточной политики» в ряде западноевропейских стран.
>
> Создавался бы больший простор для развития центробежных тенденций в НАТО, для реализации стремления западноевропейских государств укрепить свою самостоятельность в области внешней и военной политики. Это, в свою очередь, стимулировало бы развитие тенденций к сотрудничеству ФРГ, Франции, Италии и, возможно, других стран Европы с социалистическими странами. Разумеется, и в этих условиях не может быть и речи о военно-политическом «отрыве» Западной Европы от США: их ядерный потенциал по-прежнему составлял бы основу единого военного потенциала и общей военной политики.
>
> Создавались бы дополнительные условия, благоприятствующие ратификации договоров между СССР и ФРГ, ПНР и ФРГ.
>
> Значительно активизировались бы стремления западноевропейских стран к созданию системы европейской безопасности и сотрудничества с социалистическими странами...
>
> Еще больше возрастет морально-политический авторитет Советского Союза в Европе, во всем мире. Будет дан мощный стимул для активизации всех левых и прогрессивных сил в европейских капиталистических странах, для расширения их влияния и укрепления политических позиций, для усиления идеологического влияния на массы коммунистических партий и, не исключено, в конечном итоге для дальнейшего усиления демократических и социалистических тенденций в капиталистических странах Европы вообще.

> Некоторое снижение степени военного влияния США в Европе могло бы ослабить «особые отношения» между Англией и США, понизить значение их союза и вызвать дополнительную активизацию «европейской» политики Англии — ее стремление повысить свою роль в западноевропейских делах, что способствовало бы усилению противоречий и борьбы за гегемонию между западными союзниками. На этом фоне не исключено смягчение антисоветского курса Лондона, повышение заинтересованности Англии в сотрудничестве с СССР и в осуществлении политики европейской безопасности»[1].

Помимо политических преимуществ от сокращения ВСВ в Центральной Европе, СССР мог бы, по мнению авторов записки, получить и преимущества экономического порядка: создание более благоприятных условий для развития советской экономики; уменьшение негативного влияния военно-промышленных кругов Запада, сдерживающих экономическое сотрудничество с Востоком, в частности, путем запрета экспорта в социалистические страны определенных товаров, рассматриваемых как стратегические; создание предпосылок для перевода экономических отношений Восток — Запад на прочную долговременную основу: предоставление кредитов соцстранам, учреждение в Западной Европе смешанных (советско-западноевропейских) обществ по сбыту и обслуживанию советских машин и оборудования, заключение долгосрочных контрактов с советскими организациями, дальнейшее развитие разных форм промышленного и научно-технического сотрудничества.

Перевод части западного военного производства на гражданские рельсы, как считали в ИМЭМО, вероятно, привел бы к обострению проблемы рынков сбыта для западных фирм. Это могло бы способствовать повышению заинтересованности Запада в стабильном и емком социалистическом рынке, что, в свою очередь, в состоянии подтолкнуть западные страны к принятию мер, способствующих развитию сотрудничества.

> «В целом, — по мнению аналитиков ИМЭМО, — современная международно-политическая обстановка и ближайшие перспективы ее развития способствуют проведению мер по сбалансированному сокращению вооруженных сил в Европе»[2].

Соображения и рекомендации ИМЭМО, изложенные в июле 1971 г., впоследствии дополнялись и уточнялись, сыграв определенную роль в выработке позиции делегации СССР на Венских переговорах о сокращении ВСВ в Центральной Европе, открывшихся 30 октября 1973 г.

Скрытый замысел советской дипломатии на этих переговорах — добиться одностороннего ослабления американского военного присутствия в Европе, сыграть на американо-западноевропейских противоречиях, стимулируя их обострение, — по-видимому, не составлял секрета

---

[1] Справки, информации, подготовленные по спецзапросам в ИМЭМО. 1971 г. // Архив ИМЭМО РАН.

[2] Там же.

ни для США, ни для их союзников в Западной Европе, со своей стороны добивавшихся бóльших уступок от СССР и его сателлитов по ОВД. Поэтому с самого начала Венские переговоры проходили очень трудно, затянувшись на полтора десятилетия.

На разных этапах этих переговоров к участию в них в качестве экспертов советской делегации привлекались отдельные специалисты из ИМЭМО, что само по себе свидетельствовало о высоком рейтинге Института в глазах высшего партийно-государственного руководства СССР.

ИМЭМО давал свои предложения и по другим направлениям внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности советского правительства. Так, в ноябре 1967 г. в Министерство внешней торговли СССР была направлена развернутая записка А.С. Кодаченко «Предложения по позиции СССР по мировой продовольственной проблеме», приуроченная к 2-й Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД).

За период 1967—1970 гг. в директивные и другие правительственные инстанции было направлено более 200 только аналитических записок, не считая информационных справок и других материалов[1]. Значительная их часть была ориентирована на оказание консультативной помощи в ускорении экономического и научно-технического развития СССР. Так, в феврале 1968 г. в Сельскохозяйственный отдел ЦК КПСС «ушла» записка — «Государственная поддержка сельского хозяйства в странах развитого капитализма». Одновременно в Госкомитет по науке и технике при СМ СССР (ГКНТ) была направлена записка Ю.И. Инькова «Освоение электронной вычислительной техники в сфере управления (опыт США)».

Нередко записки посылались на имя Генерального секретаря ЦК КПСС и его помощников, а также в секретариат Председателя СМ СССР А.Н. Косыгина.

В начале 1969 г. Л.И. Брежневу была направлена развернутая записка «Современное развитие экономики капиталистических стран и изменения ее структуры». В августе того же года по заказу Е. Самотейкина, референта Брежнева, в ИМЭМО подготовили записку «О некоторых проблемах развития системы образования в основных капиталистических странах и СССР», а в сентябре выполнили заказ помощника генсека В.А. Голикова — «Положение крестьянства и фермерства в странах развитого капитализма».

Для А.Н. Косыгина в том же 1969 г. была подготовлена коллективная записка «Объективные предпосылки экономической интеграции и ее принципиальные различия в условиях капитализма и социализма», а также записка С.М. Меньшикова «Новейшие изменения в капиталистических концернах».

Большой интерес в Совете Министров СССР, Госплане и ГКНТ вызвал специальный научный доклад «Некоторые особенности повышения

---

[1] Среди авторов этих записок: А.В. Аникин, О.Н. Быков, Е.А. Громов, В.И. Гантман, В.М. Кудров, М.В. Максимова, В.А. Мартынов, Д.Е. Меламид (Д. Мельников), Ю.М. Мельников, С.М. Меньшиков, А.Г. Милейковский, Г.И. Морозов, С.М. Никитин, Д.В. Петров, В.В. Размеров, Ю.И. Рубинский, С.С. Салычев, В.И. Стригачев, Д.Г. Томашевский, В.Л. Тягуненко, М.П. Фрейзер (Д. Маклэйн), А.И. Шапиро, В.Г. Шкунаев, П.И. Хвойник, Р.М. Энтов и др.

эффективности хозяйства капиталистических стран», направленный из ИМЭМО в апреле 1968 г. В нем были вскрыты причины значительного повышения экономической роли потребления в высокоразвитых странах Запада и показано, что высокий технический базис современного хозяйства, стремительный рост производительности и эффективности орудий и средств труда создали гораздо более тесную и прямую связь производства и потребления, что произошло ослабление известной независимости развития первого подразделения, которое имело место и было важным условием развития экономики на первоначальных этапах индустриализации западных стран.

В этой связи в докладе была рассмотрена тенденция роста в капиталистических странах реальной заработной платы, которая отражает расширившиеся возможности материального стимулирования роста производительности труда. В докладе ставился вопрос о необходимости разработки стратегии, ориентированной на создание в стране мощного фонда потребления как источнике материального стимулирования рабочих, ИТР и служащих с целью повышения производительности и эффективности производства. В этой связи в докладе рассматривалось в качестве одного из резервов увеличения фонда потребления развитие сферы услуг, анализировались возможности ускорения научно-технического прогресса посредством быстрейшего обновления действующей техники, конструирования преимущественно перспективной техники и т.д.

По просьбе Госплана, занимавшегося разработкой проекта положения о хозрасчетном производственном объединении в промышленности СССР, ИМЭМО в августе 1970 г. подготовил развернутую записку на тему «Вопросы управления производством в главных капиталистических странах». Эта записка, помимо Госплана, была разослана членам, кандидатам в члены Политбюро и секретарям ЦК КПСС: А.П. Кириленко, Ф.Д. Кулакову, К.Т. Мазурову, В.В. Гришину, Д.С. Полянскому, В.В. Щербицкому, Ю.В. Андропову, П.Н. Демичеву, Д.Ф. Устинову, И.В. Капитонову, К.Ф. Катушеву, Б.Н. Пономареву и М.С. Соломенцеву.

В ней давалась довольно подробная характеристика деловой активности крупных капиталистических производственных объединений, раскрывались основные факторы их жизнеспособности и причины определенного влияния этих объединений на ход развития всего хозяйства ведущих западных стран.

Записка носила сугубо деловой характер, и с учетом уровня ее читателей в ней «не ставилась цель дать систематическую критику капиталистических методов эксплуатации трудящихся, разоблачение империализма или разработку доказательств превосходства наших (социалистических) форм организации и управления хозяйством по сравнению с капиталистическим»[1].

Записка получила положительную оценку в Инстанции, т.е. в Политбюро, Л.И. Брежнева на XXIV съезде КПСС (30 марта — 9 апреля 1971 г.),

[1] Справки, информации, подготовленные по спецзапросам в ИМЭМО. 1971 г. // Архив ИМЭМО РАН.

когда Генеральный секретарь говорил о необходимости совершенствования организационной структуры управления.

> «...Необходимостью становится усиление концентрации производства, — подчеркивал Брежнев в своем докладе. — Накопленный опыт показывает, что только крупным объединениям под силу сосредоточить достаточное число квалифицированных специалистов, обеспечивать быстрый технический прогресс, лучше и полнее использовать все ресурсы. Курс на создание объединений и комбинатов надо вести решительней — в перспективе они должны стать основными хозрасчетными звеньями общественного производства»[1].

Научный коллектив ИМЭМО принимал активное участие в подготовке материалов к XXIV съезду КПСС, в частности в разработке серии мирных инициатив, с которыми на съезде выступил Л.И. Брежнев. Эти предложения, широко разрекламированные советской пропагандой в качестве «Программы мира», предусматривали ликвидацию военных очагов в Юго-Восточной Азии и на Ближнем Востоке; необходимость окончательного признания территориального статус-кво в Европе, сложившегося в результате Второй мировой войны, необходимость поворота к разрядке на континенте путем созыва общеевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству; одновременную ликвидацию противостоящих военных организаций — НАТО и ОВД; запрет ядерного, химического и бактериологического оружия; созыв всемирной конференции для рассмотрения вопросов разоружения во всем их объеме и во всех районах, и прежде всего в Центральной Европе; содействие полному претворению в жизнь решения ООН о ликвидации оставшихся колониальных режимов; готовность СССР к обсуждению общих для всех государств неполитических проблем, таких как сохранение природной среды, освоение энергетических и других природных ресурсов, развитие транспорта и связи, предупреждение и ликвидация наиболее опасных и распространенных заболеваний, исследование и освоение космоса и Мирового океана[2].

Из всех предложений, включенных в советскую «Программу мира», самыми неожиданными для Запада оказались те, которые относились к разряду общечеловеческих, глобальных проблем. Сам факт признания Советским Союзом существования общих для человечества проблем, помимо необходимости сохранения мира (окружающая среда, энергетика, космос, Мировой океан и т.д.), был принципиально важным шагом на пути эволюции коммунистического режима от стереотипов классовой борьбы и холодной войны к пониманию общности интересов государств и народов двух противоборствующих систем. Начавшееся в 1971 г. движение в этом направлении впоследствии с неизбежностью поставит советское руководство перед необходимостью обсуждать с западными партнерами весь комплекс вопросов, связанных с правами человека и общечеловеческими ценностями.

---

[1] Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971. С. 18.

[2] Там же. С. 29—30.

Значительную роль в этой эволюции сыграли «яйцеголовые» советники Л.И. Брежнева — Г.А. Арбатов, А.Е. Бовин, Н.Н. Иноземцев и др. В ИМЭМО уже велись исследования в области глобальных проблем современности, в частности, по вопросам защиты окружающей среды и Мирового океана. На них-то и опирался Иноземцев в своих рекомендациях Брежневу.

Сам Иноземцев еще с 1967 г., когда он вместе с помощниками генсека — Г.Э. Цукановым и А.М. Александровым, а также с Г.А. Арбатовым, А.Н. Яковлевым и В.В. Загладиным, готовил Брежневу доклад к 50-й годовщине Октябрьской революции, постоянно привлекался к написанию «высочайших» выступлений. Он часто и подолгу работал над текстами этих выступлений в Волынском, Горках-Х, Завидово и других загородных резиденциях Брежнева в приятной компании своих друзей-единомышленников — Г.А. Арбатова, О.Т. Богомолова, А.Е. Бовина... В кругах осведомленной московской интеллигенции создававшиеся там тексты для Брежнева называли «арбатовской прозой», по имени одного из их составителей. В это время Иноземцев и познакомился с Брежневым, который проникся к нему явной симпатией, подчеркнуто выделяя из числа своих «спичрайтеров». Брежнев всегда обращался к Иноземцеву по имени-отчеству, в то время как других обычно называл только по именам.

Свидетельством возросшего влияния Н.Н. Иноземцева стали награждение 7 февраля 1971 г. возглавляемого им Института мировой экономики и международных отношений орденом Трудового Красного Знамени и избрание самого Иноземцева кандидатом в члены ЦК на XXIV съезде КПСС. В апреле того же года академик Н.Н. Иноземцев был награжден орденом Ленина «за заслуги в развитии экономической науки и в связи с 50-летием со дня рождения».

Эти события в истории ИМЭМО ознаменовали окончание первой «пятилетки Иноземцева». Опираясь на опыт и достижения предшествующего десятилетия, Н.Н. Иноземцев приумножил их и в короткий срок сумел превратить Институт в ведущий «мозговой центр» в СССР, где осуществлялась разработка новых подходов к международно-политическим и экономическим проблемам современного мира.

Институт значительно окреп. В январе 1971 г. в нем работали 739 человек, в том числе: один академик, три члена-корреспондента АН СССР, 53 доктора наук и 242 кандидата наук. В течение 1966—1970 гг. в Институте были защищены 52 докторских и 116 кандидатских диссертаций. В составе ИМЭМО — семь научных отделов и 42 сектора. За 1966—1970 гг. научными сотрудниками Института были подготовлены и изданы 126 монографий и других трудов.

В директивные инстанции, плановые органы, различные министерства и ведомства за этот же период были направлены более 500 справок, аналитических записок и других материалов[1].

[1] Справка об Институте мировой экономики и международных отношений АН СССР, направленная в отдел науки МГК КПСС 26.01.1971 г. // Архив ИМЭМО РАН.

Глава 6

БЫЛ ЛИ ИМЭМО «ФИЛИАЛОМ» СПЕЦСЛУЖБ?

Западные партнеры ИМЭМО — в Стэнфордском институте в США, в Королевском институте международных отношений («Чатам Хаус») и Институте стратегических исследований в Великобритании, в Германском обществе внешней политики в Бонне, во Французском институте международных отношений и др. — знали, что их московские коллеги выполняют соответствующие заказы высшего партийно-государственного руководства и других правительственных инстанций. В этом не было ничего необычного, учитывая, что и они сами получали аналогичные задания от своих правительств.

В то же время на Западе иногда можно было встретить мнение об ИМЭМО как о некоем «филиале КГБ», где под видом ученых работают кадровые разведчики. Нередко к приезжавшим в западные страны в научные командировки сотрудникам ИМЭМО, особенно к тем из них, кто по молодости не успел еще приобрести известность в ученом сообществе, относились с определенным недоверием. Впрочем, с подозрительным отношением к себе иной раз сталкивались и маститые ученые. Надо сказать, недоверие было взаимным; оно порождалось жестокими нравами холодной войны. Приезжавшие в СССР иностранные ученые и специалисты, как правило, плотно опекались, а все их контакты в Москве строго контролировались.

Откуда же возникло представление о «родственной» связи ИМЭМО и советских спецслужб?

Я задал этот вопрос члену палаты лордов британского парламента Джону Роуперу, в 70—80-е годы плодотворно сотрудничавшему с ИМЭМО в качестве одного из руководителей британского «Чатам Хаус».

«А что вы хотите? — ответил почтенный лорд, сохранивший самые добрые воспоминания о встречах с советскими коллегами[1] и питавший искреннее расположение к России. — Было известно, что в ИМЭМО рабо-

[1] Лорд Роупер тепло вспоминал Н.Н. Иноземцева, Е.М. Примакова, А.Н. Яковлева, О.Н. Быкова, М.М. Максимову, Е.С. Хесина и других представителей ИМЭМО, с которыми встречался на периодических заседаниях «круглого стола» в Лондоне и в Москве. — *П.Ч.*

тали Дональд Маклэйн и Джордж Блейк[1]. Этого было достаточно, чтобы считать ИМЭМО «шпионским гнездом». Хотя сам я так не думал, зная, что Институт работает на Центральный комитет и на Советское правительство»[2].

Сэр Джон добавил к этому, что о связи ИМЭМО с КГБ ему «авторитетно» заявлял уже в начале 90-х годов кто-то из коллег-международников, прибывший в Англию то ли из суверенной Латвии, то ли из Эстонии.

Можно предположить, что какую-то, во многом недостоверную информацию о связях ИМЭМО с КГБ могли сообщить на Запад и «невозвращенцы» — И.С. Глаголев и М.С. Восленский, склонные, по понятным причинам, преувеличивать значение и характер своей предыдущей работы в Институте в качестве «советников Кремля».

В какой степени существовавшие на Западе предположения о работе ИМЭМО на советские спецслужбы соответствовали действительности?

В предыдущих главах уже рассказывалось о формах сотрудничества ИМЭМО с целым рядом министерств и ведомств СССР — МИДом, Госпланом, Внешторгом и др. При этом ничего не говорилось о Министерстве обороны и КГБ СССР. Пора восполнить этот пробел и попытаться ответить на вынесенный в название главы вопрос. Но начну все же не с КГБ, а с Минобороны, тем более что связь с этим ведомством, по крайней мере до середины 80-х годов, у ИМЭМО была куда более тесная, нежели с Лубянкой.

ОТЭИ: от Стригачева до Бугрова

В октябре 1957 г. в структуре ИМЭМО был сформирован сектор проблем милитаризации экономики капиталистических стран во главе с доктором экономических наук А.А. Санталовым. На сектор была возложена задача по налаживанию технико-экономических исследований состояния и перспектив развития военных отраслей экономики ведущих стран Запада.

Прежде чем охарактеризовать работу этого сектора, со временем преобразованного в отдел технико-экономических исследований (ОТЭИ), следует сказать несколько слов о его создателе.

Арсений Алексеевич Санталов родился в 1900 г. в крестьянской семье. С 11 лет, по окончании начальной сельской школы, он работал по найму подручным слесаря в помещичьих хозяйствах на Тамбовщине. В 1917 г. был призван в армию и направлен в Центральные мастерские инженерных дружин Западного фронта (г. Минск), где работал слесарем. Тогда же, в июле 1917 г., Санталов вступил в РСДРП(б), а в ноябре принял участие в большевистском перевороте в Москве. Затем была учеба, прерванная Гражданской войной, комиссарство на Южном фронте, снова учеба, нако-

[1] Об этих знаменитых советских разведчиках, ставших впоследствии научными сотрудниками ИМЭМО, будет еще рассказано. — *П.Ч.*

[2] Запись беседы с лордом Дж. Роупером во время его приезда в Москву в феврале 2003 г.

нец, диплом 1-го МГУ по двум специальностям: экономист по внешней торговле и юрист по международно-правовым вопросам.

«С июня 1923 г., почти беспрерывно, по октябрь 1941 г. я работал в системе внешней торговли, — писал Санталов в своей автобиографии. — *Наряду со специальной, торгово-оперативной и руководящей работой в системе внешней торговли я почти всегда (с 1923 г.) занимался научно-исследовательской и литературной работой»*[1].

С 1924 по 1927 г. он был руководителем экономической части Торговой делегации СССР в Англии, а в 1928—1934 гг. возглавлял экономическое управление Амторга в США, затем был представителем Всесоюзного объединения «Союзнефтеэкспорт» и вице-президентом Амторга. Все эти годы он активно публиковал статьи и экономические обзоры в журналах и информационных бюллетенях, выходивших в Англии и США.

По возвращении из загранкомандировки А.А. Санталов работает в «Союзнефтеэкспорте», в центральном аппарате Наркомвнешторга СССР, а в 1937—1941 гг. — в Научно-исследовательском конъюнктурном институте Наркомвнешторга. В предвоенный период выходят в свет его многочисленные статьи и обзоры, посвященные проблемам мирового нефтяного и фрахтового рынков, а также американской экономике.

В марте 1942 г. Санталова направляют на работу в ТАСС на должность редактора материалов для иностранной прессы и референта по США, а в марте 1944 г. переводят в Институт мирового хозяйства и мировой политики АН СССР, где он занимает должность старшего научного сотрудника. В ИМХМП Санталов активно привлекается к выполнению оперативных заданий по вопросам мирового нефтяного и газового рынков, морского торгового флота капиталистических стран, экономики США, Китая и «стран народной демократии».

События 1947 г., когда был закрыт ИМХМП, не отразились на судьбе Санталова, которого, в отличие от многих его коллег, без проблем зачисляют в штат Института экономики. С 1949 г. по совместительству он еще и член Экспертного совета Государственного комитета по материально-техническому снабжению СМ СССР, куда его пригласил Л.М. Каганович, тогдашний глава этого ведомства. По заказу Госснаба А.А. Санталов за два года (1949—1950) написал солидную (36 авторских листов) работу «Перспективы экономических взаимоотношений КНР с СССР». Этот труд был высоко оценен и рекомендован Госснабом СССР «для использования в практической работе»[2].

Работая в Институте экономики, Санталов в 1955 г. успешно защищает докторскую диссертацию на тему «Империалистическая борьба за источники сырья». Помимо ученой степени, Санталов получает за эту работу премию Президиума АН СССР.

Уходя из Института экономики в создаваемый им ИМЭМО, А.А. Арзуманян в числе первых пригласил туда А.А. Санталова. В течение года тот

---

[1] Личное дело А.А. Санталова // Архив ИМЭМО РАН.

[2] Там же.

работал в секторе США, которым руководил другой ветеран ИМХМП, М.И. Рубинштейн, пока Арзуманян не предложил ему сформировать и возглавить сектор проблем милитаризации экономики капиталистических стран.

Арзуманян придавал очень большое значение направлению исследований этого сектора, справедливо полагая, что исходящие из него информационно-аналитические разработки могут быть использованы для ускорения научно-технического прогресса в СССР и способны представлять практический интерес для предприятий и организаций военно-промышленного комплекса. Речь шла о том, чтобы по материалам открытых зарубежных источников изучать состояние военной экономики и военно-технического развития ведущих стран Запада[1]. Работа сотрудников сектора сводилась к тому, чтобы изучать материалы, публиковавшиеся в иностранной периодике по различным направлениям развития современного научно-технического прогресса — в авиации и космонавтике, ракетостроении, радиоэлектронике и т.д. По результатам этого изучения составлялись справки, записки и другие материалы, направлявшиеся в заинтересованные правительственные инстанции, в частности в Госкомитет по науке и технике и Министерство обороны СССР.

Работа, начатая под руководством Санталова, в полной мере оправдала надежды Арзуманяна. Потребители продукции, исходившей из его сектора, давали ей высокую оценку. В одном из отзывов, подписанных заместителем начальника Главного разведывательного управления Генерального штаба ВС СССР генерал-лейтенантом Х. Мамсуровым, говорилось:

> «Возглавив в 1957 г. исследование проблем милитаризации экономики капиталистических стран... А.А. Санталов личной и весьма напряженной организационной и научно-методической деятельностью добился того, что это исследование в сравнительно короткий срок уже дало важные практические результаты. В 1958—1959 гг. Главное Управление получило от Института мировой экономики и международных отношений по проблемам милитаризации экономики капиталистических стран более двух десятков крупных и ценных исследований, разработанных под руководством и при личном участии А.А. Санталова»[2].

Спустя несколько лет директор ИМЭМО удовлетворенно констатировал:«Институт правильно сделал, организовав технико-экономические исследования. Мне помнится, с каким недоумением было встречено реше-

---

[1] «Ведь не глупые люди придумали — создать в системе Академии наук отдел, который проводил бы такого рода исследования параллельно с теми, которые велись в номерных институтах Министерства обороны и Генерального штаба. В отделе сопоставлялись те и другие исследования и формулировались какие-то выводы для директивных органов нашей страны», — сказал в беседе с автором В.Л. Лебедев, один из ветеранов ОТЭИ (запись беседы с В.Л. Лебедевым 6 августа 2002 г.).

[2] Архив ИМЭМО РАН.

ние дирекции об организации таких исследований[1]. Теперь уже эти исследования развернулись вовсю, и полезность этих работ несомненна. Как директору Института, мне было приятно, когда на одной из встреч Председатель одного Госкомитета вынул из своего сейфа нашу работу о развитии радиоэлектроники, показав, как тщательно она была проштудирована. Он дал распоряжение всем работникам Комитета ознакомиться с нашей работой»[2].

А.А. Санталову довелось руководить работой созданного им сектора совсем недолго — чуть более двух лет. Тяжелое сердечное заболевание, приобретенное еще в 30-е годы, опасно прогрессировало, вынудив его в феврале 1960 г. перейти на должность старшего научного сотрудника. Через месяц он умер.

Дальнейшая судьба сектора (затем отдела) связана с именем Владимира Ивановича Стригачева, назначенного 18 февраля 1960 г. исполняющим обязанности заведующего этим научным подразделением. И по возрасту, и по жизненному опыту он представлял собой другой, нежели Санталов, тип руководителя.

Стригачев родился в 1922 г. в г. Новоузенске Саратовской области. В 1939 г. 17-летний юноша отправляется в Ленинград и поступает на химический факультет ЛГУ. Однако первая попытка получить высшее образование не удалась. С началом советско-финской войны Стригачев, как и многие его ровесники-студенты, изъявил желание отправиться на фронт, но вместо этого был зачислен в Школу младших командиров, которую окончил в июне 1941 г.

Три с половиной года войны Стригачев проводит в качестве политработника на Ленинградском фронте. Среди его боевых наград — орден Отечественной войны 2-й степени и орден Красной Звезды. В конце 1944 г. его назначают помощником начальника политотдела по работе среди комсомольцев Военно-медицинской академии в Ленинграде. Одновременно он поступает на заочное отделение Военно-политической академии им. И.В. Сталина (ВПА) в Москве. В 1952 г. Стригачев становится адъюнктом кафедры политэкономии ВПА, где начинает работать над кандидатской диссертацией «Военно-экономический потенциал Западной Германии, рассчитанный на случай войны».

К осени 1956 г. диссертация была готова. Предстояла защита. Но в это время в судьбе подполковника Стригачева происходит неожиданный поворот.

Из автобиографии В.И. Стригачева:

---

[1] Недооценка значения технико-экономических исследований, о чем упомянул А.А. Арзуманян, станет понятной, если вспомнить, какой идеологической травле в конце 40-х — начале 50-х гг. подвергалось данное направление экономических исследований. Тяжелые воспоминания об этом еще были живы в памяти многих сотрудников ИМЭМО старшего и среднего поколений. — *П.Ч.*

[2] Из выступления А.А. Арзуманяна на партийном собрании в ИМЭМО в 1961 г. // Архив Российской академии наук (далее: Архив РАН. — *П.Ч.*). Ф. 1556. Оп. 1. Д. 142. Л. 24—25.

«В первых числах ноября 1956 г. я был послан в специальную командировку в Будапешт, в связи с вспыхнувшим в Венгрии контрреволюционным мятежом, и в течение 7 месяцев работал начальником Политуправления Советских войск в Венгрии»[1].

11 ноября 1956 г. подполковник Стригачев назначается заместителем коменданта г. Будапешта по спецпропаганде, начальником Политуправления группы советских войск в Венгрии. На этом посту он пробудет до июня 1957 г. и вернется в Москву с орденом боевого Красного Знамени.

Затем успешная защита диссертации в ВПА и неожиданная демобилизация из армии в возрасте 35 лет. Теперь можно только гадать (в личном деле Стригачева ничего об этом не говорится), попал ли он под очередное сокращение или это было его собственное решение. Нельзя исключать здесь и влияния крупного советского экономиста академика Станислава Густавовича Струмилина, с которым Стригачев находился в родственных отношениях (через свою жену). Так или иначе, но сразу же после увольнения из армии Стригачев подает заявление на имя директора ИМЭМО АН СССР А.А. Арзуманяна, доброго знакомого Струмилина, о зачислении его в Институт.

В ИМЭМО его берут на должность младшего научного сотрудника с ученой степенью в сектор стран Западной Европы, но уже в декабре 1957 г. Стригачев переходит в только что созданный сектор милитаризации экономики капиталистических стран в качестве и.о. старшего научного сотрудника. Ходатайствуя перед Отделением экономических, философских и правовых наук АН СССР о разрешении зачислить Стригачева вне конкурса на должность и.о. с.н.с., Арзуманян писал в своем представлении: «Тов. Стригачев В.И. имеет ценные работы по вопросам методологии определения экономического и военно-экономического потенциала капиталистических стран. Эти работы опубликованы в «Трудах Академии» (издание Военно-политической академии им. В.И. Ленина, 1956) и в журнале «Военная мысль»[2].

С приходом в сектор милитаризации экономики Стригачев сразу же становится «правой рукой» часто хворавшего Санталова. Он активно включается в работу, замещая шефа во время обострения его болезни. Как исследователь, Стригачев переключается с ФРГ на США, занявшись изучением американской химической промышленности. Он участвует также в составлении баланса гражданских и военных потребностей США в людской силе и материальных ресурсах в периоды мобилизационного развертывания.

Когда в феврале 1960 г. А.А. Санталов заявил о невозможности по состоянию здоровья руководить работой сектора, у Арзуманяна не было колебаний в выборе кандидатуры на замещение должности заведующего.

---

[1] Личное дело В.И. Стригачева // Архив ИМЭМО РАН.

[2] Переписка с Бюро Отделения экономических, философских и правовых наук АН СССР. 1957 г. // Архив ИМЭМО РАН.

Им стал Владимир Иванович Стригачев, который представил Арзуманяну развернутый план полной реорганизации сектора.

К тому времени разработки, выходившие из сектора, успели приобрести многочисленных заинтересованных читателей в центральном аппарате и в организациях Министерства обороны СССР, в министерствах, связанных с ВПК, в ГКНТ и в других ведомствах. Заказы на те или иные разработки сыпались как из рога изобилия, а наличных сил для их выполнения явно не хватало.

Стригачев предложил Арзуманяну значительно расширить тематику работы сектора, который должен быть преобразован в отдел. Соответственно предлагалось существенно увеличить численный состав создаваемого отдела (для начала — на порядок). Стригачев же рекомендовал Арзуманяну укомплектовать отдел преимущественно специалистами из числа демобилизуемых из Вооруженных сил СССР военных инженеров и офицеров, служивших в ракетных войсках, в войсках связи, химзащиты, в ВВС и ВМС.

В то время (конец 50-х — начало 60-х годов) в результате неоднократных массовых сокращений советских Вооруженных сил (а общей сложности более чем на 3 млн человек), предпринятых по инициативе Н.С. Хрущева, тысячи еще достаточно молодых офицеров были уволены из армии и флота. Никто в сущности не занимался всерьез их устройством в гражданской жизни. Каждый устраивался самостоятельно — в какое-нибудь госучреждение, на завод, в среднюю школу и ПТУ, в вуз или НИИ. Кое-кто из этих преждевременных отставников, как считал Стригачев, представлял очевидный интерес для ИМЭМО, где предполагалось развернуть технико-экономические исследования в военно-экономической области.

Арзуманян поддержал все предложения энергичного подполковника запаса и начал переговоры с заинтересованными инстанциями — Президиумом АН СССР, соответствующими отделами ЦК КПСС, Министерством обороны СССР, ГКНТ и др. Наибольший интерес к этому проявило военное ведомство, заручившееся согласием Арзуманяна на тесное сотрудничество возглавляемого им Института с МО СССР. Одновременно военное руководство неофициально оговорило для себя право рекомендовать на работу в ИМЭМО отдельных генералов и старших офицеров, увольняющихся из Вооруженных сил.

Наконец, идея была одобрена на Старой площади, и уже в начале декабря 1960 г. Президиум АН СССР принял специальное Постановление о создании в ИМЭМО Отдела технико-экономических исследований.

28 декабря 1960 г. был подписан Приказ № 255 по ИМЭМО АН СССР:

> «С целью обеспечить необходимые масштабы и должное качество исследований технико-экономических явлений и процессов, происходящих в капиталистических странах, и в соответствии с Постановлением Президиума АН СССР от 9 декабря 1960 г. № 1065, ПРИКАЗЫВАЮ:
>
> 1. Создать в Институте Отдел технико-экономических исследований в составе пяти секторов;

2. Назначить кандидата экономических наук СТРИГАЧЕВА В.И. заместителем директора Института мировой экономики и международных отношений АН СССР и заведующим Отделом технико-экономических исследований.

Директор Института *А.А. Арзуманян*»[1].

Штатное расписание ОТЭИ на 1 января 1961 г. было утверждено в количестве 90 единиц (при общей тогдашней численности ИМЭМО в 431 штатную единицу)[2]. Это означало, что в отдел предстояло набрать несколько десятков человек, способных следить за иностранной периодикой технико-экономического профиля, отбирать и анализировать нужную информацию, наконец, готовить обобщающие материалы для заказчиков.

В начале 1961 г. в ОТЭИ были сформированы пять секторов: стратегических и обычных вооружений, военного финансирования, научно-исследовательских работ, транспорта. Для пущей важности каждый сектор получил свой номер — № 1, № 2, № 3 и т.д.

В 1963 г. в отделе была создана редакторская группа, через которую проходили материалы всех пяти секторов, прежде чем эти материалы отправлялись заказчику. Группу возглавил полковник запаса Сергей Степанович Пахомов, впоследствии получивший должность Главного редактора ОТЭИ. В годы войны он был заместителем полковника Л.И. Брежнева, начальника политотдела 18-й армии. Одним из его подчиненных по службе в политотделе был майор А.А. Арзуманян, ставший впоследствии директором ИМЭМО.

Все сектора, помимо их собственной тематики, в 60-е годы объединяло одно общее дело — написание 7-томного исследования «Экономика США». Оно было завершено в 1967 г. и получило высокую оценку заинтересованных инстанций. К началу 1970 г. в ОТЭИ было выполнено более 350 работ общим объемом свыше 2600 авторских листов.

Из воспоминаний доктора экономических наук Р.А. Фарамазяна, ветерана ОТЭИ:

> «До создания ОТЭИ, насколько нам известно, в Советском Союзе ни в одной организации не велись систематические исследования военно-экономических проблем западных стран. Военно-экономическая наука значительно запаздывала в теоретическом обобщении новых процессов в развитии военной экономики ядерного века, кардинальных изменений в требованиях к экономическому обеспечению военного строительства, к укреплению оборонной безопасности страны.
>
> Организация ОТЭИ сыграла большую роль в активизации военно-экономических исследований в нашей стране. Коллективом Отдела проводились крупные и многоплановые исследования по проблемам военно-экономического потенциала и развития военной экономики западных стран и НАТО как блока в годы холодной войны. Сотрудниками Отдела

[1] Архив ИМЭМО РАН.

[2] К концу 60-х гг. численность ОТЭИ удвоится, достигнув 200 человек, а количество секторов возрастет с пяти до восьми.

были подготовлены и опубликованы многочисленные монографии, брошюры и статьи, в которых анализировались особенности современного военного производства, проблемы военного финансирования и эффективности военных расходов, экономические аспекты национальной безопасности, влияние научно-технического прогресса на военное дело, изменения в структуре, системе организации и управления военной экономикой западных стран, социально-экономические аспекты милитаризации экономики и науки, экономические вопросы разоружения и конверсии военного производства, интеграционные процессы в военно-экономической сфере, влияние окончания холодной войны на военную экономику, новейшие тенденции в развитии военной экономики ведущих западных стран, особенности реформирования оборонно-промышленного комплекса России»[1].

С самого начала ОТЭИ был ориентирован руководством ИМЭМО на изучение новейших тенденций в развитии важнейших отраслей экономики стран Запада. Конечная задача исследователей состояла в том, чтобы показать, какие из последних экономических и научно-технических достижений капитализма можно использовать в интересах советской экономики, каким образом военная промышленность помогает на Западе развитию гражданских отраслей экономики.

В деятельности ОТЭИ изначально переплелись собственно научные интересы ИМЭМО, занимавшегося изучением современного капитализма, и интересы спецслужб (точнее — промышленной и научно-технической разведки), стремившихся получить на Западе нужную информацию с целью оптимизации и ускорения в СССР научно-технического прогресса в военной области. В то время как зарубежная агентура КГБ и ГРУ добывала на Западе необходимую экономическую и научно-техническую информацию, используя свои, специфические средства, сотрудники ОТЭИ старательно выуживали ее из иностранной литературы и периодики[2], готовя соответствующие отчеты для заказчиков, которые имели возможность сопоставлять эти сведения с данными, получаемыми агентурным путем.

В отделе был создан специализированный Ученый совет, на котором заслушивались научные доклады и защищались диссертации[3]. В 1974 г. докторскую диссертацию по совокупности работ здесь защитил В.И. Стригачев. Впоследствии его кандидатура будет выдвигаться для избрания в члены-корреспонденты АН СССР по Отделению экономики, но Стригачев не наберет нужного количества голосов.

---

[1] Запись беседы с Р.А. Фарамазяном 2 апреля 2003 г.

[2] Тесные рабочие контакты с Министерством обороны СССР позволяли ОТЭИ дополнительно выписывать для своей библиотеки целый ряд специальных зарубежных изданий, которых не имела библиотека ИМЭМО, находившаяся на жесткой, постоянно сокращавшейся дотации АН СССР. При этом допуск сотрудников основной части Института в библиотеку ОТЭИ был затруднен, что вызывало растущее недовольство в научном коллективе ИМЭМО.

[3] Всего за время существования ОТЭИ (1961—1985 гг.) на его специализированном Ученом совете было защищено 50 кандидатских и 8 докторских диссертаций по военно-экономической проблематике.

«Будучи военным человеком, — вспоминает работавший с ним В.Л. Лебедев, — Стригачев был очень неплохим организатором, как и многие люди того времени. Это была сильная личность, лидер по своей натуре. Я не могу, конечно, судить о собственно научной стороне его деятельности, но я видел его как организатора, видел, как он проводил заседания, как осуществлял руководство Отделом. Наверное, Владимир Иванович не был ученым в академическом понимании этого слова, хотя научное руководство он осуществлял в полной мере»[1].

Стригачев пользовался уважением не только в ОТЭИ, но и в коллективе ИМЭМО. По статусу, как уже отмечалось, он был одним из заместителей директора Института.

Из характеристики В.И. Стригачева, подписанной Н.Н. Иноземцевым и секретарем парткома ИМЭМО В.А. Мартыновым (январь 1970 г.):

«Как человек — честен и целеустремлен, обладает удивительно хорошей памятью, непритязательностью в жизни, вежлив, скромен, не подчеркивает своей роли, морально устойчив. К числу недостатков следует отнести следующее: иногда чрезмерно прямолинеен в разговорах и своих действиях, мало заботится о своем здоровье, работая и в период заболеваний...»[2]

С самого начала Арзуманяном и Стригачевым была выбрана единственно правильная кадровая политика — сочетание высококвалифицированных гражданских экономистов и военных специалистов различного профиля. Правда, поддерживать оптимальный баланс на практике оказалось нелегко, так как Министерство обороны постоянно пыталось «засылать» в ОТЭИ «своих» людей; при этом не все из них обладали должными данными для успешной работы в отделе. К тому же военный заказчик стимулировал не столько военно-экономические, сколько военно-технические исследования, которыми в принципе в ОТЭИ не должны были заниматься. Для этого в системе МО СССР существовали многочисленные «почтовые ящики».

Первоначальное преобладание военных в ОТЭИ давало основание многим в ИМЭМО считать его неким «отстойником» Минобороны для выходящих в запас генералов и офицеров, имевших нужные связи. Непосвященные в производственные тайны ОТЭИ (отдел работал в закрытом режиме) сомневались в результативности и даже целесообразности работы военных пенсионеров.

Из воспоминаний В.Л. Лебедева:

«В 60-е годы в ОТЭИ действительно было много военных, в основном военных инженеров и политработников. Но они, как правило, предпочитали организационную работу. Так, три ученых секретаря отдела на моей памяти были из бывших военных. Это были энергичные и еще достаточно молодые

[1] Запись беседы с В.Л. Лебедевым.

[2] Личное дело В.И. Стригачева // Архив ИМЭМО РАН.

люди, способные в полной мере справляться со своими обязанностями. В научных же секторах число военных со временем постоянно сокращалось в пользу «штатских». При этом, на мой взгляд, отставники приносили несомненную пользу, так как по прежней службе хорошо были знакомы с современными системами вооружений и уровнем военных технологий. Постепенно в ОТЭИ возрастало число гражданских специалистов, прежде всего с экономическим образованием, хотя военная специфика ощущалась всегда»[1].

Среди высокопоставленных военных, в разные годы работавших в ОТЭИ, выделялись три генерала.

Одним из первых в отдел пришел генерал-лейтенант Моисей Иосифович Сладкевич. Это был незаурядный человек с интересной судьбой.

Он родился в 1906 г. в бедной еврейской семье в Белоруссии. Оставшись в десять лет без родителей, Моисей начал сам зарабатывать на жизнь, а в 1923 г. поступил в 1-ю Московскую кавалерийскую школу командного состава. Год спустя он был переведен в Ленинградскую кавалерийскую школу (бывшее Николаевское кавалерийское училище), которую окончил в 1926 г.

В течение пяти лет он проходил службу в 51-м кавалерийском полку, входившем в знаменитый тогда на всю страну 2-й кавалерийский корпус им. Г. Котовского, а в 1931-м был переведен в пограничные войска ОГПУ. В 1936 г. Сладкевич поступил в Военную академию им. Фрунзе, которую окончил в 1939-м, получив диплом с отличием. За год до окончания учебы он едва не попал под очередную чистку, проводившуюся в академии.

В течение двух предвоенных лет комбриг Сладкевич служит в Главном управлении войск НКВД, а с началом войны его направляют на Западный фронт. Осенью — зимой 1941 г. он командует Каширским сектором обороны Москвы и за успешное руководство войсками получает звание генерал-майора. Затем — Ленинградский, Закавказский, Северо-Кавказский, 3-й Белорусский и 4-й Украинский фронты, где генерал Сладкевич выполняет обязанности заместителя командующего армией. Войну он завершает в звании генерал-лейтенанта с восемью боевыми и полководческими орденами, в том числе Суворова 2-й степени и Кутузова 2-й степени.

С октября 1944 г. генерал Сладкевич — зам. начальника Внутренних войск НКВД и одновременно руководитель операций по уничтожению Украинской повстанческой армии (УПА). С бандеровцами он будет бороться до 1949 г.[2], когда получит назначение в Германию на должность начальника войск МГБ. В его задачу входили устройство и охрана западной границы только что созданной Германской Демократической Республики.

В Германии Сладкевич прослужит до марта 1953 г., когда Л.П. Берия, возглавивший объединенный МВД и МГБ, вызовет его в Москву и назначит начальником штаба, заместителем начальника Внутренних войск МВД СССР. Этот неожиданный вызов сыграет роковую роль в дальнейшей судьбе генерала.

---

[1] Запись беседы с В.Л. Лебедевым.

[2] Его заслуги в борьбе с бандеровским движением будут отмечены в 1949 г. орденом Ленина.

Когда в июне 1953 г. Берия будет арестован, под подозрение попадут все его последние назначенцы в МВД. Одни будут арестованы и расстреляны вместе с ним, другие будут осуждены на длительные сроки, третьи — уволены со службы.

Против генерала Сладкевича не нашлось никаких компрометирующих материалов, и он был оставлен в кадрах МВД, но в порядке «профилактики» его, генерал-лейтенанта, направили в Военный институт им. Ф.Э. Дзержинского на полковничью должность начальника курса, этакого «курсового дядьки». Правда, через несколько месяцев его повысят, назначив начальником кафедры тактики и оперативного использования пограничных и внутренних войск.

В первых числах ноября 1956 г. генерал-лейтенанта Сладкевича неожиданно вызвал начальник Генерального Штаба Маршал Советского Союза В.Д. Соколовский, который хорошо знал его еще с осени 1941 г., со времен сражения под Москвой. Маршал, ценивший опыт Сладкевича в проведении специальных армейских операций, предложил генералу возглавить передовой корпус, направляемый в Будапешт для оказания «братской помощи» в подавлении «контрреволюционного мятежа». Вслед за авангардом Сладкевича в Будапешт должны были быть введены еще два корпуса — армейский и специальный. Последним будет командовать сам председатель КГБ СССР, генерал армии И.А. Серов, в недавнем прошлом — 1-й заместитель Л.П. Берии в МВД, сумевший удержаться и даже укрепить свои позиции при Хрущеве.

Генерал сразу же понял, что получает шанс вернуться к полноценной, соответствующей его воинскому званию и опыту службе. Он немедленно дает согласие и в тот же день, ознакомившись в Генштабе с оперативной обстановкой в Венгрии, вылетает в Будапешт на военно-транспортном самолете. С женой ему удалось попрощаться лишь по телефону.

Прямо с аэродрома генерал Сладкевич во главе танковой колонны входит в охваченный народным восстанием Будапешт. Здесь в первый же день он получает тяжелую контузию от разрыва зенитного снаряда, выпущенного по танку, в котором он находился. Тем не менее генерал продолжал руководить операцией. Ему довелось лично руководить штурмом Военного министерства Венгрии, среди защитников которого находился министр обороны генерал Малетер, в результате захваченный в плен. Сладкевич, по его рассказам, руководил и операцией по захвату Имре Надя, укрывшегося в югославском посольстве.

Тогда же генерал Сладкевич по существу спас жизнь послу СССР в Венгрии Ю.В. Андропову, блокированному повстанцами в здании посольства вместе со всеми сотрудниками. Получив по рации сигнал о помощи, Сладкевич с танковой ротой пробился к посольству и разблокировал его. Андропов был искренне благодарен своему спасителю.

Как вспоминал сам Сладкевич, во время его разговора с Андроповым, кабинет посла неожиданно был обстрелян из крупнокалиберного пулемета из дома напротив. При этом Андропов, по словам Сладкевича, сохранял

абсолютное спокойствие и даже не пригнулся во время обстрела. Осторожно снимая с пиджака осколки стекла от разбитого окна, посол заметил: «Вы видите, товарищ генерал, в каких условиях приходится здесь работать»[1].

Сладкевич немедленно дал команду танкистам «обработать» здание, из которого велась стрельба по кабинету Андропова. Впоследствии он с сожалением вспоминал: «Не исключено, что в том доме находились не только стрелки, но и мирные люди. Но тогда я не мог об этом думать. Жизнь нашего посла была под угрозой, и в тот момент за нее отвечал я один. Пришлось подвергнуть здание обстрелу из танковых орудий, а потом прочесать его автоматчиками»[2].

Командировка генерала Сладкевича в Венгрию продолжалась чуть более месяца. В декабре 1956 г. он возвращается в Москву, ожидая соответствующей благодарности от военного и политического руководства.

Благодарность не заставила себя ждать: очередной (уже четвертый по счету) орден боевого Красного Знамени. Вместо желанного назначения на живую работу в войска или в Главное управление погранвойск КГБ, засидевшийся в генерал-лейтенантах Сладкевич возвращается на свою кафедру в Военный институт МВД—КГБ. Здесь на основе венгерского и предыдущего, германского опыта он пишет работу на тему «К вопросу обеспечения безопасности в некоторых районах стран народной демократии».

Он явно разочарован, объясняя длительный застой в карьере нерасположением высшего начальства и пресловутым «пятым пунктом». «За 37 лет военной службы, — вспоминал впоследствии генерал Сладкевич, — я постоянно сталкивался с недоброжелательством политорганов и кадровиков: в 30-е годы меня упрекали за дворянское происхождение моей жены, а с конца 40-х намекали, что мое дальнейшее продвижение по службе маловероятно, потому что я — еврей»[3].

Лишь два года спустя, в декабре 1958-го, генерал Сладкевич получает повышение по службе, став начальником факультета пограничных войск Военного института им. Ф.Э. Дзержинского МВД—КГБ. По всей видимости, это назначение стало возможным в результате ухода с поста председателя КГБ СССР И.А. Серова, давнего недоброжелателя Сладкевича[4].

В должности начальника факультета погранвойск генерал Сладкевич проработает менее двух лет. В 1960 г. руководством КГБ и МВД было принято решение о расформировании Военного института им. Ф.Э. Дзержин-

---

[1] Из рассказов М.И. Сладкевича автору публикации. — *П.Ч.*

[2] Там же.

[3] Жена М.И. Сладкевича, Татьяна Евгеньевна, принадлежала к древнему дворянскому роду Чичериных и доводилась племянницей бывшему наркому иностранных дел СССР Г.В. Чичерину. В заполняемых ею и Сладкевичем анкетах им в обязательном порядке приходилось указывать на ее социальное происхождение из дворян. Утаивание этого обстоятельства в 30—40-е годы было чревато самыми серьезными последствиями (из рассказов М.И. Сладкевича автору публикации). — *П.Ч.*

[4] Генерал армии И.А. Серов в декабре 1958 г. был переведен на должность начальника ГРУ, уступив свое место в КГБ А.Н. Шелепину. Впоследствии Серов будет разжалован до генерал-майора и исключен из партии «за нарушения социалистической законности и использование служебного положения в личных целях».

ского и создании на его базе двух самостоятельных учебных заведений — Высшего командного училища погранвойск КГБ и аналогичного училища внутренних войск МВД. Генерал-лейтенанту М.И. Сладкевичу было предложено командование одним из отдаленных пограничных округов, но он отказался и в августе 1960 г. подал рапорт об увольнении в запас.

Непривычно однообразная жизнь хорошо обеспеченного пенсионера очень скоро наскучила 54-летнему, полному сил и энергии Сладкевичу. И он стал подыскивать себе работу. Совершенно случайно генерал узнает, что один из его бывших подчиненных по Будапешту, демобилизовавшийся из армии подполковник В.И. Стригачев, формирует отдел технико-экономических исследований в ИМЭМО АН СССР. Он встречается с недавним сослуживцем и получает от него приглашение на работу в академический институт.

В апреле 1961 г. М.И. Сладкевич приходит в ОТЭИ ИМЭМО на должность и.о. старшего научного сотрудника без ученой степени. Неплохое знание французского языка, который он в свое время освоил с помощью жены (она с детских лет свободно говорила по-французски), позволяло ему читать нужные книги и периодику. Тема его исследований в ОТЭИ — вопросы охраны и обороны тыла стран НАТО на центральноевропейском театре военных действий, а также состояние и перспективы развития гражданской обороны главных стран НАТО.

В 1973 г., в возрасте 67 лет, предварительно сдав три экзамена кандидатского минимума, Сладкевич защищает диссертацию и получает ученую степень кандидата экономических наук. В 1977 г. он переходит из ОТЭИ в сектор международно-политических проблем Европы (зав. сектором д.и.н. Д.Е. Меламид), где занимается вопросами военной интеграции в рамках ЕС. На новом месте Сладкевич проработает до самой смерти, последовавшей в феврале 1980 г.

Узнав о кончине своего будапештского спасителя, председатель КГБ Ю.В. Андропов распорядился похоронить генерал-лейтенанта М.И. Сладкевича с высшими воинскими почестями на одном из самых престижных кладбищ Москвы — Донском. Похороны были организованы командованием и Политуправлением погранвойск КГБ при участии научного коллектива ИМЭМО.

Другой, еще более именитый представитель генералитета, работавший в ОТЭИ, — генерал-лейтенант технических войск Иван Владимирович Ковалев.

Он родился в 1901 г. в семье крестьянина Воронежской губернии. В 1919 г. вступил в Красную Армию, несколько месяцев прослужил в одной из частей воронежской губчека, затем учился в тбилисской Военной школе железнодорожной техники, по окончании которой служил командиром взвода, роты и политруком в железнодорожных частях. В 1930—1935 гг. Ковалев — слушатель строительного факультета Военно-транспортной академии в Ленинграде, а затем в Москве.

С 1935 г. его жизнь надолго связывается с Наркоматом путей сообщения. Он работает в должностях инспектора-ревизора НКПС, начальника Западного отдела (г. Смоленск), начальника Специального управления, членом Коллегии НКПС. В начале 1941 г. Ковалев становится заместителем наркома Госконтроля СССР, но в июле Сталин назначает его начальником Центрального управления военных сообщений Красной Армии. На него возложена вся ответственность за бесперебойное перемещение войск и военных грузов по железным дорогам.

Ковалев успешно справляется с этой труднейшей задачей, заслужив благоволение вождя. В декабре 1944 г. он становится наркомом (с 1946 г. — министром) путей сообщения СССР, став одновременно членом Транспортного комитета при ГКО и членом Бюро Совета Министров СССР по транспорту и связи. В 1946 г. Ковалев избирается депутатом Верховного Совета СССР.

Стремительный взлет карьеры Ковалева прервался летом 1948 г., когда он был снят с министерского поста и отправлен в Китай в качестве Главного советника по экономическим вопросам при Политбюро ЦК КПК и правительстве КНР (с октября 1949 г.), руководителя Группы советских специалистов в Китае. Злые языки утверждали, что Ковалев вызвал неудовольствие вождя тем, что якобы отправил свою дочь в свадебное путешествие по железным дорогам СССР в специальном министерском вагоне. Недоброжелатели и завистники Ковалева поспешили доложить Сталину о проявленной министром «нескромности» и злоупотреблении служебным положением.

В 1950 г. Ковалева возвращают из Китая и направляют в Харьков на должность начальника Донецкого округа железных дорог, члена Коллегии МПС, а через год, вероятно, по протекции благоволившего к нему члена Политбюро Л.М. Кагановича, Иван Владимирович становится заместителем министра угольной промышленности СССР. На этом посту он проработает до 1957 г., когда, после падения своего благодетеля Кагановича, будет направлен в Военно-научное управление Генерального штаба. В 1960 г. Ковалев становится старшим преподавателем кафедры стратегии Военной академии Генерального штаба. Здесь в 1967 г. он защищает диссертацию и получает степень доктора военных наук, а в 1969 г. — ученое звание профессора. Среди научных работ генерал-лейтенанта И.В. Ковалева: «Система и структура управления тыла Вооруженных Сил в стратегических операциях и современной войне»; «Разработка проблемы транспорта в условиях научно-технической революции»; «Проблемы управления транспортными системами».

В августе 1969 г. приказом министра обороны СССР генерал-лейтенант Ковалев откомандировывается в ИМЭМО с оставлением в кадрах Вооруженных сил. В ОТЭИ он возглавил сектор мировой транспортной системы. Задача сектора — оценка развития транспорта, изучение проблем развития и прогнозирования транспортных систем ведущих западных стран. В этой должности генерал проработает до 1983 г. Самое удивительное: все это время,

благодаря давней дружбе с тогдашним министром обороны СССР Д.Ф. Устиновым, 80-летний Ковалев все еще продолжал состоять на службе в армии. Такой чести удостаивались только маршалы. В 1981 г. «за заслуги перед Советской армией и в связи с 80-летием со дня рождения» генерал-лейтенант технических войск И.В. Ковалев был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Наверное, подписавшему указ о награждении Ковалева одряхлевшему маршалу Л.И. Брежневу было приятно сознавать, что «в строю» продолжают оставаться куда более пожилые генералы, чем он сам.

В 1983 г. Иван Владимирович перейдет на ставку главного исследователя, а в 1985 г. выйдет, наконец, на пенсию. Среди сотрудников ОТЭИ из числа военных был даже Герой Социалистического Труда — генерал-майор технических войск Самуил Гдальевич Вейцман.

Он родился в 1917 г. в Минске. Проучившись три года в Ленинградском автодорожном институте, Вейцман в 1938 г. поступает в Военно-транспортную академию, которую оканчивает в 1941 г. с дипломом военного инженера путей сообщения.

В период Великой Отечественной войны он командует Отдельным мостовым железнодорожным батальоном на Юго-Западном, Западном и 3-м Белорусском фронтах. За умелое и оперативное восстановление в условиях боевых действий разрушенных немецкой армией железнодорожных мостов Самуил Вейцман в 1943 г. был удостоен редкого для фронтовика звания Героя Социалистического Труда.

После окончания войны Вейцман служит на командно-штабных должностях в железнодорожных войсках. Он командует полком, Отдельной бригадой, а в 1963 г. назначается начальником штаба, заместителем командира железнодорожного корпуса. В 1969-м генерал-майор Вейцман — уже заместитель начальника штаба железнодорожных войск МО СССР.

В запас он ушел в возрасте 61 года. Его 40-летняя служба в армии была отмечена 7 орденами и 18 медалями.

По-видимому, с подачи Министерства обороны СССР и при содействии И.В. Ковалева отставного генерала принимают на работу в ОТЭИ, в сектор мировой транспортной системы, где он трудился до ухода на пенсию в 1985 г.

Как уже говорилось, «военный» компонент научного коллектива ОТЭИ был представлен не только отставными политработниками и генералами, но и военными инженерами различных специальностей. Для примера можно упомянуть инженер-майора запаса, доктора технических наук Константина Павловича Осминина.

По окончании в 1941 г. Московского авиационного института Осминин в течение 30 лет работал конструктором на авиазаводах и в научно-исследовательских институтах Министерства авиационной промышленности СССР, участвуя в разработках различных типов самолетов. В 1955 г. он защитил кандидатскую, а в 1962-м — докторскую диссертации.

В ОТЭИ К.П. Осминин пришел в 1971 г. на должность заведующего сектором № 4, а с 1973 г. — сектора № 3. В этих секторах проводилось

изучение зарубежного опыта в развитии новых технологий и их роли в научно-технической революции. Осминин и его сотрудники выполняли в основном соответствующие заказы руководства Госкомитета по науке и технике Совета Министров СССР.

Бывшие военные инженеры и конструкторы разных специальностей работали и в других секторах ОТЭИ.

Вместе с тем, определяющую роль в деятельности ОТЭИ играли все же не военные, а гражданские специалисты, в подавляющем большинстве экономисты. В ОТЭИ начинали свой путь такие крупные впоследствии ученые, как Л.М. Громов, Е.М. Четыркин, Р.А. Фарамазян, С.Е. Благоволин и др. Они заслуживают того, чтобы о них рассказать.

Необычна и в то же время типична для советской эпохи судьба Льва Михайловича Громова.

Он родился в 1918 г. в семье земского страхового агента. Окончив среднюю школу, Лев Громов в 1936 г. поступил на филологический факультет ЛГУ, откуда два года спустя отправился добровольцем в Испанию, «чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать». В течение года работал переводчиком в армии республиканского правительства.

По возвращении на родину Громов возобновил прерванную учебу на филфаке, но вскоре перевелся на открывшийся в ЛГУ экономический факультет. Но и здесь учеба была недолгой. В конце июня 1941 г. Лев Громов уходит добровольцем на фронт и с учетом хорошего знания немецкого языка попадает в войсковую разведку. К 1944 г. он уже начальник разведотдела дивизии. В мае 1944 г. его отзывают с фронта и направляют на годичную учебу на Высшие разведывательные курсы, по окончании которых Громов получает назначение в ГРУ, где в 1950 г. становится начальником отделения. Одновременно он экстерном завершает учебу в ЛГУ и получает диплом экономиста.

В 1953 г. подполковник Громов увольняется из Вооруженных Сил и трудоустраивается в качестве ассистента на кафедру политэкономии Московского автодорожного института. Спустя два года — новый поворот в его судьбе.

В мае 1955 г. по призыву ЦК КПСС Л.М. Громов отправляется в числе «тридцатитысячников» на подъем сельского хозяйства. В течение трех лет работает председателем колхоза им. Куйбышева Шатурского района Московской области, сумев вывести отстающее хозяйство в передовые. Наверное, он был единственным на всю страну председателем колхоза, владевшим английским, немецким, французским и испанским языками. Его заслуги на фронте колхозного строительства отмечены Почетной грамотой Верховного Совета РСФСР.

В апреле 1958 г. Громов возвращается в Москву и поступает на работу в отдел технико-экономических исследований ИМЭМО в качестве младшего научного сотрудника без ученой степени. Яркий талант и редкая работоспособность позволяют Громову в короткий срок стать авторитетным специалистом в области военной экономики ведущих стран Запада. Через два с половиной года он уже заведующий сектором ОТЭИ. В 1965-м

Громов защищает кандидатскую диссертацию на тему «Людские ресурсы США», а в 1969-м — докторскую «Основные черты военной экономики современного капитализма».

В середине 60-х годов одним из первых он приступает к изучению военно-экономической интеграции в Западной Европе. Впоследствии он всерьез займется методологией долгосрочного прогнозирования, прогнозированием тенденций социально-экономического развития Запада, топливно-энергетической и другими глобальными проблемами человечества. Многие из его трудов будут переведены на иностранные языки в СССР и за рубежом. По представлению директора ИМЭМО академика Е.М. Примакова Лев Михайлович Громов в 1986 г. был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Работавший с ним В.Л. Лебедев вспоминает: «Мне он напоминал Суворова — и своей внешностью, и манерами, и силой характера, и громовым басом»[1].

Л.М. Громов работал в ИМЭМО до самой смерти в 2001 г.

Одним из ближайших соратников Громова в ОТЭИ был сугубо штатский человек — Евгений Михайлович Четыркин, создатель одной из первых в системе АН СССР лабораторий экономико-математических расчетов, крупный ученый в области статистики, экономико-математического моделирования и финансовой математики, а также экономики стран Запада.

Е.М. Четыркин пришел в ИМЭМО в начале 1962 г. За его плечами была учеба в Индустриально-конструкторском техникуме и в Московском финансовом институте, который он окончил в 1955 г., преподавательская работа на кафедре статистики МФИ, заочная аспирантура, защита кандидатской диссертации в 1961 г.

В ОТЭИ Четыркин начинал работать в качестве старшего научного сотрудника, а в 1964 г. создал и возглавил лабораторию экономико-математических расчетов, преобразованную в 1970 г. в лабораторию моделирования социально-экономических процессов. Среди разрабатывавшихся под руководством Четыркина тем: проблема типологии в социально-экономических исследованиях с привлечением факторного анализа и распознавания образов; проблемы разработки динамической модели развития экономики; проблемы управления (исследование методов «затраты — эффективность»); анализ теории принятия решений и др.

В 1967 г. Е.М. Четыркин защитил докторскую диссертацию, затем получил ученое звание профессора, работая по совместительству на кафедре статистики в МФИ. В 1973 г. он возглавил сектор, которым руководил до 1992 г., когда перешел на должность ведущего научного сотрудника. Среди его научных трудов такие солидные монографии, как «Методы финансовых и коммерческих расчетов»; «Эффективность капиталистической экономики»; «Финансово-экономические расчеты»; «Финансовые вычисления во внешнеэкономической деятельности»; «Вероятность и статистика» и др.

[1] Запись беседы с В.Л. Лебедевым.

В 1975 г. профессор Е.М. Четыркин был назначен представителем СССР в Комитете актуариев ООН и постоянно участвовал в ежегодных заседаниях этого международного органа.

Еще один крупный экономист, выросший в ОТЭИ, — Рачик Арташесович Фарамазян.

Уроженец нагорно-карабахского села Херхан Рачик Фарамазян начал трудовую жизнь в 1941 г., когда ему было всего 12 лет. Четыре военных года он работал наравне с взрослыми в родном колхозе. В 1947 г. Фарамазян окончил сельскохозяйственный техникум в г. Степанакерт, после чего год отработал ветеринарным фельдшером в одном из колхозов Нагорно-Карабахской Автономной области. С 1948 до 1952 г. он учится на экономическом факультете в Бакинском институте народного хозяйства им. К. Маркса, по окончании которого получает направление в г. Грозный на должность старшего экономиста областного управления Гострудсберкасс.

Отработав по распределению положенные тогда три года, Фарамазян летом 1955 г. едет в Москву и успешно сдает экзамены в аспирантуру Института экономики АН СССР. Его научным руководителем стал д.э.н. В.Я. Аболтин, назначенный вскоре заместителем директора ИМЭМО. Фарамазян переводится в аспирантуру нового Института, а в январе 1959 г. его зачисляют младшим научным сотрудником в сектор милитаризации экономики.

В декабре 1958-го Фарамазян защищает диссертацию и получает ученую степень кандидата экономических наук, а спустя три с лишним года по конкурсу проходит в старшие научные сотрудники. В 1966 г. Фарамазян уже доктор экономических наук, а в 1973-м он становится во главе одного из секторов ОТЭИ. В центре его тогдашних научных интересов — исследование роли государственных финансов в регулировании военной экономики США[1]. В 1970 г. выходит в свет его фундаментальная монография «США: милитаризм и экономика», переведенная впоследствии на несколько иностранных языков[2].

---

[1] Уже первые работы молодого ученого о путях и средствах повышения эффективности государственного финансирования военных расходов (на примере США) привлекли к себе внимание высшего военного руководства, в частности тогдашнего министра обороны СССР маршала Р.Я. Малиновского, поддержавшего направление исследований Р.А. Фарамазяна. В целом же на всем протяжении советской истории расходы на оборону определялись не реальными потребностями страны и даже не научно обоснованными расчетами, а исключительно запросами МО СССР, которое так и не научилось считать бюджетные деньги. Поэтому обоснованные призывы Фарамазяна и его коллег из ИМЭМО к оптимизации военных расходов с целью достижения их большей эффективности не всегда встречали понимание не только у военных, что понятно, но и у политиков.

[2] В 1978 г. в издательстве «Мысль» выходит в свет новая монография Р.А. Фарамазяна «Разоружение и экономика», вызвавшая большой интерес в СССР и за рубежом. В последующие годы под научной редакцией и с авторским участием Фарамазяна публикуется серия коллективных трудов, среди которых: «Гонка вооружений в странах НАТО. Экономический аспект» (1988); «Экономика гонки вооружений и разоружения» (1989); «Военная экономика: адаптация к новым условиям» (1994) и др.

В ОТЭИ Фарамазян занимается прогнозированием военно-экономических приготовлений ведущих западных держав, изучает роль финансов в мобилизации и использовании людских и материальных ресурсов в военных целях, выясняет пути и вероятные варианты повышения эффективности финансирования военных приготовлений в основных странах — участницах НАТО. Он неизменный автор и научный редактор многочисленных разработок для директивных инстанций, заинтересованных министерств и ведомств. В 1980 г. Р.А. Фарамазяну в составе группы ученых ИМЭМО была присуждена Государственная премия СССР, а в 1981 и 1986 гг. он был награжден премиями Совета Министров СССР. С 1988 г. доктор экономических наук Р.А. Фарамазян — главный научный сотрудник ИМЭМО.

В ОТЭИ прошла бóльшая часть жизни Сергея Евгеньевича Благоволина. Он пришел туда в 1961 г. после окончания географического факультета МГУ на должность научно-технического сотрудника. Первые годы Благоволин занимался в ОТЭИ картографией ведущих стран Запада, а затем ему доверили руководить группой, изучавшей размещение производства в США. В годы холодной войны необходимо было точно знать, куда в случае необходимости следовало наносить ракетно-ядерные удары с целью разрушения промышленного потенциала США. Результаты этих исследований были представлены в серии работ о военно-экономическом потенциале США, а также в докладной записке для Госплана СССР «О сдвигах в размещении производства США».

В 1970 г. Благоволин защищает кандидатскую диссертацию, а в 1977-м становится заведующим сектором сводного анализа, где обобщались результаты работ других секторов и готовился «конечный продукт», т.е. отчеты для заказчиков.

Когда в середине 70-х годов на Западе разразился энергетический кризис, С.Е. Благоволин, в числе других специалистов ИМЭМО, занялся вопросами обеспеченности США, других стран НАТО, а также Китая стратегическим (прежде всего энергетическим) сырьем. В центре постоянного внимания Благоволина на протяжении 70—80-х гг. стояли вопросы, связанные с военными приготовлениями США и НАТО. Этому была посвящена и его докторская диссертация, защищенная в 1983 г.

К концу 80-х годов доктор экономических наук С.Е. Благоволин, возглавивший рассекреченный к тому времени и реорганизованный ОТЭИ, о чем еще будет сказано, вырос в крупного ученого-международника, основавшего новое направление в исследовании современных международных отношений — анализ глобальной и региональной военно-политической ситуации.

В 90-е годы Благоволин, оставаясь в штате ИМЭМО, активно включился в общественно-политическую жизнь страны, переживавшей глубокие и радикальные перемены. В середине 90-х он станет Генеральным директором Общественного российского телевидения (ныне 1-й канал). Его жизнь неожиданно оборвется в 2001 г.

Л.М. Громов, Е.М. Четыркин, Р.А. Фарамазян, С.Е. Благоволин и другие видные экономисты определяли интеллектуальное лицо ОТЭИ.

Хотя ОТЭИ работал преимущественно по материалам иностранной печати, т.е. на открытых источниках (здесь была своя спецбиблиотека), вся его деятельность осуществлялась в режиме секретности[1], которая уже тогда у многих в Институте вызывала скептическое отношение. В конце концов, все «секреты» сотрудники ОТЭИ черпали из американского «Бизнес уик», британского «Экономист», из «Милитари бэланс», «Дефанс насьональ», ежегодников СИПРИ[2] и других более специализированных изданий. Правда, в те годы даже «Таймс» или «Монд» в Советском Союзе можно было читать только в библиотеках спецхрана по особому допуску.

Территориально отдел (до 1978 г.) размещался не в здании ИМЭМО на 2-й Ярославской улице, а в трехэтажном особняке в самом центре Москвы, на углу улицы Семашко (ныне Б. Кисловский переулок) и проспекта Калинина (ныне Воздвиженка), по соседству с магазином «Военторг» и комплексом зданий Генштаба. Сотрудники других отделов ИМЭМО в случае крайней необходимости могли попасть в ОТЭИ только по специальному пропуску. Здание находилось под круглосуточной вооруженной охраной.

Когда ИМЭМО в 1978 г. получил собственное 21-этажное здание на Профсоюзной улице, ОТЭИ выделили в нем два последние этажа, где продолжал действовать особый режим.

Соответственно, и внутренняя жизнь в ОТЭИ существенно отличалась от сравнительно либеральных нравов, утвердившихся в основной части ИМЭМО, хотя с переездом в новое здание эта разница стала постепенно исчезать.

Обособленность в работе ОТЭИ, напрямую завязанного на своих заказчиков из военного ведомства, вызывала растущее беспокойство у Дирекции ИМЭМО, неоднократно пытавшейся добиться более тесного взаимодействия этого подразделения с основной частью Института. Лучше других понимал потенциальную опасность «сепаратистских» тенденций в отделе академик Н.Н. Иноземцев, до которого доходила информация о планах развертывания ОТЭИ в самостоятельный НИИ и выведения его из подчинения ИМЭМО и АН СССР под «крышу» Министерства обороны[3]. С такой перспективой Иноземцев ни при каких обстоятельствах согласиться не мог. К тому же постоянное беспокойство у Дирекции вызывала нездоровая обстановка, характерная для ОТЭИ, где отставные военные плели интриги

---

[1] «Да, действительно, — свидетельствует ветеран ОТЭИ В.Л. Лебедев, — отдел работал по материалам зарубежной печати, но выводы, которые делались из анализа получаемой информации, не предназначались для огласки в открытой печати. Надо учесть и реальности того времени — 60—70-х гг., эпохи конфронтации, со всеми вытекающими последствиями. К тому же, наши исследования касались весьма специфических сторон развития военно-технического и военно-экономического потенциала ведущих стран Запада. Отсюда и закрытость ОТЭИ» (запись беседы с В.Л. Лебедевым).

[2] СИПРИ — Стокгольмский институт проблем мира и разоружения, ежегодно выпускающий справочник о военно-политической ситуации в мире.

[3] Носителями «сепаратистских» устремлений в ОТЭИ в основном были бывшие военные. Правда, и среди них находились те, кто понимал ошибочность возможного разрыва с ИМЭМО. Такие люди (например, генерал М.И. Сладкевич) искали возможность перейти в другие отделы Института.

и выясняли отношения. Именно по этой причине оттуда вынуждены были уйти Л.М. Громов, Е.М. Четыркин, генерал М.И. Сладкевич и др.

Иноземцев поручил своему заместителю Е.М. Примакову проанализировать проблему ОТЭИ и подготовить соответствующие рекомендации в связи с предстоявшим переездом Института в новое здание.

24 марта 1975 г. Е.М. Примаков, замещая отсутствовавшего в то время Иноземцева, созвал заседание Дирекции ИМЭМО.

Из выступления Е.М. Примакова:

> «Сегодня мы собрались для того, чтобы обменяться мнениями по вопросу о том, как лучше скоординировать работу между ОТЭИ и основной частью Института. <...>
>
> Исторически сложилось так, что ОТЭИ стоял несколько поодаль от основной части Института, и территориально, и фактически. Это вызывалось и специфичностью тематики ОТЭИ, и соображениями режимности. В дальнейшем такая обособленность будет мешать и работе основной части Института, и работе ОТЭИ. Сейчас в Институте есть ряд проектов, имеющих закрытый характер; создан еще один отдел — Отдел Мирового океана, где концентрируется работа и исследования стратегического порядка по вопросам Мирового океана.
>
> Второй момент — сейчас мы не можем идти в плане развития научного процесса без четкой координации между различными направлениями и звеньями. В основной части Института мы координируем деятельность отдельных подразделений. Вот не так давно происходил комплексный Ученый совет, на котором разбиралась связь внутренних противоречий развития капитализма с осуществлением внешней политики. К обсуждению привлекались представители всех отделов.
>
> В основной части Института создаются комплексные группы, состоящие из специалистов различных профилей. Налаживается кооперация в виде контрактации, когда отдельные подразделения формулируют задачи и просят на них ответить другие подразделения.
>
> Нам предстоит переход в новое здание... Это создаст лучшие условия для работы. Ряд служб будут объединены. Это потребует некоторых структурных изменений в ОТЭИ — передачи некоторых подразделений в основную часть Института, выделения ряда специфических вопросов, которые будут находиться в рамках ОТЭИ.
>
> Вопрос о судьбе ОТЭИ окончательно пока не решен. Имеются разные точки зрения. Николай Николаевич Иноземцев считает, что ОТЭИ является неразрывной частью Института (выделено мною. — *П.Ч.*) и вопрос должен решаться с позиций улучшения, более скоординированной работы между ОТЭИ и основной частью Института.
>
> Прошу, чтобы выступления были максимально деловыми. Это начальный процесс нашей работы. На следующем этапе будет создана комиссия для организационного решения вопросов. Сейчас хотелось бы услышать о том, как сделать так, чтобы улучшить работу всего нашего Института, включая ОТЭИ»[1].

[1] Архив ИМЭМО РАН.

Выступившие на заседании руководители ряда отделов и секторов констатировали слабую координацию исследований, проводимых в основной части Института, с работой ОТЭИ. Отмечалась, в частности, практическая недоступность библиотеки ОТЭИ для работы в ней сотрудников других отделов. Приводились примеры дублирования одних и тех же тем, высказывались предложения об уточнении тематики ОТЭИ и о частичной ее передаче, вместе с сотрудниками, в основную часть Института. Прозвучало и предложение о полном слиянии ОТЭИ с основной частью ИМЭМО. Итоги обсуждения подвел Е.М. Примаков.

Из выступления Е.М. Примакова:

«Правильным ключом к решению стоящей перед нами проблемы является мысль, прозвучавшая в выступлении т. Фарамазяна, — следует прежде всего уточнить тематику ОТЭИ. Речь идет о том, чтобы сузить ее до тех специфических задач, ради решения которых и был создан ОТЭИ.

Второй момент. Ту специфическую тематику, которая есть у ОТЭИ, тоже следует сузить и сделать ее отвечающей тем реальным возможностям для ее покрытия, которые имеются и у ОТЭИ, и у всего Института.

Это характерно для многих подразделений Института, когда мы брали задания, не имея для этого достаточного обеспечения. В результате выполняли их часто формально, а иногда и вовсе не выполняли. И тут я хочу повторить слова Николая Николаевича. Он настаивает на том, чтобы тематика ОТЭИ была сужена до тех реальных возможностей, для покрытия которых у ОТЭИ есть на сегодня силы. <...>

В любом случае, при любых организационных решениях Генеральный штаб заинтересован в разработке определенной тематики в недрах АН СССР. Нельзя, чтобы, существуя в рамках Института, ОТЭИ отгораживался от другой части Института (выделено мною. — *П.Ч.*). Неверно, когда и другие подразделения Института, ведя разработку важнейших тем, выполняя важнейшие задачи, не привлекают к этому ОТЭИ. ОТЭИ является отделом Института, как и другие отделы, выполняющие специальные задачи. Владимир Иванович (Стригачев. — *П.Ч.*), подписывая документы, выходящие из ОТЭИ, подписывается не как заведующий отделом, а как заместитель директора ИМЭМО. В таком же качестве он действует при определении задач, которые ставятся перед ОТЭИ, при определении тех конкретных вопросов, которые даются ОТЭИ. Николай Николаевич просит все эти вопросы согласовывать с дирекцией Института непосредственно.

Что касается дальнейших наших шагов, то лучше всего самому ОТЭИ твердо отработать основные направления работы отдела, основную тематику по этим направлениям, отработать вопросы, связанные с обеспечением разработки этих основных направлений. Часть исследовательской работы будет происходить в самом ОТЭИ, другая часть — за счет сил других подразделений Института. Но идти это должно от самого ОТЭИ. <...>

Что касается информационной работы и работы библиотеки, то давайте твердо договоримся, что нужно вести дело к созданию информационной службы и единой библиотеки. <...> У нашей библиотеки может быть филиал в ОТЭИ, в виде информационной группы. Информационный отдел может иметь свой филиал в ОТЭИ. Нужно дать товарищам из ОТЭИ доступ к досье, которые накапливаются в информационном отделе. Нужно

договориться и по транспортировке. С другой стороны, нужно сделать так, чтобы наши товарищи бесперебойно получали новую литературу. Нельзя забывать, что все мы работаем в одном Институте (выделено мною. — *П.Ч.*) и информационный отдел у нас единый. Прошу ученого секретаря продумать этот вопрос. <...>

Повторяю, начать нужно с того, что твердо отработать направления работы ОТЭИ, темы, которыми ОТЭИ будет заниматься, и обеспечивать эти темы за счет собственных сил и за счет сил Института в целом. Параллельно с этим мы должны работать по обеспечению бесперебойности в решении вопроса с библиотечно-информационной базой»[1].

После этого заседания всем стало ясно, что ОТЭИ в его прежнем виде не переживет переезда ИМЭМО в новое здание. К тому же в основной части Института уже развернулись исследования по военно-политическим аспектам современных международных отношений (в отделе международных отношений). В 1974 г. был сформирован отдел экономики отраслей материального производства под руководством кандидата (впоследствии доктора) экономических наук Юрия Викторовича Куренкова. В отделе развернулись исследования в области прогнозирования развития материального производства, эффективности научно-технического прогресса в странах Запада, структурных сдвигов в экономике, в накоплении и обновлении основного капитала, промышленной политики, конкурентоспособности в рыночной экономике, конверсии ВПК. После создания отдела Куренкова Дирекция Института была намерена еще более сузить тематику ОТЭИ, отказавшись от изучения там военно-технических вопросов. Используя свои возможности в ЦК КПСС, Иноземцеву удалось устранить угрозу «ухода» ОТЭИ из ИМЭМО. Им было принято окончательное решение о реорганизации ОТЭИ.

Неотвратимость перемен, которые, очевидно, ему нелегко было принять, понял и сам В.И. Стригачев. 15 марта 1977 г. он подал на имя Н.Н. Иноземцева заявление с просьбой освободить его от обязанностей заместителя директора ИМЭМО и заведующего ОТЭИ.

«В последние годы я довольно часто и на длительное время заболеваю, — писал Стригачев. — Сказываются и годы Великой Отечественной войны, и участие в подавлении контрреволюционного мятежа в Венгрии в 1956—1957 гг., крайнее напряжение на работе, стрессовые ситуации вне работы.

<...> Поэтому прошу Вас убедительно: во-первых, возбудить ходатайство перед Президиумом АН СССР об освобождении меня от обязанностей заместителя директора ИМЭМО АН СССР, во-вторых, освободить меня от должности заведующего ОТЭИ ИМЭМО; в-третьих, перевести меня на исследовательскую работу в лабораторию № 1 ОТЭИ.

С глубоким уважением

В.И. Стригачев»[2].

---

[1] Архив ИМЭМО РАН.

[2] Личное дело В.И. Стригачева // Архив ИМЭМО РАН.

Просьба создателя и многолетнего руководителя ОТЭИ была удовлетворена. Из Постановления № 435 Президиума АН СССР от 12 мая 1977 г.:

> «1. Удовлетворить просьбу доктора экономических наук Стригачева В.И. об освобождении его от обязанностей заместителя директора Института мировой экономики и международных отношений АН СССР по состоянию здоровья.
>
> 2. Утвердить доктора исторических наук Быкова Олега Николаевича заместителем директора Института мировой экономики и международных отношений АН СССР.
>
> Президент АН СССР
> академик *А.П. Александров*
>
> Главный ученый секретарь
> член-корреспондент АН СССР *Г.К. Скрябин*»[1].

В соответствии с его пожеланием В.И. Стригачев был переведен на должность главного исследователя в лабораторию № 1 ОТЭИ.

Куратором ОТЭИ был назначен новый заместитель директора ИМЭМО О.Н. Быков, сохранивший за собой и руководство отделом международных отношений. С уходом из ИМЭМО Е.М. Примакова, ставшего директором Института востоковедения АН СССР, в ведение Быкова была передана вся международно-политическая и военная проблематика, разрабатывавшаяся в Институте.

Непосредственным руководителем ОТЭИ в апреле 1978 г. был назначен кандидат экономических наук Евгений Владимирович Бугров, ведущий исследователь отдела экономики США. Его назначение совпало с переездом Института, включая ОТЭИ, в новое здание на Профсоюзной улице.

Евгений Владимирович Бугров родился в 1926 г. в Твери (Калинине). Среднее образование он получил в школе-семилетке и в Калининском машиностроительном техникуме. В 1945 г. Бугров отправился в Москву и поступил в недавно открывшийся МГИМО, который окончил в 1950 г. с дипломом юриста-международника, референта-переводчика по США. Затем три года аспирантуры в родном институте, кандидатская степень и год работы там же преподавателем политэкономии.

В январе 1955 г. Бугрова направляют в Прагу в качестве представителя советской молодежи в Международном союзе студентов. Через три года он возвращается в Москву и назначается заместителем председателя Комитета молодежных организаций (КМО), председателем Студенческого совета СССР. На этих должностях Бугров работает в течение двух лет. Последующие два года он вновь преподает политэкономию в МГИМО, а в 1962-м получает назначение на пост советника по вопросам культуры в посольстве СССР в Вашингтоне. Работа в США продолжалась четыре года.

---

[1] Личное дело В.И. Стригачева // Архив ИМЭМО РАН.

В апреле 1966 г. Бугров становится консультантом отдела информации ЦК КПСС, а после ликвидации этого отдела в мае 1968 г. переходит в ИМЭМО, где возглавляет в отделе информации проблемную группу по США. В 1971 г. Бугров становится заведующим сектором политической информации в отделе информации, а в июне 1972-го его назначают советником по экономическим вопросам в советское посольство в Вашингтоне. Его вторая командировка в США, как и предыдущая, продолжалась четыре года.

В марте 1976 г. Бугров возвращается в ИМЭМО — теперь уже на должность ведущего исследователя отдела экономики США[1]. А через два года его выдвигают на должность заведующего ОТЭИ, но без ранга заместителя директора ИМЭМО, какой был у его предшественника, Стригачева.

Под его руководством отдел существенно перестроил свою работу. Была реорганизована его структура, уточнена тематика исследований, как того требовала Дирекция ИМЭМО[2]. Под руководством Бугрова ОТЭИ стал более органичной частью Института, хотя сохранявшийся в нем режим секретности по-прежнему препятствовал полной интеграции отдела с основной частью ИМЭМО. Евгению Владимировичу — человеку спокойному и вместе с тем волевому и решительному — удалось положить конец интригам, характерным для ОТЭИ чуть ли не со времени его создания.

С обособленностью ОТЭИ было покончено в 1985 г., когда новый директор ИМЭМО А.Н. Яковлев счел невозможным сохранение в структуре Института подразделения, которое, как ему казалось, полностью не контролировалось Дирекцией. В результате ОТЭИ был ликвидирован. На его основе был создан отдел военно-экономических и военно-политических исследований (ОВЭВПИ). Смысл проведенной А.Н. Яковлевым реорганизации сводился к тому, чтобы, во-первых, объединить в одном месте всю «военную» проблематику, дополнив военно-экономические исследования военно-политическими[3], во-вторых, сделать эти исследования более прозрачными, т.е. подконтрольными Дирекции, а в-третьих, ликвидировать прямую зависимость от Министерства обороны путем свертывания в отделе военно-технической проблематики, на разработку которой там не было ни кадровых, ни инфор-

---

[1] В 1980 г. Е.В. Бугров станет доктором экономических наук и в том же году, в составе группы ведущих ученых ИМЭМО, будет удостоен Государственной премии СССР за активное участие в проведении ситуационных анализов.

[2] Среди крупных работ, выполненных в ОТЭИ при Е.В. Бугрове, можно упомянуть следующие: «Военная промышленность основных стран-членов НАТО, ее производственные мощности и мобилизационные возможности»; «Методика комплексного прогнозирования параметров военно-технического прогресса»; «Динамика и отраслевая структура финансирования фундаментальных и прикладных исследований, проводимых в США в интересах Министерства обороны»; «Военно-экономические аспекты создания космических систем в США»; «Военно-экономические аспекты реализации программ создания стратегических и обычных видов вооружений основных стран НАТО»; «Оценка возможностей военных отраслей промышленности основных стран НАТО по производству вооружений и военной техники» и др.

[3] В ОВЭВПИ из отдела международных отношений в полном составе перешел сектор военно-политических проблем под руководством д.и.н. А.Д. Никонова. В секторе работали такие видные специалисты-международники, как д.и.н. Д.М. Проэктор, д.и.н. Б.М. Халоша и др.

мационных возможностей. Последнее обстоятельство позволяло отменить надоевший всем и давно изживший себя режим секретности.

Многие в ОТЭИ да и кое-кто в Институте полагали, что радикальная реорганизация «военного» отдела — это произвольное и единоличное решение А.Н. Яковлева. С этим мнением решительно не согласен академик В.А. Мартынов, бывший тогда заместителем директора ИМЭМО.

Из воспоминаний В.А. Мартынова:

> «Александр Николаевич (Яковлев. — *П.Ч.*) в своей деятельности советовался и со своими замами, и с ведущими научными сотрудниками. Поэтому предпринятая им реорганизация ИМЭМО... не результат его некомпетентности, а согласованное решение Дирекции. ...Преобразование ОТЭИ было важным этапом развития науки и избавления от тех кадров, которые никакого отношения к науке давно не имели. Кроме того, удалось избавиться и от группы генералов и полковников, направленных к нам на работу Министерством обороны. Насколько я был знаком с работой ОТЭИ, к тому времени это было далекое от науки подразделение Института»[1].

В 1985 г., одновременно с провозглашением М.С. Горбачевым курса на гласность и перестройку, на верхних этажах здания ИМЭМО были демонтированы система сигнализации и металлические заграждения, отделявшие бывший ОТЭИ от других отделов Института. Исчезла и круглосуточная вооруженная охрана.

Не все в ИМЭМО одобрительно отнеслись к ликвидации ОТЭИ и к другим реформам, осуществленным в Институте А.Н. Яковлевым, который в скором времени перешел на работу в ЦК КПСС. Прежде всего не мог смириться с этим создатель ОТЭИ В.И. Стригачев. Поняв, что судьба его детища предрешена, Владимир Иванович, не дожидаясь формального закрытия ОТЭИ, подал в декабре 1984 г. заявление об уходе из ИМЭМО. Он перешел на работу в Отдел теоретических проблем АН СССР, где его избрали по конкурсу на должность заведующего сектором.

После проведенной Яковлевым реформы ОТЭИ Е.В. Бугров продолжал руководить отделом, но по достижении пенсионного возраста неожиданно запросился в отставку, которую с явной неохотой принял новый директор, академик Е.М. Примаков[2]. Поначалу Евгений Владимирович перешел на

---

[1] Из воспоминаний академика В.А. Мартынова, любезно предоставленных в распоряжение автора.

[2] В приказе, подписанном Е.М. Примаковым 24 ноября 1986 г. в связи с 60-летием Е.В. Бугрова, в частности, отмечалось: «Евгений Владимирович работает в ИМЭМО с 1968 г. Он пришел в Институт уже сложившимся ученым-международником, имея за плечами большой опыт партийной, дипломатической и научно-педагогической работы. За годы работы в ИМЭМО ярко раскрылся его талант исследователя. Круг научных интересов Е.В. Бугрова очень широк. Ему принадлежат крупные научные работы в области мирового капиталистического хозяйства, разработки важных военно-экономических и военно-политических проблем. Его труды получили широкую известность у нас в стране и за рубежом. В качестве представителя СССР Е.В. Бугров принимал участие в работе группы экспертов по подготовке доклада Генерального секретаря ООН «Исследование взаимосвязи между разоружением и международной безопасностью». Под его руководством и при его активном участии выполнен ряд коллективных тру-

должность заведующего сектором, а в 1992 г. — ведущего научного сотрудника. Он умер в феврале 1994 г. в возрасте шестидесяти семи лет.

Преемником Бугрова в ОВЭВПИ стал упоминавшийся уже С.Е. Благоволин, активно содействовавший в 1984—1985 гг. ликвидации ОТЭИ. При нем в начале 90-х гг. ОВЭВПИ переживет очередную реформу, превратившись в отдел стратегического анализа.

Из воспоминаний ветерана ОТЭИ — ОВЭВПИ, доктора экономических наук Р.А. Фарамазяна:

> «В 80-х годах возникла объективная необходимость в уточнении основных направлений деятельности ОТЭИ, его адаптации к изменившимся условиям и требованиям. Поэтому взятый курс на перестройку отдела в целом был оправданным. Однако вряд ли было целесообразно так резко сокращать военно-экономическое направление проводимых в отделе исследований, что привело к оттоку квалифицированных кадров военных экономистов.
>
> Такая переориентация привела к тому, что отдел в значительной степени потерял свое первоначальное предназначение как специализированного центра по исследованию военно-экономических проблем. В результате неоднократно проводимых изменений в названии и направленности деятельности отдела тематика его военно-экономических исследований резко сузилась — в то время, когда интересы национальной безопасности России требуют усиления внимания к поискам путей повышения эффективности экономического обеспечения военного строительства, реформирования оборонно-промышленного комплекса, укрепления военно-экономической и военной безопасности страны»[1].

«Действующие резервисты» и ветераны разведки

Проблематика, которая разрабатывалась в ИМЭМО, представляла очевидный интерес не только для Министерства обороны, но и для КГБ СССР, точнее — для его внешней разведки (Первое главное управление — ПГУ).

Комитет государственной безопасности с полным основанием считался самой осведомленной организацией в Советском Союзе. Подобная осведомленность обо всех сторонах внутренней жизни, о внешнеполитическом и внешнеэкономическом положении СССР складывалась не только (а может быть, и не столько) из агентурных, но и из вполне «легальных» источников, в частности из информации, поступавшей от всех без исключения советских организаций и предприятий, будь то министерство, воинская часть, колхоз, университет, завод или научно-исследовательский

дов, получивших высокие оценки, отмеченных премиями и благодарностями. За цикл работ по международной проблематике в 1980 г. Е.В. Бугров был удостоен Государственной премии СССР. Евгений Владимирович пользуется большим и заслуженным авторитетом и уважением товарищей по работе» // Архив ИМЭМО РАН.

[1] Запись беседы с Р.А. Фарамазяном 2 апреля 2003 г.

институт. Соответственно КГБ в той или иной форме повсеместно был представлен своими штатными или внештатными сотрудниками.

Существовавшая в СССР система предполагала обязательное информирование «компетентных органов» обо всех официальных и неофициальных контактах с иностранцами. Когда, скажем, советский ученый или научная делегация возвращались из зарубежной командировки, руководитель (или командируемый) обязан был в двухнедельный срок представить в Дирекцию института или в Президиум АН СССР подробный письменный отчет в трех—четырех экземплярах. Один из них обязательно отсылался в КГБ, о чем отчитывавшийся не всегда даже догадывался.

Тот же порядок действовал и в отношении принимавшихся в Советском Союзе иностранных ученых, общественных и политических деятелей. После каждой такой встречи составлялся (опять же в нескольких экземплярах) «Отчет о беседе», передававшийся в Секретариат по международным научным связям. В отчете сообщались общие сведения о том или ином собеседнике, тематика обсуждавшихся с ним вопросов, а также мысли, соображения и предложения, высказанные иностранным гостем.

Из всего этого огромного информационного массива аналитики ПГУ (или контрразведки) могли извлекать нужные им сведения о настроениях и подходах западной политической элиты к тем или иным международным вопросам, а также к отношениям с СССР. По результатам изучения и обобщения этого материала, по-видимому, готовились соответствующие справки и рекомендации, которые могли быть использованы советским руководством при принятии тех или иных решений. Вполне возможно, что в период холодной войны аналогичная (или похожая) система действовала и в странах Запада.

Определенный интерес в ПГУ КГБ вызывали исследования ИМЭМО в области международного прогнозирования. С начала 70-х годов Институт начинает получать оттуда отдельные заказы на проведение прогнозных исследований, затрагивавших, в частности, перспективы развития отношений между тремя «центрами силы» — США, Западной Европой и Японией, между Западом и Китаем. Со своей стороны, в ГРУ интересовались мнением специалистов ИМЭМО о перспективах политической и особенно военной интеграции в Западной Европе, о будущем взаимоотношений объединяющейся Европы и НАТО.

Проводившиеся в ИМЭМО по заказам КГБ и ГРУ разработки носили закрытый характер, но по своему содержанию они ничем не отличались от тех исследований, которые Институт выполнял для ЦК КПСС, Госплана, Внешторга и других «гражданских» ведомств.

Среди научных сотрудников ИМЭМО, как и в других институтах АН СССР, было определенное число «действующих резервистов» КГБ, т.е. временно прикомандированных офицеров, ожидавших назначения на оперативную или иную работу в своем ведомстве. До 1991 г., когда последний председатель КГБ В.В. Бакатин издал распоряжение об отзыве всех офицеров «действующего резерва» КГБ из гражданских организаций, их

можно было встретить повсюду — в МИД, в МВТ, в ТАСС, в АПН, в редакциях газет и журналов, на радио и телевидении, в Академии наук СССР...

Как правило, никто из коллег не знал достоверно об их принадлежности к «органам», никто не знал, чем занимались эти люди параллельно с основной работой, так как работали они наравне с другими, а нередко и лучше многих.

В этом смысле ИМЭМО не составлял исключения. Более того, сама проблематика Института, направление его исследований должны были служить дополнительным стимулом для внедрения в него Комитетом своих людей — как «действующих резервистов», так и «добровольных помощников».

Лишь после крушения советского строя стали известны имена отдельных офицеров «действующего резерва» КГБ, работавших в ИМЭМО. Самым именитым из них оказался Георгий Гаврилович Матюхин, первый председатель Центрального Банка России. О его былой принадлежности к КГБ было публично объявлено в начале 90-х годов при назначении в Центробанк.

Г.Г. Матюхин пришел в ИМЭМО в 1973 г. на должность ведущего исследователя отдела экономики стран Западной Европы. По всей видимости, тогда он уже выбыл из «действующего резерва» КГБ в запас. За плечами уроженца г. Барнаула была учеба в Семипалатинском геологоразведочном техникуме (1949—1952), трехлетняя работа по специальности в геологических управлениях в Душанбе, Бийске и Пхеньяне, затем учеба в МГИМО и работа в Министерстве внешней торговли СССР, заочная аспирантура в Московском финансовом институте, защита кандидатской диссертации, переход на работу в Госплан, затем в Международный инвестиционный банк СЭВ и, наконец, в ИМЭМО.

Здесь он в короткий срок подготовил и в 1978 г. успешно защитил докторскую диссертацию, стал заместителем заведующего отделом, а главное — вырос в крупного специалиста в области валютно-финансовых проблем Запада и экономики западноевропейских стран. При этом в Институте мало кто знал, что общительный, располагающий к себе Матюхин — капитан запаса КГБ. Об этом его коллеги, как и вся страна, узнают только через десять с лишним лет, при назначении Георгия Гавриловича на пост главы Центрального банка России. Из ИМЭМО Матюхин уволился в 1980 г.

Офицером «действующего резерва» КГБ был ученый секретарь ИМЭМО по международным научным связям (1968—1975) Юрий Александрович Костко. В 1952 г. вчерашний фронтовик с отличием окончил турецкое отделение Московского института востоковедения и был направлен на работу во внешнюю разведку МГБ. В ИМЭМО Костко пришел в 1967 г., а через год стал ученым секретарем по международным научным связям. По тогдашним правилам, эта должность в системе АН СССР обычно занималась офицерами «действующего резерва» КГБ. Об этом все знали, и по этой причине принадлежность Ю.А. Костко к «органам» для многих была очевидна. Видимо, это не было секретом и для наиболее проницательных иностранных ученых, посещавших Институт. Иной раз, встречая за рубе-

жом сотрудника ИМЭМО, они с многозначительной улыбкой интересовались: «А как там поживает «полковник Костко?» Озадаченному такой неделикатностью «имэмовцу» приходилось делать непонимающие глаза и лепетать в ответ что-то невразумительное о фронтовой биографии элегантного ученого секретаря, в 1945 г. освобождавшего Прагу. В конце концов в Институте не знали толком, в каком звании пребывает уважаемый Юрий Александрович — майора или полковника. А в представлении иностранцев, все сотрудники КГБ обязательно были полковниками.

В 1975 г. Ю.А. Костко защищает кандидатскую диссертацию и переходит на научную работу в группу европейской безопасности, которой руководил д.и.н. Д.М. Проэктор. Здесь он исследовал проблематику сокращения вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе. Во второй половине 70-х годов Ю.А. Костко, помимо прочего, владевший английским, французским и турецким языками, привлекался в качестве советника-эксперта советской делегации на Венских переговорах по ОВСВ в Центральной Европе, а также на Белградской встрече государств —участников СБСЕ. Им был написан ряд глав и разделов в коллективные работы по проблеме безопасности и сотрудничества в Европе.

В 1980 г. Костко временно уходит из ИМЭМО, куда возвращается спустя четыре года. Говорили, что за это время он успел побывать в Афганистане. В последующем Костко занимался изучением вопросов национальной безопасности СССР, а затем России. В 1994 г. он окончательно вышел на пенсию.

Наряду с «действующими резервистами», в ИМЭМО работала немногочисленная, но довольно внушительная по составу группа ветеранов советской разведки — КГБ и ГРУ. В Институт они пришли разными путями и в разные годы. Всех их объединял богатый жизненный и профессиональный опыт, более или менее широкие взгляды, глубокое знание «капиталистической действительности», свободное владение иностранными языками. В Институте их судьбы сложились по-разному. Одни сумели найти себя и полностью реализоваться в новой профессии — исследователя международных экономических и политических проблем. Другие преуспели в меньшей мере. Но и те, и другие, по большей части, оказались весьма полезными для Института как носители «живых», а не только книжно-газетных, как у большинства сотрудников, знаний о внешнем мире.

Первым из ветеранов разведки, если не считать упоминавшихся уже В.Я. Аболтина и Я.А. Певзнера, в ИМЭМО пришел Залман Вульфович Литвин.

Он родился в 1908 г. в семье приказчика в г. Улан-Удэ. По окончании учебы в Дальневосточном университете, где он освоил английский и китайский языки, Литвин в течение трех лет работал в различных внешнеторговых объединениях и неоднократно выезжал в служебные командировки в Китай. По всей видимости, уже тогда он негласно находился на службе в РККА[1].

[1] Некоторые сведения о З.В. Литвине приводятся в справочнике по истории ГРУ // Лурье В.М., Кочик В.Я. ГРУ. Дела и люди. СПб. — М., 2002. С. 423.

В 1934 г. Литвина по линии Разведывательного управления РККА направляют в Китай в качестве помощника резидента. Он добывает информацию о вооруженных силах Японии в Китае, Монголии и Корее. В 1937 г. его посылают в США с целью организации нелегальной резидентуры ГРУ. Там он легализуется под именем Игнасия Самуэля Витчака, польского эмигранта, и вскоре поступает на учебу в Южно-Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе.

Получив в 1941 г. диплом об окончании университета, он остается на факультете политических наук в качестве научного сотрудника. Одновременно руководит созданной им резидентурой, собирая информацию военно-технического характера.

Как впоследствии рассказывал сам Литвин, однажды он чуть не провалился, когда Южно-Калифорнийский университет неожиданно посетил министр народного образования польского эмигрантского правительства. Ректор университета, желая сделать гостю приятное, пригласил на встречу с ним своего сотрудника польского происхождения — Игнасия Витчака, полагая, что двум соотечественникам будет о чем поговорить. Литвин, не говоривший по-польски, оказался на грани провала. Он не мог не пойти на встречу, которая обещала неминуемое разоблачение. Выручила смекалка. С первой же минуты он заговорил с польским министром по-английски, сославшись на то, что в присутствии американцев им будет неудобно говорить по-польски. При первой же возможности Литвин—Витчак поспешил откланяться, сославшись на какие-то срочные дела на факультете. Легко догадаться, что все это время нервы резидента ГРУ были на пределе.

В конце войны Центр подключает Литвина к раскрытию секретов т.н. «Манхэттенского проекта» (создание американской атомной бомбы). Предательство И. Гузенко, шифровальщика советской военной миссии в Канаде, вывело ФБР осенью 1945 г. на советскую агентурную сеть в США. За Литвиным, по его рассказам, была установлена откровенная круглосуточная слежка. Буквально чудом, используя возможности «соседей» (так называли друг друга разведчики из ГРУ и КГБ), Литвину удалось оторваться от преследования агентов ФБР и благополучно покинуть территорию США... в резервном паровом котле (!) океанского лайнера.

Совершив кругосветное «путешествие», Литвин вернулся в Москву. Здесь ему повезло вторично. Он не попал под подозрение МГБ, как некоторые из его коллег. С учетом его богатого американского опыта, Литвина назначают начальником «точки», где готовились агенты-нелегалы для работы в США. Одновременно полковник Литвин преподает в Специальной академии Генерального штаба, где читает лекционный курс по экономике и политике США.

В марте 1946 г. ГРУ при содействии внешней разведки МГБ удалось организовать нелегальный выезд из США семьи Литвина — жены и родившегося в Америке сына.

Антисемитская кампания, развязанная в СССР в последние годы жизни Сталина, ударила и по кадрам разведки, в том числе военной, откуда начали

увольнять (и даже арестовывать) лиц еврейской национальности. Полковника З.В. Литвина, как выслужившего 25 лет, в 1953 г. просто уволили в запас. Его многолетняя служба в разведке, учитывая большие заслуги, была оценена весьма скромно — два ордена Красной Звезды и четыре медали.

После демобилизации полковник ГРУ З.В. Литвин получил от Коминтерновского РК КПСС Москвы «ответственное» направление на должность пропагандиста молочного завода, где его вскоре выдвинут в заместители секретаря парторганизации. Партийно-пропагандистская деятельность Литвина на молокозаводе продолжалась три года.

Летом 1956 г. он узнает о только что открытом в Москве Институте мировой экономики и международных отношений АН СССР. Литвин находит подходы к его директору А.А. Арзуманяну, который соглашается принять отставного разведчика-молокопроизводителя на работу в Институт.

В октябре 1956 г. для Залмана Вульфовича Литвина начинается новая жизнь. Он становится младшим научным сотрудником сектора информации ИМЭМО. Знание двух языков (английского и китайского), опыт переводческо-редакторской работы в Военной академии, наконец, организаторские способности позволили Литвину уже через четыре года стать заместителем главного редактора Информационного бюллетеня ИМЭМО, в 1965-м возглавить аспирантуру, а в 1968 г. — получить назначение на должность ученого секретаря Института. Эту должность он занимал почти семь лет. В 1964 г. Литвин защитил диссертацию и получил ученую степень кандидата экономических наук.

Поначалу он занимался изучением внешней и военной политики США, опубликовав ряд статей в журнале «Мировая экономика и международные отношения». В 70—80-е годы область его научных интересов переместилась на исследование проблем безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Он живо интересовался политическим развитием Китая после смерти Мао Цзедуна. З.В. Литвин проработал в ИМЭМО до самой смерти, последовавшей в 1993 г. Он же «приобщил» к ИМЭМО другого ветерана ГРУ, отставного полковника Якова Григорьевича Бронина[1].

Член коммунистической партии с 1920 г., Я.Г. Бронин (настоящая фамилия Лихтенштейн) был принят в советскую военную разведку самим ее создателем Я.К. Берзиным, когда завершал учебу на историко-партийном факультете в Институте красной профессуры. Берзин, нередко посещавший ИКП в поисках перспективных кадров для своего ведомства, лично отобрал Бронина среди других студентов.

Впоследствии Бронину довелось работать на нелегальном положении во многих странах Европы и Дальнего Востока. Перед отправлением в Китай в 1933 г. его наставлял в Берлине сам легендарный Рихард Зорге[2]. Бронин был «сменщиком» Зорге в качестве резидента советской военной разведки в Шанхае.

---

[1] См. о нем: *Лурье В.М., Кочик В.Я.* Указ. соч. С. 354—355.

[2] *Горев Я.* Я знал Зорге. М., 1964 (Я. Горев — псевдоним Я.Г. Бронина. — *П.Ч.*).

В конце 1935 г. Бронин был арестован китайской контрразведкой и осужден на 15 лет тюрьмы, но два года спустя его обменяли на сына Чан Кайши, находившегося в то время в СССР. По возвращении в Москву Яков Григорьевич в течение двух лет занимался подготовкой агентов-нелегалов для работы за рубежом, затем читал курс агентурной разведки в Высшей специальной школе Генштаба РККА, а в 1941 — 1949 гг. руководил кафедрой иностранных языков в Военной академии механизации и моторизации им. И.В. Сталина.

В сентябре 1949 г. он был арестован и осужден на 10 лет. Как рассказывал сам Бронин, уголовники, с ведома и при попустительстве лагерной администрации, всячески издевались над «честными коммунистами», нередко избивая их. У Якова Григорьевича они сломали два ребра и выбили все зубы[1].

В 1955 г. Бронин был освобожден и полностью реабилитирован. Его восстановили в партии и в воинском звании. Оформив военную пенсию, он не знал, чем заняться. Пропагандистская работа по линии райкома и горкома партии не могла в полной мере удовлетворить ветерана разведки, владевшего несколькими иностранными языками.

Поэтому он с готовностью принял предложение своего бывшего коллеги З.В. Литвина о сотрудничестве с ИМЭМО. В 1960 г. в соавторстве они публикуют на страницах журнала «МЭ и МО» статью о роли разведки в политической системе США[2].

В дальнейшем Я.Г. Бронин, не будучи штатным сотрудником ИМЭМО, работает в институтской библиотеке над диссертацией о генерале де Голле. В 1968 г. защищает ее на Ученом совете Института, который рекомендует эту работу для публикации под грифом «Для служебного пользования». Книга Бронина стала первой советской научной биографией генерала де Голля. Автор очень хотел опубликовать ее для широкого читателя, но не сумел найти издателя. А вскоре его опередил известный историк Н.Н. Молчанов (бывший сотрудник ИМЭМО), выпустивший политическую биографию де Голля несколькими изданиями.

В 70 — 80-е годы, уже будучи человеком весьма преклонного возраста, Я.Г. Бронин на договорной основе активно сотрудничал с сектором международно-политических проблем Европы ИМЭМО, исследуя вопросы международных отношений в Средиземноморском регионе[3]. Он умер в сентябре 1984 г.

---

[1] Допущенная в отношении его несправедливость, как и заключение в ГУЛАГе, не изменили твердых коммунистических убеждений Я.Г. Бронина, сформировавшихся в 20 — 30-е годы. Выйдя на свободу, он рассказывал, что большинство узников ГУЛАГа были настоящими «врагами народа», а такие как он — «преданные большевики» — попали туда «по ложным доносам» или «по недоразумению». В то же время Бронин был скорее убежденным ленинцем, нежели сталинистом.

[2] *Бронин Я., Литвин З.* О роли разведки в политическом механизме американского империализма // МЭ и МО, 1960, № 9. С. 121 — 129.

[3] См. *Бронин Я.Г.* Политика империалистических держав в районе Средиземного моря. М., 1984.

Третьим из когорты «грушников» довоенного призыва, работавших в ИМЭМО, был Михаил Самойлович Шмелев (настоящая фамилия Герценштейн).

Из автобиографии М.С. Шмелева:

> «Родился 30 июня 1910 года в гор. Умань Киевской обл. УССР. Отец мой был служащим Общества «Врачебных ночных дежурств», а мать — домашней хозяйкой. В мае 1919 года родители умерли от тифа в г. Умань. С 1919 по 1925 год находился в детском доме в гор. Умань. До 1925 года окончил 7 классов средней школы, а с 1925 г. по 1928 год учился и окончил 3 курса Военной рабочей школы повышенного типа (по программе техникума)»[1].

С 1928 г. жизнь Шмелева на сорок лет неразрывно связана с армией, где первое время он быстро продвигался по служебной лестнице. В 1934 г. 24-летний Шмелев уже начальник штаба полка, откуда он поступает на учебу на специальный факультет Военной академии им. Фрунзе, где, помимо прочего, изучает китайский и английский языки. В 1937 г. он завершает учебу, получив диплом с отличием и направление на службу в Разведуправление РККА. С апреля 1938 по октябрь 1939 г. Шмелев находился в командировке в Китае в качестве советника китайской армии, сражавшейся с японскими интервентами. Там Шмелев близко знакомится с руководителями освободительной войны — Чан Кайши, Мао Цзэдуном, Чжоу Эньлаем, Дэн Сяопином и др. Там же он встречается с другим советским военным советником, полковником А.А. Власовым, который в годы Великой Отечественной войны, командуя 2-й ударной армией, перейдет на сторону врага и сформирует т.н. Русскую освободительную армию (РОА).

К началу войны подполковник Шмелев был одним из руководящих работников Дальневосточного отдела ГРУ. Среди его подопечных нелегалов — группа Рихарда Зорге, работавшая в Японии и в Китае.

По рассказам Шмелева, он был последним, кто в предвоенной Москве видел Рихарда Зорге во время его тайного приезда в СССР. Вскоре после отъезда «Рамзая» в Японию Шмелев впервые узнал от своего руководства, что Зорге еще со времени ареста в 1937 г. создателя ГРУ Я.К. Берзина находился под подозрением у НКВД как двойной агент. Шмелев едва не поплатился жизнью за то, что выпустил «немецкого шпиона» за пределы СССР, не передав его в НКВД. Спасла Шмелева редкая находчивость. Когда начальник, недавно присланный в ГРУ с Лубянки, стал угрожать Шмелеву арестом за утрату бдительности, тот напомнил ему, что неоднократно докладывал о приезде Зорге, который до самого отъезда из Москвы почему-то так и не был принят. К тому же, в отличие от шефа, он, Шмелев, даже не подозревал, что у НКВД есть вопросы к Зорге. Начальник сообразил, что вся эта история чревата серьезными последствиями прежде всего для него самого, и предпочел ее замять, взяв со Шмелева

[1] Личное дело М.С. Шмелева // Архив ИМЭМО РАН.

слово, что никто (прежде всего «соседи» с Лубянки) не узнает, что «Рамзай» побывал в Москве.

В самом конце 1942 г. полковник Шмелев отправляется на фронт в качестве начальника разведотдела армии, а в 1943-м становится заместителем начальника штаба по разведке Южного фронта, которым командовал генерал армии (впоследствии маршал) Ф.И. Толбухин. По всей видимости, у Толбухина возникли какие-то претензии к начальнику фронтовой разведки, который в сентябре 1943 г. был отозван в Москву и назначен старшим преподавателем в Военную академию им. Фрунзе.

Преподавательская деятельность Шмелева продолжалась без малого двадцать лет. За это время он сумел подняться только до должности заместителя начальника кафедры. Здесь же, в академии, он защитил кандидатскую диссертацию.

Наконец, в 1962 г. полковник Шмелев был назначен на генеральскую должность начальника Высших академических курсов при Военной академии им. Фрунзе. С этой должности он и вышел в запас в 1969 г., так и не получив желанные генеральские погоны, обещанные ему тогдашним министром обороны СССР маршалом А.А. Гречко, старым приятелем Шмелева по учебе в академии в середине 30-х годов. По всей видимости, производству в генералы помешал все тот же «пятый пункт».

В феврале 1969 г., по протекции своего давнего сослуживца З.В. Литвина, ставшего к тому времени ученым секретарем ИМЭМО, Михаил Самойлович приходит в Институт на должность младшего научного сотрудника в сектор военно-политических проблем международных отношений. В ИМЭМО, где он проработает двадцать три года, Шмелев займется изучением внешней и военной политики Китая, а одновременно будет читать лекции по линии общества «Знание». Окончательно он выйдет на пенсию в 1992 г., после чего уедет в США к обосновавшемуся там сыну.

К тому же довоенному поколению «дальневосточников» из ГРУ принадлежал и полковник Борис Натанович Добровинский. Он родился в 1912 г. в г. Прилуки Черниговской губернии. Его отец и мать были рабочими на местной махорочной фабрике. Вступив в комсомол, Борис Добровинский в течение года работал в аппарате окружкома ЛКСМУ в родном городе, а затем полтора года учился в фабрично-заводском училище (ФЗУ).

В 1931 г. он отправляется в Москву и поступает на физический факультет МГУ. Правда, проучился он там только два с половиной года. В феврале 1934-го Добровинского, вступившего в 1932 г. в ВКП(б), мобилизовали на учебу в московский Институт востоковедения. Способный к языкам студент-физик (Добровинский успел освоить английский и французский языки) вызвал интерес у военной разведки, которая и организовала ему «партийную мобилизацию» в Институт востоковедения. В 30-е годы Дальний Восток привлекал к себе самое пристальное внимание советского руководства, считавшего, что наибольшая угроза для безопасности СССР исходит от Японии. Именно по этой причине здесь была сформирована самая мощная военная группировка — Особая Краснознаменная Дальне-

восточная армия (ОКДВА). По этой же причине в спешном порядке готовились кадры военных разведчиков со знанием японского и китайского языков.

Добровинский был зачислен в японский сектор Института востоковедения, где в течение полутора лет интенсивно осваивал японский язык. В это же время здесь учился и Я.А. Певзнер, с которым Добровинскому предстоит вторично встретиться через тридцать лет в стенах ИМЭМО. По окончании учебы в июле 1935 г. Добровинский был направлен в один из отделов ГРУ, занимавшихся Японией.

В 1937—1938 гг. ГРУ, как и другие управления Наркомата обороны, подверглось жестоким репрессиям, потеряв практически весь свой руководящий состав. Места репрессированных заняли молодые, еще неопытные сотрудники. Среди них и Борис Добровинский. В 1939 г., прослужив в ГРУ всего четыре года, он уже был в звании старшего политрука (капитана). Перед войной Добровинскому дважды доводилось бывать в служебных командировках в Китае, где, среди прочего, он занимался организацией подрывной работы среди остатков военизированных формирований атамана Семенова в Харбине. Впоследствии он рассказывал о том, что в ГРУ едва ли не все руководящие работники знали (и не только от Зорге) о предстоящем нападении Германии на СССР. Однако эта информация решительно отвергалась на самом верху, т.е. Сталиным.

> «18 июня 1941 года, — вспоминал Добровинский, — я доложил начальнику ГРУ о том, что от нашего человека из Гонконга получено сообщение: нападение Германии на СССР дело дней. Немцы заняли исходные позиции для массированного удара по всей границе. Агент надежный. Считаю необходимым доложить тов. Сталину. Голиков (тогдашний начальник ГРУ. — *П.Ч.*) ответил: "Тов. Сталин приказал мне, чтобы такого рода английскую дезу (дезинформацию. — *П.Ч.*) я ему не докладывал"»[1].

Успешная карьера Добровинского в ГРУ продолжалась до конца 40-х гг., пока не началась охота на «космополитов» и «сионистов»[2]. В 1950 г. его уволили из ГРУ и отправили служить в Сибирский военный округ, где он преподавал политэкономию в военных училищах и учебных центрах. В 1961 г. помощник начальника Тюменского инженерно-командного училища полковник Добровинский, отслужив необходимые для получения пенсии 25 календарных лет, демобилизовался из армии.

---

[1] Цит. по: *Певзнер Я.А.* Вторая жизнь. М., 1995. С. 437.

[2] Добровинский, многократно заполняя анкеты, не скрывал, что его бабушка по линии матери и пять ее дочерей (т.е. его теток) еще в 1913 г. эмигрировали из России в США. С тех пор, как уверял Добровинский, никаких сведений о них он не имел. Эта информация, как и «пятый пункт» самого Добровинского, привлекли внимание кадровиков ГРУ лишь в 1950 г., когда в СССР развернулась антисемитская кампания. В результате его убрали из разведки. Допущенная в отношении него несправедливость и очевидное понимание им ответственности Сталина за репрессии 30-х годов и неподготовленность СССР к войне с Германией тем не менее не повлияли на твердые убеждения полковника Добровинского. По словам хорошо его знавшего Я.А. Певзнера, Добровинский «был и остался сталинистом» // *Певзнер Я.А.* Указ. соч. С. 437.

Вернувшись в Москву, он поступил на работу в сектор технико-экономических исследований Института народов Азии АН СССР в качестве младшего научного сотрудника, где занимался изучением военной экономики Японии. Знание трех языков и навыки, в свое время приобретенные в ГРУ, оказались востребованы в мирной жизни полковника запаса Добровинского. В 1965 г. он защитил диссертацию и получил ученую степень кандидата экономических наук, а два года спустя перешел на работу в ИМЭМО, где продолжал изучать японскую экономику, но уже в более широких рамках. В 1975 г. Добровинский опубликовал солидную монографию «Япония: проблемы эффективности экономики», а в 1977 г. защитил докторскую диссертацию, став высококвалифицированным специалистом по проблемам эффективности производства и научно-технического прогресса развитых стран Запада (особенно Японии). В последние годы жизни Б.Н. Добровинский работал консультантом в отделе экономических проблем научно-технического прогресса и управления. Он умер в декабре 1993 г.

Заметное положение в ИМЭМО занимали два бывших полковника ГРУ послевоенной поры — кандидат военных наук Павел Дмитриевич Тарабаев и кандидат исторических наук Николай Сергеевич Кишилов.

Первый пришел в Институт в 1974 г. с генеральской должности начальника направления в ГРУ. В ИМЭМО он сменил д.и.н. В.М. Кулиша, создателя и первого заведующего сектором военно-политических проблем международных отношений. Этим сектором Тарабаев руководил в течение четырех лет, а затем работал в нем как ведущий научный сотрудник до ухода на пенсию в 1982 г.

Выпускник Военного института иностранных языков и Военно-дипломатической академии Н.С. Кишилов долгие годы работал в центральном аппарате ГРУ и в советских военных миссиях за границей. В конце 60-х — начале 70-х годов он принимал участие в советско-американских переговорах по ограничению стратегических вооружений.

С ИМЭМО Кишилов был связан еще с 1968 г., когда защитил там кандидатскую диссертацию на тему «Ракетно-ядерное оружие в планах ФРГ». Год спустя эта диссертация была им опубликована в издательстве «Международные отношения» в виде монографии «Атомная ставка Бонна» (под псевдонимом Николаев).

Выйдя в отставку, Кишилов в 1978 г. приходит в ИМЭМО на должность ведущего исследователя в сектор международно-политических проблем Европы, а в 1982-м сменяет д.и.н. Меламида на посту заведующего этим сектором. За шесть лет его руководства в секторе был подготовлен ряд аналитических записок по различным европейским проблемам, а также публикации в открытой печати, в том числе коллективная монография[1]. Одновременно Кишилов работал над докторской диссертацией, однако резко ухудшившееся состояние здоровья не позволило ему завершить

[1] Западноевропейская интеграция: политические аспекты / Отв. ред. к.и.н. Н.С. Кишилов. М., 1985.

работу. В 1990 г. он вынужден был уйти с заведования сектором, а два года спустя вышел на пенсию и вскоре умер.

В разные годы в ИМЭМО работали бывшие высокопоставленные военные дипломаты, которые, как известно, во всех странах являются легальными представителями своих разведок за рубежом.

Первым из них в Институт пришел контр-адмирал в отставке Николай Алексеевич Питерский[1]. Службу в ВМФ он начал еще в 1925 г., пройдя путь от курсанта военно-морского училища до помощника начальника Главного штаба ВМФ и советского военно-морского атташе в США. За его плечами было командование дивизионом торпедных катеров на Тихоокеанском флоте, затем участие в Гражданской войне в Испании в качестве старшего советника командующего республиканским флотом[2], участие в советско-финской войне, служба на руководящих постах на Балтийском флоте и в Главном морском штабе. В 1942 г. Питерский был направлен в США, где до декабря 1944 г. руководил Отделом конвойной службы (вооружение советских судов, обучение команд обращению с оружием, инструктаж капитанов о порядке хождения в конвоях и т.д.). С марта 1945 г. и до окончания войны он командует Белградской военно-морской базой Дунайской флотилии, а затем Пинской базой Днепровской флотилии. В послевоенные годы контр-адмирал Питерский проходит службу на руководящих постах в Главном штабе ВМФ, участвует в переговорах с США по ленд-лизу (1949 и 1951 гг.) и в Лондонской конференции по проблеме Суэцкого канала (1956). С сентября 1958 по сентябрь 1959 г. контр-адмирал Н.А. Питерский — советский военно-морской атташе в США.

Уйдя в отставку, кандидат военно-морских наук Питерский в январе 1961 г. пришел на работу в ИМЭМО, где занимался изучением вопросов сокращения вооружений и разоружения. Он умер в январе 1971 г.

С 1968 по 1973 г. в секторе военно-политических проблем международных отношений ИМЭМО работал кандидат военных наук, генерал-майор в отставке Нестор Семенович Солодовник. Он служил в военной разведке с 1936 г.[3]

Перед войной он был заместителем начальника 2-го («китайско-синьцзянского») отделения 2-го отдела ГРУ.

В период сражения под Москвой зимой 1941/1942 г. майор Солодовник — начальник разведотдела 20-й армии, которой в то время командовал генерал-майор А.А. Власов. За успешный разгром немецких войск на северо-западном направлении и освобождение Волоколамска и Солнечногорска Власов получил орден Ленина, был произведен в генерал-лейтенанты и назначен заместителем командующего Волховским фронтом, а майор Солодовник — награжден боевым орденом.

---

[1] Сведения о нем есть в справочнике по истории ГРУ. См.: *Лурье В.М., Кочик В.Я.* Указ. соч. С. 283–284.

[2] За потопление вражеского крейсера в ночном бою Н.А. Питерский был награжден орденом боевого Красного Знамени.

[3] См. *Лурье В.М., Кочик В.Я.* Указ. соч. С. 183–184.

Судьба уберегла майора. Власов не взял его с собой на Волховский фронт. Как известно, в июне 1942 г. 2-я ударная армия, которой в то время командовал Власов, была окружена и разгромлена, а сам командующий сдался в плен.

Что касается майора Солодовника, то он оставался в 20-й армии до сентября 1942 г., когда был отозван с фронта и отправлен в Египет в качестве представителя Красной Армии при штабе генерала Бернарда Лоу Монтгомери, командующего 8-й английской армией. Вместе со штабом Монтгомери, который в 1944 г. был произведен в фельдмаршалы и поставлен во главе группы союзных армий, высадившейся 6 июня в Нормандии, Солодовник, получивший в конце 1943 г. звание генерал-майора, принимал участие в кампаниях в Северной Африке и в Италии. Он представлял командование Красной Армии в Союзной контрольной комиссии в Италии (1944 г.).

В самом конце войны Солодовник возвращается в Москву и поступает на учебу в Академию Генерального штаба, по окончании которой получает назначение на пост начальника управления в ГРУ. Через пять лет его переводят в Комитет информации при МИД СССР, где он становится одним из заместителей В.М. Молотова, тогдашнего главы МИД и председателя Комитета. В дальнейшем генерал Солодовник работает в системе ГРУ.

Его военная карьера завершилась в 1964 г., а в 1968-м он приходит в ИМЭМО на должность младшего научного сотрудника с ученой степенью.

Из характеристики Н.С. Солодовника (февраль 1969 г.):

> «<...> За время работы в Институте занимался исследованием по теме "Военно-экономические проблемы международных отношений в Юго-Восточной Азии и на Тихом океане". За короткий срок показал себя как добросовестный, квалифицированный научный сотрудник. Сделал доклад на заседании Отдела международных отношений на тему: "Место Китая в современном мире и его реальное влияние на мировую политику". Привлекается к выполнению ответственных заданий дирекции. Активно участвует в общественной работе, пользуется уважением и авторитетом в коллективе. <....>»[1].

Н.С. Солодовник был одним из авторов коллективной монографии «Военная сила и международные отношения», подготовленной сотрудниками сектора военно-политических проблем. В 1973 г. Солодовник из младшего был переведен в научные сотрудники, но вскоре окончательно вышел на пенсию и покинул ИМЭМО.

В Институте, помимо адмирала Питерского, работали еще два бывших военных атташе — генерал-майор Леонид Дмитриевич Немченко и контр-адмирал Александр Романович Астафьев.

Немченко пришел в ИМЭМО после демобилизации из армии в 1971 г. по приглашению Е.М. Примакова, тогдашнего заместителя директора Института[2].

---

[1] Личное дело Н.С. Солодовника // Архив ИМЭМО РАН.

[2] По всей видимости, они были знакомы с середины 50-х годов, когда журналист-международник Е.М. Примаков бывал в Египте, где Л.Д. Немченко работал в качестве советского военного атташе.

Участник Великой Отечественной войны с первых ее дней и до победы, офицер-артиллерист Немченко в 1945 г. поступил на учебу в Военно-дипломатическую академию, по окончании которой в 1949 г. получил назначение в центральный аппарат ГРУ. В 1954 г. он был назначен советским военным атташе в Египет, где стал свидетелем бурных событий, известных в новейшей истории как Суэцкий кризис. На его глазах стремительно развивалась политическая карьера Гамаль Абдель Насера — одного из участников антимонархической революции 1952 г., превратившегося в 1954 г. из вице-премьера в главу правительства, а в 1956 г. ставшего президентом Египта.

Вскоре после возвращения в 1958 г. из Египта Немченко получает назначение на пост советского военного атташе в Канаде, где он проработает ровно год. Затем в течение трех лет он служит в центральном аппарате ГРУ, последующие три года — в Военно-дипломатической академии в должности начальника факультета, а в 1966 г. его направляют военным атташе в Великобританию. Через три года он вернется в Москву и займется научной работой в Военно-дипломатической академии. В 1971 г. генерал-майор Немченко увольняется из Вооруженных сил.

В ИМЭМО он поначалу работает в секторе военно-политических проблем, а в конце 1974 г. возглавляет группу международно-политических проблем Ближнего Востока в отделе международных отношений. Создание этой проблемной группы объяснялось нарастанием нестабильности на Ближнем Востоке, пережившем в 1973 г. очередную арабо-израильскую войну, а также необходимостью исследовать политический аспект спровоцированного ближневосточным конфликтом энергетического кризиса, поразившего экономику многих стран Запада. Группа Немченко подготовила для Дирекции Института и для инстанций ряд материалов по своей тематике. Ближневосточной группой Немченко руководил в течение пяти лет, до своего окончательного ухода на пенсию в 1979 г.

Контр-адмирал запаса Александр Романович Астафьев пришел в ИМЭМО в середине 1974 г. из Главного штаба ВМФ, где одно время был помощником Главкома по разведке. На флоте Астафьев прослужил ровно сорок лет. Он был морским летчиком, штурманом на Тихоокеанском флоте, помощником, а затем военно-морским атташе при посольстве СССР в Италии (1948—1955). С 1955 по 1963 г. капитан 1-го ранга А.Р. Астафьев был заместителем начальника разведки ВМФ. В 1964 г. он назначается военно-морским атташе в США, где одновременно входит в Военно-штабной комитет ООН в качестве советского военного представителя. По возвращении из Вашингтона в 1967 г. Астафьев получает назначение на должность начальника Центрального командного пункта ВМФ[1].

В ИМЭМО Астафьев работал в должностях научного сотрудника и старшего исследователя в секторе военно-политических проблем, а затем в отделе военно-экономических и военно-политических исследований,

[1] См.: *Лурье В.М., Кочик В.Я.* Указ. соч. С. 203—204.

занимаясь изучением морских вооружений стран НАТО, а также вопросов, связанных с советско-американскими переговорами об ограничении стратегических вооружений. Его работа в Институте продолжалась до ухода на пенсию в 1992 г. Он умер два года спустя.

В ИМЭМО были представлены и ветераны внешней разведки КГБ. Они, как и их бывшие «соседи» из ГРУ, активно трудились на новом поприще, а некоторые добились даже широкого научного признания.

Прежде всего это относилось к капитану запаса КГБ Степану Степановичу Салычеву. Он родился в 1928 г. в семье военнослужащего. В 1952 г. Салычев окончил факультет международных отношений МГИМО и был направлен во внешнюю разведку МГБ, где специализировался по Франции. В 1955 г. его под официальным прикрытием (как сотрудника ЮНЕСКО) направили в Париж. Первая же загранкомандировка молодого разведчика оказалась и последней. Через полтора года Салычев попал в поле зрения французской контрразведки и в 1957 г. вынужден был вернуться в Москву, где продолжил службу в центральном аппарате ПГУ КГБ[1]. По его рассказам, заниматься ему там приходилось главным образом изучением текущей французской периодики, из которой, как говорил Салычев, можно было извлекать куда больше информации, нежели от иных агентов.

Служба была ему не в радость. Салычев мечтал о научной работе, но уйти из КГБ «по собственному желанию» было невозможно. Его непосредственный начальник, впоследствии сам перешедший на научную работу в систему АН СССР, понял и поддержал устремления своего подчиненного. В 1961 г. капитан Салычев увольняется в запас и поступает на учебу в Академию общественных наук при ЦК КПСС. По окончании учебы его в 1964 г. направляют в Прагу, в редакцию созданного А.М. Румянцевым журнала «Проблемы мира и социализма», из которого вышли такие известные впоследствии люди, как академик Г.А. Арбатов, Е.А. Амбарцумов, А.С. Черняев, Ю.Ф. Карякин и др.

Салычев проработал в Праге два года, а в 1966 г. пришел в ИМЭМО на должность заведующего сектором политических проблем антимонополистической борьбы. Тогда же, в 1966 г., он защитил кандидатскую диссертацию, а в 1972-м — докторскую. В 1973 г. выйдет в свет монография С.С. Салычева «Французская социалистическая партия в период между двумя мировыми войнами 1921—1940».

В ИМЭМО Салычев вырастет в одного из ведущих советских франковедов, авторитетного специалиста в области социально-политических

[1] Впоследствии Салычев рассказывал, что однажды он обнаружил в своей парижской квартире «жучок», установленный, по всей видимости, французской контрразведкой. Он доложил об этом своему начальству, порекомендовав не трогать «жучок», чтобы не раскрыть себя окончательно. Салычев полагал, что это может быть не более чем профилактическая проверка, а дома он с женой «ни о чем таком», разумеется, не говорит. Однако начальство решило иначе. «Жучок» был снят, а Салычев, таким образом, «засветился». Разумеется, вину за провал молодого разведчика переложили на него самого.

проблем современной Франции и международного рабочего движения[1]. Человек широких взглядов и передовых убеждений, он будет избран руководителем партийной организации ИМЭМО. Осенью 1972 г. Салычев неожиданно вынужден будет уйти из Института. Его уход в определенной степени был вызван тем, что один из его ближайших сотрудников (Дмитрий Симис) подал заявление на выезд в США[2].

Казалось бы, при чем здесь Салычев? Другому руководителю, быть может, и простили бы, но только не «утратившему бдительность» капитану запаса КГБ, к тому же энергично продвигавшему Симиса, талантливого молодого ученого. Отъезд Д. Симиса был первым в ИМЭМО случаем эмиграции. К этому еще не успели привыкнуть и потому реагировали неадекватно.

Так или иначе, но в ноябре 1972 г. доктор исторических наук С.С. Салычев перешел на работу в Институт всеобщей истории АН СССР, где трудился около десяти лет. В мае 1983 г., уже работая в редакции журнала «Коммунист», Салычев скоропостижно скончался.

В 1982 г. в ИМЭМО появилась И.П. Шадрина, другой ветеран внешней разведки КГБ. По окончании МГИМО она работала в системе Внешторга, а также в научно-исследовательских институтах ГКНТ и АН СССР. В ИМЭМО она занялась германской проблематикой и в 1988 г. успешно защитила кандидатскую диссертацию на актуальнейшую в то время тему о взаимоотношениях ФРГ и ГДР. Затем ее научные интересы сосредоточились на исследовании роли Социнтерна в современных международных отношениях. Энергичная и работоспособная Шадрина была назначена заместителем заведующего отделом международных отношений, избиралась секретарем первичной партийной организации. В Институте она проработала до конца 1991 г.

В середине 1988 г. в отдел международных отношений пришел молодой подполковник запаса КГБ Абдулазиз Хафизович Камилов. Он сразу же приобрел в коллективе всеобщие симпатии добрым нравом и отзывчивостью. До прихода в Институт он окончил Высшую школу КГБ и Дипломатическую академию МИД СССР, свободно владел арабским и английским языками, отслужил двадцать лет во внешней разведке, работая в странах Ближнего Востока. Без отрыва от службы Камилов подготовил и в 1980 г. успешно защитил в Институте востоковедения АН СССР кандидатскую диссертацию. Его карьера разведчика завершилась в мае 1988 г., когда Камилову было всего сорок лет. Можно предположить, что причиной этого стало его родство с Шарафом Рашидовым, кандидатом в члены Политбюро, 1-м секретарем ЦК Компартии Узбекистана, в 1983 г. покончившим жизнь самоубийством. Камилов был женат на дочери Рашидова. При Михаиле Горбачеве т.н. «узбекское» («хлопковое») дело, начатое еще Юрием Андроповым, получило новое развитие; оно живо обсуждалось в перестроечных

[1] В 1972 г. французские власти впервые после 1957 г. позволят С.С. Салычеву приехать в Париж в научную командировку по линии АН СССР.

[2] Об этой истории еще будет рассказано.

СМИ. По всей видимости, именно это обстоятельство и побудило тогдашнее руководство КГБ избавиться от зятя Рашидова, хотя сам подполковник Камилов имел безупречную репутацию.

Помнивший Камилова по защите диссертации в Институте востоковедения академик Е.М. Примаков в трудную минуту поддержал его, пригласив высококвалифицированного арабиста в ИМЭМО, где тот занялся изучением комплекса ближневосточных вопросов и проблемы исламского фундаментализма.

Никто, включая Камилова и Примакова, не мог и предположить, что в недалеком времени им придется встречаться на официальных переговорах в качестве руководителей внешнеполитических ведомств Узбекистана и России.

Абдулазиз Камилов проработает в ИМЭМО до января 1992 г., когда покинет Москву и уедет в Ташкент по личному приглашению Ислама Каримова, бывшего 1-го секретаря ЦК Компартии Узбекской ССР, ставшего президентом суверенного Узбекистана. Президент Каримов доверит профессиональному разведчику Камилову организацию узбекских спецслужб, а затем назначит его министром иностранных дел Узбекистана. В отделе международных отношений ИМЭМО Азиз Камилов оставил о себе добрую память.

В 1969 г. в ИМЭМО промелькнул полковник внешней разведки КГБ Конон Трофимович Моло́дый, он же Гордон Лонсдейл[1]. С 1955 по 1961 г. он возглавлял нелегальную резидентуру в Англии. В результате предательства Молодый был раскрыт и в январе 1961 г. арестован английской контрразведкой. Суд приговорил его к 25 годам тюремного заключения, но в 1964 г. Молодого обменяли на Гревила Винна, связного Олега Пеньковского, расстрелянного в 1963 г. по приговору суда за шпионаж в пользу Англии и США. Судьба Молодого — Лонсдейла легла в основу художественного фильма «Мертвый сезон», снятого Саввой Кулишом в 1970 г. После возвращения на родину Молодый продолжал работать во внешней разведке КГБ, где вскоре впал в немилость из-за критических оценок советской действительности. Он уже всерьез подумывал о том, чтобы уйти со службы в КГБ и заняться научной работой в области международных отношений. Молодый пришел в ИМЭМО и договорился там о сдаче экзаменов кандидатского минимума, необходимого для защиты диссертации. Он успел даже сдать один или два экзамена, но в октябре 1970 г. внезапно умер, собирая в лесу грибы.

Драматично сложилась судьба другого советского агента, работавшего впоследствии в ИМЭМО. Она до сих пор остается до конца не проясненной.

Анатолий Павлович Котлобай появился в ИМЭМО в январе 1973 г., когда был зачислен на должность и.о. старшего научного сотрудника сектора сводного прогнозирования.

---

[1] См. о нем: Очерки истории российской внешней разведки. Т. 5. 1945 — 1965 годы. М., 2003. С. 177 — 191.

Уроженец кубанского города Усть-Лабинска, сын замученного оккупантами подпольщика, Анатолий Котлобай в 1942 г. подростком был депортирован немцами в концлагерь в окрестностях г. Эссена, откуда был освобожден американцами. В 1947 г. из американской оккупационной зоны он выезжает в США и поступает на химический факультет университета штата Теннесси. По окончании учебы Котлобай работает в промышленно-химических и научных центрах, связанных с ракетно-ядерной сферой, т.е. с министерством обороны США. С 1958 г. Котлобай заведовал отделом в фирме, занимавшейся разработками в области ракетного топлива. Тогда-то он и привлек к себе внимание советской разведки, один из представителей которой — Олег Калугин — завербовал соотечественника.

Работа Котлобая на внешнюю разведку КГБ продолжалась до 1965 г., когда он, опасаясь разоблачения, вынужден был бежать в СССР, где его устроили в один из НИИ Министерства химической промышленности.

Со временем научные интересы Котлобая переместились в сферу изучения экономических аспектов научно-технического прогресса в ведущих западных странах, что и обусловило его переход на работу в ИМЭМО.

В Институте он проработал менее пяти лет. Неожиданный арест Котлобая поразил его коллег, припомнивших, что перед арестом он проявлял нараставшую нервозность. Он сетовал, что его в чем-то подозревают, сомневаются в его лояльности, но он не знает, в чем дело.

Котлобай был арестован за незаконные валютные операции и осужден по статье 88-й УК РСФСР на восемь лет лишения свободы. Для человека, почти два десятилетия прожившего в США, обвинение в «незаконной валютной сделке» было, видимо, чем-то малопонятным. Вряд ли он мог усматривать преступление в том, что продал кому-то имевшиеся у него доллары (или купил их?). Но тогдашний закон смотрел на это иначе. В результате бывший агент КГБ оказался в Нижнекамской колонии в Татарии. По-видимому, Котлобай имел основания полагать, что всей этой историей и последующим восьмилетним сроком он обязан чекистам, заподозрившим его то ли в двойной игре, то ли в мистификации. Во всяком случае всесильный КГБ не пошевелил и пальцем, чтобы спасти своего бывшего агента от ареста, суда и тюрьмы.

Как стало известно после крушения советской власти, Котлобая действительно подозревали в том, что он давал внешней разведке КГБ неверные сведения о составе топлива, использовавшегося американцами для запуска ракет. Оставалось неясным — делал ли он это по собственной инициативе или по заданию ФБР—ЦРУ? Под подозрение попал и его вербовщик Олег Калугин, дослужившийся до генерал-майора, начальника Управления внешней контрразведки ПГУ КГБ. Котлобай, по всей видимости, не знал, что его патрон генерал Калугин впал в немилость, отлучен от дел разведки и отправлен в Ленинград в качестве первого заместителя начальника областного УКГБ.

В лагере Котлобай не сломался, добиваясь условно-досрочного освобождения. В сентябре 1983 г. начальник «Учреждения УЭ-148/4», где отбывал

наказание Котлобай, обратился в Дирекцию ИМЭМО с уведомлением о возможности условно-досрочного освобождения осужденного А.П. Котлобая, который «показал себя с положительной стороны», «участвует в общественной жизни отряда и колонии» и «правильно понимает мероприятия политико-воспитательного характера».

В своем уведомлении начальник колонии отмечал, что осужденный Котлобай «взаимоотношения среди осужденных строит правильно, в обращении с администрацией вежлив, по характеру спокоен». «Направляя заявление гр. Котлобай А.П. в соответствии со статьей 47 Основ Исправительно-трудового законодательства Союза ССР и Союзных республик (ст. 104 ИТК РСФСР), — говорилось в уведомлении начальника колонии, — просим обсудить его на общем собрании и положительно решить вопрос о трудовом устройстве и принятии гр. Котлобай А.П. на дальнейшее воспитание в Вашем коллективе»[1].

К обращению было приложено заявление Котлобая в Дирекцию ИМЭМО о приеме его на работу после освобождения[2].

Получив эти два документа, Дирекция ИМЭМО передала их на заключение курировавшему Институт представителю КГБ, который вынес отрицательный вердикт. На имя начальника Учреждения УЭ-148/4 был направлен официальный ответ следующего содержания:

> «В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 мая 1962 г. № 441 замещение вакантных должностей научных сотрудников в Институте мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР осуществляется только по конкурсу. К конкурсу допускаются научные сотрудники, имеющие научные труды по тематике исследований Института, при этом принимаются во внимание политические и моральные качества кандидатов, а также возможность получения ими допуска к работе с закрытыми источниками.
>
> Осужденный Котлобай А.П. этим требованиям не удовлетворяет. По нашему мнению, Котлобаю А.П. целесообразно рекомендовать после освобождения пойти на работу по специальности на одно из предприятий химической промышленности»[3].

Сейчас эта позиция Дирекции ИМЭМО может показаться негуманной по отношению к своему бывшему сотруднику. Но она станет понятнее с учетом того, тяжелого для Института времени. В 1982 г. ИМЭМО подвергся идеологическим гонениям, потеряв своего директора (Н.Н. Иноземцева) и лишившись нескольких ведущих научных сотрудников, вынужденных искать работу на стороне. Над ИМЭМО все еще висел дамоклов меч угрожающего постановления проверочной комиссии ЦК, МГК КПСС и КГБ, вскрывшей в Институте проявления «ревизионизма» и «потерю бдитель-

---

[1] Архив ИМЭМО РАН.

[2] «В связи с моим условно-досрочным освобождением, — писал Котлобай, — прошу Вас, пожалуйста, рассмотреть возможность моего возврата на работу в Институт» // Там же.

[3] Архив ИМЭМО РАН.

ности». Об этом еще будет рассказано. А.П. Котлобай, разумеется, ничего не знал о том, что произошло в ИМЭМО, иначе, наверное, он не стал бы просить о возвращении в Институт.

КГБ и ГРУ не только делегировали в ИМЭМО своих бывших сотрудников или «действующих резервистов», но, по всей видимости, изредка подбирали себе там нужные кадры. Впрочем, спецслужбы занимались этим во многих советских учреждениях и организациях, начиная с вузов.

Достоверно можно говорить лишь об одном случае формального перехода научного сотрудника ИМЭМО в спецслужбу. Речь идет о Евгении Павловне Кассировой, имя которой стало известно в связи с бегством Светланы Аллилуевой из СССР в декабре 1966 г.

Кассирова пришла в отдел международных отношений ИМЭМО в ноябре 1956 г. после окончания учебы на экономическом факультете МГУ, где она специализировалась на отделении экономики стран Востока. В ИМЭМО Кассирова успела написать и защитить диссертацию по теме «Политика США в Индии (1947—1963 гг.)». Получив ученую степень кандидата исторических наук, двадцатидевятилетняя Евгения Кассирова сразу же перешла на работу в КГБ. Чем она там занималась, разумеется, неизвестно. Ее имя неожиданно всплыло в иностранной прессе в январе 1967 г., после того как Светлана Аллилуева, отпущенная в Индию для захоронения праха своего неофициального мужа, индийского коммуниста Браджеша Синкха, лечившегося и умершего в Москве, «выбрала свободу», отказавшись вернуться в СССР. Выяснилось, что по линии КГБ Аллилуеву в ее поездке в Индию сопровождала Евгения Кассирова, неосмотрительно «потерявшая» там свою подопечную. Бегство Аллилуевой, по всей видимости, перечеркнуло карьеру Кассировой в КГБ. Ее или уволили в запас, или отправили в «действующий резерв». Во всяком случае, с весны 1967 г. Кассирова уже работала в одной из советских неправительственных организаций, а затем перешла на работу в Институт США и Канады АН СССР. Говорили, что она умерла в середине 90-х годов.

Рассказ о ветеранах разведки, работавших в ИМЭМО, не был бы полным без упоминания двух имен — Дональда Маклэйна и Джорджа Блейка. Именно их принадлежность к Институту давала основание некоторым на Западе, особенно в Англии, неоправданно тесно связывать ИМЭМО с КГБ, как об этом говорил упоминавшийся уже лорд Роупер.

Дональд Маклэйн

Один из участников знаменитой «кембриджской пятерки» Дональд Маклэйн[1] пришел на работу в ИМЭМО 6 июля 1961 г. под именем Марка Петровича Фрейзера. Однако в Институте быстро поняли, кто он на самом

[1] Его фамилия по-русски имеет несколько написаний — Маклин, Маклейн и Маклэйн. Сам он писал — «Маклэйн», поэтому я буду придерживаться именно этого написания.

деле. В зарубежных средствах массовой информации, начиная с 1951 г., когда Маклэйн вынужден был бежать в СССР, спасаясь от ареста, часто писали о нем. За десять истекших с того времени лет на Западе было опубликовано несколько книг о Маклэйне и его кембриджских товарищах — Киме Филби и Гае Берджессе, агентах советской внешней разведки. Разумеется, многие сотрудники ИМЭМО, бывая на Западе, были знакомы с этими публикациями.

Из автобиографии Дональда Маклэйна, написанной им в 1972 г.:

> «Родился 25 мая 1913 года в Лондоне, Англия. Отец, шотландского происхождения, был юристом и политическим деятелем от партии либералов. Он занимал пост министра просвещения Англии в 1931—1932. Умер в 1932 г. Мать умерла в 1964 г. в Англии. Старший брат погиб на войне в 1942 г. Второй брат умер в Новой Зеландии в 1970 г. Сестра и младший брат живут в Англии.
>
> Я учился в платной средней школе-интернате 1920—1931 и в Кембриджском университете 1931—1933. Вступил в Коммунистическую партию Великобритании студентом в 1932 г. Учился в Лондонском университете 1933—1934 гг. По образованию — специалист по Франции и Германии. В 1934 г. вступил в английскую дипломатическую службу, в которой служил до 1951 г. Служил заведующим отделом США МИД Англии. С 1948 г. имел ранг советника.
>
> Женился в Париже 10 июня 1940 г. в период службы в английском посольстве в Париже на Марлинг Мелинде, американского гражданства. Сыновья родились в 1944 и 1946 гг. в Нью-Йорке, США в период службы в английском посольстве в Вашингтоне. Дочь родилась в Лондоне в 1951 г.
>
> Приехал в СССР в 1951 г. Жена и дети — в 1953 г. По просьбе компетентных инстанций принял фамилию Фрейзер Марк Петрович...»[1]

О работе Д. Маклэйна на советскую внешнюю разведку известно теперь достаточно много[2]. Поэтому здесь нет необходимости подробно ее освещать.

Сын видного британского политика Дональд Маклэйн, увлекавшийся коммунистическими идеями, стал агентом советской разведки в августе 1934 г., при посредстве своего студенческого приятеля Кима Филби, в свою очередь, завербованного в июне того же года[3]. Сам Маклэйн впоследствии объяснял свое решение отчетливо сознававшейся им нараставшей угрозой фашизма. Он видел, что правительство его страны не только не понимает всю степень этой угрозы, но даже пытается заигрывать с нацистской Германией и фашистской Италией. К тому же в самой Англии в то время наблюдался подъем фашизма[4].

---

[1] Личное дело Д.Д. Маклэйна (М.П. Фрейзера) // Архив ИМЭМО РАН.

[2] См.: Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. 1933—1941 годы. М., 1997. С. 40—49; Т. 5. 1945—1965 годы. М., 2003. С. 77—88.

[3] Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 31, 41.

[4] *Прокопов А.Ю.* Фашисты Британии. Союз Освальда Мосли: идеологи и политика (1932—1940 гг.). СПб., 2001.

На этом фоне, омраченном глубоким экономическим кризисом, поразившим ведущие страны Запада, Советский Союз имел еще весьма привлекательный имидж в глазах европейских интеллектуалов, многие из которых воспринимали СССР как свою вторую родину. Маклэйн вспоминал, с каким огромным успехом в Англии проходили гастроли Камерного театра Таирова, показавшего новое, революционное искусство, разительно отличавшееся от мещанских поделок, ставившихся на английской сцене. Именно со знакомства с передовым советским искусством того времени (театром Таирова и Мейерхольда, авангардной живописью и конструктивистской архитектурой) началось приобщение юного Дональда к идеям коммунизма. Его симпатии к стране Советов, которую студент Маклэйн воспринимал в значительной степени идеалистически, крепли по мере того, как он осознавал, что СССР — единственное государство в Европе, способное остановить фашизм. В этом смысле согласие Маклэйна работать на советскую разведку было осознанным и искренним. Это подтверждает и один из близких друзей Маклэйна.

Из воспоминаний Джорджа Блейка:

> «Важно понять причины, по которым Дональд согласился работать на советскую разведку. В то время, когда он был завербован, когда на советскую разведку стали работать другие члены «кембриджской пятерки», все они видели свой долг в том, чтобы помочь Советскому Союзу, потому что они видели в нем единственную надежду на лучшее будущее человечества в условиях подъема фашизма в Германии. Они видели, что западные державы не в состоянии остановить этот процесс. Все их надежды были обращены на Советский Союз, обладавший необходимой мощью. Следует вспомнить, что начало 30-х годов — это еще и время глубокого кризиса капитализма, породившего массовую безработицу. Дональд и его соратники, как выходцы из благополучных и даже богатых семей, чувствовали себя виноватыми, ответственными за нищенскую жизнь большинства людей. Они были совестливые люди, и по этой причине готовы были посвятить свои жизни светлому, как им казалось, будущему других людей. Это будущее они связывали с Советским Союзом, с идеями коммунизма»[1].

После окончания учебы в университете Маклэйн намеревался заняться изучением истории христианства (он усматривал много общего между христианскими и коммунистическими идеалами), а одновременно активно работать в коммунистическом движении Британии. Однако в Москве иначе смотрели на дальнейшую карьеру перспективного агента из верхушки британского общества.

Маклэйну было настоятельно рекомендовано выйти из компартии и постараться устроиться на службу в Министерство иностранных дел Англии, где он мог рассчитывать на блестящую карьеру.

В 1934 г. Маклэйна зачисляют в Форин офис, откуда в Москву вскоре начинает поступать ценная информация, нередко докладывавшаяся

[1] Запись беседы с Джорджем Блейком 22 ноября 2001 г.

самому Сталину. В 1938 г. Маклэйна отправляют секретарем английского посольства в Париж. Там он получает возможность собирать дополнительную информацию от своих французских и американских коллег-дипломатов. Это был критический для всего мира период предвоенного кризиса и последовавшей за ним «странной войны», завершившейся разгромом Франции и эвакуацией остатков англо-франко-бельгийских войск под Дюнкерком в начале июня 1940 г.

Накануне вступления немцев в Париж Маклэйн возвращается в Лондон, где возобновляет работу в центральном аппарате британского МИД. В 1944 г. его назначают 1-м секретарем английского посольства в Вашингтоне, где он проработает до 1948 г., после чего поедет в Каир в ранге советника посольства. Все это время он активно снабжает советскую разведку ценной информацией.

В 1950 г. Маклэйн получает назначение на должность руководителя Американского отдела Форин офис. В этом качестве ему приходится заниматься согласованиями позиций двух стран в связи с начавшейся войной в Корее, а также по вопросу возможного использования американского атомного оружия для удара по Северной Корее. Полученная в это время от Маклэйна информация имела первостепенное значение для Москвы, которая была в курсе всех планов и намерений США и Англии в отношении КНДР.

В мае 1951 г. Маклэйн попал под подозрение, о чем был вовремя предупрежден Кимом Филби, одним из руководителей британской разведки (МИ-6). Предупреждение о грозящем аресте побудило Маклэйна искать убежище в Советском Союзе. Вместе с Маклэйном в Москве оказался и Гай Берджесс, сотрудник британской секретной службы (СИС), а затем МИД, завербованный советской разведкой с помощью Маклэйна еще в 1935 г. В Англии и США разразился громкий скандал.

В Москве Маклэйн пробыл недолго. Тогдашний глава МГБ СССР С.Д. Игнатьев распорядился «в целях безопасности» отправить Гая Берджесса и Дональда Маклэйна, срочно переименованного в Марка Фрейзера, в закрытый для посещения иностранцев г. Куйбышев (Самара). Там Маклэйн — Фрейзер и Берджесс оказались в полной изоляции, наедине со своими невеселыми мыслями и появившимися сомнениями. А в это время в западных СМИ фантазировали, будто Маклэйн консультирует Сталина и Вышинского по вопросам внешней политики, сидя в предоставленном ему роскошном кабинете — то ли на Лубянке, то ли на Смоленской.

Чтобы как-то занять внезапно вырванного из привычной среды дипломата-разведчика, Куйбышевское УМГБ трудоустроило Маклэйна, не говорившего по-русски, в местный пединститут преподавателем английского языка. Приезд в 1953 г. жены и детей, несомненно, облегчил положение страдавшего от одиночества Маклэйна. Три с лишним года, проведенные в Куйбышеве, были, наверное, самыми тяжелыми в его жизни. Непосредственное знакомство с жизнью советской глубинки лишило его многих иллюзий, а разгоравшаяся тогда в СССР кампания борьбы с «буржуазными космополитами и сионистами» вызывала у выпускника Кембриджа,

убежденного интернационалиста Маклэйна недоумение, перераставшее в возмущение. Постепенно он приходит к выводу о персональной ответственности Сталина за творимые в стране преступления и за неприглядную в своей нищете и убогости жизнь советских людей[1].

Смерть вождя в марте 1953 г. была воспринята Маклэйном с надеждой на перемены к лучшему. Действительно, новое советское руководство взяло курс на реформы, люди начали дышать свободнее. Но в положении самого Маклэйна ничего не менялось. Он по-прежнему томился в куйбышевской ссылке, общаясь главным образом с местными чекистами.

Наконец, летом 1955 г. ему разрешили обосноваться в Москве, предоставили хорошую по тем временам квартиру в центре столицы, на Большой Дорогомиловской улице, небольшую дачку в мидовском поселке Чкаловский, и даже трудоустроили консультантом в недавно созданный журнал «Международная жизнь», официоз МИД СССР.

Здесь он встречает двух своих будущих друзей — Д.Е. Меламида и А.А. Галкина, с которыми впервые за годы пребывания в Советском Союзе получает возможность свободно обсуждать интересующие его вопросы международной и внутренней общественно-политической жизни. В журнале Маклэйн—Фрейзер консультирует редакцию и авторов по английской проблематике, а также пробует перо журналиста-международника под очередным псевдонимом С. Мадзоевский.

С искренним воодушевлением воспринял Маклэйн XX съезд и развенчание «культа личности» Сталина, которого считал предателем дела социализма. Он надеялся на развитие процесса десталинизации и демократизации советского режима. Еще в 1951 г., оказавшись в СССР, Маклэйн попытался восстановить свое членство в компартии Великобритании, прерванное по настоянию его кураторов из внешней разведки НКВД. Однако ему этого не позволили, как не позволили вступить в ВКП(б). И только в 1956 г., после XX съезда партии, Марка Петровича Фрейзера приняли в ряды КПСС.

Когда в начале 1961 г. Д.Е. Меламид переходил на работу в ИМЭМО, где ему предстояло возглавить европейский сектор, он уговорил своего друга последовать за ним, поставив перед Маклэйном амбициозную и вместе с тем достойную цель — стать ведущим и, главное, официально признанным советским экспертом по вопросам внешней политики Англии. Меламид обещал решить вопрос о трудоустройстве в ИМЭМО с А.А. Арзуманяном, а Маклэйну предстояло убедить «товарищей» из КГБ в необходимости его перехода в Институт. Окончательное же право принятия такого решения принадлежало ЦК КПСС.

---

[1] Первые сомнения в отношении Сталина у Маклэйна появились в августе 1939 г., когда был заключен советско-германский пакт о ненападении. Маклэйн был тяжело травмирован соглашением Сталина с Гитлером, которое он приравнивал к предательской мюнхенской политике Чемберлена и Даладье. По убеждению Маклэйна, сближение Сталина с Гитлером «обусловило катастрофические и почти роковые последствия для Советского Союза и для всех народов Европы». — Из предсмертных записей Д. Маклэйна // «Мировая экономика и международные отношения», 1990, № 11. С. 107.

Из письма президента АН СССР академика А.Н. Несмеянова в ЦК КПСС от 2 марта 1961 г.:

> «В Президиум Академии наук СССР обратился директор Института мировой экономики и международных отношений АН СССР с просьбой разрешить зачислить на должность старшего научного сотрудника Института тов. ФРЕЙЗЕРА М.П., работающего в настоящее время консультантом в Отделе европейских капиталистических стран журнала "Международная жизнь".
>
> Тов. ФРЕЙЗЕР — шотландец, родился в 1913 г. в Лондоне. Окончил Кембриджский университет. С 1933 г. состоял членом Коммунистической партии Великобритании. В 1952 г. приехал в Советский Союз и принял советское гражданство. В июне 1956 г. был принят в члены КПСС.
>
> Учитывая глубокие знания экономики, внутренней и внешней политики Англии, а также практический опыт и высокий научный уровень опубликованных работ ФРЕЙЗЕРА, Академия наук СССР просит разрешить зачислить его в порядке перевода на должность старшего научного сотрудника Института с окладом 400 рублей.
>
> Согласие на его перевод со стороны редакции журнала "Международная жизнь" имеется»[1].

Обращение президента АН СССР по «делу тов. Фрейзера» было рассмотрено в отделе науки и в Международном отделе ЦК, получившими соответствующую визу КГБ. 11 апреля 1961 г. член Президиума, секретарь ЦК КПССС Н.А. Мухитдинов и секретарь ЦК КПСС О.В. Куусинен наложили положительную резолюцию на представление руководства двух отделов — «Согласиться»[2].

После завершения всевозможных формальностей Марк Петрович Фрейзер 6 июля 1961 г. приступил к работе в ИМЭМО. Он сразу же включился в исследовательскую работу по английской и европейской проблематике, на ходу осваивая русский литературный язык. Поначалу он писал свои работы по-английски, но постепенно перешел на русский. Одновременно с написанием статей, глав и разделов в коллективные труды Маклэйн работал над кандидатской диссертацией «Проблемы внешней политики Англии на современном этапе», которую успешно защитил осенью 1969 г. Ученый совет ИМЭМО счел, что характер и содержание этой фундаментальной работы далеко выходят за рамки, предусмотренные для диссертаций кандидатского уровня. Такого же мнения придерживались и официальные оппоненты. В результате тайного голосования Ученый совет ИМЭМО единогласно присудил Маклэйну ученую степень доктора исторических наук. Год спустя эта диссертация была опубликована в виде монографии в Англии[3], а затем и в СССР[4].

---

[1] Российский государственный архив новейшей истории (далее везде: РГАНИ. — *П.Ч.*). Ф. 5. Оп. 35. Д. 173. Л. 6.

[2] Там же. Л. 7.

[3] *Maclean Donald.* British Foreign Policy since Suez. London, 1970.

[4] *Маклэйн Дональд.* Внешняя политика Англии после Суэца / Пер. с англ. М., 1972.

Постепенно Д. Маклэйн расширял тематику своих исследований, занявшись изучением политических аспектов интеграционного процесса в Западной Европе, взаимоотношениями в «треугольнике» Лондон — Париж — Бонн, отношениями объединяющейся Западной Европы с США, СССР, Китаем и «третьим миром». Он непременный участник многих коллективных работ ИМЭМО по этой проблематике. Его статьи (под псевдонимом С. Мадзоевский) часто публиковались в журналах «Мировая экономика и международные отношения» и «Международная жизнь». У Маклэйна появляются ученики из числа выпускников МГИМО и МГУ, специализирующиеся по современной Англии.

Его друг и соратник Д.Е. Меламид, «переманивший» Маклэйна на научную работу, мог быть полностью удовлетворен. К началу 70-х годов Дональд Маклэйн превратился в ведущего советского политолога-англоведа, одного из самых авторитетных специалистов по проблемам Западной Европы. К его компетентным оценкам и рекомендациям прислушивались и в Международном отделе ЦК КПСС, и в МИД СССР. Аналитические записки Маклэйна направлялись в самые высокие инстанции, включая Л.И. Брежнева и А.А. Громыко.

Еще с конца 60-х годов он уверенно предсказывал неизбежное вхождение Англии в ЕЭС, вопреки мнению большинства аналитиков, настаивавших на приоритете для Лондона возглавляемой им ЕАСТ[1] и «особых отношений» с США. Маклэйн активно отстаивал идею формирования в лице Западной Европы нового «центра силы», автономного от «американского империализма». Он, как и Д.Е. Меламид, уже в начале 70-х годов настоятельно рекомендовал директивным инстанциям всерьез отнестись к процессу политической интеграции Западной Европы, отказаться от устаревших представлений о возможности и впредь решать все важные вопросы европейской политики отдельно с Лондоном, Парижем или Бонном, не считаясь с тенденцией к согласованию внешнеполитических курсов в рамках ЕЭС. Он считал необходимым, чтобы советская дипломатия развивала диалог с европейскими институтами в Брюсселе и Страсбурге в перспективе неизбежного, как он полагал, установления официальных отношений между СССР и ЕЭС. Маклэйн был убежденным и последовательным сторонником политики разрядки.

Долгие годы он добивался от руководства КГБ возвращения себе своего подлинного имени и фамилии. В конечном счете его настойчивость возымела действие.

16 июня 1972 г. он направляет в Дирекцию ИМЭМО заявление следующего содержания: «Прошу впредь числить меня под фамилией Маклэйн Дональд Дональдович». В последний раз он подписывается как Фрейзер[2].

---

[1] Европейская ассоциация свободной торговли — торгово-экономическая организация, созданная в 1960 г. по инициативе Великобритании в противовес ЕЭС. Помимо Англии, в нее вошли Австрия, Дания, Норвегия, Португалия, Швейцария, Швеция и Исландия. Впоследствии Англия и Дания, вступившие в ЕЭС, вышли из ЕАСТ.

[2] Личное дело Д.Д. Маклэйна (М.П. Фрейзера) // Архив ИМЭМО РАН.

19 июня заместитель директора Института Е.М. Примаков издает приказ № 6, в котором говорится:

> «Ст. научного сотрудника ФРЕЙЗЕРА Марка Петровича впредь числить под фамилией, именем и отчеством МАКЛЭЙН Дональд Дональдович»[1].

Свое 60-летие, тепло отмеченное в Институте в мае 1973 г., Д. Маклэйн встретил под собственным именем.

ПРИКАЗ
по Институту мировой экономики и международных отношений
АН СССР № 249

г. Москва «25» мая 1973 г.

Исполнилось 60 лет доктору исторических наук, ведущему исследователю ИМЭМО Дональду Дональдовичу МАКЛЭЙНУ.

Товарищ МАКЛЭЙН пользуется большой известностью и авторитетом как видный ученый-международник, крупнейший специалист по внутренней и внешней политике Англии. Его работы представляют собой глубокий марксистско-ленинский анализ сложных международных проблем. Экспертные оценки, прогнозы, аналитические записки Д.Д. МАКЛЭЙНА принесли большую пользу науке и практике.

Честный, чуткий и отзывчивый коммунист Д.Д. МАКЛЭЙН снискал всеобщее уважение в нашем коллективе. Он известен как человек высоких моральных качеств и принципиальности. Д.Д. МАКЛЭЙН проявляет большую активность в воспитании молодых кадров в духе лучших традиций марксистско-ленинской науки.

Дирекция, партком и местком Института от всей души поздравляют Д.Д. МАКЛЭЙНА с юбилеем, желают ему доброго здоровья, многих лет плодотворной работы, дальнейших успехов на его творческом пути.

За большие заслуги в области изучения проблем международных отношений и воспитания молодых кадров ученых-международников ПРИКАЗЫВАЮ:

Объявить Д.Д. МАКЛЭЙНУ благодарность и премировать месячным окладом.

Директор Института академик *Н.Н. ИНОЗЕМЦЕВ*[2].

По представлению Института, поддержанному Академией наук СССР, Д. Маклэйн в связи с 60-летием был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Это был его второй орден, полученный теперь уже за мирный труд.

Первым (боевое Красное Знамя) он был награжден в ноябре 1955 г. Учитывая его выдающиеся заслуги перед СССР, единственный орден за 16 лет нелегальной работы на советскую внешнюю разведку многим казал-

[1] Там же.
[2] Там же.

ся очевидной несправедливостью. К тому же наградили его только спустя четыре года после вынужденного приезда в Советский Союз. Сталинский НКВД — МГБ явно не жаловал своих даже самых ценных агентов, ежедневно рисковавших жизнью.

У Маклэйна, видимо, были непростые отношения с КГБ. В тяжелейших условиях 16-летней нелегальной работы он до конца оставался верным своему добровольному выбору, сделанному в юности. Со временем он пришел к печальному выводу о расхождении своих коммунистических идеалов с советской действительностью. Как уже отмечалось, ответственность за грубое искажение марксизма, который сам он исповедовал до конца дней, Маклэйн возлагал сначала на Сталина, а потом на «клуб старых джентльменов», как он называл брежневское Политбюро. Маклэйн с надеждой встретил XX съезд партии, а потом болезненно переживал крушение своих надежд на обновление социализма, на его «очеловечивание».

Оказавшись в СССР, он никогда не скрывал своих взглядов и сомнений в отношении как хрущевского волюнтаризма, так и брежневского застоя. Он не раз поднимал свой голос в защиту инакомыслящих, подвергавшихся преследованиям КГБ. Особое негодование Маклэйна вызывало использование психиатрии для борьбы с инакомыслием.

Когда 29 мая 1970 г. в г. Обнинске был арестован и помещен в калужскую психиатрическую больницу известный диссидент, биолог Жорес Медведев, Маклэйн, знавший обоих братьев Медведевых — Жореса и Роя, обратился с личным письмом к председателю КГБ Ю.А. Андропову, указав ему на недопустимость подобных действий его подчиненных в отношении честного, искреннего и, безусловно, психически здорового человека. Действия калужских чекистов, по убеждению Маклэйна, роняли престиж Советского Союза за рубежом, в частности, среди друзей СССР. Это мнение нашло подтверждение уже через несколько дней, когда в мире развернулась широкая кампания протеста в связи с «делом Жореса Медведева». Через две недели власти вынуждены были освободить Медведева из психбольницы[1].

В январе 1972 г. Маклэйн выступил с письмом в защиту осужденного на семь лет лагерей и пять лет ссылки правозащитника Владимира Буковского, протестовавшего против использования психиатрии для подавления диссидентского движения[2]. Это письмо, как и предыдущее, было адресовано Ю. Андропову.

Маклэйн и впоследствии выступал в защиту тех, кого, как он считал, несправедливо преследуют. Буквально накануне смерти он найдет в себе силы заступиться за арестованных КГБ молодых научных сотрудников ИМЭМО, о чем будет рассказано в другом месте.

Он открыто возмущался позорной практикой лишения советского гражданства неугодных режиму лиц — А.И. Солженицына, М.Л. Ростро-

---

[1] В 1973 г. Ж. Медведев эмигрирует в Великобританию.

[2] В декабре 1976 г. Буковский был обменен на освобожденного Пиночетом из тюрьмы лидера чилийских коммунистов Луиса Корвалана и выслан в Англию, где и обосновался.

повича, Г.П. Вишневской и др., а также ссылкой академика А.Д. Сахарова в г. Горький.

Принципиальная позиция заслуженного ветерана советской разведки в вопросе борьбы с инакомыслием вряд ли могла получить одобрение в 5-м управлении КГБ, занимавшемся политическим сыском. При этом, надо отметить, Маклэйна глубоко уважали во внешней разведке.

Из воспоминаний Джорджа Блейка:

> «Он, конечно, был человеком со своими взглядами, строгим в оценках, и в этом смысле тоже — настоящим коммунистом. Он осуждал в советской действительности все то, что не соответствовало его представлениям о коммунизме и об интернациональном обществе. Как известно, одна из причин, по которой он начал сотрудничать с советской разведкой, состояла в том, что он испытывал ненависть к фашизму, крайнему национализму, антисемитизму и милитаризму. Всю свою жизнь, где бы он ни находился, если он видел признаки этих болезней, то очень твердо выступал против любых их проявлений. Поэтому, особенно в последние годы, были случаи, когда он совсем не соглашался с официальной политикой»[1].

Растущее беспокойство у Маклэйна, начиная с 1976 г., вызывали действия советского руководства, подрывавшие едва достигнутую, но неустойчивую разрядку международной напряженности. Развертывание ядерных ракет средней дальности в европейской части СССР вскоре после подписания Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, вмешательство в вооруженные конфликты на Африканском континенте (Ангола, Мозамбик, Эфиопия и др.) и военная интервенция в Афганистане, усиление давления на восточноевропейских союзников в связи с политическим кризисом в Польше и усилившиеся идеологические нападки КПСС на «еврокоммунизм» — все это глубоко травмировало Маклэйна, продолжавшего свято верить в дело социализма.

Из воспоминаний друга Маклэйна, Джорджа Блейка:

> «Я помню, что когда советским руководством было принято решение о размещении в европейской части СССР ядерных ракет средней дальности (СС-20), вызвавшее ответное развертывание в Западной Европе американских "Першингов", Дональда попросили написать статью с обоснованием правильности действий СССР. Он ответил на это предложение: "Я отказываюсь принимать участие в антисоветской пропаганде".
>
> Он считал, что решение о развертывании ракет СС-20 было ошибочным и наносило большой вред интересам СССР. Вообще он видел много ошибок в действиях советского руководства, наносивших ущерб государственным интересам страны, и никогда не скрывал свое несогласие с неправильными решениями»[2].

---

[1] Запись беседы с Джорджем Блейком 22 ноября 2001 г.

[2] Там же.

В 70-е годы существовала обязательная для всех членов КПСС подписка на партийную периодику. Маклэйн выписывал много газет и журналов, но категорически отказывался от навязываемого ему «Коммуниста». Мотивируя отказ, он говорил: «Я с удовольствием подпишусь на этот журнал, но не раньше, чем он поднимет свой низкий уровень»[1].

Коллегам из ИМЭМО Маклэйн запомнился как человек не только демократических убеждений, но и не менее демократичных привычек. Заядлый курильщик, он имел возможность получать недоступные советским людям «Мальборо» или «Кэмел», но признавал только дешевые сигареты «Дымок», крепчайший табак которых отпугивал все живое. Обедать он ходил не в соседний ресторан «Золотой колос», а в расположенную рядом с ИМЭМО пельменную, которую не всякий «эмэнэс» рисковал посещать, даже будучи очень голодным. Он был одинаково вежлив и приветлив с академиком и с аспирантом.

В середине 70-х годов у него появляются первые признаки тяжелого онкологического заболевания. Время от времени он ложился в больницу, где проходил курсы лечения. Врачи сумели замедлить течение болезни, подарив Маклэйну еще семь лет жизни. Все эти годы он продолжал интенсивно работать.

> «Вместо того чтобы стать алкоголиком, я стал трудоголиком (workholic)», — шутил Маклэйн[2].

В это же время он старался устроить будущее своих детей. Отчетливо сознавая, что доживать ему придется в полном одиночестве, Маклэйн добивался для двоих сыновей и дочери, а также любимой внучки, в которой души не чаял (все они были советскими гражданами), разрешения на выезд из СССР. В конечном счете ему это удалось. На родину в США вернулась и жена Маклэйна Мелинда. Теперь он мог считать, что выполнил свой последний долг перед семьей.

Вспоминает Джордж Блейк:

> «Часто говорят, что семья оставила его наедине с тяжелой болезнью (раком предстательной железы). Это не совсем так. Дональд всегда страдал от чувства своей вины перед женой и детьми, которым он, из-за работы на советскую разведку, совершенно изменил всю жизнь. Ведь его семья могла рассчитывать совсем на другую жизнь. Мелинда, например, знавшая о работе Дональда на советскую разведку, при других обстоятельствах могла бы быть супругой британского посла в Соединенных Штатах или во Франции, а их дети — получить соответствующее воспитание. Все они не чувствовали себя полностью счастливыми в Советском Союзе, — может быть, за исключением младшей дочери, которая выросла здесь. Конечно же, они хотели бы жить на своей родине. При этом, надо сказать, что все дети получили в СССР хорошее образование, что помогло им найти в Аме-

---

[1] Из личных воспоминаний автора.

[2] Запись беседы с Джорджем Блейком 22 ноября 2001 г.

рике и Англии хорошие места. Советская система образования была не так плоха, как теперь утверждают некоторые. Одним словом, на Западе у детей Дональда не было проблем с трудоустройством»[1].

Летом 1982 г. Маклэйн отправился в путешествие по Волге на теплоходе «Климент Ворошилов», однако внезапное обострение болезни вынудило его прервать поездку. Он был эвакуирован с теплохода, доставлен в Москву и госпитализирован в ЦКБ, откуда будет еще ненадолго выходить, а потом опять туда возвращаться.

Из воспоминаний Джорджа Блейка о последних днях Маклэйна:

«Последнее время я бывал у него почти ежедневно. Еще за день до смерти он был на ногах, писал какую-то большую работу. 6 марта 1983 года он почувствовал себя очень плохо, и мы вызвали скорую помощь. Дональд был доставлен в Кремлевскую больницу, куда в свое время, еще в начале болезни, его устроил Примаков. С тех пор он неоднократно лежал там — то месяц, то три недели. В тот последний раз я сопровождал его в клинику. Дональд оделся сам. В это время выяснилось, что лифт почему-то не работал. Мы посадили его на стул и вместе со стулом вынесли во двор, усадив в машину скорой помощи. В больнице его приняли и отвезли в палату, а я вернулся к себе домой, сказав, что приду его навестить 8 марта. Когда в назначенный день я пришел в ЦКБ, то на проходной не оказалось пропуска на мое имя. Ничего не сумев выяснить, я вынужден был вернуться домой, а на следующий день узнал, что еще 7 марта Дональд умер. В последний день он уже потерял сознание, и с ним никого не было, кроме врачей»[2].

После похорон, организованных Институтом, где он проработал без малого двадцать два года, прах Маклэйна был доставлен для захоронения в семейную усыпальницу в одном из пригородов Лондона.

Он умер убежденным коммунистом-интернационалистом, о чем свидетельствуют записи, сделанные им за два года до смерти, весной 1981 г. В этих предсмертных «соображениях» предельно откровенно выражены не только жизненное кредо Маклэйна, но и его вера в дело социализма, на обновление которого он надеялся до последней минуты[3].

Из предсмертных записей Д. Маклэйна:

«В моем представлении Советский Союз — это социалистическое общество, общество, развивающееся на качественно новой базе отношений собственности, общество, которое в переживаемый нами исторический период создало такой потенциал для обеспечения благосостояния и счастья людей, каким капиталистический строй не обладает. Я продолжаю считать, что Октябрьская революция ознаменовала собой такой же радикальный и необратимый поворот на долгом пути перехода человеческого общества от капитализма к социализму, какими были Английская революция XVII

[1] Там же.

[2] Там же.

[3] Эти записи были переданы им своему другу Джорджу Блейку незадолго до смерти и впоследствии опубликованы. См.: Провидческий голос из времен застоя // МЭ и МО, 1990, № 11. С. 101—110.

в. и Французская революция XVIII в. на не менее долгом пути перехода от феодализма к капитализму. <...>

Вместе с тем это такое общество, в котором сохраняется глубокий разрыв между потенциальными возможностями его социалистической базы и практическим их претворением в жизнь.

Причиной разрыва является то обстоятельство, что после ухода Ленина и его соратников — этих кромвелей, пимов и хэмпденов Русской революции — и особенно после массового уничтожения советской интеллигенции во второй половине 30-х годов политический и культурный уровень правящей элиты, этой верхушки надстройки, оказался чрезвычайно низким. <...>

По существу, правящая элита временами в таких широких масштабах действовала вопреки интересам советского общества, что можно без большого преувеличения утверждать, что социалистический строй в этой части мира выжил, несмотря на низкий уровень руководства и его деяния, подобно тому как капитализм пережил возвращение Стюартов в Англии, Бурбонов и двух наполеоновских империй во Франции. <...>

Как мне представляется, практическая деятельность нынешнего руководства и сопровождающие ее последствия свидетельствуют о неуклонной тенденции к замене поисков путей реализации энергии общества, которым оно правит, стремлением сохранить свою собственную власть. В частности, оно продемонстрировало твердую решимость воспрепятствовать как у себя в стране, так и за ее пределами (Чехословакия, 1968 г.) осуществлению давно назревших реформ в окостенелых политических и социальных структурах Советского Союза и других европейских социалистических государств. <...>

Повторяю, это не означает, что советское общество более не продвигается вперед, — оно продвигается. Однако главным тормозом его поступательного движения теперь служит олигархический консерватизм руководства. <...>

Вместе с тем я полагаю, что... Советский Союз вынужден будет рано или поздно стать на путь, предлагаемый еврокоммунистами. В эпоху XX съезда мы уже на протяжении нескольких лет быстро продвигались в этом направлении и, возможно, в наступающем десятилетии нам предстоит снова наблюдать нечто подобное. <...>

Этот сравнительно оптимистический взгляд (кстати, отнюдь не разделяемый большинством моих друзей) базируется отчасти на историческом прошлом, и отчасти на анализе современной обстановки в СССР. Прожив и проработав здесь в последние годы сталинского террора и в эру XX съезда, я на собственном опыте убедился в том, что такие перемены возможны, что советская разновидность социализма содержит в себе мощный потенциал созидательных реформ. <...>

В этой стране непосредственная инициатива созидательных преобразований скорее всего будет исходить не извне высших эшелонов партийно-государственной иерархии, как в сегодняшней Польше, а изнутри, как это имело место в Китае, Венгрии и в ходе "пражской весны".

Я предвижу, что после неизбежного ухода в отставку нынешней правящей узкой группы по мотивам возраста и здоровья рано или поздно последует довольно затяжной сдвиг внутри структуры власти в пользу группы руководителей более высокого политического, культурного и интеллектуального уровня. <...> Мне представляется наиболее вероятным, что в следующие 5 лет в результате благоприятных изменений в высшем руко-

водстве мы окажемся свидетелями улучшения политического, культурного и интеллектуального климата в Советском Союзе в развертывании целого комплекса реформ, которые затронут самые важные сферы жизни советского народа. <...>

Одним из важнейших элементов изложенной здесь концепции является убеждение в том, что советский народ не только не воспротивится конструктивным переменам, а, напротив, готов к таким переменам в гораздо большей степени, чем когда-либо прежде в истории страны. <...>».

Дональду Маклэйну, к сожалению, не суждено было дожить до точно предсказанной им горбачевской перестройки. К счастью, ему не довелось увидеть и последующее крушение его заветной мечты о социализме «с человеческим лицом». Судьба уберегла его от этого удара[1].

Джордж Блейк

16 сентября 1974 г. в сектор международно-политических проблем Европы ИМЭМО был зачислен на работу новый научный сотрудник. Его звали Георгий Иванович Бехтер. Под этим именем в Советском Союзе с конца 1966 г. проживал другой знаменитый советский разведчик — Джордж Блейк[2].

Сын офицера британской армии и голландской подданной Джордж Бихар (фамилию Блейк он взял только в 1943 г.) родился в г. Роттердаме в 1922 г. Его отец, получивший тяжелые отравления газами во время Первой мировой войны, рано умер, и воспитанием мальчика занималась мать. В период немецкой оккупации Голландии Джордж принимал участие в движении Сопротивления в качестве связного, в 1942 г. был арестован оккупационными властями, но сумел освободиться. Через Францию и Испанию он бежал в Гибралтар, а оттуда перебрался в Англию, где поступил на службу в королевский военно-морской флот, получив звание старшего лейтенанта. В конце войны его переводят в разведку. Блейк работает в Голландии и в Германии, а в 1948 г. его направляют в Южную Корею под видом британского вице-консула. В действительности он возглавляет там резидентуру СИС. Вскоре после начала Корейской войны Блейк попал в руки северных корейцев, временно оккупировавших Сеул, и, несмотря на его дипломатический статус, был помещен в лагерь военнопленных. В лагере Блейк впервые знакомится с марксистской литературой и увлекается марксизмом. В 1951 г. он добровольно предлагает свои услуги советской разведке.

---

[1] «Я не представляю, как бы он это перенес, — говорит Блейк, — хотя, наверное, перенес бы, так как был очень мужественным и к тому же философски мыслящим человеком. И все же я думаю, что по ходу событий, так как они развивались, он понял бы, что действительно эту систему нельзя было реформировать. По моему личному мнению, в том самом «клубе старых джентльменов», как называл Дональд брежневское Политбюро, это прекрасно понимали, и поэтому ничего не меняли, ничего не трогали» (запись беседы с Джорджем Блейком).

[2] См о нем: Очерки истории российской внешней разведки. Т. 5. 1945—1965 годы. М., 2003. С. 212—221.

По возвращении в 1953 г. в Англию Блейк возобновляет свою работу в МИ-6 и начинает передавать в Москву ценную информацию. Так, он заблаговременно раскрыл планы СИС и ЦРУ в Западном Берлине, где в 1954 г. был прорыт полукилометровый тоннель к подземному кабелю, соединявшему Восточный Берлин и Москву. Подключение англо-американских спецслужб к этому секретному каналу телефонной связи оказалось бессмысленным, так как советские связисты имели достаточно времени, чтобы наладить связь в обход кабеля, прослушивавшегося СИС и ЦРУ. В 1956 г. шпионский лаз был официально «обнаружен» советскими военными связистами, после чего разразился международный скандал. Американская и британская разведки еще в течение пяти лет, до самого ареста Блейка, не знали, что их хитроумная задумка с тоннелем стала известна КГБ еще на стадии ее разработки. В действительности в течение всего периода прослушивания СИС и ЦРУ получали дезинформацию.

Блейк был арестован в апреле 1961 г., когда работал в Бейруте. Его разоблачению способствовал побег на Запад одного из руководящих работников польской военной разведки, тесно сотрудничавшего с ГРУ и кое-что знавшего об истории с берлинским тоннелем.

Блейк был приговорен к 42 годам заключения в лондонской тюрьме Уормвуд-Скрабс, откуда в 1966 г. сумел бежать и перебраться в СССР[1]. Его заслуги перед Советским Союзом были отмечены орденами Ленина, боевого Красного Знамени и другими государственными наградами. Впоследствии он получит звание полковника СВР — Службы внешней разведки России.

На исходе 1966 г. началась новая, теперь уже московская, жизнь Джорджа Блейка, превратившегося в Георгия Ивановича Бехтера. Специальным указом Президиума Верховного Совета СССР ему было дано советское гражданство.

Из опубликованных воспоминаний Дж. Блейка:

> «Я часто думал, легче или тяжелее мне привыкать к жизни в Советском Союзе, попав сюда прямо из тюрьмы. С одной стороны, после долгого заключения всегда трудно адаптироваться к свободе и нормальному существованию. Сделать же это в совершенно по-иному устроенном обществе может оказаться еще труднее. С другой стороны, если бы я приехал в Советский Союз прямо из Бейрута, как вполне могло случиться, контраст был бы еще более разительным, что создало бы для меня лишние сложности. Уормвуд-Скрабс по-своему оказалась для меня чем-то вроде шлюза, облегчившего переход и смягчившего неожиданности. После тюрьмы было просто замечательно вставать по утрам и планировать день по своему усмотрению, идти, куда захочешь... Благодаря этому низкий уровень жизни и прочие недостатки советского общества становились не столь уж неприемлемыми»[2].

---

[1] Все это подробно описано самим Джорджем Блейком в его воспоминаниях // *Блейк Джордж.* Иного выбора нет. М., 1991. Впоследствии вышло два дополненных переиздания этих воспоминаний (в 2006 и в 2009 гг.) — *П.Ч.*

[2] Там же. С. 274—275.

Надо сказать, Блейк с самого начала сделал единственно правильный в его новом положении выбор — постараться полностью интегрироваться в советской действительности, несмотря на все ее неприглядные, особенно для иностранца, стороны. В отличие от подавляющего большинства своих коллег из числа иностранцев, работавших на советскую разведку, так и не сумевших найти себя в СССР, ему это удалось в полной мере. Огромный запас жизнелюбия и оптимизма, широкие взгляды на жизнь, чуждые какого-либо доктринерства, максимализма и нетерпимости, наконец, добрый нрав и расположение к людям — все это позволило Георгию Ивановичу не только выжить в суровом советском «климате», но и стать полноценным гражданином своей новой родины[1].

В значительной степени, по признанию самого Блейка, этому способствовал его приход в ИМЭМО, где он обрел новую профессию — исследователя современных международных отношений.

Вспоминает Джордж Блейк:

> «Через год или два, я точно не помню, после моего приезда в Москву возник вопрос о том, чем я буду здесь заниматься. Сначала мне предложили работать в качестве переводчика в издательстве "Прогресс". Так оно и вышло. Я почти два года работал там, переводил произведения Ленина на голландский язык. Это была своеобразная работа, потому что в основном я сидел дома и раз в неделю отвозил перевод в издательство, проводил там несколько часов, а потом возвращался домой. И очень скоро я понял, что таким способом мне будет трудно войти в советскую жизнь. Тем не менее, я продолжал так жить и работать.
>
> В это же время я близко познакомился с Кимом Филби, а через него и с Дональдом Маклэйном, который работал в ИМЭМО. Мы быстро подружились, и между нами установились очень близкие, доверительные отношения. Он наблюдал мою жизнь и в скором времени сказал: "Так жить не годится. Я думаю, для тебя будет гораздо лучше, если ты придешь работать в наш Институт".
>
> Сразу же возник вопрос, как это сделать. Маклэйн сказал, что поговорит обо мне с Иноземцевым и его заместителем Примаковым. "А ты, со своей стороны, поговори с Первым управлением, с людьми, которые тебя курируют, попроси их помочь тебе с переходом".
>
> Так и было сделано. Вскоре меня пригласили в Институт, где я познакомился с Иноземцевым. В другой раз вместе с Дональдом мы отправились к Евгению Максимовичу Примакову, который принял меня очень любезно. У нас состоялся обстоятельный разговор о том, чем бы я мог заниматься в Институте. В конце концов мы решили, что это будет Ближний Восток, где годом ранее произошла очередная арабо-израильская война.
>
> По завершении беседы Примаков сказал, что Дирекция согласна принять меня в Институт, предложив работать в том самом Отделе, где уже работал Дональд»[2].

---

[1] В отличие от Дональда Маклэйна, Блейк никогда не ставил вопрос о возвращении ему его подлинной фамилии, предпочитая оставаться в России Георгием Ивановичем Бехтером.

[2] Запись беседы с Джорджем Блейком 22 ноября 2001.

19 сентября 1974 г. исполнявший тогда обязанности директора ИМЭМО Е.М. Примаков подписал приказ, гласивший:

> «БЕХТЕРА Георгия Ивановича зачислить с 16 сентября 1974 г. в Отдел международных отношений на должность и.о. научного сотрудника с окладом 190 рублей в месяц с последующей аттестацией»[1].

В секторе Д.Е. Меламида на Блейка была возложена задача — изучать политику Европейского сообщества и его отдельных государств-членов на Ближнем Востоке, исследовать их подходы к мирному урегулированию ближневосточного конфликта, в рамках которого он специально исследовал палестинскую проблему[2].

В изучении ближневосточных проблем Блейк существенно обогатил исследовательский арсенал. Советские исследователи всегда смотрели на эти вопросы исключительно через призму противостояния «прогрессивного», казавшегося им однородным арабского национально-освободительного движения, «империалистическим силам реакции» и их союзнику — сионизму. Блейк впервые поставил вопрос о центробежных тенденциях в неоднородном арабском мире, о глубоких, порой неразрешимых противоречиях между арабскими государствами, не позволяющих им единым фронтом выступать против «заклятого врага» — Израиля. Задолго до ирано-иракской войны он обращал внимание на необходимость учета конфессиональных различий в суннито-шиитском арабо-исламском мире, приобретающих все более важное значение. В отличие от многих своих советских коллег-международников Блейк не идентифицировал политику США и Израиля на Ближнем Востоке, указывая на имеющиеся несовпадения их интересов. С первого дня советского военного вмешательства в Афганистане он не одобрял эту безумную акцию, хорошо представляя себе все ее пагубные последствия. Разумеется, в открытой печати он не мог в те годы свободно излагать свою точку зрения, но в закрытых материалах, адресованных в инстанции, Блейк, как и некоторые другие, наиболее смелые политологи ИМЭМО, в той или иной форме высказывал свои соображения по этому поводу.

В скором времени Блейк стал одним из ведущих экспертов ИМЭМО по ближневосточным делам. Проблема была лишь с публикацией его статей и других материалов. Редакторы застойных лет часто вставали в тупик от его непривычно свободной манеры изложения своих мыслей, часто не совпадавших с установками советской пропаганды. Русским языком Блейк овладел, но вот «птичий язык» советской печати оказался ему не по силам.

---

[1] Личное дело Г.И. Бехтера // Архив ИМЭМО РАН.

[2] См., например: *Бехтер Г.И.* Западноевропейская позиция в отношении ближневосточного конфликта // Западная Европа на мировой арене: Сб. Ч. 2. М., 1986. С. 263—288; *Он же.* Общность и различие в подходах западных империалистических держав в отношении конфликтов на Ближнем и Среднем Востоке // Конфликты в ««третьем мире»» и Запад: СПб. М., 1989. Им написана часть 6-й главы о региональных конфликтах в Средиземноморье в коллективной монографии «Страны Южной Европы в современном мире». М., 1989.

Вот что говорит о своей тогдашней работе сам Блейк:

«Я писал записки об эволюции ближневосточной проблемы, в частности по вопросу о палестино-израильских отношениях, об ирано-иракской войне. Иногда я принимал участие в заседаниях круглого стола по этим и другим вопросам. Но я не могу сказать, что моя научная работа была совсем уж успешной. Может быть, из-за того, что я всегда излагал свою личную точку зрения, не согласовывая ее с официальной позицией советского руководства. Обычно я отдавал свои записки моему начальнику (Д.Е. Меламиду), и их последующая судьба была мне неизвестна.

Я видел и писал о том, что США в отличие от СССР играет роль посредника между арабами и израильтянами, сохраняя хорошие отношения с обеими враждующими сторонами, хотя было ясно, что они больше поддерживали Израиль. И все-таки у них были довольно тесные связи и с арабским миром.

В моих записках я доказывал, что если Советский Союз хочет играть более существенную роль в разрешении ближневосточного конфликта, то он должен иметь нормальные отношения не только с одной стороной конфликта, т.е. с арабскими странами, но и с другой, т.е. — с Израилем. Я был убежден, что СССР никогда не сможет играть роль посредника на Ближнем Востоке, если будет поддерживать отношения только с одной стороной. Поэтому я выступал за восстановление и нормализацию отношений между Советским Союзом и Израилем.

Я настойчиво проталкивал эту идею. Очень хорошо помню мой разговор с Меламидом, который, как известно, был евреем, и уже по этой причине не мог столь откровенно предлагать начальству нормализовать отношения с Израилем. Будучи полностью со мной согласным, он считал, что будет лучше, если с подобной инициативой выступлю я, а не он. И я сделал это, так как исходил из глубокого личного убеждения в моей правоте. И я был очень рад, когда СССР восстановил дипломатические отношения с Израилем и получил дополнительные возможности влиять на развитие ближневосточного конфликта»[1].

В 1988 г. Блейк перешел на работу в отдел проблем разоружения[2], которым руководил доктор исторических наук А.Г. Арбатов. Здесь он начал заниматься новой проблематикой, одновременно помогая в научном редактировании проводимых в отделе исследований, переводившихся на английский язык.

Мягкий, доброжелательный характер Георгия Ивановича снискал ему искреннее расположение новых коллег, научных сотрудников ИМЭМО. Многие годы его избирали в профсоюзное бюро, где он занимался важным в эпоху дефицита и весьма хлопотным делом — распределением продовольственных «заказов». В свой день рождения (11 ноября) он всегда возвращался

[1] Запись беседы с Джорджем Блейком. Дипломатические отношения между СССР и Израилем, в одностороннем порядке разорванные советской стороной в 1967 г., были восстановлены только в декабре 1990 г. — *П.Ч.*

[2] Впоследствии этот отдел был преобразован в Центр международной безопасности ИМЭМО.

домой с букетами цветов, подаренных друзьями и коллегами. Его юбилеи (60, 70 и 80 и 90 лет) всегда тепло отмечались в научном коллективе Института.

Из приказа директора ИМЭМО академика Н.А. Симонии от 11 ноября 2002 г. в связи с 80-летием Г.И. Бехтера (Блейка):

> <...> «За время работы в ИМЭМО он внес серьезный оригинальный вклад в научную деятельность Института, являясь крупным специалистом-международником. Георгий Иванович принял активное участие в подготовке и написании многочисленных научных трудов, аналитических записок, в выполнении программ Президиума Академии наук.
>
> С 1988 г. и по настоящее время Г.И. Бехтер плодотворно трудится в Центре международной безопасности и является высококвалифицированным специалистом по проблемам региональной безопасности. Он автор ряда глав в Ежегоднике ИМЭМО «Разоружение и безопасность» и редактор этого издания на английском языке. Им проведен большой объем работ в связи с другими публикациями Центра на английском языке. Г.И. Бехтер является активным участником русского издания Ежегодника СИПРИ «Вооружения, разоружение и международная безопасность».
>
> Обширные знания и работоспособность, интеллигентность, доброта и отзывчивость сделали Георгия Ивановича одним из наиболее уважаемых и любимых сотрудников нашего коллектива. <...>»[1].

В день 80-летия Блейка самодеятельный институтский поэт (В. Владимиров) посвятил ему небольшую поэму, в которой есть такие строки:

Весь Институт в едином междометии
Слился сегодня — все кричат: «Ура!».
У Джорджа Блейка — 80-летие,
И нам его приветствовать пора.

Вся жизнь его — созвездие мистерий,
И главной тайны не развеян дым:
Как, пережив крушенье двух империй,
Он остается вечно молодым?

«Должен честно сказать, что приход в Институт был счастливейшим этапом в моей жизни, — говорит Блейк. — Если моя жизнь здесь удалась, то во многом из-за того, что я попал на работу в Институт. Я встретил там очень интересных людей, которые очень хорошо меня приняли, очень хорошо ко мне относились. Я нашел там много друзей и добрых знакомых. Моя жизнь в Институте была интересной. Я общался с людьми, знавшими иностранные языки, бывшими хорошими экспертами по разным странам, особенно европейским. С ними у меня было много общего. Нас связали общие профессиональные интересы. Я не был членом коммунистической партии и особенно к этому не стремился, но я много работал в профсоюзе и это, надо сказать, дало мне интересные контакты, поскольку я еженедельно или раз в две недели занимался получением и распределением в отделе продовольственного

[1] Личное дело Г.И. Бехтера (Блейка) // Архив ИМЭМО РАН.

пайка (заказов, как это тогда называлось). Кроме этого я занимался продажей марок и лотерейных билетов для благотворительных целей. В качестве члена профсоюзного бюро я помогал организовывать всевозможные праздники и юбилеи, а их тогда отмечали довольно часто. Я благодарен нашему коллективу за то, что чувствовал себя полноправным его членом, таким же, как и все — сотрудником этого Института»[1].

* * *

Итак, какой же ответ можно дать на поставленный в самом начале вопрос — был ли ИМЭМО «филиалом» советских спецслужб?

Ответ очевиден. ИМЭМО никогда не занимался разведывательной (или контрразведывательной) деятельностью. Его задача состояла в том, чтобы разрабатывать актуальные мирохозяйственные и международно-политические проблемы и давать соответствующие рекомендации партийно-государственному руководству СССР. Советские спецслужбы никогда не были в числе приоритетных заказчиков ИМЭМО, хотя, конечно же, имели возможность получать из Института все интересующие их материалы. Наличие в тысячном коллективе ИМЭМО десятка или даже двух десятков ветеранов советской разведки ничего не означало, кроме того, что, выйдя в отставку, они хотели продолжать активную жизнь и быть полезными своей стране уже в новом качестве. Для этих людей с глубокими знаниями зарубежной действительности Институт был привлекателен именно тем, что занимался изучением внешнего мира. Но все эти люди, как и остальные сотрудники, занимались в Институте исключительно научными исследованиями в области мировой экономики и политики.

Следует отметить и другое. Специфика ИМЭМО привлекала к его сотрудникам пристальное внимание контрразведки и особенно 5-го («идеологического») управления КГБ, занимавшегося политическим сыском. Изучение политических настроений в коллективе и у каждого из его членов составляло главную заботу «прикрепленных» к ИМЭМО представителей райотдела КГБ, выявлявших и «профилактировавших» потенциальных «антисоветчиков». О проявлениях инакомыслия в Институте будет рассказано в следующей главе. Результатом этой кропотливой чекистской работы был длинный список невыездных научных сотрудников ИМЭМО, о чем уже говорилось. Впрочем, такая работа велась КГБ во всех без исключения советских учреждениях и организациях.

[1] Запись беседы с Джорджем Блейком 22 ноября 2002 г.

Глава 7

ИНАКОМЫСЛИЕ В ИМЭМО

В отличие от некоторых академических институтов и высших учебных заведений, где в 60—70-е годы «всевидящее око» КГБ периодически выявляло «антисоветчиков» и энергично «профилактировало» потенциальных диссидентов, ИМЭМО вплоть до 1982 г. не знал сколь-либо громких историй такого рода. Институт благополучно избежал и нередких для гуманитарных НИИ идеологических проработок, вроде тех, которые имели место в Институте истории («дело Некрича») в Институте истории СССР («дело Волобуева — Тарновского — Гиндина — Гефтера»), в Институте экономики («дело Ракитского») в Институте конкретных социологических исследований (ИКСИ АН СССР), когда с директорского поста был снят академик А.М. Румянцев, а ряд его сотрудников были изгнаны из Института, в Уральском университете («дело Адамова») и т.д.

Означало ли это, что научный коллектив ИМЭМО состоял исключительно из «идеологически выдержанных»[1] сотрудников? И как это совместить со всей той антидогматической направленностью в исследованиях, которая была свойственна ИМЭМО с первых дней его существования?

При всей неоднозначности тезиса о «внутрисистемных диссидентах», который выдвинул в своих воспоминаниях академик Е.М. Примаков[2],

---

[1] Подобного рода формулировки-клише присутствовали в служебных характеристиках, выдававшихся научным сотрудникам по самым разным случаям — загранкомандировка, аттестация, защита диссертации и т.д.

[2] «Диссиденты в системе» — так называется первая часть воспоминаний академика Е.М. Примакова. // *Примаков Евгений.* Годы в большой политике. М. 1999. С. 11—65. Не все бывшие коллеги Примакова в ИМЭМО разделяют этот тезис, отказываясь, в частности, причислять Н.Н. Иноземцева даже к «системным диссидентам». В беседе с автором книги Е.М. Примаков уточнил предложенную им формулировку. «Убежден в обоснованности данного понятия, — отметил он. — Оно подчеркивает принципиальное различие между "внутрисистемными" и "внесистемными диссидентами". Первые, в отличие от вторых, никогда не были антикоммунистами и не ставили своей целью разрушение существующего строя. Они стремились к его модернизации, приспособлению к реалиям современного мира, будучи убеждены в не исчерпанных еще возможностях социалистической модели, основанной на марксистской теории. В то же время, я лично глубоко убежден, что в современном мире такие понятия, как

именно этот тезис позволяет найти более или менее убедительные ответы на поставленные вопросы.

С первых дней существования ИМЭМО его создатель А.А. Арзуманян, а затем и его преемник Н.Н. Иноземцев — оба убежденные антисталинисты, искренне воспринявшие решения XX съезда, — сумели создать в Институте обстановку относительного свободомыслия в том, что касалось профессиональной деятельности (а она напрямую была связана с актуальными вопросами политики и экономики). Эта атмосфера поддерживалась даже в условиях идеологического ужесточения режима после подавления «пражской весны» в августе 1968 г. Поощряемые Иноземцевым «либералы»[1] пользовались в ИМЭМО определяющим влиянием, а твердолобые догматики, как правило, в Институте не приживались и уж во всяком случае чувствовали себя здесь весьма некомфортно.

Научные сотрудники, хорошо знавшие о засилии реакции в большинстве других академических институтах гуманитарного профиля, дорожили той, пусть и ограниченной, свободой, которая сохранялась в ИМЭМО.

Можно сказать, что между руководством Института и его научным коллективом было достигнуто своего рода джентльменское соглашение: Иноземцев гарантировал своим сотрудникам свободу научного творчества, а те, в свою очередь, обязались соблюдать предписанные правила игры, т.е. прежде всего «не подставляться» самим и «не подставлять» Институт. Возраставшее влияние Иноземцева — одного из советников Брежнева — в течение полутора десятилетий служило дополнительной гарантией сохранения благоприятной в целом обстановки на островке свободы, каковым, пусть и с оговорками, можно было считать ИМЭМО вплоть до начала 80-х годов.

Существование в Институте такой обстановки подтверждает столь авторитетный в этом смысле источник, как доктор исторических наук Марат Чешков, отсидевший в лагерях за «антисоветскую деятельность»

"социализм" и "капитализм", изжили себя. Еще в те годы (70 — 80-е) я, например, пришел к выводу о конвергенции, как о наиболее оптимальном пути развития человечества, которое должно взять лучшее из двух общественно-экономических систем — социализма и капитализма. Надо признать, что «капитализм» оказался более гибкой системой, способной воспринять и усвоить целый ряд принципов, присущих социалистической экономической модели (элементы планирования, государственное регулирование экономики и т.д.). "Системные диссиденты" в СССР, в сущности, стремились к тому же — к внедрению необходимых элементов рыночной экономики в советское плановое хозяйство. Но для этого нужно было изменить общественное сознание и подверженные догматизму представления правящей элиты. В этом направлении и действовали "системные диссиденты", остававшиеся тогда, я подчеркиваю, на позициях социализма» (запись беседы с Е.М. Примаковым 12 ноября 2002 г.).

[1] Речь идет о «либералах-конформистах», составлявших преобладающую часть научного коллектива ИМЭМО. Либералы-конформисты, независимо от их внутренних убеждений, никогда не выступали против существующего строя, ограничиваясь более или менее осторожной критикой его «отдельных недостатков». Свою миссию они видели в том, чтобы путем «просвещения верхов» (через записки, прогнозы и другие аналитические материалы, направлявшиеся из Института в ЦК КПСС) способствовать совершенствованию «реального социализма», его политической демократизации, социальной и экономической эффективности. В этом отношении они, наверное, вполне могут быть отнесены к «системным диссидентам», о которых говорит академик Е.М. Примаков.

более шести лет, причем не в суровые сталинские годы, а в благословляемый либералами-шестидесятниками период хрущевской оттепели[1].

Из воспоминаний Марата Александровича Чешкова:

«По существу половина моей жизни прошла в Институте, а остальное пришлось на время учебы — сначала в школе и в университете, а затем в мордовском лагерном университете. Что же касается собственно научной деятельности, то она почти полностью падает на годы работы в Институте, начиная с января 1967 года.

Приход в Институт был для меня неслучаен, поскольку, окончив кафедру Востока МГУ, я поступил в аспирантуру экономфака и начал работу в Институте востоковедения. Интерес к научному творчеству сохранялся и даже усилился за годы пребывания в ИТЛ (шесть с половиной лет по статье 58-й, п.п. 10—11). Там первое время, в 50—60-х годах, были относительно благоприятные условия для продолжения научной работы — можно было получать прессу, даже иностранную, а литературой научного плана меня снабжали товарищи по истфаку. Там с их помощью и при поддержке моего научного руководителя академика А.А. Губера я, уже в лагере, написал кандидатскую диссертацию по экономике колониального Вьетнама и защитил ее уже после освобождения в 1965 году. Так что интерес к науке был у меня постоянен, тем более что я понял, что политика — это занятие не для меня, а в теоретических изысканиях чувствовал себя в своей тарелке.

Не знаю как, почему и через кого, но в начале 1967 года В.Л. Тягуненко пригласил меня на работу в отдел экономики и политики развивающихся стран. Направив мои интересы в сторону социологии, социальных проблем и особенно проблем элит этих стран, он дал тем самым первоначальный импульс всем моим дальнейшим научным поискам.

Перейдя от Вьетнама к проблемам "третьего мира", я вышел к науковедческим поискам и к глобальной проблематике. Для меня лично такая траектория означала развитие научных возможностей и давала действительно "глубокое удовлетворение" проделываемой работой: я ни разу не пожалел о том, что поступил в Институт, и никогда не думал об уходе из него за исключением "тяжелого лета 82-го года".

Однако уже с самого начала работы мне стали ясны рамки, в которых было необходимо укладываться исследователю. Когда я написал статью о деятельности вьетнамской компартии, расценивая ее с позиции марксистской ортодоксии, как не имеющую ничего общего с коммунизмом, то реакция Н.Н. Иноземцева, по словам В.Л. Тягуненко, была такова: пусть пишет, но печатать не будем. Тем самым были четко обозначены рамки, за пределы которых выходить не рекомендовалось, а научная работа должна направляться преимущественно в стол.

---

[1] В феврале 1958 г. М.А. Чешков был осужден на восемь лет заключения в исправительно-трудовых лагерях (он отсидел шесть с половиной лет) по т.н. «делу Краснопевцева», когда в МГУ была раскрыта «антисоветская организация», состоявшая в основном из выпускников, преподавателей и одного студента исторического факультета, которые объединились на почве неприятия советской системы, не соответствовавшей, по их убеждению, канонам марксистско-ленинской теории и принципам научного социализма. Все девять участников нелегального кружка получили солидные сроки. В 1989 г. все они были реабилитированы. См. об этом: «ДЕЛО» молодых историков (1957—1958 гг.) // Вопросы истории, 1994, № 4. С. 106—135.

Однако в реальности возможности научного творчества были достаточно широкими и в первую очередь благодаря той обстановке, которая сложилась в нашем отделе с 60-х годов, сохранялась в последующие десятилетия, да и ныне»[1].

Институт притягивал к себе не только лучших представителей научной молодежи — экономистов и политологов, но и все лучшее, что было в тогдашней культурной Москве. Его частыми гостями были видные писатели, кинорежиссеры, художники и артисты, устраивавшие в ИМЭМО свои «закрытые» выступления, кинопросмотры и концерты — нередко с оппозиционным оттенком[2]. Булат Окуджава и Юрий Трифонов, Никита Михалков, Эльдар Рязанов и Андрей Тарковский, Элем Климов и Александр Сокуров, Илья Глазунов, Владимир Высоцкий, Андрей Миронов, Александр Ширвиндт, начинавшие в 70-е годы Геннадий Хазанов и Александр Розенбаум, Сергей и Татьяна Никитины, артисты «Современника» и Театра на Таганке, Гарри Каспаров...

Надо сказать, Иноземцев внимательно следил за выполнением джентльменского соглашения своими сотрудниками, нередко предостерегая их от необдуманных шагов, которые могли бы нанести ущерб Институту, чем непременно воспользовались бы его недоброжелатели. В ряде случаев он вынужден был принимать превентивные административные меры в отношении тех подчиненных, которые сознательно, как он считал, нарушали «правила». Но чаще он все же вставал на защиту того или иного нарушителя. Иноземцев лучше многих знал, что его сотрудники находятся под неусыпным контролем органов госбезопасности[3], и потому постоянно призывал к осторожности и соблюдению правил поведения в «режимном учреждении», каковым с некоторых пор стал считаться ИМЭМО.

Одно из этих правил предписывало только санкционированное общение с иностранцами — как личное, так и через переписку. Всякий самовольный

---

[1] Из воспоминаний д.и.н. М.А. Чешкова, специально написанных в 2003 г. по просьбе автора книги.

[2] Важную роль в этом играла сотрудница Института Надежда Васильевна Ефимова, дружившая с многими известными деятелями театра и кино. Именно она обычно приглашала в ИМЭМО своих друзей, которые никогда ей не отказывали и с удовольствием неоднократно приходили в Институт.

[3] В качестве примера можно привести случай с аспирантом Юрием Пивоваровым, имевший место в октябре 1975 г. Пивоваров успешно выполнил аспирантский план, представил в срок и обсудил диссертацию, что, по академическим правилам, предполагало его автоматическое зачисление в штат ИМЭМО. Однако этого не произошло. КГБ предоставил в Дирекцию ИМЭМО информацию о связях Пивоварова с диссидентскими кругами, настойчиво порекомендовав не брать его на работу в Институт и не допускать к защите диссертации. В результате молодой талантливый ученый оказался «на улице» и более полугода был безработным. С большим трудом ему удалось устроиться в Институт научной информации по общественным наукам АН СССР. Защита одобренной в ИМЭМО кандидатской диссертации Ю.С. Пивоварова состоялась лишь спустя пять лет, причем не в ИМЭМО, а в ИМРД. Впоследствии Юрий Сергеевич Пивоваров станет крупным ученым, доктором политических наук, академиком РАН, директором Института научной информации по общественным наукам РАН, затем — Научным руководителем ИНИОН.

контакт мог повлечь неприятности для нарушителя[1]. Именно об этом, в частности, говорил Иноземцев на заседании Дирекции 22 января 1971 г.

> «Пора установить настоящий порядок со всей нашей иностранной корреспонденцией. Если в отношении каких-то внутренних дел та или иная переписка, это ваше личное дело, то в отношении иностранной корреспонденции нет никаких личных дел, никакая иностранная корреспонденция не может идти, минуя секретаря по загрансвязям[2]. Это надо твердо знать. Строгое выполнение этого правила поможет вам не "влипать" в ненужные ситуации. Распоряжение предусматривает, что вся иностранная корреспонденция идет в официальном порядке через секретаря по иностранным связям[3].
>
> Еще один вопрос, — продолжал Иноземцев. — Мы много раз говорили: ни на какие приемы, ни в какие посольства, на встречи с иностранцами не ходить, не ставя об этом в известность руководство Института и ученого секретаря по иностранным связям. Невыполнение этого требования привело к тому, что ряд товарищей оказались под серьезными ударами»[4].

---

[1] В лучшем случае «нарушитель» получал предупреждение и «рекомендацию» прекратить неформальные контакты. С аспирантских времен (конец 60-х годов) в течение нескольких лет я поддерживал дружескую переписку с двумя французскими студентками, с которыми познакомился в Москве и которые бывали у меня в гостях. Время от времени они присылали мне из Парижа книжные новинки по моей специальности (политические проблемы современной Франции). В конечном счете я вынужден был прекратить переписку по настоятельному «совету» институтского секретаря по международным научным связям.

[2] Как уже говорилось, в советские времена должность секретаря по международным научным связям в академических институтах, как правило, занимали представители КГБ или люди, тесно связанные с «органами».

[3] Вся иностранная корреспонденция поначалу попадала на стол ученого секретаря по международным связям или к его сотрудникам и, хотя бы выборочно, могла просматриваться перед тем, как попасть к адресату. Просмотру могли подвергаться прежде всего письма к тем научным сотрудникам, которые по каким-то причинам привлекли к себе внимание «органов». Не обходилось и без курьезов. Вспоминаю, как в 1977 г. я получил из Парижа с оказией (через приехавшего в ИМЭМО французского ученого) два буклета с долгоиграющими пластинками (запись оперетты Ж. Оффенбаха «Парижская жизнь» и хиты французского шансона 40-х годов), которые передал для меня мой друг и коллега из ИФРИ профессор Жан Клейн. Подарок был оставлен в Иностранном отделе, сотрудник которого (он сам говорил, что ранее работал в КГБ, но почему-то был оттуда уволен еще В. Семичастным, которому он этого никогда не простил) при передаче его мне выразил сомнение: а действительно ли это Оффенбах и Эдит Пиаф? «А нет ли там чего другого?» — с самым серьезным видом заявил Р.А. Мне было предложено тут же прослушать диски на стоявшей в его кабинете радиоле эпохи «позднего Сталина» (или «раннего Хрущева»). Я, разумеется, отказался, сославшись на опасность загубить пластинки тупой иглой от допотопной радиолы. Этот аргумент неожиданно произвел впечатление. «Ладно, я тебе доверяю, — примирительно сказал Р.А. — Прослушай у себя дома, и в случае чего немедленно мне сообщи, а пластинки принесешь к нам...» Иностранный отдел мог не дать санкцию и на официальную встречу того или иного сотрудника с зарубежными гостями Института. Когда в 1979 (или в начале 1980 г.) посетившие ИМЭМО с кратким визитом гости из Франции (профессор Жан Клейн и бывший депутат и сенатор, министр при президенте Ж. Помпиду Лео Амон), среди прочих, пожелали встретиться с «господином Черкасовым», им ответили, что интересующий их сотрудник, к сожалению, болен и по этой причине не может прийти в Институт. В те времена категорически запрещалось сообщать иностранцам номер своего домашнего телефона, и потому Клейн и Амон не могли даже пожелать скорейшего выздоровления своему, мнимобольному коллеге, который и не подозревал об их приезде, работая в этот день у себя дома.

[4] Протокол заседания Дирекции Института мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР от 22 января 1971 г. Архив ИМЭМО РАН. Действительно, далеко не все

Первый случай демонстративного проявления в ИМЭМО идеологической недисциплинированности имел место в августе 1968 г. Сразу же после вторжения войск Организации Варшавского Договора в Чехословакию (21 августа 1968 г.) ЦК КПСС предписал всем партийным организациям провести собрания в поддержку этой акции «братской помощи». Соответствующая директива была получена и парткомом ИМЭМО, спешно занявшимся подготовкой открытого партийного собрания с участием комсомольцев и беспартийных. Время было отпускное, и собрать весь трудовой коллектив было сложно. Пришлось срочно вызывать тех сотрудников-членов партии, которые проводили отпуска в Москве или на подмосковных дачах и с которыми можно было связаться. Из 300 членов парторганизации удалось собрать чуть более половины — человек 160—170. Примерно столько же собралось и беспартийных.

Известие о подавлении «пражской весны» повергло в шок большинство научных сотрудников Института, с интересом и сочувствием следивших за развитием процесса демократизации в Чехословакии, где пытались «очеловечить реальный социализм». Незадолго до этого — в мае 1968 г. — в ИМЭМО находилась делегация из пражского Института международной политики и экономики. Чехословацкие гости увлеченно рассказывали своим московским коллегам о проводимых в их стране преобразованиях, подчеркивая, что речь идет о том, чтобы максимально расширить возможности, заложенные в социализме, а также о разумном использовании в плановой экономике необходимых элементов рыночного хозяйства. Все это отвечало тем настроениям, которые господствовали в ИМЭМО, включая его руководство во главе с Иноземцевым. До 21 августа 1968 г. сочувствие чехословацкому эксперименту, как и надежда на его продолжение в СССР, выражались открыто — не только в коридорах Института, но даже на заседаниях секторов и отделов. Оптимисты (а их, наверное, было большинство) не верили, что после венгерского прецедента 1956 г., серьезно подорвавшего международный авторитет СССР, советское руководство решится на его повторение.

сотрудники Института соглашались на самодоносительство, идя на несанкционированные встречи с иностранными коллегами в частной обстановке — у себя дома или в ресторане. Для некоторых такого рода встречи имели негативные последствия, на что и намекал Иноземцев. Но и предварительное извещение администрации Института о предполагаемой встрече с иностранцем (если она проходила за пределами ИМЭМО) не всегда санкционировалось. Вспоминается случай, относящийся уже к началу горбачевской перестройки. Я и мой коллега-франковед Игорь Бунин, ныне известный политолог, на приеме в посольстве Франции по случаю 14 июля получили приглашение от одного из знакомых дипломатов приехать в выходной день к нему на дачу в Серебряный бор, где он устраивал прощальную вечеринку по случаю своего предстоящего отъезда из Москвы. К тому времени я уже более десяти лет был «невыездным», и потому, решив без нужды «не подставляться», проинформировал о полученном приглашении секретаря по международным связям. Тот настоятельно посоветовал мне не ездить в Серебряный бор. «Зачем тебе лишние проблемы? И без того их у тебя хватает», — доверительно и даже с некоторым сочувствием сказал он мне. Я последовал его «совету» и под благовидным предлогом уклонился от приглашения. В отличие от меня Игорь Бунин, работавший в то время в ИМРД пренебрег «правилами поведения» и на свой страх и риск отправился в Серебряный бор, где, как он мне потом рассказал, прекрасно провел время в приятной французской компании. Надо сказать, никаких последствий для него этот «faux pas» не имел. Времена менялись, и контроль со стороны «органов» становился менее жестким.

Но 21 августа случилось то, что случилось. Теперь же либералам ИМЭМО предлагалось путем открытого голосования одобрить вооруженное подавление и их собственных надежд.

Накануне намеченного партсобрания из сообщений «вражьих голосов» стало известно о демонстрации протеста, устроенной отважной «десяткой» диссидентов на Красной площади в воскресный полдень 25 августа[1]. Демонстранты развернули плакаты на русском и чешском языках: «Руки прочь от ЧССР!», «Да здравствует, свободная и независимая Чехословакия!», «Долой оккупантов!», «За нашу и вашу свободу!» Демонстрация продолжалась всего несколько минут и была рассеяна одетыми в штатское сотрудниками КГБ и МВД, патрулировавшими Красную площадь. Участники демонстрации были арестованы и впоследствии осуждены[2].

Такова была реакция «внесистемных», по определению Е.М. Примакова, диссидентов на оккупацию Чехословакии.

А как повели себя диссиденты «системные», составлявшие костяк научного коллектива ИМЭМО?

Часть из них, под разными предлогами, вообще не пришла на собрание, включая отдельных членов парткома.

Из воспоминаний доктора исторических наук Георгия Ильича Мирского:

> <...> «Голос секретаря парткома нашего института Петрова звучал в телефонной трубке напряженно, взволнованно. "Ты, конечно, уже слышал о Чехословакии? Так вот, по указанию райкома сегодня в два часа в институте митинг, все члены парткома будут выступать, так что подготовься". — "Дима, я не приду в институт". — "Как не придешь?" — "А вот так. Не хочу быть на митинге". Пауза, потом: "Ну, старик, это даже странно. Думаешь, мне и другим приятно выступать на такую тему?" — "Дима, в тот момент, когда ты согласился стать секретарем парткома, ты согласился хлебать дерьмо полной ложкой. Вот и хлебай. А я не приду, если спросят — говори что хочешь".
>
> <...> Итак, я не пришел на митинг. Ничего героического в этом, конечно, не было — я ведь не пошел с протестом на Красную площадь. И все же я был доволен тем, что не поднял руку в одобрение пакости, устроенной советским руководством»[3].

Другие, в отличие от Мирского, в назначенный день появились в Институте. Некоторые, зарегистрировавшись в списках присутствующих, поспешили ретироваться из читального зала библиотеки, где должно было начаться собрание, и разбрелись по комнатам пятиэтажного здания на

---

[1] Л.И. Богораз, К.И. Бабицкий, Т. Баева, Н. Горбаневская, В.Н. Делоне, В.А. Дремлюга, Н. Корхова, П.М. Литвинов, И. Русаковская, В. Файнберг.

[2] Хроника России. XX век / А.П. Корелин, П.П. Черкасов, А.В. Шубин и др. М., 2002. С. 775.

[3] «Забегая вперед, — продолжает Г.И. Мирский, — скажу, что в 1981 году, когда в Польше было введено чрезвычайное положение и арестованы лидеры "Солидарности", меня вызвал секретарь парткома (на этот раз Шенаев) и сообщил, что институт поручает мне ("как лучшему оратору") выступить на радио по этому поводу. Я отказался. Не сомневаюсь, что и в этом случае, как и после 21 августа 1968 года, новые бумаги легли в мое досье на Лубянке» // *Мирский Г.И.* Жизнь в трех эпохах. М., 2001. С. 204, 207—208.

Ярославской улице, уклонившись тем самым от участия в открытом голосовании. По свидетельству присутствовавших на этом мероприятии, обстановка в зале была подавленная. Даже записные ораторы, назначенные парткомом, говорили без привычной уверенности и энтузиазма. Когда же на голосование был поставлен вопрос об одобрении оказанной Чехословакии 21 августа «братской интернациональной помощи», привычно, но явно неохотно и недружно поднялись десятки рук.

«Кто против?..» — произнес председательствовавший на собрании секретарь парткома Дмитрий Петров, решивший, что голосование, слава Богу, прошло единогласно, и тут же без паузы продолжил: «Кто воздержался?».

В это время по залу прошел шумок. Оказалось, что один человек проголосовал «против» и один — воздержался. Первым был Александр Александрович Стариков, младший научный сотрудник отдела развивающихся стран. Воздержалась — Надежда Георгиевна Федулова, младший научный сотрудник отдела международных отношений.

На лицах в президиуме собрания, где, как обычно, находились и два «ответработника» — из Дзержинского райкома партии и отдела науки ЦК КПСС — нескрываемая растерянность. Делать нечего, пришлось учесть голоса двух «диссидентов». Собрание завершилось.

Все разошлись по своим секторам, обсуждая происшедшее и гадая о предстоящей участи двух смельчаков. Некоторые чувствовали себя неловко, сознавая, что участвовали в чем-то постыдном... Другие привычно утешались тем, что «против лома нет приема»... Были и такие, кто убежденно одобрил оккупацию Чехословакии.

А в парткоме тем временем лихорадочно искали выход из создавшегося положения. Было решено попытаться убедить неожиданно выявившихся «диссидентов» изменить их голосование и отправить в РК и ЦК КПСС «чистый» протокол с единогласной поддержкой «мудрого решения» партии. На это у парткома был один день — не больше.

Как вспоминает А.А. Стариков, заведующий сектором, в котором он тогда работал, в личной беседе предложил ему дезавуировать свое голосование, сославшись на недостаточную информированность.

> «Теперь же, мол, я получил дополнительную информацию, — вспоминает Стариков свой разговор с шефом, — которая меняет дело, и потому присоединяюсь к общему мнению собрания, то есть одобряю ввод войск в Чехословакию. Я ему ответил, что для меня поступить так было бы унизительно (было свое представление о чести, хотя, наверное, и наивное). Желая предупредить дальнейшее давление, я сказал ему, что готов уйти из Института, чтобы не причинять неприятностей ему и другим, но попросил не торопить меня, чтобы я смог найти работу. Такой вариант был принят. И в начале 1969 года я ушел в ИМРД, благодаря содействию моего приятеля Генриха Фактора, который попросил за меня своего соседа по дому — Анатолия Акимовича Куценкова, заместителя директора ИМРД.
>
> Другое последствие этой истории, — вспоминает Стариков, — внимание к моей скромной особе со стороны КГБ. Меня посетил некий госпо-

дин, представившийся работником уголовного розыска (когда он пришел, я был дома один) под каким-то совершенно абсурдным предлогом: у них есть, мол, сведения, что в нашем подъезде курят "плант" (я тогда даже не знал, что это такое). И не могу ли я сообщить какую-нибудь информацию об этом. Я не мог, и беседа плавно перетекла на мою жизнь, доволен ли я своей работой, интересовался соседями и т. д. Одного соседа по этажу я предупредил, что о нем спрашивал некий господин. Узнав, как тот выглядел, сосед уверенно сказал, что он его знает — это уполномоченный районного КГБ, который к нему не раз заходил, так как этот сосед находился под негласным надзором органов по одному давнему делу. Он также сообщил, что этот человек приходил недавно и к нему и расспрашивал обо мне: чем занимаюсь, что говорю, кто ко мне ходит. Я думаю, что цель визита ко мне состояла в том, чтобы составить очное представление обо мне и заодно дать знать, что Большой Брат не дремлет и помнит обо мне. Правда, больше эти люди не появлялись до начала 80-х, когда человек из КГБ позвонил мне и назначил встречу в редакции "Народов Азии и Африки", где я в то время работал. Но это уже совсем другая история»[1].

Что касается второй «диссидентки» и тоже выпускницы МГИМО (1965 г.), Надежды Георгиевны Федуловой, то и с ней была проведена соответствующая работа. Сначала секретарь первичной парторганизации, по указанию сверху, попросил Федулову в письменной форме изложить причины своего голосования, но она, сославшись на Устав КПСС, не предусматривающий подобных объяснительных записок, отказалась это сделать. Затем Федулову вызвал секретарь парткома Д. Петров и задал ей прямой вопрос: «Вы что, против социализма?» — «Нет», — ответила Федулова. — «Тогда почему вы не поддержали решение нашей партии и руководства социалистических стран в отношении Чехословакии?» — «Я это сделала потому, что считаю это решение ошибочным, наносящим вред социализму. Нельзя утверждать социалистические идеи с помощью танков».

Секретарь парткома тут же, в присутствии Надежды Георгиевны, по телефону связался с кем-то из райкома партии и с явным облегчением сообщил: «Федулова — не антикоммунист», после чего повесил трубку. Как вспоминает Федулова, она поняла тогда, что Петров выполнял неприятное для него поручение райкома — выяснить мотивы ее «вызывающего» поведения. Сама Надежда Георгиевна говорит, что с тревогой шла на следующий день на работу, опасаясь не столько репрессий со стороны начальства (она уже прикидывала в уме, чем будет зарабатывать на хлеб в случае увольнения из ИМЭМО), сколько отчуждения напуганных коллег. Ни того,

[1] Из воспоминаний А.А. Старикова, которыми он любезно поделился с автором книги. Александр Александрович Стариков в 1959 г. окончил МГИМО и в 1963 г. поступил в аспирантуру ИМЭМО. С 1966 г. работал в должности младшего научного сотрудника аграрного сектора в отделе развивающихся стран ИМЭМО. Впоследствии он работал в журнале «Народы Азии и Африки», а в 1986 г. был приглашен в журнал «МЭ и МО» на должность зав. отделом социальных и политических проблем. Вскоре он стал заместителем главного редактора. С октября 1998 г. Стариков — заместитель главного редактора журнала «PRO et CONTRA», издаваемого Московским центром Карнеги.

ни другого не произошло. Начальство удовлетворилось ее объяснениями, а коллеги встретили Федулову с нескрываемым сочувствием и молчаливым одобрением[1]. Так или иначе, но она, как и Стариков, не дезавуировала свое голосование[2].

И все же с того августовского дня 1968 г. Федулова прочно попала в категорию «невыездных» и, судя по всему, как и Стариков, пользовалась особым попечением «органов». Тем не менее в Институте она не подвергалась дискриминации со стороны руководства (хотя особо и не поощрялась). Уже в 70-е годы Федулова, защитив диссертацию, опубликовав две монографии и множество статей, выросла в одного из ведущих специалистов по международным проблемам Азиатско-Тихоокеанского региона и внешней политике США, хотя по-прежнему была лишена возможности бывать в научных загранкомандировках и на месте изучать интересующую ее проблематику. «Пражский след» тянулся за ней долгие годы[3].

События августа 1968 г., потрясшие либерально мыслящую часть советской интеллигенции, дали КГБ удобную возможность выявить потенциальных инакомыслящих[4]. Даже те, кто не нашел в себе мужества открыто выступить против оккупации Чехословакии, как это сделали 25 августа десять

---

[1] Федулова вспоминает, что, среди прочих, моральную поддержку в тот трудный момент ей оказала одна ее коллега по сектору, муж которой занимал видное положение в КГБ. Более того, некоторое время спустя, Фаина Ивановна Новик попросила у опальной Федуловой рекомендацию для вступления в КПСС, засвидетельствовав тем самым свое уважение к «диссидентке» // Беседа с Н.Г. Федуловой 20 октября 2003 г. Когда в 1982 г. партийно-чекистская комиссия, проводившая в ИМЭМО «чистку» от неблагонадежных элементов, попытается вернуться к давнему «делу» Н. Федуловой, то на защиту последней решительно встанет другая генеральша — член партийного бюро отдела международных отношений Маргарита Сергеевна Зиборова, муж которой работал в КГБ. Таковы были парадоксы советской действительности: жены генералов госбезопасности могли открыто, по-человечески сочувствовать инакомыслящим коллегам, а либерально настроенные научные сотрудники в массе своей голосовали «за политику партии и правительства», будучи с ней не согласны.

[2] Точно так же поступил и муж Федуловой, работавший в другом академическом институте. На состоявшемся там партийном собрании, он, как и его жена, воздержался при голосовании по одобрительной резолюции. Как впоследствии стало известно, в десятках институтов АН СССР, где работали многие тысячи научных сотрудников, нашлось лишь 20 человек, осмелившихся на собраниях проголосовать против подавления «пражской весны».

[3] Надо сказать, что и сама Федулова не предпринимала никаких усилий для того, чтобы стать «выездной». Это потребовало бы от нее убедительных проявлений раскаяния и других доказательств лояльности, что она считала для себя унизительным. В отличие от некоторых своих коллег, Федулова не стремилась за границу, смирившись, по-видимому, со своим положением.

[4] По давней традиции, начало которой было положено в 20-е годы, органы ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ постоянно занимались мониторингом общественных настроений. Активность на этом направлении резко возрастала в периоды важных событий (болезнь и смерть Ленина в 1924 г., высылка Троцкого в 1927 г., процессы 1936 — 1937 гг., нападение нацистской Германии на СССР 22 июня 1941 г., смерть Сталина в 1953 г. и развенчание «культа личности» на XX съезде, военная интервенция в Венгрии в 1956 г., расстрел рабочих в Новочеркасске в 1962 г., отстранение от власти Хрущева в 1964 г., оккупация Чехословакии в 1968 г., начало войны в Афганистане в 1979 г. и последующая ссылка академика Сахарова в г. Горький и т.д.). Именно в эти критические для общества периоды органы госбезопасности получали наибольшие «уловы». В их сети попадали новые, ранее не выявленные инакомыслящие, «засветившиеся» в неосторожных разговорах.

демонстрантов на Красной площади или как Надежда Федулова и Александр Стариков в ИМЭМО, в душе осуждали эту акцию. Для многих из них подавление «пражской весны» означало и болезненное расставание с иллюзиями относительно способности коммунистического режима к «очеловечиванию», к его политической либерализации и экономической модернизации.

В 1968 г. «чехословацкая» тема постоянно присутствовала в разговорах, что позволило КГБ, с помощью осведомителей, существенно расширить круг своих «подопечных» из числа тех интеллигентов-либералов, кто ограничивался «кукишем в кармане», но тем не менее представлял, с точки зрения «органов», потенциальную опасность для режима.

В борьбе с «неисправимыми» диссидентами КГБ обычно практиковал привлечение их к уголовной ответственности, а с приходом на Лубянку Ю. Андропова стал также помещать их в психиатрические больницы или насильственно «выдворять» за пределы СССР. С другими инакомыслящими, которых в КГБ не считали «законченными» врагами советской власти, боролись иначе. Их по инициативе Андропова с 1967 г. стали «профилактировать», т.е. официально или конфиденциально предупреждать о «неправильном» поведении, сообщать о политическом «грехопадении» по месту работы или учебы, обсуждать на собраниях, товарищеских судах и т.д. Во всех случаях «профилактированным» закрывался выезд за границу, нередко их изгоняли из престижных организаций (к таковым принадлежал и ИМЭМО), в которых они работали.

Профилактированием инакомыслящих, как и помещением в психиатрические клиники неисправимых диссидентов, занималось созданное в 1968 г. по инициативе Ю. Андропова 5-е управление КГБ, призванное «работать» с научной и творческой интеллигенцией, Русской православной церковью и другими религиозными конфессиями. Эта «работа» заключалась в тотальном контроле над «неустойчивыми интеллигентами», священнослужителями и практикующими верующими путем создания в их среде широкой сети осведомителей (стукачей), которых, надо сказать, презирали и сами чекисты. Скольких слабых духом людей совратили и сломали душегубы с Лубянки, не знает никто. Между тем 5-е управление, имевшее весьма слабое отношение к контрразведке и тем более к разведке, было любимым детищем Юрия Андропова. Во главе этой новоявленной идеологической охранки был поставлен бывший фронтовик Филипп Бобков, дослужившийся в КГБ до генерала армии и заместителя председателя этой организации[1].

Из воспоминаний академика Г.А. Арбатова, близко знавшего Андропова еще с начала 60-х годов:

> «Он (Андропов. — *П.Ч.*) как-то с гордостью сказал, что "работу с интеллигенцией" вывел из контрразведки: нельзя же, мол, относиться к писателям

[1] После краха советского режима генерал-чекист Ф.Д. Бобков нашел теплое место руководителя аналитической службы в холдинге АО «Группа Мост», принадлежавшем медиамагнату В.А. Гусинскому. Тогда же появилась информация, будто бывший начальник 5-го управления высказывал сожаление о некоторых аспектах своей неустанной борьбы с инакомыслием.

и ученым как к потенциальным шпионам и заниматься ими профессиональным контрразведчикам. Теперь, продолжал он, все будет иначе, делами интеллигенции займутся иные люди, и упор будет делаться прежде всего на профилактику, на предотвращение нежелательных явлений.

Я тогда... набрался решимости и возразил. Сказал, что, во-первых, не понимаю, почему вообще КГБ должен "заниматься" интеллигенцией. Ведь "не занимается" он, скажем, рабочим классом или крестьянством. Понятно, что если какие-то представители интеллигенции, как и любой другой прослойки общества, становятся на путь преступлений... то это уже дело КГБ. А остальное, мне кажется, вообще должно находиться в сфере внимания других организаций — ЦК КПСС, творческих союзов и т.д., но не карательных органов. Во-вторых, мне не кажется привлекательной "профессионализация" сотрудников КГБ в работе с интеллигенцией. Не пойдут ли они по пути тех жандармских офицеров, "работавших" с интеллигенцией при царе, которых описал в "Климе Самгине" Горький, по пути чистой "бенкендорфщины"? Андропова покоробило это сравнение, он мне возразил, что я не понимаю реальностей, не знаю всего, что происходит в обществе, и то, что он задумал, означает значительный шаг вперед, отход от плохой старой практики, а отнюдь не возврат к "жандармской" деятельности.

Я высказал ему и еще одно сомнение — что создание специального управления приведет не к сокращению, а к росту числа различных дел и проблем с интеллигенцией. И по очень простым причинам: пока вопросы, связанные с интеллигенцией, оставались в ведении контрразведки, это было все-таки для последней не основным и тем более не единственным занятием. А главным было разоблачение шпионов. Если же будет создано специальное управление, то ему ведь придется оправдывать свое существование и, когда нет реальной работы, ее придумывать, что может привести к возникновению серьезных проблем.

Андропов не принял этих замечаний всерьез, сказав, что я ничего в этом деле не понимаю, но через некоторое время увижу сам, какую эти изменения принесут пользу.

Потом из того, что доводилось услышать, в том числе от Андропова, у меня сложилось впечатление, что работой нового управления он весьма интересовался. И как "неофит" в делах КГБ чем-то в ней даже бывал увлечен, чрезмерно верил сотрудникам этого и других управлений. А его работа оказалась отнюдь не безобидной. В общем, была вписана еще одна постыдная страница в историю деятельности этого учреждения. Произошло немало личных трагедий. Ухудшилась морально-политическая обстановка в стране. Был нанесен дополнительный ущерб нашему образу в глазах мировой общественности»[1].

Профилактирование стало приобретать возраставшие масштабы после оккупации Чехословакии, что свидетельствовало о большом числе недовольных в СССР этой акцией и последующим ужесточением режима. Согласно данным, приводимым в рассекреченной ныне справке КГБ, направленной в 1975 г. в ЦК КПСС, за период 1967—1970 гг. органами госбезопасности было профилактировано 58 298 советских граждан.

[1] *Арбатов Георгий.* Человек Системы. Наблюдения и размышления очевидца ее распада. М., 2002. С. 386—388.

35 316 человек были профилактированы за «политически вредные проявления», а 5 039 человек уличили в «подозрительных связях с иностранцами и в вынашивании изменнических намерений». Согласно этой справке, 23 611 человек были «профилактированы с участием общественности»[1].

В ИМЭМО после августа 1968 г. резко возросло число «невыездных»[2]. Это означало, что «под колпак» КГБ попали не только Федулова и Стариков, но и ряд «либералов-конформистов», позволивших себе неосторожные высказывания по поводу оккупации Чехословакии. Интересно, что донос мог поступить не только от своих коллег, но даже из-за границы, что лишний раз свидетельствовало о тесном взаимодействии КГБ и органов госбезопасности стран «социалистического содружества».

Из воспоминаний ветерана ИМЭМО, видного германиста Владимира Владимировича Размерова, на двадцать долгих лет попавшего в 1968 г. в разряд «невыездных»:

> «В конце 1968 года я готовился к поездке в Финляндию для чтения лекций. Оформление выезда затянулось, а затем вообще остановилось. Вскоре выяснилось, что я отныне так называемый невыездной (словечко, не имеющее аналога в языках цивилизованных стран). Под большим секретом мне сказали, что причиной стало направленное в КГБ восточногерманской охранкой — штази донесение, к которому была приложена кассета с тайной записью моих разговоров в Берлине, где я незадолго до этого побывал.
>
> Резкое осуждение оккупации Чехословакии не столько как преступления, со многими из которых мы приучились мириться, сколько глупейшей и непростительной ошибки разделяли многие. Но в моих словах и выражениях, аккуратно и педантично зафиксированных штази, содержался гораздо больший криминал, а именно, — ни много ни мало, "оскорбление величества". Используя изрядное количество из богатого запаса наших бранных слов (разговор шел на русском), я на все корки ругал Лелика, т.е. Брежнева, за его возмутительную тупость и безмозглость.
>
> Положение для меня оказалось нелегким. Действительно, с точки зрения власть имущих, человеку, столь нагло хулящему нашего уважаемого и обожаемого руководителя и называющему его недоумком и кретином, можно и должно было поставить весьма определенный и тогда уже часто ставившийся диагноз. Только помощь моего сокурсника и верного товарища Рафаэля Федорова, который вскоре занял в Международном отделе ЦК пост заместителя заведующего (Б.Н. Пономарева), и некоторых других влиятельных друзей спасла меня от психушки. Но почти двадцать лет я был лишен права выезда на Запад; пути научного и общественного роста были наглухо закрыты.

---

[1] См.: *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: история власти 1945—1991. Новосибирск, 2000. С. 328.

[2] Назвать точное число невыездных в ИМЭМО крайне трудно, так как эти сведения тогда были секретными. Помимо райотдела КГБ они были известны только директору, секретарю парткома и начальнику 1-го отдела Института. Приблизительный порядок цифр можно себе представить на примере двух отделов. Из 40 научных сотрудников отдела международных отношений в 70-е гг. около 10 человек по различным причинам были невыездными. Из примерно такого же числа сотрудников отдела социальных и внутриполитических проблем выездными были только пять-шесть человек. В беседе с автором бывший директор ИМЭМО (в 1989—2000 гг.) академик В.А. Мартынов сказал, что к началу 80-х годов общее число невыездных в Институте составляло не менее 120 человек (беседа с академиком В.А. Мартыновым 1 марта 2004 г.).

Я старался выяснить, кто был мой доноситель, и в общем узнал о нем. Это тоже целый детектив, в котором приняли участие мои венгерские, польские, чешские и немецкие друзья и даже сам товарищ Янош Кадар.

Но когда рухнула берлинская стена, я сразу же обратился в ведомство Гаука[1]. Пять лет потребовалось, чтобы документально установить имя этой гадины. Наконец мне прислали несколько обрывков из многочисленных доносов. Среди них есть датируемый летом 1989 года! Все уже в ГДР рушилось, а верный клеврет штази еще источал свой яд»[2].

К памятному 1968 г. относится еще одна история, случившаяся в ИМЭМО. Профсоюзный комитет, а точнее Александр Шебанов, отвечавший в нем за вопросы культуры, попытался организовать в октябре 1968 г. выставку художников-авангардистов из т.н. «Лианозовского кружка», образовавшегося вокруг семьи Кропивницких в середине 50-х гг. на волне хрущевской «оттепели». Лидером этого кружка был Оскар Рабин.

После печально известного посещения Никитой Хрущевым 1 декабря 1962 г. художественной выставки в Манеже правящий режим ужесточил борьбу с «формалистическими», «антинародными» тенденциями в культуре, и в частности в искусстве. Попытки «лианозовцев» представить свои произведения вниманию ценителей современной живописи всякий раз пресекались властями. Так, 22 января 1967 г. была закрыта их открывшаяся в тот же день выставка в московском клубе «Дружба», на шоссе Энтузиастов. Лишенные возможности выставляться в общедоступных залах, художники пытались показать свое творчество хотя бы в закрытых для широкого посещения местах, в частности в академических институтах. Но даже залы и коридоры НИИ далеко не всегда были открыты для художников-неформалов, особенно после августа 1968 г., когда на «идеологическом фронте», к которому в СССР еще с начала 30-х гг. была отнесена культура, началось наступление реакции.

В это самое время кто-то из сотрудников ИМЭМО (к сожалению, не удалось установить его имя), друживших с Андреем Тарковским, по рекомендации известного кинорежиссера, предложил месткому ИМЭМО организовать выставку Оскара Рабина и других «лианозовцев». В комитете профсоюза, состоявшем из интеллигентных людей, эту идею одобрили и поручили Александру Шебанову (в отделе Западной Европы он был специалистом по экономике ФРГ) заняться организацией выставки. От

---

[1] После воссоединения двух германских государств в ФРГ был учрежден пост Федерального уполномоченного по изучению документов Службы государственной безопасности бывшей ГДР. На этот пост был назначен Иоахим Гаук. Ведомство Гаука занималось, в частности люстрацией, т.е. выявлением штатных сотрудников и осведомителей «штази».

[2] Из воспоминаний к.и.н. В.В. Размерова, любезно предоставленных им в распоряжение автора публикации. Еще со времен учебы и работы в МГИМО Размеров дружил с Иноземцевым, но в 1968 г. их прежние отношения испортились во многом из-за описанной истории. Иноземцев, к тому времени уже напрямую работавший с Брежневым, заметно охладел к Размерову. Тем не менее спустя восемь лет, в 1976 г., по свидетельству самого Владимира Владимировича, Иноземцев и Примаков через ЦК и КГБ «пробили» для него право выезда в соцстраны, хотя на Запад его не пускали вплоть до 1987 г.

комитета комсомола активное участие в этом принимал Сергей Сосинский-Семихат.

Н. Иноземцев, выросший в семье художницы, разумеется, поддержал затею с выставкой, но, поглощенный множеством дел, не стал вникать, какие именно художники будут выставляться в его Институте.

В один из октябрьских дней 1968 г. выставка уже была готова принять ценителей авангарда. Первыми (еще до открытия) ее увидели отдельные сотрудники ИМЭМО. Кое-кто успел даже провести туда своих друзей и знакомых со стороны. Вход в Институт в те годы был свободным. Каким-то образом (видимо, при участии самих художников) по городу распространились слухи об открывающейся в ИМЭМО выставке «неформалов», хотя изначально предполагалось, что она организуется исключительно для сотрудников Института. На Ярославскую улицу, где тогда размещался ИМЭМО, устремилась «вся Москва», а заодно иностранные журналисты и даже дипломаты.

Разумеется, к этому мероприятию не мог остаться безучастным и Дзержинский райотдел КГБ, всегда державший «руку на пульсе» институтской жизни. В день открытия выставки его представители явились в ИМЭМО еще до начала рабочего дня и, по всей видимости, первыми ознакомились с экспозицией. Они никак не афишировали себя, занимаясь привычным делом — наблюдением за собиравшейся перед ИМЭМО толпой и фиксированием интересующих их людей.

Как вспоминает тогдашний заместитель секретаря институтского комитета комсомола Дмитрий Симис (Саймс), он, к своему удивлению, обнаружил в стороне от любопытствующей толпы оперативный отряд дружинников МГК ВЛКСМ, вызванный, по-видимому, чекистами. А в толпе выделялась группа воинственно настроенной «неформальной молодежи», предводительствуемая Андреем Амальриком, который вскоре получит широкую международную известность как один из лидеров советского диссидентского движения. Симис понял, что не исключена потасовка между силами порядка и любителями авангардной живописи.

В это время в Институт срочно прибыл Иноземцев, которому сообщили по телефону о назревавшем скандале, чреватом большими неприятностями. Не раздеваясь, он прошел на второй этаж, в зал, где разместилась экспозиция. Как вспоминают очевидцы, его блуждающий по картинам взгляд внезапно остановился на натюрморте работы Рабина с изображением початой бутылки водки, видавшего виды граненого стакана, краюхи черного хлеба и полуразделанной селедки.

Что могло здесь привлечь внимание Иноземцева?. Казалось бы, в натюрморте представлены обычные для досуга советского человека предметы...

«Крамола» состояла в том, что художник разместил эти предметы не на скатерти и даже не на деревянной поверхности стола, а на газете «Правда» да еще с передовицей и чуть ли не с фотопортретом «Самого».

Говорят, Иноземцев переменился в лице. Все знали, что в гневе он бывал страшен и обычно не стеснялся в выражениях. Это был как раз тот самый случай. И дело было уже не в содержании выставки, а в неминуемом скан-

дале, который разразится в случае ее открытия. Иноземцев оказался перед дилеммой: либо он предотвратит конфликт собственными силами, либо в дело вмешаются чекисты и вызванные ими комсомольские оперативники.

Директор приказал немедленно «прекратить это безобразие». Он распорядился заблокировать вход в Институт. В зал, где разместилась экспозиция, срочно внесли три десятка стульев и устроили там партийно-производственное собрание отдела международных отношений. Сотрудники отдела получили неожиданную возможность подробно рассмотреть вывешенные по стенам картины. Разумеется, никто не вникал в то, что там говорил докладчик и другие выступающие. Тем временем на переговоры с Андреем Амальриком отправили хорошо его знавшего Дмитрия Симиса, которому удалось убедить вожака «неформалов» не провоцировать КГБ на схватку перед зданием академического института. А собравшейся толпе было объявлено, что открытие выставки отменяется. К счастью, публичного скандала удалось избежать.

Из воспоминаний ветерана ИМЭМО, доктора экономических наук Юрия Бенциановича Кочеврина:

> «Выставка "неофициальных" художников в ИМЭМО свалилась на сотрудников Института и на его руководство, буквально, как снег на голову. Ее открытие должно было состояться в один из октябрьских дней 1968 года. Никто толком не знал, кем и как она была санкционирована и подготовлена. Конечно, мне помнится, что еще загодя Саша Шебанов, ответственный в месткоме за культурную работу, говорил о готовящейся выставке и называл некоторых из ее участников, в частности, Оскара Рабина, который был широко известен в кругах московской творческой и технической интеллигенции, но картины которого не попадали в официальные экспозиции. <...>
>
> ИМЭМО, как и ряд других академических институтов, пользовался определенными привилегиями в культурной сфере. Так, в ИМЭМО, еще до этого события, прошла выставка замечательной художницы Алисы Порет, на которую официальные круги смотрели косо, поскольку она была в прошлом тесно связана с ленинградской группой "обереутов" и непосредственно с Даниилом Хармсом. Весьма шумно в Институте прошла "творческая встреча" с Ильей Глазуновым. Выставлялись в ИМЭМО и другие художники.
>
> Однако на этот раз дело обстояло иначе. В день открытия выставки, когда в зал еще никого не пускали, я с моей женой, Наталией Брагиной, проникли туда, в силу близкого знакомства с организаторами, и были поражены размерами и качеством экспозиции. На выставке были представлены работы самых известных из числа так называемых "чуланных" художников. (Это название они получили потому, что ни у кого из них не было приличной мастерской, которой владели все признанные властями художники. Все же остальные, в силу хронического жилищного кризиса, работали, в лучшем случае, в комнатушках типа чуланов.) Из имен, представленных на выставке, мне запомнились: О. Рабин, Е. Кропивницкий, Д. Плавинский, Б. Свешников, В. Немухин, Л. Мастеркова. Но это далеко не полный список.
>
> Я с наслаждением рассматривал экспонированные работы. Выставка была стилистически необыкновенно разнообразной. Пожалуй, в этом была

ее основная особенность и ее главное отличие от официальных выставок, которые, даже при наличии интересных работ, отличались удивительной монотонностью, своего рода "советским каноном". В ней, на мой взгляд, не было ничего антисоветского. Правда, уже после ее запрета, некоторые "партийные товарищи" доверительно объясняли взволнованному институтскому сообществу, которому так и не удалось увидеть выставку, что на одной картине Рабина "в воде видно отражение церкви, но над водой церковь отсутствует!". Может быть, что-то в таком духе и было. Рабин очень острый художник. Но я, право, ничего такого не заметил. Может, мой взгляд привлекали "не протокольные", а иные качества живописи.

Тем временем на этаже происходило нечто непонятное. По коридору прохаживались люди, недвусмысленно говорившие, что выставку открывать нельзя. Слышались возмущенные фразы о политической провокации. Спустившись этажом ниже, я увидел, что в вестибюле уже неспокойно. В двери входили люди явно иностранного вида. Позже выяснилось, что это были аккредитованные в Москве журналисты. В самом факте прихода на выставку журналистов, казалось, не было ничего необычного. Но просто до этого не было прецедента прихода в Институт иностранцев без специального приглашения. К этому моменту на лестнице уже выстроилось живое заграждение для желающих попасть наверх. Слышались возмущенные возгласы собравшихся внизу. Именно в это время в Институте появился его директор Н.Н. Иноземцев, мрачно прошедший наверх мимо начальника первого отдела, начальника отдела кадров и секретаря парткома, ревностно охранявших территорию Института от вторжения нежелательных посетителей.

Буквально через полчаса после того, как мы с женой "тайно" осмотрели выставку, она была официально закрыта, так и не открывшись для посетителей. Администрация Института постаралась замять это событие и не допустить нежелательного резонанса на страницах советской прессы. А спустя некоторое время в Институте была установлена строгая пропускная система, и из сравнительно доступного для людей научного института он превратился в режимное учреждение. Слишком напугал блюстителей идейной чистоты этот выплеск несанкционированного искусства, привлекший такое повышенное внимание журналистов. Хотя последних можно понять — что еще им было делать в Москве, как не стремиться на любое событие, выходящее за рамки официальной рутины»[1].

«Козлами отпущения» в этой истории стали Александр Шебанов и Сергей Сосинский-Семихат. Оба они получили выговоры. Первый — как член КПСС, второй — как член комитета комсомола.

Вообще, надо сказать, в общении с неформальным изобразительным искусством Институту роковым образом не везло. В начале 1974 г. небольшая группа молодых научных сотрудников ИМЭМО (пять-шесть человек, в том числе и автор этой книги) побывала на квартире у художника Александра Меламида[2] и ознакомилась с его работами и с работами его жены —

[1] Из воспоминаний д.э.н. Ю.Б. Кочеврина, любезно предоставленных им в распоряжение автора.

[2] Отец художника, профессор Д.Е. Меламид (Мельников), заведовал европейским сектором в ИМЭМО, но к истории с визитом институтских коллег к своему сыну отношения не имел.

Екатерины Арнольд, тоже художницы[1]. Алик Меламид и его друг Виталий Комар работали совместно и были известны как создатели нового направления в искусстве советского авангарда 70-х годов — «соцарта». Искусство Меламида — Комара, отмеченное озорством и даже мистификацией, к тому времени было уже «широко известно в узких кругах», а сами художники-изгои, как вскоре выяснилось, находились «под колпаком» КГБ.

Через несколько дней после этого «культпохода» на Ленинский проспект, где проживал Меламид, всех его участников поодиночке стали вызывать «на исповедь». С каждым была проведена профилактическая беседа о недопустимости контактов с «художниками-антисоветчиками». Вразумляли нарушителей идеологической дисциплины (надо признать, с разной степенью ретивости, а иногда даже и с нескрываемым сочувствием) секретари партбюро тех отделов, в которых они работали. Досталось «на орехи» побывавшему у Меламида Николаю Косолапову, помощнику Иноземцева, которому объяснили, что столь легкомысленным поведением он подставляет под удар не только себя, но и своего шефа, кандидата в члены ЦК КПСС. Но хуже всего обошлись с талантливым молодым экономистом Т.К. Беседовавший с Т.К. представитель Дирекции, которого некоторые подозревали, возможно и безосновательно, в связях с «органами», в весьма грубой форме напомнил ему о пресловутом «пятом пункте» и пообещал, что он «первым вылетит из Института», если не будет вести себя надлежащим образом. Через некоторое время оскорбленный таким обхождением Т.К. сам ушел из ИМЭМО и даже сменил специальность.

Что же касается Меламида и Комара, то спустя полгода они стали участниками знаменитой «бульдозерной выставки», устроенной 15 сентября 1974 г. «на пленэре» в районе окраинного и не застроенного в то время Беляево-Богородское (теперь на этом месте, у выхода из станции метро «Коньково», расположен супермаркет)[2]. На этой скоротечной выставке были замечены и отдельные сотрудники ИМЭМО. Среди них 58-летний профессор Д.Е. Меламид, который, несмотря на возраст и тщедушную комплекцию, мужественно отбивал у «народных дружинников» картины своего сына и сносил их в стоявший неподалеку старенький «Москвич». И все же несколько работ Александра Меламида и Виталия Комара спасти не удалось. Они погибли под гусеницами бульдозеров и экскаваторов, как и целый ряд работ других художников[3].

---

[1] Екатерина Арнольд, занимавшаяся тогда преимущественно портретной живописью, — родная сестра всемирно известного математика, лауреата Ленинской премии (1965), академика (с 1990 г.) В.И. Арнольда, который в 60—70-е гг. был невыездным и даже преследовался властями за неоднократные выступления в защиту своих коллег-ученых, подвергавшихся политическим гонениям.

[2] В этой не санкционированной властями выставке приняли участие 24 художника-авангардиста: А. Меламид, В. Комар, О. Рабин, Л. Мастеркова, В. Немухин, Е. Рухин и др. Едва открывшись, выставка была буквально разгромлена «народными дружиниками» с помощью бульдозеров и экскаваторов, вызванных якобы для проведения на пустыре в Беляево лесопосадочных работ.

[3] В 1977 г. А. Меламид и В. Комар эмигрировали из СССР и обосновались в США, где вскоре вошли в число наиболее известных американских художников.

Скандал с «бульдозерной выставкой», о разгроме которой в тот же день сообщили все мировые информационные агентства, всерьез напугал власти. Уже 29 сентября того же года на поляне московского парка «Измайлово» открылась первая в СССР однодневная официально разрешенная выставка 70 художников-нонконформистов. Она получила название «Полдня свободы»[1].

А 20 февраля 1975 г. на ВДНХ, в павильоне «Пчеловодство», открылась новая выставка художников-нонконформистов. За время работы выставки ее посетили большинство научных сотрудников ИМЭМО, располагавшегося тогда по соседству с ВДНХ.

Следующая история связана с именем молодого, подававшего надежды научного сотрудника Александра Гаджиевича Шахназарова.

Он родился в 1947 г. в интеллигентной московской семье. Его отец был врачом в поликлинике МГУ. Мать работала в Институте органической химии АН СССР. По окончании средней школы Александр Шахназаров год отработал техником-лаборантом в академическом НИИ, а в 1965 г. поступил на вечернее отделение экономического факультета МГУ. В октябре 1966 г. он был принят на работу в отдел технико-экономических исследований (ОТЭИ) ИМЭМО в качестве научно-технического сотрудника, а три года спустя был переведен в сектор экономики и государственно-монополистического регулирования США. Этим сектором заведовал заместитель директора Института д.э.н. С.М. Меньшиков, обративший внимание на способного молодого сотрудника. Шахназаров был симпатичным, располагавшим к себе человеком.

Гром грянул в сентябре 1971 г., когда было созвано внеочередное заседание комитета комсомола Института. Собравшихся буквально ошарашили сообщением об «антисоветском» поведении члена ВЛКСМ Александра Шахназарова, который, встречаясь в частном порядке с иностранцами (что само по себе было запрещено), позволял себе грубые выпады по адресу советской власти. Но самое главное его прегрешение состояло в том, что он, якобы, был сообщником некоего Михеева, пытавшегося бежать на Запад. Был поставлен вопрос об исключении Шахназарова из комсомола и его увольнении из Института.

Дмитрий Симис, исполнявший тогда обязанности секретаря комитета ВЛКСМ, а также некоторые другие члены комитета выразили сомнения в обоснованности выдвинутых против Шахназарова обвинений.

В это время слово попросил присутствовавший на заседании, никому не известный человек с невыразительным лицом, представившийся сотрудником Дзержинского райотдела КГБ, курировавшего ИМЭМО. Чекист вынул из портфеля сброшюрованную папку с документами. В нескольких местах в ней были закладки. Он открывал папку на месте очередной закладки и зачитывал отмеченные им места, иногда по целой странице, а то

[1] Вскоре властями было принято решение о создании при Московском горкоме графики секции живописи, в которую вошли многие из художников-нонконформистов, лишенных до тех пор какого-либо социально-профессионального статуса.

и по две-три. Это напоминало авторскую читку пьесы с диалогами действующих лиц — Шахназарова, его жены, супругов Михеевых и еще каких-то лиц с иностранными именами. По ходу чтения сотрудник КГБ давал соответствующие пояснения, которые не должны были оставить никаких сомнений в «грехопадении» Шахназарова. Из комментариев (да и из самого объема пухлой папки) стало ясно, что КГБ «разрабатывал» Шахназарова не со вчерашнего дня, слежка за ним и Михеевым велась, видимо, давно. Стало ясно, что это магнитофонная запись, сделанная с помощью «жучка». Разговор между Шахназаровым, его женой и их друзьями был записан в общежитии МГУ. Ничего не подозревавшие собеседники «перемывали кости» советскому режиму, которому досталось по полной программе — и за репрессии 30—40-х годов, и за Венгрию, и за Чехословакию, и за подавление всякой свободной мысли в собственной стране, и за бездарную экономическую политику, ведущую страну в тупик...

Но это были лишь «цветочки». Зачитывая избранные места, чекист постепенно приближался к кульминации «пьесы», когда супруги Шахназаровы и их друзья перешли к детальному обсуждению плана побега из СССР в Финляндию, готовившегося Михеевым. Из зачитанных отрывков разговора следовало, что Шахназаров полностью поддерживал намерение «изменника Родины» Михеева, которому он дал даже ряд практических советов по реализации его плана.

Участники заседания были потрясены услышанным. Никому даже в голову не пришла мысль о противозаконности этой магнитной записи с точки зрения нормального судопроизводства. Но, как известно, такого рода записи и не фигурировали на процессах 50—80-х годов. Следствие обычно предъявляло их только подследственным и свидетелям (соучастникам), которых таким образом припирали к стене, заставляя признать подлинность записи. Далее все оформлялось протоколом допроса как добровольные показания того или иного лица.

Все эти вещи, понятные сейчас, тогда, в начале 70-х годов, были неведомы генетически запуганным советским гражданам — даже тем из них, кто работал в Институте мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР.

Когда встал вопрос о принятии решения по «персональному делу комсомольца Шахназарова», председательствовавший на заседании Дмитрий Симис, поддержанный членами комитета, предложил ограничиться строгим выговором с занесением в учетную карточку члена ВЛКСМ и обязательством взять Шахназарова «на поруки» комсомольской организации ИМЭМО в целях его «идеологического перевоспитания».

> «О чем вы здесь говорите? — резко ответил Симису чекист. — Какой строгий выговор?! Вы что, не понимаете, что Шахназаров может пойти под суд за пособничество изменнику Родины»[1]?

[1] Из личных воспоминаний автора.

И все же было решено отложить окончательное рассмотрение этого вопроса до очередного заседания комитета комсомола. За это время секретарь комитета ВЛКСМ Стас Кибирский (отсутствовавший на последнем заседании), его заместитель Дмитрий Симис и член комитета Игорь Иванов[1] должны были прояснить позицию директора Института и секретаря парткома по «делу Шахназарова»: согласятся ли Н. Иноземцев и С. Салычев поддержать комитет комсомола в защите Шахназарова. В результате им удалось выяснить, что КГБ категорически настаивает на его увольнении из Института, но вместе с тем он не намерен возбуждать против Шахназарова уголовное дело. Стало известно и другое — сам Шахназаров согласился с предложенным ему чекистами компромиссом.

Об этом он заявил на втором заседании комитета ВЛКСМ, собравшемся по его «персональному делу». Шахназаров сказал, что до конца осознал степень своей вины и готов ее искупить. В обмен на свободу он согласился с требованием КГБ о своем «перевоспитании в рабочем коллективе»[2].

В сложившейся ситуации комитету ВЛКСМ не оставалось ничего другого, как исключить Александра Шахназарова из комсомола. Приказом Дирекции от 28 сентября 1971 г. он был уволен из Института[3].

По каким-то своим соображениям в КГБ решили ограничиться публичным профилактированием Шахназарова, который был определен для «трудового перевоспитания» на один из московских заводов. На его научной карьере был поставлен крест. Нетрудно догадаться, что эта история сломала жизнь 24-летнему молодому человеку...

А год спустя весь Институт живо обсуждал первый в его истории случай эмиграции научного сотрудника. При этом речь шла не о мало кому известном человеке, а о Дмитрии Симисе, считавшемся одним из самых способных молодых ученых, подававших большие надежды. К тому же в течение нескольких лет он был заместителем секретаря комитета ВЛКСМ ИМЭМО.

История с отъездом на ПМЖ за рубеж могла в то время вызвать настоящий скандал, если бы Симис по собственной инициативе предусмотрительно не уволился из ИМЭМО, прежде чем подавать заявление на выезд из СССР[4]. Это избавило его самого от унизительных разбирательств в «трудовом коллективе» и в комитете комсомола ИМЭМО, а дирекцию и партком — от неизбежных объяснений в вышестоящих органах и очевидных неприятных последствий (хотя полностью последних избежать не удалось).

---

[1] Будущий министр иностранных дел России Игорь Иванов был в то время помощником директора ИМЭМО Н.Н. Иноземцева, а Дмитрий Симис — одним из ближайших сотрудников секретаря парткома С.С. Салычева.

[2] Тридцать лет спустя, летом 2003 г., случайно встретив Шахназарова в метро, я попросил его изложить свою версию той давней истории, но Александр Гаджиевич решительно отказался это сделать и поспешно удалился. — *П.Ч.*

[3] Личное дело А.Г. Шахназарова // Архив ИМЭМО РАН. Этот приказ был издан под грифом «Для служебного пользования», дабы не привлекать к «делу Шахназарова» излишнего внимания.

[4] Д. Симис вначале взял очередной отпуск и еще до его окончания подал заявление об увольнении из Института.

Дмитрий Константинович Симис, широко известный теперь как американский политолог Д. Саймс, родился в Москве в 1947 г. в интеллигентной семье. Его отец читал курс международного права в МГИМО, пока не был оттуда изгнан в период антисемитской компании по борьбе с «безродными космополитами». Впоследствии он работал в Институте советского законодательства в должности старшего научного сотрудника. Мать Симиса, Дина Каминская, состояла в Московской городской коллегии адвокатов. Широкую известность ей принесло участие в качестве защитника на процессах диссидентов. Она защищала Юрия Галанскова, Павла Литвинова, Владимира Буковского, Илью Габая и других «внесистемных диссидентов». Участие в этих процессах превратило саму Дину Каменскую в активного правозащитника с устойчивой диссидентской репутацией, за что ее исключили из Московской коллегии адвокатов, а в 1977 г. вынудили эмигрировать из СССР.

Стоило ли удивляться, что ее сын Дмитрий едва не попал в число диссидентов. По окончании средней школы в течение года он работал научно-техническим сотрудником в Государственном Историческом музее, а затем поступил на дневное отделение исторического факультета МГУ, откуда со второго курса вынужден был перейти на заочное, после того как вступил в опасную полемику с преподавателем истории КПСС относительно оценки ленинских трудов. Одновременно Симис устроился на работу в Фундаментальную библиотеку общественных наук АН СССР (ныне ИНИОН РАН).

Продолжая заочную учебу на истфаке, Дмитрий, серьезно заинтересовавшийся антропологией, в 1966 г. поступил на дневное отделение биолого-почвенного факультета МГУ. Правда, проучиться там ему довелось всего один семестр. В январе 1967 г. Симиса отчисляют с дневного отделения биофака за «антисоветские высказывания» на молодежном диспуте, посвященном осуждению войны США во Вьетнаме. Дмитрий и кое-кто из его друзей-студентов позволили себе усомниться в целесообразности фактического участия СССР в войне на стороне Вьетнама, получавшего обильные поставки в виде вооружений, продовольствия и денежных средств, столь необходимых собственной стране для нормального экономического развития. Устроителям диспута из горкома комсомола не понравились и высказывания Дмитрия Симиса о необходимости «улучшения социализма».

Пришлось доучиваться на заочном отделении истфака. Диплом по одной из проблем новейшей истории США он защитил в 1969 г. Научный руководитель дипломной работы намеревался взять Дмитрия Симиса к себе в аспирантуру, однако Ученый совет факультета, руководствуясь сугубо идеологическими соображениями, выдал Симису не целевую (для МГУ), а общую рекомендацию в аспирантуру.

Впрочем, это уже не имело принципиального значения для Дмитрия. Еще в сентябре 1967 г. ему удалось устроиться на работу в Институт мировой экономики и международных отношений. Как вспоминает сам Симис, помогли прежние связи отца, у которого когда-то учились его, ставшие уже докторами наук и профессорами, бывшие студенты — Н.А. Сидо-

ров, Г.И. Морозов и В.М. Шамберг. Первый был заместителем директора ИМЭМО, а два других заведовали там отделами.

Дмитрий Симис был зачислен в группу США Отдела информации, которым в то время руководил Владимир Михайлович Шамберг. Начав с более чем скромной должности научно-технического сотрудника с месячным окладом 74 рубля, Симис очень скоро выдвинулся в число наиболее перспективных молодых ученых, хотя к тому времени еще не получил диплом о высшем образовании. Он активно включается в общественную работу, много и успешно выступает с публичными лекциями по международной проблематике, становится членом, а затем и заместителем секретаря комитета ВЛКСМ ИМЭМО.

В октябре 1970 г. его переводят из отдела информации в сектор политических проблем антимонополистической борьбы. Заведующий сектором С.С. Салычев доверил Симису разработку самостоятельной темы, что для старшего научно-технического сотрудника было исключением из правил. Еще через год Симис успешно проходит конкурс на замещение должности младшего научного сотрудника по специальности «социально-политические проблемы США». К весне 1972 г. у него уже была написана одобренная научным руководителем (А. Брычковым) и сектором кандидатская диссертация. Предстояла скорая защита.

Из служебной характеристики Д.К. Симиса (декабрь 1971 г.):

> <...> «За четыре года работы в Институте тов. Симис Д.К. зарекомендовал себя инициативным, исполнительным и творчески мыслящим работником, глубоко интересующимся проблемами политической борьбы трудящихся в странах развитого капитализма. Все плановые работы и отдельные задания выполнялись им своевременно и на высоком научно-теоретическом уровне. За безупречную работу тов. Симис Д.К. был трижды премирован. На конкурсе работ младших научных сотрудников без степени ИМЭМО 1971 года его статья "Рабочий класс в политической жизни США" (объем — 1 п.л.), подготовленная к публикации в "Информационном бюллетене ИМЭМО", была удостоена второй премии.
>
> Помимо этого тов. Симисом Д.К. опубликовано восемь научных статей по проблемам антимонополистической борьбы в США общим объемом около 5 печатных листов.
>
> Тов. Симис регулярно выступает со статьями по социально-политическим проблемам США на страницах периодической печати ("Комсомольская правда", "Литературная газета" и т.д.)
>
> В настоящее время тов. Симис Д.К. приступил и успешно справляется с разработкой темы по вопросам достижения рабочего единства в странах развитого капитализма. Одновременно тов. Симис успешно работает над своей диссертационной работой по теме "Новое левое движение в антимонополистической борьбе США", рукопись которой в объеме 10 печ. листов представлена для обсуждения на заседании сектора. Им отлично сданы все экзамены кандидатского минимума.
>
> Хорошую производственную работу тов. Симис Д.К. сочетает с большой общественной деятельностью, являясь зам. секретаря комсомольской организации Института, председателем бюро международной секции Лек-

торской группы МГК ВЛКСМ. Часто выступает с лекциями по заявкам МГК КПСС». <...>[1]

Казалось бы, перед Симисом открывалась перспектива карьеры преуспевающего научного работника. И вдруг 3 июля 1972 г. он подает в дирекцию обескураживающее заявление об увольнении из Института.

Д. Симиса приглашает к себе в кабинет Е.М. Примаков, замещавший тогда отсутствовавшего Н.Н. Иноземцева, и просит объяснить, что побудило его к столь неожиданному решению.

Симис сообщил Примакову о намерении добиваться выезда из СССР на ПМЖ в США, подчеркнув, что решение его твердое и окончательное. Поскольку он понимает, что это может повредить репутации Института в глазах инстанций, то и решил прежде уволиться из ИМЭМО, а уж затем начать оформление документов на выезд.

Предложенный вариант в принципе вполне устраивал дирекцию, так как избавлял ее от неприятной необходимости разбираться с «делом Симиса». Тем не менее, Примаков посоветовал Симису еще раз подумать о целесообразности его намерений, заявив о готовности оставить его в Институте. Убедившись в тщетности своих усилий, Евгений Максимович подписал заявление Симиса, уже завизированное С.С. Салычевым, который был буквально потрясен решением своего любимца. В скором времени и сам Салычев покинет ИМЭМО, перейдя на работу в Институт всеобщей истории...

«Одиссея» с отъездом Дмитрия Симиса из Советского Союза затянулась более чем на полгода. За это время ему даже довелось в ноябре 1972-го отсидеть две недели в КПЗ за участие в какой-то акции протеста в здании Центрального телеграфа, на улице Горького (ныне Тверская), в самом центре Москвы. В действительности Симис не имел прямого отношения к этой акции, хотя был знаком с ее участниками. В это время он сидел со своей приятельницей в одном из кафе по соседству с Центральным телеграфом. Выйдя из кафе, Дмитрий подошел к телеграфу, у которого собралась толпа зевак. Здесь он согласился выполнить просьбу одного из иностранных корреспондентов, которых милиция не пропускала к заблокированным в здании диссидентам, выяснить, каковы их требования. Симис сумел пройти внутрь, переговорить со своими знакомыми, а затем передать представителям иностранной прессы заявление протестующих. За это он и был задержан вместе с ними.

В конечном счете его вопрос благополучно разрешился после вмешательства премьер-министра Франции Жака Шабан-Дельмаса и сенатора Губерта Хэмфри, бывшего вице-президента США, которые лично обратились с соответствующими просьбами к главе советского правительства А.Н. Косыгину. Оба именитых ходатая действовали под давлением меж-

[1] Характеристика подписана академиком Н.Н. Иноземцевым, секретарем парткома С.С. Салычевым, председателем месткома С.М. Загладиной и секретарем комитета ВЛКСМ Л.С. Воронковым (личное дело Д.К. Симиса. Архив ИМЭМО РАН).

дународных еврейских организаций, боровшихся за свободу выезда для советских евреев.

В январе 1973 г. Дмитрий Симис наконец покинул Москву и через Вену направился в США.

Оказавшись в Новом Свете, он поставил перед собой весьма амбициозную цель — не только интегрироваться в американское общество, но и войти в первый ряд ведущих специалистов по Советскому Союзу. Учитывая, сколько видных советологов в годы холодной войны возделывали эту благодатную почву, поставленная цель была, мягко говоря, труднодостижимой. Тем не менее со временем она была достигнута.

Этому помогли не только природные способности и целеустремленность Симиса, сумевшего быстро адаптироваться в новой среде и успешно переквалифицироваться из советского американиста в американского советолога, но и верно выбранная им позиция, с которой он анализировал ситуацию в СССР. В отличие от многих советологов в США (особенно из числа бывших советских граждан), кормившихся от банальной антисоветской пропаганды, Дмитрий Симис пытался понять смысл и направление эволюции советского режима и на этой основе прогнозировать будущее отношений двух сверхдержав.

Безусловно, ему помогли связи, установленные с влиятельными кругами в Республиканской партии. Вскоре после приезда в США он наладил контакт с Ричардом Перлом — в то время помощником сенатора Генри М. Джексона (одного из авторов знаменитой «поправки Джексона — Вэника», заблокировавшей в 1974 г. экономические отношения между СССР и США). Р. Перл считался восходящей звездой на вашингтонском Олимпе[1]. Очень скоро, правда, пути Симиса и Перла разошлись. Симис с самого начала ориентировался на умеренных республиканцев, проявлявших готовность к диалогу и сотрудничеству с Советским Союзом, а Перл принадлежал к воинственно настроенному правому крылу Республиканской партии, призывавшему вашингтонскую администрацию к силовому подходу в отношениях с СССР.

У Симиса сложились добрые отношения с Брентом Скоукрофтом, который станет советником по национальной безопасности президентов Джеральда Форда и Джорджа Буша-старшего, а также с Джеймсом Шлезинджером, одно время возглавлявшим ЦРУ и Министерство обороны США. При поддержке своих влиятельных друзей Д. Симис возглавил Центр советских и европейских исследований Фонда Карнеги, которым руководил более десяти лет.

Еще в середине 80-х годов он познакомился с бывшим президентом США Ричардом Никсоном и вскоре стал одним из наиболее близких его сотрудников. Дмитрий Симис сопровождал Никсона во время его последних приездов в Россию. Незадолго до смерти бывшего президента-республиканца

[1] В администрации Р. Рейгана он займет пост заместителя министра обороны США. В 2000 — 2003 гг. Р. Перл был председателем Совета по оборонной политике при Министерстве обороны США и одновременно неофициальным советником президента Джорджа Буша-младшего.

в 1994 г. на базе Фонда Никсона был создан одноименный Исследовательский центр, директором которого был назначен Дмитрий Саймс[1], ведущий американский эксперт по политическим проблемам современной России. В 2000-е гг. Саймс становится президентом Центра национальных интересов (Вашингтон), близкого к республиканской партии.

Такова необычная судьба одного из бывших сотрудников ИМЭМО. Надо сказать, что после отъезда из СССР он никогда не говорил ничего дурного об Институте, в котором проработал без малого пять лет.

Дмитрий Саймс подтверждает и сегодня, что ИМЭМО в советские времена, в условиях холодной войны, играл важную и — главное — весьма позитивную роль в поисках новых, реалистических подходов к отношениям с Западом. Вот его мнение по этому поводу, выраженное в письме к автору книги:

> «Я думаю, что ИМЭМО играл достаточно конструктивную роль в советский период. Хотя его влияние на принятие текущих политических решений было ограниченным, тем не менее, Институт внес весомый вклад в этот процесс. Во-первых, он оказывал значительное влияние на обсуждение внешнеполитических вопросов, внося элементы реализма и свежие мнения. Во-вторых, некоторые его ведущие исследователи имели прямой выход на высшее руководство и были в состоянии, посредством участия в написании речей и партийных постановлений, сделать эти документы менее доктринерскими. И наконец, Институт являлся школой формирования специалистов в области внешней политики с неортодоксальными взглядами. Некоторые из них заняли видные посты в эпоху перестройки и в постсоветский период. Как человек, в течение 30 лет работающий в американских "мозговых центрах" и знающий многих политических деятелей США, я полагаю, что лучшие и наиболее талантливые ученые из ИМЭМО, действовавшие в сложных и уникальных советских условиях, по своему интеллектуальному потенциалу и порядочности — если не по своей научной продукции — не уступали своим американским коллегам»[2].

Подводя итог, можно констатировать, что «инакомыслие» в ИМЭМО, применяя понятие, предложенное Е.М. Примаковым, в целом носило «внутрисистемный», вполне мирный характер. Либералы, конечно же, критиковали между собой режим, но пресловутый «кукиш» предпочитали «держать в кармане». В связи с этим можно вспомнить одну историю, относящуюся к 1980 или 1981 году. В один из летних дней на цокольном этаже здания ИМЭМО появилась нацарапанная чем-то острым крупная надпись: «КПСС — ГРУППА ГЛУХИХ СОГЛАСНЫХ». Вскоре на место происшествия явились сотрудники КГБ, которые сначала сфотографировали эту возмутительную надпись, затем вырезали болгаркой несколько облицовочных плиток, на которых она была сделана, и увезли «вещдок» в свою

---

[1] Получив американское гражданство, Дмитрий Симис привел свою фамилию в соответствие с правилами английской орфографии.

[2] Письмо Д. Саймса от 25 февраля 2003 г., адресованное П. Черкасову (из личного архива автора).

контору на экспертизу. Насколько известно, автора этого антисоветского демарша установить не удалось, но в органах не без оснований могли предположить, что он «затаился» на одном из этажей здания ИМЭМО.

Примером характерного для советских времен «раздвоения личности» у многих интеллигентов-либералов, их своеобразной «внутренней эмиграции», может служить один из старейших и ведущих ученых ИМЭМО, доктор экономических наук Яков Александрович Певзнер, который в течение нескольких десятилетий вел дневниковые записи, опубликованные только в 1995 г. Среди советских экономистов он был одним из самых образованных марксистов. Судя по его дневниковым записям, по крайней мере к концу 60-х годов Певзнер окончательно разочаровался и в «реальном социализме» и в ленинизме как политической теории.

Из дневниковых записей Я.А. Певзнера, относящихся к 70-м годам:

<...> (1970 г.). «Неужели мы обречены на вечный "кукиш в кармане", неужели нам грозят столетия загнивания и судьба древних царств и империй, Египта, Вавилона, Рима? В истории есть примеры не только гибели сил, бывших или казавшихся могучими, но и сохранения и обретения могущества силами, казавшимися поверженными или ничтожными. Это — христианство. Это история еврейского народа после его изгнания из Иудеи. Это — масонские братства. Это — Индия и Китай. А вспомните Бухенвальд, где в глубоком подполье, в подвале была "комната Тельмана", где обреченные, казалось бы, люди создали партийную организацию.

Да-да, надо помнить и то, и другое. И безвозвратную гибель одних, и воскрешение из пепла других. Но главное — надо видеть, что, если другие народы погибали от внешних сил, то советскому народу угрожают гибелью силы внутренние. <...>

На днях я слушал доклад члена коллегии Госплана, некоего Роговского. Он привел цифры, обнаруживающие очень плохое положение в хозяйстве, а потом добавил: мы не можем публиковать такие цифры, у нас ведь прекрасная молодежь, верящая в наше дело. Мы должны ее оберегать от видения наших недостатков и недоработок. Ну, а правительство? Его мы должны информировать, но осторожно, так, чтобы наша нынешняя информация не пришла в столкновение с прежними данными, которые мы им давали. Так прямо и сказал перед сотней слушателей. <...>

Наш общественный строй — яркий пример справедливости известной поговорки: "Бог правду знает, да не скоро скажет". Теоретическая вздорность и нелепость нашего общественного устройства, нашего антисоциализма вполне ясны, но разве есть какая-нибудь видимая перспектива его ликвидации? Это тот случай, когда нельзя жить будущим. "Светлое будущее" такой же вздор, как и светлое настоящее. <...>

(1971 г.). Мы везде держимся только силой оружия. Наше идейно-политическое влияние ничтожно. Уйди наши войска из Польши, Венгрии, Чехословакии или ГДР — сколько бы там продержались просоветские правительства? Месяца бы не продержались. А компартии? В Италии и Франции некоторые успехи только потому, что они (компартии) против нас. После того, как в 1969 году справили 50-летний юбилей давно распущенного Коминтерна, в капиталистических странах, за редким исключением

(Италия — и то надолго ли?), нет массовых компартий, которые могли бы претендовать на демократическое участие в правительстве. <...>

Продумали ли Вы, уважаемый товарищ Певзнер, до беспощадного конца: что было бы, если бы у нас победила демократия? С государственной точки зрения развал немедленный и неотвратимый: кроме Белоруссии, все бы вышли из Союза... В социальном смысле — немедленное и неотвратимое возрождение мелкой собственности и крупной частной торговли. В общежитейском смысле — все потенциальные силы гангстеризма во всех его разновидностях в действии (если что и доказано до конца, так это то, что воровство и гангстеризм вовсе не связаны с частной собственностью). В нашем социалистическом отечестве воруют гораздо больше, так как у государства воровать гораздо легче, чем у частного лица. У нас получить незаконно эшелон дефицитного леса легче, чем вору украсть бумажник. Казнокрадство — вот объект деятельности сотен и сотен тысяч "воров-чародеев". <...>

Все, что партийные органы делают в области "социалистического соревнования" и в хозяйстве, — это показуха и очковтирательство, обман других и себя, бесцельная или вредная растрата сил. Но стоит им узнать о том, что на вверенных им участках появился машинописный экземпляр романа Солженицына, что кто-то рассказывает о содержании иностранных радиопередач, как тут же подымается на ноги и хватается за мечи "вся королевская рать". Исходя из существующих реальностей, я не вижу в настоящее время иного пути, кроме создания нелегального или полулегального духовного братства свободы. <...>

Люмпен-интеллигенция. Союз люмпен-пролетариата и люмпен-интеллигенции — такова была социальная основа Октября. <...>

(1975 г.). Нельзя придумать ничего более фарисейского, более отвратительного, чем формула "развитой социализм". Христианство обещает рай на небе, а землю объявляет юдолью слез. Здесь — скорей беспомощность, чем фарисейство. "Развитой" же "социализм" — это чистый и целеустремленный обман. В экономическом плане он основан на том, что завершено обобществление средств производства. Во времена Сталина еще добавлялось: "самые высокие темпы роста", "прогресс в решении задачи 'догнать и перегнать'".

Теперь очевиден провал полный, по всем пунктам. При полном обобществлении средств производства — самые низкие (возможно даже отрицательные) темпы роста и неотвратимое движение страны в разряд отсталых. Заработки (легальные и нелегальные) обратно пропорциональны трудовому вкладу, общественной полезности труда. <...>

Прогрессивное общество, основанное на демократии, постоянно очищается от подонков, исторгает их из себя, как организм исторгает нечистоты. Наш строй прямо противоположен: вся его история, начиная с разгона Учредительного собрания и до сегодняшнего дня — история исторжения или уничтожения (больше всего уничтожения) лучших во всех областях — в хозяйстве, в культуре, в государственном управлении и одновременного умножения подонков и их вживания в общественный организм. Где есть так много работающих алкоголиков? Где есть столько взяточников? У них банкроты стреляются, вешаются, упрятываются в тюрьмы. У нас "снимают за развал и направляют на укрепление", и банкроты у нас во всех высших звеньях власти, особенно в Политбюро». <...>[1]

[1] *Певзнер Я.А.* Вторая жизнь. М., 1995. С. 331, 336, 358, 361—363, 383.

Так или примерно так думал не один только Я.А. Певзнер[1], но и другие либералы, работавшие в ИМЭМО. Тем не менее никто из них, за редким исключением, открыто не посягал «на основы». Относительное спокойствие сохранялось вплоть до апреля 1982 г., когда в ИМЭМО неожиданно обнаружились два «отщепенца-антисоветчика», арестованные органами КГБ[2]. Эта история, о которой будет еще рассказано, имела самые серьезные последствия для Института.

[1] Напомню, что д.э.н. Я.А. Певзнер руководил в ИМЭМО отделом Японии, неоднократно избирался в партбюро и в партком Института, принимал активное участие в системе партийной учебы. Но нигде и никогда он, прошедший суровую школу сталинизма, не высказывал своих истинных убеждений. Тем не менее в КГБ, по всей видимости, существовали какие-то сомнения в отношении Певзнера, которого вплоть до горбачевской перестройки упорно не выпускали за границу. Можно предположить, что недоверие КГБ к Я. Певзнеру, помимо прочего, вызывалось одним эпизодом в его биографии. В начале 40-х гг., будучи агентом Разведупра ВМФ в Китае, он был там арестован «за подрывные действия против японской армии» и брошен в тюрьму, где подвергался пыткам. В 1945 г. его обменяют на японского агента, захваченного чекистами. В 1994 г. правительство Японии отметит научные заслуги профессора Я.А. Певзнера в японистике орденом Благородного сокровища 3-й степени, а у себя на родине он будет числиться в «невыездных» до семидесяти семи лет.

[2] Сосредоточив все старания на выявлении, через своих осведомителей, «идейно неустойчивых» научных сотрудников, допускавших неосторожные высказывания, КГБ благополучно «прошляпил» агента американских спецслужб, который в конце 70-х годов работал в ИМЭМО. Как станет известно уже в середине 90-х, этот сотрудник ИМЭМО (назовем его Н.С.) был завербован агентом ФБР Олдричем Эймсом, когда работал в Нью-Йорке в качестве международного чиновника ООН и через свои связи в советской колонии в США мог быть полезен американцам. В 1977 г. он вернулся в ИМЭМО, откуда уезжал в командировку в США. Трудно, правда, представить, какую ценную информацию могли получать американцы из академического института, «питавшегося» публикациями из зарубежной, в том числе американской, печати. В конце 80-х годов Н.С., к тому времени работавший уже в другом институте, беспрепятственно выехал в США по частному приглашению и не вернулся, благополучно избежав тем самым разоблачения. Это тем более странно, что, как впоследствии стало известно из американской печати, О. Эймс — к тому времени уже агент-двойник — по крайней мере дважды «сдавал» Н.С. КГБ, который почему-то проигнорировал полученные сигналы. Тем временем чекисты из идеологического главка КГБ, руководимого печально известным генералом Бобковым, продолжали усердно разрабатывать и профилактировать в ИМЭМО потенциальных диссидентов.

Глава 8

«ЗОЛОТОЙ ВЕК» В ФОРМАТЕ ЗАСТОЯ (ИМЭМО В 70-Е ГОДЫ)

Основные направления исследований

Научная деятельность ИМЭМО, как и всякого советского учреждения, строилась на плановой основе, определявшейся пятилетними и годовыми планами научно-исследовательских работ (НИР). Коррективы в эти планы могли вноситься директивными инстанциями (ЦК КПСС и СМ СССР), а также Президиумом Академии наук[1].

Разработка проектов пятилетних планов ИМЭМО осуществлялась вполне демократично. Она проходила через несколько этапов: определение основных направлений НИР Института в предстоящем пятилетии, программы научных исследований по каждому направлению, обсуждение отдельных частей проекта пятилетнего плана НИР и плана в целом в секторах, отделах, на Ученом совете и на расширенном заседании Дирекции. Такой порядок позволял всем научным сотрудникам быть в достаточной степени информированными о направлениях проводимых исследований и о перспективах работы Института.

На протяжении 70-х годов, включивших в себя две пятилетки, деятельность ИМЭМО осуществлялась по восьми строго определенным научным направлениям, обозначившимся еще в предыдущее десятилетие.

1. Современный капитализм. Его противоречия и тенденции развития в условиях борьбы двух систем, особенности общего кризиса капитализма на современном этапе.
2. Прогнозирование развития экономики, науки и техники, внутренних социальных процессов в капиталистическом мире и возможных изменений в международной обстановке.
3. Научно-техническая революция и эффективность хозяйства главных капиталистических стран.
4. Мировое капиталистическое хозяйство. Международные экономические отношения на современном этапе.

[1] Параллельно Институт в оперативном порядке продолжал выполнять многочисленные внеплановые задания директивных органов, а также направлять туда инициативные записки и другие разработки.

5. Основные тенденции развития международных отношений и борьба за упрочение принципов мирного сосуществования государств с различным социальным строем.
6. Теоретические и политические аспекты проблем перехода от капитализма к социализму в современных условиях. Проблемы пролетарского интернационализма.
7. Национально-освободительное движение и пути развития стран Азии, Африки и Латинской Америки.
8. Критика буржуазных, реформистских, ревизионистских идеологических концепций экономического и социально-политического развития современного капитализма[1].

Приведенный перечень показывает, что и в 70-е годы в работе ИМЭМО немаловажное место занимал комплекс вопросов, порожденных пропагандистско-идеологическими императивами (необходимость изучения «общего кризиса капитализма» с его «неразрешимыми проблемами», поиски теоретического обоснования перехода от капитализма к социализму, разоблачение «несостоятельности» буржуазно-реформистских и иных концепций современного капитализма и т.д.).

Но ИМЭМО тем и отличался от многих советских научных центров гуманитарного профиля, что даже в условиях ужесточившегося в 70-е годы идеологического контроля находил возможности для творческого решения ставившихся перед ним, казалось бы, сугубо схоластических задач. Так, например, из работ сотрудников ИМЭМО, посвященных критике буржуазных теорий современного капитализма, заинтересованный читатель мог составить представление о развитии экономической мысли на Западе, о характере дискуссий между современными кейнсианцами и монетаристами, о концепции социального рыночного хозяйства и теории экономического роста, о новейших подходах западных экономистов к решению проблем инфляции и т.д.[2]

Заметным событием не только в советской, но и в мировой экономической науке стал выход в 1971 г. монографии старшего научного сотрудника ИМЭМО Ирины Михайловны Осадчей «Современное кейнсианство», переведенной и изданной впоследствии на десяти иностранных языках[3]. Это исследование очень высоко оценили в международном сообществе ученых-экономистов.

---

[1] 1-е и 4-е направления НИР ИМЭМО были выделены в самостоятельные в 1976 г. См.: Материалы о работе ИМЭМО АН СССР за 1970 – 1974 годы // Архив ИМЭМО РАН; Справка об основных направлениях научно-исследовательской работы ИМЭМО АН СССР за период 1975 – 1980 гг. // Там же.

[2] См., например: Буржуазная политэкономия и экономическая политика / Отв. ред. А.Г. Милейковский. М., 1972; Критика современной буржуазной политэкономии. М., 1977; *Пронин С.В.* Буржуазные теории распределения и политика доходов. М., 1977; *Пигулевская Е.А.* Теория экономического роста в буржуазной политэкономии Японии. М., 1976.

[3] В 1974 г. доработанный и дополненный вариант этой монографии – «От Кейнса к неоклассическому синтезу» – издали на английском и французском, а впоследствии на немецком, испанском, итальянском, португальском, болгарском, венгерском, польском и чешском языках.

Из письма Джона Итуэлла, директора отделения экономических исследований в Тринити колледж (Кембриджский университет, Великобритания), адресованного издательству «Прогресс», выпустившему книгу И.М. Осадчей:

> «<...> Разрешите выразить мои поздравления по случаю издания великолепной книги Ирины Осадчей "От Кейнса к неоклассическому синтезу" (1974 год).
>
> Эта книга является одним из лучших известных мне исследований развития теории "роста" после Кейнса и всех попыток неоклассических экономистов вновь ввести в экономику их устаревшие идеи (а также идеологию).
>
> Эта книга будет одним из основных учебных пособий в Тринити колледже и будет рекомендована для обязательного чтения всем студентам второго курса экономического факультета. <...>»[1].

Наверное, никто из советских экономистов, после академика Е.С. Варги, не удостаивался подобного лестного отзыва, да еще с родины Адама Смита...

Главенствующим направлением теоретических исследований в ИМЭМО было изучение современного капитализма, его характерных особенностей и новейших тенденций развития. Не имея возможности выходить из определяемых коммунистической идеологией рамок концепции «загнивания капитализма», экономисты ИМЭМО, тем не менее, смогли существенно их расширить. В работах, опубликованных в 70-е годы, была воссоздана приближенная к реальности картина современного капитализма. И эта картина отнюдь не свидетельствовала о предстоящем крахе капиталистической экономики, хотя наши экономисты, по вполне понятным причинам, не скупились на темные краски в изображении «хронических недугов» западной экономики[2]. Более того, даже в публиковавшихся сотрудниками ИМЭМО монографиях (не говоря уже о закрытых разработках, адресованных «инстанциям») ставились вопросы прогнозирования перспектив развития «исторически обреченного» капитализма.

Центром теоретических исследований современного капитализма в ИМЭМО был сектор (затем — отдел) общих проблем империализма и критики буржуазных экономических теорий, поначалу возглавлявшийся

---

[1] К этому письму было приложено еще одно, адресованное лично И.М. Осадчей, с поздравлениями и самой высокой оценкой ее труда. Оба письма датированы 21 марта 1975 года // Из личного архива И.М. Осадчей.

[2] См.: *Иноземцев Н.Н.* Современный капитализм: новые явления и противоречия. М., 1972; Углубление общего кризиса капитализма / Отв. ред. Н.Н. Иноземцев. М., 1976; *Далин С.А.* Послевоенный государственно-монополистический капитализм в США. М., 1972; *Никитин С.М.* Проблемы ценообразования в условиях современного капитализма. М., 1972; *Глушков В.П.* Корпорации, государство, экономика. М., 1972; Экономический рост в условиях ГМК: проблемы и противоречия / Отв. ред. А.Г. Милейковский, С.М. Никитин. М., 1975; *Добровинский Н.Б.* Япония: факторы эффективности в развитии экономики. М., 1975; *Певзнер Я.А.* Япония: государство в экономике Японии. М., 1976; Особенности процесса накопления в главных капиталистических странах / Отв. ред. Е.А. Громов. М., 1978.

д.э.н. Л.А. Мендельсоном, а затем членом-корреспондентом АН СССР (впоследствии академиком) А.Г. Милейковским.

Из воспоминаний доктора экономических наук Ирины Михайловны Осадчей:

«К началу 70-х годов в институте при самом активном участии А.Г. Милейковского была разработана по сути новая концепция капитализма, опиравшаяся на теорию государственно-монополистического капитализма и государственного регулирования капиталистической экономики (ГМК) и теорию нового этапа научно-технической революции (НТР), коренным образом изменившей техно-экономический базис современного капитализма. <...>

Опора именно на эти две теории и помогла вытащить из безнадежной ямы противоречий, несколько модернизировать марксистскую концепцию развития капитализма с его "загниванием", "обнищанием", "углублением антагонизмов". В результате теоретических исследований, базировавшихся на этих двух теориях, стало возможно объяснить и ускорение экономического роста, и повышение благосостояния широких слоев населения, и отсутствие больших кризисов, при этом не выходя за рамки марксистской парадигмы.

Такой подход позволил примирить догмы марксизма с реалиями развитого капитализма. Одним из примеров "примирения" была предложенная А.Г. Милейковским трактовка пресловутого "закона абсолютного и относительного обнищания трудящихся", который анализировался во многих учебниках, несмотря на его очевидные противоречия реальности. А.Г. Милейковский указывал, что этот закон преодолевается благодаря соревнованию двух систем, в ходе которого капиталисты вынуждены идти на уступки трудящимся. При таком объяснении от основных догм марксизма оставались только спасительное положение о "противодействующих тенденциях", благоразумно предусмотренных Марксом, и предположения, что по законам диалектики ГМК и НТР в конце концов придут в столкновение, обеспечив революционное преобразование капитализма, которое подобно построению коммунизма все более отодвигалось в далекое будущее. <...>

Надо сказать, что явные или не совсем явные изменения в подходах к анализу марксистской теории капитализма были связаны с острой политической борьбой во властных кругах. Это было время начавшейся разрядки международной напряженности, и в построении новой политической линии большое значение имела деятельность директора ИМЭМО Н.Н. Иноземцева, который особенно остро, а возможно даже трагически, ощущал растущее отставание Советского Союза от уровня жизни развитых капиталистических стран. Чтобы преодолеть это отставание, нужна была совершенно иная степень открытости (выделено в тексте. — *П.Ч.*) во внешний мир. И именно в этом вопросе ключевую роль играла модернизация теории капитализма. Если в обществе открыто говорилось о разрядке и проводилась соответствующая политика, то внутри руководства шла жестокая политическая борьба, в которой позиции противников разрядки были очень сильны. Можно сказать, что это была борьба между ретроградами и реформаторами»[1].

[1] *Осадчая И.М.* Абрам Герасимович Милейковский // Война и мир в судьбах ученых-экономистов. Очерки. Вып. 1. Волгоград, 2003. С. 20—22.

К этому можно добавить, что в отделе общих проблем капитализма выросла целая плеяда глубоко мыслящих экономистов-теоретиков, опиравшихся в своих исследованиях на детальное знание мировых и страновых экономических реалий современного капитализма, Среди них в первую очередь следует назвать И.Г. Блюмина, С.М. Никитина, А.В. Аникина, В.И. Кузнецова, В.Н. Шенаева и, разумеется, И.М. Осадчую, сменившую академика А.Г. Милейковского в качестве руководителя отдела. Аспирантом пришел в отдел Револьд Михайлович Энтов, ставший впоследствии действительным членом РАН, одним из ведущих российских экономистов.

Большое внимание в Институте уделялось изучению факторов обеспечения и стимулирования экономического роста на Западе, в частности, бюджетной, налоговой и монетарной политики. Ученые ИМЭМО анализировали особенности организации и управления международных корпораций, их деятельность в рамках национальных государственно-монополистических комплексов и диалектику взаимоотношений с правительствами, их роль на мировых рынках и в развивающихся странах. Серьезному изучению в Институте подвергались процессы, связанные с интенсификацией капиталистического хозяйства в условиях НТР, с эффективностью использования ресурсов материального производства, изменения в структуре производства и потребления, динамика и факторы повышения производительности труда. Глубоко и всесторонне исследовались новые явления в концентрации и централизации капитала, в движении финансового капитала и денежных потоков, особенностей ценообразования и инфляции. С конца 60-х годов постоянно проводился мониторинг состояния мировой валютной системы.

Результаты теоретического осмысления в ИМЭМО новых тенденций в развитии современного капитализма, выявленных в ходе многолетних исследований различных его аспектов, были обобщены в двухтомнике «Политическая экономия современного монополистического капитализма» (60 печатных листов), выпущенном издательством «Мысль» в 1975 г. под редакцией академика Н.Н. Иноземцева, члена-корреспондента АН СССР А.Г. Милейковского и д.э.н. В.А. Мартынова. Этот фундаментальный труд в 1977 г. был удостоен Государственной премии СССР.

О значении этого принципиально важного для всей отечественной экономической науки труда вспоминает один из руководителей авторского коллектива академик В.А. Мартынов, директор ИМЭМО в 90-е годы:

> «Сейчас трудно и объяснить и представить, каким вызовом всей официальной политической экономии стал сам отход авторского коллектива от категориальной логики I тома "Капитала" К. Маркса и схемы "Империализма, как высшей стадии капитализма" В.И. Ленина. Но дело, конечно, было не в этом или не столько в этом. "Политическая экономия современного монополистического капитализма" всем своим содержанием и пафосом была направлена против тех вульгарных воззрений о развитии современного капитализма, которые господствовали в учебной и пропагандистской литературе по политэкономии (об автоматическом крахе капитализма,

о неизбежности углубления циклических кризисов, о производительном и непроизводительном труде, о сфере услуг и т.д.). Ее авторы — даже потому, что были тогда марксистами — были просто обязаны пересмотреть (по словам наших идеологических оппонентов, "подвергли ревизии") целый ряд устаревших и потерявших силу положений, выдвинутых в свое время К. Марксом и В.И. Лениным.

Так, анализ данных о развитии капитализма после Второй мировой войны, проведенный в "Политической экономии...", не подтвердил, а скорее опроверг, в частности, выводы К. Маркса о таких закономерностях капиталистического развития, как закон роста органического состава капитала, абсолютный закон капиталистического накопления и абсолютного обнищания рабочего класса, тенденции нормы прибыли к понижению, раскола буржуазного общества на два класса: пролетариат и буржуазию, а также положений В.И. Ленина о законе преимущественного роста 1-го подразделения общественного производства по сравнению со 2-м, закона отставания сельского хозяйства от развития промышленности и ряд других.

Еще раз в этой связи стоит подчеркнуть, что "Политическая экономия..." не содержала ни ревизии, ни тем более отрицания марксистско-ленинского учения. Более того, для своего времени она стала — и это не преувеличение — венцом марксистской экономической науки в области исследования капитализма. В ее заключительной главе "Историческая неизбежность революционного низвержения капитализма", написанной Н.Н. Иноземцевым, он не только еще раз акцентировал внимание на тех выводах этой работы, которые говорили о новых явлениях в развитии капитализма и о значительных возможностях этой системы. В ней Н.Н. Иноземцев подчеркивал тезис о неизбежном углублении общего кризиса капитализма, наиболее глубоким и ярким проявлением которого является, как он писал, "сосуществование, соревнование, борьба двух мировых систем — социалистической и капиталистической". Он был глубоко убежден при этом в преимуществах системы социализма и ее конечной победе в мирном сосуществовании с капитализмом.

Сейчас можно и нужно, разумеется, это заключение "Политической экономии..." и самого Н.Н. Иноземцева воспринимать как историческую ошибку... Социализм не только не показал своих преимуществ перед капитализмом на стезе экономического соревнования, но и обнаружил свою историческую несостоятельность. Но это случилось гораздо позже, тогда же, в начале 70-х гг. Н.Н. Иноземцев и его многочисленные единомышленники, как в Институте, так и вне его верили (и боролись за это), что они смогут переломить уже тогда явно выявившиеся негативные тенденции социалистического развития с помощью реформ сверху. Как оказалось, эти верования были утопическими: партийная и советская бюрократия по своей природе была неспособна прислушиваться к голосу разума.

"Политической экономии современного монополистического капитализма" была присуждена Государственная премия, и в значительной мере в результате этого она стала действительным учебным пособием для большинства преподавателей политической экономии. Вот почему в той перестройке в умах молодого и не только молодого поколений советских людей, которая уже началась в конце 70-х гг., немалая роль принадлежит и этому труду о реальном капитализме»[1].

[1] Из воспоминаний академика В.А. Мартынова, любезно предоставленных им в распоряжение автора.

Важнейшим направлением НИР ИМЭМО в 70-е годы стало прогнозирование развития экономики, науки и техники, внутренних социальных процессов в капиталистическом мире и возможных изменений в международной обстановке. Усилия здесь были сосредоточены, прежде всего, на разработке методологии и методики прогнозирования[1], составлении фундаментальных средне- и долгосрочных прогнозов развития экономики, отдельных ее сфер и отраслей для развитых и развивающихся стран. Был выполнен ряд исследований, освещавших отдельные методы экономического прогнозирования[2], а также подготовлены практические рекомендации и материалы для использования (включая программы для ЭВМ) некоторых конкретных методик прогнозирования («Прогнозирование на проблемных сетях», серия брошюр, посвященных методам статистического анализа и прогнозирования и др.).

Наиболее важной работой Института в области средне- и долгосрочного прогнозирования в первой половине 70-х годов был «Прогноз основных тенденций и направлений экономического развития капитализма до 1990 г.» в четырех томах. Прогноз был выполнен и разослан в заинтересованные инстанции в 1972 году. В 1975-м он был скорректирован и дополнен. В этом фундаментальном труде, на базе анализа тенденций в международной обстановке и социально-политических процессов, протекавших в западных обществах, были исследованы и освещены главные факторы, проблемы и перспективы общего развития экономики Запада в целом, а также ведущих промышленно развитых и развивающихся стран, содержались прогностические оценки их важнейших общехозяйственных показателей, материального производства, главных его комплексов и отраслей. Необходимость проведенной в 1975 году корректировки прогноза была вызвана начавшимся процессом разрядки международной напряженности, а также новыми кризисными явлениями и процессами в западной экономике (прежде всего — поразившим ее энергетическим кризисом).

В 1972—1974 гг. ИМЭМО подготовил и издал работу «Динамика, структура и эффективность основного капитала и капитальных вложений в США, ФРГ и Японии. Тенденции развития за 1950—1970 гг. и прогноз до 1990 г.» (в двух книгах). В этом исследовании на основе оценок хода и результатов инвестиционного процесса на общехозяйственном уровне и по главным отраслям экономики указанных стран за 1950—1970 гг. был разработан прогноз динамики до 1990 г. размеров основного капитала и капиталовложений, фондоемкости и капиталоемкости продукции, пока-

---

[1] См.: Прогнозирование капиталистической экономики. Проблемы методологии. М., 1971; Вопросы комплексного прогнозирования / Отв. ред. Л.М. Громов, Е.М. Четыркин. М., 1975; Комплексное прогнозирование в экономике и международных отношениях. Вып. 2 / Отв. ред. Л.М. Громов, Е.М. Четыркин. М., 1976.

[2] См.: Проблемы экономического моделирования. М., 1972; Многомерные классификации в социально-экономических исследованиях. М., 1973; Межотраслевой баланс в исследовании капиталистической экономики / Отв. ред. Е.М. Четыркин. М., 1974; Модели экономического роста / Отв. ред. А.А. Рывкин. М., 1975.

зателей интенсивности формирования и использования основных фондов в этих трех государствах.

В течение второй половины 70-х годов Институтом был подготовлен ряд крупных прогностических исследований, которые вошли в Комплексную программу развития энергетики СССР до 2000 г. и в Комплексную программу научно-технического прогресса и его социально-экономических последствий на перспективу до 2000 г. В 1978 г. «в инстанции» был разослан прогноз «Основные тенденции и направления развития экономики капитализма до 2000 г.».

Во всех этих исследованиях были даны оценки перспектив научно-технического прогресса ведущих стран Запада, инвестиционного процесса и капитального строительства, роста производительности труда, динамики материалоемкости продукции, состояния мирохозяйственных связей и возможных перемен в их структуре, прогнозы экономического и социально-политического развития США, Японии и ведущих стран Западной Европы, а также развивающихся государств Азии, Африки и Латинской Америки.

Из воспоминаний академика В.А. Мартынова о работе в области экономического прогнозирования:

> «Наибольший резонанс в политических кругах... получил четырехтомник "Прогноз основных тенденций и направлений экономического развития капитализма до 1990 года".
>
> Во-первых, он был разослан по самому широкому тогда списку адресатов. С ним могли и даже должны были, например, ознакомиться ведущие сотрудники Госплана СССР.
>
> Во-вторых, в партийных кругах было хорошо известно, что Н.Н. Иноземцев докладывал основные положения Прогноза на совещаниях у Л.И. Брежнева (тогда шла подготовка к (так и не состоявшемуся) Пленуму ЦК КПСС по научно-техническому прогрессу). Живой отклик получили научные доклады Н.Н. Иноземцева по материалам Прогноза на Президиуме АН СССР и Коллегии МИДа, проходившей под председательством А.А. Громыко (члена Политбюро, министра иностранных дел СССР). Свою роль в привлечении внимания к Прогнозу сыграли и встречи Н.Н. Иноземцева с председателем Госплана СССР Н.К. Байбаковым и его заместителями.
>
> В-третьих, первый том (ответственным редактором которого был сам Н.Н. Иноземцев) представлял краткое содержание и выводы всего исследования и был, что немаловажно, написан в расчете на специфического читателя — партийного и советского работника высокого ранга.
>
> В-четвертых, и это главное, выводы Прогноза существенно расходились с теми представлениями о капитализме, которые были вбиты пропагандой со сталинских времен в головы советских людей, невзирая на занимаемые ими должности и посты. Так, авторы Прогноза, говоря кратко, в своих выводах исходили из вероятности не замедления, а ускорения в предстоящие 20 лет научно-технического прогресса в развитых капиталистических странах, не кризиса, а интенсивного развития государственного монополистического капитализма, обращая при этом внимание не на провал, а на определенные успехи социально-экономической политики капиталистических государств, достигнутые на основе перераспределения национального

дохода, расширения регулирования и использования программирования всего социально-экономического процесса. Авторы Прогноза подчеркивали также все большую значимость в экономическом развитии не обострения межимпериалистических противоречий, а роста мирохозяйственных связей, международного разделения труда.

Практически специально для руководящих работников Госплана в 1-й том были включены краткие резюме Прогноза о развитии главных отраслей экономики капиталистических стран на перспективу до 1990 г. (с таблицами и диаграммами). Более или менее хорошо представляя положение в советской экономике (замедление темпов прироста ВВП, отсталая отраслевая структура, продолжающийся рост материалоемкости и фондоемкости продукции, увеличивающийся удельный вес добывающих отраслей и капитального строительства, тяжелое состояние сельскохозяйственного производства, неразвитость сферы услуг, низкая доля личного потребления ВВП), авторы Прогноза — вольно, а чаще всего невольно — фактически противопоставили этому состоянию экономики СССР тенденции экономического развития капиталистических стран... Авторам Прогноза с каждым очередным его выпуском приходилось констатировать все большее отставание советской экономики от западной.

В этой связи одно субъективное суждение. До сих пор продолжаю настаивать на том, что в начале 70-х гг. Н.Н. Иноземцев, так же как и большинство ученых ИМЭМО, наивно (что понятно сегодня) полагали, что Прогноз основных тенденций и направлений экономического развития капитализма, строго научно и объективно предсказывающий наступательный его рост, даст сигнал тревоги высшему руководству страны о положении дел в нашей собственной экономике, верили, что в силах руководства были реальные возможности осуществить разворот страны в сторону ускорения НТП, реструктуризации экономики и повышения ее эффективности. Однако эти надежды весьма скоро разбились тогда и о неприступные скалы военно-промышленного комплекса, подмявшего под себя экономику страны, и о полную неспособность партийной и государственной бюрократии к самореформированию»[1].

В 70-е годы продолжалась работа по совершенствованию, в том числе с учетом возможного использования ЭВМ, методических основ долгосрочного комплексного прогнозирования и, в частности, тех его методов, которые были наиболее приспособлены для оценки вероятных результатов существенных изменений в факторах и характере развития капитализма (экспертное прогнозирование, имитационное, эконометрическое и адаптивное моделирование и др.). Был предложен ряд конкретных моделей, предназначенных для изучения проблем развития экономики ведущих стран Запада, а также развивающихся стран (энергетическая модель США, модель экономики развивающейся страны, модель внешней торговли ФРГ и т.д.). Специалистами ИМЭМО были разработаны соответствующие программы для проведения расчетов на ЭВМЕС-1010. На основании полученных результатов были сформулированы выводы о границах и возможностях использования данных моделей в анализе экономики западных стран.

[1] Из воспоминаний академика В.А. Мартынова.

В поле пристального внимания исследователей ИМЭМО в 70-е и в последующие годы постоянно находились вопросы развития научно-технической революции, значительно повысившей эффективность хозяйства ведущих промышленно развитых стран Запада[1]. Работы на этом направлении имели особую практическую значимость: показать основные, наиболее перспективные пути развития научно-технического прогресса для обеспечения большей эффективности неповоротливой и забюрократизированной советской экономики, а также для ускоренного развития науки и техники в СССР.

В рамках данного научного направления ученые ИМЭМО сосредоточили внимание на следующих аспектах и проблемах развития НТР:

- сопоставление показателей развития экономики ведущих промышленно развитых стран и исследование особенностей экономического соревнования СССР и Запада;
- изучение экономических критериев научно-технического прогресса и анализ экономического механизма развития науки и техники в передовых западных странах;
- исследование эффективности использования ресурсов производства в основных функциональных комплексах материальной сферы и прогнозы на длительную перспективу;
- изучение новых организационных форм управления производством на примере крупнейших промышленных фирм США и стран Западной Европы и основных концепций создания автоматизированных систем управления и развития электронно-вычислительных сетей коллективного пользования;
- проблемы повышения эффективности сельскохозяйственного производства промышленно развитых стран, формирования аграрно-промышленных комплексов (АПК) и аграрно-промышленных объединений (АПО) в США и Западной Европе, прогнозирование развития сельскохозяйственного производства в ведущих капиталистических странах, мировая продовольственная проблема.

В исследованиях, проведенных в ИМЭМО в первой половине 70-х годов, был проанализирован механизм государственно-монополистического регулирования, обеспечивший структурную перестройку экономики в соответствии с тенденциями НТР[2]. В этой связи значительное внимание было

---

[1] См.: Современная научно-техническая революция в развитых капиталистических странах: экономические проблемы / Отв. ред. В.М. Кудров. М., 1972. Это была первая обобщающая работа по этой теме, подготовленная в ИМЭМО. См. также: Противоречия экономического развития в условиях ГМК / Отв. ред. А.Г. Милейковский, С.М. Никитин. М., 1975; Научная деятельность и технический прогресс в крупнейших капиталистических странах / Отв. ред. В.В. Зубчанинов. М., 1976; Информационные системы в промышленных фирмах США / Отв. ред. В.В. Зубчанинов. М., 1976.

[2] См.: США: экономические рычаги в управлении фирмами / Отв. ред. С.М. Меньшиков. М., 1971; *Минервин И.Г.* Формы и методы управления кадрами в крупных промышленных фирмах США. М., 1974; *Крейсберг М.М.* Системный подход в управлении (опыт крупных промыш-

уделено технико-экономическим сдвигам в материально-технической базе современного капитализма. Исследованы проблемы фондоемкости и материалоемкости производства. Проведен анализ важнейших факторов развития сферы услуг[1].

На основе анализа закономерностей процесса формирования производственных мощностей в промышленности ведущих стран Запада были выявлены методы ускорения процесса создания мощностей, сокращения издержек их формирования, пути их эффективного использования, определена экономическая эффективность интенсификации отдачи производственных мощностей в целом[2].

Глубокому изучению были подвергнуты методы государственного стимулирования научных исследований в промышленно развитых странах, формы их финансирования, рассмотрены организационные формы научных исследований и разработок, характер связи между наукой и промышленностью, методы внедрения в производство научно-технических достижений[3].

Были проведены исследования технико-экономического уровня развития новых наукоемких отраслей промышленности, основных направлений прогресса и путей распространения научно-технических достижений из новых отраслей в остальные сферы экономики.

На основе изучения передового западного опыта в ИМЭМО были разработаны предложения о новом хозяйственном механизме планирования и экономического стимулирования в промышленности СССР, о мерах по ускорению развития в СССР промышленности группы «Б», проведен сравнительный анализ расхода черных и цветных металлов в машиностроении СССР и США и по результатам этого анализа в ЦК КПСС и СМ СССР были направлены соответствующие предложения. Специалистами Института были изучены проблемы химизации в промышленности развитых западных стран.

Серьезное внимание в ИМЭМО уделялось изучению направлений научно-технического прогресса в сельскохозяйственном производстве

ленных корпораций США). М., 1974; *Разумнова И.И.* Управление заводами в концернах США. М., 1975; *Барабанов М.В.* Изменение структур конечного общественного продукта главных капиталистических стран. М., 1975.

[1] См.: США: сфера услуг в экономике / Отв. ред. Е.А. Громов. М., 1971; *Федоров В.П.* Личное потребление в ФРГ: социальная дифференциация, динамика, структура. М., 1974; *Заглади на С.М.* Обращение товаров и услуг в экономике США. М., 1975.

[2] См.: *Ночевкина Л.П.* Развитые капиталистические страны: проблемы интенсификации промышленности. М., 1971; *Григорьев А.Д.* США: научно-технический прогресс и эффективность использования промышленных конструкционных материалов. М., 1972.

[3] См.: *Иванов Н.П.* Научно-техническая революция и вопросы подготовки кадров в развитых странах капитализма. М., 1971; *он же.* Научно-техническая революция и проблемы структуры рабочей силы (развитых капиталистических стран). М., 1977; *Филипповский Е.Е.* Патентная система и научно-технический прогресс в капиталистических странах. М., 1972; *Зубчанинов В.В.* Научная деятельность и технический прогресс в производстве крупнейших капиталистических стран. М., 1975; *Бушмарин И.В.* Развитые капиталистические страны: проблемы использования трудовых ресурсов. М., 1975; *Хлынов В.Н.* Рабочий класс Японии в условиях научно-технической революции. М., 1977.

ведущих стран Запада: вопросам накопления и индустриализации сельского хозяйства; специализации и организации сельскохозяйственных предприятий; государственному регулированию сельхозпроизводства; эволюции земельной ренты и аграрных отношений; аграрным кризисам перепроизводства и т.д.[1]

Экономисты-аграрии из ИМЭМО на опыте США и других высокоразвитых стран впервые в советской экономической науке проанализировали состояние производственных связей между сельским хозяйством и сопряженными с ним отраслями экономики[2], обосновали экономические и социальные процессы создания народно-хозяйственного аграрно-промышленного комплекса (АПК) и аграрно-промышленных объединений (АПО) в отдельных отраслях сельского хозяйства. Были разработаны прогнозы производства продовольствия и сырья в США и Западной Европе.

С середины 70-х гг. Институт, опираясь на разработки предыдущих лет, широко развернул исследования по мировой продовольственной проблеме: истоки, причины и характер продовольственного кризиса, пути его преодоления, экономические и политические аспекты торговой политики основных стран-экспортеров продовольствия и сырья.

Изучение вопросов управления экономикой в ведущих странах Запада в ИМЭМО носило не отвлеченно-академический характер, а велось применительно к решению проблем развития в СССР производственных и всесоюзных промышленных объединений в целях повышения их эффективности. Так, в 1971—1974 гг. исследования новых организационных форм управления производством проводились применительно к разработке генеральной схемы управления предприятиями Министерства электротехнической промышленности СССР (хозрасчетная тема). Разработанные Институтом рекомендации по образованию хозрасчетных объединений с использованием опыта крупных американских компаний были практически использованы при создании генеральной схемы управления данной отраслью.

В результате обследования ряда заводов электротехнической промышленности были разработаны предложения по генеральной схеме отрасли и типовой структуре всесоюзных производственных объединений (для Министерства электротехнической промышленности).

В 1974—1975 гг. в ИМЭМО совместно с Госкомиздатом СССР были разработаны теоретические основы и выработана программа работ по созданию единой всесоюзной автоматизированной иформационно-координационной системы управления печатью страны.

---

[1] См.: *Мартынов В.А.* Сельское хозяйство США и его проблемы (научно-техническая революция и аграрные отношения). М., 1971; *Фактор Г.Л.* Технический переворот и структурные сдвиги в сельском хозяйстве Западной Европы. М., 1971; *он же*. Западная Европа: агропромышленный комплекс (экономические и социальные проблемы). М., 1977; *Андреева Н.М.* США: специализация сельского хозяйства. М., 1974; Последствия НТР в сельском хозяйстве Западной Европы / Отв. ред. В.А. Мартынов, В.А. Морозов. М., 1975; *Тулупников А.И.* Научно-технический прогресс и эффективность животноводства в США. М., 1977.

[2] США: современные экономические связи промышленности с сельским хозяйством. М., 1972.

Работы по изучению последствий НТР для развития экономики промышленно развитых стран, начатые на рубеже 60—70-х гг., успешно продолжались в течение всего десятилетия. В них сочеталось детальное изучение западного опыта с попытками руководства ИМЭМО убедить Инстанцию в необходимости внедрения его оправдавших себя и наиболее перспективных достижений в плановую советскую экономику.

В течение второй половины 70-х гг. исследования велись по таким важным аспектам НТР, как: образование в ведущих странах Запада единого комплекса «наука — техника — производство»; процесс превращения науки в непосредственную производительную силу и возрастания ее роли в экономическом развитии; основные направления научно-технического прогресса и происходящие на этой основе структурные сдвиги в производстве; особенности интенсивного метода воспроизводства в капиталистических странах; сдвиги в характере трудовой деятельности человека; процесс углубления интернационализации общественного производства и появление новых проблем в западных обществах; возникновение так называемого «технологического неоколониализма» и др.

Институтом был проведен сравнительный анализ важнейших параметров экономического развития главных капиталистических стран, проведены сопоставления конечного общественного продукта, численности рабочей силы, капитальных вложений, производительности труда и структурных сдвигов в экономике США, Великобритании, ФРГ, Франции, Японии. Сопоставление совокупности этих показателей позволило сделать выводы об изменении в соотношениях уровней их экономического развития.

На базе разработанных в 1979 г. методологических принципов сопоставления основных народнохозяйственных показателей СССР и США, в ИМЭМО был подготовлен целый ряд аналитических материалов, в частности, «Сопоставление показателей развития промышленности СССР и США за 1966—1979 гг.» и «Эффективность использования металла в СССР и США».

Для центральных хозяйственных органов (Госплан, ГКНТ, Госстрой и Госснаб) Институт в конце 70-х годов подготовил ряд рекомендательных разработок, в том числе: об опыте использования вторичных ресурсов в материальном производстве передовых западных стран; о расходах некоторых видов материалов и топлива; об электроемкости промышленного производства и др. Исследования основных направлений научно-технического прогресса в отраслях топливно-энергетического комплекса капиталистических стран позволили ИМЭМО дать практические рекомендации по повышению эффективности ТЭК СССР (в повышении нефтеотдачи пластов, переработки и облагораживании угля, экономии энергоносителей и др.).

В мае 1979 г. Институт организовал и провел международную теоретическую конференцию о влиянии НТР на современный капитализм с участием 63 видных экономистов и политологов из 32 стран. В подавляющем большинстве они были марксистами. Состоявшиеся на конференции дискуссии получили одобрение в Международном отделе и даже в отделе

науки ЦК КПСС, где обычно не скрывали неприязни к «ревизионистам» из ИМЭМО. По всей видимости, Н.Н. Иноземцев посчитал это обнадеживающим фактом, чтобы со всей остротой поставить перед руководством КПСС вопрос об опасном отставании СССР в деле освоения достижений НТР и о необходимости принятия неотложных мер по преодолению этого отставания. Он выступал по этому вопросу на одном из пленумов ЦК, но не был там поддержан, о чем еще будет сказано. Ретроградно-консервативная верхушка правящей партийной элиты не желала даже слышать о реформах — ни политических, ни экономических.

В 1976 г., как уже отмечалось, в плане НИР ИМЭМО появилось новое самостоятельное направление — «Мировое капиталистическое хозяйство. Международные экономические отношения на современном этапе». Общее руководство исследованиями в этой области осуществляла доктор экономических наук М.М. Максимова.

Прежде всего исследователи занялись разработкой самой категории — «мировое хозяйство», анализом его социально-экономической структуры, главных факторов развивающейся интернационализации хозяйственной жизни. Полученные результаты позволили вскрыть причины возникновения глобальных проблем мирового развития, их природу, основные признаки, особенности проявления в различных социально-экономических условиях.

Были проанализированы новейшие тенденции в международных экономических отношениях современного капитализма, исследованы особенности кризиса валютной системы капитализма и отличительные черты нового валютного механизма, сложившегося к началу 80-х годов[1]. Продолжались начатые в середине 50-х годов исследования интеграционных процессов в Западной Европе, тенденции к расширению ЕЭС, а также влияния последнего на развитие общеевропейского экономического сотрудничества. Проведенные в ИМЭМО исследования уже к началу 80-х годов выявили тенденцию к глобализации мирохозяйственных связей, ставшую определяющей на рубеже XX — XXI столетий.

В Институте была разработана серия конкретных предложений в области развития внешнеэкономических связей СССР, были сформулированы рекомендации о путях решения проблем производственной и научно-технической кооперации с капиталистическими странами, развития экспортной базы страны, активизации роли СССР в международных валютных вопросах, обеспчения научно-технической и внешнеэкономической безопасности. Только за период 1976 — 1980 гг. в ИМЭМО было подготовлено 17 монографий и 180 аналитических записок по этому важнейшему направлению исследований.

Из воспоминаний М.М. Максимовой:

> «Идея создать в Институте отдел внешнеэкономических проблем капитализма (позже, по инициативе Н.Н. Иноземцева, преобразован в отдел

[1] Валютная система современного капитализма (основные тенденции и противоречия) / Отв. ред. О.С. Богданов. М., 1976.

международных экономических отношений) была подсказана самой жизнью, потребностями нашего государства. Мы ломали голову над тем, почему наша страна столь сильно отстает в развитии международных экономических связей, в то время как мировой экспорт растет в два и более раза быстрее, чем совокупный валовой продукт капиталистического мира? В чем причины бурного развития транснациональных корпораций? Как объяснить успехи развивающихся стран, вставших на путь капиталистического развития (оказалось, что именно интенсивное включение в международное разделение труда стало одним из решающих факторов их внутреннего экономического развития)? Кстати, многие тогдашние вопросы не потеряли актуальности и в наши дни.

Тридцать лет назад мы пришли к очевидному выводу: нельзя решать на уровне государственного чиновника вопросы о том, какую продукцию импортировать и какую экспортировать. Необходимо предоставить право конкурентоспособным предприятиям самостоятельно выходить на внешний рынок. Подобные идеи отвечали духу "косыгинской реформы", к сожалению, потерпевшей неудачу. Многие, и не без основания, усматривали в наших предложениях посягательство на государственную внешнеторговую монополию, за что нам крепко доставалось. До сих пор кое-кто припоминает нам: "вот если бы либералы из ИМЭМО не вели 'подрывную работу', то с приходом Горбачева, а затем Ельцина, мы не отказались бы от государственного планирования внешней торговли".

С большими трудностями мы столкнулись при исследовании международных валютно-финансовых отношений. Дело в том, что сведения о платежном балансе страны, ее золотых запасах, валютных поступлениях в бюджет, уровне инфляции (официально утверждалось, что ее не может быть в условиях плановой экономики) находились под строжайшим секретом. И уж полной крамолой считались любые идеи, касающиеся перспектив конвертируемости советского рубля. Отдел не только регулярно информировал "инстанции" о положении на мировых валютных рынках, давал краткосрочные прогнозы мировых цен на золото, но и организовал изучение зарубежного опыта введения конвертируемости национальных валют. Трудно поверить, но уже тогда у нас работал старший научный сотрудник, специально занимавшийся вопросами конвертируемости рубля. И как же пригодились его исследования в начале 90-х годов, когда решение этой проблемы встало в повестку дня новой России.

Развитие международного сотрудничества СССР объективно требовало новых подходов к оценке таких категорий, как мировое хозяйство, международная интеграция, транснациональные корпорации, глобальные проблемы (предвестники глобализации). Марксистские догмы и постулаты на этот счет были в то время особенно прочны. Казалось, ни о какой открытой дискуссии не могло быть и речи. Тем не менее, научные споры, сопоставление разных точек зрения, хотя и прикрытых марксистской фразеологией, были нормой работы Института. Отделу в этом отношении повезло: в основном молодежный по своему составу, он располагал группой сильных талантливых экономистов-международников, не скованных марксистскими догмами.

Один из ярких представителей последних — Павел Игнатьевич Хвойник, доктор экономических наук, профессор, крупный специалист по международной торговле и ТНК, автор ряда монографий. Он первым среди

советских экономистов выступил против догматического тезиса о так называемом "неэквивалентном обмене" на мировом рынке как чуть ли не главной причине отсталости развивающихся стран. Ему же принадлежит заслуга в разработке первых в ИМЭМО долгосрочных прогнозов развития международной торговли и внешнеэкономических связей СССР.

В числе тех, кто одними из первых возглавил новые научные направления и составлял ядро отдела, — будущий член-корреспондент РАН Иван Сергеевич Королев, взявший затем "эстафетную палочку" от М. Максимовой в 1985 году и сохранивший отдел до наших дней, ныне — заместитель директора ИМЭМО. Следует назвать доктора наук, профессора Юрия Витальевича Шишкова, ставшего известным в стране и за рубежом ученым, лауреатом Международной академической премии, автором крупных работ по мировой экономике и международной интеграции, одного из "старейшин" ИМЭМО. Это и Александр Иванович Бельчук — ныне доктор наук, профессор, и Райер Райерович Симонян, и другие...

Нам удалось привлечь к работе Германа Германовича Дилигенского и его отдел в разработке проблемы прав человека, что по тем временам считалось чистой крамолой. Надо отдать должное Дилигенскому. Он совершенно по-новому взглянул на эту проблему. Мы рассматривали права человека как составную часть глобальной проблематики. У всех людей — на Западе или Востоке, Севере или Юге — существует общность интересов во многих областях: личная безопасность, безопасность на производстве, безопасность, связанная со здоровьем, с охраной окружающей среды и т.д. Подобные "крамольные" мысли, высказывавшиеся нами в публикациях и в разработках, адресованных в директивные инстанции, противоречили тогдашним идеологическим установкам о том, что социализм сформировал человека "нового типа" — своего рода "homo soveticus", как говорили о нас на Западе, — отличного от других, живущих в капиталистическом обществе людей. Всеми этими, а также другими вопросами и занимался наш отдел»[1].

Важнейшим направлением в деятельности ИМЭМО в 70-е годы продолжало оставаться исследование основных тенденций и новых явлений в развитии международных отношений. Общее руководство этим направлением осуществлял заместитель директора Института Е.М. Примаков, а после его перехода в 1977 г. в Институт востоковедения АН СССР — О.Н. Быков.

В теоретическом плане эти исследования концентрировались на проблемах методологии науки о международных отношениях, на вопросах специфической методики изучения и прогнозирования международно-политических процессов, на изучении системы и структуры международных отношений. Изучение этих и других проблем велось в созданном по инициативе Н.Н. Иноземцева в 1969 г. секторе теоретических проблем исследования и прогнозирования международных отношений. Сектор возглавил доктор исторических наук Владимир Израилевич Гантман. К работе в этой области были привлечены и другие ведущие сотрудники отдела международных отношений (О.Н. Быков, Д.Г. Томашевский, Д.Е. Меламид, Э.А. Поздняков, В.В. Размеров).

---

[1] Запись беседы с М.М. Максимовой 9 января 2002 г.

Научный коллектив сектора В.И. Гантмана начал свою деятельность с изучения уже существовавших в западной политической науке теорий и концепций международных отношений[1], а затем приступил к собственным теоретическим изысканиям в данной области[2].

С 60-х годов среди советских обществоведов дискутировался вопрос о том, существует ли вообще наука о международных отношениях? Многие не склонны были признавать за ней право на самостоятельное существование, «приписывая» международные отношения разве что к области исторических наук. А догматики из среды «научных коммунистов» так и вовсе не находили этой науке места в системе общественных наук. Академику Н.Н. Иноземцеву пришлось приложить немалые усилия, для того чтобы переломить идеологические предубеждения в отношении науки о международных отношениях.

И тем не менее, победа Иноземцева не была полной и окончательной. Ему так и не удалось реализовать свою заветную мечту, над воплощением которой долгие годы трудился коллектив ученых-международников ИМЭМО. Речь идет об издании фундаментального труда «Основы теории международных отношений», первый вариант которого был завершен в конце 1975 года. Впоследствии он неоднократно дорабатывался и переписывался, но так и не был издан[3]. Почему же?

Из воспоминаний одного из авторов этого труда Николая Алексеевича Косолапова, бывшего помощника Н.Н. Иноземцева:

> «Объяснение, на мой взгляд, и неожиданно, и банально. Теория международных отношений не могла пробиться в СССР (не только в те годы, но видимо, вообще) главным образом по сочетанию трех причин.
>
> Прежде всего, ее создание требовало творческого развития теории и методологии марксизма, что само по себе уже было идеологическим вызовом, граничащим с ревизионизмом и другими смертными грехами. Такого развития, постоянно рассуждая о нем, на деле элементарно боялись. Причем тон здесь задавали вовсе не те, кто — справедливо или нет, — усматривал в перспективе подобного развития различного рода угрозы, но прежде всего догматически мыслящая часть партии, идеологических секторов ее аппарата (как гражданского, так и в силовых ведомствах), и немалая часть самого же академического сообщества[4]. К тому же нередко все эти части были пред-

---

[1] Современные буржуазные теории международных отношений (критический анализ) / Отв. ред. В.И. Гантман. М., 1976.

[2] *Поздняков Э.А.* Системный подход и международные отношения. М., 1976; *он же.* Внешнеполитическая деятельность и межгосударственные отношения. М., 1986; Система, структура и процесс развития современных международных отношений / Отв. ред. В.И. Гантман. М., 1984; *Косолапов Н.А.* Социальная психология и международные отношения. М., 1983.

[3] За 10 лет (1975—1985 гг.) было подготовлено 10 вариантов этого труда.

[4] Ярким примером подобного страха может служить подробно описанная на протяжении последних лет в СМИ история песни Д. Тухманова на слова В. Харитонова «День Победы». Читатели старших поколений наверняка хорошо помнят эту песню, в тексте и музыкальном строе которой при всем желании и ни под каким микроскопом не найти даже слабого намека на какие-либо второй план, текст между строк, рождаемые песней «нездоровые ассоциации» и прочие идеологические прегрешения. Хорошее, талантливое, патриотическое и при этом

ставлены одними и теми же, тесно связанными друг с другом людьми, в силу служебного положения имевшими возможность выдавать всякую угрозу их личным позициям за покушение на КПСС, социализм, марксизм-ленинизм и на советскую систему.

Другая, более существенная причина заключалась в том, что всякая теория ограничивает возможный произвол того, кто признает ее в этом качестве. В данном случае теория международных отношений объективно вырастала бы (пусть не сразу, а со временем) в такой ограничитель по отношению к КПСС, причем не где-нибудь, а в самых центральных направлениях идеологии, миропонимания и практической внешней политики партии. Конечно, насколько я могу судить, никто и никогда не формулировал встречное требование никак, никогда и ничем не ограничивать абсолютизм власти партии (абсолютизм, надо признать, номинальный; на практике власть в период "позднего Брежнева" все быстрее утекала у партии из рук, и именно это положение многих устраивало и осознанно защищалось ими под прикрытием ортодоксальных идеологических лозунгов). Но любые явные и предполагаемые посягательства на эту власть пресекались, шли ли они от мира искусства, от научных теорий или из иных, небюрократических сфер.

Теория международных отношений явно подпадала под подозрения в этом плане, и это было даже по-своему закономерно. Но в науке она была далеко не первой и не единственной "пострадавшей" на этой почве. Да и "пострадала" она только тем, что публичное появление отечественной теории оттянуто уже на XXI век, когда можно говорить в лучшем случае о еще сохраняющейся возможности вклада в отдельные разделы теории, но не о создании теории в целом. Но никого не посадили, даже не сняли с должностей, не отстранили от работы.

Можно вспомнить куда более трагичные страницы отечественных психологии, генетики, биологии. Можно вспомнить, что вся будущая гордость советской власти и науки — авиация, ракетостроение, космос, атомная промышленность, — вышли из "шарашек" ГУЛАГа»[1].

О нелегкой судьбе отечественной науки о международных отношениях размышляет член-корреспондент РАН Олег Николаевич Быков, бывший заместитель директора ИМЭМО:

«Наука о международных отношениях существует, поскольку существует предмет ее изучения — глобальная система международных отношений. Система, сложившаяся в рамках всемирного исторического процесса, но во многом самостоятельная, трансформирующаяся в соответствии не только с основными закономерностями общественного развития, но и своими специфическими особенностями. Как сложная целостная система международные отношения находятся в прямой зависимости от внешней среды —

абсолютно «советское» произведение. Тем не менее песня несколько лет была под запретом, и потребовались немалые ухищрения, мужество и риск, чтобы протащить ее в эфир и в свет (см. «Независимая газета», 2002, 17—18 мая. С. 9). Подобного рода примеров было в 1970-е — начале 1980-х годов нараставшее множество, во всех сферах, и говорили они об углублявшемся идиотизме системы, впадавшей в идеологический и бюрократический ступор. — *Н.К.*

[1] Из воспоминаний Н.А. Косолапова, любезно предоставленных в распоряжение автора.

мирового бытия каждой исторической эпохи и вместе с тем оказывают существенное обратное влияние на политику государств и всего международного сообщества.

Возникновение теории, вернее, теорий международных отношений можно отнести к середине XX века. Вполне понятно, атмосфера взаимной враждебности в период "холодной войны" не способствовала адекватному отражению действительности. С обеих противостоявших сторон объективным теоретическим разработкам мешало субъективное восприятие тогдашней конфронтации в духе идеологической нетерпимости.

Советская историография, подчиненная целям пропагандистской борьбы, испытывала на себе сковывающее давление диктатуры тоталитаризма. Толкование всего мирового развития предписывалось втискивать в прокрустово ложе догм "научного коммунизма", несмотря на их кричащее несоответствие с реальностями.

Тем значимей заслуга академика Н.Н. Иноземцева в том, что вопреки всем преградам он дерзнул инициировать создание отечественной науки о международных отношениях. Под его руководством в 1-м томе коллективного труда исследователей ИМЭМО "Международные отношения после Второй мировой войны" (1962 г.) было впервые сформулировано исходное положение о международных отношениях как о целостной системе взаимосвязей на мировой арене, развивающейся и действующей по своей, только ей присущей логике. Само собой разумеется, построение теории приходилось сообразовывать с жесткими требованиями господствующей идеологии, что не могло не деформировать результаты научного процесса. Но все-таки живые ростки творческого исследовательского подхода пробивались сквозь толщу железобетонного покрытия догматизма.

Появлялись отдельные элементы и целые блоки системной концепции, которая закладывала фундамент молодой науки о международных отношениях. Однако тогда, в глухое застойное время завершить начатое дело не удалось.

Что же помешало? Неужели нерешительность академика Иноземцева? Как раз наоборот, именно его принципиальность и решимость — не приносить науку в жертву идеологии и политике. Помнится, как незадолго до своего трагического ухода Николай Николаевич сокрушался по поводу того, что теория международных отношений у нас не складывается. "Позор нам!" — сказал он, а после тяжелого раздумья добавил: "А может быть, еще большим позором окажется то, что мы все же напишем?" Он не мог примириться с тем, чтобы выдать за теорию очередное "изделие", в котором научные выводы заглушил бы треск обязательных пропагандистских восклицаний. Более того, речь могла идти только о "советской" теории международных отношений, т.е. отрицающей общепланетарный характер этих отношений и универсальность действия их закономерностей, а всю многосложность мироустройства подменяющей схемами "классовой борьбы".

Однако из неудачи с созданием теории международных отношений вовсе не следует, что проделанная тогда работа оказалась напрасной. Сложилась когорта высококвалифицированных специалистов-теоретиков. Накопились научные заделы, которые широко используются в наше время, когда перед отечественной наукой открываются неограниченные творческие возможности. В числе ценных исследований следует особо отметить книгу под редакцией В.И. Гантмана "Система, структура и процесс разви-

тия современных международных отношений" (1984 г.). В ней содержится богатый материал по "технологии мироустройства". Несмотря на обязательное для того времени идеологическое оформление, книга явилась важным вкладом в нынешние теоретические разработки проблем международных отношений, в поиск подлинно научных подходов к их изучению»[1].

Значение вклада ученых ИМЭМО в разработку теории международных отношений получило широкое признание в научном сообществе.

Из воспоминаний доктора политических наук, профессора Ивана Георгиевича Тюлина, одного из зачинателей данного направления исследований в МГИМО:

«Интерес к теории международных отношений (ТМО) обнаружил себя в конце 60-х гг. в активизации двух групп исследователей-международников — в ИМЭМО, руководителем которой выступил В.И. Гантман, и в МГИМО, где лидером явился Д.В. Ермоленко. Однако, если первый коллектив сразу институционализировался в виде сектора теоретических исследований академического института, то второй функционировал в качестве общественной структуры — как постоянно действующий научный семинар, куда приглашались представители различных исследовательских институтов и практических ведомств. В связи с уходом в 1970-м Ермоленко на работу главным советником Управления по планированию внешнеполитических мероприятий МИД СССР активность семинара чувствительно снизилась. Однако вскоре при поддержке МИД и ГКНТ было принято решение о создании первого в истории МГИМО постоянно действующего научного подразделения — Проблемной научно-исследовательской лаборатории системного анализа международных отношений во главе с В.П. Тихомировым, которая сосредоточилась на прогнозно-аналитических разработках конкретных внешнеполитических ситуаций.

В 1976 г., в связи с отъездом В.П.Тихомирова на работу в ООН, мне было предложено возглавить лабораторию, где в качестве ее руководителя я проработал более 10 лет. Первым моим шагом на этом посту стал визит к Владимиру Израилевичу Гантману, с которым мы познакомились еще в конце 60-х гг., когда я приступил к написанию дипломной работы, посвященной французскому опыту теоретических исследований международных отношений. Уже тогда, при нашей первой встрече в здании на Ярославской, где в маленьких темных комнатках ютился его сектор, я получил от него много полезных советов, а также установил научные контакты с его сотрудниками — Л. Петровской, Н. Дорониной, Д. Асатиани, Д. Томашевским, С. Мелиховым, Э. Пастернаком, А. Кокеевым, С. Афанасьевым. Это укрепило мой интерес к новой области международных исследований и способствовало распространению "теоретического вируса" среди моих коллег по МГИМО.

К моменту нашей второй большой встречи с Гантманом в 1976 г. его коллектив, выпустив известную монографию "Современные буржуазные теории международных отношений", где был обобщен зарубежный опыт в области ТМО, начал переход к разработке отечественной теории.

Надо заметить, что В.И. внимательно следил за научной деятельностью мгимовских теоретиков и сразу указал мне на две "опоры", без которых, по

[1] Запись беседы с членом-корреспондентом РАН О.Н. Быковым.

его словам, нельзя было двигать дальше разработку теории в МГИМО, — М.А. Хрусталева и А.А. Злобина (в последующем — авторов ряда мгимовских научных трудов и первых учебников по теории международных отношений).

Дальнейшие систематические контакты с Гантманом, его советы, а в последующем переход на работу в Проблемную лабораторию таких "гантманцев", как Пастернак, Доронина, Афанасьев, несомненно, помогли продвижению наших исследований. Наряду с этим в учебный процесс по преподаванию ТМО в МГИМО активно внедрялись труды имэмовцев по теории международных конфликтов, процесса принятия внешнеполитических решений, анализу системы современных международных отношений. Особенно ценными были работы по системному подходу Э.А. Позднякова, которого мы не раз наряду с Томашевским приглашали на наши научные дискуссии, а в последующем и для чтения курса теории международных отношений.

Не секрет, что внедрение этой новой дисциплины в учебный процесс шло не без сопротивления со стороны ряда консервативно настроенных и идеологически бдительных педагогов. Монографии ИМЭМО, освященные академическим титулом, были серьезным подспорьем в преодолении этого сопротивления. Позитивную роль сыграло наше взаимодействие с теоретиками ИМЭМО в разгар развернувшихся в конце 70-х гг. атак на науку международных отношений различного рода авантюристов от физики, химии и биологии, усиленно стремившихся внедрить свои наукообразные схемы внешнеполитического прогнозирования в практическую деятельность МИДа.

В последующем пути имэмовцев и мгимовцев в поисках теории несколько разошлись — мгимовские ученые усилили акценты на прикладных аспектах теории, имэмовцы же концентрировались на базовых методологических проблемах, но мы как бы взаимодополняли друг друга. И хотя цельная отечественная теория международных отношений так и не появилась, труды ИМЭМО, на мой взгляд, имели серьезное значение. Они не остались незамеченными мировым академическим сообществом, а высокий авторитет Гантмана мною лично не раз фиксировался на различного рода международных форумах — Конгрессах международной ассоциации политических наук, Американской ассоциации международных исследований и т.д.

Теоретические исследования в области международных отношений в сегодняшней России продолжаются. В последние годы вышло немало интересных работ в этой области (Лебедевой М.М., Цыганкова П.А., Хрусталева М.А., Богатурова А.Д., Косолапова Н.А.). Все они так или иначе питаются теоретическим наследием имэмовцев, что напрямую признается авторами современных российских монографий по теории международных отношений»[1].

С вопросами теории международных отношений тесно связано прогнозирование в этой области, проводившееся в ИМЭМО по инициативе Н.Н. Иноземцева с середины 60-х годов. Как уже отмечалось, составление

[1] Из воспоминаний Первого проректора МГИМО МИД РФ профессора И.Г. Тюлина, любезно предоставленных им в распоряжение автора.

международно-политических и военно-политических прогнозов было связано с определенным риском для составителей.

Вспоминает О.Н. Быков, принимавший самое активное участие в прогностических исследованиях в 60—80-е гг.:

> «Прогнозирование развития международных отношений как процесса преимущественно политического всегда было обставлено жесткими ограничителями. Лимитировали текущие внешнеполитические установки, концептуальные стереотипы, идеологическая заданность. Вариантность предсказаний должна была укладываться в рамки партийной доктрины "перехода от капитализма к социализму и коммунизму". И все-таки существовала определенная свобода профессиональных оценок. При соблюдении (пусть и формально) принятых "правил игры" можно было найти способы достаточно объективного рассмотрения тенденций международного развития.
>
> Что же касается "конечного продукта" прогнозирования, то он редко подвергался радикальной переделке со стороны Дирекции ИМЭМО. Редактирование сводилось, как правило, к стилистической правке с целью придания тексту вида необходимой политической корректности. Имелось в виду, что выводы прогноза, в том числе и довольно нетрадиционные, предназначены для закрытого использования в процессе выработки государственной политики и поэтому не должны нести пропагандистской нагрузки, обязательной для открытых публикаций.
>
> Другое дело, насколько наши прогнозы были нужны творцам советской политики. Как теперь стало совершенно очевидно, они не придавали значения критическому анализу и грозным предостережениям, исходившим даже из весьма авторитетных источников, не говоря уже о нашем академическом институте. Тоталитаризм вообще не нуждался в таком видении будущего мира, которое хоть в чем-то подвергало сомнению незыблемость его существования и неизменность его внешнеполитического курса»[1].

Наряду с теоретическими разработками в ИМЭМО велись исследования (как в открытом, так и в закрытом режимах) по широкому кругу актуальных проблем мировой политики: основные тенденции процесса разрядки международной напряженности[2]; ключевые проблемы внешней политики США, место и роль Вашингтона в системе международных отношений[3]; международные конфликты и пути их мирного разрешения[4];

---

[1] Запись беседы с членом-корреспондентом РАН О.Н. Быковым.

[2] Материализация разрядки: экономические аспекты / Под ред. В.Н. Шенаева и Ю.В. Андреева. М., 1978; Разрядка международной напряженности и идеологическая борьба / Отв. ред. В.И. Гантман. М., 1981.

[3] *Лан В.И.* США: от испано-американской до Первой мировой войны. М., 1975; *Он же.* США: От Первой до Второй мировой войны. М., 1976; *Он же.* США: военные и послевоенные годы. М., 1978; *Иванова И.М.* Концепция «атлантического сообщества» в политике США. М., 1973; *Смит С.А.* Политика США в Африке (50—70-е годы). М., 1973; *Федотова Э.М.* США и неприсоединившиеся страны (стратегия и тактика). М., 1975; *Вишня Г.Ф.* Латиноамериканская политика США (1968—1976). М., 1978; *Нарочницкая Н.А.* США и «новая восточная политика» ФРГ. М., 1977.

[4] Международные конфликты 60-х и 70-х гг. / Отв. ред. Е.М. Примаков, В.В. Журкин. М., 1972; Международные конфликты современности / Отв. ред. В.И. Гантман. М., 1983.

предпосылки и перспективы создания общеевропейской системы безопасности и сотрудничества[1]; международно-политические аспекты процесса ограничения стратегических вооружений; развитие и перспективы «европейского строительства» в рамках ЕЭС[2]; международные отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе и перспективы формирования здесь системы коллективной безопасности[3], а также ряд других проблем.

В отделе международных организаций под руководством доктора юридических наук Григория Иосифовича Морозова разрабатывались теоретические и практические аспекты деятельности международных организаций — межправительственных и неправительственных[4]. Анализировалась их роль в системе международных отношений, проводилась их научная классификация, изучались проблемы соотношения государственного суверенитета и деятельности международных организаций, структурные проблемы и функционирование их механизма. В центре внимания исследователей постоянно находилась главная международная организация — ООН[5].

Новым направлением исследований в этой области в 70-е гг. стало изучение политических и экономических аспектов проблемы окружающей среды, связи этой проблемы с системами международных политических и экономических отношений. Был изучен механизм международного сотрудничества в области защиты окружающей среды — от всемирного до субрегионального, а также механизм регулирования и контроля за качеством окружающей среды в развитых странах Запада[6].

«Теоретические и политические аспекты проблем перехода от капитализма к социализму в современных условиях. Проблемы пролетарского интернационализма» — так формулировалось одно из основных направлений НИР ИМЭМО. Сейчас, в начале третьего тысячелетия, новому поколению обществоведов трудно себе представить, что научные умы могли всерьез заниматься подобного рода идеологической казуистикой. В действительности же, за фасадом изучения классовой борьбы «в странах капитала», а также деятельности коммунистических и рабочих партий в ИМЭМО с конца 60-х годов исподволь формировалась серьезная полито-

---

[1] Европейская безопасность и сотрудничество: предпосылки, проблемы, перспективы / Отв. ред. Д.М. Проэктор. М., 1976. *Проэктор Д.М.* Пути Европы. М., 1978.

[2] Международные отношения в Западной Европе / Под ред. Д.Е. Мельникова. М., 1974; Западная Европа в современном мире. Т. 1 / Отв. ред. В.И. Кузнецов, С.П. Мадзоевский. М., 1979.

[3] *Петров Д.В.* Современные проблемы международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе. М., 1976; Международные отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе. М., 1979; *Носов М.Г.* Политика Японии в отношении КНР (1949—1971 гг.). М., 1976; *Федулова Н.Г.* Политика США в Юго-Восточной Азии. Социально-экономические аспекты. М., 1976; *Она же.* Эволюция политики США в Азиатско-Тихоокеанском регионе. 70—80-е годы. М., 1987; *Черкасов П.П.* Франция и Индокитай 1945—1975 (эволюция французской политики в Индокитае). М., 1976.

[4] *Морозов Г.И.* Международные организации (некоторые вопросы теории). М., 1974; *Коваленко И.И.* Международные неправительственные организации. М., 1976; *Этингер Я.Я.* Межгосударственные организации в Азии и Африке. М., 1976.

[5] ООН и поддержание международного мира / Отв. ред. Р.М. Тимертаев. М., 1973; *Шкунаев В.Г.* ООН в современном мире. М., 1976.

[6] Проблемы окружающей среды в мировой экономике и международных отношениях / Отв. ред. Р.А. Новиков. М., 1976.

логическая школа, получившая имя своего основателя — доктора исторических наук Германа Германовича Дилигенского[1].

Возглавив в 1969 г. отдел международного рабочего движения, Г.Г. Дилигенский, с согласия и при поддержке Н.Н. Иноземцева, перестроил всю работу в направлении исследования современного западного общества, о котором, в сущности, в СССР не знали ничего достоверного. Конкретно речь шла об изучении внутренних, социально-политических проблем развитых стран Запада. Соответственно, и реорганизованный Дилигенским прежний отдел международного рабочего движения стал называться отделом социально-политических проблем капитализма. При этом изучение рабочего движения в отделе не прекратилось (да этого бы и не позволили контролирующие инстанции в ЦК КПСС), но оно было вписано в широкий контекст исследования общих тенденций развития современного западного общества.

Из воспоминаний ветеранов «отдела Дилигенского» — докторов исторических наук С.П. Перегудова и К.Г. Холодковского:

> «Преобладавший даже после "хрущевской оттепели" взгляд на внутреннюю политику как на поле "классовой борьбы" уже явно не соответствовал тем исходным теоретическим позициям и выводам, к которым мы приходили в ходе изучения партий, классов и социальных групп. Больше того, чем дальше, тем больше этот подход вступал в противоречие с линией на конструктивное сотрудничество СССР со странами Запада, которую отстаивал ИМЭМО, да и не только он один. Не удивительно, что руководство Института, и прежде всего Н.Н. Иноземцев всячески поощряли расширение проблематики исследований отдела, добивались того, чтобы изучение внутренней политики и внутриполитических процессов органически вписывалось в исследования мировой экономики и международных отношений и ни в коей мере не было дежурным "довеском" к ним. <...>
>
> Работы отдела социально-политических проблем во многом заполняли вакуум в исследовании внутриполитических процессов в западных обществах, который образовался с превращением марксистской теории в догматические каноны "марксизма-ленинизма". Они давали реальное представление о расстановке сил в развитых странах, о сдвигах в социальной структуре (в частности, о росте "средних слоев" и об увеличении их роли), о социальной и политической стратегии правящих классов, о партиях и партийных системах, о психологии различных социальных слоев и групп.
>
> Не случайно одним из первых коллективных трудов, подготовленных в отделе, был сборник под названием "Социально-политические сдвиги в странах развитого капитализма" (М., 1971). Он сильно отличался от большинства работ, издаваемых в то время советскими обществоведами — как сочетанием конкретности с широтой взгляда (рассмотрением самых разнообразных факторов внутриполитического развития), так и гораздо меньшим удельным весом конъюнктурных и пропагандистских мотивов. Читатель узнавал из него и о социальных последствиях сдвигов в экономике, и о политике социального партнерства и "человеческих отношений" в промышлен-

[1] См.: *Холодковский К.Г.* Г.Г. Дилигенский и его школа //Полития, № 3 (17), Осень 2000. С. 188 – 193.

ности, и о конкретных функциях отдельных партий в западной политической системе, да и об эволюции самой этой системы, и о влиянии средств массовой информации на психологию массовых слоев общества, что было тогда совершенно новой и еще не освоенной советскими исследователями капиталистического общества темой. Термин "политология" еще не произносился, тем не менее, отдел фактически приступил к системному исследованию политической системы современного капитализма»[1].

Данное направление исследований получило развитие в индивидуальных монографиях сотрудников отдела[2], а также в соответствующих разделах и главах страновых монографий ИМЭМО из серии «Экономика и политика стран современного капитализма».

В коллективной работе «Новые явления в системе политического господства монополий» (М., 1975) под редакцией К.Г. Холодковского раскрывалась суть той «противоречивой модернизации», которую претерпевали основные элементы политической надстройки стран Запада — политические партии, группы и организации, представляющие интересы наиболее значимых социальных сил западного буржуазного общества. В этой работе была проанализирована вся совокупность связей между государством и тем, что авторы исследования впервые в советской обществоведческой литературе осмелились назвать «гражданским обществом». Как известно, официальное советское обществоведение не признавало существование гражданского общества на Западе, как не признавало оно самой возможности принятия там политических решений, выражающих общегражданские, а не частные интересы отдельных господствующих групп (или крупных монополий).

По инициативе Г.Г. Дилигенского[3] в отделе были развернуты исследования в области социальной психологии[4]. Были поставлены важные для этого направления вопросы: соотношение социальной психологии и социального поведения, обыденного и политического сознания, психологии

---

[1] Из воспоминаний С.П. Перегудова и К.Г. Холодковского, любезно предоставленных в распоряжение автора.

[2] См.: *Кувалдин В.Б.* Интеллигенция в послевоенной Италии (положение, психология, поведение). М., 1973; *Бурджалов Ф.Э.* Государственно-монополистическая политика доходов: концепции и практика (на материалах Великобритании). М., 1973; *Городецкая И.Е.* Великобритания: избиратели, выборы, партии (1945—1970). М., 1974; *Перегудов С.П.* Лейбористская партия в социально-политической системе Великобритании. М., 1975; *Песчанский В.В.* Служащие в буржуазном обществе (на примере Англии). М., 1975; *Кисовская Н.К.* Государственное предпринимательство и политическая борьба в Италии. М., 1977; *Надель С.Н.* Современный капитализм и средние слои. М., 1978; *Сокольский С.Л.* Христианско-демократический союз ФРГ: социология и политика. М., 1983 и др.

[3] Первой работой такого рода стала монография самого Германа Германовича: *Дилигенский Г.Г.* Рабочий на капиталистическом предприятии. М., 1969.

[4] См.: *Вайнштейн Г.И.* Американские рабочие: сдвиги в общественном сознании. М., 1977; *Бунин И.М.* Буржуазия в современном французском обществе. Структура, психология, политические позиции. М., 1978; *Иерусалимский В.П.* Рабочий класс ФРГ: психология, сознание, сознательность. М., 1986; *Холодковский К.Г.* Италия: массы и политика. М., 1989; Социальная психология классов / Отв. ред. Г.Г. Дилигенский. М., 1985; В поисках смысла и цели: проблемы массового сознания современного капиталистического общества / Отв. ред. Г.Г. Дилигенский. М., 1986.

и идеологии, устойчивых, постоянных и меняющихся психологических характеристик.

В отделе успешно разворачивались исследования о роли и месте современной социал-демократии в общественно-политической жизни стран Запада. В 70-е годы удалось переломить, в значительной степени усилиями политологов ИМЭМО, существовавшее в СССР со сталинских времен устойчивое предубеждение в отношении социал-демократов, чему в значительной степени способствовала нормализация отношений между Советским Союзом и ФРГ в результате подписания Московского договора 12 августа 1970 года.

Из воспоминаний С.П. Перегудова и К.Г. Холодковского:

> «В изучении современной социал-демократии с самого начала главный акцент был сделан не на идеологии и идейно-политических доктринах "социал-реформизма", а на выяснении места и роли партий в системе социальных и политических отношений капитализма. Подобного рода смещение акцентов позволило представить социал-демократию в качестве института, органически встроенного в общественно-политическую систему стран Запада и, соответственно, выступающего в качестве самостоятельной, опирающейся на прочную социальную и институциональную основу политической силы. Причем силу не "враждебную", "чуждую", а скорее "родственную" и объективно дающую много оснований для выстраивания отношений с ней на началах сотрудничества и взаимопонимания. Основной акцент в методологии исследований социал-демократии как органически целостного, "системного" феномена был перенесен с его "классовой" роли на структурно-функциональную. Причем подход этот стал практиковаться и при изучении других партий и организаций, и в том числе — консервативных.
>
> Разумеется, отказаться вообще от анализа идеологии социал-демократии мы не могли, да это и не было бы оправдано и с чисто научной точки зрения. Основной упор был сделан, во-первых, на констатации окончательного, по сути дела, отхода социал-демократии от марксизма и, во-вторых, на усвоение ею с начала 60-х гг. "технократических" ценностей, нацеленных на всемерное поощрение научно-технической революции и проведение, хотя и далеко не всегда успешное, соответствующей стратегической линии в условиях пребывания у власти. Именно на этом векторе идеологической эволюции социал-демократии, а также на ее ориентации на развитие "государства всеобщего благосостояния" и были сосредоточены как страновые исследования, так и изыскания более широкого плана.
>
> "Увлечение" тематикой социал-демократии, ее "реабилитация" порождали у многих наших коллег за пределами Института ощущение, что мы и сами в чем-то становимся "социал-демократами"»[1].

Заметное место в исследовательской работе отдела Дилигенского с середины 70-х годов стала занимать проблематика «еврокоммунизма»,

---

[1] Из воспоминаний С.П. Перегудова и К.Г. Холодковского. Изучением современной социал-демократии занимались и в других отделах Института. См., например: *Тимашкова О.К.* Скандинавская социал-демократия: эволюция, тенденции, перспективы. М., 1978. Эта работа была выполнена в отделе стран Западной Европы.

связанная с новыми тенденциями в стратегии и тактике ряда западноевропейских коммунистических партий, отвергнувших советскую модель и искавших собственный «путь к социализму». По свидетельству ветеранов отдела, подавляющее большинство его сотрудников в 70-е годы сами разделяли еврокоммунистический «уклон», что им и «аукнется» в 1982 г.

В отделе экономики и политики развивающихся стран ИМЭМО разрабатывалась проблематика, объединенная в рамках единого направления — «Национально-освободительное движение и пути развития стран Азии, Африки и Латинской Америки». Работа здесь велась по нескольким основным темам.

- «Национально-освободительные антиимпериалистические революции на современном этапе». По этой теме продолжалась работа по теоретическому обоснованию так называемого некапиталистического пути развития: содержание и критерии этого пути; классовая природа революционной демократии и особенности ее идеологии; роль государства в развивающихся странах; влияние госаппарата на общественно-политическую жизнь; значение бюрократической буржуазии как особого социального слоя; роль армии в ««третьем мире»» и ее место в процессе «некапиталистических преобразований»; ультралевые течения в развивающихся странах и их идейная связь с маоизмом; характер и роль политических партий и организаций в развивающихся странах.
- «Структурные сдвиги в экономике развивающихся стран». Здесь исследовались узловые вопросы функционирования и эволюции хозяйственного механизма этих стран, анализировалась структура их производства и потребления, внутренняя взаимосвязь в развитии этих двух основных компонентов воспроизводственного процесса, структурные характеристики и тенденции развития национальных рынков стран ««третьего мира»». Результаты этих исследований, помимо монографий, вошли в закрытые прогнозы экономики развивающихся стран на 1980 и 1990 гг.
- «Международное разделение труда и экономические проблемы развивающихся стран». По этой проблематике велось изучение эволюции роли развивающихся стран в системе мирового капиталистического хозяйства, новой стратегии Запада по отношению к этим странам и характера борьбы последних за экономическую самостоятельность. В отделе была разработана методология исследования всех этих проблем, а также изучения последствий энергетического и сырьевого кризиса для стран ««третьего мира»».
- «Социальная структура и классовые отношения». В рамках данной темы разрабатывалась типология развивающихся стран по уровню их социально-экономического развития, исследовалась эволюция традиционных социальных структур и специфика современных укладов в развивающихся странах, происходившие там процессы урбанизации, формирования различных слоев и классов в деревне и городе.

— «НТР и экономические проблемы развивающихся стран». Изучение этих вопросов позволило выявить закономерности развертывания НТР как всемирного процесса и особенности ее проявления в ««третьем мире»», а также ее воздействия на социальные сдвиги в развивающихся странах. Были проанализированы социально-экономические последствия «зеленой революции» и ее потенциальных возможностей для решения мировой продовольственной проблемы, новые тенденции в производстве сырья, соотношение естественных и искусственных сырьевых ресурсов, генезис сырьевого и энергетического кризисов. Впервые в советской науке был разработан комплекс проблем, связанных с развитием образования, подготовкой и использованием национальных квалифицированных кадров как одного из важнейших условий преодоления вековой отсталости.

Была изучена проблема углубляющегося «разрыва» между развитыми и развивающимися странами в системе мирового капиталистического хозяйства и проанализированы перспективы «догоняющего развития» в условиях нарушения экологического равновесия биосферы.

В исследованиях, проведенных во второй половине 70-х гг., была проанализирована программа нового мирового экономического порядка, выдвинутая развивающимися странами; вскрыты препятствия, мешающие распространению достижений НТР в странах ««третьего мира»», а также причины неудачи так называемого «Десятилетия развития» — амбициозного плана ООН для развивающихся стран. Более пристальное, нежели в предшествующий период, внимание исследователи ИМЭМО стали уделять новым тенденциям и явлениям идеологического характера в развивающихся странах, в частности, росту исламистских настроений как реакции на форсированную «вестернизацию» традиционных восточных обществ (например, Ирана).

Из воспоминаний ветерана отдела экономики и политики развивающихся стран, доктора исторических наук Марата Александровича Чешкова:

> «...Возможности научного творчества были достаточно широкими, и в первую очередь благодаря той обстановке, которая сложилась в нашем отделе с 60-х годов и сохранялась в последующие десятилетия... Отдел отличался широтой и свободой мысли, постоянными дискуссиями и поисками, той атмосферой, которую создавали В.Л. Тягуненко, Г. Мирский, К. Майданик, А. Солоницкий. Для меня более всего плодотворным было сотрудничество с В. Крыловым и В. Шейнисом. Парадоксально, что эта обстановка совмещалась с жесткой ориентированностью на выполнение идеологических заданий, в первую очередь на выработку и пропаганду некапиталистического пути развития. Продуктивность работы оценивалась здесь, как и в Институте в целом, по тому, как выполнялись задания для партийных и государственных инстанций. Однако давление идеологических догм, догм официального марксизма здесь не было столь сильным, поскольку счита-

лось, что "Восток — дело тонкое", да и полемика с Китаем в немалой степени способствовала критическому отношению не только к догматам, но и служила, хотя и косвенно, трезвому взгляду и на советский "реальный социализм". В такой обстановке особенно продуктивным было создание коллективных монографий, в которых мне посчастливилось участвовать, особенно в так называемой "коричневой книге"»[1].

Таковы были основные направления научно-исследовательской работы ИМЭМО на всем протяжении 70-х и на рубеже 80-х гг. С некоторыми коррективами они развивались и в последующем десятилетии, по крайней мере, до горбачевской перестройки.

«Мозговые атаки» Евгения Примакова

В самом начале 70-х годов в исследовательском арсенале ИМЭМО появился и прочно утвердился такой эффективный метод изучения новейших тенденций в мировой политике, как ситуационный (имитационно-игровой) анализ. Наиболее плодотворным он оказался в работе по краткосрочному прогнозированию развития конкретных международно-политических ситуаций. Впоследствии методика проведения «ситанализов» была заимствована у ИМЭМО другими научно-исследовательскими институтами международного профиля, а также практическими организациями (МИД, внешняя разведка и др.).

Создателем этого нового метода международно-политических исследований в СССР был академик (в то время — доктор экономических наук) Евгений Максимович Примаков, хотя сам он утверждает, что с практикой «мозговых атак», которые у нас стали называться ситанализами, он впервые познакомился во время своих поездок в западные исследовательские центры[2].

Так или иначе, но именно Примаков инициировал внедрение этого метода в арсенал отечественных исследований в области современных международных отношений. Это произошло вскоре после возвращения Примакова в апреле 1970 г. в ИМЭМО, куда его пригласил Н.Н. Иноземцев на должность своего заместителя (фактически первого зама)[3].

---

[1] Из воспоминаний М.А. Чешкова, любезно предоставленных в распоряжение автора. Под «коричневой книгой» Чешков имеет в виду коллективную монографию: Развивающиеся страны: проблемы, закономерности, перспективы / Отв. ред. В.Л. Тягуненко, Р.М. Аваков, К.Л. Майданик. М., 1974. «Коричневой» эту книгу стали называть за соответствующее издательское оформление обложки. Значительный вклад в написание этого труда внес В. Крылов, перешедший вскоре из ИМЭМО на работу в Институт Африки АН СССР.

[2] Запись беседы с академиком Е.М. Примаковым 12 ноября 2002 г. Метод «мозговых атак» применялся, в частности, в Брукингском институте (Вашингтон).

[3] Как уже говорилось в одной из предшествующих глав, Е.М. Примаков впервые пришел в ИМЭМО в сентябре 1962 г., и проработал там несколько месяцев в должности старшего научного сотрудника отдела развивающихся стран.

В общей сложности 13 лет жизни Примакова связаны с ИМЭМО, где он работал старшим научным сотрудником, затем как заместитель директора и, наконец, как директор. Именно из ИМЭМО Примаков стартовал в большую политику, став на вершине своей карьеры Председателем Правительства России. Он оставил глубокий след в истории Института, с которым сохранил тесные контакты и после ухода в политику.

Биография Е.М. Примакова достаточно хорошо известна[1]. Тем не менее, есть смысл хотя бы кратко остановиться на тех ее эпизодах, которые, прежде всего, связаны с ИМЭМО, а также на тех, которые характеризуют его как личность и как ученого.

Из автобиографии Е.М. Примакова (октябрь 1974 г.):

> «Я, Примаков Евгений Максимович, родился 29 октября 1929 года в Киеве в семье служащих. Отец умер, когда мне было три месяца. (К этому времени мы уже переехали в Тифлис.) Воспитывался матерью — Примаковой Анной Яковлевной, проработавшей последние 35 лет своей жизни в поликлинике Тбилисского прядильно-трикотажного комбината. В 1972 году умерла в Тбилиси. В 1937 г. поступил в тбилисскую 47-ю среднюю школу. В 1944—1946 гг. был курсантом Бакинского военно-морского подготовительного училища Министерства обороны СССР. (Отчислен по состоянию здоровья.) После училища продолжил занятия в средней школе в Тбилиси. Окончил ее в 1948 году и в том же году поступил в Московский институт востоковедения. <...>»[2]

Детство и юность, прошедшие в Тбилиси, сыграли очень важную роль в формировании характера Евгения Максимовича. «Примакову повезло в том, что он оказался именно в Тбилиси, замечательном городе, отличавшемся, особенно в те годы, теплым и душевным климатом, — пишет Леонид Млечин, один из биографов Примакова. — Тбилиси тех лет был одним из немногих городов, где в какой-то степени сохранились патриархальные нравы и человек не чувствовал себя одиноким, а был окружен друзьями, приятелями, знакомыми, соседями и, таким образом, принадлежал к какой-то группе, сообществу. Здесь было принято помогать друг другу кто чем может.

Потом все знающие Примакова будут восхищаться его умением дружить и верностью многочисленным друзьям. Это качество было заложено тогда, в Тбилиси. Он понял, как важно быть окруженным друзьями, и научился дорожить близкими людьми»[3].

Перебравшись в Москву с ее жестокими нравами и правилами жизни, Примаков сумеет сохранить те душевные качества, которые сформировались у него в тбилисский период жизни. Москва, наверное, повлияла лишь на манеру поведения Примакова, который казался тем, кто его мало знал,

---

[1] См.: *Королев Б.В.* Как Примаков стал Примаковым. М., 1999; *Млечин Л.М.* Евгений Примаков: История одной карьеры. М., 1999.

[2] Личное дело Е.М. Примакова // Архив ИМЭМО РАН.

[3] *Млечин Леонид.* МИД. Министры иностранных дел. Романтики и циники. М., 2001. С. 579.

человеком сдержанным и даже мрачноватым. Однако, как единодушно свидетельствуют его друзья и давние коллеги, этот имидж не имеет ничего общего с реальным Примаковым — человеком жизнерадостным, дружелюбным, отзывчивым и надежным...

Впоследствии, оказавшись на политическом Олимпе, он станет свидетелем череды предательств, характерных для «двора» Горбачева и особенно Ельцина. Горькая чаша не минует и его самого, но при всех обстоятельствах никто и никогда не мог заподозрить Примакова в отступничестве от друзей и соратников.

В московском Институте востоковедения Евгений Примаков учился на арабском отделении, овладев помимо арабского английским языком. В 1953 г. он получает диплом по специальности «страновед по арабским странам» и тогда же поступает в аспирантуру экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

После аспирантуры перед Примаковым открывались возможности для университетской или академической карьеры[1], но он решил начать с международной журналистики. В течение шести лет (сентябрь 1956 — сентябрь 1962 г.) Евгений Примаков работает в системе Госкомитета по телевидению и радиовещанию при СМ СССР — сначала корреспондентом, затем ответственным редактором, заместителем главного редактора и, наконец, главным редактором редакции иностранного вещания. В поле зрения его профессиональных интересов — актуальные вопросы текущей международной жизни, в частности, развертывание национально-освободительного движения на Арабском Востоке. В 1958 г. Примакова включают в число журналистов, сопровождавших Н.С. Хрущева в его поездке в Албанию. По каким-то причинам, о чем достоверно не знает и сам Евгений Максимович, на последующие несколько лет он оказался «невыездным». За границу его перестали пускать даже в туристические поездки[2].

Из воспоминаний Е.М. Примакова:

> «В это время (1962 год. — *П.Ч.*) Валентин Зорин, известный радиожурналист, познакомил меня с заместителем главного редактора "Правды" Н.Н. Иноземцевым, отвечавшим в газете за международную тематику. От него я и получил приглашение перейти в "Правду" обозревателем отдела стран Азии и Африки. Понимая, насколько ответственно работать в органе Центрального Комитета, которым была газета "Правда", и искренне стремясь наконец-то поставить, как говорится, все точки над "i", я сказал Иноземцеву, что за мной тянется какой-то "хвост", так как с определенного времени мне начали отказывать в выезде за рубеж. Николай Николаевич при мне вызвал заведующего отделом кадров и сказал ему: "Запросите соответствующие органы о возможности использовать Примакова в качестве собственного корреспондента "Правды" в одной из капиталистиче-

[1] В 1960 г. Примаков защищает диссертацию и получает ученую степень кандидата экономических наук. Еще в 1956 г. он публикует свою первую книгу — «Страны Аравии и колониализм».

[2] *Примаков Евгений.* Годы в большой политике. М., 1999. С. 16.

ских стран". Я понял, что меня направляют на проверку по самому высшему разряду, и был этому рад.

Для проверки нужно было определенное время — такие уж тогда были порядки. Предполагая, что на мой уход может негативно отреагировать М.А. Харламов[1] (так и получилось, причем к нему присоединился его первый заместитель, блестящий профессионал Э.Н. Мамедов), Иноземцев предложил мне подать документы на конкурсное замещение (я уже был кандидатом экономических наук) должности старшего научного сотрудника в ИМЭМО. Николай Николаевич сказал, что переговорит с директором ИМЭМО академиком А.А. Арзуманяном, чьим заместителем он был до перехода в "Правду", и объяснит ему временный характер моего нахождения в институте.

Я прошел по конкурсу в 1962-м, одновременно получив звание старшего научного сотрудника. Мое четырехмесячное первое пребывание в ИМЭМО закончилось после ночного телефонного звонка от главного редактора "Правды" П.А. Сатюкова. Мне сказали, что он меня ждет и за мной уже выехала машина.

— Когда можете приступить к работе? — спросил Павел Алексеевич.

— Мне было бы крайне неудобно делать это без согласия Арзуманяна, и вообще в институте хорошо работается, да и окружают меня очень интересные и доброжелательные люди, — ответил я.

— Договоритесь с Арзуманяном, — Сатюков обратился к Иноземцеву. — Трех дней, я думаю, вам достаточно, — это уже было сказано мне.

Таков был стиль в партаппарате, даже в партийной печати, и я тогда воспринимал его как вполне нормальный. После того как мы вышли из кабинета "главного" — так в то время во всех газетах величали главного редактора, — Иноземцев передал мне, что у "соответствующих органов" нет возражений против моей поездки в качестве собкора "Правды"»[2].

В «Правде» Е.М. Примаков проработал семь с половиной лет — с декабря 1962-го по апрель 1970 г. — сначала обозревателем, а затем собкором в Египте, Ливане, Судане, Йемене, Эфиопии, Ливии, Кении и Уганде[3].

Из автобиографии Е.М. Примакова (октябрь 1974 г.):

«В 1965 году состоялось решение инстанций о моей поездке в Кению в качестве советника вице-президента республики. Но поездка не состоялась в результате внутренних изменений в Кении — я не получил визы. В этом же году был направлен собственным корреспондентом "Правды" в арабские страны — сначала с местом пребывания в Каире, а с лета 1969 года — в Бейруте»[4].

Непосредственное детальное знакомство с политическими и экономическими реалиями арабских и африканских стран в скором времени превратило Примакова в ведущего советского эксперта по проблемам Арабского Востока. Еще работая в «Правде», он написал и в 1968 г.

---

[1] Тогдашний председатель Гостелерадио СССР. — *П.Ч.*

[2] *Примаков Евгений.* Указ. соч. С. 16—18.

[3] Личное дело Е.М. Примакова // Архив ИМЭМО РАН.

[4] Там же.

защитил в ИМЭМО докторскую диссертацию, посвященную социально-экономическим проблемам Египта эпохи президента Г.А. Насера[1].

Из воспоминаний Е.М. Примакова:

> «"Главным" в "Правде" в то время был М.В. Зимянин. Он отнюдь не был сторонником моей научной деятельности, предоставив мне перед защитой отпуск на две недели без сохранения содержания. Но я его не виню в этом. Может быть, он знал, что перед защитой, которая проходила в ИМЭМО, я получил предложение от Н.Н. Иноземцева, в то время уже назначенного директором института после смерти А.А. Арзуманяна, перейти на работу его первым заместителем. Аналогичное предложение мне сделал Г.А. Арбатов — директор нового, отпочковавшегося от ИМЭМО Института США и Канады»[2].

Примаков принял предложение Иноземцева и весной 1970 г. пришел в ИМЭМО, где на этот раз ему предстояло проработать около восьми лет.

Из Постановления Президиума Академии наук СССР от 30 апреля 1970 г. (№ 377):

> «<...> Назначить доктора экономических наук Примакова Евгения Максимовича заместителем директора Института мировой экономики и международных отношений АН СССР.
>
> Президент
> Академии наук СССР
> *М.В. Келдыш*
>
> И.о. главного ученого секретаря
> Президиума Академии наук СССР
> академик — член-корреспондент
> АН СССР — *Г.Д. Афанасьев*»[3]

В ИМЭМО, как уже отмечалось, Примаков сразу же занял ведущее положение, став первым заместителем Иноземцева. В периоды частых отлучек Иноземцева из Института (он привлекался к подготовке материалов пленумов и съездов партии, а также выступлений Л.И. Брежнева, работая в загородных резиденциях Генерального секретаря ЦК КПСС) Примаков замещал директора, руководя текущей работой ИМЭМО. Непосредственно же он курировал всю международно-политическую и военно-политическую проблематику, разрабатывавшуюся в Институте, включая, разумеется, весь комплекс вопросов, связанных с изучением ««третьего мира»» и с эволюцией ближневосточного конфликта.

Вскоре после прихода в ИМЭМО Евгений Примаков выступил с инициативой проведения так называемых ситуационных анализов — совещаний экспертов по конкретным, наиболее злободневным вопросам текущей международной жизни. Такого рода совещания существенно отличались от различного рода научных конференций, симпозиумов и других обсуж-

---

[1] В соавторстве с И. Беляевым в 1972 г. Е. Примаков публикует книгу «Египет президента Насера». В 1978 г. выйдет его солидная монография «Анатомия ближневосточного конфликта».

[2] *Примаков Евгений.* Указ. соч. С. 18.

[3] Личное дело Е.М. Примакова // Архив ИМЭМО РАН.

дений, регулярно проводившихся в академических институтах. Главное отличие заключалось в непривычной для советских ученых-гуманитариев свободе мысли, высказываний и оценок, допускавшихся на этих закрытых ситанализах, где не звучали пропагандистские заклинания и где не надо было излагать общеизвестные положения, заимствованные в директивных партийных документах, у Брежнева или Громыко. Как правило, это был серьезный разговор на конкретную тему с обязательными четкими выводами и рекомендациями, адресованными партийно-государственному руководству СССР.

Первый ситуационный анализ в ИМЭМО был проведен 16 октября 1970 г.[1] Он был посвящен выяснению возможных последствий Московского договора от 12 августа 1970 г. между СССР и ФРГ. В то время у советского руководства еще не было уверенности в успешной ратификации бундестагом этого договора, открывшего новую главу в истории отношений СССР и ФРГ и, как скоро выяснится, ставшего отправной точкой в процессе разрядки международной напряженности в Европе. Не было в Москве и уверенности в самой правильности нового политического курса на нормализацию отношений с вчерашними «западногерманскими реваншистами».

По результатам ситанализа, проведенного тогда в ИМЭМО с привлечением экспертов Управления планирования внешнеполитических мероприятий (УПВМ) МИД СССР и Международного отдела ЦК КПСС, в директивные органы были направлены обоснованные рекомендации по продолжению курса на налаживание сотрудничества с ФРГ. Возможность провала в бундестаге Московского договора была оценена экспертами как маловероятная. Особо подчеркивалась необходимость развития диалога с СДПГ, руководители которой «свободны от того груза иллюзий и ошибок, которые определяли политику старого христианско-демократического руководства». Они лучше понимают «реальное положение вещей, сумели создать себе (и не без основания) репутацию более гибких политиков»[2].

Участники ситанализа констатировали, что Московский договор, существенно расширяющий маневренные возможности ФРГ в НАТО, открывает перед Бонном «возможность усилить позиции в переговорах с США» и «играть более независимую роль в НАТО». ФРГ, как отмечалось в итоговом документе ситанализа, «сможет действовать более свободно как по отношению к Франции, так и по отношению к другим странам Западной Европы, и в первую очередь Великобритании»[3]. Все это, с точки зрения интересов СССР, способствовало бы углублению «кризиса доверия» между Западной Европой и США, возникшего как следствие войны, которую Вашингтон в середине 60-х годов развязал в Юго-Восточной Азии без консультаций с союзниками по НАТО.

---

[1] Международно-политические последствия подписания договора между СССР и ФРГ от 12 августа 1970 г. Ситуационный анализ. ИМЭМО. Ноябрь 1970 г. // Архив ИМЭМО РАН.

[2] Там же. С. 6.

[3] Там же. С. 8—9.

Московский договор, по убеждению участников ситанализа, может стать «переломным пунктом» в борьбе, которую Советский Союз ведет за созыв общеевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству. «...В настоящее время шансы на созыв общеевропейского совещания больше, чем возможности его срыва» — отмечалось в итоговом документе, направленном в директивные инстанции[1].

Время подтвердило обоснованность большинства прогностических оценок, данных на первом ситуационном анализе, проведенном в ИМЭМО по инициативе Е.М. Примакова и под председательством Н.Н. Иноземцева.

Первый опыт краткосрочного прогнозирования развития конкретной международно-политической ситуации оказался удачным. Он был поддержан Н.Н. Иноземцевым и стал все более широко внедряться в исследовательский арсенал ИМЭМО. В течение 1971 — 1972 гг. была проведена серия ситанализов, посвященных ближневосточной и европейской проблематике[2]. Инициатива Примакова вызвала живой интерес в научном коллективе ИМЭМО.

Неизбежно вставал вопрос о методике краткосрочного международно-политического прогнозирования, каковым становились ситуационные анализы. Этой работой занялась группа под руководством самого Е.М. Примакова.

В нее вошли доктор исторических наук В.И. Гантман и кандидат технических наук В. И. Любченко. В работе над методикой ситанализов были использованы имевшиеся уже наработки сектора теоретических проблем исследования и прогнозирования международных отношений ИМЭМО.

Руководил этим сектором, как уже отмечалось, Владимир Израилевич Гантман (1925 — 1988 гг.). Выпускник юридического факультета Института внешней торговли (1948 г.)[3] и аспирантуры Всесоюзного института юридических наук В.И. Гантман в 1951 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Государственный строй Италии». С 1952 до 1957 г. он работал политическим обозревателем в журнале «Ньюс», издававшемся в Москве на английском языке для читателей в США, Англии и других англоязычных странах.

В феврале 1957 г. Гантман был зачислен в штат ИМЭМО как младший научный сотрудник (с ученой степенью), но затем, по настоянию Я.С. Хавинсона, высоко ценившего редакторский талант Владимира Израилевича[4], был переведен в редакцию журнала «Мировая экономика и международные отношения» редактором отдела стран Западной Европы.

---

[1] Международно-политические последствия подписания договора между СССР и ФРГ от 12 августа 1970 г. Ситуационный анализ. ИМЭМО. Ноябрь 1970 г. С. 55.

[2] Среди них: «Современный этап Ближневосточного кризиса и перспективы его развития»; «Проблема частичного урегулирования Ближневосточного конфликта»; «Новые тенденции в политике Египта и перспективы советско-арабских отношений»; «Международные последствия вступления Англии в ЕЭС» и др.

[3] В Институте внешней торговли В.И. Гантман учился на одном курсе с Кононом Молодым (Лонсдейлом), будущим знаменитым советским разведчиком. — *П.Ч.*

[4] Владимир Израилевич был наделен блестящими литературными способностями, глубоко знал русскую и мировую литературу, сам писал стихи, был тонким знатоком музыки. — *П.Ч.*

Редакционная рутина тяготила Гантмана, давно мечтавшего о самостоятельной научной работе. Еще в 1952 г., после успешной защиты диссертации, он надеялся продолжать свои изыскания в области истории государства и права, но развернувшаяся тогда в стране антисемитская кампания помешала реализации его намерений. В науку его не пустили, и Гантман вынужден был пойти в пропагандистский журнал «Ньюс»[1].

В 1958 г., одновременно с работой в «МЭ и МО», Гантман начинает читать спецкурс в Высшей дипломатической школе МИД СССР. Его все более привлекают теоретические аспекты функционирования системы международных отношений. В ИМЭМО он редактирует третий том «Истории международных отношений после Второй мировой войны»; в соавторстве с С.А. Микояном выпускает книгу «США: внешняя политика и выборы 1960 г.»; публикует индивидуальную монографию «Государственный строй Италии». К началу 60-х гг. объем научных публикаций Гантмана превысил 40 печатных листов. Все это время он активно добивался перевода из редакции журнала в ИМЭМО[2].

Его настойчивость получила удовлетворение лишь в январе 1961 г., когда по конкурсу он был зачислен в ИМЭМО на должность старшего научного сотрудника в отдел международных отношений[3]. Гантман активно включается в исследования, проводившиеся в Институте, и в скором времени становится одним из ведущих его сотрудников. В 1968 г. он защищает докторскую диссертацию по теме: «Италия в послевоенных международных отношениях», а два года спустя получает ученое звание профессора.

Именно Гантману в 1969 г. Иноземцев поручает сформировать сектор теоретических проблем исследования и прогнозирования международных отношений. В подборе кадров руководитель сектора сделал упор на молодых научных сотрудников, недавних выпускников МГИМО, МГУ и Университета дружбы народов им. П. Лумумбы — международников, философов, социологов и психологов. В секторе была сформирована группа

---

[1] «Моим желанием было заниматься научной работой, — признавался В.И. Гантман в одном из писем А.А. Арзуманяну (20 ноября 1960 г.). — Не моя вина, что затем мне пришлось в течение 5 лет работать международным обозревателем в журнале «Ньюс» // Архив Российской академии наук (далее: Архив РАН. — *П.Ч.*). Ф. 1556. Оп. 1. Д. 113. Л. 16.

[2] Гантман неоднократно обращался с соответствующими просьбами к директору ИМЭМО А.А. Арзуманяну, но всякий раз Я.С. Хавинсон, не желавший терять ценного сотрудника, находил предлоги, чтобы удержать его в редакции.

[3] 20 ноября 1960 г. Гантман пишет отчаянное письмо Арзуманяну, буквально умоляя его разрешить принять участие в конкурсе на замещение вакантной должности старшего научного сотрудника по специальности «История международных отношений». «Я только что оправился после серьезного спазма сердца, который уложил меня на 20 дней, — писал Гантман. — Врачи заявили, что в случае повседневного нервного перенапряжения в редакционной работе гипертонический криз повторится очень скоро и в гораздо более опасной форме. Это заставляет меня вновь вернуться к просьбе, с которой я обращался к Вам ранее. <...> Учитывая мое давнишнее стремление и нынешние обстоятельства, я убедительно прошу Вас, Анушаван Агафонович, разрешить мне принять участие в конкурсе. <...> Я отправляю Вам письмо с глубокой надеждой на человечное решение жизненно важного для меня вопроса» // Архив РАН. Ф. 1556. Оп. 1. Д. 113. Л. 16. Арзуманян, сам страдавший от гипертонии, на этот раз, по-человечески, не смог отказать Гантману, несмотря на явное недовольство Хавинсона. — *П.Ч.*

математиков, пытавшихся формализовать гуманитарные знания в области международных отношений. Группу возглавил кандидат технических наук Владимир Иванович Любченко.

В 1958 г. он с отличием окончил физический факультет МГУ, где учился на одном курсе и дружил с будущим знаменитым кинорежиссером Отаром Иоселиани. По распределению Любченко попал в НИИ Министерства обороны СССР, где в 1965 г. защитил кандидатскую диссертацию и стал старшим научным сотрудником. Ко времени перехода в ИМЭМО у него уже было 24 научных труда по закрытой тематике. Характерно, что, работая в двух «почтовых ящиках», а затем и в ИМЭМО, Владимир Любченко оставался беспартийным, что причиняло ему очевидные неудобства, как в карьерном росте, так и по линии зарубежных научных командировок. Тем не менее, по каким-то причинам он воздерживался от вступления в КПСС, несмотря на неоднократные предложения.

В ИМЭМО Любченко возглавил работу по применению математических методов в исследовании и прогнозировании международных отношений. Результаты его работы получат высокую оценку. Через несколько лет он станет главным исследователем ИМЭМО.

В.И. Любченко и В.И. Гантман станут соавторами Е.М. Примакова в разработке методики ситуационного анализа.

Из воспоминаний Е.М. Примакова:

> «Особую роль здесь сыграли В.И. Любченко и В.И. Гантман. Методика включала целый комплекс: подбор "совместимых" экспертов — ученых и практиков, выступающих от собственного имени; сценарий обсуждения, состоящий из ряда взаимосвязанных блоков; "домашние задания" экспертам; правила дискуссии; виды формализации; подготовка документа "на выход"»[1].

Работа была окончательно завершена в апреле 1974 г. При этом в Институте, по временной методической схеме, продолжали проводиться ситанализы по наиболее актуальным проблемам международных отношений.

Подготовленная тремя авторами методика представляла собой 50-страничный документ, включая пять приложений (отдельные сценарии и анкеты для экспертов)[2].

В своей методической разработке авторы, по их определению, исходили из «системно-исторического представления о международно-политических ситуациях как целостных динамических подсистемах в системе международных отношений»[3].

Из «Методики» Примакова — Гантмана — Любченко:

---

[1] *Примаков Евгений*. Указ. соч. С. 44.

[2] *Примаков Е.М., Гантман В.И., Любченко В.И.* Методика ситуационного анализа международных отношений. М.: ИМЭМО. 1974 // Архив ИМЭМО РАН.

[3] Там же. С. 5.

«Предлагаемый метод дает определенную возможность свести в единый исследовательский процесс структурный, исторический (генетический) и причинно-следственный анализ международно-политической ситуации, выявляя ее ретроспективные, актуальные и прогностические аспекты. Одновременно этот метод предоставляет возможность организовать и направлять процесс активного сбора, оценки и переработки имеющейся первичной информации и воспроизводства большого объема новой, вторичной (аналитической и прогностической) информации о рассматриваемой международно-политической ситуации.

Метод ситуационного анализа предполагает проведение экспертно-аналитического процесса на трех стадиях:

- создание аналитического сценария объективной международно-политической ситуации как целостной динамической системы (подсистемы) с присущей ей внутренней структурой и внешними взаимосвязями;
- получение на основе аналитического сценария большого объема разноплановых экспертных оценок индивидуального или коллективного характера;
- создание заключительного, критически обобщающего эти оценки, аналитического документа»[1].

Объектом исследования и краткосрочного прогнозирования при проведении ситанализа, по мнению авторов методики, может быть практически любая международно-политическая ситуация проблемного характера. Но что считать таковой ситуацией?

Из «Методики» Примакова — Гантмана — Любченко:

«Международно-политической ситуацией может считаться любая проблемная ситуация международных отношений, развивающаяся в том или ином регионе (двухсторонняя, многосторонняя, замкнутая, открытая, с косвенным участием других сторон) или в глобальном масштабе, определяемая противоречиями, конфликтом или сотрудничеством государств и народов. Степень конфликтности или кооперации государств в этой ситуации не имеет значения. Конкретной международно-политической ситуацией как объектом научного анализа и прогноза могли бы, например, быть: японо-американские отношения, НАТО, Общий рынок, отношения СССР и США, средиземноморский узел, перспективы ближневосточного конфликта, проблема антикубинских санкций ОАГ, Венские переговоры, некая международная ситуация, которая могла бы гипотетически сложиться при известных внутренних изменениях в Китае. <...> Возникшая в конкретных условиях международно-политическая ситуация на региональном или даже на глобальном уровне может рассматриваться как своеобразная «клетка» современной международной жизни, имеющая разноплановые связи как на международной арене, так и во внутреннем развитии отдельных стран.

Выражаясь точнее, можно сказать, что такая международно-политическая ситуация подлежит научному рассмотрению как некая подсистема, имеющая определенные элементы и четкие структурные взаимосвязи

[1] *Примаков Е.М., Гантман В.И., Любченко В.И.* Методика ситуационного анализа международных отношений. М.: ИМЭМО, 1974 // Архив ИМЭМО РАН.

в системе международных отношений. Эта подсистема может быть исследована и как вполне самостоятельная целостная динамическая система с присущими ей элементами, структурой и способом функционирования, движущими силами, специфическими проблемами и тенденциями развития, если при этом не будут игнорироваться ее внешние структурные взаимодействия в пределах системы международных отношений в целом»[1].

Помимо выделения конкретной международно-политической ситуации, становящейся объектом ситанализа, «Методика» предписывала правила формирования и подготовки группы экспертов во главе с руководителем, подробную процедуру ситуационного анализа, а также составление заключительного аналитического документа на основе экспертных оценок.

Из воспоминаний Е.М. Примакова:

«Обычно ситанализ проводился в течение всего дня; помимо выступавшего, по заранее определенному вопросу имели право в течение нескольких минут высказаться только те, кто были с ним не согласны. Три момента приобретали особое значение: подготовка сценария, что могло бы быть осуществлено только профессионалами, глубоко разбирающимися в теме обсуждения (при этом имело большое значение определение системы "переменных" и их иерархическое расположение), само "дирижирование" при проведении ситанализа и подготовка документа с выводами.

Мне довелось руководить большинством таких обсуждений. Назову лишь несколько результатов: мы спрогнозировали бомбардировки американской авиацией Камбоджи во время вьетнамской войны за четыре месяца до их начала; после смерти Насера — поворот Садата в сторону Запада и отход от тесных отношений с СССР; наконец, после победы "исламской революции" в Иране — неизбежность войны между этой страной и Ираком — она началась через 10 месяцев после проведения ситуационного анализа. Этот список можно было продолжить. Не последнее место в нем заняли сбывшиеся прогнозы экономических результатов энергетического кризиса, начало которому положил последовавший за войной в 1973 году на Ближнем Востоке резкий подъем цен на нефть»[2].

В 1974 г. Е.М. Примаков возглавил в ИМЭМО работу по анализу последствий и перспектив развития энергетического кризиса, охватившего Запад в результате четвертой арабо-израильской войны (октябрь 1973 г.), когда нефтедобывающие арабские страны начали бойкотировать государства, поддерживающие Израиль. Это привело к резкому удорожанию (более чем в четыре раза только за октябрь—декабрь 1973 г.) цен на нефть при сокращении ее добычи за этот же период на 30%[3].

Затяжной энергетический кризис больно ударил по экономике стран Запада, особенно европейских. Многие города Западной Европы в сере-

---

[1] *Примаков Е.М., Гантман В.И., Любченко В.И.* Методика ситуационного анализа международных отношений. М.: ИМЭМО,. 1974 // Архив ИМЭМО РАН. С. 7.

[2] *Примаков Евгений.* Годы в большой политике. С. 44.

[3] *Он же.* Ближневосточный кризис в 1973 г. // Международный ежегодник. Политика и экономика. Вып. 1974 г. М., 1974. С. 227.

дине 70-х годов из соображений экономии электроэнергии вынуждены были отказаться даже от привычного яркого освещения улиц и площадей в вечернее и ночное время. Энергетический кризис поставил промышленно развитые страны перед необходимостью широкой перестройки всего их энергетического хозяйства.

В ИМЭМО в оперативном порядке были развернуты исследования по изучению всего комплекса последствий, вытекавших из энергетического кризиса, как для Запада, так и для Советского Союза[1].

Эти проблемы стали предметом детального обсуждения на ситуационном анализе, проведенном в марте 1976 г. ИМЭМО совместно с Институтом атомной энергии им. И.В. Курчатова[2]. Этим ситанализом руководили академик Н.Н. Иноземцев и академик Е.П. Велихов, а его подготовкой и организацией занимался член-корреспондент АН СССР Е.М. Примаков.

Участники ситанализа констатировали, что энергетический кризис поставил развитые страны Запада перед необходимостью широкой перестройки их энергетического хозяйства. Программирование развития энергетики в этих странах было возведено на общенациональный уровень с привлечением крупных финансовых, материальных и людских ресурсов. Анализ принятых энергетических программ показал их комплексность, многоцелевой характер, охват всех экономически значимых видов энергоресурсов, учет потребностей развития и деятельности ряда обеспечивающих энергетику секторов хозяйства, сочетание в программах необходимых организационных и практических мероприятий в области государственного управления, развития науки и техники, роста и изменения структуры производства, распределения и потребления и т.д.

Имеющийся уже опыт энергетического программирования на Западе, по мнению участников ситанализа, требует дальнейшего систематического изучения научно-исследовательскими институтами АН СССР и другими советскими учреждениями энергетического профиля. Этот опыт может быть весьма полезным для разработки программы развития топливно-энергетического комплекса (ТЭК) СССР. Наибольший интерес в этом смысле представляет опыт США.

В результате состоявшегося обмена мнениями участники ситанализа сформулировали целый ряд выводов и предложений:

— В перспективе на 25 лет (т.е. до 2000 г.) основу энергобаланса промышленно развитых стран Запада по-прежнему будут составлять нефть, уголь, природный газ и атомная энергия. В то же время импорт нефти будет продолжаться в возрастающих масштабах.

---

[1] Первые результаты этих исследований были представлены в коллективной монографии: Энергетический кризис в капиталистическом мире / Отв. ред. Е.М. Примаков. М., 1975.

[2] Перспективы развития энергетики основных капиталистических стран в 1976—1985 и 1986—2000 гг. и его возможное значение для энергетического хозяйства СССР. Ситуационный анализ. М.: ИМЭМО, 1976. // Архив ИМЭМО РАН. В ситанализе приняли участие 42 эксперта из ИМЭМО, а также из других научных и государственных учреждений.

- По всей вероятности, мировые и внутренние цены на топливо и энергию в ведущих странах Запада будут постепенно возрастать. «Эра дешевой энергии» для западных стран завершилась, единодушно констатировали участники ситанализа, и это должно учитываться и в советской программе развития энергетики.
- Тенденция к повышению мировых цен на нефть и природный газ должна, с одной стороны, стимулировать увеличение советского экспорта этих энергоресурсов, а с другой — внести серьезные коррективы в систему замыкающих затрат на топливо и энергию в нашей стране, что должно стать одним из факторов повышения эффективности использования энергоресурсов.
- Возрастает необходимость развития альтернативных источников энергии, как важного «запасного варианта» перспективного энергоснабжения.
- Прогрессирующее расширение нефте- и газодобычи со всей остротой ставит вопрос о слабой изученности отечественных ресурсов ископаемого топлива.
- Одним из решающих условий развития энергетики в ведущих западных странах стало развитие их энергетического и электротехнического машиностроения. Соответственно, при разработке советской энергетической программы эти проблемы должны быть выделены в самостоятельную подпрограмму комплексного, межотраслевого характера.
- В ведущих странах Запада наблюдается форсированное развитие атомной энергетики, занимающей все более значительное место в производстве электроэнергии и во всем энергобалансе этих стран. Следует внимательно изучать перспективы развития мирового рынка уранового топлива и атомно-энергетической техники, вскрыть причины наблюдающегося значительного удорожания строительства АЭС, исследовать их перспективную конкурентоспособность в производстве электроэнергии. Все это представляется необходимым при планировании развития советской энергетики.

В итоговом документе, составленном по результатам проведенного ситанализа, подчеркивалось, что «задачи прогресса советской экономики требуют, а возможности нашей общественной системы позволяют обеспечить подлинную комплексность и многоцелевой характер программы развития энергетики СССР, гибкость и динамичность ее выполнения при опоре на современную методологическую и информационную базу»[1].

В середине 70-х годов вера в преимущества централизованной плановой экономики, способной успешно решать такие общенациональные проблемы, как энергетика, если и не была уже столь безоговорочной, как

[1] Архив ИМЭМО РАН // Там же. С. 66.

в прежние времена, но все еще преобладала среди советских экономистов и особенно — энергетиков.

Трудно было бы назвать международно-политическую или международно-экономическую проблему 70—80-х гг., которая не стала бы предметом детального обсуждения на ситуационных анализах, проводившихся в ИМЭМО[1].

Из воспоминаний члена-корреспондента РАН О.Н. Быкова, участника и руководителя многих ситанализов:

> «Обмен мнений охватывал широкий круг проблем мирохозяйственных связей, международно-политических, внешнеполитических и военно-политических вопросов. Итоги ситанализов оформлялись в виде закрытых записок и направлялись в ЦК КПСС и некоторые министерства и ведомства[2].
>
> По прошествии времени трудно вспомнить какой-нибудь отдельный ситанализ, который отличался от всех остальных своей значимостью и богатством содержания. Были и более удачные и менее удачные обсуждения. Но в целом они составляли содержательную серию во многом неординарных изысканий, проведенных в форме "мозговых атак" по заранее разработанным сценариям. Акцент делался на выявление возможно более широкого разброса точек зрения и оценок, способных стимулировать дальнейшее критическое рассмотрение избранной темы уже за пределами Института, на уровне выработки практических решений государственной политики.
>
> Именно такой аналитический подход поощрялся "сверху", и Дирекция Института никогда не затушевывала "острые углы" в итоговых документах. Наоборот, когда чувствовался недостаток в провоцирующих положениях и выводах, проводились дополнительное обсуждение или опрос по методу анкетирования. Не припоминается ни одного случая, чтобы нам выразили-

---

[1] Из большого числа проведенных ситуационных анализов можно назвать, в частности: Проблемы европейской безопасности; Современная фаза и перспективы развития американо-китайских отношений; Современный этап валютного кризиса и его последствия для мирового капиталистического хозяйства (1971 г.); Новые тенденции в политике Египта и перспективы советско-арабских отношений; Международные последствия вступления Англии в ЕЭС; Проблема частичного урегулирования ближневосточного конфликта (1972 г.); Возможные международно-политические последствия нормализации японо-китайских отношений; Перспективы урегулирования ближневосточного конфликта в новых условиях; Международно-политические последствия прекращения войны во Вьетнаме; Итоги и последствия четвертой арабо-израильской войны (1973 г.); Международно-политические последствия внутренних перемен в западноевропейских странах весной и летом 1974 г.; Оценка общих перспектив экономического сотрудничества СССР с развитыми капиталистическими странами (1974 г.); Проблемы обеспечения интересов СССР в Международном органе по дну (1976 г.); Перспективы Женевской конференции по Ближнему Востоку (1977 г.); Актуальные проблемы производственной и научно-технической кооперации СССР с капиталистическими странами; Взаимоотношения ФРГ и США и тенденции их развития в периоды до 1980 г. и до 1985 г. (1978 г.); Новые явления в валютно-финансовой сфере капитализма и внешнеэкономические интересы СССР; Современное состояние и перспективы развития взаимоотношений трех главных центров империалистической системы — США, Западной Европы (ЕЭС) и Японии; Проблемы развития экспортного потенциала СССР (1979 г.); Осложнение международной военно-политической обстановки и перспективы сдерживания гонки вооружений (1980 г.); Западная Европа: разрядочные и антиразрядочные тенденции (1981 г.)...

[2] Часть этих документов сохранилась в фондах бывшего Архива ЦК КПСС. См., например: Российский государственный архив новейшей истории (далее: РГАНИ. — *П.Ч.*). Ф. 5. Оп. 77.

ли из ЦК КПСС неудовольствие по поводу содержания наших итоговых записок. Не обходилось, вполне понятно, без несогласия с теми или иными высказанными нами суждениями со стороны практических организаций. Но это в порядке вещей. Ведь отсутствие расхождений в процессе поиска оптимального решения — признак его малой продуктивности. Истина рождается в столкновении мнений.

Участники ситанализов не рассчитывали найти полное согласие со своими позициями (да и между собой у них не всегда было единство взглядов). Не пытались они и подстраиваться под модные веяния и господствовавшие настроения. Всех их объединяло сознание того, что они участвовали в полезном деле, которое немыслимо без максимально разносторонних и максимально непредвзятых оценок и предложений»[1].

Исследовательский метод «мозговых атак», предложенный Е.М. Примаковым, очень скоро вышел за пределы ИМЭМО, найдя своих энтузиастов в других академических центрах и даже в государственных ведомствах.

За разработку метода и проведение серии ситуационных анализов группа ученых ИМЭМО во главе с академиком Е.М. Примаковым в 1980 г. была удостоена Государственной премии СССР.

Из воспоминаний Е.М. Примакова:

«Проходили мы вместе с оборонщиками по закрытому списку. Когда каждому из нас торжественно вручали значки лауреатов и дипломы, мы удивились тому, что в зале было не меньше награжденных, чем тех, которые становились лауреатами по открытому списку. Вручавшие награды — секретарь ЦК, заместитель Председателя Совмина и заведующий оборонным отделом ЦК — отреагировали без тени юмора на мой вопрос, следует ли значок лауреата носить с обратной стороны лацкана пиджака. "Вы можете носить его открыто", — последовал ответ»[2].

Вспоминает другой лауреат Государственной премии СССР, О.Н. Быков:

«Удостоиться столь высокой чести было не просто лестно, но и важно для ощущения своей востребованности (правда, как выяснилось уже в нынешнее время, мера реальной востребованности наших усилий была не столь уж высока ввиду специфики официального процесса выработки и принятия решений). И все же, высокая оценка ситанализов способствовала дальнейшему творческому развертыванию научного процесса в ИМЭМО»[3].

С присуждением в 1980 г. Государственной премии за ситанализы связана одна история, характеризующая, с одной стороны, тогдашнюю политическую систему, а с другой — личные качества Евгения Примакова.

Как известно, составление всевозможных списков на награждения, получение почетных званий, в том числе лауреатов Государственной или

---

[1] Из воспоминаний члена-корреспондента РАН О.Н. Быкова, которыми он поделился с автором.

[2] *Примаков Евгений*. Указ. соч. С. 45.

[3] Из воспоминаний О.Н. Быкова.

Ленинской премий, в советские времена проходило через партийные органы (партком, РК, МГК и соответствующие отделы ЦК КПСС). Окончательное же решение о присуждении Госпремии принималось Политбюро и только после этого оно официально оформлялось как решение Комитета по премиям.

Когда Е.М. Примаков, по согласованию с Н.Н. Иноземцевым[1], представил список кандидатов на получение Государственной премии, он, разумеется, включил в него прежде всего своих соавторов по разработке методики ситанализа — В.И. Гантмана и В.И. Любченко. Кандидатура последнего, как человека беспартийного, была сразу же отведена руководящими партийными инстанциями. Все попытки Примакова восстановить справедливость оказались безуспешными. Иной руководитель, посетовав на «высшие силы», отступился бы, найдя соответствующие слова утешения для несправедливо обойденного коллеги.

Примаков — и в этом проявился его характер — поступил иначе. Убедившись в тщетности своих усилий, он сообщил в «директивные инстанции», что снимет свою кандидатуру из списка представленных к награждению, если в этот список не будет включен Владимир Иванович Любченко. Ультиматум Примакова возымел действие. Партийные чиновники, не желая скандала, вынуждены были удовлетворить законное требование Евгения Максимовича. Любченко заслуженно стал одним из лауреатов Госпремии.

К тому времени ни Любченко, ни сам Примаков уже не работали в ИМЭМО. Еще в декабре 1977 г. Е.М. Примаков постановлением Президиума Академии наук СССР был назначен директором Института востоковедения[2].

А за год до этого случилась история, которая до сих пор остается не проясненной. В свое время она оживленно обсуждалась в «кулуарах» ИМЭМО, но не получила какого-либо официального подтверждения. Поэтому изложить ее можно только в той версии, в которой она сохранилась в памяти ветеранов Института.

В конце 1976 г. Е.М. Примаков получил неожиданное приглашение от Генерального директора ТАСС Л.М. Замятина занять место его первого заместителя. Сам Замятин в это время готовился перейти на работу в ЦК КПСС в качестве заведующего создаваемого им нового отдела. На недавно завершившемся XXV съезде партии он был избран в Центральный Комитет и был допущен в круг ближайших сотрудников Л.И. Брежнева.

---

[1] Сам Иноземцев, хотя и руководил многими ситанализами, тем не менее не включил себя в список кандидатов на получение Госпремии. Он был удостоен этой премии еще в 1977 г. за «Политическую экономию». По существовавшим тогда правилам, одному и тому же человеку Ленинская или Государственная премия могла быть присуждена не ранее чем по истечении пяти лет со времени получения предыдущей аналогичной награды. Вторично Н.Н. Иноземцев будет отмечен Государственной премией СССР в 1983 г. (посмертно) за вклад в подготовку 12-томного труда «История Второй мировой войны 1939—1945».

[2] Переходя на работу в Институт востоковедения, Е.М. Примаков взял с собой В.И. Любченко, который продолжил там свои исследования, начатые в ИМЭМО.

Перед Примаковым открывалась реальная перспектива стать преемником Замятина в ТАСС. По всей видимости, Евгений Максимович дал согласие на предложение Замятина. Во всяком случае, в конце 1976 г. в ИМЭМО открыто говорили о предстоящем уходе Примакова, как о деле решенном, а кое-кто уже поздравлял его с высоким назначением.

Но предрешенное, казалось бы, назначение так и не состоялось, породив в Институте слухи о конфликте Примакова с Иноземцевым. Николай Николаевич, явно не одобрив намерения своего заместителя, сумел воспрепятствовать его переходу в ТАСС[1].

Евгений Максимович всегда отказывался комментировать эту давнюю историю, неизменно подчеркивая свое уважение к памяти Иноземцева. Именно Иноземцева он называл человеком, которому в наибольшей степени обязан своей академической карьерой[2].

Действительно, при поддержке Иноземцева Е.М. Примаков в начале 70-х гг. был избран членом-корреспондентом АН СССР. Независимо от того, какова в действительности была роль Иноземцева в истории с несостоявшимся переходом Примакова в ТАСС, в декабре 1977 г. Николай Николаевич не препятствовал его переходу в Институт востоковедения АН СССР, а два года спустя поддержал кандидатуру Примакова при избрании в действительные члены Академии наук СССР. Между ними сохранялись самые добрые отношения до конца внезапно оборвавшейся в 1982 г. жизни Н.Н. Иноземцева.

С переходом Е.М. Примакова в Институт востоковедения практика «мозговых атак» в ИМЭМО была продолжена. Преемником Примакова в качестве руководителя ситанализов по международно-политической проблематике в Институте стал Олег Николаевич Быков, назначенный в 1977 г. заместителем директора ИМЭМО.

Координация исследований и международные связи

В 1971 г. решением директивных инстанций ИМЭМО стал в СССР головной организацией в изучении экономических и политических проблем современного капитализма (т.е. всего несоциалистического мира), что свидетельствовало об официальном признании ведущей роли Института в научных исследованиях на этом направлении. На ИМЭМО были возложены функции координатора исследований, проводившихся в академических институтах международного профиля — Институте США и Канады (ИСКАН), Институте Африки, Институте международного рабочего дви-

---

[1] В «кулуарах» Института тогда говорили, будто Иноземцев прибегнул к помощи кандидата в члены Политбюро, секретаря ЦК КПСС Б.Н. Пономарева, который сумел дезавуировать уже завизированный секретарем ЦК М.В. Зимяниным проект решения Политбюро о переходе Примакова в ТАСС.

[2] Запись беседы с Е.М. Примаковым 12 ноября 2002 г. В отношении к Иноземцеву проявляется все та же «тифлисская закалка» характера Примакова, верного дружбе и друзьям — живым и ушедшим.

жения (ИМРД), Институте Дальнего Востока, Институте востоковедения и Институте Европы, который будет организован в 1987 г. Все эти институты в 80-е гг. войдут в Отделение проблем мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР, выделившееся из Отделения экономики.

Сотрудники ИМЭМО возглавили работу нескольких научных советов в системе АН СССР, в частности: совета по экономическому соревнованию двух систем (председатель академик А.М. Румянцев, заместитель председателя член-корреспондент АН СССР А.Г. Милейковский) и совета по экономическим и политическим проблемам развивающихся стран (председатель член-корреспондент АН СССР В.Л. Тягуненко, а после его смерти в 1975 г. — Е.М. Примаков). Руководителями секций в этих советах были также сотрудники ИМЭМО — будущий академик Р.М. Энтов, доктора наук М.М. Максимова, В.М. Кудров, Г.Е. Скоров, Р.М. Аваков и др.

В качестве координатора научных исследований ИМЭМО выступал инициатором и участником симпозиумов, научных конференций и семинаров, проводимых государственными и научными учреждениями. Так, в 1974 г., совместно с ИСКАН АН СССР, ИМЭМО организовал и провел теоретические конференции по проблемам «Новые явления в теории и практике управления в США», «Современная фаза цикла и экономическое положение США» и принял участие в организованном в ИСКАН ситуационном анализе «Атлантические отношения на современном этапе».

В том же году отдел перспектив экономического развития капиталистических стран и соревнования двух систем ИМЭМО принял участие в конференции «Хозрасчетные методы повышения эффективности вложений в развитие производства» (г. Таллин), во Всесоюзной конференции по использованию межотраслевых балансов в планировании (г. Ереван).

Отдел экономики и политики развивающихся стран в 1974 г. принимал участие во Всесоюзной конференции по проблеме «Накопление капитала и экономический рост развивающихся стран», в дискуссии о проблемах некапиталистического развития стран «третьего мира», организованной Институтом Африки АН СССР, во 2-й Всесоюзной конференции африканистов и во Всесоюзной конференции «Идеологическая борьба и национальные отношения (г. Ашхабад), в конференции «Бюрократия и этакратия в «третьем мире», в симпозиуме «Уроки Чили и новые явления в мировом революционном движении», в научной конференции «Накопление и экономическое развитие стран «третьего мира», в научной конференции «Национально-освободительная борьба в странах «третьего мира» (г. Баку)[1].

В рамках созданного в Институте Совета координации ИМЭМО установил и поддерживал постоянные научные контакты с высшими учебными заведениями СССР, такими как: МГИМО МИД СССР, МГУ, Институт народного хозяйства, Московский финансовый институт, Ленинградский,

[1] Материалы о работе ИМЭМО АН СССР за 1970 – 1974 годы // Архив ИМЭМО РАН.

Тбилисский и Ростовский государственные университеты, Московский государственный педагогический институт им. В.И. Ленина и др. Сотрудничество с вузами осуществлялось по следующим направлениям:

- выступление ученых ИМЭМО с курсами лекций и проведение консультаций для профессорско-преподавательского состава;
- преподавание ведущих ученых Института в вузах г. Москвы на условиях штатного совместительства;
- стажировка профессоров и преподавателей вузов в ИМЭМО;
- участие вузовских профессоров в работе Ученых советов ИМЭМО;
- приглашение работников вузов на научные дискуссии, конференции и ситуационные анализы, проводившиеся в Институте;
- осуществление научного руководства преддипломной практикой и написанием дипломных работ выпускников московских вузов.

Некоторые из дипломников, проходивших практику в ИМЭМО и проявивших способности к научной работе, впоследствии зачислялись в штат Института или принимались в аспирантуру. Работать в ИМЭМО в 70—80-е годы было так же престижно, как и в 60-е. Соответственно, и попасть туда было далеко не просто.

Постоянное увеличение объема научных исследований, проводимых в ИМЭМО, создавало необходимость их координации внутри самого Института. Роль основного координатора НИР выполняла Дирекция ИМЭМО. Координация осуществлялась на двух этапах — планирования и непосредственного проведения исследований. Задачи же повседневной координации НИР возлагались на руководителей научных направлений, обозначенных в государственном плане. Организацией этой работы занимались Ученые советы, специальные координационные и научно-методические советы (например, по проблемам международных экономических отношений или по применению математических методов), наконец, сектора и специальные межотдельские проблемные группы.

В Институте был создан научно-методический совет по применению математических методов во главе с д.э.н. Е.М. Четыркиным. В этом совете были представлены все математические подразделения Института. Совет занялся координацией деятельности этих подразделений по разработке методов исследования социально-политических, экономических, научно-технических, военных и других проблем. На нем обсуждались выполненные в различных математических подразделениях работы. На Е.М. Четыркина и его коллег была возложена обязанность организовать выпуск серии сборников научных работ под общим названием: «Математические методы в экономике и международных отношениях». Уже к 1975 г. было издано пять выпусков этого сборника.

«Совет Четыркина» регулярно проводил в подмосковном Марфино математические школы, где в течение двух—трех недель молодые (и не только молодые) математики-экономисты повышали свою квалификацию. На этом же совете обсуждались диссертации, связанные с исполь-

зованием математических методов в экономических и международно-политических исследованиях.

В ноябре 1973 г. в ИМЭМО был создан Координационный совет по проблемам международных экономических отношений во главе с Е.М. Примаковым. Перед этим советом была поставлена задача согласования основных направлений исследований проблем внешнеэкономических связей СССР, проводившихся пятью подразделениями Института: отделом внешнеэкономических проблем капитализма; отделом экономики и политики развивающихся стран; отделом США; отделом стран Западной Европы; сектором Японии.

«Совет Примакова» занялся разработкой методологических аспектов изучения новых явлений во всемирном хозяйстве и в международных экономических отношениях, а также координацией проводившихся в соответствующих отделах конкретных исследований и инициативных записок для директивных органов.

На протяжении 70-х годов в Институте создавались и другие координационные советы, в частности, по актуальным проблемам развития экономики, промышленности и строительства ведущих стран Запада, по комплексному исследованию так называемых «малых стран» Западной Европы и др.

По ряду проблем координационные функции были возложены на отдельные научные подразделения, тематика исследований которых тесно переплеталась с другими подразделениями.

Так, сектор (впоследствии отдел) общих проблем империализма и критики буржуазных экономических теорий (руководитель А.Г. Милейковский) был определен в качестве головной организации в своей области. Одной из форм его сотрудничества с другими подразделениями Института стало выдвижение предложений по научным темам, разрабатывавшимся совместно с другими отделами и секторами, и практическая организация исследований по этим темам.

На созданный в 1973 г. при Дирекции сектор сводного прогнозирования (руководитель Л.М. Громов) были возложены задачи разработки программ и методологии экономического и социально-политического прогноза развития капиталистических стран, а также контроля и координации работ по экономическому прогнозированию.

Для решения конкретных, наиболее актуальных проблем в Институте создавались межсекторские и межотдельские проблемные группы. Как правило, продолжительность их существования определялась сроками выполнения того или иного исследовательского проекта.

Усилиями именно такой межотдельской группы в течение одного года (1974) была подготовлена монография «Энергетический кризис в капиталистическом мире» (руководитель авторского коллектива Е.М. Примаков).

По предложению Н.Н. Иноземцева в Институте был создано и работало несколько такого рода групп по изучению комплекса так называемых глобальных проблем: по сырьевым ресурсам (Р. Симонян), охране окру-

жающей среды (Р. Новиков), продовольственной проблеме (В. Мартынов), ресурсам Океана и морского дна (Л. Любимов), проблеме ликвидации бедности и нищеты в развивающихся странах (В. Рымалов), проблеме человека (Г. Дилигенский), методологии исследования глобальных проблем (М. Максимова). Итогом работы этих групп явилась коллективная монография «Глобальные проблемы современности» (ответственный редактор Н.Н. Иноземцев, 1980 г.) — одно из первых в СССР фундаментальных исследований по глобальной проблематике. Книга была переведена на многие языки и получила высокую оценку международной научной общественности.

На основе изучения мирового опыта решения глобальных проблем были подготовлены десятки аналитических записок и рекомендаций для директивных органов. Благодаря деятельности всех этих групп была заложена теоретическая база для последующих исследований природы и сущности процессов глобализации в современном мире.

В рамках отдела международных отношений в течение двух лет (1974 — 1976) под руководством д.и.н. Д.М. Проэктора действовала межсекторская группа по изучению проблем европейской безопасности и сотрудничества.

Группа была создана «под общеевропейское совещание», завершившееся подписанием в 1975 г. в Хельсинки Заключительного акта о принципах безопасности и сотрудничества в Европе. Сотрудники «группы Проэктора» подготовили целый ряд научных разработок для директивных органов и для советской делегации на СБСЕ[1]. Итогом работы этой группы стала публикация в 1976 г. монографии «Европейская безопасность и сотрудничество: предпосылки, проблемы, перспективы», после чего группа была расформирована, а ее сотрудники (в том числе и автор настоящей книги) были распределены по различным секторам отдела международных отношений.

В марте 1973 г. в ИМЭМО в порядке эксперимента была введена новая система оплаты труда, позволившая более дифференцированно оценивать вклад каждого научного сотрудника в проводимые исследования.

В то время практически во всех научно-исследовательских институтах СССР действовала двухступенчатая система, предполагавшая только две (без учета должностей заведующего сектором/отделом) должностные категории — младшего и старшего научного сотрудника. Оклады в рамках каждой категории были одинаковыми для всех, независимо от реального участия в научных исследованиях, вклада и полученных результатов. Разница определялась лишь наличием ученой степени: с.н.с., кандидат наук до выхода на пенсию получал «свои» 300 рублей, а с.н.с., доктор наук — 400.

Сумев получить ученую степень и соответствующее ученое звание, можно было всю оставшуюся жизнь особо не утруждать себя утомительными научными изысканиями. Все здесь зависело исключительно от личных качеств научного работника, и в первую очередь, от его порядочности и интереса к своей профессии. Подобная система, принятая еще в довоен-

[1] СБСЕ — Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, проходившее в три этапа — с 3 июля 1973 г. по 1 августа 1975 г.

ные времена, полностью отвечала уравнительным принципам, определявшим функционирование социалистического общества в СССР.

Несправедливость, а главное — неэффективность этой системы со временем начали сознавать и «наверху», где проявляли растущую озабоченность недостаточной результативностью научных исследований, на которые выделялись немалые средства. ИМЭМО, всегда отличавшийся прогрессивной направленностью, и здесь выступил со смелой инициативой — пересмотреть изжившую себя систему оплаты труда научного работника.

Академик Н.Н. Иноземцев взялся провести в своем Институте эксперимент, возможные результаты которого не были заранее очевидны ни ему самому, ни, тем более, научному коллективу ИМЭМО. В ЦК КПСС инициативу Иноземцева поддержали.

7 сентября 1972 г. было принято Постановление № 242 Госкомитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы «О введении в порядке эксперимента новой системы оплаты труда научных работников Института мировой экономики и международных отношений АН СССР». А 17 ноября того же года распоряжением Президиума АН СССР за № 37-1594 ИМЭМО получил конкретные указания о порядке введения новых условий оплаты труда.

Основным принципом, положенным в основу новой системы заработной платы, становилась более дифференцированная оплата труда, в зависимости от объема и сложности выполняемой работы, от реального вклада каждого научного сотрудника в выполнение задач, стоящих перед Институтом.

Вместо одной должности младшего научного сотрудника вводилось две — младший научный сотрудник (зарплата от 105 до 160 руб.) и научный сотрудник (160 — 220 руб.); вместо должности старшего научного сотрудника — старший исследователь (200 — 350 руб.), ведущий исследователь (300 — 400 руб.), главный исследователь — руководитель группы (350 — 450 руб.). Заработная плата заведующего сектором колебалась от 350 до 500 руб., а у заведующего отделом — от 400 до 500 руб.

Должность определялась в зависимости от оценки квалификации работника, сложности и объема выполняемой им научной и научно-организационной работы, а размер должностного оклада устанавливался методом балльной оценки конкретных видов работы, определяемой системой критериев, разработанной в ИМЭМО. Эти критерии были выбраны с учетом специфики каждой должностной категории и таким образом, чтобы материально стимулировать совершенствование научно-исследовательской работы в приоритетных направлениях научных исследований, проводимых в Институте.

Приказом директора от 29 ноября 1972 г. были сформированы четыре отраслевые и одна Центральная аттестационные комиссии. Рекомендации этих комиссий утверждались Учеными советами Института тайным голосованием.

Еще до начала работы аттестационных комиссий 34 научных сотрудника (в том числе 4 доктора и 15 кандидатов наук) подали заявления об уходе из Института. Как правило, это были люди, не уверенные в положительном для себя исходе переаттестации. Остальные 552 сотрудника благополучно прошли через процедуру переаттестации (184-м из них оклады были повышены)[1].

Новая система позволила ликвидировать существовавшую ранее уравнительность в оплате труда научных сотрудников и механизм автоматического повышения должностных окладов в связи с присвоением ученой степени или изменением статуса научно-педагогической работы. Одновременно она стала в большей степени стимулировать активность и инициативность научных сотрудников в выполнении плановых и внеплановых работ[2].

Эксперимент был признан успешным, и через несколько лет правительственным постановлением новая система оплаты труда была введена во всех институтах Академии наук СССР.

В 1975 г. Н.Н. Иноземцеву удалось добиться распространения на ИМЭМО доплаты к ежемесячному жалованию научного сотрудника за знание и использование в работе иностранных языков.

12 августа 1974 года г. Н.Н. Иноземцев обратился с соответствующим письмом в ЦК КПСС. В нем говорилось:

> «Учитывая задачи, возложенные на Институт мировой экономики и международных отношений АН СССР рядом решений ЦК КПСС, а также характер выполняемых Институтом заданий, просим разрешить ввести для научных сотрудников Института надбавку к основной заработной плате за знание и применение иностранных языков. Такая надбавка введена в ряде институтов Академии наук СССР — Институте США, Институте Дальнего Востока, Институте научной информации по общественным наукам, Институте экономики мировой социалистической системы»[3].

Его обращение было удовлетворено, и научные сотрудники ИМЭМО, по результатам экзаменов на кафедре иностранных языков АН СССР, начиная с 1975 г., стали получать процентные надбавки за иностранные языки (10% к должностному окладу за один язык и 20% за два)[4].

Важное место в деятельности ИМЭМО занимали международные связи — научные и общественно-политические.

---

[1] Материалы о работе ИМЭМО АН СССР за 1970—1974 гг. // Архив ИМЭМО РАН.

[2] Следует отметить, что в принятую новую систему оценок научной работы был включен и сугубо политический критерий — «участие в общественной работе». Это позволяло искусственно (и не всегда оправданно) завышать зарплату профессиональным «общественникам», годами заседавшим в парткоме, месткоме, комитете ВЛКСМ и в первичных ячейках этих и других организаций (агитбригады, добровольные народные дружины и т.д.). При этом многие из «общественников» не могли предъявить реальных достижений в собственно научной работе.

[3] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 67. Д. 152. Л. 70.

[4] При этом размер надбавки не мог превышать 50 рублей. Знание одного восточного языка приравнивалось к двум западным (английскому, французскому, немецкому и т.д.).

Сотрудничество ИМЭМО с аналогичными академическими (и мидовскими) институтами социалистических стран, налаженное еще в начале 60-х гг., развивалось в рамках многосторонних постоянных и проблемных комиссий.

Первой из них еще в 1961 г. была создана Постоянная комиссия по вопросам европейской безопасности. Поначалу она объединила ученых-международников из четырех стран — СССР, ГДР, Чехословакии и Польши, а впоследствии расширилась за счет представителей институтов международного профиля из Венгрии и Болгарии. В работе Постоянной комиссии на правах ассоциированных членов участвовали ученые-европеисты из Румынии и Югославии. На периодических заседаниях комиссии, поочередно проводившихся в столицах стран-участниц, обсуждались актуальные вопросы европейской безопасности и сотрудничества, возможности созыва СБСЕ, а после успешного завершения его работы в 1975 г. — пути и средства реализации хельсинкских договоренностей. Начиная с 1972 г., комиссия издавала Бюллетень, на страницах которого обсуждались различные аспекты проблемы европейской безопасности, и давалась информация о текущей работе в этой области входящих в комиссию научных учреждений. Самое активное участие в работе Постоянной комиссии и в издании ее Бюллетеня с самого начала принимали представители ИМЭМО[1].

Успешно действовала другая многосторонняя комиссия, созданная в середине 60-х годов по инициативе ИМЭМО, — Проблемная комиссия по исследованию современного капитализма. В ее работе принимали участие экономисты-международники из всех социалистических стран, публиковавшие материалы своих регулярных заседаний в Информационном бюллетене. С середины 70-х годов в рамках этой комиссии были налажены совместные исследования по теме: «Научно-техническая революция и экономические и социальные противоречия капитализма на современном этапе».

В конце 60-х годов была сформирована многосторонняя Рабочая группа по проблемам международной экономической интеграции в составе ученых Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши и Чехословакии. На ежегодных встречах (поочередно в каждой из стран-участниц) наряду с теоретическими аспектами обсуждались актуальные проблемы деятельности Европейских сообществ (ныне — Евросоюз) и вопросы международного экономического сотрудничества. По итогам работы было издано пять коллективных монографий. За труд «Западноевропейская интеграция и мировая экономика» коллектив авторов был удостоен Международной премии Академий наук социалистических стран «за выдающиеся исследования в области общественных наук» (с советской стороны — М.М. Максимова и Ю.В. Шишков).

---

[1] См., например: *Пономарев Г., Черкасов П.* (СССР, ИМЭМО). Некоторые аспекты политической борьбы за Общеевропейское совещание // Постоянная комиссия научно-исследовательских учреждений НРБ, ВНР, ГДР, ПНР, СССР, ЧССР по вопросам европейской безопасности. Бюллетень № 1. Варшава. Март 1972. С. 109—145.

В рамках Рабочей группы, и это важно отметить, вырабатывалась конструктивная позиция в вопросе об установлении официальных отношений СССР и других стран СЭВ с Европейскими сообществами, о чем участники регулярно информировали соответствующие инстанции в своих странах. К сожалению, потребовалось более десятилетия, прежде чем страны СЭВ и ЕС смогли принять Совместную декларацию о взаимном дипломатическом признании и заключить двусторонние соглашения о торговле, коммерческом и экономическом сотрудничестве (СССР был последним — 18 декабря 1989 г.).

В феврале 1975 г. в Москве состоялось Учредительное заседание Проблемной комиссии «Экономика и политика развивающихся стран», в которую вошли представители Болгарии, Венгрии, ГДР, Кубы, Польши, Румынии, Чехословакии и СССР. Председателем Проблемной комиссии был избран представитель ИМЭМО член-корреспондент АН СССР В.Л. Тягуненко. В рамках этой комиссии были созданы четыре подкомиссии. Руководство работой одной из них — «Комплексные проблемы развивающихся стран» — также было возложено на ИМЭМО.

Тесное сотрудничество ИМЭМО с экономистами и международниками государств социалистического блока осуществлялось и по другим направлениям в изучении мирового хозяйства и мировой политики.

Принципиально важное значение в условиях продолжавшейся холодной войны имело налаживание и развитие контактов ИМЭМО с аналогичными ему западными научно-исследовательскими центрами, часть из которых имела тесные связи с правительствами своих стран. Для советской стороны эти контакты были ценным источником информации о настроениях и существующих подходах на Западе к отношениям с СССР и к решению тех или иных международных проблем. Научные контакты оказывали также определенную помощь советской дипломатии, действовавшей в формальных, зачастую слишком узких, рамках.

По тем же самым соображениям, связи с ИМЭМО представляли очевидный интерес для его западных партнеров. Лорд Роупер, проработавший долгое время в Королевском институте международных отношений Великобритании («Чатам Хаус»), на вопрос о том, почему англичане в середине 70-х годов избрали своим партнером именно ИМЭМО, ответил: «Прежде всего, потому что ИМЭМО был самым авторитетным советским аналогом британского «Чатам Хаус». К тому же, мы знали, что ИМЭМО тесно связан с правительственными сферами, в частности с Центральным Комитетом и с Министерством иностранных дел СССР. Мы знали также, что ИМЭМО не привержен жесткой линии, что там серьезно размышляют над интересующими нас всех вопросами»[1].

Первый контакт между ИМЭМО и «Чатам Хаус» имел место еще в 1958 г., когда в Лондоне побывал А.А. Арзуманян, посетивший также Лондонский институт стратегических исследований. Но вплоть до 1975 г. британские

[1] Запись беседы В.Г. Барановского и П.П. Черкасова с лордом Джоном Роупером, состоявшейся во время встречи в Москве в феврале 2003 г.

связи ИМЭМО носили эпизодический характер, когда в Англию направлялись отдельные исследователи с индивидуальными научными проектами.

Все изменилось после официального визита в СССР в феврале 1975 г. премьер-министра Великобритании Г. Вильсона и министра иностранных дел Дж. Каллагэна, когда, среди прочего, был подписан протокол об организации регулярных встреч «за круглым столом» представителей общественности двух стран. От английской стороны ответственным за проведение этих встреч был назначен Королевский институт международных отношений, а от советской стороны — ИМЭМО. Уже в октябре того же года в Лондоне прошло первое заседание советско-британского «круглого стола». Сопредседателями этого заседания были академик Н.Н. Иноземцев и видный британский дипломат сэр Хэмфри Тревельян, бывший посол Великобритании в Москве (1962—1965 гг.).

На следующий год заседания «круглого стола» проходили в Лондоне. Английскую делегацию возглавлял директор «Чатам Хаус» Эндрю Шенфилд, советскую — Н.Н. Иноземцев. В дальнейшем такого рода заседания, на которых обсуждались наиболее актуальные проблемы международных и двусторонних (советско-британских) отношений, созывались поочередно в обеих столицах.

С советской стороны, помимо ведущих сотрудников ИМЭМО, а также Института США и Канады, в них принимали участие представители Международного отдела ЦК КПСС, МИД и Министерства обороны СССР. Практика «круглых столов» продолжалась и на протяжении 80-х годов. Она способствовала установлению большего доверия и лучшего взаимопонимания между научно-политическими элитами двух стран. Это было тем более важно, что очень долго между СССР и Западом вообще не существовало никаких контактов, кроме формально-официальных.

Англичане, как и другие западные партнеры ИМЭМО, прекрасно понимали, что их советские коллеги обязаны пропагандировать внешнеполитические установки и инициативы партийно-государственного руководства СССР. Пропагандистский элемент неизменно присутствовал в выступлениях советских участников «круглых столов», но это не отпугивало их западных партнеров. Для последних было важно прежде всего установить неформальные пути и средства общения, найти общий язык с представителями советской интеллектуальной элиты, обрести взаимное понимание в подходах к важнейшим проблемам современного мира.

Лорд Роупер вспоминает, что такое взаимопонимание возникло не сразу. Первый советско-британский «круглый стол» в октябре 1975 г. прошел достаточно формально. Ощущалась взаимная настороженность и даже некоторое недоверие. Однако на последующих встречах «лед недоверия» был растоплен, и между советскими и британскими собеседниками начался содержательный и полезный для обеих сторон профессиональный диалог. Лорд Роупер вспоминает, что разъяснения и комментарии советских коллег, даже при наличии в них очевидной пропагандистской нагрузки, тем не менее, помогали лучшему пониманию внешней политики

СССР. Одновременно, как полагали англичане, и у их московских партнеров формировалось более адекватное представление о политике Запада. Оставалось надеяться, что эти более объективные оценки будут доведены Иноземцевым и его коллегами из ИМЭМО до сведения высшего советского руководства. Главный же смысл этих встреч «за круглым столом» для английской стороны, по мнению Джона Роупера, заключался в попытках «установления диалога с элементами гражданского общества» в Советском Союзе. Эти попытки он считает в целом успешными[1].

Подход к сотрудничеству, присущий британскому «Чатам Хаус», был характерен и для других западных партнеров ИМЭМО.

Отношения тесного сотрудничества с начала 70-х годов ИМЭМО поддерживал с влиятельным Германским обществом внешней политики, руководитель которого (профессор Карл Карстенс) в мае 1979 г. был избран президентом ФРГ. На протяжении двух десятилетий между ИМЭМО и боннским научным центром, который после Карстенса долгое время возглавлял профессор Карл Кайзер, регулярно проходили заседания «за круглым столом», аналогичные советско-британским[2].

Не менее интенсивные связи ИМЭМО установил с научными центрами Франции — Национальным фондом политических наук, Центром исследований международных отношений[3], Институтом стратегических исследований[4] и близким к МИД Французским институтом международных отношений (ИФРИ). С последним была налажена практика регулярных обсуждений различных международных проблем. Французскую делегацию на встречах с представителями ИМЭМО обычно возглавлял директор ИФРИ Тьерри де Монбриаль.

В 70-е годы в ИМЭМО приезжала ведущий французский советолог и историк-русист профессор Элен Каррер д'Анкосс[5]. В 90-е годы она будет

---

[1] Запись беседы В.Г. Барановского и П.П. Черкасова с лордом Джоном Роупером, состоявшейся во время встречи в Москве в феврале 2003 г.

[2] От германской стороны в этих регулярных встречах, наряду с учеными-международниками, принимали участие видные политические и военные деятели, в частности генерал фон Кильманзег, бывший главнокомандующий войсками НАТО в Центральной Европе.

[3] Руководитель этого Центра профессор Ги Мериа неоднократно бывал в ИМЭМО. Однажды вместо него делегацию французских международников возглавлял Жан Лалуа, видный дипломат, директор департамента МИД Франции.

[4] Директор этого института генерал Боффр в 1971 г. выступил в ИМЭМО с лекцией по международным стратегическим проблемам. В 1956 г., в период Суэцкого кризиса, генерал Боффр командовал франко-английским экспедиционным корпусом в районе Порт-Саида.

[5] Профессиональный интерес Элен Каррер д'Анкосс к России в значительной степени вызван ее российскими корнями. Среди ее русских предков — графы Панины, Орловы и Палены. В 1979 г. советские власти внесли профессора Э. Каррер д'Анкосс в «черные списки» и закрыли ей въезд в СССР. Причиной послужила ее ставшая знаменитой книга «Рухнувшая империя», где предрекался распад СССР, который, по мнению французского автора, должен был начаться с возрождения ислама и выхода из Советского Союза среднеазиатских республик. См.: *Carre`re d' Encausse*. He´le`ne. L'Empire e´clate´. Paris. 1978. Запрет на въезд Элен Каррер д'Анкосс в Россию будет снят лишь после крушения советского режима. В 2003 г. Постоянный секретарь Французской академии Элен Каррер д'Анкосс была избрана иностранным членом Российской академии наук в знак признания ее весомого вклада в изучение истории России XVIII—XX вв.

избрана во Французскую академию, а затем станет ее Постоянным секретарем, т.е. пожизненным главой.

С началом процесса разрядки и улучшения советско-американских отношений у ИМЭМО появилась возможность установления контактов с ведущими научными центрами США. Особое место среди них занимал Стэнфордский исследовательский институт (SRY), проявивший инициативу в налаживании связей с ИМЭМО и ИСКАНом. В то время все контакты такого рода должны были предварительно санкционироваться в Инстанции, т.е. в Политбюро ЦК КПСС.

2 октября 1972 г. директор ИМЭМО Н.Н. Иноземцев и директор Института США АН СССР Г.А. Арбатов обратились в ЦК с письмом, в котором, в частности, говорилось:

> «Стэнфордский исследовательский институт, являющийся одной из самых крупных научно-исследовательских организаций США, тесно связанных с нынешней администрацией, обратился с предложением провести советско-американский симпозиум для обсуждения перспектив возможных сфер сотрудничества в советско-американских отношениях, а также ряда других политических, экономических и стратегических международных проблем. С американской стороны в работе симпозиума должен также принять участие Брукингский институт (Вашингтон), который является весьма авторитетным научно-исследовательским центром по вопросам экономики, внешней политики и международных отношений, обслуживающим руководящие политические круги США. <...> Руководство Стэнфордского института считает, что в дальнейшем может быть рассмотрен вопрос о переводе этих встреч на более или менее постоянную основу.
>
> Представляется, что проведение указанных встреч дало бы возможность выяснить взгляды авторитетных американских специалистов по актуальным международным проблемам и перспективам развития советско-американских отношений. Это представляло бы тем больший интерес, что и Стэнфордский, и Брукингский институты близки к правительственным кругам США и знакомство с их исследованиями позволит составить более ясное представление о позициях Вашингтона по проблемам, еще находящимся в стадии проработки и подготовки. На таких встречах, учитывая уровень представительства с американской стороны, можно было бы зондировать в предварительном порядке вопросы, представляющие интерес для нашей политики. Одновременно такие встречи могли бы быть использованы для того, чтобы привлечь внимание влиятельной части американских ученых-международников к различным аспектам нашей позиции по целому ряду международных вопросов. Просим рассмотреть»[1].

Инициатива Иноземцева и Арбатова была поддержана в Международном отделе и в отделе науки ЦК, после чего получила «высочайшую» санкцию Политбюро. «Стэнфордский проект» был включен в План научного сотрудничества АН СССР с Национальной академией наук (НАН) США.

---

[1] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 64. Д. 107. Л. 38 – 39.

Начиная с 1973 г., ИМЭМО, ИСКАН и Стэнфордский исследовательский институт наладили плодотворное сотрудничество, которое было прервано американской стороной в результате советской военной интервенции в Афганистан в декабре 1979 г. и ссылкой академика А.Д. Сахарова в г. Горький.

Стараниями Иноземцева и Арбатова, поддержанных руководством Академии наук СССР, это сотрудничество было возобновлено. Уже в августе 1980 г. секретарь НАН США по иностранным делам Т. Мэлоун прислан на имя Главного ученого секретаря АН СССР академика Г.К. Скрябина телекс следующего содержания:

> «Готов начать переговоры по новому межакадемическому соглашению, на которые секретарь по иностранным делам был уполномочен вчера решением Совета НАН. Готов приступить к ним в Амстердаме. Полагаю, был бы очень желательным приезд на Пагуошскую встречу Иноземцева или Быкова для неофициальных дискуссий с профессором Гольдбергером, председателем Комитета НАН по вооружениям. Был бы признателен, если бы мне телеграфировали, по возможности, имена других участников»[1].

В резолюции Совета НАН США, принятой по этому поводу и переданной в Президиум АН СССР, подчеркивалось:

> «Центральной проблемой для обеих наших стран является контроль над вооружениями и разоружение. Поэтому, независимо от изложенного выше, Совет будет упорно работать для того, чтобы ученые США и СССР смогли обсудить на своих встречах все технические аспекты этой проблемы»[2].

Межакадемическое сотрудничество между СССР и США было возобновлено. Возобновились и регулярные встречи между делегациями ИМЭМО и Стэнфордского института. Сотрудничество ИМЭМО со Стэнфордским институтом имело большое значение для обеих сторон и потому, что это были уникальные и авторитетные научные учреждения, и в силу их тесных связей с высшим руководством своих стран, в адрес которого направлялась информация «из первых рук».

Из воспоминаний постоянного участника этих встреч академика Е.М. Примакова:

> «<...> Не обходилось без казусов. Так, на нашей встрече в Вашингтоне (другие проходили и в Москве, и в Калифорнии) представители Пентагона чуть ли не зааплодировали профессору (впоследствии он заслуженно был избран действительным членом АН СССР) Револьду Михайловичу Энтову, который «разложил по полочкам» и доказал порочность и абсолютную непригодность методики подсчета советского военного бюджета, предложенную специалистами из Эс-эр-ай (Стэнфордского института. — *П.Ч.*). Оказалось, что за эту методику военное ведомство США заплатило инсти-

[1] Телекс от 13 августа 1980 г. // Там же. Оп. 77. Д. 152. Л. 89.
[2] Там же. Л. 88.

туту кругленькую сумму, — как было не порадоваться военным, когда "ученые-шпаки", получив деньги и, наверное, не раз подчеркнув при этом свою значимость, оказались нокаутированными»[1].

Ученые ИМЭМО принимали самое активное участие в деятельности различных международных общественных форумов, где, среди прочего, обсуждались проблемы разоружения и сокращения вооружений.

Из воспоминаний Е.М. Примакова:

«Сопоставление методик подсчетов военных бюджетов подводило к началу сокращения вооружений. Большую роль в этом сыграли два движения — Пагуошское и советско-американские Дартмутские встречи. Первое объединяло ученых различных стран, в основном естественников. Особое место в нем занимали физики, в том числе выдающиеся. Много сил отдали этому движению с нашей стороны академики А.В. Топчиев, М.Д. Миллионщиков, Н.Н. Семенов, М.А. Марков, В.И. Гольданский, В.С. Емельянов. В недрах Пагуошского движения формировались общие идеи о смертельной опасности для всего человечества использования ядерного оружия. Участники движения провели расчеты, осуществили моделирование, доказав, что в случае ядерной войны в мире наступит "ядерная зима" — резкое понижение температуры, при котором нет шансов выжить не только людям, но и всему живому.

Немало сделали участники движения для того, чтобы запретить ядерные испытания в атмосфере, приблизиться к мораторию на испытания ядерного оружия во всех сферах.

Что касается Дартмутских встреч, то они регулярно проводились для того, чтобы обговаривать и сближать подходы двух супердержав по вопросам сокращения вооружений, поисков выхода из различных международных конфликтов, создания условий для экономического сотрудничества. Особую роль в организации таких встреч играли два института — ИМЭМО и ИСКАН с нашей стороны, у американцев — группа политологов, отставных руководящих деятелей из госдепартамента, Пентагона, администрации, ЦРУ, действующих банкиров, бизнесменов. Долгое время американскую группу возглавлял Дэвид Рокфеллер, с которым у меня сложились очень теплые отношения. У нас — сначала Н.Н. Иноземцев, а затем Г.А. Арбатов. Активно участвовали в Дартмутских встречах В.В. Журкин, М.А. Мильштейн, Г.И. Морозов. Я вместе с моим партнером Г. Сондерсом — бывшим заместителем госсекретаря США были сопредседателями рабочей группы по конфликтным ситуациям. Нужно сказать, что мы значительно продвинулись в выработке мер нормализации обстановки на Ближнем Востоке. Естественно, что все разработки обе стороны докладывали на самый "верх"»[2].

---

[1] *Примаков Евгений.* Указ. соч. С. 38. «Торжествовали свою "маленькую победу" и мы, — добавляет Е. Примаков. — Сколько сил было потрачено на то, чтобы Энтова выпустили в США, да еще и в первую его поездку за границу! Хорошо, что в КГБ в то время были толковые руководители и во втором главке, например В.К. Бояров, к которому я обратился, и он в конце концов решил вопрос. Помогал нам в этом плане и заместитель начальника Управления КГБ по Москве В.И. Новицкий» // Там же.

[2] *Примаков Евгений.* Указ. соч. С. 38—39.

ИМЭМО активно развивал контакты не только на «западном», но и на «восточном» направлениях.

Из воспоминаний Е.М. Примакова:

> «Большой смысл приобрели встречи (организатор с нашей стороны ИМЭМО) с Японским Советом по вопросам безопасности ("Ампокен"). В первой половине 70-х годов по предложению бессменного инициатора таких встреч Суэцугу мы с Журкиным были в Токио и договорились о периодичности, составе группы и содержании диалога. Активно, помимо Суэцугу, в нем участвовали с японской стороны профессора Иноки, Саэки и многие другие, пользовавшиеся большим авторитетом в стране, но, может быть, еще важнее — влиятельнейшие фигуры (как и весь "Ампокен" в целом) в правящей Либерально-демократической партии.
>
> Вначале такие ежегодные "круглые столы" напоминали, скорее, разговор глухих. Каждая сторона высказывалась о важности развития отношений между СССР и Японией, но в то же время наши японские коллеги не переставая твердили, что это невозможно без решения вопроса о "северных территориях", а мы с не меньшим упорством отвечали, что такой проблемы не существует.
>
> Но постепенно "лед трогался". Сказывалось, несомненно, и уважительное отношение друг к другу. <...>
>
> Мне представляется, что именно наши встречи заложили основу продвижению в отношениях между двумя странами. Ведь дело не ограничивалось академическими по своему характеру презентациями их участников. Суэцугу делал все, чтобы вывести меня и других на самых крупных политических руководителей Японии. Одним из них был бывший премьер-министр, один из влиятельнейших политиков, Накасонэ...»[1]

С конца 70-х годов у ИМЭМО начали устанавливаться научные контакты с Южной Кореей, в определенном смысле подготовившие почву для последующего налаживания экономических контактов и установления дипломатических отношений между СССР и Республикой Корея. Впоследствии — в 90-е годы — южнокорейские аспиранты станут самой многочисленной иностранной «диаспорой» в аспирантуре ИМЭМО, где они успешно будут защищать диссертации, в том числе и по современной российской проблематике.

Уже к середине 70-х годов ИМЭМО поддерживал рабочие связи с пятью международными организациями (ЮНИТАР, ЮНИДО, ЮНКТАД, Международная экономическая ассоциация, Международный институт мира в Вене), с 71 национальной организацией в странах Запада[2] и с 18 научными центрами социалистических стран.

---

[1] Там же. С. 40 — 41.

[2] Наиболее крупные из них: Королевский институт международных отношений и Лондонский институт стратегических исследований (Великобритания), Австралийский национальный университет, Королевский институт международных отношений (Бельгия), Институт международных отношений Италии, Индийская экономическая ассоциация, Национальный фонд политических наук, Центр исследований международных отношений и Институт стратегических исследований (Франция), Финский институт международных отношений, Международный институт исследований проблем мира — СИПРИ (Стокгольм), Женевский институт высших

За период 1970—1975 гг. сотрудники ИМЭМО 752 раза выезжали в зарубежные научные командировки, в том числе: 422 раза — в страны Запада и «третьего мира» и 330 — в социалистические страны. Из этого числа поездок 484 были оформлены по линии АН СССР, остальные — по линии ЦК КПСС, МИД СССР, ГКНТ и советских общественных организаций. За этот же период времени (1970—1975) ИМЭМО посетили 1590 иностранных ученых[1], политических и общественных деятелей, дипломатов[2]. Послы иностранных государств в Москве считали своим долгом посещать Институт, встречаться с его руководством, а нередко и выступать перед его сотрудниками.

В 1976—1981 гг. ИМЭМО поддерживал отношения уже со 150 научными центрами социалистических, капиталистических и развивающихся стран[3]. За этот период в Институте были приняты 2293 иностранных гостя. Общее число загранкомандировок сотрудников ИМЭМО в эти годы составило 955 (более половины из них — в страны Запада)[4].

Развитию международных связей и укреплению авторитета ИМЭМО за рубежом способствовало введение в штат посольств СССР в ведущих странах Запада представителей Института (точнее — корреспондентов журнала «Мировая экономика и международные отношения»).

Инициатива в этом принадлежала академику Н.Н. Иноземцеву, который 12 августа 1974 г. обратился с соответствующим письмом в ЦК КПСС.

> «Считали бы целесообразным, — писал Иноземцев, — ввести с 1 января 1975 года в штаты некоторых совпосольств за рубежом ряд должностей в ранге 1-го или 2-го секретарей с тем, чтобы они были заняты сотрудниками Института в целях сбора информации по текущему и перспективному состоянию экономики и политики соответствующих стран, обеспечения связей с научно-исследовательскими центрами, различными политическими и общественными деятелями и организациями, а также для направления в Институт необходимой литературы и других материалов. Такие должно-

---

международных исследований, Германское общество внешней политики в Бонне, Гамбургский институт политики и экономики, Международная организация по исследованиям и научному обмену — АЙРЕКС (США), Американский совет научных обществ, Стэнфордский исследовательский институт, Гарвардский университет, Пенсильванский университет, Американская ассоциация экономических исследований в сельском хозяйстве, Национальное бюро экономических исследований (США), Совет по проблемам национальной безопасности, Институт международных отношений в Токио, Ассоциация японских экономистов-марксистов, Токийский университет, Университет Киото (Япония) и др.

[1] Интересные воспоминания о встречах с крупными американскими учеными-экономистами, бывавшими в ИМЭМО, оставил ветеран Института, доктор экономических наук А.В. Аникин. См. его книгу: *Аникин А.В.* Люди науки. Встречи с выдающимися экономистами. М., 1995.

[2] Сотрудничество ИМЭМО с институтами и научными центрами капиталистических стран; Научные центры социалистических стран, с которыми ИМЭМО поддерживает наиболее тесные контакты; Выезды сотрудников ИМЭМО за границу за 1970—1975 гг.; Сведения о приеме иностранных ученых в ИМЭМО АН СССР за 1970—1975 гг. // Архив ИМЭМО РАН.

[3] О работе Института мировой экономики и международных отношений АН СССР и положении с кадрами. Справка от 13 мая 1982 г. // Архив ИМЭМО РАН.

[4] Подсчитано по ежегодным отчетам о работе ИМЭМО АН СССР за 1976—1981 гг. // Там же.

сти общим количеством 6 единиц мы просили бы создать в совпосольствах в США, Англии, Франции, ФРГ, Японии и КНР.

Практика подобной работы сотрудников научно-исследовательских институтов в штатах посольств имеется (например, в Институте США Академии наук СССР и Научно-исследовательском конъюнктурном институте МВТ СССР) и полностью себя оправдала. Просим рассмотреть»[1].

Иноземцева в ЦК поддержали, хотя заявленный им перечень был там скорректирован[2]. В скором времени в Лондон, Париж, Бонн и Токио отправились представители ИМЭМО, получившие должности первых секретарей советских посольств в Англии, Франции, ФРГ и Японии.

Надо сказать, что в ряде случаев к посланцам ИМЭМО первоначально отнеслись настороженно, причем не только компетентные службы соответствующих государств, но и коллегии по посольству. И те и другие, видимо, предполагали в новоиспеченных дипломатах-корреспондентах журнала «МЭ и МО» «засланных казачков» или в лучшем случае «совместителей» по линии КГБ. Постепенно недоверие исчезло, когда стало ясно, что эти люди действительно представляют только ИМЭМО. В журнале «МЭ и МО» регулярно появлялись их статьи, обзоры и рецензии. Именно на них были возложены обязанности по организации двусторонних коллоквиумов, симпозиумов и «круглых столов» с участием сотрудников ИМЭМО. Они же пополняли институтскую библиотеку книжно-журнальными новинками из стран пребывания. В целом работа «резидентов ИМЭМО» была очень плодотворной и полезной для Института.

* * *

Можно с полным основанием утверждать, что в 70-е годы ИМЭМО переживал свой «золотой век». Институт по праву считался ведущим советским «мозговым центром» в области мировой экономики и политики. Он вел активную и широкую исследовательскую и просветительскую работу. Только за период 1976—1980 гг. ИМЭМО выпустил 164 коллективные и индивидуальные монографии (более чем по 30 книг ежегодно). А за один только 1981 г. учеными Института было опубликовано 48 книг общим объемом 780 печатных листов. За период 1976—1981 гг. в ЦК КПСС, Верховный Совет СССР,

Совет Министров СССР, МИД, Министерство обороны, Госплан, ГКНТ, МВТ и Президиум АН СССР Институтом было направлено 442 материала (аналитические и информационные записки и доклады). Разработки, подготовленные в ИМЭМО, вошли в директивные документы XXV (1976) и XXVI (1981) съездов КПСС, а также ряда пленумов ЦК.

---

[1] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 67. Д. 152. Л. 70.

[2] Поскольку в Вашингтон должен был отправиться представитель ИСКАН В. Бережков, в ЦК КПСС не сочли нужным выделять дополнительную должность для «эмиссара» ИМЭМО в США. В Пекин же, видимо, предполагалось направить представителя Института Дальнего Востока АН СССР.

15 сотрудников ИМЭМО в 1976 — 1980 гг. были удостоены звания лауреатов Государственной премии СССР; 10 сотрудников получили правительственные награды; трем ученым присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки РСФСР». В 1979 и 1980 гг. ИМЭМО получал переходящее Красное знамя «Победителя во Всесоюзном социалистическом соревновании научных учреждений АН СССР и союзных республик».

Численность Института выросла с 739 человек в январе 1973 г. до 979 сотрудников на конец 1981 г.[1] Н.Н. Иноземцев добился завершения весной 1978 г. «долгостроя» — нового 21-этажного здания Института на Профсоюзной улице. Одновременно ему удалось «пробить» в МГК КПСС и Исполкоме Моссовета многоквартирный дом для нуждающихся в улучшении жилищных условий сотрудников ИМЭМО. Несколько десятков человек с семьями, долгие годы и даже десятилетия стоявшие в очереди на жилье, неожиданно получили новые благоустроенные квартиры, причем в непосредственной близости от места работы.

Все это стало возможным вследствие высокого авторитета, которым академик Н.Н. Иноземцев пользовался в директивных инстанциях. Номенклатура хорошо знала о расположении к нему Брежнева[2], для которого Иноземцев писал доклады и выступления, вкладывая в них, по возможности, разумные мысли и предложения, которые, увы, зачастую не могли быть реализованы в условиях прогрессировавшего склероза советской системы.

В 1974 г. Иноземцев был избран в Верховный Совет СССР IX созыва и стал членом Комиссии по иностранным делам верхней палаты — Совета Союза. В 1979 г. он подтвердил свои депутатские полномочия в Верховном Совете СССР X созыва. На XXVI съезде (23 февраля — 3 марта 1981 г.) Иноземцев был переведен из кандидатов в члены ЦК КПСС, поднявшись на одну ступень в высшей партийной иерархии. А в апреле того же года академик Н.Н. Иноземцев в третий раз был удостоен ордена Ленина «за заслуги в развитии общественных наук, за активную общественно-политическую деятельность и в связи с 60-летием со дня рождения».

Ничто не предвещало беды...

---

[1] Среди них: два академика, 77 докторов и 286 кандидатов наук. Из 979 сотрудников 447 были членами КПСС. Средний возраст научных сотрудников (от общего их числа) к началу 1982 г. составлял 40,5 лет. По сравнению с начальным периодом истории Института изменился национальный состав научного коллектива ИМЭМО. Только за семь лет (1975 — 1982 гг.) доля русских от всего состава увеличилась с 79,4% до 82,0%; украинцев — с 2,2% до 2,8%; доля белорусов сократилась с 1,4% до 1%; армян — с 2,2% до 1,9%; евреев — с 10,2% до 8,7%. Значительное сокращение числа евреев в Институте объяснялось фактическим прекращением, под все более жестким давлением закрытых партийных инструкций, приема на работу еврейской молодежи и естественной «убылью» ветеранов-евреев. (О работе Института мировой экономики и международных отношений АН СССР и положении с кадрами. Докладная записка Н.Н. Иноземцева от 13 мая 1982 г.) // Архив ИМЭМО РАН.

[2] На рабочем столе Н.Н. Иноземцева в его директорском кабинете находился фотопортрет Л.И. Брежнева с теплой дарственной надписью генсека.

Глава 9

ИМЭМО ПОД УДАРОМ (1982)

Сумерки брежневской эпохи

Осенью 1974 г. исполнялось десять лет пребывания у власти Леонида Брежнева. Кто знает, быть может, 14 октября он даже отметил в узком кругу этот юбилей, не ведая о том «подарке», который сорок дней спустя преподнесет ему судьба.

24 ноября 1974 г., сразу же после завершения во Владивостоке напряженных переговоров с президентом США Джеральдом Фордом относительно намечавшегося заключения двустороннего соглашения об ограничении стратегических наступательных вооружений, Брежнев почувствовал себя плохо. Врачи констатировали у него спазм сосудов головного мозга. «Тяжелейший срыв произошел в поезде, когда, проводив американскую делегацию, Брежнев поехал в Монголию, — вспоминает сопровождавший его академик Евгений Чазов, руководитель 4-го Главного управления при Минздраве СССР (бывший Лечсанупр Кремля). — Из поезда я позвонил по спецсвязи Андропову и сказал, что... скрывать состояние Брежнева будет трудно, учитывая, что впервые не врачи и охрана, а вся делегация, находившаяся в поезде, видела Брежнева в невменяемом, астеническом состоянии»[1].

По авторитетному свидетельству Е. Чазова, первые признаки динамического нарушения мозгового кровообращения появились у Брежнева весной 1973 г., но он пренебрег тревожными сигналами. Он не желал отказываться от «вредных привычек», не выполнял предписаний врачей, сам себя «врачевал» категорически противопоказанными ему снотворным и различными транквилизаторами, которые правдами и неправдами добывал у своего окружения[2].

Какое-то время ему это сходило с рук, но после владивостокского инцидента состояние здоровья Брежнева стало неуклонно ухудшаться. Лечащие врачи делали все возможное, но им удалось лишь затормозить, но не остановить необратимое развитие атеросклероза сосудов мозга. Брежнев

---

[1] *Чазов Евгений.* Здоровье и власть. Воспоминания «кремлевского врача». М., 1992. С. 128.
[2] Там же. С. 115—127.

постепенно становился нетрудоспособен, превращаясь в беспомощного инвалида.

Когда 28 июля 1975 г. ему пришлось поехать в Хельсинки для подписания от имени СССР Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, то вместо дипломатов, как положено в таких случаях, с ним отправилась группа врачей[1]. С этого времени врачи (а в дальнейшем и реанимобиль) сопровождали Брежнева во всех его передвижениях по стране и за рубежом.

Ухудшение физического здоровья сопровождалось у Брежнева падением интеллекта и прогрессировавшими изменениями личности[2]. Все, кто хорошо его знали, единодушно говорят о «двух Брежневых» — до и после болезни.

Из воспоминаний академика Георгия Арбатова о «раннем» Брежневе:

> «...Это был человек в обращении простой, демократичный. Во всяком случае, в первые годы, когда он еще не разучился слушать людей, говорить спасибо за помощь, даже публично признавать, что многих вещей не знает. Не вызывает сомнений и то, что он обладал здравым смыслом, не был склонен к крайностям, скороспелым решениям, хотя потом это превратилось в свою противоположность — в нерешительность и бездеятельность. <...> Он имел заслуженную репутацию человека малообразованного и недалекого (хотя в этом плане Брежнев, опять же, был не хуже, а может, лучше многих других представителей руководства, таких, как Кириленко, Подгорный, Полянский). Те, кто изображает его глупцом, не правы. Он был по-своему очень неглуп. И я имею в виду не только хитрость, аппаратную ловкость, без которых он бы просто пропал, не выжил в тогдашней системе политических координат. Нет, речь именно о том, что Брежнев мог проявлять политическую сообразительность, ум и даже политическую умелость. <...> Поначалу Брежнев не строил из себя "великого человека". Своим помощникам он говорил: "Пишите проще, не делайте из меня теоретика, иначе ведь все равно никто не поверит, что это мое, — будут смеяться". И сложные, затейливые места — вычеркивал (бывало, даже просил вычеркнуть цитаты из классиков, поясняя: "Ну кто же поверит, что Леня Брежнев читал Маркса?").
>
> В отличие от Хрущева, он не высказывал по каждому вопросу свои мнения — первые годы выжидал, прислушивался и присматривался, словом, вел себя осмотрительно, даже с известной скромностью и достоинством (во все это трудно поверить, вспоминая "позднего Брежнева")»[3].

С оценкой Арбатова перекликается характеристика «раннего» Брежнева, данная другим его советником, академиком Н.Н. Иноземцевым.

---

[1] «Вспоминаю, как возмущались некоторые работники МИД СССР тем, что в зале заседаний рядом с Брежневым находились врач и охрана, а не дипломаты всех рангов. Возможно, они думали, что мы это делаем из тщеславия. А у нас была только одна мысль — хоть бы скорее все заканчивалось и лишь бы не пришлось на ходу применять лекарственные средства», — пишет Е. Чазов // Там же. С. 131.

[2] Одним из проявлений этого распада личности была пробудившаяся у Брежнева болезненная страсть к наградам и подаркам, которым он радовался, словно ребенок.

[3] *Арбатов Георгий*. Человек Системы. Наблюдения и размышления очевидца ее распада. М., 2002. С. 188—189.

«Со мной он довольно откровенно говорил о Брежневе, причем говорил позитивно, отмечая его достоинства, в частности, его разумность, — вспоминает Маргарита Матвеевна Максимова, вдова Иноземцева. — При подготовке текстов докладов, которые писали его советники, в том числе и Иноземцев, Брежнев обычно расставлял довольно правильные акценты. Приступая к этой работе, он, например, говорил своим советникам: "Я думаю, пора вот этот вопрос поставить. Как вы на это смотрите?.." Затем он уходил, оставляя советников поразмышлять над высказанным соображением и литературно его оформить.

Каждый из советников Брежнева размышлял в одиночестве, потом они собирались вместе и обсуждали продуманное наедине, чтобы выработать согласованную позицию, предлагавшуюся на рассмотрение Генерального секретаря. Брежнев, по словам Иноземцева, быстро и верно схватывал изложенные мысли, давал свои комментарии, причем всегда по делу. Часто он даже что-то подсказывал советникам. Так было до болезни Брежнева. <...>

Следует отметить, что Николай Николаевич хорошо знал членов брежневского Политбюро и считал, что Брежнев — это далеко не худший вариант. В конце концов, именно Брежнев подписал оба важных соглашения по стратегическим вооружениям с США, именно он решился подписать Заключительный акт Европейского совещания в Хельсинки со всеми его "тремя корзинами". Иноземцев искренне признавал роль Брежнева в разрядке международной напряженности. При этом Иноземцев чувствовал действительно хорошее к себе отношение со стороны Брежнева...»[1]

Таков, по свидетельству двух его внешнеполитических советников, был «ранний», или «здоровый» Брежнев. К этому можно лишь добавить, что в его внешнеполитическом активе было установление «особых отношений» с Францией (1966 г.) и историческое по своему значению примирение с ФРГ (1970 г.), что открыло путь к разрядке на Европейском континенте. Особое значение для закрепления мировой стратегической стабильности и снижения уровня военного противостояния имело начало плодотворного диалога с США, материализовавшегося в Договоре ОСВ-1 (1972 г.). Все это было достигнуто при непосредственном и заинтересованном участии Леонида Брежнева.

А вот что пишет о «позднем», «полуживом», как он его называет, Брежневе Михаил Горбачев, наблюдавший его на заседаниях Политбюро:

«Он менялся на глазах. Раньше был не только более энергичным, но и более демократичным, не чуждался нормальных человеческих отношений.

Поощрял обсуждения, случались даже дискуссии на заседаниях Политбюро и Секретариата. Теперь ситуация изменилась коренным образом. О дискуссиях, уж тем более о какой-либо самокритичности с его стороны не могло быть и речи. <...>

Помню, как на одном из заседаний Политбюро председательствовавший (Брежнев. — *П.Ч.*) "вырубился", потерял смысловую нить обсуждения.

[1] Запись беседы с М.М. Максимовой 9 января 2002 г.

Все сделали вид, что ничего не произошло. Хотя все это оставляло тяжкое впечатление»[1].

Горбачев вспоминает, как Константин Черненко, «правая рука» Брежнева, на заседаниях Политбюро «постоянно вскакивал с места, подбегал к Леониду Ильичу и начинал быстро перебирать бумаги:

— Это мы уже решили... Это вам надо зачитать сейчас... А это мы сняли с обсуждения...

В общем, картина тягостная. Делалось все это открыто, без всякого стеснения. Мне было стыдно в такие минуты, и я иногда думал, что и другие переживают аналогичные чувства. Так или не так, но все сидели, как говорится, не моргнув глазом. <...>

В последние годы пребывания Брежнева на посту Политбюро пришло в немыслимое состояние, — продолжает Горбачев. — Некоторые заседания, дабы не утруждать Леонида Ильича, вообще продолжались 15—20 минут. То есть больше времени собирались, нежели работали. Черненко заранее договаривался о том, чтобы сразу же после постановки того или иного вопроса звучала реплика: "Все ясно!" Приглашенные, едва переступив порог, должны были разворачиваться вспять, а считалось, что вопрос рассматривался в Политбюро. <...>

Даже когда Брежнев чувствовал себя получше, ему трудно было следить за ходом дискуссии и подводить ее итоги. Поэтому при постановке крупных проблем он обычно брал слово первым и зачитывал подготовленный текст. После этого обсуждать что-либо считалось неприличным, и опять раздавалась реплика: "Согласимся с мнением Леонида Ильича... Надо принимать..."Брежнев сам иной раз добавлял, что в проекте упущены такие-то моменты, надо, мол, усилить тот или иной акцент. Все дружно и радостно соглашались, обсуждение на том заканчивалось»[2].

Удивительно, но болезненное состояние Брежнева, резко ограничившее его реальное участие в ежедневном руководстве партией и страной, не мешало ему внимательно следить за своими соратниками по Политбюро, выявлять среди них соперников, т.е. реальных или воображаемых претендентов на место, и умело выводить их из игры, отправляя «на заслуженный отдых». Жажда власти оставалась единственной страстью угасавшего на глазах Брежнева, потерявшего интерес ко всему, кроме разве что наград и подарков[3].

---

[1] *Горбачев Михаил.* Жизнь и реформы. Книга 1. М., 1995. С. 182—183.

[2] Там же. С. 217.

[3] «Иноземцев рассказывал, — вспоминает М.М. Максимова, — что на даче в Завидово у Брежнева был большой письменный стол. Он любил иной раз выдвигать ящик стола, где хранились всевозможные подношения, которые он получал, — часы, перстни, запонки. Брежнев с явным удовольствием все это перебирал и гордо демонстрировал своему гостю, комментируя каждую вещицу: «Вот видишь, ты не думай, что это пустая побрякушка. Этот перстень мне подарил товарищ Алиев». Брежнев очень любил демонстрировать свои сокровища» (запись беседы с М.М. Максимовой).

Он последовательно и умело устранял всех, в ком подозревал соперника. В 1976 г., как уже говорилось, Брежнев окончательно избавился от «железного Шурика», который в 1964 г. помог ему устранить Хрущева[1]. Тогда же он отправил послом в Японию заподозренного им в нелояльности Дмитрия Полянского, другого ветерана Политбюро, считавшегося разве что не другом Леонида Ильича.

Когда Николай Подгорный, председатель Президиума Верховного Совета СССР, как свидетельствует Е. Чазов, неосторожно начал проявлять повышенный интерес к состоянию здоровья Брежнева, тот, воспользовавшись удобным случаем, избавился и от него. Летом 1977 г. завершалась подготовка новой, «брежневской» Конституции, которая должна была прийти на смену «сталинской», 1936 г. В проект Конституции была включена статья 6-я, провозглашавшая КПСС «ядром политической системы» СССР[2]. Брежнев резонно посчитал, что именно он, а не Подгорный должен отныне быть главой советского государства, совместив в одних руках руководство партией и государством. 16 июня 1977 г. Леонид Ильич Брежнев единогласно был избран Председателем Президиума ВС СССР, а Подгорный пополнил ряды «персональных пенсионеров союзного значения».

В ноябре 1978 г. на пенсию был отправлен Кирилл Мазуров, член Политбюро с 1965 г. и одновременно — Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР. Преемником Мазурова в СМ СССР Брежнев назначил своего давнего приятеля Н.А. Тихонова, которому поручил приглядывать за главой правительства А.Н. Косыгиным.

Брежнев всегда недолюбливал Косыгина, ревниво относился к его популярности в обществе, но вынужден был терпеть долгих шестнадцать лет. Именно Брежнев приложил руку к тому, чтобы была свернута «косыгинская» хозяйственная реформа середины 60-х годов. Воспользовавшись ухудшением здоровья Косыгина[3], Брежнев в октябре 1980 г. спровадил его в отставку, а на пост Председателя СМ СССР провел верного себе Тихонова, который постарался похоронить последние реформаторские начинания Алексея Николаевича и его заместителя В.Н. Новикова, связанные с попытками оздоровить тяжело больную советскую экономику[4].

Тогда же, в октябре 1980 г., в автомобильной катастрофе погиб кандидат в члены Политбюро, Первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии Петр Машеров, пользовавшийся широкой популярностью далеко за пределами своей республики. Он отличался сильным, независимым характером и уже поэтому мог вызывать подозрения у Брежнева и его окружения.

---

[1] Выведенного из Политбюро А.Н. Шелепина, бывшего «второго человека» в партии, дополнительно унизили назначением на должность заместителя председателя Госкомитета СССР по профессионально-техническому образованию. На этом посту Шелепин проработал до выхода на пенсию в 1984 г.

[2] Новая Конституция СССР, формально закрепившая руководящую роль КПСС в советской политической системе, была принята 7 октября 1977 г. на 7-й внеочередной сессии ВС СССР.

[3] В 1976 г. А.Н. Косыгин перенес микроинсульт, а три года спустя у него случился инфаркт.

[4] Вслед за А.Н. Косыгиным в отставку был отправлен и В.Н. Новиков.

Эти подозрения подогревались ходившими в обществе и в партии разговорами о более высоком призвании «хозяина Белоруссии», достойного занять место Генерального секретаря ЦК КПСС. Так или иначе, но гибель Машерова, в случайность которой многие так и не поверили, должна была избавить Брежнева от дополнительной головной боли.

В течение второй половины 70-х годов безнадежно больному Брежневу удалось избавиться от всех возможных (и воображаемых) претендентов на занимаемое им место, расставив на ключевых постах в партии и государстве преданных ему людей[1]. В этом отношении он наконец-то почувствовал себя в полной безопасности и мог позволить себе расслабиться.

Уверенность Брежнева в прочности своего положения была вполне обоснованной. Провозглашенный им еще в октябре 1964 г. курс на «кадровую стабильность», т.е. фактическую несменяемость партийно-государственной номенклатуры, обеспечил ему безусловную поддержку секретарей крайкомов, обкомов и республиканских партийных организаций, составлявших костяк Центрального комитета. Устраняя время от времени своих возможных конкурентов из Политбюро, Брежнев лишь в очень редких случаях менял министров и «первых лиц» на местах. Стоит ли удивляться, что при всей очевидной недееспособности центральная и местная бюрократия, руководствуясь исключительно своими корыстными интересами, желала по возможности дольше продлить брежневское «царствование», оправдывая это «высшими интересами партии и государства».

Именно в этом направлении, как свидетельствует Михаил Горбачев, наставлял его Юрий Андропов. Когда Горбачев в 1978 г. из Ставрополя перебрался в Москву в качестве новоиспеченного секретаря ЦК КПСС и стал регулярно присутствовать на заседаниях Секретариата и Политбюро, он был поражен немощью Брежнева, только что не засыпавшего на заседаниях. Горбачев поделился этим озадачившим его «открытием» с благоволившим к нему Андроповым.

> «Знаешь, Михаил... — поучительно сказал Андропов Горбачеву, — надо делать все, чтобы и в этом положении поддержать Леонида Ильича. Это вопрос стабильности в партии, государстве, да и вопрос международной стабильности»[2].

> «Не только он, думаю, большинство членов Политбюро не хотели ухода Брежнева, — вспоминает по этому поводу М.С. Горбачев. — Слабеющий генсек вполне устраивал первых секретарей обкомов, крайкомов и ЦК

[1] Особым влиянием в брежневском руководстве пользовались его давние друзья — Д.Ф. Устинов, сменивший в 1976 г. на посту министра обороны и члена Политбюро умершего маршала А.А. Гречко, и К.У. Черненко — начальник канцелярии Брежнева, ставший в 1978 г. членом Политбюро и секретарем ЦК КПСС. Полную лояльность по отношению к генсеку демонстрировали и три других наиболее влиятельных члена Политбюро — М.А. Суслов, Ю.В. Андропов и А.А. Громыко. Именно эта пятерка — Суслов, Устинов, Черненко, Андропов и Громыко — задавала тон в Политбюро, определяя наиболее важные государственные решения.

[2] *Горбачев Михаил*. Указ. соч. С. 182.

республик, устраивал он и премьер-министров, министров, ибо они становились полными хозяевами в своих епархиях»[1].

Концентрация высшей власти в немощных руках страдавшего мозговым атеросклерозом Брежнева, окруженного не менее больными и столь же великовозрастными соратниками, неизбежно должна была отразиться на положении дел в самом Советском Союзе, а также в его внешней и оборонной политике. По единодушному мнению тех, кто был посвящен в тайны кремлевской политической «кухни» конца 70-х — начала 80-х годов, болезнь Брежнева стала одним из важнейших факторов, определявших внутреннюю и внешнюю политику СССР. «Сложилась ситуация, — отмечает Г.А. Арбатов, — когда нормальное руководство страной — нормальное даже по самым либеральным критериям, учитывающим более чем скромные возможности Брежнева как руководителя, — уже было невозможным, а опасность серьезных ошибок в политике возросла. И эти ошибки не заставили себя ждать. <...> Главные из них были связаны с ... излишней заидеологизированностью внешней политики, а также с чрезмерным упором на военный фактор в деле обеспечения безопасности, что вело к выходу из-под политического контроля военной политики и оборонных программ»[2].

В середине 70-х годов возникли серьезные проблемы в советско-американских переговорах по ограничению стратегических вооружений. В значительной степени они были порождены ничем не оправданным наращиванием ракетно-ядерного потенциала СССР, добившегося превосходства над США по числу носителей, мегатоннажу и забрасываемому весу стратегического оружия, а также по оружию средней дальности. Разумеется, подобные усилия советского ВПК не составляли секрета для американской стороны, принявшей вызов. Примерный паритет стратегических ядерных сил между СССР и США, позволивший им в мае 1972 г. заключить договор ОСВ-1, был поставлен под угрозу, как и весь переговорный процесс в области ограничения стратегических вооружений.

Потребуется семь лет напряженных усилий дипломатов и военных экспертов двух стран, прежде чем 18 июня 1979 г. Л. Брежнев и Дж. Картер подпишут в Вене договор ОСВ-2. Однако этот договор так и не будет ратифицирован Конгрессом США[3].

В 1976 г. СССР начал осуществлять ускоренную модернизацию своих ядерных сил в Европе, заменяя устаревшие ракеты РСД-4 и РСД-5 (по натовской классификации — СС-4 и СС-5) на новые РСД-20, более известные как СС-20. Это вызвало серьезную озабоченность в Европе, которая еще не успела забыть, что годом ранее — 1 августа 1975 г. — Леонид Брежнев поставил свою подпись под хельсинкским Заключительным актом

---

[1] *Горбачев Михаил*. Указ. соч. С. 182.

[2] *Арбатов Георгий*. Указ. соч. С. 282—283.

[3] Обязательства по договору ОСВ-2 будут выполняться вашингтонской администрацией на «добровольной» основе.

СБСЕ, провозгласившим необходимость снижения высокого уровня военного противостояния на Европейском континенте путем сокращения вооруженных сил и вооружений в этом районе.

В ответ на попытку СССР изменить в свою пользу военный баланс в Европе в НАТО началось обсуждение возможности ядерного довооружения путем размещения на континенте новых американских ракет «Першинг-2» и «Томагавк». Предварительное решение по этому вопросу было принято на сессии НАТО в мае 1978 г., после чего американская сторона предприняла попытку «образумить» советское руководство, убедить его не пытаться сломать существующий военный баланс в Европе.

Вот что вспоминает по этому поводу Георгий Маркович Корниенко, тогдашний 1-й заместитель министра иностранных дел СССР:

> «Запад подавал нам соответствующие сигналы: пусть СССР «раскроет карты», из которых было бы видно, что он не станет развертывать ракет СС-20 больше (в пересчете на боеголовки), чем было ракет СС-4 и СС-5, а еще лучше — ограничится несколько меньшим их числом с учетом более высоких качественных характеристик. Тогда озабоченность западноевропейцев, как и вопрос о размещении новых американских ракет в Европе, будет снята»[1].

Обнадеживающие переговоры по этому вопросу летом 1979 г. провели А.Н. Косыгин и канцлер ФРГ Г. Шмидт, однако возможность достижения взаимоприемлемого компромисса была сорвана грубым вмешательством маршала Дмитрия Устинова, представлявшего в Политбюро интересы всемогущего советского ВПК. Именно он, по свидетельству Г.М. Корниенко, добился того, что Политбюро по существу дезавуировало предварительную договоренность Косыгина со Шмидтом[2]. Роль Устинова в этом деле не была секретом для западной стороны, что засвидетельствовал в своих воспоминаниях Гельмут Шмидт:

> «В московском Политбюро министр обороны докладывал: зачем вести переговоры? Ведь у нас ракеты, а у них — ничего. Так чем же они могут заплатить?»[3]

Ответом на жесткую позицию СССР стало принятое в декабре 1979 г. решение сессии НАТО о размещении в Европе 108 ракет «Першинг-2» и 464 крылатых ракет «Томагавк». Эти ракеты были способны в короткие сроки поражать цели на территории СССР. В условиях развернутого стараниями советской внешнеполитической пропаганды широкого антивоенного движения в Европе против размещения там американских ракет руководство НАТО вынуждено было публично зарезервировать для себя возможность возобновления переговоров с СССР по вопросу «евроракет».

---

[1] *Корниенко Г.М.* Холодная война. Свидетельство ее участника. М., 1994. С. 241.

[2] Там же. С. 241—242.

[3] *Шмидт Гельмут.* На благо Германии. М., 1995. С. 74.

Тем не менее недвусмысленно выраженное намерение европейских участников НАТО разместить «Першинги» и «Томагавки» на своей территории встревожило советское руководство, и прежде всего самого Брежнева, который, справедливо считая себя «отцом разрядки», искренне переживал начавшееся разрушение своего детища. Брежнева одинаково огорчали и «ракетный кризис» в Европе, и срыв владивостокских договоренностей с Фордом после смены администрации в Вашингтоне, где, с одной стороны, изменились внешнеполитические приоритеты, а с другой — не намеревались мириться с откровенными нарушениями Советским Союзом договоренностей по ОСВ-1. Но Брежнев был серьезно болен и по этой причине не мог противостоять давлению своих воинственно настроенных соратников, в первую очередь Дмитрия Устинова[1]. И все же ему хватило сил и здравого смысла настоять в Политбюро на необходимости ввести в 1980 г. мораторий на размещение ракет СС-20 и продолжить консультации с НАТО. Пройдут годы, прежде чем на основе т.н. «двойного нуля» «ракетный кризис» в Европе будет преодолен.

Непомерное наращивание Советским Союзом военных усилий сопровождалось на протяжении 70-х годов расширением его экспансии в «третьем мире», борьба за который составляла «второй фронт» в геополитическом противостоянии Востока и Запада.

В 1981 г. СССР оказывал экономическую и техническую помощь 69 социалистическим и развивающимся странам. Возрастающую роль в этой помощи играли поставки вооружений в страны «третьего мира». В 1955—1968 гг. они оценивались в 4,5 млрд долларов, в 1966—1975 гг. — в 9,2 млрд, а в 1978—1982 гг. — уже 35,4 млрд[2].

Когда в 1974 г. рухнула последняя колониальная империя — португальская, — СССР активно поддержал военное вмешательство Кубы в Анголе и Мозамбике, а также в Центральной Америке (Гренада, Никарагуа, Сальвадор). Щедрая военно-техническая помощь из СССР направлялась в Эфиопию, Сомали, Йемен, в ряд государств Тропической Африки, где были зафиксированы проявления антизападных настроений.

А в декабре 1979 г. Политбюро ЦК КПСС, преодолев мучительные сомнения, приняло роковое решение об оказании «интернациональной помощи» Афганистану[3], куда были введены передовые части 40-й армии,

---

[1] См. об этом: *Арбатов Георгий.* Указ. соч. С. 299—230.

[2] *Шубин Александр.* Истоки перестройки. 1978—1984 гг. Т. 1. М., 1997. С. 8—9.

[3] Руководство прокоммунистической Народно-демократической партии Афганистана (НДПА), совершившей т.н. «Апрельскую революцию 1978 г.», сознавая неустойчивость установленного в стране режима, неоднократно обращалось в Москву с призывами о непосредственной военной помощи в борьбе с «контрреволюцией». Только в 1979 г. в Москве получили 19 таких обращений. И лишь в декабре 1979 г. кремлевские старцы решились на этот шаг, безусловно, ускоренный убийством Амином 8 октября лидера НДПА Нур Мухаммеда Тараки, которого Брежнев называл своим другом. В это же время Андропов проинформировал своих коллег по Политбюро, что КГБ якобы получены сведения о переориентации Амина на США. В этом отношении более чем странным выглядели продолжавшиеся просьбы «продавшегося американцам» Амина к руководству СССР о введении советских войск в Афганистан. Именно обращение Амина об оказании его режиму «интернациональной помощи» послужило «правовой» основой для советской военной интервенции в Афганистане. Подлинной же причиной этого вмешательства, скорее всего, можно

обеспечившие свержение диктаторского режима Хафизуллы Амина и утверждение у власти московского ставленника Бабрака Кармаля. Как установили Р.Г. Пихоя и генерал Д.А. Волкогонов, разбиравшие в 1992 г. секретный архив Политбюро, инициатива принятия решения о военной интервенции в Афганистан принадлежала Д.Ф. Устинову, Ю.В. Андропову и А.А. Громыко. Остальные члены Политбюро, включая самого Брежнева, 12 декабря 1979 г. согласились с этим предложением[1].

Спустя две недели советские войска вошли в Афганистан. После того как 27 декабря спецподразделения КГБ и ГРУ захватили дворец Амина в Кабуле, а сам диктатор был убит в перестрелке, на смену ему пришел Бабрак Кармаль, которого со временем сменит другой просоветский ставленник — Наджибулла.

Советская военная интервенция в Афганистане стала настоящим подарком для США, которые с трудом скрывали свою заинтересованность в том, чтобы СССР поглубже увяз в этой обременительной и бесперспективной войне[2]. Разумеется, Вашингтон демонстрировал «искреннее возмущение» агрессивной акцией СССР в Афганистане, что, впрочем, не помешало США в октябре 1983 г. осуществить аналогичное вооруженное вторжение на Гренаду и свергнуть неугодное им «народно-революционное» правительство Мориса Бишопа, который тогда же был убит[3].

США инициировали принятие 14 января 1980 г. Генеральной Ассамблеей ООН резолюции, осуждающей советскую военную акцию в Афганистане. Под нажимом президента США Джимми Картера 57 государств в знак протеста против вторжения советских войск в Афганистан бойкотировали XXII летние Олимпийские игры в Москве, проходившие с 19 июля по 3 августа 1980 г. Одновременно Картер отложил ратификацию договора ОСВ-2 и объявил о свертывании программ научного и культурного сотрудничества с СССР. Примеру США последовали некоторые государства Западной Европы, в частности Франция. Всеобщее возмущение на Западе вызвала ссылка 22 января 1980 г. академика Андрея Дмитриевича Сахарова[4] в закрытый для

считать порожденный в Политбюро информацией (или дезинформацией?) Андропова страх «потерять Афганистан», как перед этим были «потеряны» Египет и Сомали. В СССР, безусловно, были встревожены и тем, что осенью 1979 г. в обстановке разгоравшегося ирано-американского конфликта США ввели свои боевые корабли в Персидский залив.

[1] Одновременно Д.Ф. Устинову, Ю.А. Андропову и А.А. Громыко было поручено решать все текущие вопросы, связанные с военной операцией в Афганистане. См.: *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: история власти. Новосибирск, 2000. С. 349—350.

[2] Вопреки первоначальным расчетам, война в Афганистане приняла затяжной характер, что требовало постоянного наращивания там советского военного присутствия. Уже к концу 1980 г. численность «ограниченного контингента» в Афганистане достигла 100 тыс. человек. Как известно, война там продолжалась без малого десять лет. Через Афганистан прошло 620 тыс. советских военнослужащих. Более 100 тысяч вернулись оттуда больными гепатитом. Война унесла жизни 14 453 человек // *Пихоя Р.Г.* Указ. соч. С. 358.

[3] Одновременно США расширили помощь поддерживаемым им режимам в Центральной и Южной Америке, стремясь не допустить распространения в своей «заповедной зоне» влияния сандинистской революции в Никарагуа (июль 1979 г.).

[4] Еще в 1978 г. глава КГБ Юрий Андропов назвал академика Сахарова «врагом номер один» внутри страны.

посещения иностранцами г. Горький (Нижний Новгород). Известный ученый и правозащитник поплатился за то, что направил Л.И. Брежневу открытое письмо с осуждением советской интервенции в Афганистане.

Сменивший Дж. Картера в конце 1980 г. президент США Рональд Рейган обвинил Советский Союз в новом преступлении — в причастности к политическому кризису в Польше, правительство которой под давлением Москвы развернуло ожесточенную борьбу со стихийно возникшими независимыми профсоюзами (объединение «Солидарность»), а по существу с рабочим и студенческим движением, бросившим смелый вызов коммунистическому режиму. 13 декабря 1981 г. в Польше было введено военное положение. В Вашингтоне усмотрели в этом «руку Москвы»[1], хотя наиболее трезвые наблюдатели на Западе оценили этот шаг генерала В. Ярузельского как отчаянную попытку предотвратить казавшуюся неизбежной советскую военную интервенцию в Польшу, как это уже было в Венгрии в 1956-м и в Чехословакии в 1968 г.

Тем не менее 31 декабря 1981 г. президент Рейган объявил о введении экономических санкций в отношении СССР (приостановка переговоров о продаже зерна, эмбарго на поставки в Советский Союз высокотехнологичного оборудования, в частности, для Транссибирского газопровода). «Словом, к 1982 году... наша внешняя политика пришла с весьма неутешительными результатами, — с сожалением констатировал академик Георгий Арбатов, один из советников Брежнева. — Мы, по существу, вернулись к разбитому корыту. Снова бушевала «холодная война», гонка вооружений достигла невиданной интенсивности. Это было очень тяжелым поражением и для США, и для нас, и для всего мирового сообщества»[2]. Можно добавить, что это было и тяжелым личным поражением Брежнева, который, несмотря на свое болезненное состояние, не мог этого не понимать.

---

[1] Эти предположения были вполне обоснованными. Вопрос о необходимости введения военного положения в Польше, как свидетельствуют рассекреченные партийные архивы, обсуждался в Политбюро ЦК КПСС еще в апреле 1981 г. Поскольку тогдашний 1-й секретарь ЦК ПОРП Станислав Каня вызывал растущее раздражение в Москве своей «слабостью» и постоянными уступками «Солидарности», в октябре 1981 г. он был смещен и заменен генералом Войцехом Ярузельским, который в декабре того же года фактически возложил на себя функции военного диктатора. Он получил заверения от Москвы о невмешательстве при одновременном предоставлении Польше широкой помощи для преодоления острого экономического кризиса. В срочном порядке в Польшу было направлено 30 тыс. т мяса, изъятого из собственных государственных резервов. Значительно расширены были поставки энергоносителей — нефти и газа, разумеется, по символическим ценам. Советское руководство, отягощенное афганской проблемой, полностью поддержало действия Ярузельского, который помог СССР избежать непосредственного втягивания в польский кризис, что было чревато непредсказуемыми последствиями. «Нам нужно твердо придерживаться своей линии — наши войска в Польшу не вводить», — заявлял Андропов на заседании Политбюро еще 29 октября. Главу КГБ поддержал в этом другой «ястреб», маршал Устинов: «Вообще надо сказать, — авторитетно заявил он, — что наши войска вводить в Польшу нельзя. Они, поляки, не готовы принять наши войска». Ярузельский с самого начала добился от Москвы права на самостоятельные действия. Невероятно, но факт (об этом свидетельствуют архивы Политбюро): еще 10 декабря в Москве не знали не только о сроках осуществления «операции Х», но и том, будет ли вообще введено военное положение // См.: *Пихоя Р.Г.* Указ. соч. С. 364—366.

[2] *Арбатов Георгий.* Указ. соч. С. 304.

Крах политики разрядки в сочетании с новым витком крайне дорогостоящей гонки вооружений имел тяжелые последствия для Советского Союза, экономика которого и без того тяжело страдала от запущенного «бюрократического атеросклероза». По существу, в возобновившейся с конца 70-х годов гонке вооружений победителем мог быть только тот, чей экономический потенциал окажется более высоким и эффективным. В этой гонке США рассчитывали не только переиграть СССР, но и обескровить его экономически.

Эти расчеты, как оказалось, были обоснованными. Безвольно идя на поводу интересов своего военно-промышленного комплекса, постоянно требовавшего все новых финансовых вливаний, престарелое руководство КПСС своим бездействием довело «до ручки» экономику страны. Свернув в конце 60-х годов экономическую реформу А.Н. Косыгина, отказавшись от использования экономических рычагов управления, брежневское Политбюро вернулось к привычным командным методам. Кремлевские старцы остались глухи к призывам экспертов (в частности, из ИМЭМО) о необходимости безотлагательно заняться вопросами научно-технического переоснащения советской промышленности. Намечавшийся с начала 70-х годов пленум ЦК КПСС по вопросам научно-технического прогресса, настойчиво предлагавшийся Н.Н. Иноземцевым и другими авторитетными советниками Брежнева, из года в год откладывался стараниями косной партбюрократии. Он так и не был проведен.

Единственный, кто пытался в брежневском Политбюро хоть что-то предпринять в направлении модернизации буксовавшей советской экономики, был все тот же Косыгин. По его инициативе под руководством академика В.А. Кириллина группой экспертов, в том числе из ИМЭМО, в 1979 г. был подготовлен аналитический доклад о состоянии и перспективах советской экономики. Представленный в Политбюро доклад вызвал там резкое неприятие из-за нарисованной в нем безрадостной картины состояния советской экономики. В докладе прогнозировалось дальнейшее неизбежное нарастание финансово-экономических проблем, указывалось на опасное отставание страны в использовании передовых технологий. Единственный выход, по убеждению составителей доклада, — безотлагательное и радикальное структурное реформирование советской экономики. Начать это, как и в середине 60-х годов, предлагалось с реформы в промышленности.

Политбюро отклонило представленный документ, признав его неудовлетворительным. Доклад был списан в секретный архив Политбюро. Вскоре после этого заместитель Председателя Совета Министров СССР академик В.А. Кириллин был снят со своего поста. Год спустя в отставку были отправлены сам А.Н. Косыгин, а заодно и другой его заместитель — В.Н. Новиков.

О неудачной попытке второй реформы Косыгина вспоминает Николай Иванович Рыжков, в 1979—1982 гг. — Первый заместитель Председателя Госплана СССР, ставший в 1982 г. секретарем ЦК КПСС по промышленности:

«Вторая попытка оздоровить экономику была предпринята в 1979 году, опять же при Косыгине... К сожалению, эта попытка так и осталась только попыткой, ибо ограничивалась лишь легкими, косметическими изменениями и не несла в себе радикальной новизны. Да и о какой радикальности можно было вести речь, — с горечью вспоминает Рыжков, — если официально ситуация в экономике признавалась "лучше некуда". Показуха достигла головокружительных высот, и главные лица страны находились в состоянии блаженнейшей эйфории. Так и приходилось экономистам диссидентствовать в своем кругу — в Госплане, в научных институтах...»[1]

Не менее мрачную картину рисует в своих воспоминаниях Михаил Горбачев, с 1978 г. отвечавший в ЦК за сельское хозяйство.

Когда из собранного в 1978 г. рекордного урожая зерновых — 237 млн тонн — в результате его перевозки, «усушки и утруски» буквально «испарилось» 25 млн тонн, в Политбюро, по свидетельству Горбачева, это никого не смутило. Более того, было заявлено, что близится достижение заветной цели — тонна зерна на душу населения.

Из воспоминаний М.С. Горбачева:

«Взаимоотношения города и деревни, судьба крестьянства, земля и люди на земле, сохранение природы — не давали мне покоя. Чем больше вникал я в них, тем больше возникало сомнений в разумности проводимой экономической политики.

Единая плановая система, опирающаяся на единую государственную собственность, вроде бы открывала гигантские возможности для учета реальных процессов в их взаимосвязи, рационального решения узловых проблем народного хозяйства. Теоретически так, но эта доктрина на практике давила инициативу. Сверхцентрализованная плановая система в огромной стране создавала сложнейшую многоступенчатую иерархию чиновников, каждый из которых — по законам функционирования всех бюрократических систем — стремился извлечь какую-то выгоду из своего положения.

В руках центра в значительной мере концентрировалось все, что производилось в стране. Здесь же все распределялось. <...>

Почва для коррумпированности создавалась самая благодатная. Формы ее были весьма многообразны: чтобы ухватить кусок от общего пирога, в ход шли все средства. Помимо вульгарной взятки, подношений и подарков существовали и более "тонкие" — взаимная поддержка и мелкие личные услуги различного свойства, совместные пьянки под видом охоты или рыбалки»[2].

Нараставшие кризисные явления в сельском хозяйстве[3] вынуждали партийно-государственное руководство закупать продовольствие за рубе-

---

[1] *Рыжков Н.И.* Десять лет великих потрясений. М., 1995. С. 46.

[2] *Горбачев Михаил.* Указ. соч. С. 183, 185—186.

[3] Последовавшие за 1978 годом несколько лет были неурожайными, что резко обострило продовольственную ситуацию в СССР.

жом[1], на что уходили золотовалютные ресурсы страны. В результате золотой запас СССР к 1982 г. сократился более чем вдвое по сравнению с 1972 г. (с 1 243,7 до 576,0 тонн)[2].

Несмотря на очевидную кризисную ситуацию, брежневское руководство — жертва сознательно фальсифицируемой статистики — пребывало в твердой уверенности, что дела в стране обстоят не так плохо, как утверждают пессимисты из Госплана и экономических институтов АН СССР. Эта уверенность имела под собой виртуальную, как бы мы сейчас сказали, основу — веру в спасительные и неисчерпаемые возможности открытых в 60-е г. на севере Западной Сибири новых нефтяных и газовых месторождений. В период с 1970 по 1980 г. добыча нефти в Западной Сибири выросла с 31 млн до 312 млн тонн, а добыча газа за этот же срок — с 9,5 млрд до 156 млрд кубометров[3].

Построив в ударном темпе нефте- и газопроводы, советское руководство погнало на Запад топливо в постоянно возраставших объемах, используя благоприятный момент, связанный с резким скачком цен на нефть и газ в результате энергетического кризиса середины 70-х годов. В обмен на получаемую за нефть и газ валюту на Западе закупались продукты питания и высокотехнологичное оборудование. Продукты, понятно, молниеносно съедались оголодавшим населением нескольких самых крупных городов (в глубинку они не доходили), а значительная часть закупленного оборудования ржавела на складах, а то и под открытым небом. По всей огромной стране продолжали множиться объекты незавершенного строительства, являвшие собой памятники царившей бесхозяйственности и расточительности. Советская экономика, «севшая на иглу» нефтедолларов, утрачивала последние стимулы для нормального развития.

Этим не преминул воспользоваться главный соперник СССР в борьбе за мировое господство. США с успехом сумели использовать грубые просчеты брежневского руководства, позволившего навязать Советскому Союзу новый раунд гонки вооружений. Вашингтон сделал все возможное для того, чтобы на рубеже 70—80-х годов сбить мировые цены на энергоносители, резко сократив тем самым валютные поступления в бюджет СССР, что, с одной стороны, поставило под угрозу реализацию его новых дорогостоящих военных программ, а с другой — до предела обострило в стране экономическую ситуацию.

То, что вскоре назовут «брежневским застоем», вступало в завершающую стадию, за которой просматривалась перспектива летального исхода для всей советской экономической и политической системы.

> «Важнейшим обстоятельством, которое ускорило кризис социальной системы СССР, стал геополитический кризис, в котором очутилась

---

[1] Если в 1973 г. за рубежом было закуплено 13,2% зерна от его производства в СССР, то в 1981 г. уже 41,4% // *Пихоя Р.Г.* Указ. соч. С. 333.

[2] Там же. С. 332.

[3] Там же.

страна, — справедливо отмечает современный российский историк А.В. Шубин. — Несмотря на то, что внутренняя структура СССР была уникальной и тщательно оберегалась от воздействий извне, Советский Союз был теснейшим образом взаимосвязан с мировым развитием, встроен в систему международной торговли, оказывал мощное воздействие на развитие мира, являясь одной из двух сверхдержав, поддерживающих самим фактом своего существования геополитический баланс. Однако бóльшая гибкость общественного устройства стран Запада позволила им в середине XX века набрать более высокие темпы общественного развития. СССР все быстрее отставал от своих конкурентов, но продолжал военно-техническое соревнование с ними. В 70-е годы СССР еще мог поддерживать военно-технический паритет с НАТО. В конце 70-х годов ситуация стала меняться в худшую для Советского Союза сторону.

Внешнеполитические сложности, с которыми столкнулся Советский Союз в 70-е годы, легли тяжелым грузом на ослабленную кризисом внутреннюю структуру общества, и конструкция стала расходиться по швам»[4].

Достоверную картину повседневной жизни в СССР начала 80-х годов воссоздает в своей книге видный историк Рудольф Германович Пихоя, бывший руководитель Федеральной архивной службы России. «Начало 80-х стало временем кризиса. Это не было ученым рассуждением экономистов: очевидные следы кризиса были заметны любому гражданину страны, — пишет он. — СССР вляпался в афганскую войну, по городам и селам рассказывали страшные истории об афганских басмачах, которые убивают наших солдатиков. Телевидение рассказывало об «интернациональной помощи», а в страну пошли похоронки. В магазинах пропадали товары. Их не покупали, а «доставали». Товары стали «дефицитом». Доставали обувь и торты, рубашки и книги, автомобили и стиральный порошок, телевизоры и лекарства. Мечтали достать импортные магнитофоны и презервативы. Одни доставали на «барахолках», расплодившихся по всем городам страны вещевых рынках, переплачивая за дефицит вдвое против установленной государством цены, другие — через «знакомых» в магазинах. Во многих городах были введены талоны на покупку мяса, масла. Лучше было тем, кто имел право заказывать товары в магазинах. Учреждения и организации — от заводских профкомов до учреждений науки и культуры — направляли письма-заявки в «торги» — государственные предприятия, распределявшие товары по магазинам. В письмах просили «в порядке шефской помощи разрешить приобрести товары повышенного спроса для ветеранов войны и труда, работающих на нашем предприятии». А лучше всего было тем, кто имел право «отовариваться» в закрытых распределителях, в специальной секции ГУМа. К этой категории относились партийные и государственные чиновники высокого ранга.

Тогда, когда торговля была заменена распределением, неизбежно возникали нарушения. Возникала проблема разных денег. Точнее, деньги-то были одинаковыми, но рядовой гражданин мог купить на них много

[4] *Шубин Александр*. Указ. соч. Т. 1. С. 4.

меньше, чем чиновник, рядовой чиновник — много меньше своего партийного коллеги, и все дружно завидовали тем, кому товары доставляют на служебных черных «Волгах», и тихо ненавидели их. Часть «товаров для ветеранов» из магазинов уходила на «черный рынок», вдвое, втридорога перепродавалась на барахолках. «Теневая экономика» стала реальностью, к которой были причастны широкие слои населения»[1].

Нелицеприятный приговор «брежневщине» выносит и один из младших соратников Леонида Ильича — Михаил Горбачев.

> «В политическом плане брежневщина не что иное, как консервативная реакция на предпринятую Хрущевым попытку реформирования существовавшей тогда в стране авторитарной модели. <...> Но главное, что определяет оценку брежневизма в политической истории страны, — брежневское руководство оказалось несостоятельным перед лицом вызовов своего времени. Слепо придерживаясь старых догм и представлений, оно проглядело наступление глубоких перемен в науке и технике, условиях жизни и деятельности людей, стран и регионов, всего мирового сообщества, знаменующих зарождение новой цивилизации. Переменам в стране был поставлен прочный шлагбаум, она оказалась загнанной в тупик, обреченной на длительное отставание и глубокий общественный кризис»[2].

Друзья и недруги академика Н.Н. Иноземцева

Ну а что же просвещенные помощники и советники Генерального секретаря — Г.Э. Цуканов, А.М. Александров-Агентов[3], Н.Н. Иноземцев, Г.А. Арбатов, А.Е. Бовин, В.В. Загладин, А.С. Черняев, Г.Х. Шахназаров, Н.В. Шишлин, С.А. Ситарян и другие? На рубеже 60—70-х годов они сыграли важную роль в том, чтобы склонить Брежнева во внешней политике на путь разрядки с Западом, а во внутренней — смягчить пагубное влияние неосталинистов, требовавших ужесточения режима. Да и позднее им в отдельных случаях удавалось корректировать негативные тенденции во внешнеполитическом курсе СССР. И все же либералы не смогли переломить эти тенденции, способствовавшие краху разрядки на исходе 70-х годов. Следующий раунд «борьбы за душу» Брежнева остался за их противниками.

По всей видимости, прав академик Г. Арбатов, усматривая одну из главных причин победы кремлевских «ястребов» в обострившейся болезни Брежнева. У больного генсека оставалось слишком мало сил, чтобы противостоять наседавшим на него военно-промышленным кругам, имевшим

---

[1] *Пихоя Р.Г.* Указ. соч. С. 372—373.

[2] *Горбачев Михаил.* Указ. соч. С. 220—221.

[3] О степени просвещенности и прогрессивности этого бывшего дипломата, прослужившего помощником, помимо Брежнева, еще у трех генсеков — Андропова, Черненко и Горбачева, — существуют разные мнения среди тех, кто был посвящен в тайны «кремлевской кухни».

в Политбюро столь влиятельного представителя, как маршал Д.Ф. Устинов[1]. В союзе с военными на Брежнева давило и идеологическое лобби, призывавшее к закручиванию гаек внутри страны и к всемерной поддержке, в том числе военной, — «мирового революционного движения». Среди идеологов-ретроградов были секретари ЦК КПСС — П.Н. Демичев и сменивший его М.В. Зимянин, близкий к Брежневу заведующий отделом науки и вузов ЦК С.П. Трапезников, заведующий отделом культуры В.Ф. Шауро, один из помощников генсека — В.А. Голиков и, разумеется, Агитпроп — отдел пропаганды и агитации ЦК. Влиятельное идеологическое лобби возглавлял самый авторитетный член Политбюро Михаил Суслов. С военными и «идеологами» смыкались шеф КГБ Юрий Андропов[2], а также такие консервативно настроенные члены Политбюро, как А.А. Громыко, Н.А. Тихонов и Первый секретарь МГК КПСС В.М. Гришин.

Им давно не нравилось возросшее влияние на Генерального секретаря либеральных советников из «группы Иноземцева»[3], которые писали для него доклады и выступления, имевшие в советской политической системе статус директивных установок. Возраставшее недовольство вызывала у них и сама практика непосредственного общения составителей этих документов с генсеком на его загородных дачах. Кто знает, что там «эти ревизионисты» внушают Леониду Ильичу?[4]

Борьба ревнителей устоев с «вредным влиянием» на Брежнева велась по разным направлениям. Не гнушались даже оговоров и компромата,

---

[1] «В последние годы пребывания у руководства Л.И. Брежнева на решения военных, по существу, некому было и жаловаться, — пишет Арбатов. — Отдельных руководителей Министерства обороны это совершенно испортило, разбаловало — они стали капризными, позволяли себе любую блажь» // *Арбатов Георгий*. Указ. соч. С. 299—301. Мнение Арбатова полностью разделяет Александр Бовин, другой советник Брежнева. См.: *Бовин А.Е.* Человек и его время // Иноземцев Николай. Цена победы в той самой войне. Фронтовой дневник. М., 1995. С. 8.

[2] Г.А. Арбатов вспоминает, что когда в 1982 г. он обратился к Андропову с просьбой поддержать идею о создании в центре Европы «безъядерного коридора» вдоль линии, разделявшей войска НАТО и ОВД, тот буквально замахал на него руками: «Ты что, хочешь, чтобы я из-за тебя ссорился с Устиновым?» // *Арбатов Георгий*. — Указ. соч., С. 301.

[3] Это название группы советников и экспертов (по фамилии ее руководителя), работавших на Генерального секретаря, возникло еще в начале 70-х годов. Его можно встретить и в воспоминаниях некоторых бывших членов высшего советского руководства, в частности М.С. Горбачева.

[4] Надо признать, подобные опасения не были лишены оснований. Как вспоминает М.М. Максимова, вдова Н.Н. Иноземцева, именно на брежневской даче, во время совместной работы над очередным докладом, Иноземцев осторожно пытался склонить генсека к диалогу с академиком А.Д. Сахаровым. Он был убежден, что с Сахаровым можно договориться, что академик-правозащитник может снять какие-то вопросы, что в действительности он находится под сильным влиянием своей жены (Е. Боннэр), но что он человек разумный. Надо попытаться найти с ним контакт. Конфликт с Сахаровым, по мнению Иноземцева, во многом возник из-за того, что никто из представителей высшего руководства страны никогда с ним не говорил, не пытался его понять и переубедить. Все это было большой ошибкой. Иноземцев намекал Брежневу на необходимость принять Сахарова и поговорить с ним. «Или, может быть, кто-то по вашему поручению встретится с Сахаровым», — добавил Иноземцев. Но Брежнев каким-то образом ушел от этой темы. Это был частный разговор в неофициальной обстановке на даче Брежнева. Николай, вспоминает Максимова, пытался вернуться к разговору на тему Сахарова, но безуспешно (запись беседы с М.М. Максимовой).

с помощью которых иногда удавалось добиваться удаления «от двора» некоторых советников из числа либералов. Интригами и оговорами удалось ослабить влияние Г.Э. Цуканова, прогрессивно мыслившего помощника Генерального секретаря, опиравшегося на «группу Иноземцева».

С середины 70-х годов консерваторы из аппарата ЦК стали более активно и энергично вмешиваться в «творческий процесс» — в подготовку «высочайших» текстов — с нескрываемым намерением положить конец влиянию Иноземцева (и Арбатова) на Леонида Ильича. Отдел пропаганды настойчиво продвигал на роль «писателей» для Брежнева своих представителей, что не всегда приветствовалось самим генсеком, привыкшим работать только с хорошо знакомыми ему людьми[5].

Вадим Алексеевич Печенев[6], бывший помощник К.У. Черненко, работавший до того в отделе пропаганды и агитации ЦК, вспоминает один такой случай, когда его и А.И. Лукьянова (тогда начальника Секретариата Президиума ВС СССР) в первых числах января 1981 г. вызвали в Завидово для участия в редактировании проекта отчетного доклада Брежнева на XXVI съезде КПСС. На брежневской даче уже трудилась «группа Иноземцева», и появление здесь же Печенева и Лукьянова неприятно удивило Брежнева.

Из воспоминаний В.А. Печенева:

> «— Леонид Ильич! — несколько суетливо заговорил Александров. — Вот еще два наших товарища, готовивших социальный раздел. Ну, Анатолия Ивановича вы хорошо знаете. А это — Вадим Алексеевич Печенев, руководитель Группы консультантов из Агитпропа...
>
> Не знаю, хорошо ли Леонид Ильич знал Анатолия Ивановича, по его виду и выражению лица я этого как-то не заметил, но, глядя на нас, сумрачно и недовольно промолвил под ухмылки сидящего в хорошо отапливаемом Зимнем саду основного состава своей команды: "Надеюсь, Андрей, ты больше никого к нам не привезешь?"
>
> — Нет, нет, Леонид Ильич, — с готовностью откликнулся Андрей Михайлович, — больше никого!
>
> — Ну, хорошо, — обронил наш Ильич, — слава Богу...»[7]

О том, как составлялись «высочайшие» тексты, теперь хорошо известно из воспоминаний участников «завидовских посиделок» — Г.А. Арбатова, А.Е. Бовина, В.А. Печенева и др.

---

[5] В.А. Медведев, работавший в 1971—1978 гг. заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС, вспоминает, что когда его привлекли к работе по подготовке доклада Брежнева на XXV съезде партии (1976), то написанный им материал был передан для доработки в «группу Иноземцева». «Все это, — пишет Медведев, — тщательно перемалывалось и переваривалось в предсъездовской кухне и приспосабливалось к вкусу Брежнева главными спичмейкерами — Иноземцевым, Арбатовым, Александровым, Бовиным» // *Медведев В.* Прозрение, миф или предательство? К вопросу об идеологии перестройки. М., 1998. С. 52.

[6] Некоторое время, а точнее, с 29 апреля 1969 г. до 17 июня 1971 г. В.А. Печенев работал в ИМЭМО, затем был командирован в Прагу, в редакцию журнала «Проблемы мира и социализма», откуда в 1975 г. перешел на работу в ЦК КПСС.

[7] *Печенев Вадим.* Горбачев: к вершинам власти. Из теоретико-мемуарных размышлений. М., 1991. С. 29—30.

Еще со времен Ленина и Сталина практиковалась рассылка членам Политбюро проектов наиболее ответственных партийных документов (в том числе отчетных докладов и выступлений на съездах и пленумах) для замечаний, уточнений и дополнений. После смещения Хрущева и утверждения у власти «коллективного руководства» в октябре 1964 г. такой порядок стал обязательным. Создавая впечатление коллективности руководства, он вместе с тем давал возможность наиболее консервативным членам Политбюро «редактировать» те положения того или иного документа, которые представлялись им чрезмерно смелыми и тем более опасными. Иноземцев, Арбатов и другие спичрайтеры Брежнева постоянно сталкивались с попытками отдельных членов Политбюро не допустить «крамолы» в выступлениях генсека, который, по мнению ретроградов, излишне доверял своим советникам.

Из воспоминаний Маргариты Матвеевны Максимовой:

> «Н.Н. Иноземцев был далек от иллюзий. С годами же все больше понимал тщетность многих своих усилий, связанных с попытками преодолеть косность, убогость, ограниченность представлений, с которыми жили, работали и правили государством на протяжении десятилетий наши руководители. Но по-другому он не мог.
>
> Помнится, придя домой после очередного редактирования (в который раз!) материалов к XXVI партсъезду, усталый и мрачный, он с горечью сказал: "Все, больше не могу, не могу!" В тот день Н.Н. Иноземцеву и его коллегам по рабочей группе вернули проекты доклада Генерального и резолюции съезда примерно следующего содержания: "А как этот тезис согласуется с положениями марксизма?" (М.А. Суслов); "Не отступаем ли мы здесь от социалистических принципов?" (А.А. Громыко); "Я бы посоветовал ближе к Ленину" (К.У. Черненко). Эти пометки-директивы — обязательны к исполнению. А до съезда остается два дня. Хорошо отработанный и понятный прием тогдашнего "коллективного" руководства: взамен предлагаемого варианта доклада съезду (поначалу в нем присутствовали и дух новаторства, и свежие мысли, и нестандартные подходы) — получить в итоге привычный, приглаженный, на "родном партийном языке" и такой "понятный народу" документ.
>
> Реакция Николая Николаевича на этот раз была особенно острой. Когда же я посоветовала: Да оставь ты эту каторжную работу, вернись в науку! Может быть, без вас, интеллектуалов, эта "старческая команда" скорее рухнет? Он решительно возразил: "Да пойми же, за страну обидно!"»[1].

Сколь ни трудным в этих условиях было положение Иноземцева и его единомышленников из группы советников, они делали все возможное и даже невозможное. Как правило, в установленный срок (даже если для этого оставалась одна лишь ночь) требуемый документ представлялся в Инстанцию, хотя издержки и компромиссы были здесь неизбежны.

---

[1] Послесловие М. Максимовой к кн.: *Иноземцев Николай.* Цена победы в той самой войне. Фронтовой дневник. С. 313.

Круг вопросов, которыми занимался Иноземцев в качестве советника Брежнева, был достаточно широким, включая как внешнеполитические, так и внутриэкономические проблемы.

Особое беспокойство у него вызывала печальная судьба разрядки, похороненной обоюдными стараниями Москвы и Вашингтона. Смысл его усилий в этом направлении сводился к тому, чтобы убедить Брежнева не прерывать переговорный процесс с вашингтонской администрацией, сколь бы неприемлемыми ни казались в Москве позиции демократа-моралиста Джимми Картера и сменившего его правого республиканца Рональда Рейгана. Брежнева удалось склонить к заключению в 1979 г. Договора ОСВ-2, хотя международная и внутренняя обстановка, казалось бы, не благоприятствовала этому новому шагу на пути обуздания гонки стратегических вооружений.

Когда с приходом в Белый дом в конце 1980 г. республиканской администрации Рейгана позиция США в отношении СССР резко ужесточилась, директор ИМЭМО пытался объяснить высшему руководству, что причины такого поворота многообразны. Иноземцев усматривал их не только в афганской проблеме или в обострении политического кризиса в Польше[1], но и в сфере поддержания стратегического баланса между двумя сверхдержавами. При этом он опирался не только на собственные выводы, но и на соответствующие аналитические разработки своих сотрудников.

Одна из таких разработок была предоставлена ему Алексеем Арбатовым, тогда еще совсем молодым ученым, кандидатом наук, вернувшимся в середине декабря 1980 г. из двухмесячной научной командировки в США. В ходе этой поездки, совпавшей с президентскими выборами в США, Арбатов посетил 23 научных и университетских центра и провел встречи с 60 американскими экспертами в области внешней и оборонной политики, что позволило ему составить объективное представление о происходивших в Вашингтоне переменах.

Из аналитической записки А.Г. Арбатова:

> «Как показали результаты выборов ноября 1980 г., в правящих кругах США и американской общественности произошел существенный сдвиг настроений вправо — в поддержку более консервативной внутренней политики и более агрессивной и жесткой внешней политики. <...>
>
> В прошедшее десятилетие, особенно в первую его половину, происходило определенное снижение военного потенциала США не только в относительных, но и в абсолютных показателях. Между 1968 и 1976 годами военный бюджет США в постоянных ценах снизился на 35%. Причем, даже если сбро-

[1] «Нисколько не преувеличивая роль советников, тем не менее думаю, — говорит М.М. Максимова, — что Иноземцев, Арбатов, Богомолов и другие сыграли определенную роль в предотвращении нашего военного вмешательства в Польшу. Сознавая, чем это может для них кончиться, они писали откровенные записки с предостережениями относительно возможной реакции СССР на кризис в Польше. Предлагались варианты выхода из этого кризиса, но при этом военное решение оценивалось как наиболее нежелательное и чреватое серьезными осложнениями. Что касается Афганистана, то здесь все решалось очень быстро и в строжайшем секрете. К помощи советников здесь не прибегали. Все были поставлены перед свершившимся фактом» (запись беседы с М.М. Максимовой).

сить экономию за счет прекращения войны во Вьетнаме, то бюджет 1976 г. на 13% ниже, чем в последний предвьетнамский 1964 год. Впервые в XX веке военный бюджет США после войны оказался меньше, чем до войны»[1].

А.Г. Арбатов обратил внимание на то, что, по убеждению правых республиканцев, администрации Форда и Картера не удалось переломить тенденцию к ослаблению военного потенциала США.

«...В США, — подчеркивал автор записки, — глубоко укоренились представления о том, что в 70-е годы параллельно с сокращением военного бюджета и размеров вооруженных сил США шло планомерное наращивание военных расходов и сил Советского Союза. Считается, что эти тенденции пересеклись в начале 70-х годов, после чего военный баланс неуклонно изменялся в пользу СССР.

Общее мнение пришедших к власти в США кругов состоит в том, что в начале 80-х годов СССР будет якобы иметь существенные преимущества в стратегическом ракетно-ядерном балансе, превосходство в ядерных средствах на евроазиатском театре и в войсках общего назначения. Соответственно утверждается, что Советский Союз будто бы создал позицию превосходящей силы по отношению к главным союзникам США (Западная Европа и Япония), может-де эффективно прервать поставки нефти из Персидского залива, приобрел способность военного вмешательства в отдаленных кризисных районах (Африка, Юго-Восточная Азия, Центральная Америка). <...>

В соответствии с этим новое руководство США полагает, что имеется будто бы некое двойное отставание Соединенных Штатов в военном балансе»[2].

В записке А.Г. Арбатова содержался ряд рекомендаций для высшего советского руководства, имевших целью убедить его в необходимости «держать дверь открытой» для конструктивных предложений американской стороны.

Из записки А.Г. Арбатова:

«...не отвергать категорически требования о дополнительных ограничениях и сокращениях ракетно-ядерных сил СССР, а отвечать на них своими дополнительными запросами по ограничению вооружений США. Последнее может быть особенно важно ввиду намечаемого в США рывка в наращивании военной мощи. <...>

Вероятно, не все военные программы, которые, видимо, форсирует и заложит новое правительство (США. — *П.Ч.*), требуют немедленных контрмероприятий. Обороноспособность СССР и военное равновесие имеют огромный "запас прочности" а многие новые проекты США, не найдя оправдания в действиях другой стороны, наверняка отомрут в силу чрезмерной стоимости и малой стратегической целесообразности»[3].

---

[1] *Арбатов А.Г.* Некоторые соображения относительно причин и перспектив происходящих перемен во внешней политике США // Справки, аналитические записки, обзоры по проблемам мировой экономики и политики за 1981 год. Отдел международных отношений. Т. 2. Архив ИМЭМО РАН.

[2] Там же.

[3] Там же.

В ИМЭМО внимательно следили за развитием новейших тенденций во внешней и оборонной политике администрации Рейгана, своевременно обеспечивая директивные инстанции соответствующими рекомендациями[1].

И все же, несмотря на усилия приверженцев продолжения разрядки переломить негативную тенденцию в советско-американских отношениях, сделать этого не удавалось. Не в последнюю очередь это было связано с усилением позиций «ястребов» в высшем руководстве СССР.

В стремлении переиграть США в гонке вооружений престарелые «ястребы» по давней привычке рассчитывали на помощь со стороны «мирового революционного движения», и в частности антизападного течения, зародившегося на рубеже 70—80-х годов в исламском мире. Определенные надежды советские партийные идеологи и военные круги связывали с исламской революцией 1979 г. в Иране, свергнувшей проамериканский шахский режим. Ирано-американский конфликт, сопровождавшийся захватом посольства США в Тегеране и неудачной попыткой освобождения в апреле 1980 г. 70 заложников, породил в Москве иллюзии в отношении исламских фундаменталистов, которых готовы были записать в потенциальные союзники в борьбе против «американского империализма», словно забыв, что именно с исламистами-талибами приходилось воевать в Афганистане советским войскам.

Отрезвляющие предостережения на этот счет последовали в ЦК КПСС опять же из ИМЭМО. В подготовленной доктором исторических наук Г.И. Мирским в 1981 г. записке «Проблемы исламской революции» подчеркивалась одинаковая враждебность исламского фундаментализма как капитализму, т.е. Западу, так и социализму, т.е. СССР. «Их (исламистов. — *П.Ч.*) кредо, — писал в своей записке Мирский, — могло бы звучать, как у Шекспира: «Чума на оба ваши дома!» Нет никаких оснований, утверждал автор записки, усматривать в политике аятоллы Хомейни «чуть не зародыш курса революционной демократии», как пытались представить это некоторые советские пропагандисты[2].

Постоянной головной болью Н.Н. Иноземцева, как одного из советников Брежнева, была проблема ускорения научно-технического прогресса в СССР. Располагая обширной и достоверной информацией о бурном развитии НТР в передовых странах Запада, Иноземцев, начиная с 1971 г., при всяком удобном случае обращал внимание генсека и других членов Политбюро на растущее отставание СССР в освоении достижений научно-технического прогресса и необходимости принятия комплекса неотложных мер по изменению ситуации на этом стратегически важном направлении. Иноземцев делал все возможное, чтобы убедить генсека

---

[1] Одна из разработок такого рода была представлена А.Г. Арбатовым, который обратил внимание руководства на ближайшие перспективы советско-американских отношений в области ограничения вооружений // *Арбатов А.Г.* О некоторых вероятных вопросах возобновления переговоров об ОСВ (Прогноз). 21 декабря 1981 г. Архив ИМЭМО РАН.

[2] *Мирский Г.* Проблемы исламской революции. Записка // Справки, аналитические записки, обзоры по проблемам мировой экономики и политики за 1981 год. Отдел экономики и политики развивающихся стран. Т. 2. Архив ИМЭМО РАН.

в необходимости поставить этот вопрос на специальном пленуме ЦК. Ему удалось включить в одну из речей Брежнева совершенно четкое указание на возрастающую роль научно-технического прогресса как одного из определяющих условий успешного экономического и в целом общественного развития СССР.

В начале 70-х годов началась даже подготовительная работа по созыву пленума. «Несколько раз она, казалось бы, выходила на финишную прямую, но каждый раз пленум откладывался на неопределенное время, — вспоминает Вадим Андреевич Медведев, секретарь ЦК и член горбачевского Политбюро, а в 70-е годы замзав отдела пропаганды и ректор Академии общественных наук (АОН). — Причина по моим наблюдениям в том, что надо было поднимать очень глубокие пласты экономики, принимать далеко идущие решения. Брежневскому руководству это было просто не под силу»[1].

Продолжая добиваться созыва пленума и наживая себе тем самым новых недоброжелателей из среды партийных ретроградов, Иноземцев действовал и по другим каналам: он был одним из зачинателей разработки в системе АН СССР и ГКНТ Комплексной программы научно-технического прогресса, рассчитанной на 20 лет. Разумеется, ИМЭМО стал одним из главных ее разработчиков.

Академику Иноземцеву не довелось увидеть осуществления его замысла: пленум ЦК по вопросам ускорения научно-технического прогресса так и не был созван, а подготовленные Иноземцевым и его сотрудниками из ИМЭМО рабочие материалы были списаны в партийный архив.

Весной 1984 г. М.С. Горбачев, тогда еще член Политбюро и секретарь ЦК КПСС, попытался убедить своих коллег по руководству, и прежде всего тогдашнего генсека К.У. Черненко, в необходимости вернуться к этой идее. Была даже создана специальная группа по подготовке пленума.

> «Мы познакомились с двумя вариантами доклада — Иноземцева и отдела машиностроения ЦК, с целым мешком всевозможных разработок десятилетней давности, извлеченных из архива, — вспоминает Горбачев. — Я подумал: Боже мой, сколько времени потеряно, а в этот период многие страны проделали огромный путь, обеспечивший им динамичное развитие в последующие годы.
>
> Но чем ближе мы были к Пленуму, тем острее я чувствовал стремление Черненко, Тихонова, Гришина, Громыко отложить его проведение — все они считали, что это будет усиливать мои позиции. Словом, были против Пленума и этого не скрывали»[2].

В конечном счете «пожилые джентльмены», как называл брежневских соратников Дональд Маклэйн[3], похоронили идею пленума. Частично она

---

[1] *Медведев В.* Указ. соч. С. 82—83.

[2] *Горбачев Михаил.* Указ. соч. С. 261.

[3] Участник знаменитой «кембриджской пятерки», работавший впоследствии в ИМЭМО, о чем уже говорилось.

материализуется лишь в июне 1985 г., когда Горбачев, вставший у руля управления партией и страной, проведет в ЦК КПСС крупное совещание по вопросам ускорения научно-технического прогресса и выступит там с докладом «Коренной вопрос экономической политики партии». По всей видимости, в своем докладе Горбачев в той или иной мере опирался и на давние разработки академика Н.Н. Иноземцева, дополненные новыми материалами, полученными им из ИМЭМО.

В своих воспоминаниях Михаил Горбачев говорит и об участии Иноземцева в период подготовки XXVI съезда в разработке основ Продовольственной программы.

Из воспоминаний М.С. Горбачева:

> «На февраль 1981 года намечался созыв XXVI съезда КПСС. Работу над отчетным докладом Брежнева начали заблаговременно, и мне хотелось, чтобы в докладе было заявлено о необходимости общенациональной комплексной Продовольственной программы, обеспечивающей устойчивое снабжение населения продуктами питания. Если такое заявление Генеральный секретарь сделает на съезде, то чиновникам любого ранга "тянуть резину" и ставить палки в колеса будет уже куда труднее.
>
> Я связался с группой Н.Н. Иноземцева, работавшей над докладом в Волынском-2, рядом с бывшей дачей Сталина. <...>
>
> В его группе, которую курировал помощник Брежнева Цуканов, работали Арбатов и Бовин. Оказалось, впрочем, что аграрные проблемы и их допекли настолько, что к разговору были готовы буквально все.
>
> Реализовал я, в частности, свое намерение сказать в докладе о разработке общенациональной комплексной Продовольственной программы. У меня это получилось на нескольких страницах. Арбатов сделал из них одну, и в таком виде она вошла в первоначальный текст.
>
> Однако когда я получил уже смонтированный целиком проект доклада Брежнева, он весьма удивил меня. Бесконечные обкатки и согласования, которые приходилось делать его авторам, привели к тому, что текст стал безликим, выхолощенным, обтекаемым. Можно было лишь поражаться полному несоответствию затрат умственной энергии и масштаба авторских дарований со столь скудным "конечным продуктом".
>
> Я сделал некоторые замечания по тексту доклада, а аграрный раздел изложил заново. Все то, к чему мы пришли в ходе дискуссий в группе Иноземцева, было восстановлено и использовано. Брежневу написал личную записку, в которой аргументировал необходимость такой структуры, объяснил мотивы переработки текста и просил поддержать данный вариант. В таком виде раздел и был принят»[1].

Когда еще при Брежневе Горбачев начал настойчиво продвигать идею агропромышленных комплексов (АПК), то и здесь он имел возможность опираться на соответствующие разработки Института Иноземцева, где с 60-х годов внимательно изучался зарубежный опыт повышения эффективности сельскохозяйственного производства, и в частности деятельность

[1] *Горбачев Михаил.* Указ. соч. С. 199.

аграрно-промышленного комплекса и аграрно-промышленных объединений (АПО) в США и Западной Европе[1].

Стремительное восхождение академика Н.Н. Иноземцева по ступеням научно-партийной иерархии (член ЦК КПСС, депутат ВС СССР, член Президиума АН СССР, один из ближайших советников Генерального секретаря), расширение его влияния на принятие важных государственных решений вызывало растущее беспокойство в консервативных кругах партийной бюрократии, видевшей в нем потенциального претендента на один из высоких постов в Центральном комитете. Для этих кругов не были секретом прогрессивные убеждения Иноземцева, и именно поэтому он расценивался ими как persona non grata.

На Иноземцева давно «имели зуб» близкие к Агитпропу ревнители устоев и прочие борцы за «чистоту марксизма-ленинизма» из Академии общественных наук при ЦК КПСС и Высшей партийной школы. В их глазах возглавляемый Иноземцевым Институт мировой экономики и международных отношений давно имел репутацию «гнезда ревизионизма», из которого распространяется крамола.

И действительно, картина реального капитализма второй половины XX века, представавшая со страниц монографий и других исследований, выходивших под грифом ИМЭМО, не имела ничего общего с утвердившимися в официальной советской политэкономии еще со сталинских времен представлениями о «мире капитала». Большинство партийно-университетских политэкономов старой формации в штыки встретили подготовленный в ИМЭМО двухтомник «Политическая экономия современного монополистического капитализма», усмотрев в нем «ниспровержение основ». Двухтомник они буквально предавали анафеме, и только присуждение его авторам Государственной премии СССР в 1977 г. приостановило нападки на «ревизионистов из ИМЭМО». Как вскоре выяснится, это была лишь вынужденная пауза в борьбе против Института Иноземцева.

А начиналась эта борьба еще в конце 60-х годов. Именно тогда, как свидетельствует академик В.А. Мартынов, «с легкой руки» профессуры АОН при ЦК КПСС и экономического факультета МГУ появился хлесткий штамп — «ИМЭМО — центр ревизионизма».

Из воспоминаний академика Владлена Аркадьевича Мартынова:

> «Кампания с обвинениями ИМЭМО в ревизионизме была тогда поддержана определенными, но как всегда в таких случаях, безымянными сотрудниками отделов науки и пропаганды ЦК КПСС. И по прямому указанию

[1] Аграрная проблематика изучалась в ИМЭМО с момента создания Института. Еще в 1967 г. на имя А.Н. Косыгина была направлена развернутая записка (авторы — В.А. Мартынов, А.И. Тулупников, М.А. Меньшикова) с обоснованием идеи АПК на примере наиболее развитых стран Запада. Эта записка по решению Политбюро была разослана всем секретарям обкомов и крайкомов КПСС, но этим по существу дело и ограничилось. С 1975 г., по инициативе Н.Н. Иноземцева, в ИМЭМО были развернуты исследования мировой продовольственной проблемы. В Институте был накоплен богатый опыт в изучении того, как продовольственная проблема решается в передовых странах Запада и в развивающихся государствах «третьего мира».

такой высокой персоны в партийной иерархии — секретаря ЦК КПСС по идеологическим вопросам П. Демичева — была создана комиссия РК КПСС с директивой "разобраться с ИМЭМО". Во главе комиссии был поставлен известный сталинист, бывший секретарь Калининградского обкома КПСС, а тогда ректор Финансово-экономического института Щербаков, воспринявший эту директиву, с одной стороны, как свидетельство того, что Н.Н. Иноземцев — "политический труп", с другой стороны, как поручение подготовить по ИМЭМО разгромное решение РК КПСС. Но П. Демичев и те анонимные люди, которые подвинули его на борьбу с крамолой в ИМЭМО, явно просчитались. Во-первых, Л.И. Брежнев, как нам стало известно от его окружения, и "знать не знал" о намечаемой акции; во-вторых, Н.Н. Иноземцев не был к этому времени лишь бывшим зам. редактора "Правды". Его активное и плодотворное участие в качестве члена редакционной комиссии по подготовке политических документов Московских совещаний коммунистических и рабочих партий (в том числе и 1969 г.) было высоко оценено и руководством КПСС, да и признано рядом лидеров других, участвовавших в заседаниях партий; в-третьих, в Международном отделе ЦК КПСС, ответственном за проведение этих совещаний, восприняли готовившуюся атаку на Н.Н. Иноземцева как целенаправленное действие против отдела. Руководитель отдела, персона примерно того же ранга тогда, что и П. Демичев, кандидат в члены Политбюро и секретарь ЦК КПСС по международным вопросам Б.Н. Пономарев, уезжая, в частности, в отпуск, просил ставить его в известность о работе комиссии РК, заявив при этом, что в случае необходимости он возвратится в Москву и поставит вопрос о райкомовской комиссии на секретариате ЦК КПСС. И первый, кто испугался, был, естественно, П. Демичев, начисто отказавшийся от своих установочных слов. И опять-таки вполне в реалиях того времени "внезапно" заболевают и 1-й секретарь РК (хозяйственник, только что избранный на этот пост) и, конечно, председатель комиссии Щербаков. Решение же РК КПСС по ИМЭМО было заново — от первой до последней строки — написано Н.Н. Иноземцевым (в присутствии 3-го секретаря РК и автора этой заметки)»[1].

Свидетельством устойчивости позиций Иноземцева и руководимого им Института явилось награждение ИМЭМО в феврале 1971 г. орденом Трудового Красного Знамени, а самого директора (в апреле того же года) — орденом Ленина. Демичев под благовидным предлогом избежал непосредственного участия в церемонии вручения ИМЭМО государственной награды, отправив на праздничный вечер в Московский Дом ученых одного из своих подчиненных, завотделом науки Трапезникова[2].

В 1974 г. бывший выпускник Военной академии химической защиты Петр Нилович Демичев, трудившийся недолгое время управделами СМ СССР, а затем работавший Первым секретарем МК КПСС, был заподозрен в симпатиях к «железному Шурику» и потерял пост секретаря ЦК КПСС по идеологии, который он занимал с 1961 г. Его назначили министром культуры СССР, сохранив за ним пост кандидата в члены Политбюро,

[1] Из воспоминаний академика В.А. Мартынова, любезно предоставленных в распоряжение автора.

[2] Орден к знамени ИМЭМО прикрепил президент АН СССР академик М.В. Келдыш.

что давало Демичеву возможность держаться «на плаву» еще долгое время. Тем не менее с его уходом давление Агитпропа на ИМЭМО стало менее жестким и демонстративным. Непосредственный же контроль за Институтом по-прежнему осуществлял отдел науки и вузов ЦК КПСС, руководимый известным мракобесом С.П. Трапезниковым, сила которого заключалась в его давних и тесных связях с Брежневым. Трапезников не любил директора ИМЭМО, но вынужден был считаться с тем, что политически чуждый ему Иноземцев пользуется расположением генсека. Поэтому до поры завотделом науки не демонстрировал своего неприязненного отношения к ИМЭМО.

В течение двух лет после снятия Демичева пост «рабочего» секретаря ЦК по идеологии оставался вакантным; его обязанности по совместительству выполнял сам главный идеолог брежневского режима Михаил Суслов. Наконец, в 1976 г. был найден нужный человек — Михаил Васильевич Зимянин, главный редактор «Правды» с 1965 г. Он и стал «вторым» секретарем ЦК КПСС по идеологии.

Новый идеологический начальник столь же неприязненно относился к Иноземцеву, как и Трапезников. Они были хорошо знакомы еще по совместной работе в «Правде» в 1965—1966 гг. Уже тогда у убежденного консерватора сталинской формации, призванного в «Правду» искоренять либеральную «ересь» предыдущего шеф-редактора, Алексея Матвеевича Румянцева, возникли принципиальные разногласия с Иноземцевым, твердо стоявшим на позициях XX съезда партии.

В 1966 г. Иноземцев, назначенный директором ИМЭМО, ушел «из-под» Зимянина, но спустя десять лет вновь оказался «под ним». Их давние разногласия обозначились с новой силой. Однажды, как вспоминает М.М. Максимова, Зимянин вызвал его к себе и начал отчитывать по поводу очередных выборов в Академию наук, куда опять избрали (имелось в виду Отделение экономики) «не тех, кого надо», т. е. не выдвиженцев Агитпропа и отдела науки[1]. Когда Иноземцев попытался возражать, Зимянин перешел на крик:

> «— ЦК заставит тебя слушаться и исполнять то, что я говорю! Ты еще у меня походишь!
>
> — ЦК — это кто? Один Зимянин, что ли? Я не позволял на себя кричать на фронте и не позволю здесь. Не зарывайся! — ответил Н.Н. Иноземцев и вышел из кабинета»[2].

---

[1] Можно вспомнить настойчивые попытки заведующего отделом науки ЦК КПСС С.П. Трапезникова избраться в действительные члены АН СССР. Все эти попытки встречали решительную оппозицию академического сообщества. «Членкор» Трапезников так и не стал академиком. Отвергались кандидатуры и других ставленников партийной номенклатуры.

[2] Послесловие М. Максимовой к книге: Иноземцев Николай. Цена победы в той самой войне... С. 314. Этот случай, по свидетельству академика В.А. Мартынова, имел место в 1981 г., когда на выборах при активной поддержке Иноземцева действительным членом АН СССР был избран А.Г. Милейковский, кандидатура которого не получила предварительного (и обязательного в то время) одобрения на Старой площади.

Неприязнь Зимянина к Иноземцеву питалась не только идеологическими расхождениями с ним, но и сугубо личными мотивами. В возраставшем авторитете и влиянии Иноземцева на Генерального секретаря Зимянин усматривал потенциальную угрозу лично для себя. Он вполне мог подозревать академика Иноземцева, образованность и кругозор которого не шли ни в какое сравнение с более чем скромным интеллектуальным багажом Михаила Васильевича, в намерениях занять его место — секретаря ЦК партии по идеологии. Правда, у Зимянина был такой мощный покровитель, как Суслов, «в епархию» которого предпочитал не вторгаться даже сам Леонид Ильич. Поэтому, пока был жив благоволивший к нему «серый кардинал» брежневского режима, опасения Зимянина в отношении Иноземцева в действительности не имели под собой оснований.

Более реальную угрозу в глазах Зимянина и других консерваторов со Старой площади Иноземцев представлял в качестве внешнеполитического и экономического советника Брежнева. Их раздражало и даже пугало «пагубное» влияние Иноземцева, Арбатова и других «ревизионистов» на генсека. Не случайно агитпроповцы, по авторитетному свидетельству тогдашнего руководителя Группы консультантов отдела пропаганды В.А. Печенева, в своем кругу называли Н.Н. Иноземцева «Кока-Кола», с очевидным политическим смыслом переиначивая его имя и отчество[1].

Близость Иноземцева к Брежневу и особенно его попытки оказывать влияние на генсека в решении внутриэкономических проблем нередко вызывали раздражение и в высоких правительственных сферах. А.Н. Косыгин, безусловно ощущавший на себе недоброжелательство со стороны Брежнева, вряд ли мог симпатизировать его советнику Иноземцеву, хотя и вынужден был изучать направляемые в Совет Министров экономические разработки ИМЭМО.

> «Иноземцев, — вспоминает М.М. Максимова, — часто бывал на совещаниях у Косыгина. С одной стороны, Косыгин принимал те прогнозы экономического развития, которые передавал ему Иноземцев. С другой, — мог обрушиться с резкой критикой. На одном из совещаний, при обсуждении вопроса о государственных ценах на промышленные товары, которые выросли в стране к середине 70-х годов чуть ли не в два раза, Иноземцев сказал, что речь идет, по существу, об инфляции. "Вы что нам тут предлагаете эти буржуазные словечки", — оборвал Иноземцева Косыгин»[2].

По свидетельству Максимовой, хорошие отношения у Иноземцева были с заместителем Косыгина, председателем Госплана СССР Николаем Константиновичем Байбаковым, с которым они неоднократно отдыхали в одно и то же время в Кисловодске. Но даже при хороших личных отно-

---

[1] Это, как пишет Печенев, «отражало, очевидно, не только схожее звучание его (Иноземцева. — *П.Ч.*) имени — отчества, но и проамериканскую, по мнению аппаратчиков, ориентацию в политике» // *Печенев Вадим.* Указ. соч. С. 31.

[2] Запись беседы с М.М. Максимовой.

шениях бывший сталинский нарком[1] с трудом мог воспринимать те объективные данные (в том числе статистические), которые ему направлялись из ИМЭМО. Он мог, например, на полном серьезе потребовать изменить прогнозируемые ИМЭМО показатели ежегодных темпов роста западной экономики на том лишь основании, что эти темпы превышают соответствующие запланированные на пятилетку показатели развития советской экономики. «У нас плановая социалистическая экономика, — горячился Байбаков. — Темпы роста нашей экономики заложены в пятилетку, а вы тут говорите, что у них будет 3%, а у нас что — 2,6%..? Измените их показатели! У нас уже все точно расписано, значит, это вы ошиблись в расчетах»[2].

Непосредственным начальником Иноземцева по академической линии был Петр Николаевич Федосеев, вице-президент АН СССР, курировавший общественные науки. В последние годы жизни Сталина он руководил журналом «Большевик», затем Институтом философии, считаясь в официальной партийной науке авторитетом в области исторического материализма и критики современной «буржуазной» философии и социологии. С 1961 г. Федосеев постоянно входил в состав ЦК КПСС, где играл видную роль в формировании партийных идеологических установок. Некоторые считали его неисправимым догматиком и сталинистом, забывая (или не зная), что в начале 50-х годов он публично подвергся жесткой идеологической проработке и даже был снят с поста главного редактора партийного журнала «Большевик». С конца 60-х годов, когда заметно оживились неосталинисты, Федосеев, как и Пономарев, не был замечен в их рядах. Федосеев обладал такими качествами, как отзывчивость и человечность. Он всегда хорошо и по-доброму относился к Иноземцеву, хотя и не был в полном смысле слова его единомышленником. Как вице-президент АН СССР, П.Н. Федосеев неоднократно защищал ИМЭМО от нападок ревнителей устоев.

К числу единомышленников Иноземцева, безусловно, принадлежали просвещенные представители Международного отдела ЦК КПСС (В.В. Загладин, А.С. Черняев, Г.Х. Шахназаров и др.)[3] и часть (тоже просвещенная) хозяйственной элиты, сознававшая давно назревшую необходимость реформ. Зато в большинстве других отделов Центрального комитета, и прежде всего в Агитпропе и в отделе науки, он имел множество недругов. Следует признать, что позиции Иноземцева в высших эшелонах власти не были столь прочными, как могло тогда казаться. В решающей степени его положение определялось благоволением к нему самого Брежнева и расположением отдельных членов Политбюро и секретариата ЦК КПСС (с большей долей уверенности к ним

---

[1] С 1944 до 1955 г. Н.К. Байбаков был наркомом (министром) нефтяной промышленности СССР.

[2] Запись беседы с М.М. Максимовой.

[3] Следует отметить, что в Международном отделе ЦК были представлены не только прогрессивно мыслящие, но и консервативно-реакционные деятели, такие, например, как Р. Ульяновский, один из заместителей Пономарева. И все же там они были в явном меньшинстве.

можно было отнести М.С. Горбачева и Б.Н. Пономарева[1], с меньшей — Ю.В. Андропова...).

В целом же соотношение между друзьями и недругами академика Н.Н. Иноземцева в окружении Брежнева и в партийной номенклатуре было не в пользу первых. В сущности Иноземцев, как и Арбатов, как и другие немногие представители гуманитарной научной интеллигенции в Центральном комитете КПСС, были там «чужими среди своих». Именно как к чужакам к ним и относилась партноменклатура.

Вряд ли прогрессист Иноземцев вызывал симпатии у консервативно настроенных секретарей республиканских, краевых и областных комитетов партии, а также у престарелых министров, которые составляли подавляющее большинство в Центральном комитете. Это хорошо иллюстрирует эпизод, связанный с выступлением Н.Н. Иноземцева на одном из пленумов ЦК во второй половине 70-х годов.

Из воспоминаний академика Е.М. Примакова:

> «Помню, как еще во времена Брежнева, Иноземцев пригласил меня к себе поужинать. Он был явно взволнован. Сказал, что впервые предложили ему, тогда кандидату в члены ЦК КПСС, выступить на пленуме Центрального Комитета. "Не будьте 'белой вороной', напишите текст", — посоветовал я Ник Нику[2]. "Не могу, буду выступать без бумажки".
>
> Я оказался прав — уже одно это вызвало неудовольствие многих присутствовавших в зале. Еще больше покоробило содержание выступления. Иноземцев возразил против монополии на внешнюю торговлю даже не государства, а, как он справедливо сказал, Министерства внешней торговли СССР. Кроме этого, Иноземцев говорил о необходимости целенаправленной работы для обеспечения наилучших результатов на прорывных направлениях научно-технического прогресса. И все бы ничего, но академик Иноземцев привел в пример капиталистическую Японию, которая концентрировала средства через Министерство промышленности и торговли, чтобы помочь частному бизнесу вырваться вперед в производстве компьютеров. После успешного освоения этих средств и выхода на показатели нового поколения компьютерной техники компании снова "разбежались" по своим "квартирам" и продолжили конкуренцию за рынки.
>
> Николай Николаевич был очень удручен, когда ему передали реплику одного из руководителей, сказавшего в своем "кругу": "Вы разве не видите, он нас пытается поучать!" А бессменный помощник нескольких генеральных секретарей, безусловно, очень остроумный, едкий человек, А.М. Александров-Агентов сказал Иноземцеву: "Николай Николаевич, после вашего выступления стало ясно, что мы стоим перед дилеммой: либо нужно выводить из ЦК интеллигентов, либо делать ЦК интеллигентным"»[3].

---

[1] У Иноземцева всегда были хорошие отношения с Пономаревым. Вместе с тем нельзя полностью исключать того, что семидесятипятилетний руководитель Международного отдела ЦК мог усматривать в более молодом и энергичном Иноземцеве возможного претендента на его место.

[2] Так называли Иноземцева между собой его друзья и ближайшие сотрудники. — *П.Ч.*

[3] *Примаков Евгений*. Годы в большой политике. М., 1999. С. 27—28. Вдова Иноземцева подтверждает этот случай, хотя и отрицает, что ее муж вернулся с пленума в удрученном состоя-

Развивая шутку Александрова-Агентова, можно с уверенностью утверждать, что в условиях брежневского застоя второй из предложенных им вариантов был абсолютно недостижим. Оставался первый вариант — если и не «выводить интеллигентов из ЦК», то в любом случае поставить заслон их влиянию на высшее руководство и восхождению по ступеням партийной иерархии. После того как в феврале 1981 г. на XXVI съезде Иноземцев стал полноценным членом ЦК КПСС, его противники активизировались. Катализатором этой активности стали ожидания предстоявших в самом скором времени важных перемен в высшем партийном руководстве. Брежнев, все это видели, доживает последние месяцы, а быть может, и дни...

Кто придет ему на смену? Кто войдет в команду нового генсека? Это были поистине мучительные вопросы для партноменклатуры.

> «Наверху была определенная группа людей, которая не хотела прихода туда Николая Николаевича... — говорит М.М. Максимова. — Надо сказать, что ему неоднократно предлагали разные высокие посты в ЦК, и каждый раз он говорил «нет» или ставил условие — сохранение за ним поста директора Института, чего в то время ему позволить не могли. Как это так — секретарь ЦК и одновременно — директор ИМЭМО!.. Я думаю, что именно нежелание видеть Иноземцева в числе тех, кто будет определять политику нашей страны, и сыграло свою роль в начатой против него провокационной кампании»[1].

Мнение вдовы Н.Н. Иноземцева разделяет авторитетный российский политолог Игорь Михайлович Бунин, в 70-е — начале 80-х годов работавший в ИМЭМО. «В случае смены руководства, т.е. после смерти Брежнева, Иноземцев рассматривался как один из кандидатов на достаточно важный пост в ЦК, против чего выступал идеологический отдел. Игра велась персонально против Иноземцева», — утверждает Бунин[2].

Смерть Иноземцева

Академик Н.Н. Иноземцев, по мнению многих, имел вполне реальные шансы в самом недалеком будущем сменить М.В. Зимянина на посту секретаря ЦК по идеологии. Многие это понимали, а лучше всех сам Михаил Васильевич, не ко времени лишившийся своего неизменного покровителя, М.В. Суслова, умершего в январе 1982 г. Стоит ли удивляться, что именно Зимянин, как мы увидим, оказался главным организатором хитро закрученной интриги против Иноземцева. В этой интриге активное участие приняло руководство Агитпропа и отдела науки ЦК, а также МГК КПСС и КГБ.

нии. «Помню, — говорит она, — что Николай вернулся в хорошем настроении и долго смеялся, вспоминая, как участники пленума "вставали на цыпочки", пытаясь рассмотреть, читает Иноземцев текст по бумажке или нет» (запись беседы с М.М. Максимовой).

[1] Там же.

[2] Запись беседы с И.М. Буниным 21 августа 2003 г.

До сих пор существуют разные мнения относительно драматических событий, разыгравшихся в ИМЭМО в 1982 г. — был ли это детально продуманный заговор против директора Института или существовал лишь общий замысел его недругов, осуществлению которого способствовало удачное для последних стечение обстоятельств?

Большинство участников и свидетелей тех событий склоняются все же к версии о заговоре: слишком уж «кстати» для врагов Иноземцева сошлись воедино уголовное «дело Пухова» и политическое «дело Фадина — Кудюкина», чтобы поверить в случайное совпадение. При этом следует отметить, что многое в этой истории до сих пор остается неясным.

Начиная кампанию по дискредитации Иноземцева, ее закулисные организаторы, разумеется, не предполагали, что для Николая Николаевича она обернется трагедией. Их цель была иной — всего лишь скомпрометировать директора ИМЭМО, поставить крест на его дальнейшей политической карьере. В этом смысле то, что случилось 12 августа 1982 г. с Иноземцевым, можно было бы назвать его непреднамеренным убийством.

«Дело ИМЭМО» начало раскручиваться с конца 1981 г., когда проверка финансово-хозяйственной деятельности Института выявила ряд нарушений существовавших тогда правил списания пришедшей в негодность мебели. Проверка проводилась Управлением бухгалтерского учета, отчетности и внутриведомственного контроля Президиума АН СССР, Контрольно-ревизионным управлением Министерства финансов СССР и Московским городским комитетом народного контроля. Поводом к ней послужил поступивший из ИМЭМО сигнал от одного из обиженных на заместителя директора по общим вопросам В.А. Пухова сотрудников административно-хозяйственного отдела (АХО), который обвинял своего шефа в хищениях импортной мебели и другого технического оборудования (телевизора, искусственной кожи, унитазов и т.д.), принадлежащего Институту. Одновременно с началом проверки кем-то стали распространяться слухи, будто часть этого импортного оборудования и строительных материалов могла оказаться не только у Пухова, но и на даче у академика Иноземцева.

Здесь следует дать необходимые пояснения. Сначала о Пухове.

Владилен Акимович Пухов пришел в ИМЭМО в 1972 г. по приглашению Иноземцева. До этого он работал заместителем управляющего по техническим вопросам Домоуправления № 2 Управления высотных зданий Мосгорисполкома. Это был знаменитый, описанный Юрием Трифоновым «дом на набережной», где со сталинских времен жили представители советской элиты.

В это время Иноземцев настойчиво добивался завершения начатого еще в середине 60-х годов строительства 21-этажного здания ИМЭМО на Профсоюзной улице, и ему позарез нужен был технически грамотный и энергичный зам, способный взять на себя ежедневные заботы о скорейшем завершении «долгостроя».

Одновременно Пухов помогал Иноземцеву в реконструкции его старой академической дачи в поселке Луцино (Звенигородский район), которая

в разгар ремонта (1972 г.) сгорела, по всей видимости, от неосторожности рабочих.

Иноземцев в прямом смысле слова оказался на пепелище. Распоряжением Первого заместителя Председателя Совета Министров СССР К.Т. Мазурова академику Н.Н. Иноземцеву, по свидетельству Пухова, были выделены финансовые средства на строительство новой дачи. Добавив к выделенной правительством сумме собственные личные сбережения, Иноземцев обратился в Центракадемстрой, который и занялся строительством нового загородного дома. Пухова же Иноземцев попросил изредка приглядывать за ходом строительных работ.

Как свидетельствуют В.А. Пухов и тогдашний секретарь парткома ИМЭМО д.э.н. В.Н. Шенаев, все стройматериалы и строительные работы, завершенные в 1974 г., были оплачены Иноземцевым в официальном порядке, на что у него имелась соответствующая документация.

Последнее обстоятельство не помешало врагам Иноземцева, почти через восемь лет (!) после завершения строительства, распустить грязные слухи о том, что дачу он построил с незаконным привлечением государственных средств и имущества, принадлежащего ИМЭМО.

О каком же имуществе шла речь?

Примерно в середине 1973 г. строители нового здания ИМЭМО клятвенно пообещали закончить работу к началу 1975 г. В преддверии долгожданного новоселья Дирекция Института (Иноземцев и Пухов) через Центракадемснаб заказали в Финляндии мягкую мебель для оборудования залов и кабинетов.

Исполнительные финны поставили заказанную мебель к установленному сроку, т.е. летом 1974 г. Частично она поступила в разукомплектованном виде и требовала последующей сборки. В это время строители объявили, что «завершение объекта» откладывается минимум на два года. Полученную из Финляндии мебель пришлось в авральном порядке размещать в подвальных и чердачных помещениях старого гостиничного здания Института на Ярославской улице, дом 13. Там, в не приспособленных для длительного хранения условиях, ей пришлось пылиться даже не два, а почти четыре года — до весны 1978 г., когда наконец ИМЭМО переселился на Профсоюзную улицу. В довершение всех несчастий часть мебели, хранившейся на чердаке, под прохудившейся крышей, пострадала от ливневых дождей, а другая ее часть была подпорчена крысами и мышами, прочно обосновавшимися в подвале. Одним словом, до переезда на Профсоюзную дожила не вся финская мебель. Многие диваны и кресла безнадежно утратили первоначальный облик. Что-то было утрачено и в процессе сборки разукомплектованной мебели уже в новом здании.

В советские времена существовала нелепая в своей бессмысленности практика ежегодного списания мебели и другого казенного имущества, признаваемого некондиционным. Вместо того чтобы пустить все это в продажу, в том числе и заинтересованным (прежде всего малоимущим) сотрудникам того или иного учреждения, — столы, стулья, кресла, диваны,

книжные шкафы, стеллажи и т.д. уничтожались по особому акту, обязательно в присутствии представителей администрации и общественности. Ежегодно, в апреле месяце, в день коммунистического субботника, приходившегося на день рождения Ленина, по всей стране пылали десятки (если не сотни) тысяч костров, в которых бесследно исчезали предметы, значительная часть которых далеко не исчерпала свой ресурс и могла бы послужить если и не в учреждении, сумевшем закупить новую партию мебели, то в домах и квартирах тех, кому новая мебель была не по карману. Подобные публичные сожжения старой мебели ежегодно проводились и в ИМЭМО.

Пухов, что впоследствии признал он сам, совершил ошибку, вовремя не списав испорченную на чердаке и в подвале ИМЭМО финскую мебель, которую, правда, никак нельзя было отнести к разряду ветхой. Списывание он отложил до переезда в новое здание. Этой оплошностью и воспользовались те, кто фабриковал «дело ИМЭМО».

О финской мягкой мебели, значительная часть которой разместилась в новом здании ИМЭМО, вспомнили через три с половиной года после переезда Института на Профсоюзную улицу. Заодно заговорили и о стройматериалах, которые могли якобы со строительной площадки Института попасть на дачу Иноземцева.

На исходе 1981 г. заместитель директора ИМЭМО по общим вопросам В.А. Пухов неожиданно был вызван в Комитет партийного контроля ЦК КПСС. Каково же было изумление Пухова, когда его ввели в огромный кабинет самого председателя КПК Арвида Яновича Пельше, одно имя которого внушало трепет иным членам ЦК, министрам и генералам.

Не только по должности главного контролера КПСС, но и по своим личным качествам этот суровый латыш считался совестью партии. Член РСДРП(б) с 1915 г., участник революции и Гражданской войны, сотрудник ЧК, получивший ранение при взрыве анархистами здания МК партии большевиков в Леонтьевском переулке в Москве 25 сентября 1919 г., впоследствии многолетний руководитель Компартии Латвии, а с 1966 г. — председатель КПК и член Политбюро ЦК КПСС. В 1981 г. Пельше было уже 82 года. Он был старейшиной в брежневском Политбюро.

Вызов к столь высокопоставленному лицу никому не известного заместителя директора по административно-хозяйственной части академического института не мог быть случайным. Он был явно рассчитан на то, чтобы произвести должное психологическое воздействие на Пухова, побудить его признаться «самому Арвиду Яновичу» в том, о чем заместитель Иноземцева мог бы умолчать в беседе с райкомовским или горкомовским чиновником.

Пельше сразу же расставил все точки над «i»:

> «Вы, наверное, понимаете, что вы не тот человек, с которым должен разбираться председатель Комитета партийного контроля. У меня здесь дают объяснения члены ЦК и министры... Лично вы меня не интересуете. Поэтому не будем терять время. Вам сейчас дадут бумагу, карандаш и про-

водят в соседнюю комнату, где вы подробно напишете о тех хозяйственных нарушениях и фактах расхищения социалистической собственности, которые имели место в Институте мировой экономики и международных отношений. Напишите, кто и сколько воровал, кому и куда из Института вывозилось государственное имущество».

«Мое замечание, что мне не о чем писать и не в чем признаваться, Пельше пропустил мимо ушей, словно и не слышал, — вспоминает Пухов. — Меня вывели из его кабинета и проводили в одну из комнат, неподалеку, где оставили в полном одиночестве, предупредив, что когда я закончу писать "чистосердечное признание", то должен нажать на кнопку на столе и вызвать дежурного. Этим же способом следовало попроситься в туалет. Так я провел несколько часов. Листы писчей бумаги остались чистыми. В конце рабочего дня меня отпустили без всяких комментариев, но было ясно, что все еще впереди»[1].

Худшие предположения Пухова оправдались.

Вскоре после вызова к Пельше В.А. Пуховым и его заместителем, главным инженером ИМЭМО Игорем Яковлевичем Веретильным заинтересовался ОБХСС[2] Севастопольского РУВД Москвы, опиравшийся в начатом расследовании на результаты проверки хозяйственно-финансовой деятельности Института инспекцией АН СССР, КРУ Минфина и Московским городским комитетом народного контроля. Пухова и Веретильного беспрерывно вызывали на допросы, настойчиво выясняя, не могла ли списанная финская мебель попасть на дачу Иноземцева. А в начале 1982 г. расследованием «хищений в ИМЭМО» занялась прокуратура Севастопольского района г. Москвы.

10 февраля было заведено уголовное дело в отношении И.Я. Веретильного, а 10 марта в своем служебном кабинете был арестован В.А. Пухов, обвиненный по ст. 92 ч. 2 УК РСФСР. В его кабинете был проведен обыск. Одновременно обыск проводился и на квартире Пухова. На его имущество был наложен арест. На глазах научных сотрудников Пухова вывели из Института и отправили в КПЗ — камеру предварительного заключения Севастопольского РУВД. Как вспоминает Пухов, его соседями по КПЗ оказались два арестанта, обвиненные в убийствах, — так, во всяком случае, они ему представились. Один из них со знанием дела убеждал Пухова не упорствовать и во всем признаться, иначе, по его словам, «тебя здесь размажут» (имелось в виду следствие)[3]. Были ли это действительно убийцы или подсадные утки — оставалось только гадать. В этой «приятной компании» Пухов провел сутки. На следующий день его неожиданно освободили под подписку о невыезде. Освобождение Пухова стало результатом решительного вмешательства секретаря парткома ИМЭМО В.Н. Шенаева.

Из воспоминаний члена-корреспондента РАН Владимира Никитовича Шенаева:

---

[1] Запись беседы с В.А. Пуховым 27 ноября 2003 г.

[2] ОБХСС — отделы по борьбе с хищениями социалистической собственности, существовавшие в системе МВД СССР, занимались расследованием экономических преступлений.

[3] Запись беседы с В.А. Пуховым.

«Пухова арестовали на рабочем месте, не поставив в известность ни Дирекцию, ни партком, ни местком, хотя это произошло в рабочее время. Узнав об этом от сотрудников, которые видели эту сцену, утром следующего дня я поехал к Первому секретарю Севастопольского РК КПСС Асоскову, который сказал, что для него это тоже неожиданность, и он поддерживает мои действия по выяснению обстоятельств. В милиции мне было сказано, что они действовали по указанию прокурора, хотя сами не видят к этому причин, о чем я могу сказать прокурору. Разговор с прокурором был странным. Он предложил мне немедленно собрать партком и исключить из партии зам. директора по хозяйственной работе (Пухова. — *П.Ч.*), не предъявив никаких документов (правда, он мне сказал, что они у него есть, и он представит их позже). После того как я сказал, что нахожу это очень странным и еду в ЦК КПСС, прокурор Богачев Виктор Яковлевич снял трубку и позвонил при мне в тюрьму, попросив отпустить задержанного»[1].

Пухов был отпущен, но обвинения против него не были сняты. Следствие продолжалось. Более того, 24 апреля 1982 г. из районной прокуратуры уголовное дело Пухова было затребовано Прокурором РСФСР. Дальнейшее расследование было поручено старшему следователю по особо важным делам при Прокуроре РСФСР, старшему советнику юстиции В.И. Олейнику, возглавившему следственную группу в составе трех человек.

На допросах, по свидетельству Пухова, фамилия Иноземцева впрямую не называлась, но чувствовалось, что именно директор ИМЭМО интересует тех, кто заказал и раскручивал это дело. Слишком уж несоразмерны были пункты обвинения, да и сам его характер, достойный разве что внимания рядового следователя районного ОБХСС, задействованным силам из Прокуратуры РСФСР. Было совершенно очевидно и другое: заинтересованные лица находились не на Кузнецком мосту, где размещалась Прокуратура РСФСР, а на Старой площади, в кабинетах ЦК КПСС и Комитета партийного контроля.

В течение трех месяцев старший советник юстиции В.И. Олейник и два других следователя «работали» с Пуховым и с документами по его делу. Были опрошены два десятка свидетелей из числа сотрудников АХО и других подразделений ИМЭМО, проведены многочисленные очные ставки. В итоге руководитель следственной группы вынужден был огорчить высокопоставленных заказчиков. 21 июля 1982 г. В.И. Олейник закрыл уголовное дело в отношении В.А. Пухова.

Из «Постановления о прекращении уголовного дела»:

«<...> Факты хищения импортной мебели со стороны Пухова и Веретильного следствием не установлены. Не нашли своего подтверждения в ходе следствия факты вывоза Пуховым из Института и установки на частных квартирах санитарно-технического оборудования и хищения им искусственной кожи. <...>

Установленные следствием факты необеспечения сохранности Пуховым импортной мебели, несвоевременного списания мебели, пришедшей

[1] Из воспоминаний В.Н. Шенаева.

в негодность, утверждения им протоколов формально проводимых инвентаризаций также не являются уголовно наказуемыми.

На основании вышеизложенного, руководствуясь п. I ч. I ст. 208, п. 2 ст. 5 и ст. 209 УПК РСФСР,

ПОСТАНОВИЛ:

Уголовное дело по обвинению Пухова Владилена Акимовича по ст. 92 ч. 2 УК РСФСР производством прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления.

Арест, наложенный на имущество Пухова В.А., снять.

Меру пресечения Пухову В.А. в виде подписки о невыезде — отменить.

О принятом решении уведомить заинтересованных лиц, разъяснив им, что настоящее постановление может быть обжаловано ими в 5-дневный срок на имя Прокурора РСФСР.

Старший следователь по особо важным
делам при Прокуроре РСФСР
старший советник юстиции
В.И. Олейник»[1].

Получив 26 июля на руки этот документ, Пухов поехал к Иноземцеву, который незадолго перед этим вышел из больницы, куда попал с острым сердечным приступом. Пухов неоднократно навещал его в больнице на Мичуринском проспекте, информируя о ходе следствия. Он приезжал к нему и один, и в компании с другом Иноземцева, Григорием Иосифовичем Морозовым. В больнице Иноземцев, по воспоминаниям Пухова, выглядел очень плохо, осунулся, как-то посерел и находился в подавленном состоянии. «Чувствовалось, что он сгорает», — вспоминает Пухов.

«Молодец, я в тебе и не сомневался», — отреагировал Иноземцев на сообщенную Пуховым новость о прекращении дела.

Хотя дело о «хищении государственного имущества в ИМЭМО» и было закрыто[2], сам факт его возбуждения и многомесячного досужего обсуждения не только в академических, но и в партийно-чиновных сферах нанес тяжелый удар по Иноземцеву[3]. До сих пор никто и никогда не сомневался

---

[1] «Постановление о прекращении уголовного дела. 21 июля 1982 г.» // Личный архив В.А. Пухова.

[2] Оправданный следствием В.А. Пухов тем не менее получил партийное взыскание за выявленные нарушения в хозяйственно-финансовой деятельности Института. Он проработал в ИМЭМО еще десять лет, до июля 1992 г., когда перешел в другую организацию.

[3] «После того, как не удалось получить компромат на Николая Николаевича по хозяйственной линии, некоторое время казалось, что от нападок на Иноземцева отказались, — вспоминает тогдашний секретарь парткома ИМЭМО В.Н. Шенаев. — Правда, сам Николай Николаевич воспринимал все это очень болезненно, о чем свидетельствует следующий факт. От кого-то он узнал, что все же в Международном отделе ЦК КПСС ходят слухи о якобы использовании им строительных материалов Института при строительстве дачи. Он пригласил меня в свой кабинет, где на столе стоял портфель. Николай Николаевич открыл его и попросил посмотреть квитанции об оплате им каждого строительного материала. С этим портфелем он поехал к заведующему Международным отделом ЦК КПСС Борису Николаевичу Пономареву, который успокоил Николая Николаевича, сказав, что ему в ЦК КПСС полностью доверяют» (из воспоминаний В.Н. Шенаева).

в порядочности Иноземцева, героя-фронтовика, достигшего высокого положения собственным талантом и редкой работоспособностью. Он долго и старательно выстраивал свою карьеру и, безусловно, дорожил достигнутым. К тому же в свои 60 лет, на фоне престарелых кремлевских старцев и бесцветных аппаратчиков, член ЦК КПСС академик Н.Н. Иноземцев имел все основания надеяться на получение высокого поста в партийном руководстве. Только по этим причинам, не говоря уже о его известной всем честности, Иноземцев никогда бы не рискнул своей безупречной репутацией ради сомнительного приобретения казенной офисной мебели.

Всем, кто хорошо его знал, с самого начала был понятен провокационно-заказной замысел сфабрикованного «дела Пухова», в действительности направленного против Иноземцева. Но были и такие люди (в том числе и на Старой площади), кто с готовностью поверил в возможность причастности академика Иноземцева к «хищениям госсобственности». Так или иначе, но на Иноземцева была брошена тень, чего, собственно, и добивались его враги.

Надо признать, что враги Иноземцева выбрали весьма удачный момент для его дискредитации. Как раз в это время председатель КГБ Ю. Андропов начинал показательную антикоррупционную кампанию, инициировав ряд уголовных дел в отношении отдельных представителей номенклатуры и некоторых лиц из окружения Брежнева и его семьи[1]. Это давало врагам Иноземцева надежду на то, что Андропов не станет защищать скомпрометированного их стараниями директора ИМЭМО.

Возникшие подозрения жестоко оскорбляли Иноземцева, тяжело ранили его душу. Человек эмоциональный и вспыльчивый, он остро переживал непривычную для него ситуацию, оказавшись совершенно безоружным перед грязными клеветническими слухами. Друзья Иноземцева поражались его бездействию. Ведь он мог хотя бы попытаться прекратить это дело, обратившись к Брежневу. Но именно этого он не делал, несмотря на настойчивые призывы друзей.

Положение Иноземцева усугублялось тем, что одновременно с уголовным «делом Пухова» в ИМЭМО раскручивалось политическое «дело Фадина — Кудюкина». Совпадение по времени этих двух дел недвусмысленно

---

[1] Уголовные дела были заведены в отношении руководящих работников Министерства рыбного хозяйства СССР (замминистра Рытов будет приговорен к смертной казни), заместителя министра торговли РСФСР Лукьянова, 1-го секретаря Сочинского горкома КПСС А. Мерзлого, секретаря Краснодарского обкома партии А. Тарады (он неожиданно умрет в тюремной камере). Следствие по «сочинскому делу» вышло на друга Брежнева, 1-го секретаря Краснодарского крайкома КПСС С. Медунова. Тогда Медунову удалось уйти от ответственности. Андропов этого не забудет и в июне 1983 г. вернется к «делу» Медунова. 19 января 1982 г. покончил жизнь самоубийством близкий к Брежневу генерал армии С.К. Цвигун, 1-й заместитель председателя КГБ, приставленный в свое время «приглядывать» за самим Андроповым. Его смерть связывали с начатым Андроповым расследованием преступлений лиц из окружения Галины Брежневой, дочери генсека. Одновременно шеф КГБ начал подкоп под министра внутренних дел Н. Щелокова и его заместителя Ю. Чурбанова, зятя Брежнева. В КГБ имели серьезный компромат и на Секретаря Президиума ВС СССР М.П. Георгадзе, ближайшего помощника Брежнева по делам Верховного Совета. Георгадзе поспешит уйти из жизни через две недели после избрания Андропова Генеральным секретарем в ноябре 1982 г.

свидетельствовало о продуманной закулисной интриге, в которую врагам Иноземцева удалось вовлечь Московское городское управление КГБ.

6 апреля 1982 г., по обвинению в антисоветской деятельности, органы КГБ арестовали двух молодых научных сотрудников ИМЭМО — Андрея Фадина и Павла Кудюкина. Впоследствии некоторые будут говорить, что «дело Фадина — Кудюкина» не было случайным, как не было случайным появление этих двух молодых людей в ИМЭМО. Имелось в виду, что «дело Фадина — Кудюкина» могло быть хорошо спланированной провокацией КГБ, который подыграл «заказчикам» из ЦК в их борьбе против Иноземцева.

Так ли это было? Постараемся в этом разобраться.

Прежде всего об обстоятельствах появления в ИМЭМО этих двух диссидентов. Оба они пришли в Институт еще в 1978 г., т.е. за три с лишним года до случившейся с ними истории.

Андрей Васильевич Фадин родился в 1953 г. в Москве, в обеспеченной интеллигентной семье. Его отец работал в Группе консультантов Международного отдела ЦК, где занимался скандинавскими странами. Он умер в 1976 г.

Мать преподавала немецкий язык в Московском инженерно-строительном институте. По окончании средней школы в 1971 г. Андрей Фадин поступил на исторический факультет МГУ, где специализировался на кафедре новой и новейшей истории в области латиноамериканистики. В 1976 г. он успешно защитил диплом на тему: «История перуанской партии АПРА». Занятия современной латиноамериканской проблематикой оказали глубокое влияние на формирование политического мировоззрения Фадина, ставшего горячим приверженцем идей Эрнесто Че Гевары. Увлеченность революционными процессами, протекавшими в 60—70-е гг. в ряде стран Латинской Америки, сочеталась у Фадина с резко критическим отношением к советской действительности. Еще в МГУ он впервые попал в поле зрения КГБ, который с тех пор не оставлял Фадина своим вниманием. Употребляя чекистский лексикон, Фадин был взят «в разработку», как и некоторые из его студенческих друзей-единомышленников.

Получив диплом, Фадин устраивается на работу в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в качестве переводчика с испанского и английского языков. Одновременно он поступает в заочную аспирантуру Института международного рабочего движения (ИМРД АН СССР). Через два года, в сентябре 1978-го, ему удается устроиться в самый престижный академический институт международного профиля — ИМЭМО, где Фадин становится младшим научным сотрудником отдела развивающихся стран. Здесь в обстановке творческой свободы и откровенных научных дискуссий он чувствует себя совершенно комфортно. Научным руководителем Фадина в ИМЭМО стал один из ведущих советских латиноамериканистов Кива Львович Майданик — тоже давний сторонник идей Че Гевары.

Почти одновременно с Фадиным в ИМЭМО приходит один из его друзей по истфаку Павел Кудюкин.

Павел Михайлович Кудюкин, ровесник Фадина, родился в семье преподавателей Загорского (Сергиев-Посадского) художественно-промышленного

техникума игрушки, где в течение года по окончании средней школы сам работал столяром. В 1971 г. Кудюкин поступил на исторический факультет МГУ, где специализировался по новейшей советской истории. Его дипломная работа была посвящена изучению идеологических предпосылок «косыгинской» хозяйственной реформы 1965 г. Исследование обстоятельств, связанных с провалом «реформы Косыгина», похороненной стараниями косной партбюрократии, способствовало становлению оппозиционных убеждений у Павла Кудюкина, которые он, как и Фадин, не особенно скрывал. Не удивительно, что студент Кудюкин тоже попал «под колпак» КГБ. Тем не менее в 1976 г. он получил диплом с отличием и устроился старшим лаборантом на кафедру философии и научного коммунизма во ВГИК. Через год Кудюкин перейдет на аналогичную должность на кафедру философии гуманитарных факультетов МГУ, а оттуда в 1979 г. поступит в очную аспирантуру ИМЭМО по отделу социальных и внутриполитических проблем капиталистических стран. К сентябрю 1981 г. Павел Кудюкин завершит работу над диссертацией «Испанская социалистическая рабочая партия в период демократизации (1974 — 1979)». В декабре того же года его зачисляют в «отдел Дилигенского» на должность младшего научного сотрудника. Весной 1982 г. Кудюкину предстояла защита кандидатской диссертации...

Помимо Фадина и Кудюкина, к началу 80-х годов в ИМЭМО работали (или учились в аспирантуре) и другие выпускники истфака 1976 г. — Татьяна Ворожейкина, Олег Кудрявцев, Константин Барановский — талантливые молодые ученые, подававшие большие надежды. Всех их со студенческой скамьи связывали узы дружбы, продолжавшейся и в стенах ИМЭМО. Когда в апреле 1982 г. начнется следствие по «делу Фадина — Кудюкина», их друзей привлекут в качестве свидетелей и будут вызывать на допросы в Лефортовскую тюрьму КГБ, куда поместили двух молодых диссидентов.

Аресты диссидентов в 70-е — начале 80-х годов уже перестали быть чем-то из ряда вон выходящим. Общество успело к ним привыкнуть, с тех пор как КГБ возглавил Юрий Андропов, объявивший войну всякому инакомыслию. Но далеко не всякий арест очередных диссидентов ставился на повестку дня заседаний Политбюро. «Дело Фадина — Кудюкина» стало редким исключением. Уже через день после ареста Андрея Фадина и Павла Кудюкина сам председатель КГБ проинформировал об этом своих коллег по Политбюро, изложив чекистскую версию их «дела». В чем причина столь «высокой чести», коей удостоились два молодых научных сотрудника ИМЭМО? И в чем конкретно обвинялись Андрей Фадин и Павел Кудюкин?

Сначала попытаемся ответить на второй вопрос, сопоставив две точки зрения — Юрия Андропова и Павла Кудюкина.

Из «Рабочей записи» закрытого заседания Политбюро ЦК КПСС от 8 апреля 1982 г., проходившего под председательством К.У. Черненко[1] (документ комментирует П.М. Кудюкин):

---

[1] На заседании Политбюро присутствовали: Ю.В. Андропов, М.С. Горбачев, А.А. Громыко, Н.А. Тихонов, Д.Ф. Устинов, М.С. Соломенцев, И.В. Капитонов, В.И. Долгих, М.В. Зимянин,

«На закрытом заседании Политбюро тов. Андропов Ю.В. проинформировал о положении с кадрами в Институте мировой экономики и международных отношений. Он доложил, что в результате тщательной проверки были получены сигналы об антисоветских настроениях научных сотрудников этого института Фадина Андрея Васильевича и Кудюкина Павла Михайловича — оба 1953 года рождения.

При проверке эти сведения получили полное подтверждение[1].

Из добытых по делу материалов установлено, что антисоветская деятельность этих лиц носит организованный характер[2] и что они вовлекли в свою группу ряд других ведущих враждебную работу лиц — Кагарлицкого, Зайченко, Хавкина и других.

Участники группы избегают личного общения, имеют псевдонимы, пользуются конспиративными приемами[3]. В течение последних двух лет они систематически готовят и распространяют антисоветские журналы "Варианты", "Левый поворот", "Социализм и будущее" по 30—50 страниц машинописного текста каждый, размножают вредную и враждебную литературу, получаемую с Запада, располагают множительной аппаратурой и средствами фотокопирования[4].

Фадин, Кудюкин и др. стремятся теоретически обосновать пути замены существующего в СССР строя так называемым "демократическим социализмом в интересах всех трудящихся"[5].

К.В. Русаков. Ксерокопия этого документа любезно предоставлена автору П.М. Кудюкиным, получившим его в бывшем архиве ЦК КПСС (ныне РГАНИ) в начале 90-х годов.

[1] «Что это была за проверка, можно только догадываться. Несомненно, что, по крайней мере, с осени 1981 г. квартиры Фадина, Кудюкина, Хавкина и связанных с ними людей прослушивались и в ряде случаев неофициально обыскивались (с уверенностью могу говорить это о своей квартире), существовало также внешнее наблюдение»// Здесь и далее комментарии П.М. Кудюкина, составленные по просьбе автора. — *П.Ч.*

[2] «Формальной организации мы создать не успели, но с середины марта 1982 г. я и Ю. Хавкин начали готовить создание Оргкомитета Федерации демократических сил социалистической ориентации. Подпись Оргкомитета стояла под текстом обращения к Итальянской коммунистической партии в связи с обострившейся в тот период полемикой между ней и КПСС. Рукопись обращения была изъята у меня в ходе обыска 6 апреля 1982 г. Кто-то из следователей показал текст моей сестре — Марии Кудюкиной, в тот период аспирантке Института истории СССР АН СССР, с которой мы жили на одной квартире, с целью продемонстрировать, до чего я «докатился». Благодаря этому изложение текста дошло до московского корреспондента «Паэзе сера» и стало известно руководству ИКП». — *П.К.*

[3] «Естественно, это не относилось к давно знакомым между собой или связанным по работе людям, в других же случаях мы действительно старались минимизировать общение. Псевдонимы у нас были двух видов — литературные при публикациях и «оперативные». Так, я был для разных кругов конспиративного общения «Артемом», «Василием», «Свами», Фадин — «Негро» и «Глебом». Что касается конспиративных приемов, то мы пытались к ним прибегать, хотя, как показывает результат, не слишком успешно». — *П.К.*

[4] «В 1977—1981 гг. вышли четыре выпуска «Вариантов», в 1979 г. — два выпуска журнала «Левый поворот», с августа 1980 по начало 1982, если не ошибаюсь, — около 12 (частично сдвоенных) номеров журнала «Социализм и будущее» по 30—50 страниц машинописного текста каждый. На самом деле объем у всех этих журналов был разный — от 15—20 страниц до 200. Основным средством размножения оставалась пишущая машинка, однако применялось и фотокопирование (самым обыкновенным «Зенитом»). — *П.К.*

[5] «Мы с Фадиным были своего рода «центристами» в группе по отношению к более «правым» Хавкину и Чернецкому, которые самоопределялись как «социал-демократы» и к Кагарлицкому — «левому еврокоммунисту». При этом нашим с Андреем взглядам был свойственен еще и определенный «третьемирский» оттенок».— *П.К.*

В вопросах практической деятельности группа ставит задачу объединения разрозненных групп в единую организацию и обеспечения широкой связи с массами как в стране, так и за рубежом[1]. Предпочтение отдается нелегальной деятельности, а диссидентское движение в СССР считается бесперспективным. Фадин, Шилков и Барановский допускают применение террористических методов борьбы для достижения своих целей[2]. Редактор отдела издательства "Наука" Карпюк, принадлежащий к этой группе, в разговоре со своей близкой связью, которую он подвергал антисоветской обработке, цинично заявил, что КПСС — правящая элита, неспособная управлять обществом. У Кудюкина была обнаружена "Программа политической подготовки кадров"[3]. Группа в своих программных разработках предусматривает активное использование легальных возможностей в рамках лекций общества "Знание", использование молодежных клубов, спортивных секций[4].

Органами КГБ выявлено, что антисоветские взгляды у этих лиц начали складываться еще в период учебы в Московском университете и др. вузах[5]. Все они воспитывались в обеспеченных и здоровых семьях. Отец Фадина в прошлом работал в аппарате ЦК КПСС, родители Хавкина — ведущие специалисты страны в области вакуумной техники, отец Кагарлицкого — доктор наук, профессор. Еще в период 1975—1979 гг. Фадин, Кудюкин и др. были профилактированы и предупреждены о недопустимости подобного

---

[1] «Речь идет о Федерации демократических сил социалистической ориентации и о возможности развития связей в молодежной среде, а также выходе на рабочих. У нас были определенные связи со Свободным межотраслевым объединением трудящихся (СМОТ), для одного из лидеров которого я написал «Программу экономической борьбы рабочего класса: ближайшие требования». За рубежом мы искали связей, естественно, не с «массами», а с левыми организациями. Определенные контакты были с польской «Солидарностью», некоторыми диссидентами в ГДР, с представителями Испанской социалистической рабочей партии, Португальской социалистической партии, левосоциалистических групп из ФРГ и Мексики). Мы отдавали предпочтение нелегальной деятельности по той причине, что «диссидентское», а точнее говоря — правозащитное движение, к началу 80-х гг. из-за изменения внешнеполитической ситуации (конец разрядки), по нашему мнению, во многом замкнулось в себе, став «самозащитным». — *П.К.*

[2] «Следователи усиленно пытались найти у нас хоть какие-то намеки на террор, идя даже на прямые подтасовки, однако не преуспели. В одном из наших документов прямо говорилось, что мы считаем индивидуальный террор неоправданным политически и недопустимым морально».

[3] «Речь идет о программе обучения по экономической теории, социологии и политологии, подготовленной мною». — *П.К.*

[4] «Использование легальных возможностей проявлялось не столько в программных разработках, сколько в обсуждениях, а также в некоторых статьях. В последнем случае говорилось, в том числе с учетом польского опыта второй половины 70-х гг., о необходимости и возможности развития в СССР структур "гражданского общества"». — *П.К.*

[5] «С некоторой долей условности можно говорить о «кружке 242-й комнаты» (в Филиале Дома студента МГУ на Ломоносовском проспекте), куда кроме живших в этой комнате Г. Зайченко, О. Буховца, С. Карпюка и П. Кудюкина, входили А. Фадин, К. Барановский, Игорь Долуцкий, Олег Кудрявцев, Татьяна Ворожейкина, Николай Кабанов. Одним из наших деяний стала попытка в конце 2-го курса сформировать «левое» бюро ВЛКСМ на курсе, из этого получился только захват стенной газеты, выпуск которой в начале октября 1973 г. привел к исключению И. Долуцкого из комсомола и МГУ, получению Фадиным и мной по строгому выговору «с занесением». После исключения Долуцкого я и О. Буховец организовали сбор подписей в его защиту, за что я получил второй «строгач» (до сих пор не понимаю, как меня вообще не исключили), а Буховец, бывший членом КПСС, — партийный выговор с замечательной формулировкой: «действия заслуживают исключения из партии, но с учетом изменившейся обстановки ограничиться выговором». — *П.К.*

поведения[1]. Однако идейно не разоружились и перешли к конспиративным антисоветским методам.

КГБ имеет в виду в ближайшее время приступить к реализации дела и привлечению к уголовной ответственности наиболее активных граждан[2], а по остальным провести соответствующую профилактическую работу».

Как видим, ни в информации Андропова, ни в комментариях Кудюкина нет и намека на существование подпольной антисоветской организации в ИМЭМО. Ее там просто не было. Вся нелегальная деятельность двух молодых социалистов-сотрудников ИМЭМО проходила за пределами Института.

Единственным фактом, к которому оказались причастны два других сотрудника ИМЭМО, можно считать частную встречу (Кудюкин в ней не участвовал) А. Фадина и К.Л. Майданика с приехавшим в Москву руководителем компартии Сальвадора, которая в то время вела вооруженную борьбу против правящего в стране режима. Впоследствии выяснится, что весь разговор, состоявшийся на квартире Татьяны Ворожейкиной, тоже сотрудницы ИМЭМО, КГБ сумел записать на пленку. Как видно, даже руководители «братских» зарубежных компартий не были освобождены от слежки КГБ. В принципе в подслушанном чекистами разговоре не было ничего крамольного: речь шла о главным образом о стратегии и тактике сальвадорских коммунистов.

Среди прочего Фадин поинтересовался у их лидера: «Где гарантия, что после победы коммунистов в Сальвадоре не будет установлен режим сталинского типа?»[3] Наверное, в толковании чекистов даже такой вполне невинный вопрос мог быть оценен как антисоветское высказывание.

Хотя следствие и не получило доказательств существования в ИМЭМО антисоветской организации, установленные им факты косвенной причаст-

---

[1] «Этим утверждением Ю.В. Андропов выгораживает свое ведомство; единственный из нашей группы, кто получал официальное «предупреждение» — Кагарлицкий. Одновременно с этим предупреждением со мной беседовал капитан С. Трофимюк, «курировавший» ряд академических институтов, в том числе ИМЭМО; какие-то беседы подобного рода проводились и с Фадиным. По себе могу судить, что разговоры были столь бездарны, что никакой «профилактикой» назвать их нельзя». — *П.К.*

[2] «На самом деле уже 6 апреля 1982 г. были арестованы Б. Кагарлицкий, И. Кондрашев, П. Кудюкин, А. Фадин, Ю. Хавкин, В. Чернецкий, при этом Б. Кагарлицкий шел по отдельному делу, которое вело московское УКГБ, нами же занимался Следственный отдел центрального аппарата КГБ... Все обвинялись по части 1-й статьи 70-й УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда — от 2 до 7 лет заключения и от 1 до 5 лет ссылки как максимальное наказание). Предварительное следствие продолжалось до сентября 1982 г., в конце его Кудюкину, Ривкину, Фадину, Хавкину, Чернецкому было предъявлено дополнительное обвинение по статье 72-й УК РСФСР (организационная деятельность по созданию антисоветской организации). В начале января 1983 г. нам было вручено обвинительное заключение, подписанное Генеральным прокурором А. Рекунковым, на середину февраля был назначен суд. В качестве суда первой инстанции дело должен был рассматривать Верховный суд РСФСР, что делало невозможной апелляцию по приговору. В последний момент суд был отменен и дело возвращено «на доследование». На самом деле нам было предложено получить свободу в обмен на «раскаяние», причем сначала следователи пытались добиться, чтобы заявления о «раскаянии» были публичными, на что никто из нас не согласился». — *П.К.*

[3] Цит. по: *Мирский Г.И.* Жизнь в трех эпохах. М., 2001. С. 231.

ности (в том числе и недонесения) отдельных научных сотрудников к деятельности Фадина и Кудюкина, проходившей за пределами Института, дали противникам Иноземцева удачную возможность ударить по нему и с этой стороны.

Из письма председателя КГБ В. Федорчука в ЦК КПСС от 28 июня 1982 г. «О ходе следствия по уголовному делу на Фадина, Кудюкина и др.»:

> «<...> Антисоветские взгляды (Фадина и Кудюкина. — *П.Ч.*) были достаточно хорошо известны широкому кругу сотрудников ИМЭМО, таким, как зам. заведующего отделом, член КПСС Майданик К.Л. — непосредственный научный руководитель Фадина; доктор наук, член КПСС Шейнис В.Л.; научные сотрудники член комитета ВЛКСМ Иванова О.Ю., Ворожейкина Т.Е.; кандидат наук, судимый в 1958 г. сроком на восемь лет за организованную антисоветскую деятельность Чешков М.А., и многим другим. <...>
>
> Как выяснилось в ходе следствия, Фадин систематически передавал Майданику, Шейнису, Ворожейкиной, Ржешевскому, Данилову, Ивановой и Скороходову[1] различную антисоветскую литературу для ознакомления. Указанные лица, зная об антисоветских настроениях Фадина и Кудюкина, не только не давали отпор их "воззрениям" и преступным действиям, но зачастую соглашались с изложенными в антисоветской литературе концепциями и по существу оказывали им моральную поддержку. <...>
>
> Это свидетельствует о том, что становлению на преступный путь Фадина, Кудюкина и других в определенной мере способствовала также обстановка беспринципности и отсутствия должной политической бдительности среди сотрудников Института мировой экономики и международных отношений АН СССР.
>
> По имеющимся оперативным данным, о которых КГБ СССР в мае с.г. информировал МГК КПСС, в Институте имеют место существенные просчеты в подборе кадров, а также воспитательной работе. Низка трудовая дисциплина и требовательность к сотрудникам со стороны руководства и особенно заведующих отделов и секторов. Имели место нарушения в соблюдении сотрудниками правил работы с иностранцами, чем, как установлено, пользовались Фадин и Кудюкин.
>
> Комитетом госбезопасности продолжаются оперативно-следственные мероприятия, направленные на полное вскрытие преступной деятельности обвиняемых Фадина, Кудюкина и связанных с ними лиц.<...>»[2].

---

[1] Научные сотрудники ИМЭМО. — *П.Ч.*

[2] Этот документ (ксерокопия) предоставлен автору бывшим депутатом Государственной Думы Виктором Леонидовичем Шейнисом, который получил его в 1992 г. по депутатскому запросу от тогдашнего министра безопасности России В. Баранникова. Шейнису были переданы и некоторые другие документы КГБ СССР, относящиеся к «делу Фадина — Кудюкина». Сам В.Л. Шейнис говорит, что тогда, в 1982 г., он ничего не знал о нелегальной деятельности Фадина и Кудюкина, хотя их политические взгляды были ему известны. Он не отрицает и того, что иногда получал от Фадина для ознакомления какую-то литературу «там» и «самиздата» (обмен «самиздатом» был обычным делом в интеллигентской среде). По этой причине, видимо, его и вызывали в качестве свидетеля на допросы в Лефортовский СИЗО КГБ. Надо сказать, что в КГБ знали Шейниса еще с 1956 г., когда он — тогда совсем еще молодой человек — открыто выступил с осуждением советской военной интервенции в Венгрии. С тех пор за ним тянулся «хвост» политической неблагонадежности.

Примерно через месяц после ареста Фадина и Кудюкина в Институт с проверкой нагрянула комиссия ЦК, МГК и РК КПСС, а также представителей от КГБ.

Из воспоминаний В.Н. Шенаева, тогдашнего секретаря парткома ИМЭМО:

> «Многих поразило, что в связи с этим случаем была создана партийная комиссия по проверке работы ИМЭМО во главе с членом Политбюро первым секретарем Московского горкома партии В. Гришиным. В нее входил секретарь ЦК КПСС по идеологии М.В. Зимянин и руководящие работники аппарата ЦК КПСС, МГК и РК КПСС. Еще более удивительным было, что члены комиссии не сочли нужным поговорить с директором Института академиком Николаем Николаевичем Иноземцевым и секретарем парткома, которым в это время был я. Меня при этом лишь попросили освободить кабинет парткома, в котором расположилась комиссия, а ее члены вызывали к себе ведущих сотрудников Института для бесед, изучали личные дела. В Институте создалась напряженная обстановка»[1].

Всем в ИМЭМО было ясно, что главной мишенью для грозной комиссии был директор Института академик Н.Н. Иноземцев, которого одновременно пытались скомпрометировать и по «делу Пухова». Параллельно комиссия намеревалась провести «зачистку» Института, убрав из него тех, кто вызывал подозрение у «компетентных органов». С мая 1982 г. в ИМЭМО развернулась настоящая «охота на ведьм». Многих сотрудников вызывали «на собеседования», по форме и содержанию больше напоминавших допросы, где интересовались не только тем, кого вызывали, но и его коллегами.

Назначение председателем проверочной комиссии члена Политбюро, Первого секретаря МГК КПСС Виктора Васильевича Гришина выглядело весьма необычно, породив версию о том, что именно он был организатором «дела ИМЭМО». Версия эта по меньшей мере спорна, учитывая, что нигде и никогда интересы Иноземцева не пересекались с интересами Гришина. Конечно, глава московской городской парторганизации не принадлежал к числу горячих поборников разрядки и сближения с Западом, но он не был замечен и в первой шеренге кремлевских «ястребов». Вопросы внешней, военной и даже экономической политики, в которые Иноземцев мог вмешиваться, как один из советников Брежнева, не входили в сферу интересов Гришина. В брежневском Политбюро он представлял Московскую партийную организацию и занимался преимущественно хозяйственными вопросами московского региона.

Когда в Агитпропе и в отделе науки ЦК КПСС фабриковалось «дело ИМЭМО», встал вопрос о том, кто же должен возглавить комиссию по проверке Института Иноземцева. Партийная организация ИМЭМО была частью московской парторганизации, будучи приписана к ее Севасто-

[1] Из воспоминаний В.Н. Шенаева.

польскому райкому. Уже по этой причине проверка положения в Институте должна была осуществляться райкомом или горкомом партии. Но для райкома ИМЭМО был «не по зубам», учитывая, что его директор — член ЦК КПСС. Поэтому и решено было передать это дело на уровень МГК, а председателем комиссии назначить В.В. Гришина[1], чей статус члена Политбюро позволял закулисным режиссерам надеяться на реализацию поставленной цели — удаление Иноземцева с кремлевской политической кухни. С самого начала было ясно, что Гришин лично не будет вникать в партийно-чекистское расследование положения дел в ИМЭМО, а будет опираться лишь на предоставленные ему членами комиссии материалы. За все время работы возглавляемой им комиссии Гришин ни разу не удостоил ИМЭМО своим посещением, лишь просматривая изредка в своем кабинете на Старой площади подаваемые ему документы.

В связи с этим первостепенное значение приобретал вопрос о составе комиссии, куда под № 2 был включен секретарь ЦК КПСС М.В. Зимянин. Именно он направлял всю деятельность проверочной комиссии. Но и Зимянин действовал из-за кулис и не снисходил до поездок в ИМЭМО, предпочитая время от времени вызывать к себе «на ковер» интересующих его лиц, прежде всего Иноземцева. Наиболее активную роль в комиссии играл заведующий сектором экономических наук отдела науки ЦК М.И. Волков, давно точивший зуб на «ревизионистов» из ИМЭМО[2].

Неясно было другое: на кого в конечном счете сориентируется Виктор Васильевич Гришин — на влиятельных заказчиков «дела ИМЭМО» или на высоких покровителей Иноземцева?..

Не вполне понятна роль Ю.В. Андропова во всем этом деле, особенно с учетом его последующего поведения в отношении Иноземцева, о чем еще будет сказано. Ведь именно по итогам информации Андропова на Политбюро 8 апреля 1982 г. была сформирована комиссия по проверке ИМЭМО. Здесь, по всей видимости, необходимо принять во внимание одно важное обстоятельство, имеющее отношение лично к Андропову.

25 января 1982 г. умирает Михаил Суслов, «серый кардинал» и главный идеолог брежневского режима, долгое время обеспечивавший устойчивое

---

[1] «На мой взгляд, — считает М.М. Максимова, — Гришин занялся "делом Иноземцева" не по собственной инициативе, а по поручению Политбюро. У него лично, думаю, не было ничего против Иноземцева...» // Запись беседы с М.М. Максимовой.

[2] «Волков был для своего времени символической фигурой, — вспоминает хорошо его знавший В.А. Медведев, в 70-е годы работавший в отделе науки ЦК, а при Горбачеве входивший в Политбюро. — Не имевший серьезного экономического образования, он, к удивлению многих, по каналам Высшей партийной школы достиг высшей точки иерархии — стал руководителем сектора экономических наук. Этот человек не был способен ни на что другое, кроме как блюсти идеологическую дисциплину, поддерживать теоретическую чистоту. Его указания институтам, в которых сосредоточены были крупнейшие научные силы, в кулуарах вызывали лишь ироническую реакцию, усмешки, но дело было не до шуток: в руках этих людей были все рычаги управления, в том числе организационно-кадровые вопросы. Секрет могущества Волкова был прост — он состоял в родственных отношениях с Черненко, ему полностью доверял Трапезников. Это и позволяло держать экономические институты и учреждения под жестким контролем» // *Медведев В.* Указ. соч. С. 85.

равновесие в Политбюро. Его уход, положивший начало приснопамятной «пятилетке пышных похорон», имел значительные последствия для перегруппировки сил в высшем эшелоне власти. Сразу же встал вопрос о преемнике Суслова в качестве партийного идеолога, а по существу — о втором человеке в партии и возможном наследнике сходившего со сцены Брежнева. В результате сложных закулисных интриг на эту роль выдвинулся Юрий Андропов. Официально он займет пост секретаря ЦК КПСС лишь 24 мая 1982 г., а неофициально его переход из КГБ в ЦК был предрешен уже в феврале—марте 1982 г. Тогда же встал вопрос о назначении нового главы КГБ. На этот пост, вопреки желанию Андропова, предлагавшего кандидатуру своего заместителя Виктора Чебрикова, был назначен вызванный из Киева шеф украинского КГБ генерал В. Федорчук.

По существовавшим тогда и сейчас правилам, уходящий начальник обязан передать дела своему преемнику в полном порядке, желательно «без хвостов», чем и занялся Андропов весной 1982 г. Именно с этой точки зрения оценивает действия Андропова Игорь Бунин, известный теперь политолог, а тогда научный сотрудник ИМЭМО, работавший в одном отделе с Кудюкиным.

> «Андропов давно был информирован о деятельности Фадина и Кудюкина, но не трогал их, считая, что все это не очень серьезно, — полагает Бунин. — Когда в мае 1982 года Андропов стал секретарем ЦК по идеологии, то перед уходом из КГБ он начал "расчищать площадку", т.е. завершать все текущие дела, которые накопились в его конторе. Среди прочего он приказал арестовать Фадина и Кудюкина, как бы сказав тем самым: я сдал дела Федорчуку в полном порядке, все кто надо арестованы, их дела доведены до следствия...»[1].

Данное объяснение роли Андропова в «деле ИМЭМО» представляется обоснованным, особенно учитывая, что до всей этой истории шеф КГБ вроде бы неплохо относился к Иноземцеву. И все же одно дело дать приказ об аресте двух диссидентов, сотрудников ИМЭМО и совсем другое — доложить об этом на заседании Политбюро. Здесь до сих пор не все понятно[2].

Так или иначе, но в апреле 1982 г. «дело ИМЭМО» было запущено на полный ход. Наделенные чрезвычайными полномочиями комиссары ЦК—

---

[1] Запись беседы с И.М. Буниным.

[2] По свидетельству П.М. Кудюкина, 6 апреля 1982 г. КГБ арестовал не только их с Фадиным, но и еще более 150 активных диссидентов как в Москве, так и в других городах СССР. Если эта информация соответствует действительности, тогда можно говорить о широкомасштабной операции уходящего главы КГБ, желавшего избежать возможных упреков в том, что он оставил своему преемнику «расстроенное наследство» в виде разгуливающих на свободе «антисоветских элементов». Тем не менее Андропов почему-то проинформировал Политбюро не обо всех арестах, а лишь об аресте двух сотрудников ИМЭМО и некоторых связанных с ними лицах из других учреждений, а сама информация Андропова начиналась с настораживающих слов «о положении с кадрами в Институте мировой экономики и международных отношений». Здесь, как и во всем, что связано с ролью Андропова в «деле ИМЭМО», много неясностей.

МГК — РК — КГБ, трудились в Институте не покладая рук. Члены комиссии настойчиво и последовательно пытались вбить клин между Дирекцией и парткомом с очевидной целью изолировать Иноземцева, лишить его поддержки со стороны партийной организации. Они старательно выискивали крамолу в опубликованных и подготовленных к изданию трудах, изучали планы научно-исследовательских работ, допрашивали интересующих их сотрудников Института. Особо пристальное внимание уделялось кадрам: выявляли «неблагонадежных», выясняли, кто и каким образом попал в ИМЭМО, за кем имелись идеологические и иные прегрешения, и с повышенным вниманием интересовались — каков процент евреев на руководящих постах (завсекторами и завотделами) и в общем списке сотрудников Института...

С пристрастием допрашивались члены Дирекции Института во главе с академиком Иноземцевым. Об одном из таких «допросов» вспоминает присутствовавшая на нем М.М. Максимова. «Почему Институт ослабил теоретические разработки марксистской политэкономии? Почему мало разоблачаются монополии и американский империализм? Почему Институт защищает разрядку, которая провалилась?» — настойчиво интересовались члены комиссии.

> «Хорошо помню, — пишет М.М. Максимова, — как Николай (Иноземцев. — *П.Ч.*) еле сдерживал себя, чтобы не выставить непрошеных гостей за дверь. Он был бледен, молчал. В конце сказал, что выбор приоритетов научных исследований — прерогатива Института и диктуется потребностями страны, а не представлениями отдельных партработников, какой бы ранг они ни имели»[1].

Иноземцев пытался защищаться, спасая престиж Института и собственную репутацию. Известно, что по крайней мере дважды он ездил в ЦК к Андропову, занявшему место умершего Суслова. Когда в ИМЭМО уже работала комиссия, ему удалось договориться с МИД СССР (скорее всего с Г.М. Корниенко, Первым заместителем министра, а возможно, и с самим А.А. Громыко) о проведении в мидовском пресс-центре встречи советских и иностранных журналистов с руководством Института мировой экономики и международных отношений. Эта встреча, для которой как будто бы не было никакого очевидного повода, состоялась 4 мая 1982 г. под председательством заместителя заведующего отделом печати МИД СССР Б.И. Ильичева. Академик Н.Н. Иноземцев ознакомил журналистов с историей Института и дал обзор основных направлений его работы, сделав акцент на тесном взаимодействии ИМЭМО с рядом министерств и ведомств (МИД, МВТ, Госплан СССР и др.), а также с международными организациями и зарубежными научными центрами. Иноземцев представил советским и иностранным журналистам последние публикации, подготовленные в ИМЭМО. Во встрече участвовали заместители директора

---

[1] Из послесловия М.М. Максимовой к кн.: *Иноземцев Николай.* Цена победы в той самой войне. Фронтовой дневник. М., 1995. С. 314.

ИМЭМО — О.Н. Быков, И.Е. Гурьев, И.Д. Иванов, В.А. Мартынов, ученый секретарь Института А.П. Огнев и секретарь парткома В.Н. Шенаев, одновременно заведовавший отделом Западной Европы[1]. Судя по всему, информация о неприятностях, переживаемых в тот момент Институтом, еще не успела стать достоянием журналистского сообщества. Во всяком случае Иноземцеву и его ближайшим сотрудникам не было задано ни одного неделикатного вопроса о том, что происходит в ИМЭМО, помимо собственно научного процесса. На следующий день центральные газеты поместили на своих страницах информацию о встрече руководства ИМЭМО с журналистами в пресс-центре МИД СССР. Сам факт такой публикации должен был показать, что с Институтом все в порядке, он по-прежнему пользуется благоволением инстанций. Именно это и имел в виду академик Иноземцев, устраивая встречу с журналистами в разгар работы у него в Институте проверочной комиссии.

Откровенно пристрастная деятельность комиссии, изучившей, помимо прочего, личные дела чуть ли не всех 900 сотрудников ИМЭМО, растянулась на несколько недель. За это время были выявлены «пособники» Фадина и Кудюкина и прочие «неблагонадежные элементы», с которыми Дирекции и парткому будет предложено разобраться.

Обе эти истории — «дело Пухова» и «дело Фадина—Кудюкина» — серьезно подорвали здоровье Иноземцева. В начале 70-х годов у него уже были проблемы с сердцем. Теперь, спустя десять лет, Иноземцев вновь оказался в кардиологическом отделении ЦКБ на Мичуринском проспекте. Выйдя оттуда, он вынужден был в конце июня 1982 г. давать объяснения по результатам работы комиссии. О том, как это происходило, свидетельствует сопровождавший Иноземцева в ЦК тогдашний секретарь парткома Института В.Н. Шенаев.

Из воспоминаний члена-корреспондента РАН Владимира Никитовича Шенаева:

> «После завершения работы партийной комиссии ЦК КПСС был подготовлен документ на 8 страницах для публикации в газете "Правда". Я думаю, что не нужно пояснять, что означало для директора и секретаря парткома Института появление в газете "Правда" публикации с негативной оценкой работы Института. Таким образом, я подхожу к тому дню, когда Николая Николаевича и меня пригласили в отдел науки ЦК КПСС, причем заранее даже не объяснив в связи с чем, хотя мы, безусловно, догадывались, что, вероятно, с завершением работы партийной комиссии.
>
> Приехав в 10 часов в отдел науки ЦК КПСС, мы были приглашены в кабинет заведующего сектором отдела Волкова Михаила Ивановича. В кабинете уже находились второй секретарь Севастопольского РК КПСС Пономарев и наш куратор Матвеев. Михаил Иванович Волков объявил нам, что работа партийной комиссии завершена и нас ознакомят с ее выводами.

[1] Стенограмма встречи сотрудников ИМЭМО АН СССР во главе с академиком Н.Н. Иноземцевым с советскими и иностранными журналистами в пресс-центре МИД СССР 4 мая 1982 г. // Архив ИМЭМО РАН.

После этого он взял в руки 8 страниц текста, чтобы их зачитать. Естественно, что мы попросили самим прочитать этот текст, чтобы лучше вникнуть в его содержание. Однако услышали то, что нас очень поразило, ибо мы находились в руководящем органе нашей партии, и Николай Николаевич был членом ЦК КПСС, и все присутствующие нас хорошо знали, и, как нам казалось, были с нами в дружеских отношениях. Однако видно было, что все очень напряжены, холодны к нам и не желали говорить.

М. Волков сказал, что они уполномочены (кем, он не сказал) нас проинформировать устно (это слово он особенно подчеркнул). Нам ничего больше не оставалось, как воспринимать этот важный документ, над которым несколько месяцев работала такая авторитетная на слух по чинам комиссия.

Первая страница не вызывала у нас возражений, ибо речь шла о важных проблемах, которые исследует Институт. Однако уже со второй страницы пошли недостатки, которые нельзя было иначе характеризовать, как обвинительный приговор. Мне трудно сейчас по прошествии 20 лет все точно воспроизвести, но некоторые "выводы" следует назвать. ИМЭМО обвинялся в провале на идеологическом фронте, ибо утверждалось, что Институт "хвалят враги", что Институт якобы сознательно дезинформировал руководство в оценке международного положения. Большие недостатки были "обнаружены" в кадровой политике, в частности "засоренность сионистскими элементами", в плохой подготовке молодых кадров через аспирантуру. Утверждалось, что почти 90% не заканчивают ее.

Я посмотрел на Николая Николаевича и заметил, что лицо его бледнеет, взгляд тускнеет. Когда Михаил Иванович Волков закончил чтение указанного документа, Николай Николаевич обратился к нему и спросил: "Нужно ли нам сейчас давать оценку тому, что мы услышали?" Волков как бы ждал этот вопрос и сразу ответил: "Нет-нет, конечно в другом месте. Сейчас вас проводят в другую комнату, и подождите там, пока вас не вызовут". После этого нас провели в свободную комнату и оставили одних. Я должен признаться, что такого Николая Николаевича я видел впервые. Он был подавлен, скрывал возмущение, некоторое время молчал, но потом, увидев телефон, попросил меня позвонить заведующему аспирантурой Г. Вишне (я подумал, что он хотел проверить вообще, работает ли телефон). И попросил, чтобы он прочитал справку, на которую была ссылка в документе.

Я позвонил, и Г. Вишня сказал, что в справке было указано, что свыше 90% абитуриентов завершают аспирантуру успешно и в срок. Следовательно, в документе, который нам зачитали, был просто вопиющий подлог. Мы убедились, что все другие выводы были сделаны таким же образом. Николай Николаевич достал таблетку нитроглицерина и проглотил уже вторую (перед тем как войти в кабинет Волкова он уже принял одну). После этого Николай Николаевич сник и замолчал. Мы сидели молча до прихода за нами. Никто нас не беспокоил, так продолжалось около часа. Наконец дверь открылась, и нам сказали, что нужно идти. Нас повели каким-то странным полуподвальным путем, но вскоре мы оказались в приемной Гришина. Там уже были члены партийной комиссии, если мне память не изменяет, то стояли они по три человека. Мы поздоровались, но ответа я не помню, как мне кажется, все молчали. Я решил даже пошутить и сказал, что нам не хватает третьего. Никто не прореагировал, и все молчали. Николай Николаевич оглядел приемную и двинулся к стулу, который стоял в углу. Сел на него

и опять, уже в третий раз, принял таблетку нитроглицерина. Вид у него был очень невзрачный, во всяком случае, я такого его раньше не видел.

Через несколько минут в приемную вошел М.В.Зимянин, кивнул нам всем и прошел в кабинет Гришина. Обстановка была как перед каким-то очень важным событием. Прошло еще минут 15 — 20, после чего дверь кабинета Гришина открылась, и нас пригласили войти. Гришин поздоровался с нами и предложил сесть за стол. Так получилось, что Николай Николаевич сидел напротив меня и справа от Гришина. Чувствовалось, что он делает усилие над собой, чтобы выглядеть нормально и спокойно. Виктор Васильевич начал с того, что поскольку мы знакомы с документом, то ждет его оценки со стороны Николая Николаевича. Иноземцев сделал небольшую паузу и сказал, что с оценкой деятельности ИМЭМО комиссией он не согласен. После этого наступила пауза, которая явно затягивалась, но он продолжал молчать. Я понял, что он просто не может говорить. Это, видимо, понял и Гришин и, чтобы разрядить обстановку, сказал: "В таком случае, послушаем вначале секретаря парткома". Я почувствовал какой-то прилив внутренней энергии, видя плохое самочувствие Николая Николаевича, и понял, что она должна выйти наружу.

Стараясь быть спокойным, я начал с того, что партийная организация целиком и полностью поддерживает деятельность дирекции, и выводы комиссии не соответствуют действительности. После этих слов Михаил Васильевич Зимянин громким окриком в мой адрес произнес: "Кто ты такой, чтобы давать оценку?" Я сдержался, но, обратясь к Гришину, сказал: "Я буду говорить конкретно о выводах, но по памяти, ибо нам документ не дали в руки, а лишь зачитали по какому-то указанию. И я могу не точно восстановить формулировку". Гришин встрепенулся, и на его лице было выражение удивления. Меня это вдохновило, и почти по каждому принципиальному выводу, который я вспоминал, давал пояснения. Гришин слушал и одновременно читал документ, делая какие-то пометки на страницах текста. Я понял, что он заранее его не читал. Меня он не останавливал.

Я видел, как нервничал Михаил Васильевич Зимянин. У меня возникла мысль, что нужно как-то вызвать поддержку присутствующих. Например, когда я возражал утверждению, что мы давали положительные характеристики сотрудникам на выезд за границу якобы недостаточно ответственно и продуманно, то я обращал свой взор к секретарю райкома и говорил, что он может высказаться по этому поводу, поскольку утверждал каждую характеристику, принятую парткомом. В такой же форме я возражал выводам по вопросам идеологии, подбору кадров, направлениям исследований, которые мы всегда обсуждали и находили поддержку у сотрудников отдела науки ЦК КПСС. К сожалению, они сидели и молчали, как будто в рот набрали воды, видимо боясь начальства.

Припоминаю еще один важный момент, когда М.В. Зимянин, слушая мои возражения, поднялся и прокричал: "Тебе это так не пройдет. Мы тебя вызовем на ближайшее заседание бюро горкома". Вид у него при этом был такой, что можно было понять, что именно он был больше всего заинтересован в разгроме ИМЭМО, возглавлявшемся Николаем Николаевичем.

Поскольку больше никто не выступал, то Гришин начал свое заключение с замечаний по тексту документа, на что я обратил внимание. Глядя на М.В. Зимянина, он постранично призывал учесть высказанные замечания секретаря парткома, приводя при этом конкретные страницы и выводы,

к которым относились мои возражения. Наконец он сказал, что этот документ требует доработки, нужно дать его Николаю Николаевичу, чтобы он в течение пары недель поработал над ним, внес свои формулировки, и необходимо учесть его замечания. Зимянин что-то говорил Гришину о необходимости все же сейчас принять этот документ, но Гришин твердо сказал, что заседание закончено и все свободны.

Выходя из кабинета Гришина, я увидел, как он подошел к Николаю Николаевичу, взял его за плечи и подвел к окну. Я ждал выхода Николая Николаевича из кабинета. Через несколько минут он вышел, и настроение у него было гораздо лучше, так что нитроглицерин ему больше не потребовался. Мы подошли к лифту, нажали на кнопку и стали ждать кабину.

В этот момент ко мне подошел второй секретарь РК КПСС Пономарев и начал со слов: "Что ты наделал? Разве я тебе не говорил, как нужно себя было вести?", на что я ответил, что вел себя так, как считал нужным. Тогда он обратился к Николаю Николаевичу и сказал: "Разве Шенаев был прав?" На что уже пришедший в себя Николай Николаевич ответил: "Не путай себя с ним. Он доктор наук, профессор. Даже если вы исключите его из партии, он не пропадет". В это время открылась кабина лифта. Мы вошли в нее, оставив Пономарева с недоумением на лице. Николай Николаевич сказал, что завтра начнем работать над документом.

Какой напрашивается вывод из этого?

Во-первых, то, что документ не был опубликован ни на другой день, ни вообще.

Во-вторых, стало ясно, кто его инициатор.

В-третьих, можно было предположить, с какой целью он был задуман.

Работа над документом началась в спокойной обстановке, и Николай Николаевич вошел в обычную колею. Он был прекрасный редактор, и особенно в шлифовке формулировок. <...> На наших глазах документ превращался в объективную оценку деятельности ИМЭМО. При этом Николай Николаевич постоянно говорил, что нужно сохранить все, что только можно было сохранить, хотя это и не всегда отражало объективную деятельность ИМЭМО. Я, безусловно, соглашался с его формулировками текста, удивляясь способности придавать ему нужное направление, менявшее оценку, которая не вытекала из представленного текста. Я помню, что лишь однажды, когда он хотел оставить одно из обвинений в адрес дирекции, считая его не так уж важным, я возразил принципиально, сказав, что партком это не поддержит. Николай Николаевич, задумавшись, согласился со мной, и текст был приведен в соответствие с объективными обстоятельствами дела. Когда мы закончили работу над представленным текстом, внеся в него поправки и направив его в ЦК КПСС, то нам больше не пришлось над ним работать. В той форме, которую он приобрел, документ, видимо, уже не интересовал инициаторов создания комиссии по оценке работы Института, и публикация не состоялась.

В связи с этим у меня был интересный разговор с новым директором (после смерти Николая Николаевича Иноземцева) Александром Николаевичем Яковлевым. Он мне сказал, что ознакомился с выводами партийной комиссии и не понимает, почему мы так возражали, документ не плохой. Я сказал Александру Николаевичу, что он читал не тот текст, который нам зачитывали, а текст, который был отредактирован и с которым мы тоже согласны»[1].

[1] Из воспоминаний В.Н. Шенаева.

Приведенное свидетельство Шенаева, среди прочего, не подтверждает мнение о Гришине как главном преследователе Иноземцева. Разве может «прокурор» доверить «обвиняемому» готовить текст «обвинительного заключения»? Здесь, скорее, просматривается сочувствие Гришина к Иноземцеву, чего никак не скажешь о Зимянине и Волкове, намеревавшихся продолжать раскручивать «дело ИМЭМО».

Другой вопрос: чем было вызвано такое поведение Гришина — чисто человеческим сочувствием или каким-то дальним расчетом?.. Думается, здесь могло быть и то и другое.

Не исключено, что это было связано с «фактором Андропова». Как уже говорилось, в конце мая 1982 г. Андропов занял второй по значению пост в высшем партийном руководстве. Он стал главным идеологом партии и в этом качестве начал контролировать деятельность Академии наук СССР и ее институтов. Под особым надзором Андропова, как ранее у Суслова, были институты гуманитарного («идеологического») профиля, к каковым относился ИМЭМО. Можно предположить, что в своем новом амплуа идеолог Андропов уже не был, как прежде, заинтересован в раздувании «дела ИМЭМО», в доведении его до логического завершения, т.е. до «оргвыводов» в отношении Дирекции, парткома и лично академика Иноземцева[1]. Иначе как понять неожиданный обнадеживающий телефонный звонок Андропова Иноземцеву...

К сожалению, М.М. Максимова не может точно вспомнить, когда именно Андропов позвонил ее мужу — до вызова Иноземцева к Гришину и Зимянину или сразу же после. Но она помнит совершенно точно, что Андропов обнадежил пребывавшего в угнетенном состоянии Иноземцева, незадолго до того выписанного из ЦКБ. «Я не могу сейчас вспомнить, когда именно Иноземцеву позвонил Андропов, — говорит Максимова. — Андропов позвонил и сказал: «Ты не волнуйся, поезжай отдыхать, а мы все это дело решим»[2]. «Иноземцев сразу же повеселел, — продолжает Максимова. — До этого он был в очень неважном состоянии, — наверное, как никогда до того... После звонка Андропова он воспрянул, совершенно изменился, за последние две недели выглядел лучше, был полон новых планов. Он стал приглашать к себе друзей и близких сотрудников — Примакова, Шенаева, других, — давал задания...»[3]

Судя по всему, Иноземцев обращался к Андропову еще в мае 1982 г. Отвечая на обвинения проверяющей его Институт комиссии в серьезных

---

[1] Этой же точки зрения придерживается и И.М. Бунин, полагающий, что по мере своего восхождения к вершинам власти Андропов утрачивал собственно чекистскую мотивировку в своих действиях, в частности в «деле Фадина—Кудюкина», о чем еще будет сказано (запись беседы с И.М. Буниным). Что касается Иноземцева, то он, судя по всему, вернул себе прежнее расположение Андропова, как только «борец с коррупцией» понял, что академика пытались ошельмовать его недруги, сфабриковавшие «дело Пухова». Сколь далеко могло пойти проявленное в телефонном разговоре благорасположение Андропова к Иноземцеву — об этом мы уже никогда не узнаем. — *П.Ч.*

[2] Судя по тому, что Иноземцев написал заявление об очередном отпуске 12 июля 1982 г., его телефонный разговор с Андроповым, по всей видимости, состоялся в последних числах июня или в самом начале июля месяца.

[3] Запись беседы с М.М. Максимовой.

упущениях в кадровой политике, Иноземцев справедливо отвечал, что он не в состоянии контролировать умонастроения отдельных своих сотрудников, оказавшихся диссидентами, и вообще это не входит в функции директора и даже парткома.

14 мая 1982 г., заручившись согласием президента АН СССР А.П. Александрова, он обратился в ЦК КПСС с просьбой ввести в Институте штатную должность «эксперта по вопросам безопасности», который отвечал бы за политические умонастроения в научном коллективе[1].

Отдел науки ЦК КПСС, куда обратился Иноземцев, переадресовал письмо вышестоящему начальству — Андропову и Зимянину[2], после чего Иноземцев обсуждал этот вопрос непосредственно с Андроповым. Забегая вперед, можно отметить, что вопрос был решен положительно. КГБ направит в ИМЭМО своего представителя, получившего должность помощника директора Института по безопасности и режиму. Правда, произойдет это уже после преждевременной кончины академика Иноземцева[3].

По-видимому, Иноземцев обсуждал с Андроповым и другой вопрос — о переводе ИМЭМО из «попечительства» райотдела КГБ в ведение «главной конторы» — т.е. центрального аппарата КГБ[4]. Этот вопрос также был решен уже после смерти Иноземцева.

Несмотря на, казалось бы, ясно выраженную в телефонном разговоре поддержку Иноземцева, трудно со всей определенностью сказать, каковы были планы Андропова в отношении директора ИМЭМО и были ли они вообще. Видел ли будущий генсек Иноземцева в своей команде? Предполагал ли выдвинуть его на более ответственный пост или намеревался лишь оградить от дальнейших нападок, сохранив за Иноземцевым неофициальный статус советника, как это произошло с Г.А. Арбатовым, который, несмотря на давнее и близкое знакомство с Андроповым, не продвинулся при нем по иерархической лестнице. Никто этого не знает.

Тем не менее можно предположить, что одной из причин, по которой Гришин не хотел «добивать» Иноземцева, могла быть выраженная Андроповым в той или иной форме симпатия к директору ИМЭМО.

---

[1] Это письмо сохранилось в бывшем архиве ЦК КПСС. См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 88. Д. 164. Л. 3.

[2] «Решение указанного вопроса входит в компетенцию Комитета государственной безопасности СССР», — говорилось в письме, подписанном заместителем заведующего отделом науки ЦК КПСС Р. Яновским // Там же. Л. 4.

[3] Эту должность, вплоть до ее упразднения в 1991 г., занимал полковник Смирнов Ким Иванович, кадровый сотрудник контрразведки, имевший опыт загранработы в качестве офицера безопасности в советских посольствах в зарубежных странах. Именно на полковника Смирнова был возложен чекистский контроль за кадрами, включая такие вопросы, как прием на работу и выезды сотрудников в зарубежные командировки или в туристические поездки. По свидетельствам двух преемников Иноземцева — А.Н. Яковлева и Е.М. Примакова, полковник Смирнов, оказавшийся спокойным, трезвомыслящим человеком, сыграл в Институте положительную роль. С одной стороны, он «прикрывал» ИМЭМО от непрекращавшихся нападок его недоброжелателей, а с другой — способствовал заметному сокращению списка «невыездных» сотрудников, беря на себя персональную ответственность.

[4] Иноземцев считал, что переход под непосредственный надзор центрального аппарата КГБ обезопасит Институт от мелких интриг районного и городского партначальства.

Как уже говорилось, друзья Иноземцева (Г. Арбатов, Е. Примаков, А. Бовин и др.) выражали недоумение в связи с тем, что Николай Николаевич упорно отказывался прибегнуть к заступничеству Брежнева, который, по их убеждению, не дал бы его в обиду.

По всей видимости, враги Иноземцева точно знали, куда бить. Фронтовик, патриот, ученый, наконец, просто честный человек — он оказался совершенно беззащитным перед клеветническими слухами о его нечистоплотности при строительстве дачи. Думается, что эта клевета ранила его тяжелее, чем даже политические нападки на Институт.

Когда-то Стендаль верно подметил, что бегство от клеветы — это всегда гибель репутации. Наверное, и академик Иноземцев считал для себя унизительным оправдываться в том, в чем он не был виновен и в чем, кстати, формально его и не обвиняли — лишь распускали слухи...

К Брежневу Иноземцев так и не пошел, на наветы анонимных клеветников не реагировал, а на обвинения проверочной комиссии отвечал более чем лаконично, без свойственной ему напористой уверенности. Все видели, что он надломился, но никто не думал, что дело идет к роковой развязке.

После визита к Гришину и телефонного звонка Андропова настроение Иноземцева, как уже говорилось, резко поменялось. К нему возвращались прежняя энергия и интерес к жизни. Он решил воспользоваться советом Андропова — взять отпуск и хорошенько отдохнуть, сначала на своей подмосковной даче, а потом в Грузии, где его дважды избирали депутатом Верховного Совета СССР.

12 июля Иноземцев подает в Президиум АН СССР заявление следующего содержания:

> «Прошу считать меня в очередном отпуске с 19 июля по 10 сентября 1982 г. включительно (47 рабочих дней). С вице-президентом академиком Федосеевым П.Н. и с Отделением экономики АН СССР вопрос согласован. На время моего отпуска исполнение обязанностей директора Института возложить на заместителя директора, доктора экономических наук Иванова И.Д. по 14 августа 1982 г. включительно, а с 16 августа 1982 г. на заместителя директора Института, доктора исторических наук Быкова О.Н.»[1]

Согласие Президиума Академии наук было получено, и 19 июля Иноземцев перебрался на дачу, где с удовольствием начал перечитывать «Историю России с древнейших времен» С.М. Соловьева. Здесь, на даче, 26 июля его навестил В.А. Пухов, сообщивший о прекращении уголовного дела о «хищении государственного имущества в Институте мировой экономики и международных отношений». Все складывалось к лучшему. Можно было с надеждой смотреть в будущее[2]. И в этот самый момент долгожданного

---

[1] Личное дело Н.Н. Иноземцева // Архив ИМЭМО РАН.

[2] «В начале августа 1982 года вечером он позвонил мне домой по телефону, — вспоминает член-корреспондент РАН В.Н. Шенаев. — Вначале он сказал, что только что ему привезли билет на самолет, и он собирается лететь в Грузию (его жена Маргарита Матвеевна Максимова находилась в это время в научной командировке). После чего он мне сказал следующее: «Володя, дела у нас

расслабления, когда все худшее, казалось, остается позади, у Иноземцева отказало сердце.

Из воспоминаний М.М. Максимовой:

> «Был он в последние дни перед кончиной в очередном отпуске, проводил его на своей любимой подмосковной даче. Среди высоких сосен и елей, среди посаженных им кленов, орешников, рябин. Любил он природу бесконечно. На ней он отдыхал от мучивших его в последние годы раздумий, работая в саду, часто вместе со своим другом, тоже фронтовиком, бывшим майором Романом Татарским, с которым был знаком более 30 лет. С ним ему было легко, непринужденно и, главное, весело. Вспоминали молодые годы, походы, приключения, не надо было думать о делах, о политике...
>
> В тот роковой день встал рано, работал в саду, пересаживал молодые деревца, принесенные им из леса. А к вечеру пошел тропинкой к своей маленькой рубленой на деревенский лад баньке, что стоит в дальнем углу участка. Дымок поднимался из трубы, хотел подложить еще дровишек. Но... не дошел. Упал за пять метров до крыльца, у березы (берез не любил — напоминали военные кресты), успев повернуть лицо к уходящему солнцу. Смерть наступила мгновенно. Врачи потом напишут: обширный инфаркт миокарда. Все, конец»[1].

Это случилось на исходе дня 12 августа 1982 г. Первым, кто обнаружил Иноземцева лежащим на траве, был его сосед по даче академик Олег Тимофеевич Богомолов, директор Института экономики мировой социалистической системы АН СССР. Именно с ним Иноземцев готовился попариться в своей баньке... Похоронили академика Иноземцева 17 августа на Новодевичьем кладбище со всеми подобающими почестями. Среди моря цветов и множества венков был и венок от семьи Л.И. Брежнева. Сам генсек в это время отдыхал в Крыму. В связи с периодом отпусков высокого начальства в Москве не оказалось. На гражданской панихиде, проходившей в конференц-зале АН СССР, помимо руководителей Академии наук, были замечены только секретарь ЦК КПСС К.В. Русаков и член ЦК Г.М. Корниенко, исполнявший тогда обязанности министра иностранных дел СССР. Все центральные газеты поместили некролог, подписанный Л.И. Брежневым, другими членами Политбюро, деятелями науки и культуры[2]. Среди подписавших был и секретарь ЦК КПСС М.В. Зимянин...

Исполняющим обязанности директора ИМЭМО был назначен доктор экономических наук Владлен Аркадьевич Мартынов, один из заместителей покойного Иноземцева. Почти год он руководил текущей работой Института — до тех пор, пока не назначили нового директора. Все это время, как

идут хорошо, но нам предстоит большая работа в сентябре. Единственное, что меня огорчает, и что я только что узнал, — что один из моих замов меня продал и предал». Фамилию он не назвал, ибо был уверен, что я знаю, о ком идет речь, а для меня было не важно, ибо по его возвращении в сентябре все всем будет ясно» (из воспоминаний В.Н. Шенаева).

[1] Из Послесловия М.М. Максимовой к книге: *Иноземцев Николай.* Цена победы в той самой войне. Фронтовой дневник. М., 1995. С. 315.

[2] Правда, 16.08.1982.

говорит В.А. Мартынов, он старался восстановить в Институте «атмосферу доброжелательства и творческого поиска»[1].

«Охота на ведьм»

Неожиданная смерть Иноземцева должна была озадачить организаторов направленной против него кампании, в значительной мере лишив ее первоначального замысла. «После смерти Иноземцева, — утверждает И.М. Бунин, — в ЦК утратили нездоровый интерес к ИМЭМО»[2]. В какой-то степени это так, но все же не совсем, иначе трудно объяснить не ослабевавшее и после 12 августа 1982 г. давление на Институт. Скорее всего, после 12 августа «дело ИМЭМО» утратило прежний интерес лишь для тех, кто опасался роста влияния Иноземцева или видел в нем конкурента.

Но были и другие — те, кто хотел примерно наказать «ревизионистов» и «агентов влияния мирового империализма» и в целом ужесточить идеологический контроль за научной интеллигенцией, сосредоточенной в гуманитарных академических институтах и на вузовских кафедрах. Эти другие находились прежде всего в отделе науки и вузов ЦК КПСС. Для партийных чиновников от науки «дело ИМЭМО» отнюдь не завершилось смертью академика Иноземцева. Напротив, обезглавленный и беззащитный Институт представлялся им теперь совсем легкой добычей.

Расправа с «ревизионизмом» и инакомыслием в ИМЭМО должна была послужить угрожающим предостережением для Института США и Канады, Института экономики мировой социалистической системы, Института международного рабочего движения, Института востоковедения и других академических институтов, где всегда существовала относительная свобода мысли и слова. Не случайно после смерти Иноземцева на роль главного борца «с крамолой» в ИМЭМО совершенно открыто выдвинулся Михаил Иванович Волков, заведующий сектором экономических наук отдела науки ЦК КПСС, куратор всей экономической науки в СССР. Все знали, что за ним стояли Зимянин и Трапезников. Его родство с К.У. Черненко (они были женаты на родных сестрах) придавало занимаемой им должности дополнительный вес. С Волковым считались, его побаивались, к его «рекомендациям» прислушивались.

Еще в ходе проверки ИМЭМО Волков давал самые жесткие установки Дирекции и парткому, побуждая их к кадровой чистке, т.е. к изгнанию из Института всех, на кого имелся соответствующий компромат. «Тактика Иноземцева заключалась в том, — вспоминает И.М. Бунин, — чтобы минимизировать потери, сдать все то, что он не может сохранить, но ограничиться партийными выговорами тем своим сотрудникам, которых он ценил, но кто, так или иначе, оказался связанным с «делом Фадина — Кудюкина»[3].

---

[1] Из воспоминаний академика В.А. Мартынова.

[2] Запись беседы с И.М. Буниным.

[3] Там же.

Речь шла прежде всего о четырех ведущих сотрудниках ИМЭМО — Киве Львовиче Майданике, Георгии Ильиче Мирском, Германе Германовиче Дилигенском и Кирилле Георгиевиче Холодковском.

В наихудшем положении оказался К.Л. Майданик, которому первоначально инкриминировали лишь факт научного руководства арестованным КГБ Андреем Фадиным. Данное «прегрешение» с трудом тянуло разве что на партийное взыскание. Однако почтенному ученому-латиноамериканисту вскоре предъявили более серьезные обвинения. Следствие по «делу Фадина—Кудюкина» утверждало, что Майданик был в курсе умонастроений своего ученика и во многом их разделял. «Жучок», установленный КГБ на квартире, где Фадин встречался с лидером компартии Сальвадора, бесстрастно зафиксировал участие в этой встрече Кивы Львовича Майданика, а сама встреча проходила на квартире младшего научного сотрудника ИМЭМО Татьяны Евгеньевны Ворожейкиной, другой ученицы Майданика. Чекисты предоставили эту информацию в распоряжение проверочной комиссии, потребовавшей исключить Майданика из партии и уволить его из Института, где он занимал должность главного исследователя — руководителя проблемной группы.

Вторым человеком, на которого пал указующий перст комиссии ЦК—МГК—РК—КГБ, оказался профессор Г.И. Мирский. Его прегрешение заключалось в том, что он имел несчастье быть заведующим отделом экономики и политики развивающихся стран, в котором работали арестованный Фадин, а также проходившие по его делу свидетелями К.Л. Майданик и Т.Е. Ворожейкина — все сотрудники этого отдела. Мирский не имел никакого представления о роде занятий Фадина или Ворожейкиной за пределами Института. Тем не менее встал вопрос о снятии его с заведования отделом и привлечении к партийной ответственности за утрату бдительности в подборе и расстановке кадров.

Из воспоминаний Георгия Ильича Мирского:

> «В глазах Иноземцева — напряженность и тревога. "Пойми, — говорит мне директор института, — я был вчера у Гришина, и он мне сказал: 'Вы ведь понимаете, Николай Николаевич, как мне тяжело — ведь это случилось в моей партийной организации, в Москве'. И генерал из КГБ приезжал. Это гораздо серьезнее, чем вы все думаете". <...>
>
> Выслушав Иноземцева, я спрашиваю его: "Николай Николаевич, ты мне можешь объяснить, в чем дело в конце концов, почему все это так раздули?" Он смотрит на меня бесконечно усталым взглядом и тихо произносит: "Ну что ты от меня хочешь?"
>
> Действительно, чего я от него хотел? Чтобы он рассказал мне подоплеку этого странного дела? Но он не мог, да и не хотел этого рассказывать, хотя знал, в чем дело, и эта-то подоплека вызвала у него тревогу... <...>
>
> Тем временем Иноземцев предпринимал шаги для того, чтобы обезопасить себя. Как мне потом рассказывали, на заседании дирекции он сказал: "Мирского надо снимать с должности заведующего отделом". Он стал по мелочам придираться к работе отдела, и я понял, что за этим последует: на заседании парткома объявят, что я не справляюсь со своими обязанностя-

ми, и будут рекомендовать дирекции освободить меня от должности заведующего. Я решил не дожидаться этого. В один прекрасный день в июне я пришел к директору и, когда он начал опять высказывать претензии ко мне по явно надуманным поводам, сказал, глядя ему в глаза: "Знаешь что, Николай Николаевич, лучше я уйду из института". В его глазах я уловил облегчение и, хотя первыми его словами были: "Как уйдешь, куда? И кого на твое место?" — я понял, что поступаю правильно; тут же взял лист бумаги и написал заявление об уходе по собственному желанию...»[1]

Дело закончилось тем, что в итоге Г.И. Мирский перешел на должность главного научного сотрудника ИМЭМО, получив от райкома партии строгий выговор «за потерю бдительности и недостатки в политико-воспитательной работе в отделе»[2].

Серьезные претензии были предъявлены заведующему отделом социальных и внутриполитических проблем развитых капиталистических стран, доктору исторических наук Герману Германовичу Дилигенскому и руководителю проблемной группы в этом же отделе, кандидату исторических наук Кириллу Георгиевичу Холодковскому. Суть претензий сводилась к тому, что именно «у них под носом» действовал «злостный антисоветчик» Павел Кудюкин, разоблаченный и арестованный КГБ 6 апреля 1982 г. Вина Дилигенского состояла в том, что он был научным руководителем аспиранта Кудюкина, а затем принял его на работу в свой отдел. Что касается Холодковского, то он руководил группой, в которой Кудюкин успел поработать чуть более трех месяцев после успешного окончания аспирантуры.

Первоначально комиссия настаивала на увольнении Дилигенского и Холодковского из Института, но Иноземцеву удалось их отстоять, сославшись, среди прочего, на участие этих ведущих политологов в подготовке очередного тома «Истории международного коммунистического и рабочего движения», который курировал «сам» Борис Николаевич Пономарев, тогдашний кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК КПСС.

Комиссия вынуждена была отступиться, но настояла на вынесении Дилигенскому и Холодковскому партийных взысканий. Заодно привлекли и тогдашнего секретаря первичной парторганизации отдела, доктора исторических наук Сергея Петровича Перегудова, который уж совсем был ни при чем. Все трое получили от райкома партийные выговоры.

История с Дилигенским и Холодковским имела свое продолжение. По всей видимости, Волков и К° не удовлетворились принятыми в отношении двух «ревизионистов» мерами взыскания. «Пока был жив Иноземцев, Дилигенского и Холодковского не трогали. Но как только Иноземцев умер,

[1] *Мирский Г.И.* Жизнь в трех эпохах. М., 2001. С. 228—229, 231. М.М. Максимова предлагает другую версию разговора Иноземцева с Мирским. Она говорит, что Иноземцев имел в виду лишь временный переход Мирского на работу в другой институт — до тех пор, пока в ИМЭМО все не успокоится, после чего он мог бы вернуться. «Иноземцев, — говорит Максимова, — пытался выводить людей из-под огня, старался максимально ослабить удары по Институту. В тех условиях можно было действовать только таким путем. Невозможно было идти напролом. Тогда вообще бы разогнали Институт...» (запись беседы с М.М. Максимовой).

[2] *Мирский Г.И.* Указ. соч. С. 232.

атаки на наш отдел возобновились... — вспоминает И.М. Бунин. — Из тех, кто преследовал отдел Дилигенского, надо прежде всего назвать Гурьева; именно он курировал нас от Дирекции. Вокруг отдела создалась тяжелая атмосфера[1]. Герман Дилигенский — крупный ученый, мыслитель — был превращен в мальчика для битья...

И тогда Герман пошел в ЦК, встретился там с Пономаревым, Загладиным и Черняевым и договорился о переходе в Институт международного рабочего движения вместе с тремя своими сотрудниками — Кириллом Холодковским, Игорем Буниным и Виктором Кувалдиным»[2]. В конце декабря 1982 г. все четверо, по результатам специально объявленного конкурса, были приняты на работу в ИМРД. Что касается ИМЭМО, то он в их лице потерял своих наиболее квалифицированных политологов[3].

Поста заведующего сектором международно-политических проблем Европы лишился профессор Даниил Ефимович Меламид (Мельников). Дважды Иноземцеву удавалось спасать ведущего советского германиста от крупных неприятностей. Первый раз это было в 1966 г. в связи с «делом Некрича», когда директор Института настоятельно посоветовал Меламиду, подвергшемуся резкой критике со стороны неосталинистов, срочно уйти в продолжительный отпуск и уехать из Москвы, пока все не успокоится. Второй раз тучи над головой Меламида нависли в 1977 г., когда его сын — известный художник-нонконформист — вынужден был эмигрировать из СССР. Вопреки оказывавшемуся на него давлению, Иноземцев сохранил за Меламидом заведование сектором. Дело ограничилось тем, что Меламиду закрыли выезд в страны Запада. На этот раз, в 1982 г., он уже ничего не мог для него сделать, так как КГБ привлек к ответственности по «делу Фадина — Кудюкина» одного из сотрудников Меламида — Константина Барановско-

---

[1] «Я знал одного сотрудника нашего отдела, который в это время сжигал все имеющиеся у него самиздатовские материалы, — вспоминает Игорь Бунин. — Это был настоящий испуг, инстинктивное дистанцирование от этих ребят (Фадина и Кудюкина), как от зачумленных. Но поскольку это был маленький коллектив, который хотел сохранить свою идентичность, свое «я», сложившиеся в нем человеческие отношения, то внутри он никого не подставлял. Все стали защищаться. Это особый коллектив, который даже в либеральных рамках ИМЭМО отличался наибольшим либерализмом, большей демократичностью и стремлением дистанцироваться от карьерных целей. Сам Дилигенский не был лишен карьерных устремлений, но семейная трагедия (неизлечимая болезнь сына) ставила его карьерные амбиции в определенные рамки: он должен был всего лишь иметь тот минимум, который позволял бы ему обеспечивать должный уход за сыном и не тратить слишком много энергии на внешнюю жизнь. Во-вторых, будучи типичным шестидесятником, он просто не мог позволить себе следовать по обычному карьерному пути. На него ориентировался и весь отдел. В нашем коллективе не было открытых карьеристов, которые могли бы пойти на подлость ради продвижения собственной карьеры. Коллектив сжался, консолидировался, готовился отбить какие-то возможные атаки» (запись беседы с И.М. Буниным).

[2] Там же.

[3] Тогдашний и.о. директора Института В.А. Мартынов говорит, что пытался убедить Дилигенского и Холодковского остаться, но они предпочли уйти (из воспоминаний академика В.А. Мартынова). В 1987 г. Г.Г. Дилигенский и К.Г. Холодковский вернутся в ИМЭМО по приглашению нового директора Института академика Е.М. Примакова, предложившего Дилигенскому, помимо заведования его старым отделом, занять пост главного редактора журнала «Мировая экономика и международные отношения».

го[1]. Он не был арестован, как оба его студенческих друга, но неоднократно вызывался на допросы в Лефортовскую тюрьму. Барановскому КГБ отводил роль свидетеля обвинения на предстоявшем судебном процессе.

Профессор Д.Е. Меламид, считая Барановского перспективным молодым ученым, всячески поддерживал его, был научным руководителем его диссертации, что ему и поставили в вину, освобождая от должности заведующего сектором. Что касается самого К. Барановского, то ему пришлось уйти из «режимного» Института «по собственному желанию»[2].

Из Института выдавливали всех, кто имел хоть какое-то отношение к «делу Фадина—Кудюкина», а заодно и других «неблагонадежных». Сейчас уже трудно сказать, где проходила грань между выполнением установок «компетентных органов» и самодеятельностью институтской администрации и парткома. В конце концов, по трудовому законодательству Дирекция не обязана была (да и не могла) увольнять сотрудников на том лишь основании, что к ним были претензии со стороны «органов». В действительности же, за редкими исключениями, администрация не только не вставала на защиту своих сотрудников, но и всеми средствами стремилась избавиться от тех, кто вызывал сомнения по части благонадежности. В ход пускалось все — уговоры «уйти по собственному желанию», «уйти на время, а потом вернуться», угрозы, лишение права пользования читальным залом спецхрана, т.е. возможности читать текущую иностранную прессу, административное преследование...

В качестве примера можно привести историю с попыткой увольнения младшего научного сотрудника отдела Западной Европы Ольги Юрьевны Ивановой.

Ольга Иванова пришла в ИМЭМО в 1975 г. по окончании МГПИИЯ им. Мориса Тореза со знанием двух языков — английского и французско-

---

[1] К.Ю. Барановский вырос в интеллигентной семье, объединившей два символа русской культуры — Константина Станиславского и Роберта Фалька. По одной линии Барановский был правнуком великого театрального режиссера (от прадеда он унаследовал имя), а по другой — внуком известного художника. В ИМЭМО К. Барановский попал после окончания исторического факультета МГУ. В Институте работал в секторе Д.Е. Меламида и под его руководством подготовил кандидатскую диссертацию о политике постфранкистской Испании в отношении ЕЭС. Диссертация получила предварительное одобрение, но защита так и не состоялась в связи с увольнением Барановского из ИМЭМО.

[2] Не был забыт и студенческий друг Барановского и Кудюкина — Олег Кудрявцев, хотя он и не имел никакого отношения к их тайной деятельности. Его «нашли» в Институте всеобщей истории, куда еще в 1979 г., после защиты кандидатской диссертации, он был приглашен из ИМЭМО. Кудрявцев вернулся там к проблематике своей дипломной работы, занявшись историей итальянского гуманизма и Возрождения. Его работы в этой области очень быстро были замечены и высоко оценены за рубежом. Когда в конце 1982 г. молодой ученый получил от «патриарха» французской исторической науки академика Фернана Броделя персональное приглашение принять участие в международном коллоквиуме, то в Институте всеобщей истории ему неожиданно сообщили, что отныне он — невыездной. Причина — его близкое знакомство с А. Фадиным и П. Кудюкиным. Самого О. Кудрявцева в ходе следствия по делу его товарищей неоднократно вызывали в качестве свидетеля в Лефортовскую тюрьму, где содержались Фадин и Кудюкин. Возможность выезжать в зарубежные научные командировки д.и.н. О.Ф. Кудрявцев получит только в 90-е годы.

го. Ее приняли на должность стажера-исследователя в отдел информации, где она обрабатывала французскую прессу и комплектовала информационный фонд по внутриполитическому положению Франции, а также по ФКП и ФСП. В скором времени Иванову стали привлекать к составлению информационных справок по французской проблематике для Дирекции Института. Ее работа неоднократно поощрялась руководством. Работая в отделе информации, Ольга приступила к написанию кандидатской диссертации по теме «Проблемы единства левых сил в современной Франции». Учитывая наличие у Ивановой способностей к научной работе, ее в декабре 1978 г. перевели в отдел Западной Европы с повышением в должности и в окладе. Все у нее складывалось наилучшим образом до тех пор, пока 6 апреля 1982 г. не был арестован друг Ивановой Андрей Фадин. Следствие выяснило, что Ольга не только знала о «другой жизни» Фадина, но и помогала ему, в частности, в напечатании различных материалов. Кое-что из этих материалов, как утверждали следователи, печаталось на пишущей машинке секретаря-референта академика Иноземцева Веры Алексеевны Ивановой, матери Ольги.

С самого начала Ольга заняла позицию полной солидарности с арестованным Фадиным и отказалась каяться, что вынудило администрацию предложить ей уйти из Института «по собственному желанию». Поначалу Иванова согласилась и даже написала соответствующее заявление, но, поняв, что у Дирекции нет никаких формальных оснований для ее увольнения, передумала и отозвала свое заявление. «В связи с изменившимися обстоятельствами (продолжительная болезнь) прошу считать мое заявление об уходе с работы по собственному желанию недействительным», — написала Иванова 9 июля 1982 г. в Дирекцию Института[1].

Там поняли, что она намерена защищаться, и сменили тактику. Приказом директора О.Ю. Иванова была лишена «права пользования материалами и литературой спецфонда Института и всеми материалами, имеющими гриф «Для служебного пользования»[2]. Это означало, что отныне она не могла читать зарубежную прессу и литературу, что не освобождало ее от текущих заданий, выполнение которых предполагало изучение французской периодики. Одновременно была дана команда «отстреливать» Иванову, т.е. ловить ее на нарушениях трудовой дисциплины (когда пришла на работу и когда ушла, чем занималась в течение рабочего дня и т.д.). Нескольких таких нарушений было достаточно для «законного» увольнения строптивой сотрудницы, которая, понимая свое шаткое положение, старалась «не подставляться».

Не преуспев и в этом, администрация решила воспользоваться внеочередной переаттестацией сотрудников Института для того, чтобы избавиться от О. Ивановой (к слову сказать, не только от нее). Но осечка вышла и с этой задумкой. Когда аттестационная комиссия приняла решение

---

[1] Личное дело О.Ю. Ивановой // Архив ИМЭМО РАН.

[2] Там же.

не аттестовывать Иванову, последняя оспорила это решение, посчитав его неправомочным.

26 ноября 1982 г. она направляет на имя заместителя директора Института И.Д. Иванова, возглавлявшего отраслевую аттестационную комиссию, заявление следующего содержания:

> «24/XI-82 г. под Вашим руководством состоялось заседание отраслевой аттестационной комиссии, на котором рассматривался мой вопрос. Из восемнадцати членов комиссии на заседании присутствовали девять, т.е. кворума фактически не было. Кроме того, был допущен еще ряд нарушений инструкции "О порядке замещения научных должностей..." (Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 25/V-1961 г.).
>
> Поэтому я считаю решение комиссии по моему вопросу недействительным и требую вернуться к его рассмотрению еще раз с соблюдением соответствующих норм трудового законодательства»[1].

Тяжба Дирекции Института с младшим научным сотрудником Ольгой Ивановой продолжалась еще шесть месяцев — до тех пор, пока Ольга не подыскала себе новое место работы и не ушла из ИМЭМО по собственной воле. Забегая вперед, можно сказать, что в скором времени она вышла замуж за амнистированного Андрея Фадина, а после крушения советского режима возглавила основанное ее мужем московское издательство «Летний сад».

За грехи дочери и потерю бдительности поплатилась и мать Ольги Ивановой. Член КПСС, незаменимый секретарь-референт Н.Н. Иноземцева на протяжении полутора десятка лет Вера Алексеевна Иванова была снята с этой должности с партийным взысканием. Ее перевели на ставку институтского пожарного (!), милостиво позволив доработать в этом качестве до достижения пенсионного возраста.

В самом конце сентября 1982 г., т.е. уже после смерти Иноземцева, когда некоторым казалось, что Институт могут оставить в покое, Дирекция и партком, то ли под давлением сверху, то ли в инициативном порядке, сейчас уже трудно сказать, вернулись к «делу» К.Л. Майданика и Т.Е. Ворожейкиной, к которым были претензии со стороны проверочной комиссии и КГБ. Еще в июне оба они были лишены права пользования материалами читального зала спецхрана, а 29 сентября отраслевая аттестационная комиссия под председательством д.э.н. И.Д. Иванова собралась на специальное заседание для аттестации (вернее — неаттестации) этих двух сотрудников отдела развивающихся стран. По существу, как свидетельствует протокол заседания комиссии, вопрос стоял о невозможности их дальнейшей работы в Институте. Самое удивительное заключалось в том, что главный исследователь К.Л. Майданик и младший научный сотрудник Т.Е. Ворожейкина в апреле уже были аттестованы в своих должностях той же самой комиссией, но Центральная аттестационная комиссия (ЦАК) своим решением аннулировала результаты той аттестации «в связи с вскрывшимися обстоятельствами».

---

[1] Личное дело О.Ю. Ивановой // Архив ИМЭМО РАН.

Данное решение лишь подчеркивало то, что вторичная переаттестация Майданика и Ворожейкиной носила заказной и сугубо политический характер.

К.Л. Майданик вспоминает, что, как ему показалось, И.Д. Иванову было неприятно выполнять возложенное на него поручение. Открывая заседание комиссии, ее председатель сразу же признал, что повторная аттестация Майданика и Ворожейкиной связана «с теми событиями, которые имели место в Институте». При этом он отметил, что к Майданику «по производственной линии серьезных претензий нет». Тем не менее, напомнил Иванов, «Институт является режимным учреждением, и отсутствие у сотрудника института (т.е. в данном случае у Майданика. — *П.Ч.*) допуска существенно снижает его возможности заниматься научной работой в научном учреждении и одновременно является для него чрезвычайной, нетипичной ситуацией»[1].

Из данного посыла неизбежно вытекало, что уважаемому Киве Львовичу будет трудно выполнять свои обязанности без допуска к закрытой иностранной литературе. По этой причине председательствующий предложил следующую формулировку: «Отраслевая комиссия принимает решение о неаттестации К.Л. Майданика в должности главного исследователя»[2].

С подобной формулировкой решительно не согласился член комиссии д.и.н. Г.И. Мирский[3]. «Я предлагаю другую формулировку, — сказал он, — о неаттестации К.Л. Майданика в должности главного исследователя — руководителя группы с рекомендацией комиссии о переводе его на должность ведущего исследователя. Если же мы сейчас примем формулировку решения, которую предложил Иван Дмитриевич, это будет означать, что дирекция Майданика увольняет, — предупредил членов комиссии Мирский.

<...> Речь идет о том, остается он в институте или нет. Я призываю всех членов комиссии проголосовать за эту формулировку, чтобы Майданик остался в институте, если это от нас зависит. Каждый вправе высказать свое мнение»[4].

---

[1] ИМЭМО АН СССР. Протокол заседания отраслевой аттестационной комиссии от 29 сентября 1982 г. // Архив ИМЭМО РАН. Здесь и далее протокол заседания цитируется по источнику с сохранением орфографии и пунктуации.

[2] Там же. С. 1—2, 13.

[3] В своем выступлении Г.И. Мирский решительно отверг утверждение, что, лишенный допуска, Майданик не в состоянии будет выполнять те или иные задания и по этой причине он не может работать в Институте. «Тов. Майданик — теоретик, человек, который является в полной мере слова творческим работником, — подчеркнул Мирский. — ...Если бы он имел в своем распоряжении только советскую печать, газету «Юманите» и другие издания, которые продаются в газетных киосках, он мог бы написать все, что он написал. Это я говорю с полной ответственностью. С полной ответственностью я утверждаю, что Майданик работает на совершенно другом уровне. Это человек, который анализирует, обобщает, создает концепцию. Для этого не надо сидеть в спецхране и читать ежедневно ТАСС... Майданик — это явление незаурядное, как ученый, широко известен и настолько себя показал и проявил, что я со своей стороны со всей определенностью и ответственностью категорически могу утверждать, что та работа, которая ему обычно поручалась, совершенно на том же уровне может быть сделана даже в случае, если он будет лишен этого допуска, не говоря о том, что мы не знаем, что будет дальше. Почему же сейчас, из-за того, что произошло и неизвестно, как все это кончится проявляется поспешность, малодушие и разбрасывание такими кадрами, как Майданик»? // Там же. С. 4, 7—8.

[4] Там же. С.13.

Подавляющее большинство членов комиссии, состоявшей из уважаемых ученых, предпочли вообще не высказываться, считая, по-видимому, что участь Майданика предрешена. Из 13 членов комиссии лишь двое (А.В. Аникин и Р.М. Энтов) высказали осторожные сомнения в возможности оставления К.Л. Майданика в должности главного исследователя.

Позицию парткома по этому вопросу изложил В.Н. Шенаев. Заявив, что Майданик, как главный исследователь — руководитель группы, «сделал много серьезных просчетов и ошибок», не позволяющих ему занимать эту должность, секретарь парткома предложил компромиссную формулировку: «комиссия рекомендует Дирекции принять участие в трудоустройстве т. Майданика, так как он, согласно приказу директора, не может работать в Институте»[1].

На это предложение последовала реплика председательствующего: «Обычно неаттестация не влечет за собой трудоустройства. В данном случае комиссия может рекомендовать дирекции продумать вопрос о трудоустройстве»[2].

Г.И. Мирский заметил, что такая формулировка никого ни к чему не обязывает, и вновь повторил свое предложение: «1. Не аттестовать К.Л. Майданика в должности главного исследователя — руководителя группы. 2. Рекомендовать ЦАК, Дирекции положительно отнестись к вопросу об оставлении тов. Майданика в Институте, чтобы человека не выбросили на улицу»[3].

Из Протокола заседания отраслевой аттестационной комиссии от 29 сентября 1982 г.:

> «<...> ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Кто за то, чтобы принять решение — не аттестовать тов. Майданика К.Л. в должности главного исследователя — руководителя группы? (Принимается единогласно всеми членами комиссии.)
>
> Второе. Есть вариант В.Н. Шенаева — помочь тов. Майданику в трудоустройстве. Есть вариант Г.И. Мирского — просить Дирекцию положительно рассмотреть вопрос о целесообразности дальнейшего пребывания тов. Майданика в Институте. Если мы воспользуемся рекомендацией В.Н. Шенаева — помочь ему (Майданику. — *П.Ч.*) в трудоустройстве, это более широкий путь, который, при определенных обстоятельствах, влечет за собой использование его в Институте.
>
> Кто за первый вариант — не аттестовывать К.Л. Майданика, но просить Дирекцию помочь ему в трудоустройстве? (7 человек).
>
> Кто за второй вариант, предложенный Г.И. Мирским, рекомендовать Дирекции оставить К.Л. Майданика в Институте, — прошу голосовать. (За — три).
>
> Проходит первое предложение.
>
> ПОСТАНОВИЛИ: Не аттестовать тов. Майданика К.Л. в должности главного исследователя — руководителя группы. Не считая целесообраз-

---

[1] ИМЭМО АН СССР. Протокол заседания отраслевой аттестационной комиссии от 29 сентября 1982 г. // Архив ИМЭМО РАН. С. 9, 14.

[2] Там же. С. 14.

[3] Там же. С. 14–15.

ным его дальнейшее пребывание в Институте, просить Дирекцию помочь ему в трудоустройстве»[1].

После этого комиссия перешла к рассмотрению вопроса Т.Е. Ворожейкиной.

Но сначала несколько слов о ней самой.

Татьяна Евгеньевна Ворожейкина родилась в семье дипломата. Первые три года жизни она провела в Швеции, где ее отец служил в советском посольстве.

В Стокгольм она вернется с родителями еще раз — в 1964 г. Впоследствии отец Ворожейкиной работал референтом по скандинавским странам в Международном отделе ЦК КПСС, кстати сказать, вместе с отцом Андрея Фадина. А с Фадиным-младшим Ворожейкина встретится на историческом факультете МГУ, где она, как и он, специализировалась по новейшей истории стран Латинской Америки. Здесь же, в университете, она познакомилась и со своим будущим мужем — Игорем Долуцким.

В ИМЭМО Татьяна Ворожейкина пришла в 1977 г. В соответствии с ее специализацией Ворожейкину зачислили в отдел развивающихся стран, где она начала работать под руководством К.Л. Майданика. В одной из позднейших характеристик, выданных ей для аттестации, будет сказано, что за время работы в ИМЭМО Т.Е. Ворожейкина «зарекомендовала себя как один из самых зрелых, способных, смелых научных сотрудников младшего поколения отдела».

Здесь же подчеркивалось, что Ворожейкина «является квалифицированным специалистом в области социального и, особенно, политического развития "«третьего мира»", одним из ведущих работников отдела по проблемам Латинской Америки...»[2]. Впоследствии Т.Е. Ворожейкину, как авторитетного латиноамериканиста, будут приглашать на международные конференции и с лекциями на Кубу, в Аргентину, Бразилию, Мексику, США и Великобританию. Но это признание придет к ней лишь в годы перестройки, а в 1982 г. Ворожейкину, как и ее учителя Майданика, пытались изгнать если не из науки, то во всяком случае из Института, что, впрочем, в то время могло означать одно и то же.

Итак, обратимся к беспристрастному документальному свидетельству.

Из Протокола заседания отраслевой аттестационной комиссии от 29 сентября 1982 г.:

«СЛУШАЛИ: Аттестацию Т.Е. Ворожейкиной.

ВЫСТУПИЛИ:

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (И.Д. Иванов. — *П.Ч.*): ...Она (Ворожейкина. — *П.Ч.*) проходит аттестацию второй раз, поскольку ЦАК аннулировала первый тур

---

[1] ИМЭМО АН СССР. Протокол заседания отраслевой аттестационной комиссии от 29 сентября 1982 г. // Архив ИМЭМО РАН. С. 15—16.

[2] Характеристика подписана тогдашним заведующим отделом д.э.н. Р.М. Аваковым, секретарем первичной парторганизации И.Т. Кофановым и профоргом А.С. Солоницким (Личное дело Т.Е. Ворожейкиной) // Архив ИМЭМО РАН.

аттестации, так как с Кивой Львовичем, ей было отказано приказом директора в допуске к закрытой работе. Нам предстоит решить примерно тот же самый вопрос. Не знаю, должен ли я повторять все то, что я говорил, когда мы разбирались с Кивой Львовичем Майдаником.

Н.Н. ШЕНАЕВ: Речь идет об аттестации младшего научного сотрудника.

Т.Е. ВОРОЖЕЙКИНА: Могу напомнить уважаемым членам комиссии, вы меня аттестовали даже с прибавлением заработной платы. В мае этого года ЦАК это решение утвердила. Насколько я понимаю, претензий ко мне с научно-производственной стороны нет. Лишение меня допуска в спецхран, на мой взгляд, столь же лишено основания, как и решение уволить меня по сокращению штатов, которое тоже было отменено. <...> Я за собой никакой вины не чувствую. <...> В таких условиях принятие решения о неаттестации было бы неправильным и просто непорядочным. Не говоря уже о том, что оно непринципиально. Распоряжение о моем недопуске в спецхран и использовании этого, как основание к неаттестации меня, представляет собой не что иное, как досудебное решение вопроса. Я решительно протестую против моей причастности к делу Фадина. В СССР решать подобные вопросы имеет право только суд. Администрации никто подобного права не давал. Распоряжение дирекции о лишении меня допуска незаконно по отношению ко мне. Издано оно 24 июня. С 16 июня по 19 июля я была, как известно, уволена по сокращению штатов[1]. Дирекция не имела права принимать никаких решений, так как человек не числился в те дни в штате института. И по сути дела это незаконное решение кладется в основу того, чтобы меня не аттестовать. На мой взгляд, этот повод несерьезный, потому что я могу работать в той области, которой я занимаюсь, пользуясь открытой литературой, и постараюсь это сделать квалифицированно и добросовестно. А если будет принято решение о моей неаттестации, я буду это решение опротестовывать всеми доступными мне средствами и во всех инстанциях. Что касается моих возможностей, они несколько больше, чем это может казаться.

В.Н. ШЕНАЕВ: Что это значит?

Т.Е. ВОРОЖЕЙКИНА: Я хочу сказать, что я обращусь и в Президиум Академии наук и во все инстанции, которые так или иначе этим занимаются, чтобы мое дело было изучено.

Еще мне хотелось бы сказать, и я не могу об этом молчать, поскольку речь идет о моем учителе — Киве Львовиче Майданике. Мне кажется, в здравом уме и твердой памяти, я прекрасно знаю убеждения Майданика, его действительную преданность коммунистическим идеалам, ни один человек не может реально подумать о том, что он может быть как-то причастен к этому делу. Тем не менее я считаю своим долгом об этом сказать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это выступление в какой-то степени прояснило нам ситуацию. Оно достаточно ясное и четкое. Какое отношение у членов комиссии к нему?

Г.И. МИРСКИЙ: Нет никакого смысла на основании того, что Н.Н. Иноземцев издал в тот очень острый момент приказ, считать, что Ворожейкина не может работать. Это младший научный сотрудник, и то, что я говорил в отношении Майданика, то же самое можно сказать и в отношении Ворожейкиной. Она может обойтись и без спецхрановской литературы. Я считаю, что институт ничего от этого не проиграет. Предлагаю ее атте-

[1] Это была первая неудачная попытка увольнения Ворожейкиной. Суд, куда обратилась потерпевшая, признал увольнение Ворожейкиной незаконным и восстановил ее на работе. — *П.Ч.*

стовать условно. Если она за полгода напишет несколько справок, подготовит какие-то материалы без использования спецхрана, тогда и можно судить, что этот человек может, а что — нет»[1].

Предложение Мирского об условной аттестации Ворожейкиной не прошло, как не прошло и предложение Е.А. Брагиной помочь Ворожейкиной с трудоустройством в случае ее увольнения из Института. В итоге восемью голосами против четырех комиссия приняла решение не аттестовывать Т.Е. Ворожейкину[2], что означало ее последующее увольнение из ИМЭМО.

Но на этом предопределенном решении, как и обещала Ворожейкина, ее дело не завершилось. Вооружившись Трудовым кодексом и другими подручными средствами самозащиты, она подала в суд на администрацию Института и выиграла дело о своем незаконном увольнении. Суд обязал Дирекцию Института восстановить Т.Е. Ворожейкину на работе, что и было исполнено. После этих драматических событий она проработала в ИМЭМО еще 17 лет, уволившись из Института по собственному желанию лишь в ноябре 1999 г.

Поведение Татьяны Ворожейкиной и Ольги Ивановой, нашедших в себе мужество отстаивать свои законные права перед лицом откровенного произвола, было скорее исключением. В этих двух примерах дало о себе знать пробуждавшееся у молодого поколения самоуважение, гражданское и правовое сознание, которое будет востребовано обществом спустя несколько лет. Другие пострадавшие в событиях 1982 г. сотрудники ИМЭМО, принадлежавшие к более зрелому поколению, хорошо помнившему суровое прошлое, не решились на сопротивление. В большинстве случаев они вели себя пассивно-обреченно, надеясь на снисхождение и милость со стороны начальства. А кое-кто поспешил уйти из Института, не дожидаясь соответствующего «приглашения».

В ходе кадровой чистки, проведенной под видом переаттестации, к январю 1983 г. ИМЭМО потерял 24 научных сотрудника разных уровней[3]. Справедливости ради следует отметить, что не все они были жертвами «политических репрессий». Были среди них и откровенные бездельники, и люди, не соответствовавшие занимаемым должностям, но целили не в них (большинство бездельников и бездарей, как обычно, благополучно пережили переаттестацию), а в тех, кто вызывал сомнения по части политической благонадежности.

При этом, как мы видели, высокие профессиональные качества «отстреливаемых» в расчет не принимались.

На места увольняемых и смещаемых с руководящих постов (завотделами, завсекторами, руководители проблемных групп) назначались партвыдвиженцы — члены парткома или секретари первичных парторганизаций.

---

[1] ИМЭМО АН СССР. Протокол заседания отраслевой аттестационной комиссии от 29 сентября 1982 г. // Архив ИМЭМО РАН. С. 16—18.

[2] Там же. С. 25.

[3] *Иноземцев Н.Н.* О работе Института мировой экономики и международных отношений АН СССР с кадрами. Докладная записка в Отделение экономики АН СССР от 13 мая 1982 г.; Краткий отчет о работе ИМЭМО АН СССР за 1982 г. // Архив ИМЭМО РАН.

При приеме в аспирантуру, при зачислении на работу или прохождении конкурса было приказано обращать внимание прежде всего на партийность (членство в ВЛКСМ) и на пресловутый «пятый пункт». Примечательную историю в этом отношении рассказал ныне покойный профессор Яков Александрович Певзнер, который летом 1982 г. тщетно пытался устроить в ИМЭМО талантливого выпускника ИСАА[1] при МГУ Сергея Брагинского.

Из дневниковой записи Я.А. Певзнера от 25 июля 1982 г.:

«В 1979 году мне рассказали о том, что в Институте стран Азии и Африки (ИСАА) при МГУ на 3-м курсе японского факультета учится необычайно способный молодой человек Сергей Брагинский. Вскоре я получил возможность познакомиться с ним, и по моей просьбе он был прислан в наш Институт (ИМЭМО) на полугодовую практику. Мои ожидания были намного превзойдены. <...>

Порядок приема в институт лиц, окончивших вузы, таков: дирекция направляет заявку в вуз и по этой заявке выпускник направляется на должность стажера-исследователя, и, если он оправдал себя, после двух лет стажерства зачисляется на должность младшего научного сотрудника. Обычно заявку подписывает заместитель директора. Ввиду исключительности случая я пошел на исключительный шаг — обратился к директору...

Один очень важный момент: я спросил у Сергея, кто он по национальности. Он ответил: "русский". Он "половинка" и по паспорту — русский. Понимая ситуацию, в разговоре с директором я не преминул сообщить ему о национальности моего "протеже".

Я не думал ни о чем, кроме как о деле. У меня с Брагинским вне службы не было никаких общих знакомых, никто ко мне с ходатайством за него не обращался.

Н.Н. Иноземцев выслушал меня и сказал: "Пишите заявку, я ее подпишу". Заявка за подписью Иноземцева с подтверждением со стороны Президиума Академии наук была направлена в ИСАА (институт, где С.В. учился). Я был счастлив. Я сделал трудное, но столь важное, столь полезное дело — для науки, для Института, в котором работаю почти всю жизнь.

Разговор с Иноземцевым состоялся летом 1981 года. Брагинский был в это время в Японии — ИСАА направил его туда на 10-месячную стажировку. <...>

20 июля 1982 года в 3 часа раздался телефонный звонок. Говорил Брагинский: "Я.А., я не могу понять, что произошло. Меня вызвали в отдел кадров ИСАА и показали письмо от 16.07, подписанное Иноземцевым. 'В связи с перестройкой структуры и изменением тематики институт аннулирует заявку на С.В. Брагинского'".

Я был ошеломлен. Иноземцев в отпуске, да и идти к нему бесполезно. Я обратился к И.Е. Гурьеву, заместителю директора, который, как мне стало известно, готовил приказ о зачислении в Институт выпускников 1982 года. Что он мне отвечал, не имеет значения. О повороте назад не могло быть и речи — не могло быть речи, несмотря на то, что и закон был грубо нарушен: по закону Институт не имеет права отказываться от заявки после того, как распределение совершено и одобрено Президиумом Академии.

---

[1] Институт стран Азии и Африки — бывший московский Институт востоковедения, который, в частности, окончил будущий академик Е.М. Примаков.

Остается добавить следующее: по непроверенным, но более или менее достоверным сведениям, из 5 принятых в Институт стажеров-исследователей одна — дочь сотрудника КГБ, одна — жена сына работника ЦК и два молодых человека, на которых предварительных заявок не было. Их номенклатурное происхождение почти не вызывает сомнений.

Так КГБ и дирекция выполняют указания ЦК КПСС об укреплении кадрового состава Института»[1].

Закон был нарушен не только в отношении приема на работу С.В. Брагинского. Тогда, в 1982 г., он нарушался многократно и по отношению к целому ряду сотрудников Института, помимо О. Ивановой и Т. Ворожейкиной.

«С тех пор, как в 1967 году я попал в Институт, — вспоминает доктор исторических наук Марат Чешков, один из ведущих сотрудников отдела развивающихся стран, — никогда я не думал об уходе из него, за исключением "тяжелого лета 82-го года"..., в ходе зачистки отдела, которую проводил энергично и последовательно И.Д. Иванов. Этот "человек со стержнем", как называл его Н. Иноземцев, заявлял, что в нашем отделе нет советской власти, и объяснял принятые репрессивные меры тем, что "система вынуждена себя защищать"... В такой ситуации меня не допустили к переаттестации и на попытки выяснить причины мне отвечали... что арестованные (А. Фадин и др.) "хорошо о вас отзывались". Можно представить, как дальше бы развивались события, если бы т.н. дело Фадина не ушло в песок...»[2].

В случае с М.А. Чешковым, помимо лестных отзывов о нем А. Фадина, безусловно, сыграло роль его диссидентское прошлое. Давняя причастность Чешкова к «делу Краснопевцева» (1958 год) и шесть с половиной лет мордовских лагерей не были забыты на Лубянке. Об этом, по-видимому, напомнили и руководству ИМЭМО, которое, хоть и с опозданием, но все же постаралось выполнить «заказ».

---

[1] *Певзнер Я.А.* Вторая жизнь. М., 1995. С. 424—427. «Что же касается С. Брагинского, то с ним дело обстояло так, — пишет Певзнер. — В том же 1982 году он был принят в аспирантуру Института востоковедения Академии наук. <...> После защиты был оставлен в том же Институте, и на основе диссертации выпустил прекрасную книгу «Кредитно-денежная политика в Японии», а затем вдвоем со мной выступил в качестве соавтора книги «Политическая экономия: дискуссионные вопросы, пути обновления» (его перу принадлежит две трети данной работы, самая трудная ее часть). <...> Но главное другое — в 1989—1990 годах он по научному обмену работал в Японии во всемирно известной корпорации по страхованию «Тохо сэймэй», а в 1990 году был приглашен на работу в качестве профессора в хорошо известный в Японии университет «Иоко хама». Приглашая Брагинского, вопросом о том, кто по национальности его родители и предки, японцы не заинтересовались. Теперь он работает там. Договор с Иоко хама дайгаку (университет) заключен на неопределенный срок. <...> Вы еще услышите об С.В. Брагинском, ученом, а может быть, и государственном деятеле. Но горько, очень горько видеть, что столь талантливого человека, может быть, не навсегда, но на ряд лет потерял не только наш Институт, но и страна. В том, что так произошло, виновата не только описанная выше акция ЦК-КГБ-дирекция Института. Но в букете причин, приведших к такому повороту, описанной здесь позорной акции принадлежало далеко не последнее место» // Там же. С. 428.

[2] Из воспоминаний М.А. Чешкова «Моя жизнь в ИМЭМО», предоставленных в распоряжение автора.

14 мая 1982 г. Центральная аттестационная комиссия аттестовала к.э.н. М.А. Чешкова в должности старшего исследователя с окладом 300 рублей[1], а полтора месяца спустя он не обнаружил себя в списке аттестованных сотрудников Института, вывешенном в холле первого этажа. Приказ о его состоявшейся переаттестации, вопреки существовавшим правилам, не был подписан. Это был далеко не единичный случай административного произвола; не все сотрудники Института нашли тогда свои фамилии в этом списке[2].

«Атмосфера в Институте стала меняться, отчасти напоминая обстановку 37-го года, все, что было мерзкого в обществе, немедленно вышло наружу, начали разыгрываться какие-то карьерные стратегии, пошли доносы и т.д.», — вспоминает о событиях 1982 г. Игорь Бунин[3]. Оживились «общественники» и стукачи, люди стали остерегаться прежнего относительно свободного обсуждения насущных вопросов; со всех научных сотрудников взяли новые, еще более строгие подписки «о неразглашении», «о нераспространении», о запрете на неофициальное общение с иностранцами и т.д.; пополнился и без того длинный список невыездных...

Ужесточение режима и кадровой политики Дирекция и партком оправдывали двумя главными причинами: соответствующими требованиями проверочной комиссии, которая продолжала функционировать и после смерти Иноземцева, а также естественным стремлением спасти Институт от полного разгрома, что вынуждало администрацию идти на определенные кадровые и иные жертвы. Под таковыми имелись в виду, в том числе, и серьезные изменения, внесенные в планы научно-исследовательской работы ИМЭМО по требованию комиссии Гришина — Зимянина — Волкова. Комиссия резко критиковала руководство Института за недостаточное внимание к разработке теории «марксистско-ленинской» политэкономии капитализма, потребовав сделать данное направление ведущим в работе ИМЭМО.

Подобные претензии не могли не вызывать недоумения, особенно с учетом того, что фундаментальный труд Института «Политическая экономия современного монополистического капитализма» в 1977 г. был отмечен Государственной премией СССР. Но именно в этот «ревизионистский», по мнению М. Волкова, труд и был направлен удар. По понятным причинам Волков не мог называть вещи своими именами, но неприятие им трактовки реального капитализма второй половины XX века, даваемое экономистами ИМЭМО, было очевидно. Теперь, после смерти академика Н.Н. Иноземце-

---

[1] Протокол ЦАК по аттестации научных сотрудников от 28 апреля 1982 г. и 14 мая 1982 г. Раздел VII. По отделу экономики и политики развивающихся стран. Пункт 17. С. 20 // Архив ИМЭМО РАН.

[2] В аналогичной ситуации оказался, в частности, и автор этих строк, аттестованный ЦАК 14 мая 1982 г. в должности старшего исследователя отдела международных отношений. Аттестация была утверждена Ученым советом ИМЭМО. Тем не менее приказ об аттестации к.и.н. П.П. Черкасова не был подписан директором, что, как и в случае с М.А. Чешковым, делало статус сотрудника неопределенным, а будущее — весьма туманным // Там же. Раздел III. По отделу международных отношений. Пункт 22. С. 9.

[3] Запись беседы с И.М. Буниным.

ва, малограмотный свояк К.У. Черненко пытался заставить осиротевший ИМЭМО покаяться в идеологических прегрешениях и пересмотреть свою же оценку современного капитализма.

В требовании сосредоточиться на вопросах теории просматривалось и другое: намерение раз и навсегда ослабить влияние Института на принятие политических решений по конкретным вопросам экономического и научно-технического развития СССР, а также по внешней политике, хотя и без того было ясно, что с уходом из жизни Иноземцева, имевшего прямой выход на Брежнева и некоторых других членов Политбюро (например, на Горбачева), это влияние неизбежно ослабеет.

Дирекция основательно перетряхнула издательский план выпуска литературы, откуда были изъяты все работы, вызывавшие сомнения по части проблематики и особенно авторов. В числе первых из издательства «Наука» была отозвана рукопись книги о современном неофашизме под редакцией К.Г. Холодковского и К.Л. Майданика.

Менялись издательские планы отделов и секторов. Так, из уже подготовленной в секторе международно-политических проблем Европы рукописи коллективной монографии о политической интеграции в Западной Европе были изъяты обсужденные и одобренные главы, написанные «неблагонадежными» авторами, в частности К.Ю. Барановским, вынужденным, как уже говорилось, уйти из Института. По указанию Дирекции сняли и фамилию ответственного редактора этой работы — д.и.н. Д.Е. Меламида, освобожденного перед этим от обязанностей заведующего сектором[1]. Целый ряд монографий, предназначенных к открытой публикации, по тем же или сходным причинам был «засейфован», т.е. переведен в разряд закрытых изданий «для служебного пользования».

В арсенале дискриминационных мер с успехом использовалось блокирование процесса защиты уже подготовленной кандидатской или докторской диссертации теми научными сотрудниками, которые по причинам, не имевшим отношения к науке, вызывали сомнения у администрации и парткома. Тем самым для них закрывалась (или отодвигалась) перспектива научного роста.

Все эти и другие административные меры оправдывались необходимостью «спасения Института» от угрозы полного разгрома. Подобное объяснение развернувшейся в Институте «охоте на ведьм» далеко не всеми в научном коллективе ИМЭМО признавалось убедительным. Многие тогда задавались вопросом: идет ли речь о спасении научного коллектива или только о спасении его руководства?..

В связи с этим нельзя не вспомнить, что этот тяжелейший для ИМЭМО период с середины 1982 до конца 1983 г. в значительной мере пришелся на правление Ю.В. Андропова, взявшего курс на ужесточение дисциплины — идеологической, административной, трудовой. В такой обстановке

[1] Вторым ответственным редактором этой монографии был д.и.н. Д.Д. Маклэйн, но он умер в марте 1983 г. В 1985 г. книга выйдет уже под редакцией нового заведующего европейским сектором.

трудно было рассчитывать на возможность развития каких-то либеральных тенденций и в обществе в целом, и в отдельных коллективах, включая ИМЭМО, который только что подвергся разгрому.

Но вернемся к событиям, последовавшим за смертью академика Н.Н. Иноземцева. Как уже говорилось, комиссия Гришина — Зимянина — Волкова продолжала функционировать и после 12 августа 1982 г. Ее никто не распускал.

Более того, уже после ухода из жизни директора ИМЭМО Зимянин и Волков намеревались устроить показательный разнос Институту в устрашение другим академическим учреждениям.

На этот раз на защиту Института решительно встало руководство АН СССР[1], а также влиятельные друзья покойного Иноземцева. Их вмешательство предопределило провал планов Зимянина — Волкова и иже с ними. Из воспоминаний академика Георгия Аркадьевича Арбатова:

> «После скоропостижной кончины... Н.Н. Иноземцева в августе 1982 года... была сделана еще одна попытка возобновить атаку на ИМЭМО. В МГК КПСС возник план роспуска парткома института и замены его секретаря, начала новой проработки руководства и коллектива. Этот план был близок к осуществлению.
>
> Помню, во второй половине октября, в одно из воскресений, мне позвонил домой близкий друг, работавший в ИМЭМО, и сказал, что на следующий четверг по требованию горкома назначено партийное собрание, которое работники Отдела науки ЦК КПСС и МГК хотят превратить в шумный проработочный спектакль, настоящий разгром института. Я в то время работал за городом (домой приезжал лишь на выходной) в группе, которая готовила материалы к очередному пленуму ЦК, посвященному плану и бюджету на следующий год, в той самой группе, в которую неизменно приглашали — до его смерти — и Н.Н. Иноземцева. Я в понедельник рассказал обо всем товарищам, и у нас с А.Е. Бовиным созрел план: попытаться во время намеченного на следующий день первого обсуждения материалов у Брежнева поговорить с ним обо всем этом деле — если, конечно, состояние здоровья Генерального секретаря будет таким, что с ним можно будет всерьез разговаривать.
>
> Во вторник (числа точно не помню, но в память запало, что было это за два дня до партсобрания в ИМЭМО) встреча с Брежневым состоялась, самочувствие его было неплохим, и в конце деловой части мы с Бовиным попросили уделить нам несколько минут, как мы сказали, "по личному вопросу". После этого участвовавшие во встрече Г.Э. Цуканов и Н.В. Шишлин вышли, и мы рассказали Брежневу о неприятностях, которые обрушились на Иноземцева и, видимо, ускорили его смерть, и о том, что на послезавтра намече-

[1] Академик В.А. Мартынов вспоминает, что уже после смерти Иноземцева М.И. Волков представил вице-президенту АН СССР, члену ЦК КПСС П.Н. Федосееву составленный им документ, содержавший отрицательную оценку всей работы ИМЭМО. Среди прочего в этом документе говорилось о серьезных недостатках в кадровой политике Института — о неоправданно большом количестве евреев, о необходимости ужесточить правила выезда сотрудников ИМЭМО в загранкомандировки, о неудовлетворительной работе аспирантуры и т.д. Попытка Волкова реанимировать «дело ИМЭМО» была решительно пресечена П.Н. Федосеевым, сумевшим поставить на место зарвавшегося партчиновника (из воспоминаний академика В.А. Мартынова, которыми он поделился с автором).

но партийное собрание, где постараются испачкать и память о нем, а также планируют учинить погром в институте.

Брежнев, для которого, судя по его реакции, это было новостью, спросил: "Кому звонить?" Мы, посовещавшись, сказали — лучше всего, наверное, Гришину, который был председателем партийной комиссии, расследовавшей это дело, тем более что и директива о проведении партсобрания исходила из МГК. Сделав нам знак, чтобы мы молчали, Брежнев нажал на соответствующую кнопку "домофона" (так называли аппарат, соединявший его с двумя — тремя десятками руководящих деятелей; притом трубку брать не надо было, аппарат был оснащен как динамиком, так и микрофоном). Тут же раздался голос Гришина: "Здравствуйте, Леонид Ильич, слушаю вас".

Брежнев рассказал ему, что слышал (источник он не назвал) о том, что какое-то дело было затеяно вокруг ИМЭМО и Иноземцева, даже создана комиссия во главе с ним, Гришиным. А теперь по указанию МГК планируется партсобрание в этом институте, где будут посмертно прорабатывать Иноземцева, разбираться с партийной организацией и коллективом. "Так в чем там дело?" — спросил он.

Последовавший ответ был, должен признаться, таким, какого мы с Бовиным, проигрывая заранее все возможные сценарии разговора, просто не ожидали. "Я не знаю, о чем вы говорите, Леонид Ильич, — сказал Гришин. — Я впервые вообще слышу о комиссии, которая якобы расследовала какие-то дела в институте Иноземцева. Ничего не знаю и о партсобрании".

Я чуть не взорвался от возмущения, переполненный эмоциями, открыл рот для реплики, но Брежнев приложил палец к губам. И сказал Гришину: "Ты, Виктор Васильевич, все проверь, если кто-то дал указание прорабатывать покойного Иноземцева, это отмени и потом мне доложишь". И добавил несколько лестных фраз об Иноземцеве.

Когда он отключил "домофон", я не смог удержаться от комментария — никогда, мол, не думал, что члены Политбюро могут так нагло лгать Генеральному секретарю, притом что правду было легко выяснить, разоблачив обман. Брежнев в ответ только ухмыльнулся. Что значила эта ухмылка — не знаю. Возможно, он считал такие ситуации в порядке вещей. С этой встречи мы с Бовиным ушли со смешанным чувством. С одной стороны, были рады, что удалось предотвратить плохое дело. А с другой — были озадачены ситуацией наверху и моральным обликом некоторых руководителей, облеченных огромной властью»[1].

Судя по последующему развитию событий, организаторы травли ИМЭМО вынуждены были отказаться от своих намерений. Гришин отменил намеченное комиссией партсобрание в Институте и, по существу, приказал свернуть деятельность комиссии. В качестве жеста «доброй воли» в отношении ИМЭМО, МГК КПСС отменил решение Севастопольского райкома об исключении К.Л. Майданика из партии. «Высшая мера» была заменена Майданику строгим выговором «с занесением», что позволило этому крупному ученому удержаться в Институте[2].

---

[1] *Арбатов Георгий*. Человек Системы. Наблюдения и размышления очевидца ее распада. М., 2002. С. 341 — 343.

[2] На замене исключения Майданика из партии вынесением ему выговора настаивали партком и Дирекция ИМЭМО.

Что касается самой комиссии, то она фактически прекратила свое существование, хотя М.И. Волков и после неудачной попытки распустить партком и заменить В.Н. Шенаева на посту секретаря парторганизации все еще пытался вмешиваться в дела Института. Конец его произволу будет положен только после смерти К.У. Черненко, когда новый заведующий отделом науки ЦК КПСС В.А. Медведев, сменивший уволенного Трапезникова, отправит «на заслуженный отдых» и Волкова.

Еще раньше, в апреле 1983 г., неожиданно для всех были амнистированы Андрей Фадин и Павел Кудюкин[1]. Они вышли на свободу, хотя на работе в ИМЭМО восстановиться им не удалось. Впоследствии, уже в начале 90-х годов, Фадин станет известным журналистом и политологом. Он трагически погибнет в автокатастрофе. Кудюкин в 1991—1993 гг. будет работать заместителем министра труда в правительствах Е. Гайдара и В. Черномырдина, а впоследствии перейдет на работу в Высшую школу экономики. Он один из видных деятелей социал-демократического движения в России.

О причинах, по которым Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума ВС СССР Ю.В. Андропов решил амнистировать двух диссидентов, годом ранее арестованных по приказу председателя КГБ Юрия Андропова, можно только догадываться. Скорее всего, он посчитал нецелесообразным начинать свое правление с показательных судебных процессов, что, несомненно, получило бы крайне негативный резонанс в международном сообществе.

От этого, в частности, предостерегал Андропова в своем предсмертном обращении Дональд Маклэйн, участник знаменитой «кембриджской пятерки», более 20 лет проработавший в ИМЭМО. Незадолго до своей кончины, последовавшей 7 марта 1983 г., Маклэйн согласился принять у себя дома английского журналиста, которому дал интервью с условием, что оно будет опубликовано только после его смерти. В этом интервью, среди прочего, Дональд Маклэйн высказался и по «делу Фадина — Кудюкина». Он призвал Андропова прекратить это «дело» и освободить двух идеалистов, вся вина которых состояла в том, что они, как и он, старый коммунист, мечтали о социализме «с человеческим лицом». Преследование этих молодых людей, о которых он отзывался с сочувствием и уважением, по мнению Маклэйна, может лишь повредить международному престижу Советского Союза.

Интервью Маклэйна появилось в британской печати в день его похорон, состоявшихся в Москве 11 марта. Содержание интервью в тот же вечер было распространено радиостанцией Би-Би-Си. Трудно сказать, повлияло ли на судьбу Фадина и Кудюкина обращение ветерана советской разведки к бывшему председателю КГБ, но так или иначе в последних числах апреля 1983 г. они были освобождены, а их дело закрыто. В «деле ИМЭМО» была поставлена точка.

---

[1] Официальное помилование А. Фадина, П. Кудюкина и их «подельников» — Ю. Хавкина, В. Чернецкого и Б. Кагарлицкого — было осуществлено по представлению КГБ и Прокуратуры СССР указом Президиума ВС СССР от 25 апреля 1983 г.

Итак, можно ли говорить о том, что вся эта история завершилась «хэппи-энд»?

Разумеется, нет. В ходе развязанной против него кампании Институт потерял своего директора — академика Н.Н. Иноземцева, которому в решающей степени был обязан высоким авторитетом и влиянием. Из драматических испытаний ИМЭМО вышел заметно ослабевшим. Ему был нанесен тяжелый удар. Издержки могли быть еще более значительными, если бы противникам Иноземцева удалось вбить клин между Дирекцией и парткомом, на что очень рассчитывали организаторы «дела». К счастью, из этой затеи ничего не вышло. На всех этапах борьбы за выживание партком и его секретарь, д.э.н. В.Н. Шенаев, последовательно поддерживали Иноземцева, не идя на поводу у комиссии. Потому-то Волков и К° и попытались распустить партком, с тем чтобы затем окончательно «разобраться» с научным коллективом непокорного Института и поставить во главе его послушного их воле бесцветного администратора.

После перенесенных им потрясений будущее ИМЭМО как ведущего научного центра во многом зависело от того, кто станет преемником академика Н.Н. Иноземцева, насколько авторитетной и масштабной фигурой окажется новый директор Института.

Глава 10

ВРЕМЯ РЕАБИЛИТАЦИИ (1983–1985)

«Пятилетка пышных похорон»

Именно такое определение — «Пятилетка пышных похорон» — дали советские люди периоду 1982–1985 гг., когда один за другим покидали политическую сцену и уходили из жизни престарелые, зачастую безнадежно больные лидеры КПСС[1]. Завершался период брежневского застоя, время власти геронтократии, казавшейся кому-то чуть ли не бессмертной. С конца 1970-х гг. в обществе распространялись слухи, будто Л.И. Брежнев и его ближайшие сподвижники, наряду с самыми передовыми достижениями медицинской науки, пользуются услугами нетрадиционной медицины, прибегают к помощи всевозможных знахарей и ясновидящих. Чаще других называлось имя целительницы Джуны Давиташвили, успешно продлевавшей, как некоторые искренне верили, жизнь «дорогого товарища Леонида Ильича Брежнева».

Все это вносило дополнительный элемент безнадежности и социальной апатии в жизнь общества, подчеркивая осознание обреченности, ощущение глубокого системного кризиса, который переживала советская политическая и экономическая системы. На фоне динамично развивавшегося внешнего мира, для 260 миллионов советских граждан время словно остановилось, а то и пошло вспять. Размывалась сама идеологическая основа коммунистического режима. Один из талантливых политологов ИМЭМО Владимир Израилевич Гантман с грустной иронией как-то заметил по этому поводу: «Когда умирает идеология, на смену ей приходит парапсихология»[2]. Именно тогда, на рубеже 70–80-х гг. была подготовлена почва для появления кашпировских, чумаков и прочих ясновидящих, прорицателей и астрологов, заполнивших телеэфир в годы перестройки.

---

[1] В обществе бытовало и другое определение этого периода. Люди мрачно шутили, что в СССР в 1982 г. изобрели новый вид спорта — гонки на катафалках // *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: история власти 1945–1991. Новосибирск, 2000. С. 372, 399.

[2] Из личных воспоминаний автора, относящихся к началу 1980-х гг. — *П.Ч.*

Когда на советских вождей напал мор, общество из официальных медицинских заключений получило подтверждение того, о чем давно знало: самой большой и при этом во многом неустроенной страной руководили больные, беспомощные старцы, страдавшие хроническим атеросклерозом с признаками маразма.

В числе тех, кто явно не верил в способность потусторонних сил продлевать человеческую жизнь, был убежденный материалист-сталинист Михаил Андреевич Суслов, «серый кардинал» и главный идеолог хрущевского и брежневского режимов. Кто знает, быть может, пренебрежительное отношение к нетрадиционной медицине и свело его первым из брежневского окружения в могилу?..

Именно смерть 79-летнего Суслова 25 января 1982 г.[1] положила начало «пятилетке пышных похорон»[2]. Но главным ее следствием стала перегруппировка сил внутри Политбюро, где значительно возросло влияние Ю.В. Андропова, сменившего покойного Суслова в роли «второго человека» в правительстве. Начиная со смерти Суслова, на протяжении четырех последующих лет в радио- и телеэфире многократно и подолгу будут звучать произведения великих композиторов в исполнении лучших симфонических оркестров. Советский режим провожал своих столпов в последний путь продолжительными музыкальными концертами. Разумеется, исполняемые в таких случаях произведения тематически соответствовали переживаемому событию. Даже искушенные меломаны признавались, что никогда прежде в таком объеме не слушали столь замечательной музыки, и уже за это готовы были многое простить именитым покойникам и организаторам официальных прощаний с вождями.

Спустя девять месяцев, 10 ноября 1982 г. умирает Л.И. Брежнев. В медицинском заключении о болезни и причине смерти Генерального секретаря говорилось, что он «страдал атеросклерозом аорты с развитием аневризмы от брюшного отдела, стенозирующим склерозом коронарных артерий, ишемической болезнью сердца с нарушением ритма, рубцовыми изменениями миокарда после перенесенных инфарктов»[3]. Вновь в советском теле- и радиоэфире зазвучала возвышающая душу музыка Баха, Бетховена, Грига, Шопена и Шостаковича.

Новым Генеральным секретарем по предложению К.У. Черненко, обеспечившим себе роль «второго человека» в Политбюро, становится тяжело больной Ю.В. Андропов. В благодарственном слове по поводу своего избра-

---

[1] Как гласило медицинское заключение, идеолог КПСС, десятилетиями поучавший советских ученых, писателей и мастеров искусств «правильному» пониманию их задач, умер от «общего атеросклероза с преимущественным поражением сосудов сердца и головного мозга, развившимся на фоне сахарного диабета и острого нарушения кровообращения в сосудах ствола мозга» // Правда, 26.01.1982.

[2] Вслед за ним в мир иной ушли еще два влиятельных члена Политбюро — 84-летний Арвид Янович Пельше, председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС (29 мая 1983 г.), и 76-летний Дмитрий Федорович Устинов, бывший сталинский нарком, маршал Советского Союза, министр обороны (20 декабря 1984 г.).

[3] Правда, 12.11.1982.

ния Андропов пообещал решать все вопросы «по возможности коллегиально», правда, тут же многозначительно добавил: «Но не всегда к всеобщему удовлетворению»[1].

Очень скоро «соратники» в полной мере оценят эти заключительные слова Андропова. Уже на ближайшем Пленуме ЦК, состоявшемся 22 ноября, из Политбюро был выведен А.П. Кириленко, давний друг Брежнева, страдавший атрофией головного мозга с признаками слабоумия, давно не способный заниматься делами. Его освободили и от обязанностей Секретаря ЦК. На его место Андропов поставил своего человека, Г.А. Алиева, переведенного из кандидатов в члены Политбюро. Другим выдвиженцем Андропова на этом пленуме стал Н.И. Рыжков, возглавивший вновь образованный Экономический отдел ЦК. В скором времени он станет Секретарем ЦК, отвечавшим за экономику. Андропов «подтянул» из Ленинграда в Москву Г.В. Романова и сделал его Секретарем ЦК по вопросам оборонной промышленности, а из Томска — известного своим пуританством Е.К. Лигачева, доверив ему руководство важнейшим Отделом организационно-партийной работы, контролировавшим партийный аппарат.

Андропов взял курс на «наведение порядка» в стране, выразившийся в ужесточении идеологической, административной и трудовой дисциплины, в укреплении всей централизованной вертикали управления. На практике это вылилось в попытку стабилизации расшатанной в послесталинский период командно-административной системы, обнаружившей за годы правления Брежнева признаки очевидного разложения. С этим разложением и развернул борьбу Андропов, инициировавший показательную, но выборочную «чистку рядов» в партийно-хозяйственном аппарате и в МВД. Последний он считал наиболее коррумпированной структурой государственной власти. В числе первых кадровых решений нового генсека было отстранение министра внутренних дел Н.А. Щелокова, которого на этом посту заменил бывший шеф украинского КГБ генерал В.В. Федорчук. Вслед за Щелоковым своего поста лишился его заместитель, генерал-полковник Ю.М. Чурбанов, зять покойного Брежнева, обвиненный в коррупции. Не дожидаясь ареста, Щелоков застрелился, а Чурбанов по приговору суда был отправлен в лагерь. В порядке «оздоровления» в аппарат МВД было откомандировано 150 сотрудников КГБ, занявших места уволенных милицейских генералов и старших офицеров.

Большой общественный резонанс вызвал судебный процесс против руководящих работников московской торговли (около 30 человек). Директор знаменитого гастронома «Елисеевский» Ю.К. Соколов будет расстрелян по приговору суда. Остальные обвиняемые получат различные тюремные сроки. Не меньший резонанс имело дело первого секретаря Краснодарского крайкома КПСС С.Ф. Медунова, обвиненного в поощрении коррупции и снятого со своего поста, а также т.н. «хлопковое дело»,

---

[1] Цит. по: *Воротников В.И.* А это было так. Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1995. С. 15.

в результате которого покончил жизнь самоубийством первый секретарь ЦК компартии Узбекской ССР Ш.Р. Рашидов.

Показательная борьба с коррупцией в верхах, начатая Андроповым, была в целом одобрительно встречена в обществе, давно и прочно отлученного от контакта с «народной властью».

Совсем другая реакция наблюдалась, когда Андропов развернул кампанию по укреплению трудовой дисциплины «в низах». Ретивые исполнители «высочайших» указаний в течение установленного рабочего дня буквально отлавливали людей на улицах, в магазинах, кинотеатрах и других общественных местах, требуя объяснений причин их отсутствия на работе. Это вызывало насмешки и растущее раздражение, особенно среди интеллигенции, далеко не всегда привязанной к месту работы.

Намерение Андропова решить накопившиеся в стране экономические проблемы лишь путем «закручивания гаек» свидетельствовало об ограниченности его представлений и непонимании всей глубины переживаемого советской экономикой глубокого кризиса. Вот что пишет об этом бывший генерал О.Д. Калугин, тесно общавшийся с Андроповым в 70-е гг.: «Эрудиция Председателя [КГБ] в международных вопросах, хотя и окрашенная типичными изъянами тоталитарного мышления, как ни парадоксально, не распространялась на экономические и научно-технические проблемы страны. В конце 70-х гг., когда рост советской экономики все больше терял темп и все явственней маячили впереди кризисные явления, Андропов считал, что главная причина надвигающегося спада — в ослаблении трудовой дисциплины и порядка на производстве. Тогда у него родилась идея закрытого письма к рабочему классу и всем трудящимся с призывом мобилизовать все ресурсы для выполнения планов пятилетки»[1]. Придя к власти в конце 1982 г., Андропов взялся за воплощение идей, выношенных им в 70-е гг.

При генсеке Андропове продолжалась репрессивная политика в отношении инакомыслящих, к которым, правда, принимались теперь меры скорее «профилактического», нежели судебного, как прежде, характера. Продолжалась и изобретенная Андроповым в его бытность председателем КГБ практика помещения наиболее упорных диссидентов в психиатрические клиники[2].

В то же время, встав во главе партии и государства, Андропов вынужден был в большей степени считаться с мировым общественным мнением, настороженно встретившим его приход в Кремль. Видимо, по этой причине «имиджмейкеры» из КГБ вбрасывали в общество слухи о либеральных симпатиях Андропова, почитателя Флеминга, любителя виски и американского джаза, наконец, тонкого ценителя поэзии. А допущенные к личному общению с генсеком-интеллектуалом сановники от науки и «литературные

---

[1] *Калугин Олег.* Прощай, Лубянка! М., 1995. С. 251.

[2] В этом отношении странным и даже вызывающим выглядело неожиданное появление в самом конце 1990-х гг. на стене здания ФСБ на Лубянке памятной доски, посвященной «выдающемуся политическому деятелю Советского Союза» Ю.В. Андропову.

генералы» распространяли в среде интеллигенции стихотворные опыты Андропова, создавая образ просвещенного правителя-либерала[1].

Все это должно было произвести должное впечатление на Запад. Однако там больше интересовались не этими, как сейчас принято говорить, политтехнологиями, а конкретными поступками нового хозяина Кремля в международных делах. А поступки эти никак не обещали ни повторения хрущевской оттепели с ее «мирным сосуществованием двух систем», ни брежневской разрядки начала 70-х гг. Время правления Андропова пришлось на опасное обострение отношений между Востоком и Западом.

В ночь с 31 августа на 1 сентября 1983 г. советским истребителем ПВО над Сахалином был сбит южнокорейский гражданский самолет «Боинг-747» с 269 пассажирами на борту, следовавший из Нью-Йорка в Сеул с посадкой на Аляске. Попытки советской стороны оправдать этот варварский акт интересами национальной обороны встретили единодушное осуждение мировой общественности, а запоздалые выражения сожаления о случившемся, высказанные в Заявлении Правительства СССР от 7 сентября[2], лишь в самой малой степени могли повлиять на крайне негативное мнение о Советском Союзе и его новом руководителе. Но даже после этого, казалось бы, официального извинения правительства военное руководство в лице начальника Генштаба ВС СССР маршала Н.В. Огаркова продолжало настаивать на правомерности действий в отношении южнокорейского «Боинга», осуществлявшего якобы разведывательный полет над советской территорией по заданию американской разведки.

История с «Боингом» окончательно испортила имидж Андропова в глазах западных (и не только) партнеров СССР. Удивительным образом эта история совпала с исчезновением самого Андропова с телеэкранов. В первых числах сентября 1983 г. тяжело больной генсек окончательно обосновался в Кунцевской (Кремлевской) больнице, откуда он пытался, как бы сейчас сказали, дистанционно руководить партией и государством. «На хозяйстве» в Кремле Андропов оставил Черненко, внимательно следя за тем, как тот ведет дела.

Мужественная, надо признать, борьба Андропова со смертью продолжалась более пяти месяцев. 9 февраля 1984 г. он умер в больничной палате, где был подключен к аппарату «Искусственная почка». Медицинское заключение о болезни и смерти Андропова гласило, что он страдал «интерстициальным нефритом, нефросклерозом, вторичной гипертонией, сахарным диабетом, осложнившимися хронической почечной недостаточностью»[3].

Из радиоприемников и телеэкранов в квартирах советских людей на протяжении нескольких дней, вплоть до похорон, состоявшихся 14 февра-

---

[1] Следует признать, что бывший выпускник Рыбинского техникума водного транспорта и слушатель Высшей партийной школы при ЦК КПСС всю жизнь занимался самообразованием: он много читал, чем существенно расширил свой кругозор.

[2] Правда, 7.09.1983.

[3] Правда, 10.02.1984.

ля, вновь звучала возвышенно-трагическая музыка в исполнении выдающихся советских музыкантов.

Новый хозяин Кремля К.У. Черненко ненадолго пережил двух своих предшественников. Как и Андропов, он в скором времени оказался все в той же Кунцевской больнице, где для него по случаю предстоявших выборов в Верховный Совет РСФСР оборудовали избирательный участок для голосования. Вся страна наблюдала, как полуживой 73-летний Черненко в черном костюме, галстуке и больничных тапочках опускал в урну бюллетень для голосования. Он умер через две недели, 10 марта 1985 г. Как гласило медицинское заключение, генсек «длительное время страдал эмфиземой легких, осложнявшейся легочно-сердечной недостаточностью. Тяжесть состояния усугублялась сопутствующим хроническим гепатитом с переходом в цирроз»[1].

13-месячное правление Черненко было отмечено постепенным сворачиванием андроповской кампании по укреплению дисциплины и организованности, особенно во властных структурах. По каким-то лишь аппарату понятным причинам неожиданно началась подготовка новой Программы КПСС, которая, видимо, должна была увековечить имя «выдающегося партийного и государственного деятеля товарища Константина Устиновича Черненко». Не успели.

Получивший в молодые годы прочную сталинскую закалку, Черненко, поднявшись на вершину власти, не мог отказать себе в удовольствии восстановить в партии неисправимого сталиниста В.М. Молотова, исключенного из рядов КПСС еще Хрущевым. Даже Брежнев с Сусловым не решились на этот шаг. Черненко лично вручил Молотову партийный билет и удостоил его короткой, но теплой беседой. Другим проявлением симпатии Черненко к Сталину стало разрешение его дочери С.И. Аллилуевой, бежавшей из СССР в 1967 г., вернуться на родину (ноябрь 1984 г.), где ей были обеспечены вполне комфортные условия для жизни.

Что же касается насущных интересов страны, то Константин Устинович даже не попытался сделать хоть что-нибудь для того, чтобы отвести ее от пропасти, перед которой она оказалась в правление Брежнева, его друга и покровителя.

К весне 1985 г., когда на смену Черненко пришел 54-летний Михаил Сергеевич Горбачев, Советский Союз представлял собой, употребляя выражение Николая I, относившееся к Турции середины XIX в., «больного человека Европы», страдавшего от запущенных недугов, требовавших незамедлительного лечения. Этого не могли не понимать даже последние из остававшихся в Политбюро брежневских соратников, такие, например, как А.А. Громыко. Тем более это сознавали недавние выдвиженцы — М.С. Горбачев, Н.И. Рыжков, Е.К. Лигачев, В.И. Воротников и др., имевшие более адекватное представление о печальных реалиях советской экономики.

Необходимость перемен понимали и в просвещенной части номенклатуры. «В аппаратах власти (не знаю, как в государственном, но в главном

[1] Правда, 12.03.1985.

его аппарате, в ЦК, в некоторых его отделах, особенно в международном), — авторитетно свидетельствует один из руководителей Международного отдела ЦК КПСС А. С. Черняев, — образовался круг людей, которые, соблюдая "правила игры" и смыкаясь с более просвещенной и вольнодумной частью ученых в гуманитарных институтах Академии наук, в редакциях газет и журналов, все больше проникались чувством собственной ответственности за страну. Внутренне, духовно и нравственно (на уровне культуры) они уже отделили себя от начальства. Оно было им чуждо и неприятно, даже по-человечески, в обычном общении.

Однако и они продолжали жить по инерции. Пытались что-то подправлять, что-то улучшить, что-то навязать с помощью стилистики (будучи спичрайтерами и советниками) в духе реаль-политик и здравого смысла. Но не шли "на разрыв", не зная сами выхода и повязанные привычкой, бытом, интеллигентскими сомнениями во всем и вся.

Но именно в это время в их среде исподволь начало формироваться ядро кадров будущей перестройки»[1].

В это ядро, сформировавшееся еще в 70-е гг., входил директор ИМЭМО академик Н.Н. Иноземцев, опиравшийся на научный коллектив своего института. К этому же ядру, как вскоре выяснится, принадлежал и его преемник, возглавивший ИМЭМО. Правда, ни он сам, ни тем более сотрудники ИМЭМО, почувствовавшие себя без Иноземцева безнадежно осиротевшими, еще не ведали о грядущих переменах, как в собственных судьбах, так и в судьбе всей огромной страны.

После смерти Н.Н. Иноземцева временное исполнение обязанностей директора ИМЭМО было возложено на доктора экономических наук Владлена Аркадьевича Мартынова, многолетнего заместителя Иноземцева. Ему досталось тяжелое наследство. Коллектив Института, составленный из лучших в СССР политологов-международников и глубоких знатоков западной (рыночной) экономики, находился в состоянии глубокой депрессии. Продолжалась кадровая чистка, ужесточался идеологический контроль за содержанием научных исследований и публикаций. Под давлением Отдела науки ЦК вносились коррективы в план научно-исследовательских работ Института с целью усиления в них критики «современного империализма», «буржуазных, реформистских и ревизионистских идеологических концепций». От ИМЭМО требовали активизации идеологической, пропагандистской и контрпропагандистской работы, которая убедила бы кураторов со Старой площади в том, что Институт осознал допущенные ошибки и встал на путь исправления от «ревизионистского уклона» прежних лет.

Ответственность за это направление работы была возложена на заместителя директора Института И.Е. Гурьева, назначенного председателем Координационного совета ИМЭМО по критике антимарксистских концепций развития современного капитализма. Он регулярно отчитывался

---

[1] *Черняев А.С.* Совместный исход. Дневник двух эпох 1972 — 1991 годы. М., 2008. С. 69 — 70.

перед Отделом науки ЦК о проводимой на идеологическом направлении работе[1].

В таких нелегких условиях Дирекция Института, временно возглавляемая В.А. Мартыновым, делала все возможное, чтобы «сохранить лицо» ИМЭМО и продолжать собственно научные исследования, организовав их по восьми основным направлениям:

- изучение современного (на тот момент. — *П.Ч.*) капитализма в условиях борьбы двух систем;
- прогнозирование развития экономики, науки и техники, внутренних социальных процессов в капиталистическом мире и возможных изменений в международной обстановке;
- научно-техническая революция и эффективность хозяйства главных капиталистических стран;
- всемирное хозяйство и международные экономические отношения на современном этапе;
- основные тенденции развития международных отношений и внешняя политика СССР;
- углубление классовых противоречий и проблем революционного процесса в развитых капиталистических странах;
- социально-экономическое и политическое развитие стран Азии, Африки и Латинской Америки и их роль в мировой экономике и политике;
- критика буржуазных, реформистских, ревизионистских идеологических концепций экономического и социально-политического развития современного капитализма[2].

Из восьми перечисленных направлений лишь два можно было отнести к разряду идеологической казуистики — о революционной перспективе в развитых странах Запада и критике буржуазных и прочих «вредоносных» идеологических концепций[3]. Но таковы были «правила игры», соблюдать которые обязаны были все. Самое главное — Институт продолжал выполнять свою миссию, состоявшую в изучении внешнего мира и влиянии происходивших в нем процессов на нашу страну. Реальным результатом работы ИМЭМО в первом полугодии 1983 г. стали 87 аналитических записок и справок по актуальным проблемам мировой экономики и поли-

---

[1] См.: Отчет об идеологической, пропагандистской и контрпропагандистской деятельности ИМЭМО АН СССР (1983 г.); Справка о пропагандистской и контрпропагандистской работе ИМЭМО АН СССР (1984 г.) // Архив ИМЭМО РАН.

[2] Краткий отчет о научной работе ИМЭМО АН СССР за I полугодие 1983 г. // Архив ИМЭМО РАН.

[3] Но даже в таком, казалось бы, безнадежном занятии, как критика «буржуазных экономических теорий», исследователи ИМЭМО всегда умели находить рациональное зерно. В закрытом советском обществе, лишенном источников зарубежной информации, критические публикации ИМЭМО давали представление о состоянии современной экономической и политической мысли на Западе. Это было особенно важно для преподавателей, аспирантов и студентов провинциальных гуманитарных вузов, лишенных возможности читать в спецхранах «идеологически враждебную» литературу.

тики, содержавшие ряд конкретных предложений и рекомендаций для ЦК КПСС, Совета Министров СССР, Президиума АН СССР и различных государственных ведомств. За тот же период в издательствах «Наука», «Мысль», «Политиздат», «Прогресс» и «Международные отношения» было опубликовано 12 монографий, подготовленных сотрудниками Института. Еще 11 монографий были сданы или подготовлены к сдаче в издательства[1]. Научная мысль в стенах ИМЭМО продолжала биться, несмотря на усилившееся со смертью Н.Н. Иноземцева идеологическое давление.

Александр Яковлев: аппаратчик-интеллектуал

Почти девять месяцев в ЦК КПСС и Президиуме АН СССР решался вопрос о преемнике академика Иноземцева. Возможно, все это время там велась закулисная борьба влияний и кандидатов на этот престижный пост. У Президиума Академии наук, судя по всему, были свои предпочтения[2]. В аппарате ЦК КПСС (Отдел науки и Международный отдел) могли быть свои фавориты, среди которых назывались имена В.В. Загладина и С.М. Меньшикова. Первый был заместителем Б.Н. Пономарева, Секретаря ЦК КПСС, второй — ответственным сотрудником Международного отдела. В свое время амбициозный Меньшиков, занимавший пост заместителя директора ИМЭМО, не поладил с Иноземцевым и уехал в Новосибирск, где надеялся избраться в академию по квоте Сибирского отделения АН СССР, чего, надо сказать, так и не произошло.

Но окончательное решение о назначении на номенклатурную должность директора ИМЭМО оставалось за Секретариатом и Политбюро ЦК КПСС. К маю 1983 г. из всех кандидатов остался один — Владлен Аркадьевич Мартынов, и.о. директора ИМЭМО. На нем, в конечном счете, сошлись и в Президиуме АН СССР, и в Отделе науки ЦК КПСС. В результате именно он и был рекомендован на утверждение Секретариата ЦК.

И в это самое время, буквально в последний момент, возникла новая и для всех неожиданная кандидатура — доктор исторических наук, профессор Александр Николаевич Яковлев, партработник, бывший и.о. заведующего Отделом пропаганды ЦК КПСС, а с 1973 г. — посол СССР в Канаде. Именно он в мае 1983 г. и был назначен директором ИМЭМО.

Впоследствии вокруг имени «архитектора перестройки» возникнет множество диаметрально противоположных мнений и оценок. Одни искренне его уважали за ту роль, которую он сыграл в становлении современной

---

[1] Краткий отчет о научной работе ИМЭМО АН СССР за I полугодие 1983 г. // Архив ИМЭМО РАН.

[2] Тогдашний директор Института научной информации по общественным наукам В.А. Виноградов в своих воспоминаниях рассказывает, что после смерти Иноземцева вице-президент АН СССР П.Н. Федосеев предлагал ему возглавить ИМЭМО. «Я категорически отказался, — пишет Виноградов. — Так же вел себя и в Отделе науки ЦК КПСС» // *Виноградов В.А.* Мой XX век. Воспоминания. М., 2003. С. 348.

российской демократии, для других Яковлев — отступник, перевертыш и чуть ли не агент ЦРУ[1].

Наиболее оголтелые политические недруги Яковлева подвергали сомнению даже его очевидную национальную принадлежность, приписывая ему еврейские корни, хотя один только взгляд на Александра Николаевича неопровержимо свидетельствовал, что перед вами потомственный русский крестьянин, из тех, про кого наши литературные классики XIX века говорили: себе на уме, хитроватый, смекалистый, работящий мужик. Впрочем, наши национал-коммунисты приписывали еврейство и Борису Ельцину, и Александру Солженицыну, и Андрею Сахарову, и многим другим «разрушителям» коммунистического режима. В их среде явная или скрытая принадлежность к древнейшему народу считалась чуть ли не смертным грехом.

По-видимому, при всей своей вздорности подобного рода нападки не оставили Яковлева равнодушным. В позднейших воспоминаниях он счел нужным прояснить вопрос о своем происхождении, что, впрочем, представляется вполне естественным для мемуарного жанра. «Мои ярославские друзья, — пишет Яковлев, — помогли мне отыскать в областном архиве документы, рассказывающие о происхождении моих предков. По линии отца документы говорят, что "Яковлевы происходили из крепостных крестьян ярославских помещиков Молчановых. Первое упоминание — начало XVIII века" <...>

По материнской линии первое упоминание о предке семьи Ляпушкиных Иване Иванове восходит также к началу XVIII века. Из крепостных крестьян ярославских помещиков Майковых. Жили в деревне Заморино Ярославского уезда»[2].

Таковы были корни будущего директора ИМЭМО, биография которого типична для представителей его поколения — для тех, кому посчастливилось выжить в страшной войне с нацистской Германией.

Из автобиографии А.Н. Яковлева:

> «...Родился 2 декабря 1923 г. в д. Королево Ярославского района и области в семье крестьянина. В 1941 г. окончил среднюю школу в поселке «Красные Ткачи» и в том же году был призван в Советскую Армию. Служил рядовым

---

[1] Эту тему еще на исходе перестройки активно развивал председатель КГБ СССР В.А. Крючков, один из участников ГКЧП в августе 1991 г. «Я докладывал Горбачеву, — вспоминал Крючков в 1995 г., — что Яковлев ведет подрывную работу, что американцы у нас действуют вовсю, что есть силы, поставившие цель развалить Советский Союз, и так далее» // *Крючков В.А.* Без срока давности. Кн. 1. М., 2006. С. 392. Тот же Крючков пустил в широкое обращение и определение «агент влияния» применительно к Яковлеву, намекая, что последний мог быть даже завербован ЦРУ, когда в 1958 — 1959 гг. находился на стажировке в Колумбийском университете в США // Там же. С. 394, 438. Версия Крючкова о «предательстве Яковлева» была охотно подхвачена публицистами национал-коммунистического толка. Когда Е.М. Примаков возглавил Службу внешней разведки России, он распорядился провести негласную проверку версии Крючкова. Проверка, как и следовало ожидать, подтвердила надуманность измышлений бывшего шефа КГБ.

[2] *Яковлев Александр.* Омут памяти. От Столыпина до Путина. Книга первая. М., 2001. С. 23 — 24.

в артиллерийской части, курсантом военного стрелково-пулеметного училища, а затем командиром взвода на Волховском фронте в составе 6-й бригады морской пехоты. В августе 1942 г. был тяжело ранен (5 пулевых ранений). До февраля 1943 г. пролежал в госпитале, после чего был демобилизован по инвалидности»[1].

Более подробно об участии в Великой Отечественной войне А.Н. Яковлев рассказал в своих воспоминаниях. У каждого фронтовика, как известно, в памяти осталась «своя» война. Для немногих она продолжалась без малого четыре года; для других — год-два; для третьих — несколько месяцев, недель, а то и дней. Здесь все зависело от случая и тяжести полученного ранения. Одни по нескольку раз возвращались в строй, другие становились инвалидами после первого же ранения.

Лейтенант морской пехоты Александр Яковлев принадлежал к последней категории. Его война длилась около семи месяцев. Причем провел он ее не в штабе и не в тыловых частях, а на передовой, командуя взводом.

Из военных воспоминаний А.Н. Яковлева:

«Учеба закончилась. 2 февраля 1942 года нас построили и объявили о присвоении званий. Мне дали лейтенанта, поскольку хорошо учился. Большинству — младших лейтенантов и даже старших сержантов. <...>

Первая встреча с войной была ужасной. Мы увидели замороженных немецких солдат и офицеров, расставленных вдоль дороги в различных позах, в том числе и в достаточно неприличных. Они погибли под Тихвином. Поезд замедлил ход, над эшелоном взорвался хохот. Я тоже смеялся, а потом стало не по себе. Ведь люди же! Зрелище жуткое, выдумка отвратительная. <...>

Я попал в роту автоматчиков, командиром третьего взвода. Рота занималась ближней разведкой в тылу противника. Началась моя военная пора. Не знаю, что и писать о ней. Стреляли, ходили в атаки. Ползали по болотам. Пытались, иногда это удавалось, пробираться в тыл к немцам. У них оборона была тоже прозрачная. Все-таки болота.

Война как война. Эпизодов разных много, но все они похожи друг на друга. Привыкаешь к смерти, но не веришь, что и за тобой она ходит неотступно. Потом Бродский напишет: "Смерть — это то, что бывает с другими". Стервенеешь, дуреешь и дичаешь. <...>

Провоевал я недолго. Хочу сказать, что за мое время взвод сменился раза три, если не больше. Были случаи, когда из 30—35 человек возвращались 12—15. Пленных мы не брали, как и немцы нас. Мы с гордостью носили клички Черные дьяволы, Черная смерть. <...>

Глупостей было много. Помню свой последний бой. Грустно об этом вспоминать, хотя и орден за него получил. Надо было сделать "дырку" в обороне немцев. Отрядили для этого мой взвод и еще пехотную роту, которой командовал старший лейтенант Болотов из Свердловска. Сосредоточились с вечера. Нацелили артиллеристов, подтянули минометную батарею. Немцы били за болотцем, на расстоянии метров, наверное, ста пятидесяти.

[1] Личное дело А.Н. Яковлева // Архив ИМЭМО РАН.

И вдруг ранним утром от земли стал отрываться туман. А когда он поднимается, то между землей и туманом образуется прозрачное пространство, видно все, каждую травинку, каждую кочку. Мы сказали координатору этой операции — майору (накануне вечером он был пьян в стельку), что надо сейчас атаковать, немедленно начинать артиллерийскую подготовку, иначе хана. Он обложил нас матом, сказал, что будет действовать так, как было утверждено, а вы пойдете в атаку тогда, когда будет приказано. Мы уже выпили свои двести граммов и начали в его же духе "аргументировать". Все было напрасно...

По плану началась артиллерийская подготовка, минометы, два орудия прямой наводки. Пошли в атаку. Больше половины людей погибло. Меня тяжело ранило. Получил четыре пули. Три в ногу, с раздроблением кости, одну в грудь, прошла рядом с сердцем. Два осколка до сих пор — в легких и в ноге. Врачи говорят — закапсулировались.

Вытащили меня...

В полевом госпитале я подписал согласие на вылущивание кости тазобедренного сустава левой ноги, поскольку у меня началась гангрена, нога посинела, кожа хрустела. <...>

Ногу мне спас руководитель медицинской комиссии, посетившей госпиталь как раз в момент, когда я был уже на операционном столе. Хорошо помню этот эпизод. В операционную — большую такую, из брезента — входят человек пятнадцать в белых халатах, идут от стола к столу. Дошла и до меня очередь. Старший стал смотреть мою историю болезни. "Сколько лет?" — спрашивает. "Девятнадцать", — отвечаю. Говорит: "Танцевать надо". И стал о чем-то шептаться с врачами. Я вижу, ему начали лить воду на руки. Мне на нос накинули марлю. Я начал считать, досчитал до двадцати шести и больше ничего не помню.

Проснувшись утром, первым делом решил взглянуть на ногу, посмотреть, что там осталось. Но с удивлением увидел большой палец левой ноги, торчащий из гипса. Палец бледный, скорее желтый, но уже не синий. Через какое-то время входит оперировавший меня доктор. Подошел ко мне, взялся за большой палец, подергал. "Больно?" — "Нет", — говорю. — "Танцевать будешь".

И пошел к другим больным. Так я остался с ногой, спасибо ему. Великий для меня доктор, армянин по национальности, оказывается, сделал мне так называемые лампасы, у меня до сих пор следы этих разрезов — большие, продольные. <...>

Закончилась моя фронтовая жизнь. Тогда мы знали, за что воевали, кричали "За Родину!", "За Сталина!", не отдавая отчета, почему за Сталина. За Родину — понятно, а почему за Сталина? Я уже писал, что ненавижу любую войну, дал себе слово не стрелять сорок лет. Видимо, считал, что дольше не проживу. И сейчас отчетливее всего я помню не фронтовые выпивки, которых было много, не стрельбу, не гул над землей, а мертвые ребята, которые остались навеки там, в болотах, очень часто по дурости и глупости командиров. У мертвых крепкая память. Простят ли?»[1]

---

[1] *Яковлев Александр.* Омут памяти... С. 43—53. Последнему эпизоду из недолгой боевой биографии лейтенанта Яковлева посвятили тогда свои публикации две фронтовые газеты — «Красный Балтийский флот» и «Красный флот».

Весной 1943 г. двадцатилетний инвалид войны возвращается в Ярославль, к родителям[1]. Он решает получить высшее образование, хотя более конкретных планов у него пока еще не было. Сначала Яковлев намеревался поступить в Горьковский кораблестроительный институт, но получил отказ из-за инвалидности. По той же причине у него не приняли документы в только что образованный МГИМО, где Яковлев, поступи он туда, мог бы уже тогда встретиться с такими же, как он, фронтовиками — Г.А. Арбатовым, Н.Н. Иноземцевым или Д.Г. Томашевским.

Как инвалида войны его без экзаменов приняли в Ярославский медицинский институт, но, поколебавшись, Яковлев передумал и забрал оттуда документы. «В последний день перед занятиями, — вспоминает он, — пошел в Ярославский педагогический институт. Хотел на филологический факультет, но меня пригласил замдиректора института Магарик и сказал: "Нет, ты фронтовик, давай иди на исторический". Мне и тут было все равно, по душевному влечению мне больше хотелось на филологический»[2].

Из автобиографии А.Н. Яковлева:

> «Осенью 1943 г. поступил в Ярославский пединститут им. Ушинского[3], в котором очно проучился до 1945 г. В 1945 г. был направлен в ВПШ при ЦК КПСС. В 1946 г. сдал госэкзамены в Ярославском пединституте им. Ушинского по историческому факультету. По возвращении из ВПШ при ЦК КПСС в 1946 г. в течение двух лет работал инструктором отдела пропаганды и агитации Ярославского обкома КПСС, а затем — до 1950 г. — членом редколлегии областной газеты "Северный рабочий". В 1950 г. был утвержден зам. зав. отделом пропаганды и агитации Ярославского обкома КПСС, а в следующем — зав. отделом школ и вузов того же обкома партии»[4].

Из его автобиографии видно, что вчерашний фронтовик всего за семь лет сделал стремительную карьеру — от студента первокурсника до заведующего отделом Ярославского обкома партии[5]. В возрасте двадцати семи лет Яковлев вошел в узкий круг областной номенклатуры, а в тридцать был приглашен в Москву на работу в аппарат ЦК КПСС. Можно с полной уверенностью сказать, что столь быстрым взлетом он был обязан исключительно личным способностям, трудолюбию и, конечно же, честолюбию. Одним словом, типичный пример self-made man, как сказали бы американцы. У него не было ни именитых родственников, ни влиятельных покровителей на Старой площади.

---

[1] Его участие в войне было отмечено орденом Красной Звезды и двумя медалями — «За оборону Ленинграда» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.». В 1985 г. боевые награды Яковлева пополнились орденом Отечественной войны 1-й степени, дававшимся тем фронтовикам, которые получили ранение в боях.

[2] *Яковлев Александр.* Омут памяти... С. 55.

[3] С самого начала учебы Яковлев был в числе лучших студентов. Уже на втором курсе он стал Сталинским стипендиатом, что поправило его личный бюджет, формировавшийся до того лишь за счет небольшой пенсии по инвалидности.

[4] Личное дело А.Н. Яковлева // Архив ИМЭМО РАН.

[5] В октябре 1944 г., на втором курсе пединститута, Александр Яковлев стал членом ВКП(б).

Отличительной чертой характера Яковлева, помимо трех вышеперечисленных, была устойчивая тяга к знаниям. Для партработника, каким он стал в двадцать с небольшим лет, самая прямая дорога к знаниям и, соответственно, к дальнейшей карьере проходила через Академию общественных наук при ЦК КПСС (АОН), где гарантированно можно было получить ученую степень по истории (преимущественно — истории КПСС), философии (разумеется, марксистско-ленинской) или экономике (конечно, политэкономии капитализма или социализма).

Из автобиографии А.Н. Яковлева:

> «С марта 1953 г. по 1956 г. работал инструктором ЦК КПСС — в отделе школ; в отделе науки и вузов. В течение 3,5 лет учился в аспирантуре АОН при ЦК КПСС. В 1960 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему "Критика американской буржуазной литературы по вопросу внешней политики США 1953—1957 гг."»[1]

Для специализации в АОН Яковлев избрал не кафедру истории КПСС, как большинство его коллег-аспирантов, а кафедру истории международного коммунистического и рабочего движения, что, помимо прочего, предполагало изучение иностранного языка и одной из зарубежных стран. Объектом диссертационного исследования аспирант Яковлев выбрал внешнюю политику США середины 50-х гг., а точнее — «буржуазную» историографию американской внешней политики того периода.

В своей краткой автобиографии он ничего не сообщает о том, что в 1958—1959 гг. проходил стажировку в Колумбийском университете в США. Довольно скупо Яковлев написал об этом и в позднейших воспоминаниях. Этот пробел в какой-то степени восполняется свидетельством другого стажера, бывшего генерала КГБ О.Д. Калугина, а в то время старшего лейтенанта советской внешней разведки.

В начальный период хрущевской оттепели между СССР и США была достигнута договоренность об обмене студентами-стажерами. В числе этих первых советских стажеров, направленных в Соединенные Штаты, был и аспирант Яковлев, писавший диссертацию по американской внешней политике. Он был командирован в Колумбийский университет в Нью-Йорк. Вместе с ним туда же под видом студентов были отправлены два молодых сотрудника КГБ (одним из них был 24-летний Калугин) и один сотрудник ГРУ — всего четыре человека. Все они проходили стажировку на факультете журналистики. Любопытно, что деканом на этом факультете в то время был профессор Эдвард Баррет, один из бывших руководителей Управления стратегических служб, предшественника ЦРУ.

> «Хотя нас, советских, в университете было всего четверо, каждый из нас жил своей жизнью и своими проблемами, — вспоминает Калугин. — Встречались мы почти ежедневно, обменивались впечатлениями, иногда спорили.

---

[1] *Яковлев Александр.* Омут памяти... С. 55.

Александр Яковлев, старший из нас по возрасту, пользовался авторитетом как ветеран войны и работник ЦК КПСС, но не более. Его взгляды на американскую действительность отражали официальную, жесткую точку зрения, и они, кажется, совпадали с его личным негативным мнением об американском образе жизни. Мы тоже не были либералами, но проявляли гораздо большую гибкость в суждениях, не желая с ходу отталкивать собеседников своей кондовостью»[1].

С учетом последующей биографии будущего «архитектора перестройки», порвавшего в конечном счете с коммунистическим режимом, представляется важным проследить эволюцию его политических взглядов, обозначить те рубежи, которые повлияли на эту эволюцию. «Что же касается убеждений, то с ними обстояло дело куда сложнее, чем хотелось бы надеяться моим оппонентам», — пишет он в своих воспоминаниях[2].

Долгое время член КПСС с 1944 г. Александр Яковлев был правоверным коммунистом. Первая трещина в его умонастроениях, как и у многих других мыслящих людей, возникла после закрытого доклада Н.С. Хрущева на XX съезде партии. С одной стороны, доклад Хрущева о преступлениях Сталина стал для Яковлева тяжелым ударом, а с другой — вселил надежду на возможность обновления и оздоровления партии, государства и общества.

Из воспоминаний А.Н. Яковлева:

«Каким я был тогда? Молод, еще верил в марксистско-ленинское учение, в социализм, прошел с этой верой Отечественную войну. Страстно надеялся и на обещанное пришествие земного рая. Только со временем я понял, насколько оглупляла и ослепляла завороженность сказочным будущим. Конечно, у меня, как и у многих других, уже шевелились в голове какие-то смутные сомнения, неудобные вопросы, но я уговаривал себя, что эти проблемы не столь уж и важны. Они уходили в сторону, поскольку вера в "величие" задуманного партией, благоговение перед "мудрецами Кремля", которые лучше других знают, что надо делать, верховодили в моем сознании, оттесняя всякие посторонние мысли. По точному определению Лешека Колаковского, все мы жили "в двух мирах". Я уже ощущал щемящую пустоту в душе, но к серьезным выводам, а тем более — к поступкам, еще не был готов. <...>

Все последующие месяцы я пытался разобраться в самом себе, в своих метаниях. Прежде всего хотел понять, почему слова Хрущева произвели на меня столь тяжкое впечатление? Что сыграло тут решающую роль? Может быть, падение на грешную землю звезды великой веры. Может быть, провинциальная наивность в убеждениях. Может быть, оскорбленное чувство ограбленной души. Может быть, еще что-то, таинственное, непознаваемое, скрытое от самого себя... <...>

В ЦК работать расхотелось. Искал выход. И нашел его. Скорее интуицией, чем разумом. Понял необходимость переучиться, заново прочитать все, что я читал прежде, вернуться к первоисточникам марксизма»[3].

---

[1] *Калугин Олег.* Указ. соч. С. 69.

[2] *Яковлев Александр.* Омут памяти... С. 308.

[3] Там же. С. 177—179.

С этой целью Яковлев поступил в аспирантуру АОН при ЦК КПСС. Трудно сказать, какие последствия для развития его политических взглядов имело углубленное знакомство с «первоисточниками марксизма». Сам он ничего об этом не говорит. Можно лишь предположить, что, как и другие тогдашние искатели истины, содержавшейся, как им казалось, в сочинениях Маркса и Ленина, Яковлев нередко наталкивался на несоответствие советской реальности марксистским теоретическим постулатам. Правда, в отличие от тех, кто еще в 60-е гг. осознал марксизм-ленинизм как антиутопию и встал на путь диссидентства, Яковлев продолжал оставаться «в лоне» этой новой религии, став даже одним из ее жрецов. А свои нараставшие сомнения он до поры старался держать при себе.

Определенное влияние на взгляды перспективного партийного функционера оказала годовая стажировка в США, где он имел возможность непосредственно и близко познакомиться с реалиями «общества потребления», которые, надо сказать, особенно его не впечатлили, в отличие от некоторых других советских стажеров. Сказывалась устойчивая идеологическая прививка, которую он получил, работая в партаппарате.

Из воспоминаний А.Н. Яковлева:

> «...Я поехал в США после XX съезда относительно молодым человеком с крайне противоречивым сознанием, в котором уже вили свое гнездо идеи свободы человека. Но вернулся я совсем не демократом. Почему же? Два обстоятельства сыграли здесь свою роль.
>
> Первое: примитивизм пропаганды против Советского Союза. Я помню, например, фильм, в котором рассказывалось, что вход через главные ворота Парка культуры и отдыха имени Горького в Москве разрешен только начальникам, а рабочие и крестьяне могут входить только через калитку со стороны Нескучного сада, там, где с собаками гуляют.
>
> Другое обстоятельство заключалось в той правде о моей стране, которая передавалась и печаталась, правде о тех отрицательных сторонах жизни, о которых я и сам знал. Но читать и слушать все это от других было невыносимо больно. Чувство обиды за свою страну и неистребимая уверенность, что мы сами, без чьей-либо помощи выберемся из тупиков, психологически обращали иногда мой гнев не на источник бед, а на гонцов, приносящих вести.
>
> Но не только правда ранила. Я по своему опыту знал, что ложь — неотъемлемая черта советской пропаганды. Это вопрос выживания системы. Но когда ложь шла от заморской информации, неизбежно возникали сомнения в справедливости их претензий на подлинную демократию.
>
> Иными словами, процесс отрицаний и утверждений, прозрений и заблуждений, сомнений и надежд шел в моем сознании очень сложно, далеко не по прямой дороге»[1].

И все же стажировка в Колумбийском университете не прошла бесследно для сознания «бойца идеологического фронта», каким был Яковлев. Он воочию, а не только под влиянием хрущевского лозунга, убедился в жиз-

[1] *Яковлев Александр.* Омут памяти... С. 308.

ненной необходимости мирного сосуществования и развития диалога между СССР и США.

Перед окончанием годовой стажировки советским стажерам было предложено принимающей стороной поделиться своими впечатлениями о пребывании в США на страницах американской печати. Вот что написал на эту тему Александр Яковлев:

> «Это был блестящий пример международного сотрудничества...
>
> У меня не хватало времени, чтобы оценить по достоинству красоту американских девушек, потому что я отдавал все время книгам, но одно я теперь знаю точно: американский и советский народы могут жить вместе в мире. Я не был убежден в этом до приезда сюда»[1].

В завершение стажировки Межуниверситетский комитет организовал для «студентов» из СССР трехнедельную поездку по стране с посещением Филадельфии, Чикаго, Мэдисона, Берлингтона, Де-Мойна, Нового Орлеана и Вашингтона. «Хозяева хотели, чтобы мы увидели Америку разную, и мы увидели ее, — вспоминает О.Д. Калугин. Громады небоскребов вдоль озера Мичиган и скульптуры Родена в Пенсильвании, степи Айовы и узенькие испанские улочки на Миссисипи. И везде мы встречали радушное гостеприимство, и везде, даже в самых отдаленных селениях, на фермах, мы видели достаток, городской комфорт, прекрасные дороги»[2].

Вряд ли Александр Яковлев вернулся из Америки другим человеком. Тем более он не стал там «агентом влияния», как утверждал впоследствии шеф КГБ Крючков. Очевидно лишь то, что стажировка в Колумбийском университете существенно расширила представления Яковлева о США и, возможно, побудила его пересмотреть некоторые архаичные стереотипы в оценке современного капитализма. В остальном же он оставался «идеологически выдержанным», как писали тогда в характеристиках, членом КПСС.

Через год по возвращении из США Яковлев завершил кандидатскую диссертацию и после ее защиты вернулся в аппарат ЦК КПСС, где продолжал успешно преодолевать ступени карьерной лестницы.

Из автобиографии А.Н. Яковлева:

> «С 1960 по 1973 год вновь работал в аппарате ЦК КПСС — поочередно инструктором, зав. сектором, первым заместителем зав. отделом пропаганды ЦК КПСС, в течение последних четырех лет исполнял обязанности заведующего этим отделом. Одновременно (с 1966 по 1973 гг.) входил в состав редколлегии журнала "Коммунист". В 1967 г. защитил докторскую диссертацию на тему "Политическая наука США и основные внешнеполитические доктрины американского империализма (критический анализ

---

[1] Цит. по: *Калугин Олег.* Указ. соч. С. 71.

[2] Там же.

послевоенной политической литературы по проблемам войны, мира и международных отношений 1945 – 1966 гг.)"»[1]

По всей видимости, почти полтора десятка лет работы в Отделе пропаганды ЦК стали серьезным испытанием для умонастроений Яковлева. С одной стороны, сам характер его работы во главе этого отдела предполагал непосредственное участие в идеологической борьбе «с врагами социализма», в том числе и с внутренними. В фонде Отдела пропаганды в Российском государственном архиве новейшей истории — РГАНИ (бывший Центральный партийный архив ЦК КПСС) сохранилось немало документов за подписью А.Н. Яковлева, дававшего ориентировку средствам массовой информации по дискредитации А.И. Солженицына, академика А.Д. Сахарова и других лидеров диссидентского и правозащитного движений. Сейчас уже трудно сказать, с какой степенью убежденности и искренности действовал на этом направлении Яковлев. Более тверд и последователен он был в обличении американского империализма на страницах своих книг и брошюр, отмеченных, скорее, духом партийной публицистики, нежели научного анализа[2].

С другой стороны, там, где это было возможно, Яковлев старался делать что-то полезное не только для правящей партии, но и для общества. Так, в августе 1964 г. по его инициативе была создана музыкально-информационная радиостанция «Маяк», которая сразу же приобрела широчайшую популярность среди миллионов радиослушателей — настолько она была не похожа на все, что советские люди привыкли слышать в радиоэфире. Любопытно, что радиостанция «Маяк» была создана под предлогом заглушки «вражьих голосов». Именно этим Яковлев обосновал свою инициативу в ЦК и не ошибся. Его идея была одобрена.

А в 1968 г. и.о. завотделом пропаганды ЦК КПСС А.Н. Яковлев внес предложение издать на русском и иностранных языках воспоминания опального со времен Хрущева маршала Г.К. Жукова. Это свое предложение Яковлев благоразумно мотивировал намерением опередить нежелательную для престижа СССР публикацию мемуаров Жукова за границей. Инициатива Яковлева с пониманием была воспринята в Секретариате и Политбюро ЦК, хотя не обошлось и без проблем. Так или иначе, но «Воспоминания и размышления» прославленного маршала успели выйти еще при его жизни.

«Честно говоря, — пишет Яковлев, — я не ожидал, что Георгий Константинович вспомнит обо мне. Но однажды получил его книгу с дарственными строками.

"Уважаемый Александр Николаевич! Выражаю Вам свою признательность за поддержку, оказанную книге 'Воспоминания и размышления'.

---

[1] Личное дело А.Н. Яковлева // Архив ИМЭМО РАН. Кстати, свою докторскую диссертацию А.Н. Яковлев защищал в ИМЭМО АН СССР, где у него были давние связи с Н.Н. Иноземцевым и с институтскими американистами.

[2] См.: *Яковлев А.Н.* Идейная нищета апологетов «холодной войны». М., 1961; *Он же.* Призыв убивать. М., 1965; *Он же.* Идеология американской империи. М., 1967; *Он же.* Рах-Американа. М., 1969.

Надеюсь, она послужит патриотическому воспитанию нашей молодежи. Март 1969 г. Г. Жуков".

Он прислал мне свой фотопортрет с надписью из добрых слов»[1].

Спустя два года А.Н. Яковлев обратился в ЦК КПСС с предложением отметить предстоящее 75-летие маршала Г.К. Жукова серией газетных и журнальных публикаций, что и было осуществлено. В скором времени «маршал Победы» ушел из жизни, успев перед смертью увидеть, что не забыт окончательно у себя на родине. И в этом была немалая заслуга фронтовика Яковлева.

Забегая вперед, следует сказать и еще об одном эпизоде. Когда в мае 1985 г., в сорокалетнюю годовщину Победы, тысячи ветеранов получили орден Отечественной войны, никто из них не знал, что эта идея была подсказана М.С. Горбачеву Александром Николаевичем Яковлевым, всегда чтившим память о войне и ее участниках[2].

В своих воспоминаниях Яковлев говорит о том тягостном впечатлении, какое на него произвели советские военные интервенции в Венгрии (1956 г.) и Чехословакии (1969 г.), положившие конец попыткам обновления социализма. «После Будапешта и Праги я понял, — пишет он, — что Содружество является химерой, не имеет перспективы. Горестно было сознавать, что КПСС снова решила силой отстаивать принципы старого миропонимания.

Мы и после Венгрии ничему не научились. К тому же, если посмотреть на программу Дубчека сегодняшними глазами, она была достаточно умеренной даже для своего времени. В его предложениях не содержалось ничего такого, что мешало бы Чехословакии быть нашим союзником, абсолютно ничего. Может быть, советских вождей напугало положение об альтернативных выборах. Не прошло мимо моего сознания и то обстоятельство, что "здоровые силы" в партии, как их называли, то есть поддерживавшие КПСС, оказались в изоляции и продемонстрировали полную беспомощность»[3].

Конец 60-х — начало 70-х гг. стали для Яковлева временем разочарования и утраты надежд на обновление партии, появившихся после XX съезда.

Из воспоминаний А.Н. Яковлева:

«Мое восприятие XX съезда было очень серьезным. Но годы шли, и общая атмосфера в аппарате делалась все более затхлой. Решения XX съезда никто не отменял и не пересматривал, но все это было настолько забыто, что невольно возникал знаменитый вопрос: а был ли мальчик? О десталинизации и речи не было. Много раз я становился свидетелем того, как мои друзья и коллеги по подготовке разных документов для Бреж-

---

[1] *Яковлев Александр.* Омут памяти... С. 200.

[2] Орденом Отечественной войны 2-й степени были тогда награждены все участники боевых действий 1941 — 1945 гг. Те же, кто получил на фронте одно или несколько ранений, были удостоены ордена Отечественной войны 1-й степени. В их числе оказался и А.Н. Яковлев.

[3] *Яковлев Александр.* Омут памяти... С. 281.

нева (Николай Иноземцев, Георгий Арбатов, Александр Бовин, Николай Шишлин, Вадим Загладин) всячески изощрялись, чтобы ввести в общую ткань словосочетаний и штампов нечто новое, какие-то свежие понятия, по крайней мере новые слова. Жила наивная надежда, что все эти «хитрости» помогут просвещению «вождей». Увы, подобные попытки, как правило, проваливались, оставаясь лишь поводом для печальных воздыханий во время вечерних "чаепитий" в Завидове»[1].

Тем не менее, нараставший в нем пессимизм Яковлев, как и его коллеги-единомышленники, держал при себе. «Я аккуратно и дисциплинированно выполнял свою рутинную работу, подписывал всякие записки, проводил разные собрания и совещания», — признается он[2].

В апреле 1973 г. в безоблачной до того карьере преуспевающего партаппаратчика Яковлева[3] произошел неожиданный сбой. Он был снят с должности и.о. завотделом пропаганды ЦК и отправлен в почетную дипломатическую ссылку в Канаду в качестве посла СССР.

Как полагал сам Яковлев, да и многие другие, причиной опалы стала его статья «Против историзма», опубликованная 15 ноября 1972 г. в «Литературной газете». Как впоследствии объяснял Яковлев, цель этой статьи состояла в том, чтобы «в острой форме предупредить общество о нарастающей опасности великодержавного шовинизма, местного национализма и антисемитизма», некоторые признаки которого проявляются в современной советской художественной литературе[4].

Из воспоминаний А.Н. Яковлева:

«В ней [в статье] я публично определил свои позиции в остром общественном споре на страницах журналов "Новый мир", "Октябрь" и "Молодая гвардия". Показал эту статью академику Иноземцеву, консультанту Отдела культуры ЦК Черноуцану, главному редактору "Комсомолки" Панкину. Все они весьма одобрительно отнеслись к статье. Дал ее почитать и Демичеву[5]. В своей обычной манере он выразил сомнение относительно публикации, но по содержанию статьи замечаний не высказал. <...>

Главный редактор "Литературки" проницательный Александр Чаковский спросил меня:

— А ты знаешь, что тебя снимут с работы за эту статью?

— Не знаю, но не исключаю.<...>

Меня обсуждали на Секретариате ЦК. Обсуждали как-то стыдливо, без ярлыков — я ведь участвовал в подготовке разных докладов почти для всех секретарей ЦК. А Борис Пономарев вообще ушел с заседания...

---

[1] Там же. С. 253—254.

[2] Там же. С. 309.

[3] В 1971 г. на XXIV съезде А.Н. Яковлев был избран в Центральную ревизионную комиссию КПСС, один из высших руководящих органов партии. Членом ЦРК он оставался до 1976 г.

[4] *Яковлев Александр.* Омут памяти... С. 272.

[5] Петр Нилович Демичев — в описываемое время кандидат в члены Политбюро, Секретарь ЦК КПСС (1961—1974 гг.), отвечавший за идеологию, непосредственный начальник А.Н. Яковлева.

Незадолго до этого у меня была встреча с Брежневым. Может быть, и верно, что не собирались делать оргвыводов. Бог их знает. Сразу же после Секретариата я зашел к Демичеву. Повел я себя агрессивно. В ходе разговора о житье-бытье сказал, что, видимо, наступила пора уходить из аппарата. Демичев почему-то обрадовался такому повороту разговора. Как будто ждал.

— А ты не согласился бы пойти директором Московского пединститута?

Я ответил, что нет.

— Тогда чего бы ты хотел?

— Я бы поехал в одну из англоязычных стран, например в Канаду.

Демичев промолчал, а я не считал этот разговор официальным. Утром лег в больницу. И буквально дня через два получил решение о назначении послом в Канаду. Возможно, Демичев подстраивался к чьему-то настроению, изобразив дело так, что я сам захотел уйти из ЦК.

Кстати, посол в Канаде Мирошниченко был уже в аэропорту, возвращаясь к месту работы после отпуска, когда было принято решение о его освобождении. Его вернули назад. Он долго сокрушался по этому поводу.<...>

Андрей Громыко перед моим отъездом пригласил меня к себе и дал только один совет: "Учите язык, лучше всего слушайте по телевидению религиозные проповеди. Они идут на хорошем, внятном английском языке". В тот же день зашел к Василию Кузнецову — первому заму министра. "Я знаю, — сказал он, — ты расстроен. Это зря. Со мной была такая же история. Мне сообщили, что я освобожден от работы председателя ВЦСПС и назначен послом в Китай, когда я был на трибуне мавзолея во время праздничной демонстрации"»[1].

Существует и другая версия опалы Яковлева. Она принадлежит тогдашнему заместителю заведующего Международным отделом ЦК КПСС А.С. Черняеву. Начиная с 1972 г., он вел дневник, куда регулярно записывал все, чему был свидетелем на службе и вне ее. По этой версии, Яковлев был снят с занимаемой должности вовсе не из-за статьи в «Литературной газете», а потому, что как руководитель пропаганды, недостаточно активно раскрывал роль и значение «первого лица», т.е. Л.И. Брежнева.

Из Дневника А.С. Черняева:

Запись от 7 апреля 1973 г.

«Яковлева, говорят, уже назначили послом в Канаду. Москва еще ничего не знает. Сам Яковлев — в больнице. Хлипкий народец пошел!» <...>

Запись от 10 апреля 1973 г.

«Еще о Яковлеве. Говорят, что вовсе и не статья в "Литературке" — причина. Так... повод. Главное, что "неправильно" обеспечивал "подачу" руководства в нашей пропаганде. Недостаточно развивал эту тему, даже сдерживал!..»<...>

---

[1] *Яковлев Александр.* Омут памяти... С. 272—274.

Запись от 7 мая 1973 г.

«Забегал Брутенц[1], рассказал со слов Гаврилова (помощник Демичева) следующее: Яковлева сняли по прямому указанию Брежнева, который после Секретариата, где постановили не снимать (за статью), вызвал к себе "химика" (так с подачи Любимова величали в Москве Демичева, имея в виду его лживость и интриганство ("химичить"), но одновременно это прозвище было насмешкой над тем, что идеологией руководит инженер-химик, каковым он был по вузовской специальности. — Прим. автора Дневника) и жучил его в течение часа. Тот пришел красно-белый и весь день потом никого к себе не пускал. На другой день подготовил "выписку" о назначении Яковлева послом в Канаду. Гаврилов комментирует это так: Демичева этим делом специально подставили — чтоб своими руками снял. Причина, по словам Гаврилова, — в нежелании Яковлева понять, что от него хотели, а хотели от него "концентрации пропаганды на одном лице". Его-де пытались "приручать", "обласкивать", а он, якобы при молчаливой поддержке "химика" (очень сомнительно!) делал вид, что не понимает. На него жаловался Замятин, что, мол, "зажимает", т.е. не дает развернуть славословие. То же самое делал не раз Удальцов (АПН). (А я-то их чуть ли не каждое воскресенье в Успенке в обнимку видел с Яковлевым!) Демичев, по словам Гаврилова, в изоляции. Он — нуль для всех остальных в руководстве. Характерно, что в течение полутора лет не утверждают ни одно из его представлений на более или менее ответственные посты в идеологическом аппарате. Это-де верный признак, что ему «осталось недолго»[2].

Трудно утверждать, какая из двух версий больше соответствует действительности, да это и не имеет принципиального значения. Обе они сходятся в главном — Яковлев стал неугоден в качестве руководителя советской пропаганды, но «наверху» посчитали нужным сохранить его в номенклатурной «обойме», хотя и с понижением статуса.

Последующие десять лет в жизни Александра Николаевича были связаны с работой в качестве Чрезвычайного и Полномочного посла СССР в Канаде. Он достаточно подробно описал в своих воспоминаниях этот период, разделив его на два этапа. «Первые пять лет в Канаде прошли с пользой. Но вторая половина была скучной и рутинной. Скрасить ее было нечем, кроме рыбалки, которая в Канаде превосходна[3]».

Яковлев признается, что на первых порах ему было трудно. Дипломатическая работа имела мало общего с пропагандой, которой до назначения послом ему пришлось заниматься более двух десятилетий. «Помогали, — вспоминает Яковлев, — некоторые из моих бывших подчиненных, как, скажем, Борис Стукалин. Живо откликался на мои просьбы Георгий Арбатов, старался сделать все, что мог. И многие другие. В первые месяцы всяких переживаний меня особенно успокаивало то, что большинство товарищей, которых я считал друзьями, оказались действительно друзьями. Во время

---

[1] К.Н. Брутенц — заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС. — *П.Ч.*

[2] *Черняев А.* Совместный исход. Дневник двух эпох 1972 — 1991 годы. М., 2008. С. 22, 28 — 29.

[3] *Яковлев Александр.* Омут памяти... С. 302.

моих отпусков они не боялись встречаться со мной, в том числе и работники ЦК, хотя понимали, что для них могут быть и осложнения.

Мне хочется назвать эти имена. Георгий Арбатов, Наиль Биккенин, Валентин Зорин, Игорь Черноуцан, Константин Зародов, Альберт Беляев, Николай Шишлин, Сергей Лапин, Борис Панкин, Марк Михайлов, Леонид Замятин, Григорий Бакланов, Борис Стукалин, Виталий Игнатенко и многие другие»[1].

Десять лет в Канаде стали еще одним поворотным моментом в эволюции мировоззрения будущего «архитектора перестройки», получившего возможность глубоко и всесторонне изучить общественно-политическую систему, которую под его руководством старательно обличали штатные и внештатные партийные пропагандисты и публицисты.

Из воспоминаний А.Н. Яковлева:

> «Я проработал в Канаде десять лет, мне не раз приходилось стыдиться за многое, что творилось у нас во внешней политике. Почти каждый год приходилось объясняться по поводу тех, кого вышвыривали из страны за инакомыслие, за "антисоветскую пропаганду". И, потупив глаза, откровенно врать или переводить разговор на другую тему. <...>
>
> ...Десять лет моей жизни отдано Канаде. Это большой срок, а за рубежом он кажется еще длиннее. Но я имел одну бесценную привилегию в этом достаточно спокойном положении — время думать. <...>
>
> Внимательно изучал канадскую жизнь — очень простую, прагматичную, пронизанную здравым смыслом. Почему же, думалось мне, не хотим сбросить с себя оковы догм. Инструкции из Москвы о наступательной политике и пропаганде звучали просто смешно. Нищие учат богатых, как жить еще лучше. <...>
>
> Конечно, 11-летнее пребывание за границей прибавило определенную сумму знаний практического характера. Я своими глазами видел, насколько эффективны конкуренция, свободный рынок. Имел возможность наблюдать, как хорошо организованный труд создает богатство. Не один раз был на фермах и видел не только тяжелую работу, но и эффективность сельского хозяйства. Не могла не привлекать внимания отлаженная судебная система<...>»[2].

Заложенное в Яковлеве с юных лет настойчивое стремление к знаниям обрело в Канаде благодатную почву. Вместо (или наряду?) иссушающего мозг изучения трудов «классиков марксизма-ленинизма» и постановлений «исторических» съездов и пленумов ЦК КПСС[3] ему приходилось теперь в основном читать англоязычных авторов, встречаться со знающими и интересными людьми — политиками, дипломатами, бизнесменами, деятелями

---

[1] *Яковлев Александр.* Омут памяти... С. 290–291.

[2] Там же. С. 306–308.

[3] На своем предыдущем поприще Яковлев принимал самое активное участие в подготовке документов съездов и пленумов. Теперь ему оставалось лишь знакомиться с текущими партийными решениями и пытаться на своем посту реализовывать внешнеполитические установки руководства.

культуры — следить за ходом политического процесса в развитой капиталистической стране, наконец, изучать повседневную жизнь на Западе, с которой впервые соприкоснулся еще в конце 50-х гг. на стажировке в США.

На Старой площади о нем как будто бы забыли, а непосредственный начальник, бессменный министр иностранных дел СССР А.А. Громыко относился к Яковлеву вполне благосклонно, даже защищал от нападок недоброжелателей[1].

К числу последних можно было отнести и «товарищей» из КГБ. В отличие от подавляющего большинства своих коллег, советских послов в зарубежных странах, всегда старавшихся ладить с людьми с Лубянки, Яковлев их не жаловал, хотя и не шел сознательно на обострение отношений с ведомством Андропова. Просто посол справедливо полагал, что чрезмерная активность резидентуры КГБ в Канаде[2] способна скомпрометировать добрые отношения, сложившиеся между Москвой и Оттавой, в значительной степени благодаря его, Яковлева, дружбе с Пьером Элиотом Трюдо, легендарным канадским премьер-министром[3].

«Я знал о сдержанном отношении к нему руководства КГБ из-за нежелания Яковлева в бытность послом потакать вольностям резидентуры КГБ», — свидетельствует бывший начальник Управления внешней контрразведки Первого Главного управления (ПГУ) КГБ О.Д. Калугин[4].

Нетривиально вел себя посол Яковлев и в других вопросах. Одну из таких историй рассказал сотруднику ИМЭМО Г.И. Мачавариани знаменитый тренер сборной СССР по хоккею Анатолий Владимирович Тарасов.

Из воспоминаний Гиви Ираклиевича Мачавариани:

> «Анатолий Владимирович очень тепло отзывался о Яковлеве, от которого во время визитов в Канаду команды ЦСКА и сборной СССР всегда получал поддержку по любым вопросам. Особенно он выделил один эпи-

---

[1] Вспоминая один из своих отчетов на Коллегии МИД, где недруги пытались его дискредитировать, Яковлев пишет: «Берет слово Громыко. Начал с того, что не согласился с выступавшими. По его, Громыко, наблюдениям, посол работает активно, в посольстве нет склок, установились хорошие отношения с правительством, особенно с премьер-министром, а это он, Громыко, оценивает очень высоко. Это надо приветствовать, а не осуждать. А затем задал риторический вопрос: «Скажите мне, где еще есть у нас посол, к которому премьер-министр страны без предупреждения заезжает домой вместе с детьми и говорит: «Давайте посидим, поговорим?» // *Яковлев Александр.* Омут памяти... С. 301.

[2] Со времен громкого «дела Гузенко» (сентябрь 1945 г.), когда из-за предательства шифровальщика аппарата советского военного атташе в Оттаве была раскрыта сеть агентов-нелегалов ГРУ в США и Канаде, канадские спецслужбы проявляли повышенную бдительность, граничившую со шпиономанией. Они регулярно выявляли и высылали из страны действительных, а нередко и мнимых агентов КГБ, что осложняло отношения между двумя странами. Именно поэтому посол Яковлев неоднократно просил Андропова и Крючкова, главу внешней разведки, умерить чрезмерную активность канадской резидентуры КГБ, что вызывало раздражение на Лубянке.

[3] П.Э. Трюдо занимал пост премьер-министра Канады в 1968 — 1979 гг. и в 1980 — 1984 гг. В общей сложности он руководил правительством пятнадцать лет.

[4] *Калугин Олег.* Указ. соч. С. 287. В это время (с 1974 г.) ПГУ возглавлял В.А. Крючков, которому подчинялись все зарубежные резидентуры советской внешней разведки. Кто знает, может, уже в те годы будущий глава КГБ «заимел зуб» на строптивого посла в Оттаве, не жаловавшего чекистов?

зод. Это было перед первой встречей советских хоккеистов с канадскими профессионалами. Увидев, какая атмосфера создалась в Канаде перед этой встречей, он понял, что канадцы собираются устроить проверку "силой". Ситуация, на его взгляд, была очень опасная. Не ответишь — начисто проиграешь психологически, и в дальнейшем играть с канадцами будет просто невозможно. Ответишь — игра превратится в сплошную цепь стычек, драк и удалений. И посыпятся обвинения тренеров в том, что поддались на провокации соперников, не смогли продемонстрировать свой стиль игры и вообще произвели неподобающее высокому званию советского спортсмена впечатление. Анатолий Владимирович обратился с этим вопросом к Яковлеву. Александр Николаевич его внимательно выслушал и сказал: "Делайте все, что считаете нужным, нужно отвечать ударом на удар — отвечайте, нельзя уступать в драке — не уступайте, главное одержать в схватке моральную победу. Если будет нужно, я поддержу вас на любом уровне". Это была единственная игра, которую не показали по советскому телевидению. По словам Анатолия Владимировича, игроки полностью выполнили его установки на игру и начисто отбили у канадцев желание в дальнейшем превращать игру в побоище. После этого все игры с канадцами проходили в честной спортивной борьбе (по канадским понятиям, конечно) и больше никто не пытался устраивать такие проверки советским хоккеистам. Далеко не каждый посол поступил бы таким образом, так как невозможно было предсказать реакцию руководства страны»[1].

Один год сменял другой, пошло второе десятилетие комфортной канадской ссылки, и Александр Николаевич, возможно, уже подумывал о приближающейся отставке «с мундиром и пенсией». Однако жизнь, как известно, полна неожиданностей, причем не всегда только негативного свойства. Именно это случилось с Яковлевым, потерявшим надежду на перемены к лучшему, как в собственной судьбе, так и в судьбе своей страны. Неожиданность явилась в облике самого молодого на то время (52 года) члена Политбюро, Секретаря ЦК КПСС Михаила Сергеевича Горбачева.

Весной 1983 г. Яковлев получил задание подготовить визит в Канаду М.С. Горбачева, считавшегося выдвиженцем Андропова, тогдашнего главы партии и государства. Посол сделал все возможное и невозможное, чтобы пребывание Горбачева в Канаде (17—24 мая 1983 г.) было политически содержательным и плодотворным. Он сумел обеспечить восходящей кремлевской звезде теплый, неформальный прием со стороны своего друга, премьер-министра Трюдо, на которого Горбачев произвел самое благоприятное впечатление. Именно Трюдо отрекомендует Горбачева своей британской коллеге Маргарет Тэтчер как человека, с которым можно и нужно иметь дело.

Будущий генсек остался доволен своим визитом в Канаду. «Наш посол Яковлев подготовил поездку весьма основательно, — вспоминает Горбачев. — Да и канадская сторона, при всех ограниченных контактах, которые существовали тогда между нашими странами, придала визиту подчеркнутое значение.

[1] Запись беседы с Г.И. Мачавариани 13 июня 2012 г.

Не зря канадские газеты писали потом, что именно они "открыли Горбачева"»[1]. Эта поездка станет для него своеобразной репетицией перед серией предстоявших в недалеком будущем встреч с лидерами ведущих стран Запада.

Визит Горбачева в Канаду имел прямые последствия и для Яковлева. На будущего Генерального секретаря произвела большое впечатление незаурядная личность бывшего руководителя Агитпропа, оказавшегося, вопреки ожиданиям, человеком современным, думающим, полным интересных идей.

Как вспоминает Александр Николаевич, на третий или четвертый день горбачевского визита в Канаду, когда они с Михаилом Сергеевичем оказались за пределами стен посольского здания, между ними завязалась беседа о положении в стране.

Горбачева будто прорвало, вспоминает Яковлев. В крайне эмоциональной форме он обрисовал тяжелое, едва ли не катастрофическое, положение советской экономики, упирая на нежелание своих коллег по Политбюро искать пути по преодолению застоя.

Со своей стороны, Яковлев, отвечая на неожиданную откровенность высокого гостя, тоже не стал подбирать выражений в критике внешней политики СССР, подрывающей международную стабильность и создающей угрозу миру. В ответ на гневные филиппики Яковлева Михаил Сергеевич согласно кивал головой. Именно тогда между ними установилось доверие и взаимопонимание.

— Наверное, надоело тебе здесь, поди, домой хочется? — обратился Горбачев к Яковлеву, завершая состоявшийся откровенный разговор.

— Давно хочу, — сразу же ответил Яковлев.

— Послушай, — продолжал Горбачев, — У нас обсуждается вопрос о кандидатуре директора ИМЭМО, есть много претендентов. А ты пошел бы на это место?

— Конечно, надоело мне здесь за десять лет.

— Как ты думаешь, Академия наук, Федосеев тебя поддержат? — спросил Горбачев.

— Мне кажется, да. С Александровым я знаком, но шапочно, а Федосеев давно и хорошо меня знает. У меня всегда были с ним нормальные отношения.

— Ну, ладно, посмотрим, — завершил Горбачев[2].

Через пару дней он улетел в Москву.

Сразу же по возвращении из Канады Горбачев принял срочные меры по «вызволению» оттуда Яковлева, который был нужен ему в Москве, где назревали большие перемены. Горбачев знал, что на одном из ближайших заседаний Секретариата ЦК должен был рассматриваться вопрос Отдела науки о вакантной должности директора ИМЭМО. Предполагалось, что эту должность займет другой человек, но неожиданное вмешательство Горбачева спутало карты Зимянина, Трапезникова и Волкова.

---

[1] *Горбачев Михаил.* Жизнь и реформы. Книга 1. М., 1995. С. 237.

[2] Запись беседы с А.Н. Яковлевым 9 февраля 2004 г.

В последних числах мая, вспоминает Яковлев, я получил телеграмму от вице-президента АН СССР П.Н. Федосеева: «Как вы отнесетесь к предложению занять должность директора ИМЭМО?». «Буквально через пять минут после получения этой телеграммы я сообщил о моем согласии», — вспоминает Яковлев[1].

Кандидатуру Яковлева, что было принципиально важно, поддержал Андропов. В бытность свою Секретарем ЦК в первой половине 60-х гг. он тесно соприкасался с Яковлевым на Старой площади.

Доброжелательно относился к Александру Николаевичу и К.У. Черненко, второе лицо в тогдашней партийной иерархии. Они были знакомы с 1960 г. и всегда были на «ты». Забегая вперед, можно отметить, что когда Черненко займет место умершего Андропова, он станет приглашать Яковлева на свои официальные встречи с высокими зарубежными гостями. Этот факт будет должным образом оценен партийной номенклатурой.

Как утверждает Вадим Алексеевич Печенев, бывший помощник К.У. Черненко, к возвращению Яковлева в Москву, со своей стороны, приложили руку А.М. Александров-Агентов, тогдашний помощник Ю.А. Андропова, и Г.А. Арбатов, директор Института США и Канады[2].

Назначение Яковлева произошло в рекордно короткий срок — всего через два дня по возвращении Горбачева из Канады. Уже 26 мая 1983 г. за подписями Президента АН СССР академика А.П. Александрова и Главного ученого секретаря Президиума АН СССР академика Г.К. Скрябина последовало постановление Президиума АН СССР «О директоре Института мировой экономики и международных отношений» следующего содержания:

> Президиум Академии наук ПОСТАНОВЛЯЕТ:
> Назначить доктора исторических наук Яковлева Александра Николаевича директором Института мировой экономики и международных отношений АН СССР с последующим утверждением Общим собранием АН СССР в соответствии с § 72 Устава АН СССР»[3].

Через несколько дней Яковлев в своем новом качестве посетил ИМЭМО, где его, как уже говорилось, знали со времени обсуждения и защиты на Ученом совете докторской диссертации в 1967 г. Однако к директорским обязанностям он приступил лишь 16 августа, после того как сдал дела своему преемнику на посту посла СССР в Канаде[4].

С его приходом в жизни ИМЭМО начинался новый, оказавшийся непродолжительным, но принципиально важным период, который можно определить как время реабилитации после потрясений, пережитых в 1981 — 1982 гг.

---

[1] Там же.

[2] *Печенев Вадим.* Горбачев: к вершинам власти. Из теоретико-мемуарных размышлений. М., 1991. С.28.

[3] Личное дело А.Н. Яковлева // Архив ИМЭМО РАН.

[4] Приказ № 642 по ИМЭМО АН СССР от 16 августа 1983 г. // Архив ИМЭМО РАН.

«Транзитный директор»

Когда Яковлев в середине августа 1983 г. приступил к своим новым обязанностям, в ИМЭМО царил «мертвый сезон». Научные сотрудники, по большей части, находились в летних отпусках. Оживленная в обычное время научная жизнь пребывала в некоем летаргическом состоянии. В работе Ученого и Диссертационных советов с начала июля был объявлен перерыв. За редким исключением не проводились заседания и обсуждения в отделах и секторах. Временное затишье позволило новому директору обстоятельно разобраться с «наследством», доставшимся ему от покойного Иноземцева. Он внимательно изучил текущий план научно-исследовательской работы и ознакомился с проектом плана на 1984 г., подготовленным под руководством В.А. Мартынова. В этой работе Яковлеву помогали остававшиеся «на хозяйстве» отдельные представители Дирекции. Кого-то отозвали из отпуска. Вся эта небольшая команда готовила инаугурацию нового директора, назначенную на конец сентября, когда большинство научных сотрудников должны были вернуться из отпусков.

На первом же открытом партийном собрании[1] А.Н. Яковлев был представлен научному коллективу и выступил с короткой программной речью, в которой обещал продолжать лучшие, т.е. прогрессивные институтские традиции, заложенные его предшественниками. Никто, включая искушенных прогнозистов, не мог в тот момент с уверенностью сказать, как долго продлится директорство Яковлева — пришел ли он в ИМЭМО «всерьез и надолго» или пост директора для него лишь трамплин для возвращения на Старую площадь?

Некоторое время спустя, не без участия самого Александра Николаевича, в Институте пойдут разговоры о его близости к М.С. Горбачеву и даже к самому Андропову, земляку Яковлева по Ярославлю и давнему коллеге по работе в аппарате ЦК. Для некоторых это стало сигналом к тому, что в ИМЭМО Яковлев надолго не задержится.

Надо отдать ему должное: новый директор хорошо понимал, куда он пришел, и избрал единственно правильную тактику. «Я не мог претендовать на тот уровень профессионализма, которым обладали мои предшественники, — пишет он в своих воспоминаниях. — Они всю жизнь занимались наукой, а я — урывками. Понимая это обстоятельство, решил для себя один принципиальный вопрос — не мешать людям работать, дать им оптимальную возможность для самореализации»[2]. Так оно и было в действительности. Очень быстро Яковлев увидел, кто чего стоит, и сделал ставку

---

[1] В отличие от закрытых партийных собраний, куда допускались только члены и кандидаты в члены КПСС, на открытые партсобрания в добровольно-принудительном порядке «приглашались» комсомольцы и даже беспартийные. Нередко открытые партийные собрания превращались в собрания трудового коллектива, где обсуждались текущие научно-производственные вопросы.

[2] *Яковлев Александр.* Омут памяти... С. 345—346.

на лучших профессионалов Института. Для стиля его общения с научными сотрудниками характерными были демократизм и доступность.

> «В приемной всегда был народ, слышались шутки, смех, — вспоминает Татьяна Кондратьева (Жарикова), секретарь Яковлева. — Часто у А.Н. можно было видеть В.И. Гантмана, А.И. Шапиро, Г.И. Морозова, Б.М. Болотина, М.М. Максимову, Н.А. Косолапова, я не говорю уже про В.А. Мартынова, О.Н. Быкова, И.Д. Иванова, И.Е. Гурьева. Это люди, которым чаще всего давались задания. А.Н. говорил: "Выполняйте задания, где хотите: дома, в библиотеке, на рабочем месте. Важен результат". Также здесь можно было встретить и рядовых сотрудников, которые приходили к А.Н. со своими проблемами. Нередко он принимал и моих друзей, которых хорошо знал. Часто заглядывал Я.С. Хавинсон, приезжал Е.М. Примаков. А.Н. очень ценил добросовестную работу В.И. Юдинцева[1] и уважал его как человека. Вечерами после работы иногда заезжали академики Е.П. Велихов и П.Н. Федосеев. Рабочий день у А.Н. был не нормирован»[2].

Демократизм Яковлева отмечает и д.и.н. Георгий Ильич Мирский, которого по «делу ИМЭМО» в 1982 г. сняли с поста завотделом развивающихся стран. «Ко мне он относился очень хорошо, даже не знаю почему, — вспоминает Мирский. — Это видно хотя бы из того, что он попросил меня внимательно прочесть рукопись своей книги (не помню ее названия) и "выбросить все глупости, какие Вы найдете" — это его буквальные слова. Я тут же спросил его: а Вы уверены, что я там найду глупости? Он ответил: наверняка. Я действительно сделал ряд замечаний.

Он сочувствовал мне по поводу моего «невыездного» статуса и сообщил, что у него на эту тему были разговоры с соответствующим товарищем. Но этот вопрос решился уже при следующем директоре.

Несколько раз он говорил мне, что было бы справедливо вернуть меня на должность завотдела, но "пока что, Вы понимаете, это не выйдет". Но он просил у меня совета, кого назначить на эту должность, так как Э.Е. Обминский, недолго пробывший на этом месте, решил уйти. Я рекомендовал Р.М. Авакова, и Яковлев тут же его назначил»[3].

Осмотревшись на новом месте, Яковлев решил провести в Институте частичную структурную реорганизацию. Все началось с создания Отдела аграрно-промышленного комплекса. В то время по команде сверху в советской печати развернулось активное обсуждение необходимости создания в стране современного Аграрно-промышленного комплекса (АПК), в котором увидели очередное чудодейственное средство для спасения загубленного бесконечными, зачастую варварскими и даже кровавыми, экспериментами сельского хозяйства. По всей видимости, эту дискуссию инициировал молодой энергичный член Политбюро, Секретарь ЦК КПСС

---

[1] Валентин Иванович Юдинцев — фронтовик, инвалид войны, многолетний завхоз ИМЭМО. — *П.Ч.*

[2] Запись беседы с Т. Кондратьевой (Жариковой) 27 февраля 2012 г.

[3] Запись беседы с Г.И. Мирским 23 января 2012 г.

М.С. Горбачев, считавшийся знатоком аграрных проблем. Он был одним из главных авторов Продовольственной программы СССР, рассчитанной до 1990 г. Разумеется, директор ИМЭМО Яковлев, протеже Горбачева, не мог остаться в стороне от обсуждения проблем АПК.

С давних пор в структуре ИМЭМО существовал аграрный сектор, занимавшийся изучением иностранного (прежде всего американского и западноевропейского) опыта организации и управления сельским хозяйством, исследуя рычаги и инструменты его эффективного развития. Яковлев поставил вопрос об укрупнении этого сектора, его реорганизации в отдел, нацеленный на изучение возможностей использования западного опыта ведения сельского хозяйства в СССР. Данный вопрос был поставлен на обсуждение в Дирекции ИМЭМО, состоявшееся 24 октября 1983 г. [1]

С основным докладом выступил Владимир Александрович Мартынов, руководитель аграрного сектора. Он обратил внимание на необходимость реального превращения ИМЭМО в головной и координирующий центр, который не только исследовал бы состояние и перспективы мировой продовольственной проблемы, но и разрабатывал предложения по решению продовольственной проблемы в Советском Союзе. Речь шла о том, чтобы связать в единый комплекс анализ внутренней и внешней аграрной политики СССР. Успешность выполнения этой исследовательской задачи, по мнению Мартынова, во многом зависела от усиления кадрового состава аграрного сектора, который следует реорганизовать в отдел в составе трех секторов[2].

Мартынов обосновал свое предложение тем, что из 104 сельскохозяйственных вузов, существующих в СССР, только в одном существует кафедра мирового сельского хозяйства, на которой ежегодно готовится не более пяти — шести студентов, причем в основном иностранцев. Это означает, подчеркнул Мартынов, что в стране не готовят специалистов, которые знали бы сельское хозяйство «и наше, и зарубежное, знали бы язык, их просто нет». Создание в ИМЭМО Отдела АПК с собственными аспирантами могло бы существенно изменить к лучшему неблагополучную ситуацию[3].

Докладчик представил направления конкретных исследований создаваемого Отдела и каждого из трех его секторов.

В ходе состоявшегося обсуждения его участниками были сделаны замечания и предложения по структуре и направлениям исследований Отдела АПК, в необходимости создания которого никто не усомнился. Выступивший в дискуссии д.э.н. Я.А. Певзнер обратил внимание на то, что в представленном проекте, ориентированном на макроуровень и уровень технико-экономический, недостаточное внимание уделено микроуровню, остающемуся при любом суперкомплексе крестьянского фермерского

---

[1] См. Протокол заседания Дирекции ИМЭМО АН СССР от 24 октября 1983 г. // Архив ИМЭМО РАН.

[2] Сектор структурных проблем аграрно-промышленного комплекса; Сектор анализа прогнозирования мирового продовольственного положения; Сектор конкретных экономических исследований сельскохозяйственного производства // Протокол заседания... С. 3.

[3] Там же. С. 6.

хозяйства. «Дело в том, — подчеркнул Певзнер, — что здесь будет требоваться специальное, целенаправленное исследование, потому что многое переменилось, взаимоотношения собственности и техники теперь иные, чем ряд десятилетий назад, когда подвергалась критике известная теория мелкого хозяйства». Певзнер призвал к более внимательному изучению опыта фермерского хозяйства на Западе, не ограничиваясь исследованием опыта крупных агропромышленных комплексов[1].

Другой участник дискуссии, д.э.н. Э.Е. Обминский обратил внимание на необходимость изучения сельского хозяйства не только ведущих государств Запада, но и развивающихся стран[2]. «Когда США наложили эмбарго, кто нас выручил? — напомнил Обминский. — Аргентина, Канада. На сотни миллионов рублей были закупки в Таиланде. Когда туда приехали специалисты из Института США и Канады, они были удивлены, что Таиланд что-то экспортирует. Этот вопрос нужно рассмотреть в широком аспекте, ориентируясь не только на крупных экспортеров, но и смотреть на все мировое хозяйство», — завершил свою мысль Обминский[3].

Итоги обсуждения подвел А.Н. Яковлев, поставивший задачу превратить создаваемый Отдел агропромышленного комплекса (ОАПК) в концептуальный исследовательский центр. Одновременно он отметил, что существует серьезная проблема с кадрами. «Нами предпринимались попытки, в частности мной, в отношении Министерства сельского хозяйства, ставился вопрос в Отделе сельского хозяйства ЦК. Но наши экономисты-аграрники куда-то исчезли. Нет кадров. Может быть, поставить задачу: подготовить кадры у нас. Дело, правда, медленное, долгосрочное. Если мы сейчас "заложим" молодежь в этот отдел на многие годы, может быть, что-то удастся сделать. Хотя, правда, поручения к нам идут очень часто...

Есть ответственная проблема. Как мы ее решим? Нам надо выработать какую-то концепцию. Но мы не можем повторять то, что делает ВАСХНИЛ и другие организации. Где наш прицел? На чем-то, где-то он сейчас уже ощущается. Какие-то общетеоретические проблемы, инфраструктурные проблемы. Мы не пойдем по пути анализа вопроса увеличения урожайности сои. А заглянуть в будущее, что такое мелиорация, в какой мере она необходима, не приведет ли ее развитие к каким-то нежелательным серьезным экологическим и социальным последствиям — наверное, это наша проблема. И может быть, поэтому вопрос разведения с другими организациями — очень большой вопрос... В целом мы должны одобрить идею создания такого отдела»[4].

---

[1] Протокол заседания Дирекции ИМЭМО АН СССР от 24 октября 1983 г. // Архив ИМЭМО РАН. С. 13.

[2] Об этом же говорил и основной докладчик: «По нашим исследованиям, примерно в 11 развивающихся странах урожайность зерновых уже превысила уровень Советского Союза. Многие развивающиеся страны из отстающих превращаются в крупных производителей целого ряда сельскохозяйственных продуктов». // Там же. С. 5.

[3] Там же. С. 14.

[4] Там же. С. 22 – 23.

Создание ОАПК стало первым шагом в частичной структурной реорганизации ИМЭМО. За этим последовало создание на базе Отдела экономики Западной Европы Центра западноевропейских исследований (ЦЗЕИ), на базе сектора экономики Японии — Отдела тихоокеанских исследований (ОТИ), Отдела североамериканских исследований (ОСАИ) и Отдела военно-экономических и военно-политических исследований (ОВЭВПИ)[1].

Последний был создан в результате ликвидации ранее существовавшего в закрытом режиме Отдела технико-экономических исследований (ОТЭИ), работавшего в основном на Министерство обороны СССР[2]. Вот что пишет об этом А.Н. Яковлев: «Мне удалось ликвидировать "военный отдел". Да, было и такое. Там, где он размещался, даже часовые стояли. Оказывается, Минобороны направляло туда пенсионеров, тех, которых было жалко оставлять без работы. После двух-трех бесед с руководителями этого отдела я понял, что занимаются они делом бесполезным. Пришлось преодолевать упорное сопротивление Генштаба и работников ЦК, занимавшихся военными делами»[3].

Разумеется, столь болезненная «операция» с ОТЭИ не всеми в Институте была воспринята однозначно. У Яковлева появились первые недоброжелатели. Однако подавляющее большинство сотрудников поддержали директора.

Частичной реорганизации подвергся и Отдел международных отношений, часть сотрудников которого во главе с д.и.н. А.Д. Никоновым и д.и.н. Д.М. Проэктором перешли в ОВЭВПИ.

Заново были определены основные направления исследований Отдела внешнеэкономических проблем капитализма, получившего новое название — Отдел международных экономических отношений (ОМЭИ).

> «Указанные изменения, — говорилось в справке, направленной в ЦК КПСС, — будут способствовать концентрации усилий Института на изучении ключевых проблем мирового развития...»[4]

Все эти структурные преобразования не были плодом волюнтаризма нового директора, взявшего за правило советоваться с наиболее авторитетными сотрудниками Института, с членами Ученого совета. За редким исключением проведенная реорганизация себя оправдала, хотя существуют и другие мнения на этот счет[5].

---

[1] Отчет о научной и научно-организационной деятельности ИМЭМО АН СССР в 1984 году. С. 38 // Архив ИМЭМО РАН.

[2] О реорганизации ОТЭИ см.: гл. 6. С. 297-299.

[3] *Яковлев Александр.* Омут памяти... Книга первая. С. 350.

[4] О работе ИМЭМО АН СССР в 1984 году (Справка). С. 5. // Архив ИМЭМО РАН.

[5] Критическое отношение к реорганизации, проведенной Яковлевым, высказывает, в частности, академик А.Г. Арбатов, в описываемое время — молодой заведующий Сектором проблем разоружения. «Реорганизация была абсолютно механической и бюрократической, направленной на "архитектурную" стройность, без знания людей и их способностей, — говорит он. — Мой отдельный сектор по разоружению "воткнули" в Отдел международных организаций, чтобы "не болтался". Слава Богу, вскоре Примаков его снова выделил и превратил в Отдел. Для науки эта реорга-

Из воспоминаний Николая Алексеевича Косолапова, в то время заместителя главного редактора журнала «МЭ и МО»:

> «Реорганизация, проведенная А.Н. Яковлевым, сохранена в структуре Института (естественно, с позднейшими дополнениями и изменениями). Конечно, не только она объясняет достаточно высокую прочность сегодняшних позиций Института. Но после А.Н. в ИМЭМО сменились несколько директоров. Ни один из них не стал восстанавливать "до-яковлевские" организационные структуры.
>
> Так что, видимо, та реорганизация внесла свой положительный вклад, создав институциональные возможности для разворота со временем ИМЭМО к новой проблематике. В том числе и тем, что раскрепостила тогда сознание руководителей всех уровней, показав им возможность менять формы, а не втискиваться в однажды установленные. В тогдашнем "позднем" СССР с его жесткостью бюрократических структур это была маленькая, но успешная "бюрократическая революция". Возможно, проба сил»[1].

Возглавив ИМЭМО, Яковлев, разумеется, заинтересовался прогностической деятельностью Института в области мировой экономики и политики. Эта работа велась с конца 60-х гг. С присущим ему здравым смыслом Яковлев обратил внимание на одно важное обстоятельство, которое, как ни странно, ускользало из внимания некоторых научных сотрудников. Выступая на одном из общеинститутских собраний, Яковлев, говоря о прогнозировании как о приоритетном направлении научных исследований, неожиданно обратился к аудитории с вопросом: «Скажите, а кто у нас занимается и занимается ли вообще проверкой достоверности и надежности наших прогнозов? В какой степени они оправдываются, а в какой — нет? Вы, конечно, понимаете, что это необходимо для совершенствования методики прогнозирования»[2].

Резонный вопрос директора вызвал у аудитории оживление, но в последовавших выступлениях «с мест» никто почему-то не стал развивать эту тему, хотя уже тогда институтские прогнозисты приступили к тому, о чем говорил Яковлев.

Из воспоминаний ветерана ИМЭМО Гиви Ираклиевича Мачавариани, руководителя экономического прогнозирования в Институте:

> «Придя в институт и ознакомившись с планом работ, А.Н. Яковлев, естественно, обратил внимание на прогностическое направление работы. Ознакомившись с прогнозами, он резонно задал вопрос о том, насколько оправдываются наши прогнозы. Надо сказать, что в 1981 году для Н.Н. Иноземцева мы готовили такую справку о достоверности наших прогнозов по прошествии 10 лет после разработки первого прогноза. Основные тенденции мировой экономики были определены нами верно. Что касается коли-

---

низация ровно ничего не дала и в ряде случаев была вредна» // Запись беседы с А.Г. Арбатовым 4 января 2012 г.

[1] Запись беседы с Н.А. Косолаповым 15 февраля 2012 г.

[2] Из личных воспоминаний автора.

> чественных оценок, то здесь были расхождения с реальным ходом событий. Собственно в прогнозе самое сложное — это количественная оценка основных факторов развития экономики. Мы несколько занизили темпы роста развитых стран и, напротив, переоценили возможные темпы роста развивающегося мира. И сейчас, публикуя ежегодно краткосрочные прогнозы развития мировой экономики на следующий год, мы обязательно проводим оценку достоверности предыдущего прогноза. Эта важная часть исследовательской работы, так как помогает прояснить истоки отклонений прогноза от фактического хода событий и помогает повысить качество прогноза»[1].

Так или иначе, но задача Яковлевым была поставлена, и в дальнейшем вопрос проверки достоверности социально-экономических и международно-политических прогнозов стал обязательным аспектом элементом деятельности Института.

На своем новом посту Яковлев старался использовать опыт, приобретенный в Канаде. Он, в частности, пытался поднять вопрос об экономии энергоресурсов на успешном канадском примере. «В 70-е и 80-е гг., — вспоминает Г.И. Мачавариани, — в результате роста цен на нефть в странах-импортерах огромное развитие получили энергосберегающие технологии как один из ответов, сокращающих зависимость от импорта нефти. Не меньшее значение эти технологии имели для Советского Союза, так же как и для современной России, так как Советский Союз, как и нынешняя Россия, сильно отставал от ведущих стран мира в эффективности использования энергии. А.Н. Яковлев пригласил несколько канадских компаний, наиболее продвинутых в вопросах сбережения энергии. Эти компании производили диагностическое оборудование, позволяющее определять и измерять потери энергии как в производственном секторе, так и жилищно-коммунальном хозяйстве. Соответственно предлагались меры по минимизации или ликвидации этих потерь. На основе материалов, представленных этими компаниями, сотрудниками Института были подготовлены аналитические записки, которые А.Н. Яковлев разослал в принимающие решения инстанции. То есть 30 лет назад уже предпринимались усилия, чтобы запустить в нашей стране процессы энергосбережения. С тех пор актуальность подобного рода действий неизмеримо возросла»[2].

К сожалению, эта во всех отношениях полезная для народного хозяйства инициатива директора ИМЭМО «затерялась» в лабиринтах бюрократической системы, как, впрочем, и другие такого же рода предложения.

В 1984 г. под руководством Яковлева в ИМЭМО для Госплана был подготовлен секретный доклад о перспективах развития советской экономики. «Главный его вывод сводился к следующему, — вспоминает член-корреспондент РАН Олег Николаевич Быков, тогдашний заместитель Яковлева, — если наше хозяйство и дальше будет развиваться в соответствии с нынешними установками, то в условиях продолжающейся международ-

---

[1] Запись беседы с Г.И. Мачавариани 13 июня 2012 г.

[2] Там же.

ной напряженности к последнему десятилетию XX века мы резко откатимся назад, примерно на 7-е место в мире по ВВП, и окажемся в глубоком экономическом кризисе.

Руководство Госплана раскритиковало Доклад в пух и прах, отказалось посылать его в ЦК. Никакие аргументы и факты, приводимые учеными на специальном совещании по этому вопросу, не были приняты во внимание. Доклад "застрял" в Госплане, а наша экономика, к несчастью, продолжала неумолимо сползать к обвалу»[1].

Некоторые детали состоявшегося в Госплане обсуждения доклада ИМЭМО можно найти в воспоминаниях Яковлева. Работой совещания руководил зампред Госплана Л. Воронин. «Возмущению его не было конца, — вспоминает Яковлев. — Он уговаривал нас взять записку обратно, сказал, что не может послать подобного рода документ в ЦК, что записка льет воду на чужую мельницу и т. д.

Особенно его возмутил вывод, что если советская экономика и дальше будет развиваться на тех же принципах, то где-то в последнее десятилетие XX века мы резко откатимся назад, примерно на 7-е место по ВНП, и окажемся в глубоком экономическом кризисе. Спорили долго. Записку назад мы не взяли. Куда она делась, не знаю. Видимо, затерялась в архивах Госплана. В Институте ее нет, поскольку по правилам мы могли хранить документы под грифом "Сов. секретно" только один год»[2].

К тому же 1984 г. относится и попытка ИМЭМО убедить высшее партийно-государственное руководство СССР в целесообразности создания совместных с капиталистическими странами производственных предприятий, действующих как за рубежом, так и на территории Советского Союза. Это смелое по тем временам предложение, сформулированное в записке, отправленной в Политбюро и Совет Министров СССР, обосновывалось необходимостью перевода советской экономики на интенсивный путь развития, о чем немало говорилось в директивных документах КПСС[3]. Говорилось, но практически ничего при этом не делалось. В основном все сводилось к попыткам ужесточения трудовой дисциплины (при Андропове) и введению символических материальных стимулов для предприятий и их работников.

В 11-страничной записке ИМЭМО[4] констатировались растущие трудности в развитии экономических и научно-технических связей СССР со странами Запада, что проявлялось в исчерпании возможностей роста советских экспортных фондов и, соответственно, импорта из капитали-

---

[1] Запись беседы с О.Н. Быковым 15 мая 2012 г.

[2] *Яковлев Александр.* Омут памяти... С. 352. Поиски этого документа в институтском архиве, предпринятые автором этой книги, оказались безуспешными. — *П.Ч.*

[3] Для идеологической подстраховки составители записки дополнили ее предложением создавать совместные предприятия также с социалистическими и развивающимися странами.

[4] «О создании совместных предприятий с фирмами капиталистических стран» // Архив ИМЭМО РАН. К сожалению, сохранившийся в архиве экземпляр записки не датирован, но он находится в документах за 1984 г. В своих воспоминаниях А.Н. Яковлев отмечает, что записка была подготовлена где-то в начале 1984 г. — *П.Ч.*

стических стран; в ухудшении условий получения западных кредитов; в низкой отдаче от применения закупаемых на Западе технологий, машин и оборудования для ускорения научно-технического прогресса и повышения эффективности советской экономики; в стремлении США затруднить СССР доступ к передовым достижениям мирового научно-технического прогресса.

Далее в записке обращалось внимание на рост масштабов совместного производства как на важную тенденцию современного развития мирового хозяйства и международных экономических отношений. Эта тенденция, как отмечали эксперты ИМЭМО, «обусловлена стремлением партнеров к объединению научно-технических заделов, материальных и финансовых ресурсов, управленческого опыта в целях максимального снижения издержек производства, быстрого освоения передовой технологии и новых видов продукции, расширения рынков сбыта, гарантированного получения необходимых товаров, уменьшения риска в производственной и коммерческой деятельности»[1].

Авторы записки обращали внимание высшего руководства страны на то, что к этой форме международного экономического сотрудничества с конца 70-х гг. уже приступил Китай, где для промышленной модернизации предполагается привлечь до 20 млрд долларов иностранных капиталовложений. СССР не должен отставать в этом.

По мнению экспертов ИМЭМО, создание смешанных предприятий позволило бы нашей экономике получить ряд очевидных преимуществ: обеспечить гарантированный импорт необходимых товаров, а также доступ к передовой технике и технологии; расширить экспорт советской продукции на Запад; увеличить валютные поступления за счет организации совместного производства на базе советских лицензий; расширить возможности повышения квалификации управленческого и научно-технического персонала, ознакомления с передовым опытом организации и управления промышленными предприятиями, включая формы и методы освоения передовых научно-технических достижений, производства и сбыта продукции; создать дополнительные пути обхода налогового законодательства для фирм с советским участием, уже имеющихся на их территории, и использования сэкономленных средств для увеличения советских активов за рубежом; обеспечить расширение возможностей воздействия на экономику и политику капиталистических стран — партнеров по совместным предприятиям в интересах Советского Союза, в т.ч. путем привлечения субподрядчиков из числа мелких и средних фирм, оказывающих традиционно сильное влияние на формирование правительственной политики[2].

В записке перечислялись первоначальные финансовые и технические трудности и даже идеологические издержки, которые могут возникнуть с развитием сети смешанных обществ. В то же время авторы обосновали свою убежденность в полезности реализации предлагаемой идеи. «Анализ

---

[1] «О создании совместных предприятий ...». С. 1 — 2.

[2] Там же. С. 3 — 4.

положительных и отрицательных сторон организации совместных предприятий на территории СССР в целом показывает, — говорилось в записке, — что Советский Союз может получить серьезный экономический и политический эффект от использования данной формы внешнеэкономических связей, сведя к минимуму возможные негативные последствия, и без ущерба для экономической и научно-технической безопасности СССР.

Предпочтительными сферами деятельности совместных предприятий могли бы стать отрасли народного хозяйства, где:

— может быть обеспечено более быстрое решение крупных народнохозяйственных и социальных задач (агропромышленный комплекс, производство товаров широкого потребления);
— возможно достижение быстрого эффекта с точки зрения развития экспортной базы (привлечение западных партнеров к производству тех видов продукции, главным образом, машиностроительной, которая по большинству основных параметров соответствует требованиям мирового рынка, к разработке природных ресурсов СССР, освоение которых сдерживается нехваткой капиталовложений и технологии, к комплексному ведению лесного хозяйства и т.д.);
— необходимо использование передовой зарубежной техники и технологии для более эффективного и быстрого развития производств, имеющих важное значение с точки зрения научно-технического прогресса (электроника и средства связи, робототехника и т.д.). В целом, по убеждению экспертов ИМЭМО, реализация предлагаемой идеи могла бы стать составной частью общего курса на интенсификацию советской экономики»[1].

Судьба этой записки была немногим лучше, чем у доклада для Госплана. Вот что пишет об этом Яковлев: «В начале 1984 г. институт направил в ЦК записку о необходимости создания совместных предприятий с зарубежными фирмами. Предлагалось создать три типа предприятий: с западными странами, с социалистическими и развивающимися. Наши предложения аргументировались назревшими задачами постепенного вхождения в мировое хозяйство. Меня пригласил к себе секретарь ЦК Николай Рыжков и, надо сказать, проявил большой интерес к этой проблеме, расспрашивал о деталях предложения, поддержал его общую направленность. К сожалению, идея в то время не получила развития»[2].

Похожая судьба ожидала и некоторые другие предложения ИМЭМО, в частности, относящиеся к внешней и оборонной политике СССР. Эти предложения диктовались новыми реальностями, все менее благоприятными для Советского Союза.

Из воспоминаний члена-корреспондента РАН О.Н. Быкова, курировавшего в 1980-е гг. военно-политическую проблематику в ИМЭМО:

---

[1] Там же. С. 10 – 11.
[2] *Яковлев Александр.* Омут памяти... С. 351.

«Институтские исследователи международно-политических и военно-политических проблем разработали широкий набор аналитических и практических предложений, рассчитанных на свертывание силового противостояния и переход к политическому урегулированию и сокращению вооружений. Наши рекомендации включались в аналитические и информационные материалы, подготовлявшиеся по поручению вышестоящих инстанций. Предлагали и собственные инициативные записки.

Однако, судя по всему, наши оценки и предложения оказывались не ко двору. К середине 80-х годов холодная война достигла своего апогея, и враждующие стороны не выказывали желания к примирению. Воинственная риторика Рейгана подкреплялась взвинчиванием военных приготовлений США (в центре которых — планы создания стратегической противоракетной обороны, СОИ). Советское руководство расценило очередной пароксизм американской сверхдержавной политики как свидетельство реальной угрозы агрессии против СССР и ответило усилением идеологической борьбы и ужесточением силового противостояния. Нечего и говорить, что в такой резко обострившейся обстановке ни о каком смягчении напряженности не могло быть и речи.

Александр Николаевич судил о происходивших событиях не столь однозначно. Острота момента не заслоняла от него безальтернативность прекращения конфронтации, в конечном счете угрожавшей жизненным интересам обеих сторон. Правда, откликаясь на всплеск антиамериканизма, он инициировал ряд публикаций Института, выдержанных в стилистике традиционной советской пропаганды, и сам написал книги и статьи в том же жанре. Но при этом он не только не сдерживал, но всячески активизировал продолжение серьезных научных исследований вопреки неблагоприятной конъюнктуре.

Обращение Института к несвойственной ему пропагандистской тематике директор объяснял сугубо тактическими соображениями — не дать повода навесить на нас ярлык "пацифистов". В то же время он требовал объективно и всесторонне выявлять разные аспекты мотивации и целей рейгановской политики, различать в ней реальные угрозы нашей безопасности и средства идеологического нажима и запугивания, в то же время изыскивать возможности для нашей страны придти к согласию с Америкой по жизненно важному вопросу о войне и мире. В разгар взаимного ожесточения Яковлев верил, что примирение с главным противником — "в наших национальных интересах, как и в интересах всего человечества" (впоследствии, когда Рейган предложил встречу с Горбачевым, он — в отличие от многих ортодоксов непримиримости — твердо высказался за проведение советско-американского саммита).

Поскольку Соединенным Штатам предстояло сохраниться как сильнейшей державе мира на длительную перспективу, Александр Николаевич ориентировал институтских исследователей на поиск путей установления нормальных, взаимовыгодных советско-американских отношений. Но при этом он подчеркивал, что "на США свет клином не сошелся". Хотя мир тогда еще оставался двухполюсным, отчетливо обозначилась тенденция к полицентризму. Отсюда — необходимость разворачивать нашу политику также на Европу, Японию, Китай. А Институту — расширять исследовательский диапазон, прежде всего в восточном направлении. По инициативе директора был создан Отдел тихоокеанских исследований.

Заслугой Александра Николаевича можно считать начало оптимизации исследовательского процесса в Институте. Усилия наиболее опытных специалистов сосредоточивались на решении приоритетных научных задач. Исследования становились все более комплексными, ориентированными на изучение усложняющейся картины современного мира и насущных потребностей нашей страны»[1].

Работа Яковлева в ИМЭМО пришлась в основном на период правления Андропова и Черненко. С обоими генсеками он был знаком лично. Андропов, по большей части руководивший партией и страной из больничной палаты ЦКБ, неоднократно принимал там Яковлева и давал ему поручения, о чем Александр Николаевич не без гордости рассказывал на закрытых партийных собраниях и заседаниях Дирекции. Тогда это всеми воспринималось как свидетельство личного доверия первого лица к Яковлеву и возглавляемому им Институту.

Отдавая дань обострившейся при Андропове международной напряженности, Яковлев публикует резко обличительную в отношении США книгу[2], написанную на основе его старой работы 1969 г. Многих в ИМЭМО это удивило. Зачем он это сделал? Никто ведь его не побуждал. Чрезмерный запал автора этой гневной антиамериканской филиппики как-то не вязался с обликом нового директора и его либеральными установками. Сам Яковлев, наверное, чувствовал это недоумение и впоследствии посчитал нужным объясниться.

Из воспоминаний А.Н. Яковлева:

«Поначалу у меня к Рейгану было крайне отрицательное отношение. Мне не нравилось его бряцание оружием, призывы к гонке вооружений, обидные слова в адрес Советского Союза. Я издал книгу "От Трумэна до Рейгана" — резко критическую, обвинительную, возлагающую на США вину за разжигание «холодной войны». Хотя в книге и содержалось немало ссылок на работы американских авторов, подтверждающих мои суждения, но в целом ее нельзя было назвать научно объективной — хотя бы потому, что она была сверх меры идеологизированной.

Жалею ли я обо всем этом? Пожалуй, нет. Возвратившись из Канады, продолжал жить эмоциями, поскольку там, на том берегу, я начитался и наслушался такого дерьма о моей стране, что все разумные соображения отодвигались в сторону, либеральные фантазии блекли, размывались атмосферой антисоветизма, которая, как смог, висела над США. Похожие чувства я переживаю и сегодня — после продвижения на восток НАТО и бомбардировок Югославии, но реагирую на все это не так эмоционально, как тогда. А в то время искренне полагал, что государственные органы свободной страны должны информировать, а не заниматься промыванием мозгов. Пожалуй, это было мое самое первое разочарование, когда я практически встретился с американской демократией»[3].

---

[1] Запись беседы с О.Н. Быковым 15 мая 2012 г.

[2] *Яковлев Александр.* От Трумэна до Рейгана: доктрины и реальности ядерного века. М., 1984.

[3] *Яковлев Александр.* Омут памяти... С. 377.

Еще более тесными, чем с Андроповым, у Яковлева были отношения с «Костей» — Константином Устиновичем Черненко, который при каждом удобном случае приглашал «Сашу» в Кремль, на свои встречи с лидерами иностранных государств и руководителями братских компартий. Именно Черненко в 1984 г. провел Яковлева в депутаты Верховного Совета СССР от Дагестанской АССР; именно он включал его в состав советских парламентских и других правительственных делегаций, направлявшихся за рубеж.

Одна из таких поездок получила широкое освещение в западных СМИ. Речь шла о поездке советской делегации во главе с М.С. Горбачевым, тогда вторым человеком в партии, в Англию в декабре 1984 г.

Яковлев сопровождал Горбачева в этой поездке, а рабочие материалы к визиту готовили, помимо Международного отдела ЦК и МИД, два специалиста из ИМЭМО — доктор экономических наук Ефим Самуилович Хесин и доктор исторических наук Сергей Петрович Перегудов. Первый был признанным знатоком английской экономики, а второй — лучшим советским экспертом в области британской политической системы. Подготовленные ими материалы получили высокую оценку на Старой площади, а сам визит, превратившийся в «смотрины» будущего президента СССР, укрепил позиции Яковлева, в котором стали видеть протеже и единомышленника набиравшего силу Горбачева. Действительно, тогда, в 1984—1985 гг., Яковлев стал одним из ближайших советников Горбачева. В этой работе он использовал и интеллектуальные возможности возглавляемого им Института.

Яковлев сделал ставку на Горбачева не только из собственно карьерных соображений. С Горбачевым он связывал надежды на обновление партии, на оздоровление всей политической и экономической системы Советского Союза.

Из воспоминаний О.Д. Калугина, в то время первого заместителя начальника Ленинградского управления КГБ, давнего знакомого Яковлева со времен стажировки в США в 1958—59 гг.:

> «В 1984 году в Москве я навестил Александра Яковлева, вернувшегося незадолго до этого из Канады и назначенного на должность директора Института мировой экономики...
>
> Яковлев принял меня дружелюбно: мы не виделись шесть лет — последний раз он заходил ко мне в Ясенево, — и накопилось много, о чем можно было поговорить. Нашу беседу за чашкой кофе прервал телефонный звонок. Прихрамывая, Яковлев подошел к столу и снял трубку. Лицо его засветилось радостью: "Да, Михаил Сергеевич... я сейчас закончу и подъеду к вам... поработаем вместе". Яковлев вернулся к недопитому кофе и пояснил: "Горбачев звонил, секретарь ЦК... мировой мужик. Если он станет генеральным, в стране произойдут колоссальные изменения... Он реформатор с большой буквы... А сейчас давай заканчивать, поеду с ним работать над документами"»[1].

И по прежней работе в ЦК, и на дипломатической службе в Канаде, и в должности директора академического института Яковлев постоянно

[1] *Калугин Олег.* Указ. соч. С. 287—288.

сталкивался с одним и тем же — нежеланием верхнего эшелона власти что-либо менять в партии и в стране. С самоубийственным безразличием тяжелобольная система отвергала все предлагаемые рецепты ее оздоровления, что постепенно приводило мыслящих людей к осознанию ее обреченности и к поискам другой, более перспективной модели развития СССР. В середине 80-х гг. будущий «архитектор перестройки» еще не был столь радикален, как в начале 90-х. Он еще не разуверился в социализме и надеялся придать его советской разновидности европейский облик.

По некоторым свидетельствам, уже тогда, в первой половине 80-х гг., Яковлев вынашивал идею разделения застойной КПСС на две партии: собственно коммунистическую и социал-демократическую[1]. Первую можно было бы отдать на откуп неосталинистам. В другой, социал-демократической партии, могли бы собраться приверженцы европейского социализма, среди которых было немало вчерашних шестидесятников. Разумеется, высказывать подобные взгляды открыто было опасно вплоть до конца 80-х гг. Яковлев мог себе позволить разговоры на эту тему лишь с теми немногими, кому безусловно доверял.

Известно, что, уже работая в ИМЭМО, он направил конфиденциальную записку в ЦК (скорее всего, лично Горбачеву) на тему возможного разделения КПСС. К сожалению, найти эту записку или ее следы в архиве ИМЭМО не удалось. Но то, что такая записка была, подтверждают некоторые источники. Косвенно это подтверждает и сам Яковлев, приводя в воспоминаниях выдержки из более поздней (декабрь 1985 г.) записки на эту же тему[2].

Помимо позднейших заявлений самого Яковлева, относящихся к его политическим убеждениям и настроениям накануне и в начале перестройки, о них можно судить по наблюдениям близко его знавших людей. Одним из таких авторитетных источников является Н.А. Косолапов. По его мнению, к началу перестройки Яковлев подошел убежденным социал-демократом.

Из воспоминаний Николая Алексеевича Косолапова, заведующего Отделом международно-политических проблем ИМЭМО, бывшего помощника А.Н. Яковлева по Секретариату ЦК и Политбюро:

---

[1] «Я знаю от покойного отца, — вспоминает академик А.Г. Арбатов, сын бывшего директора Института США и Канады, — что в один из его приездов в Канаду посол Яковлев как-то разоткровенничался с ним и сказал, что КПСС надо разделить на две партии: коммунистическую и социал-демократическую, чтобы создать многопартийность и ликвидировать загнивающую монополию» // Запись беседы с А.Г. Арбатовым 4 января 2012 г. «В 90-х он [Яковлев] говорил мне, что предлагал Горбачеву разделить КПСС на две партии, но тот его не послушал, — свидетельствует д.и.н. Г.И. Мирский. — Вероятно, он, как и многие другие советские интеллектуалы, жил всю жизнь в состоянии double think. Наступил момент, когда он сбросил с себя это психологическое бремя. Все, что в нем накапливалось долгие годы, вышло наружу, но он пошел дальше большинства, заклеймив не только сталинизм, но и систему в целом, разочаровавшись в самой идее государственного социализма. Именно потому, что он сознавал масштаб своих прежних грехов, он с тем большей силой пытался отмолить их, отмежеваться от Советской власти вообще» // Запись беседы с Г.И. Мирским 23 января 2012 г.

[2] *Яковлев Александр.* Омут памяти... С. 371.

«...Мне кажется, что коммунистические взгляды (в ленинском, то есть строгом смысле этого слова) если у него и были, то когда-то в ранней юности. Я этого не знаю, могу только предполагать — юность радикальна и романтична по природе, просто в силу возраста.

Тот Яковлев, которого я знал и помню, был, на мой взгляд, искренним и убежденным социал-демократом в европейском смысле этого понятия. Тому много причин.

Прежде всего Яковлев... был человеком образованным, эрудированным, думающим. Добавлю — и крайне чувствительным ко всем нравственным моментам, будь то в личной или в общественной жизни. Такая психология не располагает к радикализму; напротив, она предрасположена к умеренности, если хотите, даже к разумному консерватизму.

По происхождению Яковлев — из крестьян, и крестьянский здравый смысл, "мужицкий ум" был в нем очень силен. В детстве он хорошо видел последствия коллективизации и "плановых репрессий" — на своей семье, на своем отце. Все это он вспоминал часто, пишет об этом в своих книгах.

Начало его партийной работы — 1947 г., Ярославль, 1952 г., Москва. Поздний сталинизм, возобновление репрессий — а он фронтовик, такие люди переживали возобновление очень остро, как предательство по отношению к победителям. Оскорбленное тогда нравственное чувство осталось с ним, по-моему, на всю жизнь (хотя лично он не пострадал — напротив).

Середина 1950-х, формирование личности политика — XX съезд, время Хрущева, оттепель дома, мирное сосуществование с Западом. Созревает то поколение, которое потом делало "пражскую весну" и которое потом у нас назовут "шестидесятниками". Яковлев — один из самых сильных и ярких его представителей. Но и "весна", и "шестидесятники", если называть вещи своими именами — это нормальные европейские социал-демократы.

1970-е — начало 1980-х, Канада, "ссыльный" посол СССР. Но премьер-министр Канады — Пьер Эллиот Трюдо, один из виднейших и самых ярких деятелей Социалистического Интернационала того времени. Они были очень дружны, много и неформально общались, даже семьями. А.Н. об этом тоже пишет. По-видимому, говорили не только о погоде...

И наконец, перестройка. По сути это была попытка развернуть КПСС и страну на европейский социал-демократический путь развития. Горбачев рискнул публично признать это только в 2010 г. Но фактически речь с самого начала шла именно об этом, просто открыто сказать о социал-демократизме в неосталинистском партийно-большевистском окружении было равносильно самоубийству (политическому).

Так что А.Н. — человек с крепкими, на всю жизнь, убеждениями. Но социал-демократическими. Что такое социализм — справедливое общество, достойная жизнь? Или догма, в которую любыми средствами и любой ценой надо вбить страну и каждого человека?

Если искать Александру Николаевичу аналог в революционном прошлом России, то это, пожалуй, Г.В. Плеханов. И разрыв А.Н. с КПСС был столь же закономерен, как разрыв Плеханова с Лениным.

А форма и момент, в каких это было сделано — жест отчаяния от того, что надежды на "социализм с человеческим лицом" рухнули, что СССР и Россия в плане социал-демократии и ее европейского пути безнадежны. А.Н. Яковлев принадлежал к последнему поколению, которое в условиях СССР 1980-х еще продолжало верить в социализм, в возможность его

совершенствования, его неразрывности с нравственным началом и со здравым смыслом. В этом — его трагедия»[1].

Так или иначе, но, вернувшись из Канады и возглавив ИМЭМО, Яковлев сделал ставку на Горбачева, в котором нашел тогда единомышленника. Влиятельный член Политбюро стал для Яковлева (и для его Института) тем каналом, через который можно было хотя бы пытаться доносить здравые мысли до тех, кто принимал политические решения. Увы, чаще это не имело желаемых последствий.

«Облегчало работу то, что за спиной института стоял Михаил Горбачев, в то время — второе лицо в партии. Он часто звонил мне, иногда советовался, давал разные поручения, которые мы, в Институте, охотно выполняли», — вспоминал Яковлев[2]. «Особенно ладно шла работа с Горбачевым, пишет он в другом месте. — Он постоянно звонил, иногда просто так — поговорить, чаще — по делу, с поручениями. Писали ему разные записки, включая познавательно-просветительские. По всему было видно, что он готовил себя к будущему, но тщательно это скрывал. Среди людей, которые первыми оказались в ближайшем окружении Горбачева, на разговоры об этом будущем было наложено табу»[3].

Близость к Черненко, а затем в еще большей степени к Горбачеву помогала Яковлеву «разруливать» всевозможные конфликтные ситуации, иной раз самые неожиданные, к пользе научного коллектива Института, находившегося по инерции, заданной событиями 1982 г., в сфере повышенного внимания партийных и чекистских органов.

Здесь можно вспомнить несколько историй, о которых Яковлев рассказал в своих воспоминаниях. Достоверность этих рассказов подтверждается свидетельствами многих сотрудников ИМЭМО.

Из воспоминаний А.Н. Яковлева:

> «...Желающих подставить нам ножку по разным пустякам было... немало, особенно со стороны горкома партии. Возможно, его первый секретарь Виктор Гришин не забыл старую обиду — он еще до Канады приглашал меня на работу в качестве второго секретаря горкома, но я отказался. Такое не прощается.
>
> Как-то прошел в институте обычный научный семинар. Обсуждался вопрос, является ли золото всеобщим эквивалентом в условиях появления нефтедоллара, массового использования золота в электронике и т.п.? Кто-то донес в ЦК и в горком партии. Нас начали таскать по разным кабинетам, прорабатывать, грозились наказать за ревизионизм, но потом все затихло. Вообще в партийных аппаратах принципиально не хотели признавать разницу между партийными собраниями и теоретическими семинарами — они постоянно боролись за некую мифическую "чистоту" вероучения.

---

[1] Запись беседы с Н.А. Косолаповым 15 февраля 2012 г.

[2] *Яковлев Александр.* Омут памяти... С. 346.

[3] Там же. С. 352.

Другой случай. Пригласил я в институт Геннадия Хазанова[1], моего доброго друга. Зал был переполнен. Хазанов есть Хазанов. Люди смеялись до слез, аплодировали неистово. Все были довольны, Хазанов — тоже. Попили с ним чайку и довольные разошлись. На другой день прибегает ко мне секретарь парткома и говорит, что горком партии и Минкультуры формируют комиссию по проверке фактов "антисоветских высказываний Хазанова, не получивших в институте принципиальной оценки". Ничего себе! Кто-то, значит, стукнул, хотя, честно скажу, даже с позиций тех дней (а это был 1983 год) ничего в выступлении Хазанова предосудительного не содержалось. Но шизофреникам от идеологии показалось, что Хазанов делал странные паузы сомнительного характера, во время которых он хотел якобы сказать (судя по его выражению лица) нечто неподобающее, но... выразительно молчал. А в зале смеялись[2].

Позвонил мне Геннадий и сообщил, что его артистическая деятельность под вопросом. Его уже приглашали в Минкульт. Мне пришлось прибегнуть к помощи моего старого товарища Виктора Гаврилова, он был помощником министра культуры Петра Демичева. Виктор Павлович и прекратил этот наскок.

Еще пример. При моем предшественнике Николае Иноземцеве институт подвергся мощнейшей атаке со стороны горкома партии и городских спецслужб. Дело в том, что какая-то часть Политбюро (Тихонов, Гришин и др.) вела атаку на рабочее окружение Брежнева, авторов его речей (Иноземцева, Арбатова, Бовина, Загладина, Александрова-Агентова, Цуканова и др.), обвиняя их в том, что они "сбивают с толку" Брежнева, протаскивают разные ревизионистские мысли, ослабляют силу партийного воздействия на массы и государственные дела. Этой группе из Политбюро активно помогал заведующий отделом науки ЦК Трапезников и помощник Брежнева Голиков.

Дело дошло до того, что в московских вузах кагэбисты "организовали раскрытие" ими же организованных "антисоветских групп". В число "злокозненных" попал и наш институт. Иноземцев был выбит из седла, смят. Эта гришинская операция, я убежден, ускорила смерть Николая Николаевича. Так или иначе, но в институте прошли аресты, некоторых ученых сняли с работы, исключили из партии и сделали "невыездными". Я слышал об этом еще будучи в Канаде. Теперь, когда пришел в институт на работу, узнал, что многим талантливым ученым не разрешаются поездки за границу. Институт начал терять свой международный авторитет, чего, собственно, и добивались городские партийные власти и спецслужбы.

---

[1] Идея пригласить в Институт Геннадия Хазанова принадлежала Гиви Мачавариани. Их дочери учились в одном классе, и оба родителя были хорошо знакомы. Разумеется, Мачавариани, который нередко устраивал в ИМЭМО встречи с интересными людьми из мира спорта, культуры и искусства, получил на это «добро» от Яковлева, также хорошо знакомого с Хазановым. — *П.Ч.*

[2] Особый успех у зрителей имела исполненная Хазановым остроумная миниатюра «Письмо к генералу». Жена сотрудника КГБ, большого ловеласа, оправдывающего свои частые ночные отлучки выполнением секретных заданий, в письменном заявлении его начальнику просит генерала не перегружать мужа опасной ночной работой, дабы не ставить под угрозу его жизнь и их семейное благополучие. Видимо, именно этот концертный номер и вызвал донос одного (или нескольких?) зрителей. Последнее обстоятельство особенно расстроило Яковлева, о чем он не преминул сказать на ближайшем партийном собрании, подчеркнув, что не ожидал такой «подлянки» от своих интеллигентных коллег. — *П.Ч.*

После понятных колебаний решил позвонить в контрразведку КГБ. Там отнеслись к проблеме сочувственно, но отослали к городским властям, поскольку, как сказали в КГБ, "горожане заварили кашу, пусть и выпутываются". Я стал говорить об этой проблеме вслух на разных совещаниях. Одновременно попросил институтский партком начать восстановление в партии пострадавших, снятие выговоров. Все это очень не понравилось руководству горкома партии. Нажим на институт усиливался. Проверки, придирки, записки о недостатках, критика на совещаниях и т. д. — набор известен. Особое раздражение у городских властей вызывало то, что я не ходил на всякого рода собрания-заседания, бесконечно собираемые горкомом партии, посылая туда кого-то из заместителей. Отказался посылать ученых института на уборку мусора на строительных площадках разных объектов в районе.

Однажды в партком Института прислали анкету, в которой предлагалось заполнить несколько граф с указанием фамилий тех будущих руководителей института, которые заменят нынешних. Это касалось и директора института. Я решил оставить анкету без внимания из-за ее предельной глупости. Но вдруг из райкома срочно запросили анкету обратно. Оказалось, что об этой затее узнал Аркадий Вольский (в то время помощник Андропова) и устроил на эту тему крупный разговор с партийным начальством города.

Тем временем я продолжал настаивать на "очищении" ученых института от ярлыка "невыездных". В конце концов контрразведка согласилась на своеобразный компромисс. Я, директор института, соглашаюсь на установление в институте должности "офицера по безопасности" в качестве моего административного помощника, а контрразведка знакомит меня с делами о "невыездных".

В институт прислали полковника Кима Смирнова — доброжелательного человека, который многое сделал для того, чтобы избавить от разных наветов коллектив института[1]. В итоге десятки докторов и кандидатов наук получили разрешения на поездки за рубеж. А запреты были часто по причинам, которые сегодня понять невозможно. Одному ученому закрыли зарубежные поездки только потому, что он не стал выступать на партсобрании, посвященном вводу советских войск в Чехословакию. Человек сослался на недомогание, чему не поверили. Ах, так? Шаг в сторону — сиди дома!

Пожалуй, стоит рассказать еще об одном случае из тех времен, когда по указанию Андропова на улицах, в, магазинах, парикмахерских, даже в банях начали вылавливать тех, кто в момент отлова должен находиться на работе. Глупость несусветная, мера унизительная. Казалось бы, за "беглыми крестьянами" прекратили охотиться еще в прошлом веке, но большевистский бюрократ, а он, когда речь идет о беззаконии, особо ретив и всегда готов поиздеваться над людьми. Облавы не обошли даже научные институ-

[1] Яковлеву здесь изменила память. В действительности, Ким Иванович Смирнов появился в Институте еще в октябре 1982 г., т.е. до прихода Яковлева. Правда, тогда он в основном занимался тем, что вызывал «на исповедь» в свой кабинет на 15-й этаж (причем вызывал не прямо, а через Отдел кадров или партком), интересующих его сотрудников для профилактических бесед и наставлений. С приходом Яковлева направление работы полковника Смирнова изменилось. Теперь он в значительной степени занимался «снятием вопросов», т.е. «амнистированием» или даже «реабилитацией» тех, кто был подвергнут санкциям в ходе событий 1982 г. Одновременно Яковлев через Смирнова, а когда было нужно, то и в более высоких инстанциях, решал вопросы с «невыездными» научными сотрудниками. — *П.Ч.*

ты. Ведь люмпен, пусть даже в генсековском обличье, уверен, что ученый тоже должен "от и до" сидеть за канцелярским столом и подконтрольно заниматься научными открытиями.

Однажды прихожу в институт и вижу при входе каких-то неизвестных мне людей и наших растерянных старушек вахтерш.

— Предъявите ваши документы! — потребовали они.

Я малость ошалел и спрашиваю у вахтерши:

— Кто это такие?

— Говорят, комиссия из райкома.

— Какая комиссия? Кто разрешил им войти в институт? Кто выписал пропуск?

— Ваш замдиректора по хозяйственной части.

— Позовите его сюда.

Проверяющие заволновались, поняли, что обмишурились, но пытались объяснить мне, что находятся здесь по решению райкома партии, что обязаны зафиксировать тех, кто опоздал или вообще не явился на работу.

Подошел мой заместитель. Я спросил его, что это за люди и кто разрешил им проверку. Он начал что-то объяснять, а я попросил проверяющих покинуть институт и больше не приходить сюда без санкции прокурора.

Весть об этом инциденте быстро разнеслась по научным учреждениям. Я даже получил поздравительные телефонные звонки. Проверяющие больше не приходили. Ожидал упрека сверху, но его не последовало.

В конце концов меня стали раздражать эти бесконечные придирки к институту. Хотел пойти к Горбачеву и рассказать обо всем, но побоялся, что все это будет расценено как дрязги. В этот момент меня пригласил на беседу Вадим Медведев — заведующий отделом науки и учебных заведений ЦК. Перед Канадой он был моим заместителем по отделу пропаганды. Я рассказал ему о делах в институте, в том числе и о возне, связанной с фабрикованием дел на некоторых ученых института.

Выслушав меня, он сказал: "По-дружески не советовал бы связываться с Гришиным, никому это не нужно сейчас". Я так и не поинтересовался, от чьего имени — Горбачева или своего — он дал такой совет. Через какое-то время он предложил мне пост министра просвещения СССР, я отказался. Кстати, Горбачев поддержал меня в этом отказе. "Зачем тебе мелки считать да дрова возить. Ты уже был заведующим отделом школ и вузов в обкоме, знаешь, что это такое"»[1].

«Считаю годы работы в Институте лучшими годами своей жизни»

Энергичные и вместе с тем осторожные (с учетом общего политического климата) усилия Яковлева по оздоровлению внутренней жизни в Институте привлекли к нему симпатии подавляющего большинства научных сотрудников, хотя были и такие, кому новый директор пришелся не по душе. Недовольное меньшинство составляли в основном отставные военные и люди пенсионного возраста, не сумевшие реализовать себя на научном поприще, но бдившие по части идеологической стерильности.

[1] *Яковлев Александр.* Омут памяти... С. 346—349.

Политический инстинкт подсказывал им, что Яковлев не совсем «свой», хотя и фронтовик, хотя и бывший партработник...

Скептическое отношение к Яковлеву как к директору ИМЭМО было свойственно и отдельным представителям среднего поколения научных сотрудников.

Из воспоминаний члена-корреспондента РАН Ивана Сергеевича Королева, возглавлявшего в середине 80-х гг. сектор валютно-финансовых проблем:

> «Несомненно, Александр Николаевич был умным, по-крестьянски мудрым человеком. Но черты партийного функционера, как мне казалось, в нем преобладали.
>
> В качестве директора ИМЭМО А.Н. Яковлев ничем особенным себя не проявил. Тем более, если сравнивать его с Н.Н. Иноземцевым и Е.М. Примаковым. <...>
>
> В отличие от Иноземцева и Примакова, Александр Николаевич мало чего смыслил в экономике, что, наверное, странно для бывшего и будущего зав. идеологическим отделом ЦК КПСС. Яковлев патологически ненавидел Минвнешторг. Хотя это была не худшая экономическая структура, работавшая с мировым рынком в условиях плана.
>
> А.Н. Яковлев еще на посту директора был одним из инициаторов, точнее "обоснователем" отмены монополии внешней торговли. Этот в принципе правильный шаг был проведен без необходимой подготовки. Фиксированные внутренние цены на многие сырьевые товары были в разы ниже, чем мировые. На этой разнице еще задолго до приватизации появились советские долларовые миллионеры. Но никакого позитивного импульса экономика не получила. Более того, началась борьба за валюту между союзными республиками, что ускорило развал Союза.
>
> Первые месяцы на посту директора будущий "отец русской демократии" часами вел беседы с двумя людьми — секретарем парткома и куратором КГБ. Правда, оба — и С.Е. Благоволин, и К.И. Смирнов — были достойными людьми.
>
> В целом же исследовательский драйв при Яковлеве был, на мой взгляд и по мнению многих ветеранов Института, самым низким за всю историю ИМЭМО. В день принятия "Инстанцией" решения о его переводе в ЦК я встретил Александра Николаевича в Институте. Лицо его просто светилось. Наконец-то он идет на настоящую работу!
>
> Разумеется, все это моя субъективная точка зрения в отношении А.Н. Яковлева только как директора ИМЭМО — nothing personal. В личном плане Александр Николаевич вызывал симпатию...»[1]

И все же в Институте, безусловно, преобладало одобрительное отношение к Яковлеву. Ему ставили в заслугу и уважение традиций, заложенных Арзуманяном и Иноземцевым[2], и оздоровление климата в научном коллек-

---

[1] Запись беседы с И.С. Королевым 10 декабря 2012 г.

[2] «Людей он изучал очень внимательно, — вспоминает Н.А. Косолапов. — Главным критерием... было их отношение к покойному Иноземцеву — своего рода оселок порядочности человека» (Запись беседы с Н.А. Косолаповым 15 февраля 2012 г.).

тиве после потрясений 1982 г. Подвергнутые административным санкциям научные сотрудники стараниями Яковлева были постепенно реабилитированы[1]. Обстановка в Институте и вокруг него стала нормализовываться. За одно это директору прощали и агитпроповское прошлое, и то, что он проигрывал по части научного профессионализма своему предшественнику.

«С его именем, — говорит член-корреспондент РАН О.Н. Быков, — связано восстановление репутации Института как центра независимых исследований высокого профессионального уровня, укрепление его авторитета в академическом сообществе в нашей стране и за рубежом. Научные разработки, проводившиеся под его руководством, в будущем послужили ценным вкладом в формирование политики и экономики новой России»[2].

«Он был вполне профессионален по стандартам того времени, отлично знал и любил Канаду, где был послом, увлекался историей канадских староверов, — вспоминает академик А.Г. Арбатов. — В частном общении Яковлев был простым и интересным человеком, с горечью вспоминал войну... Возможно, даже специально играл под "простачка", говорил с оканьем, не умничал, сложные вопросы пытался обсуждать просто»[3].

Наверное, лучше многих Яковлева как человека и начальника знала его тогдашний секретарь, проработавшая с ним два года.

Из воспоминаний Татьяны Кондратьевой (Жариковой):

> «С Александром Николаевичем Яковлевым я познакомилась в мае 1983 года, когда он приехал из Канады знакомиться с Институтом, будучи назначенным директором. В сентябре он должен был приступить к работе.
>
> По решению парткома Института, я должна была стать секретарем А.Н.
>
> В то время я работала в аппарате ученого секретаря института, с А.П. Огневым. Переходить очень не хотелось, я даже плакала. Уговорил А.П., сказав, что скоро уходит с поста ученого секретаря. Но уже после майской встречи с А.Н. я ни на минуту не сомневалась — я хочу работать с Яковлевым! Он меня очаровал.
>
> К работе приступили с конца августа. Мне пришлось прервать отпуск в Юрмальском пансионате. "Хочешь со мной работать? — Возвращайся раньше". Оказывается, за это время А.Н. навел обо мне справки, я полностью соответствовала его требованиям. В дальнейшем он еще раз устраивал в ходе работы свои проверки, о которых я даже не подозревала. Об этом он мне потом сам рассказал. А.Н. был очень осторожным.
>
> После этого у нас установились доверительные отношения, которые сохранялись до последних дней работы и после того, как А.Н. ушел из Института. Такие же проверки прошел и С.Б. Андреев (помощник А.Н.). Его он взял через два месяца после начала работы.
>
> При видимой мягкости А.Н. был очень требовательным человеком, как к себе, так и к окружающим, во всем, даже в мелочах. Требования предъявля-

---

[1] В их числе был и автор этих строк, которому по «делу 1982 года» перекрыли путь к защите уже подготовленной докторской диссертации. Яковлев отменил этот нелепый запрет и дал «зеленый свет» защите, состоявшейся с трехлетней задержкой. — *П.Ч.*

[2] Запись беседы с О.Н. Быковым 15 мая 2012 г.

[3] Запись беседы с А.Г. Арбатовым 4 января 2012 г.

лись даже к одежде. Мне он всегда говорил: "Танечка, ты лицо Института. Всегда должна быть улыбка и хорошее настроение, несмотря ни на что. Даже если ты занята важной работой, этого никто не должен знать. Если к тебе обращаются, ты должна в первую очередь помочь и все спокойно объяснить другим".

Главным условием совместной работы и доверительных отношений было говорить только правду. Он говорил: "Могу простить все, но только не ложь".

В отсутствие А.Н. мы снимали трубку телефона в его кабинете (кремлевская вертушка). Желательно было узнавать всех звонивших и обращаться к ним по имени и отчеству. На работу приходил в 8.45 (Институт начинал работать в 10.00). Я должна была уже находиться в приемной. Ключей у А.Н. не было. Он говорил "Танечка, я же их могу потерять". Так что мы с Сергеем друг друга подстраховывали и в 8.45 были уже на рабочих местах.

В первые дни работы состоялся разговор о моих обязанностях, и была высказана просьба: "Таня, если тебя это не тяготит и не смущает, будь хозяйкой на всех встречах и мероприятиях, которые проходят у меня в кабинете". Я с удовольствием согласилась, это было интересно, но в то же время очень сложно. А.Н. любил приглашать к себе сотрудников Института, членов Дирекции для обсуждения заданий за чашкой чая или кофе. Иногда собиралось человек двадцать. И в течение двух-трех часов чай пили раза три (важно было помнить, кто что пьет: чай, кофе, с сахаром, без сахара).

В первые полгода ежедневно приезжали делегации из посольств поприветствовать А.Н., так как его хорошо знали по работе в Канаде. Чай, кофе, коньяк А.Н. приносил сам, а на печенье и конфеты выделял собственные деньги. Это было его принципом — ни от кого не зависеть. Хотя это можно было заказать через АХО.

В начале работы предупредил: "Помогу, если сам смогу". Это лишний раз подчеркивает его желание быть независимым. Несмотря на это, он очень многим сотрудникам помог в решении различных проблем, в том числе и с жильем.

А.Н. неоднократно обращался с просьбами в ЦК, чтобы те или иные научные сотрудники стали выездными. Вместе с К.И. Смирновым это обычно удавалось.

Второго декабря 1983 года А.Н. исполнилось 60 лет. Мы с Сергеем Андреевым вдвоем готовили этот праздник в Институте. Сотрудники всех Отделов заходили в кабинет и поздравляли А.Н., а мы их угощали. А вечером А.Н. отмечал день рождения в ресторане "Прага", все прошло замечательно.

В первые же дни работы с А.Н. я познакомилась с его женой Ниной Ивановной — интеллигентнейшей женщиной. Только такая жена и могла быть у А.Н. Мы с ней очень часто созванивались. Она неоднократно давала мне житейские советы, которые меня всегда выручали, подсказывала, как нужно себя вести в той или иной ситуации. Я очень редко соединяла ее с А.Н., она старалась не мешать ему работать. <...>

А.Н. был очень загружен, постоянно шли задания из ЦК. Помимо институтских дел, он был еще и председателем Советской ассоциации содействия ООН. Это отнимало много сил и времени. Очень часто А.Н. брал меня на встречи, которые проходили в "Интуристе" и в здании СЭВ.

А.Н. был депутатом Хасавюртовского округа Дагестана. К нему приезжали делегации старцев из Хасавюрта, и сам он ездил решать возникающие вопросы в Махачкалу[1].

[1] Занимаясь своими депутатскими обязанностями, Яковлев нередко консультировался по вопросам дагестанской специфики с научным сотрудником ИМЭМО, известным политоло-

Он никогда не жаловался на усталость, а ведь у него болели ноги (ранение во время войны).

Хочется вернуться в первый месяц работы с А.Н.: знакомство с членами дирекции, завотделами, с рядовыми сотрудниками. В приемной до встречи с А.Н. видишь встревоженные лица, после — все выходили с улыбкой на лице. <...>

За время работы у А.Н. было два водителя: Анатолий Доброконный и Николай Кондратьев, который стал впоследствии моим мужем. Хотелось бы вспомнить один случай, который произошел с Анатолием. В то время был всеобщий дефицит, в том числе одежды и обуви.

Утром, приехав на работу, А.Н. сказал, что весь день проведет в Институте. У него началось совещание. Одна из наших сотрудниц заняла очередь в обувном магазине на Профсоюзной улице (он до сих пор сохранился) и сообщила, что продаются хорошие мужские ботинки. Толя хотел отпроситься у А.Н., но шло совещание, и отвлекать его было нельзя. Я сама отпустила Толю, думая, что А.Н. будет до вечера в Институте.

Буквально через 15 минут выходит А.Н. и говорит: "Меня срочно вызывают в ЦК". Мобильных телефонов в то время не было, и предупредить Толю я никак не могла. Начинаю объяснять ситуацию А.Н., и он спокойно говорит: "Ну что же! Когда Толя купит ботинки, пусть приезжает на Старую площадь! А Вы ищите транспорт или вызывайте такси".

Я обратилась к Марку Шкундину, по-моему, у него в то время был "Москвич". Для А.Н. не было никакой разницы, на какой машине он поедет: на "Волге", "Москвиче" или "Чайке". Марк очень переживал, когда вез А.Н., боялся, что не пропустят на Старую площадь, не знал, как общаться с Яковлевым. А когда приехал обратно в Институт, был в полном восторге от общения с А.Н. <...>

А.Н. отличался всегда четкостью и требовал ее от всех подчиненных. В то время он часто выполнял задания ЦК и работал в Серебряном Бору и в Волынском. Водитель в строго определенное время подвозил из Института бумаги, которые требовалось подписать или рассмотреть, принять решение. Выполняя задания ЦК, А.Н. всегда был в курсе того, что происходит в Институте в его отсутствие. <...>»[1]

Когда после ожидаемой смерти К.У. Черненко в марте 1985 г. новым Генеральным секретарем столь же ожидаемо стал М.С. Горбачев, всем в ИМЭМО стало ясно, что в скором времени Яковлев переместится с Профсоюзной улицы на Старую площадь. Эти догадки подтвердились в июне того же года, когда Александр Николаевич Яковлев был назначен заведующим Отделом пропаганды ЦК КПСС[2]. Ясно было и то, что это далеко не предел его карьерного взлета, как оно впоследствии и произошло.

гом, д.и.н. Камалудином Серажудиновичем Гаджиевым, выходцем из Дагестана, лезгином по национальности. — *П.Ч.*

[1] Запись беседы с Т. Кондратьевой (Жариковой) 27 февраля 2012 г.

[2] «Летом 1985 года я стал заведующим Отделом пропаганды ЦК, — вспоминает Яковлев. — На Политбюро утвердили дружно, особенно активно поддержал мое назначение Андрей Громыко. Теперь я мог действовать смелее, раскованнее, самостоятельнее, а не где-то на подхвате» (*Яковлев Александр.* Омут памяти... С. 380—381). Кстати, о Громыко, который давно, еще с начала 70-х гг., благожелательно относился к Яковлеву. На посту директора ИМЭМО Александру Николаевичу представилась возможность по-своему отблагодарить

Каковы же итоги двухлетнего директорства Яковлева?

Об этом можно судить по отчетным документам за 1984—1985 гг. Если иметь в виду «открытую» научную продукцию, то в течение 1984 г. сотрудниками ИМЭМО было опубликовано 46 коллективных и индивидуальных монографий, среди которых выделялось 4 фундаментальных исследования: «Современный капитализм: накопление и производительность труда» (отв. ред. С.М. Никитин); «Система, структура и процесс развития современных международных отношений» (отв. ред. В.И. Гантман); «Современный капитализм: политические отношения и институты власти» (отв. ред. С.П. Перегудов); «Развивающиеся страны в современном мире: новая сила в мировой политике и экономике» (отв. ред. И.Д. Иванов); «Консерватизм против реформизма (две тенденции в буржуазной политэкономии)» (И.М. Осадчая).

«Закрытая» продукция Института в том же году была представлена 169 аналитическими записками, в т.ч. 51 — в ЦК КПСС, 1 — в Верховный Совет СССР, 6 — в Совет Министров СССР, 4 — в Президиум АН СССР. По некоторым из этих записок заказчиком были приняты соответствующие практические решения[1].

Важнейшим направлением работы ИМЭМО была подготовка прогнозных материалов для Комплексной программы научно-технического прогресса в СССР. В соответствии с постоянным поручением правительства Институт занимался составлением ежеквартальных обзоров состояния важнейших мировых рынков, а также разрабатывал «спецтематику», включающую в себя исследования тенденций военно-экономического и военно-политического развития в зарубежном мире, последствия научно-технической революции в военной сфере[2].

Для самого Яковлева 1984 г. был отмечен его двойным избранием — депутатом Верховного Совета СССР и членом-корреспондентом АН СССР по специальности «Мировая экономика и международные отношения». Последнее было инициировано Ученым советом ИМЭМО в октябре 1984 г.

Любопытно, что на том же заседании, проходившем под председательством д.э.н. В.А. Мартынова, где Яковлев единогласно был рекомендован для избрания в члены-корреспонденты, рассматривался вопрос о лишении ученых званий старших научных сотрудников двух «невозвращенцев» — М.С. Восленского и И.С. Глаголева, работавших ранее в ИМЭМО. Столь же единогласно члены Ученого совета проголосовали за то, чтобы ходатай-

---

влиятельного члена Политбюро. В декабре 1984 г. Яковлев инициировал выдвижение на Государственную премию СССР незадолго до того вышедшей книги А.А. Громыко «Внешняя экспансия капитала: история и современность». Ученый совет ИМЭМО с подачи директора официально представил эту книгу на Госпремию, которую Громыко, конечно же, вскоре и получил. — *П.Ч.*

[1] Отчет о научной и научно-организационной деятельности ИМЭМО АН СССР в 1984 году // Архив ИМЭМО РАН.

[2] Там же.

ствовать перед Президиумом АН СССР о лишении Восленского и Глаголева ученых званий старшего научного сотрудника[1].

О своем избрании в членкоры Яковлев узнал, когда вместе с Горбачевым находился с визитом в Англии.

Не менее плодотворным в научном отношении был для Института и следующий год директорства Яковлева, остававшегося верным изначально выбранной линии: не мешать людям работать и не поучать тех, кто знает свое дело.

Из институтского отчета следует, что в 1985 г. продолжались исследования по восьми главным направлениям, состоявшим из 77 тем, 10 из которых были включены в план НИР дополнительно. Учеными ИМЭМО было опубликовано 36 коллективных и индивидуальных монографий совокупным объемом свыше 600 печатных листов. Широкий общественный резонанс имела публикация в издательстве «Прогресс» справочника «Что есть что в мировой политике», подготовленного в ИМЭМО по инициативе А.Н. Яковлева, одобренной специальным решением Секретариата ЦК.

В директивные органы было разослано 148 аналитических записок, научных докладов и справок по актуальным проблемам мировой экономики и международных отношений общим объемом свыше 98 печатных листов, а также материалы трех ситуационных анализов. Среди направленных наверх документов были материалы по проблемам ускорения научно-технического прогресса и повышения эффективности хозяйствования, структурным и техническим сдвигам в отдельных отраслях мировой промышленности в связи с планами их модернизации в СССР, предложения по уточнению позиции СССР по урегулированию международной задолженности и реформе международной валютной системы и др.[2]

В течение 1985 г. в Институте было защищено 28 диссертаций по восьми специальностям, в т.ч. 6 докторских и 22 кандидатские.

ИМЭМО активно развивал сотрудничество с научными центрами социалистических и западных стран, организуя и участвуя в международных конференциях, симпозиумах и заседаниях круглых столов. При активном содействии Яковлева значительно сократилось число «невыездных» сотрудников Института. Выросло общее количество загранкомандировок, в т.ч. долгосрочных, по линии АН СССР. Общее число загранкомандировок

---

[1] Архив ИМЭМО РАН. Ученое звание старшего научного сотрудника присваивалось решением Президиума АН СССР ученым академических институтов, имевшим признанные заслуги в той области знаний, которой они занимались. По существовавшим тогда правилам, лица, совершившие уголовные преступления, в т.ч. обвиненные в антисоветской деятельности, могли быть лишены этого ученого звания, как это и произошло в случае с Восленским и Глаголевым. Среди рассекреченных в 90-е гг. фондов бывшего архива ЦК КПСС автором книги был обнаружен документ, свидетельствующий о том, что история с лишением Восленского и Глаголева ученых званий была инициирована доносом в ЦК одного из уважаемых сотрудников ИМЭМО. Старая площадь вынуждена была отреагировать на «сигнал», поручив Дирекции и парткому разобраться с этим делом. — *П.Ч.*

[2] Отчет о научной и научно-организационной деятельности ИМЭМО АН СССР в 1985 году // Архив ИМЭМО РАН.

в 1985 г. составило 155, из них 118 — в западные и развивающиеся страны. В самом Институте в том же году состоялось 309 встреч с зарубежными гостями: государственными и политическими деятелями, дипломатами, политологами и экономистами[1].

Все это свидетельствовало об оживлении научной жизни в ИМЭМО и о возвращении к нему пошатнувшегося авторитета внутри страны и за рубежом, в чем была несомненная заслуга его «транзитного» директора Александра Николаевича Яковлева. «До сих пор считаю годы работы в Институте лучшими годами своей жизни», — такую оценку своему двухлетнему пребыванию на посту директора ИМЭМО дал сам Яковлев[2].

Переходя на работу в ЦК КПСС, Яковлев сделал Институту прощальный подарок в лице своего преемника на посту директора ИМЭМО.

---

[1] Там же.

[2] *Яковлев Александр.* Омут памяти... С. 349.

Глава 11

ИНСТИТУТ ПРИМАКОВА (1985–1989)

Ускорение. Гласность. Новое мышление

Настроения, утвердившиеся в советском обществе к середине 1980-х гг. ярко и образно выразил Виктор Цой, культовый рок-музыкант последнего десятилетия существования СССР:

Перемен требуют наши сердца,
Перемен требуют наши глаза.
В нашем смехе и в наших слезах
И в пульсации вен:
Перемен! Мы ждем перемен!

Избрание Михаила Горбачева 11 марта 1985 г. на пост Генерального секретаря ЦК КПСС было воспринято обществом как обнадеживающий признак этих желанных перемен, хотя мало кто мог сказать что-то определенное о взглядах и позициях нового партийного лидера. Накопившаяся усталость от затянувшегося правления кремлевских старцев, поочередно уходивших в мир иной, в то время как страна погружалась в болото экономической стагнации и системного кризиса[1], порождала бессознательную веру в молодого (54 года) генсека, успевшего на третьих и вторых ролях в Политбюро обнаружить живой ум и энергию, которых явно не доставало его почтенным сотоварищам, безразличным ко всему, что выходило за рамки их расшатанного здоровья и карьерных интересов.

Этот общественный запрос на преобразования должным образом был понят Горбачевым, со своей стороны давно осознавшим неотложную необходимость глубокого реформирования всей существующей системы. С первых своих шагов в роли партийного, а затем и государственного лидера он мог опираться на поддержку общества, значительная часть которого еще не успела разочароваться в социалистических ценностях и идеалах.

---

[1] Об истоках перестройки см.: *Шубин А.В.* От «застоя» к реформам. СССР в 1977 – 1985 гг. М., 2001.

Первые годы горбачевских преобразований — это время последнего в истории советского общества духовного подъема, время светлых надежд на лучшее будущее. Эти надежды связывались с именем Горбачева, что должно было налагать на него высшую степень ответственности.

Общественные настроения той поры лучше всего выражены в словах песни «Капитан», записанной известным рок-музыкантом Владимиром Кузьминым в 1988 г. За образом молодого капитана легко узнать Михаила Горбачева. Любопытно, что впоследствии, когда надежды, связанные с Горбачевым, растаяли, Кузьмин уже не включал эту песню в свои альбомы. Но тогда, на подъеме перестройки, она часто звучала в теле- и радиоэфире.

Это случилось в далеких морях,
От берега в сотне миль:
Корабль наш, казалось, застрял —
Был постоянно штиль.

А люди ждали ветра, волны,
Там были и те, что — бурь,
Но парус тряпкой висел, увы,
И люди кляли судьбу.

Правду, как правило, травят огнем,
Ее убивают. И все ж,
Когда капитан говорил: «Плывем»,
Все знали, что это ложь.

А капитан изощренно лгал,
Чтоб меньше было забот,
А тех, кто особенно много знал,
Капитан приказал: «За борт!»

И чтобы другим неповадно впредь,
Было им решено:
Всех по каютам тотчас запереть,
Шторкой занавесить окно.
<...>
В мире не вечно ничто под луной,
Зависим все от судьбы,
И капитан ушел в мир иной —
Он тоже не вечен был.

И годы стали вестей старей
Один капитан за другим,
И каждый твердил: «Мы движемся к цели»,
Но все понимали — стоим.
<...>
Однажды весенним солнечным днем
Другой капитан взял штурвал,

Все думали — новый скажет: «Плывем» —
Он этого не сказал.

Зато он сказал: «Дальше так нельзя!
Уж если хотим идти,
Каждому нужно весла взять
И научиться грести».

И наш корабль потихоньку пошел,
И штиль уже — не беда,
И каждый понял, что хорошо
Грести, а не ветра ждать.
<...>

Осознание широкой общественной поддержки придавало Горбачеву силы и уверенность в правильности избранного им курса на обновление экономической и политической системы СССР, получившего название «перестройка»[1].

При этом следует отметить одно важное обстоятельство. Что бы ни говорил задним числом сам Горбачев и его тогдашние единомышленники относительно якобы продуманного плана начатых преобразований, недолгая история перестройки со всеми ее драматическими противоречиями и неожиданными зигзагами, а главное — с ее печальным итогом, — неопровержимо свидетельствует о том, что никакого конкретного плана у горбачевской команды, неоднократно менявшей и свой состав, и политические приоритеты, не было. Было другое — благое желание сделать более эффективной плановую советскую экономику, придав ей некоторые рыночные черты. Было столь же благородное желание модернизировать и «очеловечить» унаследованную от Сталина, Хрущева и Брежнева тоталитарно-авторитарную политическую систему, адаптировав ее к реалиям конца XX столетия.

Но все эти поиски, как показал опыт перестройки, носили бессистемный, непоследовательный и даже хаотичный характер, что, в конечном счете, и привело к известному результату.

Наконец, перестройка, задуманная, прежде всего, для оздоровления и обновления советской экономической системы, должна была обеспечить интеграцию СССР в мировую экономику, что предполагало прекращение холодной войны и установление нового характера политических отношений с Западом.

Таким образом, можно говорить о некой триаде, о трех векторах горбачевской перестройки — экономическом, внутриполитическом и международном.

---

[1] Впервые термин «перестройка» для определения инициированного им в стране процесса глубоких преобразований М.С. Горбачев употребил лишь в апреле 1986 г. при посещении Волжского автомобильного завода в г. Тольятти. Начало же реализации политики перестройки принято датировать январем 1987 г., когда Пленум ЦК КПСС провозгласил перестройку магистральным направлением развития СССР. Тем не менее, в широком плане перестройкой стали называть весь период правления М.С. Горбачева (1985—1991 гг.).

В данной работе нет места для подробного анализа перестройки, ее истоков и уроков. На эту тему существует обширная литература и мемуаристика, отражающие все многообразие оценок этого интереснейшего феномена новейшей истории[1].

И все же в данном случае нельзя проигнорировать мнение одного из самых активных и информированных участников процесса перестройки.

Из воспоминаний ветерана ИМЭМО Николая Алексеевича Косолапова, бывшего помощника А.Н. Яковлева в Секретариате ЦК КПСС:

«...Перестройка вызревала на базе нравственного неприятия лавинообразно нараставших мерзостей повседневной жизни, хозяйствования и управления; также нравственного по его истокам отвержения самой идеи строительства лучшего общества — социализма и коммунизма — методами сталинщины; и крайне интуитивных представлений о том, куда и как двигаться от этих реалий дальше. Нравственное неприятие всего худшего и откровенно преступного, что было в советском опыте с 1917 г. и по середину 1980-х, причем неприятие со стороны заметной части высшей номенклатуры (а не только лично Горбачева — Яковлева и еще ряда лиц) стало главной причиной и краеугольным камнем исторического явления, которое мы сейчас называем перестройкой.

У собственно системного кризиса КПСС/СССР были и другие причины, обусловившие необходимость и приоритеты перестройки.

Первая и основная — экономика. Под внешне вроде бы привлекательную идею централизованного планирования во избежание капиталистических цикличности и кризисов не было подведено (и до сих пор нет) соответствующей теории. С начала 1970-х наука показала, что всеобъемлющее планирование невозможно в принципе: необходимо и возможно лишь планирование стратегически значимых параметров, но в соединении с (само)регуляцией прочего, которая в экономике обеспечивается развитым ("цивилизованным") рынком.

Попыток сохранить или воссоздать рынок было много: нэп, Бухарин 1930-х, Берия конца 1940-х, Хрущев 1950-х, Косыгин середины 1960-х и конца 1970-х. Все они потерпели неудачу по одной и той же — как ретроспективно понятно — причине: плановая госэконбюрократия, прикрываясь лозунгами "единственно верного пути к социализму", не желала ни на йоту поступаться обретенными и непрерывно возраставшими полномочиями. Именно бюрократия проявила себя в 1986 —

[1] Оставляя в стороне воспоминания М.С. Горбачева, его политических сподвижников и противников, можно указать на ряд исследований последних лет, в которых дан исторический анализ перестройки. См.: *Барсенков А.С.* Введение в современную российскую историю 1985 — 1991. М., 2002; *Безбородов А.Б., Елисеева Н.В., Браун Арчи.* Взлет и падение коммунизма. Пер. с англ. М., 2009; *Ванюков Д.А.* Демократическая Россия конца XX — начала XXI века. М., 2007; *Геллер М.Я.* Горбачев: победа гласности, поражение перестройки // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 2. М, 1997; *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: история власти. 1945 — 1991. Новосибирск, 2000; *Полынов М.Ф.* Исторические предпосылки перестройки в СССР. 1946 — 1985 гг. СПб., 2010; *Согрин В.В.* Политическая история современной России. 1985 — 2001: от Горбачева до Путина. М., 2001; Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза / Под ред. *Г.Н. Севостьянова*. М., 2005; *Шубин А.В.* Парадоксы перестройки: Упущенный шанс СССР. М., 2005; *Шестаков В.А.* Перестройка и крах СССР. 1985 — 1993. СПб., 2010; *Ясин Е. Г.* Российская экономика. Истоки и панорама рыночных реформ. М., 2003.

1991 гг. главным врагом перестройки, а прежде всего начатых перестройкой рыночных реформ.

На протяжении 1950-х — 1980-х гг. командно-административная экономика СССР не только накапливала все более острые диспропорции и противоречия, но и стала основой уголовно-экономического шантажа номенклатуры — системы управления, сменившей после XX съезда прежние репрессии. Она объективно вызвала к жизни специфическую теневую экономику и позволила ей разрастись до политически значимых масштабов, создав уже к концу 1970-х гг. социальную базу антисоветского и антикоммунистического переворотов 1990 — 1993 гг.

Вторая по значимости группа причин — идеологическая. СССР и КПСС проиграли не холодную войну (это чушь), но историческую стратегию выхода из противоречий классического капитализма. Капитализм оказался способен пойти на идеологическую революцию, какой стало для него принятие регулирования рынка государством. А западноевропейская социал-демократия, опираясь на материальную базу наиболее развитых капстран, добилась создания системы социальной поддержки наемных работников, превзошедшей советскую и не оплаченной той ужасающей ценой, какую заплатили народы СССР. Можно говорить (по утверждению ЦК КПСС), что социал-демократии было позволено расцвести на фоне пугала, каким изображался, да во многом и был для Запада "советский коммунизм". Тем не менее...

Сильнейшим ударом по авторитету не только КПСС, но и ее идеологии стал советско-китайский конфликт 1960-х. Две соцстраны столкнулись в 1969 г. в коротком, но жестоком военном конфликте. Ранее утверждалось, что соцстраны по их природе не могут воевать друг с другом. Но главное, две партии — лидера комдвижения и практического социализма, номинально исповедующие вроде бы одну и ту же идеологию, занятые строительством одного и того же типа общества в двух крупнейших странах социализма и т.п., ожесточенно поливают друг друга грязью на протяжении десяти с лишним лет. Кто-то из двоих должен был быть неправ; не исключено, что оба. Раскол создал идеологические и политические возможности для (условно) возрождения и укрепления нравственного влияния "нового меньшевизма" — концепций "социализма с человеческим лицом" и еврокоммунизма в тогдашнем мировом комдвижении (а не за его пределами). В конечном итоге эти концепции и реакция КПСС на них подорвали политические, идейные и нравственные позиции марксизма-ленинизма.

К концу 1970-х для СССР и КПСС возникает перспектива утраты лидерства в ОВД и СЭВ. В международном рабочем и коммунистическом движении КПСС потеряла его на рубеже 1960-х — 1970-х: леваки ушли за Мао, еврокоммунизм побежал за социал-демократами. В соцсодружестве на позиции потенциального лидера выдвигается ГДР: отрыв от СССР по уровню жизни примерно на 60%, родина марксизма, технологически обгоняющая СССР в ряде областей, политически более современное государство. Не в последнюю очередь благодаря ГДР в СССР получают известность и все более широкое распространение крайне негативные оценки, которые давал в свое время К. Маркс России и ее потенциальному влиянию на перспективы социализма и мировой революции. В рамках СЭВ нарастает задолженность СССР как экспортера сырья перед соцстранами — экспортерами промышленного оборудования и товаров народного потребления.

Третье — военно-политические отношения с США и Западом. Ядерный паритет с США был достигнут невероятным напряжением сил. Экономика СССР по официальным оценкам составляла около 40% от американской. Союзники США — Япония и натовская Западная Европа — к концу 1970-х имели каждый примерно по 0,5% ВВП США. Т.е. Советскому Союзу противостояли как бы два США, советский ВВП относительно блока развитых стран составлял порядка 20%. Плюс у СССР второй потенциальный противник — Китай. В итоге суммарное соотношение экономических сил порядка 1:10 (подсчет на пальцах, но все же...).

Я получал на лекциях, особенно в военных аудиториях, десятки вопросов, почему мы не начинаем войну, пока наш потенциал технически молод и надежен. Этот вопрос — отражение понятного всем тупика, в который загнал себя СССР: если экономический и, как следствие, социальный разрывы с Западом годами не уменьшаются (а по некоторым качественным показателям растут), и под идеей «мирного сосуществования» Запад не подписался даже в рамках разрядки, то социализму остается или ставить на свою победу в мире лишь военным путем, или осознать, что представления о неизбежности его конечной победы — маниловщина, дополнительно способствующая размыванию позиций КПСС в стране и мире.

Четвертая группа причин производна от эволюции форм и содержания социально-политического сознания думающей части страны. Эта часть была крайне неоднородна в социальном отношении. Однако общими для нее, как мне представляется, в период (условно) 1965—1985 гг. были: (а) искренний интерес к проблемам развития социалистической идеи и, в этом контексте, к СССР; (б) понимание сложности и масштабов нараставших в СССР противоречий, равно как и отсутствия у руководства КПСС/СССР политической воли и способности к их признанию и решению; (в) накапливавшийся эффект от осмысления все более многочисленных "спецхранов" и секретности как способа политического ухода властей от внутренних и международных реалий; (г) аналогичный эффект от все более агрессивного (притом невежественно-агрессивного) отношения партийных бонз к культуре и науке (даже в той части последней, которая обслуживала ВПК); (д) растущий национализм, в РСФСР многократно усиливавшийся ущемленным положением республики в составе КПСС и СССР, восприятием алкоголизма как осознанной антирусской политики властей, и восприятием интернационализма как формы подавления прежде всего наиболее многочисленного русского народа в угоду созданию "новой национальной общности — советского народа".

Этот последний аспект стал в стратегическом плане главным с началом войны в Афганистане, где со стороны СССР воевали прежде всего солдаты и офицеры — лица славянской национальности. Русский национализм на этом фоне трансформировался во все более сознательного врага "советского коммунизма". О возможности такого развития и предупреждал (вынужденно эзоповым языком, который, тем не менее, все так или иначе заинтересованные лица поняли верно) А.Н. Яковлев в своей знаменитой статье 1972 г., за которую его сослали послом в Канаду (кара "вегетарианская", грех спорить).

Руководство КПСС в этот период последовательно блокировало всякие попытки развития социалистической мысли в стране и соцсодружестве. В спецхран попадали документы "братских партий", материалы созывае-

мых ими официальных конференций по проблемам социализма (особенно проходивших в Югославии, Венгрии, Польше, Болгарии), монографии ответственных работников ЦК этих партий. В СССР в диссиденты попали не только махровый монархист Солженицын (что было хотя бы логично), но и авторы класса Зиновьева и/или Шафаревича, изначально интересовавшиеся развитием идеи социализма. Из библиотек подчистую выметались научные труды ученых, "выбравших свободу" или принужденных к такому выбору (книги писателей и поэтов — само собой). В газетной рознице все чаще конфисковывались выпуски не только "Юманите", "Унита", "Дейли уоркер", югославских "Борба" и "Политика" (это сам бог велел), но и польских "Трибуна люду" (издание ЦК ПОРП) и "Жиче Варшавы", венгерской "Непсабадшаг", чехословацкой "Руде право", немецкой "Нойес Дойчланд" (органы соответствующих ЦК).

Думающим людям в партии и государстве эти изъятия говорили больше, чем любая из недозволенных статей. В результате в обществе сложилась неорганизованная, но многочисленная и активная социальная группа большой жизненной, интеллектуальной и практической силы, потенциально способная быть идейно-политической базой антиноменклатурной, антипартийной и даже антикоммунистической оппозиции. Оппозиции отчасти демократической по ее воззрениям, но отчасти и вполне авторитарной.

Таким образом, КПСС — теоретически партия научного мировоззрения, научного социализма и т.п. — с середины 1960-х гг. (конца хрущевской оттепели) не просто лавинообразно теряла авторитет у думающей части общества, но своими обликом и политикой все более настраивала эту часть против себя и всего, за что она выступала. К тому же на фоне разраставшейся, обретавшей все большую официальную и неформальную власть госбюрократии (собственно административно-командный компонент политустройства СССР) становилась все более очевидной параллельно нараставшая "импотенция" парткомов всех уровней: они могли отравить жизнь человеку и организации, но с течением времени все менее могли оказаться им чем-то реально полезными.

Пятая группа — динамика внутриполитической ситуации в Союзе на протяжении непосредственно предшествовавших перестройке последних 15—20 лет (т.е. с середины—второй половины 1960-х гг.). Все изложенное выше было очевидно любому думающему человеку в СССР уже к концу 1960-х и позиции КПСС не укрепляло. Но еще и не несло им прямой угрозы.

Ползучая ресталинизация, начатая с приходом к власти Л.И. Брежнева, и ее тогдашний апофеоз — силовое подавление "пражской весны" в августе 1968 г. ударили по позициям КПСС в стране, соцсодружестве и мире сильнее, чем по Праге, убедительно продемонстрировав, что система не хочет и не способна реформироваться. Тем самым объективно перед думающими людьми и частью номенклатуры в СССР и евросоциалистической части мира встала дилемма: если реформирование основополагающей для этой части советской модели социализма невозможно, то стоит ли и дальше держаться за нее, а возможно, и за идею социализма как таковую? Тем более что в Китае с конца 1970-х началось формирование иной экономико-идеологической модели, и здесь КПСС/СССР оказались бессильны не только практически, но и интеллектуально: принципом реформ Дэн Сяопина был здравый экономический смысл, а обвинение, что этот принцип-де противоречит некой догме марксизма-ленинизма, могло взволновать разве что последних

схоластов. Свергнуть Дубчека проблем не представляло; с Дэн Сяопином не стоило и пытаться, а его реформы выглядели тогда и до сих пор представляются многим в России как упущенная КПСС/СССР возможность.

Отсюда вытекал следующий вопрос, которым в условиях СССР 1970-х гг. задавались еще немногие: когда может наступить (стать абсолютно неизбежным) завершение советской модели? Кто будет движущей силой этого завершения, и в каких формах оно может произойти? Как избежать или минимизировать при этом внутренние и внешние издержки и риски, без которых не обойтись?

Так на горизонте, условно, 60-летия Октябрьской революции (1977-й г., тяжко проходившие разработки и принятие "брежневской" Конституции с ее 6-й статьей, указавшей яснее ясного на степень тревоги КПСС за свои позиции) закладываются основы развилки исторических масштабов и значений. С одной стороны, понятно, что количество будущих попыток реформирования советской модели на социалистической базе резко ограничено: очередная неудача имеет высокие шансы вызвать отказ от самой этой базы. С другой — цензурно-идеологическая обстановка в партии и в стране не оставляет возможности открыто и конструктивно обсуждать эти темы, тогда как антикоммунизм и антисоветизм в СССР, возникшие как реакция на идейный и экономический фундаментализм руководства партии и государства, получают идейно- и политико-психологическую платформу, питаемую главным образом уже на "домашней", а не на импортированной основе.

Параллельно практика уголовно-экономического шантажа хозяйственной номенклатуры, стимулировавшаяся робкими попытками реформ 1965 и 1979 гг. и развитием теневой экономики, привели к тому, что хозяйственники — жертвы и потенциальные жертвы таких преследований стали искать и находить средства и методы неформального сближения с правоохранительными органами. К началу 1980-х теневая экономика в СССР составляла, по оценкам того времени, в среднем 40% по отношению к официальной, а в отдельных республиках доходила до 80—120%. Это означало, что политическая власть на местах де-факто утекала не только от КПСС, но и от советского государства.

Под влиянием андроповского догматизма две эти тенденции — с одной стороны, доморощенные антикоммунизм и антисоветизм, с другой — блок теневых экономики, политики и арбитража — начали к середине 1980-х гг. соединяться в опасную силу: административно и финансово могущественную, вооруженную, активно ищущую опоры в идеях национализма и религии (при этом разных национализмов и религий в разных же республиках страны). Эти обстоятельства побудили Горбачева на протяжении 1985—1986 гг. повторять "у нас нет времени": угроза силовых вспышек и "румынского варианта" в ряде мест была вполне реальна.

Важно подчеркнуть: даже этот вынужденно беглый и поверхностный обзор показывает, что перестройка ни в коей мере не была неким субъективистским взбрыком: пришли-де к власти чудаки и за пять лет сломали сверхдержаву. Ее выдают в лучшем случае за дурочку, в худшем — за предательство. Однако перестройке предшествовали сложные, до сих пор не описанные в полной мере, а главное, не проанализированные с научных марксистских позиций процессы в советском обществе и экономике, в КПСС, на высших этажах политического устройства. Такой анализ невы-

годен многим... Ведь и Н.С. Хрущева до сих пор изображают взбалмошным самовлюбленным болваном, избегая серьезного политико-экономического анализа его мер и политики (не безгрешных, разумеется).

Перестройка пыталась спасти, по сути, обреченную систему; спасти в стране, где мало кто знал и тем паче понимал истинное положение вещей; где вплоть до прекращения СССР невозможно было называть вещи своими именами (а многие нельзя называть и сегодня); где в номенклатурной элите было, скорее всего, больше заинтересованных в крахе системы, чем в ее модернизации; спасти так, чтобы в случае поражения уходящий социальный эксперимент не брызнул бы фонтанами крови (как это произошло в Румынии и СФРЮ) и новыми потоками многомиллионных жертв (как это было в самой России на протяжении половины XX века). Можно ли было открыто говорить о подобных опасениях и проблемах в СССР 1980—1986, даже 1989 гг.? <...>»[1]

Каковы же были основные этапы и направления политики перестройки? Ответ на этот вопрос в данном случае необходим для лучшего понимания условий и характера деятельности ИМЭМО, получившего после 1985 г. второе дыхание и вступившего в свой, увы, недолгий «Серебряный век».

В короткой истории перестройки прослеживаются три основных этапа: 1985—1986, 1987—1988 и 1989—1991 гг.

На первом, начало которому положил апрельский (1985 г.) Пленум ЦК КПСС, лозунгом дня стало «ускорение» развития экономики. В действительности авторство этого лозунга принадлежало не Горбачеву. Он заимствовал его у Андропова, в команду которого входил с конца 70-х гг. Разработка курса на ускорение началась еще в 1983 г. и велась группой Н.И. Рыжкова, в то время заведующего Экономическим отделом и Секретаря ЦК. Изначально задуманная для обеспечения прорыва в машиностроении, концепция «ускорения» была распространена на военно-промышленный комплекс, а затем и на всю экономику.

Исследователи обращают внимание на прямую связь горбачевского «ускорения» с его андроповской моделью и даже с авантюристичными заявлениями Хрущева — «догнать и перегнать Америку». Достаточно вспомнить требование Горбачева, сформулированное им в апреле 1986 г. в Тольятти при посещении крупнейшего советского завода по производству легковых автомобилей, о необходимости достигнуть и даже превзойти уровень мирового автомобилестроения. «Преемственность экономической политики Андропова и Горбачева на начальном этапе его деятельности... — отмечает российский историк Р.Г. Пихоя, — была весьма ощутима и в методах ее осуществления. Андропов рассматривал административные меры как способ ускорения развития экономики. Эту тенденцию "подхватила" и команда Горбачева. Своеобразие ее состояло в том, чтобы применить в гражданских секторах экономики методы управления, которые использовались в военно-промышленном комплексе СССР»[2].

---

[1] Запись беседы с Н.А. Косолаповым 15 сентября 2013 г.

[2] *Пихоя Р.Г.* Указ. соч. С. 409.

С этой оценкой согласны и другие исследователи перестройки. А.В. Шубин, например, квалифицирует горбачевскую политику «ускорения» как заведомо провальную попытку «авторитарной модернизации». «"Ускорение", — пишет он, — сделало экономические перемены необратимыми — затраты нарушили финансовый баланс, и теперь волей-неволей нужно было менять экономическую систему. Если бы не авторитарная модернизация 1983—1986 гг., существующую систему можно было бы сохранять еще несколько лет, но затем исчерпание возможностей роста все равно стало бы очевидным. В то же время авторитарная модернизация значительно ухудшила условия для дальнейшего проведения реформ (и антиалкогольная кампания, и даже Чернобыль связаны именно с курсом "ускорения"). Именно технократическая политика "ускорения", игнорирующая необходимость социальных перемен, положила начало разорению СССР, хотя и она еще не могла сделать это разорение необратимым. Эта политика шла "перпендикулярно" вектору перехода от индустриального общества к постиндустриальному и потому заведомо вела в тупик»[1].

Постепенно осознав неэффективность политики «ускорения» с присущими ей старыми командно-административными методами, Горбачев с 1987 г. начинает корректировать этот курс за счет частичной экономической либерализации, осторожного внедрения элементов рыночной экономики в плановую систему хозяйства. Поскольку люди уже не обнаруживали желания в приказном порядке работать качественнее, повышать производительность труда, внедрять и осваивать новую технику, не оставалось ничего другого, как попытаться заинтересовать их в результатах трудовой деятельности, привязать заработную плату к доходности предприятия.

Начало новому курсу либеральных экономических реформ положил «Закон о государственном предприятии» от 30 июня 1987 г., основанный на трех китах: выборность директоров предприятий, хозрасчет и самофинансирование[2]. Здесь, как в случае с «ускорением», был востребован прежний опыт. Вспомнили об идее хозрасчета, выдвигавшейся еще в 70-е гг. командой тогдашнего главы правительства СССР А.Н. Косыгина.

Новый закон предоставил предприятиям экономическую и управленческую самостоятельность. Они получили даже разрешение устанавливать прямые контакты с зарубежными партнерами (правда, это право не распространялось на предприятия оборонного значения). Но одновременно закон сохранял обязательный госзаказ, централизованное снабжение материальными ресурсами и централизованное ценообразование, что во многом ограничивало декларированную самостоятельность и сводило к минимуму прибыли предприятий. К тому же закон не предусматривал возможности банкротства убыточных предприятий, продолжавших сидеть на бюджетных дотациях. Государство требовало от предприятий выполнения таких обязательств, которые оставляли им довольно узкое пространство для самостоятельной коммерческой деятельности. «Поэтому реальных

[1] *Шубин А.В.* Указ. соч. С. 438.

[2] Хроника России. XX век / А.П. Корелин, П.П. Черкасов, А.В. Шубин и др. М., 2002. С. 945.

сдвигов в госсекторе данный закон (как и все последующие) не принес, да и не мог принести», — справедливо констатирует Д.А. Ванюков[1].

Параллельно шло формирование кооперативного сектора экономики, действовавшего в рамках постановлений и законов от 1 февраля и 19 ноября 1986 г., а также от 26 мая 1988 г. В отличие от государственного, кооперативный сектор, несмотря на многочисленные административные препоны, развивался достаточно бурно, за короткое время охватив более 30 видов мелкого производства и сферы услуг. К весне 1991 г. в нем было занято более 7 млн граждан (примерно 5% активного населения). Еще около 1 млн человек занимались индивидуальной трудовой деятельностью[2].

История кооперативного движения в годы перестройки — это самостоятельная тема, насыщенная драматическими и даже трагическими для кооператоров событиями. С одной стороны, кооперативный сектор во многом стал локомотивом для нарождавшейся в СССР рыночной экономики, а с другой — «прачечной» для отмывания капиталов экономики теневой. К тому же в подавляющем большинстве кооператоры были заняты не в производстве, а в сфере услуг и торговли (точнее — перепродажи).

Одним из последствий экономической либерализации второй половины 80-х гг. стало зарождение номенклатурной буржуазии в лице «красных директоров» и верхнего эшелона министерской номенклатуры, исподволь готовивших «прихватизацию» доходных госпредприятий и целых отраслей (прежде всего сырьевых и металлургических).

В целом же ограниченная экономическая либерализация не привела к желаемым ее инициаторами результатам. Попытка соединить социализм с рынком («регулируемый социалистический рынок») не увенчалась успехом. «Реформа 1987 г., — констатирует А.В. Шубин, — исходила из ошибочного предположения: реформу нужно начинать с "осторожных" промежуточных шагов. Эта апология половинчатости знаменовала собой интеллектуальный провал реформаторов и их советников-экономистов.

Связь доходов работников и эффективности производства после реформы осталась опосредованной, самоуправление было подменено увеличением полномочий администрации предприятия и независимости ее от вышестоящих структур, а введение товарно-денежного рынка было отложено из опасений социальных протестов»[3].

Третий этап экономических реформ (1989—1991 гг.), приобретавших зачастую судорожный характер, пришелся на время нараставшей политической нестабильности. Властные полномочия Президента СССР М. Горбачева все более настойчиво оспаривал Председатель Верховного Совета РСФСР Б. Ельцин. Произошел раскол внутри команды Горбачева. Одна ее часть настаивала на сворачивании эксперимента с перестройкой, выходившей из-под контроля. Другая — напротив, требовала большей твердости и последовательности в проведении начатых преобразований, в их углубле-

---

[1] *Ванюков Д.А.* Указ. соч. С. 61.
[2] Там же. С. 62—63.
[3] *Шубин А.В.* Указ. соч. С. 439.

нии. Сам Горбачев постоянно колебался и пытался лавировать в условиях, когда от него требовалась определенность и решимость. Он на глазах терял авторитет и поддержку общества.

Все это усугублялось подъемом антикоммунистических и националистических настроений в обществе, а также возраставшими сепаратистскими тенденциями в союзных и даже в автономных республиках СССР и РСФСР. На этом неблагоприятном фоне все попытки спасти гибнувшую экономику (проект С.С. Шаталина — Г.А. Явлинского, проект А.Г. Аганбегяна, конфискационная денежная реформа В.С. Павлова) оказались тщетными. «Регулируемый социалистический рынок» стремительно катился под откос.

Перестройка затронула не только экономику, но и другие сферы жизни советского общества — внутреннюю и внешнюю политику, культуру. Преобразования в этих сферах непосредственно вытекали из курса на экономическую либерализацию. По этой причине демократизация советской политической системы была начата вслед за экономическими реформами, а не предшествовала им.

Процесс медленного реформирования политической системы начался с провозглашения гласности (май 1985 г.) важнейшим условием демократизации государства и всей общественной жизни. На этом, правда, процесс застопорился на три года, хотя допущенная сверху гласность исподволь набирала обороты, постепенно распространяясь на все сферы общественной и культурной жизни. Ослабевали цензурные ограничения, прекратилось глушение «вражьих голосов» и расширялась свобода получения информации, снимались прежние запреты на художественные произведения, кинофильмы и т.д. Начался процесс освобождения из лагерей политзаключенных, отбывавших сроки за антисоветскую деятельность. В августе 1986 г. было принято правительственное постановление об упрощении порядка въезда в СССР и выезда из СССР по частным делам. В декабре 1986 г. был возвращен из шестилетней ссылки в г. Горький (Нижний Новгород) академик А.Д. Сахаров. Все эти новые веяния перестройки получили широкое одобрение как в советском обществе, так и в международном общественном мнении.

Летом 1988 г. на XVIII Всесоюзной конференции КПСС вопрос о необходимости реформы политической системы был, наконец, поставлен в практическую плоскость. Решающим направлением задуманных преобразований стало обеспечение реальной власти Советов народных депутатов как политической основы Советского государства, что требовало пересмотра действующей Конституции СССР 1977 г. Предполагалось изменить систему высших органов власти и порядок выборов на всех уровнях. Еще в июне 1987 г. на выборах в местные органы власти впервые была опробована система альтернативного голосования. На повестку дня вставал вопрос о передаче в ближайшей перспективе всех рычагов власти от Коммунистической партии Советам народных депутатов. Этот принципиальной важности вопрос поставил КПСС на грань раскола.

Что касается внешней политики горбачевского руководства, то перемены в ней нередко опережали и экономические, и внутриполитические преобразования. Причем изменения в этой области иной раз были даже более радикальными, чем в экономике или внутренней политике. Именно в годы перестройки был положен конец затянувшейся почти на полвека холодной войне между Востоком и Западом. В значительной степени это произошло благодаря инициативам и настойчивости Михаила Горбачева.

Внешняя политика стала излюбленным занятием молодого генсека. Она будет доставлять ему несравнимо больше удовольствия, чем болезненные внутрипартийные или экономические вопросы. Отправив в июле 1985 г. «на повышение» своего благодетеля А.А. Громыко[1], ветерана сталинско-брежневской дипломатии, Горбачев установил прямой личный контроль над внешнеполитическими делами.

Уже в самом начале своей международной деятельности — в ходе встреч с П.Э. Трюдо, М. Тэтчер, Ф. Миттераном и Р. Рейганом — он сумел произвести благоприятное впечатление на Западе и умело пользовался этим для продвижения провозглашенного им в 1987 г. курса на «новое политическое мышление»[2].

«Новое политическое мышление сыграло свою роль как необходимый разрыв с догмой классовой борьбы в международных отношениях», — авторитетно свидетельствует академик Евгений Максимович Примаков, один из бывших членов «команды Горбачева»[3].

Осознание феномена глобализации международной жизни, настоятельно требовавшей более тесного согласования интересов государств с различными социальными системами при решении военно-политических, экономических и экологических проблем, имеющих планетарное значение, стало для руководства СССР важнейшим шагом вперед в осмыслении новых мировых реальностей.

А провозглашенный в концепции «нового политического мышления» приоритет общечеловеческих ценностей над классовыми означал фактический разрыв с прежней ленинской внешней политикой, десятилетиями ориентированной на противоборство с мировым капитализмом. Этот мировоззренческий поворот свидетельствовал об умонастроениях как самого генсека, так и его тогдашних внешнеполитических советников.

---

[1] В благодарность за активную поддержку кандидатуры Горбачева на мартовском (1985 г.) Пленуме ЦК А.А. Громыко получил престижный, но в действительности скорее почетный пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР. При этом Горбачев сумел проигнорировать желание Громыко назвать своего преемника в МИД из числа кадровых дипломатов первого эшелона. Новым министром иностранных дел по предложению Горбачева стал совершенно неопытный в дипломатии Э.А. Шеварднадзе, что вызвало всеобщее удивление. Многие не без основания усмотрели в этом желание Горбачева держать вопросы внешней политики в своих руках.

[2] См.: *Горбачев М.С.* Перестройка и новое политическое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987. Первые наметки этой концепции можно обнаружить еще в докладе М.С. Горбачева на XXVII съезде КПСС (1986 г.), но представить ее в развернутом виде стало возможно только год спустя, когда генсек укрепил свои позиции в Политбюро, избавившись от большинства брежневских сподвижников.

[3] Запись беседы с Е.М. Примаковым 31 января 2013 г.

К сожалению, у Горбачева не нашлось подобной решимости и таких же советников в решении вопросов экономики, национальной и внутренней политики СССР.

Таков был общий фон, на котором продолжалась научная деятельность Института мировой экономики и международных отношений АН СССР. По символическому совпадению начало перестройки совпало с приходом в Институт нового директора.

Свой среди своих

Уход Яковлева, к которому в ИМЭМО едва успели привыкнуть, породил в коллективе Института тревожные ожидания: кто будет назначен его преемником? В закрытой советской системе отсутствие информации в какой-то мере восполнялось слухами и утечками. К тому же интеллектуалы, искушенные в «византийских» правилах, по которым играла власть, давно уяснили одну простую вещь. Если руководитель учреждения шел на повышение, то те, кто принимал кадровые решения, обычно учитывали его мнение относительно преемника. На это в коллективе ИМЭМО и возлагали надежды. Но на кого укажет (или уже указал) Яковлев? Этого никто не знал, а те, кто знал, — помалкивали.

На этот раз ожидание было недолгим — чуть более трех месяцев. За это время появились слухи, что на пост директора ИМЭМО претендуют два человека: член-корреспондент АН СССР, директор Института Африки Анатолий Андреевич Громыко и Михаил Степанович Капица, тогдашний заместитель министра иностранных дел СССР, которому по возрасту предстояло в скором времени покинуть дипломатическую службу[1].

И тот и другой были хорошо известны в академической среде. При таком раскладе институтские «прогнозисты» оценивали шансы младшего Громыко как предпочтительные. Он начинал как дипломат и ученый-американист, назначенный в 1976 г. (директорские посты в других более престижных «мозговых центрах» Академии наук были тогда заняты) руководить советской африканистикой. Но самое главное — он был сыном нового Председателя Президиума Верховного Совета СССР, второго после Горбачева человека в верхнем эшелоне власти.

Профессор М.С. Капица — крупный дипломат, авторитетный китаист, специалист по проблемам Азиатско-Тихоокеанского региона, человек неординарных поступков.

По разным причинам обе эти кандидатуры не устраивали научный коллектив ИМЭМО, знавший времена, когда им руководили такие масштабные личности, как А.А. Арзуманян и Н.Н. Иноземцев. В качестве наиболее желательной в Институте называли кандидатуру академика Е.М. Примакова, которого хорошо знали и уважали. Надеялись, что он

[1] Впоследствии А.Н. Яковлев подтверждал обоснованность этих слухов.

вернется в ИМЭМО после смерти Иноземцева еще в 1982 г. Впрочем, мнением научного коллектива по этому вопросу «наверху» не интересовались ни в 1982 г., ни в 1985-м. Все по-прежнему решалось келейно, в высоких кабинетах на Старой площади.

В ожидании назначения нового директора, как и после смерти Иноземцева до назначения Яковлева, Институтом временно руководил доктор экономических наук Владлен Аркадьевич Мартынов, заместитель директора ИМЭМО с 1971 г.

Слухам и предположениям был положен конец в последний день октября 1985 г. когда вышло постановление Президиума АН СССР, подписанное Президентом Академии наук А.П. Александровым и Главным ученым секретарем Г.К. Скрябиным. Постановление гласило: «Назначить академика Примакова Евгения Максимовича директором Института мировой экономики и международных отношений АН СССР с последующим утверждением в соответствии с § 72 Устава Академии наук СССР, освободив его от обязанностей директора Института востоковедения АН СССР»[1].

Эта новость молниеносно разнеслась по всем двадцати этажам Института, где она вызвала вздох радостного облегчения. Лучшего директора нельзя было и желать. Все помнили, как с первых дней своего прихода в ИМЭМО в 1970 г.[2] Примаков гармонично вписался в коллектив Института, где сразу же стал «форвардом» в команде Иноземцева и взял на себя значительную долю ответственности за проводимые в ИМЭМО научные исследования. За это время, оставаясь ведущим экспертом по ближневосточным вопросам, он превратился в авторитетного международника с глобальным видением актуальных проблем мировой экономики и политики. Инициированные Примаковым ситуационные анализы составили важнейший компонент научных исследований в ИМЭМО, за что он сам и члены его рабочей команды в 1980 г. были удостоены Государственной премии СССР[3].

Впоследствии, спустя десять лет, стали известны некоторые детали назначения Примакова в ИМЭМО, отчасти подтвердившие слухи, которые ходили по Институту после ухода Яковлева на работу в аппарат ЦК. Сам Яковлев, лучше многих знавший аппаратные правила, хотел бы видеть своим преемником директора Института востоковедения АН СССР (ИВАН) Е.М. Примакова, о чем он и сказал Горбачеву, справедливо надеясь на одобрение этой кандидатуры. Однако совершенно неожиданно для себя он не нашел поддержки у генсека, у которого, как оказалось, были свои соображения на этот счет. Горбачев тогда еще не был лично знаком с Примаковым. Зато он чувствовал себя обязанным А.А. Громыко, а тот хотел бы

---

[1] Личное дело Е.М. Примакова // Архив ИМЭМО РАН.

[2] Первый приход Е.М. Примакова в Институт имел место еще в 1962 г., при А.А. Арзуманяне. Тогда он проработал там совсем недолго. Здесь, уже работая в «Правде», он в 1968 г. защитил свою докторскую диссертацию, посвященную социально-зкономическим проблемам Египта эпохи президента Г.А. Насера.

[3] О работе Е.М. Примакова в ИМЭМО в 1970 – 1977 гг. см.: гл. 8. С. 395-411.

видеть своего сына директором ИМЭМО. Судя по всему, Горбачев обнадежил старшего Громыко на этот счет. Личные соображения здесь явно вступили в противоречие с привычными правилами аппаратных игр, предполагавших учет рекомендации уходящего на повышение руководителя относительно своего преемника.

Яковлев был крайне озадачен. Если его сотрудничество с Горбачевым начинается с того, что генсек не хочет прислушаться к его, Яковлева, мнению относительно назначения своего преемника в ИМЭМО, — вопрос совершенно незначительный с точки зрения большой политики, которой им предстояло заниматься, — то что же будет дальше?..

Яковлев, надо сказать, проявил здесь характер[1] и продолжал настаивать на кандидатуре Примакова, несмотря на всю деликатность ситуации с обязательствами Горбачева перед Андреем Андреевичем Громыко, который и без того был уязвлен назначением Шеварднадзе своим преемником в МИДе.

Сам Примаков в опубликованных воспоминаниях достаточно сдержанно описывает обстоятельства своего возвращения в ИМЭМО, не раскрывая всех деталей и не называя имен. «На моей кандидатуре настаивал Александр Николаевич, — пишет он. — Горбачев вначале колебался, а потом под "прессингом" Яковлева все-таки согласился. Я переходил с директорской должности в Институте востоковедения — тоже очень важного академического института, не уступающего по размерам ИМЭМО. И все-таки ИМЭМО был значимее в плане выработки новых идей, новых подходов, нового отношения к процессам, происходившим в мире»[2].

Спустя почти полтора десятка лет после публикации воспоминаний Е.М. Примаков чуть более подробно повторил прежнюю версию своего назначения в ИМЭМО.

Из беседы с Евгением Максимовичем Примаковым:

> «Инициатором моего назначения на пост директора ИМЭМО был Яковлев. Он пригласил меня к себе в институт и спросил, соглашусь ли я, если мне предложат занять оставляемый им пост. Я, естественно, сразу

---

[1] Деликатный момент в этой истории присутствовал и для самого Яковлева. Известно, что в последние месяцы жизни Черненко Яковлев через Примакова привлек Анатолия Громыко к «поискам взаимопонимания» между Громыко-старшим и Михаилом Горбачевым с тем, чтобы расположить влиятельного члена Политбюро в пользу последнего в перспективе предстоящего в скором времени избрания нового Генерального секретаря. Это подтверждается воспоминаниями Михаила Горбачева и Анатолия Громыко. См.: *Горбачев Михаил.* Указ. соч. Т. 1. С. 266–267: *Громыко Анатолий.* Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля (воспоминания и размышления сына). М., 1997. С. 83–95. Конфиденциальные разговоры с Анатолием Громыко на эту тему начал Примаков, а Яковлев продолжил. Любопытно, что разговоры велись не в академических кабинетах, а на совместных прогулках. В первом случае — у Патриарших прудов, а во втором — на Профсоюзной улице, по соседству с ИМЭМО. Казалось, в 1985 г. все должно было расположить Яковлева в пользу Анатолия Громыко, тем более что этого хотел Горбачев. Тем не менее, когда встал вопрос о его преемнике на посту директора ИМЭМО, Яковлев сделал твердый выбор в пользу Примакова и сумел настоять на нем.

[2] *Примаков Евгений.* Годы в большой политике. М., 1999. С. 20–64.

> согласился, так как проработал в ИМЭМО целый ряд лет, знал хорошо этот институт, его сотрудников и его значение. А дальше началась ситуация, трудно определяемая даже с расстояния прошедших лет. Судя по всему, М.С. Горбачев не сразу согласился с моим назначением. В то время он меня еще не знал лично или плохо знал, и не исключаю, что он уже был заангажирован согласием на предложение дать этот пост другому человеку. Думаю, что в соответствующих отделах ЦК и в Президиуме АН СССР этот вопрос не обсуждался. Возможно, Горбачев обсуждал его со своим ближайшим окружением — не знаю. Так или иначе, но он, в конце концов, согласился с настойчивым предложением А.Н. Яковлева»[1].

Из этого со всей очевидностью следует, что назначение Примакова — результат личного кадрового решения Горбачева, принятого под давлением Яковлева. Судя по дальнейшему развитию событий, Михаил Сергеевич не пожалел о своем решении, благодаря которому, при активном содействии Яковлева, не только близко познакомился с Примаковым, но и включил его в состав своей команды.

Это будет иметь далеко идущие последствия для судьбы Евгения Максимовича, который получит возможность принимать непосредственное участие — беспрецедентный до тех пор случай для директора академического института — в формировании политического курса СССР. В этом смысле возвращение Примакова в ИМЭМО имело принципиальное значение для Института, интеллектуальный потенциал которого в течение второй половины 80-х гг. будет востребован в полной мере.

Сразу же после утверждения Е.М. Примакова директором ИМЭМО[2] в Институт, как того требовали правила, приехал А.Н. Яковлев для официального представления коллективу нового директора. Впрочем, в данном случае это была очевидная формальность. Актовый зал ИМЭМО, где собрались сотрудники Института, встретил Яковлева и Примакова аплодисментами, которые — это было очевидно — шли от души. Яковлев не стал затягивать свое представление, пожелав новому директору успехов, а Примаков сказал, что вернулся «в свой коллектив», и выразил надежду на плодотворное сотрудничество и продолжение лучших традиций ИМЭМО.

Действительно, он был своим, причем не только в ИМЭМО. «В каком бы коллективе он ни работал — а их в его жизни было много, — умел найти общий язык. В каждом коллективе к нему относились с уважением. В каждом печалились, если он уходил», — свидетельствует академик Аполлон Борисович Давидсон, знавший Примакова с начала 60-х гг. и работавший с ним в Институте востоковедения АН СССР.

«Почему его любили? — продолжает Давидсон. — В каждом, с кем он работал, он видел человека. Никогда в жизни не был высокомерным.

---

[1] Запись беседы с Е.М. Примаковым 31 января 2013 г.

[2] Окончательная легитимация Е.М. Примакова в должности директора ИМЭМО, в соответствии с академическим Уставом, состоялась на Общем собрании Академии наук СССР 20 марта 1986 г. // Личное дело Е.М. Примакова. Архив ИМЭМО РАН.

Кажется, это так просто. Но в жизни, увы, такое ведь встречаешь куда реже, чем надо, чем бы хотелось»[1].

Академик Давидсон знает, что говорит. Именно Примакову он, родившийся в сталинской ссылке в Сибири и добившийся признания как крупнейший ученый-африканист, будучи человеком либеральных убеждений, беспартийным, а значит — невыездным, обязан тем, что на шестом десятке лет получил, наконец, возможность напрямую общаться с иностранными коллегами. Сначала Примаков, невзирая на анкету, приобщил тогда еще профессора Давидсона к участию в престижных Дартмутских встречах, проходивших в СССР, а потом добился для него права выезда за границу[2].

И это был далеко не единичный случай помощи Примакова тем коллегам, к которым у «компетентных органов» были претензии, зачастую надуманные. Из рассказов тех, кому помог по жизни Евгений Максимович, можно было бы составить солидного объема сборник. Эта помощь касалась самых жизненно важных вопросов. Кому-то он помог стать «выездным», кому-то помог с трудоустройством или жильем, кому-то, через свои связи — с дефицитными в СССР лекарствами.

Из воспоминаний академика Нодари Александровича Симонии, работавшего с Примаковым еще в Институте востоковедения АН СССР:

> «Много раз в кабинете Примакова я был свидетелем того, как кто-то обращался к нему с различными просьбами. У кого-то серьезно заболела жена, и нужно было достать лекарства или помочь с устройством в хорошую клинику. Кто-то жаловался на совершенно невыносимые жилищные условия и т.д. Примаков тут же доставал пухлую записную книжку и отыскивал нужную фамилию. Затем снимал телефонную трубку и звонил тем, кто мог бы помочь нуждающемуся человеку. У него были очень широкие контакты, даже на самом верху, что позволяло мгновенно решать тот или иной вопрос.
>
> Помню, уже в ИМЭМО, в 90-е годы, ко мне обратился сотрудник моего отдела, переведенный к нам из разведки. Долгое время он был резидентом в странах Латинской Америки. Выйдя в отставку, вернулся в Москву, где, не имея жилья, вынужден был снимать комнату. Однажды он пожаловался мне на трудные условия жизни.
>
> Я посоветовал ему обратиться с соответствующей просьбой к Примакову, который в это время руководил СВР. "Да разве Евгений Максимович меня примет?" — удивленно отреагировал бывший разведчик. Я сказал, чтобы он все же записался к нему на прием как сотрудник ИМЭМО, сославшись на меня.
>
> Через несколько дней он прибежал ко мне и радостно сообщил, что ему дают квартиру в ведомственном доме СВР.
>
> Я мог бы привести множество других примеров самого доброго отношения Примакова к людям. Когда он из разведки пришел в МИД, дипломаты вздохнули с облегчением. Примаков добился для них повышения зарплаты,

---

[1] *Давидсон Аполлон.* Давай подольше проживем. — Меркурый/Партнер. Совместный выпуск ТПП Российской Федерации и Белорусской ТПП. Москва — Минск. 2009, № 3. С. 3.

[2] Запись беседы с А.Б. Давидсоном 6 марта 2013 г.

наладил нормальную работу мидовской столовой, значительно улучшил условия загранкомандировок и т.д. Точно так же он заботился о своих сотрудниках, когда работал в СВР.

Все это Примаков делал вовсе не из расчета на ответную благодарность. Можно сказать, что для него это была копилка добродетелей»[3].

А были такие, кто считал Евгения Максимовича своим спасителем в буквальном смысле слова. Среди последних, в частности, профессор Юрий Ильич Рубинский, ветеран ИМЭМО, самый авторитетный отечественный политолог-франковед, долгое время проработавший советником посольства СССР, а потом и России в Париже. В середине 90-х гг. его сразила тяжелая болезнь, на лечение которой срочно требовалась крупная сумма. Необходимых средств у семьи не было, и все могло бы окончиться печально, если бы Е.М. Примаков, в то время министр иностранных дел России, узнав о тяжелой ситуации Рубинского, не распорядился в срочном порядке найти требуемую для хирургической операции и последующего лечения во Франции сумму.

Благодаря своевременной квалифицированной (и дорогостоящей) помощи, страшная болезнь была побеждена, и Ю.И. Рубинский вернулся к полноценной жизни и работе — сначала в российском посольстве во Франции, а затем в Институте Европы РАН, где он возглавил Центр французских исследований. Об этой истории Ю.И. Рубинский в начале 2000-х рассказал своему ученику, автору этих строк[4].

Сам же Евгений Максимович никогда не вспоминал о том, кому, когда и чем помог. Но важно, что об этом помнят те — другие. Евгений Примаков, тонкий ценитель поэзии, когда-то написал:

Я много раз грешил, но никогда не предал
Ни дела, чем живу, ни дома, ни людей.
Я много проскакал, но не оседлан,
Хоть сам умею понукать коней[5].

Все, кто хорошо его знал, единодушно подтверждают, что это истинная правда. Человек глубоко порядочный, он не выносил предательства. При этом никогда не мстил. Просто вычеркивал предателя из своей жизни.

Он — едва ли не единственный из премьер-министров ельцинской поры, который, уйдя с этого поста, ничего не попросил в порядке компенсации: ни собственного банка, ни фонда своего имени, ни солидного пакета акций в «Газпроме» или в другой сверхприбыльной компании — *ни-че-го*. Однажды ему задали вопрос: «Трудно жить не берущему в условиях нынешней России?» Он честно ответил: «Трудно»[6].

---

[3] Запись беседы с Н.А. Симонией 27 марта 2013 г.

[4] Из личных воспоминаний автора.

[5] Цит. по: Вторая муза историка. Неизученные страницы русской культуры / Сост. А.А. Сванидзе. М., 2003. С. 498.

[6] Меркурый/Партнер. 2009, № 3. С. 7.

С чистыми руками Примаков вошел во власть. С чистыми руками он из нее и вышел. Он был своим всюду, где работал: в Радиокомитете и в «Правде», в ИМЭМО и в Институте востоковедения, в Службе внешней разведки и в Министерстве иностранных дел, в правительстве Российской Федерации и в Торгово-промышленной палате. Везде его искренне уважали и столь же искренне сожалели, когда он переходил на другую работу.

И только для «большой семьи» президента Бориса Ельцина академик Примаков не стал «своим». Он заведомо был для нее чужим, как чужими для окружения императора Николая II были Сергей Юльевич Витте и Петр Аркадьевич Столыпин, пытавшиеся спасти Россию от грозящей ей гибели.

Академик Нодари Александрович Симония, знавший Примакова со студенческих лет, вспоминает, что когда Евгений Максимович в 1977 г. возглавил Институт востоковедения, имевший очень давние традиции, там поначалу встревожились, полагая, что он развернет Институт к современности в ущерб налаженным академическим исследованиям древнего и средневекового Востока. Но очень скоро эти опасения рассеялись. Примаков действительно актуализировал проблематику Института востоковедения, связав ее с насущными потребностями советской внешней политики, но полностью сохранил то ценное и уникальное, что было присуще исследованиям, начинавшимся еще в 1818 г. в Азиатском музее при Императорской академии наук, от которого ведет свою родословную Институт востоковедения. С приходом туда Примакова научная жизнь и общая атмосфера в Институте заметно оживились

В Институте очень оценили, что новый директор не присваивает чужого авторства, а пишет свои труды самостоятельно, что свойственно далеко не всем руководителям научных учреждений.

Н.А. Симония, тридцать лет (1958 – 1988) проработавший в Институте востоковедения, признается: «Примаков был первым и последним в моей жизни начальником, который не заставлял меня писать за него»[1].

Все свои книги на посту директора ИВАНа Примаков написал сам, выкраивая то немногое время, которое у него оставалось от административной работы и частых зарубежных командировок. Как свидетельствует Н.А. Симония, Примаков старался ежедневно на час-полтора отключаться от текущих дел и, расхаживая по кабинету, диктовать стенографистке главы из очередной книги, после чего правил и дополнял отпечатанный текст. Первый вариант готовой рукописи он просил Симонию или кого-то еще, чьим мнением дорожил, прочитать и высказать замечания, к которым относился серьезно и чаще всего учитывал[2].

Уже одно это обеспечило Примакову симпатии научного коллектива, не привыкшего к авторской самостоятельности начальника. За восемь лет работы в ИВАНе Примакова там высоко оценили и очень сожалели, когда он согласился вернуться в ИМЭМО.

---

[1] Запись беседы с Н.А. Симонией 27 марта 2013 г.

[2] Там же.

Из воспоминаний члена-корреспондента РАН Олега Николаевича Быкова, бывшего заместителя директора ИМЭМО:

> «Евгений Максимович Примаков директорствовал в ИМЭМО с 1985 по 1989 г. Но фактически в руководстве Института был уже в 1970—1977 гг., когда по приглашению Николая Николаевича Иноземцева работал его первым заместителем. И вовсе не для того, чтобы, как он сам в шутку говорит, «сидеть в лавке» во время частых и длительных отлучек директора, трудившегося на правительственных дачах в группах по подготовке материалов для высшего партийного начальства. Николаю Николаевичу нужен был надежный соратник, с которым он мог бы разделить ответственность за уникальный центр научного поиска. И он знал, кого пригласить — единомышленника, исследователя с большим творческим потенциалом, человека молодого, но уже с богатым жизненным опытом, достаточно показавшего себя при всех зигзагах судьбы»[1].

Примаков хорошо знал не только руководящий состав, но и многих рядовых сотрудников Института. Он имел достаточно полное представление об основных направлениях научных исследований, проводимых в ИМЭМО. Поэтому ему потребовался минимум времени, чтобы освоиться на новом старом месте и взять в свои руки руководство текущими делами.

Примаков начал с оптимизации организационной структуры Института, увязав ее с задачей актуализации научных исследований и повышением их практической отдачи. Здесь он проявил больше понимания специфики научного процесса, чем его предшественник, скорректировав некоторые непродуманные кадровые решения Яковлева.

Об одном из таких решений вспоминает академик Алексей Георгиевич Арбатов, к моменту возвращения Примакова — молодой заведующий сектором проблем разоружения, настаивавший на развертывании серьезных исследований в этой области, но не понятый в должной мере Яковлевым. «С приходом Примакова для меня изменилось очень многое, — вспоминает А.Г. Арбатов. — Сначала под горячую руку мой Сектор разоружения определили в Отдел международных отношений. Но я имел вечерний разговор с Примаковым и убедил его создать новый Отдел разоружения и безопасности. Он согласился. Мы стали выпускать ежегодник "Разоружение и безопасность", принимали активное участие во всех прорывах в области разоружения конца 80-х и начала 90-х гг., благодаря связям Евгения Максимовича с Шеварднадзе и Яковлевым. Некоторые из наших сотрудников стали участниками переговоров. Я бы сказал, что настоящий "старт" моей научной карьере дал именно Примаков в те годы»[2].

Примаков создает ряд других новых научных подразделений, упразднив часть прежних. Он реорганизовал Сектор общих проблем импери-

---

[1] Запись беседы с О.Н. Быковым 18 февраля 2013 г.

[2] Запись беседы с А.Г. Арбатовым 27 декабря 2012 г. Ежегодник «Разоружение и безопасность» с 1989 г. стал выходить на двух языках — русском и английском, что сделало его одним из самых авторитетных в мире изданий в этой области. — *П.Ч.*

ализма в Отдел общих проблем политической экономии современного капитализма с целью активизации фундаментальных исследований в области экономической теории. Реорганизации подвергся также Отдел международных экономических отношений, в котором были образованы три сектора и пять тематических групп.

Для решения задачи комплексной компьютеризации научных исследований Примаков создал в Институте Отдел информатики и экономико-математических методов. В рамках Центра западноевропейских исследований был сформирован Сектор проблем западноевропейской интеграции.

В апреле 1987 г. в Институте была сформирована Межотдельская рабочая группа по изучению новых форм внешнеэкономических связей во главе с И.С. Королевым, призванная разрабатывать предложения по долгосрочной стратегии развития внешнеэкономических связей СССР и оперативно готовить аналитические материалы по новым формам управления внешнеэкономическими связями и новым инструментам внешнеэкономической политики[1]. Роль координирующего центра исследований на этом направлении решением Примакова была поручена созданному в Институте Научному совету по внешнеэкономическим связям СССР под председательством И.С. Королева.

В Отделе международных экономических отношений, которым руководил И.С. Королев, среди прочих важных проблем уже в 1988 г. разрабатывались рекомендации правительству по таким вопросам, как возможности обеспечения конвертируемости рубля и перспективы вступления СССР в Международный валютный фонд (МВФ), Международный банк реконструкции и развития (МБРР) и присоединения к Генеральному соглашению по тарифам и торговле (ГАТТ) — ныне Всемирная торговая организация (ВТО).

Другим важным направлением деятельности нового директора стало выдвижение перспективных молодых научных сотрудников на руководящие должности. Помимо упоминавшегося уже А.Г. Арбатова, на повышение пошли И.С. Королев, ученик М.М. Максимовой, назначенный заместителем директора Института[2], А.А. Дынкин, будущий академик и директор ИМЭМО, В.Г. Барановский — тоже будущий академик, Р.Р. Симонян и др. В общей сложности в ходе реорганизации восемь руководящих должностей в Институте заняли научные сотрудники в возрасте до 40 лет[3].

Сохранив в основном прежнюю руководящую команду, созданную еще Н.Н. Иноземцевым, Примаков частично обновил ее за счет молодых выдвиженцев и новых людей.

---

[1] Приказ по ИМЭМО АН СССР № 403 от 23 апреля 1987 г. // Архив ИМЭМО РАН.

[2] Он занял место, освободившееся после перехода на работу в МИД в июле 1986 г. И.Д. Иванова, одного из заместителей директора Института. В дальнейшем И.Д. Иванов станет заместителем председателя Государственной внешнеэкономической комиссии Совета Министров СССР, заместителем министра иностранных дел России.

[3] Отчет о научной и научно-организационной деятельности ИМЭМО АН СССР в 1986 г. С. 44 // Архив ИМЭМО РАН.

К числу последних относился доктор исторических наук Александр Константинович Кислов, занявший пост заместителя директора. По всей видимости, Примаков познакомился с Кисловым еще в конце 60-х гг. в Каире, где оба работали как журналисты — Примаков от «Правды», а Кислов от ТАСС. В дальнейшем Кислов перешел на работу в Институт США и Канады АН СССР, где заведовал сектором ближневосточной политики США, стал доктором наук. Он был известен не только своими серьезными публикациями по американо-ближневосточной проблематике, но и активными обличениями мирового сионизма в печати, что не могло не подмочить его репутации в кругах либерально настроенной интеллигенции. В ИМЭМО А.К. Кислов проработает до самой своей смерти в 2010 г., уже оставив пост заместителя директора.

Примаков обычно избегал водить за собой «своих людей» при переходе на новую работу. Когда в 1977 г. он уходил в Институт востоковедения, то взял только трех человек — В.И. Любченко, И.Д. Звягельскую и Ю.М. Рю, переводчика с японского языка, хотя многие надеялись последовать за ним. Вот и теперь, вернувшись в ИМЭМО, он никого не привел из ИВАНа, решив опираться на «аборигенов». И лишь спустя полтора года он «переманил» из Института востоковедения в ИМЭМО своего давнего друга, авторитетного специалиста по проблемам «третьего мира», доктора исторических наук, профессора Нодари Александровича Симонию, который станет одним из заместителей Примакова, а впоследствии — академиком и директором ИМЭМО.

Большой заслугой Примакова стало возвращение в ИМЭМО Германа Германовича Дилигенского, выдающегося ученого, основателя целого направления в отечественной политологии. Вынужденный покинуть ИМЭМО в ходе «охоты на ведьм» в 1982 г.[1], Дилигенский нашел убежище в Институте международного рабочего движения, где работал в качестве заведующего сектором. Примакову удалось уговорить его вернуться в ИМЭМО и возглавить исследования социальных и внутриполитических проблем развитых капиталистических стран. Формально отделом руководил замдиректора Института И.Е. Гурьев, но Дилигенский, безусловно, считался признанным интеллектуальным лидером. Это произошло в мае 1987 г., а уже в январе 1988 г. Примаков доверил Дилигенскому руководство журналом «Мировая экономика и международные отношения», добившись согласия на это назначение в ЦК КПСС.

Дилигенский заменил на этом посту ветерана партийной журналистики, 87-летнего Якова Семеновича Хавинсона, деликатно, со всеми надлежащими почестями отправленного Примаковым на пенсию. Под руководством Дилигенского журнал «МЭ и МО», давно имевший добрую репутацию, превратился в лучшее отечественное периодическое издание в области политологии и экономики. Публиковаться в «журнале Дилиген-

[1] Вместе с Дилигенским в ИМРД ушли тогда и два его ближайших соратника — д.и.н. К.Г. Холодковский и к.и.н. И.М. Бунин. Впоследствии Холодковский, как и Дилигенский, вернется в ИМЭМО, а Бунин создаст независимый Центр политических технологий.

ского» считалось делом очень престижным. Когда в «лихие» 90-е ИМЭМО будет переживать самые тяжелые в своей истории времена, журнал Дилигенского достойно поддержит репутацию Института и станет нравственной и профессиональной опорой для тех, особенно молодых, кто сохранил верность науке.

Для директорского стиля Примакова характерным было сочетание требовательности к выполнению планов и заданий с уважительным отношением ко всем без исключения сотрудникам. Директор интересовался не только содержательной стороной подготавливаемых в секторах и отделах материалов, но и тем, кто готовит эти материалы. Он хорошо знал, кто чего стоит, на кого можно опираться, кому доверять.

Из воспоминаний члена-корреспондента РАН Ивана Сергеевича Королева, бывшего заместителя директора ИМЭМО:

> «Новый расцвет ИМЭМО при Примакове произошел во многом благодаря его личным качествам: выдающиеся способности геополитического и ситуационного аналитика, понимание важности фундаментальных исследований для верного позиционирования страны в современном мире, умение видеть и четко формулировать главное, наконец, исключительная работоспособность.
>
> Много раз Евгений Максимович за ночь, если было надо, порой кардинально переделывал подготовленные нами — заместителями — аналитические записки для руководства страны. При этом не было ни крика, ни упреков, чем часто отличаются многие академические (и не только) начальники.
>
> Евгений Максимович полностью доверял своим замам по научной работе, предоставляя им карт-бланш в рамках соответствующих компетенций, не лез в мелочи. Но стратегическое направление исследований он контролировал жестко. Одновременно досконально знал финансово-хозяйственную ситуацию в Институте, следил за организацией досуга коллектива, помогал заболевшим коллегам. Пример для любого руководителя.
>
> Он высоко ценил настоящих ученых и дорожил ими. Большое внимание уделял молодежи. Регулярно проводил содержательные беседы тет-а-тет с каждым перспективным молодым научным сотрудником. Следил за их работами.
>
> Как настоящий ученый, Е.М. Примаков ненавидел штампы и клише. Он ориентировал исследования Института на поиски новых тенденций глобального развития, новых подходов к использованию мирового опыта. Одновременно Евгений Максимович был прагматиком, в том смысле, что он глубоко понимал проблемы страны, наши реалии, опасность принятия идеалистических, непродуманных решений.
>
> Что касается человеческих качеств, то могу привести лишь один факт. Многие "старослужащие" Института, старшие и главные научные сотрудники, которые работали с ним еще в 60-е годы, оставались с ним на "ты", обращались к нему "Женя". Даже когда он уже был министром, а затем и руководителем Правительства. На мой взгляд, это показательно.
>
> Примаков был абсолютно лоялен к своим предшественникам по руководству Институтом. И прежде всего, к Николаю Николаевичу Иноземцеву, которого он безмерно уважал. Как бы в душе ни относился он к М.С. Горба-

чеву или Б.Н. Ельцину, Евгений Максимович честно работал в их командах. Главными для него были интересы страны и репутация в обществе»[1].

С такой оценкой согласны многие из тех, кто непосредственно работал с Примаковым в ИМЭМО в 70-е и 80-е гг.

Примаков продолжил линию Яковлева на «реабилитацию» тех сотрудников ИМЭМО, которые по разным причинам, как правило, надуманным, оказались в списках невыездных. Он напрямую обращался с соответствующими просьбами в ЦК и КГБ, и ему обычно не отказывали. Помогал он решать и «проклятый» жилищный вопрос.

Директор принял непосредственное участие в разработке перспективного плана социально-экономического развития коллектива ИМЭМО. В этом плане, наряду с вопросами производственной деятельности, намечалась система мер по улучшению условий жизни и отдыха сотрудников Института[2]. Это был поистине гуманистический документ, немыслимый в наше, увы, далекое от гуманизма время.

Среди запланированных мер предполагалось, в частности, строительство пансионата для сотрудников Института, улучшение обеспечения сотрудников путевками в дома отдыха, санатории и пансионаты, особенно семейные, а детей сотрудников — в пионерские лагеря и другие детские учреждения. В условиях все более острого продовольственного дефицита план развития предполагал улучшение общественного питания в Институте (столовая и буфет) и системы продовольственных заказов через заключение договоров с объединением «Мосмолоко» и соседним с ИМЭМО магазином-кафе «Колобок».

План предусматривал обеспечение государственной и кооперативной жилой площадью от 20 до 30 семей остро нуждающихся в жилье сотрудников, причем в приближенных к Институту кварталах. Переговоры на эту всегда актуальную в России тему Е.М. Примаков при поддержке секретаря парткома ИМЭМО Сергея Благоволина вел с руководством Брежневского (потом — Черемушкинского) райкома КПСС. И ему в ряде случаев удавалось решать эти злободневные вопросы, как и вопрос обеспечения сотрудников ИМЭМО личным автотранспортом и бытовой техникой. И то и другое, наряду с продовольствием, составляло жесткий дефицит в плановой советской экономике.

В плане развития предусматривалась организация садово-огородного товарищества на 50—100 дачных участков. Не были забыты пенсионеры и ветераны труда, которым оказывалась материальная помощь, предоставлялись путевки в санатории и дома отдыха, а в случае необходимости над ними устанавливалось шефство.

Последующее развитие событий, когда перестройка зашла в тупик и обострявшийся кризис привел к полному краху не только советской

---

[1] Запись беседы с И.С. Королевым 5 апреля 2013 г.

[2] План социально-экономического развития коллектива сотрудников Института мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР на 1986—1990 гг. // Архив ИМЭМО РАН.

экономики, но и самого СССР, не дало осуществиться всем этим благим намерениям, характерным для уходившей эпохи, что бы ни говорили впоследствии ее непримиримые критики.

Первый год директорства Примакова пришелся на памятную дату — тридцатилетие ИМЭМО. В преддверии этого события директор обратился в Президиум Академии наук с просьбой ходатайствовать перед Президиумом Верховного совета СССР о награждении наиболее отличившихся научных сотрудников Института орденами и медалями[1].

К этой просьбе Примакова «наверху» отнеслись уважительно. Тридцать восемь сотрудников ИМЭМО к институтскому юбилею были отмечены государственными наградами: орденами Октябрьской революции, Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, «Знак Почета», медалями «За трудовое отличие» и «За трудовую доблесть»[2]. Среди награжденных — будущий академик и будущий директор ИМЭМО, а тогда еще 38-летний кандидат экономических наук Александр Дынкин, которого Примаков выделял среди наиболее перспективных ученых нового поколения.

Одним словом, Евгений Максимович Примаков был принят в ИМЭМО как свой. Да он и был своим среди своих. «В нем, несмотря на разнообразие его жизненного пути, органично и полно воплотились личностные черты, соответствующие духу Института», — справедливо отметил в своих воспоминаниях В.И. Марцинкевич, один из ветеранов ИМЭМО[3].

> «Несомненно, на посту директора Примаков намного превосходил как своего предшественника, так и преемника, — говорит академик А.Г. Арбатов. — Первого — потому что имел большой академический опыт, включая долгую работу в качестве заместителя директора ИМЭМО (соратника и во многом ученика Н.Н. Иноземцева), а затем — как директора большого академического института (ИВАН). Он знал ИМЭМО, людей, специфику научной работы и руководства ею. Второго — потому что имел гораздо более широкий научный профиль и горизонт, хотя не так глубоко знал какие-то отдельные экономические вопросы. Кроме того, он имел большой политический вес, о чем говорит его последующая государственная карьера. Тут он превзошел даже Иноземцева. Примаков имел ясную политическую позицию, как центрист или умеренно-консервативный деятель, хотя по ряду тем (отношения с США, разоружение) он был вполне либерален»[4].

---

[1] О 30-летии Института мировой экономики и международных отношений. Записка в Президиум Академии наук СССР. 2 февраля 1986 г. // Архив ИМЭМО РАН. Это могло бы послужить хорошим примером для нынешних руководителей академических (и не только) учреждений, нередко забывающих, что их личные заслуги и достижения — во многом результат работы возглавляемых ими научных коллективов. Е.М. Примаков всегда это понимал и всегда отмечал достойных.

[2] Отчет о научной и научно-организационной деятельности ИМЭМО АН СССР в 1986 г. С. 47—48 // Архив ИМЭМО РАН.

[3] *Марцинкевич В.И.* Человек из прошлого века (мемуар «индивидуалиста»). М., 2011. С. 143.

[4] Запись беседы с А.Г. Арбатовым 27 декабря 2012 г.

Переосмысление догматов

Решение организационных и кадровых вопросов было важной, но, разумеется, не главной заботой нового директора ИМЭМО. Начиналась перестройка, и от Института ожидали теоретического переосмысления новых реальностей — мировых и национальных, требовались новые подходы к решению жизненно важных проблем внутреннего и внешнего порядка, нужны были и конкретные рекомендации. Соответственно, и сам Примаков ставил все эти вопросы перед научным коллективом ИМЭМО. «Сегодня, с расстояния пройденных лет, когда думаешь о том, какие идеи приходилось нам доказывать, пробивать через сопротивление, мягко говоря, консервативных элементов, иногда становится просто смешно», — написал он в своих воспоминаниях, опубликованных на исходе 90-х гг.[1] Правда, с началом перестройки делать это стало гораздо легче, чем в прежние годы. Продвижению новых идей на самый верх способствовал и А.Н. Яковлев, ставший ближайшим сподвижником М.С. Горбачева.

Впоследствии у части сотрудников ИМЭМО возникло представление о том, что с началом перестройки Институт стал работать на Яковлева, выполняя главным образом его задания. С этим категорически не согласен Е.М. Примаков. «Это неправильное мнение, что в начале моего директорства ИМЭМО работал на Яковлева, — говорит он. — Конечно, Яковлев продолжал играть определенную роль, но, нужно сказать, не очень большую: в выработке направлений деятельности Института. Конечно, трудно отрицать, что мы не делали отдельные записки по его просьбе, но это не означало концентрацию ИМЭМО на работе на Яковлева»[2].

Первое, чем пришлось заняться Примакову по возвращении в ИМЭМО, так это участвовать в подготовке материалов к XXVII съезду КПСС, намеченному на февраль-март 1986 г. Он находился в постоянном контакте с Рабочей группой ЦК, в которую входил не только Яковлев, но и другие тогдашние соратники Горбачева. Институт представлял Рабочей группе подготовительные материалы, часть которых была использована в Политическом докладе, с которым на съезде выступил М.С. Горбачев, а также в докладе главы правительства Н.И. Рыжкова об основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986—1990 гг. и на период до 2000 г. Эти материалы вошли в итоговые документы съезда, в т.ч. и в новую редакцию Программы КПСС, принятую на XXVII съезде[3].

В свете последующего развития перестроечных процессов «исторические», как тогда принято было писать, решения XXVII съезда представляются весьма умеренными, но непоследовательными и противоречивыми. Просматриваемая в них обеспокоенность положением дел в стране и в мире,

---

[1] *Примаков Евгений.* Годы в большой политике. М., 1999. С. 26.

[2] Запись беседы с Е.М. Примаковым 31 января 2013 г.

[3] XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза 25 февраля — 6 марта 1986 г. Стенографический отчет. Т. 1—2. М., 1986.

робкие поиски ответов на вызовы времени во многом нейтрализовались инерцией привычного мышления, застарелыми пропагандистскими клише с обличениями исторически обреченного капитализма[1] и утверждениями о безусловном превосходстве мирового социализма. Тем не менее, во внешнеполитическом разделе доклада Горбачева содержались разумные мысли о единстве мира и глобальной ответственности, об отказе от военной конфронтации. Здесь были заложены первые элементы будущей концепции «нового политического мышления», в формировании которой участвовал и ИМЭМО наряду с другими академическими институтами, в частности, с Институтом США и Канады, руководимым академиком Г.А. Арбатовым.

Противоречия были характерны и для доклада Н.И. Рыжкова, посвященного социально-экономическому развитию СССР. Правильность диагноза плачевного состояния советской экономики сочеталась с ошибочным курсом прописанного ей «лечения». Выйти из трудностей предполагалось главным образом путем изменения инвестиционной политики за счет переориентации основного потока капиталовложений в машиностроение и последующего технического переоснащения всей производственной сферы. При этом руководство СССР без всяких на то серьезных оснований надеялось на получение щедрых западных кредитов. Впоследствии и сам Горбачев признал ошибочность всех этих расчетов, высказав мнение, что начинать надо было не с машиностроения, а с сельского хозяйства.

Разумеется, ИМЭМО был далеко не единственным научным центром, участвовавшим в подготовке материалов к съезду. В Рабочую группу ЦК направлялся поток предложений и рекомендаций, исходивших от различных министерств и их НИИ, которые нередко руководствовались ведомственными, а не общегосударственными интересами. В этом потоке противоречивых, а то и взаимоисключающих рекомендаций разобраться было нелегко. Да и внутри Политбюро не было единого взгляда на состояние и перспективы социально-экономического и политического развития СССР. Из этого стремления любой ценой найти компромисс, соединить несоединимое вытекали многие внутренние противоречия, свойственные документам XXVII съезда.

Тем не менее, вклад ИМЭМО и его директора в подготовку решений XXVII съезда наверху оценили должным образом. Академик Е.М. Примаков был избран на съезде кандидатом в члены ЦК КПСС[2]. Это был первый важный шаг в его политической карьере. А предыдущий директор ИМЭМО А.Н. Яковлев стал тогда же членом и даже секретарем ЦК.

---

[1] Такого рода утверждения, зафиксированные в съездовских документах, существенно расходились с анализом современного капитализма, содержавшимся в разработках ИМЭМО, которые на протяжении многих лет направлялись им в ЦК КПСС.

[2] К тому же это была и дань традиции, по которой директора некоторых наиболее важных академических институтов избирались в состав Центрального комитета или Центральной ревизионной комиссии КПСС. Из институтов гуманитарного профиля лишь ИМЭМО и ИСКАН имели подобное представительство в высших органах партии. Избрание Е.М. Примакова в состав ЦК, помимо прочего, означало, что ИМЭМО после событий 1982 г. окончательно реабилитировался в глазах высшей партийной номенклатуры.

С 1986 г. возможности участия Примакова и его Института в выработке рекомендаций для команды Горбачева стали более широкими, хотя сам Евгений Максимович не склонен их преувеличивать, как и степень вовлеченности ИМЭМО в формирование политики перестройки. «Конечно, — говорил он спустя четверть века, — ИМЭМО сыграл свою роль в разработке политики перестройки. Наверх направлялись записки о нашем видении ситуации и за рубежом, и в стране, но формулировочно в этом процессе мы не участвовали. Думаю, что подготовка выступлений Горбачева на эту тему осуществлялась его ближайшим окружением, в которое входили в то время А.Н. Яковлев, В.А. Медведев и другие»[1].

Тем не менее, с началом перестройки Примаков ориентировал Институт на переосмысление социально-экономических и военно-политических реальностей с точки зрения национально-государственных интересов СССР, рассматриваемых в контексте новейших тенденций мирового развития.

Здесь важно отметить, что с началом в стране перестроечных процессов и приходом Примакова в ИМЭМО для научного коллектива Института существенно расширилось поле интеллектуальной свободы, искусственно ограниченное после известных событий 1982 г. Слабели узы самоцензуры, заметно оживились и стали более откровенными дискуссии по актуальным вопросам внутренней и международной жизни. В настроении сотрудников, в их сознании происходил очевидный перелом от безнадежного пессимизма начала 80-х гг.

Предварительная обкатка новых подходов, диктовавшихся велением времени, проходила на трех основных площадках: на заседаниях Ученого совета, Методологического координационного совета ИМЭМО по теоретическим проблемам политической экономии современного капитализма и на ситуационных анализах — любимом детище Е.М. Примакова.

В течение 1986 г. под его председательством было проведено четыре заседания Ученого совета, пять заседаний Методологического совета и четыре ситуационных анализа. На обсуждение ставились важные теоретические проблемы и вопросы практической политики: особенности политического развития современного ГМК, человеческий фактор в современном производстве, военно-стратегическое равновесие, теоретические проблемы современных международных отношений, формы взаимодействия циклических и структурных кризисов, особенности современной структурной перестройки в главных капиталистических странах, ускорение научно-технического прогресса и повышения эффективности управления хозяйством, пути ускоренного развития машиностроения, строительного комплекса и сферы услуг, совершенствование системы внешнеэкономических связей СССР, возможности создания всеобъемлющей системы международной безопасности, включая ее экономические аспекты, международно-правовые вопросы освоения Мирового океана и др.[2]

---

[1] Запись беседы с Е.М. Примаковым 31 января 2013 г.

[2] Отчет о научной и научно-организационной деятельности ИМЭМО АН СССР в 1986 г. С. 3, 45 // Архив ИМЭМО РАН.

Серьезные научные дискуссии продолжались и в последующие годы — в 1987-м и 1988-м. Структура и функционирование современного финансового капитала, долговременные тенденции движения капиталистической прибыли, проблемы сущности денег в современном капитализме, воспроизводство и научно-технический прогресс, монополия, олигополия и конкуренция, категория собственности в политэкономии капитализма, действие закона стоимости в условиях современного капитализма, распределение и перераспределение прибавочной стоимости — таковы лишь некоторые теоретические вопросы из обсуждавшихся тогда в Институте[1].

Наверное, самым трудным было убедить высшее партийное руководство, да и весь консервативный идеологический актив КПСС в том, что капитализм конца XX века — это уже не капитализм эпохи Маркса и даже Ленина. При этом в доказательстве произошедших с тех времен изменений все еще необходимо было апеллировать к Ленину, либо выискивая у него нужные высказывания, либо, если таковые не находились, по-новому его интерпретируя. Что делать — таковы были тогдашние правила, непонятные современному поколению.

Из опубликованных воспоминаний академика Е.М. Примакова:

> «Много шишек набил себе ИМЭМО, доказывая изменившийся характер капитализма. Очень нелегко было вопреки совершенно очевидным вещам, в эпоху научно-технической революции, быстро меняющей облик всего мира, преодолеть сопротивление тех, кто все еще считал, что производственные отношения при капитализме выступают как тормоз развития производительных сил. В штыки встречались догматиками — а они верховодили во всяком случае в соответствующих секторах отделов науки и пропаганды ЦК КПСС — такие бесспорные теоретические положения, выдвигаемые сотрудниками ИМЭМО и некоторых других институтов, как способность производственных отношений меняться в рамках капитализма, приспосабливаясь к требованиям научно-технической революции. Писали, в том числе и я, что этот процесс затрагивает такую политэкономическую "святая святых", как собственность, причем меняются не только ее формы, но и содержание.
>
> Мы показывали, насколько серьезных успехов добился современный капитализм в контролировании инфляции, а подчас и в использовании ее для роста производства, вообще в регулировании на макро- и микроуровнях.
>
> Известно, что Ленин, говоря об историческом месте капитализма, выстраивал следующую цепочку: свободная конкуренция способствует концентрации производства — концентрация в свою очередь приводит к монополиям — монополия ограничивает и стесняет свободную конкуренцию. Конечно, и Ленин не считал, что монополия охватывает все, но главное все-таки заключалось в его выводе о том, что монополия является антиподом конкуренции, которая, как известно, выполняет функцию движущей силы технического прогресса. А как сложилась жизнь, особенно во второй половине XX века?

---

[1] Отчет о научной и научно-организационной деятельности ИМЭМО АН СССР в 1987 г. С. 50–51; Отчет о научной и научно-организационной деятельности ИМЭМО АН СССР в 1988 г. С. 28–29 // Там же.

Во время моего директорства в ИМЭМО мы создали кафедру на экономическом факультете Московского государственного университета, которую на общественных началах я возглавил. На 1 сентября 1986 года в 9 часов утра была назначена моя лекция для студентов третьего курса. Я тщательно к ней готовился, но, несмотря на последовавшие положительные отзывы, не заблуждался — был далек от успеха. В аудитории сидели студенты, не видевшие друг друга несколько месяцев летних каникул, и им было куда интереснее поделиться друг с другом своими впечатлениями. В общем, такого состояния, когда "слышно, как муха пролетит", в аудитории не было. Но все-таки вопросы задавали, и в том числе недоуменные по той части моей лекции, где я сказал: "Требует корректировки понятие монополии, которое так часто трактуется в научной и учебной литературе со ссылкой на Ленина. Во-первых, хотел бы обратить внимание на неустойчивость монополий в капиталистическом мире в современных условиях — возросшая зависимость от рынка поставила даже многие крупные компании на грань банкротства. При высоком научно-техническом уровне современного производства те, кто получают первыми новую технологию, могут ликвидировать монополию, выйдя на рынок с аналогичной продукцией. В таких условиях, приспособляясь к обстановке, преобладающее большинство монополий превращаются в многоотраслевые корпорации. Во-вторых, в капиталистическом мире происходит рост немонополизированного сектора. В 80-х годах на долю этого сектора в капиталистических странах приходилось более 40 процентов валового внутреннего продукта и 60 процентов численности занятых — и не только в наукоемких, но и в 'традиционных' отраслях. В-третьих, конкуренция бурно развивается не только на национальном, но и на транснациональном уровне. Таким образом, можно сделать вывод, что концентрация и централизация капитала в новых условиях не вытесняет конкуренцию и не тормозит научно-технического прогресса". <...>

А сколько сил ушло, например, на то, чтобы доказать очевидное для нас, но не совпадавшее с работами классиков марксизма-ленинизма положение о существовании универсальных законов в отношении производительных сил вне зависимости от характера производственных отношений. Иными словами, что существует ряд одинаковых закономерностей независимо от того, где развивается производство — в социалистическом или капиталистическом обществе. А ведь противники этого очевидного положения практически захлопывали дверь для использования у нас опыта западных стран.

Нас обуревала гигантомания. Мы строили огромные заводы — чуть ли не единственных производителей той или иной продукции в стране, считая, что выигрываем на производительности труда, и ставили себе в заслугу отсутствие конкуренции, в то время как на Западе давно уже поняли преимущества мелкого и среднего производства, рассредоточенного по всей стране. Или многоотраслевая структура управления — около 95 процентов корпораций в США многоотраслевые, а это высшая форма организации производства, над которой уже не стоят ни министерства, ни ведомства. Такая же картина в Японии, Западной Европе. Или создание всех условий, вплоть до организации безлюдных третьих смен, для того, чтобы быстрее амортизировать передовое и дорогостоящее оборудование. Или создание "венчурных" предприятий, призванных решить определенную задачу на острие научно-технического прогресса. Или оптимальная организация сбыта и утилиза-

ции сельскохозяйственной продукции. Этот список, конечно, можно было бы продолжать и продолжать.

Эти и многие другие проблемы становились содержанием записок, направляемых руководству страны»[1].

В период перестройки стало возможным, по словам Примакова, «прорываться» с такими записками на самый верх. «Но часто это происходило поистине в карикатурных формах, — вспоминает он. — ...Николай Иванович Рыжков, тогдашний Председатель Совета Министров, понимая важность производственно-организационного преобразования подшипниковой промышленности для развития отечественного машиностроения, собрал у себя широкое совещание производственников и ученых. Мы в ИМЭМО серьезно подготовились к этой встрече, изучив опыт Швеции, ФРГ, провели несколько обсуждений, вовлекли в работу способных экономистов, в частности А.А. Дынкина и Р.Р. Симоняна. Были на совещании с ними в Кремле во всеоружии, предложив схему создания четырех научно-производственных объединений и подробно показав их структуру. На вопрос, как распределится между ними качественное производство подшипников, ответили, к удивлению многих присутствовавших, что все четыре объединения будут выпускать однотипную продукцию — так мы обеспечим конкуренцию. Тогда взял слово министр автомобильного транспорта и, обращаясь к Председателю Совмина, сказал: "Я обещаю прорыв в подшипниковой области другим путем — мне нужен еще один заместитель, вот его 'объективка'".

Будучи умным человеком, Николай Иванович прервал заседание, сказав министру: "Вы явно не готовы к обсуждению". Но и в Кремль по этому вопросу нас больше не вызывали»[2].

Со времен академика Е.С. Варги в ИМЭМО постоянно изучали циклические кризисы в развитии мирового капитализма и, в конечном счете, пришли к выводу об изменении их характера и последствий в реальностях второй половины XX века, что явилось прямым вызовом традиционной марксистской политэкономии. Еще большим идеологическим «грехом» стало признание возможности конвергенции двух экономических систем и совместимости социализма и рынка.

Из воспоминаний Е.М. Примакова:

«Новому осмыслению начало подвергаться и такое, казалось бы, "железобетонное" положение марксизма-ленинизма, как неизбежность циклических кризисов при капитализме, разрушающих производительные силы и отбрасывающих все общество назад. Этому противопоставлялось в виде несомненного преимущества бескризисное развитие при социализме. Вместе с тем становилось все очевиднее, что, во-первых, циклические кризисы в капиталистических странах теряли свою первоначальную остроту, видоизменялся сам цикл и, во-вторых, именно на время спада производства

[1] *Примаков Евгений.* Годы в большой политике. С. 29 — 30, 26 — 27.
[2] Там же. С. 27.

приходилась наиболее активная фаза его структурной перестройки в пользу наукоемких направлений и его модернизации, что позволяло делать очередной рывок. <...>

Но самым главным препятствием, мешавшим реальному представлению об окружавшей нас действительности, было, пожалуй, отрицание конвергенции, то есть взаимовлияния двух систем — социалистической и капиталистической. Защита понятия конвергенции считалась полным отступничеством от марксизма-ленинизма. Впервые Ленин, а затем, в гораздо более отчетливой форме, Сталин утверждали, что, в отличие от всех других исторических формаций, социализм, как таковой, не возникает в недрах предшествовавшего ему капитализма. Материально — заводы, рудники, города, сельскохозяйственные угодья — да, это достается по наследству. Но ни одного элемента, составляющего отношения к производительным силам. Отсюда и "весь мир насилья мы разрушим до основания, а затем (лишь после полного разрушения. — *Е.П.*) мы наш, мы новый мир построим".

Отрицание конвергенции не укладывалось даже в систему самих марксистско-ленинских идеологических представлений, но это мало кого волновало. Утверждали же, что социализм оказывает влияние на все мировое развитие. Если так, то как можно абстрагироваться от того, что он влияет на капитализм, видоизменяя его хотя бы в определенных пределах? Но от признания этого — один шаг до признания и обратного воздействия. Открытых шагов ни в одном, ни в другом направлении сделано не было.

Но косвенное согласие с тезисом о взаимовлиянии двух систем содержалось во многих экономических работах академических институтов и в меньшей степени — в работах высших учебных заведений. Главный вывод, который отстаивали мы, состоял в тезисе о совместимости социализма с рынком, рыночными отношениями. По этому вопросу ученые ИМЭМО, ЦЭМИ, Института экономики и некоторых других "наглухо" разошлись со многими обществоведами, преподавателями политэкономии. Сама жизнь подталкивала к этому выводу. Здесь сказывалось большое влияние практики, которая демонстрировала ряд преимуществ рыночных отношений.

Что касается влияния социализма на капитализм, то без понимания этого трудно объяснить те изменения, которые произошли в капиталистическом мире, особенно после "великой депрессии" 1929—1930 годов»[1].

Возможность открыто, а не эзоповым языком, как прежде, говорить о конвергенции и введении элементов рыночных отношений в советскую экономику появилась лишь в период перестройки, да и то не сразу. Здесь важно отметить, что вплоть до 1990 — начала 1991 г. в обществе еще существовали надежды на обновление социализма, а антикоммунистические настроения пока не возобладали.

Преодоление устаревших догматических представлений не ограничилось в ИМЭМО одной лишь сферой политической экономии. Оно происходило также в области внешней и оборонной политики.

Из воспоминаний члена-корреспондента РАН О.Н. Быкова:

[1] Там же. С. 31—33.

«Годы Примакова в ИМЭМО совпали с двумя разнонаправленными процессами: подъемом творческой активности Института, в который он внес свой весомый вклад, и угасанием советской эры в истории нашей страны, остановить которое ни ему, ни кому-либо другому не было дано. Совпадение, на первый взгляд, парадоксальное, но никак не случайное. Интенсивной разработки актуальных международных и внутренних проблем потребовал углублявшийся системный кризис экономики и политики государства и общества "развитого социализма".

На первый план выдвинулась задача освобождения методологии исследований от окаменевших идеологических догм, мешавших объективному анализу и достоверному прогнозированию современной обстановки в стране и в окружающем мире, внутреннего развития и международной деятельности СССР. Речь, разумеется, не шла о ниспровержении основ коммунистического учения. Изыскивались пути отказа от устаревших положений, которые вошли в противоречие с меняющимися реалиями, в том числе в нашей среде и в недрах капитализма. Как Иноземцев, так и Примаков, не связывавшие себя ни с тоталитарным режимом, ни с оголтелым антикоммунизмом, направляли институтские исследования на "внутрисистемное" обновление страны и оптимизацию ее внешнеполитических установок и практических действий в условиях напряженной конфронтации на мировой арене. Давалась такая рационализация нелегко. Сказывалось упорное противодействие свежим идеям со стороны консерваторов и догматиков на всех этажах партийной и государственной номенклатуры. Но через все препоны творческая мысль пробивала себе дорогу, приближала грядущие перемены. <...>

Добиваясь пересмотра обветшалых представлений о наших внутренних порядках, Примаков ориентировал исследования на поиск гибких подходов к решению современных международных и военно-политических проблем. Прежде всего это касалось положения о мирном сосуществовании, которое традиционно рассматривалось как "передышка" в борьбе двух противоположных систем — социализма и капитализма. С появлением противостоявших друг другу полюсов средств массового уничтожения мирное сосуществование превратилось в императив взаимоотношений государств с разным социальным строем, а в перспективе и всего международного сообщества. Постепенное признание невозможности победы в ядерной войне и страх перед угрозой взаимного и всеобщего уничтожения в корне меняли геополитическую обстановку, создавали предпосылки для обуздания гонки вооружений и ослабления международной напряженности. Но маховик холодной войны продолжал набирать обороты»[1].

В ИМЭМО давно размышляли над возможностями и приемлемыми для интересов безопасности СССР путями смягчения международной напряженности, предполагавшими поиски внешнеполитических компромиссов. Сама возможность таких поисков находила оправдание в официальной политике мирного сосуществования, что позволяло Институту и во времена Иноземцева, и в период директорства Примакова выступать с теми или иными конструктивными предложениями по ослаблению военно-политической напряженности между Востоком и Западом. Но,

[1] Запись беседы с О.Н. Быковым 18 февраля 2013 г.

как и в области марксистско-ленинской политэкономии, здесь существовал некий «теоретический» барьер, мешавший успешному продвижению по пути взаимопонимания с Западом.

Дело в том, что в советское общественное сознание десятилетиями вдабливалась мысль о мирном сосуществовании как о вынужденной и временной форме классовой борьбы на международной арене. Столь же настойчиво внушалось, что победителем в этой борьбе, конечно же, будет мировой социализм во главе с СССР, а «международный империализм» неотвратимо должен оказаться на «свалке истории».

Подобная политическая доктрина, официально принятая правящей в СССР партией, конечно же, не могла способствовать доверию между Востоком и Западом, между СССР и США, тем более в условиях наличия у двух сторон огромных арсеналов ракетно-ядерного оружия. Она, наряду с милитаризацией политики Запада, стала идеологическим основанием для гонки вооружений, уже к началу 70-х гг. принявшей чрезвычайно опасные масштабы. Наращивание вооружений продолжалось и в 80-е гг., рискуя выйти в околоземное космическое пространство (т.н. Стратегическая оборонная инициатива администрации Р. Рейгана).

В документах ИМЭМО, направлявшихся в ЦК еще в 70-е гг., утверждалось, что достигнутая на тот момент разрядка напряженности в условиях ядерного паритета не имеет альтернативы, что надо последовательно продвигаться по этому направлению. Но как быть с идеологическим постулатом о продолжении классовой борьбы?

Из воспоминаний Е.М. Примакова:

> «В этой связи прежде всего встала проблема мирного сосуществования социалистической и капиталистической систем. Традиционно оно рассматривалось как "передышка" в отношениях между социализмом и капитализмом на международной арене. С появлением ракетно-ядерного вооружения, способного уничтожить не только две сверхдержавы, но и весь остальной мир, стали относить мирное сосуществование к категории более или менее постоянной. Но при этом не забывали добавлять, что это не означает прекращение противостояния и не притупляет идеологическую борьбу. Такое видение отношений с Западом, умноженное на стремление достаточно сильных и авторитетных кругов в США и некоторых других западных странах расправиться с Советским Союзом, порождало перманентную нестабильность, неустойчивость на мировой арене. Создавался замкнутый круг, в котором раскручивалась гонка вооружений.
>
> В конце концов, установилось ценой огромных усилий и жертв с нашей стороны необходимое на тот период ядерное равновесие. Но гонка вооружений продолжалась, приближая все более вероятный сценарий уничтожения всего человечества.
>
> В это время в ИМЭМО и некоторых других научных центрах, от него отпочковавшихся, особенно в Институте США и Канады, а затем в Институте Европы, возглавляемом академиком В.В. Журкиным, началась разработка новых внешнеполитических подходов с целью переломить тенденции, ведущие к термоядерной войне, и одновременно оптимизировать соотношение,

с одной стороны, между средствами, выделяемыми в СССР на надежную оборону, и с другой — на рост гражданского производства и развитие социальной сферы. Появился термин "разумная достаточность".

Дело в том, что мы не только вынужденно наращивали свои вооружения, но отвечали США "зеркально". Между тем игнорирование принципа "достаточности" для сдерживания с учетом возможности нанесения "неприемлемого ущерба" для другой стороны стоило нам очень дорого: ВВП СССР был намного меньше американского, а на производство единицы национального дохода мы, по расчетам ИМЭМО, в 70-х годах тратили основных фондов больше почти в 2 раза, материалов — более чем в полтора раза, энергии — более чем вдвое.

Одновременно в ИМЭМО и ряде других институтов Академии наук серьезно анализировали деятельность Организации Объединенных Наций, которая, по нашему мнению, должна была сыграть самую активную роль в установлении нового миропорядка. Не скажу, что уже в то время мы всерьез задумывались над тем, что в конце 90-х годов США будут искать замену ООН в виде "натоцентристской модели", стремясь таким образом сохранить свою превалирующую роль при отходе от двуполюсного конфронтационного мира. Но уже в те времена, еще до отхода от глобальной конфронтации, мы в ИМЭМО и других институтах международного профиля просматривали варианты преобразований в ООН, которые позволили бы адаптировать эту организацию к реальностям будущего»[1].

Альтернативой традиционному толкованию мирного сосуществования как специфической формы классовой борьбы на международной арене стала концепция «нового политического мышления». По свидетельству Е.М. Примакова, ее основные принципы были выработаны в 1987 г. на государственной даче в Лидзаве (Абхазия), причем главным автором был А.Н. Яковлев[2].

Новый взгляд на мирное сосуществование появился в головах Яковлева и Горбачева не вдруг, не по внезапному озарению. В какой-то мере он стал результатом предварительных наработок, осуществлявшихся в академических институтах, и прежде всего, в ИМЭМО. Еще в 70-е гг. там заговорили о целостности мира и всеобщей, включая СССР, ответственности за сохранение мира как альтернативы ядерной войне; там всегда выступали за ограничение гонки вооружений, причем не с пропагандистских позиций, а с позиций трезвого научного расчета. Яковлев, в бытность его директором ИМЭМО, в целом разделял такой подход, хотя, по старой агитпроповской привычке, и не отказывал себе в удовольствии обличать в своих публикациях американский империализм, обвиняя его во всех смертных грехах.

Из воспоминаний Е.М. Примакова:

«Что действительно нового было предложено к осмыслению? Прежде всего идея о взаимозависимости двух противоположных систем и сохраня-

[1] *Примаков Евгений.* Годы в большой политике. С. 35–36.
[2] Там же. С. 45.

ющемся при этом единстве мира. Такое единство рассматривалось в двух плоскостях: с точки зрения научно-технической революции, охватывающей в той или иной степени весь мир, и общечеловеческих ценностей и интересов, выражающихся в стремлении всех избежать термоядерной войны. Проблема выживания теперь справедливо оценивалась как проблема выживания всей человеческой цивилизации.

Вместе с тем единство мира интерпретировалось как часть общей формулы: единство и борьба противоположностей. Акцент впервые стал делаться на первой части этой формулы, а второй давалось ограниченное толкование, исключающее ядерное столкновение. Это уже было большим достижением, но, как представляется, гораздо устойчивее, органичнее и более последовательно выглядел бы вывод о единстве мира, если бы он базировался на признании взаимосближения по существу двух систем, то есть конвергенции. Но этого тогда не сделали.

Новые подходы к международным делам проявились прежде всего в решении задач безопасности СССР. При сохранении оборонного потенциала страны на первый план были выдвинуты политические средства обеспечения безопасности нашего государства. Именно в это время было осознано — и не просто осознано, а легло в основу политики, — что при накоплении такого количества и такого качества средств массового поражения в случае термоядерной войны не может быть победителя.

В период после 1985 года мы пришли к важнейшему выводу: военные меры сдерживания — равновесие страха — ненадежны, особенно в условиях "подъема паритета" с вовлечением в сдерживание новых сфер и новых средств — космоса, "экзотического оружия". Не исключено, что в таких условиях принятие важнейших военных решений становится прерогативой техники.

Именно этот вывод подтолкнул к идее сохранения паритета, но на возможно более низком уровне»[1].

С началом перестройки в ИМЭМО развернулись активные поиски новых внешнеполитических подходов, способных, с одной стороны, снизить степень угрозы мировой термоядерной войны, а с другой — обеспечить надежную безопасность СССР при снижении непосильных для советской экономики военных расходов. Главную роль в этих научных разработках играл созданный Е.М. Примаковым в начале 1986 г. Отдел разоружения и международной безопасности во главе с доктором исторических наук А.Г. Арбатовым.

В марте 1988 г. А.Г. Арбатов представил на Ученом совете ИМЭМО развернутый доклад на тему: «Стратегическое равновесие и концепция разумной достаточности»[2]. В нем он обосновал неотложную необходимость существенной корректировки оборонительной доктрины и всей военной политики СССР, приведения их в соответствие новым внешним вызовам, с одной стороны, и реальным возможностям советской экономики — с другой. В основе рекомендаций Арбатова лежала мысль о том, что перестройка экономической и политической жизни в СССР должна сопровождаться

[1] *Примаков Евгений.* Годы в большой политике. С. 45—46.

[2] Стенограмма заседания Ученого совета ИМЭМО 9 марта 1988 г. // Архив ИМЭМО РАН..

и пересмотром устаревших представлений о национальной безопасности, разумеется, при условии поддержания стратегического паритета с США, но на более низком уровне.

Проведя детальную инвентаризацию всех компонентов советской оборонительной системы в сопоставлении с ее американо-натовским и китайским аналогами, Арбатов указал на конкретные возможности ее оптимизации при сохранении и даже повышении эффективности.

Из доклада А.Г. Арбатова:

«<...> Сейчас, когда существует стратегический паритет, наверное, настало время пересмотреть наше отношение и к соотношению обычных вооруженных сил на театре. Если Запад располагает в Центральной Европе 30 дивизиями, зачем нам иметь 30 дивизий в странах Восточной Европы, 40 — в западных округах СССР и еще 55 дивизий в других странах Организации Варшавского договора?

Превосходство в 20 тыс. танков трудно обосновать с точки зрения стратегии оборонительной достаточности. Мы, правда, говорим, что у Запада больше ударной тактической авиации на 400 единиц. Но, согласитесь, что 20 тыс. танков — это не лучшее средство, чтобы противостоять ударной тактической авиации Запада. Возможно, нам следует приложить больше усилий в области ПВО и не иметь лишних 20 тыс. танков.

То же самое относится к Азиатско-Тихоокеанскому району. Там, на 7-тысячекилометровой границе развернуто 53 советские дивизии. Очевидно, что даже 53 дивизии не могут встать стеной и заслонить эту 7-тысячекилометровую границу. Так, может быть, учитывая перспективы наших отношений с Китаем, нам и не нужно иметь там 53 дивизии? Может быть, имеет смысл вернуться к тому состоянию, которое было до 1964 — 1965 гг., когда там находились только передовые части, достаточные для того, чтобы элементарно обеспечить военное присутствие на передовых рубежах в Азии.

Если бы мы имели меньше войск и обеспечили возможности быстрой ротации между западным и восточным театром, аэродромов, складов тяжелого оружия, то мы получили бы возможность быстро перебрасывать войска с Запада на Восток, исходя из той политической реальности, что крайне маловероятно на обозримый период взаимодействие Китая и НАТО в каких-то акциях против Советского Союза.

Зачем мы держим широкомасштабную массированную систему ПВО всей страны?

Значительная ее часть направлена против американских стратегических бомбардировщиков. Причем, очевидно, что в ядерной войне эта система ПВО моментально будет выбита. Система крайне дорогостоящая. 11 тыс. зенитных ракетных комплексов, 1500 истребителей-перехватчиков. Ничего сопоставимого нет ни у США, ни у Западной Европы.

Вероятна ли ситуация с политической точки зрения, чтобы мы и США вели войну обычным оружием, бомбя друг друга с использованием стратегических бомбардировщиков?

Мне кажется, что это крайне маловероятно. В этой связи, на мой взгляд, можно было бы пересмотреть практику поддержания ПВО, особенно учитывая, что мы сейчас говорим, что против ядерного оружия защиты нет

и быть не может. Если это относится к ракетам, то, может быть, не стоит тратить на это такие огромные ресурсы.

Целый ряд других вопросов тоже можно поставить в этой связи. Но главный вопрос состоит в следующем — ослабят ли такие меры нашу безопасность?

Мне кажется, что такого рода перестройка не ослабит, а укрепит нашу безопасность. И более того, такие меры не противоречат интересам переговоров по разоружению, а, напротив, будут создавать для них гораздо более благоприятную ситуацию и даже в материальном плане создавать для них большой резерв сокращения.

Сокращение, на которое нам, вероятно, нужно будет идти, это не уступка Западу, не уступка США. Это вопрос, который следует рассматривать в рамках общей перестройки. Речь идет о перестройке нашей военной политики в соответствии с новой ситуацией на международной арене»[1].

В сущности, как подчеркнул Арбатов, речь идет о дополнении стратегической безопасности СССР политическим компонентом, обеспечиваемым политическими средствами. Перестройка в сфере обороны не менее важна, чем перестройка экономики, внутренней и внешней политики.

На данном же этапе, по мнению Арбатова, принципиально важно избежать вовлечения СССР в новый виток гонки вооружений, навязываемого вашингтонской администрацией с целью обескровливания советской экономики.

Отвечая на вопрос о том, что он имеет в виду под «разумной достаточностью», Арбатов сказал: «Что касается стратегических наступательных вооружений, то очевидно, что достаточность — это наличие такого количества ядерных средств, которая, выжив даже в условиях неблагоприятного начала войны, т.е. в условиях внезапного удара, может ответным ударом причинить неприемлемый ущерб. <...>

Что касается обычных вооружений и вооруженных сил, то здесь, говоря о пределах разумной достаточности, нужно сформулировать стратегические и оперативные задачи, для которых этих сил должно быть достаточно. Если стратегические оперативные задачи предусматривают широкомасштабные наступательные действия на европейском театре с выходом к Ла-Маншу в течение шести или десяти дней, тогда нам, конечно, недостаточно тех 170 дивизий, которые мы имеем от Эльбы до Урала.

Если будет сформулировано таким образом, что мы обязаны учитывать нереальность затяжной обычной войны в европейских условиях, то мы должны иметь такие силы, которые не позволили бы противнику одержать победу в краткосрочных интенсивных действиях с использованием обычного оружия, и не позволили бы ему осуществлять операции по безнаказанной эскалации на уровень тактического ядерного оружия, тогда, очевидно, нам достаточно было бы гораздо меньшее количество сил.

---

[1] Стенограмма заседания Ученого совета ИМЭМО 9 марта 1988 г. С. 22—25 // Архив ИМЭМО РАН.

Но даже здесь опять-таки важно не количество сил, а их качественный состав и то, как они дислоцированы, потому что не всегда те силы, которые построены для наступления, хороши для обороны. Зачастую получается как раз наоборот. В 1941 году в западных округах армии у нас были построены для наступления, и они оказались никуда не годными для обороны»[1].

Доклад Арбатова вызвал живое обсуждение. Подавляющее большинство выступавших согласились с анализом и предложениями докладчика. Итог обсуждению подвел Е.М. Примаков.

«Доклад, который мы сейчас заслушали, и состоявшееся обсуждение, безусловно, продвигают нас в понимании концепции разумной достаточности, — сказал Примаков. — Но концепцию эту давайте считать еще неотработанной. Это совершенно ясно. Нам надо идти дальше». Не следует рассматривать эту проблему изолированно, «абстрагируясь от социальных и политических процессов». «Поэтому, — продолжал Примаков, — когда мы говорим о количестве танков, нам надо принимать в учет многие политические и социальные процессы. Конечно, не для того чтобы применять эти танки. А может быть, их резкое сокращение приведет к форсированию невыгодных нам процессов? Во всяком случае, все эти вещи надо продумать. От этого уходить нельзя. И в плане германского вопроса, и в плане развития многих других проблем...

Поэтому, мне кажется, нужно думать не только о том, как влияет динамика — социальная и политическая — на разумную достаточность, но и как разумная достаточность может влиять на развитие тех или иных процессов в политической области...

Хотелось бы поблагодарить докладчика за очень интересный доклад, который, безусловно, продвигает нас в работе в этом направлении. И хотелось бы воспользоваться сегодняшним обсуждением и призвать к комплексной, очень глубокой дальнейшей разработке этой темы»[2].

Пожелание директора было учтено. Исследования в области международной безопасности и разоружения в Институте заметно активизировались, и А.Г. Арбатов впоследствии неоднократно выступал на заседаниях Ученого совета с докладами на эту тему. Результаты проводимых в отделе Арбатова исследований публиковались также на страницах ежегодника «Разоружение и безопасность».

Вспоминая годы перестройки и происходивший тогда процесс переосмысления приоритетов и целей советской оборонной политики, академик А.Г. Арбатов говорит: «Я считаю все это, безусловно, положительным историческим периодом. Была закончена холодная война. Заключены исторические договоры по разоружению, которые лучше всех, заключенных до и после. Конечно, было слишком много мирных инициатив, не все были продуманы и не все в системе, некоторые наивны (как предложение о ядерном разоружении за 20 лет, сделанное Горбачевым на встрече в Рейкьявике

[1] Стенограмма заседания Ученого совета ИМЭМО 9 марта 1988 г. С. 31–34 // Архив ИМЭМО РАН.

[2] Там же. С. 86–89.

в 1986 г.). Многое делалось "по-советски", против чего мы боролись, стараясь ввести дело в профессиональный контекст и систему (кстати, в полемике с пылкими энтузиастами, которые потом стали яростными критиками Горбачева).

Внутри, конечно, все делалось по наитию, без плана, программы, без понимания экономики и политической ситуации. Но одно ясно: Горбачев открыл нам путь из болота сталинизма к свободе, а уж как мы этим потом воспользовались — это наша проблема»[1].

Теоретическое переосмысление прежних представлений о меняющемся внешнем мире и новых задачах советской внешней политики давалось нелегко даже интеллектуалам из ИМЭМО. Примером может служить неудача с созданием труда по теории международных отношений.

Работа по его написанию велась с конца 60-х гг., когда в Институте был сформирован сектор теоретических проблем исследования и прогнозирования международных отношений во главе с д.и.н. Владимиром Израилевичем Гантманом. Под его руководством был подготовлен ряд серьезных теоретических работ, сохраняющих значение и в начале XXI века[2]. Но все это были лишь подходы к написанию обобщающего труда по теории международных отношений. И такой труд в основной своей части был создан к концу 70-х гг., еще при жизни академика Н.Н. Иноземцева. Но Иноземцев так и не решился его опубликовать. Тогда многие объясняли решение директора его опасением навлечь на ИМЭМО и на себя лично огонь критики со стороны блюстителей идеологической стерильности в ЦК КПСС.

Дело в том, что основные положения подготовленного в ИМЭМО труда по теории международных отношений не вполне вписывались в постулаты марксизма-ленинизма, монопольное право на трактовку которых принадлежало тогдашнему идеологическому руководству партии — М.А. Суслову, Б.Н. Пономареву, М.В. Зимянину, С.П. Трапезникову и др. Подход теоретиков ИМЭМО к пониманию международных отношений как целостной системы оказался шире и глубже, чем общепринятые партийные трактовки. К тому же появление теории международных отношений могло быть воспринято наверху как посягательство «на основы», хотя авторский коллектив никогда и не ставил перед собой столь революционных целей, привычно защищая текст цитатами из покойных классиков и ссылками на живых партийных вождей. Но «универсальная» на все времена теория марксизма-ленинизма не оставляла места в политическом сознании советского общества никакой другой теории, в т.ч. и в области международных отношений.

---

[1] Запись беседы с А.Г. Арбатовым 27 декабря 2012 г.

[2] Среди наиболее значительных коллективных работ этого сектора: Современные буржуазные теории международных отношений. Критический анализ. М., 1976; Международные конфликты современности. М., 1983; Система, структура и процесс развития современных международных отношений. М., 1984. К числу крупных теоретических исследований того времени можно отнести и индивидуальную монографию одного из сотрудников сектора Гантмана: *Поздняков Э.А.* Системный подход и международные отношения. М., 1976.

Иноземцев отчетливо видел все эти подводные камни и потому затормозил издание практически готового труда, что, конечно, болезненно было воспринято теми, кто участвовал в его написании.

Надежда на публикацию появилась с началом перестройки. В апреле 1987 г., через год после XXVII съезда, новый директор ИМЭМО академик Е.М. Примаков предпринял попытку реанимировать остановленный Иноземцевым проект. Он инициировал обсуждение на Ученом совете концепции труда по теории международных отношений, поручив выступить с докладом на эту тему своему заместителю, тогда еще доктору исторических наук О.Н. Быкову, возглавлявшему по совместительству Отдел международных отношений, куда входил и сектор В.И. Гантмана.

В своем докладе О.Н. Быков сделал акцент на необходимость увязать исследование по теории международных отношений с концепцией нового политического мышления, провозглашенной на XXVII съезде и развиваемой в выступлениях М.С. Горбачева.

Докладчик подчеркнул специфику предмета теории международных отношений, предполагающей изучение их сложных, часто опосредованных связей с самыми разными сферами и аспектами общественного процесса: диалектика борьбы и сотрудничества двух систем, межгосударственные и межнациональные отношения, международное право, экономика и культура, социальная политика и развитие революционного процесса, растущее влияние научно-технической революции, включая ее военный аспект, на жизнь современного общества, задача сохранения мира в условиях опасного наращивания ядерного оружия массового поражения и т.д.[1].

О.Н. Быков высказал мнение, что в подготовке нового варианта комплексного труда по теории международных отношений должны принять участие все научные подразделения Института. При таком подходе, учитывая предыдущие наработки, исследование может быть завершено «в кратчайший срок».

Основные идеи доклада нашли поддержку у членов Ученого совета. Одновременно были высказаны и критические замечания. Так, д.и.н. Д.Е. Меламид подверг сомнению тезис о том, что современные международные отношения все еще сохраняют классовое содержание. Свое сомнение он подкрепил ссылкой на то, что отношения между однотипными по классовому характеру государствами (например, СССР и КНР, Великобритания и Аргентина) «не всегда складываются гладко»[2].

Д.и.н. Д.Г. Томашевский, поддержав докладчика в вопросе о классовой природе современных международных отношений, вместе с тем подчеркнул, что «сегодня общечеловеческие интересы стали новой, объективной

---

[1] Стенограмма заседания Ученого совета ИМЭМО АН СССР от 24 апреля 1987 г. Доклад О.Н. Быкова «О концепции работы по теории международных отношений». С. 3 – 16 // Архив ИМЭМО РАН.

[2] Стенограмма заседания... С. 17.

категорией мировой политики»[1]. Все это требует, по его мнению, научного переосмысления.

Выступил в дискуссии и руководитель авторского коллектива первого варианта исследования по теории международных отношений. Он сказал, что ему и сейчас не стыдно за то, что было сделано почти десятью годами ранее.

Из выступления д.и.н. В.И. Гантмана:

> «Как и всякий человек, который прикасался к работе над теорией международных отношений, которая велась в 70-х годах в нашем институте, я испытываю чувство досады. Но вместе с тем я подумал, а как бы мы сегодня отнеслись к этой книге, если бы она была тогда написана, отредактирована и ныне лежала у нас на столе?
>
> Мне думается, мы не испытывали бы чувства полного удовлетворения от того, что было тогда сделано, и есть некоторое прощение нам в том, что книга тогда не появилась, в том, она сегодня может быть лучше. Но должен сказать, что даже в ту пору, когда эта книга делалась значительным по численности и квалифицированным коллективом, она не была такой плохой, не была столь безнадежно отсталой, как это может показаться сегодня. Тогда многое было продумано, тогда по многим вопросам мы нашли общие позиции... Мы примеривались к некоторым теоретическим обобщениям. И мне думается, что та работа, при всем том, что она не появилась, является тем хорошим заделом, который необходимо использовать сегодня на концептуальном уровне и на уровне подготовки новых глав и новых разделов в этой новой работе. <...> Я поддерживаю и желаю добра коллективу, который этим займется, и думаю, что он достигнет успеха. Мы должны знать мир гораздо лучше, чем мы знали его до сих пор»[2].

На выступление Гантмана немедленно отреагировал председательствовавший на заседании академик Примаков. «Здесь выступали некоторые товарищи... которые желали успеха авторскому коллективу. А мы считаем, Владимир Израилевич, что вы будете одним из главных участников этого авторского коллектива»[3]. По всей видимости, директор Института хотел подбодрить Гантмана, который к тому времени уже тяжело болел[4].

Примаков подвел итоги состоявшемуся обсуждению. Отдав должное предыдущему варианту труда, подготовленного под руководством В.И. Гантмана, председатель Ученого совета сказал: «Сейчас надо думать над этой работой в новых условиях... когда сфера международных отношений стала намного важнее, чем она была раньше. И по той причине, что конфронтация приобрела совершенно новые формы, и по тому влиянию,

---

[1] Стенограмма заседания... С. 40.

[2] Там же. С. 30, 36.

[3] Там же. С. 48. К 1987 г. в составе сектора Гантмана произошли существенные кадровые изменения, ослабившие его научный потенциал. Ряд ведущих сотрудников вообще ушли из Института, некоторые перешли в другие отделы и сектора. В.И. Гантман тяжело переживал все это.

[4] Через год после этого обсуждения Владимир Израилевич уйдет из жизни, едва перешагнув шестидесятилетний возрастной рубеж. Ему так и не доведется увидеть опубликованным труд, которому он отдал полтора десятка лет.

которое оказывает на мир научно-техническая революция, прежде всего в военной сфере. Как в этом современном мире действуют национальные государства, группы государств, различные социально-экономические системы, как сохраняется и как функционирует единая мировая система? Ответы на эти вопросы должна дать теория международных отношений. В этом состоит значительная, если не главная, часть предмета теории международных отношений...

Мне хотелось бы обратить внимание на одну сторону дела. Ни в коем случае нельзя метафизически рассматривать систему международных отношений. Смысл нашего труда и смысл теории заключается в том, чтобы показать систему международных отношений в ее динамике, в ее историческом развитии, раскрыть новейшие тенденции в ее движении»[1].

Многострадальный обобщающий труд по теории международных отношений, задуманный в ИМЭМО еще в конце 1960-х гг., так и не увидел свет. Почему?

Скорее всего, главную причину следует искать в том, что движение исследовательской мысли в годы перестройки элементарно не успевало за бурным ходом политических событий, принявшим к концу 1980-х гг. лавинообразный, неуправляемый характер. Случился редкий исторический феномен — политическая практика опередила политическую теорию. В условиях, когда на глазах рушился привычный общественный строй, когда распадалась великая сверхдержава, было уже не до теории международных отношений.

Но существовали и более конкретные причины неудачи с созданием теории международных отношений. Одну из них, которую можно считать столь же важной, назвал спустя четверть века член-корреспондент РАН О.Н. Быков, выступавший с докладом на упомянутом заседании Ученого совета ИМЭМО.

По его мнению, причину надо искать в том, что в конце 80-х, как и ранее в 70-е гг., в ИМЭМО пытались создать не всеобщую, универсальную, а некую советскую (марксистско-ленинскую, если угодно) теорию международных отношений, со всеми вытекающими из этого методологическими (классовыми и иными) ограничениями. Такой подход заведомо был обречен на неудачу. «Если невозможно в принципе представить себе существование какой-то особой советской математики или физики (печальная история с «советской биологией» нам слишком хорошо известна), то тем более не могло быть и какой-то советской теории международных отношений. Но осознание этого пришло не сразу.

«Помню один наш разговор с Николаем Николаевичем Иноземцевым в конце 70-х гг., — вспоминает Быков. — Ничего-то у нас не получается с теорией международных отношений. Стыд нам и позор! — сокрушенно сказал он, и вдруг после короткой паузы неожиданно добавил: — А может, и хорошо, что не получилось».

---

[1] Стенограмма заседания... С. 45 — 46.

«Конечно, — говорит Быков, — книгу по теории международных отношений можно было выпустить еще в 70-е гг., но Иноземцев, видя все ее методологические изъяны, принял решение воздержаться от публикации. И, думаю, поступил правильно»[1].

Наверное, к тому же выводу к концу 80-х гг. пришел и академик Примаков. Время для создания в ИМЭМО универсальной теории международных отношений тогда еще не настало. Настанет ли оно вообще?..

«Серебряный век» ИМЭМО

ИМЭМО никогда не замыкался в собственно теоретических изысканиях при всей их очевидной важности для развития экономической и политической науки. Параллельно Институт всегда был ориентирован на оказание консультативной помощи директивным органам, министерствам и ведомствам в их практической работе. В этом, если угодно, ученые видели свой гражданский долг — помогать успешному развитию страны, обращать внимание государственного руководства на нерешенные или неправильно решаемые вопросы, искать пути и средства минимизации издержек развития, содействовать ускорению темпов развития.

Эта работа заметно активизировалась в годы перестройки, воспринятой научным коллективом ИМЭМО с надеждой на обновление советского общества, на обновление экономической и внутриполитической жизни, внешней и оборонной политики СССР.

Взять хотя бы Отдел разоружения и международной безопасности, во главе которого в конце 1985 г. встал 34-летний Алексей Арбатов. Это молодое научное подразделение с первых же дней подключилось к разработке конкретных предложений для советского руководства по вопросам разоружения, выдвинувшихся тогда на передний план внешней политики Горбачева[2].

Учитывая специфику данной проблематики, традиционно считавшейся заповедной зоной Генерального штаба, кровно заинтересованного, как и все Министерство обороны СССР, в продолжении обильных и по существу бесконтрольных вливаний в военный бюджет, всегда было трудно выйти на Инстанцию с альтернативными предложениями как по вопросам разоружения, так и по более широким темам, затрагивающим интересы армейской верхушки и ВПК. Даже Министерство иностранных дел СССР избегало конфликтовать с влиятельным военным лобби.

Надо сказать, что разоруженческой проблематикой в ИМЭМО занимались и раньше, по крайней мере с начала 60-х гг. Проводимые тогда исследования велись по двум основным направлениям: обличение военной политики США и возглавляемого ими блока НАТО и пропаганда советских

---

[1] Запись беседы с О.Н. Быковым 19 марта 2013 г.

[2] См. Отчеты Отдела разоружения и международной безопасности о выполнении плана НИР за 2-й, 3-й и 4-й кварталы 1986 г. // Архив ИМЭМО РАН.

инициатив по разоружению. Как известно, такого рода предложения носили преимущественно демагогический характер, как это было, например, с идеей полного и всеобщего разоружения. К тому же, по неслучайному совпадению, проблемами разоружения в ИМЭМО долгое время занимались отставные военные — генералы и полковники, тесно связанные с Министерством обороны.

С приходом в Институт Примакова положение стало меняться, особенно после создания отдела А.Г. Арбатова, начавшего со скрупулезной инвентаризации реальных военных потенциалов США и СССР, НАТО и ОВД. Оказалось, что советское военное лобби беззастенчиво манипулировало цифрами и другими показателями для выбивания все более значительных бюджетных ассигнований, нисколько не интересуясь ни действительными потребностями национальной обороны, ни ухудшавшимся состоянием советской экономики, а ведь речь шла, в конечном счете, об уровне и качестве жизни 260 млн советских граждан. Исследования ИМЭМО очень скоро показали, что значительная часть военных ассигнований в СССР неоправданно расточительна и к тому же неэффективна с военной точки зрения. Военные со времен Сталина привыкли руководствоваться принципом: «Чем больше, тем лучше!», нередко за счет качества оборонительной системы.

Об основных направлениях исследований, проводившихся во второй половине 80-х гг. в Отделе разоружения и международной безопасности ИМЭМО, вспоминает академик, а тогда еще молодой доктор наук В.Г. Барановский, в то время заместитель Алексея Арбатова.

Из воспоминаний академика Владимира Георгиевича Барановского:

> «Я, конечно, был вовлечен во все инициативы, которые исходили из отдела, участвовал в проводившиеся там "мозговых атаках", нередко с привлечением коллег из некоторых других академических институтов, прежде всего ИСКАНа, а также ученых-физиков.
>
> Востребованность прорывных идей по этой тематике была чрезвычайно высока, особенно с учетом ее закрытости и монополизированности "традиционными" инстанциями, прежде всего военными.
>
> Крупным событием стала реализация проекта ежегодника "Разоружение и безопасность". Первое обстоятельное издание в нашей стране, содержавшее обильную фактическую информацию (цифры и пр.) по военным аспектам безопасности, которые всегда считались секретными и лишь дозированно выдавались в публичную сферу (например, пропагандистскими брошюрами Министерства обороны "Откуда исходит угроза миру"). Фактура была во многом заимствована у известных западных изданий типа Military balance Международного института стратегических исследований (Лондон), публикаций американских независимых центров (и часто критически настроенных по отношению к официальной политике США). Она подвергалась анализу специалистами отдела; нами публиковались полемические материалы. Важно, что разрабатывались некоторые темы, ориентированные на будущее и по таким аспектам контроля над вооружениями, которые пока еще не стали предметом практических переговоров и подходы к которым были абсолютно неясными.

С учетом последнего обстоятельства важно, что ежегодник с первого же выпуска публиковался также и на английском языке — т.е. идеи, которые вынашивались в отделе, становились известны и зарубежному профессиональному сообществу (которое сразу же высоко оценило это издание).

На страницах ежегодника и в записках, адресованных наверх, прорабатывались конкретные вопросы, связанные с темами, которые тогда носили весьма острый характер. Приведу несколько примеров.

1. Вопросы моратория на ядерные испытания. США не соглашались с нашим подходом — запретить все, сразу и навсегда. Поэтому важно было найти компромисс, который не привел бы к "срыву" этой темы и широкомасштабному возобновлению испытаний обеими сторонами.

2. "Стратегическая оборонная инициатива" США. Давалась конкретная оценка масштабов и перспектив этой программы. Идея состояла в том, чтобы сконцентрировать внимание на реальных вызовах для безопасности нашей страны, отделив эту проблематику от пропагандистского звона и сознательной дезинформации касательно "звездных войн". И вместе с тем — на поиске адекватных мер реагирования (не допуская возникновения на этой почве безудержной и разорительной для нас гонки вооружений).

3. Ограничение стратегических наступательных вооружений. Оценка обсуждавшихся подходов, цифр, перспектив с акцентом на поиск практических развязок и выход на подписание соглашений.

4. То же самое — по вопросам РСМД (ракет средней и меньшей дальности). Целый ряд конкретных предложений, которые позволили преодолеть тупиковые направления в подходе к этой проблематике (например, предложение "вывести за скобки" арсеналы, размещенные "к востоку от Урала", что загубило бы саму идею договора), сформулировать аргументы в поддержку более кооперативных подходов (при довольно сильном сопротивлении со стороны "традиционалистских" сил). В итоге — реальный вклад в достижение важнейшего на тот момент времени результата — подписание в 1987 г. договора о РСМД. Первого в истории договора о реальном разоружении.

5. Проблематика сокращения обычных вооруженных сил и вооружений (то, что в конечном счете было реализовано в договоре ДОВСЕ[1]). Тогда вообще отсутствовало понимание того, каким образом можно было вообще подступиться к этой теме — на порядок более сложной, чем проблематика ограничения стратегических ядерных вооружений или РСМД. Например, как ограничивать авиацию, учитывая огромное разнообразие ее тактико-технических данных, как ограничивать личный состав вооруженных сил (учитывая фактор мобильности), и т.п.? Именно в ИМЭМО такие подходы были предложены и изложены на страницах ежегодника "Разоружение и безопасность".

---

[1] ДОВСЕ — Договор об обычных вооруженных силах в Европе, подписанный 19 ноября 1990 г. в Париже представителями 16 государств — участников НАТО и 6 государств — членов Организации Варшавского договора (ОВД). Договор устанавливал равновесие обычных вооруженных сил двух блоков на более низком уровне, ограничив возможности размещения обычных вооружений вдоль линии соприкосновения, что должно было воспрепятствовать созданию потенциала для внезапного нападения и возможности ведения крупномасшабных наступательных операций в Европе. ДОВСЕ вступил в силу 9 ноября 1992 г. — *П.Ч.*

Некоторые из них стали отправной точкой практически ориентированных дискуссий с целью подготовки соглашения. В частности, именно на страницах ежегодника была изложена идея установления территориальных зон с лимитами на обычные вооруженные силы и вооружения в Европе по схеме концентрических окружностей (типа "матрешки": центральная зона — ФРГ и ГДР, расширенная зона — другие европейские страны НАТО и другие страны Варшавского договора, и т.д.). Она (конечно, с уточнениями) была реализована в ДОВСЕ.

Можно было бы вспомнить и некоторые другие сюжеты, по которым можно проследить связь проводимых в ИМЭМО исследований с практической внешней политикой»[1].

Таким образом, отдел Арбатова с самого начала его деятельности был нацелен на оказание помощи директивным инстанциям. В нем была подготовлена серия аналитических записок по проблеме ракет средней и меньшей дальности, которые были учтены советской стороной при заключении Вашингтонского договора по РСМД от 8 декабря 1987 г.

Соответствующие записки еще раньше готовились и к переговорам М.С. Горбачева с Р. Рейганом в Женеве и Рейкьявике. В последующих документах, исходивших от отдела А. Арбатова, анализировались последствия этих встреч, а также перспективы продолжения советско-американского стратегического диалога.

На вопрос о том, легче ли стало в годы перестройки доносить до «самого верха» разумные предложения по оборонной политике по сравнению с временами Брежнева или Андропова, академик Арбатов спустя четверть века отвечает: «Разумеется, стало гораздо легче, во многом благодаря Примакову. Мы внесли большой вклад в подготовку договоров РСМД, ДОВСЕ, СНВ-1[2] — трех, на мой взгляд, самых великих в истории соглашений по разоружению. По этой проблематике нами было подготовлено очень много записок и стратегических расчетов»[3].

Но даже в период перестройки военное лобби продолжало оказывать прямое давление на М.С. Горбачева, зачастую сознательно дезинформируя его, как это было перед первой встречей Горбачева с Рейганом в ноябре 1985 г. Об этом, спустя годы, рассказал А.Н. Яковлев научному сотруднику ИМЭМО Гиви Мачавариани.

---

[1] Запись беседы с В.Г. Барановским 20 марта 2013 г.

[2] СНВ-1 — Договор об ограничении стратегических наступательных вооружений был подписан 30—31 июля 1991 г. в Москве. По условиям этого договора, США и СССР обязывались в течение семи лет сократить свои ядерные арсеналы до 6 тыс. единиц. Договор предусматривал также запрещение производства, испытаний и развертывания баллистических ракет воздушного запуска, подводных пусковых установок баллистических, крылатых и орбитальных ракет. По причине последующего развития событий и распада СССР реализация всех этих договоренностей была осложнена. Сам договор вступил в силу только в 1994 г. В декабре 2001 г. США и Россия объявили о выполнении обязательств по договору СНВ-1. Официально срок действия договора истек 5 декабря 2009 г. — *П.Ч.*

[3] Запись беседы с А.Г. Арбатовым 27 декабря 2012 г.

Из воспоминаний Гиви Ираклиевича Мачавариани:

«Это случилось после выхода А.Н. Яковлева в отставку. Он приехал в ИМЭМО на какое-то заседание. В перерыве произошло следующее. Я не помню, по какому поводу, но я сказал ему, что какие-то вещи можно сделать по-другому (речь шла о периоде перестройки). В ответ он сказал: "Вы не представляете, в каких условиях мы работали". И рассказал следующую историю.

Во время первой встречи М.С. Горбачева и Р. Рейгана стороны обменялись официальными данными о количестве вооружения у каждой из стран. Рейган, увидев данные о количестве ядерных зарядов, представленные Горбачевым, заявил, что эти данные не верны и на самом деле у Советского Союза гораздо больше ядерных зарядов.

М.С. Горбачев вспылил: "Как это вы не доверяете словам Президента СССР?" Рейган спокойно ответил: "Я доверяю своим сотрудникам, а вы все-таки проверьте свои данные". Вернувшись в Москву, Горбачев приказал перепроверить все данные, представленные ему военными. По словам Яковлева, потребовалось несколько месяцев нестандартных действий для того, чтобы глава государства, руководитель партии и Верховный Главнокомандующий сумел-таки получить достоверные данные о реальных вооружениях своего государства.

По словам А.Н. Яковлева, эти данные разительно отличались от тех, которые были представлены М.С. Горбачеву перед переговорами с Р. Рейганом. Они отличались не на один или два, а на несколько тысяч ядерных боезарядов (я не помню точно, но А.Н. Яковлев назвал то ли четыре, то ли шесть тысяч ядерных боезарядов, которые военные пытались утаить от руководства страны). Завершая разговор, Яковлев подчеркнул, что так было во всем. Правду о положении в стране приходилось добывать ценой огромных усилий»[1].

О том, как нелегко давалось переосмысление устоявшихся представлений в области внешней и оборонной политики, говорит в своих воспоминаниях и академик Примаков, непосредственно участвовавший в советско-американских переговорах в Женеве, Рейкьявике и Вашингтоне.

Из воспоминаний Е.М. Примакова:

«Новые подходы к международным делам проявились прежде всего в решении задач безопасности СССР. При сохранении оборонного потенциала страны на первый план были выдвинуты политические средства обеспечения безопасности нашего государства. Именно в это время было осознано — и не просто осознано, а легло в основу политики, — что при накоплении такого количества и такого качества средств массового поражения в случае термоядерной войны не может быть победителя.

В период после 1985 года мы пришли к важнейшему выводу: военные меры сдерживания — равновесие страха — ненадежны, особенно в условиях "подъема паритета" с вовлечением в сдерживание новых сфер и новых средств — космоса, "экзотического оружия". Не исключено, что в таких условиях принятие важнейших военных решений становится прерогативой техники.

[1] Запись беседы с Г.И. Мачавариани 15 июля 2013 г.

Именно этот вывод подтолкнул к идее сохранения паритета, но на возможно более низком уровне.

Известно, что с 1979 года не было советско-американских встреч в верхах, а М.С. Горбачев встречался с президентом Р. Рейганом пять раз. Мне довелось в составе группы экспертов находиться в Женеве, Рейкьявике, Вашингтоне, был в этой группе и в Москве. Видел, можно сказать, с близкого расстояния, как трудно начинался диалог, и каких усилий с советской стороны стоило отвести мир от опаснейшей черты. <...>

Тем не менее, сближение сторон продолжалось, чему в немалой степени способствовало то, что мы впервые стали на деле признавать свои ошибки. Одна из них, очевидно, заключалась в размещении в Европе наших ракет средней дальности (по американской маркировке, СС-20). США в ответ решили размещать в Западной Европе "Першинги-2" с подлетным временем до Москвы в 6—8 минут. Если наши СС-20 не могли рассматриваться для США как стратегическое оружие, так как не достигали их территории, то "Першинги-2" именно таковым для СССР и стали. Специалисты-ученые, среди которых были люди моего поколения, например, О.Н. Быков, и молодые — А.Г. Арбатов, С.А. Караганов и другие, писали об этом, резко критикуя тех, кто подсчитывал чисто арифметически и выражал свое неудовлетворение, что мы уничтожаем боеголовок больше, нежели американцы по договору, подписанному в Вашингтоне в 1987 году, о ликвидации ракет средней и меньшей дальности.

В этом еще раз проявился наш устоявшийся менталитет. Значительная, если не большая часть специалистов, занимавшихся военно-политическими вопросами, главным образом изыскивала аргументы в поддержку принимаемых решений на высшем уровне в СССР — некоторые это делали более рьяно, другие менее. Конечно, далеко не все такие внешнеполитические решения были со знаком "минус" или ущербными по своей сути. Многие из них не могли не учитывать шаги, которые делались или предполагались с другой стороны. Но главное в том, что процесс предварительного осмысления перед принятием решения с привлечением специалистов со стороны, а не просто сотрудников аппарата, да и то лишь в лучшем случае тех, кто профессионально знал проблему, как правило, был довольно редким»[1].

Важнейшим рубежом в процессе переосмысления внешней политики СССР стало решение Горбачева о выводе 40-й армии из Афганистана, начавшемся в мае 1988 г. и завершившемся 15 февраля 1989 г. Как известно, эта военная авантюра брежневского руководства имела следствием гибель в Афганистане 13 тыс. советских военнослужащих (по другим данным — до 15 тыс.), не говоря уже о сотнях тысяч погибших афганцев, что разрушило прежде дружественные отношения между двумя странами.

С самого начала военной интервенции в декабре 1979 г. в ИМЭМО считали это решение не только ошибочным, но и крайне опасным своими международными последствиями. В Отделе развивающихся стран и в Отделе международных отношений говорили об этом открыто и даже пытались обосновать критическую позицию в аналитических записках и на ситуационных анализах. Однако «на выходе» к «заказчику» подготов-

[1] *Примаков Евгений.* Годы в большой политике. С. 46, 49—50.

ленные материалы подвергались строгой цензуре со стороны Дирекции, и в ЦК уходили вполне благонамеренные документы, в сущности, бесполезные. На протяжении девяти последующих за началом интервенции лет на обсуждение «афганской темы» в Институте было наложено табу.

С этим табу постоянно приходилось сталкиваться партнерам ИМЭМО из западных исследовательских центров. На проходивших двусторонних и международных коллоквиумах советские политологи, скованные жесткими инструкциями, весьма болезненно реагировали даже на упоминание афганской проблемы, отрицая само ее существование. Они вынуждены были повторять официальный тезис советской пропаганды: нет, мол, никакой афганской проблемы, но есть проблема «вокруг Афганистана», т.е. имелось в виду не то, что в действительности происходило в этой стране, а та резкая критика, которой международное сообщество подвергало СССР за его военное вмешательство в Афганистане.

В этом плане представляет интерес свидетельство академика Е.М. Примакова. «Мое отношение к ошибочности нашей политики в Афганистане, — говорит он, — проявилось еще до назначения Горбачева, когда я, будучи директором Института востоковедения АН СССР, был приглашен министром иностранных дел А.А. Громыко на коллегию МИДа выступить с докладом по этому вопросу. Главным тезисом моего выступления было отсутствие революционной ситуации в Афганистане, где низы только и могли жить по-старому, а верхи только и могли ими управлять по-старому. Не все были согласны с высказанной точкой зрения.

Громыко, который, по сути, взял меня под защиту от критических замечаний, спросил: "А можно ли исключить решение таких вопросов, как в Афганистане, методом кавалерийской атаки?" Я ответил: только если такую атаку поддерживает народ, а в руках у власти находится сильный карательный аппарат, но ни того, ни другого в Афганистане нет. Что касается Горбачева, то никаких соображений с предложением о выводе 40-й армии я ему не направлял»[1].

Вернувшись в ИМЭМО, Примаков усилил внимание к изучению проблем Азиатско-Тихоокеанского региона, считая его перспективным направлением не только во внешнеэкономической, но во внешнеполитической стратегии СССР. В частности, он восстановил в рамках Отдела тихоокеанских исследований упраздненный его предшественником сектор социальных и политических проблем Японии, всегда отличавшийся высоким уровнем, заданным в свое время доктором исторических наук Я.А. Певзнером и сменившим его В.Б. Рамзесом.

«Мысль о необходимости многовекторной внешней политики Советского Союза пришла с пониманием того, что начался период складывания многополярной мировой системы и особенно неравномерности развития, которая уже проявлялась в том, что особую роль начинали играть Китай и Индия», — вспоминал Примаков[2].

---

[1] Запись беседы с Е.М. Примаковым 31 января 2012 г.

[2] Там же.

Его интерес к АТР не ограничивался рамками ИМЭМО и не сводился только к внешнеэкономическому и внешнеполитическому аспектам.

Из воспоминаний Е.М. Примакова:

«Особое место занял... созданный Советский национальный комитет азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества, первым председателем которого я был избран.

Формально комитет был образован как национальная ячейка, призванная способствовать приему нашей страны в АТЭС — Азиатско-Тихоокеанский экономический совет — один из важных механизмов, способствующих развитию стран этого обширнейшего (включая тихоокеанские прибрежные государства Латинской Америки) и, пожалуй, самого перспективного по экономической динамике региона мира. В АТЭС вошли США, Япония, Китай и другие страны.

Вместе с тем для нас активность по линии Советского комитета имела и другой, не менее важный смысл. Комитет должен был способствовать ускорению развития нашего Дальнего Востока и Восточной Сибири — не только за счет более органичного их вписывания в мирохозяйственные связи АТР (конечно, не во вред единству нашей страны, однако, с учетом гигантских расстояний, несомненно более выгодными и были и остаются непосредственные экономические отношения с расположенными вблизи от него азиатско-тихоокеанскими странами), но и внутренней перегруппировки финансово-экономических возможностей Советского Союза в их пользу.

Не было никакого сомнения ни тогда, ни сейчас, что будущее России во многом зависит от того, сумеем ли мы поднять эту громадную, богатейшую, но чрезвычайно малонаселенную часть нашей страны.

С группой экспертов Советского комитета совершил поездку по Приморскому, Хабаровскому краям, Амурской и Сахалинской областям. Встречался и разговаривал с сотнями людей — патриотами, умными, энергичными, готовыми к делам на благо развития своих территорий. Запомнил слова, сказанные одним из них — инженером по специальности: "США стали великими только после освоения своего Тихоокеанского Запада. Это произошло не за такой уж большой период — после Второй мировой войны. Неужели это ничему никого не учит? А мы лишь принимаем постановления и их не выполняем".

Вернувшись в Москву, я прочел целый ряд материалов, статей, ознакомился со статистическими данными. Написал записку М.С. Горбачеву и отправил ее 12 августа 1988 года. Думаю, что она представляет интерес, поэтому излагаю ее достаточно подробно:

"1. Создалось впечатление — оно разделяется и местными руководителями, — что комплексная программа развития Дальневосточного региона, принятая в августе прошлого года, практически заваливается. Не обозначились даже подходы к началу ее осуществления, при этом она создавалась наспех и поэтому в ней не учтен ряд важнейших для Дальневосточного района проектов (пример: в программе нет строительства предприятий по производству извести, необходимой для обработки кислых почв, а это болезнь всей Амурской области, всего Приморского края). Нет четкой внешнеэкономической ориентации этой программы, не учтена необходимость автономного вписывания района Дальнего Востока в международное разделение труда.

2. Позитивным является уже наметившийся на Дальнем Востоке интерес к расширению приграничной и прибрежной торговли, созданию совместных предприятий с КНР, КНДР, Японией и даже Вьетнамом. Обозначился явно повышенный интерес к экономическому сотрудничеству и с нами со стороны наших соседей, особенно Китая. Все это хорошо. Однако уже сегодня настораживает ряд моментов, и главный из них — нежелание союзных министерств и ведомств выпускать из своих рук монополию на экономические связи с зарубежными странами. Энергичный и способный начальник порта Восточный в Находке говорил, что он мог бы резко увеличить контейнерные операции (специально построенный для этого терминал загружен лишь наполовину) и получить за это солидную выручку в валюте, если бы Министерство путей сообщения гарантировало перевозку контейнеров с Дальнего Востока до Бреста за 20—30 суток. Но такой гарантии, к сожалению, нет. Между тем эстафета, проведенная в экспериментальных целях, показала, что можно товары провозить за 12 дней.

Или такой совершенно необъяснимый казус. Сахалинский агропром договорился с японцами о продаже им до 150 т краба волосатика, который не вылавливается и не используется нами, но чрезвычайно высоко ценится в Японии. Были заключены соответствующие соглашения с рыболовецкими колхозами. Сделка с японцами сулила Сахалину 3 млн долларов, но она не состоялась, так как ее запретило Министерство рыбного хозяйства. Такой запрет тем более непонятен, когда японцы каждодневно занимаются браконьерством в нашей зоне, вылавливая такого краба и уходя от пограничников на более быстрых шхунах. Аналогичных примеров много.

Негативно сказывается также отсутствие надлежащей информации у наших производителей. Поэтому они часто вступают в контакты по прибрежной и приграничной торговле не с теми, с кем нужно, не на самых лучших для нас условиях. Внешнеторговые организации на Дальнем Востоке — а их там немало — не развернули достаточной работы по информированию тех, кто вступает во внешнеэкономические сделки. Сказывается и неподготовленность кадров. Нужно здесь создавать школы бизнеса с привлечением иностранных специалистов.

3. Сложными подчас являются отношения между областями и краями. Много в них местничества. Один из примеров: завод Фармахим в Хабаровске с успехом экспортирует в Японию некоторые уникальные лекарства, мог бы экспортировать больше — сдерживает нехватка сырья, а в то же время Приморский край продает такое сырье японцам в необработанном виде.

Думается, что уже сейчас остро встает проблема создания в той или иной форме единого экономического района на Дальнем Востоке. Причем речь может идти, очевидно, не только, а может быть, и не столько о координации, а о выделении из министерств и передачи местным органам соответствующих производств и ресурсов.

4. Главный тормоз роста производительных сил на Дальнем Востоке — это недостаток рабочей силы. Создается впечатление, что нельзя решить эту проблему за счет надбавок к зарплате, предоставления бесплатных билетов для поездок в западные районы СССР и т.д. Все это — паллиативные решения. По-прежнему большая часть приехавших, накопив деньги, будет возвращаться.

Радикально решить проблему может лишь общий социально-экономический подъем в районе. А он зависит от достаточных масштабов жилищ-

ного и другого культурно-бытового строительства, от надежного снабжения населения, в первую очередь продовольствием. Причем на уровне, превышающем западную часть страны. Для этого нужна целенаправленная работа. Уже имеющийся опыт показывает (речь, правда, идет о единичных экспериментах, осуществляемых в Амурской области и в Приморье и пока скрываемых даже от Центра из опасения, что это проводится на "незаконном основании") большую эффективность сдачи в аренду или в подряд небольших сельскохозяйственных угодий китайцам и корейцам. Речь не идет, естественно, о продаже земли или о бесконтрольном заселении иностранцами, этого допускать нельзя.

А в строительстве вообще вопрос решается просто, особенно в районах, прилегающих к границе. В Благовещенск, например, китайцы предлагают завозить на световой день строительных рабочих, которые потом будут возвращаться назад. Такой вахтовый метод использования рабочей силы может применяться достаточно широко. Разве это представит для нас опасность?

И, конечно, вопросы экономического и социального подъема на Дальнем Востоке нельзя решить без твердого внедрения принципа: все здесь должно быть открыто, что не закрыто по оборонным соображениям, а не наоборот, как происходит в настоящее время».

Мне кажется, что выводы этой записки не утратили своей актуальности и сегодня...»[1]

Усилия Института по оказанию помощи правительственным структурам, конечно же, не ограничивались проблематикой внешней и оборонной политики. Прикладные разработки охватывали и широкий спектр экономических вопросов.

В течение 1986 – 1987 гг. наверх, т.е. в ЦК, Совмин, Госплан, а также в отраслевые министерства, было направлено большое количество аналитических и информационных записок. Среди наиболее важных: «К вопросу о мерах повышения эффективности экономики СССР», «Вопросы ускорения научно-технического прогресса», «Предложения по совершенствованию управления научно-техническим прогрессом», «Опыт капиталистических фирм в повышении качества продукции», «Проблемы обеспечения качества продукции в машиностроении главных капиталистических стран», «Организация и использование "кружков качества" в капиталистической фирме», «Возможные формы расширения внешнеэкономической деятельности СССР», «Пути организации в СССР смешанных обществ с участием капиталистических фирм», «О создании на территории СССР совместных финансовых учреждений», «О повышении эффективности экспорта энергоресурсов на рынки западных стран» и др.[2]

В годы перестройки в Институт с соответствующими просьбами чаще, чем раньше, стали обращаться сами правительственные инстанции, министерства и ведомства. Разумеется, ИМЭМО всегда реагировал на подобные

---

[1] *Примаков Евгений.* Годы в большой политике. С. 59 – 63.

[2] Справка о результатах перестройки деятельности ИМЭМО АН СССР [1986 – 1987 гг.] // Архив ИМЭМО РАН.

обращения и всегда старался максимально объективно подойти к изучению вопроса, не подстраиваясь под настроение высокого заказчика. Для иллюстрации можно привести пример, связанный с обращением к директору ИМЭМО Е.М. Примакову заместителя Председателя Совета Министров СССР Б.Е. Щербины (начало 1987 г.). Речь шла о получении из ИМЭМО материалов по сравнительному анализу развития топливно-энергетического комплекса (ТЭК) СССР и США.

В короткий срок полученный заказ был выполнен. Проведенный в ИМЭМО сравнительный анализ не только указывал на слабые места и изъяны советского ТЭКа, но и предлагал пути их исправления.

Из письма академика Е.М. Примакова заместителю главы правительства СССР Б.Е. Щербине от 20 февраля 1987 г.:

«...Для Вашей информации сообщаем наиболее важные результаты проведенного анализа.

1. В США, как и в других развитых капиталистических странах, в последнее десятилетие в тенденциях потребления энергоресурсов произошли кардинальные изменения. После 1973—74 гг. в США по существу прекратился рост общих объемов потребления первичных источников энергии, потребление нефти за 1978—1985 гг. сократилось примерно на 20%. Энергоемкость валового национального продукта в 1985 гг. упала на 25%, а нефтеемкость — почти на 30%.

В СССР потребление энергии в целом продолжает увеличиваться (в 1970—85 рост в 1,7 раза). Снижение энергоемкости национального дохода происходит менее интенсивно (на 14% — за пятнадцатилетний период).

2. В общем объеме капиталовложений в промышленность доля ТЭК СССР, включая строительство нефте- и газопроводов, достигла 50%, тогда как ТЭК США — около 40%. По темпам прироста основных фондов топливно-энергетического комплекса СССР опережал в 1970—1985 гг. США примерно в 1,9 раза (соответственно 6,8% и 3,6%). В результате капиталоемкость ТЭК СССР растет быстрее, чем в США.

3. В инвестиционной политике в ТЭК СССР в отличие от США менее заметна ориентация на завершающие стадии производства. В течение последних трех пятилеток капиталовложения направляются преимущественно на развитие производства топливных энергоресурсов в ущерб электроэнергетике. В результате удельный вес нефтегазодобычи, нефтепереработки и угольной промышленности в общем объеме капиталовложений, направляемых в ТЭК СССР, за пятнадцать лет вырос с 61 до 81%, а доля электроэнергетики сократилась почти в 2 раза и составила в 1985 г. 19%.

В топливно-энергетическом комплексе США при меньших, по сравнению с СССР, темпах роста валовых капиталовложений инвестиции в электроэнергетику увеличивались быстрее, чем в СССР, а доля ее в валовых капвложениях составила в 1985 г. около 62%. При сохранении сложившихся тенденций СССР не сможет преодолеть отставание от США по производству электроэнергии. Недостаточные темпы развития электроэнергетики и нерешенность проблем повышения надежности и качества снабжения электроэнергией будут оказывать сдерживающее воздействие на общий рост производительности труда и эффективности народного хозяйства СССР в целом.

Даже в такой быстроразвивающейся отрасли ТЭК СССР, какой является нефтегазодобыча и нефтепереработка, доля собственно нефтепереработки в капиталовложениях в эту отрасль едва достигает 4% (в основных фондах 20%), в то время как в ТЭК США эти показатели составляют соответственно 12% и 28%.

4. Важным фактором, сдерживающим повышение эффективности ТЭК СССР, является характер обновления производственного аппарата этого комплекса. В отличие от США, в СССР относительно большая часть капиталовложений направляется на строительство новых энергетических мощностей, чем на модернизацию и реконструкцию уже действующих.

В нефтепереработке удельный вес нового строительства составлял в СССР в 1970—1985 гг. в среднем 83%, а в США 33%. При этом в США во второй половине 70-х — начале 80-х гг. была осуществлена коренная реконструкция нефтеперерабатывающей промышленности на новой технической базе (выход светлых нефтепродуктов на модернизированных предприятиях до 90%). Закрыто около 50 устаревших заводов общей производительностью порядка 50 млн т в год.

Особенно разителен контраст в электроэнергетике. В СССР в последние 15 лет направлялись на создание новых мощностей, тогда как в США 50% инвестиций вкладывались в модернизацию действующих станций. Соединенным Штатам это позволяло в значительной степени экономить инвестиционные ресурсы, повышать долю высокопроизводительных машин и оборудования в основных фондах и в конечном итоге повышать эффективность производства в отраслях топливно-энергетического комплекса в целом. Что же касается СССР, то сложившаяся инвестиционная политика в электроэнергетике ведет как к моральному, так и к физическому устареванию действующих энергетических мощностей. Эксплуатация физически изношенных мощностей не только снижает экономическую эффективность ТЭК СССР в целом, но и чревата угрозой крупных аварий и выхода из строя энергетических систем»[1].

В том же 1987 г. по заданию Госплана СССР Институт представил свои аналитические разработки к готовившейся Комплексной программе научно-технического прогресса СССР на 1991—2010 гг., по перспективам развития химической промышленности до 2000 г., по вопросу строительства искусственных островов на арктических шельфах и др. материалы.

По просьбе председателя Правления Внешторгбанка СССР Ю.А. Иванова в апреле 1987 г. в ИМЭМО была подготовлена аналитическая записка о перестройке банковской системы КНР. Любопытно, что автором этой записки выступил старший исследователь, к.э.н. Борис Федоров, будущий вице-премьер и министр финансов Российской Федерации[2].

В подготовке материалов для «вышестоящих организаций», как тогда говорили, принимал участие и научный сотрудник Отдела международных экономических отношений, к.э.н. Александр Медведев, в будущем — заместитель председателя Правления ОАО «Газпром», генеральный директор ООО «Газпром экспорт». В описываемое время Медведев был также Уче-

[1] Архив ИМЭМО РАН.

[2] Личное дело Б.Г. Федорова // Там же.

ным секретарем Проблемной комиссии АН СССР и ГКНТ «Экономические и научно-технические связи СССР с капиталистическими странами» и участвовал в подготовке материалов для Комплексной программы научно-технического прогресса СССР на 1991 — 2010 гг.[1]

Авторитет Института в эти годы настолько поднялся, что к нему обращались даже с «экзотическими» просьбами. Так, например, в ноябре 1987 г. на имя академика Е.М. Примакова поступило письмо от директора п/я В-8772 с просьбой «передать информацию о состоянии технологии горячей объемной штамповки в Японии (изометрической, безоблойной, обкатки)». «Нашему предприятию, — говорилось в обращении, — также крайне необходима нормативная документация, касающаяся технологии производства: стандарты на припуски и допуски, режимы нагрева, режимы нагрева и обработки, нормативы времени на штамповку...»[2], ну и т.д.

По всей видимости, уважаемый директор п/я искренне считал, что ИМЭМО под силу решить даже вопросы «безоблойной штамповки». Или, быть может, он принял ИМЭМО за головное учреждение советской научно-технической разведки?

Е.М. Примаков поручил ученому секретарю Института В. Лешке разъяснить директору п/я, что «мы этими вопросами не занимаемся», что и было исполнено.

Количество информационно-аналитических записок возрастало, а их тематический диапазон постоянно расширялся, отражая востребованность интеллектуального ресурса ИМЭМО. В течение 1986 г. наверх ушли 165 записок, в 1987-м уже 185. За последующие два года закрытая аналитическая продукция ИМЭМО составила около 350 записок[3]. К этому добавлялись материалы проводимых в Институте ситуационных анализов по самым актуальным вопросам мировой экономики и политики. Они также рассылались в директивные и другие заинтересованные инстанции.

Внушителен был в эти годы и объем открытой печатной продукции. В 1986 г. научными сотрудниками ИМЭМО была опубликована 41 коллективная и индивидуальная монография, в 1987 г. — 51, в 1988 г. — 57. Совокупный объем этой книжной продукции превысил 2 тыс. печатных листов[4]. За три года (1986 — 1988) на специализированных диссертационных советах в ИМЭМО были защищены 92 диссертации: 15 докторских и 77 кандидатских.

Выпускники экономических, исторических и даже технических вузов и факультетов буквально штурмовали тогда аспирантуру ИМЭМО. К концу 1986 г. в очной и заочной аспирантуре обучались 74 человека, к концу 1987 г. — уже 89, а на исходе 1988-го — 92 человека.

Среди аспирантов «перестроечных лет» был и выпускник (с красным дипломом) Института стали и сплавов 1986 г. Владимир Соловьев, будущая

---

[1] Личное дело А.И. Медведева // Архив ИМЭМО РАН.

[2] Архив ИМЭМО РАН.

[3] См. ежегодные отчеты ИМЭМО АН СССР за 1986, 1987, 1988 и 1989 гг. // Там же.

[4] Там же.

звезда российского телевидения. По окончании обучения в аспирантуре он представил и обсудил в Отделе экономики межотраслевых комплексов развитых капиталистических стран кандидатскую диссертацию на тему: «Основные тенденции производства новых материалов и факторы эффективности их использования в промышленности США и Японии». В начале 1990 г. после успешной защиты Соловьев был зачислен в штат Института на должность младшего научного сотрудника с окладом 165 руб.[1]

Кадровый состав (включая стажеров, лаборантов и ИТР) Института все эти годы оставался стабильным (932 человека в 1986 г., 932 — в 1987 г., 942 — в 1988 г.)[2]. Все дорожили своим местом, а попасть в ИМЭМО на работу, считавшуюся престижной, было делом непростым.

Важнейшей стороной деятельности ИМЭМО всегда было международное сотрудничество с аналогичными исследовательскими центрами социалистических, западных и развивающихся стран. Такое сотрудничество включало в себя проведение двусторонних и международных коллоквиумов и конференций, издание совместных трудов в рамках т.н. Проблемных комиссий, а также научный обмен, краткосрочные и долгосрочные научные командировки по линии АН СССР и международных организаций.

В течение 1986 г. ИМЭМО принял активное участие в 166 международных конференциях и симпозиумах, проведенных в СССР и за рубежом. Среди наиболее важных — советско-французский симпозиум по проблемам современных международных отношений (Москва, май) совместно с Французским институтом международных отношений (ИФРИ); XI советско-американский симпозиум по проблемам мировой экономики и долгосрочного прогнозирования (Москва, июнь—июль) совместно со Стэнфордским исследовательским институтом; XVII симпозиум советских и японских ученых-экономистов по актуальным проблемам мировой экономики (Москва, октябрь); XI советско-английский симпозиум «за круглым столом» по проблемам безопасности и сотрудничества в Европе (Лондон, март) совместно с Королевским институтом международных отношений Великобритании; советско-западногерманский симпозиум по теме «Отношения Восток — Запад. Вклад СССР и ФРГ» (Бонн, сентябрь) совместно с Исследовательским институтом Немецкого общества внешней политики; советско-западногерманский симпозиум по актуальным проблемам мировой экономики и социальной политики (Бонн, октябрь) совместно с Институтом экономической и социальной политики (ИВГ).

В течение 1986 г. сотрудники ИМЭМО 214 раз выезжали в загранкомандировки; 65 — в социалистические страны, 149 — в западные и развиваю-

---

[1] В скором времени Владимир Соловьев выехал в США, где преподавал, а в декабре 1992 г. уволился из ИМЭМО «по собственному желанию». Приказ об этом подписал тогдашний заместитель директора ИМЭМО А.А. Дынкин. См.: Личное дело В.Р. Соловьева // Архив ИМЭМО РАН.

[2] Численность собственно научных сотрудников составляла: в 1986 г. — 712 чел., в 1987 г. — 686, в 1988 г. — 715. Из них докторов наук в декабре 1988 г. насчитывалось 92, кандидатов наук — 335 чел. В Институте в то время работали 2 действительных члена АН СССР и 3 члена-корреспондента. См.: Отчет о научной деятельности ИМЭМО АН СССР в 1988 г. С. 28 // Архив ИМЭМО РАН.

щиеся государства. В том же году Институт принял у себя 923 иностранных ученых, общественных деятелей и дипломатов[1].

Международные контакты успешно развивались и в последующие годы. В 1987 г. ИМЭМО принял участие в 166 международных и двусторонних конференциях и симпозиумах. Общее количество загранкомандировок по линии АН СССР и других организаций в 1987 г. составило 237; из них: 87 — в социалистические страны и 150 — в капиталистические и развивающие страны. 1230 иностранных ученых, общественных деятелей, дипломатов и журналистов посетили ИМЭМО для консультаций и бесед с ведущими специалистами Института[2].

В 1988 г. с участием ИМЭМО было проведено 206 международных конференций, симпозиумов и семинаров в СССР и за рубежом. Сотрудники Института 408 раз выезжали в загранкомандировки, в т.ч. 121 — в социалистические страны и 287 — в капиталистические и развивающиеся страны. В 1988 г. ИМЭМО посетило рекордное число иностранных гостей — более 2000 человек из 56 государств. Было проведено около 800 разовых встреч, бесед и консультаций. Эффективно действовали программы книгообмена ИМЭМО с 102 зарубежными исследовательскими центрами[3].

Между тем из-за ухудшающейся в стране ситуации с продовольствием и предметами первой необходимости становилось все сложнее организовывать в Институте достойный прием иностранных гостей. Даже для организуемых в перерывах симпозиумов кофе-брейков приходилось буквально выбивать в торговых организациях ставшие острым дефицитом чай, кофе и другие продукты.

В Архиве ИМЭМО, наряду с научными отчетами, стенограммами заседаний Ученого совета и другими содержательными материалами, сохранились и документы другого рода. В одном из них дирекция ИМЭМО в связи с организуемым в апреле 1987 г. международным симпозиумом просит директора ресторана «Теплый стан» А.М. Лебедева «выделить на указанное мероприятие следующие продукты: кофе растворимый — на сумму 18 руб. 90 коп.; чай индийский — на сумму 3 руб. 00 коп.; печенье — на сумму 2 руб. 00 коп.; сахар — на сумму 1 руб. 00 коп. Итого: 25 руб. 00 коп.

Оплату гарантируем с нашего расчетного счета №... в Брежневском отделении Госбанка г. Москвы»[4].

Тем не менее, нараставшие трудности пока еще не сказывались на настроении научного коллектива ИМЭМО, пребывавшего в эйфории от происходивших перемен и работавшего в те годы на подъеме, с надеждой на улучшение общей обстановки в стране. Впервые за многие десятилетия становилось возможным свободно дышать, свободно думать и свободно выска-

---

[1] Отчет о научной и научно-организационной деятельности ИМЭМО АН СССР в 1986 г. С. 46–47 // Архив ИМЭМО РАН.

[2] Отчет о научной и научно-организационной деятельности ИМЭМО в 1987 г. С. 51–53 // Там же.

[3] Отчет о научной и научно-организационной деятельности ИМЭМО в 1988 г. С. 30. Там же.

[4] Архив ИМЭМО РАН.

зываться, а материальные трудности воспринимались многими как болезнь переходного времени — от худшего к лучшему. Хотя были, конечно, и скептики, видевшие приближение хаоса, но к ним пока мало кто прислушивался.

Институт жил не только насыщенной научной, но и культурной жизнью. Продолжались организуемые профкомом туристические поездки по стране. В актовом зале ИМЭМО в эти годы часто устраивались встречи с крупными деятелями культуры — литераторами, режиссерами и актерами. Одними из первых в Москве сотрудники Института увидели сразу же ставший культовым фильм Тенгиза Абуладзе «Покаяние». В числе первых они познакомились с творчеством Александра Сокурова («Скорбное бесчувствие» и «Дни затмения»), встречались с Вадимом Абдрашитовым («Плюмбум, или Опасная игра», «Слуга»). На институтской сцене выступал с «афганским» циклом песен набиравший популярность Александр Розенбаум. С русскими, грузинскими и цыганскими романсами здесь же выступала Нани Брегвадзе.

Эти встречи собирали полный зал, было много приглашенных со стороны — родственников и друзей сотрудников Института. Среди зрителей и слушателей обычно, когда он находился в Москве, можно было видеть в первом ряду академика Примакова.

На исходе весны 1989 г. по Институту поползли слухи о том, что Примакова «от нас забирают», что вызвало в коллективе серьезное беспокойство. Вскоре слухи эти подтвердились.

Примаков уходит в большую политику

То, что Горбачев положил глаз на Примакова, стало ясно начиная с 1987 г. До этого было участие Евгения Максимовича в качестве эксперта в переговорах Михаила Сергеевича с Рональдом Рейганом в Женеве (ноябрь 1985 г.), Рейкьявике (октябрь 1986 г.) и Вашингтоне (декабрь 1987 г.), а затем поездки с Горбачевым в Индию (ноябрь 1988 г.) и Китай (май 1989 г.). «С Горбачевым я близко познакомился во время зарубежных поездок, — вспоминал Примаков. — Тогда была введена такая практика: небольшая группа ученых и практических работников, в основном из ЦК КПСС, направлялась за несколько дней до визита Горбачева в ту или иную страну, где проводились пресс-конференции, осуществлялись встречи с общественностью, одним словом, изучалась обстановка, в которую должен был вписаться визит Генерального секретаря. Как правило, прибыв в ту или иную страну, перед началом своих встреч с ее руководителями М.С. Горбачев созывал нашу группу в посольстве, где обычно состоялся непринужденный откровенный разговор. Естественно, я в нем участвовал. Как правило, такая встреча, но в еще более суженном составе (например, в Индии не был привлечен даже наш посол) состоялась и на заключительном этапе визита Горбачева для подведения итогов. Там наряду с другими говорил и я»[1].

[1] Запись беседы с Е.М. Примаковым 31 января 2013 г.

В ходе этих визитов Горбачев все чаще обращался за консультациями к Примакову, выделяя его из числа экспертов. К тому времени академик Примаков стал депутатом Верховного Совета СССР (февраль 1988 г.). У генсека, видимо, крепло намерение предложить Примакову более ответственную работу — на государственном или партийном поприще, но он пока не мог решить, где лучше использовать таланты своего нового советника.

О том, что предшествовало крутому повороту в своей судьбе, Е.М. Примаков подробно рассказал в воспоминаниях:

> «<...> В практику поездок главы государства за рубеж стала внедряться новая форма подготовки визитов: за несколько дней до их начала в страну направлялась группа экспертов, состоявшая из ученых, практиков-международников. Участники группы встречались с коллегами, давали интервью, выступали перед серьезными аудиториями. Все это создавало отличную "пищу" для "свежего" восприятия обстановки и ложилось в основу тех рекомендаций, которые высказывались Горбачеву. Все начиналось с мимолетных реплик еще на аэродроме, где по прибытии он, здороваясь с нами, часто задавал вопросы, а затем все мы — а я принимал участие практически в каждой из таких экспертных групп — собирались в посольстве и в присутствии главы и членов делегации делились своими наблюдениями и соображениями.
>
> Такая "подзарядка" до начала переговоров, очевидно, была небесполезной. Нужно сказать, что в практику Горбачева плотно вошел обмен мнениями с экспертами и в ходе переговоров, а некоторых из нас он включал в группу, сопровождавшую его при встречах с руководителями посещаемой страны.
>
> Большое впечатление произвела на нас Индия. Естественно, поразили и древнейшие памятники культуры, зодчества, масштабы страны. Но, пожалуй, главное, что для некоторых членов советской делегации, ранее не знакомых с Индией, было полной неожиданностью, — это высокий уровень научно-технического прогресса. Во многих его областях Индия выходила в первые ряды. В условиях, благоприятствующих политическому сближению, развитию многосторонних экономических связей СССР с Индией, обоюдной заинтересованности в военно-техническом сотрудничестве, это создавало абсолютно новую перспективу взаимодействия двух стран. Об этом мы говорили, обсуждая итоги визита в Дели, в резиденции Горбачева в посольстве, но без наших дипломатов, работающих на месте.
>
> На встречу мы ехали в машине, за рулем которой сидел советник нашего посольства. Разговорились. Он — я думаю, что это не было характерным для нашего посольства в целом — очень неуклюже высказался в адрес индийцев. Я резко прервал его: "Да как вы можете здесь работать, если так неуважительно говорите о людях этой страны?" Он что-то вяло промямлил в ответ. Когда пошел разговор в присутствии Горбачева и Шеварднадзе о перспективах наших взаимоотношений с Индией, я сказал, что для этого здесь в основном должны находиться другие люди. Меня поддержали, напирая на то, что представители СССР в Индии должны по-настоящему понимать стратегическую ценность наших отношений с этой страной. Я рассказываю об этом так подробно, потому что происшедший разговор чуть не повлиял на мою судьбу. Но об этом потом.

Визит в Китай был не менее важен. Горбачев с "сопровождающими лицами", как они назывались во всех официальных документах, прибыл туда в то время, когда КНР была на распутье. С одной стороны, под патронажем Дэн Сяопина начались экономические преобразования — основательные, переводящие из ресурсного потенциала в реальность огромные возможности этого великого народа. С другой — китайское руководство было максимально заинтересовано в сохранении политической надстройки, в том числе партии, способной обеспечить стабильность и активно руководить преобразованиями в экономике. Конечно, в какой-то степени это создавало своеобразное раздвоение: определенная и ощутимая демократизация в экономической сфере не подкреплялась сразу столь же действенной демократизацией в политической области.

Я не берусь судить сегодня о том, была ли заложена "житейская правота" в таком дисбалансе, продиктованная, кроме прочего, учетом исторического опыта и традиционной специфики Китая. Но такая двойственность сложилась и по отношению к визиту Горбачева. Его принимали как лидера обновления социализма, вставшего на путь, ведущий к рыночным отношениям, к новым нормам, которые могут, как считали тогда мы, да и в Китае, наконец-то показать преимущества социалистического способа производства. В то же время китайское руководство опасалось, как бы этот визит не "раскачал" страну, не подпитал ту часть населения, главным образом интеллигенцию и особенно студентов, которых явно вдохновлял советский пример внедрения гласности.

Студенты обратились к Горбачеву с просьбой выступить перед ними на митинге. Мы — я был среди самых активных в этом отношении — категорически не советовали ему делать этого. И, может быть, оказались правы.

При любых обстоятельствах, выступи Горбачев перед студентами, навряд ли оказалась бы столь дружественной и плодотворной встреча с Дэн Сяопином, на которой я присутствовал. Дэн всячески демонстрировал свое уважение к СССР, подчеркивал громадное значение для Китая оказанной ему в прошлом советской помощи и поддержки. Он говорил о чрезвычайной важности не только для наших двух стран, но для всего мира в целом развития китайско-советского сотрудничества.

Дэн сидел в большом кресле рядом с восседавшим в таком же большом кресле Горбачевым. Обращался к нему по-дружески, как мне показалось, демонстрируя свое уважительное отношение. Горбачев тоже был максимально дружелюбен. Нашел формулу, которая, по его словам, показывает наши различия, но не разделяет СССР и КНР: "Мы начали перестраиваться с политики, а вы с экономики, но придем к одним результатам". Дэн в ответ молча кивал.

Даже по этой беседе, длившейся более часа, можно было представить, насколько светлым умом обладал этот уже очень пожилой человек и с каким огромным уважением относились к нему все присутствовавшие.

А "на дворе" бушевали страсти. Студенты демонстрировали на площади Тяньаньмэнь и блокировали "правительственный островок", где на многих гектарах располагались дома руководящего состава Китая и гостевые дачи. "Островок" этот был живописнейшим местом: лужайки, пруды с причудливыми мостиками, деревья и кусты, заботливо пересаженные чуть ли не из всех концов Китая, и прекрасные, построенные в старокитайском стиле, но вполне комфортабельные дома с вышколенной, улыбчивой и доброжела-

тельной прислугой. Когда каждый из нас подъезжал к выделенному ему для проживания дому, обслуживающий персонал — молодые ребята и девушки (на мой вопрос ответили, что их набирают из провинции, и они здесь проходят хорошую школу) выстраивались в шеренгу в красивой китайской одежде и в обязательных белых перчатках и все разом кланялись. Это же повторилось при нашем отъезде.

Как-то Михаил Сергеевич пригласил меня прогуляться с ним по территории резиденции. Говорили обо всем, и конечно о чрезвычайной важности отношений с КНР. Это выходит далеко за двусторонние рамки. Сила нашей внешней политики, заметил я, в максимальном охвате различных государств, и особенно в развитии отношений с азиатскими странами. При такой конфигурации нам будет легче иметь дело и с Западом. Горбачев соглашался и неожиданно сказал, что у него связаны со мной некоторые планы.

Визит прошел хорошо, хотя обстановка была нелегкой. Сотрудник посольства Миша Медведев, который впоследствии работал в моих секретариатах и в Министерстве иностранных дел и в правительстве, решил прокатить меня по городу. И как раз в это время разгорелись студенческие демонстрации. Возгласы: "Горби!" — и на русском языке: "Дружба!", "Товарищ!", машину со всех сторон обступила толпа. Мы проехали один километр в течение часа, — так трудно было пробиться сквозь людскую массу, несомненно доброжелательную, более того, восторженно-дружескую. Узнавая нас, обращались к нам и по-русски. Было удивительно, как многие молодые, уже не те, которые учились или работали у нас, произносили русские слова, изливая свои чувства.

Результаты визитов в Индию и Китай сказались и в том, что мы переставали рассматривать советско-американские отношения изолированно.

Но означало ли это, что мы разыгрываем так называемые китайскую и индийскую "карты"? Я уже писал, что подобное мнение было широко распространено в США. Оно — просто примитивно, так как исходит из незыблемости "американоцентризма" (все прочее "вращается" вокруг США, и только). Такие суждения примитивны вдвойне, так как не учитывают заинтересованности СССР, а затем России в активном развитии отношений с этими быстро растущими азиатскими гигантами, население которых составляет половину всего человечества. Вместе с тем мы не могли и не можем не учитывать, что диверсификация связей безусловно укрепляет нашу роль как великой мировой державы, в том числе и в отношениях с США. <...>

Вслед за поездкой в Нью-Дели меня пригласили выступить перед сотрудниками отдела загранкадров ЦК. После выступления заведующий отделом С. Червоненко проявил ко мне особое внимание: он даже проводил меня до лифта, что было не принято в те времена. Его заместитель, с которым у меня сложились хорошие отношения, позвонил мне в институт и сказал: "Вы на меня не ссылайтесь, но уже в принципе решено — Горбачев это одобрил, — вы едете послом в Индию". Я встревожился не на шутку. Я знал, насколько важен пост посла в этой стране, но дело в том, что уже тогда резко ухудшилось здоровье моей жены, и я понимал, что индийский климат, очевидно, не пойдет ей на пользу.

Позвонил А. Н. Яковлеву. Он находился в Завидово.

"Но ты ведь сам говорил, что нужны новые люди в Дели? Ну хорошо, — заключил Яковлев. — Ты позвони обязательно Шеварднадзе, и не откладывай".

Эдуард Амвросиевич в ответ на мои разъяснения причин отказа от "столь заманчивого предложения", как-то сразу потеплев, сказал: "Я не знал, что Лаура Васильевна больна; не волнуйтесь, конечно, не будем настаивать". Так я не стал послом в Индии...»[1]

После отказа перейти на дипломатическую работу Примаков не утратил расположения Горбачева. Он оставался одним из его доверенных советников по широкому кругу вопросов, охватывающих вопросы внешней и оборонной политики, а также экономики — мировой и советской. Но основное внимание Примаков уделял, конечно, Институту и воссозданному в марте 1988 г. по его инициативе Отделению проблем мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР. В состав Отделения вошли четыре академика[2] и шесть членов-корреспондентов АН СССР[3], возглавлявшие академические институты международного профиля. Академиком-секретарем нового Отделения на Общем собрании АН СССР 18 октября 1988 г. был избран Е.М. Примаков, ставший и членом Президиума Академии наук СССР[4].

«Так что занимался тогда делами интересными и перспективными, — вспоминает Примаков. — Но опять подступали перемены в моей жизни.

Хорошо помню тот майский день [1989 г]. Сидел за столом в своем кабинете в ИМЭМО на 16-м этаже и правил записку, подготовленную сотрудниками о малом и среднем бизнесе в США. Вдруг зазвенела "вертушка", и в трубке раздался совершенно неожиданно для меня — он мне никогда не звонил до этого — голос Горбачева.

— Женя, помнишь наш разговор в Пекине? Я тогда сказал, что есть планы в отношении тебя. Теперь предстоит их осуществить. Речь идет о твоей работе в Верховном Совете СССР.

— Ну что ж, Михаил Сергеевич, нужно так нужно, — ответил я, не сомневаясь, что мне как депутату предложат, пожалуй, возглавить комитет по международным делам.

— Хорошо отреагировал, — прозвучало в ответ. — Как ты отнесешься к предложению стать во главе одной из палат Верховного Совета?

Меня это предложение огорошило.

— Я ведь занимаюсь наукой.

— Ну и что, — сказал Горбачев, — дело требует, чтобы занялся другим.

— Но как быть с институтом?

— Обещаю, что ты примешь участие в подборе своего преемника.

Преемником стал мой первый заместитель, впоследствии избранный академиком, В.А. Мартынов, который достойно возглавил институт. Что касается меня, то во время представления моей кандидатуры депутатам, отвечая на вопрос: а как Примаков совместит свою работу Председателя Совета Союза с работой в Академии наук (помимо директорства в ИМЭМО, я еще был академиком-секретарем Отделения мировой эконо-

---

[1] *Примаков Евгений.* Годы в большой политике. С. 53 — 56, 57 — 58.

[2] Г.А. Арбатов, А.Г. Милейковский, Е.М. Примаков, А.М. Румянцев.

[3] О.Н. Быков, В.В. Вольский, Анат.А. Громыко, В.В. Журкин, Г.Ф. Ким, А.А. Кокошин.

[4] Личное дело Е.М. Примакова // Архив ИМЭМО РАН.

мики и международных отношений, куда входили все научно-исследовательские академические институты международного профиля, и членом Президиума АН СССР), — М.С. Горбачев заявил: "Он уходит со всех своих постов в академии". Следует отметить, что такой "поворот" со мной не оговаривался. Более того, когда несколько позже заместителем Председателя Совета Министров СССР назначили академика Л.И. Абалкина, он обусловил свое согласие сохранением за ним директорского поста в Институте экономики. Я же был поставлен перед фактом вынужденной отставки со всех академических должностей»[1].

Из Постановления Президиума Академии наук СССР от 13 июня 1989 г.:

Президиум Академии наук СССР постановляет:

1. В связи с избранием академика Примакова Евгения Максимовича Председателем Совета Союза Верховного Совета СССР освободить его от обязанностей директора Института мировой экономики и международных отношений АН СССР с 10 июня 1989 г.

2. За большую и плодотворную работу на посту директора Института мировой экономики и международных отношений АН СССР объявить академику Примакову Евгению Максимовичу благодарность.

3. Назначить член-корреспондента АН СССР Мартынова Владлена Аркадьевича исполняющим обязанности директора Института мировой экономики и международных отношений АН СССР.

И.о. президента
Академии наук СССР
академик *В.Н. Кудрявцев*

И.о. главного ученого секретаря
Президиума Академии наук СССР
член-корреспондент АН СССР *О.А. Богатиков*[2].

Провожали Евгения Максимовича со смешанными чувствами. С одной стороны, были рады за него, гордились, что их директор, возглавив верхнюю палату парламента (Верховного Совета), становится крупным государственным деятелем[3]. К тому же предполагалось, что в ближайшее время КПСС должна передать значительную часть властных полномочий Советам народных депутатов, а это придавало особый вес его новой должности. С другой

---

[1] *Примаков Евгений.* Годы в большой политике. С. 63—64.

[2] Личное дело Е.М. Примакова // Архив ИМЭМО РАН.

[3] В должности Председателя Совета Союза Верховного Совета СССР Е.М. Примаков проработал с 3 июня 1989 г. по 31 марта 1990 г. В 1989 г. он становится членом ЦК КПСС и кандидатом в члены Политбюро (до 13 июля 1990 г.). В 1990—1991 гг. Примаков — член Президентского Совета СССР, а с марта 1991 г. — член Совета безопасности СССР. В сентябре 1991 г. он был назначен начальником Первого Главного управления (ПГУ) КГБ СССР, Первым заместителем Председателя КГБ СССР, а затем — руководителем Центральной службы разведки СССР. После распада СССР в конце 1991 г. Е.М. Примаков занимал ряд ответственных постов в системе власти Российской Федерации. Венцом его карьеры стал пост Председателя Правительства России (сентябрь 1998 г. — май 1999 гг.).

стороны, в Институте понимали, что с уходом Примакова, чей авторитет был безоговорочным, уровень руководства неизбежно понизится. Но при этом все были довольны, что преемником Примакова стал не «варяг», а человек из своей среды, выдвинувшийся еще при Иноземцеве. Научному коллективу Института это обещало стабильность и внушало уверенность в завтрашнем дне, хотя в июне 1989 г. уже можно было обнаружить признаки грядущей катастрофы. Немногие провидцы пытались открыто говорить об этом, но их голоса тонули в перестроечном шуме и гаме.

Глава 12

ПРОЩАНИЕ С ЭПОХОЙ: ИМЭМО НАКАНУНЕ КРАХА СССР

1989 год

Пиком перестройки и одновременно началом ее конца стал 1989 г. Именно тогда в обществе возникло ощущение, что массу накопившихся в стране проблем невозможно решить в рамках прежней политической системы. Все более настойчиво звучат требования отмены 6-й статьи Конституции СССР 1977 г., законодательно закреплявшей за КПСС роль «руководящей и направляющей силы советского общества, ядра его политической системы». Из исторического арсенала тогдашними демократами был извлечен лозунг «Вся власть Советам!» и даже — «Советы без коммунистов!». В обществе начали проявляться антикоммунистические настроения.

С возникновением зачатков политических партий начинает формироваться организованная политическая оппозиция. Распадается до того единый лагерь сторонников перестройки. В нем выделяется радикальное течение, объединившее всех недовольных непоследовательностью и нерешительностью генсека. «В этих условиях, — отмечает историк перестройки А.В. Шубин, — Горбачев, пытаясь удержать под своим контролем чиновничью массу, не решился опереться на сторонников демократического социализма в общественном движении. Горбачев не решился также на доведение своих экономических реформ до логического конца. Возобладала идея подготовки предварительных условий для реформы, что вело к дальнейшему углублению кризиса. Задержка с введением рынка усиливала влияние либеральных идей, поскольку мифы рыночного процветания еще не были сопоставлены с реальностью. Зато результаты бюрократического управления были все более плачевными, и острие атаки массового движения было направлено против консервативного и центристского крыльев КПСС, против партийной и ведомственной бюрократий»[1].

Разворачивается забастовочное движение на промышленных и транспортных предприятиях. Наряду с экономическими требованиями оно начинает выдвигать и политические.

---

[1] *Шубин А.В.* Парадоксы перестройки. Упущенный шанс СССР. М., 2005. С. 443.

Ослабление центральной власти стимулирует нарастание сепаратистских и националистических тенденций в СССР и в РСФСР.

Даже краткая хроника основных событий 1989 г. дает представление о происходившем тогда повороте в общественных настроениях, во всем политическом и социально-экономическом развитии СССР[1].

28–29 января. В Москве прошла учредительная конференция Всесоюзного добровольного историко-просветительского общества «Мемориал», превратившегося в крупнейшую правозащитную организацию.

Январь – апрель. Волна рабочих забастовок в Москве, Ленинграде, Свердловске, Красноярске, Воркуте, Нижнем Тагиле, Норильске, Ногинске и других городах.

4 февраля. Учредительное собрание общественно-политического клуба «Московская трибуна», членами которого стали многие представители демократически настроенной интеллигенции.

14 февраля. В Литве Интернациональный фронт (Интерфронт) выступил против принятия республиканского «Закона о языке», ограничивающего употребление русского языка в государственных учреждениях Литовской ССР.

15 февраля. Последние части советских войск выведены из Афганистана.

21 марта. Указом Президиума Верховного Совета СССР численность Советской Армии и ВМФ сокращалась на 500 тыс. военнослужащих.

7 апреля. В Норвежском море в результате пожара в отсеках и разгерметизации затонула советская атомная подводная лодка «Комсомолец» с атомными баллистическими ракетами на борту. Погибли 42 моряка из 67 членов экипажа.

9 апреля. В Тбилиси войска учинили разгон антиабхазского митинга грузинской национальной оппозиции. Погибли 19 человек.

25 апреля. На пленуме ЦК КПСС под давлением М.С. Горбачева подали в отставку 110 членов и кандидатов в члены ЦК, а также членов Ревизионной комиссии ЦК.

3–6 мая. В Нагорно-Карабахской Автономной области Азербайджанской ССР прошла всеобщая забастовка, сопровождавшаяся митингами и демонстрациями солидарности с Арменией. В окрестностях Степанакерта (НКАО) произошли армяно-азербайджанские столкновения на межнациональной почве.

6 мая. Начало вывода частей Советской армии из ГДР.

15–18 мая. Визит М.С. Горбачева к КНР.

18 мая. В Симферополе, Старом Крыму, Ташкенте, Бекбаде, Самарканде, Вильнюсе и Риге прошли митинги, приуроченные к 25-й годовщине депортации крымских татар.

---

[1] См. подробно: Хроника России. XX век / А.П. Корелин, П.П. Черкасов, А.В. Шубин и др. М., 2002. С. 962 – 973.

25 мая – 9 июня. В Москве прошел I съезд народных депутатов СССР, на котором сформировалась первая организованная парламентская оппозиция — Межрегиональная депутатская группа (МДГ) во главе с академиком А.Д. Сахаровым. В нее вошли 362 депутата (из 2250 участников съезда). МДГ потребовала передачи всей власти в руки Советов, отмены 6-й статьи Конституции 1977 г. и заключения нового договора между союзными республиками. Предложенный А.Д. Сахаровым от имени МДГ проект союзного договора должен был превратить СССР в конфедерацию.

3–15 июня. В Фергане (Узбекская ССР) произошли кровавые столкновения на межнациональной почве.

12–15 июня. Визит М.С. Горбачева в ФРГ. Среди обсуждавшихся на переговорах вопросов — перспектива возможного объединения Германии.

4–6 июля. Визит М.С. Горбачева во Францию. Выступая на заседании Совета Европы в Страсбурге, Горбачев предложил новый подход к формированию международного порядка в Европе: замену традиционного баланса сил «балансом интересов», переход от доктрины сдерживания к концепции взаимной безопасности, образование единого экономического пространства от Атлантики до Урала, развитие широких научно-технических и гуманитарных связей.

Июль – август. Забастовки шахтеров Кузбасса, Донбасса, Карагандинского, Печорского и Воркутинского угольных бассейнов.

15–16 июля. Начало вооруженных столкновений между абхазами и грузинами в Сухуми. 11 человек погибли, 127 получили ранения.

28 июля. Верховный Совет Латвийской ССР в одностороннем порядке провозгласил суверенитет Латвии.

16 августа. В Степанакерте съезд полномочных представителей Нагорно-Карабахской Автономной области провозгласил ее «свободной союзной территорией».

31 августа. На сессии Верховного Совета Молдавской ССР был принят закон «О статусе государственного языка Молдавской ССР», вызвавший многочисленные протесты части населения, для которой молдавский язык не является родным.

8 сентября. Политбюро ЦК КПСС приняло постановление «О неудовлетворительном обеспечении населения непродовольственными товарами первой необходимости», признавшее наличие в стране тотального товарного дефицита.

24 сентября. М.С. Горбачеву предоставлены чрезвычайные полномочия на 18 месяцев для обеспечения перехода к рыночной экономике.

28 сентября. В Юго-Осетинской автономной области Грузинской ССР начались митинги с требованием повысить статус автономной области до статуса автономной республики.

6–7 октября. Последний визит М.С. Горбачева в ГДР.

19 октября. Верховный Совет СССР принял проект умеренной реформы Аганбегяна — Горбачева, предполагавший, что при переходе к рынку все имущественные права на землю, ресурсы и предприятия союзного

значения на территории СССР должны сохраниться за союзным центром, который оставлял за собой и регулирование ценовой политики. Это решение встретило сопротивление республиканских элит, стремившихся установить свой контроль над ресурсами, находившимися на их территориях.

27 ноября. Верховный Совет СССР принял закон «Об экономической самостоятельности Литовской ССР, Латвийской ССР и Эстонской ССР».

2–3 декабря. Переговоры М.С. Горбачева и нового президента США Дж. Буша на борту теплохода «Максим Горький», бросившего якорь в порту Валетты, столицы Мальты. На встрече двух лидеров обсуждался широкий круг вопросов: разоружение, перемены в Европе, экономическое сотрудничество СССР и США. Горбачев и Буш пришли к согласию о необходимости положить конец холодной войне.

12–24 декабря. II съезд народных депутатов СССР. Попытка Межрегиональной депутатской группы обсудить отмену 6-й статьи Конституции была отклонена большинством депутатов. Съезд утвердил программу экономических преобразований, разработанную под руководством академиков А.Г. Аганбегяна и Л.И. Абалкина. После острых дискуссий съезд принял резолюцию, осуждавшую заключение советско-германского пакта о ненападении 1939 г., что открыло путь к признанию неправомерности включения стран Прибалтики в СССР. Съезд принял также резолюцию с осуждением ввода советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. На съезде фракция МДГ официально оформилась как оппозиционная по отношению к парламентскому большинству.

13 декабря. В Москве образована Либерально-демократическая партия России (ЛДПР). В декабре 1990 г. ее деятельность будет распространена на весь СССР, и партия получит название Либерально-демократическая партия Советского Союза (ЛДПСС).

14 декабря. В Москве умер академик А.Д. Сахаров, один из основателей и лидеров правозащитного движения. Его похороны превратились в многотысячную манифестацию.

20 декабря. Компартия Литвы приняла декларацию о независимости и выходе из КПСС.

Таковы были основные события 1989 г., ставшего рубежом не только для перестройки, но и для всего Советского Союза, дальнейшая судьба которого впервые за семьдесят лет была поставлена под сомнение самими его гражданами.

Научный коллектив ИМЭМО, конечно же, не оставался в стороне от происходивших бурных событий, которые впервые стали открыто обсуждаться на партийных собраниях, семинарах и даже на заседаниях Ученого совета.

Институтские экономисты спорили о достоинствах и недостатках предлагавшихся путей спасения гибнувшей советской экономики, о возможности введения в нее рыночных механизмов, о создании смешанных компаний и предприятий с западными партнерами и т.д.

Политологи обсуждали перспективы реформирования советской политической системы и пытались наполнить и обогатить конкретным содержанием концепцию «нового политического мышления» в области внешней политики. Многие сотрудники приобщались к активной общественной деятельности в создававшихся в столице всевозможных политических объединениях, блоках, «трибунах» и «платформах».

Разумеется, бурная общественная жизнь не заменяла собственно научных исследований, хотя и вносила в них существенные коррективы, диктуемые новыми потребностями.

1989 г. ознаменовался появлением в ИМЭМО нового директора, рекомендованного Е.М. Примаковым, хотя перестройка внесла значительные перемены в прежний порядок назначения руководителей предприятий, которых впервые стали избирать сами трудовые коллективы.

Академический регламент предполагал три этапа таких выборов. На первом этапе выдвинутые кандидатуры обсуждаются на Ученом совете. Затем отобранные кандидаты проходят через открытое обсуждение на собрании трудового коллектива, который тайным голосованием выявляет победителя. Наконец, избранный директор должен быть рекомендован соответствующим Отделением АН СССР (в данном случае — Отделением проблем мировой экономики и международных отношений). Окончательное же право избрания директора академического института принадлежало Общему собранию Академии наук.

14 июля 1989 г. под председательством заместителя директора Института, д.и.н. А.К. Кислова состоялось расширенное заседание Ученого совета ИМЭМО, на котором был выдвинут единственный кандидат на должность директора — член-корреспондент АН СССР, доктор экономических наук Владлен Аркадьевич Мартынов[1], работавший заместителем у Н.Н. Иноземцева, А.Н. Яковлева и Е.М. Примакова.

По старой, хотя и неформальной советской традиции, кандидатура Мартынова была предложена Ученому совету «общественными организациями» — парткомом, профкомом и комитетом комсомола.

Из выступления на Ученом совете секретаря парткома Р.Р. Симоняна:

> «Мы провели заседание парткома, на котором обсуждали вопрос о выдвижении кандидатуры на должность директора нашего института. Я сразу скажу о результатах, о том, что партком единогласно высказался за то, чтобы на этот пост был рекомендован В.А. Мартынов. Я думаю, нет нужды никому из здесь присутствующих говорить о нем много. И мы по кандидатуре практически не говорили.
>
> Из чего мы исходили, когда выдвигали В.А. Мартынова?
>
> Из двух обстоятельств. Первое, это поддержание той атмосферы в институте, которая у нас сложилась благодаря усилиям всех предыдущих директоров. Это атмосфера высокой требовательности, нравственности и стабильности, поскольку В.А. Мартынов почти с момента основания работает

[1] Сам В.А. Мартынов на этом заседании не присутствовал. О В.А. Мартынове см.: настоящее издание. С. 221.

в институте. Он хорошо знает коллектив, и коллектив хорошо знает его. С этой точки зрения его кандидатура подходящая. И второе. Нам важно, чтобы реноме института в перспективе не падало, чтобы мы активно влияли на формирование нашей внешней и внутренней политики. Для этого нужны хорошие контакты и практические выходы на самый высокий уровень политического руководства. И с этой точки зрения кандидатура В.А. Мартынова тоже представляется удачной. У него, помимо хороших контактов с нашим прежним директором Е.М. Примаковым, есть хорошие рабочие контакты частично выше директоров и некоторых других. Вот вам в двух словах мотивация нашего решения»[1].

Вслед за Симоняном в поддержку кандидатуры Мартынова выступили председатель профкома С.Б. Андреев и секретарь комитета ВЛКСМ М.В. Степанов.

Благостный ход заседания неожиданно нарушил д.э.н. Юрий Витальевич Шишков. «У меня такой вопрос ко всем трем выступавшим здесь. Знаете, все это мне напоминает времена далекие, когда все единогласно все штамповали. Все-таки в условиях перестройки мы привыкли к каким-то альтернативным кандидатурам. Не ставился ли этот вопрос на трех уважаемых форумах?»[2]

На этот вопрос отреагировал секретарь парткома Р.Р. Симонян, отметивший, что выдвижение кандидатур на пост директора необходимо было провести в «сжатые сроки». «Юрий Витальевич, вы абсолютно правы, что сейчас другие времена, — сказал Симонян. — Но специально устраивать обстановку состязательности там, где вопрос более или менее ясен, мы не считаем необходимым... Партком — это выборный орган, представляющий первичные партийные организации, а учитывая общее отношение в коллективе к выдвинутой кандидатуре, мы сочли возможным провести этот Совет...»[3].

Председательствовавший на заседании А.К. Кислов спросил у Шишкова: «Юрий Витальевич, вы удовлетворены ответом?» — «Я другого ответа и не ожидал»[4].

Не отрицая в принципе альтернативности в этом вопросе, Кислов в то же время заметил; «...было бы странно, если бы Институт выдвинул две, три или четыре кандидатуры, считая, что и тот хорош, и другой, и третий»[5].

Выступившие затем на заседании Я.А. Певзнер, Д.Г. Томашевский, С.Е. Благоволин, В.В. Размеров, М.З. Шкундин и Б.И. Атлас дали высокую оценку работе В.А. Мартынова как ученого и администратора и высказались в поддержку его кандидатуры на пост директора Института.

---

[1] Стенограмма расширенного заседания Ученого совета, парткома, профкома ИМЭМО АН СССР от 14 июля 1989 г. С. 4—5 //Архив ИМЭМО РАН.

[2] Под «тремя форумами» Ю.В. Шишков имел в виду заседания парткома, профкома и комитета комсомола // Там же. С. 6а.

[3] Там же. С. 6—7.

[4] Там же. С. 7.

[5] Там же. С. 8.

Критическое выступление Шишкова нашло поддержку лишь у одного из присутствовавших на заседании Ученого совета.

Из выступления Г.В. Роговой:

> «Я хотела бы вернуться к вопросу о процедуре. Мне кажется, что стало характерной особенностью политической и общественной жизни страны, что мы все время спешим. Интересно, куда мы все время спешим? У нас никогда не хватает времени. Вспомните, как выдвигались кандидаты в депутаты, скажем, от профсоюза: сегодня во второй половине дня мы их выдвигаем, а завтра утром они должны предстать. И таких примеров по стране и в Верховном Совете сейчас сколько угодно.
>
> Меня удивило заявление товарища Кислова насчет того, что альтернативные кандидатуры в одном коллективе — это было бы странно. Мне же кажется, что это было бы естественно. Я знаю, как проходило выдвижение кандидатов в Институте всеобщей истории и в Институте славяноведения. Там процесс шел снизу, и не из первичных партийных организаций, как здесь говорили, а именно из трудовых коллективов... Может быть, в трудовых коллективах появились бы иные кандидатуры. А уже потом, после этого, наши руководящие органы вырабатывали бы свою точку зрения, опираясь на мнение трудящихся. По-моему, тот факт, что первым здесь выступил секретарь парткома, не свидетельствует о том, что в нашем Институте все в порядке с атмосферой»[1].

Взявший вторично слово Ю.В. Шишков, не возражая в принципе против кандидатуры Мартынова, одновременно критически оценил процедуру его выдвижения, назвав ее недемократичной. «Когда говорят, что мы слишком спешим с демократизацией, я с этим не могу согласиться», — заключил он[2].

Несмотря на прозвучавшие на Ученом совете критические высказывания, кандидатура В.А. Мартынова была единогласно рекомендована для избрания на пост директора ИМЭМО. Она была одобрена и на собрании трудового коллектива Института, а вслед за этим успешно прошла все необходимые процедуры в Академии наук. В результате член-корреспондент АН СССР Владлен Аркадьевич Мартынов стал пятым по счету директором ИМЭМО.

В 1989 г., наряду с избранием нового директора, в Институте произошли и другие кадровые перемены. Переходя на работу в Верховный Совет СССР, Е.М. Примаков рекомендовал назначить на пост заместителя директора ИМЭМО молодого доктора экономических наук А.А. Дынкина. В Институте появился новый Ученый секретарь. Им стал к.э.н. А.О. Ничипорук, сменивший к.и.н. В.Г. Лешке.

Летом 1989 г. в Институт Европы перешел заведующий Центром западноевропейских исследований ИМЭМО д.э.н. В.Н. Шенаев. Можно предположить, что амбиции этого заслуженного человека, долгое время возглавлявшего партком ИМЭМО, не были удовлетворены в полной мере.

---

[1] Там же. С. 16,17 — 18.

[2] Там же. С. 25.

Шенаев, видимо, надеялся на избрание в члены-корреспонденты Академии наук или рассчитывал занять должность заместителя директора. И то, и другое он получит уже в Институте Европы.

Место В.Н. Шенаева во главе ЦЗЕИ занял 39-летний д.и.н. В.Г. Барановский, вынужденный перейти из Отдела разоружения и безопасности, где он весьма плодотворно проработал чуть более трех лет.

Новый директор с присущим ему интересом к вопросам теории и методологии в течение второй половины 1989 г. провел в Институте серию обсуждений и семинаров по общей проблеме: «Новые подходы к анализу современной эпохи». Углубленные дискуссии прошли по таким темам, как природа современного капитализма, соотношение формационного и цивилизационного подходов, место и роль развивающихся стран в мире, левые силы демократической альтернативы и др.

Итоги этих обсуждений были подведены на двухдневном (18 — 19 декабря 1989 г.) заседании Ученого совета ИМЭМО, где с двумя основными докладами выступили д.и.н. Эльгиз Абдулович Поздняков[1] и д.э.н. Лев Львович Любимов. В этих докладах, как и в последующих выступлениях участников дискуссии, достаточно полно отразились происходившие в годы перестройки сдвиги в сознании советских интеллектуалов-гуманитариев, еще не отрешившихся окончательно от марксизма, но пытавшихся переосмыслить его по-новому.

Подвергнув обстоятельному разбору формационный и цивилизационный подходы, Э.А. Поздняков высказался против абсолютизации и тем более абсурдизации того и другого. Именно стремление абсолютизировать те или иные положения мыслителей прошлого — Гегеля, Сен-Симона, Маркса и других — было характерно, по мнению Позднякова, для русского (и советского) политического сознания. Это стремление сохранилось до настоящего времени, когда, отвергнув формационный подход, стали уповать на цивилизационный.

Из доклада Э.А. Позднякова на Ученом совете 18 декабря 1989 г.[2]:

> «Под цивилизационным подходом нередко подразумевается подход, в основе которого лежат критерии западной цивилизации с ее либерально-демократическими ценностями и научно-техническим уровнем развития. Действительно, Запад сегодня — это не просто географическое понятие и даже не понятие капитализма.
>
> Запад — это выражение того высшего на сегодняшний день экономического, политического, научно-технического и демократического уровня

[1] Это было одно из первых «сольных» выступлений на Ученом совете Э.А. Позднякова, известного своими независимыми суждениями, не вписывавшимися в марксистско-ленинскую догматику, из-за чего в застойные годы его не жаловали, хотя дали защитить докторскую диссертацию и не препятствовали публикации его работ. И только в годы перестройки, в директорство Е.М. Примакова, Поздняков был введен в Ученый совет и получил возможность открыто излагать свои взгляды. Тогда же он впервые стал выезжать за рубеж для участия в международных научных конференциях.

[2] Полный текст доклада Э.А. Позднякова см.: Стенограмма заседания Ученого совета ИМЭМО АН СССР 18 декабря 1989 г. С. 11 — 34 // Архив ИМЭМО РАН.

развития, без достижения которого ни одно общество не может называться современным. Вот почему Япония — это Запад. Запад — это уже и Сингапур, и Южная Корея, и вот почему мы еще не Запад.

Чтобы стать Западом, мало одних желаний. Нужно освободиться от наших архаизмов, от нашей вековой заскорузлости, от нашей, если хотите, местечковости и извечных претензий на особые роль и место в мире. Корни всего этого гораздо глубже, чем может показаться при поверхностном взгляде, и их нельзя преодолеть одним махом, одним прыжком. <...>

К этой цивилизации, нравится нам это или нет, мы не принадлежим. Мы в общем и целом развивались в стороне от нее, хотя при этом много и охотно заимствовали у Запада. Но все заимствованное мы странным образом видоизменяли, порой до неузнаваемости, подгоняя под свою, совершенно не похожую на западную почву. В этом заимствовании одна характерная черта, на которую обращали внимание многие наши мыслители — Чаадаев, Герцен, Бердяев и другие. То, что на Западе было всегда лишь научной теорией-гипотезой, свободной для любой критики, то, что там было частичной, относительной истиной, у нас превращалось в истину абсолютную, в догму».

По мнению Позднякова, догматизации в России/СССР подверглось социалистическое движение и марксизм, изначально имевшие общецивилизационное содержание. В СССР же, вопреки марксизму, пытались построить социализм в замкнутом пространстве, в отрыве от русла развития мировой цивилизации. «Теперь перед нами встала дилемма: либо мы продолжаем пребывать в архаичной замкнутости и тем самым безнадежно отстаем от движения цивилизации, но зато сохраняем свой уникальный местный социализм; либо подключаемся к этому движению цивилизации к мировому универсальному общению, но вместе с тем признаем, что опыт строительства местного, замкнутого от остального мира социализма себя не оправдал...»

Разумеется, несмотря на неизбежные издержки, необходимо идти по второму пути, сказал докладчик.

Говоря об одном из постулатов марксистско-ленинской философии — принципе единства и борьбы противоположностей, — Поздняков обратил внимание на то, что ленинская трактовка гегелевской диалектики абсолютизировала борьбу в ущерб единству противоположностей, превратив диалектику в методологию непримиримой классовой и партийной борьбы. Эта методология стала идейной основой ленинского мировидения в целом и советской внешней политики в частности. В связи с этим докладчик подверг резкой критике принцип мирного сосуществования, за которым стоит концепция противоборства.

Из доклада Э.А. Позднякова:

«Концепция противоборства... являет собой наиболее крайнюю форму выражения формационного подхода применительно к международным отношениям, притом с акцентом на непримиримую борьбу между социализмом и капитализмом. С самого начала в ней была заложена нацеленность на уничтожение одной из противоположностей, а именно — капи-

тализма. Понимание того, что это привело бы к уничтожению самого единства, а тем самым в нынешних условиях и всего мира, стало приходить к нам лишь недавно, когда мир подошел к грани катастрофы.

Для меня нет сомнения, что концепция противоборства вступает сегодня в явное противоречие с новым политическим мышлением. <...>

Трудно не видеть, что и концепция классовой борьбы на мировой арене, и идеологическая конфронтация между государствами являются производными от концепции противоборства двух систем в мире. Здесь все тесно завязано в единый узел: нельзя, сохраняя эту концепцию, отказываться одновременно от идеи классовой борьбы между государствами, т.к. одно прямо обуславливает другое. И если мы отказываемся от одного, мы не можем сохранять другое.

Скажу больше: принципы мирного сосуществования, столь долго рассматриваемые нами как нечто незыблемое, также неотрывны от формационного подхода к международным отношениям, от концепции противоборства двух систем в мире; эти принципы суть их порождение, их, так сказать, логическое завершение. Как бы мы их ни модифицировали, как бы ни пытались приспособить к меняющимся условиям, они в той или иной мере несут в себе идею раскола мира на две противоположные формации, в какой несет ее и сама эта концепция. В них, хотя и в неявной форме, содержится все та же идея неминуемой гибели капитализма и торжества социализма в мировом масштабе. Совсем не случайно поэтому то постоянно настороженное к ней отношение со стороны Запада.

Будем откровенны: если мы и впрямь всерьез говорим о цивилизационном подходе, о цивилизованных отношениях между государствами, принципы мирного сосуществования выглядят попросту неуместными...

Идея противоборства двух систем несовместима с идеей единства мира, с признанием приоритета общечеловеческих интересов и ценностей, которые мы сегодня провозглашаем. <...>

Цивилизационный подход означает, как минимум, отказ от декларативных тезисов о превосходстве одного строя над другим. Он означает признание органической включенности каждого народа в мировую цивилизацию.

И то, что мы подошли к пониманию этого, уже свидетельствует о начале радикального поворота в нашем сознании, о становлении нового, во многом еще непривычного для нас взгляда на время и пространство, в котором мы живем.

Благодаря, видимо, не до конца изжитой привычки к обладанию монополией на истину, мы до сих пор любим озадачивать себя вопросом: в чем состоит содержание нашей эпохи?

Уж сколько раз прежде мы пытались дать ответ на этот вопрос — и все неудачно. В лучшем случае мы изрекали идеологические банальности, в худшем — далеко не бесспорные суждения, которые связывали нашу мысль на долгие годы вперед. По моему глубокому убеждению, эта традиция изжила себя, она и не нужна и, в общем-то, бесполезна.

Но если уж говорить о том, что отличает нашу эпоху, то я бы определил ее как эпоху решительного разрыва с прошлым, разрыва с худшим в нем по самому широкому периметру, начиная от внутренней жизни и кончая международными отношениями. Мир, кажется, стал в общем и целом приходить к пониманию, что не освободившись от всей ветоши прошлого, далеко в будущее не уедешь».

Доклад, представленный д.э.н. Л.Л. Любимовым, был посвящен анализу социально-экономического содержания исторического процесса[1].

Докладчик показал, как формационная концепция Маркса, родившаяся на европейской почве с присущими ей особенностями, в 20-е — 30-е гг. в СССР «была превращена в обязательный компонент государственной идеологии и универсальный методологический инструмент для всех общественных наук, включая политэкономию», хотя сам Маркс никогда не утверждал, что его концепция носит универсальный для всех эпох и народов характер.

Тем не менее, советские вульгаризаторы Маркса утвердили в марксистско-ленинской политэкономии т.н. «закон» соответствия производственных отношений производительным силам и отношениям собственности. Одновременно другие подходы Маркса, носившие подлинно универсальный характер, тщательно вымывались из советского обществоведения.

Из доклада Л.Л. Любимова:

> «Было вымыто и понятие гражданского общества и заменено понятием производственных отношений, понятием существенно более узким. Маркс и Энгельс, определяя общественное воспроизводство, включали в него и производство самого человека. Наша политэкономия, следуя сталинской экономической детерминации формационного подхода, ограничила свой предмет рамками материального производства и, абстрагировавшись от человека и от такой категории, как потребность, утвердила принцип примата производства. Наследие Маркса оказалось тщательно очищенным от понимания индивидуального уровня человеческого бытия, от конкретного человека, т.е. по существу — от гражданского общества.
>
> Исключив из анализа фазу формирования потребностей, мы превратили марксов закон возвышения потребностей в закон возвышения воспроизводства, что привело к превращению производства в самоцель, к утверждению абсолютной монополии производителей, к господству затратных методов в практике и в экономическом мышлении.
>
> В экономической науке концепции роста производства стали полностью доминировать над концепциями общественного развития. Из двух сторон развития — экономического и социального — была элиминирована вторая, что в практике государства главным для удовлетворения потребностей человека сделало так называемый остаточный принцип. Оба направления политэкономического анализа — производительные силы, эволюция собственности — следовали формационной методологии, в которой социальным и политическим процессам места не нашлось вообще».

Л.Л. Любимов подчеркнул в своем докладе, что формационная методология с изобретенным ею законом соответствия производственных отношений производительным силам «не выдерживает соприкосновения с реальным положением дел, когда мы обращаемся к сравнительному анализу этого соответствия, сопоставляя, например, Южную Корею и Северную, континентальный Китай, с одной стороны, Тайвань, Сингапур и

---

[1] Полный текст доклада Л.Л. Любимова см.: Стенограмма заседания Ученого совета ИМЭМО АН СССР 18 декабря 1989 г. // Там же. С. 44—66.

Гонконг — с другой, ФРГ и ГДР, наконец, Финляндию и Советский Союз — в прошлом части одного и того же государства».

Докладчик подробно остановился и на других экономических аспектах формационной концепции Маркса, вульгаризированных в советской политэкономии, не дающей ответа на насущные вопросы социально-экономического развития СССР. Особое внимание он уделил роли общественных процессов в экономическом развитии, напрямую увязав его с уровнем демократии в том или ином обществе.

Из доклада Л.Л. Любимова:

> «Когда мы изучаем такие вопросы, как развитие производства, структурные преобразования, научно-технический прогресс, мы не вправе забывать о ключевой роли общественных интересов.
>
> Социально-экономические процессы представляют основу механизма саморазвития, его диалектически противоположные стороны. Не расчленив их, нельзя понять глубинный механизм саморазвития. <...>
>
> Противоборство интересов различных социальных групп — движущая пружина эффективного социально-экономического развития общества.
>
> Сила США (мне приходится заниматься этой страной) — наличие мощных механизмов целенаправленной мотивации процесса социально-экономического развития. Это — предоставление широких свобод, как личности для предпринимательской, потребительской, политической и прочей деятельности, так и существования, формирования различных классов, групп, социальных страт общества, активность политико-правовых структур. Словом, демократия во всех ее проявлениях.
>
> Следовательно, именно демократия является эффективным ускорителем социально-экономического развития в Америке и на Западе в целом. Исторически наивысшую степень свободы получили рыночные отношения, являющиеся синонимом и выразителем экономической демократии.
>
> Это заставляет предположить, что степень экономической демократии непосредственно связана со степенью политической демократии и тем самым — с эффективностью политического процесса».

По мнению докладчика, социально-экономическая эффективность — это стержневая категория прогресса, определяющая меру успешности продвижения общества к своей конечной цели на каждом отрезке времени в течение отдельных, более или менее длительных периодов времени.

Из доклада Л.Л. Любимова:

> «Общечеловеческие ценности постепенно и в ходе социального развития формируются в культуре, в морали, в свободном времени, в различных испытанных историей формах отношений — таких отношений, как рынок, государственное регулирование, социальные функции государства, плюрализм собственности, в определенных политических и правовых структурах. Весь выдержавший испытание временем социальный пакет стали называть сейчас общечеловеческими ценностями».

Далее докладчик предложил свое понимание характера и содержания современной эпохи, высказав мнение, отличное от точки зрения Э.А. Позднякова.

Из доклада Л.Л. Любимова:

«На мой взгляд, главным содержанием современной переломной эпохи, — я не могу здесь поддержать эмоциональный всплеск моего предшественника, который сказал, что "...этим содержанием является необходимость отринуть с наших ног все, в чем мы заблуждались". Мне думается, что главным содержанием современной переломной эпохи становится невиданная социальная трансформация, в ходе которой человеческий фактор и ценности, обуславливающие его развитие, превращаются в универсальные условия общественного прогресса.

В последнее десятилетие такое направление к социальности начало осознаваться мировым сообществом, как единый целостный пакет общечеловеческих социальных ценностей, имеющий абсолютный приоритет. Этот пакет включил немало элементов непосредственно социального, которые были выдвинуты теорией и практикой. И мне хотелось бы подчеркнуть — практикой мирового социализма. Бессмысленно отрицать, что эти элементы когда-то были восприняты с удовлетворением всем человечеством. Речь идет о так называемом всестороннем развитии личности, достигнуть которого стремились через общественные фонды потребления, т.е. через принцип равных возможностей и культурную революцию, о социальных гарантиях личности и ведущей социальной функции государства, к которым мы пришли сразу, раньше других, поскольку это был программный компонент соцстроительства, о правах на труд, на отдых, на бесплатное образование и бесплатное здравоохранение, об экономической роли государства.

Вместе с тем ценность исторического опыта мирового социализма для всего человечества состоит не только в открытии всех этих элементов, к которым обратились затем и капиталистические государства. Ценность этого опыта состоит и в том, что он выявил невозможность эффективного достижения ни социальных, ни экономических целей без таких элементов, как гражданское общество, правовое государство, разделение властей, права человека, экономическая демократия, т.е. рыночные отношения, т.е. элементов, признанных сегодня общечеловеческими ценностями и доказавших жизнеспособность в недрах капитализма.

Мы идем ко все более универсальному признанию примата общечеловеческих ценностей, складывающихся, в т.ч., из элементов, предложенных и испытанных как социалистической доктриной, так и эволюционным опытом развития капиталистических стран. Эта эмпирическая конвергенция взаимопризнанных элементов сформировалась сегодня как главное направление русла саморазвития и как совокупность основных признаков современной цивилизации.

Предложенная более ста лет тому назад Марксом и Энгельсом концепция исторического социально-экономического развития, которая содержит в самой себе необходимые механизмы самодвижения, основывающиеся на социальной типологии и направленные на перспективу непосредственной социальности, мне кажется, получила экспериментальное подтверждение в синтезированном опыте развития.

Движение к социальности и социализму — явления не просто развития; они принадлежат к различным понятийным классам, они принадлежат к различным концепциям. Движение к социальности является не системным и не укладывается в формационную схему...

В заключение я еще раз хочу сказать о следующем: с точки зрения политической экономии я не думаю, что мы должны обязательно отрицать теорию общественной формации.

Но мы должны признать, что, во-первых, она не универсальна. Во-вторых, в значительной степени она абстрагировалась от человека... И в-третьих, теория общественной формации не раскрывает движущей силы, она лишена концепции саморазвития. Вместо этого, как представляется мне и моим коллегам..., было бы целесообразно вспомнить о концепции социальной типологии Маркса и Энгельса, предложивших конструктивный метод. Именно метод. Речь идет о методологии.

Суть этого метода, этой концепции состоит в том, что он сформулирован как социальный подход к анализу исторического развития...

И последнее. Может быть, в этой концепции главное, это существенно более широкое понимание, если хотите, пользуясь нашим старым понятийным термином, базиса. Базис — это система объективных и равных по значимости и экономических, и социальных отношений, в которой экономические отношения отнюдь не выделяются в качестве доминирующих. А социальные отношения охватывают весь пласт отношений — личностных, межличностных, семейных, политических, национальных, этнических, демографических, классовых, культурных, религиозных и т.д. И наконец, взаимодействие этих отношений и является основой развития — и глобального, и внутриформационного».

Оба доклада были выслушаны с большим интересом и вызвали множество вопросов, за которыми последовала оживленная, подчас даже острая дискуссия, в которой приняли участие более двадцати членов Ученого совета[1]. Участники дискуссии, высказывавшие разные взгляды, пришли к единому мнению, что подводить какие-то окончательные итоги по обсуждаемой теме еще преждевременно. Дискуссии должны быть продолжены[2].

В данной работе нет возможности даже кратко остановиться на ходе этого двухдневного обсуждения, материалы которого заслуживают самостоятельной публикации по имеющейся стенографической записи.

Краткий итог дискуссии подвел председатель Ученого совета ИМЭМО, член-корреспондент АН СССР В.А. Мартынов. Он отметил важность проведенного обсуждения, подчеркнув, что главная исследовательская

[1] В дискуссии приняли участие академик А.М. Румянцев, А.Г. Арбатов, С.Е. Благоволин, Я.А. Певзнер, Ю.В. Шишков, Д.М. Проэктор, И.М. Савельева, Г.Г. Дилигенский, В.Л. Аваков, М.А. Чешков, В.Г. Барановский, А.Н. Калядин, Ю.А. Васильчук, В.Г. Солодовников, И.Е. Гурьев, С.П. Перегудов, В.В. Размеров, И.П. Шадрина, В.Л. Шейнис, С.М. Никитин, Л.Г. Горичева, О.Н. Быков, В.А. Мартынов.

[2] Дискуссии продолжались и в дальнейшем, а 27 декабря 1990 г. в дирекции ИМЭМО состоялось итоговое совещание по обсуждавшимся вопросам. См.: Совещание у директора Института чл.-корр. АН СССР В.А. Мартынова 27 декабря 1990 г. Стенограмма // Архив ИМЭМО РАН.

задача на данном этапе состоит в обновлении методологических подходов, «не отвергая, естественно, тех корней, которые мы всегда связывали с марксизмом. <...> Главная наша задача заключается в том, чтобы изучить то, что внесла мировая наука в области экономики после Маркса... т.е. изучить и познать тот мировой опыт, который сложился. Я думаю, что мы без этого не продвинемся вперед. И даже если мы будем считать для себя, что остаемся только на базе марксизма... то это будет совершенно иной марксизм, не тот самый марксизм, который мы изучали "по Гегелю".

Задача в становлении, в развитии новой методологии и новых подходов в тех науках, которыми мы занимаемся. В этом, как мне кажется, главная проблема. И в этом, прежде всего, ценность нашей дискуссии»[1].

Вторая задача, которую сформулировал В.А. Мартынов по итогам обсуждения, — дать научное обоснование дальнейших путей развития перестройки. Оставаясь на базе реализма, отметил Мартынов, мы должны признать, что «строим новый демократический социализм», представляющий собой одну из ветвей современной цивилизации, не противопоставляя эту ветвь капитализму, в т. ч. и «социал-демократическому капитализму». Надо признать, продолжил Мартынов, что существуют общие закономерности развития человечества, свойственные всем формациям; «они свойственны и современному капитализму, и тому социализму, который мы пытаемся построить»[2].

Третье, на что обратил внимание директор Института, — это необходимость теоретического переосмысления влияния научно-технической революции на современного человека и на общество в целом. «Нам необходимо как-то заново взглянуть и на то, что мы писали, и на то, что мы делали в прошлом», — отметил Мартынов[3].

Наконец, он призвал исследователей оказать помощь внешней и оборонной политике СССР в осмыслении ее приоритетов и реальных потребностей в условиях окончания холодной войны[4].

Важнейшим результатом проведенных в ИМЭМО теоретических обсуждений стал окончательный отказ от ленинско-сталинского постулата об общем кризисе капитализма, на протяжении многих десятилетий составлявшего основу советской политэкономии.

Заметно возросший в 1989 г. интерес научного коллектива ИМЭМО к вопросам теории и методологии самым непосредственным образом был связан с проводимыми там фундаментальными исследованиями, имевшими и прикладное значение.

В рамках Программы АН СССР «Научные основы совершенствования управления социалистической экономикой 1988—2000 гг.» обобщался зарубежный опыт стратегического управления развитием корпораций,

---

[1] Стенограмма заседания Ученого совета ИМЭМО АН СССР 19 декабря 1989 г. День второй. С. 119—121 // Архив ИМЭМО РАН.

[2] Там же. С. 121—123.

[3] Там же. С. 124.

[4] Там же. С. 124—126.

изучались теоретические основы и опыт использования концепции современного предпринимательства, анализировался процесс нововведений в условиях динамичной конкуренции. По итогам исследования территориальных аспектов организации управления в Институте был подготовлен аналитический материал «Основные тенденции региональной политики в Западной Европе».

В рамках другой программы фундаментальных исследований АН СССР — «Обоснования и прогнозы перспектив социально-экономического развития» — учеными ИМЭМО были предложены теоретические подходы к схеме построения международной системы национальных счетов ООН; обоснованы условия их применения в советской статистике с учетом принципов построения системы цен; создан проект диалоговой программы для анализа и прогнозирования временных рядов.

Институт работал и по Программе Отделения проблем мировой экономики и международных отношений — «Капитализм: особенности и адаптационные возможности на современной стадии его развития». Здесь вырабатывались новые подходы в исследовании сущностных явлений развития современного капитализма

Всесторонне исследовались проблемы хозяйственного механизма капиталистических стран. Разрабатывалась научная гипотеза о новой стадии развития капитализма, изучалась структура и трансформация форм собственности, углубленно анализировалась роль государства как хозяйствующего субъекта.

Институтские экономисты анализировали закономерности возникновения и функционирования олигополии, выявляя взаимосвязь этой формы организации бизнеса с процессами концентрации производства и капитала. Пристальное внимание уделялось разработке нового подхода к анализу общественного воспроизводства, в основу которого был поставлен человек.

Проводимые в Институте исследования по международным экономическим отношениям ориентировались на задачу совершенствования системы управления внешнеэкономическими связями СССР, вырабатывая рекомендации для практических организаций.

Важнейшие результаты фундаментальных исследований нашли отражение в опубликованных в 1989 г. монографиях «Государство и экономика в развитых капиталистических странах в 80-х годах», «Государственно-монополистический капитализм США: монополистический капитал», «Современный капитализм: основные направления и эффективность НТП».

В рамках программы Институт выполнил значительный объем прикладных исследований, подготовив рекомендации по вопросам развития кооперативного движения агропромышленного комплекса, организации арендных отношений, проведению реформы банковской и налоговой систем, развитию рынка ценных бумаг, расширению новых форм внешнеэкономических связей[1].

[1] Краткий отчет о научной деятельности ИМЭМО АН СССР в 1989 г. С. 3—4 // Архив ИМЭМО РАН.

Активизировались исследования социальных и внутриполитических проблем развитых стран Запада. Они концентрировались на анализе качественно новых черт и особенностей общественно-политической ситуации, возникшей в этих странах на новом этапе НТР. Выявлялись новейшие тенденции и сдвиги в социально-классовой структуре западного общества. Под руководством Г.Г. Дилигенского была разработана целостная концепция современного совокупного работника, изучена система его социальной защищенности. На базе теоретических разработок были подготовлены материалы прикладного значения: «Соображения по поводу социального развития СССР на 1991—1995 гг. в свете зарубежного опыта», «Система социального обеспечения в США», «Социальное страхование в Швеции» и др.[1]

Ученые Института значительно продвинулись в направлении сравнительного анализа внутриполитической ситуации в государствах Западной Европы и в США, выявив общие моменты политического развития стран Запада. Детальному изучению подверглась социально-экономическая и политическая платформа современного социал-демократического движения. Результаты проведенных в этом направлении исследований нашли отражение в двух монографиях, опубликованных в 1989 г. — «Политические сдвиги в странах развитого капитализма» и «Западноевропейская социал-демократия: десятилетие перемен».

Среди фундаментальных исследований, развернутых в Институте, значительное место занимала Программа «Исследование проблем мира и безопасности», включившая в себя серию аналитических работ, в которых были проанализированы различные структуры стратегических наступательных вооружений СССР и США и варианты их сокращения на 50 и более процентов и выявлен дестабилизирующий характер новейших систем оружия.

Как обычно, значительное место в исследованиях Института занимала работа по заданиям директивных органов. В то же время объем таких заданий в 1989 г. заметно увеличился, а «заказчиком» все чаще выступало высшее партийно-государственное руководство СССР. Сотрудники ИМЭМО принимали самое активное участие в теоретической подготовке официальных зарубежных визитов М.С. Горбачева в Великобританию, ФРГ, Францию и Италию, а также переговоров Горбачева с избранным президентом США Дж. Бушем на Мальте.

Некоторые подробности такого участия ИМЭМО в формировании отдельных внешнеполитических инициатив СССР раскрывает, спустя четверть века, В.Г. Барановский.

Из воспоминаний академика Владимира Георгиевича Барановского, возглавившего в 1989 г. Центр западноевропейских исследований[2]:

---

[1] Там же. С. 5.

[2] Как уже отмечалось, В.Г. Барановский возглавил ЦЗЕИ ИМЭМО в середине 1989 г. после перехода прежнего его руководителя В.Н. Шенаева на работу в Институт Европы АН СССР.

«Нами в ИМЭМО была подготовлена записка по взаимоотношениям СССР с Советом Европы и составлена значительная часть выступления М.С. Горбачева в Страсбурге в июле 1989 г. с предложением о построении "Общеевропейского дома". Важно, что были предложены подходы к конкретной реализации этого плана на путях взаимодействия с организацией (Совет Европы), которая до того считалась "чуждой" и чуть ли не "враждебной" в отношении нашей страны.

Вспоминаю и другой эпизод.

Осенью 1989 г., в самый разгар драматических событий в связи с крушением Берлинской стены (но когда дальнейших ход событий оставался еще совершенно неясным), я по просьбе директора Института написал отправленную "наверх" записку с оценкой перспектив и предложениями относительно нашей линии.

Записка нашла там благоприятный отклик; одна из сформулированных в ней идей состояла в том, чтобы инициировать переговоры по формуле "4+2" (четыре державы — победительницы во Второй мировой войне и два германских государства).

На ее основе была опубликована моя статья в "Московских новостях"[1]. Изложенную в ней формулу "4+2" в МИДе ФРГ трансформировали в "2+4", которая и стала рамочной для последовавших в 1990 г. переговоров, завершившихся объединением Германии»[2].

Соответствующие рекомендации для М.С. Горбачева, в частности, перед его встречей на Мальте с Дж. Бушем, готовились заведующим Отделом разоружения и безопасности А.Г. Арбатовым. К подготовке аналогичных материалов для Инстанции привлекались и другие авторитетные эксперты ИМЭМО.

Институт подготовил и направил в ЦК КПСС аналитические записки по вопросам функционирования партийно-политической системы стран Запада, особенностей парламентской демократии, баланса внешнеполитических интересов США, Японии и Западной Европы в различных регионах мира, по направлениям невоенной деятельности НАТО, позициям правящих партий в развитых капиталистических странах.

В директивные органы были представлены материалы по проблемам развития АПК, в частности, необходимости радикальной реформы аграрных отношений, импорта продовольственной продукции в СССР, роли государства в развитии сельского хозяйства США и стран ЕЭС.

В связи с возрастанием политического значения Верховного Совета в системе власти СССР, Институт подготовил большое количество справок и аналитических записок по прямым запросам комитетов и комиссий ВС СССР. Среди таких материалов — «Организация работы парламента во Франции», «Аппарат Конгресса США», «Регламент парламента ФРГ», «Процедурные особенности деятельности Конгресса США», «Палата

[1] См.: «Московские новости». № 51. 17 декабря 1989.

[2] Запись беседы с В.Г. Барановским 20 марта 2013 г.

общин британского парламента», «Комитет по сельскому хозяйству палаты представителей Конгресса США» и др.[1]

Специалисты ИМЭМО впервые стали привлекаться в качестве экспертов к подготовке законопроектов и научным консультациям. Они выступали с лекциями перед народными депутатами и членами Верховного Совета.

По поручению Президиума Совета Министров СССР Институт подготовил серию аналитических материалов и докладов. Важнейшие из них — «Современные тенденции структурно-инвестиционной стратегии в развитых капиталистических странах и рекомендации для советской экономики», «Инфляция в СССР и проблемы ее регулирования», а также материалы по экономическим аспектам решения экологических проблем, региональным проблемам социально-экономического развития.

Ответственным участком работы ИМЭМО с 1989 г. стала подготовка материалов и научная экспертиза законопроектов для Государственной комиссии Совета Министров СССР по экономической реформе. Среди подготовленных Институтом материалов — «О подходах к перестройке статистики в СССР», «Об использовании системы национальных счетов в практике статистического учета в СССР», «Некоторые выводы из опыта экономической реформы в Китае для СССР», «О валютном курсе рубля», «Замечания к проекту закона о собственности», «Юридическая форма хозяйственного предприятия (фирмы) и объединения в промышленно развитых странах», «Важнейшие черты хозяйственного управления в капиталистических странах», «Опыт денежной реформы 1948 г. в Западной Германии», «Федеральная резервная система США: структура и функционирование»[2].

К концу 1989 г. под руководством д.э.н. А.А. Дынкина в Институте были подготовлены предварительные варианты прогнозов по Комплексной программе научно-технического прогресса СССР на 1996 — 2015 гг. и важнейшие научно-технические и социально-экономические прогнозы на 1991 — 2015 гг. В них были проанализированы основные тенденции развития мирохозяйственных связей на длительную перспективу, особенности экономического и научно-технического развития США, Японии и стран Западной Европы.

По программе «Анализ и краткосрочное прогнозирование мирового развития», выполнявшейся по решению Совета Министров СССР, экспертами ИМЭМО были подведены итоги развития мирового хозяйства за 1988 г. и начало 1989 г., рассмотрен ход воспроизводственных процессов в капиталистической экономике, проанализированы новейшие тенденции в мировой торговле, основные макроэкономические показатели, динамика цен и валютных курсов.

В рамках исследований по государственной программе «Создание государственной автоматизированной системы научно-технической информации» Институтом в 1989 г. были разработаны методологические вопросы программного обеспечения статистического банка данных по основным показателям экономического развития ведущих стран Запада. Одновремен-

---

[1] Краткий отчет о научной деятельности ИМЭМО АН СССР в 1989 г. С. 1 // Архив ИМЭМО РАН.

[2] Там же. С. 2.

но были подготовлены базы данных по крупнейшим западным компаниям, национальным счетам, показателям социально-экономической и демографической статистики, денежным потокам. Были созданы также пакеты прикладных статистических программ для анализа экономических процессов.

Помимо утвержденных программ, в Институте по решению Ученого совета активно велись поисковые исследования по таким направлениям, как теоретические аспекты современных международных отношений, деятельность международных неправительственных (МНПО) и межгосударственных организаций, разработка концепции экологической безопасности и теоретические основы экологической политики, методы и модели долгосрочного прогнозирования экономических процессов.

На основе проведенных исследований впервые были сформулированы обоснованные предложения о статусе и деятельности МНПО в СССР, выработаны рекомендации по формированию политики СССР в области охраны окружающей среды Арктики, по обеспечению интересов СССР в сфере использования пространств и ресурсов Мирового океана и другие предложения.

В 1989 г. Институт развернул исследования по хоздоговорной проблематике, заключив 25 договоров на проведение работ, в т.ч. с Бюро Совета Министров СССР по машиностроению, МИД СССР, ГКНТ, Промстройбанком и другими заинтересованными государственными организациями. В рамках этих договоров изучались практические аспекты последствий создания единого европейского рынка, участия СССР в отдельных международных организациях, финансовые системы развитых стран и т.д.

Научная жизнь в Институте продолжала кипеть, коллектив исследователей работал заинтересованно, на подъеме, но одновременно в нем появилось и постепенно нарастало разочарование в связи с низкой отдачей от проводимых работ.

С одной стороны, в Институт сверху буквально сыпались задания и поручения по широкому кругу самых актуальных вопросов внутренней, экономической и внешней политики СССР. Но с другой — создавалось впечатление, что наверху не знают, что делать со всеми этими рекомендациями и предложениями, отделываясь благодарностями и поощрениями. Более того, возникало четкое ощущение, что М.С. Горбачев и его команда вообще не знают, что делать со страной, все более погружавшейся в хаос. Корабль «Перестройка» потерял направление движения и беспомощно дрейфовал в штормящем море.

Конец «Серебряного века». 1990 год

Бурные события 1990 г., обнажившие накопившиеся в стране острые проблемы и неразрешимые противоречия, дали старт процессу, который год спустя приведет к распаду СССР. Обратимся к хронике этого года[1].

[1] См. подробно: Хроника России. XX век / А.П. Корелин, П.П. Черкасов, А.В. Шубин и др. М., 2002. С. 974 — 987.

13–20 января. Антиармянские погромы в столице Азербайджанской ССР г. Баку, организованные Народным фронтом Азербайджана, привели к гибели 148 человек. Более 500 человек получили ранения. Тысячи квартир, принадлежавших армянским семьям, были разграблены. Начался массовый исход армян из Баку и других населенных пунктов Азербайджана.

18 января. Боевики националистического общества «Память» учинили антисемитский дебош на собрании писательской организации «Апрель» в Центральном доме литераторов в Москве. Реакцией на этот дебош стали многотысячные манифестации (февраль 1990 г.) в Москве (от 150 до 200 тыс. участников), Ленинграде, Томске, Тбилиси и Харькове, получившие название «мирной февральской революции 1990 г.». Манифестации проходили под лозунгами борьбы с антисемитизмом и отмены 6-й статьи Конституции СССР о руководящей роли КПСС.

20 января. Всесоюзная конференция партийных клубов (неформальных организаций коммунистов, выступавших за демократическую реформу КПСС) учредила т.н. Демократическую платформу в КПСС. Среди главных требований Демплатформы — демократизация партии и всего общества, отказ от официально провозглашенной руководящей роли КПСС в обществе.

22 января. В Москве состоялся учредительный съезд Ассоциации крестьянских хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов России (АККОР).

10–15 февраля. В Душанбе произошли столкновения между эвакуированными из Баку армянами и местными жителями, переросшие в погромы, направленные не только против армян, но и всех живущих в городе нетаджиков, включая русских. В результате этих погромов по разным сведениям погибли от 20 до 35 человек, более 500 получили ранения. В Душанбе были введены войска и установлен комендантский час.

4 марта. В РСФСР впервые после 1918 г. прошли относительно свободные выборы (первый тур) в республиканский парламент и местные органы власти. В Москве и Ленинграде большинство получили сторонники «Демократической России».

6 марта. Верховный Совет СССР принял закон о собственности, впервые в советской истории признавшей равенство всех форм собственности: государственной, кооперативной, акционерной, иностранной и частной.

9 марта. Чрезвычайная сессия Верховного Совета Грузии денонсировала союзный договор 1921 г. с РСФСР и союзный договор 1922 г. о вхождении Грузинской ССР в СССР.

11 марта. Верховный Совет Литовской ССР проголосовал за выход Литвы из СССР и восстановление в полном объеме ее независимости.

12–15 марта. На внеочередном III съезде народных депутатов СССР первым президентом Советского Союза избран кандидат от КПСС М.С. Горбачев. Другим решением съезда были приняты поправки в Конституцию СССР, отменяющие руководящую роль КПСС и заложившие конституционные основы многопартийности.

21 марта. В Москве начал работу учредительный съезд Федерации независимых профсоюзов РСФСР.

24–25 марта. На съезде Движения за создание партии «зеленых» провозглашена новая неформальная организация.

16, 23 апреля. На сессии Моссовета его председателем избран сторонник демократических реформ Г.Х. Попов. Председателем Ленсовета избран А.А. Собчак, член Межрегиональной депутатской группы (МДГ).

1 мая. По окончании официальной части первомайской демонстрации на Красной площади там же прошла многотысячная колонна демократов под антикоммунистическими и оскорбительными для высшего руководства КПСС лозунгами. М.С. Горбачев и его соратники по Политбюро покинули трибуну Мавзолея. Альтернативная демонстрация стала свидетельством утраты Горбачевым доверия значительной части общества, разочарованием в результатах перестройки и одновременно — в коммунистических ценностях.

4 мая. На основе Социал-демократической ассоциации создана партия российских социал-демократов.

16 мая–12 июня. В Москве в два этапа прошел I съезд народных депутатов РСФСР. Председателем Верховного Совета РСФСР, несмотря на сопротивление Горбачева, был избран Б.Н. Ельцин. На съезде сформировались несколько партийных фракций и объединений. Съезд провозгласил суверенитет России, положив начало «параду суверенитетов» в СССР. За это решение проголосовало и большинство депутатов-коммунистов, недовольных реформами, проводимыми союзным центром.

30 мая–3 июня. Визит М.С. Горбачева в США. В результате переговоров подписаны протокол к Договору о подземных ядерных взрывах в мирных целях, соглашение об уничтожении и отказе от производства химического оружия и другие документы.

4 июня. В Ошской долине (Киргизия) произошли кровавые столкновения между киргизами и узбеками. По официальным данным, погибли 155 человек. В районе введено чрезвычайное положение.

12 июня. Верховный Совет СССР принял закон «О печати и средствах массовой информации в СССР», согласно которому в стране отменялась цензура.

16 июня. В Москве учрежден Научно-промышленный союз СССР во главе с А. Вольским. Позднее эта организация была преобразована в Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП).

19–20 июня. Учредительный съезд Коммунистической партии РСФСР.

20 июня. Верховный Совет РСФСР принимает закон «О механизме народовластия», который запрещает совмещение партийных и государственных должностей.

2–13 июля. В Москве прошел XXVIII съезд КПСС, последний в истории этой партии. На съезде развернулась жесткая борьба между консервативно-ортодоксальным крылом КПСС и сторонниками демократических реформ. При этом обе враждующие группировки резко критиковали

М.С. Горбачева, которому все же удалось удержаться на своем посту. На съезде Б.Н. Ельцин заявил о выходе из КПСС и демонстративно покинул зал заседаний.

24 июля. Совет Министров СССР отменил ограничения на продажу алкоголя, положив конец «антиалкогольной кампании», начатой в мае 1985 г.

3 августа. На встрече в Москве министр иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе и госсекретарь США Дж. Бейкер выступили с совместным заявлением, в котором призвали мировое сообщество принять практические меры против Ирака, оккупировавшего 2 августа Кувейт.

13 августа. Указом президента СССР М.С. Горбачева реабилитированы жертвы политических репрессий 1920 — 1930-х гг. 15 августа М.С. Горбачев подписал указ о возвращении гражданства СССР тем, кто был его лишен в 1970 — 1980-е гг.

22 августа. В эфир выходит новая радиостанция «Эхо Москвы».

2 сентября. Чрезвычайный съезд депутатов всех уровней Левобережной части Молдавии, прошедший в Тирасполе, провозгласил создание Приднестровской Молдавской Республики в составе СССР.

12 сентября. В Москве министры иностранных дел СССР, США, Великобритании, Франции и двух германских государств подписали документ — соглашение об окончательном урегулировании отношений с Германией, что открыло дорогу к объединению Германии.

16 октября. Б.Н. Ельцин заявляет, что отвергнутая М.С. Горбачевым программа «500 дней», разработанная группой экономистов во главе с С.С. Шаталиным и Г.А. Явлинским по глубокому реформированию советской экономики, будет проводиться в РСФСР. Программа «500 дней», рассчитанная на привлечение денежных накоплений населения, предусматривала приватизацию госсобственности и последующую либерализацию цен. В условиях существования общесоюзного государства (СССР) эта программа не могла быть реализована в рамках отдельно взятой республики, даже такой крупной, как РСФСР. В этом смысле заявление Б.Н. Ельцина носило чисто политический характер и реальных последствий не имело.

26–28 октября. Визиты М.С. Горбачева в Испанию и Францию, где были подписаны соглашения о предоставлении СССР крупных кредитов.

7 ноября. Во время праздничной демонстрации на Красной площади совершено покушение на М.С. Горбачева, который не пострадал.

19–21 ноября. В Париже на встрече глав государств и правительств стран — участниц Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе подписаны Договор о сокращении обычных вооружений и Хартия свободной Европы — документ, в котором было констатировано, что эпоха конфронтации и разделения Европы закончена.

23–25 ноября. Чеченский национальный съезд (ЧНС) в Грозном провозгласил себя высшим форумом народной власти Чеченской республики и высказался за ее полный суверенитет. Председателем ЧНС был избран генерал-майор Джохар Дудаев. 27 ноября Верховный Совет Чечено-

Ингушской АССР принял декларацию о государственном суверенитете Чечено-Ингушской Республики.

30 ноября. Указом Б.Н. Ельцина изображение двуглавого орла утверждено в качестве Государственного герба Российской Федерации.

1 декабря. Впервые после войны в СССР введены продуктовые карточки (талоны), что свидетельствовало о катастрофическом положении с продовольствием в стране.

2 декабря. В Намангане (Узбекская ССР) произошли столкновения местных жителей с военнослужащими Советской армии. 4 солдата сгорели заживо в рейсовом автобусе, еще один солдат и трое жителей погибли при подавлении беспорядков.

17–27 декабря. В Москве проходит IV съезд народных депутатов СССР, на котором консервативная оппозиция (около 400 депутатов) попыталась добиться отставки М.С. Горбачева с поста президента СССР. При поддержке демократического большинства М.С. Горбачев сумел сохранить свой пост. На съезде о своей отставке с поста министра иностранных дел заявил Э.А. Шеварднадзе. В отставку был отправлен Председатель Совета Министров СССР Н.И. Рыжков. Его место в качестве Председателя Кабинета Министров СССР в январе 1991 г. займет В.С. Павлов. По инициативе Горбачева съезд учредил пост вице-президента СССР, на который был избран Г.И. Янаев, возглавлявший до этого советские профсоюзы (ВЦСПС). Съезд принял общую концепцию нового Союзного договора, расширявшую права республик, и назначил на 17 марта 1991 г. референдум об обновленном Союзе. Важнейшим политическим итогом съезда стала утрата Горбачевым ядра своей прежней команды.

27 декабря. Верховный Совет РСФСР удовлетворил ходатайство патриарха Московского и всея Руси Алексия II и принял постановление о включении в праздничный календарь на территории России 7 января — дня Рождества Христова по православному календарю.

На протяжении 1990 г., насыщенного драматическими событиями, в общественно-политической жизни СССР с наибольшей силой проявились два главных феномена: разочарование общества в перестройке, трансформировавшееся в нараставшую волну антикоммунистических настроений; подъем националистических и сепаратистских настроений, проявившийся, в частности, в параде республиканских суверенитетов. Все это происходило на фоне обвала экономики СССР, обострившего накопившиеся противоречия до предела. Попытки провести глубокие экономические преобразования в условиях суверенизации союзных республик терпели провал, наталкиваясь на сопротивление республиканских и региональных элит, жаждавших монополии на собственность и бесконтрольную власть в своих регионах.

По мнению Н.А. Косолапова, работавшего в команде Горбачева — Яковлева, именно 1990 г. можно считать рубежом, за которым перестройка потеряла шансы на успешное завершение.

Из воспоминаний и размышлений Николая Алексеевича Косолапова:

«<...> Каков положительный итог перестройки до завершения существования СССР?

Перестройка уже к началу 1987 г. обрушила прежний, перезревший и готовый к падению баланс политических сил в стране и верхних ее эшелонах. Но такое его крушение само по себе еще не рождало нового баланса. Он должен был выкристаллизоваться, встать прочно на ноги. И пока этого не произошло, никакая новая система временных балансов прочной и стабильной не будет:

— удалось отодвинуть КПСС от непосредственной экономической, а затем и административной власти, лишить ее статуса "руководящей и направляющей силы советского общества", подготовив тем самым почву для возможности последующего перехода к демократической многопартийной системе;

— тем самым был взорван идеологический (квазирелигиозный) характер государства и на очень короткое время, фактически лишь на период 1985 — 1995 гг. был установлен действительно светский — т.е. лишенный как религиозного, так и политико-идеологического доминирования — режим власти и государства;

— появление деидеологизированных (светских) власти и государства создавало предпосылки для возможности рационального "разведения" по соответствующим направлениям идеологии (от которой не предполагалось отказываться) и экономики, которая уже не сводилась бы только к плановой;

— законодательно были разрешены частная собственность, частное индивидуальное и кооперативное предпринимательство, рыночные отношения, обозначены сферы их первоначального приложения, заявлено принципиальное намерение пойти на приватизацию части "общенародной собственности";

— была проведена "павловская" денежная реформа 1990 г., главной задачей которой было лишить воровские "общаки" и теневую экономику средств для участия в будущей приватизации (на практике вышло иное: получив порядка 50% теневых средств в качестве "отката", часть бедной ранее бюрократии стала пятым игроком на рынках начинавшейся приватизации);

— на 1987 — 1996 (ориентировочно) гг., т.е. на достаточно длительный по отечественным меркам период, удалось установить беспрецедентный для СССР и России уровень свободы средств массовой информации, а также общественно-политических, социально-экономических и культурных дискуссий в стране;

— были сняты политико-идеологические ограничения на все виды выезда за рубеж, существенно облегчены внешние связи и контакты для граждан и организаций, прекращено глушение иностранных радиопередач, что увеличило объем и расширило диапазон доступных советским людям идей и информации;

— из всего перечисленного прямо вытекает один из главных смыслов перестройки и ее единственный действительно необратимый результат: революция в наших представлениях о себе и о мире. Революция, которая подготавливает и делает неизбежными огромные, принципиального значения сдвиги в общественно-политической мысли, в массовых сознании и морали (эти сдвиги не обязательно нам понравятся), а следовательно, и в жизни...;

— с фатальным опозданием, но все же был начат переговорный процесс о переустройстве Союза, т.е. СССР как форма государственного устройства тоже переставал восприниматься как одна из "священных коров" и начинал допускать альтернативные прагматические подходы к его организации.

Что не удалось или к чему перестройка даже не подступилась?

— Из-за мощного скрытого сопротивления части госбюрократии, а также США не удалось наполнить товарные рынки и выиграть время на необратимое закрепление намечавшихся политических и экономических преобразований. Под влиянием этого фактора, а также верхушечной политической и иной борьбы социально-экономический фон перестройки деградировал практически с самого ее начала. Само по себе это нормально: всякая революция несет в себе прежде всего разрушение старого, и лишь спустя 10—20 лет приводит (если приводит) к появлению предпосылок нового качественного продвижения вперед. Эти 10—20 лет можно пройти на предельно жесткой диктатуре (ее перестройка отвергала), на искренней и сильной вере в лучшее будущее (такой веры уже не было), на реальной поддержке заинтересованных внешних сил (таковых не нашлось; США были заинтересованы в провале Горбачева и максимальном ослаблении СССР);

— не удалось закрепить эффективные правовые и практические условия для становления и развития институтов рынка и частной собственности. Начали с разрешения индивидуальной и кооперативной их форм, которые, как показала практика менее чем за год, никак не могли противостоять совокупному прессу чиновного произвола, а также бандитского и ментовского рэкета. Даже без этих "прелестей" сектор, по сути, кустарей и мелких предпринимателей не смог бы в ближайшие 5—7 лет (а их в запасе не было) стать политически весомым фактором экономической и общей жизни в стране;

— не была начата реорганизация системы планирования под меняющиеся политико-экономические условия и, насколько я могу судить, на уровне ЦК и правительства не было даже самых общих теоретических представлений о целях, направлениях и критериях такой реорганизации. В результате верх взяла неформальная коалиция внутренних антикоммунистов и США, прямолинейно противопоставлявшая плановое начало гипотетическому "рынку". Но если у США при этом была ясная цель — сломать хребет социалистической экономике, то российские сторонники "рынка", нацеленные на ожидавшуюся приватизацию, просто не задавались вопросом о последующей целостности экономики, считая, что "рынок" сам все расставит по местам;

— применительно к экономике перестройка оказалась "голым королем". Горбачев как бывший секретарь обкома (крайкома) весьма специфического региона (Ставропольского края. — *П.Ч.*) области знал реалии теневой экономики Юга СССР, но не имел познаний в экономической теории. Его ближайшее окружение (за исключением Э.А. Шеварднадзе) плохо представляло себе даже такие реалии. Объективных научных исследований экономики СССР и доступных альтернатив ее развития не существовало в принципе. "Рыночники" в советской среде с разной степенью точности излагали западную литературу, но туманно представляли себе (если представляли вообще) реальные механизмы западного рынка (это относится и к ИМЭМО);

— с начала перестройки было признано, что экономические реформы не пойдут и/или не принесут желаемых результатов, если не будут подкреплены реформами политическими. Простое сохранение администра-

тивно-командной системы лишь с приданием ей большей поворотливости и эффективности тоже требовало политической реформы, только иных направленности и содержания. Но если экономисты за 20 с лишним лет до начала перестройки уже хотя бы обсуждали идею рыночного социализма, то у политологов не было наработано ничего, хоть отдаленно эквивалентного этой идее применительно к целям и направлениям политической реформы. Политическая теория еще вела тяжелые идеологические бои за право на существование. У идеологов — тем более;

— примерно к середине перестройки (условно — к XIX конференции КПСС, 1988 г.) четко обозначилось отсутствие у нее каких-либо реалистических идей и представлений относительно собственных перспектив. Если предполагались сохранение и глубокая модернизация советской модели, то очевидно, нужны были серьезные работы по адекватному осмыслению накопленного опыта и по развитию хотя бы ключевых для того периода вопросов теории практического социализма. Таких работ не было даже в заделе, даже на уровне постановки проблем. Если с советской моделью и/или развитым социализмом планировали прощаться, тем более требовалось продумать проблемы и риски "возвращения в капитализм". Не было и этого. Тактика перестройки победила ее же стратегию. А ходульность и идеологизированность (фундаменталистско-коммунистическая, социал-демократическая, наивно-либеральная — у кого какая) представлений перестройщиков и их противников на всех флангах означала, что фактически ход процессов все более отдавался внутренней стихии и влиянию внешних сил;

— перестройка даже не пыталась создать демократическую коалицию в свою поддержку. С одной стороны, здесь были очень сильны иллюзии, что народ и так ее поддерживает и будет поддерживать впредь (почему, собственно, если жизнь в мирное время становилась все невыносимей?). С другой — на мой взгляд, присутствовало и циничное понимание того, что "демократизация" (а вовсе не демократия) нужна и полезна как инструмент взлома прежнего уклада. Создание же уклада нового, постперестроечного, будет решаться "прогрессивной" частью элиты, которая выдвинется в ходе и результате перестройки (что, в общем, и произошло, но в формах для общества и для самих инициаторов перестройки неожиданных и шокирующих);

— первые шесть лет (1986—1991) перестройки в известном смысле повторили опыт февраля — октября 1917 г.: они стали периодом всеобъемлющего отрицания доставшегося наследства. Отрицание справедливо, но было содержательно и политически исчерпано уже к середине этого периода. В нравственном и когнитивном плане оно вообще не добавило ничего нового к сказанному еще на XX съезде. Остро необходима была программа конкретных и взаимосвязанных созидательных действий в экономике, социальной сфере, внутренней и внешней политике. Отсутствие такой программы отдавало поле перестройки внутренним и внешним силам, у которых хотя бы были внятные представления о собственных шкурных интересах;

— в условиях перестройки оказалось невозможным на законной основе вести эффективное наступление на коррупцию, теневые экономику, арбитраж и политику. Все перечисленное по природе противостоит закону. Но если законы и сами их идеологические и нравственные основания меняются и/или оказываются под сомнением, то размываются основополагающие критерии правовых оценок, а система правоприменения эволюционирует в систему тотальных шантажа и беспредела. Этот процесс облегчался тем,

что длительное — на протяжении жизни трех поколений — использование репрессий, подозрительности и уголовно-экономического шантажа как средств управления объективно выносило "наверх" все большее число лиц, мягко говоря, сомнительной нравственности;

— во внешней сфере не получилось сближения с Социнтерном. В среде инициаторов перестройки явно существовало (хотя и не высказывалось в сколь-либо публичных формах) сильное опасение оказаться политически связанными с именем Дубчека и с идеями российского меньшевизма начала XX века. В странах Западной Европы у власти были консервативные партии и правительства, а не социал-демократы. Европейские соцстраны и их партии политико-идеологически разделились, с одной стороны, на коммунистов-консерваторов и реакционеров, а с другой — на антикоммунистов и часто антисоветчиков; за неимением весомых политиков социал-демократического толка опираться там в этом плане было не на кого. Напротив, поляризация в европейских соцстранах сыграла важную роль в том, что события в СССР после XIX партконференции пошли вразнос;

— неудачной по своим плодам оказалась концепция "нового политического мышления". Ее предназначение было внутренним, внутрипартийным: в условиях биполярной конфронтации реформы весьма рискованны. Но реформы нужны, а значит, надо снизить накал конфронтации и убедить партию и страну, что не так страшен черт... Убедить не удалось. США же с явным злорадством наблюдали за метаниями советских идеологии, политики и пропаганды между "мирным сосуществованием", "разрядкой" и "новым мышлением", а главное, верно истолковали эти метания как признак глубокого системного кризиса КПСС/СССР.

В чем состояли стратегические ошибки и просчеты перестройки?

К числу главных я бы отнес, прежде всего, непонятно откуда и почему возникшее убеждение, будто Запад и особенно США заинтересованы в успехе перестройки. Успех, который влек бы за собой укрепление России, а тем более "обновленного Союза" (даже антикоммунистического), был для них абсолютно неприемлем. Мягкий подход к США оказался катастрофическим и в конечном счете вывел Россию на одностороннюю сдачу всех позиций, кроме сохранения постоянного членства в СБ ООН. Цинично рассуждая, даже показушный ельцинский антикоммунизм можно и необходимо было продать США максимально дорого, а не преподносить им "на блюдечке с голубой каемочкой" только ради того, чтобы "выгнать Мишку из Кремля"...

Главный внутренний стратегический просчет выразился в том, что оппонентов перестройки стали именовать "консерваторами" (не отличая при этом реальных оппонентов от мнимых). По самым осторожным подсчетам, не менее 55—60% начавшего жить по-человечески населения к середине 1980-х гг. придерживались консервативных жизненных позиций, что в их положении было закономерно и нормально. На своем уровне качества жизни, но в аналогичном положении было и большинство номенклатуры. Консерватизм (не путать с реакцией!) везде и всегда есть важнейшая — а в России исторически единственная — опора демократии. Эти слои могли и должны были стать социальной базой перемен. Вместо этого их априори отлучили от перестройки, без какой-либо вины или повода с их стороны.

Это создало искусственную и, как показало время, в конечном счете, фатальную проблему нараставшей эрозии даже той социальной базы,

которой перестройка располагала изначально как кредитом доверия под ожидавшиеся всеми (хотя различные группы и лица ждали разного) перемены (разумеется, к лучшему). Причем особенно быстро эрозия поддержки перестройки и лично Горбачева происходила в номенклатурной среде, особенно — что крайне интересно — в тех ее частях, участники которых выигрывали и/или могли обоснованно рассчитывать на личный выигрыш по итогам перестройки.

Все новое, что было рождено самой перестройкой, не получило от нее прямой, ясной, открытой и честной поддержки. Необходимость тактического маневрирования понятна, как и необходимость проявлять осмотрительность, выжидать, разбираться в новых процессах, людях и т.д. Но все разумные пределы такой осторожности были многократно перекрыты. Ни один из энтузиастов "перестройки снизу" не попал и на дальние подступы к окружению Президента СССР, хотя в его близкое окружение вошли представители антиперестроечных сил, политическое лицо которых было совершенно ясно и не скрывалось». <...>[1]

Таков в самом сжатом виде безжалостный анализ итогов и уроков перестройки, данный спустя четверть века одним из непосредственных ее разработчиков.

А тогда, на исходе 80-х гг., научный коллектив ИМЭМО самым активным образом участвовал в составлении планов экономических преобразований в стране. Эта работа велась как с союзными, так и с российскими правительственными органами. В Институте, в частности, проводилась экспертиза экономической программы правительства И.С. Силаева, делались разработки по важнейшим аспектам реформы хозяйственного механизма и становления рыночных структур.

Два представителя ИМЭМО — член-корреспондент АН СССР В.А. Мартынов и кандидат экономических наук Л.М. Григорьев — приняли непосредственное участие в разработке программы стабилизации экономики («500 дней»). Вначале они, как и Г.А. Явлинский, работали под эгидой союзного правительства, а затем — правительства РСФСР. Ряд ученых Института представили свои научные разработки в правительственную группу по подготовке программы. Среди этих разработок — исследования по банковской системе, рынку ценных бумаг, бюджетной и налоговой политике, внешнеэкономическим связям и привлечению зарубежных инвестиций, системе образования, опыту реформ в восточноевропейских странах[2].

По запросам Совета Министров СССР, министерств и ведомств Институт подготовил серию аналитических записок по наиболее актуальным экономическим вопросам. Среди них — о перестройке экономических отношений с восточноевропейскими странами, о перспективах развития нефтяных рынков, экологической политики, о перестройке управления внешнеэкономической деятельностью, совершенствованию междуна-

---

[1] Запись беседы с Н.А. Косолаповым 15 сентября 2013 г.

[2] Краткий отчет о научной деятельности ИМЭМО АН СССР в 1990 г. С. 1—2 // Архив ИМЭМО РАН.

родного научно-технического сотрудничества, формированию валютной политики, инвестиционной деятельности и т.д.

ИМЭМО на постоянной основе принимал участие в разработке предложений и экспертизе важнейших документов и законопроектов, выносимых на обсуждение в Государственную комиссию по экономической реформе Совета Министров СССР. В Комиссию были направлены аналитические материалы по проблемам малого предпринимательства в США и Японии, организации и функционировании акционерных компаний и рынка ценных бумаг, реформе центрального эмиссионного банка и банковской деятельности, приватизации государственной собственности, антимонопольной политике, совершенствованию транспортной системы, структурной и инвестиционной политике, антиинфляционным мерам и опыту стабилизации денежных систем, организации и финансировании общественных работ.

В рамках долгосрочных договоренностей ИМЭМО с МИД СССР целевым порядком были подготовлены предложения о сокращении стратегических наступательных вооружений, сотрудничестве с международными экономическими организациями, рекомендации по укреплению региональной и международной безопасности, внешней политике союзных республик, о возможностях сокращения военной деятельности СССР за рубежом и др.[1]

В 1990 г. Институт продолжал выполнять многочисленные задания директивных органов, участвуя в аналитической подготовке зарубежных визитов М.С. Горбачева и других представителей высшего государственного руководства СССР. В Президентский совет была направлена серия материалов по проблемам экономической реформы, вопросам разоружения и безопасности, военному строительству и другие разработки.

Продолжалась начатая в 1989 г. работа по подготовке аналитических и справочных документов по прямым запросам комитетов и комиссий Верховных Советов СССР и РСФСР. Среди материалов такого рода наиболее важными были доклады «Антимонопольная политика — стимулятор экономической эффективности», «Предложения по формированию органов экономического управления в РСФСР», «Рекомендации к формированию структур исполнительной власти в РСФСР», «Концепция перестройки школьного образования в СССР», «Опыт зарубежного военного строительства», «О соблюдении прав человека и основных свобод».

Специалисты Института участвовали в подготовке проектов законодательных актов, привлекались в качестве экспертов и консультантов к работе комитетов и комиссий Верховных Советов СССР и РСФСР.

Всего в директивные инстанции — Президентский Совет, Верховные Советы СССР и РСФСР, Советы Министров СССР и РСФСР, ЦК КПСС и Президиум АН СССР — в 1990 г. было направлено 111 аналитических записок, научных докладов и других материалов[2].

---

[1] Там же. С. 3.

[2] Отчет о научной деятельности ИМЭМО АН СССР в 1990 г. С. 1 // Архив ИМЭМО РАН.

Важным направлением работы научного коллектива ИМЭМО в 1990 г. было выполнение государственных научно-технических программ.

Институт участвовал в подготовке Комплексного прогноза социально-экономического и научно-технического развития СССР на 20 лет (КП СССР), представив концепцию одного его раздела — «Мировая экономика и научно-технический прогресс», а также методические рекомендации по долгосрочному и среднесрочному прогнозированию. В Институте был подготовлен предварительный прогноз развития производительности труда в пятнадцати отраслях экономики, динамики заработной платы и реальных доходов в США, Японии, ФРГ, Франции и Великобритании.

Для другой госпрограммы — «Новые международные условия морской деятельности государств и обеспечение интересов СССР в сфере использования пространств и ресурсов мирового океана» — заказчику были направлены аналитические записки: «К вопросу о юрисдикционном иммунитете морских торговых судов, принадлежащих государству»; «О корректировке позиции СССР по вопросам имплементации Конвенции ООН по морскому праву и тактике переговоров в Подготовительной комиссии для международного органа по морскому праву и Международного трибунала по морскому праву»; «Об участии СССР в программе глубоководного бурения» и др.

В рамках программы «Создание государственной системы научно-технической информации» специалистами Института были разработаны математические программы решения задач прогнозирования экономического развития (на основе темповой экспертно-статистической модели) и оценки влияния структурных изменений на показатели экономической эффективности. Продолжалась работа по созданию справочного банка статистических данных по основным показателям экономического развития ведущих стран Запада — национальным счетам, балансовой статистике и данным по хозяйственной деятельности крупнейших корпораций США.

В ходе работы над программами фундаментальных исследований АН СССР «Научные основы совершенствования управления социалистической экономикой на 1988—2000 гг.» Институт подготовил аналитические материалы — «Проблемы регионального развития Японии на современном этапе социально-экономической эволюции» и «Территориальные аспекты современной внешнеэкономической стратегии КНР», в которых, в частности, было показано, что новые тенденции в эволюции японской экономики предопределили переход к принципиально иному пониманию задач региональной политики, изживанию классического представления о характере взаимоотношений между центром и периферией. Изучение территориальных аспектов внешнеэкономической стратегии Китая привело экспертов ИМЭМО к выводу о возможности и целесообразности использования китайского опыта в практике советских внешнеторговых организаций.

Другая фундаментальная академическая программа, по которой Институт работал в 1990 г., — «Обоснование и прогнозы перспектив социально-экономического развития». На этом направлении аналитики ИМЭМО

исследовали экономические проблемы развития сферы НИОКР в промышленно развитых странах Запада, тенденции в механизме стимулирования НТП. Анализ показал, что на рубеже 1980 — 1990-х гг. ускорилось формирование локального механизма управления НТП, отличительной чертой которого являлось создание благоприятной экономической среды для стимулирования и поддержки рыночных форм научно-технического развития.

Помимо программ Президиума АН СССР, ИМЭМО работал и над программой фундаментальных исследований Отделения проблем мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР «Капитализм: особенности и адаптационные возможности на современной стадии его развития». Исследования на этом направлении базировались на теоретическом анализе глубинных изменений, которые произошли в отношениях собственности, механизме производства, распределения и перераспределения прибавочной стоимости.

Проведенные по этой проблематике научные дискуссии позволили продолжить разработку концепции о новой стадии в развитии капитализма. В рамках этой гипотезы были проанализированы вопросы прав собственности в рыночной экономике, изучены различные аспекты современной теории предпринимательства. Важнейшие результаты проведенных исследований были обобщены в трех монографиях: «Экономическая теория прав собственности» и «Предпринимательская функция в экономической системе», «Предпринимательство в конце XX века».

Важное место в работе институтских экономистов занимало изучение проблем инфляции, неожиданно ставшей крайне актуальной для советской экономики[1]. Проведенный анализ позволил расширить понимание инфляции как многофакторного явления, распадающегося на «инфляцию спроса» и «инфляцию предложения».

Продолжались исследования особенностей развития международных финансовой и кредитно-денежной сфер капитализма конца XX в. Изучались функции и типы финансового посредничества, особенности взаимодействия финансовой и реальной сфер в разных странах. В результате был подготовлен научный доклад «Кредитная система: развитие и эффективность» и две монографии: «Валютная политика основных капиталистических стран» и «Финансовая система США».

Серьезное внимание в Институте уделялось комплексному изучению современного этапа научно-технического прогресса (НТП). Была сформулирована рыночная концепция взаимодействия НТП и структурных сдвигов в отраслях национальной экономики промышленно развитых стран Запада, проанализирована ведущая роль рынка в процессе смены технологических укладов, в стимулировании новейших производств. В рамках концепции стратегического управления были исследованы теоретические и практические основы перехода от «механической» организации к «органичным» структурам в современных корпорациях. Основные результаты

[1] Даже по явно заниженным официальным оценкам, инфляция в СССР в 1990 г. достигла 10%.

проведенных исследований были опубликованы в двух монографиях: «Стратегическое планирование в промышленных корпорациях США» и «Корпорации США: формы и стратегия гибкости (на материалах машиностроения)».

Политологи ИМЭМО в 1990 г. продолжали исследовать социальные и внутриполитические проблемы современного западного общества. Пристальное внимание уделялось изучению идеологии и политики неоконсерватизма и его демократической альтернативы в странах Запада. Результаты этих исследований были представлены в трех монографиях: «Современный консерватизм», «Вызревает ли демократическая альтернатива?» и «Массовое сознание и социальный протест в условиях современного капитализма».

В рамках программы Отделения проблем мировой экономики и международных отношений АН СССР «Исследование проблем мира и безопасности» специалистами ИМЭМО из Отдела А.Г. Арбатова изучались проблемы сокращения уровней военного противостояния, ограничения и запрещения вооружений. Разрабатывалась модель оптимального решения задачи стратегической стабильности в условиях взаимных сокращений вооруженных сил и обычных вооружений ОВД и НАТО. Результаты проведенных исследований нашли отражение в ежегоднике «Разоружение и безопасность. 1990—1991» и в аналитической записке «Оценка хода возможных результатов военных переговоров по обычным вооруженным силам в Европе».

В этом же русле проводился анализ проблемы сокращения и ограничения военной деятельности на море в контексте мер, направленных на ограничение военно-морских вооружений и военно-морских сил. Исследовались как глобальные, так и региональные аспекты разоружения и безопасности.

В серии подготовленных в Отделе разоружения и безопасности аналитических записок были предложены новые подходы в политике СССР по укреплению режима нераспространения ядерного оружия, разработаны вопросы, относящиеся к тематике советско-американских переговоров по ядерным и космическим вооружениям, а также Договора о 50-процентном сокращении СНВ СССР и США.

Не остался Институт в стороне и от актуальной на то время проблемы конверсии советского ВПК. Эксперты ИМЭМО анализировали экономические и социальные проблемы конверсии, в частности, механизм переключения военного производства на мирные рельсы.

Самое пристальное внимание специалисты-международники уделяли мониторингу процессов, происходивших на Европейском континенте, а также прогнозированию перспектив общеевропейского строительства. В Центре западноевропейских исследований ИМЭМО под руководством д.и.н. В.Г. Барановского был разработан прогноз международно-политических последствий предстоявшего германского объединения, радикально менявшего европейский политический ландшафт.

Наряду с плановыми и поисковыми исследованиями, в ИМЭМО в 1990 г. продолжалась работа по хоздоговорной тематике. Институт заключил 38 договоров на проведение соответствующих исследований, в т.ч. с МИД СССР, Госпланом СССР, Госпланом РСФСР, Госстроем СССР, Госснабом СССР, Промстройбанком СССР и другими заинтересованными ведомствами[1].

Состояние научной жизни в Институте отражалось на заседаниях Ученого совета, где обсуждались наиболее важные и актуальные проблемы. В течение 1990 г. было проведено 13 таких заседаний, на которых были заслушаны и обсуждены восемь научных докладов.

Одним из наиболее содержательных было двухдневное заседание Ученого совета по общей теме «Капитализм 90-х годов», состоявшееся 22 – 23 января 1990 г.[2]

Начало обсуждению этой комплексной проблемы положил доклад д.э.н. В.И. Кузнецова, в котором была дана оценка глобальной экономической и социально-политической ситуации 80-х гг. и обозначены основные тенденции, сложившиеся в тот период. По мнению докладчика, эти тенденции должны были сохранить свое влияние и в 90-е гг. Затем В.И. Кузнецов дал краткий прогноз вероятного развития западной экономики на среднесрочный период. Его общий вывод сводился к следующему: «Наиболее вероятным представляется сохранение интенсивного типа социально-экономического развития образца 80-х гг. и умеренные темпы глобального роста при глубоких структурных подвижках производства и потребления»[3].

Затем с докладами по общим и региональным аспектам обсуждаемой темы выступили: д.и.н. С.П. Перегудов («Гражданское общество и государство: эволюция отношений»), д.и.н. В.Г. Барановский («Международно-политическое развитие в Европе: итоги 80-х и перспективы 90-х годов»), д.э.н. Е.С. Хесин («Экономика Западной Европы – вступая в 90-е годы»), Л.Л. Любимов («США в последней четверти XX века»), д.э.н. В.К. Зайцев («Япония: формирование новой стратегии экономического и социального развития»), д.и.н. К.Г. Холодковский («Социально-политические итоги 80-х годов»).

Все выступления, посвященные западному миру 1980-х гг. и перспективам его развития на 90-е гг., так или иначе, увязывались с процессами, происходившими с середины 80-х гг. в СССР и восточноевропейских странах.

19 марта 1990 г. на Ученом совете ИМЭМО прошло обсуждение доклада д.э.н. Ю.В. Шишкова «Формационное развитие мирового сообщества в XX веке: итоги и некоторые перспективы»[4]. Констатировав закономерное крушение мировой системы «развитого социализма», докладчик увидел в этом крахе доказательство бесперспективности попыток насилия

---

[1] О тематике хоздоговорных работ см.: Отчет о научной деятельности ИМЭМО АН СССР в 1990 г. С. 26 – 29 // Архив ИМЭМО РАН.

[2] Капитализм 90-х годов. Тезисы заседания Ученого совета ИМЭМО 22 – 23 января 1990 г. // Архив ИМЭМО РАН.

[3] Там же. С. 1 – 5.

[4] Тезисы доклада д.э.н. Ю.В. Шишкова на Ученом совете ИМЭМО АН СССР 19 марта 1990 г. С. 1 – 11 // Архив ИМЭМО РАН.

над законами исторического развития человечества. «Продолжавшийся на протяжении большей части XX века поиск особого пути, якобы позволяющего перескочить через этапы истории, дал убедительный ответ: таких путей нет», — подчеркнул Ю.В. Шишков.

Крах «мирового социализма», отметил он, произошел на фоне сравнительно спокойного и успешного саморазвития капитализма в большинстве промышленно развитых стран Запада. При этом, как подчеркнул докладчик, современная западная экономическая и политическая система, строго говоря, уже не может называться собственно капиталистической. «И по потенциям производительных сил, и по господствующей форме акционерной собственности, и с точки зрения стирающихся социальных различий, в прошлом весьма глубоких и отчетливых, и по степени политической демократизации, и, наконец, по характеру распределения, в котором первичное традиционно капиталистическое распределение вновь созданной стоимости все более сглаживается мощной системой бюджетного и другими методами перераспределения — по всем этим признакам такое общество является переходным к посткапиталистическому», — резюмировал докладчик. Он добавил, что этот переход происходит без революционных взрывов, которые, по марксистским канонам, должны быть неизбежными при такого рода переходах от старого к новому.

По убеждению Ю.В. Шишкова, СССР и другие страны т.н. «реального социализма» должны синтезировать существующие у них социальные гарантии с рыночными механизмами и политической демократией, на которых основана западная система. «Такой синтез, — отметил он в завершение своего доклада, — легче осуществить тем странам, где более развиты производительные силы. Это движение не назад, к капитализму, а вперед, к тому переходному от капитализма к социализму эшелону мирового сообщества, которое представлено сегодня ведущими странами Запада».

Значительный интерес вызвал заслушанный на Ученом совете 6 июня 1990 г. доклад д.и.н. В.Г. Барановского «Европа: формирование новой международно-политической системы»[1]. Отправной точкой проведенного им анализа В.Г. Барановский считал происходящее размывание или преодоление биполярного характера региональной (европейской) международно-политической системы. Все прежние понятия и категории (противоборство, сосуществование, сотрудничество двух систем, отношения Восток — Запад, взаимоотношения социализма и капитализма) в результате происходящих в Европе перемен становятся неадекватными новым реальностям.

Он скептически оценил возможность возврата Европы к прежней, можно сказать, классической международно-политической системе с самостоятельно действующими независимыми государствами в качестве главных ее агентов, конкурирующих друг с другом. Такой вариант развития событий представлял бы потенциальную опасность для сохранения мира в Европе.

---

[1] Европа: формирование новой международно-политической системы. Доклад д.и.н. В.Г. Барановского на Ученом совете ИМЭМО АН СССР 6 июня 1990 г. С. 1 — 13 // Архив ИМЭМО РАН.

Однако усиливающаяся на мировой арене взаимозависимость представляет собой тенденцию, действующую в противоположном направлении. По убеждению докладчика, развитие этой тенденции будет не только минимизировать традиционные межгосударственные конфликты и соперничество, но и приведет к постепенному снижению роли самих государств как автономных участников международной жизни по мере формирования механизмов транснационального взаимодействия.

В.Г. Барановский обратил внимание на специфику переживаемого Большой Европой переходного периода, когда усиливающаяся эрозия существующего международно-политического режима не компенсируется столь же быстрым формированием его субститута. Сдерживающими факторами здесь являются инерционность внешнеполитического мышления: наличие институциональных структур, возникших в рамках «старого порядка» и приспособленных прежде всего для обслуживания его потребностей; неуверенность участников международной жизни в необратимом характере начавшихся перемен; отсутствие ясности относительно тех параметров, которые необходимо заложить в формирующуюся систему.

Из этого Барановский сделал вывод: большинство механизмов межгосударственного взаимодействия, которые оправдали себя в глазах участников, будут функционировать и впредь.

Главная опасность переходного периода, по мнению докладчика, заключена в том, что в это время интересы поддержания региональной безопасности могут вступить в конфликт с национально-государственными целями отдельных участников европейской политической жизни, которые могут интерпретироваться последними как приоритетные. Из этого, как полагал Барановский, вытекает объективная необходимость безотлагательного формирования общеевропейских структур взаимодействия и взаимозависимости государств европейского континента.

В докладе были проанализированы все основные компоненты европейской международно-политической системы: Восточная Европа, переориентирующаяся с СССР на Запад; Германия, стоящая на пороге воссоединения; Европейское сообщество, играющее возрастающую роль в региональной международно-политической системе; военно-политические союзы в Европе — НАТО, ОВД, ЗЕС (Западноевропейский союз); новая роль СССР в Европе.

Отметив неоспоримый факт утраты прежних рычагов, обеспечивавших СССР в недавнем прошлом высокий статус в мире и в Европе, Барановский связал вопрос будущего влияния Советского Союза на европейские дела как с судьбой перестройки, так и с сохранением международно-политической дееспособности СССР либо как целостного государства, либо как конфедерации.

С учетом быстро происходящей вестернизации государств Восточной и Центральной Европы, нельзя исключать, по мнению докладчика, перемещение «линии раскола» из центра Европейского континента на западную границу СССР, что привело бы к маргинализации европейской роли Совет-

ского Союза и резкому сужению его внешнеполитических возможностей. В результате может сложиться положение, когда «Общеевропейский дом» будут строить без инициатора этого проекта или, в лучшем случае, с его символическим участием. Избежать столь невыгодного и даже опасного развития событий, при котором СССР рискует оказаться на обочине европейского процесса, по убеждению В.Г. Барановского, можно было только одним путем — форсированием внутренних реформ.

Самые большие неопределенности и даже риски для участия СССР в создающейся европейской международно-политической системе, как считал Барановский, были связаны с резким усилением сепаратистских тенденций в ряде союзных республик, в частности, на западном направлении. Сохранение для Советского Союза «европейской перспективы», по мнению докладчика, в значительной степени будет зависеть от того, насколько ему удастся: не допустить массовых беспорядков в этих районах; избежать превращения межнациональных проблем в источник напряженности в отношениях с европейскими странами, особенно с ближайшими соседями, к которым могут апеллировать сепаратисты — Румынией, Венгрией, Польшей; обеспечить установление и поддержание конструктивных (если не привилегированных) взаимоотношений с теми союзными республиками, которые выйдут из СССР; при подготовке нового Союзного договора предусмотреть эффективные механизмы разработки внешней политики всеми членами новой Федерации (или Конфедерации) с целью легитимации внешнеполитического курса.

В обсуждении доклада на столь актуальную в то время тему приняли участие 11 членов Ученого совета: В.А. Мартынов, М.М. Максимова, С.П. Перегудов, Б.М. Халоша, Н.А. Ковальский, А.О. Ничипорук, И.П. Шадрина, Л.М. Григорьев, О.Н. Быков, А.Г. Арбатов и В.А. Романов. По результатам состоявшейся дискуссии было принято решение продолжить изучение процесса формирования новой международно-политической системы в Европе и подготовить соответствующие предложения и рекомендации для высшего государственного руководства и МИД СССР.

На Ученом совете обсуждались и другие актуальные международно-политические и экономические проблемы рубежа 80—90-х гг.

Внутренняя жизнь Института продолжала оставаться столь же насыщенной, как и в предыдущие годы. Помимо регулярных заседаний Ученого совета и Методологического координационного совета под руководством В.А. Мартынова[1] активно работали диссертационные советы, на которых в 1990 г. были успешно защищены 27 диссертаций (2 докторских и 25 кандидатских). С учетом перемен, происходивших в стране и мире, ИМЭМО добился от Высшей аттестационной комиссии при Совете Министров

[1] В 1990 г. состоялись три заседания этого Совета, где были обсуждены три доклада: «Предпринимательская функция в экономической системе» (к.э.н. В.С. Автономов), «Современные формы финансового посредничества» (к.э.н. В.Д. Миловидов), «Перспективы приватизации в советской экономике» (д.э.н. Ю.Б. Кочеврин, к.э.н. Л.М. Григорьев). См.: Отчет о научно-организационной деятельности ИМЭМО АН СССР в 1990 г. С. 2 // Архив ИМЭМО РАН.

СССР некоторого изменения перечня специальностей, по которым защищались диссертации. Были ликвидированы две специальности — «История коммунистического и рабочего движения» и «История международных отношений и внешней политики». Вместо них появились две новые специальности — «Политические институты и процессы» и «Политические проблемы международных систем и глобального развития»[1].

В Институте появился еще один, четвертый по счету, член-корреспондент АН СССР — д.и.н. Нодари Александрович Симония, заместитель директора ИМЭМО, крупный специалист по проблемам развивающихся стран. Он был избран Общим собранием Академии наук. А директор ИМЭМО, Владлен Аркадьевич Мартынов на XXVIII партийном съезде вошел в состав ЦК КПСС, что после перехода Е.М. Примакова на государственную работу закрепило позиции Института в сознании номенклатуры.

Пользуясь этим влиянием, Мартынов поставил перед новым руководством Московского городского Совета народных депутатов вопрос о строительстве дополнительного корпуса ИМЭМО в пределах отведенного Институту на Профсоюзной улице земельного участка площадью 1,2 гектара. В письме на имя Председателя Моссовета, известного экономиста, профессора Г.Х. Попова, давно и хорошо с ним знакомый В.А. Мартынов обосновал свою просьбу новыми задачами, поставленными перед Институтом директивными инстанциями, связанными с выработкой внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии СССР. Мартынов обратил внимание Попова на постоянно расширяющиеся международные связи Института, что требует организации и проведения десятков научных конференций, симпозиумов и семинаров с участием иностранных ученых, бизнесменов и политических деятелей. «Между тем, — писал Мартынов, — для решения поставленных задач Институт в настоящее время не имеет нормальных условий. ИМЭМО располагает лабораторным корпусом, проект которого разрабатывался в 1963 г., а строительство было окончено в 1978 г. В настоящее время это здание уже не удовлетворяет современным требованиям, предъявляемым к подобного рода сооружениям»[2].

Мартынов проинформировал председателя Моссовета о том, что Институт самостоятельно сумел договориться с рядом зарубежных фирм (южнокорейскими корпорациями «ДЭУ» и «Голд Стар Интернэшнл», австрийскими банками «Лэндербанк» и «Центральшпаркассе унд Коммерциальбанк») об их участии в проектировании и строительстве нового лабораторного корпуса общей площадью 15—20 тыс. кв. метров путем организации соответствующего совместного предприятия. При этом, уточнил директор ИМЭМО, «произведенные фирмами затраты имеется в виду окупить путем сдачи здания под офисы инофирм», а Институт как учреди-

---

[1] Там же. С. 3—4.

[2] Письмо директора ИМЭМО АН СССР В.А. Мартынова председателю Московского городского Совета народных депутатов Г.Х. Попову от 10 июля 1990 г. // Архив ИМЭМО РАН. Общая площадь занимаемого ИМЭМО здания составляла 15 тыс. кв. метров. Новый проект предусматривал удвоение этой площади.

тель совместного предприятия «получит в новом здании необходимые для него дополнительные площади»[1].

Принципиально важным Мартынов считал, что планируемое строительство будет осуществляться силами зарубежного подрядчика, т.е. без отвлечения мощностей строительных организаций Моссовета.

Г.Х. Попов в принципе не возражал против реализации предложенного проекта, но пока шли многочисленные бюрократические согласования, вопрос, как говорится, отпал сам собой.

На пороге стоял 1991 г., развеявший в обществе последние надежды на способность Горбачева и его команды реформировать существующую систему в рамках социалистической модели, но главное — похоронивший СССР.

1991 год

К началу 1991 г. по-иному зазвучал заключительный куплет еще вчера популярной песни Владимира Кузьмина «Капитан»:

...И хоть наш корабль тихоходным был
Но, главное, я понял там —
Когда корабль не может плыть,
В этом виноват капитан.

Если в 1988 г., когда песня Кузьмина впервые прозвучала в эфире, эти дважды повторяемые слова безоговорочно относили к предшественникам Горбачева — Брежневу и Черненко, то два года спустя они уже воспринимались как прямой упрек самому Горбачеву, оказавшемуся неспособным вести государственный корабль под названием Советский Союз.

От недавней популярности молодого генсека, ставшего первым президентом СССР, к концу 1990 г. не осталось и следа. Его ругали со всех сторон. Интеллигенция — за обманутые надежды. Партноменклатура — за утрату властных функций и прежнего безмятежного благополучия. Демократы и либералы — за слабость и неспособность довести до конца начатые демократические реформы. Коммунисты — за измену «делу партии», которую Горбачев «развалил». А народ, толкавшийся по всей стране в бесконечных очередях за всем, что «выбросят», клял «Горбача» за отсутствие продуктов питания, одежды, обуви, мыла, постельного белья и других жизненно важных товаров. Перестройка с ее благими лозунгами была окончательно и безнадежно скомпрометирована вместе с ее зачинателями и «архитекторами» — Горбачевым, Яковлевым, Шеварднадзе и др.

«Союз нерушимый республик свободных» трещал по всем швам. Каждая из республик, включая Россию, проникалась сознанием необходимости самостоятельного развития. Латвия, Литва, Эстония, а вслед за

[1] Там же.

ними и Грузия фактически становились независимыми. В РСФСР и на Украине нарастали настроения против иждивенчества среднеазиатских и закавказских республик, а последние утверждали, что значительная часть их национальных богатств экспроприируется славянскими братьями. Взаимные претензии становились все более откровенными. В ряде случаев дело доходило до вооруженных конфликтов при вялой реакции союзного центра, выдававшей его беспомощность. А там, где армия по телефонным приказам из Москвы вмешивалась в события (Вильнюс, Тбилиси), ее делали единственной ответственной за пролитую кровь. Президент Горбачев неоднократно заявлял, что никогда не отдавал приказа на применение силы, и чем чаще он об этом говорил, тем меньше ему верили, обвиняя, помимо прочего, еще и в малодушии.

Все более очевидным становилось, что в обстановке «парада суверенитетов» глава союзного государства, как и сам Советский Союз, уже не нужны республиканским элитам, возжелавшим полновластия в своих пределах.

Часы СССР отсчитывали последние минуты. Их заводного механизма хватило лишь на семьдесят лет. Попытка Горбачева завести эти часы повторно, переформатировав СССР в новое конфедеративное объединение, оказалась неудачной — во многом из-за противодействия нового руководства РСФСР во главе с Б.Н. Ельциным, перехватившим руль государственного управления в Москве и «похоронившим» Советский Союз на «тайной вечере» с руководителями Украины и Белоруссии в Беловежской пуще.

Вспомним основные события рокового для СССР 1991 года[1].

1, 18 января. В Москве созданы Общесоюзная валютная биржа и Всероссийская биржа недвижимости, создавшие свои региональные отделения.

4 января. Начало вооруженного конфликта в Южной Осетии. Поводом стало решение Верховного Совета Грузинской ССР об упразднении Юго-Осетинской Автономной области и введении чрезвычайного положения в г. Цхинвале и на территории Джавского района. Попытка президента СССР М.С. Горбачева отменить эти решения была воспринята в Грузии как «грубое вмешательство во внутренние дела суверенного государства». Вооруженные столкновения в Южной Осетии между грузинской милицией и юго-осетинскими отрядами продолжались в течение всего года и завершились вытеснением грузинских сил порядка с территории автономии.

12–21 января. В Вильнюсе и Риге произошли вооруженные столкновения между населением и союзными силовыми подразделениями. В результате столкновений в Вильнюсе 13 человек погибли и 42 получили ранения. В столкновениях в Риге погибли 4 человека и 10 были госпитализированы. Председатель ВС РСФСР Б.Н. Ельцин осудил действия армии и призвал ее

[1] См. подробно: Хроника России. XX век / А.П. Корелин, П.П. Черкасов, А.В. Шубин и др. М., 2002. С. 988 – 1003.

не допускать насилия над народом. 13 января в Таллине Ельцин подписал с представителями Латвии, Литвы и Эстонии договор о взаимном уважении суверенитета.

20 января. На референдуме в Крыму с участием 83% граждан за воссоздание Крымской АССР как субъекта СССР и участника союзного договора высказались более 93% из числа голосовавших.

22 января. По инициативе Председателя Кабинета министров СССР В.С. Павлова принят указ «О прекращении приема к платежу денежных знаков Госбанка СССР достоинством 50 и 100 рублей и ограничении выдачи денег со вкладов граждан». Это решение, имевшее целью восстановление контроля над финансовыми потоками, значительная часть которых уходила в тень, вызвало широкое недовольство населения, понесшего значительные денежные потери.

26 января. Президент СССР М.С. Горбачев подписал указ о взаимодействии милиции с армией «при обеспечении правопорядка и борьбе с преступностью». По этому указу предусматривалось совместное патрулирование городов с использованием бронетехники. Данное решение было воспринято в обществе как свертывание дарованных свобод и подготовка военного переворота.

19 февраля. В выступлении по Центральному телевидению Б.Н. Ельцин потребовал немедленной отставки М.С. Горбачева, политику которого он назвал «антинародной». Это выступление положило начало новому витку конфликта между российскими и союзными властями. Внутри самого Верховного Совета РСФСР образовалась консервативная оппозиция Б.Н. Ельцину, которого его противники обвинили в попытках развала СССР. Было выдвинуто требование отставки Ельцина. В Москве прошли массовые митинги в поддержку Ельцина, переросшие в кампанию гражданского неповиновения по всей стране.

21 февраля. Группа слушателей и преподавателей Военно-политической академии им. Ленина во главе с майором С.Н. Тереховым объявила о создании Общественного клуба, преобразованного вскоре в Союз офицеров — радикальную организацию, выступавшую против реформ.

1 марта. В Кузбассе началась бессрочная политическая забастовка шахтеров с требованием отставки М.С. Горбачева и правительства и роспуска Верховного Совета СССР. Забастовка была поддержана шахтерами Донбасса. 30 апреля прибывший в Кузбасс Б.Н. Ельцин объявил о переходе шахт региона под юрисдикцию РСФСР, после чего Совет стачкомов Кузбасса принял решение о прекращении политической забастовки.

17 марта. В результате Всесоюзного референдума о сохранении СССР, в котором приняли участие 76,1% избирателей, за сохранение Союза высказались 70,88%, против — 26,93% участников голосования. Референдум официально бойкотировали шесть республик: три прибалтийские, Грузия, Армения и Молдавия, где в голосовании приняло участие меньшинство избирателей. В этот же день в РСФСР прошел референдум о введении поста президента РСФСР. В голосовании приняло участие 75,42% избира-

телей, из которых 70% высказались «за» и 27,89% — «против». Референдум бойкотировали Татарская и Чечено-Ингушская АССР. В Москве и Ленинграде состоялся референдум о введении в этих городах поста мэра. Общие итоги референдума показали существующий в обществе глубокий раскол.

28 марта. В Москве начал работу внеочередной III съезд народных депутатов РСФСР, на котором Б.Н. Ельцин, выступивший с резкой критикой союзного руководства и лично М.С. Горбачева, добился предоставления ему чрезвычайных полномочий в связи с ухудшением политической и экономической обстановки в стране. Съезд назначил выборы президента РСФСР на 12 июня.

2 апреля. Решением президента СССР и Кабинета министров СССР введены новые розничные цены на товары широкого потребления. Это было крупнейшее за всю послевоенную историю повышение цен. Одновременный рост зарплат лишь на 40% компенсировал потери населения от взлета цен. Надежды инициатора повышения цен (В.С. Павлова) на смягчение товарного и бюджетного дефицита не оправдались. В большинстве регионов к концу года все продовольственные товары распределялись по талонам. Американский доллар, в начале 1991 г. стоивший на черном рынке 10 руб., в декабре оценивался уже в 150 руб.

3–4 апреля. Волна массовых демонстраций в Белоруссии против повышения цен с требованием отставки М.С. Горбачева.

9 апреля. Верховный Совет Грузинской ССР принял декларацию о независимости Грузии.

26 апреля. Федерация независимых профсоюзов России (ФНПР) провела Всероссийскую предупредительную акцию против ухудшения социального положения трудящихся. В митингах по всей республике приняли участие, по данным ФНПР, 26 млн человек.

21 мая. В Москве по обвинению в призывах к насильственному свержению государственного строя арестованы лидеры Демократического союза В. Новодворская и В. Данилов.

21–26 мая. IV съезд народных депутатов РСФСР утвердил список кандидатов на пост президента РСФСР. В него вошли: В.В. Бакатин, Б.Н. Ельцин, В.В. Жириновский, А.М. Макашов, Н.И. Рыжков, А.М. Тулеев.

7 июня. Верховный Совет Украинской ССР принял решение о переходе под юрисдикцию Украины союзных предприятий и учреждений, находящихся на территории республики.

8–9 июня. В Грозном состоялся Общенациональный конгресс чеченского народа (ОКЧН), организованный отставным генералом Д. Дудаевым. ОКЧН заявил об утрате легитимности Верховным Советом Чечено-Ингушской АССР и провозгласил создание Чеченской республики Нохчи-чо.

12 июня. На выборах президента РСФСР уже в первом туре победил Б.Н. Ельцин, получивший 57,3% голосов в тандеме с А.В. Руцким, привлекшим к Ельцину голоса части коммунистов-демократов.

16 июня. Завершился продолжавшийся 15 месяцев вывод советских войск из Венгрии.

17 июня. М.С. Горбачев и руководители 9 республик согласовали в подмосковном Ново-Огареве проект нового Союзного договора, предусматривавшего переименование государства в Союз Советских Суверенных Республик и значительное расширение прав, как союзных, так и автономных республик, включая сферы социально-экономической и внешней политики. В тот же день Председатель Кабинета министров СССР В. Павлов потребовал от ВС СССР предоставления правительству чрезвычайных полномочий, подчеркнув, что главными причинами продолжающегося экономического спада является политическая нестабильность и забастовки. Требование Павлова было поддержано министром обороны Д.Т. Язовым, председателем КГБ В.А. Крючковым и министром внутренних дел Б.К. Пуго. С большим трудом М.С. Горбачеву удалось добиться от ВС СССР отклонения инициативы Павлова.

28 июня. В Будапеште подписан протокол об упразднении Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ) стран бывшего социалистического содружества, существовавшего с 1949 г.

1 июля. В Праге подписан Протокол о прекращении действия Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Созданная в 1955 г. Организация Варшавского Договора (ОВД) прекратила существование.

17 июля. Впервые во встрече участников «Большой семерки» в Лондоне принял участие президент СССР М.С. Горбачев.

29–31 июля. В Москве состоялись переговоры М.С. Горбачева с президентом США Дж. Бушем.

19–21 августа. В СССР объявлено о создании Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП), который взял на себя всю полноту власти. Российское руководство призвало народ к сопротивлению попытке государственного переворота.

23 августа. Указом президента РСФСР Б.Н. Ельцина все предприятия союзного значения на территории России переходят под юрисдикцию РСФСР. Другим указом была приостановлена деятельность КПСС и КП РСФСР на территории России. Днем ранее был утвержден новый государственный флаг России — трехцветное полотнище (триколор).

24 августа. Прошли кадровые перестановки в союзном руководстве, куда на место смещенных и арестованных участников ГКЧП вошли сторонники и выдвиженцы Б.Н. Ельцина. Полностью заменено руководство силовых структур — Министерства обороны, КГБ и МВД СССР. Приказом нового председателя КГБ В.В. Бакатина все сотрудники «действующего резерва» КГБ были отозваны из гражданских ведомств (МИД, Внешторг, ТАСС, АПН, редакции газет и журналов, Академия наук и т.д.), где они работали под прикрытием.

3 сентября. На совместной сессии Нагорно-Карабахского областного и Шаумяновского районного Советов с участием народных депутатов всех уровней провозглашена Нагорно-Карабахская Республика.

5 сентября. На внеочередной сессии ВС Крыма принята Декларация о государственном суверенитете Крыма в составе Украины.

6 сентября. Вооруженные отряды лидера ОКЧН генерала Д. Дудаева, захватили власть в Грозном. В тот же день на заседании Государственного совета СССР (высшего органа управления страной) было принято решение о признании независимости Латвии, Литвы и Эстонии.

9 сентября. В Москве начало работу третье совещание Конференции по человеческому измерению СБСЕ с участием 38 государств.

13 сентября. Достигнута договоренность между СССР и США о прекращении помощи силам, участвовавшим в гражданской войне в Афганистане.

7 октября. В Москве на встрече М.С. Горбачева с директором-распорядителем Международного валютного фонда М. Камдессю подписано соглашение о вступлении СССР в МВФ в качестве специального ассоциированного члена.

23 октября. Вместо упраздненного КГБ СССР созданы три самостоятельные спецслужбы — Центральная служба разведки СССР, Межреспубликанская служба безопасности и Комитет по охране государственной границы СССР.

14 ноября. На совещании в Ново-Огареве руководителей России, Белоруссии, Азербайджана, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркмении и президента СССР было решено создать Союз Суверенных Государств (ССГ). М.С. Горбачеву не удалось отстоять идею единого конфедеративного государства. Главы бывших союзных республики настояли на том, что ССГ будет не конфедеративным государством, как предлагал Горбачев, а конфедерацией государств с едиными вооруженными силами и рядом других общих структур. Подписание договора было отложено до объявления результатов референдума на Украине.

2 декабря. Президент РСФСР Б.Н. Ельцин подписал указ «Об организации Российской академии наук». Из этого документа следовало, что членами РАН можно считать «с их согласия всех членов Академии наук СССР с сохранением званий действительных членов и членов-корреспондентов, а также членов Российской академии наук, избираемых на основе Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 24 января 1990 г. "Об учреждении Академии наук Российской Федерации" и постановления Верховного Совета РСФСР от 15 февраля 1991 г. "О дальнейшей работе по организации Российской академии наук"».

8 декабря. В Беловежской пуще в Белоруссии прошла встреча руководителей России, Украины и Белоруссии, на которой было подписано соглашение о прекращении существования СССР и создании Содружества Независимых Государств (СНГ). Это решение, о котором первым был извещен президент США Дж. Буш, а М.С. Горбачев — лишь во вторую очередь, обосновывалось его инициаторами результатами состоявшегося 1 декабря референдума о независимости Украины, когда 90,32% принявших участие в голосовании украинских избирателей высказались за независимость.

25 декабря. Выступая по Центральному телевидению, М.С. Горбачев объявил о своей отставке с поста президента СССР. «Возобладала линия на расчленение страны и разъединение государства, с чем я не могу согла-

ситься», — заявил Горбачев. В 19 часов 30 минут над Кремлем был спущен государственный флаг СССР и поднят российский триколор. Верховный Совет РСФСР принял решение об изменении названия республики. Вместо РСФСР на политической карте мира появилась Российская Федерация. На следующий день на последнем заседании Совета Республик Верховного Совета СССР была принята декларация о прекращении существования СССР как государства и субъекта международного права.

Драматические события, разворачивавшиеся в стране на протяжении 1991 г., самым непосредственным образом отражались на внутренней жизни ИМЭМО.

Обострявшееся соперничество двух центров власти — союзного и российского — создавало значительные трудности для прикладных и хоздоговорных научных исследований, учитывая разные, подчас противоречивые заказы и запросы правительственных ведомств СССР и РСФСР, которые не могли договориться друг с другом. Во многом это не только затрудняло, но даже парализовало исследовательскую работу.

В более спокойном русле в это время в Институте развивались фундаментальные исследования, которые тоже имели нацеленность на возможность их использования в экономической и внешнеполитической деятельности. ИМЭМО никогда не жил только потребностями сегодняшнего дня. Его всегда интересовало будущее — как в краткосрочной и среднесрочной перспективе, так и в более отдаленной. Вот только о приближающемся крахе советской системы выросшие в ее недрах институтские аналитики предпочитали говорить исключительно между собой или на митингах, активными участниками которых стали многие научные сотрудники ИМЭМО. Руководство Института старалось не превращать его в поле политических баталий и межпартийных страстей, сохраняя научное пространство исключительно для научных дискуссий.

На заседаниях Ученого совета в 1991 г. были заслушаны и обсуждены доклады Н.А. Симонии «Развивающиеся страны в мировом сообществе: взаимодействие или конфронтация», Г.И. Мирского «"Третий мир" после окончания "холодной войны" и проблемы урегулирования конфликтов»[1], С.П. Перегудова «Гражданское общество и государство», Л.Л. Любимова «Государство и общество: политические и общественные структуры США»[2] и др.

Научные исследования в 1991 г. велись в рамках пятилетнего плана НИР (1991 – 1995 гг.), разработанного в конце 1990 г.[3] Этот план ориентировал фундаментальные исследования по одиннадцати основным направлениям:

— эволюция капитализма в современном цивилизационном процессе: проблемы политической экономии;

---

[1] Стенограмма заседания Ученого совета ИМЭМО АН СССР 20 марта 1991 г. // Архив ИМЭМО РАН.

[2] Стенограмма заседания Ученого совета ИМЭМО АН СССР 11 сентября 1991 г. // Там же.

[3] Основные направления научных исследований ИМЭМО АН СССР на 1991 – 1995 годы // Там же.

— прогнозирование развития экономики, науки, внутренних социальных процессов и возможных изменений в международной обстановке;
— мировой опыт и проблемы перехода к рыночной модели экономики;
— проблемы эффективности экономического развития, промышленная политика и проблемы продовольственного комплекса развитых стран;
— всемирное хозяйство и международные экономические отношения на современном этапе;
— международные отношения в мировом цивилизационном процессе;
— проблемы разоружения, военно-политическая и военно-экономическая деятельность на современном этапе;
— социально-политические и социально-экономические проблемы развитых стран Запада;
— США, Западная Европа, Япония: их место и взаимодействие в мировом сообществе;
— развивающиеся страны: проблемы включения в общемировую цивилизацию;
— международные аспекты экологической политики.

Теоретические разработки по каждому из этих направлений предполагали конкретные рекомендации и предложения для государственных и правительственных органов СССР и РСФСР.

Крупнейшим международным мероприятием стала конференция «Будущее советско-американских отношений в плюралистическом мире», организованная ИМЭМО в мае 1991 г. Она была проведена ИМЭМО совместно с Атлантическим советом США, направившим в Москву представительную делегацию в составе 21 человека во главе с генералом Э. Гудпастером, председателем Атлантического совета, бывшим главнокомандующим вооруженными силами НАТО в Европе. Советскую делегацию, составленную из сотрудников ИМЭМО, представителей Международного и Идеологического отделов ЦК КПСС, Совета Министров СССР и РСФСР, комитетов Верховных Советов СССР и РСФСР, МИД и Министерства обороны СССР, возглавлял член-корреспондент В.А. Мартынов, директор ИМЭМО.

В принятом по завершении конференции Совместном заявлении ИМЭМО и Атлантического совета США[1] констатировалось, что окончание холодной войны открывает широкие возможности для сближения и сотрудничества между СССР и США. Вместе с тем было отмечено, что новая фаза советско-американских отношений «во многом может оказаться более сложной, нежели в предыдущие годы». «Сегодня для новой эры, — подчеркивалось в заявлении, — характерна глубокая неуверенность в будущем Советского Союза, страны, занятой процессом коренной перестройки в условиях различных политических течений, результаты которой далеко не ясны.

[1] Совместное заявление по завершении III конференции ИМЭМО — Атлантический совет США «Будущее советско-американских отношений в плюралистическом мире». 12—15 мая 1991 г. Москва. С. 1—8 // Архив ИМЭМО РАН.

Процесс перестройки и гласности глубоко затрагивает не только народы Советского Союза и его отдельных республик. Будущее глобальной политики, возможности всеобщего мира и экономического прогресса — во многом будет зависеть от развития событий в рамках одной страны. Соединенные Штаты разделяют с остальными странами мирового сообщества заинтересованность в том, что происходит в Советском Союзе. Очень важно, чтобы США, наряду с другими странами, поддерживали — как материально, так и нематериально — эти важные усилия по трансформации советской экономики и общества».

В Совместном заявлении были сформулированы конкретные предложения по всему спектру советско-американских отношений в области политического взаимодействия, укрепления безопасности и экономического сотрудничества. Многие из этих предложений в силу разных причин остались нереализованными и к середине 2010-х гг.

При всей погруженности в процесс научных исследований ученые ИМЭМО испытывали возраставшее беспокойство за будущее Академии наук СССР и ее научных учреждений, что напрямую было связано с судьбой СССР. Подавляющее большинство научных сотрудников Института, как уже говорилось, искренне поддержали перестройку и самым активным образом пытались содействовать реформированию политической системы СССР, либерализации советской экономики, проведению демократических преобразований в стране. Вместе со всем обществом, будучи его частью, сотрудники ИМЭМО тяжело переживали неудачи перестройки, зашедшей в тупик. В период августовского путча 1991 г. многие сотрудники Института проявили солидарность с российским руководством, придя на площадь у Белого дома и выразив готовность его защищать.

Вскоре после провала путча из Института тихо, стараясь не привлекать внимания, стали исчезать некоторые сотрудники. Кто-то из них проработал в ИМЭМО не один год и был известен как специалист по экономическим или международно-политическим вопросам. О ком-то знали, что они имели (или имеют) отношение к «органам», о других — могли догадываться, а то и вовсе ничего не подозревать. Этот внезапный исход стал результатом приказа нового председателя КГБ В.В. Бакатина, отозвавшего всех офицеров «действующего резерва» КГБ из гражданских ведомств, где они совмещали основную работу с выполнением особых заданий или отсиживались перед получением нового назначения. Надо сказать, что в подавляющем большинстве эти люди не оставили заметного следа в науке, и потому их уход не нанес никакого ущерба исследованиям, проводившимся в ИМЭМО.

Когда после возвращения М.С. Горбачева из Фороса («в другую страну») стало ясно, что дни СССР сочтены, со всей очевидностью встал вопрос о судьбе Института и всей Академии наук. Этот вопрос стал предметом обсуждения на одном из заседаний Ученого совета.

Из стенограммы заседания Ученого совета ИМЭМО 11 сентября 1991 г.[1]:

[1] Стенограмма заседания Ученого совета ИМЭМО АН СССР от 11 сентября 1991 г. С. 4 — 13 // Архив ИМЭМО РАН.

«В.А. МАРТЫНОВ, председательствующий: <...> Новая обстановка в стране и то, что, понятно, теперь мы живем в новом государстве... требует решения вопросов о том, как будут существовать дальше Академия наук и ее институты. По этому вопросу нет пока никакой ясности.

Неделю тому назад состоялось Бюро нашего Отделения, где все институты единодушно высказали требование (не просто требование, а требование к Академии наук) о переходе Академии наук и, в частности, институтов Отделения в Россию.

Это диктуется рядом соображений. Если будет упущено время, то через 2—3 месяца будет создана Российская академия наук. И если не вести переговоры сейчас, заранее, то двух академий Россия не выдержит.

Это будет Академия наук, не университетская академия. Университеты как были, так останутся. У нас в России существует много отраслевых институтов, которые претендуют на то, чтобы стать академическими после того, как будут ликвидированы министерства.

Поэтому все здесь гораздо сложнее, хотя изначально Академия создавалась как единое объединение, прежде всего работающих в вузах и университетах.

И второе требование, которое было высказано на заседании Бюро Отделения, — это требование коренной демократизации и коренной реформы самой Академии наук с ее огромным бюрократическим аппаратом, надстройкой, с тем, чтобы центром научных исследований были бы научные институты и исследовательские центры, и они сами определяли бы лицо Академии.

Но, насколько я знаю, вчера состоялся (Журкин[1] сегодня рассказывал) Президиум Академии наук. Он также обсуждал этот вопрос. Президиум Академии наук разработал свой документ. Состоялась встреча президента и вице-президентов Академии с Президентом Горбачевым, и была достигнута договоренность, что 16 сентября вопрос о судьбе Академии наук будет обсуждаться на Государственном совете.

Президиум Академии наук принял вчера единодушное решение о том, что на переходный период (там не было уточнено время, но можно предположить, что это до конца следующего года) Академия наук просит, чтобы была оставлена Академия наук как всесоюзный центр. За это проголосовали единодушно, и лишь четыре человека, включая Журкина, воздержались от этого решения.

Там разработали также какой-то проект решения Госсовета. Этот проект поддержали все президенты 14 республик, включая Россию. Все республиканские академии поддержали проект о сохранении Академии наук как единой организации, по крайней мере, на переходный период.

В этот же период Академия наук принимает решение, считая, что к 15 ноября она должна разработать программу демократизации и коренных реформ в самой Академии наук с тем, чтобы в этот переходный период и осуществить коренную реорганизацию самой Академии. Как сказал Журкин, там достаточно четко сформулированы те критические замечания, которые высказывались в адрес Академии наук, особенно в отношении научной молодежи. Этот вопрос будет обсуждаться на Госсовете 16-го числа.

---

[1] Виталий Владимирович Журкин — директор Института Европы АН СССР (РАН), академик, член Президиума АН СССР, член ЦК КПСС в 1990—1991 гг. — *П.Ч.*

На вчерашнем обсуждении ставился вопрос и о тех институтах, которые уже поставили вопрос о переходе в юрисдикцию России. Мнение Президиума Академии наук такое, что это дело самих научных коллективов. Если они будут принимать такое решение, то с этого же дня Академия наук отказывает им в своем финансировании.

Такова ясная и четкая постановка вопроса со стороны Президиума Академии наук. Если вы договорились о переходе на российское финансирование (по-моему, четыре института выразили такое желание и приняли такое решение, включая Новосибирское отделение), то финансироваться эти институты должны Россией.

В этом документе подчеркивается бедственное положение фундаментальной науки, подчеркивается, что указ Президента о самостоятельности и финансировании Академии наук фактически не был выполнен за прошедшие годы. Ставятся вопросы как о защите ученых в первую очередь, так и о защите научных исследований, в первую очередь фундаментальных наук. Всем понятно, что разрушить науку очень легко, но любое восстановление науки, как показывает даже наша генетика, требует, как правило, двух — трех десятилетий.

Вопрос о переговорах с Россией, как сказал президент Марчук, будет осуществлен отдельно. Они предполагают вести с Россией такие переговоры.

Вот такая информация по решению Бюро Отделения. Еще раз подчеркиваю: на Бюро Отделения было высказано единодушное мнение о переходе академических институтов в Россию. Это наше мнение, которое я поддерживаю. Я думаю, что в суверенной России, в суверенном независимом государстве, каким уже стала Россия, 250 научно-исследовательских центров, институтов Академии наук, конечно же, не могут существовать в виде каких-то всесоюзных организаций.

С МЕСТА: Республики могут возражать.

В.А. МАРТЫНОВ У них есть свои институты. И потом, речь идет о сохранении какого-то координационного центра, ряда исследовательских центров на взаимных паях. Это вполне возможно. Как я понимаю, все члены нашего Отделения высказались за это. Резервировал свое мнение только Александр Николаевич [Яковлев]. Я с ним разговаривал по телефону по этому вопросу. Он считает, что мы немножко торопимся. Он полагает, что, по крайней мере, Институт мировой экономики и международных отношений мог бы остаться всесоюзным. Это его мнение, но это был короткий телефонный разговор. Е.М. Примаков и другие члены Отделения, напротив, высказываются за переход в Россию. Но многое будет зависеть от решения Госсовета и от того, скажут ли представители республик (я имею в виду Б.Н. Ельцина и руководителей других республик), что они берут на этот год финансирование Академии наук.

С МЕСТА Один год ничего не решает.

В.А. МАРТЫНОВ Конечно, один год ничего не решает. Я боюсь, что в результате того, что в декабре месяце будет создана Российская академия наук, возникнет какое-то, совершенно ненужное, противоречие. Сейчас можно присоединиться к процессу, как-то договориться с ними, во всяком случае, провести переговоры. Решение о создании Российской академии наук должно было состояться в октябре, но оно перенесено на декабрь.

Насколько я понимаю, членов Российской академии наук будут определять в значительной мере представители Академии наук СССР. Практиче-

ски все экспертные советы состоят из членов "большой" Академии с условием, что они не выдвигают свои кандидатуры в Российскую академию. Во всяком случае, была такая договоренность, что экспертиза, выбор должны осуществляться крупными учеными, получившими союзную известность.

М.М. МАКСИМОВА: А какова позиция России по поводу своей Академии наук?

В.А. МАРТЫНОВ: Пока по этому вопросу никто ничего не знает. Попытка встретиться в эти дни по данному вопросу с руководством России предпринималась Президиумом Академии наук. Но даже тридцать министров, приехавшие сюда на два — три дня, стоят в очереди на прием к Ельцину. Поэтому попасть к нему просто физически невозможно.

В.Г. БАРАНОВСКИЙ: Можно ли из ваших слов сделать вывод о том, что между нашим Отделением и Президиумом Академии наук возник конфликт? И собирается ли Отделение действовать независимо от Президиума?

В.А. МАРТЫНОВ: Пока мы договорились подождать решений, которые должны быть приняты 16 сентября, хотя собственное решение довели до сведения Президиума Академии наук. Просили Георгия Аркадьевича [Арбатова] провести зондаж. Вот то, что я могу об этом сказать

Г.Г. ДИЛИГЕНСКИЙ: А по другим отделениям принималось ли такое решение?

В.А. МАРТЫНОВ: На Президиуме Академии наук резко выступили за это ленинградцы. Алферов фактически тоже высказался за это. Все они полагают возможным, что до конца текущего года и весь следующий год должен быть переходный период. Все понимают, что сразу решить эти вопросы очень сложно. Я считаю, что России принимать Академию наук в ее нынешнем виде, с ее бюрократической структурой тоже нецелесообразно.

Видимо, весь состав Президиума Академии наук желает сохраниться в существующем ныне составе. Я думаю, вы все знаете состав Академии наук, особенно членов Академии. По моему, две трети ее состава — это люди старше семидесяти лет, а может, даже и еще старше.

Дело в том, что они хотят сохранить это академическое собрание, которое уже давно вылилось в пустую болтовню — ежегодное собрание Академии наук, хотя в бюро и отделениях проходят вполне нормальные научные обсуждения.

Вопрос об отдельных институтах, как я уже сказал (Президиум Академии наук относится к этому довольно спокойно), — это уже дело каждого научно-исследовательского центра».

В конечном счете, руководство ИМЭМО, как и других институтов Отделения проблем мировой экономики и международных отношений, приняло окончательное решение о вхождении в Российскую академию наук, получившую официальный юридический статус по указу Президента России Б.Н. Ельцина от 2 декабря 1991 г.

Это событие, совпавшее с развалом СССР, завершило 45-летний советский период в истории Института мировой экономики и международных отношений. В 1992 г. началась новая глава в этой, теперь уже постсоветской истории.

Глава 13

В НОВЫХ РЕАЛЬНОСТЯХ: ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1990-Х ГОДОВ

1992-й: год Гайдара

Первый сигнал о грядущих в России структурных реформах был дан президентом Б.Н. Ельциным на V съезде народных депутатов РСФСР (28 октября — 13 ноября 1991 г.). Ельцин настоял на принятии съездом общей концепции реформ, которая, как вскоре выяснится, воспроизводила основные идеи т.н. «плана Бальцеровича», реализованного в Польше в 1989 — 1990 гг.

Как известно, польские реформы получили имя их автора, экономиста Лешека Бальцеровича, приглашенного президентом Л. Валенсой в августе 1989 г. на пост вице-премьера и министра финансов. «План Бальцеровича» обеспечил ускоренный переход польской плановой экономики к рыночному хозяйству на основе рекомендаций Международного валютного фонда (МВФ) и Всемирного банка, что предполагало либерализацию цен, приватизацию и акционирование государственной собственности, освобождение от государственного контроля над внутренней и внешней торговлей и т.д. Реформа, проведенная Бальцеровичем, получила название «шоковой терапии». В целом она была успешной для Польши, но из-за серьезных социальных издержек подорвала политическую карьеру ее инициатора. В декабре 1991 г. Л. Бальцерович утратил министерский пост[1].

Его идеи и практический опыт реформирования польской экономики были взяты на вооружение командой, набранной Б. Ельциным из молодых экономистов, в большинстве своем работавших прежде в системе Академии наук СССР.

Эту команду возглавил доктор экономических наук Егор Тимурович Гайдар, выпускник экономического факультета МГУ, ученик и сотрудник академика С.С. Шаталина во Всесоюзном научно-исследовательском институте системных исследований (ВНИИСИ АН СССР). Из этого института вышли и другие будущие министры-либералы — П. Авен, В. Лопухин, В. Данилов-Данильян, М. Зурабов, а также более умеренный по взглядам А. Жуков.

[1] В 1997 г. Л. Бальцерович вновь займет пост вице-премьера и министра финансов, но в 2000 г. добровольно уйдет в отставку, перейдя на работу в Национальный банк Польши.

Еще в середине 80-х гг. группа молодых экономистов во главе с Е. Гайдаром и ленинградцем А. Чубайсом привлекалась к подготовке документов для Комиссии Политбюро по совершенствованию управления народным хозяйством. Тогда их предложения не были реализованы, но после крушения коммунистического режима о Гайдаре напомнили Ельцину[1], которому пришлись по вкусу радикальные идеи 35-летнего экономиста. В октябре 1991 г. президент предложил Гайдару пост заместителя председателя правительства РСФСР по экономической политике, министра экономики и финансов, поручив сформировать команду единомышленников. В ноябре того же года команда была сформирована. Ключевые позиции в ней заняли А. Чубайс, П. Авен, В. Лопухин, А. Нечаев, Б. Салтыков, А. Шохин.

Е. Гайдар пригласил в качестве консультантов и группу иностранных (преимущественно американских) экономических экспертов во главе с Джеффри Саксом, убежденным поборником монетаристской доктрины. Впоследствии кумир российских либеральных экономистов признается, что испытал глубокое разочарование ходом и результатами реформ в России, гигантским разрывом между риторикой реформаторов и их реальными действиями, невиданным уровнем коррупции и криминализации экономики, сопровождавшим ее реформирование. Впоследствии же выяснится, что некоторые из американских экспертов имели прямое отношение к ЦРУ[2].

Одним из советников российского правительства станет и упоминавшийся выше профессор Л. Бальцерович. Случайно или нет, но реформы, начатые Гайдаром, пошли именно по польскому варианту[3]. Обратимся к хронике 1992 г.

1 января. Распоряжением Центрального банка России вместо коммерческого курса введен рыночный курс иностранной валюты, устанавливаемый ЦБ; это стало первым шагом на пути экономических реформ, подготовленных командой Гайдара.

2 января. Начало политики «шоковой терапии»; отменено государственное регулирование цен, что привело к обвальному их повышению на все виды товаров. С 1992 по 1995 г. индекс потребительских цен в стра-

---

[1] По некоторым сведениям, решающую роль в этом сыграл близкий в то время к Ельцину Геннадий Бурбулис, назначенный 6 ноября 1991 г. первым заместителем председателя правительства РСФСР. Сам президент Ельцин одновременно назначил себя и.о. председателя правительства.

[2] Кое-кто из этих «экспертов в штатском» не устоял перед соблазном нагреть руки на проводившейся А. Чубайсом при их консультативном участии приватизации. Впоследствии некоторым из «консультантов» будут предъявлены обвинения в коррупции, и они даже будут осуждены, правда, не в России, а в США.

[3] Об истории экономических реформ, осуществленных правительством Е.Т. Гайдара см.: *Авен П., Кох А.* Революция Гайдара: История реформ 90-х из первых рук. М., 2013; *Гайдар Е.Т., Чубайс А.Б.* Экономические записки. М., 2008; *Вилькобрисский М.* Как делили Россию. История приватизации. СПб., 2012; *Кара-Мурза С.Г.* Белая книга. Экономические реформы в России 1991 – 2001. М., 2002; *Мунтян М.А., Подберезкин А.И., Стреляев С.П.* Приватизация и приватизаторы. М., 2005; Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России. 1991 – 1997 / под ред. Е.Т. Гайдара. М., 1998.

не увеличится в 1187 раз, а номинальная зарплата всего лишь в 616 раз. В результате такой диспропорции жизненный уровень основной массы населения в течение двух лет реформы снизится по многим характеристикам в 1,5 — 2 раза — до показателей 60 — 70-х гг.

12 января. Митинг на Манежной площади в Москве с требованием снижения цен и отставки правительства России и Москвы. Митинг организован различными коммунистическими организациями.

29 января. Указ президента Б. Ельцина «О свободе торговли», согласно которому государство отказалось от распределительных функций в торговле.

12 февраля. Вице-президенту А.В. Руцкому, выступившему с критикой политики «шоковой терапии», распоряжением президента Б. Ельцина запрещено вмешиваться в сферу компетенции Е. Гайдара и поручено курировать вопросы аграрной реформы, а также борьбу с преступностью и коррупцией.

20 февраля. Указом Б. Ельцина «О мерах по стабилизации работы промышленности РФ в 1992 г.» в экономике введено чрезвычайное положение.

27 февраля. Правительство одобрило программу экономических реформ на 1992 г., предложено снять оставшиеся ограничения на свободные цены для 12 видов основных продуктов.

1 марта. Правительство приняло решение о размораживании вкладов в Сбербанке, которые были заморожены в апреле 1991 г. Из-за резкого повышения цен вкладчики потеряли от 600 до 700 трлн руб. (по курсу на начало 1994 г.) своих накоплений, т.е. примерно 350 — 400 млрд долларов; в результате была подорвана возможность естественного и безболезненного формирования в России среднего класса.

2 апреля. Е.Т. Гайдар, занимавший с ноября 1991 г. пост вице-премьера, министра экономики и финансов, назначен первым заместителем председателя правительства России, т.е. фактическим главой кабинета.

27 апреля. Россия становится членом Международного валютного фонда (МВФ) и Международного банка реконструкции и развития (МБРР).

Апрель – май. Волна забастовочного движения против резкого ухудшения социального положения рабочих и служащих.

7 мая. Отмена государственной монополии на производство и продажу спиртных напитков.

18 мая. Шестикратное повышение цен на энергоносители вызвало обвальный рост цен на все без исключения товары.

1 июля. Указом президента Б. Ельцина дан старт ваучерной приватизации и акционированию государственной собственности. К концу 1993 г. более половины всех предприятий в России были «разгосударствлены»; в стране в быстром темпе формировался обширный частный сектор. В течение первого года приватизации в частную собственность перешли 24 тыс. предприятий, 160 тыс. фермерских хозяйств и 15% торговой сети.

5 августа. Совет директоров МВФ принял решение о предоставлении России 1 млрд долларов для пополнения валютных резервов.

24 октября. По всей стране прошла «российская акция профсоюзов» с лозунгами социальной защиты трудящихся и отставки правительства. В результате закрытия многих предприятий к концу года работу потеряли 1,4 млн человек.

14 декабря. VII съезд народных депутатов России отверг программу углубления экономических реформ, предложенную Е.Т. Гайдаром, и отказал ему в доверии; новым главой правительства на съезде утвержден В.С. Черномырдин, продолживший с небольшими коррективами либеральный курс предыдущего кабинета.

Стремительные радикальные перемены, происходившие на обширном пространстве распавшегося на рубеже 1991—1992 гг. Советского Союза, стали для научного коллектива ИМЭМО столь же ожидаемыми, сколь и неожиданными. Со времени перестройки, а если быть точным, начиная с 1989 г., развитие событий явно опережало их глубокое осмысление и тем более прогнозирование даже в краткосрочной перспективе. Главная причина такого интеллектуального запаздывания крылась в сохранявшейся еще во многих умах инерции мышления в рамках прочно усвоенных, хотя и существенно расширившихся за годы перестройки марксистско-ленинских представлений. Российское общество, включая часть его интеллектуальной элиты, не сразу осознало, что с боем курантов в ночь на 1 января 1992 г. Россия вступила не только в посткоммунистический, но и в постсоветский период своей истории. Хотя над Кремлем вместо красного знамени с серпом и молотом уже развевался национальный триколор, страна все еще называлась Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой (РСФСР)[1].

Экспертам ИМЭМО — экономистам и политологам — предстояло осознать новые реалии, затем сформулировать свое их видение и только после этого попытаться выступить с соответствующими рекомендациями. Предстояло осознать и другое, не менее важное обстоятельство. С исчезновением «заказчика» в лице ЦК КПСС ИМЭМО впервые в своей истории становился в значительной степени независимым экспертным центром, свободным от идеологических предписаний и ограничений, что, конечно, не освобождало его от важной гражданской миссии — консультировать новые государственные органы власти, давать им научно обоснованные рекомендации.

Решение этих задач затруднялось обстановкой двоевластия в стране. С одной стороны, президент России Б.Н. Ельцин с его либеральной командой; с другой — консервативно настроенный Верховный Совет

[1] Хотя 25 декабря 1991 г. Верховный Совет РСФСР принял закон о переименовании РСФСР в Российскую Федерацию (Россию), прежнее название формально сохранялось до 21 апреля 1992 г., когда Съезд народных депутатов РСФСР утвердил это переименование, внеся соответствующие поправки в конституцию. Тем не менее, вплоть до принятия 25 декабря 1993 г. новой конституции России, в статье 147 действовавшей до того конституции сохранялось наименование РСФСР.

РСФСР, решительно отвергавший проводимый либералами и их покровителем-президентом курс «шоковой терапии» и тотальной приватизации, которая, надо сказать, осуществлялась в лучших традициях большевистской национализации 1918 г. Вплоть до октябрьского кризиса 1993 г. и принятия новой конституции было неясно, кто возьмет верх в ожесточенной борьбе законодательной и исполнительной властей, по какому пути пойдет Россия, станет она парламентской или президентской республикой, изберет ли она путь создания полноценной рыночной экономики или сохранит приверженность принципам государственно-плановой хозяйственной системы?

В своем подавляющем большинстве научные сотрудники ИМЭМО разделяли демократические и либеральные ценности, но их поддержка курса реформ команды Ельцина — Гайдара не была безоговорочной. Многое из того, что делали в первой половине 90-х реформаторы, вызывало настороженное и даже критическое отношение в научном коллективе ИМЭМО. В Институте были и такие (правда, их было немного), кто ориентировался на противников Ельцина. Они в частном порядке направляли свои экспертные заключения и рекомендации спикеру Верховного Совета Р.И. Хасбулатову или вице-президенту РСФСР А.В. Руцкому, пополняя его знаменитые «чемоданы» компромата и альтернативных (как правило, утопических по содержанию) вариантов экономических преобразований.

«Шоковая терапия» в оценках ИМЭМО

Двойственное отношение к реформам отчетливо прослеживалось на заседаниях Ученого совета ИМЭМО. В это время он, как никогда прежде, становился в подлинном смысле слова коллективным разумом Института. В открытой для свободной дискуссии обстановке там происходило осмысление новых реальностей и формирование позиций Института по вопросам внутреннего развития России и ее внешней политики.

Значительно интенсифицировалась работа Ученого совета, переориентированная на наиболее актуальные проблемы текущей экономической и политической жизни. В течение 1992 г. Совет провел десять заседаний. Шесть из них были посвящены проблемам перехода к рыночной экономике, включая приватизацию и новую внешнеэкономическую стратегию.

Здесь нет возможности даже кратко остановиться на содержании и выводах всех проходивших тогда научных обсуждений. Поэтому ограничимся лишь некоторыми из них — теми, которые затрагивали наиболее острые и актуальные в то время проблемы реформируемой экономики.

Среди таких проблем важнейшей была политика «шоковой терапии» и широкомасштабной приватизации, начатая командой Е.Т. Гайдара. Этой проблематике было посвящено заседание Ученого совета ИМЭМО, состоявшееся 20 апреля 1992 г., когда на обсуждение было вынесено сразу три доклада: «Свернуть или ускорить экономическую реформу?»; «Экономи-

ческое положение в современной России»; «Российская программа приватизации»[1].

С первым докладом выступил доктор экономических наук Юрий Викторович Куренков, заведующий отделом промышленной и инвестиционной политики[2].

Исходным пунктом его позиции была констатация окончательного провала начатого в октябре 1917 г. «эксперимента по выводу России из мирового цивилизационного процесса». Попытка создания в СССР экономики, основанной на принципиальном отрицании рынка и товарно-денежных отношений, потерпела крах задолго до 1991 г., но осознание этой очевидности стало приходить к высшему политическому руководству лишь с середины 80-х гг., когда впервые заговорили о возможности внедрения отдельных элементов рыночных отношений в плановую экономику. По мнению Ю.В. Куренкова, годы перестройки с ее пустыми разговорами были потерянным временем с точки зрения перехода к новой модели экономического развития, чего требовало кризисное положение на глазах разрушавшейся советской экономики.

Из доклада Ю.В. Куренкова:

> «Мне кажется, что в экономическом плане шесть лет были потеряны бездарно. Почему? Потому что, несмотря на привлечение в центр для работы по переходу к новой модели экономического развития всех известных экономистов, кроме запомнившихся нам по программам "300, 400, 500 дней", ничего в реальном плане не состоялось. За этот период мы потеряли жесткость антирыночной системы, но у нее были свои законы, свои принципы. Административно-командная система действовала очень жестко. Жесткая система потеряна за те годы, но никаких предпосылок для рынка не было сделано.
>
> Сейчас перед Гайдаром стоит сложнейшая задача, какой совершить экономический маневр, чтобы приостановить падение в пропасть одного из крупных хозяйств в мировой экономике. Ситуация объективно усугубляется тем, что никто и нигде в мире не переходил к построению рыночной системы при 100-процентной государственной форме собственности и 100-процентном ее монополизме.
>
> Когда-то я беседовал с И.С. Силаевым[3]. Он спрашивал: "Как построить рынок, ничего не меняя в собственности?" Я ответил, что для меня одно из главных требований — все формы собственности при относительной норме государственной формы собственности. "А почему нельзя построить рынок при государственной форме собственности?" — возразил он.
>
> Если Председатель Совета Министров этого не понимал, то переломить понимание было очень трудно.

---

[1] Стенограмма заседания Ученого совета ИМЭМО РАН от 20 апреля 1992 г. // Архив ИМЭМО РАН.

[2] Текст доклада Ю.В. Куренкова см.: Там же. С. 38–55.

[3] Иван Степанович Силаев — Председатель Совета министров РСФСР в 1990–1991 гг. С 24 августа по 26 декабря 1991 г. — руководитель Комитета по оперативному управлению народным хозяйством, председатель Межреспубликанского экономического комитета СССР — инстанций, заменивших распущенный после августовского путча 1991 г. Кабинет министров СССР. — *П.Ч.*

В нормальных условиях при относительно стабильных экономических, финансовых, ценовых и других параметрах, которые имели место в 1985 — первой половине 1988 г., реформа, на мой взгляд, могла бы осуществляться в такой последовательности.

Первое — приватизация собственности. Вначале надо было бы разделить на федеральном, региональном, муниципальном уровнях и на уровне физических лиц, кому и что принадлежит. Второе — налоговая проблема; кто и что должен за это платить. Третье — когда мы решим эти проблемы, встают вопросы создания конкурентной среды. А завершат эту реформу финансовая стабилизация и либерализация цен.

Но всех этих условий не было, когда команда Гайдара начала работу, и поэтому в качестве исходной базы выдвигается монетарная теория, которая получает, я бы сказал, российскую окраску. Дело в том, что ни одна из теорий в той экономике, которая у нас есть, не может существовать в том виде, как мы знаем о ней по развитым рыночным экономикам. Согласитесь, либерализация цен происходит в отсутствие реального рынка, о котором мы говорили, каким он должен быть, она наносит первый удар по скачку цен. Либерализация цен осуществляется при уже начавшейся стагфляции. Падение промышленного производства в январе — 10%. На 1992 год, по оценке министерства экономики, падение промышленного производства составляет 25—30%, а по прогнозу министерства промышленности — до 50% <...>

Происходит явная расстыковка между ростом цен и уровнем зарплаты. Цены на разные товары повысились в 25—30 раз, а заработная плата увеличилась в 3—5 раз...

Я повторю, если бы либерализация цен началась в условиях 1985—1987 гг., то издержки ее были бы значительно меньше. В этой связи мне кажется несправедливым за такую сверхшоковую терапию винить правительство Гайдара. Я думаю, что за это надо было бы спросить с другой команды, проводившей социально-экономическую политику реформирования хозяйства по рецептам Старой площади. Я думаю, что здесь можно согласиться с президентом Ельциным, что либерализация цен — это скорее подведение черты под политикой застоя, чем старт реформ. Тем не менее, либерализация сделала свое, я думаю, позитивное дело. Кончилась российская спячка, все как-то закрутилось. <...>

Мне кажется, что первое достижение команды Гайдара — это конверсия психологии людей, конверсия от сверхъестественной веры в божественную силу государства, которое все даст или, вернее, обязано все дать, в веру в человека. Верна старая поговорка: чтобы хорошо жить, надо хорошо работать.

В этой связи меня все время мучает вопрос, которым я хотел бы с вами поделиться: как можно использовать во внутренней экономике Российской Федерации мировые цены и даже желательно получать зарплату по мировым стандартам, имея производительность труда ниже американской в 3,5 раза в промышленности и в 10 раз — в сельском хозяйстве?

Наш 75-летний опыт показал, что довольно легко выйти из мирового хозяйства, но очень трудно в него вернуться. Дай Бог, никто больше в мировом сообществе не пойдет по пути, который прошли наши деды, отцы, да и мы сами... Я думаю, что наметившийся прорыв Российской Федерации в мировое содружество следует записать в актив правительственного баланса. Таково мое убеждение».

Не ограничившись констатацией текущей экономической ситуации, докладчик сформулировал и ряд предложений, которые, по его мнению, могли бы способствовать успеху начатых реформ.

Из стенограммы доклада Ю.В. Куренкова:

«Реформа только началась. Но уже сейчас по ходу проведения ее необходимо корректировать. Главное заключается в том, чтобы найти возможность постепенного совмещения сверхжесткой монетарной политики (а у нас все возможно) с политикой экономической стабилизации и в дальнейшем экономического подъема.

В том, что касается приватизации, необходимо для всех создать на ее старте равные условия, создать равные экономические условия для будущих потенциальных собственников, а финиш, думаю, уже через год покажет, кто и как реализует будущую возможность стать собственником.

В чем же состоит главное, что, на мой взгляд, нам необходимо делать?

Сейчас монетарные потоки, финансовые и кредитные потоки работают на старую структуру хозяйства. Они обслуживают сами себя или работают на эту старую систему. В этом главная беда. Жесткая политика должна бы обозначать постепенное умирание, вымывание старых структур и рождение новых структур хозяйства. Для этого нужно найти пути совмещения монетарной политики со структурной политикой. Надо поменять накопление и потребление. Вы знаете, что в США 67% — личное потребление, а у нас — 48%; все остальное уходит на накопление и какие-то другие нужды, не имеющие отношения к потреблению. У нас давно уже существует пропорция: 75% — производство средств производства, лишь 25% — производство предметов потребления. Мы никак не можем ее сдвинуть. Колоссальная доля первичных отраслей материального сектора, т.е. сельское хозяйство, промышленность и строительство составляют в валовом продукте Российской Федерации 60%, а в США — 31% по структуре хозяйства...

Еще раз повторю — проводя монетарную политику, нельзя забывать политику структурную. Она стержень всей экономики. Нам надо поменять структуру хозяйства. Если мы этого не сделаем, то она будет работать на старую структуру, которая нам не нужна. Нам надо ее разрушить и построить новую экономику и новую промышленность, и прежде всего, нужно сокращать отрасли, которые не дают экономического роста.

Итак, жесткая монетарная политика с ее жесткой финансовой, кредитной и всеми другими системами, должна быть интегрирована в структурную, инвестиционную, научно-техническую, региональную и социальную политику. Здесь необходимо найти золотую середину...».

«Если мы согласны с тем, что нужен всенародный референдум, — завершил свое выступление Ю.В. Куренков, — то коллективу ИМЭМО надо выступить за принятие новой конституции, а также за решение вопроса с приватизацией. Здесь не следует строить никаких иллюзий. Но мы должны проявить какую-то инициативу».

Позиция Куренкова в отношении реформ, начатых командой Гайдара, была поддержана на Ученом совете его председателем[1]. В.А. Мартынов

[1] Там же. С. 59 – 69.

напомнил, что еще в июне 1991 г. советники М.С. Горбачева (в их числе был и В.А. Мартынов) убеждали президента СССР: альтернативы «шоковой терапии» для спасения гибнувшей экономики уже нет. «Как бы ни закрывал тогда своей головы президент и все остальные, — сказал Мартынов, — финансы были в полном развале. Уже тогда, в июне 1991 года!» Но Горбачев не решился пойти на «шоковую терапию», а ГКЧП, спустя два месяца, попытался реанимировать умиравшую старую систему.

Говоря о «шоковой терапии», проводимой Гайдаром, Мартынов заявил: «Лично я считаю, что другого выбора не было, тем более в условиях полного развала государственной дисциплины на предприятиях, получивших в 1987 г. самостоятельность и вовсю ею пользовавшихся. Правда, самостоятельность эта была весьма сомнительной. Когда можно было не выполнять заказы, их не выполняли. В таких условиях, какой другой вариант экономического развития можно было предложить, чтобы встряхнуть страну?! Да, это необычайно болезненно. Я тоже критикую ту политику, особенно в социальном отношении. Где-то можно было найти более мягкие пути решения этого вопроса...

Самое серьезное, перед чем мы стоим, — это возможность социального взрыва, — завершил свое выступление председатель Ученого совета. — Это вполне реальная вещь. И здесь, конечно, государственная политика не может проводиться, только исходя из экономической рациональности. Она должна и будет, конечно, принимать во внимание, прежде всего вопросы социальной напряженности в стране. Поэтому весь ход обсуждаемых в правительстве предложений, связан, конечно, с каким-то облегчением того социального напряжения, которое возникло в стране».

Более критичная в отношении начинавшихся в стране экономических реформ позиция была представлена в докладе заведующего отделом эффективности экономического развития главных капиталистических стран, доктора экономических наук Сергея Михайловича Никитина «Экономическое положение в современной России». Он проанализировал эту политику в сравнении с зарубежным опытом проведения «шоковой терапии», а также с учетом социальной и внутриполитической обстановки в стране.

Соглашаясь с Ю.В. Куренковым относительно катастрофического запаздывания с проведением глубоких экономических преобразований, С.М. Никитин иначе видел роль государства в реформировании экономики. Докладчик попытался оспорить основополагающий тезис команды Гайдара и ее сторонников, в т.ч. и в ИМЭМО, — о безальтернативности избранного для России варианта «шоковой терапии», напомнив, что совсем недавно и Горбачев утверждал, что не может быть альтернативы избранному его командой варианту «инфляционного развития» советской экономики.

Из доклада С.М. Никитина на Ученом совете 20 апреля 1992 г.[1]:

> «Наша страна вступила в эту терапию при таких стартовых условиях, которые вообще неизвестны в мировой практике. Если некоторое время

[1] Текст доклада С.М. Никитина см.: Там же. С. 70—87.

назад они были очень плохие, но были маленькие шансы на успех, то в декабре прошлого года, когда ее начали, шансов на успех этой реформы не было... Пока ничто меня не заставляет изменить свою точку зрения...

России прием лекарства под названием "шоковая терапия" противопоказан. В результате длительного специфического развития наша экономика приобрела уникальные отрицательные черты, не поддающиеся быстрому шоковому испытанию. Мы имеем исковерканную структуру народного хозяйства. Мы имеем абсолютную монополизацию всех отраслей экономики. Мы уповаем на приватизацию, но как-то забываем сказать, что она требует длительного периода, большой грамотности, учета социальных интересов и не всегда дает быструю народнохозяйственную отдачу. Уровень жизни у нас ужасающе низкий, даже ниже, чем в Польше, на которую мы теперь держим равнение. И наконец, а, может быть, во-первых, мы пришли к развалу государственности, растущей нестабильности политической жизни, обострению межнациональных отношений. Югославия продемонстрировала блестящий вариант шоковой терапии. Но перессорились республики, и волна межнациональных страстей смыла все эти результаты...

Между тем, кроме шоковой терапии известен другой вариант перехода. Он тоже опробован. Ряд стран выходили с этим вариантом из войны (Англия, Италия). Яркий пример из числа стран с командно-директивной экономикой — Венгрия и Китай. В этом случае начало реформы связано с насыщением потребительского рынка не только с помощью установления гибкой системы цен, но и путем более быстрого развертывания производства потребительских товаров за счет переброски инвестиций с тяжелой промышленности в эту сферу. Мы уже что-то такое пытались сделать, вернее говорили, что пытались, болтали, принимали решения и ничего не делали.

При постепенном переходе рыночные отношения сначала затрагивают производственную сферу потребления, а лишь затем распространяются на производство средств производства, и как последний этап — наступает либерализация цен. Причем проводится она очень осторожно, с сохранением административного управления ценами или, по крайней мере, государственного регулирования, достаточно твердого в высокомонополизированных дефицитных отраслях. Меньшие социальные издержки, которые нам сулит более плавный переход, это немало не только потому, что людей жалко, а их действительно жалко, — социально-политические последствия шоковой терапии непредсказуемы...

Я думаю, что постепенный переход для нашей страны не просто больше подходит, он только для нас и подходит. И мы все равно к нему придем, если, конечно, хватимся раньше, чем шоковая терапия приведет экономику страны в состояние полного развала и заблокирует все возможности перехода к рынку. <...>

Имеем ли мы какие-нибудь результаты за последние три месяца реформ в России или видим их впереди?

Не видим и, боюсь, что не увидим. Проблема насыщения рынка не может быть решена в условиях непрерывного, быстрого, устойчивого спада производства, потому что, как отмечают и все наши наблюдатели, наша шоковая терапия стимулов к производству не дала, а добавила еще дополнительный страшный удар, который она понесла от развала хозяйственных связей и в результате развала СЭВ, и тем более — развала СССР.

Мы имеем некоторое смягчение дефицита по отдельным группам товаров, но это связано, как правило, с запретительным уровнем цен для преобладающей части населения, что ведет к последующему снижению и продаж, и потребления, и производства.

А вот инфляцию мы получили. По официальным данным, за три месяца цены возросли в шесть раз. Это уже гиперинфляция, что бы ни говорили. На самом деле, учитывая, что мы полностью сохранили фальшивую коммунистическую статистику по всем показателям... реальный рост цен был, по меньшей мере, в два раза больше.

Какие гиперинфляция принесла социально-политические и экономические беды? Первое — резкое снижение жизненного уровня преобладающей массы населения России. Второе — способствование спекулятивной деятельности, прежде всего, в сфере обращения, перекупка и подталкивание к финансовому краху многих жизненно важных предприятий. <...>

Мировой опыт говорит о том, что инфляция резко задает центробежные силы. Это прекрасно понимают в ЕС, где цель достижения интеграции экономики — это, прежде всего, борьба с инфляцией. Именно в период антиинфляционных успехов они добились наибольшего прогресса в интеграции...

У нас кладут в основу реформ западные неолиберальные, монетарные теории, но все эти теории, извините, имеют под собой ряд предпосылок, ряд условий, чтобы заработало свободное ценообразование. О чем идет речь?

Прежде всего, необходимо наличие развитых конкурентных рынков. Затем — господство здоровой финансово-денежной системы. Какой сумасшедший начнет проводить такие реформы при полном развале государства?!

Ничего этого в России нет. Зато рынок носит сверхмонополизированный, дефицитный характер, он разрушен в результате развала государственности. Все более туманными становятся надежды (честно говоря, я на это надеялся) на достижение в рамках шоковой терапии хотя бы относительной финансово-денежной стабилизации. На данный же момент мы имеем полнейший развал финансово-денежной стабилизации, и здесь не видно никакого просвета. <...>

О налогах я уже не говорю. Введение гигантского 28-процентного налога на добавленную стоимость, конечно же, резко подтолкнуло вверх цены и стало душить производителей. Самый большой норматив в Западной Европе, по-моему, существует во Франции — 14—16%. <...>

Давайте изучать зарубежный опыт серьезно...

Что сделал капитализм в период глубочайшего кризиса 1929—1933 гг., когда, наконец, им в голову пришло, что рынок не панацея? Резкое усиление вмешательства государства... Всюду и везде поняли, что чистая классика — неолиберализм — в условиях кризиса не работает. <...>

Острейшая проблема — это политическая стабилизация. Конечно, когда развалена экономика, как сейчас, вряд ли можно достичь политической стабилизации. Но и без политической стабилизации ничего не получится. Всем ясно, что Россия разваливается, и гражданская война уже на пороге. Чечня — это уже гражданская война. Скоро мы можем столкнуться с подобной ситуацией и в других местах. А если к этому добавится обнищание людей?..

Пока не поздно, надо бить отбой...

Вовсю работает печатный станок. До 1985 года ежегодно печатали несколько миллиардов рублей, а сейчас только за месяц — несколько десятков миллиардов, и все равно денег не хватает. Надо же это останавливать. А останавливать должна жесткая государственная власть. Иначе — полный развал, распад на двадцать государств и повсеместная гражданская война; ее признаки в виде уголовщины уже налицо. Слишком многое утеряно. Горбачев только раскачивал лодку. Пора бы новому руководству подумать, как ее стабилизировать. Таково мое мнение».

Ряд положений, высказанных С.М. Никитиным, — о роли государства, учете политического и социального факторов, критическом отношении к зарубежному опыту проведения радикальных экономических реформ — были поддержаны участниками состоявшейся по докладу дискуссии. Доктор экономических наук Я.А. Певзнер обратил внимание на искаженную многими современными экономистами в России трактовку монетаристской концепции. «По-моему, — отметил он, — мы совершенно неосновательно употребляем это слово. Монетаризм — это теория, которая предназначена для предотвращения инфляции. А она у нас уже есть. Поэтому я никак не могу назвать мероприятия, проводимые правительством, монетаристскими».

Подводя итоги дискуссии, В.А. Мартынов подчеркнул, что сползание экономики в пропасть началось не с реформы Гайдара, а гораздо раньше, когда в течение нескольких лет велись пустые разговоры о постепенном переходе к рынку, а ситуация обострялась с каждым днем.

Из выступления В.А. Мартынова[1]:

«...Я очень хорошо помню эту постепенность мер в правительстве Рыжкова, и почему нам пришлось встать в оппозицию к ним. Именно из-за постепенности, именно из-за того, что они все время говорили только об эволюции этого развития и никуда не двигались, страна падала в долговой кризис и распродавала золотые запасы, поддерживая военно-промышленный комплекс.

Все-таки надо признать, что правительство [Гайдара] является первым, которое хотя бы на начальном этапе, в первый месяц сократило на 70% закупки вооружения. Это уже реальная цифра. <...>

Наиболее сложный вопрос — это вопрос отношений внутри Союза, внутри СНГ. Развал СССР привел к тому, что сейчас отношения между всеми странами СНГ — это сплошная спекуляция рублем и борьба друг с другом. Следует признать, что в этом кроется одна из причин, по которой приходится идти на разрегулирование нашей экономики, на либерализацию цен, иначе ограбление России приобретет еще более жесткий характер. <...>

Действительно, невидимая рука рынка не может действовать сама по себе. Весь мировой опыт доказал, что должны быть и государственное регулирование, и эта самая государственная рука. И здесь мы должны сформулировать наши предложения. Каков должен быть механизм государственного регулирования на данном этапе, приспособленный для нашей страны?

[1] Там же. С. 138 – 144.

Нельзя в настоящих условиях воспроизводить старые структуры, как это пытается делать тов. Лопухин[1], создавая под себя новое министерство нефтяной промышленности. Если мы пойдем по пути воспроизводства старых структур, то, на мой взгляд, произойдет не просто возврат к старому, а возврат к еще более худшему. Между тем даже просто к старому вернуться уже невозможно. Здесь нужны предложения — какое государственное регулирование подходит к сложившимся у нас условиям, причем с учетом того, что мы должны продвигаться вперед по пути реформ. Чем в этом смысле был ГКЧП? Это был полный отказ от экономической реформы, потому что они (я имею в виду Госплан) не видели иной возможности удержать страну от падения в пропасть, иначе как вернуться назад, отказавшись от всякого реформирования. Это и имел в виду ГКЧП. Это была реальная альтернатива возврата к прошлому, о чем, надо сказать, и сейчас мечтают многие.

Нужны наши разработки и предложения по продолжению реформы. Мы можем соглашаться или не соглашаться в том, полностью ли провалилась шоковая терапия, или еще рано говорить об этом. Но то, что она многое не дала из того, на что надеялись, видно всем, хотя окончательные итоги надо будет подводить после того, как либерализация цен распространится на энергоносители. Всякая либерализация цен в стране, где нефть является главным экспортным продуктом, останется на уровне пустых разговоров, если такая либерализация не затронет энергоносители.

Я прошу всех товарищей о том, чтобы мы подумали над программой с учетом мирового опыта, чтобы мы развили теорию государственного регулирования и государственного механизма с учетом западного опыта, а не того планирования, которое у нас было в прошлом, ибо оно было безнадежным. Мне кажется, наш Институт может разработать соответствующую программу, а также какие-то свои рекомендации и предложения».

Большой интерес на Ученом совете вызвал доклад, с которым 20 апреля 1992 г. выступил и.о. заведующего сектором проблем формирования рынка капитала, кандидат экономических наук М.В. Бойко. Тема доклада относилась к числу наиболее актуальных и острых на тот момент — «Российская программа приватизации».

Интерес к обсуждению этой темы подогревался и тем обстоятельством, что докладчик представлял не только и не столько даже ИМЭМО, где он работал с сентября 1985 г.[2]

---

[1] Владимир Михайлович Лопухин — советский и российский экономист. По окончании экономического факультета МГУ в 1975 г. проходил стажировку в ИМЭМО. С 1977 г. — научный сотрудник Всесоюзного научно-исследовательского института системных исследований АН СССР (ВНИИСИ), откуда, как уже говорилось, вышла значительная часть «команды Гайдара». В августе 1991 г. В.М. Лопухин стал заместителем министра экономики РСФСР. С ноября 1991 г. по май 1992 г. — министр топлива и энергетики в правительстве Е.Т. Гайдара, затем — внештатный советник Председателя правительства России. — *П.Ч.*

[2] Максим Владимирович Бойко (1959 г.р.) — сын ветерана ИМЭМО, доктора экономических наук В.М. Шамберга, многие годы руководившего Отделом информации, крупного специалиста по экономике США. Мать Бойко, Кларцетта Георгиевна Бойко — кандидат филологических наук, работала в ИНИОН АН СССР в должности старшего научного сотрудника. По окончании в 1982 г. факультета управления и прикладной математики МФТИ (Физтеха) М. Бойко поступил туда же в аспирантуру, где подготовил кандидатскую диссертацию на тему

В начале 1992 г., оставаясь в Институте, М. Бойко вошел в команду А.Б. Чубайса, назначенного в ноябре 1991 г. председателем Государственного комитета по управлению государственным имуществом (Госкомимущество) в ранге министра РСФСР. При Чубайсе Максим Бойко занял должность экономического советника, а с 1993 г. — Генерального директора Российского центра приватизации[1].

В своем докладе[2] Бойко попытался обосновать принципы и цели, заложенные в проекте Чубайса, который и тогда, и позднее сам откровенно признавался, что решал не столько экономическую, как все думали и ожидали, сколько политическую задачу — сделать невозможной реставрацию коммунистического режима. Поскольку обстоятельства и последствия приватизации 1990-х гг. достаточно хорошо известны, нам в данном случае более интересны те первые ее оценки, которые прозвучали на Ученом совете в ходе обсуждения доклада Бойко[3].

Среди вопросов, заданных докладчику, один касался соотношения приватизации и демонополизации. Задавший этот вопрос Я.А. Певзнер, не удовлетворившись ответом, заметил: «Вы не упомянули один фактор монополизации, самый большой — уголовную монополизацию. У вас что-нибудь думают об этом?»

Из стенограммы заседания:

> «М.В. Бойко: Об этом думают в другом комитете, не у нас. К сожалению, я не знаю, что здесь делать. (Смех в зале)».

Другой вопрос затрагивал перспективы т.н. «малой приватизации», как в докладе Бойко характеризовались мелкие промышленные и торговые

«Цикличное движение жилищного строительства и рынок ссудного капитала в США». Диссертацию он защищал уже в ИМЭМО, куда 2 сентября 1985 г. был принят на должность младшего научного сотрудника в Отдел североамериканских исследований. Способный молодой ученый быстро обратил на себя внимание и в скором времени стал научным, а затем и старшим научным сотрудником, авторитетным экспертом в области кредитно-финансовых проблем западной экономики. В возрасте 33 лет он возглавил в Институте сектор проблем формирования рынка капитала. См.: Личное дело М.В. Бойко // Архив ИМЭМО РАН.

[1] В штате ИМЭМО М.В. Бойко будет числиться до 30 марта 1994 г., когда окончательно перейдет на государственную службу. Его карьера на этом поприще складывалась успешно. В 1994 г. за активную роль в подготовке и проведении первого этапа приватизации М. Бойко был награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. При покровительстве А.Б. Чубайса, в августе 1996 г. он был назначен заместителем главы президентской Администрации, а год спустя — Заместителем председателя правительства, министром государственного имущества России. Его правительственная карьера неожиданно завершилась в ноябре 1997 г. в результате громкого скандала с гонорарами за еще не опубликованную книгу «История приватизации в России» (т.н. «дело писателей»). М. Бойко и ряд его коллег-«писателей» из правительства и Администрации президента (А. Чубайс, А. Кох, А. Казаков, П. Мостовой и др.) вынуждены были уйти в отставку с занимаемых постов. В дальнейшем М. Бойко успешно занимался рекламным бизнесом. Он возглавляет Совет директоров Российской экономической школы (РЭШ).

[2] Доклад к.э.н. Бойко М.В. «Российская программа приватизации» — Стенограмма заседания Ученого совета ИМЭМО от 20 апреля 1992 г. С. 4—17 // Архив ИМЭМО РАН.

[3] Вопросы к докладчику, его ответы и последующая дискуссия отражены на с. 18—37 Стенограммы заседания Ученого совета // Там же.

госпредприятия. Д.э.н. А.В. Полетаев спросил докладчика: «У меня возникает вопрос по поводу малой приватизации. Во-первых, предусмотрены ли какие-либо гарантии сохранения профиля приватизированного предприятия, торговой точки и т.д., в какой мере и на какой срок? Второе — гарантия занятости тех, кто работает на предприятиях. Третье — предусмотрены ли ограничения по месту проживания покупателей? Продаваться будут только местным или каждому, кто пожелает? Это ведь один из главных вопросов. В Германии, например, в руки местных передали 80—90 процентов.

И четвертое — как будет делиться имущество торгов, такое, в частности, как централизованное хозяйство, как склады, автомобили?

И еще один вопрос, который тоже, видимо, относится к малой приватизации: как будут приватизировать совхозы? Это все-таки государственное имущество...»

«Я думаю, — ответил М.В. Бойко, — что последний вопрос — это вопрос к тем, кто работает у Руцкого[1]. Поэтому, если можно, отвечу на первые четыре.

По поводу профиля и занятости. Существует как бы два таких базисных механизма малой приватизации — это аукцион и конкурс. Аукцион — это когда объект продается покупателю, предложившему максимальную цену, а конкурс — это когда требуется выполнение определенных условий. Процедуры того и другого достаточно четко прописаны в том пакете документов, который был принят 29 января [1992 г.]. На конкурсе вы можете выставить условия, по которым в течение года или нескольких лет покупатель обязан сохранить профиль данного предприятия. Дальше это условие записывается в контракт, и в принципе, если оно не соблюдается, то такое обстоятельство может стать основанием для расторжения сделки о приватизации.

То же самое с занятостью — можно записать в условия конкурса, что покупатель обязан в течение года, к примеру, сохранить сложившийся уровень занятости. Далее — по предыдущей схеме: если это не выполняется, то контракт расторгается. Но решение, конечно, принимается на местном уровне. Здесь Госкомимущество как бы задает различные формы приватизации, но конкретный выбор уже осуществляется на местах, местными органами власти. Это ведь муниципальная собственность, и они должны на своем уровне решать, какой магазин нужно продавать с сохранением профильности, а какой можно продать без каких-то особых условий...

Хотелось бы обратить внимание на то, что сохранение профильности целесообразно там, где цены остаются регулируемыми. Конечно, в булочных, если регулируются цены на хлеб, следует вводить ограничение на профильность. Существует мнение, что если все продавать без ограничения на профильность, то повсюду в бывших булочных организуют видеосалоны или будут продавать джинсы. У меня нет таких опасений, да и небольшой опыт на сегодняшний день показывает, что торгуют не только джинсами и не только видеофильмы показывают.

---

[1] Имеется в виду, что вопросы аграрной реформы, включая приватизацию на селе, в то время курировал вице-президент России А.В. Руцкой. — *П.Ч.*

По поводу места проживания покупателей [объектов собственности]. В исходном варианте в основном были ограничения на иностранные инвестиции, хотя подчеркну, что под иностранными инвесторами понимаются не только граждане Англии, Франции или Японии, но также и граждане республик бывшего СССР. Здесь, видимо, кроется наиболее чувствительный вопрос, особенно при продаже предприятий. К настоящему времени это требование подверглось коррекции, его просто сняли как обязательное требование, передав этот вопрос на усмотрение местных властей. Если местный Совет хочет допустить к приватизации иностранцев, пусть он и дает соответствующее разрешение.

По поводу торговых складов я ничего не могу сказать; если они входят в имущественный комплекс предприятия, то приватизируется целиком, если нет — будут приватизироваться порознь».

В ходе обсуждения было высказано опасение, что при организации конкурсов на приватизацию причастные к этому процессу чиновники, прежде всего из Госкомимущества, могут произвольно (и не всегда бескорыстно) ограничивать допуск к участию в конкурсе для тех или иных покупателей и в первую очередь для трудовых коллективов, исключая последние из процесса приватизации своих же предприятий.

В этом смысле, по мнению А.Р. Стерлина, приватизация, как в форме конкурсов, так и аукционов, содержит огромный коррупционный риск. Да и нынешние руководители предприятий, подлежащих приватизации, имеют очевидные преимущества перед всеми остальными потенциальными покупателями.

Из стенограммы заседания Ученого совета:

«М.В. Бойко: По поводу высших управляющих. О ком идет речь? Многие положения, которые записаны в программе [приватизации], еще не разъяснены. Это будет сделано в ближайшее время. Но уже сейчас ясно, что к числу высших управляющих относятся генеральный директор, главный инженер, главный бухгалтер, руководители ведущих подразделений. Видимо, некоторые положения о распределении льгот [для этой категории] будут уточнены. Будет уточнено, какие люди должны войти в льготный список; по всей видимости, будет предусмотрена возможность дополнительно включить кого-то в распределение этого пакета акций.

Теперь об аукционах и коррупции. Конечно, можно ограничить допуск участников на такие аукционы. Существуют и другие способы манипулирования аукционами. Но какая еще процедура позволяет это сделать с меньшим коррупционным риском? Это я не к тому, что данная процедура очень хорошая, а все остальные плохие. Есть, например, альтернативный вариант, при котором вы все отдаете трудовому коллективу, а дальше этот коллектив сам, без государственного посредничества, продает свое предприятие. По-моему, это тоже вариант коррупции, только выглядит он по-другому.

По поводу земли, на которой расположены предприятия, я сейчас ничего не могу сказать. На этот счет готовится соответствующее постановление. Там еще много нерешенных вопросов».

Доктор экономических наук В.И Кузнецов поинтересовался ролью финансовых институтов в начинающейся приватизации.

Из стенограммы заседания Ученого совета:

«М.В. Бойко: Это очень серьезный и существенный вопрос. К нему можно подходить с разных сторон. Я больше говорил о передаче акций физическим лицам. Мы прекрасно понимаем, что образование финансовых институтов — процесс длительный. Большая часть ныне существующих финансовых институтов, которые мы воспринимаем как представителей нашего нового предпринимательства, на самом деле является государственной в том плане, что в уставном капитале государственная доля превышает 25%. А это, само по себе, запрещает им участвовать в процессе приватизации. Тем не менее, проблема существует, и она должна решаться.

Первое, о чем пойдет речь, так это о создании инвестиционных фондов. Схема приватизационных чеков, безусловно, предусматривает, что будет законодательно оформлено возникновение частных инвестиционных фондов, которые будут аккумулировать приватизационные чеки, возможно, и за деньги продавать свои акции, а в портфеле активов иметь акции предприятий. Иначе говоря, это будет концентрацией финансовых капиталов. В ряде случаев они могут оказаться собственниками, реально контролирующими предприятия.

По поводу образования отраслевых цепочек. Это, конечно, идея, которая носится в воздухе. Очень сильное давление существует со стороны министерств. Существует проект, идущий от Минпрома, по которому можно всю нашу экономику загнать в 300 больших корпораций и тем самым создать рыночную экономику. С моей точки зрения, все подобные проекты — это вещь довольно страшная. Тем не менее, я знаю, что готовятся какие-то положения о холдинговых компаниях. Но желательно, чтобы все это началось не теперь, а на следующем этапе. Вначале нужно провести корпоратизацию, превратив предприятия в акционерные общества, которые в дальнейшем, при желании, могли бы спонтанно объединиться в такие структуры. Это позволит предприятиям более эффективно перераспределять капитал, потому что не следует ожидать, что рынок капиталов будет работать очень хорошо. В варианте закрытой подписки записано, что среди тех, кто может выкупать акции предприятий, идущих по закрытой подписке, могут быть и смежники, т.е. предприятия, связанные с данным предприятием технологическими связями. Мы рассчитываем, что здесь реально может возникнуть какое-то переплетение. Предпочтительно, чтобы оно возникло по вертикали, а не по горизонтали».

В ходе обсуждения был поднят вопрос о выборе между конкурсом и аукционом, а также о том, кто может стать эффективным собственником.

Из стенограммы заседания Ученого совета:

«М.В. Бойко: Аукцион — это когда вы продаете объект, не обременяя себя никакими условиями, тому, кто предложил максимальную цену. Конкурс — это когда выдвигаются некоторые условия, например, сохранение занятости, сохранение профиля, какие-то социальные обязательства. Всякий участвующий в торгах берет на себя обязательства выполнять эти условия, а дальше идет конкуренция по цене.

Всякий ли человек, владеющий свободными капиталами, будет эффективным собственником? Думаю, что не всякий. Кто-то станет таким эффективным собственником, а кто-то нет. Кто-то разорится. Не всякий участвующий выигрывает; выиграет тот, кто больше заплатит...

Часто можно слышать: как же так, у нас есть теневая экономика, а их деньги — это деньги жуликов. Вспомните Ильфа и Петрова — "все крупные современные состояния нажиты самым нечестным путем". Но что же делать в этой ситуации?

Действительно, в теневой экономике накоплены большие капиталы. Что с ними делать?

Наверное, можно было бы решить этот вопрос путем проведения денежной реформы, т.е. у всех все отобрать и идти дальше. Думаю, что в этой аудитории не нужно объяснять, что такой вариант неприемлем. Его издержки намного превосходят те плюсы, которые можно было бы получить.

Второй вариант — придумать какие-то неконкурентные процедуры, которые отдавали бы все наиболее достойным людям, а не тем, у кого есть деньги. Лично мне такие процедуры неизвестны. На мой взгляд, они способны лишь породить коррупцию.

И наконец, третий вариант — исходить из того, что свободные деньги необходимо вовлекать в нормальный хозяйственный оборот, чтобы они начинали нормально функционировать. Я думаю, что нынешняя стратегия близка к третьему варианту. Никто не говорит, что этот вариант идеальный. Но среди имеющихся возможностей такой выход, надо полагать, имеет все преимущества перед остальными вариантами».

Разумеется, сама идея приватизации как важнейшего инструмента введения в России института частной собственности получила безусловную поддержку на Ученом совете. Вместе с тем, из доклада М.В. Бойко, как и из начального опыта приватизации, экспертам ИМЭМО было совершенно ясно, что программа приватизации готовилась в спешке, что и определило ее многочисленные недостатки и даже пороки, наложившие тяжелую печать на весь ход дальнейшего социально-экономического развития России. В последующие годы Ученый совет еще не раз вернется к теме приватизации.

В поле постоянного внимания ученых ИМЭМО находились вопросы выработки новой внешнеэкономической стратегии России. В 1992 г. этой теме были посвящены два заседания Ученого совета.

20 января с докладом на эту тему выступил заместитель директора ИМЭМО, д.э.н. Иван Сергеевич Королев, который, исходя из реального положения России, в котором она оказалась после развала СССР, и, в первую очередь, из ее геостратегического положения, предложил три варианта новой внешнеэкономической стратегии.

Из доклада И.С. Королева[1]:

[1] Текст доклада И.С. Королева и выступления участников состоявшегося по нему обсуждения см.: Стенограмма заседания Ученого совета ИМЭМО РАН от 20 января 1992 г. // Архив ИМЭМО РАН.

«Ситуация, в которой оказалась Россия, хуже, чем была союзная. Я не буду брать все параметры, но если взять возможности участия в международном разделении труда, то РСФСР оказалась в ситуации худшей, чем практически любая другая республика. Мы закинуты в Азию и в то же время перестали граничить со многими азиатскими странами.

Есть три варианта, как нам лучше жить.

Первое — это в рамках СНГ. На данном Ученом совете я вообще не буду рассматривать этот вариант, как ненаучный, поскольку считаю распад Советского Союза объективным. Плохо лишь то, что происходил он неконтролируемо. Все понимают, что создание СНГ — это не образование чего-то [нового], а ликвидация [старого].

Остаются два варианта.

Один вариант — Россия изолируется и замыкается в существующих административных границах. Она создает свою армию, свою валюту, таможню и начинает жить, сотрудничая со всеми странами, в т.ч. и с союзными республиками, добиваясь максимальной выгоды для себя в двусторонних и многосторонних связях. Эту точку зрения поддерживают многие видные, квалифицированные и уважаемые мною ученые...

С точки зрения внешнеэкономических связей и нашего участия в международном разделении труда, этот вариант выглядит чисто националистическим или якобы отвечающим национальным интересам России. В действительности, с точки зрения перспективы, он тупиковый. Мы ведь все потеряли из-за того, что уровень жизни в Центральной России низкий, мы разрушили деревню. Понятно, что пока мы все не восстановим, пока Центральная Россия не станет богаче окраинных республик, мы ничего не сможем вернуть.

Вроде бы это верно. Но все дело в том, что наше географическое положение с точки зрения участия в международном сотрудничестве становится настолько плохим, что нас будут эксплуатировать все, кто только захочет. И при таком варианте мы никогда не будем жить лучше окраин.

Есть еще третий вариант. Пока он еще не очень определенный и не просчитан экономистами. Речь идет о том, чтобы добиться расширения границ Российской Федерации в рамках жесткого экономического союза, в пределах исторических границ России. Сделать это совсем не просто.

Мне кажется, что политика нынешнего российского правительства колеблется между двумя последними вариантами. Я не собираюсь высказывать здесь свое отношение к внешнеполитической стратегии российского правительства по той простой причине, что нигде и никогда его концепция не была обнародована. Кто знает, может быть, это и правильно. Наверное, необходимо вначале достичь какого-то внутреннего консенсуса в отношении нашего будущего развития».

Докладчик подверг развернутой критике изоляционистский вариант экономического развития России, основанный на необоснованном преувеличении значения энергетического фактора в отношениях с внешним миром. Королев назвал это иллюзией, подчеркнув, что в действительности «вся наша нефтяная промышленность — это минус, это большая обуза» с точки зрения успешного развития. К тому же, как подчеркнул Королев, в этой области Россия в определяющей степени зависит от благорасполо-

жения своих непосредственных соседей на западе — Украины и Белоруссии, через которые проходят нефте- и газопроводы к основным потребителям российских энергоресурсов в Западной Европе. Уже по этой причине, отметил докладчик, «мы должны привлечь к себе граничащие с нами республики, прежде всего, Беларусь, Украину, Казахстан, но, естественно, в рамках жесткого экономического союза». Такой союз должен быть основан на единой налоговой и денежной политике, на едином внешнеэкономическом регулировании, что не имеет ничего общего с «империалистическими» побуждениями России. К созданию такого экономического союза подталкивает сама история, в ходе которой были созданы тесно переплетенные хозяйственные связи между вчерашними союзными республиками. Необходимо спасти то, что еще можно спасти, а не замыкаться в своей сомнительной самодостаточности.

Из доклада И.С. Королева:

«На данном этапе нам надо иметь перед собой простую цель — минимизировать потери от неизбежного разрыва связей с республиками. И второе — предотвратить самую главную опасность во внешнеэкономических связях. Речь идет об огромном оттоке ресурсов из Российской Федерации, что связано не только с отношениями с республиками. Это связано с общим переходом к либерализации, предполагающей и либерализацию внешнеэкономических связей...

Значительный отток ресурсов происходит через внешнюю торговлю, что усиливает инфляцию. Это значит, что курс рубля у нас занижен относительно цен; он никогда цены не догонит, он все больше будет занижаться, потому что экспорт не будет компенсироваться импортом и т.д. и т.п. Таким образом, здесь существуют очень большие отрицательные последствия не только для текущего нашего положения, но и для всех целей макроэкономической политики Гайдара, к которой я, как экономист, отношусь в целом позитивно по той причине, что во всем, что он делает, есть своя логика.

В то же время я считаю, что в наших условиях сама идея либерализации внешнеэкономических связей, это, извините, просто глупость. И эта идея правительству Гайдара была навязана сверху. Когда же правительство стало этим заниматься, оно увидело, что связи не могут быть либерализованы. Мы должны вводить какие-то дополнительные меры в виде экспортного тарифа и т.д.

С другой стороны, я понимаю, что идея либерализации, конечно, правильная. Но мне более понятна контролируемая интеграция в мировое хозяйство. Поэтому я считаю: для прекращения оттока ресурсов нам необходимо восстановить монополию на экспорт некоторых видов товаров, в частности, нефти, золота, алмазов и, может быть, каких-то металлов, включая металлолом. Но отношения этих объединений с промышленностью чисто коммерческие: они должны платить валюту и поставлять ширпотреб. Это будет временный путь. А все остальное можно будет свободно либерализовать. Тогда мы много выиграем. С одной стороны, действительно, будет либерализация. С другой — этот поток будет контролироваться.

Сейчас же, не анализируя всех постановлений правительства, я могу сказать, что это приведет к такой коррупции и неразберихе, которые даже

трудно представить. Однако в силу свободной торговли лицензиями на экспорт это создаст такой большой бизнес, что все практически прекратят заниматься экспортом. А зачем? Ведь можно будет торговать этими лицензиями.

Второе. Система внешнеторговых расчетов.

С моей точки зрения, важно, чтобы все предприятия получали, в конечном счете, за экспорт только рубли. От валютных фондов предприятий, естественно, надо отказаться. То есть это будет все-таки реальное движение к будущей конвертируемости рубля. <...>

Третье. Я считаю, что в нашем распоряжении есть сильный фактор возможного давления на республики — научно-технический потенциал, технологический потенциал наших крупных предприятий. Именно им необходимо, в первую очередь, дать предпринимательскую свободу, а не новым рыночным структурам, которые неизвестно еще когда разовьются. Я тоже выступаю за нормальное предпринимательство, но пока наш директор крупного завода гораздо ближе к западному предпринимателю, чем биржевик.

Последний фактор, который надо использовать в реализации этого третьего варианта. Это русскоязычное население. Все говорит о том, что следует ожидать беженцев, которым надо будет создать условия для жизни...

Но в республиках, которые могли бы войти в предлагаемый жесткий экономический союз, проблему беженцев можно было бы решить в рамках цивилизованных переговоров, как и вопросы о наших [бывших] портах и пропуске транзитных грузов в режиме наибольшего благоприятствования. Одним из важнейших элементов этой новой экономической политики должна стать поддержка российского предпринимательства в этих республиках через специальные формы содействия, повышение их уровня в экономике и в культурной жизни этих стран».

По решению Ученого совета, доработанные предложения И.С. Королева позднее были переданы в правительственные инстанции.

А четыре месяца спустя ИМЭМО почтили своим присутствием два члена правительства Гайдара — министр внешнеэкономических связей П.О. Авен и его первый заместитель С.Ю. Глазьев, представившие Ученому совету основные положения внешнеэкономической стратегии России. С докладом на тему «Внешнеэкономические связи и радикальная реформа» на заседании Совета 8 мая 1992 г. выступил П.О. Авен[1].

В первой части своего выступления министр ознакомил аудиторию с основными идеями, определяющими действия правительства во внешнеэкономической сфере. Он признал ошибочными прежние ограничительные решения относительно выхода на внешний рынок отдельных предприятий и физических лиц (так называемых «участников внешнеэкономической деятельности».) Такое неоправданное сужение участников, помимо прочего, имело следствием скачок коррупции в области лицензирования внешнеэкономической деятельности. Поэтому все ограничения были сняты, и каждое предприятие получило возможность выхо-

[1] См.: Стенограмма заседания Ученого совета ИМЭМО РАН от 8 мая 1992 г. С. 2—16 // Архив ИМЭМО РАН.

да на внешний рынок со своей продукцией. Были разрешены все формы бартера. Далее началось постепенное валютное регулирование для стимулирования экспорта путем оставления значительной части валютных поступлений в руках экспортера.

Наибольшие валютные преференции были предоставлены предприятиям обрабатывающей продукции. Они вообще были освобождены от сдачи получаемой от экспорта валюты, за исключением 10-процентной выручки, направляемой в Центробанк.

Следующим шагом правительства стало создание условий для постепенного перехода от административного регулирования к экономическому, учитывая начавшуюся либерализацию цен. «Апокалиптические прогнозы относительно того, что свободные цены приведут к развалу, пока не сбылись, — констатировал Авен. — В то же время мы понимаем, — продолжал он, — что в существующих условиях регулировать внутреннее потребление и внутренний спрос можно и по тарифам...

Хотя мы являемся сторонниками свободной торговли, и по этой причине ограничения на экспорт нам не очень нравятся, тем не менее, учитывая давление нашей промышленности, стоящие перед ней задачи, а также необходимость поддержания разницы цен, мы пошли на введение экспортного тарифа».

Правительство, отметил Авен, с самого начала намеревалось ввести конвертируемость рубля по текущим операциям, что отвечало требованиям Устава МВФ, но по ряду технических причин и из-за позиции Центробанка такое намерение пока не реализовано. «Частично это связано с эмиссией, которую осуществляют банки республик», — добавил министр.

Существует также проблема выплаты внешнего долга, вынуждающая правительство сохранять пока 40-процентную продажу валюты по искусственному курсу. Здесь еще многое предстоит сделать для перехода к общепринятым на мировом валютном рынке нормам и правилам.

Затем Авен перешел к первоочередным задачам, которые предстояло решить министерству внешнеэкономических связей. В числе таких задач — создание и запуск к 1 июля 1992 г. нового механизма (пакета нормативных актов), отвечающего критериям МВФ и требованиям нормальной экономической жизни; полный отказ от квот и лицензий, придание им сугубо регистрационного характера; разработка единого модифицированного импортного тарифа и НДС на импорт и акцизы; введение единого валютного курса по текущим операциям; резкое сокращение централизованного импорта и его субсидирования; смягчение платежей по внешнему долгу; немедленное создание таможенных границ России.

По убеждению министра, важнейшим вопросом государственной политики остается проблема ее приоритетов. «Сегодня приоритет внешнеполитической деятельности должен быть во многом подчинен интересам экономики, — подчеркнул Авен. — За последние годы... мы лишились наших традиционных рынков, прежде всего — рынка вооружений. У нас возникли большие проблемы с выходом нашей продукции на рынки...

Самое слабое направление в работе нашего министерства, — признался Авен, — это работа с развивающимися странами. Здесь нет никакой идеологии, и именно на этом направлении нам нужна очень серьезная поддержка в том, чтобы выйти на азиатские и африканские рынки. В этом смысле мы нуждаемся и в советах, и в практической помощи. Нам нужна ваша помощь и в подготовке того пакета документов, о котором я говорил».

«Смысл моего прихода к вам состоит в том, чтобы попытаться наладить связь аппарата с наукой, — заявил Авен в самом начале своего доклада. — Это, собственно говоря, моя личная инициатива. Хотя и Сергей Юрьевич [Глазьев], и я ранее работали в научном учреждении, у нас разорвана, как это обычно бывает, связь аппарата с академической наукой. И хотя Иван Сергеевич [Королев] является у нас членом Коллегии [министерства], реального рабочего взаимодействия у нас с академической средой нет. Есть взаимодействие только с теми, кого мы сумели утащить в аппарат. Эти люди заняли ключевые посты в Министерстве. Они занимаются разработкой всей нормативной базы, придумывают разные механизмы и ключи, пишут соответствующие документы. В то же время большой потенциал специалистов, которые имеются, в частности, в ИМЭМО, у нас абсолютно не задействован.

Когда я пришел в Министерство и сразу же стал предлагать перейти на работу в аппарат достаточно большой группе сотрудников ИМЭМО, никто не пошел[1]. Честно говоря, смысл моего появления здесь состоит в том, чтобы сделать еще одну попытку такого рода. Конечно, у нас совсем другой режим работы, но мы можем найти способ какого-то привлечения сотрудников Института на достаточно постоянной, регулярной основе, а в идеале — перевести их в аппарат на постоянную работу».

Эта мысль Петра Авена была развита в выступлении Сергея Глазьева, который поспешил опередить привычные упреки представителей академического экономического сообщества в том, что в правительстве мало считаются (а то и вовсе не считаются) с мнением ученых.

Из стенограммы заседания Ученого совета:

> «С.Ю. Глазьев: ...Мне хотелось бы дать косвенный ответ на критику, которую мы получаем от наших коллег в основном, к сожалению, через газеты и через обращения в Верховный Совет, а не непосредственно к нам. Практически все наши мероприятия подвергались довольно серьезной критике со стороны академической общественности. <...>
>
> Мы нуждаемся в серьезной помощи, но, к сожалению, работа с академической общественностью у нас не получается. Петр Олегович объяснял это тем, что у нас совсем другой режим. Это действительно так. Когда я работал

[1] По иронии судьбы, сам П.О. Авен, уйдя в конце декабря 1992 г. в отставку с министерского поста, найдет временное пристанище в ИМЭМО, куда 1 февраля 1993 г. будет принят на должность и.о. главного научного сотрудника-совместителя в отдел международных экономических отношений с окладом 14 706 руб. В Институте Авен пробыл год и девять месяцев. 1 ноября 1994 г. он уволился «по собственному желанию». См.: Личное дело П.О. Авена // Архив ИМЭМО РАН. За это время Авен организует и развернет собственный бизнес (компания «ФинПА» — «Финансы Петра Авена», затем «Альфа-Банк»), сделавший его одним из богатейших людей современной России.

в ЦЭМИ, то тоже удивлялся, почему правительство глухо к многочисленным программам и проектам, которые разрабатывал наш институт.

Попав в бюрократический аппарат, я понял, что, с одной стороны, это можно было бы объяснить непониманием со стороны прежнего правительства, но, с другой стороны, режим проведения реформ настолько интенсивен, что советы приходят с опозданием, ими трудно воспользоваться, если учитывать реальную атмосферу принятия решений, в которой мы находимся. К сожалению, мы гораздо больше сотрудничаем с экспертами Всемирного банка, чем с нашими экспертами. Эксперты Всемирного банка очень активны, им платят очень большие деньги за то, что они к нам приезжают, и заставляют их отрабатывать сполна. Но нас такая ситуация не удовлетворяет, у нас много своих специалистов. Хотелось бы, конечно, наладить тесное сотрудничество с ними в рабочем режиме...

Я думаю, что уже сегодня мы можем передать доклады с изложением общей концепции внешнеполитической деятельности, которые вчера были представлены в правительство. И я хотел бы пригласить всех желающих реально воздействовать на формирование нашей стратегии, принять участие в разработке программы»[1].

Подводя итоги заседания, В.А. Мартынов согласился с необходимостью налаживания постоянного рабочего взаимодействия академического экономического сообщества с Министерством внешнеэкономических связей, как и с другими министерствами и ведомствами. «Мы начинаем эту работу, — сказал он, — и признаем, что сами виноваты в том, что опаздывали с налаживанием прямых контактов с правительством. Мы уже создаем совместные группы, которые в ближайшее время будут работать по ряду проблем, в частности, по проблеме конверсии с привлечением сотрудников из других академических институтов, занимающихся всеми этими вопросами»[2].

Наряду с анализом экономических реформ, начатых правительством Гайдара, которым эксперты ИМЭМО пытались, в той или иной мере, оказывать содействие, предполагавшее и критические замечания, Институт постоянно держал в поле зрения развитие внутриполитической ситуации в России, а также вопросы формирования ее внешней и оборонной политики.

«Предчувствие гражданской войны»

Эти слова из клипа на песню Юрия Шевчука[3], лишь однажды показанного на российском телевидении в 1992 г. и тогда же снятого с эфира новыми демократическими властями, лучше всего характеризовали атмосферу, воцарившуюся в стране после падения коммунистического режима, когда неожиданно для многих обозначился клубок противоречий и центробежных тенденций, грозивших распадом уже и России.

---

[1] Там же. С. 16 – 18.

[2] Там же. С. 32.

[3] Песня была написана лидером рок-группы «ДДТ» Ю. Шевчуком еще в 1988 г., но приобрела новый смысл в 1992 – 1993 гг., когда Россия оказалась на грани гражданской войны.

Первая группа противоречий обозначилась внутри победившей в августе 1991 г. неоднородной и потому, как вскоре выяснилось, неустойчивой коалиции демократов. Как только встал вопрос о новой российской конституции, вчерашние победители немедленно перессорились. Этот раздор проходил по линии соперничества, вскоре переросшего в противоборство, между исполнительной и законодательной властями: президентом Б.Н. Ельциным, с одной стороны, и Верховным Советом с Р.И. Хасбулатовым во главе с другой.

Перед молодой российской демократией встал вопрос о выборе модели республиканского устройства. Быть ли России президентской или парламентской республикой? В этом противоборстве Борис Ельцин опирался на историческую традицию русского единовластия, находившего свое оправдание, помимо прочего, в необходимости скреплять воедино многонациональное и многоконфессиональное государство. Президент, как Верховный главнокомандующий, рассчитывал на поддержку армии и правоохранительных органов — госбезопасности, милиции и внутренних войск МВД.

Со своей стороны, Руслан Хасбулатов имел достаточно надежную опору в лице Съезда народных депутатов РСФСР и выбираемого из его состава Верховного Совета, претендовавших на роль верховной власти в России. Ближайшими союзниками спикера и республиканского депутатского корпуса были региональные и местные органы власти (Советы) — единственный, остававшийся после краха КПСС, стержень российской политической системы. Лозунг времен революции 1917 года «Вся власть Советам!» в 1991—1993 гг. был актуализирован и взят на вооружение противниками усиления исполнительной власти в ущерб власти законодательной.

Вторая группа противоречий затрагивала проблему территориально-конституционного устройства России. С развалом СССР национальные элиты автономных республик РСФСР все более настойчиво требовали от Москвы значительного расширения своих полномочий, а некоторые республики — Чечня, Татария, Башкирия и Якутия — даже взяли курс на полную самостоятельность. О своих правах заявили и отдельные регионы, преимущественно населенные русскими. Из исторического небытия на поверхность выплыли проекты «областников» времен Гражданской войны — т.н. Уральской, Сибирской и прочих республик. Все эти центробежные тенденции стимулировались не только инерцией распада СССР, но, прежде всего, отсутствием в Москве консолидированной государственной власти.

Консолидация власти, поиски согласия между двумя ее ветвями, а также между центром и регионами осуществлялись в рамках конституционной реформы. Она была инициирована президентом Ельциным в начале 1992 г., а завершена после череды политических кризисов и трагических событий в Москве (3—4 октября 1993 г.) принятием 12 декабря новой конституции и выборами в Федеральное собрание, что означало окончательную «десоветизацию» России[1]. Обратимся к хронике основных политических событий того времени.

---

[1] Наиболее полно и документально достоверно этот период освещен в книге В.Л. Шейниса, бывшего депутата Верховного Совета РСФСР и Государственной думы Российской Фе-

31 марта 1992 г. Подписание в Кремле представителями республик, краев, областей и автономных округов, входящих в Россию, Федеративного договора, который предоставил регионам широкие социально-экономические права и одновременно зафиксировал сферы компетенции федерации (гражданство, оборона, внешняя политика, защита национальных меньшинств, поддержание единых норм экономической деятельности и т.д.). Договор о разграничении полномочий между центром и регионами отказались подписать Чечня (Ичкерия) и Татария (Татарстан), а Башкирия (Башкортостан) сделала это с оговорками, сводившими на нет важнейший конституционный документ.

15 мая. В Ташкенте руководители шести глав государств — членов Содружества независимых государств (СНГ) — Армении, Казахстана, Киргизии, России, Таджикистана и Узбекистана — подписали Договор о коллективной безопасности (ДКБ). Впоследствии к ДКБ присоединились Азербайджан, Белоруссия и Грузия.

3 июня. Группа депутатов Верховного Совета инициировала вопрос о недоверии правительству и отрешении от должности президента Б. Ельцина «за предательство национальных интересов России, многочисленные нарушения Конституции, законов и данной им президентской присяги».

7 июля. Б. Ельцин прибыл в Мюнхен на встречу с лидерами G7, которые согласились начать реализацию крупной программы экономической помощи России.

22 октября. В Пригородном районе Владикавказа произошли вооруженные столкновения между ингушами и осетинами.

24 октября. В Москве образован Фронт национального спасения (ФНС), объединивший противников президента Б. Ельцина из кругов парламентской и внепарламентской оппозиции. ФНС, стоявший на национал-коммунистической платформе, превратился в организационный центр массовых антиправительственных выступлений.

3 января 1993 г. Президент России Б. Ельцин и президент США Дж. Буш подписали в Кремле договор об ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-2), ставший пиком дружественных отношений между Россией и США.

13 февраля. Восстановительный съезд Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ), председателем которой избран Г.А. Зюганов.

12 марта. Обострение конфликта между ветвями власти в Чечне, где отставной генерал Д. Дудаев 17 апреля введет президентское правление, что станет началом вооруженного противостояния в республике.

дерации, активного участника политической жизни того времени. — *Шейнис Виктор.* Взлет и падение парламента. Переломные годы в российской политике (1985—1993). М., 2005. Т. 2. См. также: *Воронин Ю.* Свинцом по России. М., 1995; *Гайдар Е.* Дни поражений и побед. М., 1996; *Ельцин Б.* Записки президента. М., 1994; *Исаков В.* Госпереворот: Парламентские дневники 1992—1993. М., 1995; *Попцов О.* Хроника времен «царя Бориса». М., 1995; *Филатов С.* Совершенно несекретно. М., 2000; *Хасбулатов Р.* Великая российская трагедия. М., 1994. Ч. 1.

20 марта. Б. Ельцин объявил о введении особого порядка управления страной через президентские указы до общенационального референдума 25 апреля, на который был поставлен вопрос о доверии к проводимой им политике, а также к правительству и Верховному Совету. Решение Ельцина было оценено его противниками как узурпация власти и попытка государственного переворота.

25 апреля. В референдуме приняли участие 64% избирателей; 58,7% (40 млн граждан) выразили доверие главе государства; 53% голосовавших поддержали проводимый им социально-экономический курс; за перевыборы президента высказались 34 млн граждан, а за перевыборы парламента — 46,2 млн. Результаты референдума дали основания Б. Ельцину продолжить задуманную им конституционную реформу.

1 мая. В Москве, в районе площади Гагарина, произошло крупнейшее столкновение оппозиционно настроенных демонстрантов и сил МВД. В ходе столкновения пострадали около 600 человек (погиб один сотрудник милиции).

5 июня. В Москве открылось Конституционное совещание с целью подготовки проекта новой конституции Российской Федерации. Заявление Б. Ельцина о несовместимости системы Советов с демократией вызвало раскол среди участников совещания, часть которых демонстративно покинула зал заседаний.

1 сентября. Б. Ельцин своим указом временно отстранил от исполнения обязанностей вице-президента А.В. Руцкого и вице-премьера В.Ф. Шумейко за подрыв авторитета государственной власти.

21 сентября. Президент Б. Ельцин издает указ № 1400 о прекращении функций Съезда народных депутатов и Верховного Совета, а также о проведении 12 декабря выборов в новый двухпалатный парламент. Решение Ельцина спровоцировало резкое обострение конфликта между двумя ветвями власти, усилив глубокий политический кризис. Верховный Совет объявил указ № 1400 антиконституционным, а подписавшего его Б. Ельцина отстранил от должности за попытку государственного переворота. Исполняющим обязанности главы государства Верховный Совет назначил вице-президента А.В. Руцкого. К Белому дому, резиденции парламента, стали прибывать его многочисленные сторонники, часть которых получила стрелковое оружие. 23 сентября в Белом доме начал работу внеочередной X съезд народных депутатов, одобривший последние решения ВС.

2 октября. Массовое рукопашное сражение между оппозиционными демонстрантами и ОМОНом на Смоленской площади в Москве.

3–4 октября. Попытка вооруженных сторонников ВС захватить московскую мэрию, телецентр Останкино и другие стратегически важные объекты. Силы правопорядка применили оружие и рассеяли толпу у телецентра. 4 октября вызванные в столицу армейские подразделения расчистили баррикады у Белого дома, а само здание было обстреляно из танков. Руководители вооруженного сопротивления во главе с А. Руцким и Р. Хасбулатовым были арестованы. По официальным данным, которые многими не признаются достоверными, в ходе столкновений в Москве погибло более 145 человек.

12 декабря. Состоялся общенациональный референдум по новой Конституции Российской Федерации и одновременно выборы в двухпалатный парламент — Государственную думу и Совет Федерации. Новая конституция с расширенными президентскими полномочиями была одобрена 58,4% голосов, принявших участие в голосовании. Против — 41,6%. В трех субъектах Федерации: Чечне, Татарстане и Челябинской области — референдум вообще не проводился. Результаты парламентских выборов, проведенных по смешанной системе, во многом оказались неожиданными для Б. Ельцина и двух пропрезидентских партий — «Выбор России — ВР» (Е. Гайдар) и «Партия единства и согласия — ПРЕС» (С. Шахрай). По партийным спискам ВР получил в Государственной думе лишь 40 депутатских мандатов, а ПРЕС — 18. По данному критерию победителем оказалась Либерально-демократическая партия (ЛДПР) В. Жириновского — 59 мандатов. Поражение по партийным спискам ВР сумел, при активном использовании административного ресурса, компенсировать в одномандатных округах. В результате фракция Е. Гайдара из 450 депутатских мест получила в Госдуме 76 мандатов (ЛДПР — 63; КПРФ и «аграрии» соответственно — 45 и 55). Другие партии и избирательные объединения — ПРЕС, «Яблоко», «Демократическая партия России», «Женщины России» — получили в новом парламенте от 18 до 27 мест каждая. Председателем Государственной думы стал И.П. Рыбкин, представлявший тогда Аграрную партию России.

Если принятие новой Конституции можно было считать безусловной стратегической победой Б. Ельцина и его команды, то результаты выборов в Государственную думу стали тактическим поражением реформаторов, что будет определять неустойчивость внутриполитической обстановки в России вплоть до 1996 г., когда состоятся очередные президентские выборы.

Политический сценарий для постсоветской России

Стремительные, подчас непредсказуемые изменения в стране побуждали руководство ИМЭМО, разумеется, не в ущерб изучению внешнего мира, одновременно сориентировать исследования в сторону собственно российской проблематики. В той или иной мере такая переориентация затронула работу всех научных подразделений Института. Центры, отделы и сектора экономического профиля, как уже говорилось, занялись анализом проводимых правительством реформ экономики, пытаясь оценить риски и перспективы преобразований.

Мониторинг и прогнозирование политической ситуации в России стали одним из приоритетных направлений в работе Центра социально-экономических и социально-политических исследований (ЦСЭСПИ), возглавляемого доктором исторических наук Германом Германовичем Дилигенским. В рекордно короткий срок франковеды, англоведы, германисты и другие «страновики» из ЦСЭСПИ освоились в новой роли политологов-русистов, продолжая внимательно изучать расширявшуюся на глазах зону Европейского союза.

Первый предварительный итог исследований складывавшейся в результате распада СССР политической ситуации в России был подведен на ситуационном анализе в ЦСЭСПИ, состоявшемся в декабре 1992 г. Его результаты были представлены 15 января 1993 г. Ученому совету ИМЭМО профессором Г.Г. Дилигенским[1].

В самом начале своего выступления докладчик отметил, что эмоционально накаленная политическая обстановка в стране, потоки обвинений и разоблачений противоборствующих сторон, безусловно, осложняют спокойный и непредвзятый анализ текущей ситуации, которую нельзя характеризовать иначе, как глубокий политический кризис. «В действительности, — подчеркнул Дилигенский, — мы еще очень плохо знаем, что происходит в нашей стране, в обществе». Поэтому на данном этапе можно представить лишь гипотезу, дающую повод для более глубокого осмысления происходящего в России политического процесса.

Но уже сейчас, как заметил докладчик, совершенно очевидно, что политический кризис вызван и стимулируется рядом факторов: отсутствием элементарной согласованности в действиях высших эшелонов власти, обостряющимся конфликтом между различными ее ветвями и отсутствием между ними четкого разделения функций, отсутствием соподчинения между центральной и местными властями, сепаратизмом и острыми межнациональными конфликтами. Все это усугубляется тем, что страна не имеет четкого политического и экономического курса развития. А в итоге — «вопиющий хаос в экономике и в политической жизни, затяжка с определением конституционных основ государственного строя России».

По мнению Дилигенского и его единомышленников, переживаемый Россией политический кризис имеет свои собственные причины и механизмы; в то же время он является продолжением экономического и социального кризиса, обусловленного ломкой старого общественного строя и мучительным формированием нового, с неясными еще принципами и очертаниями. Из этого следует, что его динамика и оценка перспектив, в конечном счете, определяются направлением всего экономического развития России. В этом смысле речь идет не столько о политическом, сколько об общем социально-экономическом прогнозе.

Дилигенский представил наиболее вероятный, по его мнению, сценарий социально-экономического и политического развития России. «Суть этого сценария, — подчеркнул он, — переход к рыночной экономике, но не той рыночной экономике, которую мы знаем на примере стран Запада, не к свободному рынку, а к рынку монополистическому, следовательно, к рынку, на котором будут господствовать монополии. Причем неважно, — продолжал докладчик — будут ли они иметь юридическую форму государственных, полугосударственных или частных. Они, эти господствующие в экономике силы, будут стремиться опереться на непосредственную под-

[1] Текст доклада Г.Г. Дилигенского «Политический кризис в России и пути выхода из него» см.: Стенограмма заседания Ученого совета ИМЭМО РАН от 15 января 1993 г. С. 2—31 // Архив ИМЭМО РАН.

держку государства, претендуя, несомненно, на самостоятельность этого государства, но в то же время ища его повседневного покровительства, его помощи и в хозяйственных, и в социальных, и в политических вопросах. Причем их управленческая, или собственническая, элита будет в значительной мере слита с государственным аппаратом...

В политике и хозяйственной жизни это означает, очевидно, усиление авторитарных, бюрократических тенденций, зажим и выхолащивание существующих демократических форм политической жизни...»

Представив данный не очень оптимистичный сценарий, Дилигенский упомянул еще о двух, которые он посчитал маловероятными. Первый — это реставрация командно-административной системы. По убеждению Дилигенского, такая реставрация маловероятна по причине полной дискредитации командно-административной системы в общественном сознании. Даже если будет предпринята попытка вернуться к этой системе, то такой возврат не может быть долговременным.

Второй «мыслимый вариант», по Дилигенскому — это переход к экономике западного типа, о чем мечтали и продолжают мечтать наши либералы и демократы. «Такой вариант, — сразу же подчеркнул Дилигенский, — представляется практически невозможным, во всяком случае, в обозримом будущем».

Докладчик подробно обосновал столь категоричный вывод. «Решающая причина невозможности, условно говоря, западного, либерального варианта, лежит в социально-политической области, в расстановке социальных сил, — сказал он. — Если эту расстановку социальных сил попытаться охарактеризовать какой-то самой общей формулой, то ее характеризуют противоречия между необходимостью радикальных реформ, причем необходимостью не только объективной, но и широко осознанной обществом, и практическим отсутствием социально-политического субъекта, способного эти реформы осуществить. Известно, что социальным субъектом, способным осуществить какую-то целенаправленную модернизаторскую деятельность, не могут быть просто какие-то большие социальные группы, пусть даже и сделавшие для себя определенный выбор. Им могут быть только группы организованные, имеющие достаточно сильных и устремленных лидеров, имеющие достаточно целеустремленный и многочисленный массовый актив, имеющие достаточно устойчивую массовую базу.

Есть ли у нас, в нашем обществе, такие группы-субъекты? — развивал свою мысль Дилигенский. — В общем, они складываются, но складываются они как раз в авторитарно-государственные по своим установкам убеждения, чаяния российского общества».

Далее докладчик выделил и кратко охарактеризовал существующие в постсоветской России социальные группы-субъекты.

К первой он отнес т.н. хозяйственную элиту (директорский корпус), тесно связанную с государственным сектором экономики. При очевидной дифференциации внутри этой группы, часть которой сделала выбор в пользу «самостоятельного плавания по рыночному морю», не следует

преувеличивать влияние директоров-рыночников. Тяжелое, если не сказать катастрофическое положение большинства предприятий госсектора, «несомненно, будут усиливать их традиционную фактическую и морально-психологическую зависимость от государственной поддержки». Маловероятно, что в обозримом будущем существующая «хозяйственная элита» способна превратиться в класс частных предпринимателей, подобно тому, что существует в странах Запада.

Вторая группа, играющая самостоятельную роль в российском обществе, — это бюрократический аппарат, представляющий, по мнению Дилигенского, реальную политическую власть, особенно в своем среднем звене. Именно этот бюрократический аппарат, как центральный, так и на местах, но вовсе не президентские структуры, утверждал Дилигенский, по давней традиции обладают в России всей полнотой власти. В этом докладчик усмотрел одно из принципиальных отличий российской политической системы от ее западных аналогов, где бюрократия не может быть самостоятельной или даже автономной силой.

Сочетание этих двух, тесно связанных друг с другом сил — хозяйственной элиты и бюрократии — и будет определять, по мнению Дилигенского и его коллег из ЦСЭСПИ, наиболее вероятный сценарий развития России по авторитарно-монополистическому или монополистическо-бюрократическому пути.

Этим двум доминирующим в России силам противостоят сторонники радикальных реформ, ориентированные на свободный рынок и представительную демократию. Однако, как констатировал Дилигенский, эти силы значительно уступают по своему влиянию на общество. «Главная их слабость, — отметил докладчик, — состоит в том, что они носят диффузный характер, не представляют собой реальный социальный субъект, поскольку они не объединены ни ясным пониманием того, чего они хотят, ни какой-то более или менее эффективно действующей организацией».

В этом отношении многие связывают надежды на лучшее будущее со слоем новых предпринимателей. Действительно, как заметил Дилигенский, любой либеральный сценарий не может не опираться на предпринимательский слой. Однако то, что доказало свою эффективность в западных обществах, «не работает» в России. Кстати, заметил докладчик, и на Западе предпринимательский слой не всегда был гарантом демократии. Достаточно вспомнить поддержку, которую в 1933 г. оказал Гитлеру германский бизнес. «Хотелось бы предостеречь против такого упрощенного, материализованного представления, будто существование частнособственнического слоя (среднего слоя) есть уже главное и достаточное условие для свободного рынка и демократии», — отметил Дилигенский.

Возвращаясь к современной России, докладчик подчеркнул: «Нынешняя конкретная ситуация состоит в том, что этот слой слаб, естественно, что ему не удается и вряд ли удастся в ближайшем будущем овладеть решающими рычагами производства, и поэтому в силу своей слабости какая-то его часть (я не скажу, что весь слой, но какая-то его часть, причем часть значительная) ищет опоры в поддержке государства. Опросы, которые

проводились среди частных предпринимателей, показывают, что порядка 30 — 40 процентов выступает за укрепление государственного сектора экономики. Это, видимо, ситуация естественная для данного периода, и она заставляет относиться без излишнего упрощенческого оптимизма к перспективам развития предпринимательского слоя как социально-политического субъекта, активно содействующего либеральному сценарию.

Разумеется, есть в составе этого слоя часть (может быть, это даже большинство), которая выступает за такой сценарий. Но сегодня, как нам представляется, я говорю о той части, которая проявляет интерес к каким-то политическим программам, к какой-то политической прагматике. Создается впечатление, что пока такая последовательно-либеральная часть этого слоя не имеет ясной и эффективной социально-политической стратегии, что в их воззрениях очень много чисто утопического либерализма, который выражается в установке на то, что можно просто очень быстро и в обозримый период отказаться от регулирующей роли государства, прогнать государство из экономики, повернуться спиной к государству и создать таким образом либеральную экономику...

Я думаю, что это просто не очень реалистичный подход... Я не хочу как-то преуменьшить значение развития предпринимательства и реальность этого процесса сегодня. Разумеется, надежда в будущем на переход к либеральной экономике связана с именно этим процессом. Я всего лишь хочу сказать, что на сегодняшний день эта тенденция достаточно ограничена. К тому же, в силу ряда причин, частный капитал у нас в основном устремляется в коммерцию, в спекулятивную сферу, зачастую приобретая мафиозный характер, что снижает его легитимность в глазах общества и, несомненно, мешает ему выступить в роли мало-мальски авторитетной политической силы».

Отдельно докладчик остановился на роли либерально-демократической интеллигенции, на которую, по словам Дилигенского, «в свое время возлагалось столько надежд, и которая подчас рассматривалась как лидер радикальных преобразований». Этот слой, наряду с предпринимателями, объективно мог бы претендовать на лидирующую роль в демократических преобразованиях в силу своей общественно-политической активности и сочувствия радикальным реформам. Однако этого не произошло. Почему?

«Я думаю, — подчеркнул Дилигенский, — что тезис о какой-то самостоятельной, преобразовательной роли этого слоя опровергнут самой жизнью». В реальности роль интеллигенции оказалась скорее пассивной, сочувственно-созерцательной, нежели созидательной. Дальнейшая поддержка радикальных реформ со стороны либерально-демократической интеллигенции, по мнению докладчика, будет проявляться в основном в ее электоральном поведении, на выборах, что само по себе не ведет к формированию реального субъекта.

Из доклада Г.Г. Дилигенского:

> «Когда говорят о руководящей роли интеллигенции, речь идет, наверное, не об этом слое в целом. Речь идет об определенной группе, которая

не выделяется, наверное, тем, что она сама считает себя социальной элитой, обращаясь к традиционному противопоставлению: интеллигенция — народ. В данном случае речь идет о численно относительно небольшой, но достаточно активной группе интеллигенции, большей своей частью — гуманитарной, но не только, научной и т.д., которая с первых лет перестройки активно политизировалась, активно включилась в политическую борьбу, которая послала своих представителей в кандидаты, а потом — депутаты выборных органов, потом и в правительственные структуры. Эта группа в целом, несомненно, сыграла очень большую позитивную роль в критике тоталитаризма и в разрушении тоталитарных структур в той мере, в какой они разрушены, но она не смогла, в силу ряда причин, сыграть роль конструктивную, роль непосредственного агента преобразований...

Очень сильная тенденция, которую в какой-то мере можно считать преобладающей, — это растерянность перед лицом той ситуации, которая возникла после августа 1991 г., беспомощность. Отсюда — агрессивность, подчас и злоба, адресованная всем структурам власти и всем, кто пытается что-то делать.

Другое следствие — довольно широкий переход представителей этой группы, которая была растерянной, беспомощной, которая ощущала внутреннюю идеологическую пустоту, а эта пустота в интересах сохранения какого-то места в политической жизни повела их в сторону великодержавного национализма, результатом чего является массированный переход целого ряда маленьких партий, по своему составу интеллигентских, на эти позиции, что привело к изменению соотношения сил. Первое проявление — это, конечно, кризис "Демократической России"[1].

Роль интеллигенции в общественных преобразованиях, конечно же, остается важной, но я думаю, что это процесс общий, глобальный; он идет и в других странах, в том числе в развитых капиталистических странах. Но в современных условиях меняется сама роль интеллигенции. У общества отпадает нужда в отдельной группировке людей слова, занимающихся формулированием абстрактных ценностей. Задача интеллигенции — эффективная деятельность на соответствующих профессиональных участках. И в этом качестве, в качестве квалифицированных, профессиональных экономистов, юристов, научных работников интеллигенция, конечно, играет и будет играть очень важную роль. Но рассматривать ее сегодня в качестве самостоятельного, ведущего, зовущего социального субъекта, мне кажется, довольно затруднительно».

---

[1] «Демократическая Россия» (ДР) — антикоммунистическое общественно-политическое движение и созданный в 1990 г. на его основе избирательный блок, принявший участие в выборах в представительные органы власти РСФСР. Его создание инициировали Московское и межрегиональное объединения избирателей, Клуб избирателей АН СССР, «Мемориал», «Апрель», «Щит» и др. общественные организации. Важную роль в создании и деятельности ДР играли А. Мурашев, Л. Пономарев, В. Боксер, В. Шейнис, о. Г. Якунин, Ю. Афанасьев, Г. Попов, Н. Травкин, Ю. Болдырев, Г. Каспаров, Г. Старовойтова и др. ДР, имевшая в 1990—1993 гг. достаточно широкое представительство на Съезде народных депутатов, сыграла большую организующую роль в избрании Б. Ельцина на пост президента России. Однако с самого начала в ДР обозначились и постоянно нарастали внутренние противоречия, которые уже в 1991 г. привели к расколу движения. На его осколках была создана Демократическая партия России и ряд других политических организаций. Одни из них продолжали поддерживать политический курс Б. Ельцина и политику «шоковой терапии», другие перешли в решительную оппозицию, сомкнувшись с коммунистами и националистами. — *П.Ч.*

Слабость предпринимательской социальной группы, слабость и разобщенность интеллигенции, по мнению Г.Г. Дилигенского и его коллег, увеличивают шансы на реализацию в России в видимой перспективе именно «государственно-монополистического», а не либерально-демократического сценария. «Вывод наш таков, — констатировал докладчик, — если сегодня и в обозримом будущем вряд ли может быть изменен радикальным образом госмонополистический характер социально-экономического развития, но он может быть значительно ограничен. Может быть достигнута такая альтернативная модель, при которой все-таки сохранятся возможности для конкуренции различных укладов и форм собственности, при которой сохранится независимость среднего и малого бизнеса, а сам этот средний и малый бизнес будет в какой-то мере расти. И если вряд ли удастся оттеснить монополистические, бюрократические, этатистские силы от преобладающего влияния на политику, во всяком случае, можно не допустить превращения этого влияния в господство, сохранить влияние демократических институтов, политический плюрализм, свободу слова и т.д. Все это создает предпосылки для перелома в будущем нынешней ведущей тенденции».

Дилигенский предостерег от иллюзий, согласно которым спасти Россию от политического и экономического хаоса можно путем «авторитарного реформизма», по примеру Южной Кореи или Чили. «Нам это не подходит, — подчеркнул он. — У нас это невозможно, потому что у нас основной аппарат, который, собственно, осуществляет этот сценарий, — это аппарат государственный, бюрократический, и он никаких реформ осуществлять не будет, как бы ни была велика воля президента, стоящего во главе этой структуры. Авторитарный реформизм — это утопия».

Оптимальная альтернатива этому тупиковому варианту, по убеждению Дилигенского, проходит через реальное разделение властей и создание нормальной партийной системы, что позволит преодолеть существующий ныне глубокий разрыв между властью и обществом.

В завершение своего доклада Дилигенский остановился на проблеме определения стратегии реформистских, демократических сил. По его мнению, такая стратегия все еще не определена. При этом она не может быть автоматически заимствована извне, но должна учитывать всю специфику собственно российских социально-экономических реалий. В качестве центральной идеи такой стратегии Дилигенский сформулировал концепцию «социального либерализма».

Из доклада Г.Г. Дилигенского:

> «Когда я говорю о стратегии, я не имею в виду рассчитанный на какие-то годы план действий. Такой план, в отсутствии которого упрекали правительство Гайдара, по-моему, в нашей ситуации совершенно не реален, потому что эта ситуация напоминает блуждание в лесу без карты и без ориентиров. По-видимому, продвигаться вперед к позитивным целям можно, только анализируя каждый раз заново сложившуюся ситуацию, потому что реакция всех участников процесса в нашем обществе просто непредсказуема. Когда

я говорю о стратегии, то имею в виду цели и ценности, которым нельзя изменять. Мы эту стратегию формулируем как социальный либерализм.

Почему либерализм — это понятно. Но почему — социальный?

Потому, что в такой стране, как наша, никакой либеральный сценарий, который не учитывает реальную социальную ситуацию, экономическое положение широких слоев населения, который не нацелен на меры, непосредственно обеспечивающие социальную защиту, невозможен. Иными словами, без ответственности государства за социальную сферу никакое более или менее нормальное развитие страны по рыночному пути просто невозможно. Тот, кто думает иначе, по-моему, предается очень опасным иллюзиям, тяжелым по своим последствиям.

Если говорить о зарубежном опыте, о зарубежных моделях, то России гораздо ближе западноевропейские модели (не обязательно скандинавские, а, может быть, французская или итальянская), чем модель американская.

Последнее, что я хочу сказать. Социальный либерализм — это одновременно и либерализм патриотический. Одна из величайших ошибок наших либералов и демократов состоит в том, что они опустили знамя патриотизма. Хотя, по-моему, в экономическом оздоровлении страны, в повышении уровня благосостояния, безопасности и свободы граждан и заключается суть современного патриотизма.

Когда критерием патриотизма провозглашается та или иная позиция по вопросу о том, отдавать или не отдавать Курилы, мне это не понятно, потому что люди и силы, которые акцентируют внимание на этих вопросах, могли бы, мне кажется, проявить свой патриотизм гораздо эффективнее, если бы они позаботились о судьбе, скажем, российского Нечерноземья, других запущенных российских регионов, о судьбе уральских и кузбасских городов, где, как мы знаем из прессы, рождаются больные дети из-за катастрофической экологической ситуации. Патриотизм должен идти по этому руслу, а не по вопросу о том, какие у нас должны быть зоны влияния и т.д., что мы часто слышим из уст наших парламентских деятелей».

Доклад вызвал оживленную дискуссию, в которой приняли участие доктора исторических и экономических наук — К.Г. Холодковский, В.Л. Шейнис, В.Б. Кувалдин, А.Г. Арбатов, С.П. Перегудов, Л.А. Гордон, В.И. Кузнецов, Ю.А. Васильчук и др. Практически все они поддержали основные положения и выводы доклада, дополнив его своими наблюдениями, соображениями и замечаниями. Эти соображения и замечания затрагивали необходимость консолидации государственной власти (при четком разделении ее ветвей) для более эффективного проведения реформ; четкое определение места и роли правительства, зажатого между президентом и Верховным Советом и потому лишенного всякой самостоятельности, повышение его ответственности в проведении политического курса; необходимость изменения неблагоприятного имиджа предпринимательского класса, успевшего приобрести репутацию спекулятивно-мафиозно-коррумпированного, превращение предпринимателей в действительный авангард рыночно-демократических реформ; недопущение срыва или извращения смысла начинающегося процесса приватизации, что было бы чревато сужением и без того недостаточно широкой массовой базы реформ; более энергичная и эффективная

борьба с обозначившейся тенденцией к гиперинфляции, способной окончательно скомпрометировать и погубить реформирование страны; опасность перерождения незрелой российской демократии в «олигополистическую систему», легко воспроизводимую на неразвитой рыночной почве; немедленное исправление антисоциального крена, характерного для экономического курса правительства Гайдара — «иначе будет погублено все»; более пристальное внимание ко всем проявлениям сепаратистских устремлений национально-региональных элит, предотвращение этнических конфликтов и решительная борьба за сохранение государственного единства России.

Отдельные участники дискуссии (д.и.н. А.Г. Арбатов и д.э.н. В.И. Кузнецов) подчеркнули наличие прямой связи между кризисной политической ситуацией в России и социальными последствиями «шоковой терапии», проводившейся правительством Гайдара, а также ошибками президента Ельцина, сознательно или бессознательно обостряющего конфликт с представительной властью.

А.Г. Арбатов решительно не согласился с часто повторяемым тезисом о безальтернативности экономической программы, предложенной Гайдаром, как и с утверждением, будто правительство Гайдара было лучшим правительством в новейшей истории России. По его мнению, «это было худшее правительство в последней истории России», состоящее вовсе не из реформаторов, как они сами о себе любят говорить, а из «молодых карьеристов», беспринципно готовых оставаться в любом правительстве, куда их пригласят. При этом, как подчеркнул Арбатов, вина за их несостоятельность в решающей степени лежит на президенте Ельцине, который не сумел воспользоваться во благо страны плодами победы демократии в августе 1991 г., и с тех пор совершал одну ошибку за другой, создавая условия для возникновения политического кризиса. По мнению Арбатова, политический кризис, обострявшийся с декабря 1991 г. — «это, по существу, попытка обеих властей — и законодательной, и исполнительной — узурпировать власть, попытка получить на нее монополию... Причем зачинщиком здесь выступила исполнительная власть в лице президента».

Один из самых серьезных просчетов Ельцина, как полагал Арбатов, состоял в том, что преобразования в России он начал с экономических реформ, в то время как начинать надо было с политических преобразований, с создания основ новой политической системы[1].

С позиций экономиста выступление А.Г. Арбатова поддержал д.э.н. В.И. Кузнецов[2]. По его мнению, модель «шоковой терапии», предложенная правительством Гайдара, предполагала «атомарную структуру экономики». Сначала надо было лишить хозяйствующие субъекты возможности влиять на экономические параметры, т.е. на количество и цены, а затем уже выправлять диспропорции, которые в ней накопились. «Это, — подчеркнул Кузнецов, — было главным промахом, связанным с особенностями эконо-

[1] Выступление А.Г. Арбатова см.: Стенограмма заседания Ученого совета ИМЭМО РАН от 15 января 1993 г. С. 72—79 // Архив ИМЭМО РАН.

[2] Там же. С. 117—124.

мического образования команды [Гайдара], которая смотрела на экономику через призму идеализированных экономико-математических моделей». Стратегический просчет в области экономики привел к возникновению невиданной прежде социальной напряженности и острому политическому кризису в стране.

В ходе дискуссии о предстоящей конституционной реформе было высказано опасение (д.и.н. С.П. Перегудов), что в отсутствие в современной России структурированной политической системы и реально функционирующих институтов гражданского общества есть риск того, что «мы не создадим ни президентскую республику, ни парламентскую республику, а мы создадим или президентскую власть, что, как известно, является одной из разновидностей диктатуры, либо мы создадим парламент типа латиноамериканского». «Нынешние наши парламентарии никогда не согласятся поставить себя под контроль, допустим, какой-то правящей партии, — подчеркнул С.П. Перегудов. — Это означает, что в существующих реалиях та парламентская система, которая действует в Западной Европе, в Японии или в Канаде, у нас тоже нереализуема. Поэтому мы выступаем за смешанный вариант парламентско-президентской республики»[1].

Вопрос о государственном устройстве России, по мнению Перегудова, должен быть отдан на рассмотрение Учредительному собранию, а не существующим ныне органам исполнительной или законодательной власти.

Единственным из участников обсуждения, кто отверг необходимость либерально-демократической перспективы для постсоветской России, оказался старший научный сотрудник отдела стратегического анализа, к.э.н. С.Ю. Казеннов, возложивший всю ответственность за распад СССР и последующие региональные конфликты в России на идеологию и практику заимствованного на Западе либерализма. При этом, правда, он отметил нежелательность и опасность победы в стране национал-радикальной идеологии, исповедуемой непримиримой оппозицией. Отвергая саму возможность усвоения Россией любых западных либеральных моделей, Казеннов предложил опираться на традиционные, собственно российские ценности, в частности, на традицию «державной геополитики». «Не может великая держава таких территориальных размеров, — подчеркнул он, — не иметь "зон влияния", своей геополитической "ауры". Она обречена на это, если, конечно, считать геополитику наукой».

В практическом плане, как полагал Казеннов, первостепенная потребность на сегодняшний день — это "образование подлинного политического центра" на базе так называемой "интегральной идеологии", органичной для России и совместимой с ценностями современной цивилизации» [2].

Антилиберальный настрой выступления Казеннова не нашел поддержки у членов Ученого совета, не согласившихся с тем, что можно и тем более следует составлять программы политических реформ, опираясь лишь на исторические традиции, среди которых можно найти далеко не самые лучшие.

---

[1] Там же. С. 112.

[2] Там же. С. 127 — 133.

На основе состоявшегося 15 января 1993 г. обсуждения ведущими сотрудниками ЦСЭСПИ были подготовлены материалы, переданные в администрацию президента и в Верховный Совет. А ранее туда же были направлены информационно-аналитические справки, в которых раскрывался механизм функционирования политической системы в США, Франции, Германии и других развитых странах. Из сравнительного анализа этих политических систем, доказавших свою устойчивость, делался вывод о том, что французская модель представляется наиболее сопоставимой с российской спецификой, с историческими традициями России и с ее современными реалиями, нежели, например, американская. Когда начался процесс разработки Конституции Российской Федерации, рекомендации ИМЭМО в той или иной мере оказались полезными, а сам Институт был представлен в Конституционной комиссии д.и.н. Виктором Леонидовичем Шейнисом, депутатом Верховного Совета, а затем и Государственной думы.

Внешняя политика постсоветской России: принципы и приоритеты

Распад СССР и возникновение на его развалинах молодых суверенных государств в условиях окончания холодной войны поставило Россию, географически отодвинутую на северо-восток, в новую геополитическую ситуацию. Перед российским руководством, в значительной степени неискушенным в вопросах большой политики, со всей остротой встала необходимость определить национально-государственные интересы России, ее внешнеполитические принципы и приоритеты, отношения с ближним и дальним зарубежьем. По понятным причинам, начавшееся в Кремле переосмысление места, роли и интересов молодой российской демократии в мире, на глазах превращавшемся из биполярного в однополярный, было мучительно трудным. Гораздо легче оказалось освободиться от старых идеологизированных представлений об окружающем мире, нежели сформулировать новую внешнеполитическую и оборонную доктрины. Отсутствие необходимого опыта и дилетантский подход высшего российского руководства к вопросам мировой политики усугублялись унаследованными от перестройки и значительно усилившимися после 1991 г. либерально-идеалистическими настроениями и ожиданиями в отношении Запада и его безусловного, как полагали, альтруизма. «Запад нам поможет. Запад нас накормит. Запад нас всему научит». Так были настроены новые хозяева Кремля. Такие же настроения преобладали в самом начале 90-х и в обществе.

За бесконечными разговорами о внезапно открытых для себя «общечеловеческих ценностях» и цивилизационной общности России и Запада предпочитали не вспоминать об извечном прагматизме того же Запада. А отдельные неофиты российской демократии даже категорично настаивали на принадлежности России к «евроатлантической цивилизации».

Подобные настроения новой правящей элиты, по существу отрицавшей наличие у России каких-то собственных национальных интересов, помимо безоговорочной солидарности с Западом всегда и во всем, впоследствии привели в отношениях с тем же Западом к недоразумениям, к появлению недоверия и даже к возраставшим взаимным претензиям. Причем это недоверие обозначилось еще при «друге Борисе», как любил называть Ельцина президент США Билл Клинтон.

Череда серьезных внешнеполитических просчетов, когда договоренности с Западом основывались либо на честном слове (объединение Германии в обмен на нерасширение НАТО на Восток), либо на откровенной сдаче собственных позиций (например, в Арктике или в морском разграничении в районах Берингова моря), постепенно отрезвляли и правящую элиту, и российское общество.

Грубые внешнеполитические ошибки администрации президента Ельцина, объяснявшиеся первоначальными либеральными иллюзиями и низким профессиональным уровнем ближайшего окружения президента, в котором после 1991 г. оказалось много случайных людей, немедленно были использованы противниками демократических реформ. Непримиримая оппозиция, добивавшаяся отставки Ельцина и свертывания инициированных им реформ, заговорила о предательстве национальных интересов «агентами Запада» в Кремле. Допущенные Ельциным просчеты во внешней политике существенно пополнили обвинительное досье, которое противники президента из национал-коммунистической оппозиции собирали на него, готовя процедуру импичмента в отношении главы государства.

Говоря о внешней политике России первой половины 1990-х гг., необходимо учитывать, что ее формирование и становление, по крайней мере, до начала 1994 г., было осложнено наличием в Москве двух центров силы, двух властей — в лице президента и его администрации, одной стороны, и Съезда народных депутатов и Верховного Совета — с другой. Но даже с ликвидацией двоевластия в конце 1993 г. формирование внешнеполитического курса России продолжало осложняться соперничеством группировок внутри президентской администрации, а также между Советом безопасности и Министерством иностранных дел. Впрочем, последнее, возглавляемое в 1990—1996 гг. А.В. Козыревым, который за свою покладистость и приверженность «общечеловеческим ценностям» получил прозвище «мистер "Да"», серьезной роли в формировании внешней политики не играло.

Наряду с государственными инстанциями, работа по осмыслению принципов и приоритетов внешней политики постсоветской России велась как в возникавших в начале 90-х гг. неправительственных организациях (Совет по внешней и оборонной политике, Центр политических технологий и др.), так и в академических центрах. Среди последних ведущую роль, как и прежде, играл в этом ИМЭМО.

В Институте работой на этом направлении занялся отдел международно-политических проблем, который в 1992 г. возглавил Николай Алексеевич Косолапов, авторитетный политолог, признанный специалист в вопросах

теории и прогнозирования международных отношений, один из основоположников советской и российской школы политической психологии.

В 70-е — начале 80-х гг. он уже работал в Институте и в журнале «Мировая экономика и международные отношения». В 1985 г. Косолапов был приглашен в аппарат ЦК КПСС, где стал помощником секретаря ЦК А.Н. Яковлева по внешнеполитическим вопросам. В 1990—1991 гг. Косолапов в качестве руководителя группы работал в аппарате президента СССР М.С. Горбачева.

Именно Н.А. Косолапов с 1992 г. стал одним из основных докладчиков по вопросам внешней политики России на заседаниях Ученого совета ИМЭМО. Разумеется, к разработке внешнеполитической проблематики были привлечены и другие научные подразделения Института, представители которых неоднократно выступали со своими выводами по этим вопросам[1]. Тем не менее, первую попытку переосмысления национально-государственных интересов постсоветской России, как и формулирования ее внешнеполитических приоритетов, в октябре 1992 г. предпринял на Ученом совете ИМЭМО Николай Алексеевич Косолапов.

Тема его доклада — «Внешняя политика России: инкубационный период»[2].

Обосновывая предложенное им определение «инкубационный период», Косолапов сказал: «Хронологический отсчет внешней политики России пошел, на мой взгляд, с соглашений в Беловежской пуще. Де-факто эти соглашения стали формулой вывода России и Украины из Советского Союза, причем такой формулой выхода, которая позволяла избежать самой постановки вопроса об этом и неопределенного результата, который с этим был связан, и всего остального. Эти соглашения объективно положили начало становлению России как субъекта международных отношений и внешней политики...

Результатом соглашений в Беловежской пуще стало мгновенное, в прямом смысле слова — за ночь, изменение всего комплекса политико-формирующих, политико-образующих факторов. Оказались подрублены опоры прежней биполярной системы международных отношений, резко изменилось положение России в ее непосредственном окружении в мире в целом. В самой России произошла столь же резкая смена группировок элиты, находящихся у власти, обрушился весь прежний процесс принятия решений, причем в наибольшей степени — именно его внешненаправленная часть, т.е. внешняя политика и оборона».

---

[1] Можно упомянуть здесь следующие доклады: *С.Е. Благоволин*. Новые аспекты военной безопасности в меняющемся мире (28 февраля 1992 г.); *А.Г. Арбатов*. Режим ограничения вооружений и военно-политические отношения в странах СНГ (28 февраля 1992 г.); *Н.А. Симония*. Внешняя политика России в контексте внутриполитической ситуации в стране (20 ноября 1992 г.); *Ю.Г. Барсегов*. О направлении исследований ИМЭМО в области международных проблем Мирового океана и экологии (25 марта 1994 г.); *Д.М. Проэктор*. Контуры политики безопасности России в 90-е гг. (23 мая 1994 г.); *Р.М. Аваков*. Россия и «третий мир» в новой геополитической ситуации (22 июня 1994 г.); *Е.Д. Волкова*. Политика России в СНГ (22 июня 1994 г.).

[2] Текст доклада см.: Стенограмма заседания Ученого совета ИМЭМО РАН 23 октября 1992 г. С. 10—37 // Архив ИМЭМО РАН.

На процессе складывания новой внешней политики России, отметил докладчик, со всей очевидностью сказывается происходящая внутри правящей элиты борьба составляющих ее группировок и личное соперничество лидеров. Отсюда в решающей степени вытекают просчеты, непоследовательность и противоречивость этой политики, которую легко критиковать «с любой точки зрения — с правой, с левой, с западной и с восточной». Но самым важным, по мнению Косолапова, является вопрос о направлении развития России — по какому пути она пойдет? «Должно сформироваться ныне фактически полностью отсутствующее национальное согласие по самым принципиальным вопросам общественной жизни, политики вообще, внешней — в частности», — подчеркнул докладчик.

Глубоко ошибочной, по его убеждению, является такая постановка вопроса, при которой Россия должна сделать внешнеполитический выбор между западным и восточным вектором своей внешней политики. Столь же ошибочным было бы противопоставление идеологии и национальных интересов.

Из доклада Н.А. Косолапова:

> «Ясно, что Россия должна ориентироваться и туда и сюда. Это задано нам географическим положением, и мы от этого никуда не денемся при любой политической системе.
>
> Должна ли внешняя политика исходить из идеологии или из национального интереса? По-моему, это тоже ложное противопоставление, потому что внешняя политика должна исходить из рационального, прагматического взгляда и на идеологию, без которой политики не бывает, и на интерес, без которого тоже хорошей политики не бывает.
>
> Должна ли это быть политика великой державы или политика страны, которая смирилась с тем, что ужимаются ее возможности, ужимается ее место и т.д.? Здесь главное — реалистическое осознание своих возможностей. Это должны сознавать как великая держава, так и невеликая. Реальная альтернатива — в другом. Например — сильная оборона как опора внешней политики или конверсия и разоружение? На мой взгляд, нужны все три составляющие. Нужна сильная оборона, которая, однако, сегодня без конверсии части военной промышленности и без мер по ограничению и сокращению вооружений, без структурной перестройки реально не перестроится.
>
> Как обеспечить оптимум? Вот в чем подлинный вопрос, но он требует профессионального подхода, требует времени, согласия и политической воли. Из всего этого вытекает следующий вывод: если не произойдет ни распада России, ни восстановления в какой-то форме СССР, то инкубационный период российской внешней политики, скорее всего, продлится до двухтысячного года...»

Далее Н.А. Косолапов остановился на анализе основных факторов, которые в обозримой перспективе будут определять формирование российской внешней политики, а также геополитическое положение России в мире. По его мнению, система международных отношений может развиваться по четырем основным вариантам: новая биполярно-антагонистическая система, основанная на идеологическом и военно-политическом противо-

стоянии США и Китая; однополярная авторитарная система, основанная на единоличном господстве США и утверждении американской исключительности; однополярная система, при которой США станут если не главным, то важнейшим инструментом в обеспечении международной безопасности и стабильности в мире, в котором «по-видимому, в ближайшей обозримой перспективе будут нарастать анархия и конфликтность»; демократическая система международных отношений, обеспечиваемая механизмами и процедурами ООН на основе согласия наиболее ответственных и влиятельных государств («концерт демократических государств»).

Для России наиболее предпочтительным был бы последний из перечисленных вариантов развития, но его реализация потребовала бы напряженных усилий. «Для России, — подчеркнул Косолапов, — категорически неприемлема авторитарная система международных отношений, которая была бы основана на активном утверждении Соединенными Штатами своей роли. Мало того, что она неприемлема психологически, она неприемлема и политически, потому что здесь мы вынуждены были бы вести какое-то соперничество при крайне неблагоприятном для России соотношении сил и ряда других факторов. Для России, на мой взгляд, нежелательна необиполярная система, которая основывалась бы на американо-китайском противостоянии, хотя вероятность такого противостояния мне представляется маловероятной».

Из всего этого вытекает, отметил Косолапов, что центральным императивом для российской внешней политики должна стать ориентация на формирование демократической международной системы, которая максимизировала бы параметры безопасности, стабильности, предсказуемости и международного правопорядка.

Говоря о роли и месте России как субъекта в будущей системе международных отношений, докладчик высказал сомнение, что Россия уже сделала какой-то выбор. Многое здесь напрямую зависело от того сценария, по которому пошло бы внутреннее развитие самой России. Принципиально важным при всех вариантах, подчеркнул Косолапов, является вопрос о том, «удастся ли нашему российскому обществу обуздать собственное государство и поставить его под контроль общества и на службу обществу. Или общество и впредь будет оставаться в рабстве у государства независимо от того, какое это рабство — в царской, самодержавной форме, социалистической государственной или в госкапиталистически демократической государственной... Именно этот вопрос будет решаться в предстоящие годы, особенно до 95-го года, и именно этот вопрос определит состав социальной элиты, конституционный строй, структуру интересов вообще и внешних в частности, особенности политического и внешнеполитического процесса, т.е. все основные факторы, от которых зависит будущая политика России».

Геополитическое положение России, по мнению Косолапова, характеризуется возросшей изоляцией от мира. Россию от Европы отделил пояс молодых независимых государств. Сложнее стало с выходами к морям и портам. Страна оказалась в стороне от основных международных авиа-

трасс и линий связи, а также от обменов крупными массивами информации. Преодоление этой объективно возникшей изоляции потребует значительных материальных усилий и времени.

Утрата бывших союзных республик ослабила общий экономический потенциал России, хотя она и остается одной из двух ведущих мировых ядерных держав. Наряду с острой необходимостью ускоренного экономического развития перед Россией стоит и задача подтверждения своего статуса ядерной сверхдержавы. При этом важно не допустить повторения ошибки СССР, когда военная экономика буквально «съедала» мирную экономику, что тормозило развитие страны и определяло низкий жизненный уровень населения.

Существующий разрыв между масштабами геополитического пространства России и реальными возможностями его материального освоения, существенно сократившимися после 1991 г., сохранится на всю обозримую перспективу, что объективно усиливает ее стратегическую уязвимость. Прежние преимущества, даваемые обладанием огромной территорией с разнообразными природными ресурсами, в перспективе будут превращаться в возрастающее препятствие территориально-экономическому и социальному развитию. «В долговременной перспективе, — подчеркнул Косолапов, — это чревато самой серьезной угрозой национальной безопасности и территориальной целостности страны, потому что рано или поздно в международных отношениях будет поставлен вопрос об ответственности государства за социально-эффективное использование этих территорий, природных ресурсов, интеллектуального и трудового потенциала, которыми это государство распоряжается».

Все это должно послужить важным аргументом для руководства России в пользу проведения миролюбивой политики, как на западном, так и на восточном направлениях.

В целом же, резюмируя свои размышления на тему национальной безопасности и внешней политики России, Н. Косолапов предложил следующую формулу: «национальная безопасность через внутреннее развитие и через активное включение в этих целях в процессы международного сотрудничества и мирового развития».

В своем докладе Косолапов затронул и проблему духовной сферы политики. «Ключевых вопросов здесь два, — отметил он. — Какие идеологии будут стоять за политикой, и на какое самосознание нации будет эта политика опираться. Особенность момента сейчас, с точки зрения этого критерия, заключается, на мой взгляд, в том, что... фактически происходит мазохистское культивирование комплекса исторического неудачника — очень опасное, потому что оно развивается стихийно, потому что является реакцией не на свойства и качества самой России, а на выдвижение и преследование иллюзорных нереалистических целей и задач, и может привести к формированию новых комплексов, выдвижению новых химер». На почве таких опасных настроений, по мнению Косолапова, нельзя полностью исключать возможности прихода к власти в России представителей реакционных сил.

В завершение выступления Н. Косолапов сформулировал свое видение места и роли России в современном мире.

Из доклада Н.А. Косолапова:

«...Россия должна признать себя самостоятельной, цивилизационной ценностью, каковой она объективно и является. Сторонники сближения с Западом, мне кажется, игнорируют, и напрасно игнорируют объективную специфику, особенность России, ее истории, ее политического пути, ее культурного наследия. Дело ведь не в том, чтобы отрицать или, наоборот, абсолютизировать и боготворить эту специфику. Речь идет о том, как совместить эту специфику, которая есть и от которой мы никуда не денемся, как бы мы на нее ни смотрели, как ее совместить с интересами, с нуждами и с целями развития.

На мой взгляд, изживает себя подход, связанный с понятиями державности, потому что этот подход, прежде всего, диктует примат государства над обществом и человеком и обязанность и общества, и человека принимать государственное господство над собой как высшее благодеяние; мне кажется, категория державности изживает себя еще и потому, что она неразрывно связана с категорическим нежеланием считаться с другими государствами, особенно слабейшими и меньшими...

Мысль о том, что Россия — мост или посредник между Востоком и Западом, обрекает нас на перманентное социально-историческое обезьянничанье, обрекает нас на ущербность и закомплексованность.

Сегодня, пожалуй, нужно сделать неудобный политический вывод. Можно взять и нужно брать из-за границы технологии промышленного производства, организацию экономики, общественной жизни и т.д. Все это необходимо. Но невозможно превратить российскую цивилизацию в нечто иное, нежели она есть на самом деле. И пережитый нами системный кризис последних лет — это кризис становления и окончательного внешнего оформления российской цивилизации, кризис начала осознания ею самой себя в рациональных и прагматических категориях и понятиях. И, на мой взгляд, этот переживаемый нашим обществом кризис — часть общемирового процесса, потому что на смену идентификации категории национальности, категории национального государства в большом историческом масштабе идет идентификация в категориях культуры, в категориях цивилизации.

Есть западный мир, который уже считает себя культурно единым целым. Формируется мусульманский мир. Есть мощная индийская цивилизация. Есть мощная цивилизация, которую можно называть китайской или юго-восточно-азиатской. Очевидно, будущее международных отношений, если мерить его категориями 50—70-летней давности, — это не только отношения между государствами (они никуда не денутся), но это и формирующиеся поверх них многообразные отношения между цивилизациями. И вопрос здесь стоит о цивилизационном союзе для России на стратегическую перспективу, на перспективу многих десятилетий. Такой цивилизационный союз не может мыслиться в военно-политических категориях. Целью цивилизационного союза должно быть развитие, развитие каждого, рациональное использование земных ресурсов в интересах социума и человека.

России на видимую перспективу, по-видимому, следует преодолеть рациональный страх перед экономикой Китая, потому что здесь будут дру-

гие сценарии, а не примитивная экспансия; одновременно не обманывать себя, что мы превратимся во второй Запад или присоединимся к нему. Для России стратегическая, очень рациональная и прагматическая роль в целом и роль ее внешней политики, в частности — это способствовать формированию союза трех цивилизаций: западной, российской и китайской в интересах международной стабильности и безопасности и в целях их общего мирового развития».

Доклад вызвал множество вопросов и замечаний, на которые Косолапов дал соответствующие разъяснения. Неоднозначные оценки у отдельных членов Ученого совета вызвало утверждение докладчика о Беловежских соглашениях как об исходном пункте новой внешней политики России, а также его размышления о российской цивилизации. Дискуссия возникла и по поводу предложенных докладчиком возможных моделей систем международных отношений. Одни выступающие критически оценили возможность утверждения в мире однополярной системы, другие — скептически отнеслись к перспективе установления модели демократической.

Отвечая на вопрос А.Г. Арбатова о том, в чем он видит главный внешнеполитический интерес России, а также риски и опасности для ее внешней политики, Н.А. Косолапов обратил внимание на главенствующую роль внутриполитического фактора — сценария, по которому пойдет внутреннее развитие самой России.

Как будут развиваться отношения России с бывшими союзными республиками? В этом смысле, по его мнению, главная угроза исходит от возможности ухудшения отношений России с государствами т.н. ближнего зарубежья. «Мне кажется, — отметил докладчик, — что главный интерес России состоит в обеспечении мирных условий для внутреннего развития... Надо сконцентрироваться на внутренних делах и, может быть, не гнаться за внешней политикой... На первый план я, безусловно, поставил бы все внутренние вопросы, а внешние отодвинул бы на задний план... 99% усилий России должно быть сконцентрировано на территории бывшего Советского Союза»[1].

Очень важно, как полагал Косолапов, не ввязываться в военные конфликты, которые могут возникать на постсоветском пространстве. Одновременно следует дипломатическими средствами всячески содействовать их мирному разрешению.

Тезис о приоритете для России ее отношений со странами СНГ и другими бывшими союзными республиками был поддержан многими выступавшими, в частности, д.э.н. М.М. Максимовой, которая отметила очевидную недооцененность Министерством иностранных дел значения СНГ в российской внешней политике.

Самыми важными, по мнению Максимовой, являются российско-украинские отношения, от которых будет зависеть климат в СНГ. «Если же, — подчеркнула Максимова, — мы будем здесь вести свои дела так, как мы это дела-

[1] Стенограмма заседания Ученого совета ИМЭМО РАН 23 октября 1992 г. С. 41 — 42а // Архив ИМЭМО РАН.

ем сейчас: ты мне — так, а я тебе — этак, а я тебе отключу газ и т.д., если мы будем проводить такую политику, то мы взорвем абсолютно все — не только отношения с СНГ, но и отношения с Западом»[1]. Между нашими отношениями с СНГ и отношениями с Западом существует очевидная взаимосвязь, отметила она. Любой вопрос — долгов, происходящий болезненный процесс разделения советского ВПК, стратегических и др. объектов — глубоко затрагивает и интересы Запада. Поэтому нам важно сделать Запад не противником, а своим союзником в урегулировании больных вопросов в СНГ. «Пока же, — заметила Максимова, — как мне кажется, Запад больше играет на этих противоречиях и выигрывает, нежели помогает нам в этом деле»[2].

Выступивший в прениях д.и.н. Б.М. Халоша также затронул проблему внешнеполитических приоритетов для России, поставив на первое место обеспечение «теснейшего экономического, политического и военно-политического союза с Западом»[3]. По его убеждению, Россия должна избегать всего, что может быть интерпретировано на Западе как угроза его интересам. С другой стороны, важно понять, что Запад не заинтересован во внутренней дестабилизации России. Запад заинтересован в создании «евроатлантического сообщества от Ванкувера до Владивостока», внутри которого совместными усилиями предотвращались бы военные конфликты и развивалось бы взаимовыгодное сотрудничество. «Нам надо подготовить серьезную разработку, взвесив все "за" и "против", для того чтобы заложить этот проект в качестве одного из основополагающих фундаментов новой политики России», — отметил Халоша. В этом смысле, подчеркнул он, «мы можем решить многие вопросы, связанные с подготовкой условий для вступления России в НАТО, как долговременной цели российской внешней политики»[4].

К.и.н. Ю.Ф. Олещук в своем выступлении обратил внимание на наблюдающуюся в российской элите смену настроений: с одной стороны, происходит освобождение от первоначальной идеализации Запада и неоправданно завышенных ожиданий гармонизации отношений с ним и щедрой помощи от него. С другой стороны, налицо крушение иллюзий от ожидания благодарности со стороны бывших союзных республик за благожелательную позицию России в отношении их суверенизации. «Подобная идеализация, — предположил Олещук, — по-видимому, была связана с качеством новых политических сил, которые возглавили Россию, с их неопытностью, быть может, с их общими идейными позициями, переоценкой значения общецивилизационных демократических принципов, за которыми и рядом с которыми все-таки стоят реальные интересы, реальные корысти, реальный эгоизм»[5].

Подобная смена настроений — от иллюзий к разочарованию и даже раздражению, исследование возможных политических последствий смены

---

[1] Там же. С. 121.

[2] Там же. С. 121—122.

[3] Там же. С. 123.

[4] Там же. С. 123—130.

[5] Стенограмма заседания Ученого совета ИМЭМО РАН 23 октября 1992 г. С. 131—132 // Архив ИМЭМО РАН.

данной парадигмы — требует, по мнению Олещука, от научных экспертов самого серьезного внимания. «Мне кажется, — завершил свое выступление Олещук, — что, помимо нашей воли, Россия будет втягиваться в этап более жесткой политики как в отношении Запада, так и ближнего зарубежья»[1].

При всем разнообразии мнений, прозвучавших на заседании Ученого совета, все выступавшие высоко оценили доклад Н.А. Косолапова, которому было поручено продолжить исследование формирующегося внешнеполитического курса России.

Месяц спустя, 20 ноября 1992 г., альтернативную точку зрения на внешнюю политику России представил на Ученом совете заместитель директора ИМЭМО, руководитель Центра развивающихся стран член-корреспондент РАН Нодари Александрович Симония[2].

По его мнению, неправомерно было бы сводить проблему национальной безопасности России к безопасности в военно-политической сфере, как это делалось во времена СССР. В новых условиях необходимо посмотреть на эту проблему шире, согласившись с тем, что оборонная политика составляет лишь один из элементов, пусть и очень важный, в обеспечении национальной безопасности России. При всех рассуждениях на эту тему, по убеждению Симонии, следует, в первую очередь, учитывать опасную неустойчивость внутреннего состояния России, перед которой стоит выбор между консолидацией и распадом. В этом смысле изменился сам порядок приоритетов. Надо признать очевидное — угроза для национальной безопасности России в настоящий момент исходит не извне. Она находится внутри, и все усилия необходимо сосредоточить на том, чтобы не допустить раскручивания в стране центробежных тенденций.

Современная концепция национальной безопасности, по мнению Симонии, должна включать в себя такие параметры, как экономическую и экологическую безопасность, а также правовую защищенность населения, на протяжении семидесяти лет подвергавшегося грубому давлению и даже репрессиям со стороны государства.

Что касается внешней политики после 1991 г., то она, как считает Симония, «была очень односторонней, ориентированной исключительно на Запад, а чтобы быть еще точнее — на Соединенные Штаты... Это, на мой взгляд, ошибка, потому что мы фактически потеряли свой статус державы, мы потеряли и лицо перед многими странами мира», но добились лишь снисходительно-покровительственного отношения к нам со стороны американцев, которые при этом не проявляют никакого желания хоть немного «потесниться на мировом рынке и дать нам нашу долю».

Столкновение с реальностью должно побудить Россию серьезно пересмотреть приоритеты своей внешней политики. На первый план этой политики, по убеждению Симонии, должны выйти отношения с ближайшими

---

[1] Там же. С. 136.

[2] *Н.А. Симония.* Внешняя политика России в контексте внутриполитической ситуации в стране. Текст доклада см.: Стенограмма заседания Ученого совета ИМЭМО РАН 20 ноября 1992 г. С. 3 — 27 // Архив ИМЭМО РАН.

соседями. «Я глубоко убежден, — подчеркнул докладчик, — что от того, как мы решим наши взаимоотношения с бывшими республиками Советского Союза, зависит все: и наши отношения с Западом (если брать их в перспективе), и наши отношения с Востоком. Как мы себя поведем здесь? Докажем ли мы, что действительно встали на путь демократизации, что хотим, как цивилизованная страна, вступить в мировое сообщество? Все это будет решаться именно на этом направлении. Это важно еще и потому, что от этого зависит и целостность российского государства».

Высказавшись за приоритетное для России значение отношений с бывшими советскими республиками, Н.А. Симония решительно заявил, что является «противником СНГ», в котором он видит исключительно механизм «более или менее цивилизованного бракоразводного процесса» между этими республиками. Отношения с ними Россия должна строить на двусторонней основе, отказавшись от построения каких-то многосторонних институтов.

«Почему на двусторонней основе, а не в рамках, допустим, СНГ? — задался риторическим вопросом Симония. — Да потому, что эти республики очень различаются по уровню социально-экономического развития. А раз так, то попытка объединить их в так называемом едином экономическом пространстве теперь будет означать только одно — что мы опять будем вешать на себя вериги, что мы опять будем непродуктивно тратить нашу российскую энергию и усилия для того, чтобы подтягивать эти районы за счет не экономических факторов, а за счет административно-политических факторов, т.е. опять дотация, опять помощь, опять истощение ресурсов России. И мы оттянем реформирование нашей экономики еще на несколько десятков лет».

Вторым приоритетом российской внешней политики Симония назвал необходимость поворота лицом к Азиатско-Тихоокеанскому региону, при этом важнейшим партнером России здесь должна стать Япония, а затем уже Республика Корея, но не наоборот. Национально-государственные интересы России, по убеждению Симонии, в том числе жизненная необходимость развития запущенных пространств Восточной Сибири и Дальнего Востока, требуют полной нормализации ее отношений с Японией. Без привлечения капиталов из Японии, а также из Кореи, Китая, США и Австралии, без участия крупных международных банков трудно надеяться на успешное освоение Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Третьим приоритетом Симония назвал необходимость «возвращения России в Восточную Европу». Демонстративно уйдя оттуда, «мы совершили просто глупейшую ошибку». Тем не менее, по мнению Симонии, еще сохраняется потенциал для возобновления сотрудничества с Восточной Европой, и его надо использовать в интересах России.

Четвертый внешнеполитический приоритет — отношения с «третьим миром», который в новых условиях потерял прежнее значение «поля битвы» между СССР и США. Отказавшись от военно-политического противостояния с США и поддержки псевдосоциалистических режимов в «треть-

ем мире», что требовало от СССР значительных материальных затрат, Россия, по мнению Симонии, совершила другую ошибку — она попросту ушла оттуда, бросив на произвол судьбы своих вчерашних союзников в Африке, Азии и Латинской Америке. «Раз уж мы попали в Анголу, в другие страны, на Кубу, — отметил Симония, то зачем нам сейчас резко сворачивать и бросать этих партнеров? До сих пор в наших отношениях сохраняется элемент взаимной заинтересованности; мы могли бы это углубить, перестроить наши отношения на более экономические, на более коммерческие, на более взаимовыгодные, находя новые формулы. Дело в том, — продолжал он, — что наши бюрократы не хотят мыслить, не хотят потрудиться, чтобы создать иную модель взаимоотношений с этой группой стран, отличную от модели США, Германии и т.д. Зачем им трудиться, когда можно найти партнера на Западе, получив от него взятку?! Я хочу сказать, что наша бюрократия предпочитает иметь дело исключительно с долларовыми зонами. Этот факт не требует доказательства. Это достаточно очевидно».

Наблюдающийся уход России из «третьего мира» вызывает негативное отношение не только в развивающихся странах — недавних партнерах СССР, чувствующих себя обманутыми. Такой поворот с удивлением был воспринят и на Западе. «Если мы сегодня так легко расплевываемся со вчерашним нашим союзником, то почему не предположить, что завтра мы так же легко расплюемся и с новым союзником — американцами? — продолжал Симония. — Здесь встают вопросы этики, норм порядочности, наконец, всего нашего поведения...» Конечно же, на Западе восприняли такой поворот благосклонно, но не более того. Россия ничего от этого не выиграла, она не получила ни ожидаемого уважения со стороны Запада, ни равноправного партнерства с ним. Проявив очевидную нелояльность к «третьему миру», отметил Симония, Россия тем самым хотела засвидетельствовать свою лояльность к США, но она обманулась в своих ожиданиях.

Докладчик обратил внимание и на еще один аспект отношений России с «третьим миром», непосредственно связанный с российской экономикой — продажей оружия развивающимся странам. Руководствуясь идеалистическими представлениями, новое российское руководство сворачивает это направление сотрудничества с «третьим миром», чем наносит очевидный ущерб собственной экономике, переживающей не лучшие времена. На глазах сокращается поток поступлений валюты от продажи российских вооружений. Между тем оружие продают все развитые страны Запада и прежде всего США и Франция. «Прекращение нами продажи оружия, — подчеркнул Симония, — с удовольствием будет воспринято всем западным миром. Они займут наше место, что уже и происходит». Разумеется, добавил он, продажа оружия — вопрос деликатный, нельзя заниматься этим безоглядно и беспринципно; необходимо при этом думать и о собственной безопасности, чтобы наше оружие однажды не обернулось против нас самих и против мира в тех или иных районах.

В заключение своего выступления Симония с сожалением констатировал, что многие разумные внешнеполитические начинания, заявленные

при М.С. Горбачеве, после 1991 г. были преданы забвению или не получили развития. В этом смысле в подходе к вопросам национальной безопасности, по его мнению, наблюдается очевидный регресс.

Доклад вызвал оживленную дискуссию, в которой приняли участие 13 членов Ученого совета. При разнообразии высказанных мнений участники обсуждения сошлись в главном — важнейшим предварительным условием для формирования и проведения постсоветской Россией эффективной внешней политики является обеспечение целостности страны и консолидация государственной власти.

Обсуждение внешнеполитических проблем, стоящих перед Россией, было продолжено на заседании Ученого совета, состоявшемся 29 сентября 1993 г., на пике охватившего страну внутриполитического кризиса. Докладчиком вновь выступил Н.А. Косолапов, посвятивший свое выступление анализу стратегии Запада в отношении России[1].

Основная мысль докладчика состояла в том, что стратегия Запада в отношении новой России на данный момент находится в стадии формирования точно так же, как и внешняя политика самой России еще не оформилась в какую-то завершенную концепцию. Но уже сейчас можно сказать, что на формирование стратегии Запада оказывают влияние два основополагающих фактора: осмысление Западом значимости его отношений с новой Россией и степень совместимости утвердившихся в западном обществе либерально-демократических принципов с тем, что будет происходить в России после падения коммунистического режима.

Относительно первого фактора Н. Косолапов сформулировал предположение о том, что Запад, скорее всего, будет исходить из сугубо прагматических соображений. Его волнует один принципиальной важности вопрос — «необратим ли крах советской социалистической, коммунистической системы, силы и влияния прежнего Советского Союза, всего того, что сопутствовало прежней советской системе», можно ли надеяться на окончательный выбор России в пользу западной модели развития?

Этот прагматический подход предполагает озабоченность Запада собственной безопасностью, которую он рассматривает в глобальном масштабе. В этом смысле, по мнению Косолапова, для Запада принципиально важен «демонтаж того, что накопил за социалистический период Советский Союз и социалистическое содружество, всего, что может угрожать интересам и позициям Запада». Озабоченность этой стороной проблемы вытекает из невозможности извне контролировать то, что происходит в России.

Даже если предположить, что Россия пойдет по западному пути развития, то совершенно очевидно, что по многим параметрам она окажется аутсайдером в западном мире, способным ради защиты своих интересов нарушить сложившийся статус-кво. Именно поэтому Запад заинтересован в максимально возможном ослаблении реставраторских устремлений и тенденций в России. Это не означает заинтересованности и тем более

[1] *Н.А. Косолапов*. Новая Россия и стратегия Запада. Текст доклада см.: Стенограмма заседания Ученого совета ИМЭМО РАН 29 сентября 1993 г. С. 16 – 42 // Архив ИМЭМО РАН.

прямого участия Запада в разрушении России. Даже разрушение СССР не было делом рук Запада. «Мы все делаем своими руками», — подчеркнул Косолапов, отметив, что распад СССР был результатом логики внутреннего развития, а не внешнего воздействия. То же самое можно отнести и к России. Ее судьба — в наших, а не в чужих руках. «Поэтому говорить о том, что Запад здесь играет активную роль, пока не приходится, — отметил Косолапов. — Запад начнет ее играть тогда, когда фазы полураспада России зайдут гораздо дальше. Тогда, имея дело с большим количеством независимых и конфликтующих друг с другом субъектов, Запад объективно обретет гораздо большие возможности для политической игры, для экономических преимуществ и для всего, что угодно. Пока говорить о том, что Запад нас каким-то образом добивает, мне кажется, безосновательно».

Далее Косолапов предложил четыре возможных варианта западной стратегии («четыре потенциальных стратегии») в отношении России.

Первый вариант предполагает уверенность Запада в гарантировании своей безопасности в военном отношении. Такая безопасность обеспечивалась бы, с одной стороны, ограниченностью материальных возможностей России, поглощенной своими внутренними проблемами, и действием заключенных с нею (и с СССР) стратегических соглашений, с другой — отсутствием враждебности к Западу правящих в России политических сил.

Второй вариант «может сложиться тогда, когда Россия не будет представлять собой угрозу военной безопасности Запада», но своими внутренними проблемами создаст новые угрозы. «В этом случае, вкладывая что-то в Россию (в бывший СССР), — отметил Косолапов, — Запад мог бы снизить груз этих проблем. Но это требует уже некоторой уверенности в том, что эффект будет получен».

Третий вариант западной стратегии — игнорирование России в случае, если она сама отвернется от сотрудничества с Западом, если проводимые в ней реформы потерпят крах и если Запад осознает невозможность потенциального включения России в существующую систему мировой экономики и международных отношений.

Четвертый вариант исходит из признания Западом реальной возможности превращения России в государство западного мира и полноценного участника содружества развитых промышленных демократий. При таком сценарии откроются самые широкие возможности для западных капиталовложений — государственных и частных — в Россию.

На данном же этапе на Западе продолжаются дискуссии о том, следует ли помогать России, в каком объеме, каких формах и на каких условиях? Здесь, по мнению Косолапова, прослеживаются три подхода, три позиции.

Первая позиция, на которой стоит ФРГ, предполагает безусловную помощь России в пределах практических возможностей Запада. Правда, возможности эти объективно ограничены. Та же ФРГ вынуждена вкладывать очень крупные средства в новые восточные земли, и этот процесс продолжается. Объем уже вложенных средств намного превысил первоначальные расчеты. Столкнувшись с реальностью, Запад отрезвел от недав-

них иллюзий, когда полагал, что после смены режимов на востоке Европы и оказания новым властям помощи все там пойдет само собой.

Вторая позиция более сдержанная. Помогать необходимо, но избирательно, с учетом возможных рисков и на определенных условиях, с возможностью влиять на внутренние процессы в странах-реципиентах этой помощи. Объем предоставляемой помощи напрямую зависит от успешности проводимых в этих странах структурных реформ. Такой подход присущ США, Англии, Франции, а также МВФ и Всемирному банку.

Третья позиция — не помогать вообще. Такой подход постепенно набирает силу, особенно в США, где наиболее сильно влияние внутриполитического фактора — очередные или промежуточные выборы и т.д.

Из всего сказанного Косолапов сделал следующий вывод: «Многое зависит от нас самих. Не все, конечно, но многое зависит от того, как повернется ход дел у нас, в России, и в бывшем Советском Союзе в целом. Если здесь произойдет какой-то сдвиг в сторону реальных реформ, нормализации обстановки и начала работы по созиданию, естественно, упор стратегии Запада будет один. Если этого не будет, тогда не исключено сползание на те траектории или игнорирование России, или того, чтобы отделываться минимальной ценой от проблемы помощи, — не исключено на этой траектории...

Мне кажется, что в целом на Западе доминирует понимание того, что политику по отношению к России целесообразно пока определять совместно... Конечно, здесь были и всегда будут нюансы в конкретных позициях Америки, с одной стороны, Европы — с другой, Японии — с третьей.

Мне кажется, что сейчас все еще прослеживается разграничение, с одной стороны, между задачами демонтажа коммунистического наследия, а с другой стороны, задачами созидания чего-то нового, посткоммунистического, не антизападного. И доминирует пока объективно функция демонтажа. Ее конечная цель — это невозможность или максимально низкая вероятность возрождения коммунистической системы СССР или какого-то подобного образования с прежними возможностями, прежде всего военно-силовыми возможностями... Эта фаза объективно в наибольшей степени затрагивает Россию как базу и правопреемницу бывшего СССР, его главную материальную составляющую».

Демонтаж коммунистического наследия, с точки зрения интересов Запада, по мнению Косолапова, предполагает решение нескольких основных задач.

Из доклада Н.А. Косолапова:

> «Я бы определил эти задачи так: политический, военный (если у нас здесь все пойдет в неблагоприятном для Запада направлении) отрыв Восточной Европы от прежнего СССР и от России; раздробление и сокращение сухопутного военного потенциала, который был развернут в бывшем СССР; сокращение договорными политическими средствами этого потенциала, прежде всего стратегического; исключение возможности его быстрого восстановления в случае нового витка конфронтации; предотвра-

щение расползания ядерного оружия по территории СССР; максимальное снижение политическими (я подчеркиваю) договорами и способами той угрозы, которая могла бы исходить для Запада с территории бывшего СССР; поддержка, стимулирование всех тех мер, которые затрудняли бы и препятствовали возрождению коммунистической системы в России и бывших странах соцсодружества...

Параллельно всему перечисленному — наращивание широкого арсенала средств потенциального давления на Россию просто про запас, на перспективу, если понадобится... Эта фаза демонтажа советского коммунистического наследия начнет сворачиваться Западом тогда, когда там сочтут достаточными гарантии против реставрации коммунизма, либо когда дальнейшее ограничение российских возможностей станет приобретать опасно дестабилизирующие последствия внутри самой России, либо когда реальное и масштабное участие России понадобится самому Западу в решении его других вопросов.

Параллельно с этим наблюдаются определенные действия Запада по поддержке реформ и преобразований в России...

Но уже сейчас ясно, что нельзя принимать декларации за истинную суть политики. Уже сейчас ясно, что Запад интересует в России не столько победа демократии, победа какой-то модели процветающей экономики, сколько просто спокойствие, наличие у нас такого режима, который не дал бы возможности выплеснуться за пределы российских границ тому, что может представлять угрозу для Запада в целом и для отдельных его компонентов, прежде всего европейского, в частности.

Мне кажется совершенно несостоятельной точка зрения, что Запад сознательно добивает Россию. Запад не заинтересован в исчезновении России ни как политической единицы, ни как великой державы. Другое дело, что Запад заинтересован в том, чтобы иметь на эту державу рычаги давления, чтобы иметь эту державу в своем активе, а не в пассиве и даже не в нейтралах.

Мне кажется, что даже в случае успеха преобразований в России нельзя считать, что нам гарантирован легкий допуск в мировую экономику и в клуб западных держав. Япония оказалась в этом клубе не потому, что она такая хорошая, а потому, что она туда пробилась, потому что она создала такой экономический потенциал, который нельзя игнорировать. Нас могут приглашать на какие-то встречи, но для того, чтобы всерьез войти в этот клуб и превратить "семерку" в "восьмерку", надо создавать соответствующий материальный потенциал... надо быть тем нападающим, который борется за место под солнцем, борется агрессивно и очень напористо...

Мне кажется, что в целом, если говорить о том, в какой России заинтересован Запад, то он заинтересован в создании и в международной сфере того, можно сказать, среднего класса, который он создал у себя дома. Точно так же как спокойствие, стабильность, правовые основы, цивилизованный образ жизни западного общества держатся на массовом среднем классе, так и нормальная международная система тоже может держаться только на наличии слоя достаточно благополучных государств. И в этом смысле Запад заинтересован в том, чтобы Россия входила в число таких государств как минимум, чтобы она вместе с Западом играла бы в одном оркестре — как максимум. Но пока говорить об этом еще преждевременно».

В завершение своего выступления Косолапов сформулировал важный тезис: «Чего ожидать от Запада, и какой в перспективе будет его стратегия в отношении России — во многом зависит от нас самих».

Поскольку среди экспертов ИМЭМО было много споров по проблеме СНГ и относительно перспектив существования этого межгосударственного объединения бывших советских республик, было решено заслушать на Ученом совете специальный доклад на эту тему.

С таким докладом 26 октября 1994 г. выступила к.и.н. Елена Дмитриевна Волкова, заведующая сектором в отделе международно-политических проблем[1].

По ее мнению, из всех направлений внешнеполитического курса России самым невнятным и противоречивым являются ее отношения с бывшими советскими республиками. «В самом общем виде российскую политику в СНГ отличает одна функциональная, организационная и концептуальная неопределенность, — отметила Волкова. — В организационном плане мне до сих пор (и думаю, что и многим коллегам, которые изучают внешнюю политику России в ближнем зарубежье) не ясно, кто все-таки формирует эту политику — президент и его администрация, министр иностранных дел или министр обороны, Совет безопасности или Комитет по экономическому сотрудничеству со странами ближнего зарубежья».

Функциональная неразбериха, неопределенность и непоследовательность действий усугубляется отсутствием четко обозначенных внешнеполитических целей и приоритетов. «До сих пор остается неясным, — продолжала Волкова, — в чем заинтересована Россия... каковы ее интересы в ближнем зарубежье, что она хочет получить, развивая отношения с отдельными странами и регионами этого большого пространства бывшего Советского Союза или поддерживая отношения в рамках Содружества независимых государств. Налицо отсутствие единой концепции курса, отсутствие согласованной политики в сопредельных странах и регионах. Часто все это трактуется с точки зрения сиюминутных интересов и далеко не политических и не научных, а, скорее, корпоративных или корыстных».

Положение усугубляется непрофессионализмом и неопытностью кадров, приобщившихся в большой политике в критический момент российской истории. Этим людям бывает трудно понять происходящие процессы, в частности, трансформацию и без того сложных отношений внутри бывшего Союза в отношения межгосударственные. Здесь следует быть предельно внимательными и осторожными, учитывать весь тот груз прошлого, который лежит на отношениях между вчерашними союзными республиками.

Ответственность за неблагополучное положение дел в СНГ несет не только политическое руководство России, но и руководители молодых суверенных государств. «Создавая Содружество, — подчеркнула в своем выступлении Е. Волкова, — никто не подумал, какие сложности и труд-

[1] *Е.Д. Волкова*. Политика России в СНГ. Текст доклада см.: Стенограмма заседания Ученого совета ИМЭМО РАН 26 октября 1994 г. С. 11 – 37 // Архив ИМЭМО РАН.

ности могут возникнуть между республиками в новых геополитических условиях. Никто не подумал о том, как согласовать подходы различных стран. Документы, принятые при создании Содружества, да и последующие документы, представляли собой не что иное, как декларации о намерениях. В них не были заложены ни механизмы их внедрения в жизнь, ни механизмы согласования позиций между участниками СНГ».

При этом, однако, ответственность российского руководства за положение дел в СНГ намного выше, чем у руководителей других стран — участниц Содружества. «Масштабы России, степень ее влияния на события столь огромны, — отметила Волкова, — что любые ошибки или объективные сложности неизбежно выдвигают ее на первый план, придают действиям ее лидеров особую ответственность за то, что происходит в СНГ».

Приложив немалые усилия по разрушению старого строя, олицетворением которого был Советский Союз, молодая российская демократия, как подчеркнула докладчица, оказалась неспособна к конструктивному действию ни в большой международной политике, ни в ближнем зарубежье. Новая правящая элита не сумела обеспечить общественный консенсус по вопросам внешней политики в целом и в отношении ближнего зарубежья в частности. Без осознания стратегических и непосредственных целей и интересов в СНГ политика России здесь обречена на провал, а само Содружество — на распад.

В своей политике в СНГ, по мнению Волковой, Россия должна исходить из нескольких базовых принципов: защита своей территории, населения и существующего государственного устройства; обеспечение благосостояния страны и ее народа; создание вокруг себя благоприятного международного окружения; содействие утверждению тех ценностей, которые являются основополагающими для успешного развития и процветания государства. Здесь важно не выстраивать неизменные приоритеты между этими принципами, а исходить из того, какие из них в тот или иной момент выдвигаются на первый план. Так, например, «если в какой-то момент создается угроза территории и ее населению, причем населению внутри страны, а не вне ее, или международному порядку, то, может быть, задача обеспечения благосостояния отходит на второй план».

В завершение своего выступления Е. Волкова поставила вопрос о том, «какой международный порядок в ближнем зарубежье Россия могла бы или хотела иметь».

Ею было предложено четыре умозрительных варианта: дистанцирование от бывших союзных республик; их объединение в унитарное, федеративное или конфедеративное государство под своей эгидой; кооперационное сотрудничество с ними; интеграция по модели ЕС.

Отклонив первые два варианта как маловероятные, Волкова остановилась на третьем и четвертом. Наибольшие шансы и перспективы, на ее взгляд, имеет кооперационное сотрудничество, которое должно выйти из двусторонних рамок, в которых оно сейчас развивается, на многосторонний уровень.

Что касается развития СНГ по пути интеграции европейского типа, то здесь, по убеждению Волковой, «ни Россия, ни другие страны, к сожалению, не готовы ни к полномасшабной, ни даже к частичной интеграции по той простой причине, что экономически они не достигли уровня, необходимого для подлинной интеграции; о политической интеграции вообще говорить не приходится, так как страны СНГ даже морально к этому не готовы».

«Таким образом, — завершила выступление Волкова, — в рамках Содружества и применительно к российской внешней политике мы находимся в патовой ситуации. Настал момент, когда Россия и все страны Содружества должны принять какое-то совершенно определенное решение. Медлить больше нельзя. Точку возврата мы уже давно прошли. Если не будет определен курс Содружества, как и в целом курс российской внешней политики, то СНГ просто развалится. В этом случае геополитические последствия, прежде всего для России, будут катастрофичными».

Проводившиеся в первой половине 1990-х гг. на Ученом совете обсуждения по вопросам внешней политики новой России продолжались в формате ситуационных анализов по отдельным проблемам, а сделанные по их результатам выводы и рекомендации направлялись в Администрацию Президента, Совет безопасности и Министерство иностранных дел Российской Федерации.

К сожалению, эти документы не сохранились в архиве ИМЭМО, и спустя почти четверть века трудно с достоверностью говорить о том, какие конкретные рекомендации давал Институт высшему государственному руководству. Но о направленности таких рекомендаций в целом можно судить и по сохранившимся стенограммам обсуждений на Ученом совете.

Известно и другое. В период двоевластия в стране (1992—1993) и почти до конца президентства Б.Н. Ельцина (1999) не допущенным в Белый дом и Кремль экспертам было трудно пробиться наверх со своими аналитическими разработками и рекомендациями. Во всяком случае, для экспертов ИМЭМО в описываемое время это стало гораздо труднее, чем при прежнем режиме.

Глава 14

ВРЕМЯ ВЫЖИВАНИЯ

«Финансы поют романсы»

Первым следствием начатой в январе 1992 г. политики «шоковой терапии» было массовое закрытие промышленных предприятий и государственных учреждений по всей стране, а также резкое сокращение (или даже полное прекращение) финансирования бюджетных организаций. Хроническим явлением стали перебои с выплатами зарплаты, которая задерживалась на месяцы — до полугода и более. В сочетании с невиданным прежде ростом цен все это вызвало обвальное падение жизненного уровня населения.

Буквально вся страна забаррикадировалась решетками на окнах домов и стальными дверями подъездов и квартир, что отражало всеобщий страх перед разгулом преступности. У входов многих учреждений и организаций появились одетые в армейский камуфляж охранники, зачастую вооруженные помповыми ружьями и травматическими пистолетами. К концу 90-х гг. общее число этих молодых людей из ЧОПов превысит численность российской армии. Сотрудники милиции, месяцами не получавшие жалованья, в массовом порядке отдавали предпочтение охране банков и обменных пунктов валюты, наряду (или вместо) выполнения своих прямых обязанностей.

В крайне тяжелом положении оказались институты Российской академии наук, откуда начался массовый исход научной молодежи, устремившейся в поисках лучшей жизни в сферу бизнеса или за границу. В это время начинают возникать — часто на пустом месте — многочисленные коммерческие высшие учебные заведения, настойчиво предлагавшие всем желающим на платной основе, не обременяя себя утомительной учебой, получить дипломы самых востребованных на тот момент профессий: юристов или экономистов. Самым успешным из новых образовательных проектов стала созданная в 1992 г. при активном содействии некоторых министров правительства Гайдара Высшая школа экономики («Вышка») — впоследствии Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ). Туда, а также в другие коммерческие вузы поспешила перейти на преподавательскую работу наиболее дальновидная и предприимчивая часть сотрудников академических научных центров.

В условиях острого бюджетного голода, угрожавшего утратой уникального, создававшегося десятилетиями интеллектуального кадрового потенциала, перед руководством ИМЭМО встал вопрос о выживании Института, о его дальнейшей судьбе. Перед лицом начинавшейся «утечки мозгов» надо было решить — уйти в самостоятельное плавание по штормящим водам рыночной экономики, т.е. выйти из системы РАН и попытаться стать независимым исследовательским центром, или остаться в академической системе в ожидании лучших времен, когда власть все же вспомнит о науке.

Существовала и возможность создания на базе ИМЭМО научно-образовательного высшего учебного заведения (университета) по типу НИУ ВШЭ. Для этого Институт располагал необходимыми кадрами высшей квалификации в области мировой экономики и политики, что позволяло бы ему давать студентам знания на уровне новейших достижений мировой экономической науки и политологии. Немаловажным было и то обстоятельство, что ИМЭМО располагал собственным двадцатиэтажным зданием, чего, как правило, не имели возникавшие тогда новые вузы, вынужденные тратить на аренду помещений значительные финансовые средства, разумеется, из кармана студентов, а вернее, их родителей.

Правда, выбор в пользу независимого статуса ИМЭМО был связан с серьезными рисками и потерями. Во-первых, Президиум РАН мог оспорить права ИМЭМО на занимаемое здание в случае выхода Института из академической системы. Во-вторых, не было никаких гарантий успешного и продолжительного существования независимого ИМЭМО в условиях непредсказуемой рыночной стихии после полного прекращения его финансирования из госбюжета. Наконец, выбор независимости означал радикальное сокращение численности научных сотрудников с нескольких сотен до трех-четырех десятков человек, что приближалось бы к оптимальной численности аналогичных зарубежных исследовательских центров. Подавляющее же большинство «лишних» сотрудников в этом случае неизбежно оказалось бы на улице. Могла ли Дирекция ИМЭМО так поступить с теми, кто многие годы жизни отдал Институту? Разумеется, нет.

Поэтому выбор был сделан в пользу сохранения ИМЭМО в системе Российской академии наук. «Из того, что удалось сделать, — вспоминал впоследствии бывший в 90-е гг. директором ИМЭМО академик В.А. Мартынов, — главное относится к деятельности самого Института — не допустить его развала, что, к сожалению, случилось с рядом научных организаций, сохранить его научный костяк и высокое научное качество нашей работы»[1].

Этот научный костяк был представлен докторами наук, известными в России и за рубежом учеными, создавшими свои научные школы. Большинство из них уже перешагнули шестидесятилетний рубеж и, строго говоря, считались пенсионерами, но их потенциал был еще далеко не исчерпан, а в условиях оттока молодых научных кадров этот потенциал был поистине невосполним. Поэтому в своей кадровой политике В.А. Мартынов, как

[1] Запись беседы с В.А. Мартыновым 11 февраля 2003 г.

директор Института, сделал ставку на ученых старшего поколения. Одновременно он всеми средствами старался удержать в Институте молодых перспективных специалистов, хотя это, по объективным причинам, удавалось ему в меньшей степени.

В апреле 1992 г. на Общем собрании научного коллектива был принят новый Устав ИМЭМО РАН, определивший его статус, структуру, систему управления и задачи. «Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО), — говорилось в первом пункте Устава, — является структурным звеном Российской академии наук; на него распространяются все права и обязанности, предусмотренные Уставом РАН для научно-исследовательских институтов Российской академии как ее основных составных частей. Главная цель ИМЭМО состоит в проведении фундаментальных исследований, разработке инициативных предложений, рекомендаций для практического использования и научных прогнозов в области мировой экономики и международных отношений, системы мирохозяйственных связей, мирового цивилизационного процесса, экономических, социальных и политических процессов в современном мире, национальной безопасности и национальных интересов России»[1].

В Уставе (п. 4) подчеркивалось, что ИМЭМО самостоятельно решает экономические, социальные и организационные вопросы своей деятельности. «Экономической основой деятельности ИМЭМО, — гласил п. 5 Устава, — является базовое финансирование из бюджета РАН; целевое финансирование научных программ, выдержавших конкурс проектов, тем и инициативных разработок; средства от договорных работ, экономической (в том числе внешнеэкономической) деятельности, соответствующей профилю ИМЭМО, а также от добровольных взносов и даров».

Возросшее значение по новому Уставу приобретал Ученый совет Института, становившийся, наряду с Дирекцией, важнейшим инструментом управления текущей работой научного коллектива. Высшим же органом принятия решений в ИМЭМО объявлялось Общее собрание трудового коллектива либо конференция научных сотрудников.

«Директор ИМЭМО, — согласно п. 20.4, — избирается Общим собранием Отделения проблем мировой экономики и международных отношений тайным голосованием сроком на пять лет из числа кандидатур, поддержанных научным коллективом ИМЭМО. Если избрание не состоялось, бюро Отделения с учетом мнения научного коллектива ИМЭМО назначает исполняющего обязанности директора и проводит новые выборы не позднее, чем через два года».

Должность директора, его заместителей, а также руководителей структурных подразделений могли занимать лица до достижения ими 70-летнего возраста. На директора Института Устав возлагал руководство Фондом социальной защиты ученых, учрежденным для дополнительной материальной поддержки научных сотрудников ИМЭМО.

---

[1] Устав Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук (апрель 1992 г.). С. 1 — 12 // Архив ИМЭМО РАН.

Окончательно определившись со статусом ИМЭМО, Дирекция во главе с членом-корреспондентом РАН В.А. Мартыновым[1] сосредоточилась на решении острых вопросов обеспечения жизнедеятельности Института: заработная плата сотрудников, расходы на возросшее налогообложение, закупка для библиотеки новейшей литературы и периодических изданий — отечественных и зарубежных, публикация подготовленных научных трудов — монографий, сборников статей и т.д. Эта изнурительная работа, которую без преувеличения можно было назвать борьбой за выживание, велась изо дня в день в течение многих лет. Особенно трудно было в первой половине 1990-х, в условиях галопирующей инфляции, которая мгновенно обесценивала скупо и нерегулярно выделяемые из бюджета деньги, а также привлеченные Институтом дополнительные средства — плату за аренду сдаваемых помещений, гранты и т.д.

Обсуждение текущего финансового положения ИМЭМО стало едва ли не постоянной темой заседаний Дирекции и Ученого совета. При этом каждый раз оказывалось, что прогнозировать выделение Институту бюджетных средств практически не представлялось возможным. Финансирование, сократившееся до 30 — 40% (в сравнении с 1989 — 1990 гг.), осуществлялось поквартально и зачастую с опозданием. Поиски дополнительных источников финансирования стали хронической головной болью для работников планово-финансового отдела ИМЭМО, который с 1994 г. курировал А.Г. Лисов, назначенный заместителем директора Института. Выход нашли в том, чтобы сдавать в аренду имеющиеся у Института площади[2], а также в аккумулировании и распределении отечественных и зарубежных грантов. Главная забота Дирекции в то время состояла в том, чтобы материально поддержать сотрудников Института — как научных работников, так и вспомогательный персонал. Такая поддержка осуществлялась в виде доплат к зарплате, а также дотаций на питание.

Для иллюстрации напряженности в этом вопросе можно привести выдержки из стенограмм двух заседаний Ученого совета — в 1993 и 1994 гг.

Из выступления В.А. Мартынова на Ученом совете 17 марта 1993 г.[3]:

> «Я хотел бы проинформировать о нашем финансовом положении. Институт должен получить разницу за I квартал 31,8 млн рублей. В феврале нас финансировали из расчета 8,8 млн рублей. Тогда мы истратили на заработную плату и на все остальные статьи расходов 22 млн рублей, из которых из государственного сектора мы получили примерно треть. Мы вынуждены были израсходовать резервы, влезли в некоторые расходы вперед. Эти расходы в феврале распределялись следующим образом: 3,5 млн руб. мы доплатили в виде расходов на питание каждому сотруднику; 1,5 млн — дотации

---

[1] В 1994 г. В.А. Мартынов будет избран действительным членом РАН. — *П.Ч.*

[2] Одним из первых крупных арендаторов площадей в здании ИМЭМО был ЗАО «Концерн "ОЛБИ"», возглавлявшийся О.В. Бойко. «ОЛБИ» арендовал там помещения вплоть до своего финансового краха в 1995 г.

[3] Стенограмма заседания Ученого совета ИМЭМО РАН 17 марта 1993 г. С. 12а — 14 // Архив ИМЭМО РАН.

ученым; 9,3 млн — заработная плата; 3,3 млн — налоги на зарплату; примерно 1,5 млн — наши хозяйственные расходы. Только за отопление здания мы вынуждены были заплатить 1 млн рублей. Мы находимся в сложном положении. Тем не менее, Дирекция посоветовалась с местным комитетом о том, как израсходовать ожидаемые 31 млн руб. Мы предлагаем каждому сотруднику выдать по дополнительной месячной зарплате...

Президиум Академии наук обратился в Правительство с предложением установить для работников высшей школы, имеющих ученые степени и звания, повышение зарплаты до 50% по отношению к окладам предприятий действующего сегодня разряда Единой тарифной сетки оплаты труда. Пожелание это хорошее, но денег нам пока не дают. Для того чтобы выполнить это поручение, нам нужно не 9 млн руб., а где-то около 15 млн. К этому следует добавить налог в размере примерно 6 млн руб. А это уже в сумме получается 21 млн руб., которые мы должны иметь на заработную плату.

Нам непонятно, каким будет финансирование в апреле. Можно полагать, что оно будет примерно 18 млн руб., т.е. даже выше того, что мы тратили в это время. Тем не менее, я полагаю, что с учетом всех доходов Института мы можем пойти на это. Планово-финансовый отдел уже занялся этой работой...

При этом было бы желательно избегать уравниловки, чтобы все получали независимо от того, как они работают. Прибавки должны касаться тех кандидатов и докторов наук, кто реально работает в Институте».

Из выступления В.А. Мартынова на Ученом совете 26 октября 1994 г.[1]:

«... Я хотел бы сказать два слова о финансовом положении нашего Института, который сейчас проверяет Налоговая инспекция. Напряженное состояние продолжается. Большая нагрузка легла на плечи А.Г. Лисова и Р.Ф. Булкиной, проделавших огромную работу по выходу из положения, при котором нам грозил штраф в размере 2 млрд рублей...

Как вы знаете, в прошлом году Академия оплачивала примерно 30% наших расходов. Несмотря на то, что в этом году Академия несколько увеличила оплату, в связи с ростом цен и расходов на содержание Института, все равно такая поддержка не превышает 40%. Но поступление этих денег от Академии наук идет весьма нерегулярно. В этом месяце, например, мы еще ничего не получили. Тем не менее, мы нашли возможность, в соответствии с решением Президента, с 1 октября повысить заработную плату в 1,4 раза. В начале этого года средняя зарплата у нас составляла примерно 150 тыс. рублей, в сентябре — уже 173 тыс., а в октябре она должна быть где-то 200—298 тыс. Это с учетом дотации на питание, которое получают все сотрудники в размере 35 тыс. руб. Теперь средняя заработная плата даже без учета дотации на питание составит примерно 250 тыс. рублей. Размер средней зарплаты колеблется от 100 тыс. до 490 тыс. рублей. Последняя цифра — это размер оплаты заведующих отделами Института, включая надбавку за докторские диссертации и руководство отделом. Примерно 25% сотрудников Института (по данным за прошлый месяц) получают гранты в размере от 70 до 120 тыс. руб. Сейчас мы думаем увеличить эту сумму до 150 тыс.

[1] Стенограмма заседания Ученого совета ИМЭМО РАН 26 октября 1994 г. С. 4—9 // Архив ИМЭМО РАН.

Институт выделил около 30 тыс. долларов на подписку газет и журналов. Мы вынуждены нести затраты также на оснащение своего издательского центра, выпускающего часть нашей продукции. На это дело мы выделили примерно 40 тыс. долларов в этом году и такую же сумму — на следующий год.

В предстоящем году Институт рассчитывает получить ряд контрактов. Я надеюсь, что те стипендии, которые получают 35 наших сотрудников, будут продлены. Это наиболее крупные наши специалисты. Надеюсь, что нам удастся продолжить контракт с Научным фондом фундаментальных исследований, что позволит еще целому ряду сотрудников получать примерно такую же зарплату, которую они получают у нас в Институте. Предполагается также, что базовая заработная плата без грантов возрастет в 1,4 раза».

Как уже отмечалось, с середины 1994 г. вопросами финансовой деятельности ИМЭМО занимался А.Г. Лисов, назначенный заместителем директора Института[1]. Под его руководством удалось не только стабилизировать, но и несколько улучшить финансовое положение ИМЭМО, несмотря на сохранявшуюся общую неблагоприятную экономическую конъюнктуру. Именно ему с 1995 г. поручалось информировать Ученый совет о финансовом положении Института. Свой первый доклад на эту тему он сделал 27 сентября 1995 г.

Отметив резкое повышение с начала года стоимости коммунальных услуг, Лисов проиллюстрировал это несколькими конкретными цифрами. «Для нас, — сказал он, — с начала года на отопление здания цены выросли в 40 раз, на электроэнергию — в 5 раз, на телефонную связь — в 2 раза, на водоснабжение — в 1,4 раза, на почтовые услуги — в 1,4 раза». Продолжающаяся инфляция съедала все накопленные Институтом ресурсы, создавая серьезную угрозу его финансовой устойчивости.

Из выступления заместителя директора ИМЭМО А.Г. Лисова на Ученом совете 27 сентября 1995 г.[2]:

«Несмотря на то, что мы до сих пор не отправляли сотрудников в неоплачиваемые отпуска, как было во многих других учреждениях науки и образования, вовремя получали зарплату с надбавками, выполняли все распоряжения правительства об увеличении оплаты труда сотрудников бюджетной сферы, причем делали это исключительно за счет собственных средств,

---

[1] Александр Геннадьевич Лисов (1960—2009) работал в ИМЭМО с 1984 г., куда пришел по окончании экономического факультета МГУ. За десять лет в ИМЭМО он сделал стремительную карьеру от младшего научного сотрудника отдела анализа текущей информации до заместителя директора по научной работе. В начале 90-х гг. у молодого кандидата наук, занимавшегося изучением проблем экономической безопасности и привлечения иностранных инвестиций в российскую экономику, обнаружились качества талантливого организатора-финансиста. Именно ему во многом принадлежит заслуга менее критического, по сравнению с другими академическими центрами, финансового положения ИМЭМО в тяжелые 90-е гг. См.: Личное дело А.Г. Лисова // Архив ИМЭМО РАН. После смерти Лисова управление финансами ИМЭМО было доверено Наталье Владимировне Кирсановой, назначенной заместителем директора Института.

[2] Стенограмма заседания Ученого совета ИМЭМО РАН 27 сентября 1995 г. С. 4—12 // Архив ИМЭМО РАН.

нужно все-таки признать, что финансовое положение в условиях вынужденного проведения политики выживания вызывает серьезные опасения.

На падении курса американского доллара и введения валютного коридора мы с мая месяца потеряли около 400 млн рублей, а до конца этого года потеряем еще не менее 200 млн от уровня того, что мы могли бы иметь, если бы курс доллара был зафиксирован на уровне отметки 5 тыс. рублей.

Если оценивать эти потери с учетом действительных темпов инфляции, то их объем окажется значительно больше, а в перспективе будет иметь тенденцию к увеличению...

Но наши самые крупные потери и неудачи надо связывать не только и не столько с непосредственно сложившейся экономической ситуацией, хотя она, несомненно, будет и в дальнейшем оказывать влияние на состояние наших финансов, но и с кризисом банковской системы и крахом ряда финансовых структур, среди которых, к сожалению, оказался наш основной арендатор "Концерн 'ОЛБИ'".

Мгновенный крах и полная последующая неплатежеспособность концерна, счета которого фактически арестованы, поставили под вопрос существенную долю наших доходов, вытекавших из финансовых обязательств "ОЛБИ" перед ИМЭМО. В настоящее время мы пытаемся договориться об урегулировании долга "ОЛБИ". В случае положительного разрешения вопроса мы сумеем сохранить достигнутый уровень; в противном случае мы можем оказаться у минимальной черты потребления на ближайшие 3—4 месяца. Последнее, с моей точки зрения, наиболее вероятно...

Объема выделяемых нам сегодня средств, при условии их расходования исключительно на зарплату при сложившихся наших мизерных доходах хватит на содержание 40% сотрудников Института, а при учете того, сколько стоит ежемесячное обслуживание этого здания, во сколько нам обходятся налоги на фонд оплаты труда, можно точно утверждать, что из бюджета никто из нас в Институте не получает ни одного рубля.

Для полной ясности хочу остановиться на цифрах исчисления наших доходов и расходов на период с января по август 1995 г.

За 8 месяцев текущего года из госбюджета получено 1 млрд 100 млн руб. От частных фирм поступило 187 млн руб. Средства поступали крайне нерегулярно. Своевременные выплаты осуществлялись благодаря сбереженным резервам из привлеченных средств. Они были исчерпаны из-за ажиотажных отпусков — все пытались брать отпуска за последние два — три месяца. Ежемесячный перерасход составил около 500 млн рублей. Наши резервы канули в Лету вместе с концерном "ОЛБИ". Чтобы восстановить эти резервы, потребуется время. В ближайшие два-три месяца следует ожидать перебоев с выплатой зарплаты.

Привлеченные средства составили 2 млрд 916 млн рублей. В виде грантов за расчетный период получено 2 млрд 405 млн рублей. Доход от арендной платы составил 201 млн рублей, и в виде грантов на подписку литературы — 12 тыс. долларов. Если оценивать правильно, то, по средневзвешенному курсу, нами было истрачено, помимо бюджетных средств, около 630—640 тыс. долларов США. Из резервного Фонда фундаментальных исследований за рассматриваемый период получено 163 млн рублей. В этот же период на прямые выплаты сотрудникам Института истрачено 2,5 млрд рублей. Это чисто фондовая зарплата. На нее накручиваются налоги — 700 млн рублей, в т.ч. налог на выплату дохода — 3,3 млрд рублей. Истрачено

на надбавку к зарплате 1,5 млрд рублей, на премии в связи с юбилейными датами — 38,5 млн рублей, за научное руководство аспирантами — 20,6 млн рублей, по хоздоговорам — 149,3 млн рублей.

Различные другие поступления составили 26,2 млн рублей. Тогда же, за восемь месяцев содержание здания составило 1 млрд рублей, в т.ч. за телефоны — 447 млн рублей... за почтовые услуги — 14,7 млн, за потребление электроэнергии — 170 млн, водоснабжение — 20,5 млн, отопление — 107 млн, охрану — 87 млн.

Для справки скажу, что инфляционные расходы во втором квартале 1995 г., по сравнению с третьим кварталом 1994 г., выросли на 95%. За истекший период на приобретение компьютеров и другого оборудования было израсходовано 164 млн рублей.

Средняя заработная плата в Институте на сегодня составляет 400 тыс. рублей, что в два раза больше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года.

На сегодняшний день минимальная потребность ИМЭМО в месяц при наших сложившихся мизерных доходах составляет от 515 до 550 млн рублей. Распределение этих потребностей следующее: на зарплату ежемесячно уходит 185 млн рублей; на гранты — 65 млн; на премии сотрудникам вспомогательных служб — 25 млн. В целом на зарплату уходит ежемесячно 385 млн рублей. Содержание нашего здания обходится от 130 до 140 млн в месяц, а ежемесячные налоги доходят до 110—140 млн руб.

Впереди нам предстоит увеличение тарифных коэффициентов в среднем в 1,5 раза, что предполагает неминуемое дальнейшее движение в сторону распределения при недостаточном на то бюджетном финансировании».

В завершение своего выступления Лисов информировал Ученый совет о поисках новых арендаторов взамен канувшего в Лету концерна «ОЛБИ», которые могли бы поправить резко ухудшившееся финансовое положение ИМЭМО. В числе солидных потенциальных арендаторов он назвал шведско-швейцарскую компанию ASEA BROWN BOVERI Ltd. (ABB), специализирующуюся в области электротехники, энергетического машиностроения и информационных технологий, ОАО КБ «Центр-инвест» и Институт национальной безопасности и стратегических исследований (впоследствии — Российский институт стратегических исследований — РИСИ). Путь дальнейшего расширения аренды, с учетом незанятости многих площадей научными сотрудниками, часто работающими за пределами Института[1], по убеждению Лисова, представлялся наиболее оптимальным для успешного решения накопившихся финансовых проблем.

Динамика предоставления помещений ИМЭМО в аренду только за полтора года выглядела следующим образом: на январь 1994 г. было сдано

[1] Когда Институт стал получать отечественные и зарубежные гранты, часть их в обязательном порядке выделялась на приобретение компьютеров и другого технического оборудования, а также на обеспечение постоянного платного доступа в Интернет в рабочих помещениях ИМЭМО. Кроме того, научным сотрудникам была предоставлена возможность работать на «грантовых» компьютерах у себя дома, а в Институте они обычно собирались один—два раза в неделю для проведения обсуждений и других заседаний. Такой режим работы позволил высвободить дополнительные площади для сдачи их в аренду.

в аренду 14,2% от общей площади; на февраль того же года — 17,8%; на октябрь — 22,9%; на июнь 1995 г. — 28,6%[1]. Тенденция к сдаче в аренду помещений ИМЭМО продолжалась и в последующие годы, приблизившись к 40% площади, занимаемой Институтом.

Удачный выбор арендаторов, и самого крупного из них — АВВ, почти на десять лет обеспечил ИМЭМО столь необходимой в тяжелых условиях финансовой поддержкой, что позволяло Дирекции осуществлять, помимо грантов, регулярные доплаты научным сотрудникам и выплачивать денежные пособия наиболее нуждающимся. Разумеется, размер доплат зависел от реального вклада того иного сотрудника в работу Института. Не были забыты и работники вспомогательных служб из административно-хозяйственного отдела.

Последовательная линия на социальную поддержку проводилась с самого начала 1992 г., когда научные работники, как и все население России, оказались под жестким воздействием «шоковой терапии». В архиве ИМЭМО сохранилось множество документов на этот счет. Они настолько красноречивы, что не требуют дополнительных комментариев. Для примера можно привести некоторые из них.

4 февраля 1992 г., в обстановке, когда вследствие отпуска цен, основные продукты питания стали фактически недоступны подавляющему большинству населения, и.о. директора Института А.А. Дынкин подписал приказ, который гласил[2]:

1. Командировать зам. директора Пухова Владилена Акимовича в Тамбовскую область для закупки продуктов для сотрудников Института с 5 по 9 февраля 1992 г.

2. Бухгалтерии Института выдать под отчет тов. Пухову В.А. 12 тыс. руб.

Опытный хозяйственник Пухов отправился в дальний путь на автотранспорте ИМЭМО. Он вернулся в Москву с изрядным запасом картошки, капусты, лука, моркови и других овощей, а также мясных продуктов, которые были распределены среди сотрудников Института, обеспечив их продовольствием пусть и на короткий период времени.

По мере нараставшей инфляции и роста цен руководство Института пыталось всеми средствами смягчить материальные тяготы своих сотрудников. Раз в квартал, а то и чаще, в зависимости от ситуации, сотрудникам ИМЭМО из привлеченных средств выделялись денежные дотации. Так, например, в июне 1992 г. В.А. Мартынов подписал приказ следующего содержания: «В связи с удорожанием стоимости жизни приказываю выплатить из средств Фонда социальной защиты ученых ИМЭМО РАН дополнительную дотацию работникам Института, согласно прилагаемым спискам»[3].

---

[1] Справка о деятельности ИМЭМО за подписью В.А. Мартынова (1995 г.). С. 8 // Архив ИМЭМО РАН.

[2] Приказ по ИМЭМО РАН № 105 от 4.02.1992 г. // Там же.

[3] В списке было около 200 сотрудников. Размеры дотации колебались от 1350 руб. для младшего научного сотрудника до 10 000 – 11 900 руб. для членов дирекции и заведующих отделами. См.: Приказ по ИМЭМО РАН № 989 от 6.11.1992 г. // Там же.

Формулировка «в связи с удорожанием стоимости жизни» будет присутствовать в приказах директора на протяжении нескольких лет, вплоть до конца «лихих девяностых».

В те тяжелые годы практиковались и другие формы социальной защиты сотрудников Института. Для примера можно привести один из приказов, относящийся к декабрю 1992 г.:

> «В связи со значительным ростом цен предоставить из средств Фонда научно-технического и социального развития Института на 1992 г. дотацию на питание и транспорт в размере 2000 руб. в декабре с.г. всем штатным сотрудникам Института, включая сотрудников, зачисленных по срочным договорам, трудовым соглашениям и на неполную рабочую неделю, временных сотрудников... а также по ходатайству профкома — совместителям, сотрудникам журнала "МЭ и МО", вахтерам и прочим, работникам библиотеки...»[1]

В отдельную категорию получателей материальной поддержки выделялись молодые перспективные ученые. Так, в декабре 1992 г. молодежные гранты в размере от 15 до 20 тыс. рублей получили восемь научных сотрудников ИМЭМО.

Не забывали и о работниках вспомогательных служб. Из приказа директора ИМЭМО РАН от 31 декабря 1992 г.:

> «На основании совместного решения администрации и профсоюзного комитета Института, в целях усиления социальной защищенности работников ИМЭМО РАН, в связи с резким удорожанием предметов первой необходимости и значительным ростом расходов на социальные и бытовые нужды приказываю выплатить единовременное пособие за счет средств фонда научно-технического и социального развития лаборантам, административно-управленческому персоналу и сотрудникам вспомогательных подразделений и служб...»[2]

Практиковалось и адресное оказание материальной помощи — в связи с болезнью или смертью сотрудника или члена его семьи, юбилеем или уходом на пенсию и т.д.

Из приказа директора ИМЭМО РАН В.А. Мартынова от 31 декабря 1992 г.:

> «В связи с трагической гибелью мужа ст. научного сотрудника, к.ю.н. Д.К. Утегеновой и тяжелым материальным положением семьи (без отца остались двое малолетних сирот) приказываю оказать ей материальную помощь в размере двадцати тысяч рублей за счет средств Фонда социальной защиты ученых ИМЭМО РАН...»[3]

---

[1] Приказ по ИМЭМО РАН № 1061 от 11.12.1992 г. // Там же.
[2] Приказ по ИМЭМО РАН № 1161 от 31.12.1992 г. // Там же.
[3] Там же.

Из приказа директора ИМЭМО РАН В.А. Мартынова от 5 августа 1993 г.:

> «В связи со смертью с.н.с. отдела международно-политических проблем к.э.н. Литвина З.В. и тяжелым материальным положением его семьи приказываю оказать материальную помощь семье покойного Литвина З.В. в размере 50 тысяч рублей»[1].

Из приказа заместителя директора ИМЭМО РАН И.Я. Веретильного от 26 июля 1995 г.:

> «...За многолетний добросовестный труд, активную общественную работу и в связи с 55-летием со дня рождения объявить сотруднице АХО, уборщице 8-го этажа Воробьевой Тамаре Михайловне благодарность и премировать в размере 300 000 рублей»[2].

Доплаты и надбавки к зарплате предоставлялись отдельным исследовательским группам за «дополнительный объем работ» и за участие в различных специальных проектах. Так, например, в декабре 1994 г. надбавки в размере от 100 до 750 тыс. рублей получили 16 участников проекта «Россия в мировом сообществе: проблемы стабильности, разоружения и внешней политики» (рук. А.Г. Арбатов); 9 участников проекта «Россия в системе международных отношений ближайшего десятилетия» (рук. О.Н. Быков).

В январе 1995 г. надбавки в размере от 350 до 570 тыс. рублей получили 7 участников проекта «Россия на рубеже двух эпох: переходный период в политическом измерении» (рук. И.М. Савельева).

В июне того же года надбавки в размере от 700 тыс. до 3 млн рублей получили 5 участников разработки «Изучение состава и содержания исследовательских проектов, осуществляемых в рамках международных организаций КЭС, МОТ, ЮНЕСКО по проблемам регулирования процессов миграции» (рук. Н.И. Иванова)[3].

Столь значительная разница в размере надбавок между 1994 г. и 1995 г. объяснялась раскручиванием в стране инфляции и стремительным обесцениванием рубля, постоянно прираставшего нулями.

Кадры

Несмотря на энергичные усилия Дирекции по материальной поддержке сотрудников, в Институте продолжалась утечка кадров, преимуществен-

---

[1] Приказ по ИМЭМО РАН № 647 от 5.08.1993 г. // Там же. Речь идет о бывшем разведчике-нелегале ГРУ, работавшем в 40-е гг. в США. Среди прочего он участвовал в раскрытии т.н. «Манхэттенского проекта» по созданию американского атомного оружия. О нем см.: настоящее издание. С. 302.

[2] Приказ по ИМЭМО РАН № 517 от 26.07.1995 г. // Там же.

[3] Приказы по ИМЭМО РАН: № 852 от 9.12.1994 г.; № 519 от 27.07.1995 г.; № 453 от 29.06.1995 г. // Там же.

но молодых и перспективных, искавших лучшей жизни. Открывшиеся в начале 90-х гг. возможности побуждали научную молодежь, обладавшую современными экономическими знаниями, искать применения своим способностям в сфере бурно развивавшегося бизнеса. ИМЭМО, как и другие академические центры, на всем протяжении 90-х гг. терял молодежь, что ставило под угрозу само его будущее. Значительно сокращался в эти и годы приток в аспирантуру (очной и заочной формы обучения) — с 92 человек в 1988 г. до 52 в 1994 г.

Динамика численности научных работников ИМЭМО РАН[1]:

год	*1988 г.*	*1992 г.*	*1993 г.*	*1994 г.*
Всего	715	590	589	560
Кандидаты наук	335	289	280	268
Доктора наук	92	85	83	76
Члены РАН	5	3	4	6

Приведенные цифры, казалось бы, не свидетельствовали о критическом положении с кадрами (за исключением аспирантуры). Но эти цифры не должны вводить в заблуждение, так как они не отражали реальной кадровой ситуации.

Дело в том, что с началом либерализации экономики десятки молодых научных сотрудников ИМЭМО ушли в бизнес, но трудовые книжки предпочли оставить в Институте, т.е. продолжали числиться в штате.

Во-первых, никто тогда не был уверен в том, что начатые реформы не будут однажды свернуты, а либеральный эксперимент не завершится реставрацией прежней системы (политический кризис 1993 г. подтверждал такого рода опасения). Поэтому многие хотели зарезервировать для себя возможность возвращения. Во-вторых, люди, открывавшие собственный бизнес, не могли быть уверены, что все сложится благополучно и что не придется возвращаться «на круги своя». В-третьих, в число сотрудников ИМЭМО официальная отчетность включала совместителей, работавших на полставки или даже на четверть ставки, а также тех, кто работал по трудовым соглашениям. В-четвертых, в Институте образовалась категория штатных сотрудников, не получавших заработную плату. В эту категорию входили отдельные лица, привлеченные на работу в различные государственные или общественные органы (например, избранные в парламент), или находившиеся в длительных загранкомандировках. За ними сохранялась ставка, но не выплачивалась зарплата.

Можно предположить также, что в обстановке не устоявшейся в первую половину 90-х гг. системы налогообложения сохранение «гражданства ИМЭМО» с символическим жалованием предоставляло новым бизнесменам и менеджерам, зачастую получавшим зарплату и дивиденды «в конвер-

[1] Источник: Отчет о научной деятельности ИМЭМО АН СССР в 1988 г. С. 28 // Архив ИМЭМО РАН; Отчет о научно-организационной деятельности ИМЭМО РАН в 1994 г. С. 1 // Архив ИМЭМО РАН.

тах», уходить от налогов. Были и такие, можно сказать, идеалисты (абсолютное меньшинство), которые искренне надеялись заработать на жизнь в частном секторе, а потом вернуться к любимой научной работе. К слову сказать, никто из них в Институт не вернулся.

Так или иначе, но в штате ИМЭМО к середине 90-х гг. образовалось несколько десятков «мертвых душ», чьи трудовые книжки продолжали храниться в отделе кадров, а начисляемая некоторым из них зарплата распределялась среди коллег по отделу или направлялась в «общак» для покрытия расходов на праздники, юбилеи, социальную помощь и т.д. К ним принадлежали и уже состоявшиеся топ-менеджеры отечественных и иностранных компаний, и даже руководители отдельных банков. Кстати, они иногда оказывали спонсорскую финансовую поддержку родному Институту.

Многие действующие научные сотрудники, стремясь поправить материальное положение своих семей, организовали на базе помещений ИМЭМО различные предприятия мелкого бизнеса и фирмы образовательного профиля, совмещая научную работу, просветительство и предпринимательство. Через Интернет они занимались мелкооптовой закупкой дефицитных товаров за рубежом и их реализацией, в том числе и в Институте. Дирекция сквозь пальцы смотрела на подобную деловую активность своих сотрудников — лишь бы она не мешала научной работе, а некоторые из инициатив даже поощряла.

К числу таких инициатив относился научно-образовательный и консультационный центр «Русско-европейский бизнес» (РУСЕБ), организованный научным сотрудником Центра западноевропейских исследований ИМЭМО, к.э.н. Галиной Николаевной Понеделко, специалистом по экономике Испании.

Из воспоминаний Г.Н. Понеделко[1]:

> «...В период наступившего хаоса и развала прежних управленческих структур мне показалось важным и интересным в рамках появившихся возможностей организовать некую образовательную структуру, которая бы занялась подготовкой предпринимательских кадров для начавшего развиваться мелкого и среднего бизнеса
>
> ...Эта идея получила поддержку у руководства ИМЭМО РАН в лице И.С. Королева и А.Г. Лисова, разрешивших проводить занятия на базе Центра западноевропейских исследований. "РУСЕБ" был создан в начале 1992 г. На первом этапе его становления и развития активную роль в его деятельности играли В.Н. Зуев, Е.Я. Островская, О.Е. Трофимова, Э.Н. Иорданская и некоторые другие сотрудники Института. Но, пожалуй, самыми креативными, неутомимыми и преданными помощниками в работе Центра являлись Е.Л. Титаренко (председатель Совета ветеранов работников МИД РФ) и Р.К. Щенин. Рамилу Константиновичу Щенину, в силу чрезвычайно развитого творческого начала его личности, — моя особая благодарность. Этот внешне спокойный, тихий и скромный человек постоянно фонтанировал

[1] Запись беседы с Г.Н. Понеделко 24 декабря 2014 г.

самыми неожиданными идеями, всегда поддерживал и находился рядом в самые трудные и беспокойные минуты нашей жизни.

Основная задача Центра состояла в оказании консультационных услуг, в приобщении учащейся молодежи (старшеклассников и студентов вузов), всех заинтересованных лиц к предпринимательской культуре, подготовке предпринимательских кадров для мелкого и среднего бизнеса, в организации их контактов с западноевропейскими предпринимателями, в первую очередь с испанскими, с целью создания совместных предприятий. К тому времени у нас уже установились более или менее тесные контакты с Торговой палатой Андалусии.

Учебная программа была рассчитана на 64 — 70 часов. Занятия велись по следующим основным предметам: основы предпринимательской и внешнеэкономической деятельности, маркетинга, рекламы, бухучета, логистики, гражданского и уголовного права, делового этикета. Проводились даже занятия по изучению испанского языка с преподавательницей из Российского университета дружбы народов (РУДН).

Главное достоинство организации учебного процесса — привлечение к чтению лекций лучших преподавателей МГИМО и других московских вузов, работников государственных ведомств. Занятия проводились на высоком профессиональном уровне и получали высокую оценку со стороны слушателей курсов, а также в прессе. Важно отметить, что посещаемость курсов была практически стопроцентной. В общей сложности через курсы прошли от 100 до 150 человек.

Слушателями курсов были в основном молодые люди, имевшие высшее и среднее образование, в том числе окончившие Физтех, МИФИ, МГИМО, Плехановский и другие институты. Среди них встречались демобилизованные офицеры, летчики, желавшие начать свой бизнес, инженерно-технический персонал "Энергомаша", Ломоносовского фарфорового завода, предприниматели, сотрудники мэрии г. Москвы, некоторых фондов, беженцы из горячих точек распавшегося СССР, студенты и старшеклассники, выпускники средних школ.

По завершении учебы, как правило, в торжественной обстановке выдавалось свидетельство "РУСЕБ" об окончании студентом курса по основам предпринимательской деятельности с перечнем прослушанных дисциплин. Имелись случаи, когда свидетельство, благодаря авторитету ИМЭМО РАН, под крышей которого протекала деятельность Центра, служило основанием для приема некоторых из слушателей на работу и открытия ими собственного дела и даже совместного предприятия с испанской стороной (например, в Троицке и Звенигороде). Одна студентка была направлена на учебу в европейский колледж в г. Брюгге, который она успешно окончила.

Наряду с чисто образовательной деятельностью, носившей достаточно рутинный характер, "РУСЕБ" занимался консультационными услугами, организацией парламентских, университетских и деловых контактов, поездок предпринимательских и банковских групп, в том числе в рамках "народной дипломатии" в Испанию, Англию. Организовывались выставки-продажи (в том числе и при финансовой поддержке мэрии г. Москвы и лично Ю. Лужкова) товаров народных промыслов и картин московских художников в мэрии Андалусии в честь 850-летия г. Москвы. "РУСЕБ" помогал в организации морского круиза по линии музея Космонавтики в честь очередной годовщины полета в космос Ю.А. Гагарина. Да разве все перечислишь!..

В подавляющем большинстве случаев деятельность Центра была малорентабельной, и это несмотря на то, что мы на безвозмездной основе пользовались помещениями Института для проведения занятий.

С целью привлечения как можно большего числа слушателей оплата за учебу была минимальной, а реклама — дорогостоящей и, надо признать, неэффективной. Набор слушателей происходил в основном по родственным и дружеским каналам, что-то вроде "сарафанного" радио. Текущие расходы Центра (покупка бумаги для печатания учебных пособий и образовательных программ, свидетельств и т.д.), привлечение высококвалифицированных преподавателей даже на условиях личного знакомства требовало значительных выплат по зарплатам. Небольшую зарплату платили только бухгалтеру и некоторым техническим сотрудникам, помогавшим работе Центра.

Хотите — верьте, хотите — нет, но я, как руководитель Центра, за весь период его существования не получила ни одного рубля в виде зарплаты. Правда, два или три раза мне все же удалось бесплатно поехать с группой предпринимателей за границу, да и то в качестве переводчика.

Для того чтобы сделать нашу работу более рентабельной и коммерчески выгодной, было принято решение о создании Русско-Европейского института предпринимательства (РЕИП). Некоторую поддержку в этом нам обещала мюнхенская Школа бизнеса. Мы надеялись и на поддержку соответствующих органов Евросоюза. Но главной проблемой было найти нашего российского спонсора и арендовать подходящее помещение.

Одно время мы рассчитывали на поддержку нашего бывшего коллеги по ИМЭМО Андрея Цимайло, ставшего ближайшим сподвижником медиамагната В.А. Гусинского, вице-президентом КБ "Мост-Банк", а впоследствии — Первым заместителем председателя Совета директоров "Медиа-Моста". Однако эти надежды не оправдались, и нам пришлось оставить проект с организацией РЕИП.

Вслед за этой неудачей пришли разочарование и усталость... появились другие интересные и более реалистичные предложения, в частности, поработать, параллельно с ИМЭМО, преподавателем на кафедре Мировой экономики в МГИМО...»

С похожей степенью успешности на «территории» ИМЭМО пытались реализовать и другие образовательные и бизнес-проекты — как правило, тоже недолговечные.

В первой половине 90-х гг. ИМЭМО делегировал в большую политику и общественную деятельность ряд своих сотрудников, в том числе и наиболее авторитетных. Некоторые из них со временем вернулись в Институт. Депутатами Государственной думы стали В.Л. Шейнис и А.Г. Арбатов, избранные от партии «Яблоко». За ними в Институте были зарезервированы их рабочие ставки, но без выплаты заработной платы. В апреле 1995 г. заместитель директора ИМЭМО С.Е. Благоволин был назначен Генеральным директором Общественного российского телевидения (ОРТ)[1]. Он

[1] Сергей Евгеньевич Благоволин (1939—2001) — ветеран ИМЭМО, крупный специалист в области военно-политических проблем международных отношений, в 80-е гг. возглавлял партком ИМЭМО. С начала 90-х гг. он принимал активное участие в политической жизни как член Политсовета партии «Демократический выбор России» (ДВР), а затем как руководитель

также сохранил свой пост в ИМЭМО («без оплаты») и впоследствии вернулся в Институт.

Еще в конце 1991 г. на должность председателя Комитета по иностранным инвестициям, заместителя министра экономики и финансов в правительстве Е.Т. Гайдара ушел Л.М. Григорьев, двадцать лет проработавший в ИМЭМО, где он возглавлял отдел.

В октябре 1993 г., как уже говорилось, на работу в правительство перешел заведующий сектором ИМЭМО М.В. Бойко. В скором времени он станет министром государственного имущества, Заместителем председателя правительства России.

На работу в Администрацию президента в 1994 г. был приглашен В.И. Борисюк, занявший там пост заместителя начальника Аналитического управления. Кстати, начальником Управления в 1994—1996 гг. был другой бывший сотрудник ИМЭМО — М.Ю. Урнов. В это же время в президентскую администрацию перешел заведующий сектором отдела стратегического анализа А.В. Рассадин.

Отдельные сотрудники уезжали на долгосрочную работу за границу. Так, в 1992 г. в Швецию был откомандирован д.и.н. В.Г. Барановский, получивший приглашение возглавить один из проектов в Стокгольмском институте исследования проблем мира — СИПРИ. Он вернется оттуда в 1996 г. и позднее станет одним из заместителей директора ИМЭМО, будет избран в Российскую академию наук. Вместо него новым руководителем Центра западноевропейских исследований ИМЭМО был назначен авторитетный экономист-международник д.э.н. Е.С. Хесин, работавший в Институте со времени его создания.

В то время как одни уходили, другие приходили. Институт получил определенное пополнение в виде бывших высокопоставленных чиновников горбачевского и первого ельцинского призывов. На работу в ИМЭМО в 1992—1993 гг. пришли А.С. Грачев, спичрайтер М.С. Горбачева, бывший министр гайдаровского правительства П.О. Авен, сюда же вернулся Н.А. Косолапов, работавший в команде Горбачева — Яковлева.

московского отделения партии «Наш Дом Россия» (НДР), был членом Президентского совета. Приход С. Благоволина на ОРТ ознаменовался неприятной историей с отстранением от эфира Александра Исаевича Солженицына. Как известно, после возвращения на родину писателю была предоставлена возможность еженедельно (по понедельникам) выступать на Первом канале ТВ по жизненно важным проблемам общественной жизни и отвечать на вопросы телезрителей. Критический настрой этих выступлений вызывал растущее раздражение демократической власти. 20 сентября 1995 г. «Известия» поместили статью либерального журналиста Константина Кедрова с резкой критикой «политического театра Солженицына». А через несколько дней Генеральный директор ОРТ Благоволин снял с эфира программу Солженицына. Можно предположить, что это решение было ему «подсказано» президентской администрацией. В это время знаменитый писатель готовил программу о судьбе миллионов русских, оказавшихся после 1991 г. за пределами России. Программу эту телезрители так и не увидели. А незадолго до «отключения» Солженицына пост руководителя Федеральной службы по телевидению и радиовещанию потерял А.Н. Яковлев, пустивший писателя в телеэфир. Таковы были нравы в правящей верхушке демократической России эпохи либеральных преобразований. Что касается Благоволина, то он в сентябре 1997 г. покинул пост гендиректора ОРТ из-за разногласий с главным акционером компании Борисом Березовским.

В конце 90-х в Институт возвратился Г.Ф. Кунадзе, бывший заместитель министра иностранных дел (1991 — 1993), посол России в Республике Корея (1993 — 1997). В 87 — 91 гг. он уже работал в ИМЭМО, где возглавлял сектор, а затем и отдел.

В Институте появились два новых заместителя директора: видный специалист по проблемам Азиатско-Тихоокеанского региона В.К. Зайцев и упоминавшийся уже А.Г. Лисов. В 1995 г. на должность директора ИМЭМО был переизбран академик В.А. Мартынов.

В апреле 1995 г. в связи с выходом на пенсию покинула свой пост Евгения Дмитриевна Демьянова, около сорока лет возглавлявшая отдел кадров. Ее место заняла Татьяна Сергеевна Глотова, ведущий экономист по вопросам труда и заработной платы. Первое время Глотова будет совмещать обе должности, пока полностью не сосредоточится на кадрах.

Новые реалии потребовали определенной реорганизации структуры и всей работы Института.

Еще в январе 1992 г. в соответствии с указом Президента России «О защите государственных секретов в Российской Федерации» в Институте был упразднен Первый отдел, обеспечивавший секретность в работе и учет военнообязанных сотрудников.

Тогда же, в самом начале 1992 г., началась реорганизация отдела информации, существовавшего с момента создания Института. На его основе к началу 1993 г. был сформирован отдел анализа текущих экономических и политических проблем со штатом в 50 сотрудников. Во главе реорганизованного отдела был поставлен М.З. Шкундин.

Прежде, в 60 — 80-е гг., в отделе информации работали около 80 человек, тщательно обрабатывавшие сводки ТАСС, поступавшие в Институт иностранные газеты и журналы, и составлявшие содержательные досье по всем странам и проблемам мировой экономики и международных отношений. К сожалению, в ходе реорганизации этот богатейший и уникальный «фонд досье», старательно формировавшийся с 1956 г., был безвозвратно утрачен. Какая-то его часть была передана в фонд Горбачева и в другие академические институты, а остальное безвозвратно погибло. Освободившиеся помещения были сданы в аренду. В одном из них обосновался (правда, ненадолго) мебельный салон.

Реорганизация, проводившаяся в ИМЭМО в 1992 — 1994 гг., затронула и другие научные подразделения: Центр исследований европейской интеграции и главных стран Западной Европы, Центр сравнительных исследований России и «третьего мира», отделы промышленной и инвестиционной политики, международно-политических проблем, стратегического анализа, эконометрики и компьютерного моделирования. Были созданы новые подразделения: Центр сравнительных социально-экономических и социально-политических исследований, Центр инвестиционных фондов и финансового менеджмента, сектор информационных технологий и коммуникаций, группа по координации и методологии прогнозирования, группа по иностранным инвестициям. В реорганизуемых центрах, отделах и секторах

сокращался штатный состав сотрудников — от одного-двух до десяти-двенадцати человек, в зависимости от численности научного подразделения.

Конечная цель реорганизации состояла в том, чтобы в максимальной степени адаптировать структуру Института к исследованию новых внутренних и внешних вызовов, перед лицом которых оказалась Россия на рубеже XX и XXI столетий. Одновременно реорганизация решала и задачу оптимизации финансовых издержек на нормальное функционирование Института.

Исследования и образовательная деятельность

Стержнем всей научной деятельности ИМЭМО в первой половине 90-х гг. стали теоретические и прикладные разработки в рамках общеакадемической программы фундаментальных исследований «Пути мирового развития и возрождения России (экономический, политический и социально-культурный аспекты)»[1]. Институт стал головным исполнителем нескольких разделов этой программы, что определило главные направления научных исследований, проводившихся в ИМЭМО:

- Национальные интересы России и главные факторы формирования концепции ее национальной безопасности.
- Внешнеполитическая, военная, внешнеэкономическая концепции России; проблемы вхождения новых субъектов мировой политики и экономики в международное сообщество и их взаимодействие между собой.
- Использование опыта современного западного общества в российских экономических реформах в процессе перехода к рынку; эволюция предпринимательской функции и рыночной структуры; экономическая роль государства; динамические и структурные аспекты социально-экономического развития.
- Современное всемирное хозяйство; концепция экономической безопасности России; интеграция России в мировое хозяйство и основные направления перестройки ее внешнеэкономических связей, в том числе с бывшими союзными республиками.
- Сравнительный анализ и международные сопоставления; методология сопоставления уровней экономического и социального развития России и главных стран Запада по основным экономическим показателям.
- Сотрудничество России с «третьим миром»: анализ проблем «третьего мира» в увязке с ситуацией на геополитическом пространстве бывшего СССР; опыт решения социальных задач; возможности координации сырьевой политики со странами Азии, Африки

[1] См.: Отчеты о научной и научно-организационной деятельности ИМЭМО РАН за 1993, 1994 и 1995 гг. // Архив ИМЭМО РАН. К сожалению, в архиве не сохранились отчетные документы за 1992 г.

и Латинской Америки; обобщение опыта привлечения иностранного капитала и погашения внешней задолженности (включая долг России) в странах «третьего мира».

- Научно-технический прогресс и цивилизация: социальная ориентация НТП; человек в новой модели социально-экономического развития; НТП и управление; НТП в рыночной среде.
- Конверсия в свете структурной и институциональной реформ, включая проблему использования двойных технологий.
- В планы научных исследований ИМЭМО в этот период была включена проблематика мирового цивилизационного процесса и места в нем России, сопоставительный анализ различных хозяйственных и социально-политических моделей и их переходных форм, а также ряд новых тем:
- В области изучения международных отношений и стратегических исследований: внешнеполитический процесс в период государственно-национального переустройства геополитического пространства бывшего СССР, сотрудничество России со странами бывшего СССР, перспективы формирования новых политических контуров Европы, военно-политическое сотрудничество Востока и Запада в новой геополитической структуре, военная реформа в России в современных условиях, оптимизация военно-экономической деятельности;
- В области изучения мировой экономики: структурная политика в переходный период, проблемы российской статистики переходного периода, экономическое законодательство как элемент инфраструктуры хозяйственного механизма; политика России в отношении иностранных инвестиций, механизм реализации инвестиционных проектов, инвестиционный спрос и механизм формирования строительного рынка; формирование предпринимательской структуры в России и ее влияние на внешнеэкономические связи, развитие производственной кооперации отечественных и зарубежных фирм; организационные формы и экономический механизм предпринимательского управления; формы и механизм государственного регулирования сельскохозяйственных и аграрных рынков; экономика социальной сферы; научная политика в развитых странах; проблемы формирования экологической политики России; формирование новой модели экономического роста и постиндустриальной системы производства (Япония):
- В области изучения социально-экономических и социально-политических проблем: основные черты современного гражданского общества, взаимодействие гражданского общества и государства в социально-экономической и социально-политической сферах, социальные проблемы структурной перестройки, социальное противоборство и взаимодействие на уровне общества и предприятия;
- В области изучения «третьего мира»: перспективы сотрудничества России и СНГ с развивающимися странами, социально-политические

издержки реформ в развивающихся странах и опыт их преодоления, проблема амортизации негативных последствий, сопутствующих осуществлению экономических реформ в развивающихся странах, и др.

В трудных условиях начала 90-х гг. ИМЭМО сумел сохранить за собой положение головного центра РАН по исследованию стран с развитой рыночной экономикой и современного капитализма. Одним из важнейших аспектов научных разработок ИМЭМО стал анализ мирового опыта в решении проблем перехода к рыночной экономике, а также опыта решения национальных, региональных проблем, проблем социального конфликта и партнерства, развития демократических институтов (разъяснение механизма действия, рекомендации по внедрению, анализ эффективности тех или иных экономических структур, экспертные оценки проектов и нормативных актов).

В.А. Мартынова, как исследователя и руководителя академического института, всегда отличал повышенный интерес к вопросам теории и методологии экономической науки. Он не утратил его и в условиях суровых реалий 90-х гг. Более того, в апреле 1993 г. Мартынов создал и лично возглавил теоретический семинар, на котором в течение многих последующих лет происходило обсуждение и осмысление явлений и тенденций в экономике переходного периода. О работе этого семинара в 90-е гг. вспоминает его нынешний руководитель академик Н.И. Иванова[1]:

Из воспоминаний Натальи Ивановны Ивановой:

«Владлен Аркадьевич Мартынов возглавлял Институт в самый трудный для экономики и науки период — с 1989 по 2000 г. Сложилась исключительно сложная, катастрофическая обстановка: обвальное, многократное падение финансирования, потеря социального статуса ученых и в результате уход молодых талантливых специалистов в более надежные сферы занятости, прекращение притока молодежи. Директору надо было ежедневно решать острые проблемы функционирования института в условиях невыплаты зарплаты и недостатка средств на простые коммунальные потребности и при этом реагировать на бурные события в экономической жизни.

В этих обстоятельствах Владлен Аркадьевич делал все возможное для сохранения кадрового потенциала института, в том числе решился на непрактичный, на первый взгляд, но очень верный шаг для консолидации активно работающих исследователей — учредил и возглавил теоретический семинар по проблемам переходной экономики. Он видел задачу семинара в том, чтобы содействовать изучению и обсуждению и фундаментальных проблем экономической теории, которые предстали в новом свете в результате утверждения рыночной экономики, и острых вопросов, поставленных практикой российской переходной экономики. Многие российские ученые-экономисты считали за честь принять участие в его работе.

[1] Запись беседы с Н.И. Ивановой 11 ноября 2013 г. После смерти В.А. Мартынова в 2008 г. Н.И. Иванова стала руководителем этого семинара, который, по ее подсчетам, за первые двадцать лет существования (1993—2013) провел 97 заседаний. Работа семинара продолжается и в наши дни. — *П.Ч.*

Мне запомнились выступления тогда совсем еще молодых и подающих большие надежды А.Р. Белоусова, А.А. Яковлева, В.Д. Миловидова, А.Н. Клепача. Все они стали крупными специалистами и государственными деятелями. Так, А.Р. Белоусов стал министром экономического развития в 2012-м, а с 2013 г. он — помощник президента РФ по экономическим вопросам. А. Яковлев — проректор Вышей школы экономики, директор Института анализа предприятий и рынков. Кстати, он создал и ведет семинар "Институциональные проблемы российской экономики", который, как и семинар В.А. Мартынова, удачно сочетает обсуждение теоретических и практических вопросов развития российской и зарубежной экономики.

Владлен Аркадьевич руководил семинаром, даже тяжело заболев, иногда приезжал на заседания после тяжелых медицинских процедур, проявляя чудеса стойкости. С 2008 г., после смерти Владлена Аркадьевича, дирекция ИМЭМО приняла решение назвать семинар его именем. К нам продолжают приходить интересные докладчики.

Можно сказать, что формат, созданный Владленом Аркадьевичем, оказался жизнеспособным, востребованным как в ИМЭМО, так и в родственных научных институтах».

На базе проводившихся фундаментальных исследований ИМЭМО сумел обеспечить подготовку прикладных аналитических материалов и рекомендаций. Ежегодно на протяжении 1992—1995 гг. в государственные органы, правительство, министерства и ведомства направлялись в среднем свыше 100 аналитических разработок (таких, например, как: «Россия в мировой экономике начала 1990-х годов. Межстрановой сравнительный анализ», «Национальные интересы России и главные факторы формирования ее внешнеполитических позиций»), материалы ситуационных анализов, многочисленные проекты, записки и экспертные оценки отдельных законов, указов и правительственных программ (например, «Методические рекомендации по эффективности инвестиционных проектов»).

Оценивая эффективность всей этой работы, академик В.А. Мартынов впоследствии вспоминал: «В отличие от многих других научных центров ИМЭМО поддерживал сотрудничество с руководящими органами новой власти, особенно в первый период ее существования. Готовились ситуационные анализы и отдельные записки по ряду экономических и внешнеполитических вопросов, по поездкам Б.Н. Ельцина в Индию, Японию, Германию и т.д. Сотрудник нашего Института С. Благоволин был членом Президентского совета, а я был членом другого Совета, который, в отличие от первого, достаточно регулярно проводил свои заседания по вопросам внутриполитической и экономической обстановки в России.

Однако новая власть оказалась неспособной возглавить прогрессивные силы страны в борьбе за реальное обновление общества. На одном лишь антикоммунизме строить политику было невозможно. К тому же власть оказалась сверхкоррумпированной.

Ее деятельность во многом сводилась к дележу бывшей общественной собственности, и в этом водовороте текущей борьбы за нее и за сохранение власти новому руководству было уже не до научных разработок ИМЭМО,

как не было ему дела и до выработки более или менее внятных тактических и стратегических целей экономического и социально-политического курса.

Кризис финансирования не играл главной роли в том, что ИМЭМО не стал тем центром для новой власти, каким он мог стать. Тем не менее, этот кризис был и до сих пор остается фактором быстрого "старения" Института; он препятствует притоку молодых кадров. Престиж науки упал, что ведет к развалу научных коллективов в секторах и отделах, которые, в конечном счете, и создали научную репутацию ИМЭМО»[1].

Директору ИМЭМО не удалось наладить тесные рабочие отношения с высшим руководством России, как это умели делать все его предшественники во времена Хрущева, Брежнева и Горбачева. Сам Мартынов видит причину этого в качестве самой новой власти, в чем-то даже уступавшей предыдущей. «Конечно, — вспоминал он, — многого не удалось сделать, и по объективным, и, к сожалению, по субъективным причинам. Никогда не любил сотрудничать с политиканами и некомпетентными людьми. Я порвал отношения и с Руцким, и с Хасбулатовым, когда они были на гребне власти»[2]. Не получил Мартынов допуска и к ближайшему окружению Ельцина, хотя в президентской администрации и в других государственных структурах трудились его недавние сотрудники, выходцы из ИМЭМО.

Тем не менее, в Институте продолжали заниматься тем, что считали своим профессиональным и гражданским долгом.

Параллельно с научными исследованиями ИМЭМО с самого начала 90-х гг. обращал внимание на вопросы развития в стране высшего образования, в частности, на кризисное положение в отечественном обществознании, безнадежно отставшем от уровня мировой философской, экономической и политической науки. Институт, где давно сформировались собственные научные школы, был готов стать одним из мостов, способных содействовать преодолению разрыва между отечественным и мировым обществознанием, приведению российского высшего образования в соответствие с мировыми стандартами.

В 1991 г. группа ученых ИМЭМО во взаимодействии с коллегами из некоторых других академических центров выступила инициатором содержательной реформы гуманитарного образования в России с целью соединения образования с наукой. Их совместными усилиями при Государственном комитете по высшему образованию Российской Федерации был учрежден Республиканский центр гуманитарного образования (РЦГО). Первым президентом РЦГО был избран один из ветеранов ИМЭМО д.э.н., профессор Лев Львович Любимов. В 1994 г. правительственным постановлением РЦГО получил статус Государственного университета гуманитарных наук (ГУГН) в составе семи факультетов, созданных на базе соответствующих институтов РАН, — философии, всеобщей истории, государства и права и др. Лекции студентам там читали и продолжают читать ведущие ученые академических институтов. Ректором ГУГН на несколько

[1] Запись беседы с В.А. Мартыновым 11 февраля 2003 г.

[2] Там же.

сроков избирался академик А.О. Чубарьян, директор Института всеобщей истории РАН. Позднее название этого высшего учебного заведения было уточнено — Академический государственный университет гуманитарных наук (АГУГН).

Сотрудники ИМЭМО внесли значительный вклад в создание в 1992 г. Высшей школы экономики, быстро завоевавшей репутацию лучшего экономического вуза России. В порядке совместительства там начали работать многие сотрудники ИМЭМО, а некоторые, в частности, академик Р.М. Энтов, член-корреспондент РАН В.С. Автономов, д.э.н. Л.Л. Любимов и др., со временем перешли туда на постоянную работу.

ИМЭМО и в трудных условиях бюджетного недофинансирования продолжал активно развивать партнерские отношения с зарубежными исследовательскими центрами, осуществляя 14 программ регулярных научных встреч и конференций. Устойчивые связи Институт традиционно поддерживал с Атлантическим советом США, с Советом по изучению проблем национальной безопасности Японии, Японским центром экономических исследований, Исследовательским центром Номура, Королевским институтом международных отношений (Великобритания), Мюнхенским институтом экономических исследований (ИФО), Римским институтом международных отношений, Сеульским форумом и Институтом международных отношений и национальной безопасности (Республика Корея).

Правда, не обошлось и без потерь. В начале 90-х сменил московскую площадку давний партнер ИМЭМО — Французский институт международных отношений (ИФРИ). Регулярные российско-французские коллоквиумы политологов и экономистов продолжались, но в Москве они переместились из ИМЭМО в МГИМО. Но и там неизменно присутствовали эксперты ИМЭМО. Они приглашались и на встречи в Париже.

В 90-е гг. у ИМЭМО появились новые партнеры — Центр «Аэроспасьяль» и фонд «Дом наук о человеке» (Франция), Институт «Сечжон» (Республика Корея), Институт международных отношений им. Л. Дэвиса Иерусалимского университета (Израиль) и др.

Ежегодно проводились двусторонние и международные коллоквиумы, симпозиумы и круглые столы. В 1994 г., например, ИМЭМО организовал 18 крупных международных конференций, а его представители участвовали в 70 международных научных мероприятиях в России и за рубежом.

Продолжалась практика научных командировок сотрудников ИМЭМО в зарубежные страны. В 1994 г. в таких командировках побывало 92 человека, из них 10 человек выехали на длительный срок — более полугода.

Тогда же, в 1994 г., Институт принял у себя 600 иностранных гостей и общественно-политических деятелей из 36 стран. На стажировке в ИМЭМО находились 4 зарубежных исследователя[1].

---

[1] Отчет о научно-организационной деятельности ИМЭМО РАН в 1994 г. С. 2—3 // Архив ИМЭМО РАН.

Герман Дилигенский и его журнал

Серьезные финансовые трудности, возникшие в начале 90-х гг., остро поставили вопрос об издании научных трудов, готовившихся в ИМЭМО. В прежние годы такие работы в виде коллективных и индивидуальных монографий публиковались на плановой основе и не влекли за собой финансовых издержек для Института. После 1991 г. все изменилось. Даже академическое издательство «Наука» стало требовать от институтов участия в финансировании издания книг, причем процент такого участия быстро достиг 50% от постоянно возраставшей стоимости выпуска издания, а к концу 90-х гг. приблизился к 100%.

Разумеется, ИМЭМО, как и другие институты РАН, не располагал необходимыми для издательских целей средствами. Начались усиленные поиски спонсоров, которые далеко не всегда имели успех. Определенным выходом из этого положения стало частичное (до 60% от стоимости книги) субсидирование некоторых изданий, выдержавших конкурсный отбор, Российским гуманитарным научным фондом (РГНФ). Но фонд не мог финансировать все издания, готовившиеся в институтах РАН.

Дирекция Института надеялась хотя бы частично решить проблему публикации научных трудов на собственной типографской базе, где можно было выпускать малотиражные (от 100 до 300 экз.) монографии и сборники небольшого (не более 10 печатных листов) объема. Но и здесь поначалу возникли препятствия, связанные со снабжением типографии необходимыми материалами и прежде всего бумагой[1], а также с распространением публикуемых трудов. Решение этих проблем потребует времени и поисков дополнительных финансовых ресурсов.

В связи с этими трудностями возраставшее значение приобретал печатный орган Института — журнал «Мировая экономика и международные отношения», через который можно было доносить до научного сообщества последние достижения экономической и политической мысли, взвешенные и обоснованные оценки событий и явлений современного мира.

Теоретический уровень журнала «МЭ и МО» значительно вырос с тех пор, как в 1988 г. его возглавил доктор исторических наук Герман Германович Дилигенский (1930—2002 гг.), выдающийся политолог, основатель междисциплинарного научного направления — социально-политической психологии.

Дилигенский начинал как историк античности в Институте истории АН СССР, но в конце 50-х гг. его профессиональные интересы переметнулись на современность. Перейдя на работу в ИМЭМО[2], он очень быстро

---

[1] Ежегодно типография ИМЭМО получала из РАН в среднем 14 тонн бумаги, а в 1992 г., например, было выделено только 1,2 т. См.: Стенограмма заседания Ученого совета ИМЭМО РАН 23 февраля 1992 г. С. 144 // Архив ИМЭМО РАН.

[2] См.: Личное дело Г.Г. Дилигенского // Архив ИМЭМО РАН. В 1982 г., в разгар «охоты на ведьм» в ИМЭМО, Дилигенский вынужден был уйти из Института, куда вернулся только в 1987 г. по приглашению тогдашнего директора академика Е.М. Примакова.

выдвинулся в первый ряд исследователей политических процессов, происходивших в развитых странах Запада. В 1969 г. Дилигенский унаследовал от А.А. Галкина руководство отделом экономического положения трудящихся и социально-политических проблем развитых капиталистических стран. Он провел структурную реорганизацию отдела и переориентировал его на исследование современного западного общества. В отделе социально-политических проблем капитализма[1] под руководством Г.Г. Дилигенского впервые в советском обществоведении, не признававшем, как известно, политологию как науку, начали проводиться по-настоящему политологические исследования, не вписывавшиеся в узкие рамки марксистско-ленинской методологии[2].

Этот свободный от идеологических штампов подход Дилигенский распространил и на журнал «МЭ и МО», которым ему доведется руководить на протяжении четырнадцати лет, вплоть до его кончины в 2002 г.

Появившаяся в России после 1991 г. свобода мысли и слова сопровождалась резким ужесточением финансового режима, в котором прежде работал журнал, получавший финансирование от издательства «Наука». Поскольку ухудшились дела в самой «Науке», это немедленно сказалось и на редакции «МЭ и МО», от которой потребовали значительно сократить штат сотрудников и минимизировать другие расходы. Из Президиума РАН по всем институтам, выпускающим в «Науке» свои журналы, шли даже настойчивые рекомендации взять на себя их финансирование. Подобные тенденции и настроения создавали вполне реальную угрозу исчезновения академических научных журналов.

Дирекция ИМЭМО как могла пыталась помочь редакции «МЭ и МО», но возможности самого Института, как уже отмечалось, были в тот период крайне ограниченными. Некоторым сотрудникам редакции было предложено совместительство в отделах Института, чтобы как-то поддержать их материально. На большее Дирекция ИМЭМО пойти не могла.

В феврале 1994 г. Ученый совет ИМЭМО заслушал информацию Г.Г. Дилигенского «О направлениях работы журнала "МЭ и МО"». В своем выступлении главный редактор коснулся не только финансовых и организационно-кадровых вопросов, но и высказался относительно содержательной стороны работы журнала.

Из выступления на Ученом совете Г.Г. Дилигенского[3]:

> «...Журнал по своему статусу — если не единственный, то главный рупор Института, зеркало его научного лица, и без журнала Институт обре-

---

[1] В октябре 1992 г. «отдел Дилигенского», как его называли, был преобразован в Центр сравнительных социально-экономических и социально-политических исследований — ЦСЭСПИ.

[2] О работе Г.Г. Дилигенского в ИМЭМО и его вкладе в науку см.: *Холодковский К.Г.* Герман Дилигенский: путь ученого и мыслителя. — Россия в условиях трансформации. Историко-политологический семинар. Материалы. Выпуск 24. М., 2002. С. 8—16. В этом издании имеются и другие материалы, посвященные различным аспектам научной деятельности Г.Г. Дилигенского.

[3] Текст его выступления см.: Стенограмма заседания Ученого совета ИМЭМО РАН 11 февраля 1994 г. С. 2—11 // Архив ИМЭМО РАН.

чен на роль "великого немого". Ученый совет должен отслеживать и выражать свое отношение к тому, что происходит с содержанием журнала.

За последние примерно два года профиль журнала значительно изменился, как изменился и профиль Института. Если вы посмотрите на указатель статей за прошлый год, то увидите, что статьи по России или как-то связанные с российскими проблемами, с проблемами СНГ, составляют львиную долю публикаций. Хорошо это или плохо?

Наверное, и хорошо, и плохо. С одной стороны, в этом отразился общий поворот нашей общественной науки или к сравнительным исследованиям, или к исследованиям, специально посвященным России. Но это и плохо, потому что, в конце концов, нет другого такого журнала в стране, который давал бы в комплексе глобальные проблемы зарубежных стран. Может быть, это некоторый перекос, который нужно как-то исправлять, но в общем и целом его центральная роль, так же как и в работе Института, в сравнительных исследованиях, ориентированных на российские проблемы, должна остаться.

Отмеченный поворот в профиле журнала сам по себе вызывает необходимость каких-то организационных изменений. В свое время структура редакции строилась в рамках старого профиля: отделы редакции носили проблемно-региональный характер. Существовали и проблемные отделы, например, по международным отношениям. Были и региональные — Европа, "третий мир", АПК и т.д.

В условиях финансового стеснения нет смысла сохранять столь дробную структуру редакции. Мы думаем, что надо провести существенное укрупнение отделов, имея в виду, что будет один отдел экономики, экономических проблем (его возглавит Б.М. Болотин), один отдел международных отношений, один отдел, объединяющий социально-политические проблемы всех регионов и стран, куда вольется и отдел "«третьего мира»"...

Структура журнала и его штатное расписание утверждались в 1957 г., во времена Б.Н. Пономарева. По этому поводу было решение секретариата ЦК. Давали щедро — 28 мест по штатному расписанию. К чему это привело сегодня?

В Президиуме РАН сравнивали разные журналы и выяснили, что в большинстве журналов по естественным наукам 5 или 3 издательских ставки, по гуманитарным наукам — больше, но все-таки не столько, сколько у нас. Нам же в последнее время не удается даже полностью заполнить штат, тем более что часть сотрудников работает на $^1/_2$ ставки. Я имею в виду главного редактора и заведующего одним из отделов, которые являются сотрудниками Института.

Такая картина сейчас производит нелепое впечатление. С точки зрения цифр это тоже выглядит весьма неприятно для нас, потому что в последнем квартале прошлого года убытки по номеру составили (все журналы Академии наук убыточны, в самом факте убытков ничего сверхъестественного нет) цифру порядка 5 млн рублей.

Это было связано с тем, что Издательство в последнее время "гнало" зарплату, и мы радовались этому. А сейчас ситуация, надо сказать, неудобная, поэтому необходимо сокращаться. Президиум РАН пока никаких директивных цифр на этот счет не "спускал", но было выражено твердое пожелание, чтобы в составе редакции было не более 5 человек.

Хочу прокомментировать это пожелание, которое основано на непонимании специфики общественно-политических журналов по сравнению с естественно-научными.

Понятно, что в физико-математических журналах достаточно собрать интересные статьи и внести их в журнал. В общественно-политическом журнале, как бы он ни был плюралистичен, а наш журнал очень плюралистичен, существует редакционная политика, проводится большая организационная работа, обработка материалов, широко проводятся "круглые столы". Но известно, что "круглый стол" не является таким материалом, который можно публиковать без обработки. Это требует довольно большой работы.

Цифра 5 ставок связана во многом с тем, что во многих институтах (так составлено штатное расписание журналов) научное редактирование ведет сам институт, а редакционные работники выполняют лишь техническую работу.

Видимо, это тот путь, который нам нужно будет пройти. Мы обсуждали этот вопрос в руководстве редакции. На 5 издательских мест должны остаться люди, которые все свое время посвящают журналу. Это технические работники и заместитель главного редактора. Они тянут основной груз.

Я думаю, такой оптимальной цифрой было бы 9 ставок Издательства "Наука", но какой-то совершенный минимум — 7 ставок, потому что это связано с большими нагрузками в работе. В то же время хочу повторить, что нам потребуется большая помощь со стороны Института, особенно в редакционной работе.

Нам всем, и редакции, и Институту, надо искать финансовую поддержку. Мы уже этим занимаемся. Я хочу обратиться к Ученому совету, поскольку у большинства членов Совета есть какие-то связи в деловом мире, в мире бизнеса. Журнал может не выжить, а Институт не сможет в одиночку вытянуть журнал. Это все, что я хотел сказать».

В ходе обсуждения было высказано предложение «сдавать в аренду» места в каждом номере журнала банкирам и предпринимателям для их публикаций, как это уже практиковалось в институтском ежегоднике «Год Планеты», но данное предложение не нашло поддержки ни у Дилигенского, ни у других членов Ученого совета. Зато все высказались в пользу преимущественного предоставления места на страницах журнала научным сотрудникам ИМЭМО. Дирекция, со своей стороны, выразила готовность материально поощрять таких сотрудников небольшими денежными бонусами за публикацию каждой статьи. Такая поддержка была тем более важна, что издательство «Наука» в скором времени вообще прекратило выплату авторских гонораров за публикации в журналах.

Было одобрено мнение о необходимости скорейшей компьютеризации всей работы редакции, как и о перспективе выпуска журнала одновременно и в электронной версии.

Тираж «МЭ и МО» хотя и заметно снизился по сравнению с 1980-ми гг., тем не менее, в 1995 г. составил 4945 экземпляров. В то же время в 90-е гг. журнал ощутимо повысил свой авторитет, в том числе и международный. Публикуемые на его страницах статьи нередко переводились и перепечатывались в иностранных журналах. Этому способствовал тот высокий уровень, на который «МЭ и МО» поднял Герман Дилигенский.

Читателей в России и за рубежом привлекали публикации, посвященные анализу тенденций и перспектив развития постсоциалистических обществ и особенно России. Интерес вызывали материалы, анализирующие ход и альтернативные варианты экономических реформ, новую партийно-политическую структуру общества, внешнюю политику и роль России в современном мире. Журнал внес заметный вклад в обсуждение проблем разоружения и конверсии, в анализ мирового опыта развития рыночных структур и процессов становления гражданского общества, в исследование связи между процессами развития посттоталитарных обществ и эволюцией современной мировой цивилизации.

* * *

Во всех отношениях «лихие девяностые» были суровым испытанием для научного коллектива ИМЭМО. С одной стороны, стало интересно работать; с другой — стало трудно жить. Значительную часть времени у научных сотрудников занимали поиски средств к существованию. Многие совмещали основную работу с несколькими подработками в других местах, вынужденно отвлекаясь от любимого дела.

Одним из главных социально-психологических последствий экономических реформ в России стала нараставшая разобщенность людей, обособление и замыкание их на решении собственных материальных проблем. Распадались существовавшие прежде общественные коммуникации. Рухнувшее советское общество, не успев стать обществом гражданским, катастрофически атомизировалось. Совсем еще недавняя высокая политическая активность граждан сменялась равнодушием и апатией.

Это не могло не сказаться на общей моральной атмосфере и в ИМЭМО, откуда как-то незаметно ушла некогда оживленная общественная жизнь с ее совместными праздниками, переживаниями и утратами. Пришел в запустение, а потом и вовсе прекратил свое существование, превратившись в склад ненужных вещей, вместительный актовый зал Института, где на протяжении четверти века проводились общие собрания, интересные встречи, кинопросмотры и концерты[1]. В обезлюдевших помещениях Института, сотрудники которого метались по Москве в поисках дополнительных заработков, прочно обосновались тараканы и мыши...

Люди реже стали собираться даже по своим секторам и отделам. От былого коллективизма остались только воспоминания — теперь уже преимущественно ностальгические. Новые времена — новые нравы.

Тем не менее, и в таких крайне неблагоприятных условиях научная жизнь в ИМЭМО никогда не прерывалась.

---

[1] В течение полутора десятилетий бывший актовый зал являл собой печальное зрелище, вполне сопоставимое с общей картиной упадка 90-х, и лишь в 2016 г., к 60-летию Института, немалыми усилиями директора ИМЭМО академика А.А. Дынкина развернулась энергичная работа по восстановлению актового зала.

Глава 15

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1990-Х ГОДОВ

От президентских выборов 1996 года к дефолту 1998 года

Вторая половина 90-х гг. в новейшей истории России была отмечена крупными событиями и даже потрясениями: президентские выборы 1996 г., выявившие, помимо прочего, появление у олимпа власти новой влиятельной политической силы — олигархата в лице группировки банкиров (т. н. «семибанкирщина»[1]), попытавшихся взять под контроль управление страной, прекращение (как оказалось, временное) вооруженного конфликта в Чечне, продолжавшаяся борьба между думским левым большинством и президентом, министерская чехарда, отражавшая соперничество кланов и группировок во властной элите, дефолт 1998 г., обваливший всю финансово-экономическую систему России, наконец, добровольно-вынужденная отставка Б. Ельцина в декабре 1999 г.

За всеми этими событиями отчетливо просматривалась тенденция к утверждению в России государственно-олигархического капитализма

---

[1] Это определение впервые ввел в обращение журналист Андрей Фадин, бывший научный сотрудник ИМЭМО, который 14 ноября 1996 г. опубликовал в «Общей газете» статью под заголовком «Семибанкирщина как новорусский вариант семибоярщины». Аналогией для А. Фадина послужил эпизод из истории Смутного времени в России, когда в 1610—1612 гг. после низложения царя Василия Шуйского страной управляло боярское правительство, состоявшее из семи представителей знатнейших фамилий. Спустя без малого триста лет, при Борисе Ельцине, в обществе возникло ощущение, что судьбу страны, помимо официального правительства, во многом определяет приближенный к президенту узкий круг банкиров и представителей крупного бизнеса, контролирующих к тому же основные СМИ. Первоначально в этот круг входили семь олигархов, что и навело А. Фадина, историка по образованию, на аналогию с семибоярщиной. С середины 90-х гг. этот круг несколько расширился. В него входили: Борис Березовский (группа «ЛогоВАЗ»), Михаил Ходорковский («Менатеп», а впоследствии — нефтяная компания «ЮКОС»), Михаил Фридман и Петр Авен («Альфа-Групп»), Владимир Гусинский (группа «Мост»), Владимир Потанин («ОНЭКСИМ Банк»), Александр Смоленский («СБС-Агро», банк «Столичный»), Владимир Виноградов («Инкомбанк»), Виталий Малкин («Российский кредит»). При всех существовавших разногласиях в 1995—1996 гг. они объединились во имя общей цели — переизбрания Б. Ельцина на новый срок, что позволило бы им и в дальнейшем находиться при власти, получая от нее новые льготы и преимущества. Связующим звеном между президентом России и «семибанкирщиной» был Анатолий Чубайс, получивший после успешных для Ельцина выборов ключевой пост главы президентской администрации.

и соответствовавшего ему политического режима, который многие исследователи определяют как «гибридный авторитарно-демократический». Один из этих исследователей, В.В. Согрин, следующим образом характеризует этот «гибридный» режим, утвердившийся после принятия суперпрезидентской конституции в конце 1993 г.: «Среди всех ветвей власти как на федеральном, так и на региональном уровне доминирует исполнительная. Главы исполнительной власти — президент на федеральном уровне, губернаторы на региональном, мэры на местном — формируют властную вертикаль на основе патронально-клиентельных связей. На федеральном уровне особое значение приобретает такой внеконституционный механизм, как администрация президента, которая возвышается и над правительством, и над Федеральным собранием. Органы исполнительной власти и бюрократия тесно связаны с финансово-экономическими группами и объединениями, подпитываются ими и обслуживают их интересы. Между этими группами и объединениями ведется активная борьба за влияние на власть, что порождает плюрализм и конкуренцию элит. Плюрализм элит все более выступает в качестве основы плюрализма средств массовой информации, которые в своем большинстве как на федеральном, так и на местном уровне приватизируются или попадают под контроль наиболее влиятельных финансовых и бюрократических группировок. Механизмы, которым принадлежит высшая власть по Конституции, — всеобщие выборы, законодательная и судебная ветви — отходят на второй план в сравнении с внеконституционными механизмами политического управления. Гражданское общество и демократические институты остаются крайне неразвитыми. Демократическое волеизъявление народа имеет значение как механизм воздействия на конкурирующие элитные группы, которые апеллируют к массам, пытаясь заручиться их поддержкой, и делают им определенные уступки, пытаясь упрочить массовую социальную базу»[1].

Именно в это время четко обозначилось опасное отчуждение власти от общества. Едва зародившиеся в начале 90-х институты демократии (свободные выборы, свободная пресса, влиятельный парламент, стремящийся стать независимым суд и др.) на глазах теряли свой изначальный смысл, отступая под мощным напором исполнительной власти и поддерживавших ее олигархов, которые, благодаря грязной приватизации[2], сосредоточили в своих руках до 50% (а по другим сведениям, до 70%) национального экономического потенциала России. Олигархи, буквально сросшиеся с президентскими структурами власти, сумели установить контроль и над основными средствами массовой информации: печатными изданиями, радио и телевидением. Только очень наивные люди могли тогда полагать, что они получают информацию от свободных СМИ. Пресса, в значительной степени освобо-

---

[1] *Согрин В.В.* Политическая история современной России. 1985—2001: от Горбачева до Путина. М., 2001. С. 196—197.

[2] За все время массовой приватизации, проводившейся в России с 1992 по 1998 год, государственный бюджет получил лишь около 1% ВВП. Все остальное попало в руки небольшой кучки олигархов, тесно связанных с теми, кто руководил процессами приватизации.

дившаяся от контроля государства, вовсе не стала независимой. Она оказалась под жестким контролем со стороны новых хозяев, навязывавших журналистам нужную олигарху-хозяину редакционную стратегию и тактику.

Новым феноменом постсоветской демократии стали информационные войны, в которые олигархи по тем или иным причинам вступали друг с другом. Достаточно вспомнить о войне, которую владелец НТВ В. Гусинский вел с хозяином ОРТ (1-й канал ТВ) Б. Березовским на подвластных им каналах. Эта война олицетворялась двумя популярными тогда тележурналистами — Евгением Киселевым, старательно работавшим на Гусинского, и Сергеем Доренко, доблестно отстаивавшим интересы Березовского. Но в 1996 г. оба олигарха, как и остальные представители крупного бизнеса, действовали заодно, добиваясь победы на президентских выборах своего кандидата — Бориса Ельцина, чей рейтинг поддержки, по разным оценкам, колебался между четырьмя и шестью процентами.

В самый разгар избирательной кампании произошел раскол в команде президента. Одна ее часть (начальник Службы безопасности президента А.В. Коржаков, директор ФСБ М.И. Барсуков и вице-премьер О.Н. Сосковец) подталкивала Ельцина к отмене (или переносу) выборов, на которых он, по их мнению, имел все шансы потерпеть поражение. Следование этому совету означало бы осуществление еще одного государственного переворота (после ГКЧП в августе 1991 г. и разгона парламента 3—4 октября 1993 г.), что было чревато утратой легитимности исполнительной власти и лично Б. Ельцина, не говоря уже о нежелательных международных последствиях. Как известно, Запад сквозь пальцы посмотрел на переворот, осуществленный Ельциным осенью 1993 г., но не было никакой уверенности в том, что он простит ему вторичное попрание конституции. Во всяком случае, порицание, если не правительствами западных стран, то международной общественностью, было гарантировано, пойди Ельцин на отмену выборов.

Поэтому глава государства поддержал другую группу в своей команде, настаивавшую на проведении очередных президентских выборов в установленный законом срок. Эта группа, состоявшая из либералов, сподвижников Е.Т. Гайдара, возглавлялась «отцом» ваучерной приватизации А.Б. Чубайсом, назначенным руководителем избирательного штаба Б. Ельцина. Позиция Чубайса была поддержана олигархами, в равной степени озабоченными как судьбой своих капиталов, так и репутацией на Западе, куда, начиная с середины 90-х, они втихую переводили активы, создавая для себя резервный «аэродром» и страхуя тем самым риски от непредсказуемого развития событий в России.

Поскольку честно выиграть выборы при предельно низком рейтинге Б. Ельцина не представлялось возможным, ставка была сделана на новейшие (зачастую грязные) избирательные технологии и мобилизацию информационно-пропагандистских ресурсов, значительная часть которых находилась в руках олигархов. Последние предоставили избирательному штабу главы государства все необходимые финансовые и медийные средства. О том, какие преференции в случае благоприятного для Ельцина

исхода выборов были обещаны олигархам, легко догадаться: незыблемость положения олигархии в сложившейся системе власти и ее преобладающее влияние в экономике[1].

Для участия в избирательной кампании А. Чубайс, уже прибегавшей ранее к помощи американских экспертов в ходе ваучерной приватизации, выписал из США группу политтехнологов, разработавших пропагандистскую стратегию под лозунгом «Голосуй, или проиграешь», заимствованную из предвыборной кампании Б. Клинтона. Применительно к России эта стратегия имела двойную направленность.

С одной стороны, в сознание избирателей настойчиво вбивалась мысль о реальной опасности коммунистической реставрации. Подконтрольные олигархам СМИ ежедневно выдавали в телеэфир программы и фильмы, в которых разоблачались преступления сталинизма, которые могут возобновиться в случае победы Геннадия Зюганова. Образ самого Зюганова в буквальном смысле демонизировался. Лидер КПРФ представал как убежденный сталинист, мечтающий восстановить тоталитарный режим.

С другой стороны, предвыборная стратегия команды Чубайса была адресована молодежи, которую любой ценой надо было привлечь на сторону Ельцина и побудить принять участие в голосовании, чтобы уравновесить голоса дисциплинированных избирателей-пенсионеров, чьи предпочтения традиционно были на стороне коммунистов. Для этого устраивались эстрадные концерты и всевозможные развлекательные шоу, к участию в которых, на американский манер, привлекали Бориса Ельцина, отплясывавшего на сцене и подпевавшего рокерам, несмотря на тяжелое физическое состояние (именно в это время у него случился очередной инфаркт).

В ход пускалось все допустимое и недопустимое, включая прямой обман. 18 мая 1996 г. своим указом Б. Ельцин объявил о переходе с 2000 г. к профессиональной армии, пообещав матерям, что их сыновья, которым в момент выхода указа было 14 и менее лет, будут служить только на добровольных началах. Этот указ втихую был отменен вскоре после победы Ельцина.

С целью оттянуть от Зюганова, главного соперника Ельцина, часть патриотически настроенного электората, команда Чубайса, по инициативе Б. Березовского, затеяла многоходовую комбинацию по привлечению на сторону президента популярного среди части общества отставного генерала А.И. Лебедя, выступавшего на выборах кандидатом от т.н. «третьей

[1] Одной из форм расчета с олигархами после победы Б. Ельцина на выборах 1996 г. станут так называемые залоговые аукционы — распродажа принадлежавших государству активов. Оцениваемые западными экспертами в 200 млрд долл., эти активы были переданы олигархам примерно за 7 млрд. Далеко не всегда олигархам удавалось договориться между собой при дележе государственных активов, а в ряде случаев недовольные результатами аукционов начинали воевать не только друг с другом, но даже с правительством. Так, в частности, произошло уже на первом аукционе (25 июля 1997 г.), когда на продажу были выставлены 25% акций телекоммуникационной и телефонной монополии АО «Связьинвест», за которую схватились, с одной стороны, Б. Березовский и В. Гусинский, а с другой — В. Потанин. Победа досталась владельцу «ОНЭКСИМ Банка», после чего Березовский и Гусинский развернули ожесточенную медийную кампанию не только против Потанина, но и против правительства В. Черномырдина, где до этого в должности вице-премьера работал В. Потанин.

силы». Одновременно решалась еще одна задача — не допустить объединения вокруг единого кандидата других представителей «третьей силы» (Г. Явлинского, В. Жириновского, М. Горбачева, С. Федорова, А. Тулеева, В. Брынцалова, Ю. Власова и М. Шаккума). Впрочем, их объединению мешали, прежде всего, личные амбиции этих политиков.

На выборах, состоявшихся 16 июня, на первое место с небольшим отрывом (35,28%) вышел Б. Ельцин. Его основной противник Г. Зюганов получил 32,04% от числа принявших участие в голосовании. Уже тогда возникли серьезные сомнения относительно чистоты подсчета результатов. В связи с этим можно вспомнить, что в кругах либеральной интеллигенции, оказавшейся под воздействием пропагандистского шантажа опасностью «коммунистической реставрации», на фоне низкого предвыборного рейтинга Ельцина то ли в шутку, то ли всерьез высказывались надежды, что, мол, «Николай Тимофеич все подсчитает, как надо»[1].

Третий результат в первом туре голосования показал А. Лебедь (14,52%), сильно опередив остальных кандидатов, претендовавших на роль представителей «третьей силы» — Г. Явлинского, В. Жириновского, С. Федорова и др. Уже 18 июня Лебедь получил предложение занять пост секретаря Совета безопасности и помощника президента по национальной безопасности с расширенными полномочиями. В обмен популярный генерал должен был призвать своих избирателей во втором туре отдать голоса Б. Ельцину, что он и сделал, не догадываясь, что становится инструментом в руках искушенных и циничных манипуляторов, главную роль среди которых играл Борис Березовский.

19 июня, за две недели до второго тура, произошел громкий скандал, окончательно расколовший избирательный штаб Б. Ельцина. При выносе из Дома правительства большой картонной коробки с крупной суммой долларов, по приказу генералов М. Барсукова и А. Коржакова были задержаны два активиста предвыборной кампании Ельцина — С. Лисовский и А. Евстафьев. Скандал вскрыл использование в избирательной кампании недостойных средств, подтвердив и без того существовавшие в обществе подозрения о грязных технологиях и махинациях в проходивших выборах. В этот критический момент Чубайс, руководитель избирательного штаба Ельцина, руками генерала Лебедя, только что назначенного секретарем СБ, добился освобождения двух своих сподвижников и убедил действующего президента отправить в отставку его «старую гвардию» — М. Барсукова, А. Коржакова и О. Сосковца. Таким образом, либеральная фракция в команде Ельцина одержала верх над силовиками.

А за два дня до этого в отставку был отправлен «лучший министр обороны» Павел Грачев, на место которого, по настоянию Александра Лебедя,

---

[1] Речь идет о тогдашнем председателе Центральной избирательной комиссии (с 1993 г.) Н.Т. Рябове. Бывший заместитель директора сельскохозяйственного техникума в г. Сальске Ростовской области в 1990 г. стал депутатом Верховного Совета РСФСР, затем — заместителем председателя ВС Российской Федерации. После успешных для Б. Ельцина выборов 1996 г. Н. Рябов получил теплую посольскую должность в благополучной Чешской Республике.

был назначен генерал Игорь Родионов. Новым шефом ФСБ вместо уволенного Барсукова стал Николай Ковалев.

После заполучения в союзники Лебедя результат второго тура голосования был для Ельцина и его команды предсказуем и, можно даже сказать, предрешенным. 3 июля действующий президент одержал ожидаемую победу над своим противником, получив 53,7% голосов (против 40,4% у Г. Зюганова). Впоследствии лидера КПРФ не раз будут упрекать за то, что он не опротестовал результаты голосования, особенно в первом туре. Это ведь можно было трактовать и таким образом, что коммунисты, находясь в 1996 г. на пороге власти, добровольно отказались от борьбы за нее, согласившись на роль вечной, пусть и самой влиятельной, оппозиционной силы. В целом же президентские выборы 1996 г., по справедливому замечанию одного из исследователей, были не чем иным, как «референдумом о возможности реставрации коммунизма в стране»[1].

Победе Б. Ельцина, безусловно, содействовала и приостановка боевых действий в Чечне, где они продолжались с 1994 г., унеся жизни десятков тысяч человек с двух сторон. В конце мая 1996 г. в Москве с руководством мятежной Ичкерии был подписан соответствующий документ, закрепленный 31 августа т.н. Хасавюртовскими соглашениями, означавшими фактическое признание независимости Чеченской республики. Автором этих соглашений с российской стороны был подписавший их по поручению Б. Ельцина секретарь Совета безопасности А. Лебедь, возраставшие амбиции и самостоятельность которого все больше раздражали президента. 19 октября 1996 г. Лебедь, как «сделавший свое дело мавр», был удален от власти. Он лишился двух занимаемых постов — секретаря СБ и помощника главы государства. Место секретаря СБ занял И.П. Рыбкин, бывший председатель Государственной думы, близкий к Б. Березовскому, самому влиятельному члену «большой семьи» президента Ельцина.

С трудом вырванная стараниями его либерального окружения победа побуждала Б. Ельцина к корректировке внутриполитического и экономического курсов, что нашло свое отражение и в кадровой политике. Руководитель его избирательного штаба А. Чубайс, как уже отмечалось, сразу же после выборов возглавил президентскую администрацию. Посты первых и обычных вице-премьеров (всего их в составе правительства было 24! — своего рода рекорд) при сохранявшем пока свое положение В. Черномырдине заняли либералы-рыночники Б. Немцов, В. Потанин, С. Кириенко, А. Лившиц, Я. Уринсон, которых стали называть младореформаторами. Год спустя либеральное крыло правительства было усилено А. Чубайсом, А. Кохом и М. Бойко, тесно связанными с олигархами. Во власть был призван и Б. Березовский, получивший пост заместителя секретаря СБ, а затем — секретаря Исполкома СНГ, что позволило ему еще более успешно продвигать свои бизнес-проекты.

За всеми этими перемещениями стояло возникшее у президента после успеха на выборах желание дать новый толчок либерально-демократиче-

[1] *Ванюков Д.А.* Демократическая Россия конца XX — начала XXI века. М., 2007. С. 144.

ской модернизации России, в чем он видел свою историческую миссию. Но искусственное, аппаратно-бюрократическое стимулирование модернизации не приводило (да и не могло привести) к желаемым результатам. Экономика по-прежнему оставалась сырьевой, а национальное промышленное производство к 1997 г. опустилось ниже 50% в сравнении с уровнем 1990 г. По показателю ВВП на душу населения Россия к этому времени оказалась в шестой десятке стран мира (в 1990 г. она еще входила в третью десятку).

В апреле 1998 г., недовольный продолжавшимся в экономике застоем Ельцин отправил в отставку верного ему, но бессильного что-либо изменить к лучшему Черномырдина и призвал к власти новую команду младореформаторов во главе с 35-летним С. Кириенко, бывшим секретарем Горьковского (Нижегородского) обкома ВЛКСМ, ставшим в то время заметной фигурой в российском либеральном движении. В обществе его сразу же окрестили «киндер-сюрпризом», имея в виду юный для премьер-министра возраст. Заместителями председателя правительства стали Б. Немцов, О. Сысуев и В. Христенко. Новая команда продолжила слегка скорректированный прежний либерально-монетаристский курс, который неотвратимо привел полуразрушенную «игрой в деньги» российскую экономику к дефолту, грянувшему 17 августа 1998 г. Впрочем, ответственность за произошедший тогда крах финансовой системы России с младореформаторами по справедливости должны разделить и предыдущие правительства — Е. Гайдара и В. Черномырдина.

Удивленное оживление и самые противоречивые отклики в обществе вызвало неожиданное предложение президента Б. Ельцина, выдвинутое вскоре после победы на президентских выборах: сформулировать для России некую «национальную идею», которая объединила бы страну и задала бы ей перспективный вектор развития. В сущности, речь шла о поисках новой государственной идеологии, что явно противоречило конституции 1993 г., отвергавшей любую государственную идеологию.

Тем не менее, в политических кругах и научных гуманитарных центрах всерьез озаботились соответствующими поисками. В стороне не остался даже Александр Солженицын, который предложил в качестве национальной идеи вполне разумную, даже бесспорную мысль — «сбережение народа». Он обосновал свое предложение неисчислимыми жертвами, которые понесла Россия/СССР на протяжении всего XX века.

Шутники же утверждали, что национальную идею не нужно изобретать, так как она самоутвердилась в России немедленно после крушения коммунистического режима. Эта идея имеет предельно краткое определение, заимствованное из уголовного лексикона — «бабло»[1]. Это самое

[1] Использование элементов блатного жаргона («фени») в 90-е гг. распространилось не только среди рядовых граждан, но и в политическом истеблишменте, на ТВ и в печатных СМИ. С тех пор журналисты, политологи, депутаты, министры и даже деятели культуры, не говоря уже о «звездах» шоу-бизнеса, постоянно «украшали» свои выступления выражениями и словечками, заимствованными из разговорного языка преступного мира, не говоря уже о мате. Незаметно это стало как бы даже нормой общения, что само по себе характеризовало уровень нравственного состояния общества.

«бабло», как горько шутили в России, не только «победило зло», но и стало высшим мерилом успеха и даже гражданского достоинства.

Обогащение как некая национальная идея — не новость. Можно, например, вспомнить Францию эпохи Июльской монархии, когда то ли «король-буржуа» Луи-Филипп, то ли его министр Франсуа Гизо (достоверно выяснить это историкам так и не удалось) подал французам сигнал: «Обогащайтесь!» Правда, обогащаться французам времен Бальзака было рекомендовано исключительно путем «труда и бережливости».

А в России «лихих девяностых» такой сигнал, поданный в одночасье разбогатевшими реформаторами и высокопоставленными чиновниками, означал только одно: обогащайся любой ценой, всюду, где сможешь, «кормись» от занимаемой должности, бери взятки, сумей приобщиться к разделу «общенародного достояния» и «распилу» бюджетных средств, отбирай чужую собственность и т.д. Именно тогда широкое хождение обрела циничная формула: «Если ты умный, то почему не богатый?..»

Этот сомнительный призыв, надо сказать, в стране был услышан, а вот поиски альтернативной национальной объединяющей идеи так ни к чему не привели. В скором времени общество утратило интерес к этой теме.

Государство и общество: неутешительный диагноз

Тенденции внутриполитического развития России и вопросы сложных взаимоотношений власти и общества в эти годы продолжали оставаться в центре внимания аналитиков ИМЭМО и прежде всего научного подразделения, возглавлявшегося Г.Г. Дилигенским. Свои соображения и выводы на эту тему политологи неоднократно выносили для обсуждения на заседаниях Ученого совета. Одно из таких заседаний состоялось 19 февраля 1997 г., когда был заслушан доклад д.и.н. Кирилла Георгиевича Холодковского[1] на тему «Политическая институционализация российского общества: процессы и противоречия»[2].

Среди совершенно очевидных характеристик современного российского государства он выделил такие явления, как кризис государственности, бессилие государственных органов, неисполнение законов, пробелы и противоречия в законодательстве, тенденция к распаду государственного механизма на отдельные части, его криминализация. Одновременно все более отчетливо, по мнению Холодковского, проявляется опасное рас-

[1] Кирилл Георгиевич Холодковский (1928 г.р.) — выпускник исторического факультета МГУ, один из ветеранов ИМЭМО. Долгое время он специализировался на изучении социально-политических проблем современной Италии. Ему принадлежит ряд фундаментальных исследований по итальянской и западноевропейской проблематике. В дальнейшем, работая в отделе Г.Г. Дилигенского, где он заведовал сектором, Холодковский, как и большинство его коллег, расширил сферу своих научных интересов, включив в них вопросы внутриполитического развития постсоветской России.

[2] Текст его доклада см.: Стенограмма заседания Ученого совета ИМЭМО РАН 19 февраля 1997 г. С. 3—22 // Архив ИМЭМО РАН.

хождение между официально действующей Конституцией и практикой ее реализации.

Из доклада К.Г. Холодковского:

> «В Конституции записано, что Россия является демократическим государством, стоящим на страже прав и свобод граждан. На деле мы имеем сейчас пока кланово-корпоративное государство, олигархическое с явными авторитарными тенденциями. Провозглашен курс на правовое государство, в Конституции записан принцип равенства перед законом. Однако во многих сферах у нас — явное господство права сильного. Законы не исполняются зачастую теми, кто должен их исполнять. Суды в основном безвластны. Мы знаем, что есть многомесячное предварительное заключение, репрессивная и допотопная пенитенциарная система. Органы охраны порядка зачастую не ограничены в своем произволе, разбухшие, коррумпированные и т. д.
>
> Принципом, юридически провозглашенным в территориальном устройстве, является федерализм, но до сих пор в практике государственного управления велика тенденция унитаризма, причем унитаризма в сочетании с конфедералистскими и даже сепаратистскими тенденциями.
>
> Провозглашено отделение церкви от государства, равенство вероисповеданий. Однако есть попытка поставить церковь на службу государству, в привилегированное положение — православие. Список этих противоречий можно было бы умножить».

Эти очевидные противоречия докладчик объяснил тем, что записанные в разгар постсоветских реформ нормы и правила, прошедшие апробацию в развитых демократических странах, в России столкнулись с реальным состоянием общества, еще не освободившегося окончательно от пресса тоталитаризма. В этом смысле Россия находится в переходном состоянии; что-то унаследовано от прошлого, что-то возникло в самое последнее время. При этом опасения в равной степени вызывают как рудименты прошлого, так и негативные новейшие тенденции, которые могут укрепиться и законсервироваться. В этом смысле, подчеркнул Холодковский, важную роль могло бы играть общество, но к нему не меньше вопросов, чем к государству.

«Постсоветское государство, — развил свою мысль докладчик, — имеет дело не с организованным обществом, а, с одной стороны, с мощными элитными группами интересов, которые начали формироваться еще в поздний советский период и которые быстро сформировались по выходе из тоталитаризма, в особенности этот процесс ускорился во время приватизации. С другой стороны — с аморфным, атомизированным обществом». В основе такого аморфного общества, отметил Холодковский, стоит особый тип постсоветского индивида, отличного от своего западного аналога социальной безответственностью, эгоизмом и потребительством, отсутствием живого интереса к общественной жизни. Таким образом, констатировал Холодковский, в современной России сложилось «неравновесное состояние: с одной стороны, мощные группы интересов, с другой — атомизированное, разобщенное общество, основной ячейкой которого все более становится малая семья».

На Западе, продолжал он, тоже существуют группы интересов, но там все выглядит по-другому, нежели в России. Почему? «На Западе, — сказал Холодковский, — отношения элиты и общества упорядочены благодаря наличию гражданского общества с плотной тканью разветвленных ассоциативных связей. И упорядочены они прежде всего через партийно-политический механизм. Партии выступают здесь как агенты укрупненных интересов, уже согласованных более или менее друг с другом, агрегированных в том или ином варианте в общенациональной стратегии.

Этот процесс очень сложный, он развивается благодаря взаимодействию между многочисленными институтами гражданского общества, взаимодействию между партиями и другими институтами гражданского общества и, наконец, взаимодействию между правительством и самим государством. В результате учитываются интересы не только элиты, но и широких слоев населения».

Ничего этого, с сожалением констатировалось в докладе, в России нет, в том числе и современных политических партий. «У нас существуют партии, — уточнил свою мысль Холодковский, — но партии в том понимании, в каком они существовали на Западе в конце XVIII — первой половине XIX в., т.е. в виде широких идейно-политических, расплывчатых, неорганизованных или плохо организованных течений, ориентированных на какую-то символическую фигуру. А нынешние организации... являются лишь частичками этих широких партий, течений, неспособными взять на себя представительство укрупненных, агрегированных интересов, как это делается на Западе. В этом, на мой взгляд, основная причина того, что привилегированным партнером стали не партии, а группировки, выступающие от имени сравнительно еще узких корпоративных интересов, которые не согласованы или плохо согласованы с другими, не укрупнены национальной стратегией».

Выработка национальной стратегии, помимо объективных причин, затруднена и тем, подчеркнул докладчик, что «зачастую наверху мы имеем людей, по эгоистически индивидуалистскому потребительскому воспитанию нашего общества слабо способных озаботиться национальными интересами; в результате получаются такие явления, когда принимаются какие-то законы, потом они отменяются или в них вносятся поправки, сводящие их на нет. В результате приоритетными интересами становятся в значительной мере случайные интересы, скажем, строительство скоростной дороги Москва — Петербург оказывается более важным делом, чем состояние народного образования».

Холодковский обратил внимание на новые опасные явления, которые он определил как попытки «приватизации государства», ведущие, помимо прочего, к отчуждению последнего от общества.

Из доклада К.Г. Холодковского:

> «Отдельные звенья государственного механизма, которые подвергаются привилегированным отношениям, привилегированной обработке со

стороны этих элитных групп, превращаются в своего рода опорные центры этих группировок. И соотношение сил между какими-то государственными органами и частными группировками сейчас резко изменилось после приватизации. Речь идет об очень мощных элитных группировках, в результате происходит "приватизация" государства. Это именно такое превращение отдельных звеньев государства в опорные органы определенных элитных групп. Возникают команды, в которых происходит сращивание государственного аппарата (центрального и местного) с финансовым и торгово-промышленным капиталом, а поскольку этот капитал вышел из теневой экономики и во многом криминализировался, то и с криминальными группами тоже.

Нельзя, конечно, сказать, что вся нынешняя политика носит такой закрытый, корпоративно-кланово-кабинетный характер. Все-таки нашим верхам приходится осваивать методы публичной политики, апеллировать к обществу, во всяком случае, к его отдельным частям. И, тем не менее, удельный вес этой коридорной политики чрезмерно велик. В результате мы имеем то следствие, что отчуждение государства от общества, которое, было, уменьшилось в определенный период, сейчас снова резко усилилось. Именно это, на мой взгляд, лежит в основе кризиса государственности.

Что могло бы спаять, интегрировать государство и общество, утратившее те скрепы, которым являлась партия и государство — КПСС?

Сейчас иногда возлагаются преувеличенные надежды на процессы консолидации элит. Действительно такая тенденция к консолидации элит есть. Это и более деловые отношения между ветвями власти, и сближение правящей и оппозиционной части элит, и подключение во власть представителей финансового капитала... и консолидация региональных элит, когда не очень важно, кто там побеждает... на выборах губернатора. Это, надо сказать, и антинатовский консенсус во внешней политике. Я думаю, что он тоже играет роль в сплочении элиты...

Несомненно, в этом процессе есть положительные стороны. Это — элемент нормализации, закрепления определенных правил игры, это поможет преодолеть соблазн силового решения вопросов захвата власти или, наоборот, сохранения власти. Но при нынешних взаимоотношениях элит и общества существуют большие шансы на то, что все это выльется не в общественный договор и в упорядочение отношений, а в сговор элит за счет общества...»

Единственным эффективным средством для недопущения такого антиобщественного сговора элит, по убеждению Холодковского, могло бы стать «постоянное и хорошо организованное давление снизу, естественно, при готовности хотя бы части элит опереться на это давление». Речь идет не об организации забастовок, голодовок и других акций массового неповиновения, а об институциональном давлении, о создании и развитии организационной сети, которая отстаивала бы интересы широких слоев населения и которая упорядочила бы во взаимодействии между собой эти интересы, что помогло бы выработать, наконец, национальную стратегию.

Непременно нужно, продолжал Холодковский, убедить государство в необходимости реально содействовать развитию гражданского общества, а не мешать этому процессу. Необходимо всеми средствами преодоле-

вать глубокий раскол, образовавшийся между государством и обществом, поднимать уровень взаимного доверия, который сейчас очень низкий.

Само общество, по убеждению докладчика, настоятельно нуждается в возрождении влиятельного демократического движения, которое почти сошло на нет после мощного всплеска на рубеже 80—90-х гг. Необходима «демократизация демократии». «Демократы, — подчеркнул Холодковский, — должны преодолеть либеральный снобизм, который у них очень силен по отношению к социальным факторам, когда считается, будто... либеральные и социал-демократические начала непримиримы. И если этот снобизм будет преодолен, если будет такое встречное движение, я думаю, что и государство можно будет заставить переменить его отношение к гражданскому обществу, содействовать, а не мешать развитию многопартийной системы, поощрять, а не дискриминировать новые профсоюзы, развернуть политическое просвещение и т.д., вводить законодательные рамки, которые также очень важны для стимулирования и деятельности гражданского общества».

Серьезной проблемой в современной России, по мнению докладчика, остается недопустимая неразвитость местного самоуправления.

Другой, не менее важной проблемой является сохраняющееся напряжение в отношениях центра и регионов, в частности, в вопросе распределения и перераспределения налоговых поступлений. Здесь необходимо установить твердые законодательные правила и добиваться их неукоснительного соблюдения.

Отвечая на вопрос председательствовавшего на заседании академика В.А. Мартынова о целесообразности выработки для современной России какой-то объединяющей национальной идеи, К.Г. Холодковский высказал свое скептическое отношение к такого рода поискам, но одновременно подчеркнул, что необходимо принять самое активное участие в разработке стратегии преобразований. «Сейчас эта задача чрезвычайно актуальна. Но в той идейно-психологической ситуации, которая создается вокруг национальной идеи, именно этот элемент не чувствуется, он отходит на задний план. Национальная идея, так сказать, выступает как некая подмена отсутствующей стратегии. Она просто провозглашается как таковая, причем с акцентом на слове "национальная", из чего следует логическая цепочка — нам не подходит все, что наработано мировым опытом, мы должны обращаться к собственным корням. Традиции и культурные стереотипы, несомненно, нужно учитывать, но никакой процесс трансформации не может основываться только на их учете, поскольку трансформация — это отказ от чего-то старого и принятие чего-то нового. Поэтому я говорил не о национальной идее как таковой, а о том конкретном звучании, которое она приобретает в нашем современном контексте»[1].

С содокладом на заседании Ученого совета выступил д.и.н. Г.Г. Дилигенский[2]. Свое выступление он посвятил проблеме функциональности

---

[1] Архив ИМЭМО РАН // Стенограмма заседания Ученого совета ИМЭМО РАН 19 февраля 1997 г. С. 23.

[2] Текст доклада см.: Там же. С. 23—40.

сложившейся в современной России гибридной авторитарно-демократической системы. Во всех отношениях эта функциональность, по его мнению, представляется неудовлетворительной. Самым ярким примером такого рода могут служить многомесячные задержки с выплатой зарплаты даже военнослужащим Ракетных войск стратегического назначения — главного щита национальной обороны и безопасности. В этом смысле следует говорить скорее о дисфункциональности существующей системы, не выполняющей самых основополагающих своих функций.

Столь же неэффективна, даже бессильна эта система в противостоянии деструктивным формам преступности и экспансии лептобюрократии.

Серьезным изъяном системы, по утверждению Дилигенского, можно считать отсутствие у правительства государственной стратегии модернизации. В определенном смысле это можно объяснить тем, что в нынешнем правительстве собрались люди, не объединенные единой идеей, поэтому они и не способны сформулировать и предложить обществу стратегические решения.

В то же время представляется, что даже в среднесрочном плане «неизбежен процесс трансформации политических структур». Весь вопрос в том, в какую сторону он пойдет: авторитарной, пусть даже и просвещенной власти или в демократическом направлении. «В данном случае, — отметил Дилигенский, — мне не хотелось бы останавливаться на этой дилемме, а перевести вопрос в другую плоскость, постаравшись выяснить возможности усиления функциональности или дисфункциональности существующей системы».

Из доклада Г.Г. Дилигенского:

> «Мне кажется очевидным, что в нынешних условиях функциональность институтов может возрастать лишь при условии укрепления стратегической роли государственной власти, которую она сейчас не выполняет. Прежде всего речь идет о ее роли как интеллектуального штаба общественной трансформации и модификации.
>
> Весь мировой опыт говорит о том, что в кризисных ситуациях именно такие функции, даже в самых либеральных обществах, берет на себя государство. Исторический опыт США при Рузвельте, опыт западноевропейских стран — здесь можно назвать такие имена, как Аденауэр, Брандт, де Голль, Блюм и т. д. — и понять, о чем идет речь. <...>
>
> Как обстоит дело у нас с институциональными структурами?
>
> В общем можно сказать, что при всей их противоречивости, несовершенстве, имеются в них определенные функциональные конструктивные элементы, порожденные всеми реформами последних лет. Это частная собственность, гласность (в смысле, свобода дискуссии по общественно-политическим проблемам), плюрализм, выборы, более широкие полномочия высшего политического руководства, дающие возможность принимать стратегические решения, относительная стабильность власти, обеспеченная президентским правительством, — все это в совокупности довольно богатый исходный институциональный материал.
>
> А как обстоит дело с другой группой факторов — с субъектами деятельности, т. е. с элитными группами, которые в наших условиях только и уча-

ствуют непосредственно в трансформации институциональных структур на уровне всего общества?

К сожалению, я вынужден оценить ситуацию в этой сфере достаточно пессимистично...

Инновационные ресурсы и потенциал наших элитных групп крайне беден. Почему это так? Вопрос сложный. Во всяком случае дело здесь не только и не просто в общеизвестном факте рекрутирования подавляющего большинства нынешних элит из старой партийно-хозяйственной номенклатуры, хотя оно имеет, конечно, немалое значение...

Власть, помимо своей собственной ценности, какую она имела всегда, приобрела дополнительную — источника и условия частного присвоения. Аппетит приходит во время еды. И возможность одновременно властвовать и обогащаться... долго будет сохранять прелесть вновь обретенного блага. Любая дальнейшая структурная трансформация усиливает ситуацию неопределенности для элитных групп, ибо она чревата новыми переделами власти и собственности. И это же относится к значительной части бизнес-элиты, которая, как известно, у нас связана с органами власти.

Кроме того, корпоративно-групповой и клиентельный тип внутриэлитных связей препятствует формированию элитных групп, которые психологически отождествляли бы себя с государством и обществом в целом, были бы глубоко озабочены долгосрочными перспективами страны. Поэтому элите (я говорю, конечно, о большинстве, о значительной части) чужда склонность к государственному стратегическому мышлению, в ее среде развивается консервативный синдром. То сближение правящих оппозиционных элит, о котором говорил Кирилл Георгиевич, имеет в своей основе именно это явление, потому что и оппозиционные элиты, хотя их не устраивает нынешнее распределение власти, все больше устраивает возникающий социально-политический порядок.

Выражением этого синдрома становится националистический дрейф. Элитную идеологию сегодня наиболее кратко выражает словосочетание "национальная идея". На мой взгляд, оно не имеет содержательного смысла. Лингвистический синоним идеи — мысль. Идея — это мысль. Какая мысль заложена в национальной идее? Если идея о примате интересов нации, то надо еще разъяснить, о каких интересах идет речь, идет ли речь о потребностях людей, составляющих нацию. Если это так, то тогда не нужно никакой особой идеи, ибо эти потребности очевидны. Если же речь идет о нации как о некой мистической, самодовлеющей сущности, как это выглядит в теоретических построениях наших национал-патриотов, ищущих эту сущность в какой-то глубокой истории, в XVII веке и раньше, в соборности, в общинности, которых давно уже нет на российских просторах, то тогда речь идет о категории, как бы отдаленной от людей, образующих нацию, и тогда социальный смысл лозунга "национальная идея" становится яснее. Ценности нации и государства превращаются просто в способ легитимации власти нынешней элиты, маскирующий неспособность вывести страну из кризиса...

В этом случае для такой мотивации достаточно просто быть у власти и осуществить несколько простейших, легко усваиваемых подстановок понятий. Надо предположить, что нация тождественна государству. Сразу же чиновные кабинеты и их обитатели становятся чем-то сакральным, а чиновники уже выступают как живое воплощение национальной идеи. <...>

В общем, состояние общества, его массовое сознание можно охарактеризовать понятием гносеологического вакуума, острой потребности знаний о том, как жить, что происходит в обществе. Это, мне кажется, факт очень важный и очевидный.

Во-вторых, в поиске новых правил люди практически не получают помощи от интеллектуальных и иных элит. Эти элиты заняты своими собственными проблемами и меньше всего озабочены тем, чтобы выработать социальные знания, необходимые людям в современной жизни и транслировать их обществу. И в этом одна из причин чрезвычайно неустойчивого, дезориентированного, разорванного состояния массового сознания, которому приходится полагаться на самого себя. Оно это и делает и, надо сказать, проявляя гораздо больше рациональности, здравого смысла, чем многие профессиональные идеологи и политики.

Думается, что в условиях нынешнего кризиса, в условиях несостоятельности элит именно собственная практика граждан приобретает особо большой удельный вес в процессе институционализации. Поэтому чрезвычайно важно сохранить максимально широкое поле свободы, свободы социальной инициативы на низовом уровне — прежде всего в сфере малого бизнеса и местного самоуправления. <...>

В качестве практического вывода я хочу сказать вот о чем. Мы все социально очень пассивны. Это, так сказать, особенность времени. Но если вообще академическое сообщество, Академия наук, наш Институт пробудятся в этом плане и захотят внести какой-то вклад в нашу общественную жизнь, я думаю, что одним из главных направлений борьбы должна была бы стать борьба за участие академической общественности в определении политики средств массовой информации, прежде всего телевидения, за участие в выработке прежде всего просветительских программ. Я понимаю, что сегодня эта задача кажется совершенно нереальной, учитывая все, что происходит, но все-таки какие-то цели, какие-то точки приложения нашей общественной энергии нам надо знать».

Попытки достучаться до власти

Соображения, выводы и рекомендации, выработанные в ходе исследований и научных дискуссий по проблеме взаимоотношений государства и общества, легли в основу нескольких аналитических записок, направленных в 1997 — начале 1998 г. из ИМЭМО в администрацию Президента и в правительство младореформаторов, заявивших о намерении дать новый импульс либеральным реформам. Эти записки были подготовлены в Центре социально-экономических социально-политических исследований (ЦСЭСПИ) под руководством Г.Г. Дилигенского. Их объединяла основополагающая идея, которую политологи ИМЭМО хотели донести до сознания «верхов» — вопиющий разрыв между властью и обществом, достигшее критического уровня недоверие народа к государству, что чревато провалом демократических преобразований, начатых в России после 1991 г.

В наиболее концентрированном виде подход ИМЭМО к этой теме отражен в записке Г.Г. Дилигенского, относящейся к апрелю 1997 г.[1] Она была направлена Дирекцией Института на имя В.Б. Юмашева, руководителя администрации Президента России, Председателя правительства В.С. Черномырдина и ряда министров[2].

Из аналитической записки Г.Г. Дилигенского:

«Проведение курса на продолжение реформ, упорядочение и оздоровление системы государственного управления потребует преодоления весьма значительных препятствий и трудностей. Совершенно очевидно, что этот курс натолкнется на активное сопротивление многих мощных корпоративно-бюрократических структур в центре и в регионах, связанных с ними звеньев госаппарата. Дискредитировать этот курс, сорвать его проведение будет стремиться национал-коммунистическая оппозиция. Однако не меньшую, а, возможно, и большую опасность для дела реформ и осуществления планов правительства представляет нынешнее состояние массового сознания, отношение общества к власти. <...>

Ныне основная часть общества склонна приписывать высшим эшелонам власти некомпетентность, аморальность, равнодушие к нуждам народа, заботу лишь о собственных, своекорыстных интересах, стремление к незаконному обогащению.

Нагнетание подобных настроений, возможно, не приведет к "всеобщему национальному взрыву", который предрекают оппозиция и некоторые политологи, хотя усиление социальной напряженности в ряде регионов — факт очевидный.

Более вероятная перспектива — негативизм или по меньшей мере равнодушие общества к любым усилиям правительства улучшить экономическую и социальную ситуацию. Между тем проводить реформы, требующие новых материальных жертв от населения (как жилищно-коммунальная) или затрагивающие интересы значительных профессиональных групп (например, связанных с естественными монополиями, военнослужащих), не имея широкой общественной поддержки, — дело более или менее безнадежное. "Верхушечных" властных позиций, которыми обладают ныне реформаторы, явно недостаточно, чтобы преодолеть объединенное сопротивление оппозиции и той — весьма значительной — части экономической и политической элиты, позиции которой так или иначе ущемят реформы, усиление законности, порядка, дисциплины. Чтобы сломить или хотя бы ослабить это сопротивление, реформаторам необходимо сочувствие достаточно широких массовых слоев.<...>

Проблема не в консервативности российского общества, а в том, что оно не верит в способность проведения эффективных реформ нынешней властью.

В сложившейся ситуации важнейшая задача реформаторской команды в руководстве страны — добиться перелома в общественных настроениях,

---

[1] «Политика реформ и доверие к власти» (Записка Г.Г. Дилигенского, апрель 1997 г. — 6 стр.) // Архив ИМЭМО РАН.

[2] Среди адресатов — первые вице-премьеры А.Б. Чубайс и Б.Е. Немцов, вице-премьер, министр экономики Я.М. Уринсон и Е.Г. Ясин — министр без портфеля по экономическим вопросам, внутренним и внешним инвестициям.

завоевать минимум доверия массовых слоев населения. Эта задача представляется не менее насущной и "судьбоносной", чем разработка обоснованных и эффективных макроэкономических реформаторских программ: подобные программы вполне могут "уйти в песок" при нынешнем морально-психологическом состоянии общества.

Первый этап решения этой задачи самоочевиден: погашение задолженности государства по пенсиям и зарплатам, недопущение в дальнейшем практики их невыплат. Если окажется невозможным сократить сроки выполнения этого обещания правительства, что, разумеется, весьма желательно, стоило бы продумать очередность погашения долгов различным региональным, профессиональным и демографическим группам населения, начав с наименее защищенных (например, жителей наиболее депрессивных регионов, одиноких пенсионеров, многодетных семей и т.д.). При этом необходимо широко информировать население, кому и в какие сроки выплачивается задолженность, какие и каким управленческим органам переведены соответствующие средства.

Критерий социального и психологического эффекта должен учитываться в стратегии и в любых решениях президента и правительства в экономической, социальной, управленческой, правоохранительной и других сферах: задача завоевания общественного доверия должна стать одним из главных параметров, определяющих содержание, масштабность, радикализм, темпы проведения соответствующих мер. Необходимо организовать "мозговую атаку" интеллектуального штаба президентской администрации и правительства, близких к ним экономистов и социологов с целью определить, какие уже в ближайшем будущем могут быть приняты меры, способные улучшить материальное положение больших групп населения, вызвать положительный общественный резонанс. Речь идет, разумеется, не о популистских обещаниях или способных усилить инфляцию "раздачах" отсутствующих средств, но о таком распределении (или перераспределении) имеющихся ресурсов, которые люди могли бы ощутить как реальную помощь. Недопустимо проводить какие-либо реформы, связанные с дополнительным изъятием средств у большинства населения до перелома в динамике жизненного уровня.

Учитывая громадную роль морально-нравственного фактора в политических позициях россиян, в их отношении к власти, чрезвычайно важно превратить борьбу с коррупцией в повседневное дело государственных органов; продемонстрировать населению их непримиримость к этому явлению. России сейчас очень нужна акция, сходная по своему масштабу и психологическому эффекту с операцией "чистые руки" в Италии — например, серия достаточно громких процессов виновных в коррупции высоких должностных лиц. Если — что вполне возможно — суд, прокуратура, милиция окажутся неготовыми к такой акции, правительство могло бы повести серию собственных служебных расследований, увольняя коррумпированных чиновников, передавая их дела в прокуратуру и обязательно широко оповещая общественность о всех выявленных фактах противозаконных действий. В общем, тем или иным путем надо попытаться придать высшей российской власти образ антикоррупционной силы.

В завоевании властью общественного доверия громадное значение имеет гласность деятельности правительства, целенаправленная работа по идейно-пропагандистскому обеспечению реформаторского курса. Ни дурная память об агитпропе и политпросвете, ни занятость практически-

ми делами не могут освободить реформаторов от обязанности разъяснять и пропагандировать свою идейно-политическую платформу. Без такой деятельности не обходится ни одно правительство, ни одна крупная политическая сила. Например, в послевоенной ФРГ, где остро стояла проблема преодоления идейного наследия нацизма, либеральное правительство с самого начала имело в своем составе особое ведомство политического просвещения, в функции которого входило формирование демократического сознания народа. У нас яркий пример интенсивной идейно-пропагандистской работы дала [недавняя] предвыборная кампания Ельцина. Необходимо понять, что в нынешних условиях борьбы за реформы такая работа не менее, если не более необходима...

Чтобы завоевать доверие, власти предстоит увеличить интенсивность и изменить стиль своего общения с народом. Политическая пропаганда совсем не обязательно сводится к демагогии или "промыванию мозгов", манипулированию общественным сознанием. Главное в ней — информация о проводимой политике, ее разъяснение. Сейчас обо всем этом россияне больше узнают от критиков правительства (далеко не всегда добросовестных), чем от него самого.

Довольно спорадических и отрывочных интервью премьера и других руководителей правительства с телеведущими для полноценной информации явно недостаточно. Стоило бы подумать о еженедельном "часе правительства" на одном из телевизионных каналов — такая передача нужна во всяком случае не меньше, чем "парламентский час". Каждый такой "час" можно было бы посвящать определенной проблеме — кто-либо из членов правительства рассказывает о принятых решениях, отвечает на вопросы журналистов и телезрителей.

Вероятно, надо было бы иметь при правительстве и администрации президента особый орган (совет), состоящий из квалифицированных ученых и авторитетных публицистов, который разрабатывал бы идеологическую платформу и просветительскую стратегию власти — именно платформу и стратегию, а не надуманную "национальную идею". Такому совету следовало бы предоставить право участвовать в разработке программ государственных радио- и телевизионных компаний.

Деятельность по завоеванию общественного доверия нужна реформаторским и демократическим силам не только для успешного проведения повседневной политики. Без нее останется весьма сомнительной перспектива успеха этих сил на парламентских и президентских выборах 1999—2000 годов».

По мнению политологов ИМЭМО, за годы реформ правительство не уделяло должного внимания социальным вопросам и явно пренебрегало настроениями в обществе. Между тем все эти годы постоянно нарастал уровень общественного недовольства результатами реформ, смысл и направленность которых были непонятны массовому сознанию, что само по себе, как были убеждены в ИМЭМО, составляло серьезную опасность для успешного реформирования всей социально-экономической системы России. Поэтому в Институте считали принципиально важным обратить внимание верховной власти на необходимость повернуться лицом к обществу и учитывать не только макроэкономические показатели, которые, увы, не впечатляли, но и состояние общественных настроений.

Этой теме были посвящены две аналитические записки, представленные в администрацию Президента в процессе подготовки президентского Послания Федеральному собранию 1998 г.[1] Одна из них была написана тремя ведущими аналитиками ЦСЭСПИ — Г.Г. Дилигенским, Л.А. Гордоном и К.Г. Холодковским[2].

«Социальное и социально-психологическое состояние общества, — подчеркивали авторы записки, — следует поставить в центр анализа не из-за того, что оно играет более существенную роль, нежели экономика или политика, но потому, что этому состоянию до сих пор не уделялось должного внимания. Между тем, — продолжали они, — нужда в таком внимании сейчас острее, чем когда-либо в прошлом».

В записке обращалось внимание на один из парадоксов российской действительности — разнонаправленность тенденций в экономической, социальной и социально-психологической ситуациях. «Суть дела здесь в том, — говорилось в записке, — что в 1996—1997 гг. обозначились признаки расхождения динамики экономических, политических, социальных и социально-психологических перемен. В политической жизни и экономике стали видны некоторые признаки оздоровления, а объективные показатели положения народного большинства по крайней мере не ухудшились (кое в чем улучшились). Однако в состоянии массового сознания не произошло почти никаких позитивных сдвигов. Положительные подвижки в социально-экономической сфере пока что сопровождаются не смягчением, но скорее обострением социально-психологической напряженности, не спадом, но сохранением или ростом массового недовольства и недоверия к власти».

В стране накапливается потенциал протеста, растет уровень отчаяния и безнадежности. Такого рода настроения, отмечалось в записке, более всего распространены среди пожилых людей с невысоким уровнем образования, слабо связанных с современной урбанистической культурой (что несколько снижает и социальную опасность таких настроений). «Но определенная доля отчаявшихся людей, не приемлющих создавшуюся у нас общественную систему, — предупреждали авторы записки, — имеется и среди молодежи, в других активных группах населения — в ВПК, в части номенклатуры и т. д. Соединение хотя бы меньшинства "сильных" групп с большинством "слабых" может дать гремучую социальную смесь. Тем более, что отчаяние (в отличие от других видов недовольства) зачастую грозит вылиться в наихудшие, неорганизованные, иррационально-стихийные действия».

---

[1] С середины 90-х гг. ИМЭМО регулярно привлекался к подготовке ежегодных посланий Президента Федеральному собранию. Как правило, рекомендации и предложения Института передавались в президентскую администрацию в конце истекавшего — начале нового года. Эти предложения затрагивали сферу экономики, социальной, внутренней и внешней политики России.

[2] В сохранившейся в архиве копии эта записка не датирована, но ее содержание позволяет определить, что она написана на исходе 1997 г. См.: Некоторые проблемы социальной и социально-психологической ситуации в современной России. Аналитическая записка / Г.Г. Дилигенский, Л.А. Гордон, К.Г. Холодковский. С. 1—15 // Архив ИМЭМО РАН.

Все более отчетливо на фоне недовольства значительной части населения своим нынешним положением проявляются ностальгические настроения о недавнем прошлом, которое многие склонны теперь идеализировать. В социологии и социальной психологии, отмечали авторы записки, давно уже установлено, что оценка людьми собственного жизненного уровня зависит не столько от его абсолютных показателей, сколько от сопоставления с уровнем жизни референтных групп или ситуаций.

Из аналитической записки Дилигенского, Гордона и Холодковского:

«Перестройка и рыночные реформы лишили массовые слои населения сколько-нибудь ясной и однозначной референтной модели потребления. С одной стороны, на роль такой модели все активнее стал выдвигаться "западный" уровень жизни, вернее, довольно упрощенное представление о нем, распространившееся в обществе. Довольно быстро эта модель воплотилась в общеизвестные образы потребления "новых русских" и картинки "сладкой жизни", преподносимые телевизионной и иной рекламой. В младшем поколении это привело к резкому взлету потребительских аспираций...

С другой стороны, пауперизация многочисленных региональных, профессиональных и демографических (пенсионеры) социальных групп, обесценение сбережений, происходившие на фоне возникшего изобилия товаров и услуг, недоступных по своей цене наиболее массовым слоям населения, обусловили неадекватность этой новой референтной модели их реальным возможностям, особенно возможностям тех, для кого главной стала проблема элементарного выживания. В этих условиях среднеобщественный потребительский стандарт фактически перестал существовать, в обществе усилились настроения фрустрации, ощущение материальной и социальной обездоленности, утраты социального статуса и достоинства, символизируемых соответствующим этому стандарту уровнем потребления. В этой связи... роль модели соотнесения все интенсивнее стали играть доперестроечная потребительская ситуация. Ее негативные аспекты — дефицит, бедность потребительского рынка, иллюзорность денежного дохода, не обеспеченного товарным эквивалентом, стали отступать в общественной памяти на задний план, а на передний выдвинулись такие ее аспекты, как дешевизна ограниченного набора товаров и услуг, стабильность жизненного уровня, возможность иметь то, что "имеют все". <...>

Весьма существенную роль в воспроизводстве и развитии подобных настроений играет то обстоятельство, что власть и реформаторские политические круги не предложили обществу какой-либо — ценностно-этической и идеологической — альтернативы философии уравнительства. Более того, из этих кругов исходили и широко тиражировались, особенно в первые годы реформ, либерально ориентированными СМИ идеи, весьма напоминающие социальный цинизм: обогащайтесь, кто может, и пусть неудачник плачет. Все это образует весьма неблагоприятный для реформаторской политики контраст с официальной идеологией советских времен, когда рядовому труженику всячески внушалось чувство его высокого статуса в общественной системе. Разумеется, подобная пропаганда носила демагогический характер, но она играла роль эффективного психологического компенсатора неудовлетворительного материального положения массовых слоев; независимо от уровня дохода и реальных условий жизни

человека удовлетворялась — пусть в иллюзорной форме — его потребность в социальном достоинстве. Теперь же такие компенсаторы отсутствуют, что крайне негативно сказывается на морально-психологическом состоянии малоимущих слоев, усиливает оппозиционные политические настроения. <...>»

Авторы записки считали необходимым включить в текст послания Президента положение о важной роли обеспечения социальной справедливости при переходе к рыночной экономике.

Эти и другие соображения политологов ЦСЭСПИ вошли в сводный пятистраничный документ[1], направленный Дирекцией ИМЭМО в конце 1997 г. в президентскую администрацию, где в то время велась подготовительная работа над Посланием Президента Федеральному собранию. Была предложена и основная идея этого послания — «Народ и власть». «Можно было бы использовать идею "Народ и власть" в широком контексте, — говорилось во вступительной части предложений ИМЭМО, — с одной стороны, своего рода отчета перед народом за те изменения — позитивные и негативные, — которые произошли в жизни народа, а с другой, — реалистической оценки ожидаемых перемен к лучшему в 1998-м и последующих годах. При этом, однако, целесообразно сосредоточить внимание на практических вопросах эффективности и результативности деятельности государства на всех уровнях, что является наиболее приоритетной, по мнению большинства населения, его задачей в настоящее время. В этом аспекте Послание было бы и логическим продолжением предыдущего "Порядок во власти — порядок в стране"».

Есть смысл представить здесь обобщенные соображения и предложения ИМЭМО, которые относились к социально-психологическому аспекту взаимоотношений государства и общества. Они были выделены в раздел «Социальная технология»[2].

Из аналитической записки ИМЭМО в администрацию Президента (конец 1997 г.):

«Для современной ситуации в России характерен крайне низкий уровень доверия граждан к институтам власти, к политическим структурам вообще. Это обстоятельство во многом затрудняет проведение необходимых реформ, является одним из важнейших факторов социально-политической напряженности в стране. Несомненно, негативное отношение многих россиян к власти объясняется, в первую очередь, обстановкой эко-

---

[1] Предложения к Посланию Президента РФ. [Конец 1997 г.] С. 1 — 5 // Архив ИМЭМО РАН.

[2] Помимо этого, в документе содержались предложения, относящиеся к корректировке экономической политики с целью дальнейшего углубления реформ. Предлагалось, в частности, осуществить реформу предприятий, добиваться снижения расходов ресурсов на единицу производимой продукции, снижения как минимум вдвое доли бартерной торговли в общем товарообороте страны, а также реальных ставок по коммерческим кредитам (до 8 — 10%) и относительной величины неплатежей к ВВП (до 10 — 12%). Соответствующие предложения были сформулированы в отношении развития аграрного сектора и решения жилищной проблемы. См.: Предложения к Посланию Президента РФ. [Конец 1997 г.] С. 1 — 2 // Архив ИМЭМО РАН.

номического и социального кризиса, тяготами, которые переживают массовые слои населения. Но дело не только в этом. Существуют независимые от чисто материальных факторов причины массового недовольства властью. Главное, что люди ставят ей в вину, — это даже не собственные материальные лишения, но отсутствие элементарного порядка в стране и особенно в самих государственных органах, неясность политики власти, типа общества, которому идет Россия. Власть крайне мало разъясняет народу собственную политику, ее долгосрочные и особенно средне- и краткосрочные цели, механизмы их реализации. При избыточности разного рода разоблачительной, сенсационной и т. п. тенденциозной информации людям не хватает информации аналитической, которая давала бы им целостную объективную картину экономических и социально-политических процессов. Никто толком не объясняет им суть проблем, возникающих перед органами власти, трудностей их решения, что практически делает недоступным для них трезвое понимание объективных и субъективных факторов, определяющих ситуацию. Очевидно, что россияне должны также знать, каким общественным идеалом вдохновляется руководство страны и какими путями оно намеревается достичь этого идеала, какие элементы мирового, в том числе западного опыта необходимо использовать в строительстве новой России и в чем состоит национальное своеобразие этого процесса.

В обществе распространен образ власти, представляющий ее как скопище бюрократов, либо занятых собственным обогащением и взаимной борьбой, либо просто неспособных управлять страной. Для развенчания этого образа недостаточно мер по совершенствованию механизмов управления, кадровой политики, борьбе с коррупцией, как они ни важны сами по себе. Для этого необходим еще комплекс мер в области социальной поддержки, формирования гражданского общества, просвещения народа в самом широком смысле этого слова.

1) На рост социальной напряженности в российском обществе существенное влияние оказывает обострение проблем социальной справедливости. С одной стороны, оно вызывается реальными процессами имущественной дифференциации и снижения жизненного уровня многих групп населения, не удовлетворяющим людей уровнем их социальной защищенности. С другой стороны, настроения протеста подогреваются унаследованными от советского периода уравнительными представлениями о социальной справедливости. В свете этих представлений любое частное богатство аморально, воспринимается как результат воровства и жульнических махинаций. Существенную роль в развитии подобных настроений играет то обстоятельство, что ни власть, ни реформаторские круги не предложили обществу какой-либо этически и идеологически обоснованной альтернативы философии уравнительства. Такая альтернатива предполагает мобилизацию потенции частного капитала в интересах экономического развития и подъема народного благосостояния, и в то же время проведение четкой грани между обогащением, выгодным как предпринимателю, так и обществу, и обогащением паразитическим. Важно опровергнуть распространенное преставление, что реформаторское государство обслуживает только интересы богатых. Политика социальной справедливости в условиях перехода к рыночной экономике предполагает меры по сокращению имущественной дифференциации (путем социальных трансфертов, налоговой политики и т.д.), социальной поддержке малоимущих слоев, по

поощрению полезных и ограничению паразитических тенденций частного бизнеса. Вряд ли стоит придерживаться принятого, к сожалению, определения реформаторской политики как правой: в действительности условия переходного периода требуют сочетания всех позитивных, работающих на благо народа и развитие рыночной экономики элементов как "правых", так и "левых" (социал-демократических) экономических и политических концепций.

2) Чтобы рыночное общество дало свои плоды не только узкому слою богатых, нужны механизмы социальной защиты. Как известно, наиболее надежная защита — не протекция со стороны государства, а самодеятельность и самоорганизация граждан, т.е. то, что называется гражданским обществом. Зачатки гражданского общества в России уже есть, это многие тысячи добровольных объединений граждан — от жилищных товариществ и союзов потребителей до партий и различных групп давления. Но большинство из них очень слабы, не пользуются поддержкой масс и часто подвергаются давлению и дискриминации со стороны чиновников.

Государство должно перейти к активной поддержке институтов гражданского общества, так как только они дают эффективную обратную связь власти с народом. Нужно выработать четкие правовые рамки для действий всех самодеятельных структур, для предотвращения злоупотреблений. Надо поддержать местное самоуправление, расширить его права. Важная задача — реформа судов, которые должны стать действительной опорой прав и свобод граждан. Только при опоре на гражданское общество наше государство сможет стать действительно демократическим, обеспечивающим интересы всех своих граждан.

3) Демократическое государство, особенно в такой стране, как Россия, далеко не избавившейся от груза тоталитарных традиций и стереотипов, не может пренебрегать задачей просвещения народа. Чтобы изменить ситуацию, нет нужды возвращаться к практике и методам агитпропа. Полагаем, что для начала стоило бы организовать специальный общественный орган при Президенте — ограниченный по численности совет демократически ориентированных специалистов в области экономики, политики, социологии, психологии, права, которым было бы поручено разработать программу мероприятий. В нее могли бы войти как налаживание квалифицированной социально-психологической экспертизы, так и практические меры по организации аналитической экономической и политической массовой информации и просвещения. В числе последних можно было бы, например, предусмотреть учреждение специальной просветительской телепрограммы по экономическим и социально-политическим проблемам (по примеру недавно учрежденной культурной программы)[1], систематические выступления членов правительства по радио и телевидению, адресованные массовой аудитории, оживление массовой лекционной работы».

ИМЭМО был не единственным аналитическим центром, привлеченным к подготовке ежегодного президентского послания. В этой работе были задействованы многие ведомства, и каждое из них, по-своему видя

[1] Имеется в виду Общероссийский государственный телеканал «Культура», начавший свою работу в эфире 25 августа 1997 г. — *П.Ч.*

реальности, давало те или иные предложения, которые аккумулировались и анализировались в администрации Б. Ельцина. Но нас, в первую очередь, интересует вопрос о том, в какой мере (и были ли вообще?) учтены рекомендации ИМЭМО в итоговом документе, который огласил 17 февраля 1998 г. Президент Ельцин?

Изучение Послания Президента Федеральному собранию Российской Федерации 1998 г. показывает, что предостережения и рекомендации политологов ИМЭМО, если и были услышаны, но до конца так и не осознаны. Все ограничилось ритуальными заявлениями на эту тему: «подъем в России невозможно обеспечить без эффективной власти, работающей на принципах служения обществу, а не самой себе»; «никто из нас не имеет права ни на минуту забывать основной конституционный принцип: в России единственным источником власти является народ, который осуществляет ее как непосредственно, так и через органы государственной власти, органы местного самоуправления; значит, народ вправе спрашивать с власти в целом за качество ее действий, за ее эффективность; вот почему сотрудничество властных институтов является важнейшей задачей»; «подъем в стране можно обеспечить только в том случае, если будет задействован весь комплекс необходимых для этого ресурсов; в том числе тех, которые связаны с обеспечением реформ и восприятием их обществом; некоторым из них до сих пор практически не уделялось внимания; переход к подъему требует создания в стране качественно иного уровня взаимного доверия общества и власти; доверие к власти становится категорией не только политической, но и экономической; перспектива подъема диктует, чтобы действия государства были открыты, понятны и контролируемы обществом; укрепление такого доверия требует, чтобы и власть, со своей стороны, в гораздо большей степени была осведомлена о состоянии общественного мнения, учитывала его при определении политики» и т.д.[1]

Наконец, вместо предложенной ИМЭМО идеи президентского Послания 1998 г. — «Народ и власть» — в администрации Ельцина предпочли другую формулу — «Общими силами — к подъему России». Звучало менее проблемно, но зато более оптимистично.

Но главная проблема состояла в том, что дальше заявлений, пусть даже на самом высоком уровне, дело не пошло. Система продолжала функционировать в прежнем режиме, дистанция между властью и обществом не сокращалась.

В своем послании Президент предпочел сосредоточиться на положительных сдвигах в экономике (рост ВВП) и происходящей в стране политической стабилизации. В послании утверждалось, что «1997 год положил начало преодолению глубинного социально-политического раскола в обществе», а «финансовая и денежная системы страны уже достаточно

---

[1] Полный текст Послания см.: Послание Президента России Федеральному Собранию РФ «Общимисилами — кподъемуРоссии», 1998/Интелрос. — Режимдоступа:http://www.intelros.ru/2007/02/05/poslanie_prezidenta_rosii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_obshhimi_silami___k_podemu_rossii_1998_god.html. — Дата обращения: 28 июля 2015 г.

окрепли для того, чтобы не только справляться с внутренними проблемами, но и держать удары извне»[1].

О том, насколько «финансовая и денежная системы окрепли», как уверял Президент, россияне узнали уже через пять месяцев — в «черный понедельник» 17 августа 1998 г., когда грянувший дефолт парализовал всю и без того малокровную экономику России. В этот день правительство С. Кириенко и Центробанк, возглавлявшийся С. Дубининым, объявили об отмене хождения ГКО (государственных краткосрочных облигаций) и ОФЗ (валютных облигаций федерального займа), а также о введении 90-дневного моратория по выплатам российских компаний и банков их иностранным партнерам. Устанавливался новый (расширенный) валютный коридор (с 6 до 9,5 рублей за доллар), что привело к обрушению национальной валюты (курс рубля по отношению к доллару снизился втрое). Замораживание выплаты внутреннего и внешнего долга фактически означало объявление страны банкротом. Россия погрузилась в финансовый хаос, одним из проявлений которого стало массовое разорение предприятий и банков.

В широком плане дефолт 1998 г. стал закономерным результатом неэффективной макроэкономической политики, проводившейся с 1992 г. «Была создана модель экономики, которая характеризовалась дисбалансом между отечественным производством и потреблением, — писал об этом академик Е.М. Примаков, на долю которого выпало выведение России из финансово-экономического кризиса. — Страна существовала главным образом за счет экспорта сырья и импорта продовольствия и готовой продукции. В результате низких масштабов загрузки мощностей предприятий резко сократилась отдача основного капитала и его реальная стоимость. Потребности развития не покрывались инвестициями, уровень которых оставался крайне низким, не обеспечивающим даже простого воспроизводства основного капитала и пополнение собственных оборотных средств. В таких условиях особенно болезненно сказалась достигшая огромных масштабов утечка российских капиталов за границу, многократно превысившая внешние заимствования. Натурализация, низкий уровень денежного обращения стали отличительной чертой хозяйственных связей. Нужно сказать вполне определенно, что курс, принятый псевдолибералами в области экономики, дал простор коррупции, экономическим преступлениям, произволу государственных чиновников.

Миллиарды, сотни миллионов долларов, присвоенных незаконным путем, украденных в результате махинаций, выкачанных за границу, — все это неимоверно утяжеляло переход к рыночным отношениям, делало его еще более болезненным для основной массы населения. Становление рыночной экономики, неизбежно сопровождаемое инфляцией, спадом производства, снижением жизненного уровня, было совершено другими странами в относительно короткий период. Россия стала "чемпионом"

---

[1] Полный текст Послания см.: Послание Президента России Федеральному Собранию РФ «Общими силами — к подъему России», 1998 / Интелрос. — Режим доступа: http://www.intelros.ru/2007/02/05/poslanie_prezidenta_rosii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_obshhimi_silami__k_podemu_rossii_1998_god.html. — Дата обращения: 28 июля 2015 г.

не только по глубине бед и болезней, переживаемых при переходе к рыночным отношениям, но и по тому затянувшемуся периоду, в течение которого люди, общество в целом испытывают неимоверные трудности. В немалой степени этому способствовало принципиальное нежелание псевдолибералов бороться с экономической преступностью.

К середине 1998 г. стало ясно, что экономический курс "либералов" завел страну в тупик. Именно в таких условиях 17 августа был объявлен мораторий на выплаты держателям ГКО и облигаций федерального займа (ОФЗ). Этот шаг катастрофически усугубил многочисленные негативные процессы и явления в экономической, социальной и политической сферах России»[1].

В своей книге Е. Примаков обратил внимание еще на один аспект происхождения финансово-экономического кризиса 1998 г. — роль западных партнеров России, на которых постоянно и во всем ориентировались новейшие российские реформаторы. По мнению Примакова, Запад несет свою долю ответственности за дефолт 1998 г.

Из воспоминаний Е.М. Примакова:

> «Официальные круги на Западе явно поддерживали ту линию, которая осуществлялась в экономике России в 90-е годы. Судя по всему, превалировала точка зрения, согласно которой любой масштабный отход от командно-административной системы советского периода к рыночной экономике является абсолютным благом вне зависимости от форм и методов, порождающих конкретные результаты такого перехода. Не могу исключать того, что на Западе были и такие силы, которые уклонялись от критики курса псевдолибералов, так как делали ставку на сохранение России, переходящей к рынку, на долгие годы в качестве сырьевого придатка государств, вступивших в постиндустриальный период своего развития.
>
> Отсутствие критики руководителями западных стран экономической политики в России 90-х годов было связано и с политическими мотивами. Трудно представить, что западные лидеры случайно вывели эту тему из разговоров с российскими руководителями и теми, кто стоял у руля российской экономической политики. Просто не хотели раздражать "брата и друга Бориса"? Навряд ли, хотя и это имело место. Причина, как представляется, была более глубокой. На Западе, очевидно, опасались, что такая критика может объективно усилить позиции "государственников" в России, даже таких, которые являются твердыми сторонниками рыночных реформ, приватизации, но осуществляемой продуманно, в интересах роста эффективности производства. Опасались, так как проецировали рост влияния "государственников" на внешнюю политику, которая в таком случае неизбежно усиливала бы функцию защиты российских интересов. Мне представляется, что нежелание искать и развивать контакты именно с такой категорией политиков в России было серьезной ошибкой западных деятелей, обладавших властью»[2].

---

[1] *Примаков Евгений*. Восемь месяцев плюс... М., 2001. С. 31—32.

[2] Там же. С. 36.

ИМЭМО и дефолт 17 августа 1998 года

К сожалению, в архиве ИМЭМО не удалось найти документальных свидетельств, которые могли бы прояснить позицию Института в период, предшествовавший финансовой катастрофе 17 августа 1998 г. Предвидели ли экономисты ИМЭМО грядущий дефолт, предупреждали ли об этой угрозе президентские и правительственные структуры, а также законодательную власть? Четкого ответа на эти вопросы имеющиеся документы не дают, а позднейшие воспоминания и высказывания на этот счет не могут считаться вполне убедительными.

В научном коллективе ИМЭМО всегда преобладало в целом одобрительное, хотя и с критическими оговорками, отношение к либеральным («псевдолиберальным», по определению Е.М. Примакова) реформам, начатым в 1992 г. Институт принимал самое активное участие в консультировании правительства и в экспертизе экономических, социальных и научно-образовательных законопроектов. Ряд сотрудников, включая представителей Дирекции, в 1996—1998 гг. непосредственно участвовали в работе отдельных министерств и ведомств в качестве советников и экспертов. Среди них — В.А. Мартынов, член Экспертно-аналитического совета при Президенте и член Экспертного совета при Правительстве России, А.А. Дынкин, советник министра науки и технологий, затем — экономический советник Председателя правительства, А.В. Авилова и Г.И. Мачавариани, члены Экспертного совета при Государственном комитете Российской Федерации по поддержке и развитию малого предпринимательства, Д.Н. Рылько, член Рабочей группы при Аграрном комитете Совета Федерации Федерального собрания России и др.

Институт постоянно направлял в правительство и парламент свои аналитические разработки и предложения. Для примера можно упомянуть о некоторых из них.

1996 год. Я.А. Рекитар и Н.А. Сидорова — «Источники и механизмы финансирования жилищного строительства в рыночной экономике и рекомендации для России» (в Комиссию ГД по промышленной политике); В.К. Шульцева — «Рыночная стратегия телекоммуникаций мира и России» (в Министерство связи и Комиссию по транспорту ГД); В.В. Комаровский и Е.С. Садовая — «Предложения к докладу В.С. Черномырдина на съезде Федерации независимых профсоюзов России» (в Комиссию по оперативным вопросам Правительства РФ); Ю.Е. Пинчуков — «Перспективы использования механизма ВТО для выхода российской ракетно-космической промышленности на международный рынок» (для Российского космического агентства); И.С. Королев — «Предложения по налоговому стимулированию легкой и пищевой промышленности» (Первому заместителю председателя правительства России В.О. Потанину); О.В. Богачева — «Роль трансферта в системе межбюджетных отношений в России. Предложения и рекомендации по реформе межбюджетных отношений» (в Министерство экономики РФ); Н.М. Байков — «Замечание на Решение Экспертного

совета при Правительстве РФ по проекту Федеральной целевой программы технологической реконструкции Самотлора» (в Правительство РФ); В.И. Марцинкевич — «Основные параметры развития постиндустриального общества в США» (в Международную ассоциацию машиностроителей, И.С. Силаеву); М.К. Перова — «США на рынке производных ценных бумаг (опыт регулирования)» (в Министерство финансов и Центральный банк РФ); Ю.Г. Барсегов — «Концепция перехода Российской Федерации на модель устойчивого развития» (в Министерство науки и технологий РФ)[1].

1997 год. А.А. Дынкин (рук.) — «Инвестиционная политика России» (в Правительство РФ), «Транспорт и связь» (В Министерство транспорта РФ); И.С. Королев (рук.) — «Восточные регионы России — крупная база для экспорта нефти и газа в страны АТР» (в Министерство топлива и энергетики РФ), «Заключение о статусе Кемеровской железной дороги» (в Правительство РФ); Ю.Л. Адно — «Некоторые вопросы организации производства новых материалов в рыночной экономике» (в Комитет по промышленности, транспорту и строительству ГД), «Концепция аграрной политики в России в 1997—2000 годах» (в Совет Федерации ФС РФ), «О реорганизации министерств, занимающихся экономическими вопросами, в основных странах Западной Европы» (в Министерство экономики РФ); А.З. Астапович, Э.В. Кириченко, Е.А. Яковлева — «Экспертная оценка Договора между Российской Федерацией и США о поощрении и взаимной защите капиталовложений» (в Департамент по международным отношениям аппарата Председателя Правительства РФ); О.В. Богачева — «Замечания и предложения по проекту "Бюджетного кодекса"» (в Комитет по бюджету, банкам, налогам и финансам ГД), «Экспертиза проекта Закона о финансовых основах местного самоуправления» (в ГД); Е.А. Лебедева — «Конверсия и механизмы освоения новых технологий в США» (И.Ш. Сейфулину, зам. председателя Комитета по конверсии и наукоемким технологиям ГД); Э.В. Кириченко — «Экспертная оценка проекта Методических рекомендаций, разработанных в соответствии с решением Правительственной комиссии экспортного контроля России» (вице-президенту РАН Г.А. Месяцу для доклада Правительству РФ); С.М. Борисов — «Замечания по проекту "Основных направлений единой государственной денежно-кредитной политики на 1998 год"» (в Подкомитет по денежно-кредитной политике ГД); В.Р. Евстигнеев — «Режимы валютного курса и их воздействие на экономическую ситуацию» (в НИИ Центрального банка России); В.Р. Евстигнеев — «Проблемы денежной эмиссии в переходной экономике России на современном этапе» (в Информационно-аналитическое управление Совета Федерации ФС РФ); Я.А. Рекитар — «Предложения ИМЭМО по проблемам повышения конкурентоспособности России на мировом рынке промышленной продукции» (в Президиум РАН для доклада Правительству РФ); И.В. Бушмарин — «Факторы повышения эффективности и полноты использования трудовых ресурсов в России» (в Администрацию Президента РФ); Р.А. Новиков — «Управление устойчи-

[1] Основные итоги научно-организационной деятельности ИМЭМО РАН за 1996 г. С. 4—5 // Архив ИМЭМО РАН.

вым развитием в прибрежных зонах» (в Министерство науки и технологий, главам администраций субъектов Российской Федерации); Н.Г. Обушенков — «Экспертиза проекта Закона о государственном регулировании агропромышленного производства» (в ГД); Д.Н. Рылько — «Подготовка проекта Закона РФ «О складских свидетельствах на зерно» (в Аграрный комитет Совета Федерации ФС РФ)[1].

1998 rog. В.А. Мартынов, Р.М. Энтов, В.С. Автономов, Ю.Б. Кочеврин, В.И. Кузнецов, Р.И. Капелюшников — «Аналитические материалы по экономическим вопросам» (в Правительство РФ); Р.М. Энтов — «Финансовый кризис в России. О возможностях возвращения нелегально вывезенного капитала. О предложениях ИНП "Система мер для срочной нормализации денежно-кредитно-финансовой системы"» (в Правительство РФ); О.В. Богачева — «Налогообложение в топливно-энергетических отраслях. Мировой опыт налогообложения прироста капитала. Бюджетные взаимоотношения федерального центра и субъектов РФ и механизмов их финансовой поддержки» (в Департамент налоговой реформы Министерства финансов РФ); В.П. Караваев — «Анализ инвестиционной политики в регионе на примере Нижегородской области» (в администрацию Нижегородской области); Е.М. Четыркин — «Методики актуарного обслуживания пенсионных фондов» (в Министерство труда и социального развития РФ); В.И. Марцинкевич — «Проблематика занятости в ведущих странах Запада и в России» (в Правительство РФ); В.П. Гутник — «Сильное государство и свободный хозяйственный порядок» (в Правительство РФ); Е.Я. Островская — «О перспективах присоединения России к ВТО» (в Министерство торговли РФ); В.А. Корзун — «К вопросу о делимитации Каспийского моря» (в Правительственную комиссию по экспертизе вариантов раздела дна Каспийского моря)[2].

Так или иначе, но, судя по отсутствию в архиве ИМЭМО соответствующих документов, дефолт 17 августа 1998 г. стал для экономистов Института столь же неожиданным, как и для всего общества.

В то же время ИМЭМО был одним из первых (если не самым первым) аналитических центров, который разработал и предложил конкретную программу выхода из кризиса, поэтапно рассчитанную на полтора года. Уже 12 сентября 1998 г. — в тот день, когда Е.М. Примаков был утвержден Председателем Правительства — из ИМЭМО на его имя были направлены соответствующие предложения. Работа над ними началась сразу же после 17 августа под руководством В.А. Мартынова, А.А. Дынкина и Л.М. Григорьева. Выявленный в архиве ИМЭМО документ представляется настолько важным, что есть смысл привести его полностью, тем более что он достаточно краток — всего 3,5 страницы[3].

---

[1] Материалы, направленные в законодательные и исполнительные органы Российской Федерации в 1997 году. Справка. С. 1—3 // Архив ИМЭМО РАН.

[2] Основные итоги научно-организационной деятельности ИМЭМО РАН за 1998 год. С. 5—6 // Архив ИМЭМО РАН.

[3] Первоочередные экономические меры Правительства. Записка. 12.09.1998 г. С. 1—4 // Архив ИМЭМО РАН.

ПЕРВООЧЕРЕДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕРЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА

***А. Основные направления политики*:**

- Сфокусировать политику на предотвращении финансового краха.
- Принять меры по предотвращению экономических преступлений и укреплению правопорядка в экономической сфере.
- Укрепить межбюджетные отношения и обеспечить безусловное выполнение регионами своих налоговых обязательств.
- Выплатить в максимально возможной степени долги бюджета пенсионерам и бюджетным отраслям.
- Восстановить устойчивость рубля (на новом уровне) и размер валютных резервов ЦБ.
- Обеспечить возврат экспортной выручки и ограничение утечки капитала.
- Предотвратить неконтролируемую эмиссию, ведущую к гиперинфляции, что является необходимым условием для ведения переговоров по внешнему долгу и продолжения сотрудничества с Западом.
- Предотвратить дефолт по внешнему долгу и начать немедленные переговоры по возможному реструктурированию долга 1999 года.
- Восстановить функционирование финансовых рынков: валюты, межбанковского кредита, государственных и корпоративных ценных бумаг.
- Провести реструктуризацию и финансовое оздоровление банковской системы.
- Разработать среднесрочную стратегию развития страны в новых условиях (дефолт ГКО и падение цен на экспортные товары).
- Сформировать концепцию промышленной политики с целью повышения конкурентоспособности и развития высоких технологий.
- Разработать концепцию региональной политики.

***Б. Меры на сентябрь – октябрь*:**

- Выплатить задолженность по пенсиям и заработной плате силовым ведомствам. Обеспечить выплату текущей заработной платы в бюджетных секторах.
- Сдержать эмиссию в течение 3 — 4 недель, что может вынудить экспортеров, банки и население расстаться с долларами.
- Стабилизировать курс рубля за счет возобновления валютных торгов на уровне не ниже 12 — 14 рублей за доллар и удержать этот курс до конца года.
- Сохранить 50-процентную обязательную продажу экспортной выручки и прозрачность счетов крупных экспортеров.
- Разработать меры для восстановления доверия к внутренним заимствованиям, включая некоторую коррекцию условий реструктурирования ГКО (особенно для пенсионных и страховых фондов).
- Определить условия снятия объявленного 90-дневного моратория, поскольку восстановить положение на 16 августа уже невозможно.

В. Меры до конца 1998 года:

- Выплатить задолженность по заработной плате работникам бюджетных отраслей.

- Разработать сбалансированный бюджет на 1999 — 2000 гг.
- Разработать и ввести с 1999 г. комплекс мер радикальной налоговой реформы, включая снижение ставок, отмену незначительных налогов с единой базой: выравнивание условий налогообложения при ликвидации льгот; снижение налогов на прибыль (накопление) при увеличении налогов на потребление.
- Разработать меры по обеспечению положительного сальдо текущего платежного баланса и предотвращению утечки капиталов.
- Определить условия реструктурирования внешнего долга.
- Увеличить валютные резервы ЦБ и обеспечить соответствие рулевой эмиссии объему валютных резервов.
- Осуществить частичную разовую (бонус на Новый год) компенсацию инфляционных потерь населения по депозитам в Сбербанке (по вкладам в рублях до уровня, эквивалентного 10 тысячам долларов на 1 августа 1998 г.).
- Ввести внешнее управление в банках, не способных справиться с обязательствами при снятии моратория.
- Создать агентство по реструктуризации банковской системы и разработать соответствующую программу.
- Амнистировать или в крайнем случае реструктурировать долги предприятий по налогам с целью выхода из кризиса неплатежей.
- Восстановить сбор налогов по 5 — 6 основным налогам.
- Срочно разработать шкалу и периодичность индексации фиксированных доходов населения.

Г. Цели на 1999 год:

- Ограничить глубину экономического кризиса.
- Предотвратить высокую инфляцию при плавающем курсе рубля.
- Создать предпосылки для экономического роста одновременно с предполагающимся ростом в мировой экономике в 2000 г.
- Постепенно восстановить доверие населения, внутренних и внешних инвесторов к российским сберегательным учреждениям и ценным бумагам.
- Провести налоговую реформу и разрешить кризис неплатежей.
- Разработать меры по развитию системы сбережений и кредитованию экономики, повышению внутренней нормы сбережений.
- Реструктурировать и оздоровить банковскую систему с участием иностранных финансовых учреждений.
- Стимулировать приток прямых иностранных инвестиций (налоговые каникулы, дедушкина оговорка и, в ряде случаев, исключительные льготы).
- Обеспечить формирование инвестиционного климата для российских и иностранных инвесторов с целью экономического подъема в начале следующего века.
- Разработать систему страхования частных инвестиций внутренним и внешним инвесторам.
- Усовершенствовать законодательство по защите прав собственности.
- Предпринять шаги по реформе предприятий (смена собственников, банкротства, обеспечение прав акционеров).

- Создать единую систему мониторинга и управления государственным долгом, мониторинга заимствования областей, банков и предприятий за рубежом (крупных заемщиков в целом).
- Провести крупные структурные реформы (помимо бюджетной и налоговой) в области социального страхования, пенсионного обеспечения (возможно, с помощью Мирового банка).
- Перейти на строго адресную (только нуждающимся) систему всех социальных пособий.
- Предпринять меры по снижению барьеров на пути создания средних и малых предприятий для снятия социальной напряженности и безработицы.

Предложения по выходу из финансово-экономического кризиса, разработанные в ИМЭМО, немедленно были переданы новому премьер-министру через руководителя его секретариата Р.В. Маркаряна, который в 1985—1989 гг. работал в Институте. Целый ряд этих предложений был включен в правительственную программу по преодолению кризиса. В ходе реализации антикризисной программы[1] Е.М. Примаков неоднократно прибегал к экспертной помощи своих бывших коллег из ИМЭМО, а один из них — Александр Александрович Дынкин, заместитель директора Института — стал экономическим советником Председателя Правительства. За восемь месяцев работы с Примаковым в Белом доме Дынкин приобрел уникальный опыт участия в решении важнейших вопросов государственного значения, что впоследствии пригодится ему на посту директора ИМЭМО.

Институтские экономисты в своих оценках либеральных реформ начала 90-х гг. всегда исходили из того, что финансовая стабильность важна не только сама по себе, но и как важнейший инструмент, обеспечивающий экономическое развитие страны. Между тем уже в самом начале реформ определились очевидная несогласованность и даже противоречие между линией Министерства финансов и политикой Министерства экономики (впоследствии — Минэкономразвития). В ИМЭМО считали принципиально важным преодолеть это противоречие.

В этом смысле представляет значительный интерес одна аналитическая записка, относящаяся к 1999 г. Ее автор — авторитетный специалист в области макроэкономики, доктор экономических наук Ирина Михайловна Осадчая, ученица и сподвижница академика А.Г. Милейковского, работавшая в ИМЭМО с момента его основания в 1956 г. Записка была подготовлена с учетом катастрофических последствий дефолта 1998 г. и содержала целый ряд рекомендаций по их преодолению. Ниже приводится ее полный текст[2].

---

[1] Об этом подробно рассказал в своих воспоминаниях сам Е.М. Примаков. См.: *Примаков Евгений*. Указ. соч.

[2] *И.М. Осадчая.* О задачах Макроэкономической политики в долгосрочной перспективе [1999 г.] // Архив ИМЭМО РАН. К сожалению, не удалось выяснить, когда и кому конкретно была направлена эта записка. На сохранившейся в архиве копии есть лишь датировка документа — 1999 год. — *П.Ч.*

О ЗАДАЧАХ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ДОЛГОСРОЧНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

«1. Главной задачей Макроэкономической политики является обеспечение финансовой стабильности экономического развития на основе управления такими рычагами государственного участия в хозяйственной жизни, как государственный бюджет и денежно-кредитная политика ЦБ.

Но парадокс состоит в том, что сами эти инструменты, особенно в период ломки старой системы хозяйствования, становятся источниками финансовой дестабилизации, порождая сложнейшие макроэкономические ситуации. Огромный бюджетный дефицит в условиях глубокого экономического кризиса, резко сократившего доходы государства, перестройки бюджетной системы, усиления стихийного федерализма и ухода значительной части экономики "в тень", подальше от налоговых органов, финансирования этого дефицита на первых порах с помощью эмиссии денег — все это стало питательной средой острого всплеска инфляции. Поэтому финансовая антиинфляционная стабилизация была самой приоритетной задачей в первые годы реформ. Для подавления инфляции использовались все методы борьбы, известные рыночной экономике: умеренно-жесткая (хотя и не без колебаний) денежно-кредитная политика; замена эмиссионных источников финансирования дефицита внутренними и внешними займами; сокращение государственных расходов.

Однако политика финансовой стабилизации, не дополненная необходимыми шагами по реструктуризации и поддержке реального сектора экономики, имела два негативных следствия. С одной стороны — падение производства, мощный налоговый пресс, неплатежи, уход экономики в тень резко сузили налоговую базу. Обострилась проблема собираемости налогов.

С другой стороны, один из главных рычагов денежной стабилизации — финансирование дефицита с помощью займов, по которым выплачивались баснословно высокие процентные ставки, не только лишил банковскую систему стимулов вкладывать средства в реальный сектор. Вместе с займами у нерезидентов, которым с 1997 г. было разрешено покупать ГКО-ОФЗ, это стало основой строительства гигантской спекулятивной пирамиды, в основе которой лежал растущий государственный долг (его доля увеличилась до 44 — 46% ВВП) и быстро нараставшие платежи по его обслуживанию. В расходах федерального бюджета они увеличились с 8% в 1994 г. до 30%.

Стоило эту пирамиду качнуть, — а это сделал начавшийся финансовый кризис, а также падение цен на нефть, — как рухнула вся финансовая система страны. Последствия известны.

В итоге политика макроэкономической стабилизации, опиравшаяся на финансирование дефицита с помощью займов, породила три новых отрицательных эффекта долгосрочного порядка:

а) реальный, известный под названием "вытеснения", когда государство вытесняет потенциального реального заемщика с рынка ссудных капиталов;
б) финансовый, связанный с усилением нагрузки на бюджет вследствие роста внутреннего и внешнего долга;
в) эффект возросшего недоверия со стороны иностранных кредитов вследствие неспособности государства расплатиться со своим долгом (от политических факторов мы в данном случае абстрагируемся).

2. Вся эта патовая ситуация еще раз подтверждает уже давно муссируемую идею, согласно которой макроэкономическая политика должна быть тесно увязана с разработкой долгосрочной стратегии экономического развития (здесь и далее подчеркнуто в оригинале. — *П.Ч.*). Сегодня без экономического роста невозможно решить ни одной проблемы финансовой стабилизации — сокращения дефицита, снижения задолженности и бремени обслуживания государственного долга, расширения налоговой базы при сокращении налогового бремени, роста социальных доходов населения, следовательно, — потребительского спроса. Чтобы стимулировать экономический рост, следует решить, во-первых, проблему — кого в первую очередь стимулировать, т. е. выбрать "точки роста". И во-вторых, решить более сложную задачу — как это сделать. Вряд ли здесь можно придумать что-то особенно новое — можно лишь обобщить сказанное.

а) Макроэкономическая политика должна перестать рассматривать бюджет и его налоговую систему только как средство решения фискальных проблем государства; приоритеты и акценты следует перенести на стимулирование инвестиций и экономического роста. Следовательно, остро необходима глубокая налоговая реформа, которая снимет чрезмерную налоговую нагрузку на предпринимательский сектор, даст стимул инвестициям и выведет на свет божий хотя бы часть теневого сектора экономики. И дело не столько в налоге на прибыли, сколько в налоге на зарплату и внебюджетные фонды, который в сумме составляет 60%, а также в способах исчисления себестоимости.

б) Рассчитывать на немедленное расширение налоговой базы не приходится — это дело времени и общей экономической ситуации. Чтобы поддержать доходную часть бюджета, остается (то, что и делает сейчас правительство) — ликвидация некоторых налоговых льгот и "отжим" нефтяных доходов, пока высоки цены на нефть. Но при этом важно другое: ликвидируя одни льготы, необходимо сохранить и, может быть, ввести новые льготные режимы для новых инвестиций, для вложений в НИОКР, для ускоренной амортизации, т. е. использовать всю мощь налогового регулирования, известного мировой практике, для стимулирования роста.

в) От разговоров о развитии и поощрении мелкого предпринимательства необходимо переходить к делу. Если нет денег в бюджете, то необходимо усиливать другие виды помощи мелкому бизнесу со стороны банковской системы, предоставляя при этом соответственные налоговые льготы. Кстати, среди многочисленных проектов Всемирного банка и Международной финансовой корпорации (МФК) очень большое место принадлежит развитию структуры микрофинансирования мелких предприятий и кооперативов в развивающихся странах. Международное сотрудничество по этой линии, вероятно, было бы очень уместно.

г) Долгосрочной задачей остается сокращение бюджетного дефицита и уменьшения финансирования его с помощью займов, учитывая, что бремя нынешней задолженности еще много лет (при самой благоприятной реструктуризации и даже в случае списания части советских долгов) будет висеть над нашей экономикой. "Золотое правило", принятое многими западными правительствами, "займы — только экономические проекты", должно стать правилом и в этой стране.

3. Стимулирующая роль налоговой политики должна быть дополнена такой же денежно-кредитной политикой — политикой расширения кредитования реального сектора экономики, а, следовательно, — снижения процентных ставок. Что тут может сделать государство и ЦБ? Здесь много вопросов, требующих серьезных экспертных оценок.

Во-первых, вопрос об эмиссии. Конечно, определенный рост выпуска денег необходим, если будет расти экономика (по теории — соответственно долговременным темпам роста ВВП). Но:

- Сможем ли избежать чрезмерной эмиссии и где мера этой "чрезмерности", учитывая, что сегодня показатель ликвидности ВВП еще очень низок, а возможный экономический рост потребует определенного увеличения денежного предложения.
- Если пойти на "сверхнормативную" эмиссию, то с помощью каких мер увеличение эмиссии может быть канализировано в инвестиции, т. е. в реальный сектор экономики, как это предлагают некоторые экономисты.

Во-вторых, политика косвенного стимулирования кредитования путем снижения процентных ставок должна быть дополнена созданием эффективной системы страхования рисков для тех банков, которые инвестируют в долгосрочные проекты. Система гарантий и синдицированных кредитов играет в финансовых проектах Международной финансовой корпорации значительно больший удельный вес, чем кредиты и инвестиции самой Корпорации.

Именно в этом должна проявиться роль государства, причем не только на федеральном, но и на региональном уровне. Тогда даже при ограниченных средствах и без вмешательства чиновников можно поддержать многие проекты.

В-третьих, наряду с усилением контроля за вывозом капитала, за отмыванием грязных денег и усилением сотрудничества в этом плане с международными организациями можно было бы перейти и к более активной разработке мер по "цивилизованной амнистии" вывезенного капитала как одного из важнейших факторов повышения инвестиционной активности.

В-четвертых, из трех запланированных еще Примаковым государственных органов АРКО[1] уже работает. А как насчет других — Российского банка по реконструкции и развитию и Агентства гарантий инвестиций? Видимо, пора продолжить работу по их созданию. В какой-то мере Сбербанк начинает брать на себя такие функции, но это не решает проблемы».

К сожалению, соображения, высказанные И.М. Осадчей, как и другие предложения, исходившие из ИМЭМО, после отставки Е.М. Примакова не находили должного отклика в экономическом блоке правительства, и лишь к 2010-м гг. кое-что начало, наконец, реализовываться, да и то не в полной мере. Сохранявшийся разрыв между финансовой политикой и задачей обеспечения экономического роста по-прежнему продолжал тормозить успешное развитие российской экономики.

---

[1] АРКО — Агентство по реструктуризации кредитных организаций, российская государственная корпорация. — *П.Ч.*

Глава 16

1999 ГОД

«Я прошу у вас прощения...». Конец эпохи Ельцина

1999 год — символическая дата в истории современной России, связанная одновременно с окончанием XX столетия и завершением десятилетней эпохи Бориса Ельцина (1990—1999), когда были заложены основы нового российского государства и соответствующей ему экономической системы. Несомненной заслугой Ельцина и его команды было обеспечение мирного процесса «развода» России с бывшими союзными республиками, хотя существует и другой взгляд на неизбежность развала СССР и решающей ответственности за это российского президента. С большей долей уверенности можно говорить о главном позитивном итоге демократических преобразований начала 90-х гг. — обретении выстраданной Россией свободы: мысли, слова и «своего» дела. Многие сумели воспользоваться открывшимися возможностями.

В то же время к концу 90-х гг. стало ясно, что первоначальные надежды общества на создание демократического социального государства с развитой экономикой в значительной степени не оправдались. В результате реформ значительно больше оказалось тех, кто чувствовал себя отброшенным на обочину жизни. Непродуманные экономические эксперименты, проводимые с поистине большевистской поспешностью, привели к разорению и закрытию огромного числа заводов и фабрик, разрушению промышленного потенциала страны, системы социального обеспечения, науки, образования и культуры, к катастрофическому падению жизненного уровня основной массы населения, депопуляции, сопоставимой по масштабам с жертвами Гражданской войны и репрессий 1930—1940-х гг. (в «лихие девяностые» Россия безвозвратно потеряла около 10 млн человек) и возникновению в результате неправедного перераспределения государственной собственности невиданного прежде неравенства.

Замена промышленной, хотя и малоэффективной, советской экономики криминально-олигархической, сырьевой сочеталась с утверждением в 1993 г., когда была принята новая конституция, полуавторитарного политического режима с пронизывающей его сверху донизу коррупцией и неподсудностью «слуг народа».

В ближайшем окружении Ельцина (в т.н. «семье») непрерывно велась подковерная борьба за влияние и собственность. Нередко она получала огласку, что дискредитировало верховную власть. Куда более серьезной по психологическим последствиям стала дискредитация в массовом сознании таких ценностных понятий, как рыночная экономика и демократия в их российском варианте.

В глазах общества режим фактически президентской республики при беспомощности законодательной и судебной властей делал Бориса Ельцина главным виновником неблагополучного положения дел в стране, а серьезные проблемы со здоровьем президента ставили вопрос о его дееспособности. Оппозиция настойчиво добивалась отстранения Ельцина от власти и даже его осуждения в рамках определяемых конституцией процедур (импичмент). Так или иначе, в воздухе, можно сказать, повис вопрос об уходе главы государства, что в конечном счете понял и он сам. Словно бездетный монарх, президент лихорадочно подыскивал себе преемника, который смог бы выполнить два его главных условия — не допустить реставрации коммунистического режима и гарантировать неприкосновенность самому Ельцину и членам его семьи. В этих поисках прошел весь 1999 г., прежде чем Ельцин сделал окончательный выбор, о котором, возможно, впоследствии он и сожалел.

Обратимся к главным событиям этого года[1].

1 февраля. Генеральный прокурор Ю. Скуратов под давлением президента подал в отставку, процесс выхода в которую затянулся до 2000 г., когда после долгих проволочек она была утверждена Советом Федерации. Недовольство главы государства вызвало возбуждение прокуратурой уголовных дел за хищения в отношении Б.А. Березовского и других лиц из окружения Ельцина. Несговорчивый Скуратов, настаивавший на расследовании, был публично скомпрометирован на государственном телеканале, показавшем сомнительный сюжет с «человеком, похожим на генпрокурора» и двумя проститутками.

10 февраля. Президент Б. Ельцин подписал указ о реформе стратегических сил ядерного сдерживания, предполагавшей объединение стратегических сил ядерного сдерживания, ракетных войск стратегического назначения, а также морской и авиационной группировок ядерных сил под единым командованием.

19 марта. Глава государства освободил Н.Н. Бордюжу от должностей главы Администрации президента и секретаря Совета безопасности России. Новым руководителем президентской администрации назначен экономист А.А. Волошин.

24 марта. Начало воздушных военных операций 14 стран — членов НАТО против Югославии. Россия, Китай, Индия и некоторые другие страны осудили применение военной силы в отношении Югославии. Премьер-

[1] См.: Хроника России. XX век / А.П. Корелин, П.П. Черкасов, А.В. Шубин и др. М., 2002. С. 1064 — 1071.

министр Е.М. Примаков, направлявшийся в Вашингтон на переговоры, узнав по телефону от вице-президента США о предстоящей бомбардировке Белграда, распорядился развернуть самолет над Атлантикой и вернулся в Москву.

29 марта. В.В. Путин назначен секретарем Совета безопасности России с сохранением за ним занимаемого поста директора ФСБ.

12 мая. Указом президента председатель правительства Е.М. Примаков отправлен в отставку. На его место назначен С.В. Степашин. Отстранение Примакова, сумевшего за восемь месяцев работы во главе правительства вывести страну из острого социально-экономического кризиса и стабилизировать политическую обстановку, в обществе объясняли происками сомнительного окружения Б. Ельцина, возбуждавшего подозрительность главы государства в отношении набиравшего популярность премьер-министра, который имел неосторожность обещать разобраться с погрязшими в коррупции политиками и бизнесменами.

15 мая. Неудачей закончилась попытка парламентской оппозиции объявить импичмент президенту Ельцину. Ни один из четырех пунктов обвинения (участие в роспуске СССР в 1991 г.; государственный переворот 1993 г.; развязывание чеченской войны в 1994 г.; «геноцид» в отношении народа России) не собрал в Государственной думе необходимого большинства. Наибольшее число голосов получил третий, «чеченский» пункт обвинения, собравший 284 голоса (при необходимых 300). В этом вопросе инициировавших импичмент коммунистов поддержала фракция «Яблоко», правда, с одной оговоркой: подвергнуть Ельцина моральному, а не уголовному осуждению, как настаивали КПРФ и национал-патриоты. В целом же голосование по импичменту показало незаинтересованность Думы в обострении конфликта с президентом в преддверии парламентских выборов.

12–13 июня. В ответ на отказ предоставить России зону ответственности в Косово миротворческий батальон российских ВДВ, находившийся в Боснии в подчинении командования НАТО, опередив международные силы, совершил четырехчасовой ночной марш и взял под контроль аэропорт Слатина в пригороде Приштина, административного центра Косово. Эта операция, не имевшая военно-политических последствий, тем не менее облегчила признание автономного статуса российских миротворческих сил в Косово.

7 августа. Формирования исламских экстремистов численностью до 2 тыс. человек под командованием Ш. Басаева и Хаттаба вторглись с территории Чечни в Дагестан. Началась вторая чеченская война.

9 августа. Президент Б. Ельцин освободил С. Степашина от должности председателя правительства и назначил на его место В. Путина.

20 августа. Газета «Нью-Йорк Таймс» поместила на первой полосе статью о том, что правоохранительные органы США ведут расследование по делу об отмывании акулами российского теневого бизнеса десятков миллиардов долларов через «Бэнк оф Нью-Йорк».

24–25 августа. На саммите «Шанхайской пятерки» в киргизской столице Бишкеке лидеры Казахстана, Киргизии, КНР, России и Таджикистана

подтвердили свою приверженность принципам «многополярного мира». На пресс-конференции по окончании саммита Б. Ельцин заявил о намерении бороться с гегемонизмом НАТО и антироссийской кампанией, развернутой на Западе в связи с антитеррористическими действиями на Кавказе и финансовыми скандалами в США.

29 августа. Российские политики либеральной ориентации сформировали избирательное объединение «Союз правых сил» (СПС) во главе с С.В. Кириенко, Б.Е. Немцовым и И.М. Хакамадой.

31 августа. В торговом комплексе «Охотный ряд» на Манежной площади в Москве сработало взрывное устройство. Свыше 40 человек получили ранения и ожоги. Одна женщина погибла.

4–16 сентября. Серия террористических актов имела место в нескольких городах России. Взрывы жилых домов совершены в Москве (дважды), Буйнакске (Дагестан) и Волгодонске. Общее число погибших при взрывах составило 310 человек. На всей территории России развернулась полномасштабная контртеррористическая операция (КТО) под названием «Вихрь», к которой были привлечены внутренние войска МВД.

24 сентября. В ходе развернувшейся кампании по выборам в Государственную думу популярный в обществе министр по чрезвычайным ситуациям С.К. Шойгу объявил о том, что возглавит федеральный список нового избирательного блока «Единство», ставшего прообразом новой «партии власти» — «Единой России». 3—6 октября в Москве пройдет учредительный съезд этого избирательного блока.

16 октября. После ликвидации отрядов исламских террористов на территории Дагестана начался второй этап КТО — освобождение правобережной части Чечни.

8 декабря. В Московском Кремле президенты России и Белоруссии Б.Н. Ельцин и А.Г. Лукашенко подписали Договор о создании Союзного российско-белорусского государства. 13 декабря договор был ратифицирован на внеочередном заседании «уходящей» Государственной думы.

18 ноября. На саммите ОБСЕ в Стамбуле президент Б. Ельцин выступил в непривычно жесткой для него тональности в отношении Запада, критиковавшего Россию за военную операцию в Дагестане и Чечне и за нарушение прав человека на Кавказе. «Вы не имеете права критиковать Россию за Чечню», — заявил Ельцин, обрисовав разгул терроризма в мятежной республике и за ее пределами. Одновременно он напомнил удивленным западным партнерам о наличии у России стратегического ядерного арсенала, способного обеспечить ее национальную безопасность.

19 декабря. Состоялись выборы в Государственную думу. Пятипроцентный барьер преодолели 6 избирательных объединений: КПРФ — 24,3%, «Единство» («Медведь») — 23,3%, «Отечество — Вся Россия» (ОВР) — 13,33%, «Союз правых сил» — 8,52%, «Блок Жириновского» — 5,98%, «Яблоко» — 5,93. С учетом одномандатных округов КПРФ получила в Государственной думе 67 мест, «Единство» — 64, ОВР — 37, СПС — 24, «Блок Жириновского» — 17, «Яблоко» — 16. В новом составе Думы левая оппози-

ция утратила прежнее доминирующее положение, а правительство обрело солидную поддержку.

31 декабря. В 9.30 утра Б.Н. Ельцин подписал в Кремле указ о своей отставке с поста президента России. Временное исполнение полномочий главы государства, согласно конституции, до проведения очередных президентских выборов было возложено на Председателя правительства В.В. Путина, ставшего таким образом официальным преемником Ельцина. В 12.00 по телевидению была передана запись обращения Б. Ельцина к гражданам России. «Я прошу у вас прощения за то, что многие наши мечты не сбылись», — сказал уходящий президент.

Россия и Запад: противоречивый итог 90-х годов

К концу 90-х гг. стало окончательно ясно, что во внешней политике России происходит если не поворот, то явный пересмотр некоторых прежних установок, обрекавших ее на послушное следование в фарватере стратегии Запада, определяемой в Вашингтоне. Первым наиболее заметным признаком новых тенденций во внешней политике администрации Б. Ельцина стала замена в январе 1996 г. либерала-западника А.В. Козырева[1] на посту министра иностранных дел государственником Е.М. Примаковым. «Менялся не просто стиль внешней политики, менялись ее приоритеты и направленность. Начался переход от прозападных иллюзий и скованных действий к прагматическому использованию реальных внутренних и международных возможностей России в целях ее последовательного продвижения к положению, которого она достойна как одна из ведущих держав мира», — отмечал авторитетный аналитик ИМЭМО, член-корреспондент РАН О.Н. Быков[2].

В этом кадровом решении отразилось разочарование президента России результатами односторонней ориентации российской внешней политики на Запад. Это разочарование перешло у него в раздражение в связи с острой критикой на Западе действий России в Чечне, где с 1994 г. развернулись широкомасштабные боевые действия.

Вошедшая в историю дипломатии «петля Примакова», когда глава российского правительства, направлявшийся 23 марта 1999 г. на переговоры

---

[1] За свою покладистость в отношениях с Западом А.В. Козырев по аналогии с неуступчивым А.А. Громыко, которого там называли «мистер Нет», заслужил сомнительное прозвище «мистер Да». Сам Козырев объяснял свою позицию желанием добиться в отношениях с Западом перехода от мирного противостояния к союзническим принципам, в чем потерпел неудачу. В своих мемуарах Е.М. Примаков вспоминает, как однажды бывший президент США Ричард Никсон спросил Козырева о том, в чем заключаются интересы новой России. «Одна из проблем Советского Союза состояла в том, что мы слишком как бы заклинились на национальных интересах, — ответил на это Козырев. — И теперь мы больше думаем об общечеловеческих ценностях. Но если у вас есть какие-то идеи и вы можете нам подсказать, как определить наши национальные интересы, то я буду вам очень благодарен». Цит. по: *Примаков Е.М.* Годы в большой политике. М., 1999. С. 210.

[2] *Быков О.Н.* Геополитический статус России. Книга первая. М., 2015. С. 188.

в Вашингтон, приказал развернуть над Атлантикой свой самолет, узнав о предстоящей бомбардировке Белграда, подвела символическую черту под периодом безоговорочной солидарности России с США и НАТО[1].

ИМЭМО, разумеется, не оставался в стороне от осмысления внешнеполитических итогов 90-х гг. для России. Аналитики Института пытались предложить высшему государственному руководству как свое понимание допущенных просчетов во внешней политике, так и свое видение отвечающих интересам России перспектив в отношениях с Западом.

В наиболее полном виде такой анализ был представлен в докладе руководителя Центра политических и военных прогнозов ИМЭМО д.и.н. А.Г. Арбатова на Ученом совете Института 17 марта 1999 г[2].

Докладчик органично увязал внешнеполитический курс России и ее подход к вопросам национальной безопасности с особенностями экономического и внутриполитического развития страны за истекшие десять лет. По его убеждению, многие проблемы внешней политики были порождены грубыми просчетами в реформировании российской экономики. Ответственность за эти просчеты, по мнению Арбатова, с российскими реформаторами должны разделить и их западные, прежде всего американские, наставники. В целом же он считал истекавшее десятилетие временем «упущенных возможностей» для России, как в ее внутреннем развитии в направлении утверждения демократических ценностей, так и в области внешней политики, где новому российскому руководству не удалось четко определить национальные интересы своей страны и ее место в системе международных отношений[3].

Содержательность доклада, глубина и четкость данных в нем оценок дают основания воспроизвести его здесь с небольшими сокращениями.

Из доклада А.Г. Арбатова:

---

[1] Это, разумеется, не означало свертывания сотрудничества с НАТО в рамках подписанного в Париже 27 мая 1997 г. «Основополагающего акта о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического Договора».

[2] *Арбатов А.Г.* Интересы России и Запада в сфере обеспечения безопасности: проблемы и перспективы. См.: Стенограмма заседания Ученого совета ИМЭМО РАН от 17 марта 1999 года. С. 2—34 // Архив ИМЭМО РАН.

[3] В этом вопросе эксперт ИМЭМО и одновременно депутат Государственной думы, входивший в оппозиционную фракцию «Яблоко», разошелся с оценкой тогдашнего министра иностранных дел России И.С. Иванова (кстати, бывшего сотрудника ИМЭМО, где он начинал свою карьеру). «Главным итогом прошедшего десятилетия является то, — утверждал Иванов, — что Россия состоялась как один из влиятельных центров современного мира, строящий отношения с другими государствами на началах равноправия и взаимной выгоды, обрела уверенность в своих силах. Мы знаем, какую систему международных отношений хотим утвердить, знаем и то, что можно и чего нельзя ожидать от внешней политики. Российской внешнеполитической концепции одинаково чужды как национальный эгоизм и слепое поклонение военной силе, так и романтический идеализм в мировых делах, несостоятельность которого подтвердила сама жизнь. Наша концепция проникнута здоровым прагматизмом». // *Иванов И.С.* Внешняя политика России и мир. Статьи и выступления. М., 2000. С. 53. Но разве мог действующий министр сказать что-то другое? Впрочем, упомянутая И. Ивановым «несостоятельность романтического идеализма в мировых делах» могла трактоваться не только как личный упрек по адресу его предшественника (А. Козырева), но и как косвенное признание внешнеполитических ошибок российского руководства в первую половину 90-х гг. — *П.Ч.*

«<...> Завершение десятилетия заставляет делать попытки подведения некоторых итогов...

Прошедший этап при всей его сложности и неоднозначности я хотел бы охарактеризовать для России прежде всего как этап упущенных исторических возможностей. С начала 90-х годов в силу ряда причин... сложилась уникальная ситуация, которая позволяла сделать крутой поворот и во внутреннем развитии России, и в ее отношениях с другими странами.

Говоря о крутом повороте во внутреннем развитии, я имею в виду проведение экономической реформы, эффективной конверсии военной промышленности, которая составляла ядро экономики Советского Союза, проведение военной реформы и многих других преобразований, которые могли бы даже в течение такого исторически короткого срока, как 10 лет, заложить основы дальнейшего демократического развития России.

То же самое относится и к ее внешней политике. Открылись исторические уникальные перспективы для коренного изменения традиционных отношений России с другими странами и для перевода этих отношений в плоскость сотрудничества и партнерства с тех путей конфронтации и соперничества, по которым эти отношения развивались в течение многих десятилетий и даже столетий... Но и здесь был упущен исторический шанс...

В чем главная причина того, что этот уникальный шанс, который был нам дан, не был нами использован?..

Мне кажется, что и Запад, и Россия... допустили два огромных исторических фундаментальных просчета в своем отношении к внутреннему развитию Российской Федерации и ее внешней политике.

В чем состоял просчет Запада?

Мне кажется, он состоял в том, что достаточно самонадеянно США, международные финансовые организации и Запад в целом... взяли на себя колоссальную ответственность за внутренние преобразования в такой большой, сложной и важной стране, как Россия.

Вспомним, что с начала 90-х гг. ни один наш бюджет не разрабатывался без предварительных детальных консультаций с США и Международным валютным фондом. Вовлечение Запада в наши экономические преобразования, как в плане рекомендаций и непосредственного участия, так и финансирования их через кредиты, было беспрецедентным. Тем самым Запад взял на себя ответственность за реформы, которые должны были сдвинуть страну с тысячелетней историей с ее традиционного пути на совершенно новые рельсы.

Не ставя под сомнение возможность таких реформ, я позволю себе утверждать, что эти реформы могли бы быть осуществлены прежде всего и в основном Россией, может быть, непоследовательно, может быть, противоречивым путем, но нами самими, а не нами под руководством западных партнеров. Никто не ставит под сомнение необходимость более тесного сотрудничества и то, что какое-то участие и помощь Запада были необходимы, но взять на себя всю полноту ответственности, как это было сделано, включая даже кадровые назначения в высших эшелонах российской власти, конечно, со стороны Запада это было колоссальным проявлением самонадеянности, уверенности в своих силах, уверенности в своей правоте, уверенности в том, что их модели подходят для всех, в том числе и для России. И все это не привело к хорошим результатам.

Что касается международных отношений, проблем безопасности, то там, где Запад мог действительно сыграть огромную положительную роль вместе с Россией, не было приложено достаточных усилий. Эти проблемы были задвинуты далеко на задний план в соответствии с восходящим ко временам президента Вудро Вильсона принципом, согласно которому, демократии друг с другом не воюют. Исходя из этой тривиальной, далеко еще не доказанной, далеко еще не бесспорной формулы, было принято, что если в России будут осуществляться реформы по переходу к рыночной экономике и строительству демократии, то все остальные проблемы, включая военно-политические вопросы, вопросы разоружения, урегулирования международных конфликтов, как бы автоматически будут решаться сами собой, и никаких серьезных проблем между Западом и Россией в этой области не возникнет. Тем самым эти вопросы были отодвинуты далеко на задний план, и в течение многих лет им не уделялось достаточного внимания. Исключение составляли некоторые принципиальные новые проблемы, такие как помощь Запада, сотрудничество в плане вывода стратегических и ядерных сил с территории других бывших советских республик в Россию, помощь в демонтаже и утилизации ядерных вооружений, атомных подводных лодок. На передний же план вышли сугубо утилитарные вопросы, а традиционные серьезные, относящиеся к военно-политическому взаимодействию России и Запада, а также других стран, были отнесены к разряду устаревших, к наследию прошлого, и им не уделялось должного внимания.

Теперь о том, что касается фундаментальной ошибки, допущенной молодой российской правящей после 1991 года элитой. Если говорить об экономике и внутренних реформах, то эта ошибка состояла в том, что эти люди не устояли перед соблазном огромной западной финансовой помощи, и ради получения этой помощи из года в год они пользовались импортированными моделями и рецептами. Хотя уже через год-два выяснилось, что эти модели не работают, что они имеют огромные разрушительные последствия для социальных и государственных функций, тем не менее эти люди продолжали идти по тому же пути, на котором были завязаны большие финансовые вливания, которые Россия ежегодно получала и к которым она очень быстро привыкла как к наркотику.

В результате мы прошли по порочному кругу такой политики в полной мере. Изначально предполагалось, что кредиты МВФ и других организаций будут средством для осуществления российских экономических реформ. Уже через несколько лет оказалось, что российские экономические реформы стали средством получения все новых и новых кредитов со стороны Запада. И к настоящему времени мы пришли к абсурдной ситуации, когда бюджетная и в целом финансовая политика России стала даже не средством получения новых кредитов, а инструментом по обслуживанию долга, его структуризации. Вот к чему привел этот курс.

Я далек от того, чтобы разделять точку зрения нашей левой оппозиции и параноидальные заклинания некоторых безумных людей, с которыми мне приходится общаться в Государственной думе, о том, что нас сознательно разрушали и сознательно распродавали Россию, проводя этот курс. Тем не менее, допущенные фундаментальные ошибки привели нас к нынешнему плачевному результату».

Затем докладчик перешел к вопросам внешней политики и национальной безопасности России. «В том, что касается внешней политики, — отметил Арбатов, — я очень хорошо помню недавние времена, когда с вопросами, относящимися к безопасности, стратегическим и военно-политическим отношениям, нельзя было ни к кому пробиться, потому что эти вопросы просто-напросто считались ненужными, неуместными; они никого не интересовали. Предполагалось, что раз мы [с США и НАТО] такие близкие партнеры, а в будущем, возможно, и союзники, то и незачем заниматься всеми этими вопросами.

В результате российская внешняя политика в начале 90-х гг. определялась до банальности просто. Она следовала в фарватере политики США. Нас убеждали, что если мы теперь не враги, то надо просто все делать так, как это делают в США, и тогда все будет замечательно. Но через несколько лет (где-то с середины 90-х гг.), когда оказалось, что и внутри страны дела идут совсем не так, как предполагалось, и в международной политике Соединенные Штаты и Запад в целом пренебрегают интересами России, у нас начался крен в противоположную сторону. В итоге мы сейчас, с теми или иными оговорками, в принципе возвращаемся к традиционной стратегической концепции, политике и взглядам времен Советского Союза, — конечно, с поправкой на гораздо меньшие экономические и военные возможности России и на ее крайне уязвимое финансово-экономическое положение...

В России не было сделано самого важного, — продолжал Арбатов. — За истекшие десять лет так и не была разработана концепция национальной безопасности России, применимая к новым условиям: концепция, которая могла бы органично увязать определенные наши традиционные интересы с нашим нынешним геополитическим, геостратегическим положением, с новой природой российской экономики, идеологии, политического строя, с новой природой наших отношений с ближним и дальним зарубежьем.

Не было предпринято никакой серьезной попытки разрешить дилемму резкого ограничения российских экономических и военных возможностей и сохранения глобальной ответственности России как ядерной державы, как все еще ядерной сверхдержавы, как великой державы, которая играет важную роль в Европе и в Азии, на которой лежит ответственность за такие глобальные проблемы, как вопросы нераспространения ядерного оружия и многие другие, в том числе миротворческие функции. Дилемма ограниченности ресурсов и сохраняющейся большой ответственности тоже не получила должного внимания за все эти годы.

К чему мы пришли теперь в результате этих самых серьезных ошибок, которые были совершены и Западом, и Россией?» — задал вопрос Арбатов и дал на него развернутый ответ, суммируя и ранее высказанные положения.

Из доклада А.Г. Арбатова:

> «...Я не буду много говорить о внутренней российской ситуации. Это не относится к теме моего доклада... Мне кажется, достаточно очевидно для всех, к чему привели все эти реформы — к дефолту 17 августа прошлого года.

Но я не могу не сказать о том, что в настоящий момент сложилась ситуация, при которой императивы политики выхода из углубляющегося экономического кризиса вступили в неразрешимое противоречие с необходимостью обслуживать наш накопленный внешний долг. Это противоречие — главная проблема, которая стоит перед нынешним правительством во главе с нашим бывшим директором Е.М. Примаковым. Договориться о реструктуризации, рефинансировании внешнего долга на условиях, которые предлагает МВФ, — это значит внутри страны добить и разрушить в экономическом плане все, что еще осталось после долгих лет так называемых реформ. На этом пути у нас нет выхода. Отказаться от выплаты по долгам, объявить суверенный дефолт, а себя банкротом — для нас будет означать ту же экономическую катастрофу. Заклинания коммунистов о возможности самодостаточной экономики в нынешних условиях нельзя трактовать иначе как бред. Выплата внешнего долга — это тоже катастрофа.

Вот перед такими вызовами, ставшими закономерным итогом экономического курса и сотрудничества с Западом на протяжении последних лет, и оказалось правительство Примакова. При этом важно подчеркнуть, что речь идет не только о главной экономической проблеме, превратившейся в главную проблему нашей внутренней политики. Это стало и главной проблемой нашей национальной безопасности, по сравнению с которой все остальное — СНВ-2, Чечня и т. д. — куда менее значительные проблемы. Хочу еще раз подчеркнуть — это главная пробема национальной безопасности России и наших отношений в области безопасности с Западом, прежде всего с США. Именно на этом направлении могут окончательно разрушиться наши отношения, и мы можем вернуться в состояние холодной войны и изоляции. Все остальное второстепенно и производно от того, сумеем ли мы выйти из экономического кризиса и решить проблему внешнего долга.

Не секрет, что Россия находится в огромной финансовой зависимости от Запада, что не улучшает наших с ним отношений, составляя одну из главных сфер противоречий с Западом. Дело в том, что такая зависимость возникла в результате заимствований, которые не привели к процветанию России, а пошли на обслуживание той экономической модели, которая имела для нашей страны разрушительные последствия. По этой причине никто в России особой благодарности к Западу за эти кредиты и финансовую помощь не испытывает, — ну, быть может, за исключением нескольких лиц. На Западе не могут этого понять. У нас же в России левой оппозицией и националистическими кругами продвигается мнение, согласно которому вся эта финансовая помощь — наркотические инъекции, служащие тому, чтобы разрушить Россию как индустриальную державу, ликвидировать ее военный потенциал, превратить в зависимое государство, отодвинутое в разряд развивающихся стран. Разумеется, я не согласен с таким мнением, но, к сожалению, по итогам прошедшего десятилетия оно приобрело в России немало сторонников, а сейчас, в ходе предстоящей избирательной кампании, может расширить их число...

Финансовая зависимость России ставит Запад перед соблазном использовать ее в решении политических вопросов, начиная с Косово и заканчивая вопросами наших отношений с Ираном, Индией и другими странами. Понятно, что устоять перед таким соблазном очень трудно. Надо отдать должное Западу, который напрямую не увязывает нашу финансовую зависимость с международными проблемами и тем более

не предъявляет нам ультиматум, действуя с известной долей гибкости и деликатности.

Думаю, если бы мы поменялись местами, то Россия действовала бы гораздо более напористо и грубо... Запад действует по-другому, но упомянутая увязка все же существует...

К чему мы пришли в области внешней политики, в частности, в сфере наших отношений по вопросам безопасности, прежде всего с США и их союзниками в Европе и на Дальнем Востоке?

Мы не достигли очень больших, но вполне реалистичных по тем временам целей, потому что сосредоточились не на них, а на другом — на том, чтобы вместе с Западом и в сотрудничестве с ним перестроить российскую экономику и в кратчайшие исторические сроки поставить ее на рельсы рыночного развития.

Вот, если бы мы самостоятельно сосредоточились на своей экономике, глубоко не вовлекая в это Запад, а во внешней политике, напротив, посвятили свои усилия обеспечению наиболее благоприятных условий для проведения внутренних реформ, думаю, мы достигли бы гораздо больших результатов».

Далее А. Арбатов остановился на проблеме опасного снижения роли и значения ООН в разрешении международных конфликтов и санкционировании миротворческих операций. Это привело к не менее тревожному возрастанию активности НАТО, пытающейся в ряде случаев заменить собой ООН, что чревато попранием установленных норм международного права. Нельзя было допустить превращения ООН в некий маргинальный орган, подменяемый другими организациями. Россия, как постоянный член Совета Безопасности ООН, с начала 90-х гг. вела себя здесь достаточно пассивно, слабо отстаивая универсальную главенствующую роль этой самой авторитетной международной организации.

По мнению докладчика, после окончания холодной войны была упущена возможность создания новой архитектуры безопасности в Европе, не была реформирована ОБСЕ в плане превращения ее в филиал ООН, который мог бы эффективно и на справедливой основе решать такие проблемы, как, например, югославскую. Европейский филиал ООН мог бы играть позитивную роль и на постсоветском пространстве, действуя в соответствии с нормами международного права и при тесном взаимодействии России и Запада.

Ничего на этом направлении не было сделано, констатировал Арбатов. «Вместо этого мы видим нечто иное, — подчеркнул он. — НАТО берет на себя все эти функции, продвигается к границам России, все более активно действует вопреки международному праву, в обход Совета Безопасности ООН и ОБСЕ, вопреки интересам и позиции России». Докладчик указал и на другие упущенные в 90-е гг. возможности.

Из доклада А.Г. Арбатова:

«Не было сделано решительных шагов по взаимному проверяемому и регламентированному сокращению ядерных вооружений — стратегических и тактических. Ничего не было сделано для того, чтобы всерьез про-

двинуться в области обычных вооруженных сил в Европе, накопленных за десятилетия холодной войны, чтобы радикально их сократить и перестроить, интегрировать для операций, связанных с миротворческими функциями. Ничего этого не было сделано, как ничего реально не было сделано для решения проблем нераспространения ядерного оружия с целью положить конец этому процессу в мире. Простое продление действующего договора о нераспространении без эффективного взаимодействия великих держав не решает проблему, что подтверждается недавними испытательными ядерными взрывами в Индии и Пакистане.

Ничего реально не было сделано и по другим вопросам разоружения — ликвидации химического оружия, демонтаж и утилизация накопленных ядерных боеприпасов и материалов, разделка и безопасная утилизация выведенных из боевого состава атомных подводных лодок — десятков плавающих чернобылей.

Я не хочу сказать, что вообще ничего на этих направлениях не делалось. Даже соответствующие договоры подписывались, хотя многие из них до сих пор не ратифицированы. Нужно все же признать, что все предпринимавшиеся шаги носили половинчатый характер, они не доводились до конца.

И что мы видим? Эти проблемы "взрываются" одна за другой, как мины, остающиеся после войны, создавая новые проблемы и рождая новые противоречия между Россией и Западом, что чревато новой холодной войной, хотя история и не повторяется в старых формах...

В области безопасности сейчас, как это ни парадоксально девять лет спустя после окончания холодной войны, Россия и США, Россия и Запад... стали меньше понимать друг друга, чем в годы холодной войны. Тогда мы были противниками, но играли более или менее по одним правилам. Мы понимали эти правила, как и то, что их нельзя нарушать, ибо это опасно для всех. Наши приоритеты были сопоставимы, и мы хорошо друг друга знали.

А сейчас мы находимся как бы в разных измерениях. То, что для Соединенных Штатов является важнейшим приоритетом, для нас — третьестепенная проблема, и наоборот. Позволю себе остановиться на этом чуть подробней...

Соединенные Штаты и в той или иной мере их союзники обрели беспрецедентную в послевоенной, да и во всей мировой истории безопасность в смысле традиционных угроз, т.е. с точки зрения баланса ядерных и обычных вооружений, возможности агрессии, соотношения сил в морях, океанах и т.д. Такая беспрецедентная безопасность возникла во многом благодаря прекращению холодной войны, но еще и потому, что Россия, ее экономический и военный потенциалы теперь сильно ограничены. Напомню, что по бюджету на 1999 финансовый год на национальную оборону Российской Федерации — государства, которое по статусу все еще является ядерной сверхдержавой, — выделяется вдвое меньше средств по прямому обменному курсу, чем на военный бюджет Индии, имеющей такую же, как у нас, по численности армию — 1,2 млн человек. Это означает, что индийская армия в два раза лучше обеспечена, чем армия России. Военный бюджет Турции в полтора раза превосходит военные расхода России. Таковы параметры нашего нынешнего положения в области финансирования армии. В таких условиях Запад, конечно же, чувствует себя в полной безопасности с нашей стороны. Но перед ним возникают новые угрозы.

Распространение ядерного оружия и ракетных технологий поставили США в беспрецедентное положение. Они успели привыкнуть к тому, что их территория досягаема только для ядерных вооружений СССР (с начала 90-х гг. — России), но ни для кого другого. Все остальные ядерные державы были их союзниками или находились вне пределов досягаемости территории Соединенных Штатов.

Технический прогресс, распространение технологий, частично и как следствие развала СССР, ведут к тому, что все большее число государств (прежде всего Северная Корея, Иран, Ирак, Индия) уже получили или в ближайшие годы получат возможность нанесения удара по территории Соединенных Штатов. Для них это — крушение привычного мира. Именно поэтому все их внимание обращено только на эту проблему, через призму которой они рассматривают все другие вопросы, включая отношения с Российской Федерацией.

Для России ситуация совершенно другая. Десять лет спустя после окончания холодной войны Россия, которая из всех государств внесла самый большой вклад в прекращение этой войны, оказалась в самом уязвимом положении и с Запада, и с Востока. К этому нужно добавить нестабильность на Юге, скудость военного бюджета, в полтора раза меньшего, чем в Турции, а также острые экономические проблемы. Все это и определяет нашу уязвимость, включая традиционные угрозы. Мы значительно отстаем по всем параметрам от Запада, а в перспективе и от Востока...

Очень трудно отбросить старое мышление, когда вы во всем отстаете. У нас сейчас как раз такая ситуация. Если вынести за скобки нарастающую нестабильность на Юге, вызывающую у нас непосредственную озабоченность, то главная проблема национальной безопасности России — я не говорю сейчас о внутренних проблемах, составляющих общую причину неблагополучия — связана с долговременными перспективами наших стратегических отношений с НАТО, Китаем и новыми государствами, усиливающимися у наших южных границ. И здесь наши перспективы выглядят далеко не блестяще. Десять лет назад Варшавский Договор втрое превосходил НАТО по основным классам обычных вооружений. Один только Советский Союз по этому параметру вдвое превосходил НАТО. Спустя десять лет и в будущем Россия будет отставать здесь от НАТО как минимум в пять — шесть раз. И это тоже наша внутренняя проблема.

Позвольте высказать несколько соображений по вопросам обеспечения национальной безопасности.

Я думаю, что МВФ, как и Запад в целом, хотя бы негласно должны признать свою долю ответственности за то, что произошло в России. Никто не спорит относительно того, что мы — главные виновники случившегося. Но и они не без греха, так как самонадеянно влезли в наши внутренние дела и повели нас по тому пути, который закономерно закончился 17 августа 1998 года...

Запад должен проявить гибкость и дальновидность по вопросу реструктуризации долга и не увязывать его с теми мерами, которые не позволят нам выбраться из нынешнего кризиса. Такого подхода требуют от них и здравый смысл, и даже их собственные интересы, поскольку последствия неблагоприятного развития событий в России могут быть плачевными не только для нас, но и для них. Наше правительство должно найти возможность и найти новых людей [переговорщиков], чтобы убедить МВФ на несколько лет оставить нас

в покое с нашей финансовой бюджетной политикой, дать нам возможность самим разобраться со своими делами и помочь нам только в части реструктуризации долга, отсрочки платежей и его частичного рефинансирования. Мне кажется, это не трудно было бы сделать. Они как минимум должны нам за все, что произошло в последние годы.

Если это будет сделано, откроется возможность и для серьезных прорывов по части наших отношений в сфере безопасности. И здесь надо перестать притворяться, что мы все еще мыслим одинаково и что у нас одинаковые приоритеты. Они разные. Надо это признать. И нужно увязать наши интересы в тех областях, где мы чувствуем угрозу с их интересами в тех сферах, где угрозу чувствуют они. Что конкретно я имею в виду?

Грубо говоря, схема такая: Россия идет на максимальные уступки по части вопросов, которые представляют главный приоритет США — вопросы нераспространения ядерного оружия, ракетных технологий, торговли двойными технологиями.

Соединенные Штаты и Запад в целом идут навстречу в тех вопросах, которые являются приоритетными для России — стратегический баланс, тактические вооружения в Европе, сокращение вооружений и вооруженных сил общего назначения, расширение НАТО на Восток и т.д.»

Заключительную часть своего выступления Арбатов посвятил сложной теме стратегических ядерных вооружений и возможностям взаимодействия России и США (Запада в целом) по этой проблеме.

Из доклада А.Г. Арбатова:

«<...> У нас до сих пор, как и десять лет назад, сохраняется примерное равенство с США в стратегических ядерных силах, но уже через десять лет и в дальнейшем мы можем отставать от них в пять-шесть раз, если не будет ратифицирован договор СНВ-2[1]. Если же он будет ратифицирован, то наше отставание может сократиться до трех раз — примерно так, как это было в середине 60-х годов. Нас не могут не волновать все эти вопросы, к тому же у нас не все благополучно с системами обеспечения раннего предупреждения, с космосом и со всем тем, без чего стратегическое сдерживание не может существовать.

На Востоке у нас Китай, который уже сейчас в пять раз превосходит Россию по экономическому потенциалу и в одиннадцать — по населению, и ведь он не будет стоять на месте. Через десять лет Китай будет нас превосходить по обычным вооружениям, а по стратегическим ядерным вооружениям, возможно, сравняется с нами или приблизится к нашему уровню.

Поэтому для России все эти вопросы, которыми мы какое-то время пренебрегали, становятся первостепенными. Без их решения она будет не готова идти на дальнейшее сотрудничество с Западом...

[1] Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-2) был подписан президентом России Б. Ельциным и президентом США Дж. Бушем-старшим в Москве 3 января 1993 г. Договор запрещал использование баллистических ракет с разделяющимися головными частями. Конгресс США ратифицировал договор в январе 1996 г. В России процесс ратификации СНВ-2 затянулся до апреля 2000 г. На практике СНВ-2 так и не вступил в силу и в мае 2002 г. был заменен новым двусторонним Договором о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП). — *П.Ч.*

А теперь о том, что касается проблемы нераспространения ядерного оружия и ракетных технологий. Мы признаем ее важность и ведем на эту тему переговоры, но для России это не главный вопрос хотя бы потому, что мы уже привыкли жить под угрозой третьих ядерных держав. В отличие от США Россия давно уже находилась в пределах досягаемости ядерного оружия Англии, Франции или Китая. Появление еще двух или даже четырех ядерных держав для России мало что меняет, хотя, разумеется, и создает дополнительные озабоченности, и вместе с тем такая перспектива не несет для нас принципиальной угрозы....

В этом, мне кажется, заключена основная причина нашего полного взаимного непонимания с Соединенными Штатами. Мы мыслим в разных категориях. Для них главная проблема — нераспространение, а нас волнуют совсем другие проблемы.

Мы не нарушаем договор о нераспространении и действуем в рамках режима контроля над ракетными технологиями, но приносить здесь какие-то особые жертвы в наших отношениях с Ираном, Индией, с другими странами только потому, что этого хотят Соединенные Штаты, мы более не считаем для себя приемлемым, тем более, когда видим, что с нашими жизненно важными интересами в традиционных сферах не считаются. <...>

Важнейший в настоящее время для России вопрос относится к сфере стратегических ядерных вооружений, где мы с американцами зашли в тупик...

Мне кажется, нужно убедить США безотлагательно провести переговоры по СНВ-3. Сейчас они отказываются от этого, прежде чем нами будет ратифицирован договор СНВ-2, но, учитывая, что они поднимают вопрос о пересмотре Договора о противоракетной обороне, мы, на мой взгляд, имеем основания просить их отказаться от той позиции, которую занял Сенат, и провести быстрые переговоры по СНВ-3, сделав этот договор очень коротким. Думаю, можно было бы ограничиться в нем всего одной статьей, в которой зафиксировать обязательство в течение предстоящих десяти лет в двустороннем порядке сократить стратегические ядерные вооружения до тысячи — тысячи пятисот боеголовок, а не до трех тысяч, как предполагалось до сих пор. Можно было бы предусмотреть и вторую статью, где записать, что во всех вопросах, в которых СНВ-3 противоречит СНВ-2, приоритет отдается первому, т. е. СНВ-3. Здесь, кстати, существует аналогичный прецедент с СНВ-2 и СНВ-1.

На предложение США пересмотреть Договор о противоракетной обороне я советовал бы не настаивать чрезмерно на нашей непримиримой позиции. На мой взгляд, здесь есть два пути.

Если США будут настаивать на пересмотре Договора, мы могли бы пойти им навстречу, предложив пересмотреть тогда и СНВ-2, получив право на разработку и развертывание нового поколения межконтинентальных ракет с разделяющимися головными частями наземного базирования, как гарантии того, что американская ПРО не будет направлена против России, а только против третьих стран. Это не обязательно будет означать новый виток гонки вооружений. Мы одновременно можем договориться о том же самом резком сокращении боеголовок, о котором я уже говорил. Просто в рамках этих новых потолков нам будет гораздо дешевле и легче вернуться к нашей традиционной системе, чем делать это за счет другого, где у нас возникли большие сложности.

Второй путь предполагает не пересматривать это положение, а идти дальше по сокращению стратегических вооружений и числа боеголовок, но при этом договориться, что пересмотр Договора по ПРО и новая система ПРО могут быть только совместными. По логике вещей никаких возражений здесь не может быть, ведь речь идет о третьих странах с авантюристическими режимами, которые могут создавать угрозу. Трудно сказать, возможно ли будет достигнуть этого политически. Но такая позиция выглядела бы убедительной и оправданной.

Теперь о том, что касается Европы. Здесь нужно иметь в виду несколько очень важных моментов.

Прежде всего необходимо поставить вопрос о том, что мы все-таки должны подписать полномасштабный договор о неразмещении ядерного оружия в Центральной Европе, включая не только новых членов НАТО, но и страны Восточной Европы, Украину, Беларусь, Молдову, страны Балтии и даже Калининградскую область, что беспокоит Запад. <...>

То же относится к сокращению обычных вооруженных сил и вооружений. В ходе военной реформы Россия резко сократила и будет дальше сокращать эти вооружения, что продиктовано нашей финансовой ситуацией. Поэтому нам есть прямой резон поставить вопрос о том, чтобы не адаптировать договор по обычным вооружениям к продвижению НАТО на восток, а сделать этот договор гарантией, что такое продвижение не создаст угрозу безопасности России, пойти на более глубокое сокращение, скажем, 50 процентное от потолков, установленных в договоре 1990 года по обычным вооружениям и вооруженным силам. Нет никаких разумных соображений, которые объяснили бы, почему НАТО через 10 лет после окончания холодной войны нужно иметь 20 тыс. танков и 6 тыс. самолетов в Европе. Ни одна миротворческая операция не требует привлечения таких сил. Самая крупная операция такого рода — я имею в виду "Бурю в пустыне" (1991 год) — потребовала 1 тыс. самолетов и 5 тыс. танков. Поэтому здесь есть совершенно прямые основания поставить вопрос именно так.

Мы, конечно, не можем претендовать на то, чтобы Россия по этим вооружениям была равна всем государствам — членам НАТО, но мы можем и обязаны требовать, чтобы продвижение НАТО на восток не увеличивало, а уменьшало этот разрыв.

Существующий сегодня между Россией и НАТО контактный орган (Постоянный совет) — это говорильня, где обсуждают все что угодно, кроме самого главного. Мне кажется, следует поставить вопрос о превращении этого органа в инструмент реального взаимодействия России и НАТО, который будет обсуждать одну, но самую важную проблему — механизм принятия решений и осуществления совместных миротворческих операций на основе программы "Партнерство во имя мира" на основе объединенных воинских контингентов. В таком случае существующий Постоянный совет из говорильни превратился бы в мост между Россией и НАТО, мост между нынешним НАТО и НАТО будущим.

Военно-промышленный комплекс России должен быть допущен к перевооружению армий стран Центральной Европы. Это вопрос не столько экономический, сколько политический, и возможные возражения здесь в большей степени политические, а не экономические или военно-технические. Конечно, электроника, информационные системы и системы радиосвязи — все это будет западным. Это и есть те стандарты, на основе

которых им надо перевооружаться. Но все базовые технологии и системы, военная техника будут нашими. Мы можем делать это и дешевле, и лучше, а одновременно получим дополнительную гарантию, что вооруженные силы этих государств, которые останутся связанными с Россией, не будут предназначаться для операций против России.

Тактическая система ПРО и система противоракетной обороны театра — в последнее время это стало популярной темой. Давно надо было поднять вопрос о том, что Россия имеет в этом плане большие заделы и во многом опережает Запад. Наша система, даже С-300, вдвое дешевле и вдвое лучше, чем аналогичная американская, которая разрабатывается и уже имела три неудачных испытания. Почему, если НАТО не направлена против России, мы не можем создать совместную систему ПРО театра военных действий, которая будет защищать и Европу, и Россию, и Японию? Это было бы для нас дополнительной гарантией, что вооруженные силы НАТО не будут использоваться против России. Если будут созданы совместные системы ПРО и ПВО, то беспокоиться будет не о чем.

Что может сделать Россия по линии нераспространения? Она может пойти на существенное ужесточение своего контроля над экспортом и ядерной технологии материалов, и технологии двойного назначения. Если Запад примет наши интересы и будет отвечать на них в тех сферах, которые я перечислил, то Россия могла бы многое сделать для того чтобы снять нынешнюю крайнюю озабоченность США по части новых угроз безопасности...

Мы не должны разойтись в разные стороны, потому что рискуем в конечном счете вернуться к новой холодной войне...»

Ряд положений, выдвинутых в докладе А.Г. Арбатова, вызвал неоднозначную реакцию у некоторых участников заседания. Присутствовавший на нем генерал-полковник Л.Г. Ивашов, начальник Главного управления международного военного сотрудничества Министерства обороны России, высказал сомнение относительно того, что Запад, как утверждал Арбатов, пусть даже и неудачно, помогал России в проведении реформ. По мнению генерала, известного своими жесткими взглядами, Запад после 1991 г. уже новыми методами продолжил холодную войну с целью окончательного «устранения геополитического соперника» в лице России[1]. «...Советский Союз разрушен, коммунистическая идеология в России существует только в оппозиционном виде, а наступление на геополитическое пространство России, на ее стратегические интересы продолжается, сужая ее способность к маневрированию, — заявил Ивашов. — Идет охват России в геополитическом смысле с Запада, Юго-Запада и Юга...»[2]

Отвечая своему оппоненту, А. Арбатов сказал: «Запад, так же как и Россия, — это весьма многомерное понятие. Безусловно, на Западе, в том числе и в США, есть люди и группировки, которые действительно хотели бы раз и навсегда убрать Россию как международную проблему. Но не они определяют политику Запада в отношении России в 90-е гг. Я глубоко убежден:

---

[1] Стенограмма... С. 34, 100 — 101.

[2] Там же.

то, что произошло в результате вовлеченности Запада в наши внутренние реформы при отсутствии должного внимания и правильного решения проблем международной безопасности, — это скорее ошибка, фундаментальный исторический просчет, нежели злой умысел, как со стороны Запада, так и со стороны России»[1].

На вопрос о том, означает ли усиление военного неравенства в пользу США повышение безопасности для «победившей» стороны, Арбатов ответил: «Это весьма философский вопрос. Надо говорить о конкретной ситуации и конкретном времени. То, что сейчас для американцев военное превосходство над нами, которое они имеют и будут иметь как минимум в предстоящие десять лет, создает у них ощущение беспрецедентной безопасности, это очевидный факт.

Конечно, у них есть беспокойство относительно того, что они санкционированы в запусках ракет, в утечке ядерного интеллекта, материалов, вооружений и технологий из России и из других стран СНГ. Это их беспокоит, и здесь их военное превосходство им мало помогает. Но в плане традиционных вопросов — соотношение сил, возможность оказания давления, возможность противостоять любым попыткам каких-то встречных действий — они чувствуют себя в полной безопасности не только на собственной территории и не только в Западной Европе, но и в Косово, и в Ираке, и на Кипре — везде»[2].

Наибольшие сомнения у ряда участников заседания вызвал тезис докладчика о глубокой вовлеченности Запада в российские реформы последнего десятилетия и ее негативном воздействии на внутренние процессы в России. Сомнения возникли и по поводу осознанной, целостной стратегии Запада в отношении постсоветской России, о чем говорил А. Арбатов.

Докладчик продолжал настаивать на своей точке зрения. «Я думаю, — подчеркнул он, — что вовлеченность Запада в период между 1991 и 1996 гг. была глубокой и беспрецедентной. Сотни советников приехали оттуда сюда, они буквально жили здесь. Многих я знаю лично, и вы их знаете. Из России постоянно ездили на Запад и вели там переговоры по нашему бюджету, по ставкам ГКО и т. д. В принципе все, что придумали за это время для России, придумали не у нас. Это не обязательно означает, что внешние заимствования заведомо негативны. В конце концов многое из того, что у нас с давних пор существует, придумано не здесь.

Но, к сожалению, и многое из того, что мы "импортировали", не пошло нам на пользу. Мы были свидетелями и беспрецедентного вмешательства в наши дела. Вспомним хотя бы конец 1992 г., когда назначение Гайдара напрямую было увязано с получением очередного транша. Разве это не пример беспрецедентного вмешательства? Можно было бы привести и множество других примеров такого рода. Начиная с 1992 г. мы для Запада были не второстепенной, а главной проблемой. И лишь постепенно, по

[1] Стенограмма... С. 34—35.
[2] Там же. С. 35—36.

мере того, как мы терпели одну удачу за другой, они стали понимать, что их усилия не приносят ожидаемых плодов. По мере того, как наши интересы стали расходиться, они стали понижать наше место в системе своих приоритетов. Сейчас, приезжая к нам, они не скрывают, что испытывают чувство усталости от России, теряют к ней интерес и намерены сосредоточиться на других делах.

Надо подчеркнуть, что такие настроения очень опасны, так как именно сейчас как никогда важно сотрудничество между Россией и Западом, но для нас важно такое сотрудничество, которое будет основано на принципиально иной модели, нежели та, что применялась до сих пор»[1].

Выступивший в прениях академик В.А. Мартынов высказал сожаление относительно того, что Запад (США) в начале 90-х гг. не попытался применить в отношении России модель «плана Маршалла», успешно использованного для экономического возрождения послевоенной Западной Европы. «Это было бы лучшее решение, способное реально помочь тогда России», — заметил директор ИМЭМО[2].

А. Арбатов выразил несогласие с такой постановкой вопроса. «Владлен Аркадьевич, — сказал он, — я не берусь дискутировать с вами по вопросам, в которых вы являетесь куда более авторитетным специалистом, нежели я. Тем не менее я возьму на себя смелость утверждать, что, если бы даже Запад, начиная с 1992 г., дал бы нам в десять раз больше денег, мы пришли бы к тому же результату, который имеем на сегодняшний день»[3].

Вопросы вызвало и предложение А. Арбатова относительно целесообразности создания совместной с США системы противоракетной обороны. По мнению участвовавшего в дискуссии представителя Российского института стратегических исследований (РИСО), такая совместная система ПРО могла бы не укрепить, а ослабить безопасность России. К тому же, учитывая перемещение главной линии противостояния (Север — Юг вместо Восток — Запад), здесь есть очевидный риск испортить традиционно хорошие отношения России с ее южными соседями, так как такая система ПРО будет направлена против некоторых из них (например, против Ирана).

Отвечая своему оппоненту, Арбатов отметил: «Во-первых, я бы не настаивал столь категорично на смене оси противостояния. Это вопрос по меньшей мере спорный. Что же касается наших отношений со странами Юга, то предлагаемая противоракетная оборона на них никак не повлияет, если они не будут нацеливать на нас свои ракеты. Я не вижу здесь никакой проблемы.

А вот наши отношения с Западом, действительно, могут впасть в глубокий затяжной кризис конфронтации. Для нас это куда более серьезная опасность. Совместные системы ПРО и на стратегическом, и на тактическом уровнях, во-первых, предотвратили бы новую конфронтацию, которая противоречит нашим основополагающим интересам. Во-вторых,

---

[1] Там же. С. 37 — 38.
[2] Там же. С. 38.
[3] Там же. С. 38 — 39.

они послужили бы гарантией того, что эти системы не будут направлены против нас. Наконец, в-третьих, мы знаем, что американцы в любом случае будут создавать такие системы, поэтому мы должны гарантировать себе, что это не поставит под угрозу нашу безопасность.

Совершенно очевидно, что в финансовом отношении у нас очень ограниченные возможности, и по этой причине мы тоже заинтересованы в создании совместных систем ПРО, что сэкономило бы наши средства и позволило бы поддержать наш ВПК и наши новые технологии, поскольку совместные системы будут делаться прежде всего на деньги Запада и тех конкретных стран, которые заинтересованы в этой технике, но сами не могут ее создать. Для примера можно назвать Японию и государства Западной Европы»[1].

На основе доклада и состоявшейся по нему дискуссии Центром политических и военных прогнозов ИМЭМО были подготовлены аналитические записки в администрацию Президента и Совет безопасности России по международно-политическим аспектам проблем обеспечения национальной безопасности. В этих документах содержались рекомендации по оптимальному построению стратегических ядерных сил и надежному обеспечению сдерживания.

В это же время в Отделе международно-политических проблем продолжались исследования по уточнению внешнеполитических интересов России, ее места в складывающемся миропорядке, ее отношений с основными партнерами и контрагентами на международной арене. Новые предложения готовились аналитиками на основе переосмысления внешнеполитической практики России в 90-е гг.

Спустя полтора десятилетия один из ведущих экспертов-международников ИМЭМО О.Н. Быков подвел развернутый и взвешенный итог внешней политики России того периода. «В трудные для нее 90-е годы, — писал он, — Россия прошла через суровые испытания своей жизнеспособности внутри страны и дееспособности как активного геополитического игрока на мировой арене. Преодолевая тяжелейшие последствия краха сверхдержавности и перипетии становления нового порядка, российская нация сохранила устои своей целостности, государственности и суверенности как значимого субъекта современных международных отношений. В этом — главный геополитический итог первого десятилетия новой России.

Самоидентификация Российской Федерации как державы одновременно самобытной и глобальной значимости отразила в себе черты наследия прошлого и современного развития в условиях жестко ограниченных вну-

[1] Стенограмма... С. 41 – 42. Идея А.Г. Арбатова о создании совместной российско-американской системы ПРО в несколько видоизмененном варианте была взята на вооружение новым президентом России В.В. Путиным. 2 мая 2000 г. в ходе визита в Италию глава российского государства выступил с инициативой строительства силами России, ЕС и НАТО совместной нестратегической противоракетной системы обороны для Европы. 9 июня того же года это предложение обсуждалось на заседании совместного Постоянного совета Россия — НАТО на уровне министров обороны, но не нашло поддержки у западных партнеров России. Отказ НАТО во главе с США создавать совместную с Россией систему европейской ПРО закономерно усилил давнее недоверие в России к этому военно-политическому блоку и его лидеру — Вашингтону.

тренних и внешних возможностей. На пути к геополитическому возрождению предстояло преодолеть не только объективные препоны и субъективные суждения, застарелые стереотипы, сверхоптимистические иллюзии. Поиску оптимальных решений мешали ожесточенные внутриполитические схватки, межэтнические конфликты, сепаратистские настроения. Нестабильность грозила перерасти в окончательный распад государства и нации.

Бесспорна эффективность первоначальных неотложных мер российского руководства, консолидировавших внутреннюю базу, централизовавших власть и силовые структуры, обозначивших геополитические очертания страны. Столь же важны для самоутверждения России были такие внешнеполитические акции, как участие в развязывании наиболее опасных узлов противоречий в связи с расширением НАТО и военными операциями альянса на Балканах. Трудно переоценить геополитическое значение вхождения России в клуб наиболее развитых стран мира.

Вместе с тем ощутимый ущерб положению и без того ослабленного российского государства на мировой арене причинил пресловутый "прозападный крен" в первой половине 90-х гг. Но и при последующей активизации внешней политики России наряду с успехами на одних направлениях ей не удавалось далеко продвинуться вперед на других. Конечно, было бы несправедливо упрекать во всем руководителей России, упуская из виду ее скованность недостатком самых необходимых ресурсов и невозможность рационально распределить их по всему диапазону российских геополитических интересов. Нельзя забывать и о том, что партнеры и конкуренты — США и другие западные страны — далеко не во всем шли навстречу России. Они отнюдь не впускали ее в ареалы своего геополитического контроля и стремились "освоить" зоны, остававшиеся вне их влияния, в том числе части бывшей советской империи. Конкурировать с сильными мира сего в столь неблагоприятных условиях было нелегко.

И все-таки в чем-то здесь, по-видимому, сказались недостаточная дипломатическая инициативность, оперативность и, очевидно, инерционность первоначально несбалансированных оценок и установок. В этой связи стоит упомянуть отношения со странами ближнего зарубежья, являющимися предпольем центрального геополитического плацдарма России, ее собственной территории. Далеко не во всем налаживалось эффективное взаимодействие в рамках СНГ, особенно в экономических и военно-политических областях. Не ослабевала отчужденность, сложившаяся после распада СССР, с Прибалтийскими государствами. Но наиболее серьезным упущением было, несомненно, фактическое "отлучение" бывших союзников по Варшавскому договору — стран Восточной и Центральной Европы, ориентировавшихся на Запад и добивавшихся вступления в НАТО. Не был найден рациональный баланс между неприятием антироссийских тенденций в политике этих стран и развитием с ними нормальных межгосударственных отношений. В результате увеличивалось взаимное недоверие, объективно подталкивающее возникновение новых разделительных линий в Европе — в ущерб геополитическим интересам России.

В целом же 90-е гг. ознаменовались существенным продвижением России к достойному ее великой истории и культуры экономическому и военному потенциалу, цивилизационному и политическому влиянию в полицентричном и глобализирующемся международном сообществе наступившего XXI века. Несмотря на депрессивное состояние страны, заблуждения и промахи руководства, произошел принципиальный сдвиг в концепции и практике российской внешней политики, прежде всего на ее магистральном направлении, ведущем к обретению нашей державой геополитической весомости и авторитета, необходимых для ее коренных внутренних преобразований и укрепления международной стабильности и безопасности»[1].

Утверждение демократии или угроза бонапартизма?

За время правления Б. Ельцина российское общество успело привыкнуть к непредсказуемым кадровым решениям президента, беспрерывно «тасовавшего колоду» высших государственных чиновников — премьер-министров, руководителей своей администрации, генеральных прокуроров, министров и т.д. Тем не менее, замена 9 августа 1999 г. С.В. Степашина, проработавшего на посту председателя правительства менее трех месяцев, В.В. Путиным была воспринята либеральной общественностью с нескрываемой тревогой, со временем переросшей в настоящую фобию.

Дело в том, что С. Степашин, бывший народный депутат Верховного Совета РСФСР (1990—1993 гг.), был известен активным участием в демократическом движении конца 80-х — начала 90-х гг. и близостью к партии «Яблоко»[2]. Он входил в комиссию по расследованию деятельности ГКЧП, принимал активное участие в ликвидации КГБ и создании Министерства безопасности, а затем — Федеральной службы контрразведки (ФСК), которую возглавлял в 1994—1995 гг. Так или иначе, но Степашин был публичным политиком демократической ориентации, и уже поэтому он не вызывал аллергии у «прогрессивной общественности».

Его преемник во главе правительства, директор ФСБ В. Путин, кадровый сотрудник КГБ СССР, в публичной политике никогда не участвовал, его политические взгляды были никому не известны, хотя он и называл себя учеником мэра Санкт-Петербурга Анатолия Собчака, одного из лидеров демократического движения. Тем не менее, либералы предпочли увидеть

---

[1] *Быков О.Н.* Указ. соч. Книга первая. С. 194—195.

[2] На выборах в Государственную думу в декабре 1999 г. С. Степашин будет избран в одном из округов Санкт-Петербурга от избирательного блока «Яблоко» и войдет в парламентскую фракцию «Яблоко». В феврале 2000 г. он возглавит постоянную парламентскую комиссию по борьбе с коррупцией. Накануне президентских выборов 2000 г. всерьез обсуждался вопрос об участии в них тандема С. Степашин (президент) — Г. Явлинский (премьер-министр). Депутатские полномочия Степашина в Государственной думе будут досрочно прекращены в апреле 2000 г. в связи с назначением его на пост Председателя Счетной палаты Российской Федерации.

в нем не ученика Собчака, а подполковника КГБ. Этот взгляд впоследствии прочно утвердился в либеральном сознании.

Поскольку ни для кого не было секретом, что после 1996 г. больной Ельцин тщательно подыскивал себе приемлемого для «семьи» преемника, многим стало ясно, что очередной глава правительства — наиболее вероятный кандидат Кремля на предстоявших в 2000 г. президентских выборах.

Неожиданное появление В. Путина у вершины власти накануне двойных выборов — парламентских (декабрь 1999 г.) и президентских (март 2000 г.) стимулировало политологов, в том числе и в ИМЭМО, активизировать анализ обозначившейся в России новой ситуации и перспективы ее развития. Главный вопрос, на который они искали ответ, — пойдет ли Россия на заре XXI века по пути утверждения демократии или свернет на хорошо известный ей путь авторитаризма? Причем такая дилемма прямо или опосредованно увязывалась с личностью нового фаворита и возможного преемника президента Ельцина.

Прозвучавший впервые на экономическом форуме в Давосе в январе 2000 г. вопрос «Who are you, Mr. Putin?» занимал российских политологов уже с августа 1999 г., когда Путин появился в Белом доме.

Как свидетельствуют документы из архива ИМЭМО, политологи Центра социально-экономических и социально-политических исследований (ЦСЭСПИ), занимавшиеся мониторингом внутриполитической ситуации в России, не исключали поворота в сторону авторитаризма в свете перспективы ухода Бориса Ельцина с поста главы государства. При всем критическом отношении российских либералов к Борису Ельцину, в одном они были уверены твердо: при нем реставрация прежнего строя и полный отказ от демократии представлялись невозможными. Другое дело — позиция его преемника на посту президента России.

В архиве ИМЭМО сохранилась короткая записка, подготовленная С.П. Перегудовым и К.Г. Холодковским, отражающая существовавшие на этот счет опасения. Вот ее текст:

> «По мере того, как приближается дата выборов, появляется все больше признаков консолидации сил, стремящихся если не формально, то фактически узурпировать власть в стране и не допустить ее дальнейшей демократизации. Все отчетливее выдвигается угроза установления жесткого режима "твердой руки" с опорой на силовые структуры и национально-патриотическое единение. На примере Латинской Америки мы видели, что такой режим является выражением союза генералов и нуворишей. Наш доморощенный бонапартизм может оказаться даже более жестким, чем латиноамериканский.
>
> Разочарование масс в результатах преобразований, прогрессирующее ухудшение их положения, крайняя дискредитация слабых и коррумпированных правящих кругов, усталость от политической чехарды уже давно порождали тягу к "наведению порядка" как в верхах, так и в низах. До сих пор это стремление уравновешивалось нежеланием отказываться от недавно завоеванных свобод и отсутствием подходящей фигуры, олицетворяющей жесткую власть. Террористические акты отодвинули на задний план

связанные с ней опасения и колебания, а стремительно набирающий авторитет премьер-министр кажется воплощением мечтания о "твердой руке".

Тревожны данные, показывающие нарастание ксенофобской истерии и военного угара (по сути общественное мнение дало добро на "войну до победного конца"), введение серьезных элементов военной цензуры, прямая опора премьер-министра на силовые структуры, непосредственное обращение его к массе, толпе (символично использование блатного языка)[1]. Основной ставкой, по-видимому, сейчас является победа на выборах (в том числе парламентских, поскольку параллельно с рейтингом Путина начинает расти, хотя и не в такой же мере, рейтинг "Единства"). Пока нет серьезных оснований для обвинения власти в выходе за конституционное поле (и субъективно, думается, Путин этого не хочет), но все зависит от дальнейшего хода событий.

Авторитет Путина велик, но слишком "свеж" и потенциально неустойчив. Затягивание чеченской войны, неизбежные при этом потери могут расхолодить общественное мнение. Но нельзя думать, что это произойдет автоматически. При умелой подаче вину за неудачное ведение войны можно свалить на "предательство" части политиков и СМИ (это уже делается в отношении первой чеченской войны), а повторение взрывов может вызвать новое ожесточение, работающее на режим ЧП и фактическое установление бонапартистского режима до (а, может быть, и без) выборов, который можно задним числом оформить институционально.

Каковы пути возможного противодействия скатыванию в этом направлении?

1. Работа на отрезвление общественного мнения — предметный показ опасности демагогии, стремления простым способом решать сложные вопросы. Доказательство отсутствия чисто военного решения чеченского вопроса (и вообще проблемы терроризма), с привлечением опыта других стран.

2. Акцентирование реформистско-демократических мотивов в предвыборной пропаганде. Оперативное реагирование на "ползучий авторитаризм" — частичные шаги по пути к бонапартистскому режиму. Показ, что выбраться из кризиса можно только через опору на демократические механизмы, а авторитарный "порядок" загонит вглубь болезни общества.

Утверждение авторитарного режима отнюдь не предопределено»[2].

Принципиальное значение в этом отношении, по мнению аналитиков ИМЭМО, приобретали предстоявшие в декабре 1999 г. выборы в Государственную думу. Как считали в ИМЭМО, они должны были пройти в качественно новой политической ситуации, характеризовавшейся глубоким кризисом центральной власти, катастрофическим падением влияния проправительственной партии «Наш дом — Россия» (НДР) и укреплением регионально-республиканских элит, объединившихся в избирательном блоке «Отечество — Вся Россия» (ОВР) во главе с Е.М Примаковым и Ю.М. Лужковым. Как показывали все социологические опросы, к осени

---

[1] Имеется в виду высказывание В. Путина о том, что террористов следует «мочить в сортире». — *П.Ч.*

[2] *С.П. Перегудов, К.Г. Холодковский*. Об опасности бонапартизма // Архив ИМЭМО РАН. Записка датирована октябрем 1999 г. Ее содержание делает маловероятным то, что она была направлена «наверх». Скорее всего, записка предназначалась Дирекции ИМЭМО.

1999 г. ОВР считался фаворитом на выборах в Государственную думу. Полагали, что он легко обойдет и коммунистов, и наспех сколачиваемую новую «партию власти» — «Единство» («Медведь»).

Перспектива триумфального возвращения Е. Примакова во власть (поначалу как лидера парламентского большинства, а затем, быть может, и как президента России) ставила перед ИМЭМО вопрос о поддержке (интеллектуальной) своего бывшего директора. Если у рядовых сотрудников на предстоящих выборах могли быть у каждого свои личные политические предпочтения (либеральные, центристские, консервативные или даже популистско-коммунистические), то перед Институтом как научным коллективом такой вопрос вообще не стоял. С самого начала предвыборной кампании руководство ИМЭМО приняло решение о поддержке Е.М. Примакова. Об этом прямо заявил академик В.А. Мартынов, открывая 4 октября 1999 г. заседание Ученого совета, посвященное обсуждению предвыборной ситуации в России.

«Как вы все понимаете, — сказал директор ИМЭМО, — у нас есть определенные обязательства перед Евгением Максимовичем. Институт, его Дирекция, прямо скажем, заангажированы. Если Евгений Максимович попросит нас что-то для него сделать, что-то подготовить, мы, естественно, будем готовы сделать это»[1].

В этот день на Ученом совете был заслушан и обсужден доклад заведующего сектором социально-политических проблем ЦСЭСПИ д.и.н. К.Г. Холодковского о предвыборной ситуации в России. Помимо анализа этой ситуации, характеризовавшейся, по мнению Холодковского, среди прочего, предстоящей неизбежной сменой руководящей команды в Кремле, в докладе были рассмотрены и вопросы совершенствования сформировавшейся в стране политической системы.

Из доклада К.Г. Холодковского[2]:

> «Предвыборная ситуация в этом году довольно резко отличается от той, которая складывалась в 1995—1996 гг. В общественном сознании фактически снята дилемма: продвижение вперед по пути реформ или коммунистический реванш. Мы знаем, что кризис 17 августа 1998 года и последующая череда правительственных кризисов резко обострили кризис центральной власти, практически привели к полной ее дискредитации. События в Дагестане и Чечне, террористические акты поставили вопрос о том, есть ли вообще у нас государство. Сейчас мы видим целый ряд силовых мер, которыми отвечает государство на этот вопрос. Но для восстановления государства, естественно, совершенно недостаточно одних силовых мер. В лучшем случае мы получим однобокое, авторитарно-популистское восстановление государства. Для того чтобы государство восстановилось в своей целостности и неразрывной связи с обществом, необходимо сохранение демокра-

[1] Стенограмма заседания Ученого совета ИМЭМО РАН от 4 октября 1999 г. С. 2—3 // Архив ИМЭМО РАН.

[2] *К.Г. Холодковский* Группы интересов и партии в российской предвыборной ситуации // Там же. С. 4—14.

тических прав и институтов в полном объеме, необходимо полноценное, свободное и честное проведение выборов, необходимо волеизъявление народа, которое заложит демократическую основу новой власти, перехода ее к новой команде.

Своеобразием нынешних парламентских выборов является активное вторжение в парламентскую сферу, в сферу избирательной кампании региональных структур. Вы знаете, что слово "элита" употребляется у нас в достаточно условном значении. Я буду его употреблять, потому что нет другого столь же четкого и краткого термина.

Что представляет собой это вторжение региональной элиты в парламентскую сферу?

Это, конечно, парадоксальное явление и для западной демократии — вещь невиданная, но если вдуматься, то в ней много закономерного. Вы, может быть, помните изречение Грамши о том, что на Западе, когда шаталась государственная власть, на первый план выступала вторая траншея, второй ряд укреплений, которое представляло собой гражданское общество. Наше гражданское общество находится в зародышевом состоянии, поэтому у нас эту роль второй линии обороны государственной власти практически сыграли региональные структуры.

Несмотря на то, что формируемые региональными элитами блоки зачастую имеют подчеркнуто антипартийный характер, т.е. образованы в противовес псевдопартиям, которые у нас существуют, я беру на себя смелость утверждать, что образование этих блоков продолжает в нашей стране процесс образования партий, процесс складывания партийной системы. Во всяком случае, мы видим, как это повлияло на укрупнение политических субъектов.

Если вдуматься, можно заметить, что происходящее у нас рифмуется с процессами, происходящими на Западе. Известно, что в последнее время мы можем наблюдать на Западе процесс увеличения дистанции между партийными верхами и партийными массами, процесс закостенения партийных структур, который выливается в то, что партийное руководство становится во многом самодостаточным. Партии из организаций гражданского общества начинают превращаться в организации политической элиты. Конечно, между этими процессами, протекающими там в очень сложных, тонких, развитых формах, и несколько примитивными и прямолинейными процессами, которые развиваются в нашей политической сфере, огромная разница, как между амебой и высшими приматами. Однако процесс формирования нашей партийной системы продолжается.

Какое значение имеет вторжение региональной элиты в партийное строительство?

Во-первых, оно создает возможность сравнительно плавного перехода к новой команде. Известно, что характер перехода власти от одной команды к другой — очень важная характеристика демократических парламентских систем, спокойный переход — первое свидетельство демократической консолидации...

Во-вторых, как я уже сказал, это порождает укрупнение политических субъектов, что можно считать позитивным моментом. Но вместе с тем оно порождает целый ряд вопросов, на которые сейчас еще нет полноценного ответа. Это вопросы о том, какой характер в связи с этим приобретает избирательная кампания, каковы задействованные в поддержку новых групп

и блоков интересы, каково идейно-политическое содержание выдвигаемых программ, каковы кадры и будущий режим, установление которого эти кадры обеспечат, наконец, каково соотношение между социальными ожиданиями и политическими намерениями лидеров группировок.

Мы знаем, что главной опорой президентской команды в течение всех последних лет были в предпринимательской сфере финансово-промышленные группы ТЭКа и банки. Кризис 17 августа нанес серьезный удар по банкам, сузил тем самым эту базу. Нефтегазовая отрасль в сравнительно слабой степени сейчас может считаться прочной опорой центральной власти. Во многом она делает сейчас ставку на региональные команды.

Региональные банки в значительно большей степени опираются на местные банки, местные финансово-промышленные группы. В большей мере, чем партия власти старого образца, они связаны с местной промышленностью, с реальным сектором. В этом смысле можно говорить о еще одном позитивном моменте, о некотором расширении предпринимательской базы потенциальной партии власти...

Что же будут предлагать нам эти блоки?

Нужно сказать, что региональная элита неоднородна. Нельзя говорить об одном региональном блоке — мы видим, что этих региональных блоков несколько. В формировании этих блоков, в определении, какую из этих сил поддерживают те или иные региональные власти, огромное влияние имеют местные интересы, личные связи, коммерческие интересы. В то же время здесь есть и определенные принципиальные, идеологические и политические аспекты.

Мы видим, что формируемые блоки практически располагаются по тем же самым силовым линиям, которые определились еще на прошлых выборах. Фаворитом является, как мы знаем, блок "Отечество — Вся Россия". Сейчас эту роль пытается оспорить блок "Единство". Несмотря на несколько фарсовый характер, который приобрело формирование этого блока, я бы не стал сбрасывать со счетов его возможности, особенно в одномандатных округах.

Если мы сопоставим усредненную идейно-политическую линию каждого из блоков, определяющую его физиономию, то можно говорить о блоке "Единство" как продолжении нынешней партии власти, олицетворяющем сохранение статус-кво, о нынешнем НДР, пытающемся вселить в нее дух "просвещенного консерватизма", и о блоке "Отечество — Вся Россия", как о блоке, стремящемся скорректировать политику власти в социально-государственном духе.

Это означает некоторое выправление баланса политики, во-первых, в сторону большего учета социальных интересов, и, во-вторых, — что еще в большей степени подчеркивается в выступлениях и платформах лидеров этого блока — усиления регулирующей роли государства. Кроме того, существует, как мы знаем, губернаторский блок "Голос России", хотя и растерявший последнее время значительную часть своих сил и почти сошедший на нет, но все-таки еще действующий. Он входит в Союз правых сил, что дает некоторые основания говорить о его либеральных установках. Существуют также "красные губернаторы", хотя некоторые из них своими личными коммерческими и иными интересами могут быть связаны с блоком партии власти.

Таким образом, если говорить о политических платформах, с которыми те или иные блоки идут на выборы, то мы видим здесь те же самые

политические установки, что и на выборах 1996 года, при несколько ином соотношении сил. Трудности и сложности не здесь. Трудности и сложности начинаются с того, как эти избирательные блоки проведут избирательную кампанию и будут обеспечивать себе очки на выборах. И вот здесь, поскольку речь идет о прямом вмешательстве региональной власти в избирательный процесс, очень велика опасность ее контроля над избирательными комиссиями, над самими избирателями, влияния на подсчет голосов. Мы видели модель такого рода вмешательства на московских и петербургских выборах в законодательные собрания. Эта опасность усугубляется тем, что, как уже было сказано, снять принципиальный общеполитический выбор между реформами и контрреформами, и на первом плане стоит вопрос об эффективности власти, о характере этой власти, и этот характер власти может определяться не в лучшую сторону.

К тому же проблемы, решаемые выборами, отнюдь не сводятся к замене нынешней центральной власти ее вторым, региональным эшелоном. Должны быть поставлены проблемы эффективной экономической политики в нынешних чрезвычайно трудных условиях, проблемы оптимальной международной политики и, наконец, социально-политические проблемы и проблемы совершенствования политической системы. Вот на этих последних проблемах я и позволю себе кратко остановиться.

В избирательной кампании, естественно, не могут быть решены, но обязательно, на мой взгляд, должны быть поставлены некоторые принципиальные вопросы, связанные с развитием нашей политической системы. В каких направлениях наша политическая система нуждается, по моему мнению, в совершенствовании?

Сейчас почти общепризнанной стала необходимость внесения определенных поправок в Конституцию 1993 года, выправляющих сложившийся тогда баланс трех ветвей власти. Мне кажется, что в первую очередь речь идет о возвращении Государственной думе контрольных функций, которые очень сильно были урезаны Конституцией 1993 года. Контроль парламента за исполнительной властью является неотъемлемой функцией любой парламентской системы. Это часть контроля общества над государством, которая является непременной характеристикой демократической системы.

Поэтому Думе, на мой взгляд, должны быть предоставлены возможности не только запросов, интерпелляций, но и парламентских расследований по крупным вопросам, причем открытых расследований, с привлечением представителей общественности, экспертов. В этом отношении многому можно поучиться у западноевропейских и американского парламентов.

Необходимо, по-видимому, и повышение ответственности Думы за правительственный курс. Очень многое в деятельности Думы проистекает от практической безответственности парламентариев в вопросах правительственной политики, поскольку не они определяли правительственный курс, не они составляли большинство, которое поддерживает правительство. Эта слабая ответственность сейчас активно обсуждается общественностью, и предлагаются различные формулы утверждения парламентским большинством правительства, его состава. Мне кажется, что очень много громоздкого в этих предложениях — скажем, в предложениях о рассмотрении кандидатур всех вице-премьеров, силовых и других министров на заседаниях Думы.

Здесь тоже стоит присмотреться, например, к западноевропейскому опыту. В подавляющем большинстве демократических государств утвер-

ждаются парламентом не кандидатуры премьеров, а уже сформированный состав правительства. При этом поручение формировать правительство — прерогатива главы государства, который предоставляет это право представителю победившего большинства. В некоторых странах, например, в Италии, речь не обязательно идет о каком-то лице, возглавляющем эту коалицию, но о том или ином ее влиятельном представителе. Это предоставляет главе государства и политическим силам определенную свободу маневра.

В сформированном правительстве силовой блок у нас, как известно, находится под контролем Президента. Представляется, что это условие должно сохраняться, тем более что оно закреплено Конституцией, но формировать правительство все-таки должен премьер-министр как лицо ответственное за это правительство, которое должно быть единым и компактным. Я имею в виду рыхлый состав наших обычных кабинетов, которые состоят не только из министров, но и из множества вице-премьеров. Вице-премьер должен быть, как правило, один, а ответственность министров должна быть увеличена. Тем самым правительство превратится из рыхлого собрания лоббистов в действующую компактную команду.

Очень важной составной частью совершенствования политической системы, думается, является реформа государственного аппарата, которая должна вести к его сокращению в основном за счет низших и средних звеньев, а с другой стороны, — к повышению квалификации и уровня оплаты труда государственных чиновников.

Борьба с коррупцией является абсолютной необходимостью для любого нынешнего блока, для любых политических сил, которые конкурируют в борьбе за власть. Без этого невозможно восстановить доверие к государственной власти, без этого невозможно восстановить и доверие международного сообщества. Вопрос уже приобрел международный характер. Несмотря на щекотливость многих дел, которые сейчас расследуются, я думаю, что любая ответственная политическая сила должна взять на себя обязательство довести их до конца, при условии, что сама персона уходящего главы государства должна оставаться неприкосновенной.

В обществе в последнее время проснулось и растет стремление к согласию, к компромиссу, и этим в значительной мере объясняется феномен Примакова, поддержка и авторитет этой личности в общественном мнении. Нужно не просто повторить неудачный опыт Пакта согласия, но и подготовить это согласие, выработать механизм, который подготовил бы не только этот Пакт согласия, но и согласительные переговоры на всех уровнях общества, на всех уровнях власти, которые дали бы возможность всем основным силам общества участвовать в этой процедуре...

Наконец, вопрос о демократической эффективности власти. Мы знаем, что в борьбе с террором именно демократические государства проявили наибольшую эффективность. Демократическая эффективность требует укрепления контактов государственной власти с обществом, со слаборазвитым, но развивающимся у нас гражданским обществом. Мы видим, что в период обострения террористической опасности государство вынуждено было напрямую обратиться к общественности, и это неслучайно. Я думаю, что вопрос стимулирования гражданских структур должен стать одним из приоритетов новой власти. Ведь зачастую так называемый третий (некоммерческий) сектор — благотворительные, потребительские общества, различные ассоциации граждан пользуются серьезными налоговыми посла-

блениями. Необходимо постоянное сотрудничество между государством и этими организациями. Необходимы не только четкие и благоприятные для деятельности этих структур гражданского общества законодательные рамки, но и такие правовые установления, которые позволили бы поставить предел очень частому в наших условиях вырождению структур гражданского общества в сторону их криминализации. У всех на памяти история спортивных обществ.

И последнее. Спокойное, взвешенное волеизъявление граждан находится в опасности, потому что ситуация в стране остается крайне тревожной. Мы знаем, что не устранена угроза дальнейших террористических актов, в Чечне началась новая большая война. Не случайно самая распространенная метафора, которая сейчас гуляет по средствам массовой информации в связи с чеченским вопросом, — это грабли. Дело не только в том, что создаваемая войной чрезвычайная ситуация угрожает попросту сорвать выборы, утратить демократические свободы и права, она резко меняет общественный климат в стране.

Мы уже видим первые признаки этого изменения: рост ксенофобии, симптомы превращения избирателей, граждан в толпу... Это крайне тревожные признаки. Милитаризация сознания, которая может быть результатом обострения военных событий и новых террористических актов, представляет собой опасность, которая еще недостаточно сознается, а она может свести на нет все благие расчеты, в том числе и расчеты, которые есть в наших правительственных верхах. Мне думается, что, говоря об обязанностях властей, об обязанностях общества, в эти предвыборные месяцы нужно непрерывно думать об этом.

Мы уже видим первые признаки отрезвления в средствах массовой информации. Но всего этого крайне недостаточно. Эта опасность будет сохраняться. И пока она сохраняется, мы не можем говорить о том, что те партии и группы интересов, которые сейчас близки к рулю государственной политики, выполняют свой долг перед населением, перед гражданами, перед будущим российской демократии».

Выступление К.Г. Холодковского вызвало ряд вопросов. Один из них касался перспектив прохождения в Государственную думу на предстоявших выборах других партий, кроме ОВР и «Единства».

«Можно сказать, — ответил Холодковский, — что к настоящему моменту уже определились фавориты и маргиналы в этой избирательной кампании. К числу фаворитов, как мы знаем, относятся ОВР, "Яблоко" и КПРФ, хотя коммунисты значительно утратили те потенции, которые они имели в 1995—1996 гг. Спорный вопрос о ЛДПР ("Блоке Жириновского"). И наконец, политические маргиналы. К их числу относятся не только радикальные традиционалисты и националисты, но, к сожалению, и "Союз правых сил". Думаю, сейчас нет смысла говорить здесь о прогнозах. Гораздо важнее другое. Если исследовать те социальные слои, в которых заинтересованы и на которые опираются все основные политические силы, то можно заметить (в первом приближении, поскольку речь идет о первых опросах, и для окончательных выводов следует подождать итогов выборов) определенные сдвиги в массовой базе этих сил. В гораздо меньшей мере, чем в 1995 г.,

молодежь поддерживает либеральные правые силы, в гораздо большей степени — националистов. В гораздо меньшей степени Москва и Петербург являются опорой правых сил. В гораздо меньшей степени ЛДПР опирается на рабочих, как это было на первых выборах, зато увеличилась ее поддержка среди молодежи. Таковы самые основные сдвиги, которые произошли в социальной и демографической базе политических сил»[1].

Выступивший в прениях видный социолог Ю.А. Левада не согласился с мнением Холодковского о высоком избирательном потенциале Председателя правительства В. Путина. «Я бы с некоторой осторожностью говорил о данных, которые касаются нынешнего премьера и итогов операции в Дагестане, — заявил Левада. — Я имею в виду его влияние (наверное, небольшое) на общественное мнение. За последнее время оно выросло в пределах довольно скромных. Это вполне объяснимо, если учесть, что речь шла о нулевом старте. Сейчас лишь несколько процентов населения считает, что мы можем доверять Путину и что он может быть кандидатом в президенты». Свое мнение Левада обосновал тесной привязкой Путина к контртеррористической операции (КТО) на Северном Кавказе, где, как полагал социолог, не просматривается никаких перспектив на скорое и успешное завершение. «Если так будет продолжаться и дальше, — подчеркнул Левада, — то... администрации президента придется искать нового преемника и нового фаворита»[2].

Выступивший в прениях д.и.н. А.Г. Арбатов остановился на перспективах президентских выборов 2000 г. При этом он не исключил того, что в условиях расширяющейся КТО на Северном Кавказе такие выборы вообще могут не состояться. В этот раз Арбатов выступал скорее как оппозиционный политик (депутат Государственной думы от фракции «Яблоко»), чем как беспристрастный аналитик.

Из выступления А.Г. Арбатова[3]:

> «<...> Мне кажется, что на ход и результаты президентских выборов будут влиять три главные фактора...
>
> Во-первых, это итоги выборов в Государственную думу, которые у нас играют роль праймериз в Соединенных Штатах; они показывают политический вес тех или иных кандидатов, особенно учитывая, что многие из тех, кто баллотируется в Думу, предполагают в дальнейшем участвовать и в президентских выборах.
>
> Во-вторых, — война, которая в настоящее время развязывается на Кавказе и которая может радикальным образом повлиять на политическую ситуацию в стране и на выборы, да и вообще на то, состоятся ли выборы вообще.
>
> В-третьих, перспектива получения очередных траншей от МВФ, поскольку весь нынешний бюджет почти полностью обслуживает тактику

---

[1] *К.Г. Холодковский.* Группы интересов и партии в российской предвыборной ситуации. Стенограмма заседания Ученого совета ИМЭМО РАН от 4 октября 1999 г. С. 16–17 // Архив ИМЭМО РАН.

[2] Там же. С. 20.

[3] Там же. С. 65–78.

получения новых кредитов и перспективы согласия Запада на реструктуризацию долга. Я остановлюсь только на последнем моменте...

Достаточно много здесь было сказано о Государственной думе, поэтому я позволю себе лишь сделать прогноз предстоящих думских выборов. При самом оптимистичном варианте состав Государственной думы может быть существенно отличным от нынешнего. ОВР может получить 25—30%, КПРФ — до 20%, "Яблоко" — 15%, и 10% могут собрать те маленькие партии, которые сумеют преодолеть 5-процентный барьер, скажем, ЛДПР и "Правое дело". Остальные — это одномандатные кандидаты, которые объединятся, как всегда, в какие-то аморфные депутатские группы. Повторю — это оптимистичный прогноз.

В зависимости от того, какой реально окажется структура будущей Думы, шансы на участие в президентских выборах тех или иных политических лидеров будут меньше или больше.

Теперь позвольте мне сказать несколько слов о войне. Мне довелось быть в Дагестане в сентябре, на завершающей стадии этой операции...

Во-первых, не было никакой агрессии со стороны Чечни в прямом смысле слова... Были заранее подготовленные базы, опорные точки и целые отряды из дагестанцев, которые по сигналу подняли восстание, а к ним присоединились вооруженные формирования, которые перешли границу со стороны Чечни. Они давно были к этому готовы. Подготовка велась, как минимум, три года.

Уже в этой связи возникает вопрос, который может иметь последствия для президентских выборах и к которому обратятся кандидаты на президентский пост. Что произошло? ФСБ не знала о приготовлениях боевиков?..

Второй момент. Если ФСБ знала, информация от нее поступала президенту, поскольку ему напрямую подчинены силовые структуры, но президент при этом ничего не предпринял для того, чтобы предотвратить события в Дагестане, то как это квалифицировать?

В лучшем случае — это преступная халатность, 117-я статья Уголовного кодекса, по которой, как минимум, возможно возбуждение новой процедуры импичмента...

Возникает вопрос о возможной личной заинтересованности определенных людей в окружении президента, в так называемой "семье" в том, чтобы закрывать глаза на подготовку восстания в Дагестане, с тем, чтобы затем начать войну и пойти далее по цепочке: война — введение режима Чрезвычайного положения — отмена очередных выборов. В этом смысле иначе может выглядеть задним числом поразившая всех в тот момент замена Степашина Путиным. Никто не мог понять, в чем ее причина, почему глава государства осуществил такую немотивированную замену...

Вероятно, Степашин показался неподходящей фигурой для того, чтобы позволить войне вспыхнуть, затем вести ее таким образом, как ее вели — сначала в Дагестане, а теперь в Чечне, а после этого пойти на какие-то неконституционные меры в связи с чрезвычайной ситуацией.

Когда говорят, что в Чечне воюют бандиты, это правильно с нравственной точки зрения. Но с военной точки зрения надо признать, что там воюет армия — прекрасно организованная, вооруженная, профессиональная. Она оплачивается и оптимально приспособлена к условиям войны и местности, которые она сама выбирает.

Наша армия по сравнению с той армией выглядит крайне неудовлетворительно. Отсюда такая неразбериха в проведении операций в Дагестане, такие большие потери...

Федеральные силы понесли потери втрое больше, чем в ходе антииракской операции "Буря в пустыне" в 1991 году, когда, напомню, было освобождено целое государство — Кувейт и наголову разбита полумиллионная армия Саддама Хусейна...

Тем не менее, сейчас начинается, по существу, новая стадия, и решение о вторжении на территорию Чечни и оккупации части этой территории уже принято. Это будет решающим образом влиять на судьбу Путина и на судьбу президентских выборов в 2000 году.

Одно из отличий предстоящих президентских выборов заключается в том, что, скорее всего, претенденты будут идти парами, т. е. уже заведомо имея кандидатуру премьер-министра. Идея о таком "спаривании" настолько широко распространилась в обществе и настолько велика поддержка идеи повысить роль правительства и его председателя (которые не будут зависеть от прихоти главы государства), что совершенно естественно для кандидатов стремление усилить свои позиции, заранее предложив кандидатуру будущих премьер-министров, примерно как в США, когда президент и вице-президент вместе выступают на выборах.

В этом плане есть несколько пар, которые, можно сказать, у всех на устах: Примаков — Лужков, Зюганов — возможно, Глазьев, Степашин — Явлинский и несколько индивидуальных кандидатов, не имеющих больших шансов (Жириновский, Лебедь), а также Путин, судьба которого целиком зависит от исхода войны...

Во всех этих комбинациях самые большие сомнения возникают в отношении того, станет ли Лужков подходящей парой для Примакова. То, что Примаков будет поддержан значительной частью общества, это несомненно. Но может так сложиться, что после парламентских выборов и той кампании, которая сейчас ведется против Лужкова, тот станет скорее дебетом, нежели кредитом в паре Лужков — Примаков, и последний будет подыскивать себе какого-то другого партнера.

И второй неопределенный пока момент связан с парой Степашин — Явлинский. В общественном сознании Степашин в большей степени воспринимается как глава государства, способный, в частности, руководить силовыми структурами, а Явлинский — это все-таки человек, больше занимающийся экономикой, т. е. его прочат на роль премьер-министра. У Явлинского сейчас гораздо более высокий рейтинг, чем у Степашина. Смогут ли они договориться между собой о каком-то оптимальном разделении ролей — идти им парой или нет — будет решающим образом влиять на то, кто окажется во втором туре выборов. Если они не смогут договориться, то существует еще один потенциальный вариант, который сейчас мало кто рассматривает, — Примаков и Степашин. Такой вариант представляется настолько привлекательным, что многие силы будут подталкивать к этому и того, и другого, тем более, если Явлинский и Степашин не смогут договориться.

В случае, если Примаков выступит в связке со Степашиным, трудно сомневаться, что они пройдут во второй тур и легко победят любого другого претендента. Если Примаков пойдет на выборы с кем-то другим, например, с Лужковым, а Явлинский — со Степашиным, то они будут иметь серьезные шансы пройти во второй тур, может быть даже, опередив коммунистов.

Тогда впервые за долгое время перед нами встанет выбор не между одним злом и другим, а между чем-то неплохим и другим, более лучшим. Конечно, все это слишком оптимистическое предсказание. Такие, как правило, не сбываются.

Поэтому, возвращаясь еще раз к тому, что происходит на Кавказе, я соглашусь с крайне тревожными замечаниями, которые по этому поводу были сделаны. Хочу лишь добавить одно: если произойдет наземное вторжение [в Чечню], если наши войска встанут на Тереке, то это ровным счетом ничего не будет означать с точки зрения прекращения войны. Потому что эти войска будут находиться под ударами со всех сторон, и встанет вопрос о том, надо ли двигаться дальше, выйти на Сунженские высоты, а потом еще дальше — к Грозному? И мы полностью повторим ситуацию, которая уже была в 1996 году.

Блокада и изоляция [Чечни] — то, на что согласны сейчас большинство партий и общественное мнение, — невозможны, когда ваша армия воюет внутри. Тогда границы, по существу, открыты, т. е. остаются возможности и для контрударов со стороны чеченских формирований, и для того, чтобы взорвать Дагестан, Ингушетию, Карачаево-Черкесию, чтобы устроить "фейерверк" во всех российских городах...

В Дагестане завершение боевых действий формально означало поражение ваххабитов и тех, кто им помогал со стороны Чечни. Но на самом деле это поражение было тактическим. Стратегически, как мне кажется, они не потерпели поражения. Первоначально они рассчитывали, что Дагестан сразу же восстанет, но этого не произошло. Тогда они перешли к другой тактике: занимая район за районом, они заставляли федеральные войска разрушать эти районы в ходе боевых действий, нести большие потери и невольно сеять смуту и рознь среди народов Дагестана. Ваххабиты ушли из Дагестана без таких больших потерь, о которых говорят наши официальные представители силовых структур, но остались семена будущих конфликтов в Дагестане, которые могут проявить себя с новой силой, как только армия "увязнет" в Чечне.

Во-первых, в Дагестане огромному числу людей выдано оружие. Известно, что парламент Дагестана принял закон, по которому боевое оружие раздается в очень широких масштабах. Учитывая, что Дагестан — многонациональная республика, в которой есть серьезные противоречия и предстоит смена нынешней весьма непопулярной власти, совершенно понятно, к чему ведет наличие такого огромного количества оружия в руках разных этнических групп.

Во-вторых, они приняли закон о запрещении ваххабизма. Закон был принят под давлением чувств протеста и ненависти к ваххабитам, которые устроили всю эту "заваруху", но в ближайшем будущем он может ударить бумерангом. Ведь запрещение какого-то направления религии ведет к тому, что это направление уходит в подполье, а при определенных условиях быстро расширяет свое влияние. Этнические трения, смена власти в Дагестане, борьба вокруг этого могут быстро заставить забыть о том, что ваххабиты натворили в августе — сентябре 1999 года, и привести к широкому распространению этого радикального течения среди разных этнических групп. Борясь друг с другом, эти группы обратятся к тем же чеченцам за помощью как к организационной силе. Тогда мы увидим эскалацию конфликта на всем Северном Кавказе.

Завершая, хочу сказать, что операция, которая сейчас начинается в Чечне и предполагает вхождение вглубь ее территории, может привести к самым печальным и пагубным последствиям. В отличие от этого, блокада Чечни — оптимальный выбор. Пока еще не поздно принять такое решение. Мне кажется, нужно сделать все возможное, чтобы военные операции ограничились блокадой Чечни, для чего не обязательно выстроиться строго по административной границе. Действительно, есть кое-какие участки, где выгоднее войти на несколько километров, но в принципе здесь важна не граница, которая сугубо символична, а важны наличие за спиной дружественного населения, возможность обеспечить безопасный тыл с точки зрения коммуникаций и функционирования армии, которая находится сейчас не в лучшем состоянии, чем три года назад, когда завершилась война в Чечне... Качество жизни, службы и оснащения армии не улучшилось — причем не по вине министра обороны.

Что касается блокады, во-первых, она не позволит дестабилизировать Дагестан, Ингушетию и другие районы Северного Кавказа. Соответственно, не будет оснований перенести режим ЧП со всеми его последствиями на территорию всей России. Это будет иметь для президентских выборов первостепенное значение, от этого во многом будет зависеть, состоятся ли они вообще или нет».

Выступивший в прениях д.и.н. Виктор Леонидович Шейнис, коллега А. Арбатова по депутатской фракции «Яблоко» в Государственной думе, среди прочего, не согласился с прозвучавшим на заседании Ученого совета мнением о невысоких шансах В. Путина, последнего выдвиженца президента Ельцина, на предстоявших весной 2000 г. президентских выборах. Анализируя «феномен Путина», Шейнис обратил внимание на один парадокс. «Казалось бы, — заметил он, — рекомендация уходящего президента, в которого бросают комья грязи все, кому не лень, — как "черная метка" у Стивенсона. На деле же рейтинги Путина понеслись вверх».

Далее Шейнис обосновал свою точку зрения. «Взлет Путина, — сказал он, — ответ общества на заполнение (пока в основном на словах) вакуума политической воли. Расчет или интуиция подсказали новому премьеру, что и как надо говорить и как следует себя вести, но в его лице обыватель увидел то, что хотел и давно ждал. Путин реализует общественный запрос на честного чекиста...

Едва ли не впервые (Степашин не успел) перед парламентом предстал политический и военный лидер, а не заведующий экономикой, в которой быстрые успехи нельзя стяжать по определению. Общество увидело в нем — с большим или меньшим на то основанием, покажет время — во-первых, профессионала в своем деле, а во-вторых, самостоятельную фигуру. Я учитываю, что рейтинг Путина потому так быстро рос, что этот рост начинался почти с нуля, допускаю, что эти цифры неустойчивы. Но при определенных условиях, скажем, минимального успеха на Кавказе или в чем-либо еще, Путин и его правительство могут оказаться силой, во всяком случае, равноположенной другим политическим силам. Наметился (во всяком случае, в сентябре — октябре) чрезвычайно интересный

процесс: впервые власть перемещается из Кремля, где властвует быстро состарившийся, больной человек, функции которого обеспечивает самая слабая с 1991 г. администрация, в которой сегодня остались люди, неизвестные обществу, ни в чем, кроме интриг, не отличившиеся, не обладающие даже видимостью общественной поддержки и общественного признания, не отягощенные ни профессионализмом, ни какими-либо заслугами, в Белый дом на набережной Москвы. Не исключено, что на следующем этапе Путин и его сотрудники могут стать центром консолидации новой партии, поделившей с ОВР рычаги государственной власти или даже монополизирующей их, если ОВР развалится и провалится»[1].

Прогноз В.Л. Шейниса относительно политического будущего В. Путина и судьбы ОВР оказался более реалистичным, чем мнение большинства его коллег из ИМЭМО[2].

Развитие политической ситуации в России в октябре — декабре 1999 г. характеризовалось развертыванием спланированной и агрессивной кампании по дискредитации фаворита предстоявших парламентских выборов — избирательного блока «Отечество — Вся Россия» и его лидеров — Ю.М. Лужкова и Е.М. Примакова. По команде «семьи» в подконтрольных олигархам СМИ развернулась настоящая информационная война против Лужкова и Примакова. Главный «семейный адвокат», Борис Березовский, взялся повторить успешную операцию 1996 г., когда удалось добиться переизбрания на второй срок больного и дискредитированного в глазах общества Бориса Ельцина. Наибольшую активность и неразборчивость в средствах демонстрировал принадлежавший Березовскому первый канал ТВ (ОРТ) в лице известного «телекиллера» Сергея Доренко, не брезговавшего самыми недостойными методами. Объектом ежедневных нападок в телеэфире стал не только мэр Москвы с его бизнес-супругой Еленой Батуриной, известной своими далеко не всегда прозрачными инвестиционными проектами, но и Евгений Примаков с его безупречной репутацией. Поскольку заподозрить Примакова в сомнительных операциях было невозможно, люди Березовского сосредоточились на состоянии здоровья бывшего премьер-министра, которое, как внушал миллионам россиян «телекиллер», не позволяет Примакову претендовать на высшую государственную должность. В конечном счете грязные технологии, применявшиеся против него, и нежелание оправдываться в глазах общественного мнения побудят Е.М. Примакова отказаться от борьбы за выдвижение его кандидатом в президенты России.

Параллельно с дискредитацией лидеров ОВР в СМИ шло энергичное раскручивание пропрезидентского избирательного блока «Единство»

---

[1] *К.Г. Холодковский.* Группы интересов и партии в российской предвыборной ситуации. Стенограмма заседания Ученого совета ИМЭМО РАН от 4 октября 1999 г. С. 141—142 // Архив ИМЭМО РАН.

[2] В.Л. Шейнис оказался единственным из участников заседания в ИМЭМО, кто не поддался общим настроениям, пророчившим безусловную победу на выборах в Государственную думу избирательному блоку ОВР (до 30%). Он обратил внимание на оценку ВЦИОМ, сулившую ОВР не более 15% голосов избирателей.

(«Медведь»), одним из архитекторов которого был все тот же неугомонный «БАБ» — Борис Абрамович Березовский. Он весьма умело сеял раздор среди верхушки ОВР, пытаясь разобщить объединившиеся было региональные элиты, соблазняя их лидеров перспективами слияния с создаваемой новой партией власти — «Единством».

Самым крупным успехом, определившим новую расстановку сил накануне выборов в Государственную думу, стало привлечение на сторону «Единства» набиравшего популярность премьер-министра Владимира Путина. В условиях России, где харизма личности всегда имела бóльшее значение, чем программные установки какой-либо партии, сближение В. Путина с «Единством» значительно подняло рейтинг этого новообразования, во многом определив его успех на выборах в декабре 1999 г.

И без того высокий рейтинг самого Путина к моменту парламентских выборов поднялся на еще более высокую ступень. Это стало возможно благодаря успешному развитию КТО, проводившейся под личным руководством премьер-министра. Уже к декабрю 1999 г., вопреки прогнозам многих экспертов, стал ясен исход военной операции в пользу федеральных сил. А в начале февраля 2000 г. удалось выбить боевиков из Грозного. В решающей степени успеху федеральных сил способствовал переход на сторону России авторитетного муфтия Чечни Ахмата Кадырова, объявившего себя непримиримым врагом ваххабизма. Позиция Кадырова была поддержана влиятельными чеченскими тейпами, выступившими против главы мятежной Ичкерии Аслана Масхадова, в результате оказавшегося в изоляции. Это был и личный успех руководителя КТО Владимира Путина, которому удалось то, чего не смог добиться даже генерал де Голль в ходе войны в Алжире — найти там союзников и сохранить Алжир в составе метрополии.

Вопреки большинству прогнозов, включая те, что были сделаны в ИМЭМО, победителями на выборах по партийным спискам стали КПРФ (24,3%) и «Единство» (23,3%). Недавний фаворит (ОВР) получил только 13,3% (против 25—30%, «обещанных» ему большинством социологов и политологов). Не оправдались и прогнозы относительно «Яблока» и СПС. Либералы с их 8,52% уверенно обошли «яблочных» демократов (5,93%). Реальная политическая жизнь с ее неожиданными и непредсказуемыми поворотами оказалась сложнее глубоких умозрительных построений.

А впереди был еще один ожидаемо-неожиданный поворот, случившийся в последний день 1999 г. — добровольный уход Б. Ельцина, передавшего бразды правления В. Путину в качестве и.о. Президента России с очевидными шансами победителя на предстоявших в марте 2000 г. выборах главы государства.

«Дело об украденных миллионах»

Привычное течение дел в Институте весной 1999 г. внезапно было нарушено скандальной историей с пропажей со счетов ИМЭМО валютных накоплений от полученных иностранных грантов.

Суть дела заключалась в том, что под гарантию заместителя директора ИМЭМО д.э.н. С.Е. Благоволина накопленные валютные резервы Института (более 160 тыс. долларов) были размещены в КБ «Инвестиционный банк поддержки предпринимательства», одним из учредителей которого в начале 90-х гг. был Благоволин. После назначения его Генеральным директором ОРТ Благоволин отошел от руководства банком. Весной 1999 г. выяснилось, что деньги со счета ИМЭМО бесследно исчезли, а перед этим в подъезде дома, где он проживал, был застрелен тогдашний директор банка Г. Двалишвили.

Эта история получила огласку на заседании Ученого совета 21 июня 1999 г. Ее обсуждение инициировал заместитель директора ИМЭМО, член-корреспондент РАН И.С. Королев. Воспользовавшись паузой между обсуждением рутинных вопросов повестки дня, Королев задал неожиданный вопрос председательствовавшему академику Мартынову: «Владлен Аркадьевич, а мы будем заслушивать на Ученом свете "дело об украденных миллионах"?»[1]

Из стенограммы заседания Ученого совета:

> «В.А. МАРТЫНОВ: Поскольку вопрос задан, я расскажу. У нас украли 162 тысячи 600 долларов[2]. Сделал это банк, которому мы доверяли. Нам давали гарантии, что мы будем предупреждены, если что-то случится с этим банком. К сожалению, такие гарантии предоставлялись нашими же сотрудниками.
>
> Для нас банк продал деньги, но почему-то перевел их на другой счет, откуда эти деньги уплыли, а на наш счет они так и не попали. Сейчас мы затеяли судебное дело через Арбитражный суд. Сначала они (руководство банка) не подписывали явку в суд. Идет большое давление со стороны этого банка. Наши требования — арестовать их счета. В какой-то степени нас поддержал в этом Центральный банк. Он тоже рекомендует нам обратиться в Арбитражный суд.
>
> Один раз рассмотрение дела перенесли из-за неявки ответчика. Возможно, на днях состоится продолжение судебного заседания. Не думаю, что сейчас я должен более подробно об этом говорить. Хотя, как оказалось, больших надежд на благоприятный для нас исход чрезвычайно мало. Поначалу мы надеялись, что все это делается легко. Однако выяснилось, что решения Арбитражного суда оспариваются, не выполняются и т.д. Банк же заинтересован в том, чтобы его объявили банкротом. Если такое произойдет, то мы ничего не получим. Если же будут арестованы его счета,

---

[1] Стенограмма заседания Ученого совета ИМЭМО РАН 21 июня 1999 г. С. 10 // Архив ИМЭМО РАН.

[2] По уточненным данным, потерянная в банке сумма составляла 164 тыс. долларов. — *П.Ч.*

то в таком случае есть надежда, что мы окажемся первыми, кто предъявит к ним претензию, хотя их общая задолженность другим вкладчикам составляет где-то 10 миллионов.

ВОПРОС: Как называется этот банк?

В.А. МАРТЫНОВ: Инвестиционный банк поддержки предпринимательства. Гарантии же давали наши сотрудники, которые когда-то возглавляли этот банк.

А.Я. ЭЛЬЯНОВ: А могут ли эти научные сотрудники, которые так подвели Институт, оставаться научными сотрудниками?

В.А. МАРТЫНОВ: Тяжелый, конечно, вопрос. Они — наши бывшие научные сотрудники. Сейчас они заработную плату не получают, хотя и числятся у нас. Хороший вопрос. Но я бы попросил дать Дирекции возможность еще раз обсудить этот вопрос на своем заседании, после чего я доложу о его результатах. Мнение Ученого совета мне ясно и понятно...

Из всего этого вытекает, что мы сейчас вынуждены будем принять определенные меры по сокращению наших расходов. Это был резерв, который мы имели в Институте на всякий пожарный случай. Сейчас мы оказались без этого резерва. Мы более или менее выполняем свои текущие обязательства. Это не затрагивает тех, кто получает гранты и надбавки к зарплате. Сейчас зарплату выплачивают в нормальном режиме, в мае мы даже получили деньги на прибавку зарплаты с 1 апреля. Так что наша ситуация в финансовом плане не выглядит плачевной. Оказавшись без ресурсов, мы будем вынуждены отказаться от выписки иностранной литературы, а также от некоторых расходов по эксплуатации здания, подождать с ремонтом<...>».[1]

Следующее обсуждение «дела об украденных миллионах» состоялось на Ученом совете после завершения отпускного сезона. Все это время — три с небольшим месяца — Дирекция пыталась найти решение возникшей проблемы. Этим специально занимался главный юрисконсульт ИМЭМО Р.Ф. Саитгареев, а также основатель и бывший совладелец банка С.Е. Благоволин. Однако их старания успехом не увенчались, о чем и было доложено Ученому совету, собравшемуся 4 октября 1999 г.

В ходе информации А.Г. Лисова о финансовом положении ИМЭМО д.э.н. Я.А. Певзнер задал ему вопрос о судьбе украденных банком денег и перспективах судебного решения по этому делу. Лисов разъяснил ситуацию в широком контексте текущего неблагополучного финансового положения Института.

Из стенограммы заседания Ученого совета 4 октября 1999 г.[2]:

«А.Г. ЛИСОВ: <...> Доля бюджетного финансирования в расходной части у нас составляет 17,2% (27 170 долларов США). К слову сказать, в прошлом году эта доля составляла 25%, в позапрошлом — около 40—50%, а еще раньше — до 60%.

---

[1] Стенограмма заседания Ученого совета ИМЭМО РАН 21 июня 1999 г. С. 10—13 // Архив ИМЭМО РАН.

[2] Там же. С. 86—91, 94—96.

Таким образом, за счет небюджетных поступлений (а это в основном аренда и гранты) мы тратим ежемесячно более 130 тысяч долларов. Львиная доля этих средств... идет на выплаты сотрудникам и содержание здания. Причем по итогам оставшихся до конца года трех месяцев сумма среднемесячных расходов увеличится на 135—136 тысяч долларов, поскольку предстоит подписка на периодику и уплата налогов по итогам года. Но эта сумма является пределом наших возможностей. И до конца года мы уже не сможем сделать ни шага в сторону.

Более того, наши позиции постепенно ослабевают ввиду абсолютно объективных условий и тенденций, которые уже преобладают и будут доминировать в ближайшие годы. После Нового года у нас таких сумм уже не будет.

За восемь месяцев арендуемая у нас площадь сократилась на 552 кв. м. Один этаж стоит пустой, его никто не берет. Крупные зарубежные фирмы стремительно сворачивают бизнес в России. О наших компаниях вообще не стоит говорить. ABB только в этом году сократила российский персонал на 50%, продала контрольный пакет акций тем компаниям, которые подписали генеральное соглашение с "Газпромом" и РАО ЕЭС. Сегодня уже известно, что финансовая поддержка научных исследований, оказываемая при непосредственном содействии столицы, сократится в предстоящем году как минимум на 20—30%. Поэтому мы должны быть готовы к падению реальных доходов на те же 20—30%, ибо уменьшить цены за коммунальные услуги или просто не оплачивать их мы себе позволить не можем. Все абсолютно услуги, как вы понимаете, оплачиваются из спонсорских средств, и любой рост коммунальных платежей будет приводить к дальнейшему сокращению личных доходов сотрудников.

К этому хочу добавить еще и то, что арендный договор с ABB заканчивается в октябре 2000 года, и будут ли они его продлевать и на каких условиях для Института, пока неизвестно. И в случае с сегодняшней ситуацией условия продления договора будут весьма жесткими и по объективным причинам, в связи с рыночной ситуацией, и по причине жесткого регулирования со стороны Москомимущества, т. е. это ограничение возможностей Академии наук в использовании этих средств. Но одно ясно — на любые условия, какими бы они ни были, нам придется соглашаться, потому что без ABB у нас вообще ничего не будет.

Для полноты картины хотел бы еще сказать о том, что в сегодняшних тяжелых условиях, но при том, когда наши отчисления в виде налогов существенно превышают поступления самого бюджета, когда мы являемся единственной организацией в районе, своевременно погашающей коммунальные платежи, за счет которых живут все коммунальные службы, и они не раз в этом признавались, и аккуратно и своевременно перечисляющей все налоги в бюджет, нас продолжают безжалостно атаковать налоговая инспекция, казначейство, прочие многочисленные вновь созданные и ранее существовавшие органы надзора, устраивают беспрерывные проверки с одной лишь целью — урвать и отобрать все, что угодно. Все чаще складывается впечатление, что фантазия инспектирующих инстанций уже начинает выходить не только за рамки правового поля, но подчас и за рамки здравого смысла, превращая действия этих структур в одну из форм легального, санкционированного рэкета. Но вызывает удивление тот факт, что этот репрессивный аппарат направляется прежде всего против тех, кто хочет жить по закону.

А на этом фоне коммерческие банки беспрепятственно воруют средства у своих клиентов. Среди таких банков — уважаемые некогда "Инкомбанк" и "Банк Витта". Но самым беспрецедентным стала по отношению к нашему Институту акция со стороны "Инновационного банка поддержки предпринимательства", когда со счетов Института было единовременно списано и украдено 164 тыс. долл. Удивительно то, что ни Московский арбитражный суд, ни Центральный банк, ни контролирующие органы упорно не хотят ничего видеть. Суд уже дважды вынес вердикт: в иске отказать, объясняя, что ничего страшного не произошло, будут у банка когда-нибудь деньги, он вам их отдаст, а банк между тем успешно увел эти средства на сторону. Несмотря на неоднократное уточнение наших исковых требований, суд ни в какую не хочет разбираться с основным вопросом — куда эти деньги ушли и на каких основаниях, т. е. с непосредственным фактом финансового мошенничества, уводя судебное разбирательство в сторону каких-то общих разговоров. Точно так же к этому относится и руководство Центрального банка. После этого остается лишь разводить руками.

Ведь пропавшие 164 тысячи долларов — это не какие-то левые средства. В их легальном происхождении нельзя сомневаться. Речь идет об официальных зарубежных спонсорских средствах, полученных Институтом из официально зарегистрированного в Великобритании и в России благотворительного общества за глобальную социально-экономическую интеграцию на цели научных исследований в нашем Институте. Эти средства строго отчетны, согласно нашему и согласно зарубежному законодательству, и до 31 декабря 1999 года мы обязаны представить Великобритании подробные отчеты об их использовании. Какова будет реакция британской короны на сей факт, сейчас остается лишь гадать. <...>

Повторю еще раз. Состоялось три заседания суда. Ни на одно из этих заседаний представители банка не явились. Первое заседание было отложено, два других прошли без их присутствия.

Наш процессуальный арбитражный кодекс так построен, что можно решить это дело и так, и иначе. Поскольку мы не имеем возможности разговаривать с судьями иначе, чем на языке закона, то мы постоянно проигрываем. Завтра, кстати, состоится очередное заседание, где будет рассмотрена наша кассационная жалоба. Она будет рассматриваться уже в Московском окружном суде. Нам не удалось убедить в нашей правоте Московский городской суд. Вся сложность заключается еще и в том, что у этого банка очень сложное положение (я не понимаю, почему он до сих пор не лишен лицензии), денег ни на каких корреспондентских счетах там нет, как сообщают наши друзья из Центрального банка. Все, что там осталось, — это фонд обязательного резервирования, но он так мал, что не может покрыть то, что банк должен самому бюджету. Каждое заседание обходится нам в 16 тысяч рублей...

В.А. МАРТЫНОВ: Я должен проинформировать членов Ученого совета, что летом произошло достаточно бурное заседание Дирекции, на котором обсуждался вопрос об этом долге. После довольно острой дискуссии на заседании Дирекции большинство поддержало предложение С.Е. Благоволина, который был когда-то связан с этим банком, о том, чтобы попытаться получить из этого банка 50—70% своего долга, не прекращая судебного разбирательства».

Затем председатель Ученого совета предоставил слово С.Е. Благоволину, который пространно и сбивчиво изложил свою версию случившегося, сославшись на двукратную смену руководства КБ «Инвестиционный банк поддержки предпринимательства», и пообещал добиться хотя бы частичного (50%) возврата институтских денег из разорившегося банка[1].

Выступление Благоволина явно не удовлетворило ни участников заседания, ни председательствовавшего на нем академика Мартынова. Закрывая обсуждение, он сказал: «То, что сейчас Сергей Евгеньевич занимается этим вопросом — это его обязательство и ответственность перед Институтом, поскольку, честно говоря, мы положили эти деньги в банк и продолжали их там хранить только после того, как Сергей Евгеньевич позвонил мне и сказал, что он лично отвечает за сохранность этих денег. Мои личные претензии к Сергею Евгеньевичу заключаются в том, что ни в декабре, когда он уже ушел из банка... ни после он ко мне не приехал и не сказал, что снимает с себя ответственность. Но это — мои личные к нему претензии. И я тоже понимаю, что поэтому Сергей Евгеньевич в какой-то степени несет ответственность не только передо мной, но и перед Институтом за то, чтобы дело, за которое он сейчас берется, я бы сказал, надо довести до конца»[2].

В конечном счете все хлопоты Благоволина, как и привлеченных ИМЭМО юристов, оказались напрасными. Из лопнувшего банка Институту не удалось вернуть ни доллара, ни рубля.

Предварительные итоги

Финансовый ущерб от хищения 164 тыс. долларов, безусловно, стал ощутимым ударом для ИМЭМО. Тем не менее он не привел к снижению активности и результативности научных исследований, проводимых в Институте. Они продолжались по всем основным направлениям и темам (более 100), определенным планом, который был утвержден в начале 1999 г.[3]

В центре внимания экономистов ИМЭМО оставался комплексный анализ важнейших теоретических проблем переходного периода в России. Были изучены институциональные преобразования в стране — приватизация, процесс формирования эффективного собственника, возникновение финансовой олигархии. Исследовался комплекс бюджетных проблем России: этапы развития бюджетного кризиса и перестройки бюджетной системы, проблемы бюджетного федерализма, углубление финансовых трудностей в связи с ростом задолженности и снижением налогооблагаемой базы.

Продолжалось изучение трансформации поведения хозяйствующих субъектов в условиях рыночных реформ на основе ежемесячных опросов

---

[1] Полный текст выступления С.Е. Благоволина см.: Там же. С. 96 – 111.

[2] Там же. С. 111 – 112.

[3] См.: Важнейшие результаты законченных фундаментальных и прикладных исследований (или их крупных этапов), полученные ИМЭМО РАН в 1999 г. // Архив ИМЭМО РАН.

директоров промышленных и сельскохозяйственных предприятий и банков. Была создана принципиально новая база данных для анализа переходных процессов в экономике России.

Было проведено исследование новых явлений в практике государственного вмешательства в экономику в условиях глобализации экономики и постиндустриального типа экономического роста. Проанализированы новые тенденции в подходах к роли государства в экономике со стороны социал-демократических правительств, пришедших к власти во многих европейских странах, а также объективно определяемые расширением рамок ЕС и введением единой валюты. В ходе выявления роли государства в процессе социально-экономической модернизации развивающихся стран и России установлены объективные и субъективные факторы торможения рыночной трансформации, в том числе и в Российской Федерации. На фоне рассмотренных процессов была проанализирована практика формирования экономической политики России в 1995—1998 гг., в том числе политика финансовой стабилизации, денежно-кредитная и социальная политика. Продолжался поиск путей корректировки экономического регулирования в целях повышения его результативности.

Исследовались проблемы финансовых кризисов в современной мировой экономике и в переходной экономике России — прежде всего причины возникновения международного финансового кризиса 90-х гг. как результата отрыва финансовой сферы от производственной вследствие многократного превышения транснациональных финансовых потоков над производственными и резкого повышения цен акций из-за завышенного ожидания темпов роста ВВП. В этой связи рассматривалась деятельность МВФ. В увязке с макроэкономическими процессами, внутри- и внешнеэкономическими изменениями и контекстом процесса глобализации экономики экспертами ИМЭМО были проанализированы проблемы, связанные с российским кризисом: инфляция, «бегство» капитала, валютный курс, сбережения и инвестиции, поведение владельцев сбережений и поведенческие модели банков в период до и после финансового кризиса, гарантии по банковским вкладам.

Исследовались внешнеэкономические аспекты переходной экономики, пути повышения эффективности связей с внешним миром и привлечения иностранного капитала. Анализировались важнейшие проблемы вступления России в ВТО, а также законодательная база регулирования в Российской Федерации и регионах экономических механизмов, в отношении которых действуют многосторонние нормы и правила, в том числе: финансовая помощь, субсидии, стандарты, сертификация, госзаказ, применение антимонопольного законодательства, некоторые аспекты таможенного и природоохранного регулирования.

Был проведен анализ основных тенденций мирового экономического развития, экономического и социального положения в ведущих странах и регионах мира. В рамках этого анализа были даны характеристики состояния и динамики главных отраслей промышленности, сельского

хозяйства и транспорта, конъюнктуры основных товарных и финансовых рынков, прогноз развития актуальных тенденций в системе мирохозяйственных связей. На постоянной основе осуществлялся мониторинг экономической конъюнктуры ведущих стран Запада и состояния мирохозяйственных связей в сфере торговли важнейшими видами сырьевых товаров (энергоносители, продовольствие и т. д.) и международных валютных отношений.

Под руководством академика В.А. Мартынова, члена-корреспондента РАН И.С. Королева и доктора экономических наук А.А. Дынкина выполнялась большая работа в рамках программы «Долгосрочное прогнозирование»:

- осуществлен комплексный прогноз развития основных секторов и отраслей хозяйства в странах с развитой рыночной экономикой; сформулированы главные факторы экономической динамики, основные направления структурных сдвигов, тенденции изменения эффективности хозяйства и промышленности, которые определяют устойчивый экономический рост в странах информационно-индустриального общества;
- выполнен прогноз важнейших инновационных контуров мировой экономики (информатика, здравоохранение, охрана окружающей среды), рассмотрены перспективы развития национальных систем нововведений (научный и кадровый потенциал, технологическая инфраструктура, социальные и экономические институты, обеспечивающие инновационную активность, создание и тиражирование новых технологий), тенденции роста рынков новейших технологий, изменение соотношения сил в научно-технической сфере, социальные последствия технологических сдвигов;
- выявлены долговременные тенденции социально-экономического развития Западной Европы до 2015 г.; на фоне усиливающейся мирохозяйственной глобализации определяющими факторами развития Европы, по мнению группы экспертов ИМЭМО под руководством д.э.н. В.П. Гутника, должны стать процессы качественного совершенствования и пространственного расширения ее внутренней интеграции; основные условия в прогнозируемый период сосредоточатся на адаптации европейской экономики к единой валюте — евро, в частности, на отладке механизмов взаимодействия единой денежно-кредитной и финансовой политики;
- прогноз социально-экономических перспектив развивающихся стран на 2000—2015 гг. базировался на данных по 99 наиболее значимым странам; в результате было выяснено, что их положение будет зависеть в первую очередь от способности адаптироваться к общим тенденциям мирового развития и трансформациям в глобальной системе мирохозяйственных связей; по мнению экспертов, сохранится деление на три условные группы стран, при этом разрыв между наиболее и наименее развитыми значительно возрастет;

упрочение социально-экономического статуса группы динамично развивающихся стран открывает дополнительные возможности для развития мирохозяйственных связей России и ее углубленной интеграции в мировую экономику.

В 1999 г. в Институте было проведено исследование модели социально-экономического развития мирового лидера — США, обоснованы и сформулированы состав и характеристики ее современной, ориентированной на человека модели, включение в нее источников и механизмов инновационных процессов в производственной, научно-технической и социальной сферах; под руководством д.э.н. В.И. Марцинкевича был проанализирован процесс становления и развития механизмов самодвижения экономики США в историческом и социальном аспектах.

Самостоятельный блок исследований в ИМЭМО в 1999 г. составляли работы, посвященные анализу российской политики обеспечения национальной безопасности как в геополитическом плане, так и по основным ее аспектам. Эти исследования проводились под руководством д.и.н. А.Г. Арбатова, попытавшегося обосновать для России выбор пути в направлении постепенного сближения с Большой Европой, интеграции с Белоруссией и Украиной, возвращения Российской Федерации в экономику и политику Центральной и Южной Европы, наконец, осуществления масштабных федеральных программ развития Сибири и Дальнего Востока. В исследованиях актуальных проблем ограничения вооружений акцент делался на взаимосвязи и взаимозависимости разоружения с внешней и военной политикой, а также с бюджетно-финансовым курсом государства.

Была исследована концепция национальной безопасности России, рассмотрены основные официальные государственные документы за период 1997—1998 гг. по вопросам политики безопасности и контроля над вооружениями, проанализированы проблемы формирования оборонного бюджета на 1998 г., эффективность системы экспортного контроля как компонента международного режима нераспространения оружия массового уничтожения (ОМУ), вопросы выполнения Россией Конвенции о запрещении химического оружия.

В «Центре Арбатова» были разработаны принципиальные вопросы стратегического ядерного баланса, обычных вооружений и вооруженных сил в Европе, расширения НАТО на Восток, принуждения к миру; сформулированы задачи международного контроля над вооружениями в условиях многополюсного мира; намечены средства и методы отстаивания интересов России в отношениях с ведущими западными странами без сползания к конфронтации; проанализирована тематика сокращения ядерных вооружений, предотвращения расползания ОМУ и средств его доставки, сохранения международного правового режима ограничений на развертывание систем ПРО, снижение уровней обычных вооруженных сил в Европе и их перестройки для миротворческих операций.

В Отделе международно-политических проблем (рук. Н.А. Косолапов) на протяжении 1999 г. международные отношения исследовались в контексте формирования нового миропорядка. Было рассмотрено понятие определенного единства международно-правовой и организационно-технологической сторон функционирования международных организаций и институтов, его роли применительно к процессам регионального и мирового развития, сопоставление институционализации процессов, проходящих в Европейском союзе и СНГ.

В Институте был проведен анализ развития мировой международно-политической, экономической и социальной ситуаций, а также важнейшие события в отдельных странах и регионах мира в 1999 г.; рассмотрены наиболее актуальные проблемы экономической и внутриполитической жизни государств ближнего зарубежья, в том числе СНГ, их участия в мировой политике, взаимоотношений с Россией.

В исследованиях роли ООН и других стабильных структур международных отношений в современном мире под руководством д.ю.н. Г.И. Морозова была проанализирована практика миротворчества, осуществляемого под эгидой ООН на протяжении 80 — 90-х гг., ее соответствие международному праву, вклад в развитие системы международных отношений в целом и эффективность механизмов миротворчества.

Со времен директорства Е.М. Примакова в Институте активно занимались изучением Азиатско-Тихоокеанского региона. В 1999 г. продолжались исследования проблемы развития системы международных связей в АТР, роль и место в них России, нахождение путей для повышения этой роли в регионе и решения субрегиональных проблем, поднятия экономического уровня российского Дальнего Востока. Исследователями был проведен анализ тенденций и проблем экономического развития стран АТР в 90-е гг.: темпы роста, структурные сдвиги в экономике, состояние кредитно-финансовой сферы, изменения в структуре внешнеэкономических связей. Были рассмотрены вопросы формирования Форума АТЭС и разработки его участниками подхода к международному экономическому сотрудничеству, основные направления такого сотрудничества, функционирование органов АТЭС.

Под руководством д.э.н. В.Б. Рамзеса продолжалось исследование путей решения глобальных проблем в Японии. В центре внимания исследователей были вопросы цивилизационных особенностей этой страны, ее опыт решения проблем устойчивого развития и экологического равновесия, борьбы с нищетой и постепенного повышения жизненного уровня населения, развития демократии в качестве части соответствующей восточноазиатской модели социально-экономического развития, последовательная интернационализация страны и современные подходы Японии к обеспечению своей безопасности.

В Институте уделялось серьезное внимание изучению перспективного партнера России — Республики Корея. В 1999 г. был проведен анализ внутренних и внешних аспектов последствий структурного финансового кризиса в Южной Корее, перемен под воздействием кризиса в экономической

стратегии государства, в отношениях государства и бизнеса, программы структурных реформ руководства страны, а также изменения во внешнеэкономической стратегии этого государства.

В 1999 г. в Институте был завершен основной этап исследовательского проекта «Постиндустриальный мир: Центр, Периферия, Россия» — исследование постиндустриальной стадии развития человечества и связанных с ней процессов глобализации, проблем и вызовов, которые они несут с собой, особенно для регионов мировой периферии (рук. д.и.н. В.Г. Хорос). Исследователями был сделан вывод о том, что на исходе XX века и периферии, и особенно России необходима выработка нетривиальной экономической и политической стратегии, которая, не приводя к автаркии, позволяла бы защищать свои национальные интересы.

В ЦСЭСПИ под руководством Г.Г. Дилигенского и К.Г. Холодковского были проведены компаративные исследования эволюции к концу XX века демократических политических механизмов ряда стран Запада, входящих в «восьмерку» мировых держав. Были раскрыты изменения в партийно-политической системе, соотношения между партиями и группами интересов, роль общественного мнения, переход ряда функций управления к наднациональным органам. Исследователи пришли к выводу, что модернизация политических институтов России не имеет ничего общего с копированием имеющихся западных образцов, поскольку они сами подвержены изменению и обновлению.

В концептуальном и эмпирическом плане под руководством д.и.н. С.П. Перегудова была проанализирована весьма важная для России проблема взаимодействия групп интересов (общероссийских, отраслевых, региональных) с институтами государственной власти. Исследованы группировки бизнеса, профсоюзов, самодеятельных организаций, их отношения с государством как в историческом, так и в теоретическом ракурсах, сквозь призму корпоративной и плюралистической концепций.

В 1999 г. Институт завершил очередной этап совместного с Международной организацией труда (МОТ) и Министерством труда России изучения процессов становления социального партнерства. Развернутому социально-экономическому и практическому анализу были подвергнуты институциональные аспекты социального партнерства на федеральном, региональном и местном уровнях.

Результаты фундаментальных и прикладных исследований нашли свое отражение в научных публикациях сотрудников ИМЭМО. В 1999 г. ими было выпущено 47 монографий, сборников и брошюр, 11 учебников, 188 научных докладов и 19 сборников материалов научных конференций, в том числе 9 международных.

В 1999 г. Институт продолжал активно участвовать в разработке ряда законопроектов: «О соглашениях о разделе продукции», «О внесении изменений в Федеральный закон "О бюджетной классификации Российской Федерации"», «О финансировании государственного оборонного заказа для стратегических ядерных сил Российской Федерации», «О рати-

фикации Договора между РФ и США о дальнейшем сокращении стратегических наступательных вооружений», «О сельскохозяйственных кредитных кооперативах» и др.

ИМЭМО продолжал работу по оказанию консультативно-экспертной помощи государственным органам власти. В общей сложности в течение 1999 г. в администрацию Президента, Правительство, Совет Федерации, Государственную думу, Совет безопасности России, в различные федеральные и региональные министерства и ведомства из Института было направлено 60 аналитических разработок по всему спектру проблем, которыми занимался ИМЭМО. В целом 1999 г. был успешным для Института, в котором продолжали трудиться 630 сотрудников, в том числе 520 научных работников[1], оставшихся верными своему профессиональному выбору, несмотря на весьма скромную заработную плату.

* * *

На рубеже 1999—2000 г. истекал второй директорский срок академика Владлена Аркадьевича Мартынова. К тому времени он возглавлял ИМЭМО уже десять лет, и при прежних порядках мог бы претендовать на третий срок. Но в апреле 1992 г. на общем собрании трудового коллектива был принят новый Устав ИМЭМО, по которому все руководящие должности в Институте могли занимать лица не старше 70 лет. В это время Российская академия наук, которую постоянно призывали к омоложению, ввела в свой Устав возрастные ограничения для директоров и руководителей структурных подразделений институтов системы РАН (70 лет). Никто тогда не знал, что эти ограничения вскоре будут отменены (как выяснится, тоже временно), но целый ряд директоров вынуждены были подчиниться введенной норме. В их числе оказался и академик Мартынов, которому в декабре 1999 г. исполнилось 70 лет.

Было и еще одно обстоятельство, побуждавшее Мартынова уйти с директорского поста. Оно было связано с состоянием его здоровья. В начале 90-х гг., находясь в командировке во Франции, он попал в автокатастрофу и получил тяжелейшие травмы. Некоторое время Мартынов провел в одном из парижских госпиталей, а потом продолжил длительное лечение в Москве. По мнению врачей, полученные в аварии повреждения внутренних органов спровоцировали у Владлена Аркадьевича развитие онкологического заболевания, которое медленно, но неотвратимо прогрессировало.

Так или иначе, но в 1999 г. Мартынов начал подыскивать себе замену, консультируясь с коллегами по Отделению проблем мировой экономики и международных отношений и в первую очередь с академиком Е.М. Примаковым, мнение которого в ИМЭМО всегда учитывали.

---

[1] Среди них 2 академика, 3 члена-корреспондента РАН, 80 докторов и 214 кандидатов наук.

В 2000 г. Владлен Аркадьевич Мартынов покинул пост директора и перешел на должность советника РАН. Ему суждено было прожить еще неполных восемь лет. Он скончался 17 марта 2008 г. в возрасте семидесяти восьми лет. В историю ИМЭМО академик В.А. Мартынов вошел как человек, сумевший сохранить Институт в тяжелейшие 90-е гг.

Наступавшие 2000-е годы обещали перемены, новые вызовы и испытания, осознать и пройти через которые предстояло научному коллективу ИМЭМО, вступавшему в новый период своей истории.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абакумов В.С. 50, 57
Абалкин Л.И. 622, 627
Абдрашитов В.Ю. 617
Аболтин В.Я. 102—104, 147, 198, 209, 210, 212, 217, 218, 220, 251, 290, 302
Абрамов Ф. 197
Абуладзе Т.Е. 617
Аваков В.Л. 637
Аваков Р.М. 125, 142, 173, 412, 533
Авен П.О. 10, 674, 675, 694—696, 745
Авилова А.В. 783
Автономов В.С. 751, 786
Аганбегян А.Г. 173, 221, 569, 626, 627
Агарц В. 138
Аденауэр К. 81, 740
Адно Ю.Л. 785
Айюб Хан 194
Александров А.П. 296, 531, 572
Александров Г.Ф. 32, 38, 41, 42
Александров-Агентов А.М. 271, 444, 446, 459, 530, 531, 548
Алексий II 647
Алиев Г.А. 507
Аллилуева С.И. 114, 317, 318, 510
Алферов Ж.И. 673
Амальрик А. 196, 352, 353
Амбарцумов Е.А. 10, 147, 175, 313
Амин Х. 438
Андреасян Р. 125
Андреев С.Б. 552, 629
Андропов Ю.В. 196, 269, 283, 285, 314, 326, 348, 349, 429, 434, 438, 445, 458, 466, 468, 469, 471, 474—476, 481—483, 500, 503, 506—510, 528, 529, 531, 532, 539, 543, 544, 549, 566, 605
Аникин А.В. 251, 371, 493
Аракелян А.А. 59
Арбатов А.Г. 9, 10, 335, 448, 449, 452, 552, 578, 579, 583, 594— 597, 602, 603, 605, 607, 641, 656, 660, 708-709, 718, 740, 744, 798, 801, 803, 806, 809—811, 823, 827, 837
Арбатов Г.А. (Арбатов Ю.) 9, 95, 99, 110-111, 118, 124, 126, 175, 179, 183, 185, 186, 208, 271, 313, 348, 399, 422—424, 430, 435, 439, 444, 446, 447, 482, 483, 501, 517, 524, 526, 527, 531, 548, 585, 673
Арбузов А. 196
Арзуманян А.А. 9, 19, 83—89, 91, 93, 94, 96—102, 104—118, 121, 122, 124, 125, 127—140, 142—147, 150—157, 160, 163—167, 169—173, 175—188, 192, 198, 208—220, 227, 231, 241, 242, 274, 275, 277—279, 281, 304, 339, 398, 399, 419, 551, 571
Арзуманян Г.Г. 84, 85
Аристов А.Б. 158
Арнольд Е. 355
Арутюнян А.А. 114

Арутюнян (Меньшикова) М.А. 221
Асатиани Д. 386
Асосков Е.А. 464
Астапович А.З. 785
Астафьев А.Р. 311, 312
Атлас Б.И.. 629
Афанасьев Г.Д. 198, 399
Афанасьев С. 386, 387
Ахматова А.А. 49

Баваров А.С. 20
Баграмов Л. 125, 126
Байбаков Н.К. 374, 456, 457
Байков Н.М. 784
Бакатин В.В. 300, 665, 666, 670
Бакланов Г.Я. 527
Бальзак О. де 202, 765
Бальцерович Л. 674, 675
Бар Э. 257, 258
Барановский В.Г. 9, 16, 579, 603, 631, 640, 656—660, 673, 745
Барановский К.Ю. 468, 470, 488, 489, 500
Баррет Э. 518
Барсегов Ю.Г. 785
Барсуков М.И. 759, 762, 763
Басаев Ш. 795
Бейкер Дж. 646
Белов В. 197
Белоусов А.Р. 750
Бельчук А.И. 382
Беляев А.А. 527
Беляев Н.И. 158
Беляков А. 140
Берджесс Г. 318, 321
Бердяев Н.А. 632
Березовский Б.А. 762, 763, 819, 829
Берзин Я.К. 301, 306
Берия Л.П. 39, 52, 66, 74—78, 80, 84, 282, 283, 561
Бетховен Л. ван 506
Бечин А.И. 102, 104—106, 109, 212, 213, 217
Биккенин Н.Б. 527
Бишоп М. 438
Благоволин С.Е. 10, 288, 291, 298, 551, 582, 629, 744, 750, 830, 831, 833, 834
Блейк Дж. (Бихар Дж., Бехтер Г.И.) 273, 318, 320, 326—328, 331—336
Блюм Л. 770
Блюмин И.Г. 124, 371
Бобровников Н.И. 100, 101
Бовин А.Е. 271, 444, 446, 452, 483, 501, 502, 524
Богатиков О.А. 622
Богатуров А.Д. 387
Богачев В.Я. 464
Богачева О.В. 784—786
Богомолов О.Т. 271, 484
Богораз Л.И. 196
Бойко К.Г. 686
Бойко М.В. 10, 686—691, 745, 763
Бойко О.В. 733
Боксер В. 706
Бокшицкий М.Л. 35, 58, 61, 62
Болдырев Ю.Ю. 706
Болотин Б.М. 531, 755
Бондаренко А. 56
Бордюжа Н.Н. 794
Борисов С.М. 785
Борисюк В.И. 745
Боффа Дж. 54
Брагина Е.А. 125, 155, 496
Брагина Н. 353
Брагинский С.В. 497, 498
Брандт В. 255, 257, 258, 770
Брегвадзе Н.Г. 617
Брежнев Л.И. 14, 18, 85, 143, 158, 179, 186, 189—195, 198, 269—271, 279, 287, 324, 339, 350, 374, 384, 399, 400, 410, 428, 429—435, 437—440, 444—448, 450—452, 454—459, 466, 473, 483, 484, 500—502, 505—507, 510, 525, 526, 548, 560, 564, 605, 662, 751
Бреман Я. 27
Бриттен Б. 82
Бродский И.А. 515
Бронин Я.Г. 304, 305
Брутенц К.Н. 122, 174, 526
Брынцалов В.А. 762
Брычков А. 360
Бугров Е.В. 296—298
Буковский В. 196, 326, 359

Булгаков М.А. 197
Булганин Н.А. 66, 77, 80—82, 89, 120, 158
Булкина Р.Ф. 734
Бунин И.М. 10, 459, 475, 485, 488, 499
Бунсдорф Е. фон 138
Бурбулис Г.А. 675
Бухарин Н.И. 63, 561
Буш Дж. (младший) 10
Буш Дж. (старший) 362, 627, 640, 641, 666, 667, 699
Бушмарин И.В. 785
Быков О.Н. 111, 147, 177, 218, 224, 225, 236, 246, 296, 382, 384, 388, 408, 409, 411, 423, 477, 483, 533, 538, 541, 552, 578, 590, 599, 601, 602, 607, 660, 740, 798, 812

Вавилов С.И. 41, 42
Валенса Л. 674
Вальков В.А. 115, 116
Ванюков Д.А. 565
Варга Е.С. 9, 17, 18, 21—45, 50—68, 70—73, 87—89, 91, 94, 95, 98, 105, 108, 109, 116, 117, 136, 148, 149, 151, 217, 218, 230, 256, 369, 589
Васильев 125
Васильчук Ю.А. 708
Вебер А.Б. 112
Вейцман С.Г. 287
Велихов Е.П. 406, 533
Веретильный И.Я. 463, 464, 740
Викторов Я.З. 147
Вильсон В. 800
Вильсон Г. 420
Винн Г. 316
Виноградов В.А. 9, 240, 241
Винцер Ю. 58
Витте С.Ю. 577
Вишнев С.М. 58, 60
Вишневская Г.П. 326
Вишня Г.Ф. 478
Владимиров В. 336
Власов А.А. 306, 310
Власов К.А. 96
Власов Ю.П. 762
Вознесенский А.А. 181
Вознесенский Н.А. 22, 39—41, 50, 52, 56, 68, 69
Волков М.И. 474, 478, 481, 485, 487, 499, 501, 503, 504, 530
Волкова Е.Д. 727—729
Волкогонов Д.А. 438
Волошин А.А. 794
Вольпин А. 196
Вольский А.И. 549, 645
Вольский В.В. 621
Воробьева Т.М. 740
Ворожейкина Т.Е. 468, 471, 472, 486, 491, 492, 494—496, 498
Воронин Л.А. 539
Воротников В.И. 510
Воронцов Г. 114
Ворошилов К.Е. 77
Восленский М.С. 107, 108, 147, 273, 555
Высоцкий В. 341
Вышинский А.Я. 31—34, 42, 67, 81, 321

Габай И.Я. 196, 359
Гаврилов В.П. 526, 548
Гагарин Ю.А. 743
Гаджиев К.С. 554
Гайдар Е.Т. 10, 503, 674—683, 685, 693, 694, 697, 701, 707, 709, 710, 730, 745, 760, 764, 810
Галансков Ю.196, 197, 359
Галкин А.А. 124, 175, 232, 233, 246, 247, 322, 754
Гантман В.И. 124—127, 177, 214, 245, 246, 382, 383, 385—387, 401—404, 410, 505, 533, 555, 598—600
Гарриман А. 61
Гатовский Л.М. 170, 171
Гаук И. 351
Гегель Г. В. Ф. 631
Герцен А.И. 632
Гершвин Дж. 82
Гесс Р. 255
Гефтер М.Я. 233, 338
Гизо Ф. 765
Гинзбург А. 196, 197
Гитлер А. 34, 47, 704
Глаголев И.С. 106—108, 111, 144, 273, 555

Глазунов И.С. 341, 353
Глазьев С.Ю. 694, 696, 825
Глотова Т.С. 746
Глушков В.П. 179
Голиков В.А. 269, 308
Голль, Ш. де 195, 259, 305, 770, 829
Гольданский В.И. 424
Гольдбергер 423
Гольдштейн И.И. 41, 42, 56
Горбаневская Н. 169
Горбачев М.С. 10, 14, 298, 314, 381, 397, 431, 432, 434, 441, 444, 451, 452, 458, 500, 510, 523, 529, 530—532, 534, 542, 544—547, 550, 554, 558—561, 565—574, 584—586, 593, 597—599, 602, 605—609, 617—622, 624—627, 640, 641, 643—647, 649, 652, 653, 662—668, 670, 671, 682, 685, 713, 723, 745, 746, 751, 762
Гордон Л.А. 708, 776, 777
Горичева Л.Г. 637
Горфинкель Е. 58
Горький М. 349
Грамши А. 818
Грачев А.С. 10, 745
Грачев П.С. 762
Гречко А.А. 307
Григ Э. 506
Григорьев Л.М. 10, 652, 660, 745, 786
Гришин В.В. 269, 445, 451, 473, 474, 478—483, 486, 499, 501, 502, 547, 548, 550
Громов Е.А. 27, 110, 218, 228, 230, 231, 244
Громов Л.М. 288, 289, 291, 292, 414
Громыко А.А. 114, 256, 258, 324, 374, 400, 438, 445, 447, 451, 476, 510, 525, 528, 570, 572, 573, 608
Громыко Ан.А. 571
Губер А.А. 340
Гудпастер Э. 669
Гузенко И.С. 303
Гурвич Э.И. 38
Гурьев И.Е. 222, 223, 228, 236, 477, 488, 497, 511, 533, 580
Гусинский В.А. 744, 760
Гутник В.П. 786, 836

Давидсон А.Б. 574, 575
Давиташвили Дж. (Е.Ю.) 505
Далин С.А. 18, 110, 218
Данилевич М.В. 109
Данилов 472
Данилов В. 665
Данилов-Данильян В.И. 674
Даниэль Ю. 196
Датлин 125—127
Дашичев В.И. 234, 256
Двалишвили Г. 830
Дворкин В. 10
Дворкин И.Н. 38, 124
Дворникова Л.С. 20
Демичев П.Н. 269, 445, 454, 455, 524—526, 548
Демьянова Е.Д. 110, 746
Джексон Г. М. 362
Диккенс Ч. 202
Дилигенский Г.Г. 122, 175, 244, 246, 259, 382, 390—392, 415, 468, 486—488, 580, 640, 673, 701—705, 707, 753, 754, 756, 765, 740, 769, 770, 772, 773, 776, 777, 839
Димитров Г. 27, 32, 34, 122
Добровинский Б.Н. 307, 308
Доброконный А. 554
Долуцкий И. 494
Доренко С.Л. 760, 828
Доронина Н. 386, 387
Дорош Е. 196
Достоевский Ф.М. 202
Дубинин С.К. 782
Дубчек А. 195, 523, 565, 651
Дудаев Дж. 646, 665, 667, 669
Дынкин А.А. 9, 10, 16, 17, 20, 579, 583, 589, 630, 642, 738, 784—786, 789, 836
Дьяченко В.П. 21, 100, 101, 105
Дэн Сяопин 306, 564, 565, 619

Евстафьев А.В. 762
Евстигнеев В.Р. 785
Ежов Н.И. 27, 84
Ельцин Б.Н. 10, 19, 381, 397, 514, 568, 577, 582, 645—647, 663—667, 672—678, 680, 698—701, 709, 712,

729, 750, 751, 758, 760—764, 775, 781, 793—797, 814, 815, 827—829
Емельянов В.С. 424
Ермоленко Д.В. 386
Ерусалимский А.С. 111, 112
Есенин С.А. 202
Ефимова Н.В. 19
Ефремов О.Н. 82

Жадан В. 206
Жданов А.А. 39, 41—43, 46, 50, 52, 55, 62, 69, 71, 119—121, 222
Жебрак А.Р. 50
Жириновский В.В. 665, 701, 762, 796, 825
Жуков А.Д. 674
Жуков Г.К. 44, 49, 158, 522, 523
Журкин В.В. 147, 424, 425, 592, 671

Загладин В.В. 271, 444, 457, 513, 524, 548
Загладина С.М. 114
Зайцев В.К. 657, 746
Зайченко 469
Зак Л.А. 147
Замятин Л.М. 410, 411, 526, 527
Зарина Л. 125, 126
Зародов К.И. 527
Захаренко С.М. 94
Захаров 55
Захаров А.В. 144
Захаров М.В. 114
Захарова О. 114
Зверев А.Г. 135
Звягельская И.Д. 579
Зиллиакус К. 138
Зимянин М.В. 216, 399, 445, 455, 456, 459, 473, 474, 479—482, 484, 485, 499, 501, 530, 598
Зиновьев Г.Е. 63, 564
Злобин А.А. 387
Зорге Р. 304, 306, 308
Зорин В.А. 155
Зорин В.С. 128, 397, 527
Зощенко М.М. 49
Зубчанинов В.В. 110
Зуев В.Н. 742
Зурабов М.Ю. 674
Зусманович А.З. 43, 56
Зюганов Г.А. 45, 699, 761—763, 825

Ибаррури Д. 114
Иванов С.М. 109 так
Иванов В. 94
Иванов И. 128
Иванов И.Д. 9, 225, 477, 483, 491, 492, 494, 498, 533, 555
Иванов И.С. 9, 236, 237, 358
Иванов Л.Н. 9, 116, 146
Иванов Ю.А. 613
Иванова В.А. 491
Иванова И.М. 111
Иванова Н.И. 9, 740, 749
Иванова О.Ю. 472, 489—491, 496, 498
Ивашов Л.Г. 809
Игнатенко В.Н. 527
Игнатов Н.Г. 158
Ильичев Б.И. 476
Ильичев Л.Ф. 128, 169, 178, 233
Иноземцев А.Н. 200
Иноземцев Н.Н. 9, 14, 16—19, 95, 109, 111, 114, 116, 122, 129, 142, 147, 176, 177, 183, 198—228, 230—242, 245, 246, 248, 251, 257, 258, 261—265, 271, 281, 292, 293, 295, 317, 325, 333, 339—343, 352—354, 358, 361, 371, 372, 374, 375, 380, 382, 383, 385, 387, 390, 395, 397—399, 401, 402, 406, 410, 411, 414—417, 420—424, 426—428, 430, 431, 440, 444, 446—448, 450—467, 472—477, 479—488, 490, 491, 495, 497—502, 504, 511, 513, 517, 524, 532, 537, 548, 551, 571, 572, 578, 579, 581, 583, 591, 598, 599, 601, 602, 623, 628
Иноземцев Н.Н. (отец) 199
Иноземцева М.С. 199, 205
Иньков Ю.И. 268
Иорданская Э.Н. 742
Иоселиани О. 403
Иоэльсон 27
Итуэлл Дж. 369

Каганович Л.М. 66, 77, 113, 157, 163, 165, 286
Кагарлицкий Б. 469, 470
Кадар Я. 351
Кадыров А.А. 829
Казаков А.И. 687
Казаков Ю. 196
Казеннов С.Ю. 710
Кайзер К. 421
Каллагэн Дж. 420
Калмаков 238
Калугин О.Д. 315, 316, 508, 518, 521, 528, 544
Калядин А.Н. 637
Камдессю М. 667
Камилов А.Х. 10, 314, 315
Каминская Д. 359
Канторович А. 27
Капелюшников Р.И. 786
Капитонов И.В. 269
Капица М.С. 571
Каплан В.И. (Лан В.) 18, 23, 35, 43, 51, 52, 55, 56, 58, 110, 136, 139, 155, 218
Караваев В.П. 786
Караганов С.А. 607
Кардель Э. 112
Карлова Т.А. 20
Кармаль Бабрак 438
Карпюк С. 467
Карра В.А. 41, 42
Каррер д'Анкосс Э. 421
Карстенс К. 241
Картер Дж. 435, 438, 439, 448, 449
Карякин Ю.Ф. 313
Каспаров Г.К. 341
Кассирова Е.П. 317, 318
Катаев В.П. 82
Катушев К.Ф. 269
Кац А.И. 145, 146
Кацман Г.В. 125
Кедров К.А. 745
Келдыш М.В. 179, 198, 399
Керр А.К. 120
Кибирский С. 358
Кизингер К. 252
Ким Г.Ф. 621
Ким Ир Сен 79
Кириенко С.В. 763, 764, 782, 796
Кириленко А.П. 269, 430, 507
Кириллин В.А. 440
Кириченко Э.В. 785
Киров С.М. 86, 119
Кирсанов А.А. 140
Кирсанов А.В. 109
Кирсанова Н.В. 735
Киселев Е.А. 760
Кислов А.К. 580, 628—630
Кишилов Н.С. 259, 309
Клепач А.Н. 750
Климов Э. 341
Клинтон Б. 712, 761
Клюева Н.Г. 50
Ковалев И.В. 285—287
Ковалев Н.Д. 763
Ковальский Н.А. 660
Кодаченко А.С. 268
Козлов Г.А 21
Козлов Ф.Р. 155, 158
Козырев А.В. 712, 797
Козырев С.П. 114
Козырева Е.С. 114, 237
Кокеев А.М. 386
Кокошин А.А. 621
Коллонтай В.М. 247
Колосков И.А. 259
Комар В. 355
Комаровский В.В. 784
Комзин Б.И. 179, 247
Кондратьев Н. 554
Кондратьева (Жарикова) Т. 533, 552
Коржаков А.В. 760, 762
Корзун В.А. 786
Корниенко Г.М. 436, 476, 484
Королев И.С. 382, 551, 579, 691—696, 742, 784, 785, 830, 836
Косолапов Н.А. 237, 238, 355, 383, 387, 533, 537, 545, 561, 647, 648, 712—718, 720, 723—725, 727, 745, 838
Костко Ю.А. 301, 302
Косыгин А.Н. 66, 155, 189, 192—194, 268, 269, 361, 433, 436, 440, 441, 456, 468, 561, 567
Котковский Я.Я. 144, 147
Котлобай А.П. 315—317

Котов В.Н. 252
Коуцкий В. 177, 178
Кох А.Р. 763
Кочеврин Ю.Б. 353, 786
Кропивницкий Е. 353
Крылов В. 394
Крючков В.А. 521, 666
Кувалдин В.Б. 10, 488, 708
Кудров В.М. 246, 412
Кудрявцев В.Н. 622
Кудрявцев О. 468
Кудюкин П.М. 10, 466—473, 475, 477, 485, 485—489, 503
Кузнецов А.А. 41
Кузнецов В.В. 155, 211, 525
Кузнецов В.И. 251, 259, 371, 657, 690, 708,709, 786
Кузнецова К.И. 94, 95, 129, 177
Кузьмин В.Б. 559, 662
Кузьминов И.И. 95, 96
Кукин Д. 129, 177, 178
Кулаков Ф.Д. 269
Кулиш В.М. 232, 233—236, 245, 246, 257, 309
Кунадзе Г.Ф. 10, 746
Куренков Ю.В. 295, 679, 681, 682
Куропятник Г.П. 155
Кутузов М.И. 45
Куусинен О.В. 99, 155, 158, 178, 323
Куценков А.А. 345
Кучинский Н.Н. 147, 155
Кучинский Ю. 138

Лаврентьева Е.В. 206
Лаврищев А.А. 115, 116, 214, 246
Лапин С.Г. 527
Лапинский И. 27
Лаптев И. 57
Ларионов А.Н. 228
Лебедев А.М. 616
Лебедев В.Л. 20, 280, 281, 289
Лебедева Е.А. 785
Лебедева М.М. 387
Лебедь А.И. 762, 763, 825
Левада Ю.А. 823
Левина Р.С. 26, 56
Лемин И.М. 18, 41, 42, 58, 109, 124, 136, 161, 217, 218, 229
Ленин В.И. 12, 13, 15, 23, 44, 54, 72, 85, 102, 103, 105, 108, 110, 115, 149, 154, 181, 205, 216, 243, 329, 333, 371, 372, 447, 462, 520, 546, 587, 588, 590
Леонтьев Л.А. 68, 147
Лешке В.Г. 614, 630
Ли Трюгве 67
Лившиц А.Я. 763
Лигачев Е.К. 507, 510
Лисов А.Г. 733—735, 737, 742, 746, 831
Лисовский С.Ф. 762
Литвин З.В. (Витчак И.С.) 302—305, 740
Литвинов М.М. 25, 26
Литвинов П. 359
Лиф Ш. 58
Лихачев Б. 125
Лозовский С.А. 56, 115
Лопухин В.М. 674, 675, 686
Лужков Ю.М. 743, 816, 825, 828
Луи-Филипп I 765
Лукашенко А.Г. 796
Лукьянов А.И. 443
Лукьянова М. 35
Лысенко Т.Д. 50, 191
Любимов Л.Л. 228, 415, 526, 628, 634—636, 657, 668, 751, 752
Любимов Ю.П. 181
Любимова В.В. 218
Любченко В.И. 401—404, 410, 580

Магарик 517
Мазуров К.Т. 269, 433, 461
Майданик К.Л. 394, 467, 471, 472, 486, 491—495, 500, 502
Макашов А.М. 665
Маклэйн Д. (Мадзоевский С., Фрейзер М.П.) 26, 179, 256, 273, 318—330, 333, 451, 503
Максимова М.М. 113, 128, 140, 201, 204, 238—240, 252, 380, 382, 412, 415, 418, 431, 447, 456, 459, 476, 481, 484, 533, 579, 660, 673, 718, 719
Маленков Г.М. 39, 46, 52, 55, 62, 64, 66, 69—71, 74, 76—80, 92, 115, 120, 121, 157, 165

Малетер П. 283
Малик Я.А. 79, 155
Малкин В. 758
Мальцева О.И. 20
Мамедов Э.Н. 398
Мамсуров Х. 275
Мане Э. 201
Манукян А.А. 27, 109, 144, 148, 218
Мао Цзедун 194, 304, 306, 562
Маркарян Р.В. 10, 789
Марков М.А. 424
Маркс К. 12, 13, 15, 24, 54, 85, 110, 175, 243, 290, 370—372, 430, 520, 562, 587, 631, 634—638
Марлинг М. 319, 328
Мартынов Владимир А. 155, 173, 415, 534
Мартынов Владлен А. 9, 19, 83, 111, 137-138, 188, 221-222, 246, 268, 281, 297, 350, 371, 374, 453, 455, 477, 484-485, 488, 501, 511-513, 532-534, 555, 572 621-22, 628—630, 637-638, 660662, 669, 671—673, 681, 682, 685, 697, 731, 733, 734, 738—740, 746, 749—751, 769, 784,786, 811, 817, 830, 831, 833, 834, 836, 840, 841
Марцинкевич В.И. 583, 785, 786, 837
Марченко А.Т. 196
Маршалл Дж. 48, 52, 53, 64
Масленников В.А. 21, 35, 55
Мастеркова Л. 353
Масхадов А. 829
Матвеев 477
Матюхин Г.Г. 301
Мачавариани Г.И. 528, 537, 538, 605, 784
Машеров П. 433, 434
Медведев А.И. 10, 613
Медведев В.А. 451, 503, 550, 586
Медведев Ж.А. 326
Медведев И. 178
Медведев М. 620
Медведев Р.А. 326
Медведков Ю.С. 238
Медунов С.Ф. 507
Меламид А.Д. 354, 355
Меламид Д.Е. (Мельников Д.) 179, 214, 235, 246, 251, 255—259, 285, 309, 322, 324, 334, 335, 355, 382, 488, 489, 500, 599
Мелихов С. 386
Мельников Д.Е. 256
Мельников Ю.М. 246, 251
Мендельсон Л.А. 26, 108, 109, 111, 137, 218, 370
Меньшиков М.А. 114
Меньшиков С.М. 218, 220—222, 244, 246, 269, 356, 513
Меньшикова (Арутюнян) М.А. 114, 221
Месяц Г.А. 785
Мигранян А.М. 10
Микоян А.А. 93, 94
Микоян А.И. 26, 39, 52, 66, 76—78, 81, 82, 86—90, 93, 94, 99—102, 113, 125, 126, 140, 154, 155, 158, 179, 180, 186, 189, 194, 242
Микоян С.А. 86, 88, 89, 96, 112, 113, 124—126, 128, 142, 149, 184, 185, 402
Милейковский А.Г. 9, 214, 218, 228—230, 247, 370, 371, 412, 414, 789
Миллионщиков М.Д. 424
Миловидов В.Д. 750
Мильграм 27
Мильштейн М.А. 147, 424
Минц И.И. 240
Миронов А. 323
Мирошниченко Б.П. 525
Мирский Г.И. (Мирский Ю.) 124-125, 139, 140, 147, 173, 174, 246, 344, 394, 450, 486, 487, 492, 493, 495, 496, 533, 668
Миттеран Ф. 570
Миф П. 27
Михайлов М. 527
Михалков Н.С. 341
Михеев В.И. 209
Михоэлс С.М. 74
Можаев Б. 197
Мол дый К.Т. (Лонсдейл Г.) 315
Молле Ги 81
Молотов В.М. 26, 32—34, 39, 51—53, 63—66, 78, 81, 115, 120, 132, 157, 165, 207, 222, 311, 510

Молчанов Н.Н. 146, 305
Монбриаль Т. де 421
Моне К. 200
Монтан И. 82
Монтгомери Б. Л. 310
Мопассан Ги де 202
Морозов Г.И. 114, 115, 147, 218, 244, 360, 389, 424, 465, 533, 838
Мостовой П.П. 687
Мотылев В.Е. 38
Мухитдинов Н.А. 323
Мэлоун Т. 423

Надель С. 112
Наджибулла М. 438
Надь И. 283
Накасонэ Я. 425
Наринский М.М. 52
Нарочницкая Н.А. 10
Насер Г. А. 311, 398, 405
Невский А. 45
Некрич А.М. 191, 233, 234, 258, 348, 488
Немо 27
Немухин В. 353
Немцов Б.Е. 763, 764, 796
Немченко Л.Д. 311, 312
Немчинов В.С. 60, 192, 193
Неру Дж. 81
Несмеянов А.Н. 96, 322
Нестеров С.М. 147
Нечаев А.А. 675
Никитин С.М. 111, 137, 232, 371, 555, 682, 685
Никитин С. 341
Никитина Т. 341
Николай II 577
Никонов А.Д. 115, 207, 536
Никсон Р. 262—264, 362, 363, 797
Ничипорук А.О. 10, 630, 660
Новиков А.А. 49
Новиков В.Н. 433, 440
Новиков Р.А. 415, 785
Новодворская В.Н. 665

О. Генри 202
Обминский Э.Е. 533, 535
Обушенков Н.Г. 786
Огарков Н.В. 509
Огнев А.П. 477, 552
Ознобищева Г.Ю. 20
Окуджава Б.Ш. 181, 199, 341
Олейник В.И. 464, 465
Олещук Ю.Ф. 719, 720
Осадчая И.М. 111, 230, 368, 369—371, 565, 789, 792
Осминин К.П. 287
Островитянов К.В. 21, 22, 37— 39, 57—61, 68, 70, 94, 100, 128, 145
Островская Е.Я. 742, 786

Павлов В.С. 569, 647, 664—666
Панкин Б.Д. 524, 527
Пастернак Б.Л. 126
Пастернак Э. 386, 387
Паулюс Ф.В. фон 256
Пахомов С.С. 86, 186, 279
Пашков А.И. 60
Певзнер Я.А. 26, 36, 56, 109, 139, 148, 218, 231, 232, 250, 251, 302, 307, 364—366, 497, 534, 535, 608, 629, 685, 687, 831
Пегов Н. 237
Пельше А.Я. 462, 463
Пеньковский О. 315
Перегудов С.П. 251, 390, 392, 487, 544, 555, 657, 660, 668, 708, 710, 815, 839
Перова М.К. 785
Петренко А. 127
Петров Д.В. 147, 214, 227, 228, 251, 344—346
Петровская Л. 386
Печенев В.А. 446, 531
Пёрл Р. 362
Пивоваров Ю.С. 9
Пигулевская Е.А. 111
Пик В. 75
Пинчуков Ю.Е. 784
Питерский Н.А. 309—311
Пихоя Р.Г. 75, 76, 197, 438, 443, 566
Плавинский Д. 353
Плеханов Г.В. 546
Плотников К.Н. 170, 240
Плятт Р. 196

Подберезкин А.И. 10
Подгорный Н.В. 158, 190, 194, 430, 433
Поздняков Э.А. 177, 382, 387, 631, 632, 636
Поляк А.А. 109, 144
Полянский Д.С. 158, 269, 430, 433
Понеделко Г.Н. 745
Пономарев Б.Н. 114, 121, 122, 155, 179, 208, 262, 265, 269, 350, 454, 457, 458, 477, 480, 487, 488, 513, 524, 598, 755
Попов Г.Х. 645, 661, 662
Попов К.И. 137, 154
Порет А. 353
Посконов А. 135
Поспелов П.Н. 155
Потанин В.О. 763, 784
Потемкин В.П. 201
Примаков Е.М. 9, 14—16, 19, 122, 124, 173, 182, 183, 208, 219, 221, 224, 225, 227—229, 235, 236, 249, 290, 292—294, 296, 298, 311, 314, 324, 329, 333, 338, 344, 361, 363, 382, 395—399, 401, 403—406, 409—412, 414, 423—425, 458, 481, 483, 533, 551, 570—587, 589, 591—594, 597, 599, 600, 602, 603, 605, 606, 608, 609, 612, 614, 617, 618, 621—623, 628—630, 661, 672, 782—784, 786, 789, 792, 795, 797, 802, 816, 817, 821, 825, 828, 838
Примакова А.Я. 396
Примакова Л.В. 621
Пронин В.П. 114
Пронто Ж. 138
Прошкина Е.А. 110
Проэктор Д.М. 234, 302, 415, 536
Пуго Б.К. 666
Путин В.В. 795, 797, 814—816, 823—825, 827—819
Пухов В.А.460—466, 473, 477, 482, 738
Пучков А.Н.147
Пушкин Г.М. 155

Рабин О. 351—354
Размеров В.В. 124, 147, 161, 178, 235, 245, 350, 382, 359
Райс К. 10
Рамзес В.Б. 608, 838
Распутин В. 197
Рассадин А.В. 748
Рашидов Ш.Р. 314, 508
Рейган Р. 439, 448, 450, 542, 543, 570, 592, 605—607, 617
Рекитар Я.А. 784, 785
Ремарк Э. М. 202
Ржешевский О.А. 472
Рогова Г.В. 630
Роговский 365
Роден О. 521
Родионов И.Н. 763
Родионов М.И. 111
Розенбаум А.Я. 617
Ройтбурд Л. 58, 63
Рокфеллер Д. 425
Романов В.А. 660
Романов Г.В. 507
Роскин Г.И. 50
Ростропович М.Л. 326
Ротштейн Ф.А. 22
Роупер Дж. 272, 318, 419—421
Рубинский Ю.И. 124, 251, 256, 259, 260, 576
Рубинштейн М.И. 18, 58, 109, 218, 220, 275
Руденко Р.А. 114
Рузвельт Т. 201, 773
Румянцев А.М. 182—184, 208, 215—217, 219, 233, 313, 338, 412, 455
Русаков К.В. 484
Рыбкин И.П. 701
Рыжков Н.И. 541, 763
Рылько Д.Н. 784, 785
Рымалов В.В. 111, 416
Рю Ю.М. 580
Рюмин М.Д. 74
Рябов Н.Т. 762
Рязанов Э.А. 82, 341

Сабуров М.З. 77, 80
Савельева И.М. 740
Садовая Е.С. 785
Саитгареев Р.Ф. 832
Сакс Дж. 675

Салтыков Б.Г. 675
Салычев С.С. 228, 259, 312—314, 358, 360, 361
Самотейкин Е. 269
Самуэльсон П. 169
Санталов А.А. 109, 273—277
Сатюков П.А. 213, 215, 216, 398
Сафаров Г. 27
Сахаров А.Д. 196, 197, 230, 326, 423, 438, 514, 522, 569, 626, 627
Свердлов Г.М. 114
Свердлов Я.М. 114
Свешников Б. 353
Сейфулин И.Ш. 785
Селезнева Е.И. 148
Семенов В.С. 155
Семенов Н.Н. 424
Сен-Симон А. 631
Сергеев Ф. 114
Серов И.А. 113, 283, 284
Сидоров Н.А. 218, 219, 233, 359, 784
Силаев И.С. 652, 682, 788
Симис (Саймс) Д.К. 313, 314, 352, 353, 356—362
Симония Н.А. 9, 575, 577, 661, 720—722
Симонян Р.Р. 10, 382, 414, 579, 589, 628, 629
Синкх Б. 318
Синьоре С. 82
Синявский А. 196
Ситарян С.А. 444
Скоров Г.Е. 109, 111, 124, 147, 180, 412
Скороходов 472
Скоукрофт Б. 362
Скрябин Г.К. 296, 423, 531, 572
Скуратов Ю.И. 797
Сладкевич М.И. 282—285, 292
Слободенко А.К. 147
Слободской С.М. 41, 42
Смирнов К.И. 549, 551, 553
Смит А. 369
Смоленский А.П. 758
Собчак А.А. 645, 814, 815
Согрин В.В. 759
Соколов И. 128
Соколов Ю.К. 507
Соколовский В.Д. 283
Сокуров А.Н. 341, 617
Солженицын А.И. 195, 326, 365, 514, 522, 564, 764
Соловьев В.Р. 10, 614, 615
Соловьев С.М. 483
Солодовник Н.С. 310, 311
Солодовников В.Г. 109, 143, 144, 212
Соломенцев М.С. 269
Солоницкий А.С. 125, 394
Солоухин В. 197
Сондерс Г. 424
Сосинский-Семихат С. 352, 354
Сосковец О.Н. 760, 765
Сталин И.В. 11, 21—38, 41—47, 49—57, 59—61, 64—74, 77—79, 81, 84, 87, 88, 91, 92, 95, 100, 113—115, 119, 120, 130—132, 157, 165, 183, 191, 195, 201, 216, 234, 255, 257, 285, 286, 303, 304, 308, 320—322, 326, 365, 447, 452, 457, 510, 516, 560, 590, 600
Стариков А.А. 345, 347, 348, 350
Старовойтова Г.В. 706
Степанов Л.В. 128, 246, 247
Степанов М.В. 629
Степашин С.В. 795, 814, 824, 825, 827
Стерлин А.Р. 689
Стивенсон Р.Л. 827
Стоклицкая-Терешкович В.В. 255
Столпер Р.И. 26
Столыпин П.А. 577
Стригачев В.И. 213, 218, 220, 246, 247, 262, 263, 276—278, 280, 281, 285, 294—298
Струмилин С.Г. 38, 240, 277
Стукалин Б.И. 526, 527
Суворов А.В. 45, 289
Суслов М.А. 42, 49, 64, 66, 71, 113, 120, 158, 177—179, 208, 215, 216, 234, 249, 445, 447, 455, 456, 459, 474—476, 481, 506, 510, 598
Сысуев О.Н. 764

Тарабаев П.Д. 236, 309
Тарасов А.В. 528
Тарковский А. 341, 351
Тарханов О. 27

Татарский Р. 484
Татищев С. 125, 127
Терехов С.Н. 664
Тимофеев Т.Т. 111, 147, 175, 217, 243
Титаренко Е.Л. 742
Тито И. Б. 75, 81, 249
Тихомиров В.П. 386
Тихонов Н.А. 433, 445, 451, 548
Толбухин Ф.И. 306
Тольятти П. 122
Томашевский Д.Г. 122, 177, 183, 185, 205, 213, 214, 218, 224, 235, 246, 382, 386, 387, 517, 599, 629
Топчиев А.В. 100, 424
Травкин Н.И. 706
Трапезников С.П. 215, 445, 454, 455, 485, 503, 530, 548, 598
Трахтенберг И.А. 9, 26, 38, 39, 58, 62, 63, 116, 124
Тревельян Х. 420
Трифонов Ю.В. 341, 460
Трофимова О.Е. 742
Троцкий Л.Д. 44
Трубников В.И. 10
Трумэн Г. 35
Трюдо П.Э. 528, 529, 546, 570
Тулеев А.М. 665, 762
Туманян (Арзуманян) Аш.Л. 86
Туманян (Микоян) А.Л. 86
Тэтчер М. 529, 570
Тюлин И.Г. 386
Тягуненко В.Л. 111, 154, 173, 217, 218, 246, 247, 340, 394, 412, 419

Удальцов И.И. 526
Ульбрихт В. 75
Уманский К. 125
Уринсон Я.М. 763
Урнов М.Ю. 10, 745
Устинов Д.Ф. 269, 436—438, 445
Утегенова Д.К. 739

Фадин А.В. 467—473, 475, 476, 486, 490, 491, 494, 495, 498, 503
Файнгор И.М. 41, 42
Фактор Г. 345
Фарамазян Р.А. 279, 288—291, 294, 299
Федоренко Н.П. 173
Федоров Б.Е. 10, 613
Федоров В. 10
Федоров Р. 350
Федоров С.Н. 762
Федорчук В.В. 472, 475, 507
Федосеев П.Н. 42, 215, 457, 483, 530, 531, 533
Федулова Н.Г. 345—348, 350
Фефер И.С. 56
Фигурнов П.К. 38
Филби К. 318, 320, 321, 333
Флеминг А. 508
Форд Дж. 362, 429, 437, 449
Фридман М.М. 758
Фурцева Е.А. 100, 158

Хабицева А. 184
Хавинсон Я.С. (Маринин М.) 119—123, 125—129, 217, 238, 401, 533, 580
Хавкин 469
Хазанов Г.В. 548
Хайцман В.М. 147
Хакамада И.М. 796
Халоша Б.М. 147, 154, 660, 719
Ханджян А.Г. 84
Харламов М.А. 398
Хармс Д. 353
Хасбулатов Р.И. 678, 698, 700, 751
Хаттаб, А. ибн аль 795
Хвойник П.И. 381
Хесин Е.С. 111, 117, 179, 184, 251, 544, 657, 745
Хмельницкая Е.Л. 111, 140, 141, 218, 239, 252, 253
Холодковский К.Г. 175, 251, 390—392, 486—488, 500, 657, 708, 765—769, 776, 777, 815, 817, 822, 823, 839
Хорос В.Г. 839
Христенко В.Б. 764
Хрусталев М.А. 387
Хрущев Н.С. 18, 24, 74, 76—78, 80—82, 90—93, 96, 100, 113, 115, 125, 155—158, 160, 162, 165, 167, 169, 170, 172, 173, 179, 181, 182, 185, 186, 189—193, 197, 208, 213,

214, 228, 278, 283, 351, 397, 430, 433, 444, 447, 510, 519, 522, 546, 560, 561, 566, 751
Худяков С.А. 49
Хусейн С. 825
Хэмфри Г. 361

Цимайло А.В. 10
Цой В.Р. 558
Цуканов Г.Э. 271, 444, 446, 452, 501, 548
Цыганков П.А. 388

Чаадаев П.Я. 632
Чазов Е. 430, 433
Чаковский А.Б. 524
Чан Кайши 304, 306
Че Гевара Э. 467
Чебриков В. 475
Чепраков В.А. 218
Червоненко С.В. 260, 620
Червяков А.И. 10
Черная Л.Б. 256, 258
Черненко К.У. 432, 446, 447, 451, 468, 485, 500, 503, 506, 509, 510, 531, 543, 544, 547, 554, 662
Черномырдин В.С. 503, 677, 763, 764, 773, 784
Черноуцан И.С. 524, 527
Черняев А.С. 313, 444, 457, 488, 511, 525
Черчилль У. 47, 120, 201
Четыркин Е.М. 288, 289, 291, 292, 414, 786
Чехов А.П. 202
Чешков М.А. 339, 340, 394, 472, 498, 499
Чжоу Эньлай 306
Чижов Ю. 221
Чубайс А.Б. 675, 687, 760—763
Чубарьян А.О. 752
Чуковский К.И. 196
Чурбанов Ю.М. 507
Чухрай Г.Н. 82

Шабан-Дельмас Ж. 361
Шадрина И.П. 314, 660
Шаккум М.Л. 762
Шамберг В.М. 115, 360
Шапиро А.И. 179, 183, 184, 218, 246, 247, 533
Шастри Л. Б. 194
Шаталин С.С. 125, 569, 646, 674
Шаумян Л. 112
Шауро В.Ф. 445
Шахназаров А.Г. 356—358
Шахназаров Г.Х. 444, 457
Шахурин А.И. 49
Шебанов А. 351, 353, 354
Шеварднадзе Э.А. 573, 578, 618, 620, 646, 647, 649, 662
Шевчук Ю.Ю. 697
Шейнис В.Л. 10, 394, 472, 708, 711, 744, 827, 282
Шекспир У. 202, 450
Шелепин А.Н. 190
Шенаев В.Н. 226, 227, 251, 252, 371, 461, 463, 473, 477, 480, 481, 493, 495, 503, 504, 630, 631
Шенфилд Э. 420
Шепилов Д.Т. 81, 69, 99, 100, 121, 127, 135, 208—210
Шилков 470
Ширвиндт А. 341
Шишков Ю.В. 382, 418, 629, 630, 657, 658
Шишлин Н.В. 444, 501, 524, 527
Шкловский В. 196
Шкундин М.З. 554, 629, 746
Шлезинджер Дж. 362
Шлихтер А.А. 222
Шмелев (Герценштейн) М.С. 305—307
Шмидт Г. 436
Шойгу С.К. 796
Шолохов М.А. 82
Шопен Ф. 506
Шостакович Д.Д. 506
Шохин А.Н. 675
Шпирт А. 58
Шубин А.В. 443, 567, 568, 624
Шуйский В. 758
Шульцева В.К. 784
Шумейко В.Ф. 700

Щелоков Н.А. 507
Щенин Р.К. 742

Щербаков 454
Щербаков А.С. 32 34,
Щербина Б.Е. 612
Щербицкий В.В. 269

Эвентов Л.Я. 39, 58, 60, 62, 63
Эйдус Х.Д. 43, 55
Эйзенштейн С. 49
Эльянов Э.А. 831
Энгельс Ф. 634, 636, 637
Энтов Р.М. 9, 371, 412, 493, 752, 786
Эренбург И. 31, 196
Этингер Я.Я. 107, 111, 124, 125, 139

Юданов Ю.И. 251
Юдинцев В.И. 533
Юмашев В.Б. 773

Явлинский Г.А. 569, 646, 652, 762, 825
Ягода Г.Г. 27
Язов Д.Т. 666
Яковлев А.А. 750
Яковлев А.Н. 9, 14, 122, 238, 271, 297, 298, 480, 513—515, 517—539, 541—547, 550—552, 554—557, 561, 563, 571—574, 582, 584—586, 593, 605, 606, 620, 628, 647, 662, 672, 713, 745
Яковлев В.Н. 11
Яковлева Е.А. 785
Яковлева Н.И. 553
Якунин Г.П. 706
Янаев Г.И. 647
Ярузельский В. 439
Ясин Е.Г. 773

ОБ АВТОРЕ

Петр Петрович ЧЕРКАСОВ — известный российский историк, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, специалист в области истории Франции, России и российско-французских отношений. Научные заслуги П.П. Черкасова отмечены золотой медалью им. С.М. Соловьева (РАН), премией им. Е.В. Тарле (РАН), орденами Почетного легиона и Академических пальм (Франция). В 1967—1970 гг. — аспирант, в 1970—1987 гг. научный сотрудник ИМЭМО АН СССР, с 2011 г. — главный научный сотрудник ИМЭМО РАН (по совместительству).

TABLE OF CONTENTS

AUTOR'S NOTE 9

Chapter 1. DEMISE OF THE VARGA INSTITUTE OR WHY THE INSTITUTE OF THE WORLD ECONOMY AND WORLD POLITICS WAS CLOSED DOWN IN 1947 21
Stalin and Varga 21
Falling out of favor 37
Stalin's New Deal and the start of the Cold War 44
Fighting "bourgeois reformism" and "rootless cosmopolitism" 55
Economic problems of socialism in the USSR 69

Chapter 2. HOW IMEMO CAME INTO EXISTENCE 74
"Thaw" begins 74
Mikoyan and Arzumanyan 83
"Child" of the 20th century 90
"Cadres are all-important" 99
Journal *World Economy and International Relations* and its Editor-in-Chief 117

Chapter 3. INSTITUTE UNDER ARZUMANYAN (1956–1965) 130
First steps 130
First results 142
"To catch up and surpass..." 157
"In the light of historic decisions..." 163
Academician-Secretary 167
IMEMO in 1963-1964 173
Arzumanyan's workstyle 181

Chapter 4. INOZEMTSEV AND HIS TEAM 189
Between reforms and counter-reforms 189
"I'll get my place in life..." 198
The team 218

Chapter 5. INSTITUTE UNDER INOZEMTSEV (1966–1970) 242
Reform 242
Start of forecasting 245
Country studies 250
Notes, notes, notes 261

Chapter 6. WAS IMEMO AN AFFILIATE OF SPECIAL SERVICES? 272
Technical and Economic Research Department: from Strigachyov to Bugrov 273
"Active reservists" and intelligence veterans 299
Donald Maclean 318
George Blake 331

Chapter 7. DISSENT AT IMEMO 338

Chapter 8. GOLDEN AGE IN STAGNATION FORMAT (IMEMO IN 1970s) 367
Basic areas of research 367
Yevgeny Primakov's brainstorms 395
Coordination of research and international ties 411

Chapter IX. IMEMO AT RISK (1982) 429
Brezhnev era twilight 429
Friends and foes of Academician Nikolai Inozemtsev 444
Inozemtsev's death 459
Witch hunt 485

Chapter 10. REHABILITATION PERIOD (1983–1985) 505
Five years of sumptuous funerals 505
Alexander Yakovlev — an intellectual *apparatchik* 513
"Transitional director" 532
"The years of work at the Institute are the best years in my life" 550

Chapter 11. INSTITUTE UNDER PRIMAKOV (1985–1989) 558
Acceleration. Glasnost. New thinking 558
A friend among friends 571
Dogma rethinking 584
IMEMO's silver age 602
Primakov leaves for big-time politics 617

Chapter 12. BIDDING FAREWELL TO THE EPOCH: IMEMO ON THE EVE OF USSR COLLAPSE 624
The year 1989 624
End of the Silver Age, 1990 643
1991 662

Chapter 13. NEW REALITIES: FIRST HALF OF 1990s 674
1992: Gaidar's year 674
Shock therapy in IMEMO's estimates 678
Premonition of civil war 697
Political scenario for the post-Soviet Russia 701
Foreign policy for the post-Soviet Russia: principles and priorities 711

Chapter 14. TIME OF SURVIVAL 730
Strapped for cash 730
Cadres 740
Research and educative activity 747
Herman Diligensky and his journal 753

Chapter 15. SECOND HALF OF 1990s 758
From 1996 presidential elections to 1998 default 758
State and society: disquieting diagnosis 765
Attempts to draw authorities' attention to problems 772
IMEMO and August 17, 1998 default 784

Chapter 16. YEAR 1999 793
"I want to ask for your forgiveness ...." the end of the Yeltsin era 793
Russia and West: contradictory result of the 1990s 797
Triumph of democracy or threat of Bonapartism? 814
High-profile case of stolen millions 830
Preliminary results 834

NAME INDEX 842

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR 856

CONTENTS (in English) 857
AUTHOR'S NOTE (in English) 860

AUTHOR'S NOTE

The Institute of the World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS)[1] has been the flagship of national science in the sphere of contemporary world studies for six decades now. It holds a prominent place among the most renowned international research centers specializing in this field, such as the US Atlantic Council, Stanford University, the Japan Center for Economic Research, the Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI), the Royal Institute of International Affairs and the International Institute for Strategic Studies in the United Kingdom, the German Society for Foreign Affairs, the Munich Institute for Economic Research (IFO), the French Institute of International Relations (IFRI), the Institute of Foreign Affairs and National Security (South Korea), etc.

Nineteen full members of the Soviet and then the Russian Academy of Sciences worked at IMEMO in different years: Yevgeny Varga, Iosif Trakhtenberg, Lev Ivanov, Anushavan Arzumanyan, Nikolai Inozemtsev, Georgy Arbatov, Yevgeny Primakov, Alexander Yakovlev, Abram Mileikovsky, Vladlen Martynov, Nodari Simoniya, Alexander Dynkin, Revold Entov, Vladimir Vinogradov, Yuri Pivovarov, Ivan Ivanov, Natalya Ivanova, Alexei Arbatov and Vladimir Baranovsky.

IMEMO was the place where persons who subsequently became renowned politicians, ministers, diplomats, deputies, political scientists, businessmen and journalists worked or started their career, including Yevgeny Primakov — chairman of the Russian government, Alexander Yakovlev — the architect of perestroika reforms, Igor Ivanov — the Russian foreign minister in 1998—2004 and subsequently the secretary of the Russian Security Council (2004—2007), Boris Fyodorov and Maksim Boiko — former vice-premiers under then-President of Russia Boris Yeltsin, Pyotr

[1] In 2015, IMEMO RAS was named after Academician Yevgeny Primakov who had devoted about 12 years of his life to the institute and had been its head in 1985-1989. Academician Primakov was inseparably linked with IMEMO up until his death on June 26, 2015. By order of the Federal Agency for Scientific Organizations (FASO of Russia) of December 24, 2015, IMEMO was transformed into the Primakov National Research Institute of the World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences. This decision raised the IMEMO status in the system of Russia's academic scientific institutions.

Aven — a government member in the Cabinet of Yegor Gaidar, Alexander Dynkin — an economic aide to the Russian prime minister in 1998-1999, Andrei Grachyov — the spokesman for Soviet President Mikhail Gorbachev, Leonid Grigoryev — deputy economy and finance minister (1991—1992), Pavel Kudyukin — deputy labor and employment minister (1991—1993), Georgy Kunadze — deputy foreign minister in 1991—1993, Robert Markaryan — the Russian Foreign Ministry's ambassador-at-large, Russia's ambassador to Syria and Croatia, Valentin Fyodorov, later the first elected governor of Sakhalin, Vladimir Lukin — one of the founders of Yabloko political party and the human rights ombudsman in the Russian Federation, Alexei Arbatov, Viktor Sheinis, Yevgeny Ambartsumov, Alexei Podberyozkin and Natalia Narochnitskaya — State Duma deputies, Sergei Blagovolin — director-general of Russian Public Television (ORT), Vladimir Solovyov — a popular journalist, a radio and TV anchor, Igor Bunin, Mark Urnov, Viktor Kuvaldin, Andranik Migranyan — renowned political analysts.

This list can be supplemented with the names of successful managers and entrepreneurs, including Alexander Medvedev — Gazprom deputy CEO, Rayr Simonyan — managing director, president for Russian operations at US Morgan Stanley investment bank, Andrei Tsimailo — vice-president of commercial Most-Bank and subsequently first deputy chairman of the Media-Most Group board of directors, Alexander Nichiporuk and Andrei Chervyakov — bankers.

In the mid-1960, Dmitry Simes, currently a reputable political writer, the publisher of The National Interest international affairs magazine and president of the US Nixon Center started his amazing career at the Institute as a junior researcher and deputy secretary of the Institute's Komsomol (the youth branch of the Communist Party of the Soviet Union) committee.

A little-known fact from the biography of former US Secretary of State Condoleezza Rice can be mentioned. In the second half of the 1980s, Ms. Rice, who would subsequently become the national security adviser under US President George W. Bush (2001—2005) and the US Secretary of State (2005—2009), completed research training at IMEMO.

Uzbekistan's future Foreign Minister Abdulaziz Kamilov worked for three and a half years at IMEMO.

In the 2000s, three generals joined the Institute's research team. In 2002, Major-General Vladimir Dvorkin, Doctor of Technical Sciences and a reputable specialist in rocket and missile engineering came to work at the IMEMO Center of International Security on the invitation of Academician Alexei Arbatov.

In 2009, IMEMO Director, Academician Alexander Dynkin invited General of the Army, Hero of Russia, former Director of the Foreign Intelligence Service (1996—2000) and later First Deputy Foreign Minister (2000—2004) and Russia's Ambassador to India (2004—2009) Vyacheslav Trubnikov to work at the Institute.

In 2013 director of the Institute invited General of the Army, former Commander-in-Chief of the Strategic Missile Forces (1997-2001) and former Head of the Military Academy of the Russian Armed Forces General Staff (2009—2012) Vladimir Yakovlev to work at IMEMO.

Established in 1956 amid the Khrushchev thaw, IMEMO very quickly turned into a leading Soviet think tank to study international economic and political problems of the contemporary world. With time, the Institute gave rise to a whole cluster of research institutes engaged in regional studies — the Institute of the International Workers' Movement (IMRD), the Institute for US and Canadian Studies (ISKAN), the Institute of Europe, the Institute for African Studies, among others.

For more than three decades, the Institute had performed the educative mission of developing adequate conceptions among both Soviet officials and the ordinary public about the external world. This was quite an uneasy task, considering that both strata of society had stayed for decades "in the darkness of ignorance" about what was really happening on the other side of "the iron curtain," how the rest of the world was living and what it was preoccupied with.

As the regime of state socialism took root in Russia after the end of the Civil War, the public was insistently indoctrinated with the stereotypes of world conceptions based on the class struggle as the main driving force of the world development and also on the revolutionary Messianism proclaiming the USSR's vanguard role in ensuring the victory of communism on a global scale.

Up to Stalin's death in 1953, the Soviet leaders expected quite sincerely a repeat of the Great Depression of 1929—1933 — a crisis that could undermine the viability of "the historically doomed capitalism." The Soviet dictator himself considered in earnest the possibility of a third world war with the use of nuclear weapons which would eventually bury the hated imperialism.

The Soviet ruling elite mainly fell hostage to its own propaganda as it came to believe in the declared postulates and had no adequate vision concerning the outside world. In this sense, Stalin's death caught it by surprise, prompting it to start rethinking the reality of economic and political situation in the country and its interaction with the outside world. This was a truly painful process related with the need to clear the heavy debris of Stalinist legacy in the field of ideology, the economy, the domestic and foreign policy, and culture.

The decision to establish the Institute of the World Economy and International Relations in the system of the USSR Academy of Science was a step in this direction. The government resolution on establishing the Institute stipulated that IMEMO was assigned the task to "inform directive bodies (i.e. the Political Bureau of the CPSU Central Committee and the USSR Council of Ministers — the author's note) about new processes in the economy and politics of capitalist countries."

As is known, after 1953 the Stalinist foreign policy course towards tough confrontation with the West gave way to the "Leninist policy of peaceful coexistence." But it turned out that Moscow had quite a vague conception about those with whom the Soviet authorities now intended "to coexist peacefully" and perhaps even cooperate. The basic task set to the newly established research center was to help the Soviet leadership better understand developments in the contemporary world. Eventually, IMEMO switched from the practice of simply informing "directive bodies" about the latest trends in the world economy and international relations to the practice of analyzing and

forecasting the development of these trends. The relevant Soviet bodies were now receiving pertinent scientific research results and recommendations that could be taken into account in the process of making political decisions in the foreign, foreign economic and defense policies, and also in upgrading the Soviet economy.

The IMEMO leadership and research team had never considered it as a worthy occupation to expose "the eternal vices of capitalism" by artificially applying the 19th-century concept of the Marxist theory founders and classical scholars to the capitalism of the second half of the 20th century, as was done by the Soviet propaganda and the official economic science. At the same time, IMEMO naturally had to pay some compulsory tribute to ideological attitudes in its open publications. But this was done in a way to enable prepared readers to receive a fertile source for their own thoughts.

However, IMEMO scholars saw their major mission in comprehensively studying actual processes taking place in modern capitalism rather than the capitalism described by Marx and Lenin. IMEMO economists sought to draw all useful conclusions from the experience of the most advanced western countries so that they could be applied to the Soviet economy to make it more efficient. IMEMO authors wrote a great number of analytical papers and recommendations devoted to this theme and addressed to the higher echelons of power where political decisions were taken.

IMEMO researchers also managed to reflect a whole number of new ideas in their open works on the estimates of a modern market economy and western society. In this sense, the Institute had always held advanced scientific, civic and truly patriotic positions, despite the attacks and accusations, to which it was subjected by the reactionary part of the Communist Party officials who remained in the grip of outdated Stalinist-era dogmas and concepts.

It can be confidently ascertained that there was not a single practical organization or scientific institution in the Soviet Union that would possess better and more profound knowledge about the operational mechanisms of a market (capitalist) economy and the western political system. It is not accidental that IMEMO was precisely the place, from which the country received an impressive group of reformer economists, entrepreneurs and new-generation politicians.

However, it all started from clearing the layers of the Stalinist ideological inheritance in the field of economic science that had determined the world outlook of the ruling elite and society as a whole.

Specific research launched in IMEMO into a wide range of issues related to the post-war economic development of advanced western countries allowed to convincingly reject already by the early 1960s a whole number of dogmas of the official Stalinist political economy science about the capitalist reproduction "on a narrowed basis," the intrinsic invariable nature of economic cycles and crises in the capitalist system, the absolute impoverishment of the working class "in the world of capital," the bourgeois state as "a servant of monopolies," the so-called "law on the priority development of the means of production," the inevitability of wars among "imperialist powers" and so on.

The works prepared at IMEMO clearly suggested that the propagandist assertions about the imminent collapse of world capitalism were at least unserious. It followed from these works that capitalism had changed significantly since the time of Marx and Lenin. With all its inherent contradictions, it was constantly developing and, generally, was skillfully adapting to the challenges of time, which was not the case under "developed socialism as the Soviet economic system was called."

While studying modern and real capitalism, IMEMO researchers were revealing and analyzing the newest trends and prospects of its development. They timely and rightly assessed the objective nature of the integration process that started in Western Europe in the 1950s and eventually crowned with the creation of the European Union. IMEMO scholars watched equally as closely the formation of other "centers of forces" in the world economic system, in particular, in the Asia-Pacific region.

IMEMO economists and political scientists paid close attention to a range of issues related to the rapid development of the scientific and technological revolution and the qualitative changes it was bringing into the western economic and political system.

The researches carried out at IMEMO could not be attributed in any way to the category of abstracted cognitive or purely academic works. They were focused on providing practical assistance in solving specific tasks faced by the Soviet economy. While showing how particular economic development problems were resolved in the most advanced western countries, IMEMO scientists sought to convince the USSR supreme political leadership in the need of using the available experience. Critical comparisons of the existing two economic models — the extensive development typical of the USSR and the intensive pattern inherent to the most developed western countries; the ways and means of the quickest adoption of the scientific and technological revolution latest achievements; specific recommendations for ensuring the efficiency of the Soviet economy; the scientifically substantiated attempts to convince authorities in the need to revise the planning procedure that had existed since the time of the first Soviet five-year plans and always prioritized the development of the heavy industry to the detriment of the light industry and the services sector — these are just some "applied" areas of researches carried out at IMEMO with the aim of assisting the acceleration of the economic, scientific and technological process in the USSR. Meanwhile, the most audacious proposals stemming from IMEMO encroached on the holy of holiest: the monopoly of foreign trade and the "unshakably firm" ruble. It was proposed to abolish the state's foreign trade monopoly and allow competitive enterprises to carry out foreign economic operations on their own and make the ruble a convertible currency in the future. All these and other proposals were aimed at assisting the USSR's full-fledged integration into world economic relations.

IMEMO was the place where scholars had been scientifically substantiating since the mid-1950s the policy of the peaceful coexistence that rejected the philosophy of the cold war. The Institute was also the place where its staff

had been preparing the ideological ground for the policy of d tente since the late 1960s. IMEMO scientists played a decisive role in rethinking the former negative attitude to social democracy and, in particular, this effort helped establish a dialog with the Social Democratic Party of Germany (SDPG) which resulted in signing the Moscow Treaty between the USSR and the Federal Republic of Germany (FRG) in August 1970. The treaty became a recognized starting point in the process of improving the entire situation in Europe.

Along with research papers of the Institute for US and Canadian Studies, IMEMO's recommendations played an important role in reversing the Soviet foreign policy from confrontation to détente in relations with the United States. IMEMO experts took part in the work on elaborating the Soviet side's positions at the strategic arms limitation talks (SALT), the Vienna talks on the Mutual Reduction of Forces and Armaments in Central Europe, and also at all the stages of the Conference on Security and Cooperation in Europe (CSCE). Virtually, no major meeting or negotiations between representatives of the highest Soviet leadership and the Western leaders in the 1970s-1980s could do without the invisible participation of IMEMO analysts (in the form of informational and analytical papers and recommendations submitted to "directive bodies" in advance). Incidentally, the Institute's senior staff frequently was directly involved in these sessions: Academician Nikolai Inozemtsev in the 1970s and Academicians Alexander Yakovlev and Yevgeny Primakov in the 1980s. Direct working contacts of the IMEMO heads — Inozemtsev, Yakovlev and Primakov — with top Soviet leaders Leonid Brezhnev and Mikhail Gorbachev were the most efficient channel of influencing the process of shaping key political decisions taken in the upper echelons of power.

Of course, it would be illegitimate to artificially overstate the efficiency rate of research results and recommendations stemming from IMEMO or exaggerate their real impact on the political decision-making process, especially in the 1960s—1970s. The point is that the rigid Soviet bureaucratic system proved to be unfit for modernization and evolution, which finally prompted its collapse at the turn of the 1980s-1990s. The system's unresponsiveness to challenges of the times manifested itself to the largest extent in the economic sphere.

As for the IMEMO scientific team, it always performed its professional and civic duty honestly and it was not its fault that officials in the upper echelons of power were frequently reluctant (or unable) to accept reasonable recommendations on reforming the framework of "real socialism." If we look retroactively at the focus of IMEMO's entire scientific activity over the course of thirty-five years of its Soviet history (1956-1991), we can't but agree with the thesis of Academician Yevgeny Primakov about the "intra-systemic dissent" typical of the Institute and, incidentally, of some other academic research institutes. As compared to "non-systemic" anti-Communist dissidents who rejected in principle the incumbent Soviet regime the "systemic" dissidents sincerely believed in the possibility of modernization and humanization of the existing system. It is not accidental that the ideas of convergence; i.e., combining the best practices inherent in the socialist and capitalist systems, were popular among them. IMEMO scientists who studied a modern market economy could see that western countries were successfully

employing certain principles of the socialist economic system (the elements of planning, state regulation, etc.). So, why couldn't the socialist model adopt, as they thought, the elements of a market economy that could be adapted to the planned system and could raise its efficiency significantly?

Unfortunately, this was critically hampered by the rigid thinking of the upper circles of the ruling Soviet elite who buried twice, in the mid-1960s and in the late 1970s, even their own timid attempts to reform the hopelessly outdated system of economic governance. In this situation, there could be no talk about introducing western experience. It was dangerous even to speak about that! That is why, IMEMO economists had to use the Aesopian language in their communication with the authorities, finding proper quotations from Marx and Lenin.

In this sense, it has to be admitted that IMEMO's educative efforts aimed at the upper echelons of the Soviet ruling elite in the Brezhnev era produced somewhat limited results. The Gorbachev leadership proved to be more responsive to the new ideas but it also failed to implement these ideas and proposals due to various reasons.

The upheavals of the 1990s that considerably deprived the domestic science of its resources virtually pushed many academic institutes to the brink of survival. The new authorities who called themselves democratic considerably weakened (if not lost altogether) their interest in science and drastically curtailed its financing, which caused a mass exodus of talented young scientists into other spheres of activity. During the troubled 1990s, IMEMO also suffered heavy personnel losses. The number of research fellows at the Institute dwindled almost twofold as mostly the youth left the organization.

However, even in the most difficult years for survival, IMEMO managed both to keep afloat and launch fundamental and applied research in a number of new areas: global problems of contemporaneity, a comparative analysis of Russia's place and role in world politics and the world economy, the problems of international and national security and national interests of Russia in the global context, the problems of the transitional economy, etc.

The Institute of the World Economy and International Relations approached its 60th jubilee both with a bright history and a whole number of impressive latest achievements. These successes were achieved as the Institute had managed to keep the nucleus of its research team despite all obvious losses of the 1990s and even considerably rejuvenate it over the past decade.

Time has not yet come for a comprehensive and objective assessment of IMEMO's activities over the past 15 years unless the whole matter boils down to the dull presentation of annual scientific reports. But a retrospective view on the history of the Institute from its creation in 1956 to the end of the 20th century may be justified and even welcome. Precisely this attempt was made by the author who certainly doesn't claim this historical analysis to be complete and profound. He only ventured to provide an overview of the IMEMO history. This book offered to the reader is largely a follow-up of the author's previous work[1].

[1] *Cherkasov P.* IMEMO. A Portrait against the Background of the Epoch. M., 2004.

Three academicians — Yevgeny Primakov, Alexander Dynkin and Vladimir Baranovsky — prompted the author the idea of this publication. Back in 2001, IMEMO Deputy Director Vladimir Baranovsky turned to me with a suggestion to write such a book. He also made Yevgeny Primakov, who had always considered IMEMO his second home, enthusiastic about this idea. Yevgeny Primakov's invariable support at all the stages of the work was crucial for the project to crown with success. He also helped find money for the book's publication.

After publication of the first book, which ended with the events of 1982 when the Institute's then-director, Academician Nikolai Inozemtsev suddenly died under his enemies' verbal attacks, I had no desire for various reasons to continue the work on IMEMO's history. This was mainly due to the absence of a possibility for an historian to work freely with still "pulsating" and sometimes "hot" material and the risk of hurting voluntarily or involuntarily someone's pride or ambitions and distorting the truth in favor of someone, etc.[1]

It took me almost ten years to get rid of these doubts and fears (though I'm not sure whether I got rid of them altogether), which was facilitated by numerous calls by Yevgeny Primakov and Alexander Dynkin — IMEMO director from 2006 — to continue working on the Institute's history.

After receiving assurances about the "freedom of expression," I got down to studying archive documents referred to the 1980s-1990s. Simultaneously, I restarted interviewing IMEMO veterans on the issues of the Institute's history I wanted to know.

I returned to IMEMO in 2011 as a part-time employee to ensure more instrumental conditions for working on the book as this was the place where I had spent the best twenty years of my life (1967-1987), where I had taken a post-graduate course and subsequently worked in the Department of International Relations, where I had prepared a Candidate's and a Doctor's theses. In this sense, IMEMO had always remained my own home, which I had never severed close ties with. Its history is also an important part of my life.

What was the original concept of the book?

First of all, I wanted to get away from the hardly interesting "departmental history," which even the Institute's veterans would be unable to read to the end.

The main idea of this research is to show the place and the role of IMEMO in the Soviet and post-Soviet political system, which allows highlighting a broader problem of intelligentsia and power in the USSR/Russia. In this sense, the book tells about the intellectual history of the post-war Soviet and then Russian society,

[1] Now it can be admitted that sometimes it even came to comic situations. Some of my old-time IMEMO colleagues would say they were hurt that I had not reflected properly their contribution to science or hadn't mentioned them in my book at all. Others were indignant that I had said something good about someone who deserved only disapproval or complete oblivion and so on and so forth. My explanations that this was a book and not a telephone directory were not accepted. But as a whole, all these instances can be referred to natural and even forecast costs of the work with the "live" material. Decades should pass, people should be gone and generations should change one after another before an historian considers it possible to start analyzing and describing certain events. In my case, this was frequently the other way round, which predetermined obvious faults of this book, especially when events were described that are closer to contemporaneity.

focusing on one of academic research centers of humanitarian specialization as an example.

This choice required from the author to fit IMEMO's internal history into the general context of the political development of the USSR/Russia in the second half of the 20th century.

From the very outset, I considered it as my duty to tell about the internal life of IMEMO and some remarkable people who had worked at the Institute at different periods. Many of them have already passed away and deserve remembrance. I knew some of them well personally while with others I got acquainted in absentia or through their works and I also got acquainted with some others when I studied their personal files in the IMEMO archive. Regrettably, I have had no possibility even to mention many of them. And it is impossible to mention everyone, for that matter. This would have required issuing a biographic directory of at least 700—800 persons.

It became clear to me in the process of this work that I should start writing about the IMEMO history not from 1956 but from the year 1947 when the Institute of the World Economy and World Politics (IMKhMP). It is well-known that from its inception IMEMO considered itself as the successor to IMKhMP, which had been headed by Academician Yevgeny Varga.

IMEMO late Director Nikolai Inozemtsev made numerous calls at sessions of the Institute's Scientific Council back in the 1960s to the IMKhMP veterans who had survived the 1947 crackdown and were working at IMEMO to reconstruct the history of the Varga institute[1]. On his initiative, meetings were held between IMKhMP veteran staffers —V.I. Kaplan, S.A. Dalin, I.M. Lemin, M.I. Rubinshtein and others — and IMEMO post-graduate students and young scientists. The efforts of CPSU Central Committee member and USSR Supreme Soviet deputy Nikolai Inozemtsev helped open a memorial plaque on residential building No. 11 at Leninsky Avenue in Moscow where Academician Yevgeny Varga had lived and worked and name one of the streets in the Russian capital's south-western district after the outstanding expert in international economic relations.

So, what could the Varga Institute of the Stalinist era and the IMEMO of the Khrushchev and Brezhnev epochs have in common?

First of all, both research centers were engaged in the studies of global economic and political processes. Both IMKhMP and IMEMO carried out their research within the framework of the Marxist-Leninist methodology, although this framework was clearly incommensurate for understandable reasons: too narrow for the IMKhMP of the 1920s-1940s and broader for the IMEMO of the post-Stalinist era.

[1] Inozemtsev's wish was not realized in full owing to various reasons. Only Veniamin I. Kaplan wrote shortly before his death (May 1990) a small book on the IMKhMP history, which was published posthumously by his colleagues. See: Kaplan V.I. The Most Important Events of the International Life and Activity of the Institute of the World Economy and World Politics (1925—1948). Moscow, 1991. The obvious gap was partially closed by a present-day German researcher. See: Duda G. Jenö Varga und die Geschichte des Instituts für Weltwirtschaft und Weltpolitik in Moskau. 1921—1970: zu den Möglichkeiten und Grenzen wissenschaftlicher Auslandsanalyse in der Sowjetunion. Berlin, 1994. Nonetheless, the full history of IMKhMP has not been written to this date. T

The intellectual core of IMEMO at its inception in 1956 comprised Academician Yevgeny Varga's old-time staffers led by Varga himself who at the age of 77 took up the post of a senior researcher at the new Institute. The talented youth who had asserted itself boldly already in their first scientific writings grouped around former IMKhMP scholars.

Importantly, both research institutes had one and the same birthmark that was a cause for the IMKhMP demise in 1947 and nearly ruined IMEMO in the early 1980s. The decision to establish the Inozemtsev institute, like earlier the Varga institute, was prompted by realizing the need to study the outer world the way it actually was rather than its reflection in the eyes of scientific communism propagandists. However the conservative officials from the agitprop department of the Central Committee of the VKP(b)/CPSU and their assistants from the party-dominated Academy of Public Sciences viewed both institutes as the places that had the dangerous reputation of the nest of "revisionism" and "bourgeois reformism.".

Surprisingly, the verbal attacks on IMEMO in 1982 coincided even in wording, including the so-called "mistakes in the staff nationality selection," coincided with accusations experienced by the Varga institute in 1947.

All these coincidences prompted me to have a closer look into the circumstances of the demise of the Institute of the World Economy and World Politics whose deplorable fate was nearly shared by the Institute of the World Economy and International Relations thirty years after that. These circumstances gave rise to the book's introductory chapter devoted to the dramatic fate of IMEMO's predecessor.

Basically, the book covers the period from the establishment of IMEMO in 1956 to 1999. The choice of 1999 as the concluding frontier of the book is not accidental and this is not only because that year symbolized the end of the 20th century. It was the year 1999 that marked the completion of Boris Yeltsin's decade-long period of transition from the old to the new state system, which left an historic imprint in the liquidation of the previous model of state socialism and the creation of the fundamentals of the post-Soviet political and economic system. The year 1999 also witnessed the completion of the decade-long stay of Academician Vladlen Martynov in the post of the IMEMO director.

The year 2000 offered prospects of large-scale changes in both the political life of Russia and in the history of IMEMO that was entering a new stage, which has yet to be appraised.

This book was written using quite a representative and diverse base of sources. The author has widely used the materials of the Archive of the Russian Academy of Sciences, the former Central Party Archive (now known as the Russian State Archive of Social and Political History) and the former Archive of the CPSU Central Committee (now the Russian State Archive of Contemporary History). The documents kept at these archives throw light on the history of IMEMO's creation and its subsequent work, the activity of the Institute's founder, Academician Anushavan Arzumanyan and his successor Academician Nikolai Inozemtsev and the Institute's relations with the supreme "directive bodies."

Unfortunately, far from all important CPSU documents of that epoch have been declassified and made available to researchers.

The materials of the IMEMO RAS own archive created in the early 1970s on the initiative of then-Deputy Director of the Institute Yevgeny Primakov had special importance for my work on the book. This archive had been headed continuously for about forty years by Nadezhda Yefimova, a graduate of the History and Archives Institute. The IMEMO history was written exceptionally thanks to her efforts for keeping this archive. I consider it as my pleasant duty to express my deep gratitude to Nadezhda Yefimova for the help she constantly rendered me in finding necessary documents.

The Institute's archive keeps personal files of its researches and post-graduate students, short-hand notes of sessions of the IMEMO Scientific Council and Directorate, the Institute's internal orders, annual reports about the scientific, research and organizational activities of IMEMO and its departments, correspondence with various ministries and agencies, reference information on international scientific contacts, the materials of conferences and case studies, political and economic forecasts, analytical notes for the CPSU Central Committee and for the state bodies of power of the USSR and the Russian Federation,[1] accounting and other documents. All these materials made up the main documentary base in my work on the book.

Interviews recorded with the Institute's veteran staffers served as an important and largely unique source. The author also used written recollections of some researchers who had kindly provided them for the book's preparation. I want to express my sincere gratitude to all who rendered me this kind of assistance and who agreed to meet and talk with me. Their names are given in this book and in the book's footnotes.

Naturally, in my work I used IMEMO's scientific publications — monographs, collections of materials, yearbooks, surveys and articles from the journal World Economy and International Relations.

For several years the journal World Economy and International Relations published fragments of my future book, which helped me make notes of critical remarks and wishes during the work on its final text, as well as remove errors that crept into the book. I'm grateful to journal editor Galina Oznobishcheva for her patience and her kindest cooperation in the lengthy process of our joint work.

I'm grateful to all who rendered me organizational and technical assistance at IMEMO and, first of all, to Institute Learned Secretary Tatyana Karlova, Valery Lebedev, Alexei Bavarov, Olga Maltseva and Larisa Dvornikova.

I want to express special gratitude to IMEMO Director, Academician Alexander Dynkin who gave me a carte blanche and honored my independence during the entire period of my work on the book.

[1] Unfortunately, only a small amount of case studies, forecasts and notes for directive bodies remained in the archive as they had to be sent to the upper echelons of power through classified channels.

Петр Петрович Черкасов

ИМЭМО. Очерк истории

Редактор: *А.С. Рысляева*
Художник: *В.Ю. Яковлев*
Верстка: *С.А. Голодко*
Корректор: *Е.В. Феоктистова*

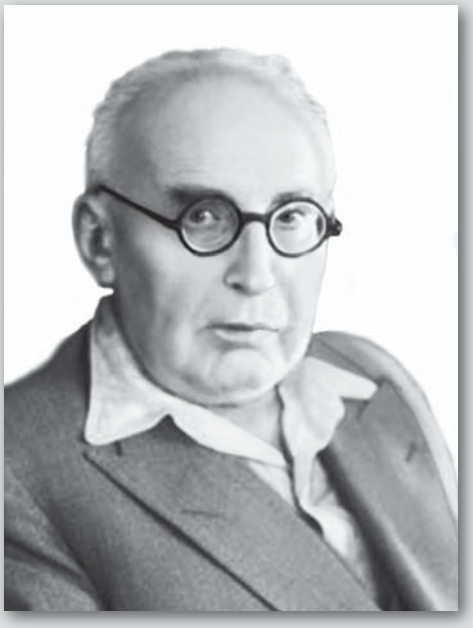
Подписано в печать 11.07.2016 г.
Печать офсетная. Бумага офсетная
Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 70,3. Тираж 1000 экз.

ООО Издательство «Весь Мир»
109544, г. Москва, ул. Б. Андроньевская д. 5, стр. 1
E-mail: info@vesmirbooks.ru
http:// vesmirbooks.ru

Заказ №
Отпечатано в ТИПОГРАФИИ КЕМ
129626, Москва, Графский пер., д. 9, к. 2
www.a-kem.ru

ISBN 978-5-7777-0631-7

ИМЭМО



Академик
Евгений Самуилович Варга,
директор ИМХиМП в 1927–1947 гг.

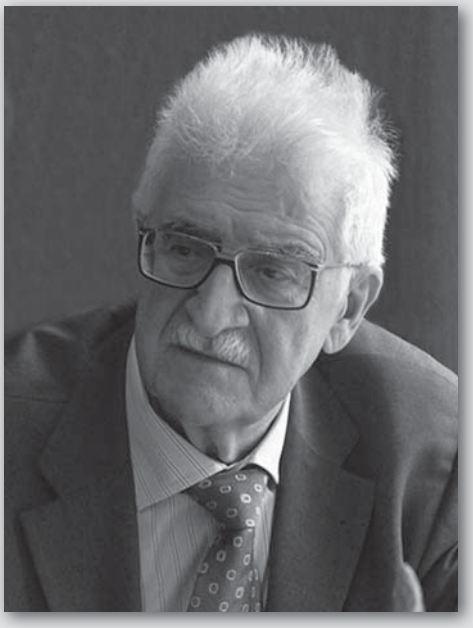
Академик
Анушаван Агафонович Арзуманян,
директор ИМЭМО в 1956–1965 гг.

Академик
Николай Николаевич Иноземцев,
директор ИМЭМО в 1966–1982 гг.

Академик
Александр Николаевич Яковлев,
директор ИМЭМО в 1983–1985 гг.

Академик
Евгений Максимович Примаков,
директор ИМЭМО в 1985–1989 гг.

Академик
Владлен Аркадьевич Мартынов,
директор ИМЭМО в 1989–2000 гг.



Академик
Нодари Александрович Симония,
директор ИМЭМО в 2000–2006 гг.

Академик
Александр Александрович Дынкин,
директор ИМЭМО с 2006 г.

Архивная справка
о создании Института
мирового хозяйства
и мировой политики

Главное архивное управление
при Совете Министров СССР

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ,
ВЫСШИХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ВЛАСТИ и ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО
УПРАВЛЕНИЯ СССР

(ЦГАОР СССР)

119435, Москва, Б. Пироговская, 17
Тел. 245-81-41

07.05 81. № 520

На № I4304/02-060/80 от I9.03.8I

Институт мировой экономики
и международных отношений
Зам.директора института
д.и.н. тов.Быкову О.Н.
II74I8, Москва, В-4I8
Профсоюзная ул., 23

Сообщаем, что в документах СНК СССР, Управления делами СНК СССР, ВЦИК, ЦИК и Совета труда и обороны за I924г. Постановления об образовании Института мирового хозяйства и мировой политики не имеется.

Однако, в деле фонда ЦИК "Штаты Коммунистической Академии на I927-I928 гг." имеются сведения о том, что Институт мирового хозяйства и мировой политики основан по Постановлению СНК СССР от 20.I2.I924г. В этом же фонде хранится "Отчет о работе Коммунистической Академии за I-ое полугодие I925г.", заслушанный 2 июня I925г. на общем собрании членов Коммунистической Академии, в котором говорится: ...,"за отчетный период, который равняется 6 месяцам, у нас возникли следующие учереждения: I Институт мирового хозяйства и мировой политики..."

Основание: ЦГАОР СССР, ф.33I6, оп.I8, д.3I9, л.Iоб., оп.20, д.62, л.82.

Директор архива

Строго-секретно

Товарищу СТАЛИНУ И.В.

копия тов. ДИМИТРОВУ
" " ЕЖОВУ

ПРОБЛЕМА КАДРОВ НЕЛЕГАЛЬНЫХ ПАРТИЙ И МАССОВЫЕ АРЕСТЫ.

Уважаемый товарищ !

Действие Вашего замечательного письма тов. Иванову к сожалению длилось недолго. Никто больше не говорит и не пишет о нем. Вместо правильного сочетания советского патриотизма и интернационализма все более внигрывает почву односторонний ограниченный национализм. Ненависть к иностранцам свирепствует. Иностранцы без разбора рассматриваются как шпионы; иностранных детей в школе ругают фашистами и т.п. /небольшой симптом: впервые в этом году о годовщине со дня основания венгерской советской республики в нашей печати не было ни одного слова./

Эта все более расширяющаяся ненависть к иностранцам вспыхнула вследствие массовых арестов иностранцев /сами причины ее лежат очевидно не в этом, а в капиталистическом окружении, в опасности войны и в остатках великорусского национализма времен царизма/.

Чтобы предупредить всякое недоразумение, я хотел бы подчеркнуть, что при нынешних условиях считаю совершенно правильным скорее арестовать двух невинных, чем не поймать одного шпиона! Советский Союз должен всеми средствами защищаться от врагов, даже если бы при этом иногда должны пострадать невинные. Меня беспокоит прежде всего один политический вопрос: Процесс быстрого истощения и деморализации кадров коммунистических партий фашистских стран, на долю которых в предстоящей войне должна бы пасть очень крупная роль !

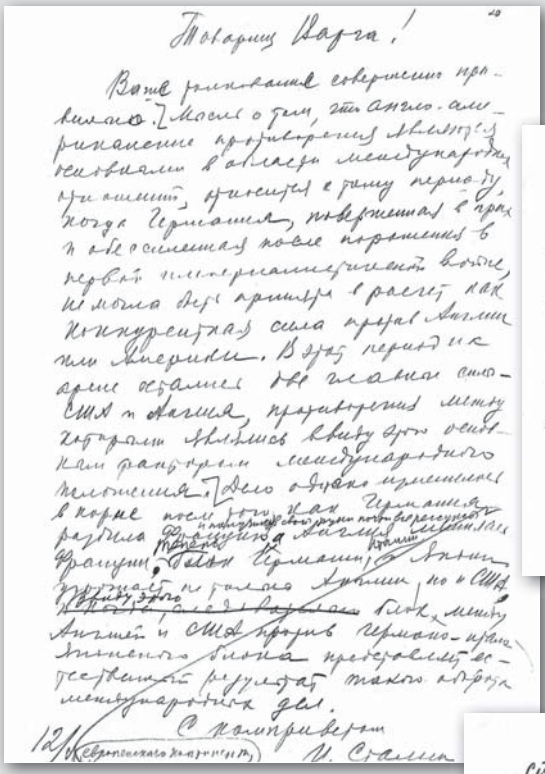
Этот процесс происходит по следующим линиям:

а/часть кадров героически отдает свою жизнь на фронтах Испании,

б/все еще растущая часть бывших кадров арестована в Советском союзе

в/находящиеся на свободе в Советском союзе кадры вследствие массовых арестов глубоко деморализованы и обескуражены. Эта деморализованность

Письмо Е.С. Варги
И.В. Сталину и Н.И. Ежову.
28 марта 1938 г.
(фрагмент – РГАСПИ)



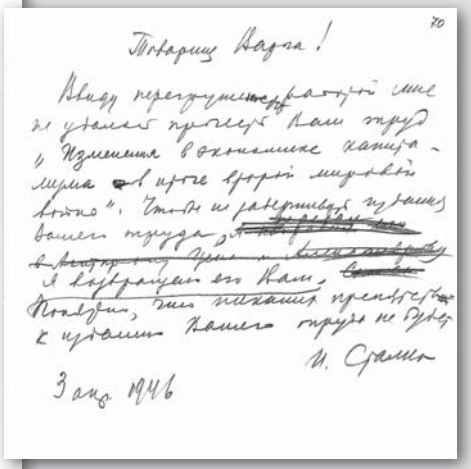
Товарищ Варга!

Ваше понимание совершенно правильно. Дело в том, что англо-американские профессора являются в области международной политики профессорами периода, когда Германия, поверженная в прах в империалистической войне первой империалистической войне, не могла быть арбитром в расчете, как конкурентная сила прав Англии или Америки. В этот период английские профессора были главной силой США и Англии, проповедуя мысль [illegible] Англии с Германией, как основу для [illegible] англо-германского блока, мешающего Англии и США против германо-японского блока, преследуя [illegible] интересы [illegible] народов.

С коммунистическим приветом

12/IX-40 г. И. Сталин

Письмо И.В. Сталина Е.С. Варге.
12 сентября 1940 г.
(черновой автограф – РГАСПИ)



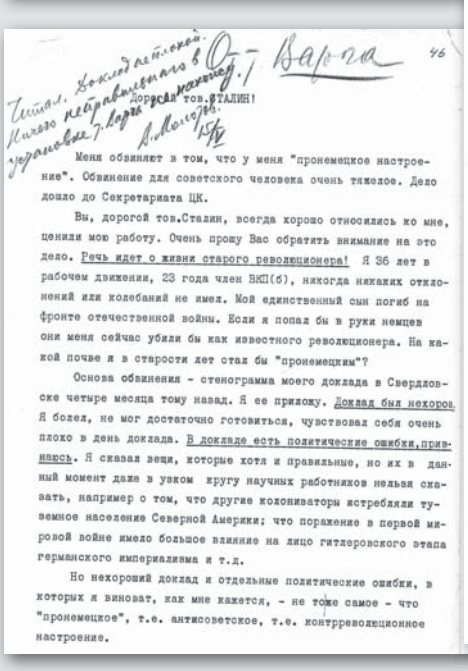
Товарищ Варга!

Ввиду перегруженности работой мне не удалось прочесть Ваш труд "Изменения в экономике капитализма после второй мировой войны". Читал не говорившие мне товарищи, что Ваш труд [illegible] и представляет его Ваш, [illegible] Вашего труда не будет к пользе нашего труда не будет.

И. Сталин

3 апр. 1946

Письмо И.В. Сталина Е.С. Варге.
3 апреля 1946 г.
(черновой автограф – РГАСПИ)



Варга

Дорогой тов. СТАЛИН!

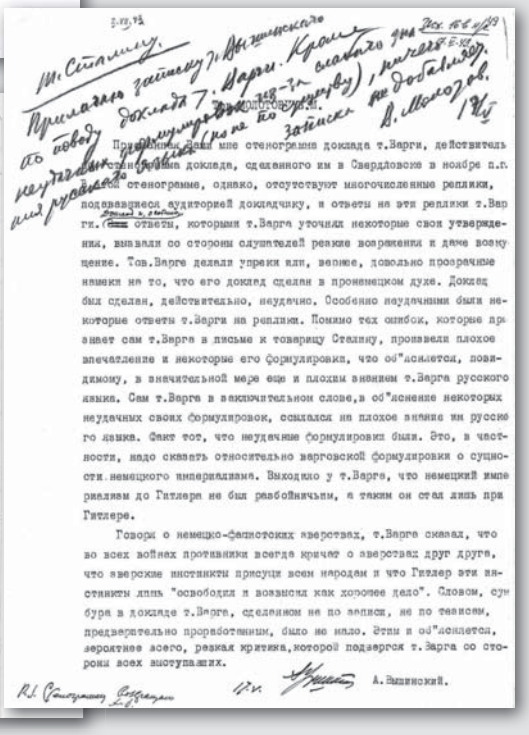
Меня обвиняют в том, что у меня "пронемецкое настроение". Обвинение для советского человека очень тяжелое. Дело дошло до Секретариата ЦК.

Вы, дорогой тов.Сталин, всегда хорошо относились ко мне, ценили мою работу. Очень прошу Вас обратить внимание на это дело. Речь идет о жизни старого революционера! Я 36 лет в рабочем движении, 23 года член ВКП(б), никогда никаких отклонений или колебаний не имел. Мой единственный сын погиб на фронте отечественной войны. Если я попал бы в руки немцев они меня сейчас убили бы как известного революционера. На какой почве я в старости лет стал бы "пронемецким"?

Основа обвинения - стенограмма моего доклада в Свердловске четыре месяца тому назад. Я ее прилагаю. Доклад был неудачен. Я болел, не мог достаточно готовиться, чувствовал себя очень плохо в день доклада. В докладе есть политические ошибки, признаюсь. Я сказал вещи, которые хотя и правильные, но их в данный момент даже в узком кругу научных работников нельзя сказать, например о том, что другие колонизаторы истребляли туземное население Северной Америки; что поражение в первой мировой войне имело большое влияние на лицо гитлеровского этапа германского империализма и т.д.

Но неудачный доклад и отдельные политические ошибки, в которых я виноват, как мне кажется, - не тоже самое - что "пронемецкое", т.е. антисоветское, т.е. контрреволюционное настроение.

Письмо Е.С. Варги И.В. Сталину,
завизированное В.М. Молотовым.
13 апреля 1943 г. *(автограф)*



И. Сталину

Прилагаю считаю [illegible] доклада т. Варги. Краткое [illegible] по поводу [illegible] (не по существу), [illegible] не добавляю.

В. Молотов.

Приложенная мне стенограмма доклада т.Варги, действительно [illegible] докладе, сделанного им в Свердловске в ноябре п.г. стенограмме, однако, отсутствуют многочисленные реплики, подававшиеся аудиторией докладчику, и ответы на эти реплики т.Варги. ответы, которыми т.Варга уточнял некоторые свои утверждения, вызвали со стороны слушателей резкие возражения и даже всеобщее осуждение. Тов.Варге делали упреки или, вернее, довольно прозрачные намеки не то, что его доклад сделан в пронемецком духе. Доклад был сделан, действительно, неудачно. Особенно неудачными были некоторые ответы т.Варги на реплики. Помимо тех ошибок, которые признает сам т.Варга в письме к товарищу Сталину, произвели плохое впечатление и некоторые его формулировки, что об"ясняется, повидимому, в значительной мере еще и плохим знанием т.Варгой русского языка. Сам т.Варга в заключительном слове, в об"яснение некоторых неудачных своих формулировок, сослался на плохое знание им русского языка. Факт тот, что неудачные формулировки были. Это, в частности, надо сказать относительно варговской формулировки о сущности немецкого империализма. Выходило у т.Варги, что немецкий империализм до Гитлера не был разбойничьим, а таким он стал лишь при Гитлере.

Говоря о немецко-фашистских зверствах, т.Варга сказал, что во всех войнах противники всегда кричат о зверствах друг друга, что зверские инстинкты присущи всем народам и что Гитлер эти инстинкты лишь "освободил и возвысил как хорошее дело". Словом, суть бура в докладе т.Варги, сделанном не по записи, не по тезисам, предварительно проработанным, было не надо. Этим и об"ясняется, вероятнее всего, резкая критика, которой подвергся т.Варга со стороны всех выступавших.

А. Вышинский.

Донос А.Я. Вышинского на Е.С. Варгу
с визой В.М. Молотова.
Май 1943 г. *(РГАСПИ)*

ЕВГЕНИЙ САМУИЛОВИЧ ВАРГА

Советская наука понесла тяжелую утрату. Умер ученый-коммунист, выдающийся представитель марксистско-ленинской экономической мысли, ветеран международного революционного рабочего движения, лауреат Ленинской премии, академик Евгений Самуилович Варга.

Е. С. Варга родился в 1879 г. в Венгрии в семье сельского учителя. Уже в 90-х годах студентом он участвует в революционном движении Австро-Венгрии и Германии, примыкая к левому крылу социалистических организаций, сотрудничает в центральном органе социал-демократической партии Венгрии — газете «Непшава».

Будучи последовательным интернационалистом, Е. С. Варга горячо приветствовал Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Он принимал активное участие в борьбе за установление Советской республики в Венгрии в 1919 г., входил в состав правительства Венгерской Советской Республики в качестве народного комиссара финансов и председателя Совета народного хозяйства. После подавления венгерской революции 1919 г. Е. С. Варга жил и работал в Советском Союзе. Он встречался и переписывался с В. И. Лениным. С основанием Коммунистического Интернационала Е. С. Варга был одним из его активных деятелей, делегатом и участником конгрессов Коминтерна и пленумов Исполкома Коминтерна.

Начало научной деятельности Е. С. Варги относится к первому десятилетию нашего века. В 1909 г. он доктор философских наук, преподаватель высшей экономической школы в Будапеште. В 1918 г., после свержения Габсбургов, он приглашается в Будапештский университет в качестве профессора политической экономии. В этот период вышли в свет первые научные труды Е. С. Варги. Ряд его статей был опубликован в теоретическом журнале германской социал-демократии «Нейе цейт». Статьи Е. С. Варги 1912—1913 гг. по вопросу о связи между товарными ценами [illegible] были отмечены В. И. Лениным на страницах [illegible]

Но лишь в Советской стране [illegible] Е. С. Варги. Почти [illegible] считал академика Е. С. Варги была тесно связана с работой крупнейших советских периодических изданий по экономике и международным отношениям: он был ответственным редактором журналов «Мировое хозяйство и мировая политика», «Конъюнктура мирового хозяйства», «Тихий океан», членом редакционной коллегии журнала «Мировая экономика и международные отношения» и других.

Огромна роль Е. С. Варги в воспитании советских экономистов, которые помнят и чтят в лице Евгения Самуиловича мудрого наставника и учителя, старшего товарища, сердечного и отзывчивого человека.

Коммунистическая партия Советского Союза и Советское правительство высоко оценили деятельность товарища Варги: он был награжден тремя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени. В 1963 г. ему была присуждена Ленинская премия.

Жизнь и деятельность академика Евгения Самуиловича Варги — революционера, неутомимого труженика науки —пример беззаветной преданности коммунизму, делу борьбы за всемирное торжество идей марксизма-ленинизма.

Отделение экономических наук АН СССР
Институт мировой экономики
и международных отношений АН СССР
Редакционная коллегия журнала «Мировая
экономика и международные отношения»

Некролог на смерть Е.С. Варги. 1964 г.

«ВСКРЫТЬ ЧЕРЕЗ 25 ЛЕТ»

Е. С. Варга

Эти заметки не предназначаются для печати. По крайней мере — пока я жив. Я начинаю писать их в конце 84-го года моей жизни.

Я пишу это потому, что не могу преодолеть горестной озабоченности. Передо мной встает вопрос, составляющий содержание всей моей жизни: возможно ли построение подлинно социалистического общества? В сущности, это вопрос о том, возможен ли вообще переход от общества, основанного на принципе оплаты по труду, общества, в котором, хотя и обобществлены средства производства — а значит, невозможна капиталистическая эксплуатация, все же сохраняются сходные с капиталистическим обществом различия в реальном распределении доходов — к коммунистическому, т. е. действительно социалистическому общественному порядку?

Никогда у нас не говорилось и не писалось так много о «коммунистической морали», о формировании «коммунистической личности», как сейчас. Никогда не было таким вопиющим противоречие между официально провозглашенной идеологией и действительными отношениями между людьми, как сейчас. За редкими исключениями каждый человек в Советском Союзе стремится к тому, чтобы увеличить свои доходы. Как и при капитализме, это составляет главное содержание жизни людей. Если бы речь шла только о тех широких слоях населения, месячная зарплата которых составляет 30—80 руб. и для которых такое стремление понятно и простительно; но когда то же самое делают люди с достаточными доходами, — это не совместимо с социализмом!

Построение общества исключительно на принципе «вознаграждения по труду», т. е. на корысти, спустя 46 лет после Октябрьской революции *ведет к глубокому моральному разложению советского общества*. Люди, включая высший слой бюрократии, стремятся повысить свои доходы не только посредством больших трудовых усилий, но и с помощью всяких средств: обкрадывания государства, спекуляции (Смирнов, секретарь Крымского обкома), выдачи военных тайн (Пеньковский), кражи личного имущества, вплоть до присвоения чужих рукописей; и все это — начиная со школы. Описание всех изощренных методов мошенничества, с помощью которых имущество и доходы государства (и других социалистических организаций) попадают в руки частных лиц, потребовало бы многих томов.

Как можно положить этому конец? Можно ли наполнить принцип распределения по труду коммунистическим содержанием? Вообще — совместим ли на долгий срок принцип собственности с социализмом?

Ссылаются на Маркса! Но Маркс никогда не говорил о том, сколько времени должен длиться переход от «оплаты по труду» к коммунизму. Он, конечно, не думал о сроке в 46 лет, которому не видно конца...

Ссылаются на Маркса, говоря о том, что более производительный труд должен более высоко оплачиваться, что квалифицированный труд , «многократно» превосходит обычный труд. Но во сколько раз? Ленин говорил, что товарищи, освобожденные от физического труда, должны получать вдвое больше квалифицированного рабочего — не более.

А что происходит сегодня?

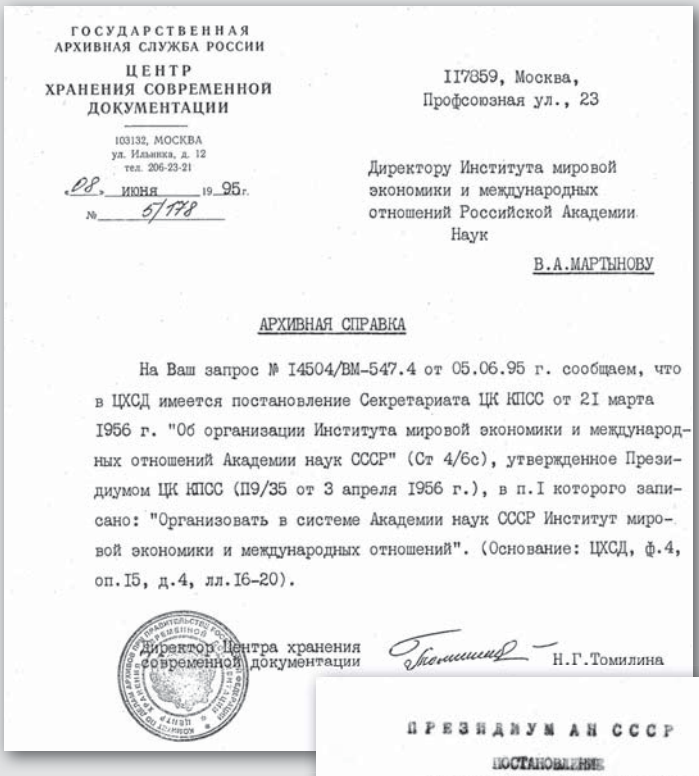
Рабочий совхоза в месяц зарабатывает 30—50 рублей; академик приблизительно 1000 руб., т. е. в 20, а то и в 30 раз больше. А каковы реальные доходы тех, кто принадлежит к верхушке бюрократии, к правящему в стране слою? А лучше сказать, сколько платит государство в месяц самому себе?

Этого не знает никто!

Но каждый знает, что под Москвой существуют дачи — конечно, государственные; при них постоянно находится 10—20 человек охраны, кроме того, садовники, повара, горничные, специальные врачи и медсестры, шоферы и т. д. — всего до 40—50 человек прислуги. Все это оплачивает государство. Кроме того, естественно, имеется городская квартира с соответствующим обслуживанием и по меньшей мере еще одна дача на юге. У них персональные спецпоезда, персональные самолеты, и те и другие с кухней и поварами, персональные яхты и, конечно же, множество автомобилей и шоферов, обслуживающих днем и ночью их самих и членов их семей. Они бесплатно получают, или по крайней мере получали раньше (как обстоит дело теперь, я точно не знаю) все продукты питания и прочие предметы потребления.

Во что обходится все это государству? Я этого не знаю! Но я знаю, что для обеспечения такого уровня жизни в Америке надо быть мультимиллионером! Только оплата са-

* Печатается с сокращениями.



ГОСУДАРСТВЕННАЯ
АРХИВНАЯ СЛУЖБА РОССИИ

ЦЕНТР
ХРАНЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ
ДОКУМЕНТАЦИИ

103132, МОСКВА
ул. Ильинка, д. 12
тел. 206-23-21

08 июня 19 95 г.
№ 5/178

117859, Москва,
Профсоюзная ул., 23

Директору Института мировой
экономики и международных
отношений Российской Академии
Наук

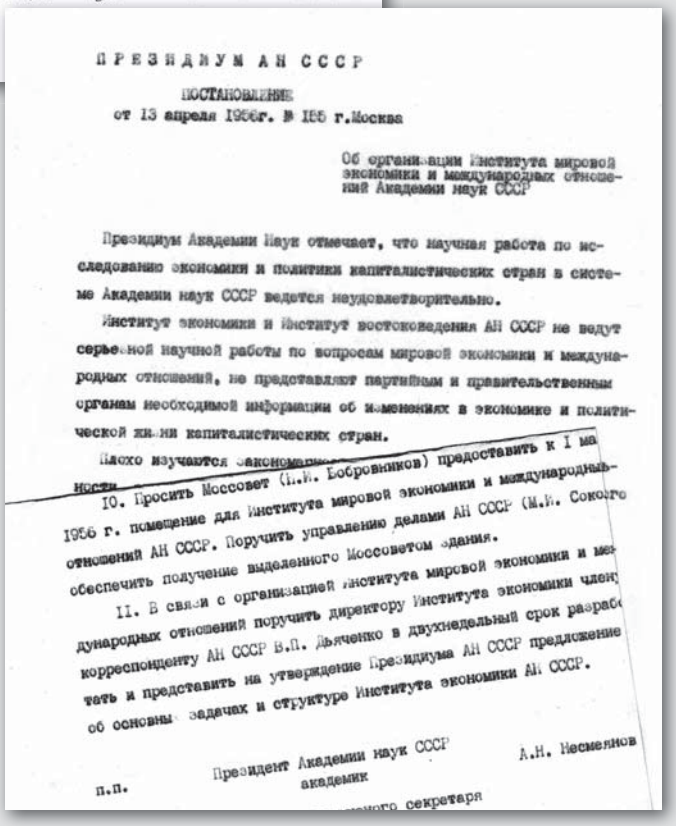
В.А.МАРТЫНОВУ

АРХИВНАЯ СПРАВКА

На Ваш запрос № I4504/ВМ-547.4 от 05.06.95 г. сообщаем, что в ЦХСД имеется постановление Секретариата ЦК КПСС от 2I марта I956 г. "Об организации Института мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР" (Ст 4/6с), утвержденное Президиумом ЦК КПСС (П9/35 от 3 апреля I956 г.), в п.I которого записано: "Организовать в системе Академии наук СССР Институт мировой экономики и международных отношений". (Основание: ЦХСД, ф.4, оп.I5, д.4, лл.I6-20).

Директор Центра хранения
современной документации Н.Г.Томилина

Архивная справка
о создании ИМЭМО
в 1956 г.
(Архив ИМЭМО)



ПРЕЗИДИУМ АН СССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
от 13 апреля 1956г. № I85 г.Москва

Об организации Института мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР

Президиум Академии Наук отмечает, что научная работа по исследованию экономики и политики капиталистических стран в системе Академии наук СССР ведется неудовлетворительно.

Институт экономики и Институт востоковедения АН СССР не ведут серьезной научной работы по вопросам мировой экономики и международных отношений, не представляют партийным и правительственным органам необходимой информации об изменениях в экономике и политической жизни капиталистических стран.

Плохо изучается экономика [illegible]
ности

IO. Просить Моссовет (П.И. Бобровников) предоставить к I ма
I956 г. помещение для Института мировой экономики и международны
отношений АН СССР. Поручить управлению делами АН СССР (М.И. Сокого
обеспечить получение выделенного Моссоветом здания.

II. В связи с организацией Института мировой экономики и ме
дународных отношений поручить директору Института экономики член
корреспонденту АН СССР В.П. Дьяченко в двухнедельный срок разраб
тать и представить на утверждение Президиума АН СССР предложение
об основных задачах и структуре Института экономики АН СССР.

Президент Академии наук СССР А.Н. Несмеянов
академик

п.п. [illegible] секретаря

Постановление
Президиума АН СССР
от 13 апреля 1956 г.
о создании ИМЭМО.
(Архив ИМЭМО)

ВЫПИСКА ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ № 155 ПРЕЗИДИУМА АКАДЕМИИ НАУК СССР от 13 апреля 1956 года.

8. Назначить директором Института мировой экономики и международных отношений кандидата экономических наук АРЗУМАНЯНА Анушавана Агафоновича с последующим утверждением общим собранием Академии наук СССР.

П.п. Президент
Академии наук СССР
академик – / А.Н.Несмеянов /

Зам. главного ученого
секретаря Президиума
Академии наук СССР
член-корреспондент АН СССР –
/К.А.Власов /

Выписка верна : ст[illegible]ктор по
кадрам Института экономики
СССР / М.Д.Кравцова /

8- го мая 1956 года

Постановление Президиума АН СССР от 13 апреля 1956 г. о назначении А.А. Арзуманяна директором ИМЭМО *(Архив ИМЭМО)*

Приложение
к постановлению
Президиума АН СССР

от 13 апреля 1956 г. № 155

Структура

Институт мировой экономики и международных отношений АН СССР

1. Сектор общих проблем империализма. – Мендельсон Лев Абрамович
2. Сектор положения и борьбы рабочего класса. Иванов Сергей Алексеевич
3. Сектор аграрных проблем. – Шлихтер Артемий Александрович
4. Сектор международных отношений и международных организаций. Ипатьев В. К.
5. Сектор конъюнктуры. Манусян Анаит Арутюнович
6. Сектор информации. Солодовников Василий Григорьевич
7. Сектор США. Рубинштейн Модест Иосифович
8. Сектор Британской империи. Мелин
9. Сектор Западноевропейских стран. Кирсанов А-р Влад.
10. Сектор Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока. Полк А-р Алексеевич
11. Сектор Африки и Ближнего и Среднего Востока. Скоров Георгий Степанович
12. Сектор Латинской Америки.

V Данилова Мария Владимировна

Зам гл.ученого секретаря
Президиума АН СССР,
чл.-кор. Власов К.А.

Первоначальная структура ИМЭМО. Апрель 1956 г. *(Архив ИМЭМО)*

Анкета
из Личного дела
А.А. Арзуманяна
(Архив ИМЭМО)

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Личный листок по учету кадров

1. Фамилия Арзуманян
имя Ашушавак отчество Агафонович
2. Пол мужск. Год, м-ц и число рождения 14 февраль 1904
4. Место рождения:
а) по существовавшему в то время адм. делению с. Кавард Эчмиадзинского уезда Елизаветпольск. губ.
б) по существующему в настоящее время адм. делению с. Кавард Кафанского р-на Армянской ССР
5. Национальность армянин 6. Соц. происхождение:
а) бывшее сословие (звание) родителей крестьяне
б) основное занятие родителей до Октябрьской революции (1892-1911 г.г. работал отец, 1911-1921 г.г. мать, после Октябрьской революции с 1921-1925 г.г. работали оба, с 1925 г. по настоящее время работает отец, с 1928 г. мать) Основная профессия (занятие) * служащий
Стаж работы по этой профессии — 8. Соц. положение * служащий Партийность член ВКП(б)
10. Какой организацией принят в члены ВКП(б) Закавказской краевой организацией КП(б) Армении 11. Партстаж апрель 1928 г. (м-ц, год) № партбилета 3315864 или к/карточки —
12. Стаж пребывания в ВЛКСМ с 1920 по 1928 13. Состоял ли в других партиях (каких, где, с какого и по какое время) нет
14. Состоял ли ранее в ВКП(б) нет (да, нет) с какого и по какое время — и причины исключения или выбытия —
15. Были ли колебания в проведении линии партии и участвовал ли в оппозициях (каких, когда) не был, не участвовал
16. Членом какого профсоюза состоит и с какого года Сотрудников науки и просвещения
17. Образование высшее (высшее, незаконченное высшее, среднее, незаконченное среднее, низшее)

	Название учебного заведения (вуза, втуза, техникума, комвуза, школы и проч.) и местонахождение	Название факультета или отделения	Дата (м-ц, год) поступления	Дата (м-ц, год) окончания или ухода	Окончил или нет	Если не окончил, то с какого курса ушел	Какую (какую) специальность получил в результате окончания высшего или специального среднего учебного заведения
Общая и специальная	Реальное училище, г. Шуша		1913	1918			
	Инст. Нар. Хоз. им. Плеханова, г. Москва						
	Инст. Красной Проф., г. Москва						
Политико-экономические							

18. Ученая степень, звание (кем и когда присвоены) Д.Э.Н. 1940 г., доцент с 1949 г., профессор М.Э. 1940 г.
и изобретения да (да, нет) (перечень научных работ, изобретений и вопросов, по которым опубликованы, необходимо представить 2 экземпляра)
20. Был ли за границей (включая службу в Красной Армии) Был в командировках в Англии, Германии, Греции, Италии, Франции, Турции, Персии, Египте, Палестине, Сирии, Ираке, Индии, Японии, Китае, Монголии, Афганистане, Польше, Финляндии, Эстонии, Латвии, Литве, Румынии, Австрии, Чехословакии, Венгрии, Болгарии, Югославии, Албании, Испании, Португалии, Голландии, Бельгии, Швейцарии, Швеции, Норвегии, Дании, Канаде, США, Мексике, Бразилии, Аргентине, Чили, Перу, Боливии, Уругвае, Парагвае, Эквадоре, Колумбии, Венесуэле, Гватемале, Гондурасе, Сальвадоре, Никарагуа, Коста-Рике, Панаме, Гаити, Кубе, Ямайке, Австралии, Новой Зеландии, Африке, Индонезии, Филиппинах, Сиаме, Бирме, Индокитае, Малакке, Цейлоне, Гонконге, Сингапуре, Суматре, Яве, Борнео, Целебесе, Молуккских о-вах, Новой Гвинее, Тасмании, Фиджи, Самоа, Гавайских о-вах, Таити, Новых Гебридах, Соломоновых о-вах, Новой Каледонии, Бисмарковом архипелаге, Маршалловых о-вах, Каролинских о-вах, Марианских о-вах, Бонинских о-вах, Рюкю, Формозе, Филиппинах, Сиаме, Бирме, Индокитае, Малакке, Цейлоне, Гонконге, Сингапуре, Суматре, Яве, Борнео, Целебесе, Молуккских о-вах, Новой Гвинее, Тасмании, Фиджи, Самоа, Гавайских о-вах, Таити, Новых Гебридах, Соломоновых о-вах, Новой Каледонии, Бисмарковом архипелаге, Маршалловых о-вах, Каролинских о-вах, Марианских о-вах, Бонинских о-вах, Рюкю, Формозе

Число, м-ц и год: с какого времени	Число, м-ц и год: по какое время	В какой стране (указать город)
в 1941 г.		

Анкета
из Личного дела
В.Я. Аболтина
(Архив ИМЭМО)

ЛИЧНЫЙ ЛИСТОК
по учету кадров
АБОЛТИН

Фамилия
Владимир Яковлевич
имя отчество
муж. I899, I.X.
Пол 3. Год, число и м-ц рождения
г.Руйена Латвийской ССР
Место рождения
(село, деревня, город, район, область)

латыш крестьянин
Национальность 6. Соц. происхождение
Партийность чл.КПСС 1917. VI. партбилет № 0003688I
партстаж (место и год вступления) к/карточка
Состоите ли членом ВЛКСМ, с какого времени и № билета
Образование высшее

Название учебного заведения и его местонахождение	Факультет или отделение	Год поступления	Год окончания или ухода	Если не окончил, то с какого курса ушёл	Какую специальность получил в результате окончания учебного заведения, указать № диплома или удостоверения
Военная Академия им. Фрунзе	Востфак	1922	1924	окончил	востоковед

Какими иностранными языками и языками народов СССР владеете англ., франц. либо немецкий, турецкий; латышский
(читаете и переводите со словарем, читаете и можете объясниться, владеете свободно)
Учёная степень, учёное звание доктор экономических наук, профессор
Какие имеете научные труды и изобретения см. список

Анкета
из Личного дела
Н.Н. Иноземцева
(Архив ИМЭМО)

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Личный листок
по учету кадров

1. Фамилия Иноземцев
имя Николай отчество Николаевич
2. Пол мужской 3. Год, число и м-ц рождения 4 апреля 1921г.
4. Место рождения г. Москва (село, деревня, город, район, область)
5. Национальность русский 6. Соц. происхождение отец – из мещан мать – из крестьян
7. Партийность чл. КПСС партстаж сентябрь 1943г (место и год вступления) партбилет № ~~00195002~~ 04809500 к/карточка Брянский фронт
8. Состоите ли членом ВЛКСМ, с какого времени и № билета
9. Образование высшее

Название учебного заведения и его местонахождение	Факультет или отделение	Год поступления	Год окончания или ухода	Если не окончил, то с какого курса ушел	Какую специальность получил в результате окончания учебного заведения, указать № диплома или удостоверения
Московский Государственный институт международных отношений МИД СССР	историко-международный	1945	1949	окончил	историк-международник, референт по США
Аспирантура при том же институте	кафедра истории	1949	1952	окончил	с защитой диссертации

Какими иностранными языками и языками народов СССР владеете английским – читаю
(читаете и переводите со словарем, читаете и можете объясниться, владеете свободно)
Ученая степень, ученое звание академик
Какие имеете научные труды и изобретения ~~член-корреспондент~~

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

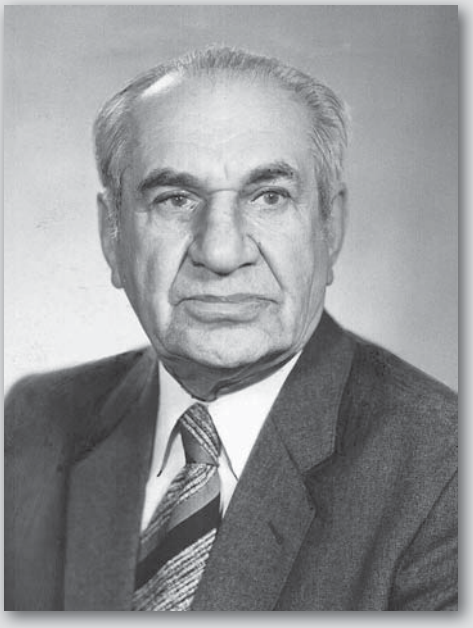
Личный листок
по учету кадров

1. Фамилия Любимова
имя Валентина отчество Васильевна
2. Пол жен. 3. Год, число и м-ц рождения 1908, 25 апреля
4. Место рождения г. Ленинград (село, деревня, город, район, область)
5. Национальность русская 6. Соц. происхождение 04810796
7. Партийность член КПСС партстаж Июнь 1944 (место и год вступления) партбилет № 00035573 к/карточка
8. Состоите ли членом ВЛКСМ, с какого времени и № билета ~~н~~ет
9. Образование высшее

Название учебного заведения и его местонахождение	Факультет или отделение	Год поступления	Год окончания или ухода	Если не окончил, то с какого курса ушел	Какую специальность получил в результате окончания учебного заведения, указать № диплома или удостоверения
Ленингр. гос. университет	экономич. отд. фак-та внешних сношений	1925	1929	окончил	экономист-международник
Стажировка в Ин-те мирового хозяйства и мир. политики (бывш. Ком. Акад.)		1939	1941	окончила	

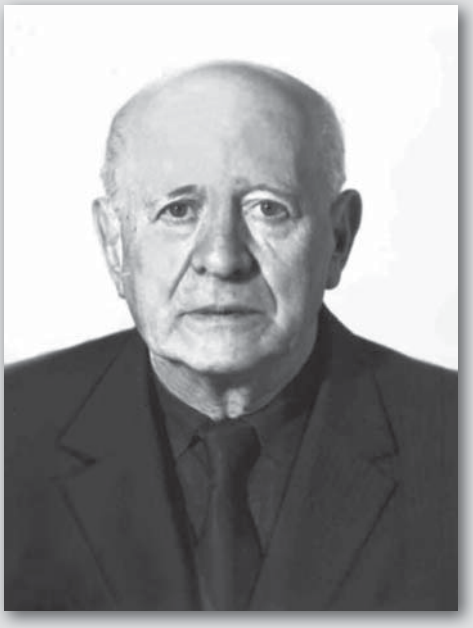
Какими иностранными языками и языками народов СССР владеете французским, английским, немецким.
(читаете и переводите со словарем, читаете и можете объясниться, владеете свободно)
Ученая степень, ученое звание доктор экономических наук, профессор
Какие имеете научные труды и изобретения Международные и валютно-финансовые отношения

Анкета
из Личного дела
В.В. Любимовой
(Архив ИМЭМО)



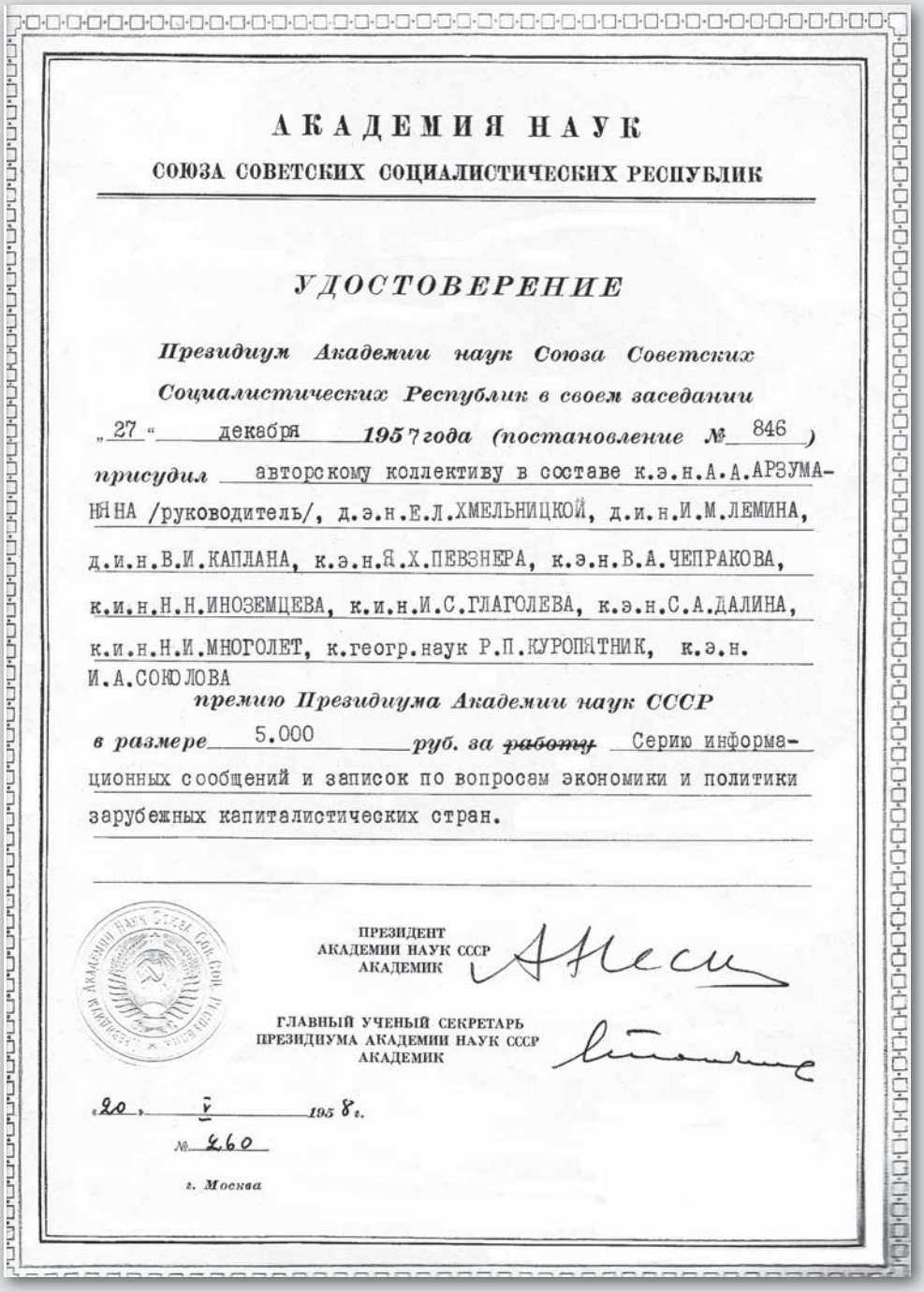
Доктор экономических наук С.А. Далин

Я.С. Хавинсон, главный редактор журнала «Мировая экономика и международные отношения»



Доктор исторических наук
В.И. Каплан (Лан)

Член-корреспондент РАН О.Н. Быков,
зам. директора ИМЭМО *(фото сер. 1980-х гг.)*



АКАДЕМИЯ НАУК

СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Президиум Академии наук Союза Советских Социалистических Республик в своем заседании

„27" декабря ***1957 года (постановление №*** 846 ***)***

присудил авторскому коллективу в составе к.э.н.А.А.АРЗУМАНЯНА /руководитель/, д.э.н.Е.Л.ХМЕЛЬНИЦКОЙ, д.и.н.И.М.ЛЕМИНА, д.и.н.В.И.КАПЛАНА, к.э.н.Я.Х.ПЕВЗНЕРА, к.э.н.В.А.ЧЕПРАКОВА, к.и.н.Н.Н.ИНОЗЕМЦЕВА, к.и.н.И.С.ГЛАГОЛЕВА, к.э.н.С.А.ДАЛИНА, к.и.н.Н.И.МНОГОЛЕТ, к.геогр.наук Р.П.КУРОПЯТНИК, к.э.н. И.А.СОКОЛОВА

премию Президиума Академии наук СССР

в размере 5.000 ***руб. за*** ~~***работы***~~ Серию информационных сообщений и записок по вопросам экономики и политики зарубежных капиталистических стран.

ПРЕЗИДЕНТ
АКАДЕМИИ НАУК СССР
АКАДЕМИК

ГЛАВНЫЙ УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ
ПРЕЗИДИУМА АКАДЕМИИ НАУК СССР
АКАДЕМИК

„20" V 1958 г.

№ 260

г. Москва

Постановление Президиума АН СССР
о премировании группы сотрудников ИМЭМО.
27 декабря 1957 г. *(Архив ИМЭМО)*

Сообщите т.Коуцкому, что в Москве рассмотрели предложение ЦК КПЧ о создании смешанной комиссии ученых ЧССР, СССР, ГДР и ПНР, занимающихся германской проблематикой. Передайте, что мы согласны с образованием такой комиссии, а также с тем, чтобы инициатором ее созыва выступил Институт международной политики и экономики в Праге.

В состав советской части указанной смешанной комиссии могут войти представители Института мировой экономики и международных отношений, Института истории, Института славяноведения Академии наук СССР, Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и журнала "Международная жизнь". Руководство советской частью в смешанной комиссии будет возложено на представителя Института мировой экономики и международных отношений АН СССР.

Телеграмма ЦК КПСС послу СССР в Чехословакии
о создании Постоянной комиссии ученых ЧССР, СССР, ГДР и ПНР. 1961 г.
(*Архив ИМЭМО)*

ЦК КПСС

Справка на №№ 42313 и 274829

Отделение экономических наук АН СССР (т.Арзуманян) и проф. А.С.Кудрявцев ставят вопрос о необходимости издания на русском языке книги американского ученого П.Самуэльсона "Экономика", которая является самым распространенным в капиталистических странах учебником политической экономии. Издание этой книги на русском языке предоставит советским экономистам возможность ознакомиться с новейшими концепциями буржуазной политической экономии, с теоретическими основами экономической политики буржуазных государств, в частности США, будет способствовать улучшению нашей критики современной буржуазной идеологии и экономической политики империализма.

Считаем целесообразным поддержать предложение об издании книги П.Самуэльсона на русском языке небольшим тиражом для научных библиотек.

Зам.председателя Государственного комитета Совета Министров СССР по печати т.Боголюбов К.М. сообщил, что издание этой книги поручено издательству "Прогресс".

Тт.Арзуманяну и Кудрявцеву сообщено.

Зам.зав.Идеологическим отделом ЦК КПСС (И.Удальцов)

Зав.сектором (Б.Украинцев)

Инициатива ИМЭМО об издании на русском языке книги
американского экономиста П. Самуэльсона «Экономика». Декабрь 1963 г.
(Архив ИМЭМО)

Редакция журнала «Мировая экономика и международные отношения»
(*фото сер. 1960-х гг.*)

АНУШАВАН АГАФОНОВИЧ АРЗУМАНЯН

18 июля 1965 года после тяжелой, продолжительной болезни скончался депутат Верховного Совета СССР, выдающийся ученый и крупный общественный деятель, академик **Анушаван Агафонович АРЗУМАНЯН.** В расцвете творческих сил оборвалась жизнь ученого с мировым именем, специалиста в области политической экономии, мирового хозяйства и международных отношений. Советская наука понесла тяжелую утрату.

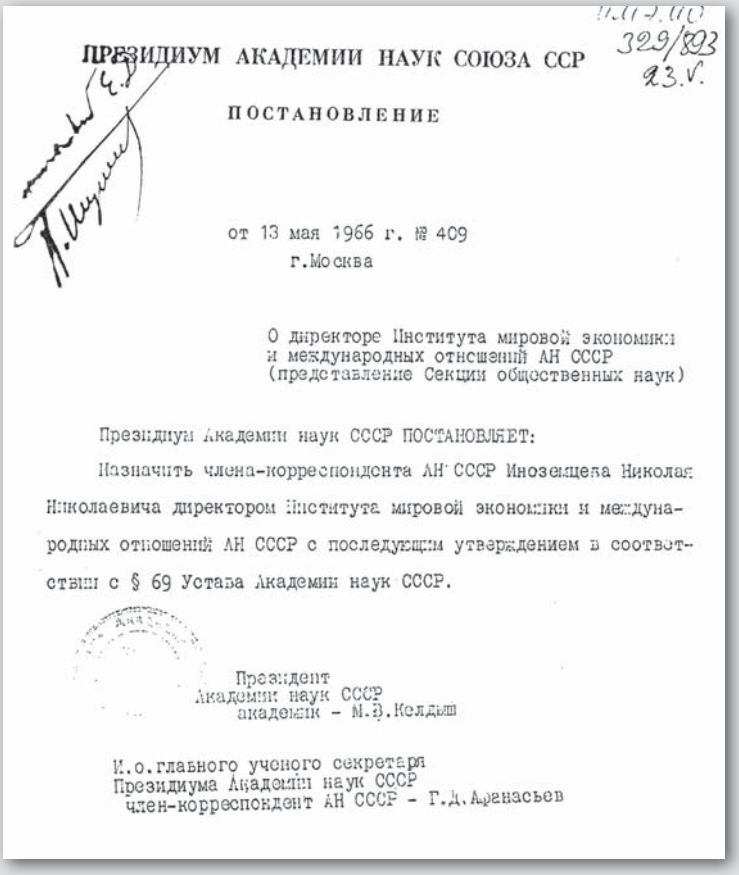
А. А. Арзуманян принадлежал к поколению, вся ...
связана с Коммунистической партией ... в нашей стране. Его жизнь и
строительством социа...

Агафонович Арзуманян отдал делу победы коммунизма в нашей стране. Его жизнь и деятельность — яркий пример беззаветного служения партии и народу.

Л. И. БРЕЖНЕВ, А. Н. КОСЫГИН, А. И. МИКОЯН, М. А. СУСЛОВ, П. Н. ДЕМИЧЕВ, Ю. В. АНДРОПОВ, Б. Н. ПОНОМАРЕВ, П. Ф. ЛОМАКО, К. Н. РУДНЕВ, М. В. КЕЛДЫШ, В. Ю. АХУНДОВ, Я. Н. ЗАРОБЯН, В. А. КИРИЛЛИН, А. М. РУМЯНЦЕВ, М. Д. МИЛЛИОНЩИКОВ, Н. Н. СЕМЕНОВ, П. Н. ФЕДОСЕЕВ, Е. М. ЖУКОВ, К. В. ОСТРОВИТЯНОВ, С. Г. СТРУМИЛИН, Н. П. ФЕДОРЕНКО, Н. Н. ИНОЗЕМЦЕВ, Л. С. ШАУМЯН, Г. А. АРЗУМАНЯН, В. А. ВИНОГРАДОВ, В. Я. АБОЛТИН, С. М. МЕНЬШИКОВ, В. И. СТРИГАЧЕВ, Т. Т. ТИМОФЕЕВ, Я. С. ХАВИНСОН, В. Г. СОЛОДОВНИКОВ, И. М. ЛЕМИН, ... В. М. ШУНДЕЕВ И ДРУГИЕ.

Некролог на смерть академика А.А. Арзуманяна, подписанный руководством ЦК КПСС, Совета министров и Президиума АН СССР. 18 июля 1965 г.

Доктор экономических наук М.М. Максимова
и академик А.Г. Милейковский (*фото сер. 1970-х гг.)*



ПРЕЗИДИУМ АКАДЕМИИ НАУК СОЮЗА ССР

329/893
23.V.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 13 мая 1966 г. № 409
г.Москва

О директоре Института мировой экономики
и международных отношений АН СССР
(представление Секции общественных наук)

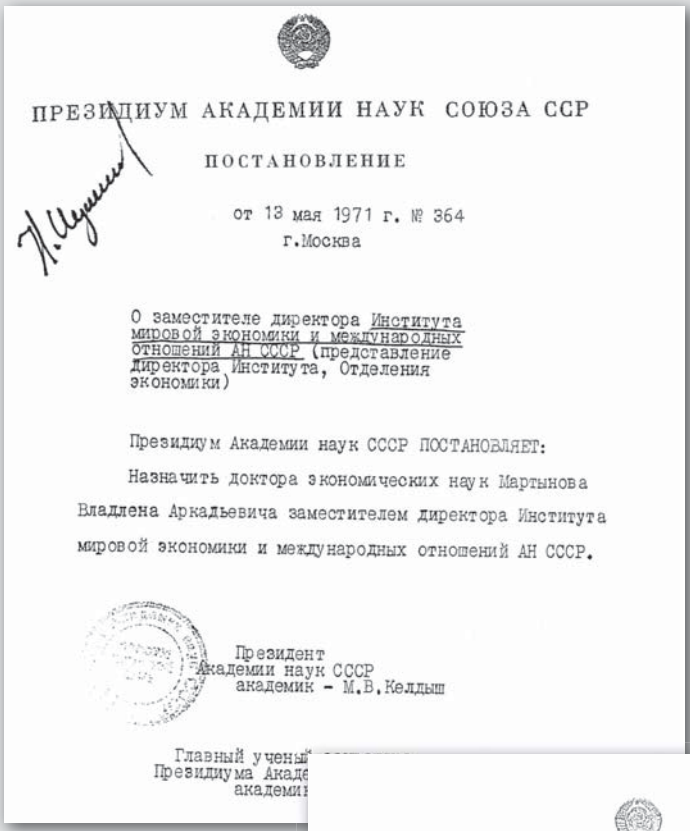
Президиум Академии наук СССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

Назначить члена-корреспондента АН СССР Иноземцева Николая Николаевича директором Института мировой экономики и международных отношений АН СССР с последующим утверждением в соответствии с § 69 Устава Академии наук СССР.

Президент
Академии наук СССР
академик - М.В.Келдыш

И.о.главного ученого секретаря
Президиума Академии наук СССР
член-корреспондент АН СССР - Г.Д.Афанасьев

Назначение Н.Н. Иноземцева директором ИМЭМО. Постановление
Президиума АН СССР от 13 мая 1966 г.
(Архив ИМЭМО)



ПРЕЗИДИУМ АКАДЕМИИ НАУК СОЮЗА ССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 13 мая 1971 г. № 364
г.Москва

О заместителе директора Института мировой экономики и международных отношений АН СССР (представление Директора Института, Отделения экономики)

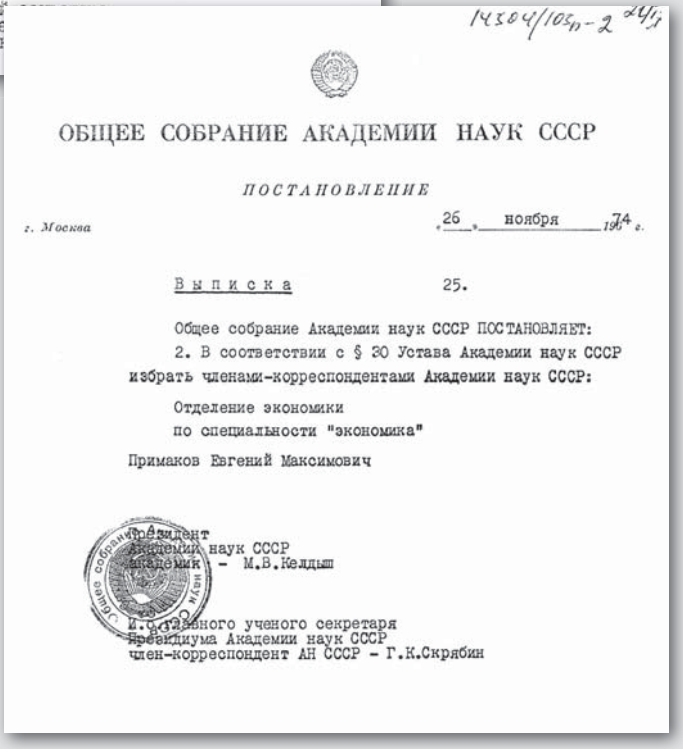
Президиум Академии наук СССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

Назначить доктора экономических наук Мартынова Владлена Аркадьевича заместителем директора Института мировой экономики и международных отношений АН СССР.

Президент
Академии наук СССР
академик - М.В.Келдыш

Главный ученый
Президиума Акаде
академи

Постановление Президиума АН СССР от 13 мая 1971 г. о назначении д.э.н. В.А. Мартынова заместителем директора ИМЭМО
(Архив ИМЭМО)



14504/105п-2 24/1

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. Москва «26» ноября 1974 г.

Выписка 25.

Общее собрание Академии наук СССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

2. В соответствии с § 30 Устава Академии наук СССР избрать членами-корреспондентами Академии наук СССР:

Отделение экономики
по специальности "экономика"

Примаков Евгений Максимович

Президент
Академии наук СССР
академик - М.В.Келдыш

И.о. главного ученого секретаря
Президиума Академии наук СССР
член-корреспондент АН СССР - Г.К.Скрябин

Избрание Е.М. Примакова членом-корреспондентом АН СССР.
26 ноября 1974 г.
(Архив ИМЭМО)

Ц К К П С С

На № 32158

Директор Института мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР тов.Иноземцев Н.Н. и директор Института Соединенных Штатов Америки Академии наук СССР тов.Арбатов Г.А. обратились в ЦК КПСС с предложением о проведении в 1973-1974гг. советско-американского симпозиума для обсуждения перспектив и возможных сфер сотрудничества в советско-американских отношениях, а также ряда других политических, экономических и международных проблем.

По предложению Отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС и Международного отдела ЦК КПСС проведение указанного советско-американского симпозиума включено в проект "Плана международных научно-технических связей Советского Союза с зарубежными странами на 1973г.", который будет представлен на утверждение в ЦК КПСС.

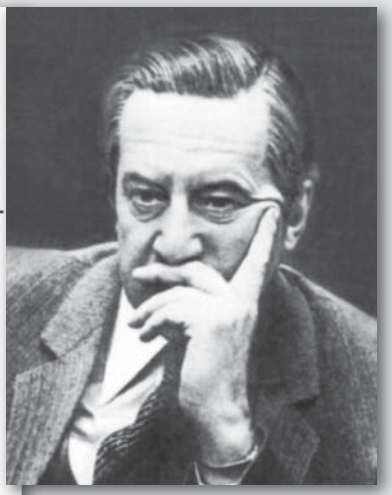
Т.т.Иноземцеву Н.Н. и Арбатову Г.А. сообщено.

Зам.зав.Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС
(И.Макаров)

Зам.зав.Международным отделом ЦК КПСС
(В.Шапошников)

"28" ноября 1972 года

320-А/11



Академик Н.Н. Иноземцев

Инициатива
Н.Н. Иноземцева
и Г.А. Арбатова
о налаживании контактов
с исследовательскими
центрами США
по вопросам экономики
и политики.
Записка ЦК КПСС.
28 ноября 1972 г.
(Архив ИМЭМО)

КОПИЯ

Секретно
экз. № 1

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

РАССЕКРЕЧЕНО

117901, ГСП, Москва, В-71, Ленинский просп., 14 Тел.: 237-69-62, 237-69-64

21 августа 1980г. № 02673/10107

На №

Ц К К П С С

ЦК КПСС
21.АВГ80 23028
ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ
В ОБЩИЙ ОТДЕЛ ЦК КПСС

О научном сотрудничестве Академии наук СССР с Национальной академией наук США

Академия наук СССР с 1959 года сотрудничает с Национальной академией наук США на основе межакадемического соглашения об обмене учеными, которое возобновляется раз в два года.

На переговорах между делегациями АН СССР и НАН США в апреле 1975 года в Москве было обусловлено подписать новое соглашение взамен старого, срок действия которого истекал 31 декабря 1975 года. Однако, ни в 1976 году, ни в последующие два года соглашение подписано не было по вине НАН США, которая ссылалась на трудности "внутреннего порядка". НАН США вплоть до октября 1978 года не давала согласия на проведение переговоров и подписание нового соглашения.

7 февраля 1979 года было подписано новое соглашение, получившее наименование "Соглашение о научном обмене и сотрудничестве между Академией наук СССР и Национальной академией наук США на 1979 и 1980 годы". Это соглашение открыло широкие возможности для проведения научных мероприятий, поездок ученых по приглашениям, для чтения лекций и научной работы. По согласию обеих сторон был введен принцип эквивалентного безвалютного обмена.

В начале 1980 года американская сторона в одностороннем порядке приостановила выполнение целого ряда межправительственных соглашений по науке и технике, а 24 февраля 1980 года Совет

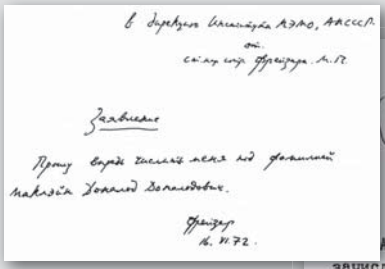
ИМЭМО в научном
сотрудничестве АН СССР
с Национальной
академией наук США.
Записка Президиума АН
СССР в ЦК КПСС
от 21 августа 1980 г.
(Архив ИМЭМО)

Л.И. Брежнев вручает Н.Н. Иноземцеву орден Ленина. 1975 г.

Н.Н. Иноземцев, Г.А. Арбатов и В.В. Загладин на даче Л.И. Брежнева в Завидово *(фото сер. 1970-х гг.)*

Подготовка документов к XXV съезду КПСС

В актовом зале ИМЭМО (*фото конца 1970-х гг.*



В дирекцию Института МЭМО, АН СССР
от
старш. науч. сотр. Фрейзера М.П.

Заявление

Прошу вернуть мне мое фамилий
Маклэйн Дональд Доналдович.

Фрейзер
6. IV. 72.

Дональд Маклэйн возвращает себе подлинные имя и фамилию. 1972 г. *(Архив ИМЭМО)*

РАССЕКРЕЧЕНО

КОПИЯ

В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КПСС

Академия наук СССР просит разрешения в порядке исключения зачислить М.П.Фрейзера, не имеющего ученой степени, на должность старшего научного сотрудника Института мировой экономики и международных отношений АН СССР с персональным окладом 400 рублей.

Тов.Фрейзер – шотландец, родился в 1913 году в Лондоне, окончил Кембриджский университет. С 1933 г. состоял членом Коммунистической партии Великобритании. В 1952 году приехал в Советский Союз и принял советское гражданство. В июне 1956 года принят в члены КПСС. В настоящее время т.Фрейзер работает консультантом в Отделе европейских капиталистических стран журнала "Международная жизнь". Он имеет глубокие знания в области экономики, внутренней и внешней политики Англии. Согласие редакции журнала "Международная жизнь" на его перевод в Институт мировой экономики и международных отношений АН СССР имеется.

Просьбу АН СССР поддерживает Государственный комитет безопасности.

Отдел науки, вузов и школ и Международный отдел ЦК КПСС поддерживают просьбу Академии наук СССР о зачислении т.Фрейзера в Институт мировой экономики и международных отношений АН СССР на должность старшего научного сотрудника с персональным окладом 400 рублей.

Просим согласия.

Прием на работу в ИМЭМО Дональда Маклэйна (М.П. Фрейзера). Записка ЦК КПСС с резолюцией Секретаря ЦК КПСС О.В. Куусинена. Апрель 1961 г.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Личный листок
по учету кадров

1. Фамилия Маклэйн
имя Дональд отчество Дональдович
2. Пол м 3. Год число и м-ц рождения 1913 25 мая
4. Место рождения Лондон, Англия
(село, деревня, город, район область)

5. Национальность шотландец 6. Соц. происхождение из служащих
7. Партийность чл КПСС партстаж с мая 1956 партбилет № 0613908
(место и год вступления) к карточка
8. Состоите ли членом ВЛКСМ, с какого времени и № билета нет
9. Образование высшее

Название учебного заведения и его местонахождение	Факультет или отделение	Год поступления	Год окончания или ухода	Если не окончил, то с какого курса ушел
Кэмбриджский университет Англия	исторический	1931	1933	

10. Какими иностранными языками и язык
французский (свободно), немецкий (
(читаете и переводите со словарем)

Приказ Е.М. Примакова
от 19 сентября 1974 г.
о зачислении на работу
в ИМЭМО
Дж. Блейка (Г.И. Бехтера).
(Архив ИМЭМО)

ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА № 522

ПО ИНСТИТУТУ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
АН СССР

г. Москва от 19 сентября 1974 г.

БЕХТЕРА Георгия Ивановича зачислить с 16 сентября 1974 г. в Отдел международных отношений на должность ИОО.научного сотрудника с окладом 190 рублей в месяц с последующей аттестацией.

ОСНОВАНИЕ: Разрешение През.АН СССР от 22.УШ.74г. № 10101-10105-330.

Анкета из Личного дела
Д. Маклэйна
(Архив ИМЭМО)

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Личный листок
по учету кадров

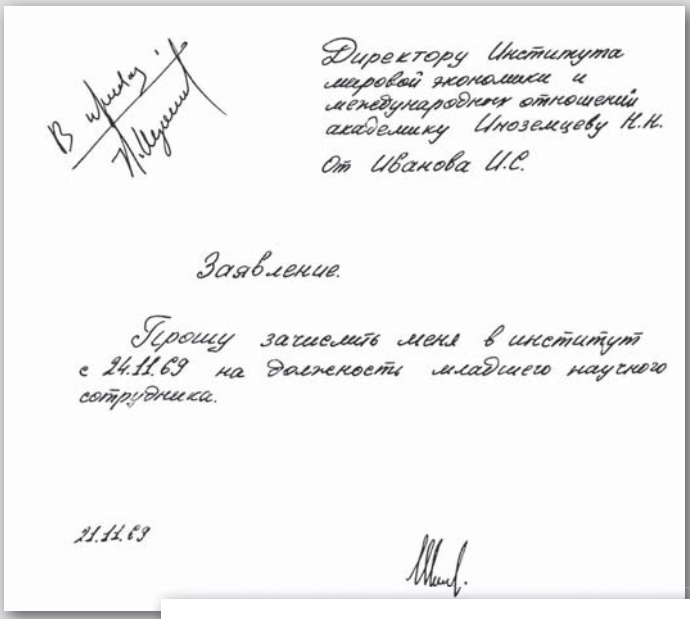
Фамилия Бехтер
имя Георгий отчество Иванович
Пол м 3. Год, число и м-ц рождения 1922 · 11 · XI
Место рождения Роттердам (Голландия)
(село, деревня, город, район область)

Национальность англичанка 6. Соц. происхождение служащий
Партийность — партстаж — партбилет № — канд. карт. №
(месяц и год вступления)
Состоите ли членом ВЛКСМ, с какого времени и № билета —
Образование Высшее

Название учебного заведения и его местонахождение	Факультет или отделение	Год поступления	Год окончания или ухода	Если не окончил, то с какого курса ушел	Какую специальность получил в результате окончания учебного заведения, указать № диплома или удостоверения
гимназия г. Роттердам		1935	1940		
Кембриджский университет	современных языков	1948	1951		бакалавр

Какими иностранными языками и языками народов СССР владеете английский
французский, немецкий, голландский
(читаете и переводите со словарем, читаете и можете объясниться, владеете свободно)

Анкета из Личного дела
Дж. Блейка (Г.И. Бехтера).
(Архив ИМЭМО)



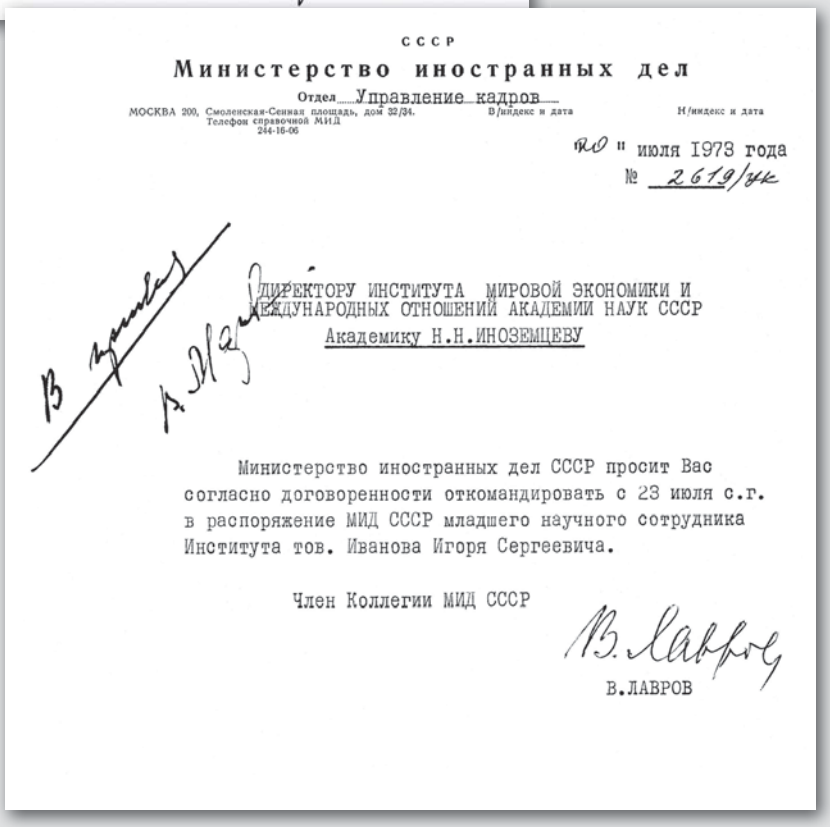
Директору Института
мировой экономики и
международных отношений
академику Иноземцеву Н.Н.
От Иванова И.С.

Заявление.

Прошу зачислить меня в институт
с 24.11.69 на должность младшего научного
сотрудника.

21.11.69

Заявление И.С. Иванова
о приеме на работу
в ИМЭМО.
Ноябрь 1969 г.
(Архив ИМЭМО)



СССР
Министерство иностранных дел

Отдел Управление кадров

МОСКВА 200, Смоленская-Сенная площадь, дом 32/34.
Телефон справочной МИД
244-16-06

В/индекс и дата

Н/индекс и дата

10 июля 1973 года
№ 2619/ук

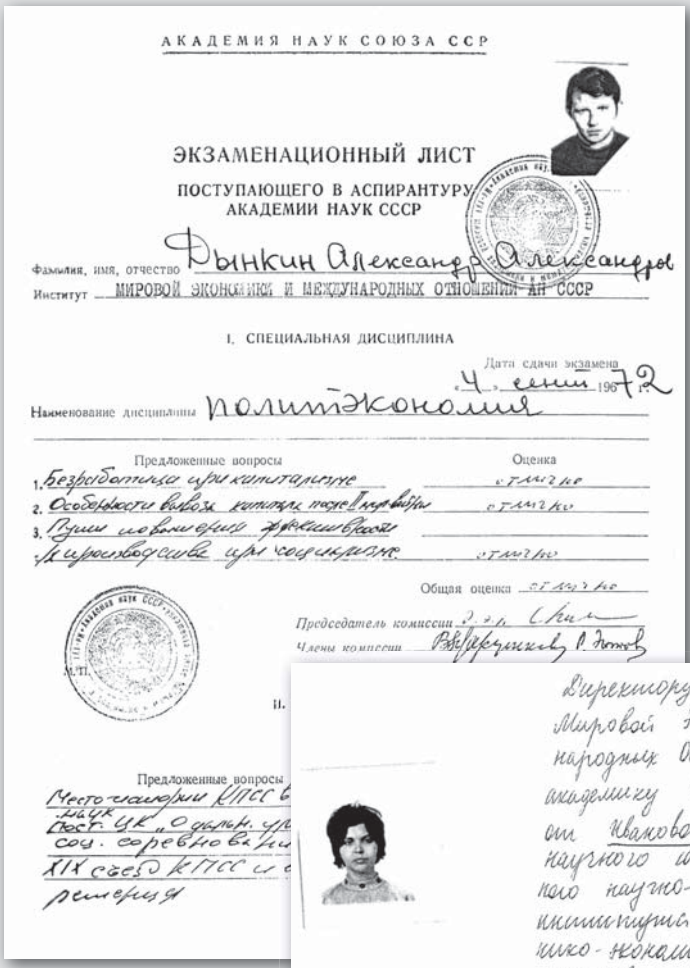
ДИРЕКТОРУ ИНСТИТУТА МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ АКАДЕМИИ НАУК СССР
Академику Н.Н.ИНОЗЕМЦЕВУ

Министерство иностранных дел СССР просит Вас
согласно договоренности откомандировать с 23 июля с.г.
в распоряжение МИД СССР младшего научного сотрудника
Института тов. Иванова Игоря Сергеевича.

Член Коллегии МИД СССР

В.ЛАВРОВ

И.С. Иванов переходит на работу в МИД СССР. Июль 1973 г.
(Архив ИМЭМО)



АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ЭКЗАМЕНАЦИОННЫЙ ЛИСТ

ПОСТУПАЮЩЕГО В АСПИРАНТУРУ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

Фамилия, имя, отчество Дынкин Александр Александрович

Институт МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ АН СССР

I. СПЕЦИАЛЬНАЯ ДИСЦИПЛИНА

Дата сдачи экзамена 4 июня 1972

Наименование дисциплины политэкономия

Предложенные вопросы	Оценка
1. Безработица при капитализме	отлично
2. Особенности вывоза капитала при империализме	отлично
3. Пути повышения эффективности	
производства при социализме	отлично

Общая оценка отлично

Председатель комиссии

Члены комиссии

М.П.

II.

Предложенные вопросы

Место партии КПСС в
науке
Пост. ЦК и о дальн. ур
соц. соревнования
XIX съезд КПСС и
решения

Будущие академики. Экзаменационная ведомость абитуриента ИМЭМО А.А. Дынкина. 1972 г. *(Архив ИМЭМО)*

Директору Института
Мировой экономики и Между-
народных отношений АН СССР
академику Иноземцеву Н.Н.
от Ивановой Н.И., младшего
научного сотрудника Централь-
ного научно-исследовательского
института информации и тех-
нико-экономических исследований
пищевой промышленности

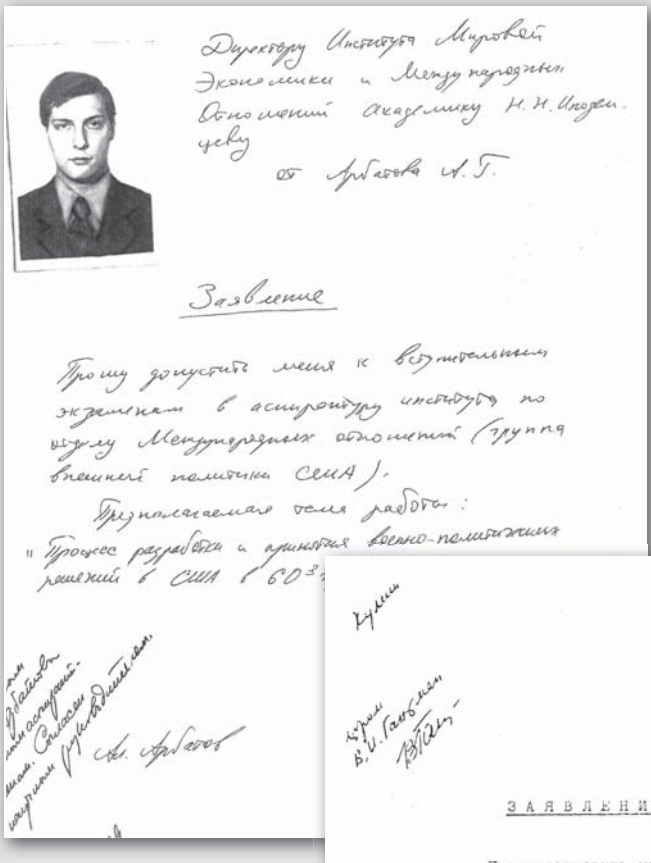
Заявление.

Прошу допустить меня к конкурсным
вступительным экзаменам в аспиранту-
ру ИМЭМО по лаборатории "Междуна-
родные экономические сопоставления".
Предполагаемая тема диссертационной
работы "Сопоставление экономической
эффективности функционирования продо-
вольственного комплекса в СССР и США".

Ивановой

25.04.73.

Будущие академики. Заявление Н.И. Ивановой о приеме в аспирантуру ИМЭМО. 1973 г. *(Архив ИМЭМО)*



Директору Института Мировой Экономики и Международных Отношений академику Н.Н. Иноземцеву

от Арбатова А.Г.

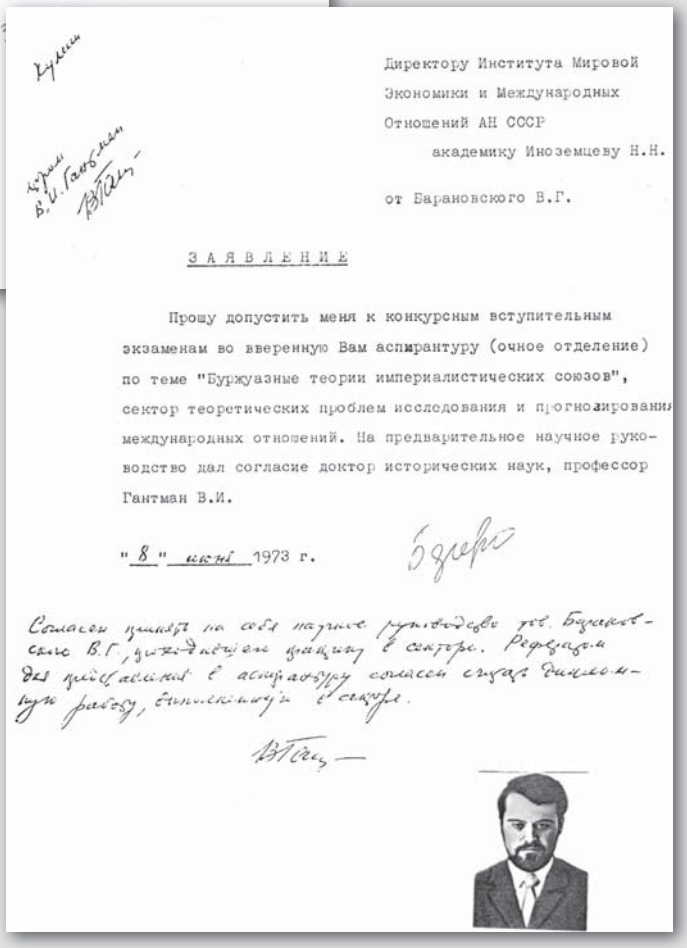
Заявление

Прошу допустить меня к вступительным экзаменам в аспирантуру института по кругу Международных отношений (группа внешней политики США).

Предполагаемая тема работы:

«Процесс разработки и принятия военно-политических решений в США в 60-х

Будущие академики. Заявление А.Г. Арбатова о приеме в аспирантуру ИМЭМО. *(Архив ИМЭМО)*



Директору Института Мировой Экономики и Международных Отношений АН СССР академику Иноземцеву Н.Н.

от Барановского В.Г.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошу допустить меня к конкурсным вступительным экзаменам во вверенную Вам аспирантуру (очное отделение) по теме "Буржуазные теории империалистических союзов", сектор теоретических проблем исследования и прогнозирования международных отношений. На предварительное научное руководство дал согласие доктор исторических наук, профессор Гантман В.И.

"8" июня 1973 г.

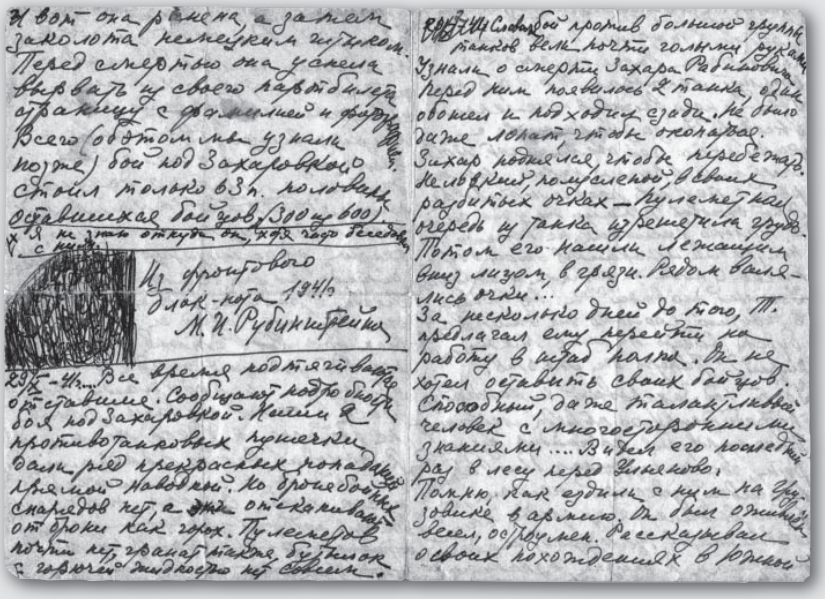
Согласен принять на себя научное руководство тов. Барановского В.Г., руководящего группой в секторе. Рекомендую его для поступления в аспирантуру согласен считать дипломную работу, выполненную в секторе.

Будущие академики. Заявление В.Г. Барановского о приеме в аспирантуру ИМЭМО. *(Архив ИМЭМО)*

Ветераны Великой Отечественной войны – сотрудники ИМЭМО
(фото, май 1970 г.)

Старшина-артиллерист
Н.Н. Иноземцев.
Июнь 1944 г.

М.И. Рубинштейн, доброволец Дивизии
народного ополчения Киевского района
г. Москвы. Июль 1941 г.



Фронтовой блокнот М.И. Рубинштейна. 1941 г.
(Архив ИМЭМО)

Фронтовик В.И. Юдинцев,
завхоз ИМЭМО

Стюарт Смит, ветеран Второго фронта,
командир роты в армии США.

Джордж Блейк, участник голландского Сопротивления, затем лейтенант Королевских ВМС Великобритании, позднее – сотрудник СИС

Ветераны ВОВ, сотрудники отдела международных отношений.
Слева направо: д.и.н. А.Д. Никонов, к.э.н. З.В. Литвин, к.в.н. М.С. Шмелев
(фото, май 1985 г.)

Н.Н. Иноземцев с группой сотрудников ИМЭМО, участников ВОВ
(фото, май 1980 г.)

Секретарь парткома ИМЭМО В.Н. Шенаев и ученый секретарь ИМЭМО
Л.С. Воронков (в центре) с ветеранами ВОВ.
Г.С. Акопян, Б.Н. Добровинский, А.Р. Астафьев и А.Н. Никонов *(фото, май 1980 г.)*

Ветераны ВОВ. Слева направо: д.и.н. Д.Г. Томашевский, к.и.н. Ю.А. Костко,
д.и.н. Д.М. Проэктор, Дж. Блейк, к.в.н. М.С. Шмелев *(фото, май 1980 г.)*

П.П. Черкасов с ветеранами ВОВ – Стюартом Смитом *(слева)* и Д.Е. Меламидом *(справа)*
(фото, май 1985 г.)

Группа сотрудников ИМЭМО перед отъездом в экскурсионную поездку.
На переднем плане слева – М. Выдро, организатор экскурсий *(фото, начало 1980-х гг.)*

Группа сотрудников ИМЭМО на Пискаревском кладбище в Ленинграде
(фото, лето 1988 г.)

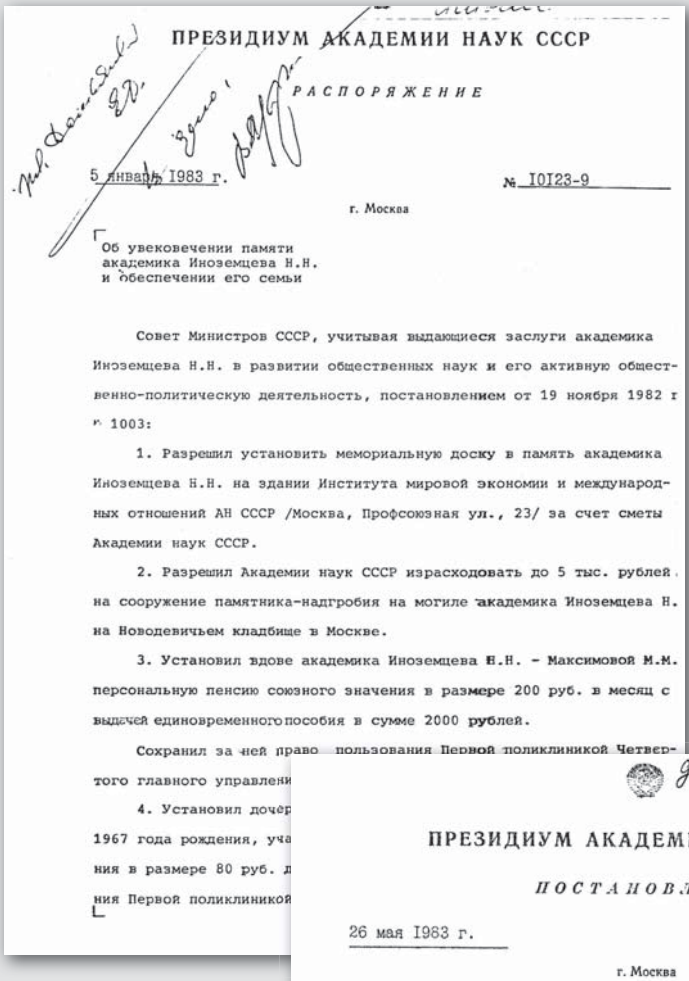
Группа сотрудников ИМЭМО на экскурсии в г. Таллине (Эстония)
(фото, начало 1980-х гг.)

На «Ленинском субботнике». *Слева направо:* к.и.н. Н.Г. Федулова, д.и.н. Д.Г. Томашевский, к.и.н. И.П. Шадрина *(фото, апрель 1984 г.)*

Уборка территории
вокруг ИМЭМО.
«Ленинский субботник»
(фото, апрель 1984 г.)

«Корпоратив» в отделе международных отношений *(фото сер. 1980-х гг.)*

В читальном зале ИМЭМО (*фото начала 1980-х гг.)*



ПРЕЗИДИУМ АКАДЕМИИ НАУК СССР

РАСПОРЯЖЕНИЕ

5 января 1983 г. № I0I23-9

г. Москва

Об увековечении памяти академика Иноземцева Н.Н. и обеспечении его семьи

Совет Министров СССР, учитывая выдающиеся заслуги академика Иноземцева Н.Н. в развитии общественных наук и его активную общественно-политическую деятельность, постановлением от 19 ноября 1982 г. № 1003:

1. Разрешил установить мемориальную доску в память академика Иноземцева Н.Н. на здании Института мировой экономии и международных отношений АН СССР /Москва, Профсоюзная ул., 23/ за счет сметы Академии наук СССР.

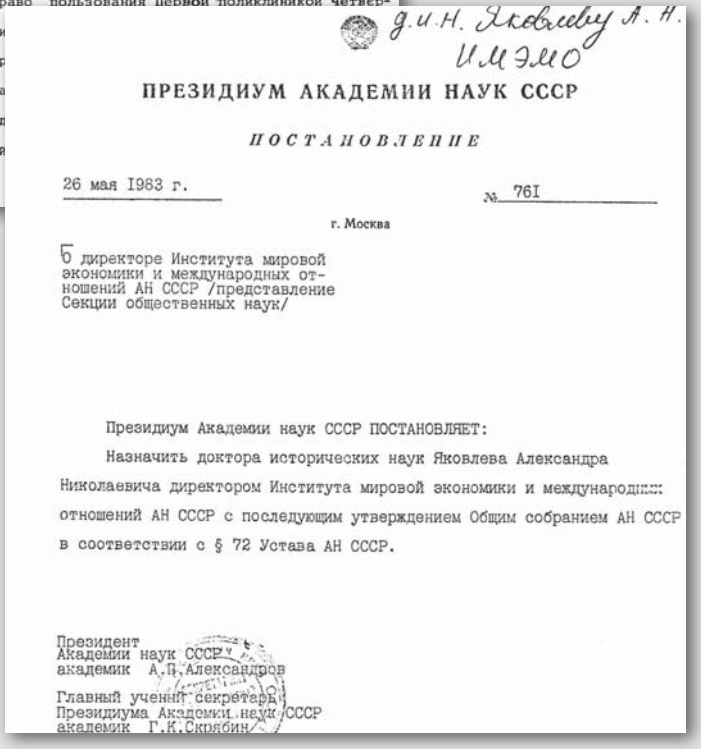
2. Разрешил Академии наук СССР израсходовать до 5 тыс. рублей на сооружение памятника-надгробия на могиле академика Иноземцева Н. на Новодевичьем кладбище в Москве.

3. Установил вдове академика Иноземцева Н.Н. – Максимовой М.М. персональную пенсию союзного значения в размере 200 руб. в месяц с выдачей единовременного пособия в сумме 2000 рублей.

Сохранил за ней право пользования Первой поликлиникой Четвертого главного управлени

4. Установил дочер
1967 года рождения, уча
ния в размере 80 руб. д
ния Первой поликлиникой

Распоряжение Президиума АН СССР от 5 января 1983 г. об увековечивании памяти академика Н.Н. Иноземцева. Фрагмент. *(Архив ИМЭМО)*



д.и.н. Яковлеву А.Н.
ИМЭМО

ПРЕЗИДИУМ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

26 мая I983 г. № 76I

г. Москва

О директоре Института мировой экономики и международных отношений АН СССР /представление Секции общественных наук/

Президиум Академии наук СССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

Назначить доктора исторических наук Яковлева Александра Николаевича директором Института мировой экономики и международных отношений АН СССР с последующим утверждением Общим собранием АН СССР в соответствии с § 72 Устава АН СССР.

Президент
Академии наук СССР
академик А.П.Александров

Главный ученый секретарь
Президиума Академии наук СССР
академик Г.К.Скрябин

Постановление Президиума АН СССР о назначении А.Н. Яковлева директором ИМЭМО. 26 мая 1983 г. *(Архив ИМЭМО)*

ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА № 642

по Институту мировой экономики и международных отношений АН СССР

г. Москва от" 16 " августа 1983 г

Приступил к исполнению обязанностей директора Института мировой экономики и международных отношений с 18 августа 1983 г. с окладом согласно штатному расписанию.

Основание: Постановление Президиума АН СССР от 26.У.83 г.№ 761.

Директор Института
д.и.н.,профессор А.Н.Яковлев

Приказ А.Н. Яковлева о вступлении в должность директора ИМЭМО. 16 августа 1983 г. *(Архив ИМЭМО)*

...Т МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
АКАДЕМИИ НАУК С С С Р

С Т Е Н О Г Р А М М А

...седания Ученого совета ИМЭМО АН СССР

3 октября 1984 года

Содержание:

1. Выдвижение тов.Яковлева А.Н. в члены-корреспонденты АН СССР по специальности "Мировая экономика и международные отношения".
2. Доклад д.э.н. В.М.Усоскина "Проблемы развития сферы услуг в США".
3. Конкурс и аттестация научных сотрудников.

Титульный лист стенограммы заседания Ученого совета ИМЭМО о выдвижении А.Н. Яковлева в члены-корреспонденты АН СССР. 3 октября 1984 г. *(Архив ИМЭМО)*

СПРАВКА

Тов. ЯКОВЛЕВ Александр Николаевич

С 1983 г. работает директором Института мировой экономики и международных отношений АН СССР

Дата рождения 2 декабря 1923 г.

Место рождения д.Кородево, Ярославского р-на, Ярославской области

Национальность русский

Член КПСС с окт. 1944 г. г. Партбилет (м-ц. год)

№ 00000051

Образование высшее

Специальность по образованию Историк-международник

Окончил (что, когда) Ярославский пединститут – 1946 г. Академия общественных наук при ЦК КПСС – 1960 г.

Ученая степень, звание доктор исторических наук, профессор

Какими иностранными языками владеет английский

Имеет ли партвзыскания (какие, когда наложены, кем и за что) не имеет

Был ли за границей (где, когда) ГДР, США, ВНР, Англия, Чехословакия, Финляндия, Болгария, ФРГ, Италия, Франция, Канада

Имеет ли правительственные награды, премии (какие, год награждения)
Орден Красной Звезды – 1947 г.; три ордена Трудового Красного Знамени – 1962 г., 1967 г., 1981 г.; орден Октябрьской революции –1971 г. и медали

Является ли депутатом Верховного Совета, членом бюро обкома, крайкома, ЦК Компартии союзной республики (какого) не является

РАБОТА В ПРОШЛОМ

1941–1943 гг. – Курсант 2-го Ленинградского стрелково-пулеметного училища, командир взвода 6-ой бригады морской пехоты, госпиталь 1539 – г.Глазов, Удмуртской ССР, Волховский фронт, г.Сокол Вологодской области.

1943–1943 гг. – Находился на инвалидности после ранений, пос.Красные Ткачи, Ярославской области.

1943–1945 гг. – Студент Ярославского пединститута, г.Ярославль.

1945–1946 гг. – Слушатель Высшей партийной школы при ЦК КПСС г.Москва.

1946–1948 гг. – Инструктор Ярославского обкома КПСС, г.Ярославль.

1948–1950 гг. – Заведующий отделом, член редколлегии областной газеты "Северный рабочий", г.Ярославль.

1950–1951 гг. – Заместитель заведующего Отделом пропаганды и агитации Ярославского обкома КПСС, г.Ярославль.

Анкетная справка из Личного дела А.Н. Яковлева *(Архив ИМЭМО)*

На переднем плане
слева направо:
д.ю.н. Г.И. Морозов,
член-корреспондент
АН СССР А.Н. Яковлев,
академик Е.М. Примаков,
д.э.н. М.М. Максимова
(фото 1985 г.)

ПРЕЗИДИУМ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

31 октября 1985 г. № 1203

г. Москва

О директоре Института мировой экономики и международных отношений АН СССР /предоставление Секции общественных наук/

Президиум Академии наук СССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

Назначить академика Примакова Евгения Максимовича директором Института мировой экономики и международных отношений АН СССР с последующим утверждением в соответствии с § 72 Устава Академии наук СССР, освободив его от обязанностей директора Института востоковедения АН СССР.

Президент
Академии наук СССР
академик Г.Александров

Главный ученый секретарь
Президиума Академии наук СССР
академик [illegible] Троябин

Постановление Президиума АН СССР о назначении академика Е.М. Примакова директором ИМЭМО. 31 октября 1985 г. *(Архив ИМЭМО)*

Директор ИМЭМО
академик Е.М. Примаков

Возвращение
Г.Г. Дилигенского
в ИМЭМО.
Приказ Е.М. Примакова
от 12 мая 1987 г.
(Архив ИМЭМО)

ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА № 466

по Институту мировой экономики и международных отношений АН СССР

г. Москва от " I2 " мая I9 87г.

Д.и.н. Дилигенского Германа Германовича (I930 г. рожд.) назначить с I2 мая I987 г. и.о. зав. сектором Отдела социальных и внутриполитических проблем развитых капиталистических стран в порядке перевода из ИМРД АН СССР с окладом 500 рублей в месяц с последующей аттестацией.

Директор Института
академик Е.М.Примаков

Выписка верна: Иван

Анкета
из Личного дела
Г.Г. Дилигенского.
(Архив ИМЭМО)

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Личный листок по учету кадров

1. Фамилия Дилигенский
имя Герман отчество Германович
2. Пол м 3. Год, число и м-ц рождения 1930, 22 февраля
4. Место рождения г. Москва
(село, деревня, город, район область)

5. Национальность русский 6. Соц. происхождение из служащих
7. Партийность ч. КПСС партстаж мая 1959 партбилет №04810800 канд. карт. №
(месяц и год вступления)
8. Состоите л ичленом ВЛКСМ, с какого времени и № билета не состоял
9. Образование высшее

Название учебного заведения и его местонахождение	Факультет или отделение	Год поступления	Год окончания или ухода	Если не окончил, то с какого курса ушел	Какую специальность получил в результате окончания учебного заведения, указать № диплома или удостоверения
МГУ им. Ломоносова, Москва	Филолог.	1947	1948	со 2-го	
МГУ им. Ломоносова, Москва	Историч.	1948	1952		историк диплом ИВ №313299

10. Какими иностранными языками и языками народов СССР владеете свободно — французский — сносно, читаю и могу объясниться — английский и немецкий
(читаете и переводите со словарем, читаете и можете объясниться, владеете свободно)
11. Ученая степень, ученое звание доктор исторических наук, профессор
12. Какие имеете научные труды и изобретения 4 монографии, более 50 статей в научных журналах и глав в коллективных монографиях

Доктор экономических наук
С.Е. Благоволин

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 49

заседания партийного комитета Института мировой
и международных отношений Академии наук ССС

от 21

Присутствовали: Благоволин С.Е., Бугров Е.В., Вартанов Р.В., Василевский Э.К., Володин Л.Н., Карабашкин А.М., Королев И.С., Мартынов В.А., Примаков Е.М., Хлыстов А.Н.

Повестка дня:

2. Об установлении персональной пенсии союзного значения члену КПСС с декабря 1918 г. Хавинсону Якову Семеновичу

П.СЛУШАЛИ: Об установлении персональной пенсии союзного значения тов.Хавинсону Якову Семеновичу (докладывает секретарь парткома С.Е.Благоволин).

Тов.Хавинсон Я.С., 1901 года рождения, член КПСС с декабря 1918 года, с января 1957 года работает главным редактором журнала "Мировая экономика и международные отношения". Награжден орденами Ленина, Октябрьской революции, двумя орденами Трудового Красного знамени, Красной Звезды, Знак почета и медалями СССР.

ПОСТАНОВИЛИ: Ходатайствовать перед Севастопольским РК КПСС об установлении персональной пенсии союзного значения члену КПСС с декабря 1918 года Хавинсону Якову Семеновичу.

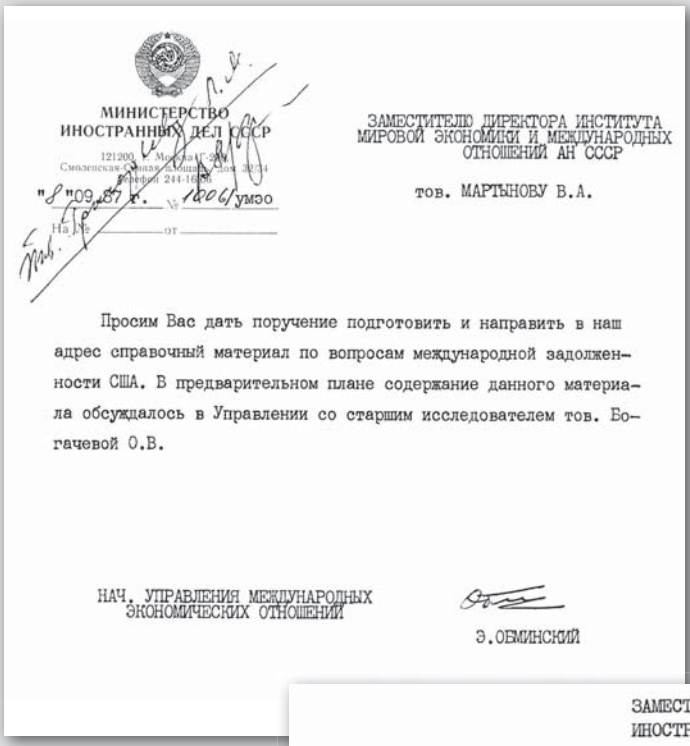
За данное постановление голосовали - единогласно.

Выписка верна:

Секретарь парткома ИМЭМО АН СССР С.Е.Благоволин

28.08.1987

Постановление парткома ИМЭМО от 28 августа 1987 г.
о назначении персональной пенсии союзного значения Я.С. Хавинсону
(Архив ИМЭМО)



МИНИСТЕРСТВО
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР

121200, Москва Г-200
Смоленская Сенная площадь, дом 32/34
Телефон 244-16-06

"8" 09.87 г. № 12061/умэо
На № от

ЗАМЕСТИТЕЛЮ ДИРЕКТОРА ИНСТИТУТА
МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ АН СССР

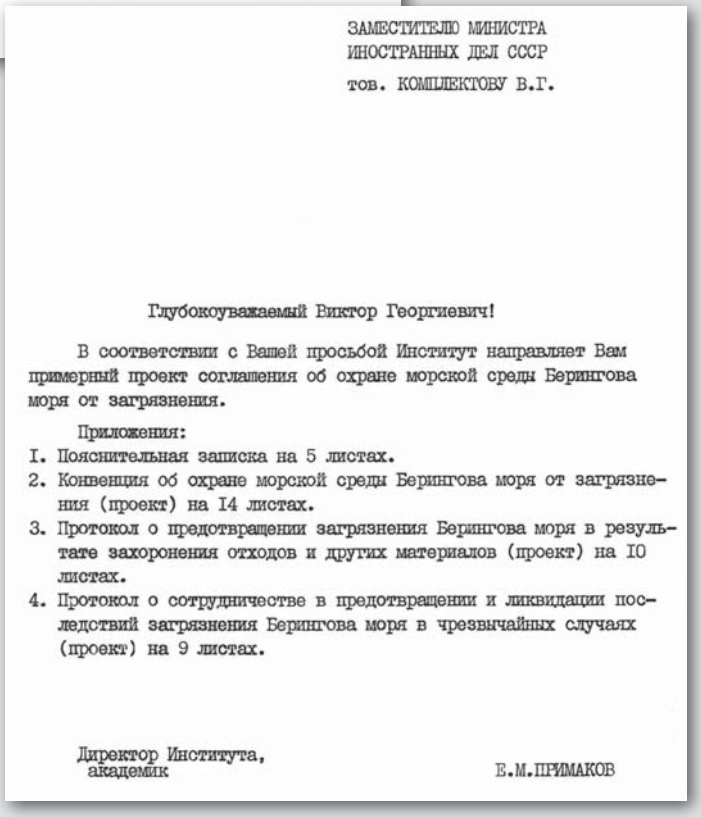
тов. МАРТЫНОВУ В.А.

Просим Вас дать поручение подготовить и направить в наш адрес справочный материал по вопросам международной задолженности США. В предварительном плане содержание данного материала обсуждалось в Управлении со старшим исследователем тов. Богачевой О.В.

НАЧ. УПРАВЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Э.ОБМИНСКИЙ

Запрос МИД СССР
в ИМЭМО.
8 сентября 1987 г.
(Архив ИМЭМО)



ЗАМЕСТИТЕЛЮ МИНИСТРА
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР

тов. КОМПЛЕКТОВУ В.Г.

Глубокоуважаемый Виктор Георгиевич!

В соответствии с Вашей просьбой Институт направляет Вам примерный проект соглашения об охране морской среды Берингова моря от загрязнения.

Приложения:

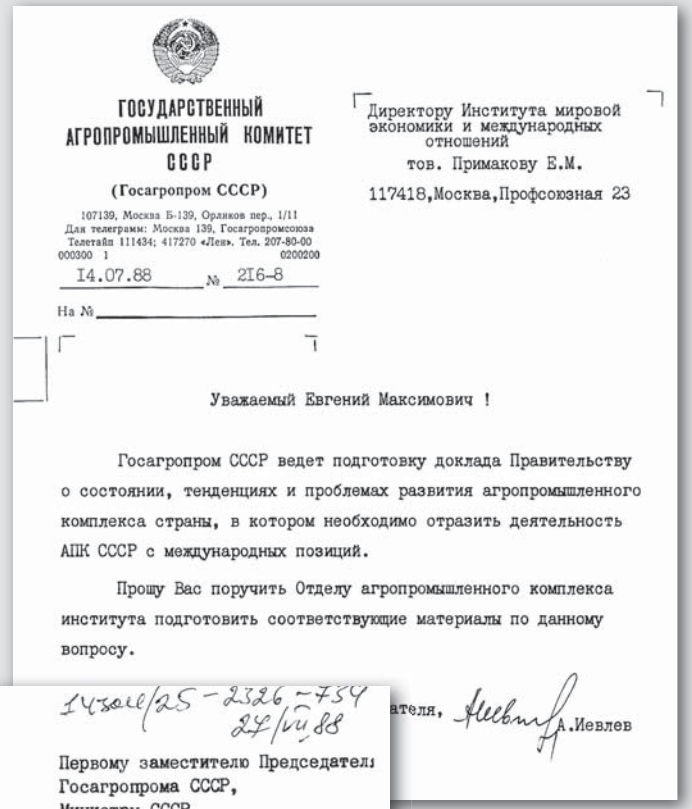
1. Пояснительная записка на 5 листах.
2. Конвенция об охране морской среды Берингова моря от загрязнения (проект) на 14 листах.
3. Протокол о предотвращении загрязнения Берингова моря в результате захоронения отходов и других материалов (проект) на 10 листах.
4. Протокол о сотрудничестве в предотвращении и ликвидации последствий загрязнения Берингова моря в чрезвычайных случаях (проект) на 9 листах.

Директор Института,
академик

Е.М.ПРИМАКОВ

Титульный лист
записки ИМЭМО
в МИД СССР
по вопросу охраны
морской среды
Берингова моря
от загрязнения.
Январь 1987 г.
(Архив ИМЭМО)

Запрос Госагропрома СССР в ИМЭМО. 14 июля 1988 г. *(Архив ИМЭМО)*



ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АГРОПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМИТЕТ СССР

(Госагропром СССР)

107139, Москва Б-139, Орликов пер., 1/11
Для телеграмм: Москва 139, Госагропромсоюза
Телетайп 111434; 417270 «Лен». Тел. 207-80-00
000300 1 0200200

14.07.88 № 216-8

На №

Директору Института мировой экономики и международных отношений
тов. Примакову Е.М.
117418,Москва,Профсоюзная 23

Уважаемый Евгений Максимович !

Госагропром СССР ведет подготовку доклада Правительству о состоянии, тенденциях и проблемах развития агропромышленного комплекса страны, в котором необходимо отразить деятельность АПК СССР с международных позиций.

Прошу Вас поручить Отделу агропромышленного комплекса института подготовить соответствующие материалы по данному вопросу.

14-3011/25-2326-754
27/VII 88

ателя, А.Иевлев

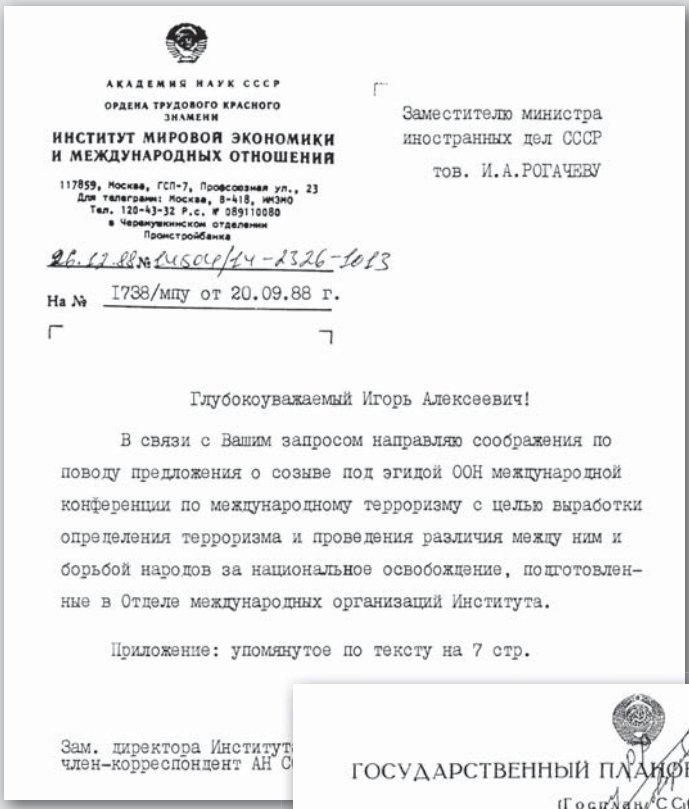
Первому заместителю Председателя
Госагропрома СССР,
Министру СССР
тов. Иевлеву А.И.
107139,Москва,Орликов пер., 1/11

Уважаемый Александр Иванович!

Направляю Вам материал "Основные проблемы развития АПК СССР (с учетом опыта функционирования продовольственного комплекса США)", подготовленный по Вашей просьбе отделом АПК Института.

Директор Института,
академик Е.М. Примаков

Титульный лист записки ИМЭМО в Госагропром СССР. 27 июля 1988 г. *(Архив ИМЭМО)*



АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

117859, Москва, ГСП-7, Профсоюзная ул., 23
Для телеграмм: Москва, В-418, ИНЭМО
Тел. 120-43-32 Р.с. № 089110080
в Черемушкинском отделении
Промстройбанка

26.12.88 № 14504/14-2326-1013

На № I738/мпу от 20.09.88 г.

Заместителю министра
иностранных дел СССР
тов. И.А.РОГАЧЕВУ

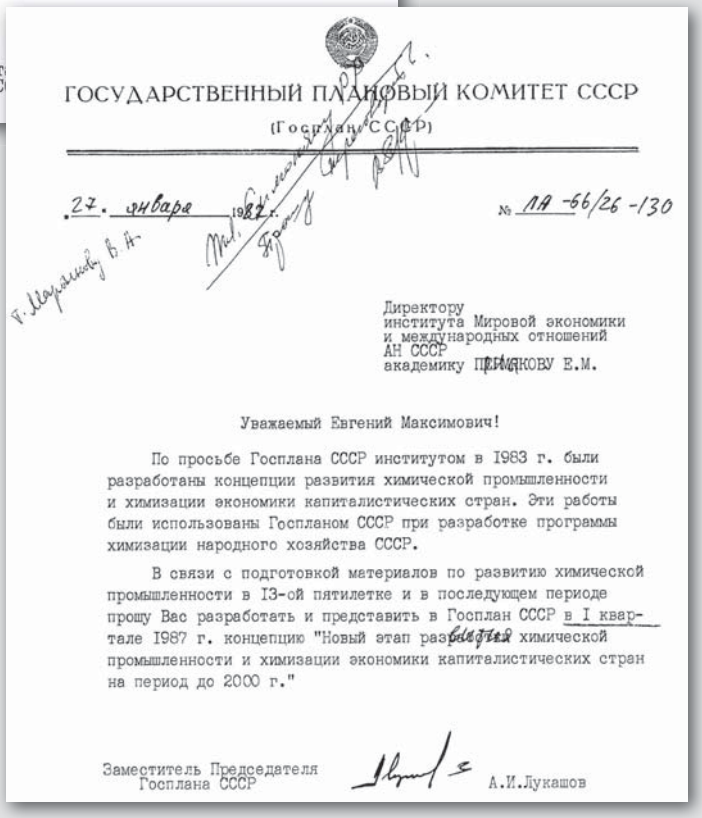
Глубокоуважаемый Игорь Алексеевич!

В связи с Вашим запросом направляю соображения по поводу предложения о созыве под эгидой ООН международной конференции по международному терроризму с целью выработки определения терроризма и проведения различия между ним и борьбой народов за национальное освобождение, подготовленные в Отделе международных организаций Института.

Приложение: упомянутое по тексту на 7 стр.

Зам. директора Институт
член-корреспондент АН С

Предложения ИМЭМО в МИД СССР по вопросу борьбы с международным терроризмом. 26 декабря 1988 г. Фрагмент. *(Архив ИМЭМО)*



ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЛАНОВЫЙ КОМИТЕТ СССР
(Госплан СССР)

27. января 1987 г. № ЛА-66/26-130

Директору
института Мировой экономики
и международных отношений
АН СССР
академику ПРИМАКОВУ Е.М.

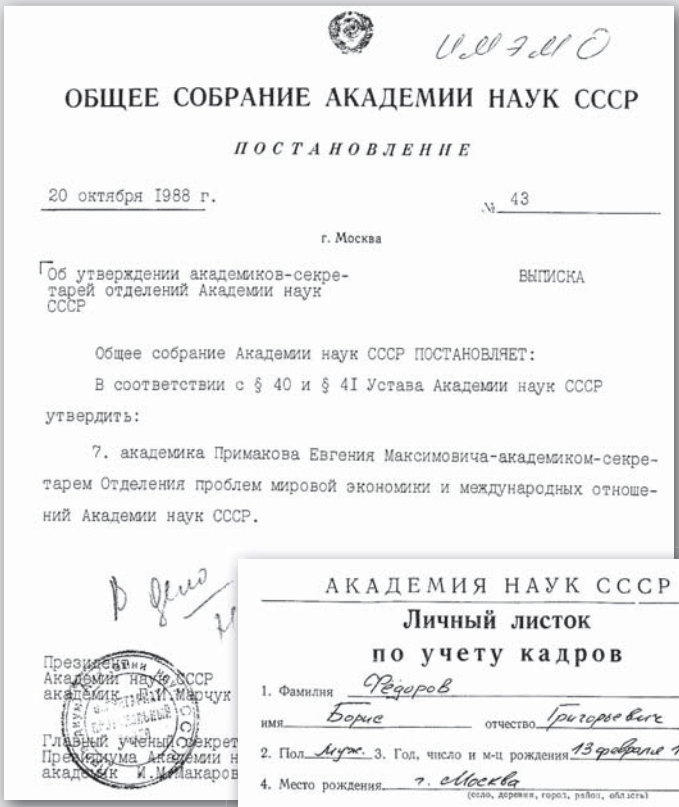
Уважаемый Евгений Максимович!

По просьбе Госплана СССР институтом в 1983 г. были разработаны концепции развития химической промышленности и химизации экономики капиталистических стран. Эти работы были использованы Госпланом СССР при разработке программы химизации народного хозяйства СССР.

В связи с подготовкой материалов по развитию химической промышленности в 13-ой пятилетке и в последующем периоде прошу Вас разработать и представить в Госплан СССР в I квартале 1987 г. концепцию "Новый этап развития химической промышленности и химизации экономики капиталистических стран на период до 2000 г."

Заместитель Председателя
Госплана СССР А.И.Лукашов

Запрос Госплана СССР в ИМЭМО о подготовке материалов по развитию химической промышленности в 13-й пятилетке. 27 января 1987 г. *(Архив ИМЭМО)*



ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

20 октября 1988 г. № 43

г. Москва

Об утверждении академиков-секретарей отделений Академии наук СССР

ВЫПИСКА

Общее собрание Академии наук СССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

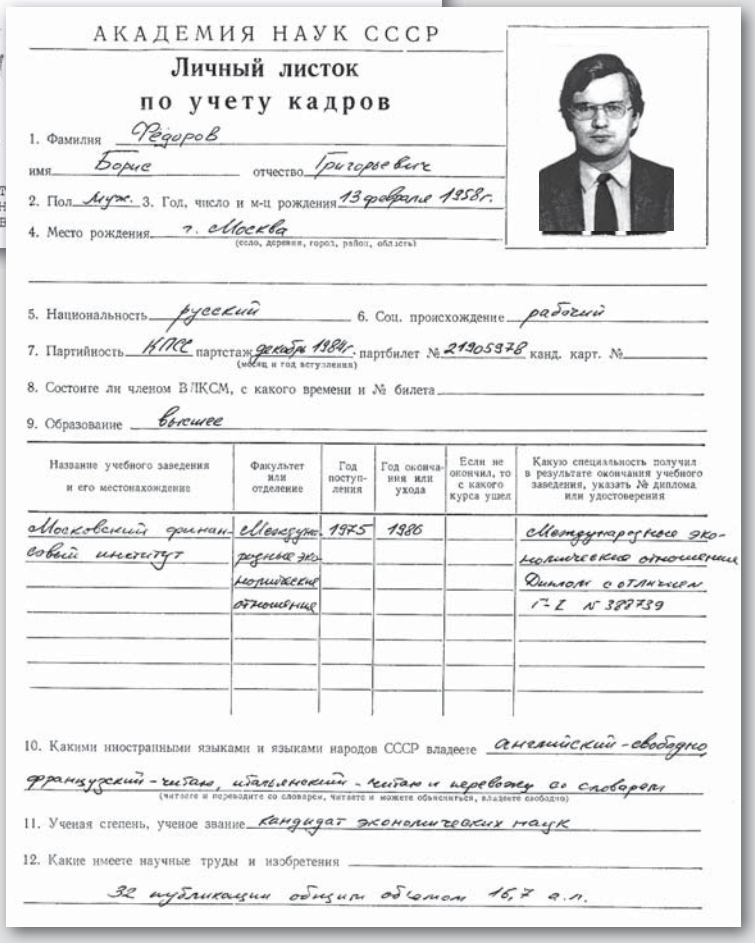
В соответствии с § 40 и § 41 Устава Академии наук СССР утвердить:

7. академика Примакова Евгения Максимовича-академиком-секретарем Отделения проблем мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР.

Президиум Академии наук СССР
академик Г.И. Марчук

Главный ученый секретарь Президиума Академии наук
академик И. Макаров

Постановление Общего собрания АН СССР от 20 октября 1988 г. об утверждении Е.М. Примакова академиком-секретарем Отделения проблем мировой экономики и международных отношений
(Архив ИМЭМО)



АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Личный листок по учету кадров

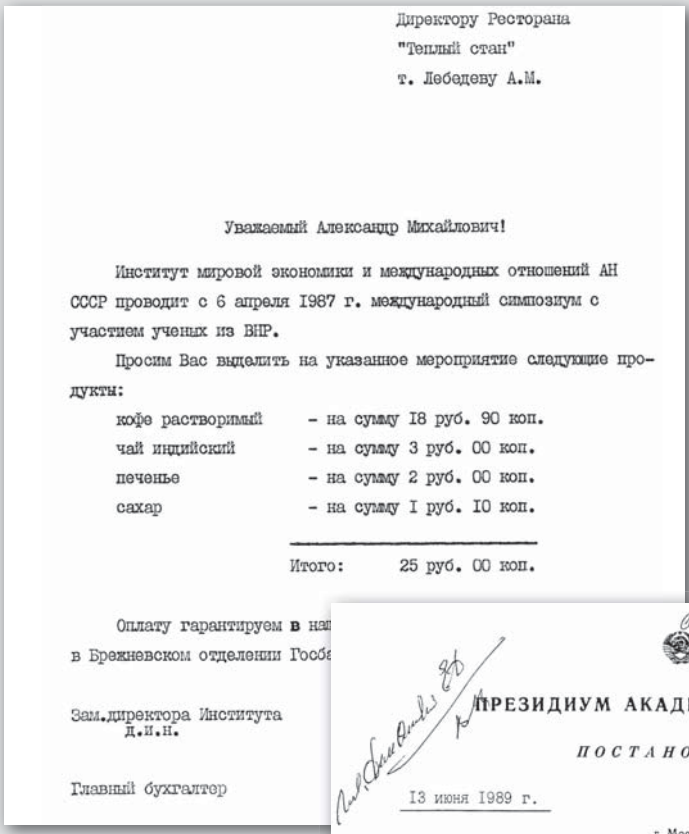
1. Фамилия Федоров
имя Борис отчество Григорьевич
2. Пол муж. 3. Год, число и м-ц рождения 13 февраля 1958 г.
4. Место рождения г. Москва
(село, деревня, город, район, область)

5. Национальность русский 6. Соц. происхождение рабочий
7. Партийность КПСС партстаж декабрь 1984 г. партбилет № 21905378 канд. карт. №
(месяц и год вступления)
8. Состоите ли членом ВЛКСМ, с какого времени и № билета
9. Образование высшее

Название учебного заведения и его местонахождение	Факультет или отделение	Год поступления	Год окончания или ухода	Если не окончил, то с какого курса ушел	Какую специальность получил в результате окончания учебного заведения, указать № диплома или удостоверения
Московский финансовый институт	Международные экономические отношения	1975	1980		Международные экономические отношения Диплом с отличием Г-I № 388739

10. Какими иностранными языками и языками народов СССР владеете английский - свободно
французский - читаю, итальянский - читаю и перевожу со словарем
(читаете и переводите со словарем, читаете и можете объясняться, владеете свободно)
11. Ученая степень, ученое звание кандидат экономических наук
12. Какие имеете научные труды и изобретения
32 публикации общим объемом 16,7 а.л.

Анкета из Личного дела Б.Г. Федорова
(Архив ИМЭМО)



Директору Ресторана
"Теплый стан"
т. Лебедеву А.М.

Уважаемый Александр Михайлович!

Институт мировой экономики и международных отношений АН СССР проводит с 6 апреля 1987 г. международный симпозиум с участием ученых из ВНР.

Просим Вас выделить на указанное мероприятие следующие продукты:

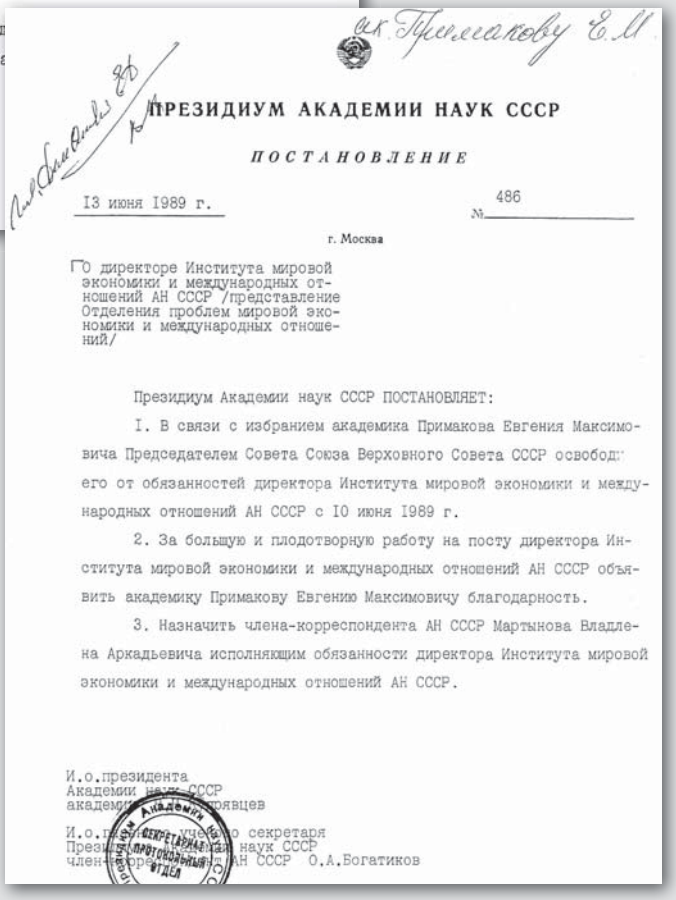
кофе растворимый	- на сумму 18 руб. 90 коп.
чай индийский	- на сумму 3 руб. 00 коп.
печенье	- на сумму 2 руб. 00 коп.
сахар	- на сумму 1 руб. 10 коп.
Итого:	25 руб. 00 коп.

Оплату гарантируем в нат
в Брежневском отделении Госба

Зам.директора Института
Д.И.Н.

Главный бухгалтер

Запрос Дирекции ИМЭМО в ресторан «Теплый стан» о выделении продуктов для проведения советско-венгерского симпозиума. Март 1987 г.
(Архив ИМЭМО)



ак. Примакову Е.М.

ПРЕЗИДИУМ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

13 июня 1989 г. № 486

г. Москва

О директоре Института мировой экономики и международных отношений АН СССР /представление Отделения проблем мировой экономики и международных отношений/

Президиум Академии наук СССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. В связи с избранием академика Примакова Евгения Максимовича Председателем Совета Союза Верховного Совета СССР освободить его от обязанностей директора Института мировой экономики и международных отношений АН СССР с 10 июня 1989 г.

2. За большую и плодотворную работу на посту директора Института мировой экономики и международных отношений АН СССР объявить академику Примакову Евгению Максимовичу благодарность.

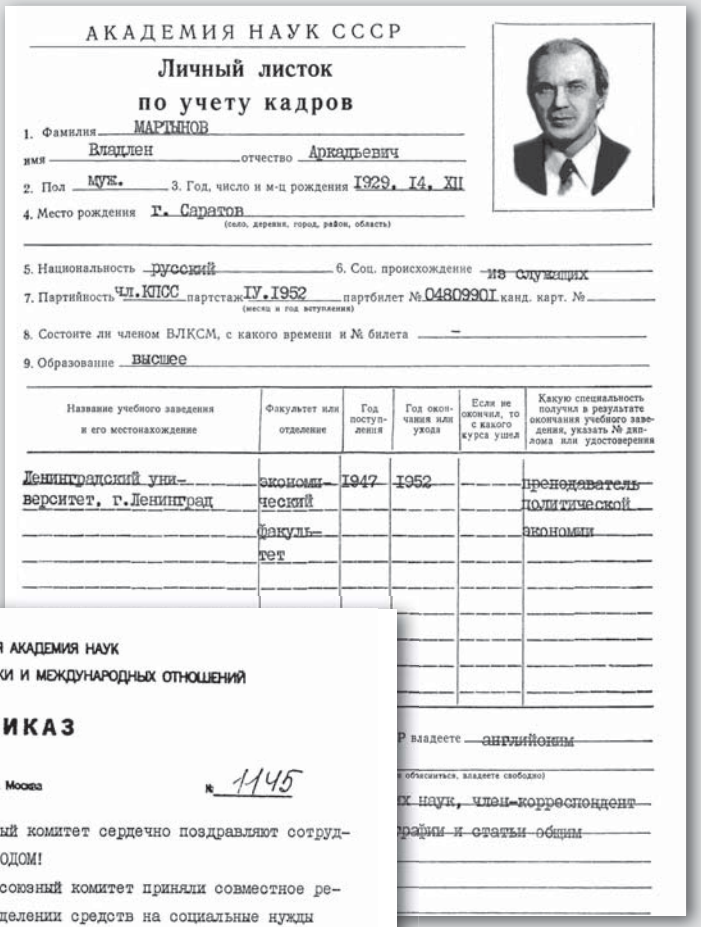
3. Назначить члена-корреспондента АН СССР Мартынова Владлена Аркадьевича исполняющим обязанности директора Института мировой экономики и международных отношений АН СССР.

И.о.президента
Академии наук СССР
академик Е.П.Велихов

И.о. ученого секретаря
Президиума Академии наук СССР
член-корреспондент АН СССР О.А.Богатиков

Постановление Президиума АН СССР от 18 июня 1989 г. об освобождении академика Е.М. Примакова от обязанностей директора ИМЭМО в связи с переходом на работу в Верховный Совет СССР
(Архив ИМЭМО)

Анкета из Личного дела
В.А. Мартынова
(Архив ИМЭМО)



АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Личный листок

по учету кадров

1. Фамилия МАРТЫНОВ
имя Владлен отчество Аркадьевич
2. Пол муж. 3. Год, число и м-ц рождения 1929, 14. XII
4. Место рождения г. Саратов (село, деревня, город, район, область)
5. Национальность русский 6. Соц. происхождение из служащих
7. Партийность чл. КПСС партстаж IУ. 1952 (месяц и год вступления) партбилет № 0480990I канд. карт. №
8. Состоите ли членом ВЛКСМ, с какого времени и № билета –
9. Образование высшее

Название учебного заведения и его местонахождение	Факультет или отделение	Год поступления	Год окончания или ухода	Если не окончил, то с какого курса ушел	Какую специальность получил в результате окончания учебного заведения, указать № диплома или удостоверения
Ленинградский университет, г. Ленинград	экономический факультет	1947	1952	–	преподаватель политической экономии

Р владеете английским

х наук, член-корреспондент

раёми и статьи общим

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ПРИКАЗ

28.12.1992. г. Москва № 1145

Дирекция и профсоюзный комитет сердечно поздравляют сотрудников Института с НОВЫМ ГОДОМ!

Администрация и профсоюзный комитет приняли совместное решение о дополнительном выделении средств на социальные нужды сотрудникам Института в связи со значительным ростом цен на продукты питания, товары первой необходимости и услуги.

На основании совместного решения администрации и профкома

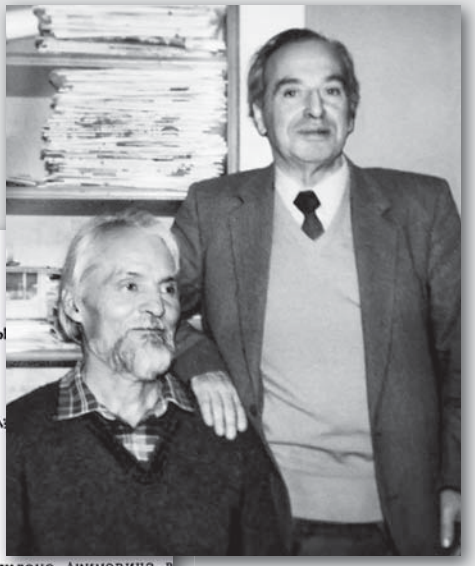
ПРИКАЗЫВАЮ:

предоставить из средств фонда научно-технического и социального развития Института на 1992 г. дополнительную дотацию на питание и транспорт в размере 2000 руб. в декабре с.г. всем штатным сотрудникам Института, включая сотрудников, зачисленных по срочным договорам, трудовым соглашениям (согласно приложения № I) и на неполную рабочую неделю (если это их основная работа, кроме сотрудников, указанных в приложении № 2), временных сотрудников, работающих на декретных ставках, очных аспирантов, женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком до 3-х лет, а также по ходатайству профкома – совместителям, сотрудникам журнала "МЭ и МО вахтерам и прочим, работникам библиотеки, указанным в приложении № 3 к настоящему приказу.

Директор Института В.А.Мартынов

Новогодний приказ
по ИМЭМО.
28 декабря 1992 г.
(Архив ИМЭМО)

Приказ и.о. директора ИМЭМО А.А. Дынкина о командировании В.А. Пухова в Тамбовскую область для закупки продуктов питания для сотрудников Института. Февраль 1992 г. *(Архив ИМЭМО)*



Д.и.н. Э.А. Поздняков и д.и.н. В.И. Гантман. Отдел международных отношений (середина 1980-х гг.)

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫ

ПРИКАЗ

4.02.1992г.

г. Москва

1. Командировать зам.директора Пухова Владилена Акимовича в Тамбовскую область для закупки продуктов для сотрудников Института с 5 по 9 февраля 1992г.

2. Бухгалтерии Института выдать под отчет тов.Пухову В.А. 12 тыс.руб.

И.о.директора Института д.э.н. А.А.Дынкин

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ПРИКАЗ

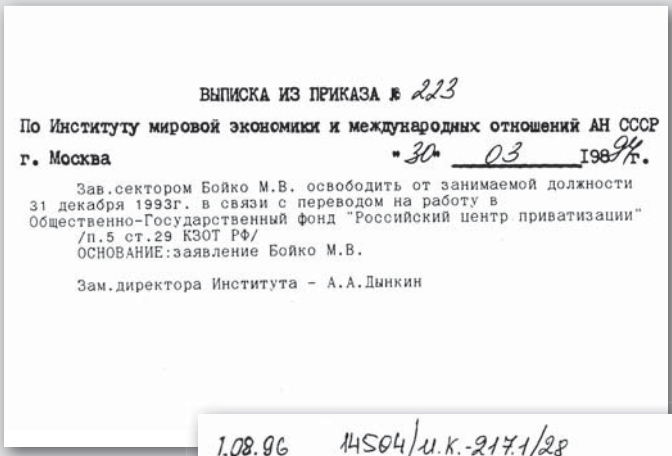
23.01.93г. г. Москва № 49.

Авена Петра Олеговича зачислить (II.047) с I февраля I993 г. в Отдел международных экономических отношений по совместительству на должность и.о. гл.научного сотрудника с окладом I4706 руб. по I6 разряду.

ОСНОВАНИЕ: Заявление Авена П.О.

Директор Института В.А.Мартынов

Приказ о приеме на работу в ИМЭМО П.О. Авена. 21 января 1993 г. *(Архив ИМЭМО)*



ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА № 223

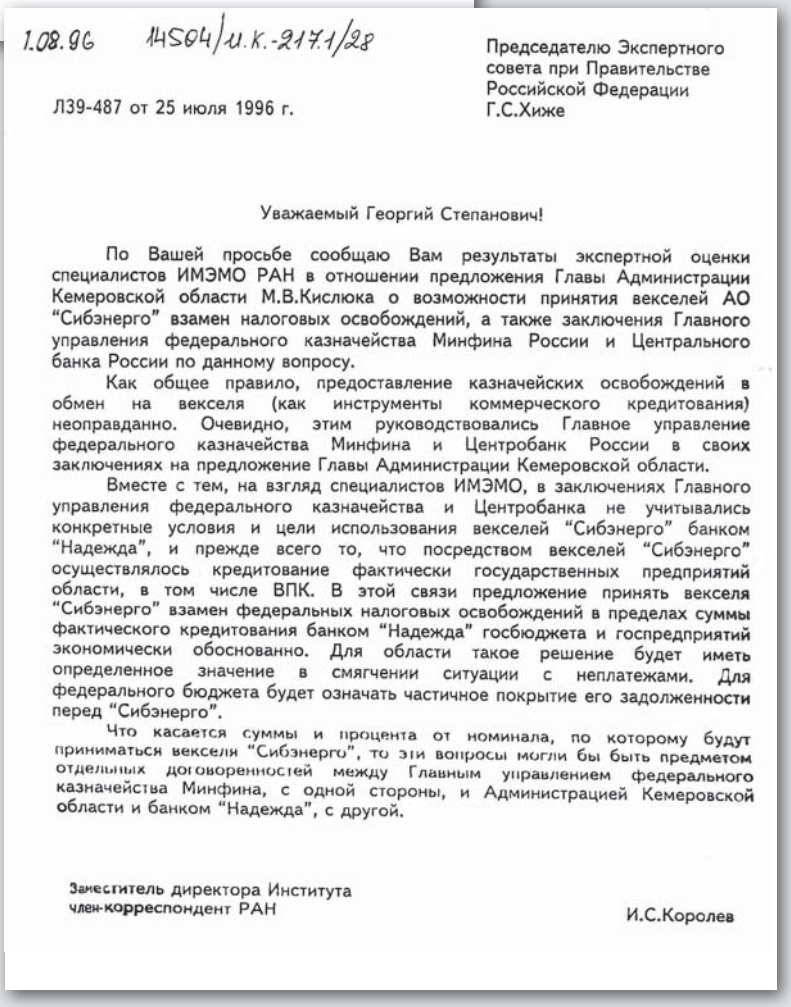
По Институту мировой экономики и международных отношений АН СССР

г. Москва «30» 03 1994г.

Зав.сектором Бойко М.В. освободить от занимаемой должности 31 декабря 1993г. в связи с переводом на работу в Общественно-Государственный фонд "Российский центр приватизации" /п.5 ст.29 КЗОТ РФ/
ОСНОВАНИЕ:заявление Бойко М.В.

Зам.директора Института - А.А.Дынкин

Приказ заместителя директора ИМЭМО А.А. Дынкина о переходе к.э.н. М.В.Бойко на работу в «Общественно-Государственный центр приватизации» *(Архив ИМЭМО)*



1.08.96 14504/И.К.-217.1/28

Председателю Экспертного совета при Правительстве Российской Федерации Г.С.Хиже

Л39-487 от 25 июля 1996 г.

Уважаемый Георгий Степанович!

По Вашей просьбе сообщаю Вам результаты экспертной оценки специалистов ИМЭМО РАН в отношении предложения Главы Администрации Кемеровской области М.В.Кислюка о возможности принятия векселей АО "Сибэнерго" взамен налоговых освобождений, а также заключения Главного управления федерального казначейства Минфина России и Центрального банка России по данному вопросу.

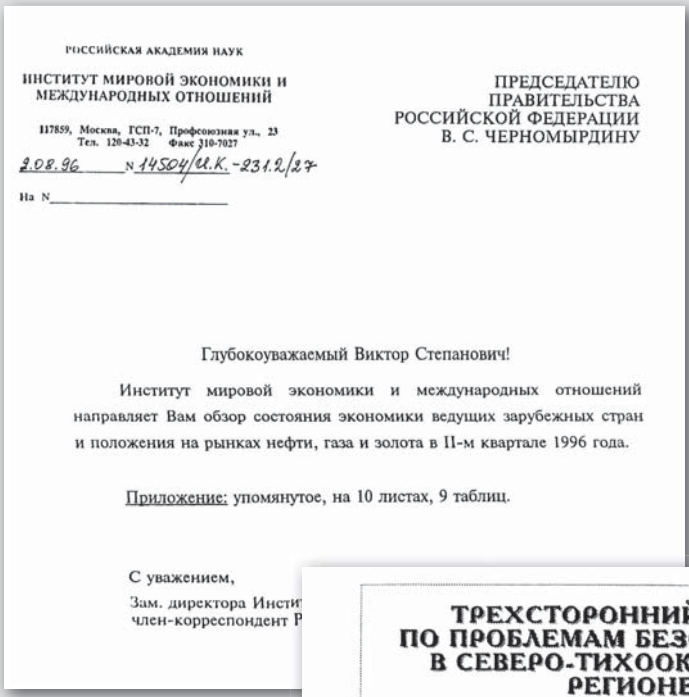
Как общее правило, предоставление казначейских освобождений в обмен на векселя (как инструменты коммерческого кредитования) неоправданно. Очевидно, этим руководствовались Главное управление федерального казначейства Минфина и Центробанк России в своих заключениях на предложение Главы Администрации Кемеровской области.

Вместе с тем, на взгляд специалистов ИМЭМО, в заключениях Главного управления федерального казначейства и Центробанка не учитывались конкретные условия и цели использования векселей "Сибэнерго" банком "Надежда", и прежде всего то, что посредством векселей "Сибэнерго" осуществлялось кредитование фактически государственных предприятий области, в том числе ВПК. В этой связи предложение принять векселя "Сибэнерго" взамен федеральных налоговых освобождений в пределах суммы фактического кредитования банком "Надежда" госбюджета и госпредприятий экономически обоснованно. Для области такое решение будет иметь определенное значение в смягчении ситуации с неплатежами. Для федерального бюджета будет означать частичное покрытие его задолженности перед "Сибэнерго".

Что касается суммы и процента от номинала, по которому будут приниматься векселя "Сибэнерго", то эти вопросы могли бы быть предметом отдельных договоренностей между Главным управлением федерального казначейства Минфина, с одной стороны, и Администрацией Кемеровской области и банком "Надежда", с другой.

Заместитель директора Института
член-корреспондент РАН И.С.Королев

Экспертное заключение ИМЭМО в Правительство Российской Федерации от 25 июля 1996 г. *(Архив ИМЭМО)*



РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

117859, Москва, ГСП-7, Профсоюзная ул., 23
Тел. 120-43-32 Факс 310-7027

2.08.96 N 14504/И.К.-231.2/27

На N

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ
ПРАВИТЕЛЬСТВА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В. С. ЧЕРНОМЫРДИНУ

Глубокоуважаемый Виктор Степанович!

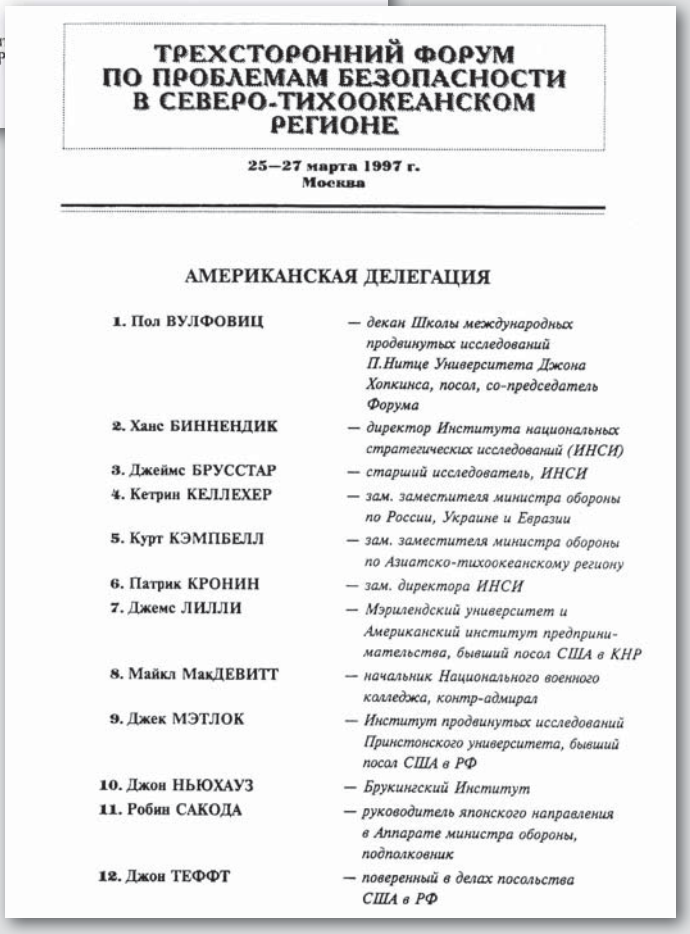
Институт мировой экономики и международных отношений направляет Вам обзор состояния экономики ведущих зарубежных стран и положения на рынках нефти, газа и золота в II-м квартале 1996 года.

Приложение: упомянутое, на 10 листах, 9 таблиц.

С уважением,

Зам. директора Инсти
член-корреспондент Р

Титульный лист
записки ИМЭМО
от 2 августа 1996 г.
на имя председателя
правительства России
В.С. Черномырдина
(Архив ИМЭМО)



ТРЕХСТОРОННИЙ ФОРУМ ПО ПРОБЛЕМАМ БЕЗОПАСНОСТИ В СЕВЕРО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

25–27 марта 1997 г.
Москва

АМЕРИКАНСКАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ

1. Пол ВУЛФОВИЦ	— *декан Школы международных продвинутых исследований П.Нитце Университета Джона Хопкинса, посол, со-председатель Форума*
2. Ханс БИННЕНДИК	— *директор Института национальных стратегических исследований (ИНСИ)*
3. Джеймс БРУССТАР	— *старший исследователь, ИНСИ*
4. Кетрин КЕЛЛЕХЕР	— *зам. заместителя министра обороны по России, Украине и Евразии*
5. Курт КЭМПБЕЛЛ	— *зам. заместителя министра обороны по Азиатско-тихоокеанскому региону*
6. Патрик КРОНИН	— *зам. директора ИНСИ*
7. Джемс ЛИЛЛИ	— *Мэрилендский университет и Американский институт предпринимательства, бывший посол США в КНР*
8. Майкл МакДЕВИТТ	— *начальник Национального военного колледжа, контр-адмирал*
9. Джек МЭТЛОК	— *Институт продвинутых исследований Принстонского университета, бывший посол США в РФ*
10. Джон НЬЮХАУЗ	— *Брукингский Институт*
11. Робин САКОДА	— *руководитель японского направления в Аппарате министра обороны, подполковник*
12. Джон ТЕФФТ	— *поверенный в делах посольства США в РФ*

Состав
американской делегации
наТрехстороннем (Россия,
США, Япония) форуме по
проблемам безопасности
в Северо-Тихоокеанском
регионе, организованном
ИМЭМО.
25–27 марта 1997 г.
(Архив ИМЭМО)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

117859, Москва, ГСП-7, Профсоюзная ул., 23
тел. 120-43-32 Факс 310-70-27

N 14504/В.М-412.3/1

На N _____

Министру обороны
Российской Федерации
РОДИОНОВУ И. Н.

Уважаемый Игорь Николаевич!

25-27 марта с. г. в Москве намечено проведение очередного (4-го) Трехстороннего Форума (Россия, США, Япония) по проблемам безопасности в северной части Тихого океана. Проведение Форума поддерживается Министром иностранных дел РФ Примаковым Е. М. В нем принимают участие крупные государственные деятели этих стран на уровне министров и зам. министров, послов, военачальников высокого ранга, видных ученых и общественных деятелей. Координация работы российской делегации поручена ИМЭМО.

Цель Форумов - содействовать неформальному и конфиденциальному обсуждению наиболее острых экономических, политических и военных проблем региона для выработки направлений совместного сотрудничества. По итогам работы Форумов разрабатываются рекомендации высшим политическим органам участвующих стран. Первый раунд Форумов, прошедших поочередно в Токио, Москве и Вашингтоне в 1994-1995 гг., доказал эффективность этих встреч. От Министерства обороны в них участвовал генерал-полковник Журбенко В. М., от Федеральной пограничной службы директор генерал армии Н

Прошу Вас рекомен
стерства обороны и Ген
включения в состав росси

С глубоким уважени

академик В. А. Март
Директор ИМЭМО

Письмо директора ИМЭМО министру обороны России И.Н. Родионову. Март 1997 г.

ПРЕЗИДЕНТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ТЕЛЕГРАММА

Прием: 14 го 1204 час. мин.

Для заметок адресата

Бланк № 000911

Принял: 13

ТЕЛЕГРАММА

МОСКВА 73/23005 108 14/12 1200=

ПРЕЗИДЕНТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ УВЕДОМЛЕНИЕ ТЕЛЕГРАФОМ
МОСКВА Ч18 УЛ ПРОФСОЮЗНАЯ Д 23 ИМЭМО РАН В. А. МАРТЫНОВУ=

УВАЖАЕМЫЙ ВЛАДЛЕН АРКАДЬЕВИЧ ВСКЛ
СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЮ ВАС С 70-ЛЕТИЕМ ВСКЛ
ТАЛАНТЛИВЫЙ УЧЕНЫЙ, ВЫ ВНЕСЛИ ЗНАЧИТЕЛЬНЫЙ ВКЛАД В РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ. ВАШИ ИССЛЕДОВАНИЯ ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ И ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОГО ЗАПАДНОГО ОБЩЕСТВА ПОЗВОЛИЛИ ВЫРАБОТАТЬ НОВЫЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ЭВОЛЮЦИИ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СТРУКТУР И ОТНОШЕНИЙ СОБСТВЕННОСТИ, СПОСОБСТВОВАЛИ ШИРОКОМУ ПОНИМАНИЮ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ, ТАК АКТУАЛЬНЫХ СЕГОДНЯ ДЛЯ НАШЕГО ОБЩЕСТВА. ВИДНЫЙ ПЕДАГОГ, ВЫ ВОСПИТАЛИ БЛЕСТЯЩУЮ ПЛЕЯДУ УЧЕНИКОВ, КОТОРЫЕ, УВЕРЕН, СОХРАНЯТ И ПРИУМНОЖАТ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ.
ЖЕЛАЮ ВАМ, УВАЖАЕМЫЙ ВЛАДЛЕН АРКАДЬЕВИЧ, КРЕПКОГО ЗДОРОВЬЯ, СЧАСТЬЯ И ВСЕГО САМОГО ДОБРОГО ВСКЛ=Б. Н. ЕЛЬЦИН НР-ПР-1621-
НННН 1204 14.12 0013

Поздравительная телеграмма Б.Н. Ельцина академику В.А. Мартынову в связи с 70-летием. 14 декабря 1999 г. *(Архив ИМЭМО)*

Надежда Васильевна Ефимова,
заведующая архивом ИМЭМО
в 1970-е – 2000-е гг.

Архив ИМЭМО РАН
(фото 2015 г.)

«В стремлении преодолеть догматическое мышление, навязываемое официальной идеологией, большую роль сыграл Институт мировой экономики и международных отношений... ИМЭМО занимает особое место среди академических институтов гуманитарного профиля своей близостью к практике, к структурам, вырабатывающим политическую линию».

Академик Евгений ПРИМАКОВ

ВЕСЬ МИР

www.vesmirbooks.ru